

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929179 3

(cellar)
15 B7

*QCA

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ТОМЪ СХХV.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ,
ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

---

*Ἐπεὶ δὲ τίς ἀσχερὸν, τὸ ἴδιόν μὴ δύνασθαι περὶ
ἑαυτοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγενημένων ἀνδράων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὀμοίαν καταλειπομένην τῶν
το ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

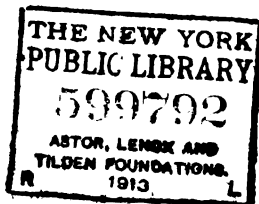
Βασκιά. ἀπὸ Χερσίου. IV, 8, 9.

ТОМЪ СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

САМЪИТЪКРЕУРГЪ.

1884.

ПЕЧАТАТЬ ПОВЗОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
6 мая 1854 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТА ОТДѢЛЕНІЯ КНИЖНОГО ДЕЛА ВНУТРЕН. СТРАНИ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

=

СОЧИНЕНІЕ АВТОРА „НАСЛѢДСТВА“.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

У Анны Павловны были два или три музыкальные вечера, великолѣпные, но совсѣмъ не веселые. Роскошь подавляла принужденность. Блескъ омрачалъ удовольствіе. Викторъ Ивановичъ любилъ разыгрывать роль лорда и пера Вандербригана съ полу-милліонномъ фунтовъ годового дохода. Онъ былъ того мнѣнія, что, у него, или должно все быть великолѣпно или вовсе не быть. Под-герцога было создано

на эти вечера, это торжество гевія великихъ модистокъ, швей, портныхъ, великихъ парикмахеровъ и ювелировъ, передъ которыми гевій великихъ артистовъ и композиторовъ сдѣлалъ страшное фiasco. Въ этой слишкомъ блестящей и слишкомъ разнородной толпѣ, занятой предпочтительно своимъ мелкимъ тряпочнымъ тщеславіемъ и невнимательной къ самолюбію разума и таланта, артисты чувствовали себя не на-мѣстѣ и не въ духѣ. Вся находчивость Анны Павловны, вся грація Лизы, все англійское гостепріимство и русское радушіе Виктора Ивановича не могли одушевить ихъ. Музыка погибла въ шопотъ паркетныхъ любезностей, въ шумъ нескромныхъ разговоровъ, въ варварствѣ щегольства и свѣтскости.

— Здѣсь ничего не слышно! слишкомъ много брилліантовъ и золота!... сказалъ Карлъ Брюловъ, вставая съ мѣста вполонивъ піесы Сервѣ и уходя въ кабинетъ хозяина, съ намѣреніемъ броситься въ объятія прелестной гавайской сигарки.

Величественные ужины, которые составили бы славу Вателей и Каремовъ, еслибы эти повара уже давно не были бессмертными, довершили убійство удовольствія блескомъ.

Лиза, принужденная быть счастливою и веселою, умирала отъ скуки и отъ изнеможенія, но съ такою прелестною улыбкою, что нельзя было не завидовать ея блаженству. Анна Павловна и Викторъ Ивановичъ были вполнѣ довольны ея признательностью.

Александръ — классическое чудовище! — не былъ ни на одномъ изъ этихъ вечеровъ. У любезной мадамъ Р***, по субботамъ, онъ также не показывался. Несмотря на двѣ образцовыя записочки Анны Павловны, которая обладала гевіемъ записочекъ, онъ не сдѣлалъ чести этой музыкѣ удостоить ее своего присутствія. Разъ или два онъ заѣзжалъ къ Мечневымъ, но, явственно выбиралъ такое время, когда никого дома не было.

— Этакой упрямецъ!... дуется!... а любить насъ!... хотѣлъ бы быть съ нами... а прячется!... я радъ, что не-крайней-мѣрѣ наша Лиза весела и наслаждается отъ всей души, говорилъ съ удивительною тонкостью взгляда жемѣ пронипательный Викторъ Ивановичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, куда же пропалъ Александръ? Того, что онъ дѣлалъ, что думалъ, что чувствовалъ во все это время, исторія не знаетъ донынѣ. Событія этихъ любовныхъ трехъ недѣль скрываются во мракѣ временъ, какъ говорятъ мужчины въ своихъ романахъ, исторіей называемыхъ. Мои ретроспективныя изслѣдованія доставили мнѣ только слѣдующіе факты, которыхъ достовѣрность (слогъ мужчинъ) будетъ, я надѣюсь, утверждена здравомыслящею историческою критикою.

Восходя обратно до самыхъ древнихъ временъ — до вечера у Сборовыхъ — усматривается, что москѣ Александръ убѣжалъ отъ зловредной Вѣры Николаевны какъ угорѣлый. Онъ бросился въ переднюю, на лѣстницу, въ сѣни, на крыльцо, въ сани, разстроенный, блѣдный, уничтоженный: страшная буря страстей поднялась въ этомъ красавцѣ, на шлѣ холодномъ и разсудительномъ; всѣ его чувства, надежды, соображенія, планы, всѣ его понятія о женщинахъ и женскомъ сердцѣ были опрокинуты вверхъ ногами. Это видѣли; на это есть свидѣтельницы, заслуживающія всякаго довѣрія со стороны читателей. За пол-часа передъ тѣмъ, когда Вѣра ему улыбалась, женщина казалась ему существомъ неземнымъ, вылитымъ изъ теплоты, радуги и благоуханія, идеаломъ всего прекраснаго въ природѣ, вещественно и нравственно, восхитительнымъ цвѣткомъ, сокровищемъ, счастьемъ. Когда Вѣра, съ искусственнымъ равнодушіемъ, надежнѣйшимъ щитомъ женщины, которымъ мы должны умѣть закрываться чтобы не погибнуть отъ перваго удара льстивыхъ враговъ нашихъ, когда умница Вѣрочка отвернулась отъ него, когда она ловко ускользнула отъ этой мужской пасти, уже разверзавшейся жадно и алчно на позраніе ея молодости, свободы, здоровья, беззаботливости, совѣстно сказать какъ сталъ онъ думать о женщинахъ: женщина представилась ему тогда змѣею, червою какъ измѣна, коварною какъ загадка, опасною какъ хелера—которой онъ ужасно боялся — тряпкою, вѣтромъ, обманомъ, ничтожествомъ. Это также достовѣрно. Всѣ они такковы! Но что было далѣе, когда онъ пріѣхалъ домой, когда вошелъ въ свой кабинетъ?.. Сознаюсь, что намъ,

женщинамъ, чрезвычайно трудно наблюдать и описывать то, что дѣлають у себя на-единѣ влюбленные мужчины, которымъ любовь не удается. Одного только такого мужчину имѣла я случай наблюдать, и то въ замочную скважину двери. Онъ былъ ужасно смѣшонъ. Воѣжавъ въ свой кабинетъ, со шляпою на головѣ, онъ остановился посерединѣ комнаты и, казалось, призадумался. Потомъ вдругъ сорвалъ шляпу съ головы, швырнулъ ее въ уголъ комнаты, на какой-то диванчикъ, и сталъ разстегивать перчатки. Работа шла не удачно; онъ изорвалъ перчатки въ куски и бросивъ ихъ туда же, закричалъ: «Кто тамъ?... зачѣмъ здѣсь никого нѣтъ?» Въ это мгновеніе слуга вошелъ съ подносомъ, на которомъ находился чайный приборъ и горячій чай. «Я здѣсь, отиѣчалъ камердинеръ, становя поднось на столикъ: побѣждалъ только въ буфетъ за чаемъ.» Влюбленный господинъ сердито топнулъ ногою, далъ пинка столу, и опрокинулъ столикъ, свѣчи, поднось и чай на коверъ, къ великому испугу слуги, который тотчасъ бросился подбирать подсвѣчники, чашки и чайники. «Зачѣмъ ты здѣсь? кричалъ влюбленный: кто тебѣ велѣлъ подавать чай?»—«Вы всегда изволите кушать чай, возвратясь домой, смиренно оправдывался слуга: вы сами изволили приказывать...»—«Зачѣмъ вы не спите до-сихъ-поръ?... пошли спать!... тотчасъ!... чтобы здѣсь и духу вашего не было слышно.... Зачѣмъ стоишь?...—«Можетъ-быть вамъ, сударь, будетъ угодно раздѣваться...» — «Вонъ!... Запирай дверь!» Слуга удалился и занеръ дверь кабинета. Влюбленный, все по-прежнему стоялъ посерединѣ комнаты. Онъ запустилъ обѣ руки въ свои волосы и поднялъ ихъ кверху въ видѣ китайской башни, въ знакъ отчаянія. Спусти двѣ три минуты онъ подошелъ къ зеркалу: черты его были взрыты, глаза мертвы, лицо страшно; вся физиономія показывала глубокое внутреннее страданіе. Миѣ стало немножко жаль этого молодого человѣка, хотя его мужская гордость и не хотѣла совнаться въ томъ, что это печальное состояніе было дѣйствіемъ глубокаго расстройства сердца, и старалась принисать бѣду расстройству желудка: потому-что влюбленный, увидавъ свое лицо, сперва почувалъ у себя пульсъ, потомъ выслушалъ явныя

передъ зеркаломъ, осматрѣлъ этотъ органъ съ большою критикосою, и закурилъ сигару — верховное мужское лекарство противъ всѣхъ невгодъ души, тѣла и судьбы. Съ этимъ негуманнымъ оружіемъ во рту, онъ усѣлся въ кресла противъ письменнаго стола — пускалъ струи дыму для наблюденій надъ своенравнымъ движеніемъ его въ воздухѣ — размышлялъ о чемъ-то очень глубоко — и вдругъ ударилъ сильно кулакомъ по столу и воскликнулъ: «Проклятіе!... жей я дуракъ!... какъ мнѣ было не замѣтить того что...» Молчаніе, и струи дыму. «Нѣтъ ужъ впередъ, надѣюсь, не влюблюсь я ни въ одну изъ васъ, сударыни!... не стѣить!... Пришелъ же въ голову такой вздоръ!...» Молчаніе. «Кокетка! ну, просто кокетка!... дрянъ!... ледъ!... Ужъ когда я не раскалилъ ся сердца!...» Онъ бросилъ сигару и, схватившись обѣими руками за пылающую голову, облокотился на столъ и началъ плакать — рыдать какъ ребенокъ — рвать волосы на головѣ. Жалко было смотрѣть на эту побѣжденную, униженную и лежащую спиной, которая, казалось, умоляла не бить ея, пощадить, простить. Но вдругъ спиной встrepенулась, встала, и начала гордо ходить по комнатѣ большими шагами. Я слышала слова: «Ну, стѣить ли!... что жъ она такое!... женщина, и болѣе ничего!... Я презираю... да! я презираю... эту пустую дѣвчонку... Дрянюшка!.. тряпка!.. кокетка!.. ужасная кокетка!.. такая кажись добродушная.... и такая коварная!... К чему она мнѣ?... к чему всѣ онѣ, подобныя ей?... Нѣтъ, ужъ впередъ...» Онъ скинулъ съ себя фракъ и задумался; потомъ побѣжалъ къ письменному столу, схватилъ перо и началъ писать... видно, посланіе къ безцѣнной дрянюшкѣ. Писалъ онъ, и рвалъ; рвалъ и писалъ, и слезы ручьемъ текли по лицу.... У меня шея заболѣла отъ психологическихъ наблюденій въ ключевую дырочку, и я оставила несчастнаго влюбленнаго, который, какъ я знаю, не прилежъ во всю ночь. На другой день онъ являлъ видъ вставшаго изъ могилы мертвеца. Когда мы спрашивали его о причинѣ, онъ увѣрялъ насъ, что вчера вечеромъ съѣлъ.... мы подхватили: грибъ!... нѣтъ, возвратилъ онъ, три сотни устриць, съ двумя вѣрными пріятелями, и это бросило его въ жаръ.... въ устрицахъ, говорятъ,

бездна фосфору.... и немножко разстроило, но пройдет—ничего — тѣмъ болѣе, что онъ далъ себѣ слово впередъ не любить устриць.

Пріятельница Анны Павловны, почтеннѣйшая Аграфена Карповна Подметкина, которая знаетъ все что дѣлается въ городѣ и кругомъ города на двадцатипяти верстахъ въ радіусѣ, увѣряла меня положительно, что по возвращеніи отъ Сборовыхъ Александръ Петровичъ дѣлалъ, думалъ и восклицалъ точь-въ-точь то же что и этотъ влюбленный господишъ, съ тою только разницею, что чаю онъ не опрокинулъ наземь, но, прогнавъ камердинера, выпилъ стакана три съ отчаянія — страсти человѣческія высказываются такъ различно!—и, прорыдавъ съ пол-часа, заигралъ на скрипкѣ очень печально. Слезы капали на резонансовую доску, рука дрожала, игра совершенно выходила изъ правилъ строгаго классицизма: невольно слышались въ ней волненія души, бьенія сердца, чувство, страсть — шарлатанство!... какъ говоритъ строгая школа. Лишь только Александръ примѣтилъ это, онъ съ ужасомъ положилъ скрипку обратно въ ящикъ и началъ ходить или, точнѣе, бѣгать по комнатѣ. Онъ былъ истинно и глубоко несчастный. Сколько онъ написалъ записокъ къ коварной Вѣрѣ Николаевнѣ, съ точностью неизвѣстно; но достоверно то, что сто разъ клялся онъ, что ея не любитъ, не хочетъ любить, не увидитъ болѣе—что она не стоить такой страстной любви и тѣхъ жестокихъ мученій, которыя эта любовь причиняетъ ему — что онъ ее презираетъ — терпѣть не можетъ — не навидитъ; и сто разъ мысленно стоялъ передъ нею на колѣняхъ, благоговѣя передъ ея прелестями, совершенствами, добродѣтелями, и умоляя объ одномъ ласковомъ взглядѣ, объ одной снисходительной улыбкѣ. Было одно мгновеніе, что онъ обдумывалъ, какъ бы ей отомстить, истерзать ее, слабую и беззащитную, довести до отчаянія, уничтожить.... Эти мужчины, въ своихъ нѣжныхъ страстяхъ, настоящіе Готтентоты! Жалко подумать, что мы должны любить безъ памяти, обожать, такихъ чудовищъ. Въ заключеніе, прекрасное чудовище, развязывая галстухъ передъ зеркаломъ, рѣшило окончательно, что Вѣ-

ра нестерпимая кокетка, и дало себѣ слово, что впередъ она не поймаетъ его; послѣ чего бросилось на постель, заложило руки подъ голову, и думало, думало, думало, пока не начало дремать.

Благодѣтельный сонъ успокоилъ страшную бурю, которая такъ долго терзала его, и пріятное видѣніе... но какое видѣніе!.. Мужчины много пишутъ о мечтѣ, но мечтать вовсе не умѣютъ. Днемъ мечта имъ нужна только для рѣшмы. Передъ сномъ они видятъ только деньги, чины или козыри. Но когда спать, когда всѣ расчеты смолкнуть, мечта иногда слетаетъ и на нихъ на розовыхъ крыльяхъ, окруженная золотымъ туманомъ. Сонъ безпристрастенъ, и хочетъ, чтобы и они бѣдняжки были иногда счастливыми. Видѣніе Александра Петровича было нѣсколько запутанное, перевитое думами, которыя долго волновали его наяву. Онъ видѣлъ всё квартеты... но какіе!.. квартеты исполненные въ неземномъ совершенствѣ, съ дружностью совсѣмъ нечеловѣческою, безъ малѣйшаго признака страсти или увлеченія, какъ разыгрываются этого роду піесы лишь за облаками. Послѣднимъ былъ квартетъ Бетховена, въ *mi-bémol*, одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Александръ Петровичъ игралъ такъ чисто и такъ вѣрно, какъ въ сей юдоли плача и не играютъ. Съ послѣднимъ аккордомъ, онъ и товарищи его вскочили, внѣ себя отъ восхищенія, спрашивая другъ друга, есть ли на землѣ счастье выше этого. Вдругъ, откуда не вольмись, Вѣра Николаевна, въ бальномъ нарядѣ и блестящая какъ солнце. Она слетѣла, изъ дальнихъ странъ эверныхъ, на облакѣ кружевъ, которыя свистѣли въ воздухѣ, еще дрожавшемъ звуками послѣдняго такта.

— Чтѣ вы это дѣлаете? сказала она, съ презрѣніемъ взглянувъ на юпитры и на бетховенскія ноты: вы играете... вы разбираете эту скуку?... а я безъ васъ плачу... я уснуть не могу... я несчастна...

И она улыбулась ему такъ заоблачно, такъ свѣтло и тепло, что Александръ Петровичъ весь растаялъ. Онъ хотѣлъ схватить ее руками, прижать къ сердцу, поцѣловать: потому что эта улыбка, эти губки, явственно выманивали поцѣлуй... но она исчезла, и въ рукахъ у него остался только

кусочек дорогой уряпки... кружева. Онъ искалъ ее взоромъ въ воздухъ. Нѣтъ видѣть ни слѣда волшебницы! Онъ идетъ къ своему пиюатру, хочетъ убрать пятую тетрадь несравненнаго квартета... Что это?... не тетрадь, а тяжелый гребенчатый камень!... Съ большимъ трудомъ отворачиваетъ онъ его... о! ужасъ!... тамъ Вѣра Николаевна кокетничаетъ съ Модеративнымъ, который у ногъ ея отрекается отъ Бетховена. Вся кровь закипѣла въ Александрѣ Петровичѣ. Онъ бѣжитъ не полю... Какая-то долина... горы... рѣка... по рѣкѣ плаваютъ блюда съ странными кушаньями и та же самая ужасная тарелка, на которой за ужиномъ коварная Вѣра Николаевна показывала ему картину счастья у швейцарской хижимы... За рѣкою, на роскошномъ лугу, усыпанномъ чуднѣйшими цвѣтами, стоитъ диванъ... на диванѣ сидятъ самымъ мирнымъ сномъ огромная лилія, бѣлая, свѣжая, невинная... нѣтъ!... не лилія, а Лиза, прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ, свѣжѣе и невиннѣе всѣхъ лилей. Едва узналъ на нее взоръ Александра Петровича, она проснулась.

— Что это! вы спали подъ квартетъ Бетховена!... сказали онъ съ негодованіемъ.

— Успокойтесь, отвѣчала она съ кроткою улыбкой: я все слышала. Меня принесъ сюда самъ Бетховенъ... вотъ онъ здѣсь... подъ диваномъ.

Александръ проснулся, и, протирая глаза, спрашивалъ у себя, сонъ ли это или дѣйствительность. Но онъ тотчасъ заснулъ снова и уже ничего не грезилъ; потомъ утромъ, когда онъ вставалъ, ему пришли на умъ всѣ эти странныя видѣнія. Образъ Лизы, погруженной въ блаженный сонъ невинности, очаровалъ его совершенно. Надѣвъ одинъ сапогъ и держа другой въ рукахъ, онъ цѣлыя сорокъ пять минутъ просидѣлъ на краю постели въ глубокомъ размышленіи о прелестяхъ и совершенствахъ этой доброй дѣвушки, этой тихой и сладкой души. Онъ сравнивалъ ее съ Вѣрою: какая разница!... можно ли естественную розу сравнивать съ искусственною, какъ бы хитро ни была сдѣлана послѣдняя? На счетъ ума, тонкости, проникательности, Лиза, оказавъ не совѣсти, не уступить ни въ чемъ Вѣрѣ. «Право, я не вижу, продолжалъ думать Александръ»

Петровичъ, чѣмъ Лизаньна хуже Вѣры! Чудная, несравненная дѣвушка!... другой такой навѣрное нѣтъ на свѣтѣ. Жаль только, что она — такая льдишка... никого не любитъ! Съ тѣхъ поръ какъ ее знаю, я не видалъ ее влюбленною ни одного разу... Она ни кѣмъ не занимается!... А счастливы были бы тотъ, кто бы разогрѣлъ это сердце! Жена была бы чудесная... кроткая, преданная, послушная... а это главное!... (Чудовище!.. родился жить подъ башмакомъ у жены, а какъ рассуждаетъ!)... Забавно, какъ я рассердился на нее, во снѣ, за то, что она спала во время такого чудеснаго квартета... Но отъ нея это станется, пожалуй, и наяву. Чего ждать отъ ребенка, подобно ей неименнающаго ни сокровищъ искусства, ни употребленія, которое можно изъ нихъ сдѣлать? Зачѣмъ я, срашиваюся, всегда держалъ себя такъ далеко отъ нея?... Глухо!... Съ нею мнѣ нечего было опасаться... Какое тутъ опасеніе?... тѣмъ болѣе, что я всегда искренно любилъ ее!.. Вѣсто того чтобы удалиться отъ нея, не лучше ли было бы сблизиться съ этимъ плѣнительнымъ существомъ, просвѣтитъ его, указать ему надлежащій путь въ музыкѣ!...

Онъ быстро надѣлъ второй сапогъ, позавтракалъ, и вышелъ изъ дому съ геройской рѣшимостью не видать Вѣры и сблизиться съ Лизою. Около обѣденнаго времени, подѣвкая къ дому Мечневыхъ, онъ уже ненавидѣлъ Вѣру и думалъ объ одной Лизѣ — думалъ съ преданностью — съ восторгомъ — надѣялся увидѣть въ ней вскорѣ—лишь только она пойметъ его теорію — свѣтлѣйшій идеалъ женщины. Лиза принадлежала ему по праву какъ нареченная сестра и какъ ученица. Когда Лиза кончила великое дѣло, называемое воспитаніемъ, когда отъ нея отстали, одинъ за другимъ, все учителя, и остался одинъ учитель музыки—этотъ только назывался учителемъ, обязанности же его исполнялъ Александръ. Онъ имѣлъ самое прямое вліяніе на ея занятія. Лиза усердно слушала его совѣты, согласовала ихъ по возможности съ своими чувствами, даже и то, что не противилось домашнему образу мыслей, обычаямъ и вкусу ея семьи, и те она заботливо удерживала въ памяти. Такая добрая воля, такое послушанье, усердіе, стараніе, мог-

ли бы удовлетворить всякую взыскательность; но Александръ такъ любилъ Лизу, такъ чистосердечно желалъ ей пользы, что никогда не былъ доволенъ и все требовалъ болѣе. Онъ безпрестанно бранилъ ее, въ доказательство своей преданности. Да, по правдѣ, и было за что! Сколько разъ заставлялъ онъ ее врасплохъ на горячемъ преступленіи, за дѣломъ, несказаннымъ словами, неслышаннымъ ушами: то за подькой, которую она повторяла, чтобы потомъ позабавить маленькихъ племянниковъ; то за опернымъ номеромъ, который былъ особенно пріятенъ превратному вкусу Виктора Ивановича; то за вещицей, ничтожною въ сущности, но посвященною Лизѣ, и которую, слѣдовательно, надо было играть, чтобы не обидѣть сочинителя. Бывали піесы, слишкомъ трудныя для Лизы, а между-тѣмъ она упрямо ихъ разучивала, потому что онѣ вызывали пріятныя воспоминанія. Всѣ эти ужасы, и еще многіе другіе, давали Александру право говорить:

— Бѣдная Лиза! право, жаль!..... такой достойный, такой умный ребенокъ: и съ такимъ дурнымъ направленіемъ! Нельзя оставлять ее: мои совѣты, серіозное изученіе, образцовыя произведенія еще могутъ раскрыть ей глаза....

Почти съ такими же мыслями пошелъ онъ и теперь къ Мечневымъ, и, еще говоря о любви Лизѣ, хотѣлъ довести ее до того, чтобы она сама созналась, какъ гѣсна, какъ мелочна музыкальная сфера, въ которой она жила; надѣялся пробудить въ ней потребность расширить, увеличить эту сферу богатствами, которыя ей предлагалъ, сокровищами, къ которымъ могъ дать ей доступъ. Вотъ съ какими похвальными намѣреніями Александръ пришелъ къ безцѣнному своему Виктору Ивановичу. Заслуживалъ ли онъ бѣду, какую надѣлалъ самъ? Могъ ли предвидѣть, какъ разстанется съ нимъ? Но Александръ небоялся такихъ бѣдъ, и всегда пошелъ бы къ нимъ на встрѣчу: онъ только душевно сожалѣлъ, что Мечневы, такіе прекрасные люди, разсудительные во всемъ прочемъ, всегда расходились съ нимъ въ вопросѣ о музыкѣ и могли довести его до ссоры.

И вы знаете, какимъ бѣдствіемъ кончился неудачный опытъ Александра сблизиться съ Лизой. Ссора съ Викторомъ

Ивановичемъ вконцѣ обѣда была страшнѣйшимъ ударомъ, какой могла испытать и вынести теперь его измученная, истерзанная душа. Онъ только-что примѣтилъ, что Лиза къ нему неравнодушна — что она вовсе не льдинка — только-что начиналъ любить ее правильно, широко, классически — свѣтлая будущность уже видѣлась ему вдали — какъ эта злополучная ссора снова отбросила его во тьму и хаосъ. Онъ совершенно растерялся, и, по возвращеніи домой, былъ почти боленъ. Черная грусть овладѣла имъ до основанія. Какъ бытъ! что дѣлать? куда дѣвать эту страсть, которая жметъ и пожираетъ его? Прежде онъ ея не чувствовалъ, пока горизонтъ былъ чистъ и вверху сіяла надежда; но лишь только налетѣло темное облако неизвѣстности, лишь только страсть столкнулась съ сомнѣніемъ и препятствіями, она бросилась на него — какъ всегда бываетъ — съ остервененіемъ голодной и раздраженной гѣны. Голова у Александра шла кругомъ. Онъ уже готовъ былъ влюбиться — уже рѣшительно былъ влюбленъ въ Лизу, на зло Вѣру — но, за Викторомъ Ивановичемъ, нѣтъ возможности любить Лизы!... Такъ на зло Виктору Ивановичу онъ опять влюблялся въ Вѣру: но Вѣра явственно играетъ его сердце и счастіемъ — Вѣра коварна и жестока — Вѣра вѣтренница, эгоистка, кокетка: какъ можно любить Вѣру!... А между-тѣмъ любовь влилась въ сердце змѣею и сосетъ кровь его, гложетъ внутренности, душитъ въ горахъ. Положеніе, согласитесь, ужасно драматическое — одно изъ тѣхъ, которыя прежде называли «раздирательными». Александръ Петровичъ не видѣлъ выхода изъ этого египетскаго лабиринта.

Друзья, которые его обожали, примѣтивъ это глубокое душевное расстройство, хотѣли разсѣять грусть его во что бы то ни стало. Въ общемъ собраніи рѣшено, что полукѣры здѣсь никуда негодятся — нужно употребить самое сильное и радикальное средство, прибѣгнуть къ верховному лекарству, противъ котораго ничто устоять не можетъ: устроить симфонію — собрать всѣ таланты и всѣ средства — и разыграть публично девятую симфонію Бетховена, какъ самую возвышенную и темную, которой никто еще не по-

нялъ и которая, следовательно, могучимъ интересомъ своимъ для искусства, непременно заставитъ Александра Петровича забыть всѣ смуты и невзгоды жизни. Эта симфонія, предметъ безконечныхъ диссертаций между учеными музыкантами, не была еще въ то время исполнена никѣмъ и ни разу въ нашей столицѣ. Слава этого подвига была бы нетлѣнная. Александру Петровичу, по праву, предоставлялись почести предводительствующей скрипки. Всѣ эти обстоятельства, превосходно соображенные иными друзьями, были действительно въ состояніи потушить, искоренить, уничтожить хоть какую любовь въ оркестровомъ сердцѣ истиннаго дилеттанта, записнаго музыкальнаго фанатика. Положено нещадить ни какихъ трудовъ и расходовъ, преодолѣть всѣ затрудненія, и набрать, если нужно, силою, исполнителей и слушателей, чтобы только развеселить и исцѣлить Вологодина. Но все бесполезно. Александръ Петровичъ былъ чрезвычайно тронутъ артистическимъ значеніемъ, какое придавали ему, и, чтобы выразить благодарность за вниманіе, отдалъ свое вниманіе, свое время, свой кошелекъ въ распоряженіе добрыхъ друзей, но самъ неучаствовалъ въ исполненіи — боялся, что въ каждой нотѣ увидитъ Вѣру или Лизу — спутаетъ глаубокомысленную гармонию — и уронитъ непонятное твереніе великаго. Никакія убѣжденія друзей не могли ободрить его. Александръ былъ мраченъ, чувствовалъ себя не въ духѣ, и не рѣшился. При первой репетиціи онъ не слышалъ ни одной ноты. На вторую даже и не пошелъ. Чудная магія природы!... Женщина — и добро бы еще женщина: а то просто, дѣвушка, призракъ женскаго существа, розовый дымъ, ничто — оказалось сильнѣе гиганта-Бетховена. Говорите, послѣ этого, что женщины слабы! Мы обладаемъ страшнымъ могуществомъ, но, къ сожалѣнію, по ужасной добротѣ нашего сердца, большею частью не умѣемъ употребить его въ дѣло: а коварный мужской полъ этимъ и пользуется!

Записки Анны Павловны съ приглашеніемъ на ея музыкальные вечера причинили новыя мученія несчастному молодому дилеттанту. Онъ готовъ былъ тотчасъ летѣть на

лось, чтобы повздорѣе увидѣть неравнѣнную Лизу. Виктору Ивановичу онъ простила бы: этотъ человѣкъ ничего не понимаетъ!... Пустозвонкой игры новѣйшихъ гонимыхъ онъ не слушалъ бы: можно коротенько заткнуть уши хлопчаткою бумагою или, еще лучше, канатною смоленою наклею... Но чувство личнаго достоинства остановило его. Какъ забиться до того, какъ унизиться до такой степени, чтобы въ угоду сердцу, страсти, обыкновенному человеческому счастью, присутствовать при подвигахъ какихъ-нибудь соловьевъ, романтиковъ, шарлатановъ, которые чаруютъ толпу, тогда какъ тутъ раздирываютъ великую классическую симфонію, которой никто еще не повялъ, и онъ не хочетъ, не можетъ слушать въ? Что онажетъ искусство? что подумаетъ наука? До такого соблазна Александръ Петровичъ не могъ допустить себя. Но сколько, между-тѣмъ, онъ выстрадалъ! въ какомъ былъ отчаяніи! какихъ усилій стоила ему эта драгоценная стоическая побѣда надъ собою въ пользу и славу чистаго искусства!... Ничтожнымъ перомъ менѣе не описате такихъ темныхъ психологическихъ ужасовъ. Благо-волитъ вырвать его омытое воображеніе тѣхъ въ не-малыхъ читателей, которымъ случается быть влюбленнымъ въ двухъ равно прелестныхъ особъ и не знать которую любить или нужно любить болѣе — въ двухъ вдругъ — что, говорить, довольно часто случается съ читателями.

Однажды утромъ, когда Александръ Петровичъ надѣвъ шляпу, перчатки и каалоши и собрался уже идти къ должности, ему отдали записку. Огонь пробѣжалъ по всему его тѣлу. Лице и лобъ покрасѣли. Рука задрожала. По всѣмъ наружнымъ признакамъ записка была отъ Вѣры. Это случилось и прежде, но то были всегда записки дѣловыя. Вѣра часто служила секретаремъ отцу; впрочемъ — иногда и самой себѣ, когда ей нужно было дать Александру какое-нибудь ничтожное порученіе, чтобы имѣть предлогъ написать ему нѣсколько строчекъ остроумныхъ и любезныхъ. Какъ ни были незначительны эти записки, имъ писала такая любимая рука, что онъ всегда получался съ восторгомъ и оберегался какъ сокровище.

При первомъ взглядѣ на записку, Александръ увидѣлъ, что ея содержаніе совсѣмъ другаго рода.

Вѣра писала:

«Могла ли я когда-нибудь подумать, что меня стануть бранить за тѣхъ, чье поведеніе, мнѣ кажется, требуетъ напротивъ всего моего великодушія? Вы знаете, какъ папаша любитъ меня: онъ былъ такъ ослаблѣнъ, что находилъ всѣ мои поступки прекрасными, всѣ мои сумасбродства — признаками высокаго благоразумія и примѣрной мудрости. И что же? Одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ раскрылъ ему глаза на мой счетъ! Благодаря этому коварному другу, папенька видитъ теперь во мнѣ одно лишь дурное. Угадайте, кто этотъ неблагодарный вѣзвѣнникъ? Я никакъ не могла угадать. Но вамъ это будетъ легко: положите руку на совѣсть.... Вообразите, что папѣ думаетъ, будто моя нелюбезность — какое несправедливое подозрѣніе! — причиною того, что вы бѣгаете его общества и его дома. Онъ увѣренъ, что я васъ какъ-нибудь обидѣла, что я источникъ неудовольствій, всему виновата, и ни куда не гожусь. А вы знаете, что — напротивъ! Оправдайте же меня. Выкажите мою невинность въ полномъ ея блескѣ; мнѣ очень жалко, что, для васъ нѣтъ никакого оправданія. Васъ видятъ ежедневно въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Каждый день аккуратно вы являетесь куда слѣдуетъ по многообразнымъ должностямъ вашимъ: одинъ долгъ дружбы исполняется вами съ непростительнымъ нераченіемъ — и за вашу вину страдаютъ невинные! Мѣсто ваше за обѣдомъ возлѣ папашы остается не занятымъ и ждетъ васъ всякій день. Сегодня, я увѣрена, оно не будетъ ждать напрасно.»

В. С.

Александръ забылъ мигомъ всѣ свои прежнія разсужденія и намѣренія. Онъ сталъ веселъ, восторженъ, счастливъ. Никогда свѣтъ, люди и дѣла не казались ему такими восхитительными. Тысячу разъ прочитывалъ онъ мудреное посланіе, завѣшивая выраженія, разгадывая тайный смыслъ cadaго слова и, въ послѣднемъ результатѣ, нашелъ повсюду слѣды не сомнѣннаго чувства. Онъ даже уверялъ себя за жестокость: явственно, долгое, упрямое, не назв-

нательное отсутствіе его причинило этой чудной Вѣрочкѣ много страданій; нѣтъ сомнѣнія, что папаша тутъ — только пластырь для прикрытія ранъ сердца.... Какую трогательную картину перваго послѣ этой глупой размолвки свиданія написалъ онъ въ своемъ воображеніи!... съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ обѣденной поры!... какъ бѣжалъ къ дому Сборовыхъ, лишь только пробило пять!... Паровозъ не ичтиса съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ. Александръ Петровичъ былъ въ такомъ чудесномъ расположеніи духа, что, проходя мимо дому Фугатова, гдѣ производились репетиціи великаго предпріятія его друзей, уже готовъ былъ забѣжать къ нимъ, схватить первую скрипку и играть девятую симфонію — пожалуй — до четырехъ часовъ ночи; уже вобѣжалъ въ сѣни, занесъ ногу на лѣстницу.... но вдругъ вспомнилъ, что забылъ очки свои въ канцеляріи. Одно это спасло высокій драматическій интересъ перваго свиданія отъ неминуемаго разстройства и Вѣру отъ пытки тщетнаго ожиданія.

Вѣра, какъ умная и ловкая дѣвушка, приняла его, какъ будто ничего не произошло между ними. Ни вопросовъ, ни упрековъ, ни объясненій: это годится только для тѣхъ, которые не надѣются на себя. Въ обнаруженіи волненія, страху, или слишкомъ живаго удовольствія, есть всегда опасность возжечь тщеславіе мужчины и попасть подъ его иго. Умница Вѣра была совершенно увѣрена, что ее любить, и не имѣла нужды бѣжать навстрѣчу чувствамъ своего обожателя. Она спокойно ждала торжественнаго померженія ихъ къ стопамъ своимъ. Александръ, какъ мудрый и серьезный мужчина, менѣе владѣлъ собою. Онъ не могъ удержаться отъ сильнаго замѣшательства. Очень хорошо понималъ онъ, что причины отсутствія не станутъ сейчасъ доискиваться: на это будетъ время; но тѣмъ не менѣе онъ ужасно изумился, разстроился, даже обидѣлся, тѣмъ убійственно-вѣжливымъ равнодушіемъ, съ какимъ встрѣтили его послѣ приказанія явиться. Я всегда утверждаю, что, съ мужчинами, большая часть самыхъ тонкихъ тонкостей нашихъ — совершенно пронадшій трудъ: ничего не понимаютъ!... Угадывать не ихъ дѣло. Чего мелкая

разобрать помощью сложенія, вычитанія или дѣленія, того они и сообразить не могутъ. Куда Александру, съ его густыми бакенбардами, разсудить, что, эти семь величавость на юшкѣ, эта бархатка на шеѣ, эти два мистическое локончика подъ лбомъ, этотъ синий браслетъ, этотъ черный банничекъ, означаютъ нетерпѣливое ожиданіе? что онъ былъ предметомъ тысячи глубоко обдуманыхъ и остроумно исполненныхъ приготовленій, которыя также тщательно прикрыли, какъ тщательно подобрали и устроили? что еще наканунѣ для него были завиты ланильотки съ тою таинственною симметрией, которая такъ превосходно подражаетъ натуральному беспорядку? Въ этотъ день Вѣра необычайно сіяла и красотою и умомъ; любезности ея, иногда нѣсколько лѣнивая, разливалась на всѣхъ и во всѣ стороны сверкающими безпрерывными струями; умъ ея, всегда живой, но часто не расположенный выставляться на показъ, ослаблялъ поочередно каждого изъ присутствующихъ прелестными выходками и тонкими отвѣтами. Куда же Александру, съ его тугимъ и высокимъ галстукомъ, проникнуть ту очевидную истину, что, когда Вѣра такъ мила съ другими, это значитъ, что она ужасно ей нравится? Мужична въ толкъ не возьметъ того, какъ можно доказывать любовь своею холодною къ нему и любезностью къ его соперникамъ. А между-тѣмъ это ясно какъ дважды-два четыре. Эта метафизика изящнаго искусства быть женщиною превосходитъ понятія нашихъ почтенныхъ суггеновъ. Вѣра даже не пошевелила бровью при появленіи Александра; въ лицѣ ея не вздрогнула ни одна фибра, хоть бы тонъ одного слова сказалъ что-нибудь за нее. Видя это совершенное спокойствіе, Александръ растерялся, вриунулъ, потерялъ всю надежду. Онъ даже изволилъ серьезно рассердиться. Люби же, послѣ этого, откъ господъ какъ слѣдуетъ!...

Не такихъ послѣдствій ждала остроумная Вѣра. Она ошиблась, желая любить тонко и прелестно. Она обладала искусствомъ, создала себѣ роль по всѣмъ его правиламъ, и играла ее въ совершенствѣ. Всѣ отвѣтки этой роли были сообразны, всѣ подробности тщательно подобраны, она

тона взглядовъ, которые какъ бы случайно падали на Александра, до цѣту кокетства, съ умысломъ обращеннаго на другихъ. Это была цѣлая эпопея изящной свѣтской любви, въ которой Александръ могъ бы прочитать чудеса, если бы зналъ ея грамоту. Онъ ничего не прочиталъ и, съ досады, не смотрѣлъ даже въ ту сторону подъ конецъ обѣда.

Вѣра, ожидавшая восторговъ, восхищенія, смѣшалась въ свою очередь. Веселость ея пропала. Она призадумалась. Дѣйствительно ли этотъ великолѣпный красавецъ былъ обвороженъ ею, или же только хотѣлъ ввести ее въ заблужденіе, выдавая условную любезность за истинное чувство? Чтò выиграла она отъ своего глубокаго разчета? Теперь оба они очутились на одной сценѣ: какъ знать! можетъ-быть ей же придется сдѣлать первый шагъ!

Такъ кончился обѣдъ, такъ прошелъ вечеръ, и незамѣтно наступила минута разставанія.

Онъ подошелъ къ Вѣрѣ проститься.

— Уже вы уѣзжаете? сказала она: кажется, еще рано! Впрочемъ, сегодня вы что-то были скучны, не по-прежнему.

— Вамъ такъ показалось Вѣра Николаевна, потому что вы сами были не таковы какъ всегда.

— Право? Какая же я была?

— Еще прелестнѣе, веселѣе, живѣе, какъ никогда я не видалъ васъ прежде, спокойно отвѣчалъ Александръ.

— Вы находите?.. Кажется, я всегда одна и таже; переживаются мносіе; я.... никогда!

— Вы не уловимы!

— Для тѣхъ, которые не умѣютъ ловить на-лету. До свиданія. Завтра увидимъ васъ, не правдали? Папа не будетъ спрашивать у меня отчета въ вашемъ отсутствіи?

— Конечно, завтра, и когда вамъ угодно будетъ; причины, которыя препятствовали мнѣ всѣ эти дни быть у васъ, теперь устранены.

«Чтò это значитъ?» подумала Вѣра. Неужели онъ больше не думаетъ обо мнѣ? Или онъ чувствуетъ, что не можетъ прожить безъ меня ни одного дня? Эго должно объясниться немедленно.

И это объяснилось не далѣе какъ на слѣдующій день. Двѣ три улыбки обезоружили мятежника. Онъ сталъ любезнѣе и послушнѣе.

— Кажется, вы довольны, сегодня, Вѣра Николаевна? сказалъ онъ почти нѣжнымъ голосомъ.

— Конечно! отвѣчала она, устремивъ, на него прекрасные глаза: кому же не пріятно видѣть себя правымъ?

— Только-то? отвѣчалъ Александръ, дѣлаясь снова угрюмымъ.

— А развѣ это бездѣлица имѣть на своей сторонѣ справедливость передъ тѣми, чье уваженіе намъ дорого? Развѣ ничего не значить узнать, что они были неправы не признавая нашей справедливости? Развѣ такъ легко было это доказать неправымъ? Не приписывать же себѣ чужія ошибки, и не отнимать у себя заслуги, которыя считаешь за собою, чтобы легче сойти съ мѣста, которое занимаешь во мнѣніи друзей?

— Вы не могли нечего потерять въ ихъ мнѣніи, то есть, въ ихъ восхищеніи, въ эти нѣсколько дней. Сойти съ вашего мѣста?.. какая идея! Оно слишкомъ высоко. Вы все такъ же милы, такъ же любезны и очаровательны какъ были и всегда будете. Вамъ нечего опасаться.

— Восхищеніе привлекаетъ, а не удаляетъ.

— У меня напротивъ, смѣясь сказалъ Александръ: мнѣ нужно удивленіе, спокойствіе, углубленіе въ красоты предмета, чтобы основательно и вполне восхищаться, и я васъ прошу, Вѣра Николаевна, если на будущее время... когданибудь... по какой бы то нибыло причинѣ... вы не увидите меня здѣсь, считать это за увѣреніе, что я въ восхищеніи отъ васъ: съ моей стороны уже не надо будетъ никакихъ объясненій.

— Непремѣнно! отвѣчала Вѣра, рѣшившись не устанать ни на волосъ: это будетъ романсъ безъ словъ, который я стану понимать какъ мнѣ вздумается, и постараюсь, чтобы онъ какъ можно болѣе льстилъ моему самолюбію. Вамъ извѣстно, какъ я самолюбива!... Я знаю, что васъ все еще ищутъ и любятъ; вы не находите времени удовлетворять приглашенія, которыя спѣшатъ къ вамъ со всѣхъ сторонъ.

Видя васъ въ нашемъ домѣ, я естественно убѣждаюсь, что вамъ у насъ нравится, когда вы отдаете намъ предпочтеніе, и признаюсь, мнѣ пріятно считать это за подтвержденіе тѣхъ маленькихъ достоинствъ, которыми, убѣряю васъ, я дорожу, не столько за себя, сколько за моихъ друзей.

— Вы ставите меня, Вѣра Николаевна, въ большое затрудненіе: ни за что въ мірѣ не хотѣлось бы мнѣ противорѣчить такой истинѣ... а между-тѣмъ если бы какія-нибудь обстоятельства помѣшали мнѣ пользоваться вашимъ обществомъ...

— Я подумаю, что я вамъ не нравлюсь.

— А если я буду являться?

— Я уже сказала вамъ, смѣясь отвѣчала Вѣра: это будетъ значить, что я вамъ нравлюсь, что вы находите меня чрезвычайно любезной.

— Но въ такомъ случаѣ я не посмѣю пропустить ни одного дня!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Вѣра: вамъ лучше извѣстно, что вы думаете обо мнѣ.

— Я боюсь наскучить вамъ однообразіемъ ежедневныхъ посѣщеній.

— А вы думаете, что не наскучитъ слушать, какъ поютъ безъ словъ, что...

— Что вы прелестны? договорилъ Александръ.

— Вотъ вы сами видите, Александръ Петровичъ, что вы напрасно опасаетесь: повторите мнѣ только это слово какъ можно по-чаще, и вы докажете, что однообразіемое всѣмъ дѣло на свѣтѣ. И такъ, рѣшено: мы заключили договоръ... Вы впередъ не будете напризнавать... впередъ... я буду васъ слушать внимательно...

Вѣра преміло потупила взоръ и протянула крошечную ручку, которую Александръ пожалъ, посмотрѣлъ... и не могъ выдержать... поцѣловалъ! Не было возможности дѣлу противилась этимъ обольщеніямъ граціи, красоты, молодости, ума, усовершенствованныхъ несравненнымъ искусствомъ. Еще минутъ десять бесѣды — и отнынѣ впередъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ, по-прежнему, безъ памяти отъ Вѣры! Она удовольствовалась этимъ.

Для упроченія своего владычества нужно было дать ему понять—если онъ что-нибудь понимаетъ на свѣтъ—что она съ своей стороны вовсе не равнодушна къ нему. Она это сдѣлала; но, съ тѣмъ же несравненнымъ искусствомъ, до положительнаго объясненія не допускала. Кчему! время терпитъ.

Это было во вторникъ, въ день третьяго музыкальнаго вечера Анны Павловны. Во весь этотъ вечеръ, какъ и въ два предыдущіе, глаза Лизы безпрестанно обращались на дверь залы: при каждомъ шорохѣ сердце ея дрожало и мысль тревожно ждала, не войдетъ ли Александръ. Неблагодарный другъ не являлся. Въ это самое время какъ Сервѣ игралъ у нихъ «Романеску», онъ съ блаженствомъ восторженнаго дервиша, привязавшаго хохоль свой снуркомъ къ потолку для большой напряженности созерцанія, видѣлъ неисчерпаемое счастье въ глазахъ Вѣры Николаовны и даже слышалъ въ нихъ всю девятую симфонію Бетговена.

Эти музыкальные вечера были тѣмъ мучительнѣе для Лизы, что ей, какъ вы знаете, надлежало быть на нихъ счастливою безъ счастья. Они давались для нея, по великодушному увѣренію Виктора Ивановича и Анны Павловны, и не вели ни къ какому результату. Какъ отъ нихъ отдѣлаться? Лиза, которой сонъ не шелъ на глаза, сидѣла на постели, поддерживая рукой горячую голову, и искала выхода изъ этого лабиринта. Нало просить сестру и зятя прекратить вечера: но какую уважительную причину можно имъ представить къ этой просьбѣ? Сказать, что не находятъ въ нихъ удовольствія? Это значило бы обидѣть ихъ иѣжную заботливость. Сказать, что ей не нравятся споры и зависти артистовъ? Это, слишкомъ общее, извиненіе было бы несправедливостью въ отношеніи къ цѣлому ихъ сословію. Въ немъ есть умы возвышенные и добрыя сердца, которые истинно любятъ свое искусство, живо чувствуютъ дарованія, гдѣ бы они ни находились, и умѣютъ прощать успѣхъ товарищу.

Ночь прошла. На другой день, Анна Павловна долго не показывалась и не звала Лизы къ себѣ. Викторъ Ивановичъ уѣхалъ со двора. Лиза напрасно ждала. Анна Павловна сидѣла, запершись, въ своемъ кабинетѣ. Лиза переби-

рала пальцами на фортепiano свои любимыя піесы, а мыслью — все случившееся вчера; она долго и съ наслажденіемъ останавливалась на мгновеньяхъ удовольствія, которые промелькнули молвіей, но оставили слѣдъ въ сердцахъ; по временамъ вздыхала, припоминая испытанныя непріятности, которыхъ нельзя забыть, но которыхъ горечь не такъ чувствительна, если переносишь ихъ съ покорностью. Время уходило, и Лиза, безпокоясь, что отъ сестры нѣтъ никакой вѣсти, рѣшилась постучать въ дверь. Она просила войти, и такимъ умоляющимъ голосомъ, что просьба ея не могла быть отринута.

Анна Павловна сидѣла у письменнаго стола и разсматривала счеты; вокругъ нея лежало множество распечатанныхъ записокъ. Она была блѣдна и, повидимому, огорчена или нездорова; но, при входѣ сестры, отодвинула бумаги, подала ей руку, которую Лиза поцѣловала, и постаралась принять спокойный видъ.

— Хорошо ты спала, мой другъ? спросила Мечнева.

— Нѣтъ, сестрица, отвѣчала Лиза, снова цѣлуя ей руку: я вовсе не могла заснуть.

— Тебѣ помѣшало слишкомъ сильное удовольствіе... Въ самомъ дѣлѣ музыка и общество вчера у насъ были очаровательны.... Вчерашній вечеръ чудеснѣйшій изъ всѣхъ нашихъ вечеровъ. Я понимаю, что послѣ такой музыки ты не могла заснуть... Для тебя музыка всегда дороже сна.

— Въ самомъ дѣлѣ музыка не давала мнѣ спать, но не по причинѣ удовольствія... а напротивъ, по причинѣ скуки. Сказать ли тебѣ правду? Мнѣ было скучно.

— Скучно? повторила Анна Павловна: вѣрно оттого что. . .

— Нѣтъ, нѣтъ! не оттого что, съ живостью вскричала Лиза, боясь услышать одно ненужное имя: а оттого что... просто, досада!... я играю такъ худо, а другіе (прибавила она съ замѣшательствомъ) играютъ такъ чудесно!...

— Какъ? отъ зависти? вскричала Анна Павловна: ты завидуешь, Лиза? Фя! этому бы я никогда не повѣрила. И кому же завидуешь!... мужчинамъ?... артистамъ?...

Лиза потупила глаза, и готова была откататься от своих словъ: такъ жестоко показался ей упрекъ.

— Ты не поняла меня, сестрица, сказала она: я скучаю, не отъ зависти, но отъ любви къ музыкѣ...

— Вотъ это другое дѣло! А то я бы удивлялась, откуда вдругъ взялось у тебя нехорошее чувство, къ которому я считала тебя неспособною... Объясни же, душа моя, какъ это ты, среди музыки, скучала отъ любви къ музыкѣ. Я не совсемъ поняла.

— Изволь, я объясню. Я скучаю очень просто. Слушая эти чудные звуки, которые такъ не похожи на мои. такъ прекрасно выражаютъ то, что я ощущаю мыслью и до чего не могу достигнуть рукою, я думала, что если это будетъ часто повторяться, то съ каждымъ разомъ я буду болѣе и болѣе понимать недостаточность своихъ средствъ, и напоследокъ приѣду къ убѣжденію въ совершенной бесполезности моихъ усилій и откажусь отъ моихъ музыкальныхъ занятій....

— Которыя однакожъ составляютъ все твое счастье, милая Лиза. О! нѣтъ, не говори этого! И слышать не хочу.

— Да! ты правду сказала: они мое счастье, мое блаженство, моя страсть. . единственная страсть.—О! не смѣйся надо мной, сказала она, сложивъ руки, съ умоляющимъ видомъ, замѣтивъ легкую улыбку на губахъ Анны Павловны: это правда!... другой страсти у меня нѣтъ... быть не можетъ... не должно быть... Вотъ видишь: я такъ счастлива, когда могу рассчитывать хоть на одинъ спокойный день, въ который бы не разстраивали моего любимаго занятія... я такъ люблю быть одна съ моей музыкой... Чтѣ ты улыбаешься?... это истинная правда! Я не думаю ни о комъ... рѣшительно не думаю, увѣряю тебя. Уединеніе... моя радость. Наряжаться мнѣ нескучно. Свѣтъ утомителенъ. Эти музыкальные вечера влекутъ за собою много разныхъ другихъ вечеровъ, много визитовъ, выѣздовъ, приемовъ, которыхъ невозможно избѣжать. Мы должны скучать поочередно у всѣхъ тѣхъ, которые у насъ веселились, и еще за то, что имъ было здѣсь весело два три

часа вечеромъ, подвергаться часовъ пять и шесть днемъ всей скукѣ ихъ благодарственныхъ набѣговъ, всему грабежу времени, спокойствія и здоровья, который они считаютъ нужнымъ производить у насъ изъ учтивости. Съ другой стороны мы теперь не можемъ пропустить ни одного концерта, ни одной музыкальной затѣи тѣхъ, которые своимъ талантомъ или своимъ присутствіемъ украшаютъ наши вечера. Музыка, просто, вытолкала насъ изъ нашего дому: иногда и на ночь не пускаетъ насъ сюда... Мы кочуемъ, а не домоу живемъ. Все это страшно вредитъ моей музыкѣ. Мнѣ уже нѣкогда заниматься ею, нѣкогда и думать объ успѣхахъ, которые могла бы я сдѣлать, еслибъ у меня было время.... еслибъ меня поминутно не отрывали отъ моихъ любимыхъ упражненій.... Я боюсь говорить тебѣ еще объ одномъ неудобствѣ этой музыкальной жизни.... но ты такъ добра для меня, Анюта!... ты простишь мнѣ, что я, можетъ быть, вмѣшиваюсь не въ мое дѣло, желая сдѣлать замѣчаніе, которое должно, естественно, само собою прійти мнѣ въ голову, если я, хоть отчасти, причина и предметъ такихъ тревогъ, хлопотъ, трудовъ. Эта музыкальная жизнь должна вамъ, другъ мой... стоить.... должна стоить ужасно дорого!

— Такъ ты не пришла бы въ отчаяніе, еслибъ эти вечера прекратились? задумчиво спросила Анна Павловна.

— Ни сколько! рѣшительно отвѣчала Лиза: напротивъ, мнѣ это было бы очень пріятно.

— Не обманываешь ли меня? сказала Анна Павловна съ нѣкоторою недовѣрчивостію: не кроется ли во всемъ этомъ кто-то....

— Кто же?

— Да одинъ человѣкъ!

— Такъ назови его! Увѣряю тебя, что никто не кроется....

Лиза невольно покраснѣла.

— Его зовутъ *Онъ*.

— *Онъ*? съ притворнымъ удивленіемъ повторила дѣвушка. Кто же этотъ *Онъ*, по-твоему?

— Ну, просто, Александръ!... Скажи правду, мое сердце. Не скрывайся передо мною.

Бѣдная Лиза! Еще подозрѣніе, еще вопросъ, на который должно отвѣчать, обвиняя себя за другихъ.

— Ну, пожалуй, съ прелестнымъ равнодушіемъ сказала Лиза! если онъ—*Онъ*, такъ можетъ быть, тутъ приходится что-нибудь и на его долю. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы поучиться музыкѣ немножко поосновательнѣе, играть по правиламъ, которыя онъ такъ хорошо знаетъ, сдѣлаться музыкантшей, и, можетъ-быть, со временемъ самой участвовать въ собраніяхъ, гдѣ я теперь только слушаю чужое и восхищаюсь другими. Онъ правъ: до сихъ поръ я больше забавлялась нежели училась.

Въ другую минуту, Анна Павловна нашла бы много возраженій, назвала бы эти идеи романтическими, объяснила бы, что, въ Лизины лѣта, затворничество не можетъ долго правиться, что умственного или механическаго занятія недовольно женскому сердцу, у котораго есть совсѣмъ другія потребности. Но на ту пору предложеніе Лизы было такъ согласно съ собственными планами Анны Павловны, что она не думала противорѣчить. Несмотря на головную боль, слѣдствіе усталости и безпокойной ночи, она провела цѣлое утро за счетами. Настоятельныя письма кредиторовъ, текущіе расходы, множество неизбѣжно предстоящихъ издержекъ, которыя философамъ обоего пола могутъ показаться пустыми прихотями, но которыя въ свѣтскомъ быту, гдѣ личное достоинство и почетъ людей основаны на признакахъ наружной роскоши, принадлежать къ первѣйшимъ потребностямъ жизни, все это жестоко смущало Анну Павловну. Нѣкогда Викторъ Ивановичъ, относительно къ щедрости, въ одномъ только Гарунѣ-аль-Рашидѣ имѣлъ достойнаго себя соперника. По великодушію, съ какимъ наполнялъ онъ деньгами расходный ящикъ своей супруги, не дожидаясь сроку, она могла считать его обладателемъ всего Урала и всего Алтая. Но съ нѣкотораго времени онъ позволялъ себѣ иногда удивляться, что жена расходуетъ такъ скоро суммы, предоставляемыя въ ея распоряженіе, и очень часто забывалъ сроки, установлен-

ные для денежных отпусковъ. Это поставляло деликатность жены, какъ хозяйки, въ самое затруднительное положеніе. Викторъ Ивановичъ между тѣмъ оставался твердо вѣренъ своей системѣ—ничего не сообщать женѣ о дѣлахъ и затрудненіяхъ. Но женщины—колдуньи, когда искренно любятъ. Анна Павловна угадывала все; каждое обстоятельство дѣлалось ей очевидно отъ самаго старанія, съ какими скрывали его. Если стараніе это происходило отъ мысли, что она не въ силахъ помочь усилвающемуся разстройству состоянія, нѣкогда прекраснаго, какъ пріятно и лестно было бы доказать, что такое мнѣніе ошибочно; что мелкая женская экономія, которую гордость великолѣпныхъ мужей считаетъ дѣтскою потѣхою молодыхъ хозяекъ, важнѣе ихъ обширныхъ плановъ и широкихъ расчетовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; что преданность любящей жены, готовой на всѣ пожертванія, на всѣ униженія— даже видѣть на чужой юбкѣ кружева шире нашего— даже отдать въ чистку перчатки, разъ или два раза надеванныя — можетъ спасти семейство отъ разоренія и нищеты. Если же это стараніе было слѣдствіемъ только ошибочной нѣжности мужа, его заботливости о спокойствіи дорогой супруги, то какъ нѣжно и какъ мило было бы съ ея стороны — помочь ему безъ его вѣдома и позволенія, по внушенію любви, по сочувствію къ его тайнымъ огорченіямъ! Лиза подавала Аннѣ Павловнѣ превосходный случай отличиться на этомъ поприщѣ. Теперь-то, или никогда, время произвести давно задуманную радикальную реформу дома. Обрадованная неожиданною помощью, въ первый разъ Анна Павловна открывала молоденькой сестрѣ свои тайныя горести и благотворныя предначертанія. Слушая ее, Лиза думала, что слышитъ собственную свою исторію. Сестры, наконецъ, поняли другъ друга, сколько это было возможно: потому что въ изгибахъ сердца, даже и послѣ самыхъ полныхъ со-уразумѣній, всегда остается еще кое-что, чего, для бѣльшей ясности, или нѣтъ нужды понимать одной стороной или не слѣдуетъ понимать другой. Лиза, одобренная довѣріемъ сестры, распросила ее подробнѣе о нѣкото-

рых обстоятельствахъ, казавшихся ей темными, и узнала много вещей, любопытныхъ и не подозрѣваемыхъ. По всѣмъ признакамъ, Викторъ Ивановичъ поправлялъ дѣла свои такъ, чтобы поскорѣе разорваться и не имѣть болѣе ни какихъ дѣлъ. Собственное состояніе Лизы, совершенно незначительное по тому положенію, которое она занимала въ изящномъ свѣтѣ, находилась въ рукахъ его, какъ омекуна. Разумѣется, оно не тронуто. Оно должно было удвоиться къ тому времени, когда Лиза сдѣлается совершеннолѣтнею. Между-тѣмъ, Викторъ Ивановичъ, какъ великолѣпный зять, принялъ на себя всѣ расходы на воспитаніе, потребности и удовольствія дорогой свояченицы, дѣлалъ ей прекрасные подарки и сюрпризы, и всегда просилъ жену ничего не жалѣть для нея. Въ послѣднее время всѣ эти великодушные наказы не приводились въ дѣйствіе, за недостаткомъ въ средствахъ къ выполненію. У Анны Павловны было тоже небольшое состояніе, которое мужъ оставилъ ей въ полное распоряженіе, никогда не стараясь узнать, на что оно употребляется. Когда щедрая заботливость его о домашнемъ благоденствіи жены примѣтно уменьшилась, преимущественно изъ этого-то дохода брада она то, что нужно было для сестры. Между-тѣмъ дѣти подрастали, потребности увеличивались, у сыновей были уже свои желанія, свои дѣтскія прихоти, которыя съ наслажденіемъ удовлетворяло материнское сердце. Подражая мужу — не сообщая ему ничего о своихъ затрудненіяхъ — Анна Павловна этою понятною и извинительною деликатностью вводила его въ заблужденіе. Онъ не зналъ — и наконецъ ему и пріятно было не знать — ничего о домашнихъ нуждахъ и состояніи кассы прелестной хозяйки. Мечнева уже была принуждена и свои наряды покупать изъ доходовъ своего личнаго состоянія. Подарки мужа, правда, не прекращались: они бывали всегда чудесны, великолѣпны и — главное — подносимы необыкновенно мило и нѣжно. Не развѣ этими средствами можно хорошо одѣваться или облегчить требованія самой бережливой жизни въ роскоши? Мужья обладаютъ особеннымъ даромъ дѣлать намъ подарки не въ попадѣ, не нужные, и часто обременительные,

за которые однакожь надо быть милою до восторга. Музыкальныя потѣхи доверивши бѣдствію: гостепримство къ артистамъ благородно, прекрасно, исполнено несказанныхъ прелестей и чудныхъ наслажденій; нѣтъ ни какого сомнѣнія, что инструментальныя таланты, даже посредственныя, примѣтно занимательнѣе огромнѣйшихъ талантовъ преферансовыхъ и ералашныхъ; но очарованіе подобныхъ обществъ сопряжено съ маленькими неудобствами, которыхъ частое повтореніе равняется наконецъ разорительной скукѣ. Самые милые и интересныя изъ этихъ гѣловъ оставляютъ вамъ, вмѣстѣ съ прѣщальною улыбкою и розовою афоняшкою, только одну сотню убійственныхъ билетовъ въ свой слѣдующій концертъ — для благосклонной раздачи друзьямъ — въ надеждѣ на вашу любезность — въ дань уваженія своего къ вашимъ музыкальнымъ познаніямъ и вашей любви къ искусству. Разумѣется, что вы не станете раздавать, если не хотите лишиться всѣхъ друзей своихъ и сдѣлаться страшилищемъ свѣта — билеты бросите въ каминъ — а деньги отравите къ интересному генію съ занискою объ усердномъ исполненіи его обязательнаго порученія. И это — сверхъ необходимыхъ подарковъ и гонорарій за трудъ, принятый артистомъ играть у васъ на музыкальномъ вечерѣ — сверхъ множества другихъ болѣе или менѣе дорогихъ любезностей, которыхъ большая часть падала прямо на Анну Павловну. Долги, счета и издержки ея скопились въ послѣднее время ужаснымъ образомъ: очистить ихъ не было другаго средства какъ обратиться откровенно къ Виктору Ивановичу съ покорнѣйшею и прелестнѣйшею просьбою, а эта просьба была бы такъ тягостна для Анны Павловны, что она не могла рѣшиться очечалить ею того, отъ котораго хотѣла бы устранить всѣ печали. Эти горести, эти заботы, были высказаны съ глубокимъ чувствомъ, и выслушаны внимательно и помятливо. Лиза уже привыкла самую болѣзнь употреблять какъ лекарство. Тотчасъ былъ составленъ и предложенъ новый образъ жизни, который, какъ новость, обѣимъ сестрамъ казался гораздо пріятнѣе того, какой вели онѣ дотошъ. Лиза увѣрала, на придачу, что эти перемѣны сильно по-

служать къ ея пользѣ. Лиза отнынѣ впредь будетъ жить съ своими нотными тетрадами, среди мастерскихъ произведеній искусства, въ умномъ и сладкомъ обществѣ великихъ композиторовъ, которое съ каждымъ днемъ будетъ для нея интереснѣе. Старый генералъ С*** правъ: въ присутствіи Лизы одинъ изъ знаменитыхъ артистовъ спрашивалъ его, какая музыка нравится ему болѣе, классическая или романтическая; сѣдой воинъ отвѣчалъ: «Мнѣ нравится одна только моя музыка; лучшая изъ всѣхъ музыкъ на свѣтѣ — та, которую играешь самъ.»

Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Уменьшить расходы до половинны, до третьей доли: и ничто не станетъ тревожить спокойствія и блаженства двухъ умницъ-сестеръ. А долги-то? Какъ уплатить долги Анны Павловны?... Лиза не хотѣла останавливаться на такой прекрасной дорогѣ; въ своемъ поэтическомъ увлеченіи, она легко нашла средство устранить и это послѣднее препятствіе.

— Я заплачу долги, которые ты сдѣлала для меня, Анна! съ радостью вскричала она, бросаясь къ сестрѣ на шею. Позволь мнѣ заплатить, душа моя! Доставь мнѣ это счастье! Я же была ихъ причиною, по большей части: они будутъ вѣчно огорчать меня, если ты отвергнешь мою просьбу. Вы столько сдѣлали для меня: а я никогда не имѣла случая доказать вамъ на-дѣлѣ мою благодарность и преданность. Заботливостью и великодушіемъ твоего мужа мое состояніе возрасло значительно; я отдамъ тебѣ только частіцу того, чего я вамъ стоила. Всего, что вы сдѣлали и дѣлаете для меня, я никогда не буду въ состояніи вамъ возратить: я могу только одно, любить васъ отъ всего сердца.

Анна Павловна отказывалась, возражала, не хотѣла слушать, но должна была уступить. Она приняла предложеніе, на которомъ такъ живо и такъ мило настаивала Лиза, приняла съ намѣреніемъ только удовлетворить нужду въ настоящую минуту, а не дѣйствительно воспользоваться: она вознаградитъ Лизѣ со-временемъ это великодушное пожертвованіе; не всегда же будетъ она въ такомъ непріятномъ положеніи, какъ нынче; многое успѣетъ еще

перемѣниться. Такимъ — образомъ все уладилось чудесно. Нѣсколькими тысячами рублей, болѣе или менѣе — совершилася великая и благодатная реформа. Виктору Ивановичу говорить объ ней не должно: онъ станетъ возражать — онъ не согласится ни на какую перемѣну — онъ даже обидится: умѣренность онъ назоветъ униженіемъ; скромная жизнь для него — конецъ жизни, смерть общественная и нравственная. Какъ можно, чтобы свѣтъ подумалъ объ немъ, будто у него нѣтъ денегъ! Что же онъ будетъ тогда значить въ свѣтѣ? По его теоріи, человѣчество состоитъ изъ двухъ великихъ породъ, двухъ организацій совершенно различныхъ умомъ, чувствами, способностями, діаметрально одна другой противоположныхъ: изъ людей, бросающихъ деньги, и изъ людей подбирающихъ деньги. Онъ принадлежитъ къ породѣ бросающей и выйти изъ нея не можетъ, по непреложному закону природы. Сестры рѣшились хранить въ глубокой тайнѣ всѣ свои операціи, и, чтобы лучше скрыть ихъ, условились дѣйствовать исподоволь, осторожно, не возбуждая ни вниманія ни толковъ.

— Впрочемъ не думай, Лизанька, сказала Анна Павловна: что мы станемъ жить отшельниками. Это было бы безразсудно и не прилично. Это даже не здорово. Доктора всегда предписываютъ развлеченія: не надо ссориться съ медициною. На первый случай мы прекратимъ только музыкальные вечера, потому-что они причиняютъ гораздо больше издержекъ и хлопотъ нежели все остальное. — Но ты еще разъ увѣришь меня... не такъ ли, милое мое дитя?... что не жалѣешь объ нихъ, прибавила Мечнева, поцѣловавъ сестру и пристально смотря ей въ глаза.

Лиза повторила свое увѣреніе, и Анна Павловна продолжала:

— Намъ остается еще много другихъ удовольствій. Ложка абонирована на всю зиму. Мы будемъ имѣть одинъ день въ недѣлю для нашихъ лучшихъ друзей; сдѣлаемъ выборъ съ разборчивостью, выѣзжать станемъ только въ два-три дома, гдѣ намъ не очень скучно, гдѣ, я видѣла, ты бываешь весела и танцуешь съ удовольствіемъ; а для другихъ довольно и визитныхъ карточекъ. Къ обѣду всегда

придетъ тотъ или другой. Викторъ любитъ поболтать за обѣдомъ, и я не хочу трогать того, что ему нравится. Что касается до тебя Лизанька, то есть, до твоей музыки... Ахъ, да! в забыла сказать тебѣ... этотъ блѣдный молодой человѣкъ въ очкахъ... что жъ ты мнѣ ничего не говоришь?

— Какой молодой человѣкъ?

— Какъ-будто ты не знаешь!... Зачѣмъ со мной притвориться? Развѣ я тебѣ не сестра, не другъ? Да тотъ, который всегда садится возлѣ тебя за ужиномъ... съ которыми ты вчера передъ ужиномъ разсматривала такъ внимательно какую-то нотную тетрадку....

— Ну, что жъ онъ?

— Ну, онъ, мнѣ кажется, порядочно влюбленъ въ тебя.

— Я не полагаю, сказала Лиза престоудшно. Это было бы очень странно. Я не подала ему ни малѣйшаго повода...

— Это значить, что ты уже примѣтила сама, тихо замѣтила сестра. Что же тутъ страннаго? Развѣ въ тебя нельзя влюбиться? Слава Богу, ты у насъ и красавица и умилица.... Да и онъ... онъ тоже пріятный молодой человѣкъ; фizioномія у него чрезвычайно интересная... онъ хорошъ собою: не права ли, Лиза?

— Да! конечно!... хорошъ.

— И, въ обществѣ, онъ очень милъ.

— Да! онъ любезенъ и довольно веселъ.... Но разговоръ его не слишкомъ мнѣ нравится. Онъ такой сладенькій, что, знаешь, иногда... приторно.

— Многіе мужчины, въ началѣ любви, имѣютъ этотъ вкусъ, мудро замѣтила опытная Анна Павловна: потому, онъ проходить... даже иногда дѣлается жгучимъ, вяжущимъ.

— Не быть не можетъ, съ живостью возразила Лиза: чтобы онъ былъ влюбленъ!... Онъ не въ состояніи влюбиться.... и въ него, я думаю, влюбиться никакъ нельзя.

— Почему такъ? съ удивленіемъ спросила Анна Павловна.

— Онъ такой кроткій, такой смиренный! рѣшительно разсуж-

Лиза: как-то совсѣмъ не похожъ на мужчину.... ни дать ни взять, женщина...

Анна Павловна расхохоталась и поцѣловала молодѣющую философку за это глубокомысленное замѣчаніе.

— Что же ты смѣешься? спросила смущенная дѣвушка: да это правда!... Вѣроятно ли, чтобы мужчина былъ такой добронравный?... Вѣрно, притворяется... какъ...

— Какъ кто?

— Да какъ женщина!...

Анна Павловна стала смѣяться еще сердечнѣе.

— Ахъ! какая ты забавная, Лизанька! говорил Анна Павловна: и какая милая наблюдательница!... ты, просто, прелесть!... Онъ унасъ бы передъ тобою на волюнъ, если бы это услыхалъ.

— Кто такой онъ?

— Да онъ!.. этотъ благонаправный какъ женщина молодой человекъ!... какъ-бишь его зовутъ?... я все забываю... какъ-то очень странно!.. Квинтъ?... Квинтъ?..

— Нѣтъ, не Квинтъ, а Сикстъ, сказала Лиза.

— Да! точно! Сикстъ... повторила сестра: постой! какъ же еще?... Квинтъ Звучилавовичъ, что ли?

— Какой Звучилавовичъ! воскликнула Лиза. Сикстъ Брячиславичъ...

— Да! да! подхватила Анна Павловна. Сикстъ Брячиславичъ Спѣвала-Заиграйскій... Какая музыкальная фамилія!... какъ нарочно для тебя... и для него тоже. Согласись, Лиза, что, для аматера, для свѣтскаго молодого человека, талантъ у него необыкновенный. Какъ чудесно играетъ онъ на фортепіано! какая прелестная манера! какое милое, цѣлительное выраженіе! сколько души, чувства...

— Ахъ! да!... это правда!... чудесный талантъ! сказала Лиза, вздыхая.

— Но, вотъ, видишь, Лизанька: хоть этимъ можно тебя прогнать... продолжала Анна Павловна. И поетъ онъ тоже удивительно! Для меня голосъ его... совершенно симпатическій.

— Это правда... прекрасный баритонъ!... в какой глѣ-

кій!... Какая мягкость!... и, при томъ, истинно мужской голосъ.

— Ну, такъ видишь, что онъ совсѣмъ не такой добродѣтельный, какъ ты говорила... по-крайней-мѣрѣ со стороны голоса, смѣясь, сказала Анна Павловна. Онъ безпрестанно заговаривалъ со мной о тебѣ, спрашивалъ много о твоей музыкѣ... просилъ позволенія бывать у насъ почаще и надѣялся, что удостоишь его чести...

— Вѣрно, играть съ нимъ въ четыре руки? быстро подхватила Лиза, какъ-будто встревоженная.

— Ну, да! отвѣчала сестра. О! такъ вы уже говорили объ этомъ, какъ я вижу... Да! онъ ужасно желаетъ чести играть съ тобою въ четыре руки...

На лицѣ Лизы выражался такой испугъ, что Анна Павловна смѣшалась.

— Чтò съ тобою? спросила она: чего ты такъ перепугалась? По-моему, для тебя, напротивъ, это рѣдкій, превосходный случай, которымъ слѣдуетъ воспользоваться... Ты могла бы, при его помощи, сдѣлать большіе успѣхи. Чтò ты такъ призадумалась, Лиза?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала дѣвушка, оправившись: мнѣ показалось, что кто-то вошелъ сюда. Но вѣдь ты, разумѣется, сказала, что я очень худо играю, что я очень робка, что намъ нельзя принять его любезное предложеніе?

— Чтò за идея! развѣ можно отвергать безъ всякой причины предложеніе, сдѣланное очевидно съ намѣреніемъ сблизиться съ нами?... съ тобою? Нельзя же, изъ уваженія къ робости, которая можетъ легко пройти, запереть дверь милымъ и порядочнымъ людямъ, повсюду отлично принимаемымъ и желающимъ выказать свою услужливость намъ въ особенности. Напротивъ, я очень просила его... я увѣрила, что ты будешь чрезвычайно рада... что намъ будетъ пріятно какъ-можно чаще видѣть его въ нашемъ кругу... Другъ мой! сказать по совѣсти, это, для насъ, находка, особенно въ эту минуту, какъ ты лишаешь себя другихъ удовольствій.

Лиза не произнесла ни слова; зато лицо ея показывало глубокую печаль.

— Что это значить, Лиза? важно спросила Анна Павловна: отчего у тебя такое недовольное личико? что тебѣ такъ не понравилось? неужели вѣжливость человѣка, прекрасно воспитаннаго, образованнаго, любезнаго, всѣми уважаемаго въ обществѣ? неужели предпочтеніе, которое онъ тебѣ оказываетъ и въ которомъ многія, очень многія, дѣвицы, намъ равныя, навѣрное уже завидуютъ тебѣ? Цѣлыя десятки найдутся охотницъ играть съ нимъ въ четыре руки. Фш! Лизанька! бояться до такой степени... позволь тебѣ сказать... это ужъ просто смѣшно, и я не понимаю, зачѣмъ намъ ссориться съ этимъ милымъ Сидѣстомъ Бренчиславичемъ Спѣвалаю-Занграйскимъ...

— Ахъ, сестрица! вскричала Лиза съ выраженіемъ горести: неужели на свѣтѣ только и есть что этотъ Сидѣсть Брючславичъ?... развѣ можно для перваго новаго знакома забывать тѣхъ, которые намъ дороги... которые въ тысячу разъ болѣе имѣютъ правъ на нашу дружбу?

— А!!!... вскрикнула Анна Павловна: наконецъ ты изоблчилась... Такъ это онъ причиною...

— Разумѣется, онъ!... съ живостью прибавила Лиза: ты сама понимаешь, душенька Анюта, что я не могу сѣсть за фортепіано съ человѣкомъ, котораго... я давно это знаю... Александръ терпѣть не можетъ... называетъ невѣждою, варваромъ, наглымъ пустомѣлюю... Занграйскій когда-то въ его присутствіи смѣялся надъ Бахомъ и впухъ раскрытковаль Бетховена... вздумалъ доказывать, что одинъ странный аккордъ въ «Пасторальной симфоніи»... въ концѣ андантино... ты его знаешь... ты всегда неприятно вздрагивала, когда его брали при тебѣ... что этотъ аккордъ нелѣпость, фальшь, смѣшная претензія на эффектъ невозможный, между-тѣмъ какъ Александръ видитъ въ немъ цѣлый міръ великаго и чудеснаго. Словомъ они враги... непримиримые враги... я не могу играть съ нимъ!... нѣтъ, нѣтъ, не могу! Онъ еще написалъ и книгу, которую Александръ...

— Ахъ! какое же горькое дитя, сестрица Лиза! съ сановитымъ благоразуміемъ возразила Анна Павловна: тебѣ-то что за-дѣло до ихъ вражды или ихъ дружбы? Враждѣ этой я не вѣрю. Александръ можетъ сердиться на Занграйскаго,

можеть презирать его какъ невѣжду, какъ варвара, какъ пустомѣлю... онъ вспылчивъ, и ты знаешь какъ сверхъ-того онъ упрямъ въ своихъ понятіяхъ... своимъ музыкальнымъ теоріямъ онъ все и всѣхъ на свѣтѣ принесеть въ жертву безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти; но этотъ Сикстъ Бренцалодичъ такой миролюбивый, такой уступчивый, такой, какъ ты говоришь, добродѣтельный, и я увѣрена, нисколько не врагъ Александру за разногласіе въ мнѣніяхъ по дѣламъ искусства. Онъ живетъ въ свѣтѣ, привыкъ къ обмѣну идей и мнѣній, и навѣрное выучился искусству уважать всадъ и не приписывать имъ большой важности нигдѣ, начиная съ себя. Но оставимъ это. Лизанька, другъ мой, сестра! выслушай меня, и услышь меня, услышь голосъ благоразумія и преданности.... Неужели ты серіозно думаешь объ Александрѣ?... неужели ты еще увлекаешься мечтою, несбыточною, ничемъ неоправдаемою? Какой поводъ подаде тебѣ Александръ надѣяться на что-нибудь съ этой стороны? Развѣ ты еще и теперь не видишь, что онъ вѣрса не думаетъ о тебѣ? Онъ забылъ совсѣмъ и насъ и тебя... Нѣкогда еще такъ долго не сердился онъ на насъ послѣ ссоры. Да это естественно: онъ занятъ своей Вѣрочкою; ему некогда и подумать о томъ, что пора бы зайти къ намъ, подать руку и помириться. Двѣ мои записки.... ты ихъ знаешь: онѣ были очень дружескія и любезныя... остались даже безъ отвѣта. Какъ ты назовешь это поведеніе?... Бьюсь объ закладъ, что онъ сидитъ у нея и теперь, въ эту самую минуту, какъ ты пугаешься мысли присѣсть рядомъ съ человѣкомъ, ему противнымъ, который навѣрное не сдѣлалъ ему никакого зла, но котораго онъ ненавидитъ изъ-за однихъ лишь пустыхъ теорій. Выкинь эти вздоры, душа моя, изъ твоей красивой головки. Умно ли думать вѣчно о неблагодарномъ или, еще хуже, о невнимательномъ?... по моему, не примѣтитъ во сто разъ преступнѣе со стороны мужчаны чѣмъ измѣнить. Умно ли отвергать, для неумѣвшаго примѣтитъ, склонность добровольную и явную? Будете говорить откровенно: чѣмъ тебѣ не партія этотъ цослѣ Сикстъ, такой блѣдный и такой интереснѣй? Старинный дворянинъ... человѣкъ съ прекраснымъ состояніемъ... и

как кажется, съ прекраснымъ сердцемъ... кромѣ другихъ личныхъ достоинствъ. Повѣрь, ты принесешь бесполезную жертву, и тотъ, кому, ты принесешь ее, не будетъ тебѣ благодаренъ.... даже не примѣтитъ! Если же и примѣтитъ случайно, что, впрочемъ, сомнительно, онъ назоветъ это сентиментальностью... будетъ надъ тобою смѣяться первый.... Ты знаешь, какъ онъ всегда отзывается о сентиментальныхъ дѣвцахъ и женщинахъ. Играй, другъ мой, играй въ четыре руки... пока не доиграешься до чего-нибудь по-лучше или, по-крайней-мѣрѣ, по-основательнѣе музыки. Случай посылаетъ Провидѣніе на благо людей: тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не умѣютъ ими пользоваться.... Ты повяла меня?

Анна Павловна вѣжно поцѣловала сестру. Лиза должна была убѣдиться этими доводами и согласиться на ея желаніе, хотя, въ душѣ, не раздѣляла ея надеждъ, которымъ сердце сильно противилось. И въ-самомъ-дѣлѣ: зачѣмъ не играть въ четыре руки съ такимъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ? Здѣсь предстоить столько удовольствій, не считая прекраснаго случая усовершенствовать свою игру, что, съ музыкальнымъ сердцемъ, не возможно долго сопротивляться прельщенію подобнаго вызова. Играть съ человѣкомъ противнымъ... о! тогда лучше умереть вѣрною загбт-ной мечтѣ! Но когда бассъ хорошъ собою, любезенъ, внимателенъ, преданъ, мечта можетъ отправиться гулять на время засѣданія: съ ней можно бесѣдовать и послѣ. Лиза вкормилась этими маленькими непріятностямъ, неизбежными при такой обидной неблагодарности невнимательнаго предмета мечты. И прекрасно сдѣлала. Анна Павловна, по инстинкту, сказала великую истину; мослѣ Александръ, какъ мы видѣли, обѣдалъ наканунѣ у Сборовыхъ и провелъ этотъ день съ Вѣрою Николаевною. Правда, вчера онъ былъ не доволенъ ею; приемъ показался ему холоднымъ и обращеніе двусмысленнымъ. Но Вѣра приказала ему явиться сегодня, и онъ явился безпрекословно. И съ того времени, какъ вы знаете, онъ былъ послушный рабъ ея. Прежняя страсть выдохнула со всею силою. Онъ снова искалъ случая объясниться въ своихъ чувствахъ и покончить

*

дѣло однимъ ударомъ, и ему досадно было только то, что, допустивъ его очень близко, проказница всегда умѣла увернуться очень ловко отъ этого удара. Воинственный духъ героя раздражался еще болѣе хитростью слабого и неуловимаго врага, и чѣмъ труднѣе становилась побѣда, тѣмъ славнѣйшимъ казался ему подвигъ, послѣдствіемъ котораго было бы окончательное и торжественное изложеніе злодѣйки-Вѣрочки. Я того мнѣнія, что, при всей вѣрности первому чувству, непонятое сердце имѣетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ полное право играть въ четыре руки съ другимъ, менѣе ледовитымъ, сердцемъ.

Чудное изобрѣтеніе—игра въ четыре руки! Это—не любовь; но что-то такое близкое къ любви, дотога что предеститой и другой почти равноторжественны. Если любовь когда-нибудь исчезнетъ съ лица земли и останутся только фортепіаны, игра въ четыре руки долго не позволитъ человѣчеству вспомнить и сожалѣть о потеряхъ этого прославленнаго чувства.

Сикстъ Брячеславичъ Спѣвала-Заиграйскій не замедлилъ явиться. При первомъ посѣщеніи объ игрѣ въ четыре руки не было и помину: въ городѣ, зимою, столько чудесныхъ случаевъ, столько вздорныхъ событій, столько такъ называемыхъ сплетней, то есть, собственно, общественныхъ дѣлъ, нетерпящихъ отлагательства, для обсужденія, подачи голоса и рѣшенія со стороны каждаго изъ членовъ общества, что бесѣда скользитъ, мчится какъ сани по гладкому льду. Сикстъ Брячеславичъ былъ очень милъ: говорилъ забавно и ушелъ остроумно, то есть, ушелъ такъ скоро, что жаль было зачѣмъ не остался онъ по-долѣе.

— Ну, что? видишь душа моя, смѣясь сказала Анна Павловна, что ты напрасно боялась; опасность совсѣмъ не такъ близка, какъ ты воображала.

Анна Павловна въ это время сказывалась очень больною, чтобы этимъ благовиднымъ предлогомъ прилично прекратить музыкальные вечера. Нужно было самага Виктора Ивановича заставить вѣрить этой болѣзни. И въ самомъ дѣлѣ онъ вѣрилъ — былъ нѣженъ, любезенъ, заботливъ, очарователенъ — а между-тѣмъ его обманывали: платили.

петиховку долги, сокращали расходы, отмѣняли распоряженія сдѣланныя имъ для дорогихъ затѣй, для неумѣстныхъ прихотей роскоши. Читатели никогда не поймутъ высокаго драматическаго положенія двухъ сестеръ, особенно Анны Павловны: они никого не боятся у себя дома: они не понимаютъ ужаснаго страха, тревожнаго состоянія, мучительныхъ мыслей женщины, которая дѣйствуетъ тайно отъ мужа для его же пользы, для его спокойствія, счастья, в увѣрена, что если дѣйствія ея будутъ открыты или угаданы, то, вмѣсто благодарности и нѣжнаго слова, она испытаетъ только упреки, гнѣвъ, грозу, униженіе своего самолюбія, презрѣніе къ своему уму и своей преданности. Нѣтъ никакой возможности дѣлать добро мужьямъ. Деспоты хуже Турокъ! Хвастуны хуже Французовъ! Гордецы, хуже Англичанъ! Себѣ однимъ присвоиваютъ они власть и мудрость, на сушѣ и на морѣ житейскомъ. Скорѣе поцѣлуютъ они васъ, когда ихъ обираете и разоряете, съ полнымъ довѣріемъ къ неисчерпаемымъ средствамъ ихъ великаго дѣловаго искусства, нежели когда любящимъ умомъ, вопреки ихъ волѣ, или безъ ихъ вѣдома, оберегаете ихъ пользы, не щадя съ своей стороны ни жертвъ, ни спокойствія, ни здоровья. Надо быть великою, подобно Аннѣ Павловнѣ, чтобы рѣшиться на этотъ страдальческій подвигъ и совершить его съ нужнымъ терпѣніемъ. Усердно содѣйствуя сестрѣ всѣми мѣрами, добрая Лиза раздѣляла волюнѣ ея страхъ, заботы, мученія. Она понимала недостаточность своихъ средствъ и необходимость вскаты себѣ опоры тамъ, гдѣ никогда въ ней нѣтъ отказа; гдѣ мы находимъ то, что дополняетъ наши силы, что подкрѣпляетъ ихъ любовью, ободряетъ надеждой и озаряетъ вѣрой; она знала, что блага, щедро разсыпанныя вокругъ насъ, назначены для нашего счастья; что мы должны употреблять ихъ благо-разумно, наслаждаться ими съ благодарностью, лишаться ихъ съ покорностью, что этихъ сокровищъ нельзя бросать на вѣтеръ, но надо беречь, покуда у насъ не потребуютъ ихъ обратно. Мы возвращаемъ только данное въ долгъ, и ничего не теряемъ; прійдетъ время, и мы снова найдемъ то, что одакивали. Лиза съ раннихъ лѣтъ привыкла видѣть

въ каждой вещи хорошую сторону, обходить дурную, угадывать выгодную, и такимъ образомъ ей всегда удавалось уменьшить тѣ неприятности жизни, которыхъ нельзя было уничтожить совершенно. Съ своею теплою и сообщительною натурою, она любила, какъ плюцъ, обвивать свою свѣжею зеленою тѣхъ, которыхъ узы крови, отношеніе дружбы или необходимость, приводили въ сопряженіе съ нею. Анна Павловна, въ своемъ тягостномъ положеніи, нашла въ ней истинно безцѣннаго друга — умнаго, вѣрнаго и любящаго. О! Александръ! не умѣлъ ты оцѣнить этой рѣдкой души. Богъ съ тобою!

Вдругъ является къ нимъ снова Сикстъ Брячиславичъ. Но я забываю сказать, что случилось съ Александромъ Петровичемъ. Онъ давно, то есть, уже съ недѣлю, помирился съ Викторомъ Ивановичемъ — какъ всегда мирятся мужчины: встрѣтились на улицѣ, подали себѣ руки, сѣли на кокетѣ съ трюфелями въ ближайшемъ *café-restaurant*, зашли крѣпкимъ виномъ, и вѣчный миръ утвердился на прочномъ основаніи. Они часто видались другъ съ другомъ. Но Александръ не забѣжалъ къ Виктору. По утрамъ онъ былъ занятъ — за обѣдомъ занятъ — по вечерамъ занятъ еще болѣе. Рѣшительно, нѣкогда! Онъ собирался — даже общалъ — но дѣла!.. в такія важныя!... нельзя улучшить ни минутки времени! Анна Павловна знала о заключеніи вѣчнаго міра, но ничего не говорила: не хотѣла огорчать, ни себя, ни Лизы, разборомъ причинъ этого уже слишкомъ дружескаго забвенія ихъ дома со стороны вѣрнаго друга. Словомъ сказать, Сикстъ Брячиславичъ пришелъ очень кстати, именно въ ту пору, когда Лиза, оставивъ фортепіано, ходила по залѣ и думала — думала — думала: вы, навѣрное, знаете чтó и о комъ; даже пришелъ обѣдать. Онъ немножко опередилъ урочный часъ. Разговоръ завязался скоро. Сикстъ Брячиславичъ Сибвала-Занграйскаго говорилъ Аннѣ Павловнѣ о своемъ уваженіи къ ней, объ удовольствіи, какое она доставила ему любовнымъ приглашеніемъ, о своемъ намѣреніи пользоваться ея милымъ обществомъ какъ-можно чаще. Ничто не располагаетъ лучше, какъ хорошее начало. Сикстъ Брячиславичъ не могъ придумать

начала, которое бы вѣрнѣе могло понравиться Лизѣ. Отъ начала зависеть симпатія. Она тотчасъ же и утѣдилась между ними. Всѣ мнѣнія гостя удивительно совпадали съ ея собственными мнѣніями: этотъ человѣкъ какъ-будто сидѣлъ въ ея головкѣ и думалъ ея мыслями. Согласіе было такъ полно, что не могло не произвести благотворнаго дѣйствія. Между-тѣмъ пріѣхали Викторъ Ивановичъ и еще два три собесѣдника. Анна Павловна занялась съ ними, а Лиза продолжала разговаривать съ Сикстомъ Брячиславичемъ, который, вслѣдствіе симпатій, былъ ея опорой въ путешествіи въ столовую и усѣлся возлѣ нея за столомъ.

Обѣдъ—живая жизнь, въ нѣсколькихъ блюдахъ и бутылкахъ. Какая часть свѣта не посылаетъ ему своей данью какой предметъ въ вещественной природѣ или въ умственномъ мірѣ, не спѣшитъ представить ему отъ себя маленький случай къ разсужденію и бесѣдѣ—отъ воды, которую услужливо наливаютъ вамъ въ стаканъ, отъ соли, которой просите у сосѣда, до человѣколюбивыхъ чувствъ, пробуждаемыхъ въ вѣжномъ сердцѣ судьбою жаренаго цыпленка, и до любви, которая зарождается за десертомъ въ рюмкѣ констанса, шампанскаго или малаги? Какая добродѣтель не сіяетъ тогда живѣйшимъ своимъ блескомъ, какой недостатокъ не выказывается во всемъ разоблаченіи? Сколько поля для ума, для любезности, для глузости, для философіи и, особенно, для всеобщей и естественной исторіи человечества. Лиза успѣла сдѣлать нѣкоторыя, очень важныя, наблюденія надъ своимъ сосѣдомъ. Лицо у него было дѣйствительно очень красивое, голосъ звучный, мягкій, пріятный, рука—малая, бѣлая, чисто нарисованная. Черты его были правильныя, тонкія, благородныя; но трудно опредѣлить ихъ выраженіе, потому что оно принадлежало къ школѣ хорошаго тона: почти всегда оставалось одно и то же. По-временамъ отражались умъ и понятливость, но не ясно—осторожно—отлично вѣжливо—такъ, чтобы не перепугать ни чьей глузости. Съ этого лица не было прогнано и сердце, но оно всегда являлось тщательно выбритое, красиво завитое, и въ новыхъ палевыхъ перчаткахъ. Размышленіе тоже оставило свои слѣды. Во всемъ

были видны изящныя привычки. Жизнь спокойная, знакомая съ лишениями, не жадная къ сильнымъ наслаждениямъ, и подчиненіе страстей церемоніалу, простѣчивали сквозь эту гладкую, выточенную наружность безъ угловъ, безъ шероховатостей, безъ выдающихся точекъ, за которыя можно было бы задѣть или ухватиться. Не вооруженнымъ глазомъ, безъ микроскопа или, по крайней мѣрѣ, хорошей лорнетки, нельзя было открыть тѣхъ плѣнительныхъ достоинствъ, которыя у другихъ съ перваго разу бросаются въ глаза, затмѣваютъ собою недостатки и даже пороки, дѣлаются полюсомъ влеченія, притягиваютъ сердца, оживляютъ чувства, пробуждаютъ энтузіазмъ. Разговоръ означеннаго сосѣда былъ легкій, поворотливый, неистощимый, и съ одинаковою пріятностію касался всѣхъ предметовъ. Волненіе, которое почувствовала въ себѣ Лиза въ предшествовавшее посѣщеніе этого господина, повторилось, если только можно назвать это волненіемъ. Къ концу обѣда, когда осталось болѣе простора тому, что было стѣснено тарелками и стаканами и уступало мѣсто неблагородному удовольствію человѣка набивать себя рыночными вещами, Сикстъ Брячиславичъ сдѣлалъ Лизѣ нѣсколько вопросовъ, относившихся прямо къ ней самой. Вопросы эти касались предметовъ, самыхъ драгоценныхъ для Лизы, но она никогда не думала скрывать, или уменьшать, при чужихъ, значеніе, которое имѣли они въ ея глазахъ, и говорила о своемъ любимомъ, почти исключительно, занятіи откровенно, съ любовью, съ увлеченіемъ. Тутъ только оказалось, что за этими вопросами сидѣлъ въ засадѣ злодѣйскій умыслъ Сикста Брячиславича: какъ тигръ, воспламенный видомъ беззащитной, готовой добычи, онъ выпрыгнулъ изъ-за нихъ съ свирѣпымъ предложеніемъ играть въ четыре руки—безъ отлагательства—сейчасъ послѣ обѣда. Лиза такъ перепугалась, что не смѣла предположить ни какого сопротивленія. Бѣдная дѣвушка неожиданно сдѣлалась жертвою коварнаго фортепіаннаго хищника.

Лютый Спѣвала-Заиграйскій не отставалъ отъ нея послѣ обѣда.

— Или я не такъ понялъ ваши слова, Лизавета Павлов-

на, сказалъ онъ: или ужъ такъ несчастливъ, что вамъ не-пріятно заняться со мною музыкой...

О! жестокій Александръ! въ какое положеніе ты ставишь несчастную Лизу! Быть тебѣ измѣнницею! переиѣзать пальцы свои съ пальцами человѣка, котораго ты называешь Скисомъ, безвкусникомъ, барабаномъ, невѣждою, надменнымъ въ сужденіяхъ, не смыслящимъ первыхъ основаній искусства... котораго книгу ты выбросилъ въ окошко... съ которымъ ты даже и здороваться не хочешь... нѣтъ, нѣтъ, никогда!... лучше прежде умереть!... Но обидѣтъ пріятнаго и хорошаго человѣка, быть невѣжливой, безъ малѣйшей причины къ гостю, къ которому, напротивъ, увлекаетъ насъ симпатія... который думаетъ обо всемъ совершенно какъ она и вѣритъ въ любовь ея къ искусству, тогда какъ иные и до сихъ поръ не вѣрятъ... нѣтъ, нѣтъ! этого невозможно!... лучше прежде играть, а потомъ уже умереть... когда случится.

Сикстъ Брячиславичъ стоялъ уже у инструмента и перебиралъ нотныя тетради, наваленныя на немъ. Собраніе пѣснь было большое, но безъ всякой системы, такъ что трудно сказать, чего находилось болѣе: симфоніи, оперы, ораторіи, этюды, увертюры, воспоминавія, которыя можно играть, и воспоминавія, на которыя надо только смотрѣть; музыка новая и музыка старая, сочиненія, родившіяся сегодня и сочиненія отжившія вѣкъ, покинутыя, забытыя за слишкомъ громкимъ и продолжительнымъ усніемъ — таковы были элементы музыкальной библіотеки Лизы.

— И вы играете все это? спросилъ изумленный Заиграйскій.

— Да... почти... улыбнувшись отвѣчала Лиза.

— Конечно, вы любите оперы?

— Очень.

— Я обожаю итальянскую музыку. Одни итальянцы умѣютъ пѣть на свѣтѣ, и одни умѣютъ употреблять музыку согласно съ ея цѣлью, съ ея природнымъ назначеніемъ. Признаюсь, я не большой любитель музыки метафизической, отвлеченной, самовольно удаляющей отъ потребностей жизни, отъ сердца, отъ чувства, отъ человѣка

и дрожащихъ мечтъ его... Какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

— Наши вкусы, я вижу, сходны во многомъ... отвѣчала Лиза, съ тою интересною робостью, которая порождается удовольствіемъ.

— Такъ выберемте одну оперу; ихъ здѣсь такое множество.

Лиза выбрала «Линду», потому что, въ глазахъ исключительнаго Александра, эта опера была нѣсколько прости-гельнѣе другихъ. Александръ, кромѣ-того, не уважалъ музыки, аранжированной для фортепіано, которая, дѣйствительно, представляетъ только эскизъ звукописной картины. Но на этотъ капризъ не стоило обращать вниманія: у него есть воображеніе, тому, при видѣ эскиза, мысль легко и быстро воспроизводитъ все свѣта и тѣни подлинной картины, всю ея прелесть, все ея чудеса, иногда еще великолѣпнѣе или пѣвнѣе чѣмъ въ самой картинѣ. Выборъ былъ особенно хорошъ тѣмъ, что въ сердцѣ своемъ Лиза примеряла имъ двухъ враговъ.

Музыка также прилипчива какъ скука, какъ зѣвота, смѣхъ, веселость, какъ пляска, и прочіе роды судорогъ. Услышавъ первые аккорды, Лиза принялась играть отъ всей души, оставила всторонѣ все тернья, все шипы, и рвала только цвѣты. Страхъ, смущеніе, осторожность исчезли, и она вполне предавалась наслажденію. Въ этой оперѣ, написанной для нѣмецкой публики, которою управляютъ кашлемейстеры, Доницетти уклонился всего менѣе отъ такъ-называемой драматической истины. Здѣсь онъ не творитъ, но только излагаетъ сюжетъ, переводитъ слова драмы на языкъ музыки. Здѣсь, можетъ-быть, онъ менѣе удивителенъ, но зато болѣе правиленъ, а для классиковъ правило священнѣе самаго геніальнаго вдохновенія. Никакая зависть не можетъ винить его въ отступленіи отъ требованій школы. Прекрасныя мелодіи разсыпаны здѣсь богатою рукою, которая не нуждается вести имъ счетъ. Отчаяніе отца, она-самоубицагося за свое дитя, любовь отвергнутой дочери, переходящая въ безуміе, родные звуки Савои, которые должны произвести душевный переворотъ, радость стараго безумца,

любящаго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ короче время, все это выражено такъ вынухло, такъ сно, и вмѣстѣ такъ мелодично, что нельзя обмануться и не быть въ восхищеніи. Одушевленіе Лизы возрастало съ каждою страницей, и вмѣстѣ съ Лизой одушевлялся ея музыкальный сотрудникъ. Арии, дуэты, статьи сложнаго пѣнья, смѣнялись безъ промежутковъ, и работа пальцевъ кончалась ровно послѣднимъ тактомъ сочиненія. По прелестному выраженію лица Лизы видно было, что она хорошо провела вечеръ и не думала расставаться. Сикстъ Брячиславичъ былъ не менѣе доволенъ: причины удовольствія — разныя, но дѣйствія одна.

— И вы говорили, Лизавета Павловна, что не довѣряете себѣ! Я рѣшительно не замѣтилъ въ васъ страху: какая живость! какая твердость! сколько священнаго огня!.. Рѣдкіе такъ чувствуютъ и такъ хорошо понимаютъ музыку. Этотъ вечеръ составитъ незабвенную эпоху въ моей жизни. Никогда и ни съ кѣмъ не игралъ я такъ пріятно... Я едва слѣдилъ за вами, и долженъ просить у васъ ободренія. И прочая, и прочая: какъ всегда говорятъ мужчины, которые умѣютъ играть съ женщинами.

Если Лиза не могла въ первый разъ не поддаться увлеченію, то во второй это было еще невозможно — потому къ третій — въ четвертый — и такъ далѣе. Сиксту Брячиславичу было такъ отрадно отъ этой теплоты, которая оогрѣвала его пальцы, нѣсколько отнѣмившіе отъ него оцѣта въ замннательныхъ случаяхъ къ упражненію; его воображеніе, нѣсколько дремавшее безъ возбуждающей силы, такъ горячо принялась за сладкія мечты, за волшебныя надежды, за изнннтельные ощущенія, что дѣло пошло легко и быстро до предѣловъ дружбы, которая, какъ известно, граничитъ съ симпатіей. Сердце Лизы сжималось не-временамъ предчувствіемъ какого-то несчастья, какой-то страшннй и немннуемой бѣды, но она удаляла отъ себя эти зловѣщія привидѣнія силою разсудка и воли. Вступивъ однажды въ атмосферу, въ которой ощущенія такъ воздушны, что нельзя уловить, такъ чисты, что ими воспользоваться невозможно, такъ прекрасны, хотя и не имѣютъ

опредѣленной формы, что невольно запечатлѣваются въ умѣ и въ сердцѣ, она нашла спокойствіе и счастье.

Посѣщенія Сикста Брячиславича сдѣлались очень частыми. Всѣ замѣтили, что москѣ Спѣвала-Заиграйскій находить страшное удовольствіе въ близких сношеніяхъ съ семействомъ Мечневыхъ. Въ Лизѣ онъ съ своей стороны замѣчалъ душу пылкую, мечтательную, способную къ глубокому и невзмѣнному чувству, но въ тоже время казалось ему, что ей какъ-будто не ловко носить сердце въ груди. Онъ не могъ объяснить себѣ причинъ этой осторожности, доходившей иногда до холоднаго обращенія, этой принужденности и неясности, которыя въ послѣднее время стали примѣшиваться къ ея откровенному характеру, къ этой сладкой и прелестной дружбѣ, начавшейся такъ тепло, такъ свѣтло, при такихъ благополучныхъ предзнаменованіяхъ. И Лиза не могла изложить ему этихъ причинъ. А онѣ были просты. Со всѣхъ сторонъ сходились печали, заботы, опасенія. Бѣдствія Анны Павловны не уменьшились, но только перемѣнились. Не опытная въ дѣлахъ, болѣе вѣрившая совѣтамъ сердца нежели наставленіямъ арифметики, она разорилась, не обогативъ мужа. Лиза, еще не опытивъ ея, не могла пособить горю: она могла только страдать вмѣстѣ, и страдала. Чтобы забыть боль, ей нужна была музыка — какъ-можно болѣе музыки — и она игра — играла — Сикстъ Брячиславичъ игралъ съ новою изе всѣхъ силъ — до онѣмѣнія пальцевъ — и ничего не понималъ!.... Что это за игра въ четыре руки, гдѣ ничего не говорятъ о чувствѣ и о счастьи, гдѣ слова нельзя вѣрнуть о томъ, что занимательнѣе и слаще всякой музыки? Это уже противно всѣмъ правиламъ искусства!

Сикстъ Брячиславичъ сталъ наконецъ подозрѣвать мученія скрываемой печали и вздумалъ дать испытъ Лизѣ испытанное противъ всѣхъ болѣзней души и сердца лекарство — развлеченіе. Но ни какія занимательныя предложенія не могли выманить ея изъ тѣснаго домашняго круга. Однажды, зайдя около полудня съ особеннымъ усердіемъ уговаривалъ онъ посѣтить музыкальное утро, одно изъ тѣхъ утръ, которыя тогда давались молодыми аматерами обесге

нола и слѣдовательно, привлекали къ себѣ многочисленную и блестящую публику. Артисты, любители старой музыки, и любительницы молодыхъ музыкантовъ, толпились въ этихъ собраніяхъ, гдѣ были исполняемы большія и знаменитыя творенія, преимущественно симфоніи. При первомъ упоминаніи о музыкальныхъ утрахъ, которыя давались въ ту зиму подъ покровительствомъ моды, Лиза вздрогнула, сдѣлалась еще задумчивѣе, и рѣшительно отказалась ѣхать. Сикстъ Брячиславичъ опять сталъ въ тупикъ. Не дѣлать нечего: прелестный другъ его не хочетъ; безконечно любезная Анна Павловна тоже нисколько не обнаруживаетъ расположенія; и Сикстъ Брячиславичъ отправился туда одинъ. Многіе изъ его пріятелей участвовали въ этомъ добротномъ оркестрѣ: ему нельзя было не пойти. Онъ общался пріѣхать вечеромъ.

Отчего эта милая Лиза, спокойная какъ зеркало, пришла вдругъ въ такое смущеніе, лишь только зашла рѣчь о пѣніяхъ въ музыкальное утро Общества Любителей Гармоніи? Этого Сикстъ Брячиславичъ не могъ никакъ постигнуть, и напрасно мучилъ онъ умъ свой различными гипотезами. А дѣло опять объяснялось просто. Въ этихъ утрахъ участвовало одно чудовище, участвовало умомъ и звукомъ — смычкомъ и мудростью — какъ членъ и какъ распорядитель — чудовище невнимательности и неблагодарности — Александръ Петровичъ Вологдинъ. Не хотѣли встрѣтиться съ нимъ въ публичномъ мѣстѣ, когда онъ избѣгалъ встрѣчи подъ дружескою кровлею — считали унизительнымъ навязываться къ нему свиданіемъ и какъ-бы просить о подавнн хотъ поклономъ, хотъ взглядомъ, — если угодно, считали можетъ-быть и видъ его нѣсколько опаснымъ для своего спокойствія. Вотъ разгадка проблемы, казавшаяся Сиксту Брячиславичу неразрѣшимой.

Музыкальные утра молодыхъ любителей той начались знаменитою девятою симфоніей Бетховена, которую друзья Александра условились исполнить для развлечения его въ грусти, казавшей благополучно раскаявшейся. Успѣхъ предпріятія оказался восторженнымъ соучастникамъ детского бессмертнымъ, что они рѣшились составить общество и

продолжать потѣху въ видѣ публичныхъ ежемѣсячныхъ засѣданій. Возвратясь подъ чародѣйское имя Вѣры Николаевны, Александръ, спокойный и счастливый, съ этакимъ момѣмъ предался важному дѣлу, мчавшемуся съ него и которое казалось ему великимъ, бесконечно славнымъ. По принадлежности, онъ сталъ головою этого сборнаго гѣла. По его ученому указанію, въ произведеній, признанныхъ образцовыми, выбирались самыя мастерскія и исполнялись съ примѣчательнымъ разумѣніемъ технической части. Музыканты были въ восторгѣ отъ себя. Публика была въ восторгѣ отъ музыкантовъ. Не музыкою едва-ли кто-нибудь восхищался: вспомнивъ, что она — образцовая, каждый разумѣлся, приводилъ въ восхищеніе, по обязанности, и тотчасъ обращался опять къ своимъ мыслямъ или къ разговору съ сосѣдами. Въ промежуткѣ двухъ отдѣловъ великаго творенія, одна прекрасная дама, сидѣвшая въ первомъ ряду, спросила Сикста Брячиславича какъ ему нравится оно.

— Не могу жазать, сударыня, отвѣчалъ мосѣ Сибвала-Заграфскій: я не знаю нѣмецкаго языка.

Дама разсмѣялась. Александръ, стоя на край острады, слышалъ эту выходку. Вся кровь закипѣла въ немъ отъ негодованія. Онъ хотѣлъ схватить обѣими руками спящій у ближайшаго стула контрабасъ и, съ подмошкой, одѣвая ударъ съ полнаго размаку по пустовзвонкой головѣ, убить варрара на-мѣстѣ. Счастъ Брячиславичъ Сибвало-Заграфскій находился на одинъ волосъ отъ страшной погибели, отъ примѣрнаго классическаго наказанія, которое въ исторіи трансцендентальной музыки сдѣлалось бы незабвеннымъ. Спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ Вѣрѣ Николаевнѣ Сборовой, которой чудесный взглядъ печально упалъ къ пылающе гнѣвомъ зрачн Александра, ослабилъ его зрѣніе, расплавилъ сердце и удержалъ руки.

Александръ Петровичъ былъ счастливѣе Сикста Брячиславича: этому Диза отказала; по предложенію того Вѣра пріѣхала съ явственнымъ удовольствіемъ. Но Александръ Петровичъ былъ не совсѣмъ правъ въ негодованіи своемъ на дерзкаго варрара. Я готова неспорить съ нимъ объ этомъ. Я чувствую — истинникъ говоритъ мнѣ — что въ

музыкѣ, даръ безсловеснаго слова, должны быть и дѣйствительно есть языки, такъ же какъ въ дарѣ словеснаго слова, нѣмецкій, италіянскій, испанскій, шотландскій, русскій, шведскій, турецкій, которые зовутъ музыками нѣмецкою, италіянскою, русскою, и такъ далѣе. Эти музыкальные языки совершенно независимы другъ отъ друга и служатъ выраженіемъ національнаго характера, чувства и разума. Который языкъ прекраснѣе, этого рѣшить невозможно ни какими доводами челоуѣческими. Здравый смыслъ говоритъ, что всѣ языки должно быть равно прекрасны, какъ скоро понимаешь ихъ въ равномъ совершенствѣ, потому что всѣ равно совершенно выражаютъ одно и то же — вещественныя и душевныя нужды народовъ. Нужды различны: это дѣло другое; нужды и сообразныя съ ними вкусы не подлежатъ ни какому разбору; на нихъ надо согласиться, и каждый изъ насъ къ правѣ принять или отвергнуть нужды и вкусы не своего народа; но языки дѣлаютъ свое дѣло, какъ Богъ приказалъ, и слѣдовательно дѣлаютъ его какъ-нельзя лучше. Изъ этого для меня ясно, во-первыхъ, что надо знать эти музыкальные языки превосходно, чтобы истинно наслаждаться гениальными твореніями, которыя на нихъ писаны; во-вторыхъ, что каждый имѣетъ полное право любить болѣе всѣхъ тотъ языкъ, въ которомъ родился, или который хорошо научилъ, потому что сравненіе ихъ относительныхъ достоинствъ выходитъ изъ предѣловъ возможности челоуѣческой; и, въ-третьихъ, что симфонія, за которую Александръ Петровичъ хотѣлъ убить контрабасомъ Сикста Браччелавича, дѣйствительно и несомнѣнно писана на нѣмецкомъ языкѣ. Какъ можно сердиться на челоуѣка за то, что по-нѣмецки онъ не понимаетъ или понимать не желаетъ, а понимаетъ по-италіянски или по-русски? Невѣжда и варваръ тотъ, кто непремѣнно хочетъ принудить другихъ любить лишь тотъ языкъ, который ему нравится, потому что этотъ языкъ ему понятенъ съ-роду или сталъ понятенъ по искусственному привычку. Если бы всѣ люди такъ хорошо какъ Александръ Петровичъ понимали то, что Нѣмцы говорятъ въ-своему, по-нѣмецки, на скрипкахъ, флейтахъ, кларнетахъ, валторнахъ и контрабасахъ, торжество ихъ музыки было

бы повсемѣстное. Тогда, ихъ великіе музыкальные писатели, которыхъ имена такъ отрадно мнѣ прописывать — потому что немножко смыслю и я по-нѣмецкому—тогда вы, свѣтила туманной Германіи, вы были бы свѣтилами вселенной. Тогда вашей общезвѣстности не было бы предѣловъ; ни одно облако не затемнило бы вашей славы. Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ, Мендельсонъ, Бахъ, Веберъ! какъ бы ни назывались вы, къ какой бы не принадлежали школѣ: вы—великіе люди; вы—геніи; какъ жаль, что вы были Нѣмцы и писали для однихъ Нѣмцевъ на ихъ нѣмецкомъ языкѣ, такомъ темномъ, запутанномъ, не-симпатическомъ! Зачѣмъ не вознеслись вы выше всякой національности и не создали языка новаго, небывалаго, понятнаго всему человѣчеству? Я увѣрена, что тогда ваши музыкальные мысли просвѣтили бы людей—даже сдѣлали бы ихъ лучшими; вы доказали бы безъ всякихъ доводовъ и споровъ, что ваша музыка вполне заслуживаетъ удивленія и благодарности. Кто можетъ слушать первое аллегро «Героической симфоніи», не чувствуя на себѣ электрическаго сотрясенія? Невозможно устоять противъ этого увлекательнаго краснорѣчія. Если даже кого не занимаетъ сюжетъ, если даже самый языкъ кому непріятенъ по своей нѣмецкой турнюрѣ, и тотъ чувствуетъ, что тутъ говоритъ геній. Не возможно слышать аллегретто симфоніи въ la, анданте симфоніи въ do минорномъ, и не чувствовать въ нихъ души и сердца великаго писателя. Взявъ одно только искусство, одинъ только умъ, и тутъ должно преклониться передъ величіемъ генія, который такъ замысловато выражаетъ неопредѣленными звуками то, чего нельзя передать на словахъ и что однако жъ каждый чувствуетъ въ самомъ себѣ.

Изъ этого вы готовы заключить, что я записная Нѣмка—еще хуже, что я—Нѣмецъ? Нѣтъ, не бываетъ этому! Я—Русская, душою и сердцемъ, разумомъ и чувствомъ. Но я страстно люблю нѣмецкую музыку, потому что изрядно понимаю это нарѣчіе нѣмецкаго языка Шиллера и Гёте. И ровно также страстно люблю я музыку итальянскую, потому что столько же понимаю и это нарѣчіе итальянскаго языка Тасса и Аріоста. Ни одному изъ нихъ не отдаю я проиму-

щества передъ другими, когда разсуждаю хладнокровно. Но когда увлекаюсь прямымъ чувствомъ, безотчетною симпатіей, я дѣлаю почти тоже что дѣлаютъ всѣ люди въ Европѣ, что даже дѣлаютъ Нѣмки въ самой Нѣмечинѣ: онѣ звѣаютъ и дремлютъ при музыкѣ своихъ Нѣмцовъ, и когда хотятъ сильно чувствовать, воспламениться, испытать сладость восторга, то идутъ въ итальянскую оперу. Языкъ симпатичнѣе!... языкъ слаще и яснѣе!... Не воля человѣка, не его искусство, а Богъ создалъ такой языкъ: и разсуждать тутъ нечего. Изъ всѣхъ книгъ на свѣтѣ ловчѣе и пріятнѣе прочихъ читаются французскія; изъ всѣхъ музыкъ ловчѣе и пріятнѣе слушаются итальянскія. Но это не пренятствуетъ никакому языку имѣть самыя мастерскія, самыя удивительныя творенія по части литературы и по части музыки, творенія которымъ языковеды по-справедливости удивляются.

Въ это утро исполняли именно «Героическую симфонію» Бетховена. Не вспомню, кто-то замѣтилъ, что эта симфонія написана подъ неблагополучною звѣздою; что, подобно кометамъ, она всегда предвѣщаетъ бѣдствія. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ какъ «Героическая симфонія» существуетъ, еще ни разу не могли разыграть ее безъ того, чтобы не случилось какое-нибудь несчастіе. Александръ Петровичъ не вѣрилъ этому. Вѣра, одѣтая несравненно, пріѣхала до начала симфоніи, съ одной своей родственницею, и заняла крайній стулъ въ третьемъ ряду по лѣвую сторону, чтобы удобнѣе видѣться съ знакомыми и лучше кому слѣдуетъ показать свой нарядъ. Александръ немедленно подошелъ къ ней. Вѣра была въ чудесномъ расположеніи духа, говорила много, мило, остро, и восхитительно играла въ глаза и улыбки. Александръ былъ напротивъ озабоченъ тысячью одною подробностью великаго музыкальнаго подвига, который долженъ былъ совершиться подъ его мудрымъ руководствомъ.

— Ахъ! какой вы скучный! смѣясь сказала ему Вѣра: вы не слышите что я вамъ говорю; отвѣчаете не впадѣ; спрашиваете о томъ, что сейчасъ вамъ сказали. Что это

съ вами? Вы ужасно разсѣяны. Вы должны быть влюблены. Я это замѣчаю уже нѣсколько дней. Вы влюблены?

— Да! я влюбленъ, твердо отвѣчалъ Александръ.

— Ужасно?

— И высказать нельзя.

— Право? сказала Вѣра съ особеннымъ наклоненіемъ голоса и съ такою пѣвительною улыбкою, что у Александра сердце выпрыгнуло изъ груди. Видите, что я угадала.... Въ кого?

— Это мой секретъ.

— По этому-то я хочу знать.

— По этому-то я не могу сказать.

— Тѣмъ болѣе я имѣю право на вашу довѣренность. Развѣ мы не друзья?

— Ужаснѣйшіе!

— Я хочу знать всѣ секреты моихъ друзей. Я ужасно любопытна, вамъ это, кажется, извѣстно.

— Мнѣ напротивъ извѣстно, что вы ужасная трусиха. Вы пугаетесь подобныхъ довѣренностей, увертываетесь отъ нихъ всѣми средствами, бѣгаете всякой бесѣды о чувствахъ...

— Не всегда... Когда я вижу, что мои друзья страдаютъ... терзаютъ голову... разсѣяны и скучны, подобно вамъ теперь... я принимаю живѣйшее участіе въ ихъ чувствахъ... я несказанно добра... немножко проказлива... избалована... вы же сами балуете меня!... но въ дружбѣ я вѣрна и предана... въ дѣлѣ, въ тайнѣ, надежна... и поэтому очень люблю довѣренности...

— Чтобы потомъ насмѣхаться надъ ними. Знаю я васъ!

— Вотъ ужъ совсѣмъ не знаете! И доказательство тому: я принуждена сама себя хвалить передъ вами. Что жъ дѣлать, когда вы меня не понимаете!... Вы скажете мнѣ вашъ секретъ за обѣдомъ...

Вѣра съ наслажденіемъ пользовалась публичнымъ мѣстомъ и большимъ обществомъ, гдѣ никакія признанія не возможны, чтобы разжигать, дразнить, мучить своего обожателя, съ совершенною безопасностью. Дома, она знала, ей легко будетъ ускользнуть отъ изъясненія, опитъ на не-

определенное время. Но въ Александрѣ кровь страшно волновалась. Онъ весь дрожалъ. «Наконецъ-то! думалъ онъ: наконецъ крѣпость хочетъ сдать на капитуляцію... Ахъ! Боже мой! что я дѣлаю!.. я здѣсь болтаю... я горю... я теряюсь... а мнѣ нужно безпредѣльное хладнокровіе для этой чудной музыки... и меня тамъ ждутъ!...»

— Нѣтъ, не за обѣдомъ, а вечеромъ, сказалъ онъ, поспѣшно оправляясь. Послѣ «Героической симфоніи» у насъ еще будетъ героическій обѣдъ, по уставу Общества. Но я долго не останусь...

— Не забудьте же! сказала Вѣра, устремивъ прямо въ глаза самый неотразимый изъ своихъ взглядовъ, томный, нѣжный, влажно-блестящій.

— Въ девять часовъ... навѣрное!.. прощайте!.. до свиданія!.. торопливо примолвилъ Александръ, счастливый какъ Магометъ возвращающійся изъ рая на своей крылатой кобылѣ.

Онъ протянулъ къ ней руку. Она подала свою; и, тогда какъ онъ жалъ, крѣпко, здорово, по-английски, она пожала кисть его сверху и снизу кончиками двухъ пальцевъ легонько, едва чувствительно, такъ misterioso, что у него кожаръ сдѣлался въ пяткахъ. Онъ думалъ, что кто-нибудь подкинулъ ему въ сапоги два красные угля, что каблукъ горитъ, что полъ проваливается, и убѣжалъ.

До сихъ поръ, и еще немножко далѣе, до конца первой гармонической поэмы, все шло благополучно. Отселѣ начинаются бѣдствія, несчастія и горести, неразлучныя съ «Героическою симфоніею», и которыя вы сейчасъ увидите.

Первое бѣдствіе: но вы уже видѣли его .. это — исторія съ Сикстомъ Брячиславичемъ Спѣвалою-Заиграйскимъ и контрабасомъ.

Второе бѣдствіе—еще ужаснѣйшее. Спѣвала-Заиграйскій, благоразумно отойдя отъ эстрады, на которой было восемь контрабасовъ, помѣстился возлѣ Вѣры и завязалъ разговоръ съ нею. Счастливая въ любви, въ красотѣ, въ чудесномъ своемъ костюмѣ, Вѣра предалась бесѣдѣ съ кокетливою веселостью, острилась, смѣялась, и не обращала вниманія на музыку. Подъ сладостнымъ влияніемъ этихъ

трехъ элементовъ обольщенія Спѣвала-Заиграйскій вознесся до необыкновенной степени одушевленія. Чѣмъ величелѣннѣе было мѣсто въ симфоніи, тѣмъ менѣе они слушали его, тѣмъ интереснѣе, казалось, былъ разговоръ у нихъ съ этимъ варваромъ, Скиномъ, Патагонцемъ, невѣждою, полотеромъ. Я не берусь... нѣтъ! никакое перо не въ силахъ... изобразить негодованіе, ревность, ярость Александра. Руки у него дрожали, смычокъ прыгалъ, ноты legato превращались въ staccato. Въ одномъ мѣствѣ онъ пропустилъ цѣлую нотную строчку—девять тактовъ—въ другомъ сталъ играть prestissimo вмѣсто andante maestoso — въ третьемъ забылъ подать условный знакъ барабану, къ которому былъ опредѣленъ его собственный лакей, на основаніи древняго обычая аматорскихъ оркестровъ. Замѣшательство музыкантовъ—безладница — страшные диссонансы—потеря самыхъ могучихъ эффектовъ — фiasco!... Не возможно себѣ представить отчаянія Александра. Онъ только ждалъ послѣдняго аккорда симфоніи, чтобы тутъ же, безъ потери времени, расправиться съ зловреднымъ Спѣвалою-Заиграйскимъ и поспорить съ Вѣрою. Но Вѣра уѣхала еще до окончанія третьей части и вслѣдъ за нею исчезъ Заиграйскій.

Хладнокровіе мало-по-малу возвратилось къ Александру Петровичу. Онъ сталъ играть лучше и посматривать на залу спокойнѣе. Разъ какъ-то показалось ему, что въ послѣднихъ рядахъ сидитъ Лиза. Онъ устремилъ туда все свое вниманіе. Нѣтъ! это не она!... «Однакожь, думаю онъ про себѣ: ей бы слѣдовало здѣсь быть!... Ахъ! эти женщины! эти женщины!... просто, съ ума сойдешь съ ними... поверхностныя!... легкомысленныя!... своенравныя!... ничего нѣтъ основательнаго!... ничего фундаментальнаго!... Хотя бы напрямѣръ Лиза: знаетъ, что я здѣсь, что я этимъ управляю, что это не какіе-нибудь пустыя, и ни одного разу сюда не пожалуетъ... Ну доказываетъ ли это, что она любитъ музыку?... А увѣриетъ меня постоянно! Ну, теперь я убѣжденъ: она совершенно равнодушна къ образцовымъ произведеніямъ, даже не подозрѣвала бы, что они существуютъ, еслибъ я не говорилъ о нихъ, еслибъ не игралъ ихъ для нея на фортепіано, чтобы хоть

этим путем внушить ей желаніе услышать истинное высокое, во всемъ гармоническомъ великолѣпіи его. Для чего выставлать на-показъ чувство, котораго не имѣешь? Зачѣмъ хотѣть увѣрить въ томъ, чего нѣтъ? Ужъ за одно это я люблю Вѣру... хотъ и съ ней-то ужасно трудно... Невостижимое существо!... прямой демонъ!... А ужъ съ Заиграйскимъ я раздѣляюсь. Не уйдетъ онъ отъ моихъ рукъ... Но по-крайней-мѣрѣ Вѣра не хочетъ прослыть за страшную музыкантшу... играетъ что ей вздумается, для забавы, для препровожденія времени, и я не говорю ни слова... Сегодня вечеромъ... ну, теперь уже, быть концу!... Она любить... не скрывается съ тѣмъ, что любить... и родители, кажется, желаютъ... и между-тѣмъ поймать ее нельзя!.. Шалить хочется сударинѣ. Ну, да я это уйму послѣ свадьбы... Она очень послушна... это главное... исключая въ любви... Но въ любви женщина—начальница и законъ: это—ея право, ея достоиніе... На счетъ инаго прочаго: жену такую едва-ли найдешь на свѣтѣ, которая бы любила квартеты, симфоніи, важную, основательную, ученую музыку: жаль!.. очень жаль!.. Во всякомъ случаѣ, Вѣра—прелесть... Но вамъ, мосьё Спѣвала, это даромъ не пройдетъ... Посмотри, куда залѣзъ, невѣжда!...»

Утро кончилось, и наступило третье бѣдствіе. Въ восемь часовъ Александръ уже былъ у Сборовыхъ. Онъ быстро взбѣгаетъ по лѣстницѣ—входитъ—о!.. боги!.. о! ужасъ!.. онъ окаменѣлъ. Эта Горгона сидитъ себѣ, очень отраднo, въ низенькихъ и развалистыхъ креслахъ, почти у ногъ Вѣры. И разговоръ у нихъ опять такой веселый, такой, по-видимому, интересный!... Зачѣмъ уже не убилъ его контрабасомъ!... Не взять ли этого Спѣвалу за воротъ и не выкинуть ли его въ окошко?... Зачѣмъ онъ здѣсь?... Кто его пригласилъ?.. Бѣшенство Александра превосходило всякое описаніе. Онъ поблѣднѣлъ; задрожалъ; но подошелъ къ нимъ очень спокойно и поклонился: поклонился одной только Лизѣ. Она тотчасъ обратилась къ нему со всей своей любезностью, со всемъ умомъ, граціей, очарованіемъ. Но Александръ казалъ видъ мраморной статуи, которая въ самое теплое время холодна на прикосновеніе. Камен-

ный гость усѣлся и отвѣчалъ на все односложно, протяжно, могильнымъ голосомъ, совершенно какъ Командоръ въ «Донъ-Жуанъ» Моцарта.

Кто пригласилъ Спѣвалу? Разузнется, Вѣра! Опасаясь, что этотъ вечеръ будетъ рѣшительнымъ, сообразивъ, что надъ ея свободою виситъ на волоскѣ страшный мечъ Володина, принявъ въ уваженіе свою власть надъ этимъ бурнымъ характеромъ, она избрала Заиграйскаго временнымъ щитомъ противъ нападенія, которое снова сама же вызвала. Чтобы воспрепятствовать страшному признанію, она повзала Заиграйскаго обѣдать, увѣряя, что это будетъ очень пріятною нечаянностью для ея родителей, послѣ обѣда удерживала его всѣми мѣрами своего остроумія, въ присутствіи Александра — впрочемъ она ничего не знала объ ихъ гармонической враждѣ: Заиграискій былъ давнишнимъ знакомцемъ Сборовыхъ — въ присутствіи своего избранныя обожателя она кокетничала съ нимъ на-пропалую, еще свирѣпѣе чѣмъ въ его отсутствіе. Этого уже каменный гость не могъ вынести. Онъ всталъ, сперва отправился въ кабинетъ къ Сборову, который былъ нездоровъ, потомъ вышелъ оттуда прямо на лѣстницу и уѣхалъ домой — въ бѣшенствѣ — въ негодованіи — въ отчаяніи. Дома онъ заплакалъ... отъ ярости... или отъ любви... или отъ ревности... не знаю; но это все-равно. Ночь прошла въ адскихъ мученіяхъ.

Нѣтъ, Вѣра — рѣшительно кокетка!.. безсовѣстная... отвратительная.... Пустыя дѣвчонка, и все тутъ! Что объ ней думать по-напрасну?... не стоить! Жаль, что вчера Лиза не пріѣхала на это злосчастное музыкальное утро. Въ глазахъ Вѣры Александръ занялся бы ею такъ горячо, такъ нѣжно, что негодная дѣвушка... если въ ней есть малѣйшая искра чувства или самолюбія... лопнула бы тутъ же отъ ревности или отъ досады. Лиза, конечно, стоить Вѣры. Нѣтъ! она вдесятеро, во сто, въ тысячу разъ лучше Вѣры. Кула Вѣрѣ!.. Лиза и красивѣе, и милѣе, и умнѣе, и основательнѣе Вѣры... за исключеніемъ одой лишь музыки. Александръ сталъ припоминать всѣ обстоятельства послѣдняго свиданія, въ которое Лиза оставила въ немъ самое

сладостное впечатлѣніе, и почувствовалъ себя какъ-то спокойнѣе. Дѣйствительно Лиза въ этотъ злосчастный день была прелестна: лицо ея сіяло торжественною красотою; умъ, любезный и гибкій, скользилъ по всѣмъ предметамъ разговора такъ живо, такъ увлекательно, что нельзя было разстаться съ этимъ очарованіемъ. Никогда Александръ не видалъ ея такою какъ въ тотъ день. Глупо было бы ставить свое счастье, свою будущность, въ зависимость отъ особы, на которую два часа сряду не возможно полагаться... какъ не богата ея головка средствами къ пріятной семейной жизни. Но и съ Лизою также нечего бояться, ни однообразія, ни скуки. Что касается до чувствъ, то она... кажется... того... Въ послѣднее свиданіе было что-то такое, особенное... Со временемъ это можетъ сдѣлаться любовью... Александръ непремѣнно поѣдетъ къ Лизѣ — сегодня же — тѣмъ болѣе что ему нужно непремѣнно побывать у Мечневыхъ. Съ нѣкотораго времени ходили насчетъ ихъ странные слухи. Говорили, будто въ ихъ семействѣ происходятъ большія перемены: все имѣніе описано и назначено къ продажѣ съ молотка; Викторъ Ивановичъ не сдержалъ контракта по огромнымъ подрядамъ и поставкамъ, въ которыя пустился онъ въ послѣдніе годы; кромѣ-того онъ проигралъ важный процессъ; а между-тѣмъ Анна Павловна получила богатое наслѣдство, платитъ мужнины долги, дѣлаетъ экономію, прекратила свои великолѣпные вечера, и скоро уѣдетъ въ деревню, поправлять разстроенныя дѣла, которыя впрочемъ поправятся черезъ богатое замужство Лизы — съ кѣмъ—это покаместъ секретъ; но музыка кончила свое пребываніе у Мечневыхъ, ею не занимаются болѣе, артисты и музыканты уволены въ отставку, въ ложѣ сидятъ не знакомыя лица, тогда какъ, ни сама она, ни сестра ея, болѣе не являются, и прочая, и прочая. Александръ удивлялся, что Мечневъ не говоритъ ему ни слова!

Но если половина слуховъ была, навѣрное, ложью, зато въ другой половинѣ могло заключаться нѣсколько правды. Вологдинъ сожалѣлъ, что удался отъ своихъ единственныхъ друзей именно при такихъ обстоятельствахъ,

когда они, может-быть, всего больше нуждаются въ его помощи или содѣйствіи. Ревность — мерзкое чувство — замаранное грязью и кровью — но, безъ сомнѣнія, необходимое для какаго-то блага человечества. Ревность заставила Вологодина вспомнить Лизу. Мысль о Лизѣ пода-ла случай сдѣлать доброе дѣло. Онъ поѣхалъ. Съ силь-нымъ волненіемъ сердца взошелъ онъ по лѣстницѣ забы-таго дружескаго дома, приказавъ швейцару не подавать сигнала. Въ передней никого нѣтъ. Онъ осторожно вхо-дитъ въ комнаты: ему хочется прежде всего видѣть Ли-зу и застать ее одну. Въ первыхъ дверяхъ уже слышатся звуки фортепiano. Она — здѣсь!

«Все та же!» подумалъ Александръ и остановился на нѣ-сколько секундъ, чтобы послушать. Играютъ «Лучію». Онъ поморщился, и тихонько пошелъ далѣе. Въ залѣ, гдѣ стоялъ превосходный зрарь, никого нѣтъ. Гдѣ же она? Звучи происходятъ изъ боковой гостиной. Онъ поворачиваетъ въ ту сторону. Мягкіе ковры спасительно уничтожаютъ стукъ несиромныхъ каблуковъ. Вотъ онъ — въ двери, и заглядываетъ... О! мерзость мерзостей! о, громъ и молнія! о, проклятіе!... Нѣтъ, этого ужъ слишкомъ!... это невыноси-мо!... Онъ отскочилъ пять шаговъ назадъ, чтобы не ви-дѣть такой ужаси. Спѣвала и сюда забрался! Этотъ вар-варъ играетъ въ четыре руки съ Лизою! этотъ невѣжда вѣртитъ ея вкусъ и сообщаетъ ей свои ложныя, смѣшныя понятія!... И какъ одушевленно переглядываются они во время игры!... да еще съ какими улыбочками!... Въ городѣ говорили—но Александръ не вѣрилъ — будто Лиза выхо-дитъ замужъ. Полю, не за Спѣвалу ли? За этого Ски-ва!... Прекрасныя привѣтъ онъ теоріи его ученицъ! Нѣтъ, рѣшительно этотъ человѣкъ взялся выжить его изъ Божья-го свѣта; становится на всѣхъ путяхъ его; разсыпается мелкимъ бѣсомъ, чтобы мѣшать ему вездѣ и во всемъ. Первымъ плодомъ бѣшенства Александра Петровича была жестокая мысль — уѣхать ни съ кѣмъ не выдавшись — уѣ-хать и никогда болѣе не проѣзжать по этой улицѣ. Но какъ дѣла-то Мечнева?... Александръ Петровичъ пошелъ въ кабинетъ Виктора Ивановича.

И это было четвертое бѣдствіе, происходящее отъ той же злополучной «Геронической симфоніи.»

У Виктора Ивановича нашелъ онъ какого-то важнаго старика, которому любезный хозяинъ оказывалъ большое почтеніе. Не было возможности говорить о дѣлахъ. Просидѣвъ уныло съ полчаса, и узнавъ, что Анны Павловны нѣтъ дома, Александръ Петровичъ счелъ нужнымъ удалиться. Въ передней печально попалась къ нему на встрѣчу Лиза на проходѣ въ свои комнаты. Вѣроятно, провожала она своего любезнаго музыкальнаго сотрудника или... пожалуй!... нарѣченнаго супруга: потому-что онъ издали видѣлъ въ отворенной на лѣстницу двери спину этого чудовища. Нужна была не-человѣческая твердость духа, чтобы остановиться и прилично поздороваться съ его пріятельницею, когда она вскрикнула:

— Ахъ! это вы?... вы здѣсь?... какими судьбами?... Какъ я рада!... какое счастье!

— Какое же тутъ счастье? сухо и угрюмо отвѣчалъ Александръ. Счастія никакого нѣтъ... Какъ ваше здоровье? Что добраго случилось съ вами съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались?... Весело ли вамъ?

— О! нѣтъ!... мнѣ совсѣмъ не весело, грустно сказала дѣвушка. И что добраго можетъ случиться съ тѣми, которыхъ лучшіе друзья оставляютъ?

— Мыслию я васъ не оставлялъ никогда... но обстоятельства... занятія... сталъ извиняться Александръ, смягчаясь ея отвѣтомъ до легкаго отгѣнка вѣжливости.

— Знаю, знаю! перебила Лиза. Не говорите объ обстоятельствахъ: это наши злѣйшіе враги. Взойдите же, пожалуйста! Неужели вы уйдете прямо отсюда?

— Неужели это будетъ вамъ пріятно, любезная Лиза, спросилъ онъ, протягивая ей руку.

— Еще спрашиваете!... вы сами знаете... должны знать!...

Въ этомъ голосѣ нельзя было обмануться: такъ не говорить притворство. Глухой колебался бы этимъ звукомъ, исторгнувшимся изъ сердца. Слѣпой увидѣлъ бы счастье въ этомъ блескѣ глазъ, который, подобно бальнымъ алмазамъ, чудно освѣтилъ лицо Лизы и умножилъ красоту его.

— Право, добрыйша Лизанька, я очень тронуть вашимъ ласковымъ приемомъ, продолжалъ Александръ: я не надѣлся на него, даже не стою...

— Не стоящимъ-то и приятно прощать.

— Хорошо, что вы такъ великодушны. На мою долю остается только раскаяніе.

— И еще кое-что, сказала Лиза: увѣреніе, что вы на насъ не сердитесь.

— Чтò за идея! Въ моемъ ли это характерѣ? И безъ всякой причины!... на васъ, такихъ добрыхъ, милыхъ друзей!... Но скажите, дорогая сестрица... скажите откровенно...

— Вы, кажется, знаете, что я всегда была откровенною съ вами. Говорите безъ предисловіій.

— Дѣло такого рода, что непременно требуетъ небольшого вступленія, нѣкоторыхъ оговорокъ... Нужно сперва извиниться въ нескромности вопроса... А такихъ вопросовъ можетъ у меня набраться много. Но я полагаюсь на то же самое великодушіе ваше. Знаете ли, милая Лиза, въ городѣ много толкуютъ о васъ, о вашемъ семействѣ, рассказываютъ такія вещи...

— Что же рассказываютъ про насъ? спросила Лиза съ безпокойствомъ.

— Но, во-первыхъ то, чтò вы помолвлены.

Извѣстіе это было встрѣчено такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ, что у докладчика упала съ сердца половина бремени.

— Я слышала то же самое о васъ, Александръ Петровичъ, сказала она.

— Обо мнѣ?... какъ это можно!.. Кто же это распускаетъ такіе вздорные слухи?

— Вѣроятно тѣ же самые, которые сообщили вамъ эту новость обо мнѣ.

— Значитъ, это не правда? Я такъ и думалъ. Но мы не видѣлись нѣсколько недѣль. Въ это время могли случиться разныя обстоятельства, событія, перемѣны. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть очень важны, очень приятны или очень грустны для васъ, и мнѣ хотѣлось бы узнать ихъ сущность и причину.

Александръ замолчалъ и пристально посмотрѣлъ на Лизу; она въ испугѣ ждала, что будетъ далѣе.

— Вы нѣсколько перемѣнились, похудѣли, хоть и слѣдилось еще прелестнѣе отъ этого. Должно быть, вы очень много наслаждались или скучали? Это сейчасъ видно.

— Да! сказала Лиза: правда! я немножко скучала, но теперь, въ настоящую минуту, это прошло.

И на ея лицѣ выступилъ на-мгновенье живой румянецъ, послѣ котораго оно показалось еще блѣднѣе.

Александръ, вѣсто отвѣта, нѣжно поцѣловалъ ея руку.

— Но это еще не то: не можете ли вы объяснить мнѣ, отчего прекратились у васъ музыкальные вечера? Я думаю, это очень огорчило васъ? Вѣдь вы говорите, что страстно любите музыку? Или это вознаградилось другимъ, еще болѣе приятнымъ, развлеченіемъ...

— Сестрица наша, что эти вечера сопряжены съ большими хлопотами.

— И вы прекратили ихъ вдругъ, въ самомъ началѣ? Вѣроятно, для этого была важная причина. Во-первыхъ, дѣла Виктора Ивановича... я знаю, что они, дѣйствительно...

— Боже сохрани! съ живостью вскричала Лиза. Викторъ Ивановичъ ни сколько не виноватъ въ прекращеніи вечеровъ; онъ ни во что не вмѣшивался.

— Значить, сестра ваша признала нужнымъ лишить васъ этого удовольствія?

— Сестра ни въ чемъ не отказываетъ мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы сами не захотѣли? А, кажется, вы очень любите и игру и общество артистовъ.

Лиза не отвѣчала, потому-что разговоръ уже потерялъ для нея занимательность.

— Скажите, пожалуйста, продолжалъ Александръ: правда ли, что вы передали свою ложу?

— Да!

— Почему?

— Но... вѣдь вы знаете... сказала Лиза съ маленькимъ смущеніемъ: Викторъ Ивановичъ бываетъ въ ней рѣдко; ему больше нравятся кресла. У сестры все это время болѣли глаза, а для меня одной не стоить.

— Удивительно, однако жъ, что сестра ваша, которая такъ васъ любитъ, не могла удержать для васъ одного мѣста! Я увѣренъ, что она сдѣлала бы это, если бъ увидѣла ваше желаніе.

И Лиза была въ этомъ увѣрена, но, принося маленькую жертву, она хотѣла, чтобы эта жертва была полная.

— Правда! я забылъ! продолжалъ коварный Александръ Петровичъ, видя, что она не отвѣчаетъ: я забылъ, что вы свою музыку предпочитаете всякой другой.—По этой-то причинѣ вы не бывали и на нашихъ музыкальныхъ утрехъ, которые кончились вчера, прибавилъ онъ съ выраженіемъ горькаго сарказма. А напрасно вы ихъ презирали! Это не утомило бы глазъ вашей сестрицы, и навѣрное она поѣхала бы съ вами, если бъ вы ее попросили... если бы подумали о вашей пользѣ... о необходимости познакомиться ближе съ вѣчными образцами искусства....

— Зачѣмъ наскучать ей?... она и такъ все дѣлаетъ для меня! сказала Лиза, чтобы сказать что-нибудь, потому-что была сильно разстроена усиливающейся горечью бесѣды, которая началась такъ сладко.

— Спешите скорѣе, зачѣмъ беспокоиться самой, зачѣмъ утомлять себя удовольствіями, которыя не имѣютъ въ вашихъ глазахъ такой высокой цѣны какъ другія. И въ самомъ дѣлѣ: къ чему слушать другихъ, когда самъ такъ хорошо играешь.

Это ужъ было невыносимо. Лиза надула губки.

— Не сердитесь, мой другъ: не за что! Вы совершенно въ правѣ наслаждаться, какъ вамъ угодно. Что касается меня, то я очень доволенъ, что мрачныя мысли, съ которыми я васъ встрѣтилъ въ прихожей, разсѣялись на главныхъ точкахъ. Миѣ говорили о несчастіяхъ, о разорѣніи, и между прочимъ о томъ, будто выходите вы замужъ, за человѣка умнаго, молодаго, пріятнаго и богатаго, чтобы поправить дѣла. Но я вижу, по вашему спокойствію, что изъ всѣхъ этихъ слуховъ справедливо только то, что вы остались вѣрны своей музыкѣ и равнодушны ко всякой другой.

— Какое же дѣлаете вы изъ этого заключеніе? холодно спросила Лиза.

— Да на первый случай такое, что я теперь могу быть снокоенъ, хотя и не совершенно удовлетворенъ. Чтобы сдѣлать полное заключеніе, нужно было бы предложить вамъ еще вопросъ, но, признаюсь, такой смѣшной, что я боюсь не получить отвѣта.

— Говорите. Спрашивайте. Я могу дать отвѣтъ на все, что до меня касается.

— Такъ скажите, по милости, что здѣсь дѣлаетъ этотъ господинъ Заиграйскій, который только что—ушелъ отсюда?

— Ничего не дѣлаетъ; играетъ со мною въ четыре руки.

— И часто онъ играетъ съ вами?

— Три—четыре раза въ недѣлѣ.

— Хорошо... хорошимъ правиламъ онъ васъ выучить! Знаете ли, что онъ ничего не смыслить?

— Для моей бѣдной музыки нужно такъ мало!

— Я вижу сказалъ Александръ съ нетерпѣніемъ, что онъ имѣетъ счастье пользоваться вашимъ покровительствомъ.

— Совершенно такимъ же какъ всѣ, которые благоволятъ бывать у насъ, примолвила Лиза спокойно и съ достоинствомъ.

— Да! конечно!... но прежде онъ не бывалъ.

— Напротивъ; онъ намъ давнишній знакомый.

— Да!... но прежде бывалъ раза два въ годъ, а теперь бываетъ безпрестанно. Это совсѣмъ другое дѣло. Значить... значить...

— Ровно ничего не значить, отвѣчала Лиза, радуясь въ душѣ, что Заиграйскій убрался во-время, спѣша къ сестрѣ мнениницѣ. Сикстъ Брячиславичъ хорошо принять по-всюду, можетъ бывать вездѣ, гдѣ ему угодно, потому что его любятъ вездѣ за пріятный характеръ, милую бесѣду, отличную вѣжливость, и бываетъ у насъ съ нѣкотораго времени гораздо чаще, потому что ему такъ нравится и намъ не противно.

— Значить, онъ бываетъ не безъ цѣли, сказалъ Александръ, съ трудомъ удерживая свой гнѣвъ: зачѣмъ онъ

здѣсь? бываетъ очевидно для того, чтобы, какъ увѣряють, жениться на васъ?

— Какая глупость! Какое дерзкое предположеніе!

— Я не вижу въ подобномъ предположеніи ничего глупаго, ни дерзкаго, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, изъ котораго явствуеть, что — вообразите! — чудовище неблагодарности позволяло себѣ ревновать даже и Лизу. Особа такая хорошенькая, молоденькая, любезная, какъ вы, Лизавета Павловна, очень легко можетъ внушить подобныя мысли и вѣрить имъ безъ излишняго тщеславія.

— Вы совершенно ошибаетесь, Александръ Петровичъ, отвѣчала обиженная Лиза: господинъ Заиграйскій не выходитъ изъ предѣловъ музыки... онъ ведетъ себя какъ благородный и благовоспитанный человѣкъ... не ссорится... не обижаетъ...

Александръ вытаращилъ глаза и закричалъ:

— Музыка!.. музыка!.. что это вы все говорите о музыкѣ?.. развѣ вы принимаете меня за осла?.. развѣ я не знаю, что съ нимъ нельзя заниматься музыкою?

— Очень можно... онъ играетъ прекрасно... талантъ его извѣстенъ. Многіе играя съ нимъ въ четыре руки очень довольны, не только его игрою... но и... его любезностью. Я не имѣю права быть взыскательнѣе другихъ.

— А!!!... сказалъ Александръ, стараясь казаться спокойнымъ: поздравляю этихъ многихъ, и васъ вмѣстѣ! Что же вы играете?

Лиза не отвѣчала.

— Развѣ это такая большая тайна? Но, кажется, я могу угадать и самъ: навѣрно оперы, не правда ли?

— Да.

— И это доставляетъ вамъ удовольствіе?

— Конечно.

— И вы думаете, что я этому повѣрю! Ну, могутъ ли оперы доставить малѣйшее удовольствіе?.. Кому на свѣтѣ оперы доставляютъ удовольствіе?... особенно какія-то итальянскія оперы?.. Развѣ это музыка?.. развѣ это пишется музыкантами и для музыкантовъ?.. Это пишутъ какіе-нибудь Россини, Беллини, Пачини, Марини, Рубини... такого рода

господа.... гасильщики искусства. Не возможно... физически не возможно.... чтобы онѣ интересовали, кого бы то ни было, безъ посторонней цѣли... безъ видовъ и чувствъ, до музыки вовсе не касающихся. Это доказано ученѣйшими людьми въ мірѣ. Это ясно какъ солнцу!

— Не смѣю спорить съ вами, скромно возразила Лиза, но могу увѣрить, что меня лично онѣ очень интересуютъ.. я столько же люблю прекрасныя оперы какъ и прекрасныя не-оперы. То и другое доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, какъ все прекрасное, несмотря на родъ, на званіе и школу.

— Странная любовь! странное удовольствіе! И вы рѣшительно хотите меня увѣрить въ нихъ?

— Мнѣ очень хотѣлось бы. Но какъ это сдѣлать? Вы такой невѣрующій!

— Потому что Богъ не отказалъ мнѣ въ нѣкоторой частицѣ прощательности... потому что я знаю, для чего ѣздить въ италіянскія оперы и для чего ихъ любить. Это очень удобный предлогъ... прекрасное средство обманывать людей...

Александръ всталъ и началъ ходить большими шагами по комнатѣ. Кровь его кипѣла; брови хмурились; изъ глазъ сверкалъ огонь; измѣнившійся голосъ провозносилъ безсвязныя фразы, которыя относились, болѣе къ нему самому, нежели къ Лизѣ. Ей хотѣлось смѣяться, но она слушала его важно и молча; она знала, что напрасно было бы стараться удержать этотъ бурный потокъ, уже выступающій изъ береговъ.

— Такъ вотъ причина всѣхъ этихъ перемѣнъ, этихъ лишешій, экономій, ограниченій! говорилъ онъ. А я-то, дуракъ, жалѣлъ о нихъ, бѣжалъ на помощь, думалъ какъ бы способствовать возвращенію потеряннаго!.. Прекрасныя вещи пришелъ я узнать! Запираются съ фатомъ, невѣждой, Алеутомъ, который понимаетъ менѣе послѣдняго школьника и судить докторально... какъ-будто онъ капельмейстеръ.... Съ нимъ-то составляютъ всегдашнее общество! Съ нимъ-то уединенно, всторонѣ, сидятъ да перебрасываются взглядами и улыбками подъ предлогомъ любви къ музыкѣ, и задираютъ дверь честнымъ артистамъ, не хотятъ ни ви-

дѣть ихъ , ни слышать... Да и зачѣмъ поощрять ихъ таланты, когда есть свой, домашній, родной, тунгузо-бурятскій артистъ, которому надо посвятить все время и всѣ заботы! Зачѣмъ думать объ этихъ бѣдныхъ утрахъ, которыя должны сдѣлаться незабвенными въ исторіи гармоніи, устраниваются съ такими усиліями и жертвованіями для распространенія настоящаго искусства и вкуса къ истинной музыкѣ; когда можно провести утро гораздо пріятнѣе съ какимъ нибудь любезнымъ Мидасомъ?.. Туда не стѣмъ и ходить! Страстно любятъ музыку, не могутъ жить безъ нея, и почитаютъ ее въ лицѣ богатаго и глупаго любезника... удаляются отъ всего, что заслуживаетъ удивленія, чему удивляются знающіе знатоки, вовсе не ощущаютъ этой естественной потребности укрѣпляться признанными образцами, которые, услаждая душу, развиваютъ чувство прекраснаго и высокаго, даютъ вѣрное направленіе, даютъ понятіе объ истинѣ... и играютъ италіянскія оперы, дрянь! Я не вижу этой любви, я не понимаю этого счастья; наслажденія эти невзвѣнчательны, ни чѣмъ необъяснимы, или, вѣрнѣе, могутъ быть объяснены только другимъ образомъ...

Послѣ этой странной рѣчи, великолѣпное чудовище немного унялось; замолчало, подумало что, можетъ-быть, это ужъ слишкомъ странно или даже не совсѣмъ прилично. Оно сочло нужнымъ дать Лизѣ время собраться съ мыслями и переварить мудрость, заключавшуюся въ его словахъ.

Когда первый пылъ прошелъ, Александръ сообразилъ, что, можетъ-быть, она вовсе не такъ виновата, какъ ему кажется. Можетъ-статься Спѣвала еще и не поетъ ей о любви. Можетъ-быть... пожалуй!.. они и дѣйствительно занимаются только италіянскими операми... И это понятно: будучи вскормлена предразсудками, воспитана въ ложныхъ понятіяхъ, безъ школы, безъ контрапункта, безъ эстетики, она не различаетъ тѣни отъ предмета и чистосердечно хватается за блестящую проманку, которою обольщаютъ воображеніе и отвращаютъ отъ истины.

Александръ нетерпѣливо ждалъ оправданій Лизы, надеясь, что, тронутая его упреками, она раскается въ своихъ заблужденіяхъ, и изъявитъ совершенную готовность

заглядеть ихъ; онъ видѣлъ, что Лиза огорчена, сталъ сожалѣть, что подалъ къ этому причину, и готовъ былъ простить ей все, только бы она образумилась и обѣщала исправить свои ошибки.

Лиза была полна грустныхъ мыслей. Заслужила ли она эти язвительные упреки, эту гадкую сцену, это обращеніе, такое не согласное съ высокимъ умомъ? Что бы все это значило?.. Лиза терялась въ догадкахъ. По горькому домашнему опыту знала она превосходно, что, при всемъ умѣ своемъ, Александръ способенъ былъ доходить до грубости, до взрывовъ, до испуга, когда рѣчь касалась музыки и противорѣчила его теоріямъ. Но Лиза не была для него противникомъ, достойнымъ такой чести. Она не начинала рѣчи о музыкѣ, и уклонялась скорѣе чѣмъ противорѣчила. Самъ онъ искалъ предлога къ паденію. И по какому праву позволялъ онъ себѣ быть ея музыкальнымъ тираномъ, оставивъ домъ, забывъ дружбу, не вспомнивъ даже о существованіи тѣхъ, которые всегда были ему преданы? Нѣтъ, человекъ не можетъ быть до такой степени сумасбродомъ. Здѣсь кроется что-то другое. Онъ какъ-будто не въ шутку ревнуетъ ее къ Заиграйскому?.. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ?.. При этой мысли сердце дѣвушки сильно забилось. Неужели онъ любитъ ее?.. Въ одной только любви люди бываютъ такъ несносны, въ любви, да еще въ музыкѣ; но музыка здѣсь, явственно, только придирка. Лиза съ блаженствомъ сдѣлалась бы жертвою этой свирѣности, если бы можно было знать, что источникомъ ей служитъ нѣжное чувство, сладкое желаніе, любовь. Признаки — въ пользу Лизы: но мосьѣ Александръ, какъ бы то ни было, забывается. Такъ въ любви не изъясняются! Нужно было дать ему почувствовать неумѣстность подобнаго начала: потомъ, когда нѣжность и любовь въ полномъ цвѣтѣ, такіа грозы — дѣло другое... Но, для начала, можно и ревновать поучтивѣе. Лиза отвернулась и не хотѣла говорить.

— Ну, что же? сказалъ онъ смягченнымъ голосомъ: ничего не отвѣтите мнѣ? Такъ видно мнѣ еще придется просить извиненій?

— Кажется! сказала Лиза, вздохнуть, и почти въ то же мгновенье на прелестномъ лицѣ ея блеснула улыбка.

— Гдѣ вы исполнили быть вчера?...

— Здѣсь; дома.

— Одиѣ?

— Совсѣмъ одна.

— Что же вы дѣлали?

— Думала о васъ.

— Обо мнѣ?... Не можетъ быть!

— Увѣрю васъ... думала: какъ бы вы были милы... какъ бы можно было любить васъ пріятно и чувствовать себя счастливымъ въ нашемъ обществѣ, если бы постарался зацѣпиться не-больше кротостью, снисходительностью и, главное, справедливостью къ тѣмъ, въ чьей преданности вамъ, въ чьѣмъ искреннемъ удивленіи, вы не имѣете никакого права сомнѣваться.

Александръ стало стыдно. Онъ усѣлся воляѣ Лизы и сказалъ:

— Благодарю васъ, что вы вспомнили обо мнѣ хоть такимъ-образомъ... хоть для того чтобы прочитать мнѣ издали правоученіе, въ которомъ я очень нуждаюсь... Правда! я не умѣю владѣть собою... всякое душевное волненіе увлекаетъ меня слишкомъ далеко... Какое и враніе прещенія. Но посмотрите силу доброты и прелести: въ одномъ вашемъ словѣмъ укрощаете мой необузданный нравъ... и я чувствую мое тяжкое прегрѣшеніе, вижу... предполагаю... почти увѣренъ, что вы совсѣмъ не виноваты.

— Не виноваты въ чемъ? противъ кого?... спросила Лиза съ большимъ любопытствомъ.

Александръ ужасно смутился: нужно было или признаться въ самовольномъ подозрѣніи и незаконной ревности или покраснѣть. Онъ предпочелъ послѣднее. Первое могло бы выказать его смѣшнымъ. Второе придаетъ видъ кротости и скромности.

— Да противъ меня!... противъ нашей дружбы... началъ онъ, однако, въ попыткахъ, незная что отвѣчать.

— Противъ васъ? воскликнула Лиза: вотъ пріятная новость! Вы, какъ я вижу, для облегченія собственной совѣ-

сти на меня сваливаете свои вины. Извольте. Я готова нести этот грузъ.

— Вы очаровательны, милая Лиза, сказалъ онъ съ неприятною нѣжностью. Да будетъ благословенная встрѣча наша въ прихожей и мудрая мысль ваша звать меня сюда. Она останется для меня важною эпохою, рѣшительною минутою въ моей жизни: вы сдѣлаете меня лучшимъ... вы уже сдѣлали... потому-что я чувствую потребность быть достойнымъ васъ....

Это были послѣднія слова ихъ разговора.

Анна Павловна, войдя въ комнату, продолжала къ Александру, не зная, радуясь ли его приходу, или желая перервать опасное свиданіе на-единѣ. Вскорѣ явился и Викторъ Ивановичъ; они обнимались, радовались, какъ-будто встрѣтились послѣ дальняго и долгаго путешествія и не были виноваты въ своей разлукѣ. Александръ остался къ обѣду, который на этотъ разъ прошелъ безъ всякихъ неприятныхъ столкновеній. Радость была общая и никто не старался срывая ея, а тѣмъ менѣе Лиза. Она восхищалась спокойствіемъ своего друга, съ удовольствіемъ слушала его сужденія съ Викторомъ Ивановичемъ о разныхъ предметахъ, на этотъ разъ не касавшіяся музыки; съ благодарностью взгляда, какъ старался онъ угождать Аннѣ Павловнѣ, и съ важнѣйшимъ отвѣтомъ отбивалъ на дедушныя ласки дѣтей, указавшихъ своего стариннаго пріятеля. И наоборотъ, взоръ Александра часто и краснорѣчиво останавливался на Лизѣ. Я знаю изъ достоверныхъ истонниковъ, что во все это время онъ и не подумалъ о Вѣрѣ, по-крайней-мѣрѣ, не хотѣлъ думать. Если мысль случайно отлетала въ ту сторону, это было безъ его вѣдома и совсѣмъ противъ его воли. Словами сказать, теперь онъ былъ рѣшительно влюбленъ въ Лизу—быть можетъ потому еще былъ влюбленъ въ Вѣру—но множество обстоятельствъ, не довольно ясныхъ, производило въ его сердцѣ настоящую путаницу. Два-три слова Лизы, а ласкъ люблю, разъясненна бы все; и однако жъ никогда—никогда—не должно было ихъ произносить. Изъ этихъ словъ онъ понялъ бы ея совершенное равнодушіе къ Загройскому, угадалъ бы, сколько она страдала отъ его

собственнаго равнодушія, отъ этой неровности характера, которой причины были для нея непостижимы, и новая сладкая жизнь началась бы для него самого. Но какъ, безъ увлеченія, произнести такія страшныя слова, которыми рѣшается судьба женщины мгновенно и невозвратно? Вслѣдствіе тѣхъ страшныхъ противорѣчій, изъ которыхъ составлена натура человѣческая, Александръ, такой падкій на изъясненія тамъ, гдѣ отъ нихъ уклонялись, являлся нестерпимо осторожнымъ здѣсь, гдѣ ждали ихъ какъ блаженства. Вѣра, что-ли, запугала его—не знаю—только, среди живыхъ мечтъ о счастіи быть супругомъ этой прелестной Лизы, геройскій духъ его явственно трусилъ передъ ея тихою, скромною, безкокетною любовью. Онъ велъ нѣжную войну съ Лизою — одними демонстраціями — подходилъ на выстрѣлъ сердца, отступалъ, дѣлалъ боковыя движенія и обходы, производилъ тревоги и не рѣшался на приступъ. На этотъ странный образъ дѣйствій Александра Петровича я желаю обратить особенное вниманіе моихъ читателей, потому-что такихъ мужчанъ множество: настоящіе мучители!... Александръ бывалъ теверъ довольно часто у Мечневыхъ, то есть, у Лизы. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ любилъ ее искренно и что любовь усиливалась въ его сердцѣ съ каждымъ посѣщеніемъ. Часто понималъ онъ ее со всею провицательностью страсти; но въ другой разъ какъ-будто не вѣрилъ чувству, которое такъ ясно высказывалось и полу-словами и полу-дѣйствіями, и придавалъ небывалый смыслъ тому, что всякому другому показалось бы яснымъ какъ азбука. Такова сила теорій! Это мужской ученый терминъ. Теоріями называются, у мужчанъ, ихъ предубѣжденія, или предразсудки.

Лиза душевно сожалѣла, что знакомство съ Загравскимъ приняло видъ короткости: но кто могъ предвидѣть возвратъ неблагодарнаго!... Короткость эта была такая невинная! «Но если онъ непремѣнно хочетъ видѣть дурное тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ дурнаго, основательно думала Лиза, я никогда не поправлюсь ему, какъ бы ни старалась.» Однако, для безопасности, и на всякій случай, нужно было прекратить эти подозрительныя отношенія. Какъ достигнуть этого, не

показавшись неблагодарною въ отношеніи къ Заиграйскому, котораго любезность, усердіе и деликатность заслуживали волнаго уваженія, не сдѣлавъ непріятности сестрѣ и зятю, которые его любили и явно покровительствовали? Какъ поощренія его имѣли предлогомъ игру въ четыре руки, можно было находить все менѣе и менѣе времени для этого интереснаго упражненія. Это безобидное средство было сначала довольно успѣшно. Заиграйскій сталъ бывать рѣже. Онъ добродушно вѣрилъ препятствіямъ, которыя выдумывала Лиза, но, жалѣя объ нихъ, онъ еще болѣе дорожилъ тѣмъ, что ему предоставляли. Препрады видимо воспламеняли его. Лиза начинала примѣчать опасность со стороны четырехъ рукъ. Съ другой стороны терзалъ ее постоянный страхъ, не покидавшій ея днемъ, преслѣдовавшій во снѣ — страхъ встрѣчи двухъ соперниковъ. Требовалась огромная ловкость, неусыпная предусмотрительность, къ которымъ она вовсе не чувствовала себя способною, чтобы отвратить бѣдствія подобнаго случая, бѣдствія неизбѣжныя при страшной вспыльчивости Александра Петровича, при его ревности и бездонномъ презрѣніи къ понятіямъ и познаніямъ «Сибѣвалы», и при естественной гордости противника, уступчиваго, отлично вѣжливаго со всѣми, но отнюдь не лишенаго чувства личнаго достоинства. До-сихъ-поръ Сикстъ Брючеславичъ и Александръ Петровичъ, еще не встрѣчались у Лизы. Она такъ рассчитывала дни и часы, самые удобные для ихъ посѣщеній, чтобы не доставить имъ этого удовольствія. Но долго-ли можно управляться съ самовластіемъ этихъ турецкихъ пашей, мужчинами называемыхъ?....

По мѣрѣ того какъ Заиграйскій, по милости Лизиныхъ недосуговъ, пріѣзжалъ рѣже, Александръ бывалъ чаще и чаще. Не приходилъ онъ не на долго. Онъ чувствовалъ тягость отсутствія, любилъ видѣть впечатлѣвіе, которое приходъ его всегда производилъ въ Лизѣ, не зналъ еще ни степени, ни качества ея привязанности, но примѣчалъ или предполагалъ привязанность и хотѣлъ идти далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ то же время онъ не оставлялъ Вѣры, — не могъ ея оставить, не выказавъ себя смѣшнымъ, по короткимъ отношеніямъ къ отцу, и по уваженію такъ-назы-

ваемой «дружбы», которой обязанности такъ долго и такъ усердно исправлялъ при его дочери — напротивъ бывалъ у нея почти всякій день, но единственно для того чтобы показать, что это только «дружба» — такъ себѣ — ничего — шутка — потѣха, принятая въ обществѣ — полное отсутствіе чувства, или теплота сердца на точкѣ замерзанія. Самолюбію его очень правилась досада, которую возбуждало въ Вѣрѣ это обращеніе, приводимое въ дѣйствіе съ упорствомъ, свойственнымъ его характеру. Она видѣла его непоколебимую холодность — не вѣрила ей — но сердилась за неподчиненность. Она считала Александра обязаннымъ въ отношеніи къ ней. Ему не возможно было отступать. Сколько блестящихъ партій привлекла она и отвергла для его торжества — во славу его — между тѣмъ какъ играла его сердцемъ. И что же такое его сердце? Ея собственность! Велика бѣда, поиграть мужскимъ сердцемъ, когда играть хочется! Зачѣмъ же оно слыветъ сильнымъ, каменнымъ, несокрушимымъ? Это — не стеклянное женское сердце, о которомъ надо безпрестанно бояться, чтобы оно не разбилось!... Мятажничать за это не прощительно. Неужели она должна отдать себя мужчинѣ, не испытавъ его, и преждевременно объявить чувство, назначенное въ награду за цѣлые годы любви и преданности?

Вы изволите рѣшить сами, права ли была Вѣра или не права. Моя обязанность — изложить дѣло подробно и безпристрастно. Какъ вы видѣли, Александръ Петровичъ былъ поставленъ между двухъ огней: одинъ огонь горѣлъ тихо и указывалъ путь, другой вспыхивалъ и исчезалъ, и сбивалъ путника съ дороги. Передъ Лизою Александръ почти никогда не вспоминалъ о Вѣрѣ, и она была ему за это благодарною; если заставляли его упомянуть о Сборовой, то онъ говорилъ какъ-бы мимоходомъ и съ неудовольствіемъ. Въ отношеніи къ Вѣрѣ не было у Лизы, ни предубѣжденія, ни гнѣва: хотѣлось бы ей разсѣять кое-какія сомнѣнія, но она боялась коснуться до нихъ, чтобы не возобновить прежнихъ горестей. Безопаснѣе было удовольствоваться фактомъ, доказаннымъ астрономами: когда соли-

не закатывается въ одномъ полушаріи, то оно встаетъ въ другомъ.

Разъ, Александръ пропустилъ свой день — пропустилъ другой и третій—къ великой печали Лизы. Она уже она-салась, что негодный другъ снова исчезнетъ на долгое время, уже приходила въ отчаяніе при мысли, что онъ снова ея не любитъ. Одно утѣшеніе ей оставалось!—испытанная неровность его характера, горькое качество въ любимомъ человѣкѣ, но которое можно, и даже необходимо, возмизировать воображеніемъ. Любить, такъ любить! Горькими качествами женщины и мужчины не должны считаться: въ противномъ случаѣ, любви не будетъ на свѣтѣ. Между тѣмъ Сикстъ Брючиславичъ былъ акуратенъ какъ мѣсяцесловъ и любезенъ какъ мадригалъ. Несмотря на всѣ благовидные предлоги, которыми Лиза пыталась при послѣднемъ свиданіи отклонить прїѣздъ его въ слѣдующій разъ, онъ явился въ урочное время съ извиненіями, что не явился раньше. Скрѣпя сердце, она подала ему руку и указала на кресла, почти не говоря ни слова: такъ была она печальна, взволнована, недовольна. Заиграйскій замѣтить это, и, не угадывая причины, но живо желая ее умать, онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, однако не приобрѣлъ никакихъ важныхъ свѣдѣній: Лиза говорила только то, что можно было сказать. Разговоръ не клеился. Надо было приняться за музыку. Но музыка также не шла. Лиза играла разсѣянно. Сикстъ Брючиславичъ выбился изъ силъ исправляя ея недосмотры своей уступчивостью. Вдругъ, на половинѣ такта, Лиза остановилась и испустила легкій крикъ. Сикстъ Брючиславичъ одинъ докончилъ тактъ и поднял глаза, чтобы посмотреть, что такое случилось.

Передъ ними стоялъ Александръ!

То чего не могли объяснить цѣлые мѣсяцы короткаго знакомства, Сикстъ Брючиславичъ Спѣвала-Заиграйскій узналъ теперь, бросивъ одинъ только взглядъ на Лизу. О! ужасъ!.. она влюблена!.. влюблена въ этого ожесточеннаго классика! Это видно изъ ея глазъ, изъ ея голоса, изъ ея лица... Выраженіе, развитое во всѣхъ чертахъ, какаго не видалъ онъ никогда, взоръ, устремленный на Александра, дрожа-

ніе и нѣжность восклицательнаго звука, разсѣяли всякое сомнѣніе. Лиза всегда была очень хороша собою: но теперь она была просто красавица: это любовь!... любовь правильная, серьезная, классическая! Въ лощенныхъ жилахъ Сикста Брячиславича кровь взволновалась такъ сильно, что онъ ощутилъ въ себѣ очень неучливое чувство: ревность. Взоръ дѣвушки, къ досадѣ его, продолжалъ высказывать могущество врага, который производилъ въ этой нѣжной душѣ такое необычайное дѣйствіе. Но Александръ не видѣлъ этого взора, потому что вниманіе его было устремлено на другое. Ему хотѣлось разомъ схватить всѣ тонкости загадки, дотолѣ не вполне разрѣшенной, разъяснить остатки прежнихъ подозрѣній, и вывести окончательное заключеніе. Онъ важно разсматривалъ вопросъ, отчего Лиза могла такъ сильно и такъ странно испугаться.

Спѣвала-Заиграйскій показался ему теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ—не невѣждою, котораго онъ презиралъ, не безвкусицею, котораго слѣдовало сжечь на кострѣ какъ еретика въ искусствѣ, не Скнеомъ—даже не человѣкомъ—а просто Аполлономъ, и притомъ еще богатымъ, любезнымъ и моднымъ Аполлономъ—отъ котораго всѣ женщины, съ ихъ страннымъ, своевольнымъ, испорченнымъ вкусомъ, съ ихъ невѣжествомъ въ музыкѣ, должны быть безъ памяти. Это ясно! Онъ обворожилъ Вѣру. Лиза также души въ немъ не чаеъ... тѣмъ болѣе, что онъ влюбленъ въ Лизу: это видно изъ лица Лизы! И этотъ испугъ, этотъ крикъ, этотъ румянецъ Лизы, все это произведенія зловреднаго Спѣвалы, омиамъ воскуренный на его жертвенникѣ, дань его приторнымъ прелестямъ.

Видъ Александра былъ такой ужасный, что Лиза пришла въ восторгъ отъ него; никогда еще не видала она его такимъ великолѣпнымъ. Просто, прелесть! Онъ едва держался на ногахъ отъ гнѣва. Волосы ёжелились. Брови сводились. Глаза страшно сверкали. Губы дрожали. Лиза почувствовала, что ей вполне платятъ взаимностью. Нельзя было сомнѣваться въ этомъ. Александръ едва не душилъ Спѣвалу глазами отъ ревности.

Вся эта сцена продолжалась секундъ двадцать, не болѣе,

не заключала въ себѣ цѣлую поэму. Александръ успокоился по-видимому. Лиза оправилась какъ могла. Спѣвала надѣла свои палевыя перчатки. Соперники холодно поклонились другъ другу. Александръ обратился къ Лизѣ, изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что помѣшалъ ихъ интересному занятію, и просилъ продолжать музыку, которую ему будетъ очень пріятно послушать. Столько злости было въ этихъ обязательныхъ словахъ, что Заиграйскій отошелъ въ сторону и Лиза съ живостью встала, закрыла инструментъ, сложила тетрадь, и объявила, что этого невозможно: она слишкомъ дурно играетъ.

— Нисколько, сказалъ Александръ снисходительнымъ тономъ: вы играли вовсе не такъ дурно; я слышалъ: лучше и не требуется для такой музыки.

— Музыка, которая нравится Лизаветѣ Павловнѣ, не можетъ не быть превосходною музыкаю, сухо и кисло замѣтилъ Заиграйскій, садясь въ кресла, стоявшія возлѣ низенькаго дивана, на которомъ помѣстилась Лиза.

— Александръ Петровичъ не большой любитель оперъ и вообще сочиненій, арранжированныхъ для фортепіано, подхватила Лиза: онъ находитъ, что этому инструменту гораздо приличнѣе піесы, написанныя собственно для него.

— Нѣтъ!... зачѣмъ же!... я самъ играю съ удовольствіемъ на фортепіано сочиненія, написанныя вовсе не для этого инструмента, сказалъ Александръ. На фортепіано все можно играть... только нуженъ толкъ, выборъ, вкусъ, нужны познанія, которыми не всѣ обладаютъ.

— Вкусъ Лизаветы Павловны не подлежитъ ни какой критикѣ, возразилъ Заиграйскій: всѣ мы могли бы поучиться у нея тонкому и вѣрному чувству прекраснаго...

— Я не отвергаю пользы этой школы для многихъ, отвѣчалъ Александръ: но самъ не запишусь въ ея ученики. Понятія мои на этотъ счетъ давно рѣшены и основываются на строгихъ законахъ искусства. При всемъ моемъ уваженіи къ Лизаветѣ Павловнѣ... не знаю какъ другіе... а я не сталъ бы содѣйствовать ей въ упражненіяхъ, противныхъ здравому эстетическому смыслу, вредныхъ раз-

витию молодого таланта, совращающихъ его съ истиннаго пути...

Спѣвала-Занграйскай нетерпѣливо завертѣлся въ креслахъ, но отвѣчалъ съ приличнымъ спокойствіемъ, защищая, учтиво, не себя, но молодую хозяйку:

— Лизавета Павловна такъ мила, такъ снисходительна, что соглашается играть со мною, единственно въ одолженіе меня, сочиненія, доступныя моему слабому искусству...

— Вы слишкомъ добры, Сикстъ Брючиславичъ! примолвила Лиза, считая нужнымъ защищать своего гостя: мою вину вы берете на себя. Я, напротивъ того, обязана вамъ благодарностью за вашу уступчивость, за ту любезность, съ которою вы всегда подчиняли свое терпѣніе моему выбору или, вѣрнѣе, моей прихоти...

— Вы растрогиваете меня этой интересной борьбою великодушія, самоотверженія и рѣдкаго сочувствія, сказалъ съ язвительною усмѣшкою Александръ, вставая съ мѣста какъ-будто съ намѣреніемъ поставить куда-нибудь шляпу, но собственно, чтобы скрыть волненіе, которое быстро въ немъ усиливалось.

Чувствуя себя близкимъ къ взрыву, онъ принялся ходить по комнатѣ. Между-тѣмъ Занграйскай сказалъ вполголоса, обращаясь къ Лизѣ:

— Наука контрапункта была бы одною изъ красивѣйшихъ и полезнѣйшихъ наукъ, если бы въ курсъ ея входила наука вѣжливости.

Александръ услышалъ это замѣчаніе и задрожалъ. Остановясь на серединѣ комнаты, и выпрямясь какъ струна, онъ грозно посмотрѣлъ на Занграйскаго.

— Я не признаю никому права судить о моихъ поведеніяхъ въ вѣжливости! сказалъ онъ суровымъ и твердымъ голосомъ.

— Въ скромномъ замѣчаніи моемъ нѣтъ никакой личности, возразилъ Занграйскай: я говорю вообще, пламенно любя всякія усовершенствованія, какъ наукъ такъ и людей,

Разговоръ становился съ каждымъ словомъ крупнѣе и крупнѣе. Лиза была въ отчаяніи. Нужно было непремѣнно перервать его.

— Александръ Петровичъ, сказала она, самымъ кроткимъ и граничнымъ голосомъ: гдѣ вы обрѣтались во все эти дни? мы такъ давно не имѣли удовольствія васъ видѣть!

— Я былъ болѣнъ, сухо отвѣчалъ Александръ: то есть, я былъ занятъ и не хотѣлъ мѣшать вамъ наслаждаться дорогими удовольствіями, за которыя вы такъ благодарны...

— Вы сегодня не въ духѣ, Александръ Петровичъ. Садитесь возлѣ меня и будьте милы, какъ вы бываете обыкновенно... Видѣли вы Виктора Ивановича?...

— Я сейчасъ отправлюсь къ нему, отвѣчалъ онъ, подходя къ своей шляпѣ. Я вижу, что вы очень учтиво, съ той превосходною вѣжливостью, въ которой даютъ мнѣ здѣсь уроки безденежно, хотите удалить меня отсюда. Въ самомъ дѣлѣ, я тутъ лишній.

— Александръ Петровичъ! воскликнула Лиза: вы обижаете меня!

— Я рѣшительно лишній, пылко продолжалъ онъ, возвышая голосъ. Мои совѣты вамъ не нужны. Я ничего здѣсь не значу. Я всегда хотѣлъ и хочу отъ васъ такой музыки, которая бы заставляла призадуматься, которая бы возбуждала серьезное размышленіе, а не минутныя вспышки безотчетнаго восторга, не эти пустяки, которыми вы занимаетесь по прихоти, или въ которыя васъ увлекаютъ для развращенія вашего вкуса.....

Занграйскій вскочилъ съ мѣста, со шляпою въ рукѣ.

— Этотъ господинъ даетъ себѣ, не знаю на какомъ основаніи, право распоряжаться вашими удовольствіями! сказалъ онъ Лизѣ, когда противникъ и бичъ его, ослѣпленный ревностью и предубѣжденіемъ, разглагольствовалъ въ кругомъ конкѣ комнаты. Я чувствую, что, напротивъ, лишній здѣсь... я! Прощайте, Лизавета Павловна. Не лишайте меня вашего благоволенія за то, что я былъ для васъ причиною этихъ неприятностей... Самъ я накажу себя за нихъ.

Она безмолвно подала Занграйскому руку, которую пожать онъ съ чувствомъ. Слезы ходили по глазнымъ яблокамъ бѣдной Лизы, растерзанной колющими, насмѣдками

и упреками неукротимаго друга, и слезы заблестали въ глазахъ Заиграйскаго, чувствовавшаго, что онъ прощается съ нею навсегда. Проходя быстро мимо Александра, онъ поклонился ему съ гордою учтивостью, и ушелъ. Александръ не согнулся. Остановясь на-мгновеніе, онъ провожалъ врага гнѣвнымъ и презрительнымъ взглядомъ, и продолжалъ ходить. Лиза задумалась. Она была совершенно разстроена. Сердце билось съ болью. Страхъ давилъ грудь и стѣснялъ дыханіе.

«Онъ меня любить, думала она: когда такъ немилосердно мучить и угнетаетъ меня!... Если бы не любилъ, могъ ли бы онъ подвергать меня такой пыткѣ, достало ли бы у него сердца терзать меня такъ жестоко? Любить, и не скажетъ такой простой вещи!... Одно слово его — одно «люблю» —прекратило бы недоразумѣнія, и онъ бы мгновенно узналъ истину. Но онъ, я вижу, не рѣшится перервать молчаніе. Станный человекъ!... дѣлаетъ мнѣ сцены ревности, не получивъ правъ надо мною посредствомъ признанія и не спрашивая у меня ни малѣйшаго объѣта въ любви и вѣрности! Мракъ, неизвѣстность и подозрѣніе, пріятіе ему счастья и свѣту. Чѣмъ и какъ могу я оправдаться въ этомъ положеніи? Могу ли объяснить ему откровенно все, на что я для него рѣшилась, сказать, что одинъ онъ былъ причиною того что случилось и въ нашемъ семействѣ и въ моемъ быту, разсѣять его сомнѣнія, обнаружить ему тайны дома и тайны сердца, когда онъ не беретъ меня въ свое владѣніе... когда, явно, не хочетъ взять!... Жестокий человекъ!... А любить надо... любить и мучиться... Онъ такой чудесный!» Она чувствовала, что буря еще не кончилась.

Александръ Петровичъ съ своей стороны думалъ длинную думу — думалъ по-своему, по-мужскому — и пришелъ къ заключенію, очень похожему на Лизино: «Странная дѣвушка!... не разгадаешь ея ни какъ!... Нѣтъ, у этихъ женщинъ рѣшительно нѣтъ толку... съ ума сойдешь съ ними!... А любить надо... такая милашка!...»

И съ этимъ заключеніемъ подошелъ онъ къ Лизѣ.

— Лиза, любезная Лиза, сказалъ онъ, взявъ ея руки и держа въ своихъ: не сердитесь, если еще разъ я васъ спро-

жу... я жемалъ бы понять васъ прежде, нежели выскажу то, что чувствую. Скажите: что долженъ я думать объ этомъ странномъ противорѣчїи между вашими поступками и вашими словами? Что это у васъ, притворство, ложь, эгоизмъ, вѣтренность, или просто, ребячество? Или можетъ быть, Лиза, вы находитесь въ необходимости скрывать отъ меня истину? Скажите, отвѣчайте, нѣтъ ли у васъ чувствъ, отъ которыхъ вы хотите или вы должны отклонить мое вниманіе?

Лиза не отвѣчала: не могла. Она оперлась головою на руку. Она была такъ погружена въ свои тревожныя мысли, такъ трудно было ей привести свой отвѣтъ въ порядокъ, что и не замѣчала, какъ проходили минуты. Между-тѣмъ его востерпѣніе возрастало съ каждымъ мгновеніемъ.

— Ну, что же? вскричалъ онъ: вы молчите?.. Молчаніе это служитъ слишкомъ яснымъ отвѣтомъ. Я все понимаю: да и давно слѣдовало бы понять? Вы молчите: значитъ, я не имѣю права на вашу довѣренность, которая однако жъ, есть первый залогъ и вѣрнѣйшая принадлежность той кроткой и милой привязанности, какую вы нѣкогда мнѣ оказывали и которая была бы мнѣ теперь дороже чѣмъ когда либо. И вы дѣлаете прекрасно: берегите ваши тайны; я не хочу больше спрашивать ни о чемъ; не хочу слѣдить за вашими впечатлѣніями, заставить васъ въ распλοхъ, какъ это случилось сегодня, и еще однажды прежде, когда вы меня не ведали. Я видѣлъ, и очень хорошо понимаю, какъ прїятно играть въ четыре руки наединѣ съ молодымъ человекомъ, щеголеватымъ, богатымъ, любезнымъ и влюбленнымъ въ васъ по уши!

— Александръ! въ негодованїи вскричала Лиза: вы не думаете того что говорите!

— Я говорю то что вижу глазами и слышу ушами. Вы любите этого человѣка!.. былъ бы еще человѣкъ!... а то нѣжда... подлинно...

— Нѣтъ! рѣшительно отвѣчала Лиза.

— И вы думаете, что я вамъ повѣрю?.. Не противъ меня-ли вы такъ нѣжно защищали его?

— Хотите ли чтобы я вмѣстѣ съ вами бранила его

въ нашомъ домѣ? чтобы грубостью и обидою запечатлѣла ему за все удовольствіе...

— Удовольствіе! вскричалъ Александръ, воспламеняясь снова: опять удовольствіе!... Вы съ нимъ находите удовольствіе?.. Разумѣется!... гдѣ играють въ четыре руки и два сердца... тамъ удовольствіе должно течь рѣкою. Я варваръ!.. я Синець!.. я невѣжда!.. я разстроилъ его моею грубостью. О! да! я видѣлъ какъ у васъ сердце разрывалось, когда Спѣвала долженъ былъ убраться отсюда во-свояси... съ какою трогательною, глубокою горестью вы съ нимъ прощались!... Слезы чуть не брызнули у васъ ручьями... Нѣтъ, этого ужъ слишкомъ!.. И я, дуракъ, свидѣтель этихъ нѣжностей, я еще остаюсь здѣсь? — Онъ схватилъ шляпу и сталъ поспѣшно надѣвать перчатки. Лицо у него страшно горѣло. Какъ всѣ бѣшенныя, онъ раздражался болѣе и болѣе съ каждымъ словомъ, которое слышалъ или которое произносилъ. Никакое разсужденіе не было возможно съ нимъ въ эту минуту. Всякій опытъ оправданія или извиненія, къ которому прибѣгала несчастная дѣвушка, былъ остановленъ и уничтоженъ новою и жестокою обидою. Самое желаніе оправдываться увеличивало ея преступленіе. Наговоривъ ей коробъ трагическихъ ужасовъ, онъ уже уходилъ, объявивъ торжественно, что никогда не вернется — что будетъ подлецомъ, если нога его когда-нибудь... если онъ, дѣти или внуки его... если мысль или память его... если воздухъ, которымъ они здѣсь дышали... если солнце, при которомъ онъ видѣлъ такой отвратительный обманъ... Коротко сказать, онъ бы разошелся съ нею безвозвратно, если бы Анна Павловна не взошла въ комнату. Замѣтивъ ихъ разстроенныя лица, и зная, что мужъ идетъ вслѣдъ за нею, она заговорила о своихъ дѣлахъ — стала спрашивать совѣтовъ о бездѣлникахъ — старалась сказать пріятное самолюбію, чтобы дать время истерзанному успокоиться и истерзанной оправиться. Она тотчасъ поняла, что здѣсь происходила страшная грѣза — какъ всегда у Александра — изъ-за пустяковъ, изъ-за одного случайнаго и невнятнаго слова. Викторъ Ивановичъ, однако, съ перваго взгляду, замѣтивъ наскоро и нѣловко

прикрытый безпорядокъ молодыхъ душь. Онъ, почти неслышно, удержалъ Александра къ обѣду.

— Ну, что съ вами? сказалъ онъ за столомъ. Что это всё вы сегодня такіе унылые? Лида! ты не скажешь намъ еще ни слова во весь обѣдъ. Посмотри Александръ, какъ слушаетъ этотъ бѣдный ребенокъ! Вы, напрямѣнно, неспереди. Объ чемъ? Ну, ужъ навѣрно о музыкѣ!... Кетати: я встрѣтилъ Заиграйскаго близъ нашего дома... глаза у него торчали на аршинъ впередъ... онъ не садился въ свою карету, которая не могла догнать его, и бѣжалъ по тротуару какъ сумасшедшій... не хотѣлъ говорить со мною... просто, удивилъ и озадачилъ меня! Не понимаю, что могло съ нимъ случиться. Лида! былъ ли онъ здѣсь сегодня?... ты съ нимъ играла?

Александръ нахмурился еще хуже. Викторъ Ивановичъ вступился расточать похвалы любезности и благородству Заиграйскаго и, въ довершеніе бѣды, провѣнчалъ адольтское слово «удовольствіе», отдавая должную справедливость заботливости его объ удовольствіи Лиды. Александръ не выдержалъ. Онъ сталъ, сперва, насмѣхаться, а потомъ бранилъ Заиграйскаго. Викторъ Ивановичъ, и сама Анна Павловна, защищали его по-обязанности. Александръ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, я рѣшительно здѣсь лишній! вскричалъ онъ вступленно: нога моя никогда.....

— Любезный Александръ! въ испугъ сказала Анна Павловна: опять вы сердитесь безъ причины! Какъ можетъ прийти вамъ въ голову, что вы лишній у своихъ друзей! Разсудите сами, не должны ли мы, при видѣ явной несправедливости, принять сторону человѣка, который дѣлаетъ намъ честь... и *удовольствіе*....

— Да самъ онъ знаетъ, прибавилъ, настойчивый Викторъ Ивановичъ: самъ онъ знаетъ, что онъ, не только несправедливъ, но на этомъ пунктѣ и помѣшанъ, рѣшительно неизлечимъ. Самъ чувствуетъ, что, будучи отличнымъ другомъ, обходится съ нами какъ не-другъ, не позволяя намъ быть благодарными кому слѣдуетъ и любить тѣхъ, которые насъ любятъ и ему никакого зла не дѣлаютъ. Право, не ищите вы табѣ, братецъ, научиться полезному и приятному иску-

ству соглашать дружбу съ вѣжливостью хоть бы у этого Заиграйскаго, котораго ты такъ унижаешь и преслѣдуешь.

Гроза наконецъ разразилась. Громъ, молнія, дождь, градъ, завываніе вѣтровъ, подземный гулъ и землетрясеніе—слѣдствіе котораго чуть не опрокинулся круглый столъ съ десертомъ и бутылками. Викторъ Ивановичъ, желая дѣйствовать въ пользу Лизы, поступилъ съ той неловкостью, какую часто обнаруживаютъ умные мужчины, когда берутся за женскія дѣла, такія кружевныя, такія утлыя, что рвутся въ пальцахъ отъ одного вѣтру словъ и починаются взглядомъ или улыбкою. Притомъ, онъ не зналъ что происходило между Лизой, Александромъ и Заиграйскимъ. Вѣроятно, онъ былъ бы осторожнѣе въ выраженіяхъ. Насказавъ ему колкостей и грубостей, Александръ вскочилъ со стула.

— Прощайте!... мы болѣе не увидимся!... теперь ненаде объясненій! вскричалъ онъ, бросивъ сверкающій взоръ на Лизу: теперь все ясно; я долженъ, и готовъ, уступить мѣсто тому, кого здѣсь всѣ покровительствуютъ. Я уступаю съ радостью... съ удовольствіемъ...

И снова онъ злобно взглянулъ на Лизу. Напрасно Викторъ Ивановичъ, Анна Павловна, и даже Лиза, старались успокоить его: онъ ничего не слушалъ, и уже былъ у дверей, когда слуга отдалъ ему записочку.

«Страшное бѣдствіе постигло наше семейство. Съ отцомъ нами случилось ударъ. Онъ въ опасности; мы въ отчаяніи. Приѣзжайте поскорѣе къ умирающему другу вашему: онъ васъ спрашиваетъ; я васъ умоляю. Гдѣ бы вы не находились, оставьте все, не теряйте ни минуты, приѣзжайте, ради Бога!»

Въра.

Александръ вдругъ опомнился. Горячій потъ выстушилъ на его лицѣ. Онъ схватился рукою за голову.

— Что съ тобой, бѣшеный?... что случилось? спросилъ Викторъ Ивановичъ.

— Друзья мои! сказалъ Александръ спокойно: мы споримъ здѣсь о вздорахъ, а между-тѣмъ меня ждетъ чело-
вѣкъ на смертномъ одрѣ. Мой добрый, бездѣльный другъ

Сберовъ умираетъ!... Какъ знать, когда конецъ достигнетъ
каждаго изъ насъ! Простите меня! Я люблю васъ душев-
но. Это вѣрно. Никогда не сомнѣвайтесь во мнѣ, что бы
ни случилось.—Прощайте, добрая Лиза, сказалъ онъ, поцѣ-
ловавъ ей руку: не сердитесь на меня... я виноватъ... ви-
новатъ во многомъ... Мы поговоримъ объ этомъ послѣ... на
досугѣ... Вѣроятно на дняхъ увидимся... Прощайте! Мнѣ
нужно спѣшить.

Онъ убѣжалъ, и, надѣвая шляпу, уронилъ въ дверяхъ
записку. Лиза подобрала ее—прочитала—и заплакала.

— Нѣтъ! мы уже не увидимся! сказала она про себя. Я
погибла! Мнѣ суждено быть всегда жертвою!...

=

ЗАПИСКИ

КУПЦА

ЖАРКОВА.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

IV.

Баранта.

Два старинныя пѣсни. — Старинныя экипаны. — Усовершенствованіе ихъ. — Разныя ступени общественнаго быта. — Дикарство Киргизовъ. — Смигченіе ихъ нравовъ. — Уничтоженіе баранты. — Причины и основанія ея. — Кули и пени. — Нескончаемость счетовъ. — Русскіе набойщики и набойщики.

Право, какъ немножко этакъ пораздумаешь — такъ свѣтъ-то нынче идетъ куда-какъ лучше противу прежняго! Ужъ разумѣется водится и теперь не безъ того, чтобъ старики не похваливали старыя годы да бывалыя времена; да полно, точно ли въ старыя-то годы жизнь краше казалась? Вѣдь только въ сказкахъ сказывается, что въ старину житье бывало широкое, что иной богатырь раскинетъ «дворъ на семи верстахъ, «а кругомъ двора желѣзный тынъ, на кажиной на тынникѣ по маковкѣ, на девятой на тынникѣ по жемчужинѣ; «посередь двора свѣтлицы стоятъ, у нихъ гридни бѣлодубовыя, «а и крыты то сѣдымъ бобромъ, потолокъ черныхъ соболей, «а матица волженная, пол-середа одного серебра, крюки да «пробом по булату злащены, а во дворъ ведутъ ворота то валь-«лащетыя, то хрустальнымъ.» Въ тѣ поры пѣвали:

«Государыню православную,
 «Ты наripу нашу матушку,
 «Припади скорѣй къ стенамъ ея
 «Умѣй вымолить прощаніе!
 «Не испросишь ты прощенія
 «Того горше прогнѣвишь ея:
 «Она, матушка наша мудрая
 «Тебя, злаго басурманина,
 «Протурить изъ Царя-Града.

А прислушайтесь-ка каково забористо запѣваютъ наши солдаты воть эту тоже старинную пѣсенку:

Вы побѣдныя головушки, солдатскія,
 Какъ походы вы свои справляете
 И ни въ чемъ вы устали не знаете.
 Только бѣ было гдѣ замкъ враговъ небытъ!
 Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи солдаты ружья чистили,
 Ко блуду свѣту солдаты во строю стоятъ.
 Не златая трубушка протрубливала,
 Не серебряна ошпозочка поддгрывала —
 А возговорить недолжа православный царь:
 «Ой, вы, гой еси, солдатушки драгуны,
 «Вы армяшка пѣлета, и все войско,
 «Вы раздумайте со мною мою дуну —
 «Какъ бы намъ, ребята, городъ Азовъ взять?»
 Не златыя пчелушки во рои ихъ жужжать,
 А солдатушки въ радахъ отвѣтъ дають:
 «Взять возьмемъ мы городъ Азовъ своей грудью,
 «Мы полежимъ свои головы за шкуру,
 «Рады лечь косяки мы за святую Русь!»
 На закатѣ ли-то было свѣтла мѣсяца,
 На восходѣ ли-то было ясна сонышка,
 Съ пѣснями солдатушки на пристуки шли
 Что подѣ тотъ ли подѣ Азовскій славный градъ,
 Что подѣ тѣ ли стѣны бѣлокаменные,
 Что подѣ тѣ ли подѣ раскаты подѣ мысокіе.
 То не бѣли камни съ горъ капилися —
 А валылися со стѣны враги наши;
 То не свѣги во полѣ бѣлѣлися —
 А бѣлѣлися чалны турецкія;
 Не съ дождей потоки разливалися —
 Разливалися протѣ басурманская!

Ну, вотъ такая пѣсня и поется какъ-то веселѣе, да и слушается какъ-то порадостнѣе. А есть ли тутъ чѣмъ хвастаться, что въ старыя, бывалыя времена подносили богатырю чару зелена вина съ полтора ведра, принималъ ее молодецъ одной рукой, выпивалъ чару единымъ духомъ, пудовой сайной закусывалъ, по дѣлому пирогу за щеку металлъ, по дѣлому гусю проглатывалъ? Бывали, можетъ статься, такіе удалцы, но ихъ время, ихъ чередъ прошли, и прошли слава Богу безвозвратно.

Старые старики потому, а чай, прежнія времена похваляютъ, что сами они тогда были моложе, кровь то въ нихъ играла поживѣе, стало и живнѣе-то ихъ была, на ту пору, краше. А, разумѣется, любя ли живнѣе тогда, когда у прежняго молодца и ноги подкашиваются, и волосы на головѣ повыщѣли да жожелтѣли, и кровь-то по жилкамъ еле-еле переливается, и немощи старческія то тутъ, то тамъ одолевать станутъ! Что говорить: весело старинку вспомнить, да правое ли дѣло охавать новѣшнія времена?

Я вотъ такъ своимъ умомъ-разумомъ раскидываю. Во всѣ времена было между людьми много худаго, а много и хорошаго: такъ оно теперь ведется, такъ оно будетъ и послѣ, пока сѣтъ стѣтъ. Но хорошаго всегда бывало непримѣръ больше, чѣмъ дурнаго. Въ одномъ могу я согласиться, что прежде люди были попроще. Чтожъ такое значить попроще? А то, что хитростей разныхъ этакихъ не было, а хитростями у насъ, извѣстное дѣло, зовутъ и манерливостъ въ обращеніи, и уютностъ въ семейной жизни, и все и все; даже учиться человѣкъ захочетъ наукамъ — такъ и тутъ говорить ужъ, что онъ происходитъ разныя хитрости. Чуть только захочешь жить маленьчко полюдски — ужъ на тебя иной и накинется: новые порядки, говорить, заводить! на заморскую руку гнеть! А какая тутъ заморщина, что велишь сундуки или лавки зарубить на ростопку, да заведешь себѣ порядочную мебельницу! Какъ хорошенько посудить, такъ мебель самая необходимая вещь во всякомъ хозяйствѣ: а какое слово мебель? Чужое, заморское! у насъ для этого даже своего слова нѣтъ! А экинажи? опять-таки не русское слово — стало быть, въ старые годы, у насъ на Руси не звали ли мебели, ни экинажей.

Да и въ самомъ лѣтѣ, есть и теперь еще на святой Руси дальшіе глухіе макушки, гдѣ экипажей еще не знаютъ. Попадобится ли мужику, а въ иныхъ мѣстахъ и горожанину, куда ни да-есть отправиться — онъ сѣдлаетъ коня и ѣдетъ туда верхомъ: въ старые годы у насъ никто иначе и не ѣзжалъ, какъ верхомъ. Ну, вотъ пришлось подумать на счетъ того, какъ бы полегче перевозить кладъ. Прежде въ незапамятныя времена, кладъ вьючился на лошадей, но попадались предметы, которые трудно было вьючить на лошадей — примѣрно скажемъ: снопы съ долей, сѣна съ луговъ, или сунушки изъ лѣсу. Годъ хитра на выдумки! — вотъ и придумали парный экипажъ, который еще е-се-пору здравствуетъ и на которомъ доселѣ, у насъ въ иныхъ краяхъ, сѣно а въ иныхъ мѣстахъ только сунушки перевозятъ. Этотъ экипажъ называется «волокуща»; это болѣе ничто, какъ два длинныя сѣдала; съ одного конца въ дыкъ впрягаются лошади, а съ другаго прикрепляется перекладина, на которую и привязываютъ разную кладъ.

Потомъ придумали къ этимъ волокушамъ поддѣлать на зиму — полозья, а на лѣто — колеса, вотъ и вышли для зимы — сани, а для лѣта — передняя половина роспусковъ. Съ годами пришли новыя улучшенія и прежняя волокуша, съ одной парой не кованыхъ колесъ, приняла ужъ двойной видъ: въ гористыхъ краяхъ пошли двухколесныя таратайки, какъ у Чухонъ, а въ степовыхъ мѣстахъ — двухколесныя арбы, какъ у Татаръ; въ нашихъ же долинахъ, на святой Руси, вмѣсто двухъ колесъ, стали подлаживать четыре колеса, у насъ появилась и телѣга, явились и настоящіе роспуски. Потомъ сметливые люди стали замѣчать, что чѣмъ дальше заднія колеса стоять отъ переднихъ, тѣмъ на роспускахъ сидѣть ловчей и меньше тряски — и вотъ на степныхъ мѣстахъ появились дроги, почитай что одно и то же что и роспуски.

Женщина слабѣе мужчины по сложенію и хитрѣе по уму; она умѣетъ какими-то манерами, подладить мужчине такъ, что онъ, каковъ бы ни былъ гровный у него порокъ, непременно станетъ во всемъ угождать ей. Вотъ мужчина и сталъ придумывать: какъ бы ему повальнѣе перевозить съ мѣста на мѣсто женщину, сто свою подругу?

значая еще ограничена самыми обыкновеннымъ и простымъ способомъ. Они предожима еи не новый экипажъ, а все тѣмъ стариннымъ своимъ распущимъ и дроги, только, угождая вѣжному сложенію, покрылъ распущи коврикомъ, чтобъ быль удобнѣе сидѣть было. Эта мажера и теперь существуетъ.

Потомъ, наши братъ мужикъ ухватился подвдзаетъ дощечку, вѣсто подножки, во всю длину дрогъ. Отъ этого у сѣдоковъ ноги не бодались и сидѣть стало гораздо спокойнѣе: все вѣдъ это и осдо-пору на нашихъ глазахъ еще ведется.

Если въ такомъ экипажѣ ѣхать по грязи, то съ колесъ ею сѣдока обрызгаетъ. Мужчина о себѣ мало думаетъ; ему скорѣе почется угодить женщинѣ, у которой и платье наряднѣе, и отвѣтственности за чистоплотность больше. Вотъ умный чело-вѣкъ и придумываетъ придѣлать къ дрогамъ крылья: сперва они были коротенькія, только близъ самогъ сидѣнья, потому-что грязью брызгало больше съ верхней части колесъ, а потомъ крылья эти протянуты и до самой подножки: на такой экипажъ доселѣ еще можно полюбоваться наглядно.

Потомъ придумали коврикъ зашить подушкой, а крылья и подножки сновалъ желѣзомъ да выкрасить — и вышелъ тотъ самый карандасникъ, на которомъ у насъ разъѣзжаютъ все, отъ Сибирска до Чернииска. А если на эти же самые дроги посадить голынный кузовъ — вотъ тебѣ и гарантася логонъ; потому надъ рѣзнымъ кузовомъ надѣвали кибитку, чтобы отъ дождя укрывался, а теперь гарантася пошли такіе что твои кареты! А надтошныя-то кареты начались на Руси еще современіемъ царя Василья Ивановича Шуйскаго, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ на экипажахъ большее пошло шегольство!

Вотъ теперь бы и любопытнее было пооставить на одну доску и далачку, и въ какого-нибудь упрямнаго мѣстечка ватоникъ черотъ, и распущи, и вотъ жезъ Петербурга, и простыя по-крашенныя дроги жезъ Томска, и простую далачку жезъ ближайшей деревни, и хорошенный карандасникъ для старинную лишешку жезъ жезъ Нижняго, и шегольской гарантася жезъ Казани, и лад-шберка жезъ Москвы, и новомалую, орантовскую, уютношю, кур. шешешю, кареску, и другіе какіе ли жезъ экипажи, жезъ

это поставить рядкомъ, да посмотрѣть, да сравнить: такъ вѣдь какимъ дубьемъ покажется не то что телѣга, а старомодная коляска передъ этой англійской кареткой. Вѣдь хелоту то сколько будетъ!

Но надо видѣть всѣ эти экипажи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ, и на томъ самомъ дѣлѣ, на какое они употребляются, да притомъ у тѣхъ самыхъ людей, для потребности которыхъ они нужны — вы и скажете тогда, что, дескать, и карета вещь прекрасная, и тарантасъ вещь прекрасная, и дроги вещь прекрасная, и телѣга вещь прекрасная, и волокуша вещь прекрасная; тогда и смѣху не будетъ, и человѣкъ хладнокровно и съ благоразуміемъ рассуждать станетъ, что дескать всякой вещи есть свое мѣсто, есть и свое назначеніе — ей Богу, право-съ! То будетъ лишь смѣшно, если петербургская знатная барыня вадумасть на гуляньѣ кататься на крестьянскихъ роспускахъ, а мужикъ — лѣсорубъ станетъ подлазывать двадцатисаженные сутунки къ модной каретѣ, или укладывать сѣно да снопы въ щегольскую коляску; ну, не такъ ли-съ?

Смекните-ка вы то, что я теперь говорилъ про экипажи, да и приложите это къ человѣку — вы и увидите какъ, испоконъ вѣку, весь человѣческій родъ идетъ къ постоянному улучшенію; увидите вы и то, что если у насъ на Руси осю-пору здравствуютъ и благополучно обрѣтаются старинныя волокуши и телѣги, одновременно съ модными каретами, такъ несомнѣнно надо признать и законность одновременнаго существованія племень грубыхъ и необразованныхъ самымъ допотопнымъ наперомъ, вмѣстѣ съ породами благонравными и образованными въ той степени, до какой только могли достигнуть въ наше время разныя, просвѣщающія умъ и сердце, познанія. Это будетъ длинная лѣстница: а взгляните въ дѣло поближе — и вы убѣдитесь, что всякая ступенька тутъ на своемъ мѣстѣ, всякой ступенькѣ есть свое назначеніе, своя цѣль, всякой ступенькѣ есть законно принадлежащее ей право. И шлопать ни одной ступеньки изъ этой лѣстницы невозможно: въ иномъ мѣстѣ неестественно шагать придется, а въ иномъ пошлутъ такъ шагнешь, что и голова цѣла не останется. А тогда ужъ плохо придется, какъ взымаясь на извѣстную ступень, да грохнешься наземь: станетъ ли силъ снова наверхъ взбираться.

си!... Вотъ хоть бы Турція, которая вдругъ вздумала подлѣзть многія ступеньки да разомъ шагнуть туда, куда ей еще больше высоко забираться: ей и нездобровать тепериче — припомните мое слово!

Ужь по самому порядку вещей видно, что на той лѣстницѣ, на вершинну которой весь родъ людской взбирается, соразмѣрно съ нравственными своими силами, все лучшее и избранное должно стекаться на высшія ступени. Но, любуясь этими избранниками, мы все таки не приобретаемъ еще права смѣяться или издѣваться надъ тѣми, которые еще невысоко шагнули. Всему свое мѣсто, свой чередъ, свое назначеніе, и все имѣеть свои законныя, признанныя права на наше вниманіе и на наше участіе.

Пожалуй, меня еще назовутъ пустомелей, за то, что я въ тѣхъ рѣчи пускаюсь и передаю всѣмъ и безъ меня извѣстныя и перенезвѣстныя истины. Но боюсь я не того что про меня скажутъ, будто я рацею читаю, а боюсь того, чтобъ какъ нибудь зашамловавши эти истины не сталъ иной смотрѣть на моихъ Киргизовъ какъ на какое нибудь будто ужъ и нечеловѣческое стродье.

Киргизы, или какъ мы Саратовцы зовемъ ихъ Карсаки, или по настоящему Кайсаки, или, наконецъ, какъ они сами себя зовутъ, Казаки, стоятъ еще на одной изъ низшихъ ступеней челоѣческой лѣстницы, но уже давно не на самой низшей ступени; нравственно возвышались они замѣтно начали съ тѣхъ поръ какъ вступили подъ державу Русскаго государства: и теперешніе внуки далеко ужъ опередили тѣхъ ордынцевъ, которые остановились на дѣдовской ступени.

Я ужъ прежде наемкнулъ на то, что Киргизы, сдружившись съ Русскими и войдя съ нами въ постоянныя сношенія, стали, волей-неволей, перенимать отъ насъ многое. Въ числѣ этого многого, начали они заимствоваться отъ насъ и тѣмъ, что ставило насъ, въ сравненіи съ Киргизами, на высшую степень челоѣческой лѣстницы, а изъ этого, сами собою, вытекли тѣ послѣдствія, какихъ вездѣ надо ожидать отъ сближенія грубаго и нецивилизованнаго народа съ народомъ образованнымъ. Первое дѣло касалось, конечно, умягченія нравовъ и подготовленія народа исподоволь къ заимствованію отъ насъ коренныхъ осно-

ваній нашего осѣдлаго быта. Не у вои́къ конечно, однакожь все-таки у довольно не замѣтнаго числа Киргизовъ, мы встрѣчаемъ и хлѣбпашество и достойныя дома для жительства. Разумѣется, такія важныя вещи совершаются вѣками и очевидно было бы заботѣ опредѣлить срокъ, въ который можетъ быть начато и окончено пересозданіе дѣлаго народа: — да вѣдь не свѣтъ ничего и недѣлается съ разу: все идетъ себѣ потихонечку, да помаленечку. А что касается до Киргизовъ, такъ для насъ ужь и то важно, что основаніе великому дѣлу положено и если Богъ продлитъ на долгія времена нынѣшній порядокъ дѣлъ и не допуститъ, въ глубинѣ этихъ отдаленныхъ странахъ, важныя переворотовъ, въ родѣ возобновленія времени Чингисъ Хана и другихъ подобныхъ ему дикарей завоевателей, можно съ увѣренностью полагать, что Киргизы достигнутъ высоты той же ступени на лѣстницѣ человѣческаго преуспѣванія къ всему высокому, на которой сами мы теперь стоимъ. Да и можно ли въ томъ отчаиваться или даже сомнѣваться? И не грѣшно ли предполагать, что Господь Богъ, отъ начала вѣковъ, обрекъ эти неизмѣримыя пространства вѣчной думѣ душевной и вѣчному дикарству и непросвѣщенію?

Вы видите, я все гну на ту сторону, что признаю возможность и необходимость слитія воедино полудикаго племени оцнами, съ образованнымъ народомъ. Но восклицая то положеніе, въ которомъ мы съ вами находимся, я вовсе не думаю дрочиваться чувствомъ какого нибудь отвращенія къ теперешнему быту Киргизовъ — чего я вамъ не желаю: иначе мы никакъ не разознаемъ всѣхъ отбѣнковъ ихъ быта, никакъ не впадемъ въ себѣ участія къ нимъ, а слѣдовательно никакъ не сумѣемъ разумнымъ образомъ проторить путей, по которымъ слѣдуетъ вести это невѣжественное племя къ улучшенію нынѣшней его жизни.

Мы, Русскіе, какъ будтобы самимъ Провидѣнемъ, призваны разннать свѣтъ нравственнаго просвѣщенія въ необитаемыя страны Азіи. Наряду съ другими народами, мы ведемъ впередъ и Киргизовъ и, въ послѣднее время, заставили дѣла сдѣлать важный шагъ — отказаться отъ баранты, отказаться отъ обычая, который былъ въ крови, въ нравахъ, въ вѣковыхъ преданіяхъ дѣлаго народа.

Ожидаться отъ какого-нибудь обычая и одному человеку не можно, тѣмъ друнѣе было ожидать, чтобъ цѣлый народъ добровольно отъ него отказался. Усиліе закона вело къ тому, чтобъ воинственное самоуправство и междуусобныя распри достигли законности, подчинили разумнымъ началамъ суда праваго, не жестокаго, а человѣколюбиваго. Это-то усиленіе искоренило у Киргизовъ хищничество, и исподоволь подвело ихъ подъ начала общаго человѣческаго закона, существующаго у каждаго образованнаго народа. Уничтоживъ разбойническіе набѣды, истребивъ сокрушительныя воинственныя набѣги, мы, разумѣется, доохладили киргизское жестокосердіе, еще болѣе умягчили ихъ нравы и обуздали, до тѣхъ-поръ не знавшіе никакихъ препонъ, порывы страстей, среднѣхъ каждому дикому народу; а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, вдохнули въ нихъ что-то похожее на разумное пониманіе справедливости и благодѣяній, доставляемыхъ мирнымъ и спокойнымъ сожителствомъ.

Можетъ-быть, найдутся люди, которые будутъ сѣтовать на то, что чрезъ такое переименуе обичаевъ, въ Киргизахъ потухъ воинственный жаръ. Такъ неужели же намъ скорбѣть, что мы заглушили всѣ признаки звѣрства и лютоги, въ которыхъ прежде грубѣлъ народъ, и озарили его лучами просвѣщенія? Этакъ, пожалуй, намъ самимъ надо плакаться на нашъ просвѣщенный вѣкъ и всею душою стремиться къ превращенію самихъ себя въ стародавнюю Русь, которая существовала еще до основанія Москвы. Если такъ, то можно и еще проще поступить: стѣять только взять да и окиргизить! оставить все, отказаться отъ всего, чѣмъ душа наша и умъ теперь обладаютъ, смотрѣть на все киргизскими глазами, жить по-киргизски, даже по-киргизски чувствовать. Врядъ ли найдется на это много охотниковъ! А кто предпочитаетъ отчаянную храбрость дикаря благоразумной и нужной только въ крайнихъ обстоятельствахъ храбрости образованнаго человѣка — жить можетъ еще кой-гдѣ по дальнимъ закоулкамъ степи потѣшить само удачу — молодечество и въ барантахъ, польстившись на громкій титулъ степнаго батыря.

Живши въ степи, я много слышался про баранчу, и слышалъ отъ асканоловъ, старій Киргизъ, лѣтъ семидесяти, хорошо

помнившій всѣ рассказы своихъ дѣдовъ, почасти со мной бесѣдовалъ о томъ , какъ барантовали въ стародавніе годы Киргизы. Суть-то всю изъ его пересказовъ мнѣ и хочется теперь вамъ передать.

Барантá слово не русское , а татарское , и выговаривается у нихъ «бармта», слово-въ-слово по нашему оно выйдетъ — походъ, набѣгъ. Вотъ изъ-за чего она въ стародавніе годы происходила.

Киргизы всегда и во всемъ расправлялись между собою самоуправно. Выйдетъ, на примѣръ, между пріятелями споръ , или нанесена будетъ обида : у Киргизовъ нѣтъ того , чтобы идти жаловаться и начать , на законномъ порядкѣ , дѣло — прежде этого не знали, а просто-на-просто завязывалась схватка, начиналась потасовка, и кто-кого, бывало, осилить — тотъ и правъ.

Безъ побоевъ дѣло, разумѣется, не обходилось ; за побоями шло увѣчье и раны, а, при жаркихъ схваткахъ, и смерть приключалась. Въ схваткахъ, конечно, участвовали мужчины, сильные работники , отцы семействъ , поддерживавшіе благосостояніе своего хозяйства. Со смертью ихъ , семья ихъ нищала , лишась и родственника и главнаго руководителя. Смерти этой нехристіанская семья, конечно, не могла забыть , не могла простить убійцѣ и, по закону мести, должна была получить окупъ крови, окупъ, который прикрывалъ все происшествіе. Эта цѣна крови называется у Киргизовъ «куна». Вотъ эту - то куну убійца и долженъ былъ заплатить родственникамъ убитаго.

За убійство каждаго Киргиза , положено платить извѣстныи окупъ скотомъ ; за убійство женщины платилось въ половину противу мужчины. Кто не въ силахъ былъ выплатить этого окупа, тотъ выдавался родственникамъ убитаго головой и подвергался неволѣ.

Иные, почитавшіе себя правыми въ убійствѣ и не желавшіе платить цѣны крови, оставляли родственниковъ убитаго безъ удовлетворенія : въ такомъ случаѣ весь родъ, къ которому принадлежалъ убійца, обязанъ былъ принудить виновнаго исполнить свою обязанность и выплатить куну. Если же родъ отстранился отъ себя это дѣло и не приневоливалъ убійцу внести возмездіе, то очень вѣроятно, что соперники его, семья убит-

го, считали, по своимъ нехристіанскимъ правиламъ, очень законнымъ дѣломъ прибѣгнуть къ силѣ.

Они дѣлали набѣгъ на убійцу, вступали съ нимъ въ сраженіе и силою отгоняли у него то число скота, которое имъ слѣдовало. Если противъ такого нашествія соперниковъ, виноватаго ограждали его однородцы, то мстители возвращались во свояси ни съ чѣмъ и заявляли обо всемъ своимъ однородцамъ.

Вотъ тогда ужъ начиналась полная суматоха. Родичи обиженныхъ поднимали оружіе и шли войной на родичей убійцы. Начиналась битва, въ которой всѣмъ равно доставалось — и правому и виноватому. Били, колотили, рубили всѣхъ, кто попадется и отгоняли верблюдовъ, быковъ и барановъ гдѣ ни случится.

Не смотря на низкую степень гражданскаго состоянія, Киргизы, какъ люди, одаренные отъ Бога такимъ же, какъ и всѣ, здравымъ смысломъ, скоро поняли, что это, выходитъ, настоящая рѣзня и потому имъ нельзя было не подумать, какъ бы ограничить послѣдствія такихъ побоищъ.

Сообразно со степенью тогдашняго своего состоянія, въ которомъ понятіе — то о карѣ виновнаго не можетъ еще выработаться такъ, какъ мы его видимъ у народовъ образованныхъ, Киргизы и постановили правиломъ, чтобъ кровь каждаго человѣка оцѣнить однажды навсегда опредѣленнымъ окупомъ. Вотъ они и положили, чтобы куну за убитаго Киргиза изъ простонародья считать въ тысячу барановъ, а за каждую женщину изъ простонародья — въ пятьсотъ барановъ; а если кто въ набѣгѣ убьетъ человѣка султанской семьи, тотъ обязанъ заплатить куну въ тысячу верблюдовъ, за жену или за дочь султанскую, куна пятьсотъ верблюдовъ.

У кого нѣтъ такого числа барановъ или верблюдовъ, тотъ негъ платить и другимъ скотомъ: у Киргизовъ все разočтено и изъ-поконъ вѣку ужъ положено во сколько барановъ считать верблюда, молоденькаго, взрослога или ужъ стараго, и во сколько барановъ надо цѣнить лошадь, и какихъ именно достоинствъ: ее аргамака такая цѣна, а за простую молоденькую кобылку — другая. У Киргизовъ все переведено на барановъ, а нѣтъ барановъ — такъ платятъ тѣмъ, что на охотѣ добытъ; и тутъ то-

же рассчитано, во сколько барановъ надо считать лисицу или волка, либо что другое.

Куна берется только за убійство челоуѣка; за неслертныя раны, за отройъ лишняго числа головъ скота, и за другіе, кому бы-то нѣ было причиненныя убытки положена пеня «тюдъ»: тутъ все высчитано не десятками, а по девяти головъ, за иное берется два девята барановъ, за иное три девята коней, а за иное девятю девять-девятовъ головъ. Тутъ также каждая утрата имущества высчитана особо и сдѣлана оцѣнка всему, и накошенному сѣну, и жилому кошу, и носильному платью, и всякому оружію — ничего задаромъ пропадать не должно.

Все это, конечно, положено было съ доброю цѣлю, чтобъ устрашить барантовщиковъ и удержать ихъ отъ самовольнаго нанесенія излишняго ущерба враждебной семьѣ, или враждебному роду. А можно ли въ суматохѣ, когда цѣлый родъ встаетъ на родъ, положить какую-нибудь границу, которую бы дикое племя, въ полномъ разгарѣ страстей, не переступило? Надо мнѣ было отогнать у непріятеля, положимъ, хотя за куну, тысячу барановъ. Я поднялся и пошелъ въ набѣгъ; непріятель меня встрѣтилъ; началось побоище; или и въ тихомолку я подсторожилъ враждебныя стада, успѣшно захватилъ ихъ: мнѣ, въ торопяхъ, не до того, чтобы каждую голову особо пересчитывать, я гоню передъ собою все, чѣмъ мнѣ удастся завладѣть.

Возвращаюсь домой; перебираю добычу — и насчитываю только восемь-сотъ барановъ. Конечно, я недоволенъ. По моему обычаю, я признаю себя законнымъ владѣльцемъ еще двухъ-сотъ барановъ, которые пока пасутся у моего недруга. Я жду удобнаго времени, и потомъ опять пускаюсь въ набѣгъ. Но врагъ мой хитеръ; онъ ужъ самъ меня подстерсаетъ, озлобленный моею прежнею удачей. У насъ опять начинается побоище; опять счастье мнѣ благопріятствуетъ; я опять отгоняю скотъ и насчитываю дома, что теперь у меня тысяча барановъ, да еще пятьдесятъ головъ лишнихъ. — Ну, пятьдесятъ головъ не важность: пусть они останутся мнѣ за проценты, что я трудился, да хлопоталъ, да еще ждалъ столько времени.

Но прошле еще двѣ-три недѣли времени, мой недругъ; онъ

Ахиринцы мы теперь скитались, ночью двадцать нападеніе на нас стадо и уводить триста головъ.

— Какъ такъ, триста? ты только пятьдесятъ штукъ могъ отбить?

— Какъ бы не такъ, пятьдесятъ! Ты у меня двадцать барановъ передвинулъ, да переморилъ дорогой, да аргамака увелъ; да моего мсыря ишувъчилъ, да растаскалъ сѣно, да котелъ ограбилъ, да то, да сѣ...

И почтеть въводить, да расчитывать, да вѣдь какъ высчитывать-то? По его прикладу, съ меня еще сто барановъ взяты приходится.

— Постой-же! думаю я: ты и въ-самомъ-дѣль, пожалуй, ко мнѣ опять заберешься въ гости. Нѣтъ, братъ, шулки! Я самъ счета вести все умѣю: какъ хочешь, а мои двѣсти-пятьдесятъ барановъ воротятся ко мнѣ.

Я опять подбираю дружину и опять нападаю на недруга. Такихъ манеромъ, счета между мною и имъ, между моею родою и его родою, а за частую и между нѣсколькими родами выстъ за одинъ разъ, счета идутъ нескончаемые, тлутся цѣлыми десятилѣтіями, сопровождаются безпрестанными вободнями; кровь летитъ, люди увѣчатся, семьи нищаютъ и доводятся до такой нищеты, до такого отчаянья, что и подумать страшно.

Что говорить! Живительныя воинственныхъ наклонностей у этого племени есть чѣмъ тутъ полюбовать. Ужь одно снаряженіе на баранту чего стоитъ! По цѣлому аулу рыскаютъ всадники, стовариваясь на предстоящій набѣгъ. Одни чистятъ оружіе и острятъ сабан; другіе обвѣзжаютъ коней и выдерживаютъ оладуновъ; третьи шпионничаютъ и выглядываютъ, гдѣ и какъ у враждебнаго рода стада пасутся, и въ какой мѣрѣ, и кто вѣситъ, въ какое время стоитъ у нихъ на сторожѣ.

Только что свѣга сойдуть, степь покрывается свѣженькой трахой, изжоренные за зиму табуны разыграются на всеобщемъ теплѣ, а воинственные хищники разгорячатъ кровь неутолимими пріемами кумыза, всею молодежью ужь и пробьются ишувъчилъ; погарать; попольнить свою удалъ богатирскую. Нѣтъ-то и подбираютъ себя тѣ, у кого есть счета на чужеродцѣ. А иногда буйные сторонники и сами привѣзываютъ

ся къ какой ни-на-есть бездѣлицѣ, припоминаютъ стародавнія права на ничтожную пеню въ чужомъ аулѣ — и идутъ въ набѣгъ.

Артели барантовщиковъ бывали разные, ѣзжали они и по двое, и по трое, а то собирались и десятками. Чѣмъ значительнѣе было дѣло, чѣмъ болѣе оно затрогивало хозяевъ въ аулѣ, или въ родѣ, тѣмъ артели становились гуще и гуще: собирались даже цѣлыя полчища изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Вотъ какъ этакая-то гурьба подкрадется къ аулу ночью, да нападетъ въ расплохъ на спящихъ, да гикнетъ, да почнетъ потѣху, рубя и коля всѣхъ и каждого — что за стоны поднимутся въ аулѣ, что за вопли раздадутся по степи! Едва едва забрезжитъ свѣтъ и дальнее небо озарится первымъ вспыхиваньемъ утра — какіе невеселые предметы кидаются въ глаза постороннему зрителю! — Тутъ арканятъ молодую дѣвушку, тамъ топчутъ маленькихъ ребятъ, здѣсь стариковъ хлещутъ погайками, а тутъ на площадкѣ за кибитками оцѣпилось нѣсколько наѣздниковъ, оборванныхъ и неодѣтыхъ, въ порывѣ полного ослѣпленія жаждой добычи, наносящихъ тяжелые удары противникамъ.

Между тѣмъ какъ одни проливаютъ кровь въ побойщѣ, а другіе грабятъ послѣднія крохи отъ беззащитныхъ семей, за ауломъ виднѣется новая толпа народу, вооруженнаго коньями. Они отбили табуны и стада у сторожевыхъ Киргизовъ и гонютъ теперь къ себѣ эту добычу. Глухой топотъ табуна гудко приближается откуда-то издалека; слышится ужъ нетерпѣливое ржаніе коней, настойчиво погоняемыхъ скачущими вокругъ нихъ батырями; неповоротливые быки, задравъ хвосты и понуривъ головы, кидаются безъ памяти туда, куда загоняетъ ихъ опытный всадникъ. Обширная стада барановъ, вадимая надъ собою цѣлое облако пыли, незамѣтно движутся по ложбинкѣ, едва едва бѣгъясъ, будто пѣна на бурлящемъ во на дальнемъ озерѣ, и скоро вовсе скрываются изъ глазъ, за едва очерченными скатами ближнихъ холмовъ.

Если барантовщикамъ случится одержать верхъ и овладѣть чужими табунами, въ расплохъ или съ бою, одноаульцы оцѣпляютъ сосѣднихъ одноподцевъ, и вмѣстѣ съ ними несутся въ догоню за хищниками. Тѣ настигаютъ неприятелей и начи-

идутъ съ ними новую битву. Загарается новая схватка, новая рѣзня, влекущая за собою новыя куны и новыя пени, а вслѣдъ за тѣмъ и новыя набѣги дружинъ для баранты. Такъ эти междоусобія и тянутся годами, непрерывно, лишь на короткое время сдерживаемыя глубокими снѣгами и приближеніемъ весны; за то съ наступленіемъ лѣта они возобновляются съ новымъ жаромъ.

Иногда поводомъ къ барантѣ бывають частные случаи предвѣреннаго или и случайнаго воровства.

Поднимется, напримѣръ, зимою бурянь, по нашему мателюка. Бурянь нагрянетъ незначай, неожиданно. Владѣльцы стада не успѣють отпаста своихъ табуновъ въ загоны около ауловъ. Вотъ буряномъ-то косяки лошадей разобьетъ, стада барановъ растреплетъ и понесетъ ихъ по вѣтру все прямо, и не вѣсть куда. Случается, говорятъ, что эти стада прибѣгутъ бурей къ чужому аулу. Зѣвшіе ордынцы завладѣють скотомъ и скроютъ эту добычу. А между тѣмъ настоящіе-то хозяева выйдутъ кое какъ на слѣдъ, по шляхамъ доишутся до теперешняго притона стада и потребуютъ ихъ отъ передержателей обратно: Если тѣ не закатятъ доброй волей отказать отъ чужаго имуществоа, то подлинныя владѣльцы скота прибѣгаютъ къ рѣшенію дѣла силою. И опять начинается баранта, и съ каждымъ новымъ набѣгомъ она принимается размѣры все шире и шире.

А случается, что баранта возникаетъ въ совершенныхъ пустякахъ. Какой нибудь мальчуганъ, у котораго едва едва усь сталъ пробиваться, вдругъ задумаетъ вскружить голову дѣвкѣ, которая сильно пришлась ему по нраву. Дѣвка не дура: не кинуться же ей на шею первому встрѣчному. Парень-то ей съ виду, можетъ статья, точно полюбился, да вѣдь не входитъ же ей въ шашни раёныя съ голышемъ, который не съумѣлъ еще заслужить себѣ и молвы порядочной. Удавому молодцу надѣ тѣмъ-нибудь вытравиться передъ другими, нужно сдѣлать себѣ предметомъ разговоровъ, которые затрогивали бы самолюбіе молодой Киргизки, да и самому-то ему придавали вѣсъ въ цѣломъ его рѣдѣ. Вотъ онъ ни мало не задумывался, и подбѣгаетъ себѣ товарищей, такую же, какъ и самъ, шаловливую молодежь, произноиваетъ дѣлишки по окрестностямъ и, выбравъ

ночку потемнѣе, уѣзжаетъ съ ними тайкомъ изъ своего аула. Сосѣди ничего и не подозрѣваютъ, а онъ, взбалмошный, вдругъ и нагрянетъ на стадо какого-нибудь почетнаго человека, да и отгонитъ у него цѣлый табунъ, совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы украсть: нѣтъ; онъ коней, дня черезъ три четыре, самъ воротитъ хозяину безъ изъяну! А у него та только въ головѣ мысль, чтобъ заслужить себѣ одобреніе своей братьи, одноулицовъ, да распустить добрую молву о своей удали молодечествѣ. Чтобъ поставить владѣльца табуна въ тупикъ, онъ и слѣды свои скрадетъ, то есть такіе круги начнетъ по степи выдѣлывать, что шаръ не шаръ, а просто съ толку собьешься, раздумывая: въ которую сторону уведены кони. Для того, чтобъ скрыть слѣды похищенной скотины, употребляютъ разныя хитрости.

Можно ли же одобривать наклонности того народа, въ обычаяхъ котораго укоренилась баранта? и не слѣдуетъ ли уничтоженіе этого пагубнаго обычая почестъ важнѣйшимъ шагомъ къ улучшенію народной нравственности. Баранта распаляетъ страсти, разжигаетъ звѣрство, доводитъ до нищеты цѣлыя семьи, цѣлыя поколѣнія и совершенно нарушаетъ правильный ходъ домашняго хозяйства Киргизовъ и ихъ ежедневныхъ занятій.

Мнѣ часто доводилось вступать въ бесѣды съ разными очень почтенными господами, которые неоднократно приводили меня не то что въ недоумѣніе, а просто въ изумленіе вопросамъ: какія же могутъ быть занятія у Киргиза? По ихъ мнѣнію если Киргизъ пасетъ свой скотъ, такъ стало быть у него ровнешенько ни какихъ ни хлопотъ, ни заботъ нѣтъ вовсе.

Вѣдь если все этакъ смотрѣть на вещи, такъ куда какъ легко человѣку житье на семь свѣтъ. Только и знай, что пей, ѣшь и спи, да катайся словно сыръ въ маслѣ! Многіе думаютъ даже, что чѣмъ человѣкъ ниже стоитъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, тѣмъ болѣе быть его безъинтересенъ, тѣмъ менѣе сторонъ представляетъ онъ для назидательнаго изученія. А по моему крайнему разумѣнію, это бываетъ совершенно напротивъ: чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе на насъ лежитъ обязанности хорошенько ознакомиться съ существомъ его быта, чтобы знать какъ вести его къ дальнѣйшему развитію. Точно также, чѣмъ бѣднѣе человѣкъ въ средствахъ под-

держания жизни въ своей смиренной долѣ, тѣмъ для насъ поучительнѣе знать: какія же честныя мѣры принимаетъ этотъ бѣдняга достать себѣ насущный, а подѣ часть и сладкій, кусокъ трудового хлѣба, и какими доступными ему путями онъ выпутывается изъ стѣснительныхъ и горькихъ обстоятельствъ, не впадалъ ни на минуту въ отчаяніе и не ожесточаясь противъ цѣлаго міра завистию и злобою.

Ну, да вотъ возьмите вы любаго, странствующаго по деревнямъ, набойщика. Ну, взгляните вы на него, что это за человекъ? А между тѣмъ, этотъ человекъ все лѣто до поту лада проработалъ на пашнѣ, убралъ хлѣбъ, свезъ излишки на базаръ, выручилъ валичныя деньги, уплатилъ часть подушныхъ и обеспечилъ свою семью — хворую жену съ ребенкомъ, да старуху — мать, у которой и ноги отказались ужъ служить, да и глаза давно ужъ стали видѣть плохо.

Теперь, къ зимѣ, собрался онъ въ дорогу — деньгу зашибать, вспомнивъ старую науку, какъ, будучи еще мальчишкой, набрался онъ хитростей узоры набивать на тканяхъ. Русский человекъ ничего не любитъ дѣлать въ одиночку: у него ужъ нѣтъ покоя въѣку заведено составлять товарищества, компаніи. Вотъ и нашъ Ванюха, подговоривъ себѣ въ артель Кузьму да Нанфила, забираетъ съ собой, для прислуги, мальчугана — сынишку Пахомку, наваливаетъ весь свой скарбъ со струментомъ на сани и, сотворивъ молитву передъ образомъ Угодника, идетъ себѣ въ путь-дороженьку, на заработки. Онъ смекаетъ, что скоро заговинны, а тамъ опять мясодѣ, а тамъ придетъ масляница, тамъ пасаха; по деревнямъ, по селамъ начинаются жевитѣбы: сколькимъ невѣстамъ, да женахамъ его мастерство теперь пригодится!

Вотъ и приходятъ наши ребята, положимъ, въ деревню и пристають тутъ либо къ «дворнику» на постоялый дворъ, либо къ старостѣ, либо къ бурмистру, гдѣ найдутъ свѣтлицу поспособнѣе.

Договорившись со старостой Лавромъ Калининнымъ въ харчакъ и въ естерѣ, Ванюха нашъ идетъ по деревнѣ съ позывомъ. Онъ останавливается у каждой избы, колотить въ став-

ни палкой и громкимъ нагѣломъ вынѣвастъ персаъ каждаымъ окномъ:

Эй, гетки-лебѣди
 Коли надм-тъ набивать набойки
 Спросите Ванюху,
 Идите къ Лавру Калинину.

Обошедши всю деревню, Ванюха возвращается домой, гдѣ онъ присталъ, и тутъ-то его обступаютъ бабы одна за другою. Съ ранней весны онѣ ткали холсты, лѣто провели за уборкой лѣба да за льномъ — а вотъ теперь имъ и шитье надо готовить, кой-что на себя, кой что дочерямъ въ приданное. Вотъ и на-несутъ они холстовъ къ Ванюхѣ, чтобъ набилъ по нимъ узоровъ разныхъ.

Ванюха у насъ парень ладный и знаетъ всѣ порядки. Онъ показываетъ бабамъ образчики узоровъ, а образчиковъ-то этихъ у него всего съ какой пибудь десятокъ, — такъ, лоскуточки этакіе, въ четверть, и всѣ они вдѣланы въ дощечку, почитай что точно такъ какъ по гостинницамъ газеты вкладываются въ рамки. Всѣ узоры, сказать правду, почти что на одномъ манерѣ, развѣ-развѣ что съ десятокъ рисунковъ этого разраза насчитаешь на все царство русское! На одномъ образчикѣ земля коричневая, а цвѣточки аленькіе, а на другомъ земля алая, а цвѣточки коричневые; на одномъ листочки обвиваютъ цвѣтокъ съ правой стороны, а на другомъ они идутъ къ нему съ лѣвой стороны: перемѣнъ въ рисункахъ очень мало.

Вотъ бабы и разсматриваютъ всѣ эти узоры и выбираютъ который кому любѣе, а потомъ и договариваются въ цѣнѣ: пряхи ль за работу дать, или заплатить цѣльнымъ холстомъ, или выдать чистыми деньгами столько-то копеекъ. На чистыхъ то деньги бабы наши куда какъ не тороваты: имъ сподручнѣе расплачиваться какой ни на есть рухлядью. И бабамъ-то оно легче, да и набойщику-то выгоднѣе: пряжу ли, холстъ ли, курицу ли, либо что другое, онъ сбудетъ на базарѣ гораздо дороже того, вочто эта уплата самому ему обошлась.

Набойщики набиваютъ красками холсты либо подъ ситецъ, если хозяйки думаютъ шить себѣ рукава къ рубахѣ, или передникъ, или мужу шаровары, либо красятъ они холстъ про-

длинными стрѣлками, будто какъ тикъ; это въ такомъ случаѣ, если въ холстовъ будутъ шить наволочки для подушекъ или покрывки для перинъ.

У хозяина, къ которому набойщики пристали, Ванюха живетъ де-тѣхъ-норъ, пока бабы не перестанутъ являться къ нему съ холстами. Во все это время, Ванюхѣ помогаютъ въ работахъ Кушма да Панчалъ, а Пакомка растираетъ краски, которыми еще до начала пути наши молодцы занялись въ дорогу, и какъ ихъ, такъ и доски, и плитку, и великую мелочь и струментъ, для мастерства нужный, развозятъ они съ собой, какъ связано уже, въ саняхъ. У старосты Ванюха проживаетъ недѣлю дней почти за даромъ, не совсемъ за даромъ, а безъ платежа наличной деньгой: онъ ни копѣйки не бралъ за всѣ работы, которыя задавала ему старостиха, а за такія послуги только что онъ самъ и вся его артель бывали и тѣплы и сыты, а даже и лошадей то его Лавѣръ Калвининъ задавалъ своего вдоволь.

Если въ уплату за работу, Ванюхѣ пришлось получить нѣсколько цѣльныхъ кусковъ холстины, онъ сплшитъ тутъ же шить ихъ красными; но, работая для себя, онъ придумываетъ какію нибудь новенькіе узоры, похитрѣй, да позатѣйливѣй, и въ такомъ случаѣ перепродаетъ эту набойку на ближайшемъ базарѣ за очень выгодныя цѣны. Тутъ же на базарѣ онъ сбываетъ и всю прочую мелочь, полученную имъ въ уплату за мастерскую работу.

Зашибивъ добрую конейку такими оборотами, Ванюха оставляетъ прежнюю деревню и переѣзжаетъ въ другое село. Здѣсь опять повторяетъ онъ то же, что дѣлалъ и прежде, и такъ отъ деревни до деревни, отъ села и до села, отъ базара до базара онъ объѣзжаетъ цѣлый околотокъ и по веснѣ возвращается въ родную семью, съ новымъ обезпеченіемъ участи и жорой жены съ ребенкомъ и слѣпой старухи матери.

Ну, вотъ намъ бѣднякъ, — а и его жизнь не безъ красивыхъ дней! и его трудная доля не лишена почтеннаго, полезнаго труда и отрады. Бываетъ, что преслѣдуетъ неудача, и долго преслѣдуетъ человѣка: да вѣдь устанетъ же, угомонтится же вѣдь она когда нибудь. Надо только не теряться въ трудную пору жизни и не падать духомъ когда становится тяжко.

Конечно, эта штука довольно мудреная, ну да вѣдь у чело-
вѣка есть же поддержка: это трудъ, вѣра и надежда; а право-
славный русскій крестьянинъ имѣетъ столько бодрости духа,
чтобъ не впадать въ грѣховное уныніе.

Вы взгляните когда нибудь на яного горемыку, котораго
постигло крайнее несчастіе: или домъ сгорѣлъ, или животна-
ка пала, или неурожай постигъ, или какая иная бѣда стрясо-
лась. Глядь поглядь — совсѣмъ карачунъ пришелъ, да и
новое горе запало на сердце: парень мастерства никакого не
знаетъ. Чтожъ онъ дѣлаетъ? неужто въ самомъ дѣлѣ въ
кабакъ идетъ топить въ винѣ свое горе? Нѣтъ, бла-
годаря Господа, рѣдкій такъ поступаетъ! Какъ ни тош-
но приходится, какъ ни громко плачется въ одно ухо
«оброкъ!» въ другое — «подушныя!» а находчивый чело-
вѣкъ, укрѣпленный въ своихъ силахъ, тутъ не потерлется,
идетъ въ батраки, идетъ въ бурлаки и добываетъ себѣ копѣй-
ку и на оброкъ, и на подушныя, да и на насущный хлѣбъ.
А коли есть у человѣка мало-мальски рублишка другой денегъ,
да кредитъ у добрыхъ людей, онъ пускается въ мелкое торго-
шество и дѣлается напимѣръ «лоскутникомъ», или, какъ у
насъ, въ Саратовской губерніи, говорятъ — «шабольникомъ»,
отъ слова «шабль», что значитъ лехмотья, или обрывки
платья.

Лоскутники торгуютъ всѣмъ, что только попадется подъ
руку. Когда лоскутникъ проѣзжаетъ черезъ селеніе, такъ возъ
у него такъ рассѣченъ и разукрашенъ всевозможною мело-
чью, затѣйливо разставленною, для приманки бабъ и дѣвокъ,
что малыя ребята бѣгутъ за нимъ и около него густыми во-
ренищами и скачутъ и пляшутъ и въ ладошки бьютъ вокругъ
диковаинаго воза.

Чего-чего вѣтъ у лоскутника: и запонки, и серенки, и обрыв-
ки разныхъ матерій, и лоскутья сукна и ситцу, и прованси, и
крашенныя нитки для шитва сарафановъ, и нугови, и напер-
сточки, и бусы и ленты — все это разложено имъ поперекъ
воза на самомъ юру, чтобъ раздражить бабъ и заставить ахъ
завидующіе глаза прельщаться оловянными колечками, мелен-
ными лантариками, алою лентою, или перстенькомъ съ ка-
мешками.

Весь-то возъ оцѣнить, такъ десяти цѣлковыхъ тутъ дать не за-что, а лоскутникъ не унываетъ: онъ знаетъ, что эти десять цѣлковыхъ, которые пришлось ему въ кредитъ, принесутъ ему вѣрнаго барыша не одинъ десятокъ серебрянныхъ рубликовъ. Поэтому-то и ѣдетъ онъ на возу весело, и весело смотритъ на Божій міръ, и весело горлаинитъ свою завымающую нѣсенку, время отъ времени прерывая ее принудительнымъ причмокиваньемъ на лошадь.

Эй, вались народъ
Изъ каменныхъ воротъ!
Маленьки ребятки,
Космы заплатки,
Сливѣ клубки,
Бѣлые мотки
Алма ленточки....

— Ну, ну, ну, сивка! шагай, шагай, батюшко!

Ай, тетки — Варвары
Несите карманы!
Ай, тетки — Дуни
Вынесите гуни!

— Тяни, тяни, сивка!.... ну, еще, еще!

Дьякъ пришелъ —
Расходъ пошелъ,
Дьячиха пришла
Продажа пошла!

— Тпруу, сивка, стой!.... Чего тебѣ, лебедка, надо? Что выкупаешь? вдругъ остановивъ лошадь посередѣ улицы, обращается онъ къ высунувшейся изъ одного окошка молодицѣ.

Начинается торгъ; возъ обстунаютъ и марни, и дѣвья. Какъ чего нибудъ, хоть на самую малость, да кунитъ. Если у лоскутника случайно найдется въ продажѣ нѣсколько головокъ зеленого луку — даже и луку не дадутъ спуску. Иной хозяинъ, даромъ что у него въ огородѣ цѣлыя гряды свѣжаго луку, все-таки у лоскутника кунитъ пяточекъ головокъ....

Вы спросите: зачѣмъ?

— А какъ, зачѣмъ? Тѣ свой — тотъ ни почемъ, а этотъ покупной, продажный — онъ и слаще и вкуснѣе!

— Какъ глупо мужикъ разсуждаетъ! замѣтите вы на это очень основательно.

— Да точно правда, не умно... да полно, мужики ль одинъ такъ разсуждаютъ?

Мужикъ деньгами платить не станетъ — деньги дороги. Отъ чѣмъ нибудь по домашеству расквитается съ лоскутникомъ и, всего worse, вынесетъ ему, за лукъ, пару куринныхъ яицъ.

Ничѣмъ лоскутникъ нашъ не брезгаетъ. Еслибъ заглянуть попристальнѣе ему въ возъ, мы бы увидѣли, что тамъ ужъ не одно лукошко съ яйцами припрятано. И яйца, и пряжа, и холсты, и щипанное перье, чугунный бой, битое стекло, щетина, конскій волосъ, мѣшокъ съ хлѣбомъ, рукавицы, желѣзные подѣлки и всякая рухлядь и вѣтошь — все въ счетъ пошло, все съ рукъ идетъ либо на сосѣднемъ базарѣ, либо у окрестныхъ промышленниковъ.

И вотъ мужикъ, что годъ назадъ былъ бѣднымъ горемыкой, теперь поправился и ужъ своимъ коштомъ пошолъ въ торги; а поглядишь, годовъ черезъ пятокъ онъ и набу новую себѣ соорудитъ побогаче прежней, и заживетъ пошире да по-вальжнѣе, даромъ-что промыселъ лоскутника, или какого нибудь набойщика, такой не важный, что самъ собой никому и въ глаза не кинется.

А мало ли у насъ такихъ промысловъ? сколько десятковъ тысячъ народу получаютъ отъ нихъ честный кусокъ хлѣба? какое важное колесо представляютъ эти, повидному ничтожные, обороты въ цѣлой и многосложной машинѣ нашей промышленности и торговли?

Если мы не можемъ похвастаться знаніемъ того какъ живеть да поживаетъ нашъ православный русскій человекъ и какими насущными и живительными средствами пробавляется основное ядро русскаго народа, такъ ужъ нашъ и простительно неправильное убѣжденіе, что Киргизы пасутъ свои стада, а никакимъ дѣльнымъ дѣломъ не занимаются.

А какія у Киргизовъ занятія и въ какихъ полесныхъ трудахъ они проводятъ свое время — объ этомъ рѣчь у меня дальше.

Д. ЖАРКОВЪ.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

=

СОЧИНЕНІЕ АВТОРА „НАСЛѢДСТВА“.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Вы знаете, на чемъ дѣло остановилось. Во время ссоры съ Мечневыми и съ Лизой изъ-за Сикста Брячиславича Софьялы-Заиграйскаго, въ минуту страшнѣйшаго взрыва ревности, досады, бѣшенства, Александръ получилъ отъ Вѣры Сборовоѣ записку съ увѣдомленіемъ, что отецъ ея — при смерти. Это извѣстіе поразило его какъ громовымъ ударомъ. Кромѣ дружбы за дружбу, онъ былъ обязанъ Сборову благодарностью за его преданныя, вѣрныя, истинно отеческія попеченія о пользахъ своихъ въ свѣтѣ и во службѣ. Съ дочерью можно было, по нерѣшительнымъ и запутаннымъ дѣламъ сердечнымъ, ссориться, дуться, сердиться, измѣнничать: но отецъ—дѣло другое. Тутъ все должно было смириться, притихнуть, и растаять въ кротость, умиленіе и преданность. Записка съ подобною вѣстью не могла не произвести въ спорщикѣ радикальнаго переворота. Въ три секунды времени Александръ Петровичъ переродился и, вѣрнѣе, возродился: все было забыто, все разсѣялось и исчезло какъ пыль. Передъ лицомъ смерти нѣтъ прошедшаго. Смерть — конецъ настоящаго, и начало будущаго.

Александръ прискакалъ къ дому своего друга и благодѣтеля еще въ томъ испугѣ, которымъ поразила его записка

Вѣры. Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и прошелъ рядъ комнатъ, спѣша къ кабинету, гдѣ находился умирающій Сборовъ. Не далѣе какъ вчера Николаю Ильичу было гораздо лучше; онъ ходилъ, разговаривалъ, смѣялся, дѣлалъ проекты для весны и лѣта, даже работалъ: все въ этомъ домѣ улыбалось и смотрѣло по-праздничному; теперь все облеклось печалью и мракомъ. Въ гостиныхъ расхаживали пѣсколько ближайшихъ родныхъ и четыре доктора, за которыми Вѣра разослала во всѣ концы города. Врачебное искусство рѣшило, что Николай Ильичъ долженъ умереть немедленно. Александръ побѣжалъ къ полу-притворенной двери кабинета.

Изъ глубины этой комнаты, лишь только онъ открылъ входъ, поразила его, на порогѣ, и въ самое сердце, стрѣла мѣткая, губительная, страшнѣе апоплексіи, зажигательнѣе трехъ-пудовой бомбы: напряженный взглядъ большихъ, влажныхъ, блестящихъ глазъ Вѣры, стоявшей на колѣняхъ у одра отца; взглядъ чудный, неопиcанный, невообразимый; вылитый изъ боли, отчаянія и любви; глубокій какъ море; жгучій какъ полуденное солнце; красивый и страшный какъ электричество, скрытое въ мрачномъ облакѣ — до того что огонь проструился молнійними змѣйками по всѣмъ жилкамъ и жилкамъ измѣнника. Вѣра, не вставая, протянула ему руку. Александръ подошелъ на цыпочкахъ и подалъ свою руку. Вѣра пожала ее съ глубокимъ чувствомъ. Онъ пожалъ тоже, отъ всего сердца. Вѣра еще разъ посмотрѣла ему въ глаза со всею силою души своей, и двѣ алмазныя слезы скатились по лицу ея. У него также появились на глазахъ слезы, съ которыми онъ, не выпуская руки Вѣры, обратился къ Софѣ Дмитріевнѣ Сборовой, сидѣвшей у изголовья, въ креслахъ, чтобы протянуть къ ней другую руку свою и принять ея печальное пожатіе. Я хотѣла бы быть великимъ живописцемъ, чтобы нарисовать вамъ эту группу и изобразить въ чертахъ лицъ и положеніяхъ фигуръ эту безмолвную драму задушевныхъ впечатлѣній, чувствъ и мыслей. Вы были бы разстроганы.

Больной раскрылъ глаза и увидалъ Александра. Лицо его на-мгновеніе оduшевилось. На губахъ образовался родъ

улыбки, составившей страшное противорѣчіе со сведенными страданіемъ мускулами лица.

— Александръ!... ты здѣсь?... благодарю, другъ мой... сказалъ слабымъ голосомъ Сборовъ, который былъ до того разбитъ параличомъ, что не могъ ни пошевелиться на постели ни даже поднять руки. Прощай, братъ!... пришелъ мнѣ конецъ!... Я чувствую, жизнь уходитъ изъ меня.... Очень сожалѣю, что не успѣлъ сдѣлать для тебя всего, что предполагалъ и намѣревался.... прости!... не сердись на меня.... виноватъ!... умираю въ долгу передъ тобою, мой добрый сынъ, за твою благородную, вѣрную, нелицемерную дружбу.... Я всегда считалъ тебя моимъ роднымъ сыномъ.... Не оставляй ихъ, Александръ Петровичъ; безъ тебя, безъ твоей защиты, безъ твоей доброй помощи, онѣ пропадутъ.... Последняя моя надежда на землѣ — на тебя....

— Будьте спокойны, Николай Ильичъ, вскричалъ Александръ, бросаясь на колѣни у постели Сборова, возлѣ Вѣры, и кладя руку свою на холодную руку друга: положитесь на мою преданность.... все мое усертіе, всѣ средства, вся жизнь моя, принадлежать тѣмъ, которые были дорогими вашему сердцу и могутъ лишиться вашего покровительства.

Софія Дмитріевна и Вѣра съ двухъ сторонъ подали снова руки Александру, который принялъ ихъ съ душевнымъ пожатіемъ.

— Я въ томъ увѣренъ.... я тебя знаю!... ты рѣдкій человѣкъ!... промолвилъ Сборовъ. Въ послѣднюю минуту жизни, я счастливъ... я очень счастливъ... благодаря тебѣ... и притомъ очень радъ, что вижу васъ, дѣти мои, въ этомъ положеніи возлѣ моего одра... что могу благословить васъ... Я давно знаю... Вѣра мнѣ сказала... что вы любите другъ друга... Она ужасно тебя любитъ... и ты, кажется, любишь ее... порядочно... если она и всѣ мы не ошибаемся... Я желаю... очень желаю...

Больной остановился. Крошечная и мягкая ручка Вѣры, долготѣ пораженная нервною ледовитостью, загорѣлась въ рудѣ Александра, который сжалъ ее сильнѣе по невольному движенію сердца.

— Въ этомъ ящикѣ... на столѣ... мое завѣщаніе... изъ него вы узнаете, что думалъ объ васъ обонхъ... какъ о моихъ дѣтяхъ... Моя смерть — ваше обрученіе... любите и будьте счастливы... въ память обо мнѣ... о человѣкѣ, который любилъ васъ до послѣдней минуты... который благословляетъ васъ... не рукою... рука не имеетъ... а послѣднимъ дыханіемъ своимъ...

Сборовъ снова замолчалъ. Вѣра со слезами любви и горя бросилась въ объятія Александра. Они пламенно прижались другъ къ другу. Александръ поцѣловалъ внезапную невѣсту со всѣмъ восторгомъ перваго и давножданнаго поцѣлуя. Отъ этого поцѣлуя оба сердца забились очень сильно, и, съ этими бьющимися сердцами, бросились они къ рукамъ матери, которая, плача, благословила ихъ и расцѣловала имъ головы со всею теплотою материнскаго чувства.

— Будьте счастливы... благословляемъ васъ... отъ всего сердца... добрыя дѣти наши... любите и берегите вашу несравненную мать... Софія! Софія!.. прощай, мой ангелъ... Голосу нѣтъ... сказалъ еще Сборовъ, и не могъ говорить болѣе.

Мать и дочь снова залились слезами. Вѣра, оставаясь на колѣняхъ, закрыла лицо руками, опустила голову на постель отца и тихо рыдала. Александръ стоялъ у постели, печально глядя на друга, умиравшаго отцомъ его. Больной довольно долгое время находился въ забытіи, похожемъ на смерть, но онъ еще жилъ — еще искры жизни рѣла въ этомъ блѣдно-пепельномъ лицѣ — губы еще по-временамъ шевелились — онъ какъ будто хотѣлъ сказать что-то.

Наконецъ онъ произнесъ, но уже не раскрывая глазъ:

— Поправьте на мнѣ одѣяло... приведите постель въ порядокъ... надо умереть благопристойно... придутъ люди... будутъ любопытствовать...

Александръ, и Вѣра, которая видѣла опасность, но все еще надѣялась, и теперь въ избыткѣ душевнаго счастья надѣялась еще болѣе немедленно исполнили желаніе боль-

наго, во всем и во всю жизнь любившаго порядокъ, изящество и основательность.

Спустя немного больной вздохнулъ съ страдальческимъ усиленіемъ, какъ бы ища воздуха, и, тихимъ, потухающимъ голосомъ, проговорилъ :

— А!!!.. теперь конецъ!... душа рвется вонъ!... Извините... не обращайтесь вниманія... если... при послѣднемъ дыханіи... я... я сдѣлаю... я сдѣлаю... сдѣлаю... непрличную гримасу... Охъ!... тяжело!...

Вѣра вскочила и выбѣжала, съ отчаяннымъ лицомъ, въ гостиную, чтобы позвать врачей. За ними вошли прочіе, бывшіе въ ближайшихъ комнатахъ.

Всѣ взоры устремились на лицо больного. Могильная неподвижность и тишина въ скорбномъ собраніи продолжались болѣе четверти часа. Домашній докторъ придвинулъ ко рту и носу пациента круглое зеркальцо, посмотрѣлъ, и поставилъ обратно на столикъ, вытянувъ губы свои впередъ, поднявъ брови и сморщивъ лобъ такъ сильно, что парикъ приподнялся на его головѣ. Это значило, что человѣческая помощь больному бесполезна. Онъ и не ждалъ ея: другую, болѣе дѣйствительную, послѣднюю помощь получалъ онъ во-время, лишь-только обнаружилась опасность. Душа его была въ мирѣ съ землею, и приготавлилась къ небу. Тяжкій трудъ былъ бытія поконченъ. Начиналось отрада вѣчнаго покоя.

Спустя вѣсколько минутъ послѣ этой врачебной церемоніи, Николая Ильича Сборова не стало.

Весь городъ былъ опечаленъ кончиною умнаго, благороднаго, почтеннаго Николая Ильича Сборова.

А Александръ-то?... что ему дѣлать?... плакать ли, или веселиться? Положеніе его было чрезвычайно странное и, притомъ, довольно затруднительное. Самъ онъ чувствовалъ это. Какъ же! онъ былъ увѣренъ, что влюбленъ въ Лизу, а оказалось, что влюбленъ въ Вѣру! Онъ выѣхалъ изъ дому съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе той, а женился на другой... и притомъ женился такъ скоростивно!...

не успѣлъ провести дыханіе, какъ вотъ онъ уже и женихъ, супругъ, наследникъ, исполнитель огромнаго духовнаго завѣщанія, которымъ отказываютъ ему счастье обладать прилебною и преумною дѣвушкою, не давъ даже времени помириться съ этимъ счастьемъ — известно, что онъ былъ съ нимъ въ ссорѣ — не допустивъ по-крайней-мѣрѣ извиниться передъ другимъ, точно такимъ же, счастьемъ, которое онъ понапрасну обидѣлъ подозрѣніями, упреками, вспыльчивыми выходками! Всю эту путаницу надѣлалъ этотъ невѣжда, безвкусицъ, варваръ Спѣвала-Заиграйскій — злодѣй его — бичъ его — смерть его. «Конецъ концовъ, думалъ Александръ, я не въ убыткѣ, быть-можетъ еще въ выигрышѣ; однако, я не вовсе расположенъ повергаться въ драматическія положенія и раздрающія перипетіи по милости какого-нибудь Спѣвалы! Теперь я ему прощаю, потому что женюсь и хороню въ одно время; но когда-нибудь этотъ шутъ поплатится мнѣ дорого за свои романтическія штуки.»

Итакъ, мой бѣшеный герой, Александръ Петровичъ Володинъ, женится. Богъ помощь! И премного удовольствія его сожигательницѣ!... Слѣдовательно, повѣсть моя, вы скажете, кончилась. Со всѣмъ нѣтъ: теперь то она и начинается. Это старая метода, оканчивать рассказъ бракомъ или смертью. Въ наше время бракъ и смерть признаны очень остроумно началомъ всѣхъ интересныхъ событій жизни. Я не хочу отставать отъ вѣка.

Вѣра и мать ея рыдали отчаянно. Напрасно старался Александръ успокоить ту и другую и удалять отъ мѣста, приводившаго ихъ въ ужасъ.

— Оставьте меня, говорила Вѣра: оставьте возлѣ того, кто былъ донынѣ моимъ единственнымъ другомъ и защитникомъ, кому я всѣмъ обязана, всѣмъ, даже и счастьемъ быть вашею... Не правда ли, мой другъ, вы исполните его послѣднюю волю, его всегдашнее желаніе? вы не оставите насъ, моей больной, слабой матушки и меня, сироты?... Теперь, вы видите какъ онъ любилъ васъ? какъ любилъ меня?... Онъ зналъ, сколько я васъ люблю... Зналъ все... и мою глубокую привязанность... и вашу пылкую нетерпѣ-

—анность... иногда не сомнѣвался въ васъ, напротивъ, утѣшалъ и поддерживалъ, когда я находила поводы сомнѣваться. Онъ всегда говорилъ мнѣ и матушкѣ: «Если смерть разлучитъ меня съ вами, я оставлю вамъ моего добраго Александра: вы найдете въ немъ друга такого же вѣрнаго, какъ я самъ, и опору еще вѣрнѣе и надежнѣе, нежели я, больной, истерзанный старикъ...» Другъ мой! другъ мой!... потеря наша незамѣрима. Я всю жизнь буду оплакивать ее. Отца, супруга, челоука благоряднѣе, умнѣе и кроче его, не увидится на свѣтѣ... Нѣтъ, я не уйду отсюда... О! не уводите меня!... Не перерывайте меня!... не мѣшайте мнѣ говорить объ немъ! Я приняла въ душу страданія, оставившія его гдѣло... ощущаю ихъ въ себѣ... хочу чувствовать его сердцемъ, дышать его надеждами, повторять его слова: это доставляетъ мнѣ утѣшеніе думать, что онъ еще между нами... Онъ всегда будетъ со мною, здѣсь, въ этомъ сердцѣ, въ мысляхъ, въ памяти... Я хочу подтвердить его слова. Я свято исполню ея послѣднюю волю, буду повиноваться ей всюю душою, всюю жизнью... если же уклонюсь, то буду уверена, что онъ откажется отъ меня... и тогда... умру!...

Александръ былъ сильно тронутъ этимъ пылкимъ и искреннимъ изліаніемъ любящаго сердца въ минуту глубокой горести. Онъ съ удовольствіемъ слушалъ бы такія признанія весь вечеръ, но неуклонныя обстоятельства случившагося бѣдствія предписывали его твердости устранить присутствіе женщины, которое мѣшало погребальнымъ распоряженіямъ. Съ великимъ трудомъ вывелъ онъ Вѣру и Софію Дмитріевну изъ комнаты мертвеца. Приготовленія къ трауру и похоронамъ поглотили все его вниманіе.хлопоты этого роду столь же неприятны какъ и утомительны: мертвецы требуютъ для себя ужасно много вещей и церемоній, и съ ними нѣтъ возможности, ни торговаться, ни разсуждать. Днемъ и ночью нужно служить ихъ деспотизму всюю своею дѣятельностью, всѣмъ усердіемъ, всѣмъ послушаніемъ. Александръ однако, среди этихъ изнурительныхъ заботъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что Вѣра, въ траур-

номъ покрывалѣ, была восхитительна: краше быть не-
льзя!

Какъ вы видите, до обычнаго конца повѣсти, до брака, еще очень далеко: во-первыхъ, цѣлый годъ траура; во-вторыхъ, цѣлый мѣсяцъ обстоятельствъ, происходящихъ изъ новаго положенія лицъ въ обществѣ, и новыхъ отношеній другъ къ другу. Александру предстояло прежде всего разобрать бумаги и заняться дѣлами семейства. Покойный Николай Ильичъ, поклонникъ порядка, оставилъ состояніе свое въ немовѣрномъ разстройствѣ. Собственно, онъ никогда имъ не занимался, посвящая все свое время и всѣ заботы общественной пользѣ, и о своихъ имѣніяхъ зналъ только по рапортамъ управляющихъ. Онъ могъ сказать безошибочно количество государственныхъ долговъ каждой порознь страны, въ капиталѣ и въ процентахъ, и очень заботился о томъ, чѣмъ уплатить ихъ Англія, Франція, Швеція или Бразилія, но о своихъ собственныхъ долгахъ не имѣлъ никакого понятія: даже никогда объ нихъ не спрашивалъ.

Дѣла семейства Сборовыхъ, сдѣлавшагося семействомъ Александра, втокнули его въ бездну хлопотъ и непріятностей. Онъ принялся за нихъ горячо и отдалъ имъ свои досуги и свое спокойствіе. Онъ долженъ былъ отказаться для нихъ отъ всѣхъ удовольствій, даже отъ квартетовъ. О симфоніяхъ и говорить нечего. Музыка была почти совершенно забыта, и, замѣчательно, въ это время онъ сердился менѣе и почти ни съ кѣмъ не ссорился. Я говорю « почти »: потому-что у него была же невѣста. Нельзя же не ссориться въ любви! На небѣ и на любви бури необходимы. Ими доказывается равномерно присутствіе и электричества и страсти.

Пока Александръ Петровичъ устроитъ дѣла и женится, что же мнѣ-то дѣлать? о чемъ мнѣ вамъ рассказывать?... Я должна покорнѣйше просить извиненія у литературной моды, что не знаю толку въ герояхъ изъ простолудиновъ. Виновата! не умѣю собирать интересныхъ цвѣтковъ на лугахъ черной работы. Я жила всегда въ сферѣ изящной работы талантовъ и дарованій всякаго рода и вида. Каждый долженъ разсуждать о томъ что знаетъ. Я говорю о музыкѣ,

объ искусствѣ, объ артистахъ, о художникахъ, потому-что, еще въ дѣтствѣ, подъ родительскимъ кровомъ, я слышала и сроднилась съ ними. Если кому изъ читателей такіе предметы кажутся скучными или, по-крайней-мѣрѣ менѣе занимательными, чѣмъ чувства въ лаптяхъ и нравы мамушці сапоги свои натуральнымъ дегтемъ, это потому-что ему еще мало говорили о такихъ предметахъ: познакомившись съ ними поближе, онъ непременно ихъ полюбитъ.

Нѣсколько разъ упоминала я здѣсь о камерной, то есть, комнатной, музыкѣ и о квартетахъ. Это также не противно натурѣ: я родилась среди квартета. Джерновики, Віотти, Родъ, Бальо, Лафонъ, всѣ гениальные поэты скрипки, оглашали своими умными звуками тѣ стѣны, въ которыхъ раздавался первый мой крикъ отъ боли, причиняемой новому тѣлу погруженіемъ въ воздухъ и свѣтъ. Миѣ очень жаль, что я ихъ не помню и ничего не могу объ нихъ сказать. Нѣкоторыхъ слышала я сидя еще на колѣняхъ у мадамъ де-Сталь и таская ей съ головы огромнѣйшій красный турбанъ, который ужасно миѣ не нравился; иные явились и исчезли еще до моего рожденія. Но я расскажу о многихъ другихъ, которыхъ хорошо помню и которые заслуживаютъ любопытства и свѣдѣнія.

Въ гостепріимный, радушный и веселый домъ моихъ родителей стекались всѣ европейскія знаменитости. Отецъ и мать моя были сами отличными и, притомъ, восторженными музыкантами и обладали примѣчательными познаніями въ искусствѣ. Домъ ихъ былъ въ высшей степени музыкальный. Конечно, и прочія искусства находили въ немъ не менѣе дружескій приемъ, но музыка составляла основную стихію жизни и семейнаго быта. Ею занимались, не изъ чванства, не для чужихъ глазъ, но по страсти къ прекрасному и для своего собственнаго сердца. Квартетъ былъ для моего отца верховнымъ удовольствіемъ и предметомъ гордости. Ему было пріятно думать, что нигдѣ въ Европѣ не бываетъ такихъ интересныхъ квартетовъ какъ у него. Въ нихъ поочередно заставляли всѣ славнѣйшіе скрипачи и виолончелисты. Здѣсь рѣшалась судьба вновь прибывшихъ артистовъ, разумѣется, не совѣмъ без-

пристрастие, потому что страсть къ искусству испоконвѣка преобладаетъ; но тѣмъ не менѣе одобреніе, полученное въ этомъ обществѣ, считалось равнозначащимъ успѣху въ публикѣ. Въ ту эпоху, съ которой начинаются мои воспоминанія, ординарными членами батюшкина квартета были: первая скрипка — венгерецъ Бамъ, предвѣстникъ Вібана и Контскаго, маленькій, тощій человѣчекъ съ вѣчно-бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, тонкій и прозрачный какъ почтовая бумага — церемонный, кроткій, добродушный — безукорыненный и въ нотахъ и въ манерахъ своихъ — трудолюбивый и безкорыстный — слѣдовательно, асми любимый, а публикою любимый до того, что она толпами приходила слушать его еще и въ то время, какъ онъ уже не могъ играть болѣе; вторая скрипка — батюшка самъ; до какъ дѣла или гости часто мѣшали ему держать смычокъ длительно, то обыкновенно должность его въ квартетѣ выполнялъ Червенко, членъ опернаго оркестра, еще болѣе любимый за личные качества нежели за музыкальныя преекходства. Это была нѣсколько слабая сторона квартета; но при усердіи, стараніи и навыкѣ, вторая скрипка иногда исполняла свое дѣло успѣшно. Червенко былъ всеобщимъ комиссіонеромъ, всегда готовымъ исполнять порученія; веселилъ общество своею оригинальностью и часто давалъ случай посмѣяться на свой счетъ. Братъ его, отличный кларнетистъ, не раздѣлявшій маленькихъ его странностей, также принадлежалъ къ числу домашнихъ друзей, но по роду своего инструмента рѣдко участвовалъ въ музыкѣ и бывалъ у насъ не часто. На віолончели игралъ Мейнгардтъ, первый виолончелистъ оркестра, флегматикъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но, по общему приговору, отличный человѣкъ, добрый мужъ и примѣрный отецъ семейства. Игра его была холодна какъ ледъ, но звукъ ея находили прекраснымъ и говорили, что холодность выкупалась совершенствомъ, понимая, можетъ-быть, подъ совершенствомъ вѣрность игры. На альтѣ игралъ Гартманнъ, который нѣсколько времени участвовалъ въ оркестрѣ, но также хорошо игралъ на фортепіано, исключительно посвятилъ себя этому инструменту, и давалъ на немъ уроки. Гартманна

составляя иногда-то отличныхъ музыкантовъ. Скопцевъ перенесло состояніе подъ старость, онъ уѣхалъ на родину, еще разъ оставилъ ее, чтобы дирижировать оркестромъ какого-то театра въ Италіи, и тамъ кончилъ свою жизнь, прескромную, можетъ-быть, трудностями новаго его положенія.

Эти лица составляли ядро общества; во кромѣ этихъ необходимыхъ членовъ квартета, были еще другіе, готовые по первому призыву участвовать въ музыкѣ, которая требовала содѣйствія ихъ талантовъ. Во-первыхъ, Дорншусъ, игравшій на альтѣ и, въ случаѣ надобности, на валторнѣ. Это былъ человекъ чрезвычайно любезный, который примирялъ всѣ маленькія несогласія, неизбежныя въ области согласнѣйшаго изъ искусствъ, лазутчикъ вѣрный и однакожь одушевленный усердіемъ, говорившій, что насъ хвалятъ, нѣжно любить, между тѣмъ какъ насъ несправедливо, безжалостно осуждали. Потомъ, были еще два брата Гогеля, игравшіе на мѣдныхъ инструментахъ; нѣсколько нѣмое лицо, Даллока, контробасистъ, котораго могучій инструментъ еще лучше выставлялъ прелесть другихъ и служилъ имъ основою; Гримъ, игравшій, въ важныхъ случаяхъ, вторую скрипку, а иногда и на альтѣ. Всѣ они принадлежали оперному оркестру, котораго члены всѣ, болѣе или менѣе, были вхожи въ домъ. Въ одномъ изъ такихъ собраній, на которыхъ съ жаромъ и увлеченіемъ занимались музыкой, не забывая тѣхъ, кто назначилъ себя служенію искусству, родилась первая мысль учредить Филармоническое Общество, по образцу берлинскаго, въ пользу вдовъ и сиротъ музыкантовъ. Общество это праздновало въ 1853 году свой пятидесятилѣтній юбилей. Отецъ мой вызвался содѣйствовать всѣми своими средствами успѣху предпріятія, возбужденнаго восторгомъ въ музыкантахъ, присутствовавшихъ на вечерѣ, и впоследствии заслужилъ единодушную благодарность тѣхъ, которые принимали участіе въ этомъ обществѣ и видѣли въ немъ источникъ благополучія для своихъ семействъ. Всѣ петербургскіе артисты и музыканты должны были давать концерты, и изъ денежнаго сбора этихъ концертовъ

опредѣлили составить сберегательную кассу, для раздач пенсій и пособій вдовамъ и сиротамъ музыкантовъ. Никто не могъ лучше моего отца начертать и осуществить подобный планъ; по личнымъ своимъ достоинствамъ, по своему состоянію, по положенію въ свѣтъ, по любви къ музыкѣ, настойчивости и рвенію во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ тотчасъ же нашелъ необходимыя средства и силъ ныхъ помощниковъ въ щедрости и естественномъ желаніи быть полезными классу общества, который доставляетъ столько удовольствія другимъ. Проектъ былъ скоро исполненъ моимъ отцомъ и его друзьями, которые съ совершенною готовностью приняли участіе въ этомъ учрежденіи существующемъ до-сихъ поръ и сохранившемъ воспоминаніе о своемъ основателѣ.

Зимомъ, у насъ, довольно часто бывали квартеты, обыкновенно по воскресеньямъ; но всего чаще собирались за гитарою, лютнею, во время отдыха артистовъ, и тогда—тѣмъ всего болѣе наслаждались мы прелестями музыки, драгоценной особенно для тѣхъ, которые, сами занимаясь ею, знаютъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

У отца моего была, неподалеку отъ города, прекрасная дача, состоявшая изъ нѣсколькихъ домовъ. Большую часть ихъ занимало наше семейство; но нѣсколько дачъ оставлено для друзей, въ числѣ которыхъ всегда бывали артисты, и постоянно жившіе въ Петербургѣ или пріѣзжавшіе только на время. Близость дачи къ городу очень облегчала музыкальные собранія. За гостями посылали экипажи, встрѣчали ихъ съ величайшимъ радушіемъ, да и сами они спѣшили съ удовольствіемъ. Вступленіе къ квартетамъ составлялъ огромный завтракъ изъ молочнаго, пирожнаго, дачи и фруктовъ, который, для насъ дѣтей, дѣлалъ музыку истинно волшебнымъ изобрѣтеніемъ. Мы ждали квартетовъ какъ счастья. Позавтракавъ, отдохнувъ, собравшись съ духомъ, гости говорили, улыбаясь, что пора заняться дѣломъ, для котораго уже все было приготовлено; вставали изъ-за стола и уходили въ ближайшую залу. Это была просторная комната, съ большими дверями выходившими на террасу, уставленную тынцъ съ гортиковъ съ прекраснѣйшими цвѣтами. Передъ те

расстою разстлалась большой лугъ, по сторонамъ которой шли двѣ аллеи, дубовая и липовая. Въ хорешую погоду двери растворялись и зала наполнялась благоуханіемъ геліотроповъ, розъ и жасминовъ. Здѣсь-то стояли пианистры, инструменты и кипы нотъ, которымъ хотѣли прерваться отъ всего сердца, и исполнители, и публика, или слушатели: потому что нельзя же играть на-вѣтеръ; надо, чтобы кто-нибудь слушалъ и восхищался. Въ эти дни, назначенные исключительно для музыки, рѣдко приглашали постороннихъ; но какъ это бывало почти всегда по воскреснымъ, то друзья или постоянные слушатели прѣзжали, не дожидаясь особаго приглашенія. Сосѣди и друзья, жившіе на дачѣ, очень хорошо знали квартетные дни, и могли слушать, сколько имъ было угодно. Лишить ихъ этого значило бы нанести смертельную обиду и квартетамъ, и сосѣдямъ и самимъ друзьямъ; это было бы неделикатностью это значило бы, что сомнѣваются въ ихъ способности цѣнить то, что достойно восхищенія, что доставляетъ столько удовольствія. Двери оставались всегда растворенными; приглашеніе было сдѣлано однажды навсегда, и тѣмъ менѣе стали бы въ этомъ гостепріемномъ домѣ дѣлать исключеніе изъ этого правила въ то время, когда было чѣмъ принять гостей.

Квартеты начинались тотчасъ послѣ завтрака и продолжались, съ маленькими паузами, необходимыми для того чтобы перевести духъ и выразить свое восхищеніе о томъ, что играли или слышали. Публика перемѣнялась безпрестанно; иногда бывало больше слушателей, иногда меньше. Большинство составляли, обыкновенно, дамы; онѣ располагались на концѣ залы, около круглаго стола, на которомъ стояли ящики съ работою. Каждая брала въ нихъ необходимое, чтобы заняться во время музыки, и молчаніе прерывалось только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и то шопотомъ. Мы, дѣти, находили въ квартетахъ одно только неудобство, но зато неудобство ужасное: нельзя было ни шумѣть ни шалить. Намъ тотчасъ прогоняли въ садъ. Это бы еще не бѣда; но за нами выбѣгали гувернантки, и тутъ — конецъ счастью. Мы находили, что квартеты должны бы, соб-

сивоше, означиваться вступлениемъ, то есть, ~~встрѣчаніемъ~~. Мужчины садились гдѣ имъ хотѣлось. Въ то время вечера не курили, по-крайней-мѣрѣ въ присутствіи дамъ. Это было совершенно неизвѣстно, такъ-что не было сигаръ и дыму, этихъ удушливыхъ вспомогательныхъ средствъ, которыми теперь наполняется пустота многихъ обществъ. Поэтому, мужчины, присутствовавшіе на квартетахъ, слушали съ большаго вниманіемъ; но, послѣ одной или двухъ цѣсъ, зашатавъ дамы восхищеніемъ и благодарности великому композитору и отличнымъ музыкантамъ, воспронзавшимъ прекрасной игрою произведеніе прекрасной мысли, которая безъ нихъ осталась бы мертвою буквою, эти слушатели уходили потихоньку, на цыпочкахъ, чтобы прогуляться по саду, поговорить о другихъ вещахъ. Потомъ возвращались, иль ихъ замѣняли другіе, приходившіе съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ тою же легкостью доступа, и съ тѣмъ же мужскимъ недостаткомъ въ терпѣніи.

Для меня, какъ для большей части дѣтей, воскресенье было прекрасный день, который отъ квартетнаго завтрака дѣлался совсѣмъ несравненнымъ. Этотъ день, впоследствии времени, проводили со мною нѣсколько моихъ подругъ, родственницъ. Мы составляли веселую и независимую толпу, свободно входя и выходя во время квартетовъ, но съ условіемъ, чтобы все это дѣлалось безъ малѣйшаго шума и чтобы мы соблюдали строжайшее молчаніе. Подруги мои еще меня чувствовали прелесть музыки, удѣляя ей только разсѣянное вниманіе, и безпрестанно подъ какими-нибудь предлогомъ уходили изъ залы; я, напротивъ, съ удовольствіемъ оставалась въ залѣ, и камерная музыка поглощала все мое вниманіе. Конечно, тогда я еще не была въ состояніи оцѣнять красоту и достоинства того что слышала, классифицировать, понимать, къ какому роду принадлежало оно, отдавать себѣ отчетъ въ дѣйствіи, которое оно производило на меня; но я слушала со вниманіемъ. Это была не такая музыка, которая безсознательно скользитъ въ органы слуха, производитъ въ воздухѣ дрежащія звуки, къ головѣ громъ и блескъ, могущіе обойтись безъ вниманія и заочтаться въ памяти или умѣ слушателя безъ всякаго

услыла съ его стороны. Нѣтъ! музыка, эта, требовала, чтобы ее слушали твердо, слѣдили бы за нею во всѣхъ подробностяхъ, составляющихъ цѣлое. Это — разговоръ инструментальной, вопросы и отвѣты, разсужденія, за нитью котораго рѣчь должно слѣдить, если хочешь ихъ понять. Что таковой родъ музыки можетъ живо занимать и привлекать — не удивительно; что квартетъ можетъ быть восхитительнымъ, такъ же, какъ несдержаннымъ — не подлежитъ сомнѣнію. Мысленны умъ и чувство композитора могутъ воздѣйствовать въ немъ: далекокаго, получить самое разнообразное, самое пріятное выраженіе. Но такъ же какъ можно не находить въ квартетѣ ничего кромѣ пошлости и общихъ мѣстъ, какъ во всѣхъ разборахъ, Нельзя ни провозносить ни осуждать его безъ аргументовъ. Что касается меня, то я слышала, только самыя удивныя квартеты. Отвѣтственность за ихъ содержаніе, должна па Мопартъ и Гайднъ. Впрочемъ, и вѣбды второй величійны, но неоспоримаго блеска, находили почетное мѣсто и ласковый пріемъ возлѣ твореній великихъ мастеровъ. Мопартъ былъ тогда великимъ свѣтидомъ, которому надо кланяться безусловно. Бетховена еще не признавали гениемъ: напротивъ, его ругали, пересмѣивали, ставили ни во что. Музыканты не хотѣли разыгрывать его сочиненій, которыя называли они плодами бездарности, невѣжества и сумасшестія. Похвалить Бетховена значило окомпрометировать себя въ глазахъ знатоковъ. Съ какою презрѣніемъ мыльшніе классики отзываются о Верди, съ такимъ же, если еще не большимъ, презрѣніемъ тогдашніе классики говорили о Бетховенѣ. Я помню, когда ему еще не кланялись; помню, когда стали приближаться къ удивленію, и когда почувствовали восхищеніе, которое долже было увеличиваться съ каждымъ днемъ. Я привыкла дослѣдствіи слышать эту музыку, изъ которой ни одна нота не назначалась для меня, но въ которой я могла почерпнуть много, все, мало, или вовсе ничего, смотря по своему разумѣнію. Не ставили мнѣ этого ни въ какую обязанность, и не общали за это никакой награды. Я слушала, замѣчала, размышляла, и мало-по-малу мои размышленія, созрѣвая, принимали опредѣленную форму. Въ квартетномъ родѣ музыкѣ

ки нѣтъ увлекающей страсти: артистъ не приводитъ въ восторгъ своей игрою, не обольщаетъ воображенія необыкновенными эффектами; не слышно мыслей, то есть, мелодій, которыя бы сами собою отпечатывались въ памяти, требовали громкихъ похвалъ и рѣшали вану привязанности въ пользу квартетовъ: ничего такого нѣтъ. Это скорѣе образъ внутренней, домашней жизни, съ тысячью мелкихъ отгѣнковъ, незначущихъ вовсе значенія для тѣхъ, до кого они не касаются, но чрезвычайно важныхъ для того, чья вся жизнь состоитъ изъ такихъ подробностей. Квартетъ можно сравнить съ жизнью простою, спокойною, ровною, изъ которой поэзія мыслей, ума и чувства бываетъ исключена для болѣе или менѣе приятной и остроумной бесѣды о дѣлахъ текущихъ. Въ первой части квартета, движеніе, обыкновенно умѣренное, соответствуетъ самому естественному положенію человѣка. Онъ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и ничто не возмущаетъ его душевнаго мира. Человѣкъ живетъ и слѣдуетъ теченію жизни. Каждая нота, каждый звукъ есть дѣйствіе, движеніе, чувство, которыя ведутъ по скату, едва замѣтному, одинакомъ существующему, отъ утра къ вечеру, отъ пробужденія къ минутѣ покоя. Начинается *andante* — и бесѣда четырехъ лицъ обрисовывается въ немъ яснѣе: человѣкъ удаляется отъ земли, и возносится въ высшія сферы. Здѣсь еще менѣе дѣйствій, затоболѣе желанія, мечты, любви. За тѣмъ слѣдуетъ менуэтъ или scherzo: смѣются, шутятъ, забываютъ жизнь съ ея заботами и тревогами, чтобы предаваться веселости, испытать на нѣсколько мгновеній удовольствія; и однакожъ должно считать эти мгновенья: это самая короткая часть квартета, но въ то же время самая трудная — и берегись тотъ, кто берется за нее безъ мѣры!.. Въ послѣдней части, самой быстрой, бесѣда и движеніе гораздо живѣе и тревожнѣе, нежели въ прочихъ. Она могла бы, если ужъ это необходимо, коснуться даже страсти, потому-что она находитъ себѣ путь въ самыхъ темныхъ, какъ и въ самыхъ свѣтлыхъ областяхъ, доступна невѣждамъ и не исключается величайшими мудрецами. Но уничтожить все это для правила, приличія, обычая, для финала квартета — какая глупость! И для чего? Зачѣмъ брать на себя такую отвѣтствен-

ность, когда позволено, даже приказано, обходиться без этого?

Исполнители, разумѣется, бывали довольны всѣмъ—и собою и твореніями и рукоплесканіями. Ни лѣтній жаръ, ни осенній дождь не останавливали ихъ усердія, не сокращали работы. Между ними господствовало совершенное согласіе, полное единство мнѣній и сужденій, — не по уговору, не изъ интереса или самолюбія,—нѣтъ, согласіе было такъ добровольно, такъ присуще ихъ природѣ, такъ единодушно въ своемъ выраженіи, что тотъ, кто сказалъ бы что всѣ они ошибались и смотрѣли на предметъ своего восхищенія съ ложной точки, созданной воображеніемъ или подготовленной воспитаніемъ, едва ли могъ бы доказать справедливость своихъ словъ. Но никто и не думалъ дѣлать этого замѣчанія въ маленькомъ обществѣ, соединенномъ аккордомъ, дружбой, привычкой, и маленькими принадлежностями, связывающими эти прекрасныя вещи, которыя безъ того кажутся всегда неполными.

Часть обѣда наступалъ незамѣтно и прекращалъ на-время музыку, вѣроятно, къ полному удовольствію и самихъ музыкантовъ. Въ дурную погоду возвращались въ ту самую залу, гдѣ завтракали, а въ хорошую обѣдали на галлерей, гдѣ столы были разставлены между красивѣйшими цвѣтами. Но въ обоихъ случаяхъ, однако жъ, гости и хозяева были всегда въ одномъ расположеніи духа. Обѣдъ бывалъ веселый, шумной, даже шумный. Ума здѣсь не тратили много: насладившись умомъ другихъ, можно было не платить пошлины съ своего собственнаго и позволить ему немного предаться сладости отдыха. Притомъ же, при живыхъ воспоминаніяхъ о недавнемъ прошломъ, и послѣ такихъ разнообразныхъ наслажденій настоящей минуты, трудно было бы задумать что-нибудь новое, которое не имѣло бы связи съ происшествіями текущаго дня.

Послѣ обѣда, артисты единодушно, вооружась каждый своимъ инструментомъ, надѣвали очки, и квартеты опять начинались, если не съ тѣмъ жаромъ, зато, по-крайней-мѣрѣ, съ прежнимъ усердіемъ, съ прежнимъ уваженіемъ къ исполняемымъ произведеніямъ, съ прежнею любовью къ

роду музыки, соединяющей четырехъ человекъ въ одно дружеское и неразрывное цѣлое. Напоследокъ когда уже давно прошелъ часъ, назначенный для чаю, окончательно ставили всторону инструменты; складывали ноты; и никто не жалѣлъ объ употребленномъ времени: иѣкоторые оставались выпить чашку-другую чаю, и заключить день легкимъ ужиномъ. Тѣже экипажи, которые привезли гостей, отвозили ихъ домой, и, разставаясь, друзья обѣщали вскорѣ опять увидѣться.

Чистые и прекрасные дни, исполненные ничѣмъ не обманутыхъ наслажденій! Правда, что наслажденіе было тихое и умѣренное; ни безумія, ни шумныхъ восторговъ; но было чувство удовольствія, въ предѣлахъ котораго ничто не подлежало пересудамъ.

Эта музыка и эти музыканты составляли грунтъ музыкальной картины нашего дома, въ которой были лѣтнее небо, деревья, зелень, цвѣты. Но какъ бы ни была прекрасна картина, если она представляетъ только миленькую сторону вещей, она усыпительна. Ес надо одушевить, дать ей жизнь, остановить глазъ на какомъ-нибудь предметѣ, которой бы отдѣлялся отъ цѣлаго, выступая бы изъ полотна на столько, чтобъ тревожилось вниманіе. Что можетъ быть блистательнѣе, привлекательнѣе и въ то же время непостояннѣе, извѣстности, славы? Часо это бываетъ драгоцѣнной камень, ошлифованный на тысячу граней, который горитъ огнемъ при благопріятномъ освѣщеніи: но, когда плашки погасли, онъ гибнетъ во мракѣ и дѣлается лишь воспоминаніемъ, преданіемъ. И самая эфемерная изъ всѣхъ родовъ славы — слава великихъ артистовъ-исполнителей. Каріера ихъ пройдена, странствованія кончились, и звукъ ихъ инструмента, тембръ голоса, замолкли и замерли въ воздухѣ. То, что возбуждало возгласы людей, уже не существуетъ. Гдѣ же восторги, которые внушала артистъ? Гдѣ возгласы, которые возбуждалъ онъ? Гдѣ рукоплесканія, которыми, казалось, не будетъ конца, и которыя ждали только случая, чтобы повториться громче прежняго? Объ нихъ еще говорятъ, еще вспоминаютъ иногда, но объ артистахъ нѣтъ и помину.... Послѣ ихъ не осталось слѣда

на землѣ: они унесли все съ собою! Все кончается, и на всегда, съ короткимъ поприщемъ звуко-человѣка.

Въ городскомъ домѣ, на Англійской Набережной, который занималъ мой отецъ, съ семействомъ своимъ и многочисленнымъ причтомъ гувернантокъ, учителей и лицъ, необходимыхъ для дѣлъ его, была квартира изъ четырехъ хорошихъ комнатъ и прихожей. Здѣсь обыкновенно жили мои два старшіе брата. Но разъ, или два раза въ годъ, приходило письмо, послѣ котораго наступало общее переселеніе народовъ. Братья мои оставляли свою квартиру и переходили въ болѣе скромное помѣщеніе, которое занималъ самый младшій братъ съ гувернеромъ. Эти, принужденные уступить свое мѣсто, получали другое, нѣсколько тѣсноватое, которое отдѣлялось имъ отъ комнатъ моихъ старшихъ сестеръ. Эти же, стѣсненные въ своемъ жилищѣ, дѣлались ближайшими сосѣдками младшихъ сестеръ, въ числѣ которыхъ находилась я. Что же было причиною всѣхъ этихъ перемѣнъ, всѣхъ перемѣщеній? Какая-нибудь знаменитая пѣвица, великая, несравненная Мара, Боргондіо, или другая, пріѣдетъ въ Петербургъ и проведетъ нѣсколько времени у насъ! Холостая квартира моихъ братьевъ получала, со возможною скоростью, всѣ принадлежности, необходимыя для каждой женщины, привыкшей сколько-нибудь къ изяществу и удобствамъ жизни, а тѣмъ болѣе необходимыя для той, которая считала пребываніе свое у другихъ праздникомъ для нихъ. Черезъ нѣсколько дней, пріѣзжала, напримѣръ, Мара, бывшая примадонна; говорю бывшая, потому-что въ эпоху, которая описывается, она уже давно перестала быть примадонной. Самое отдаленное воспоминаніе мое представляетъ ее въ видѣ женщины очень пожилой: однакожъ въ ней была особенность, которой я никакъ не могла объяснить себѣ. Она не имѣла ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, что называется молодостью, но въ ней также, въ то время, не было ничего такого, что заслуживало бы названія старости. Женщина эта сохранялась такъ удивительно, что, можно было подозревать, не владѣла ли она какимъ-нибудь секретомъ для обновленія своихъ жизненныхъ силъ. Она уже давно миновала ту эпоху, когда человѣкъ переживаетъ артиста:

борьбу между талантомъ, который еще существуетъ, составляетъ не отъемлемую часть бытія, находится внутри своей тѣлесной оболочки, и средствами воспроизводитъ, обнаруживать его, зависящими отъ мѣста, обстоятельствъ, возраста, расположенія, и еще множества другихъ причинъ. Мара была нѣкогда знаменитѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ пѣвицъ сего міра. Ей поклонялись какъ идолу. Въ честь ей писали поэмы и книги, ставили триумфальныя арки, отливали статуи и бюсты. Какъ она пѣла, не могу сказать: конечно, пѣла въ совершенствѣ. Въ тѣ времена, всякая страсть, всякая экспрессія, были строго запрещены въ музыкѣ, и пѣніе Мары вѣроятно было холодно какъ ледъ или какъ прошедшее. Фридрихъ-Великій поручилъ своему камергеру, однажды, замѣтить ей, что нужно было бы показывать болѣе одушевленія на сценѣ. «Хотите ли, вспылчиво возразила избалованная пѣвица, чтобы я пѣла ногами и руками?... чего не могу сдѣлать голосомъ, того и дѣлать не стану!» — «Не сердись, моя красавица! сказалъ посоль: король желаетъ видѣть васъ исполнѣ несравненною, и по этому приказалъ сказать вамъ, по его мнѣнію, у кого есть голосъ, у того должна быть и душа. Пойте, не ногами или руками, а душою.» Все это указываетъ, что въ наше время Мара навѣрное не удостоилась бы тѣхъ триумфовъ, которыми окружали ее современники. Но привычка къ успѣхамъ породила въ ней тщеславіе, доходившее до комизма. Она не въ шутку считала себя одною изъ важнѣйшихъ особъ вселенной и была уверена, что, пока свѣтъ существуетъ, объ ней будутъ говорить съ благоговѣніемъ. Бывъ эстляндскою уроженкою, она воображала, что черезъ нея Ревель сталъ славіе Рима. Теперь она отдыхала, и наслаждалась во всей полнотѣ воспоминаніями, связанными съ ея славнымъ и долговѣчнымъ поприщемъ. Хотя Мара уже не пѣла, или почти не пѣла, — потому-что нельзя же считать за пѣніе нѣсколько пассажей и руладъ, которыя вставляла она, для объясненія, въ рассказы о своей жизни, и въ дополненіе анекдотовъ о своихъ первыхъ роляхъ, — однако жъ, изъ привычки, или же для удобства жизни, она сохранила те...

что нѣкогда было первою необходимостью въ ея артистической карьерѣ—аккомпаниатора—который всегда прѣзжалъ вмѣстѣ съ нею. Флоріо былъ лѣтъ тридцати пяти, красивый мужчина, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, открытой и пріятной физиономіей. Отецъ его былъ итальянецъ, мать англичанка; поэтому Флоріо говорилъ бѣгло на обоихъ языкахъ, равно какъ и по-французски, и состоялъ при Марѣ въ должности раба, ученика, секретаря и аккомпаниатора. Знаменитая пѣвица выучила его пѣть и сообщила ему кое-что изъ своей прелестной методы. Такъ-какъ Флоріо былъ избавленъ отъ всѣхъ расходовъ, то покровительницѣ его казалось, что ему и не нужно денегъ. Покровительствуемый думалъ иначе, и это служило иногда поводомъ къ жаркимъ недоразумѣніямъ. Для прекращенія ихъ, Мара позволила своему ученику образовать учениковъ отъ себя и передать имъ сокровища, которыя онъ получилъ отъ нея. Флоріо, опираясь на громкое имя Мары, и притомъ будучи самъ не безъ личныхъ и артистическихъ достоинствъ, легко нашелъ уроки. Но тутъ явилось новое неудобство, нарушившее гармонию между учительницей и поработаннымъ ученикомъ. Уроки пѣнья, обыкновенно, даются дамамъ и дѣвицамъ въ цѣлѣ лѣтъ; а эта, самая интересная пора жизни, уже давно сдѣлалась для Мары отдаленнымъ воспоминаніемъ. Иногда, на вопросы объ успѣхахъ ученицъ, безразсудный учитель говорилъ объ ихъ красотѣ и милыхъ качествахъ, вмѣсто того чтобъ говорить объ ихъ сольфеджіяхъ и экзерциціяхъ. И тогда на голову несчастнаго обрушивался потокъ брани, упрековъ, угрозъ. Бѣдному Флоріо стоило иногда большаго труда успокоить разгнѣванную древнюю примадонну; но какъ онъ уже привыкъ къ этому, то почти всегда кончалъ дѣло благополучно. Примадонна, побранивъ, какъ слѣдуетъ, осла-музыканта, объявляла, что не позволитъ ему болѣе безчестить своей незабвенной методы. Богъ знаетъ, гдѣ и для кого и сама будетъ учить его ученицъ и учениковъ. Она дѣйствительно принималась за дѣло, но совершенно съ артистическимъ намѣреніемъ. Она давала уроки только тамъ, гдѣ видѣла истинный талантъ, прекрасный голосъ, искреннюю любовь къ искусству и желаніе усоч-

вершенствоваться. Уроки эти не обуславливались, ни часомъ, ни вознагражденіемъ. Она не знала имъ никакой цѣны; ей платили благодарностью, удивленіемъ, лестью, и за это влагала въ человѣчество все свое знаніе, всю опытность, весь разумъ нѣня, и находила въ этомъ удовольствіе. Можетъ-быть даже ей пріятно было—хоть она не признавалась въ этомъ и самой себѣ—еще выказать, при удобномъ случаѣ, свой голосъ, почти угасшій, давно осужденный на молчаніе, выводить рулады и фіоритуры, которыя доставили ей столько пріятныхъ торжествъ, усѣяли ея жизнь цвѣтами и смягчили ея тернія. Но такіе уроки не могли повторяться часто или продолжаться безконечно, и потому у великой пѣвицы оставалось много свободного времени. А въ тѣ лѣта, въ какихъ была Мара, сколько занятіи уже не существуютъ для женщины, сколько наслажденій и удовольствій, о которыхъ даже нѣтъ и воспоминанія! У ней не было дѣтей, которыя бы ее любили; не было внучатъ, которые бы ее забавляли и которыхъ бы она баловала. Она не знала и не искала привязанностей, близкихъ сердцу. Привыкнувъ часто мѣнять свое мѣстопробываніе, она жила, то у своихъ друзей, то въ гостинницахъ, гдѣ останавливалась на-время, но гдѣ неудобства гораздо многочисленнѣе выгодъ. Въмѣсто всѣхъ нашихъ житейскихъ пріятностей, не находившихъ мѣста въ бродячей жизни Мары, немножко свойственной всѣмъ артистамъ, она умѣла найти пріятность другаго рода. У ней была рѣшительная привязанность, которая впрочемъ ладила какъ нельзя лучше съ ея артистическими привычками, уживалась со всѣми переменами климата, мѣста, окружающихъ, стояла выше всѣхъ превратностей счастья моды и славы. Мара была страстная охотница до собакъ. Въ продолженіе долгомѣтнаго ея поприща, онѣ доставили ей много утѣшенія въ несчастіи, и много удовольствія въ счастіи. Единственную печаль причиняли ей эти вѣрные друзья тѣмъ, что часто умирали. И тогда Мара такъ глубоко, такъ жалко тосковала, такъ открыто выказывала свою горестъ, что каждый принималъ въ ней искреннее участіе, каждый желалъ облегчить ее, и утѣшенія всѣхъ породъ

стекались къ ней со всѣхъ сторонъ, изъ близи и издалека. Оставалось только выбрать преемника покойному другу и обратить на новый предметъ любовь, которую чувствовала она къ выбывшему изъ списка. Каро, одинъ изъ знаменитѣйшихъ любимцевъ, долго былъ мимъ короткимъ знакомымъ, и гостилъ у насъ въ городѣ и на дачѣ. Попеченія объ этомъ существѣ вошли въ привычку у Мары и она исполняла ихъ со всею строгостью. Каждый день, за обѣдомъ, возлѣ нея ставили особенную тарелку для каждаго кушанья, и она откладывала потребную порцію для Каро. Тарелки эти относили на другой столъ, гдѣ онѣ оставались до конца обѣда. Каро былъ пестъ хорошаго воспитанія и терпѣливо ждалъ, пока его хозяйка кончитъ кушать. Она отсрачивала его удовольствія не изъ каприза, но для того чтобы онъ полнѣе наслаждался и болѣе привязывался къ ней чувствами благодарности за ея заботы о томъ, что было ему пріятно и необходимо. Проглотивъ послѣдній кусокъ, Мара бѣжала подавать Каро одно блюдо за другимъ, соблюдая тотъ же порядокъ, въ какомъ обѣдала сама — начиная супомъ и кончая десертомъ. Исполнивъ эту обязанность, ко взаимному удовольствію покровительницы и покровительствуемаго, Мара приходила въ гостиную.

Кажется, что въ продолженіе всей своей триумфальной жизни она старательно избѣгала разрушительнаго столкновенія со страстями; по — крайней — мѣрѣ, на ней не оставалось замѣтныхъ слѣдовъ душевныхъ опустошеній или тяжелыхъ воспоминаній. Все въ ней сохранялось прекрасно, и воспоминанія молодости были такъ же спокойны, какъ и воспоминанія старости. Поэтому она не любила никакихъ ощущеній, которыя могли бы нарушить ея тѣлесное или душевное спокойствіе. Чтобы пріятно провести или сократить время, котораго такъ много оставалось ей, она любила поиграть въ карты, но выбирала преимущество игры, требовавшія какъ можно менѣе расчетовъ, и играла по вензель-примо-маленькой. *Желтый-карло, комета, лндеръ!* существуете ли вы въ чьей-нибудь памяти, вы которыя такъ занимали нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ? Какъ Мара избирала игры, не только легкія, но и веселыя или забавныя,

то она иногда дѣлала мнѣ честь, допуская сыграть съ нею туръ; и хотя между нашими лѣтами было по-больше полу-вѣка разницы, однако жъ наши вкусы и идеи удивительно сходились въ невинномъ препровожденіи времени, забавлявшемъ столько же дѣтство сколько и старость. Мара очень любила, чтобъ я играла съ нею и забавляла ее своими замѣчаніями; разъ, однако жъ, помню, я заслужила отъ нея выговоръ и навлекла облако на ея лицо, всегда ясное. Однажды вечеромъ, игра затянулась и была одушевленнѣе обыкновеннаго; свѣчи догорѣли; вмѣсто ихъ поставили новыя, но забыли перемѣнить одну, и свѣтильня, перегнувшись въ остатокъ воска, напрасно старалась ожить и бросала дрожащее мерцанье. Свѣтильня эта показалась мнѣ похожею на жизнь, которая уже гаснетъ, но еще хочетъ удержаться въ своей оболочкѣ и блеснуть еще на нѣсколько мгновеній. Сравненіе мое показалось мнѣ такимъ великолѣпнымъ, что я сообщила его всему обществу, но оно пришлось очень не по вкусу Марѣ, которая сказала мнѣ, что дѣти говорятъ только глупости, когда мѣшаются въ вещи, имъ не понятныя. Одинъ приѣздъ Мары обозначился у насъ печальнымъ событіемъ: Каро умеръ, несмотря на самыя попечительныя старанія. Мы были свидѣтелями горести его благодѣтельница, которая, въ воспоминаніе объ этомъ любезномъ предметѣ, велѣла снять съ него портретъ и носила въ браслетѣ. Это было зимою, въ самыя крутыя морозы. Надо было отдать послѣдній долгъ несравненному Каро. Мара не могла, въ свои лѣта, рисковать своимъ здоровьемъ, и безъ-того уже разстроеннымъ бессонницей и печалью, по причинѣ смерти собачки. Сдѣлавъ столько для Флоріо, она могла сколько-нибудь рассчитывать на его благодарность и ждать отъ него готовности и аккуратности, необходимыхъ при такомъ важномъ случаѣ. Она возложила на Флоріо обязанность схоронить драгоценнаго Каро. Рѣшено было предать его землѣ у насъ на дачѣ. Флоріо попробовалъ-было сдѣлать нѣкоторыя возраженія этому плану, представлялъ на видъ отдаленность мѣста, огромные слои снѣгу, покрывавшіе землю, ужасный холодъ, который дѣлалъ путешествіе не совсѣмъ-то пріят-

нымъ. Но ему зажали ротъ словомъ «неблагодарный», произнесеннымъ съ такою энергіей, съ такимъ глубокимъ негодованіемъ, что оставалось только молчать и покориться. Музыкантъ, закутавшись въ шубу, повезъ сокровище въ широкихъ, покойныхъ сапяхъ, одинъ-одинехонекъ, потому что товарищей для этого опаснаго предпріятія не оказалось. Ему были даны самыя точныя инструкціи о томъ гдѣ и какъ зарыть незабвеннаго; какой поставить ему памятникъ; что сказать присутствующимъ о добродѣтеляхъ покойнаго; послѣ чего было еще приказано Флоріо, чтобы онъ выпилъ чаю съ краснымъ виномъ, обогрѣлся у садовника или въ оранжереѣ, и отправился бы въ обратный путь, совершенно подкрѣпивъ свои силы. Флоріо замѣшкался въ дорогѣ. Мара теряла терпѣніе. Наконецъ, онъ явился, и, какъ водится, получилъ подлежащій выговоръ; но онъ уже давно привыкъ къ подобнымъ встрѣчамъ; притомъ же отъѣзды были удовлетворительны, и Мара утѣшалась мыслью, что по-крайней-мѣрѣ сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Время, превосходный врачъ, здѣсь также способствовало уменьшенію печали; а потомъ явился и преемникъ Каро. Ему дали клочку *Дашь*, и своею наружностью и ласками онъ вскорѣ привязалъ къ себѣ новую хозяйку, женщину съ любящимъ, но не вѣтрянымъ сердцемъ.

Спустя немного времени, Мара съ своею свитой уѣхала изъ Петербурга, не думая скоро воротиться; но, дѣломъ, воротилась, по самонужнѣйшему дѣлу, на нѣсколько дней, и тотчасъ же пріѣхала повидаться съ нами и провести денекъ на дачѣ. Погода была прекрасная; обѣдали на террасѣ. Послѣ обѣда, вопреки заведенному обычаю, Мара объявила, что она никого не хочетъ лишиться пріятной прогулки, заставляя сидѣть съ собою за компанію, и сама пойдетъ прогуляться и взглянуть на мѣста, возбуждавшія въ ней столько воспоминаній. Всѣ пошли гурьбою и выбрали самую необыкновенную дорожку, которая вела, многочисленными извилинами, мимо множества маленькихъ каскадовъ, къ такъ-называемому Большому Каскаду. Нѣсколько разъ спрашивали у Мары, не устала ли она, не хочетъ ли воротиться или отдохнуть: каждый съ удо-

вольствиемъ пожертвовала бы ей остаткомъ прогулки; но она увѣряла, что не чувствуетъ ни малѣйшей усталости, что она никогда не чувствовала себя такою бодрою и въ такомъ рѣшительномъ расположеніи духа, и просила не напоминать ей, что она старше всѣхъ въ обществѣ. Послѣ того, ее уже не беспокоили нескромными вопросами, и каждый занимался, чѣмъ ему хотѣлось. Вдругъ, Мара остановилась у того мѣста, гдѣ нѣсколько красивыхъ дубовъ составляло что-то похожее на рощу. Прочіе тоже остановились.

— Вотъ здѣсь! вскричала Мара: здѣсь долженъ быть зарытъ онъ!... мой бѣдвенскій Каро!... Флоріо, вы должны помнить мѣсто: покажите!

Флоріо немножко отсталъ съ хорошенькою дѣвницей, которая рассказывала ему свои горести; говорила, что она очень недовольна своимъ учителемъ пѣня, что онъ скученъ до крайности, что если Флоріо воротится на зиму, она желаетъ брать у него уроки; и Флоріо не понялъ вопроса Мары. Она должна была повторить. Флоріо медлилъ отвѣтомъ: очевидно, воспоминанія о могилѣ Каро перепутались въ его головѣ, такъ что надо было прибѣгнуть къ рѣшительному средству.

— Вотъ здѣсь! вскричалъ Флоріо, перескочивъ пространство, отдѣлявшее его отъ указаннаго мѣста.

Скачокъ былъ смѣлый и свидѣтельствовалъ объ его усердіи къ знаменитой покровительницѣ.

— Здѣсь? повторила Мара дрожащимъ голосомъ. Что вы, потеряли, Флоріо, голову или память?

— Ни того, ни другаго, синьора Мара! съ самоубѣренностью отвѣчалъ Флоріо: я увѣренъ, что здѣсь; еще вы сами приказали мнѣ схоронить Каро возлѣ этихъ прелестныхъ дубковъ; я это очень хорошо помню; всѣмъ извѣстно, съ какимъ послушаніемъ я исполняю каждую вашу волю.

Чтобы немного разъяснить дѣло, должно сказать, что садъ нашъ былъ перерѣзанъ, по всѣмъ направленіямъ множествомъ каналовъ, вырытыхъ такъ искусно, что они совершенно казались рѣчками, и очень украшали пейзажъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ общество остановилось, каналъ былъ такъ широкъ, что представлялся озеркомъ, которое низвер-

галось по искусственнымъ скаламъ въ видѣ шумнаго и красиваго каскада. Возлѣ этого-то каскада, по словамъ Флоріо, покоился прахъ Каро.

— Какъ! продолжала Мара: возлѣ самой воды? Да здѣсь постоянно подвергаешься опасности потонуть даже послѣ смерти. Здѣсь сырое, нездоровое мѣсто, а въ сильные дожди здѣсь вѣрно бываетъ наводненіе! Такъ-то вы слушаетесь меня, такъ-то доказываете мнѣ свое усердіе! Сейчасъ же вырыть моего любезнаго Каро... и положить вотъ здѣсь, гдѣ я стою: здѣсь высокое, сухое мѣсто; здѣсь онъ будетъ въ безопасности и не погибнетъ отъ наводненія!

Въ самомъ дѣлѣ, усердію и благодарности Флоріо предстоило тяжелое испытаніе; онъ молчалъ, вѣроятно, не зная даже, точно ли къ нему относилось приказаніе.

— Что же вы, Флоріо? Слышали? Или не поняли, чего я требую?

Въ этотъ разъ уже не было никакихъ средствъ обмануться. Однако Флоріо не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ. Матушка моя подоспѣла къ нему на помощь. Въ нѣскольکو лѣтъ она узнала, что Мара была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя отказываются отъ своихъ словъ: это значило бы сознаться въ своей ошибкѣ, а Мара не терпѣла такой слабости характера; слѣдовательно, тутъ нечего было и разсуждать.

— Любезная Мара, сказала моя матушка: желаніе ваше будетъ исполнено, но только этого не можетъ сдѣлать снисьоръ Флоріо: онъ не умѣетъ, да притомъ у него нѣтъ и необходимыхъ инструментовъ. Я сейчасъ пошлю кого-нибудь изъ дѣтей за работникомъ.

— Но это будетъ очень долго! сказала Мара: а я за этимъ только и пріѣхала въ Петербургъ....

Я побѣждала съ братомъ искать работника, и вскорѣ мы встрѣтили одного, съ лопатой и граблями, который расчищалъ дорожки. Терпеніе Мары не подверглось продолжительному испытанію. Работникъ принялся копать землю, не зная какого ищетъ клада; но какъ ни усердно работалъ онъ, какъ не объяснялся ему Флоріо на исковерканномъ русскомъ языкѣ, что надо рыть правѣе, лѣвѣе,

глубже; какъ ни просила Мара мою матушку сказать ра-
ботнику, въ эту минуту обратившему на себя общее вни-
маніе, что онъ получить хорошую награду, если найдетъ
безцѣннаго: все было напрасно; не отыскали ничего. Мара
бранила Флоріо, но онъ объяснялъ эту неудачу въ пользу
своего усердія, которое такъ глубоко вырыло для Каро
могилу, что до ея дна не можетъ докопаться работникъ.
Нѣсколько неосмотрительныхъ словъ, которыя сказалъ
Флоріо на другой день послѣ этой экспедиціи, возбудили
въ Марѣ подозрѣніе. Она подумала и объявила во всеуслы-
шаніе, что Флоріо — невѣрный исполнитель ея воли, и что
кости Каро никогда не достигали до мѣста своего назна-
ченія. Нѣсколько времени она страшно сердилась на Фло-
ріо; требовала, чтобы, до окончательнаго прощенія, онъ далъ
слово исправиться. Наконецъ, какъ благоразумная женщина,
рѣшила, что Каро умеръ, а Флоріо, хоть и не стоитъ его,
а все-таки живъ; что съ однимъ уже все покончено, а съ
другимъ еще предстоитъ цѣлая будущность; что отъ
дурнаго расположенія духа и неудовольствій портится здо-
ровье, прибавляются морщины, нарушается душевное спо-
койствіе и — что всего хуже — сѣдѣютъ волосы и ли-
шаются своей неувядаемой красоты. А Мара очень за-
ботилась о сохраненіи чудесныхъ *азатовыхъ волосъ*, кото-
рыми надѣлила ее природа. Безъ всякаго косметическаго
пособія, единственно помощію неколебимой философін,
она спаслась отъ сѣдыхъ волосъ, и умерла всѣжею на вос-
мидесятъ третьемъ году. Въ честь этимъ волосамъ она сочини-
ла для себя чепецъ, который надѣвала только въ важныхъ
случаяхъ, особенно на музыкальныя торжества. Въ одеж-
дѣ, во внѣшности, Мара, какъ простая смертная, покори-
лась неизбѣжнымъ перемѣнамъ моды и усвоивала ихъ
прилично своимъ лѣтамъ. Она была маленькаго росту,
стройна, съ правильными чертами лица, нѣсколько круп-
ными зубами, сохранившимися также хорошо какъ и во-
лосы. Только одинъ чепчикъ не слѣдовалъ модѣ: вели-
кой пѣвицѣ можно простить эту маленькую слабость. Ав-
ростать этотъ украшалъ ея спереди по современному вку-
су; только на кружкѣ были два рлда крѣвѣ и изъ кажды-

го отверстія выходила чудесная, блестящая букля, черная какъ смоль, душистая какъ букетъ фіалокъ. Лицо, которое окружалъ этотъ чепецъ, единственный въ своемъ родѣ, всегда сіяло спокойствіемъ. Миръ почтенному ея праху! Она удивляла, торжествовала, и никого не огорчала... Ни упадокъ голоса, ни денежные потери, ни даже пожаръ Москвы, испепелившій ея домъ и имущество, не вводили на нее унынія, не ослабляли довѣрія, которое она имѣла къ себѣ. Мара такъ была увѣрена въ величіе своего таланта, и въ связанную съ нимъ славу, что считала себя выше всѣхъ превратностей и катастрофъ, которыя могутъ отнять у человѣка только тѣнное. Она рассказывала намъ, что въ бытность свою въ Ревелѣ, который она очень любила, ей случилось однажды споткнуться, на отвратительной мостовой, въ ту минуту, какъ одинъ баронъ М*** ѣхалъ въ легкомъ экипажѣ. Онъ чуть не раздавилъ ея. Гибель казалась неизбежною; кучеръ не могъ сдержать лошадей; но, къ-счастью, человѣкъ, проходившій по другую сторону улицы, чрезвычайно-узкой, какъ всѣ ревелскія улицы, замѣтилъ опасность, однимъ прыжкомъ очутился вездѣ Мары, и поднялъ ее на руки. Мы поздравляли пѣвицу съ благополучнымъ избавленіемъ изъ такой огромной бѣды.

— Да! сказала Мара: для меня это было величайшее счастье: я спаслась, какъ чудомъ; но жаль мнѣ этого барона: задави онъ меня, и онъ былъ бы безсмертенъ! Потомство скажало бы: великую Мару раздавилъ баронъ М***! Теперь же кто будетъ знать объ немъ лѣтъ черезъ пятьсотъ или тысячу?...

Пріятная мечта, которую Мара сохранила до самой смерти, и которая разливала столько прелести на ея жизнь, не достается въ удѣлъ артистамъ теперь, когда извѣстности такъ быстро смѣняются одиѣ другими, когда одна слава становится на развалинахъ другой, и безчисленные имена спѣшать одни другимъ на смѣну.

Въ одинъ изъ дней, посвященныхъ квартетамъ, произошло необыкновенное движеніе: прибавилась еще одна поэтесса, еще одинъ другъ. Весь интересъ дня, все наслажденіе,

все удовольствіе, сосредоточились, повидимому, на немъ, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ занятъ и доволенъ тѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя. Ему было чрезвычайно пріятно въ этомъ обществѣ, отъ котораго постоянно удаляли его и обстоятельства и занятія, потому-что онъ принадлежалъ другой странѣ и только изрѣдка посѣщалъ Петербургъ. Онъ очень любилъ моего отца, мою матушку, всѣхъ лицъ нашего семейства, всѣхъ членовъ квартета; вопросы и отвѣты обо всемъ, что случалось въ его отсутствіе, дружескія и искреннія выраженія съ той и другой стороны, не замолкали въ продолженіе всего обѣда. Но когда встали изъ-за стола и отдохнули послѣ этого важнѣйшаго дѣла въ жизни, добрый другъ, веселый гость, сдѣлался еще чѣмъ-то болѣе; музыка взяла въ свои права, которыя она уступила во-время правамъ поварскаго искусства, и пріѣзжій артистъ выказался вполне — первымъ виолончелистомъ своей эпохи, *великимъ*, какъ тогда говорили, Бернардомъ Ромбергомъ.

Ромбергу было тогда лѣтъ сорокъ пять или пятьдесятъ. Онъ былъ средняго росту, съ неправильными чертами лица, рыжій; но фizioномія его была откровенная, добрая; въ глазахъ его такъ чисто отражались честность, спокойствіе и доброе расположеніе души, что не только нельзя было назвать его дурнымъ, но даже каждый чувствовалъ къ нему какое-то пріятное влеченіе. Говорилъ онъ чрезвычайно просто, часто весело и шутливо; приемы его были очень живые; онъ былъ доволенъ всѣмъ и умѣлъ находить удовольствіе въ самыхъ мелкихъ обстоятельствахъ жизни. Въ одну изъ поѣздокъ въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою свою жену и единственную дочь, предметъ нѣжнѣйшей своей привязанности. Тогда мы увидѣли Ромберга въ новомъ свѣтѣ; мы еще не знали его, хотя онъ часто говаривалъ намъ о своемъ семейномъ счастьи. Жена его была прекрасная женщина, хорошо воспитанная, съ приличными манерами, и безъ всякихъ музыкальных претензій. Дочь, дѣвица лѣтъ двадцати, была томная, робкая, съ рыжими волосами и нѣжнымъ взоромъ, какъ у отца, съ благородными приемами, какими отличалась ея мать; она пѣла, но голосъ у ней

былъ слабый, неопытный, и талантъ годился только раз- въ для романса, который можно съ удовольствіемъ про- слушать въ дружескомъ кругу. Но сердце и уши родителя судили иначе. Любовь самый сильный микроскопъ. Бер- нардина пѣла въ одномъ концертѣ своего отца, и чрез- вычайно оробѣла; ее едва слушали, и отецъ понялъ на- послѣдокъ, что дочь не рождена для поприща, на которомъ онъ получалъ такіе блистательные успѣхи.

Ромбергъ, по наружности, ничѣмъ не отличался отъ обы- кновенныхъ людей. Проходили мимо его, видѣли его, не подозрѣвая, какое сокровище скрывается подъ этою про- стою, незрочною оболочкой. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ похожъ на Михайловскій Меатръ, мимо котораго прохо- дили, думая, что это такъ себѣ, домъ какъ домъ, кра- сивелькій, выстроенный по правиламъ частной архитекту- ры. Но стоитъ войти въ него, и вы тогда только убѣжде- ны, что въ немъ заключаются обильныя стихіи удо- вольствія, котораго ищите. Другое дѣло Большой-Театръ; его издалека отличаешь отъ окрестныхъ строеній; онъ бро- сается въ глаза; одинъ видъ его уже говоритъ объ его на- значеніи. Ромбергъ во все не походилъ на него.

Когда Ромбергъ игралъ, критика того времени замолкала, и восторгъ былъ единодушный. Онъ исполнялъ почти исклю- чительно собственныя свои сочиненія: концерты, разныя фантазіи на народныя мотивы, русскіе, нѣмецкіе, шведскіе, съ варіаціями, которымъ предшествовала неизбѣжная ин- тродукція. Однакожь, хотя всегда восхищались Ромбергомъ, восхищались не всѣмъ, что онъ игралъ.

Звукъ его находили превосходнымъ, и когда онъ игралъ *adagio* или *andante* своего концерта, интродукцію своей варі- рованной аріи и медленныя мѣста, вставленныя въ про- чее, публика была въ восторгѣ. Между-тѣмъ, слушая *allegro*, *presto*, быстрые пасажи, она, хотя и отдавала полную справедливость совершенству его игры, легкости, съ какою преодолѣвалъ онъ трудности, однакожь находила, что все это не такъ прекрасно какъ его пѣнье, и думала, что ве- щная его сфера, всего лучше приличная его натурѣ, тамъ, гдѣ онъ выражаетъ чувство. И однакожь онъ могъ выра-

жать только то, что действительно чувствовалъ; сердце великаго артиста было исполнено нѣжности, тишины, чистоты; и какая веселость, какое удовольствіе сливались съ его счастьемъ и воспроизводились во всемъ, что онъ ни создавалъ! Какъ должны были сверкать жизнью его allegro, его presto! Съ какимъ увлеченіемъ долженъ онъ былъ играть мотивы, которые выбиралъ преимущественно между веселыми! Какъ гармонировали они съ постояннымъ расположеніемъ его души, выражая то, что онъ ощущалъ! Какое же дѣйствіе производила игра Ромберга?... Я не раздѣляла мнѣнія правовѣрныхъ судей. Тамъ, гдѣ другіе восхищались, мнѣ казалось что-то недосказаннымъ, казалось, будто не достаетъ чего-то; и напротивъ, тамъ, гдѣ восхищеніе другихъ находило менѣ пищи, мнѣ казалось, будто каждая нота имѣетъ свое значеніе и объясняетъ тайную мысль автора.

Въ послѣдній разъ былъ Ромбергъ въ домѣ моего батюшки послѣ долголѣтняго промежутка. Въ продолженіе этого времени, семейство наше постигли большія потери, заставившія сдѣлать много перемѣнъ въ домашнемъ быту. Первый визитъ сдѣлалъ Ромбергъ къ намъ. Радость свиданія блеснула въ его глазахъ. Послѣ первыхъ издѣлій дружбы, онъ спросилъ, когда начнутся у насъ музыкальныя вечера, какой день будетъ выбранъ для удовольствія заняться музыкой и праздновать встрѣчу съ добрыми друзьями. Батюшка пожалъ руку Ромбергу, поблагодарилъ за дружескій вызовъ, но предупредилъ, что много перемѣнилось въ его отсутствіе, и что теперь ему невозможно, какъ бывало прежде, принять то, чего онъ не можетъ вознаградить, какъ бы желалъ, какъ привыкъ вознаграждать; что онъ не хочетъ располагать временемъ и талантами своихъ друзей, не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи средствъ отблагодарить ихъ по достоинству.

— Разсказъ вашъ огорчилъ меня до глубины сердца, отвѣчалъ Ромбергъ: но это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ предложеніемъ. Я пришелъ къ вамъ не съ такими дурными вѣстями. Музыка не претерѣла у меня ни какой потери. Талантъ, мой надѣюсь, не уменьшился; дружба

меня къ вамъ еще живѣе прежней, и я сочту себя счастливымъ, если буду въ состояніи заставить васъ, хоть нѣсколько минутъ, забыть ваши горести. Позвольте же мнѣ играть у васъ по-прежнему, и докажите, что несчастье обличаетъ, а не разлучаетъ, честныхъ людей.

Дѣйствительно, отказать, значило бы обидѣть, и нѣсколько прекрасныхъ дней были посвящены доброй музыкѣ и добрымъ чувствамъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Я опять увидѣла Ромберга въ послѣднюю поѣзду его въ Петербургъ. Это было уже послѣ смерти моего батюшки. Я носила трауръ. Мы встрѣтились на одномъ музыкальномъ вечерѣ. Общество было многолюдное, и въ томъ числѣ иностранные артисты. Ромбергъ еще доставлялъ удовольствіе, хотя уже потерялъ много силы и того одушевленія, которое, по моему мнѣнію, было отличительнымъ качествомъ его прекрасной игры. Онъ обрадовался встрѣчѣ, познакомилъ мѣня съ новыми артистами, и сказалъ имъ, что въ домѣ моего батюшки онъ провелъ самые прекрасные и самые счастливые часы своей жизни.

— Какой чудесный человѣкъ этотъ Ромбергъ! скажутъ нѣкоторые любители добраго стараго времени. Вотъ каковы были прежде артисты! Прямодушные, простые, безъ претензій, безъ шарлатанства, безъ фиглярства, безъ ложнаго блеска, который только ослѣпляетъ глаза и сирываетъ шууревую пустоту.

Но видъ Ромбергъ — отдѣльный человѣкъ, а не типъ звонки. У Ромберга такъ же были свои слабости, какъ и хорошія качества, и — что часто случается — пристрастіе и любовь къ одному предмету заставляли его видѣть красоту тамъ, гдѣ ихъ вовсе не существовало, между-тѣмъ какъ онъ не видѣлъ достоинствъ именно у тѣхъ, которые затмѣвали его. Нефедракаемый виолончелистъ, Сервѣ, котораго страстная, увлекающая игра отражаетъ въ себѣ кипучія чувства его души, дрожавшія въ струнахъ могучаго инструмента, и находившія отголосокъ въ самыхъ холодныхъ сердцахъ, открываетъ самыхъ невоспламенимыхъ воображенія, Сервѣ видѣть однажды, что въ Берлинѣ, пришедъ къ нему въ го-

стеницу человекъ уже пожилыхъ лѣтъ, очень просто одѣтый, съ добродушною физиономіей.

— Милостивый государь, сказалъ незнакомецъ: я узналъ, что вы пріѣхали въ Берлинъ, и пришелъ познакомиться съ великимъ віолончелистомъ, котораго слава опережаетъ всюду его пріѣздъ.

— Мнѣ также пріятно познакомиться съ вами, и, для этого, позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить.

— Съ Бернардомъ Ромбергомъ.

Сервѣ, котораго теплое и восторженное сердце, выказалось во многихъ подобныхъ случаяхъ, почувствовалъ невыразимую радость, бросился на шею знаменитому гостю, сжалъ его въ объятіяхъ, съ живѣйшимъ вліяніемъ восторга, и тысячу разъ благодарилъ Ромберга за сдѣланную ему честь. Они долго разговаривали очень дружески, и повидимому совершенно сошлись въ своихъ взглядахъ и чувствахъ. Послѣ разговора, чрезвычайно занимательнаго для Сервѣ, Ромбергъ сказалъ:

— Теперь поговорите о чемъ-нибудь на вашемъ инструментѣ; мнѣ очень хотѣлось бы васъ послушать.

Что можетъ болѣе одушевить талантъ, придать ему болѣе силы и энергій, какъ не мысль явиться передъ слушателями, которые принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе и вполне могутъ оцѣнить его? Нѣтъ сомнѣнія, что Сервѣ игралъ хорошо передъ этой публикой, ограниченной числомъ одинъ, но важной по своему значенію. Сервѣ признавался, что не всегда играетъ хорошо: артистъ судилъ себя строго; но въ этотъ разъ онъ былъ доволенъ своей игрою и надѣялся заслужить похвалу отъ того, чье одобреніе было ему такъ лестно. Въ продолженіе всей пьесы Ромбергъ хранилъ глубочайшее молчаніе. Пьеса кончилась; воздухъ еще дрожалъ отъ магическихъ звуковъ; Сервѣ держалъ смычокъ и пристально смотрѣлъ на свою публику. Ромбергъ, молча, всталъ, взялъ шляпу, перчатки, зонтикъ, и ушелъ раскланявшись съ Сервѣ, не говоря ни слова. Какъ объяснить такое странное молчаніе? Можно ли думать, что Ромбергъ, будучи самъ великимъ артистомъ, не нашелъ ничего похвальнаго тамъ, гдѣ люди, наименѣе посвященные въ не-

куство, находятъ столько пищи для живѣйшаго восторга? Неужели нѣсколько нововведеній поразили его дотого, что затмили собою всѣ красоты этой игры? Не показалось ли ему, что молодой артистъ дотого сбился съ прямой дороги и заблудился на извилистыхъ тропинкахъ, что ему уже невозможно спастись, и что даже напрасно помогать ему со-вѣтами, просвѣщать его неопытность? Или же это молчаніе было, просто, завистью? Нѣтъ, нѣтъ! такая причина слишкомъ бы противорѣчила характеру и чувствамъ Ромберга; притомъ онъ уже кончилъ свою артистическую каріеру и первый, съ раскрытыми объятіями, пришелъ къ молодому артисту, преклониться передъ восходящей звѣздою его таланта. Должно предположить, что добровольное ослѣпленіе ослабило глаза, и не давало видѣть ничего, выходящаго за кругъ, однажды очертанный около себя. Какъ бы то ни было, во мнѣніе Ромберга осталось глубоко тайною для Сервѣ, несмотря на всѣ старанія разгадать его. Впоследствии слышалъ онъ отъ одного изъ берлинскихъ музыкальныхъ критиковъ, что, прямо съ этого свиданія, Ромбергъ пришелъ къ нему и сказалъ: «Ну! слышалъ же я сегодня вашего прославленнаго Сервѣ: понятія не имѣеть о виолончели!» Самые блистательные успѣхи на артистическомъ поприщѣ не могли заставить Сервѣ забыть эту неудачу, отъ которой однакожъ энтузіазмъ его къ искусству не пострадалъ и великолѣпный талантъ его нисколько не потерялъ своего блеска.

Въ нѣкоторые дни, домъ моихъ родителей принималъ правдивный видъ. Общество бывало изящное и блестящее. Въ одномъ изъ такихъ собраній человекъ страшнаго виду привлекалъ къ своему уголку взоры всей этой нарядной толпы. По любезности къ нему хозяйки, по вниманію хозяйки, щеголихи и щеголи объясняли его себѣ равнодушною шуткою, что это долженъ быть или деревенскій богатый дядя или бѣдный какой-нибудь великій человекъ. На этомъ основаніи онъ вовсе не заботился о туалетѣ, не готовился къ празднику, когда отпраивался на него, не чувствовалъ безпокойства теперь, и ничего не ждалъ. На немъ былъ надѣтъ старый фракъ, дурно сшитый и неуможно застегнутый;

вокруг шеи, грязная, загадочнаго цвѣта, трясина представляла нормальный бѣлый галстухъ, какіе всегда носили въ то время, вѣрно въ доказательство равнодушія мужчинъ къ красетѣ: они, я думаю, умышленно усвоили эту моду, какъ лучшее средство обезобразить себя. Нынче, только въ важныхъ случаяхъ, мужчины оставляютъ галстухъ, приличнѣйшій ихъ наружности, и надѣваютъ то, что имъ вовсе не идетъ. У загадочнаго человѣка были длинные, густые волосы, получившіе отъ пыли какой-то неопредѣленный цвѣтъ: они падали въ беспорядкѣ на лицо. Черты его были довольно правильныя, но много теряли отъ гримасъ и подергиваній, которыя приводили всю его физиономію въ движеніе и до того вошли въ привычку, что казались независящими отъ его воли. Выраженіе лица казалось довольно сложнымъ. Нельзя было не замѣтить въ немъ отблеска разгульной жизни, которая не хочетъ ничему подчиниться, даже тому, что врожденныя побужденія человѣка считаютъ и находятъ удобнымъ и пріятнымъ. Это были олимпетворенные и доведенные до послѣдней крайности безжорядокъ, неопрятность, безпечность о всѣхъ удобствахъ. Но посреди этого хаоса, сваркала, однакожъ, искорка, которая, правда, освѣщала то, чему лучше бы остаться въ темнотѣ, но въ то же время доказывала, что ничѣмъ нельзя погасить эту искорку, называемую гениемъ. И гений отразился на этомъ лицѣ, исковерканномъ гримасами. Если же ничто не можетъ погасить генія, зато многое можетъ способствовать его развитію, и, прежде всего, воля. Здѣсь въ ней не было недостатка, и она соединялась съ рѣшительнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ принадлежностямъ, которыя могутъ окружать, даже возвышать, достоинство генія, и которыхъ ему не приказано чуждаться.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, обнаружившагося въ молодой части общества, когда одна изъ моихъ старинныхъ сестеръ вслухъ сказала:

— Какъ вы любезны, мистеръ Фильдъ! какое доставили намъ удовольствіе тѣмъ, что сегодня пріѣхали къ намъ!

«Фильдъ! Фильдъ! это Фильдъ?... Быть не можетъ!.. Ну, жели въ самомъ дѣлѣ это тотъ самый знаменитый

Фильдъ?.. значить, онъ пріѣхалъ изъ Москвы! Не мудрено!.. тамъ, говорятъ, очень страшно одѣваются! зашнелитали со всѣхъ сторонъ.

— Я вовсе не любезенъ, отвѣчалъ Фильдъ, полу-грубымъ, полу-сердитымъ голосомъ, облокотясь, и подпирая голову ладонью.

— Какъ, москѣ Фильдъ! Вы не любезны? сказала хорошенькая особа, стоявшая напротивъ него. Только вы одни можете такъ клеветать на себя, не опасаясь, что васъ станутъ подозрѣвать въ зависти къ величайшему артисту нашего времени.

— Москѣ Фильдъ; сказала одна изъ ближайшихъ его собесѣдокъ: вы владѣете такимъ баснословнымъ искусствомъ! Не научите ли меня, какимъ образомъ можно привлечь насъ въ нашъ домъ?

— Искусствомъ? отвѣчалъ Фильдъ, какъ-будто говоря самому себѣ: какое тутъ искусство! я въ гостяхъ здѣсь, и только; когда мнѣ вздумается, буду въ гостяхъ и у васъ.

— Москѣ Фильдъ! говорила другая дама: если бъ вы знали, какъ я радовалась, когда ѣхала сюда! въ какомъ была восхищеніи, когда получила извѣщеніе, что вѣроятно увижу васъ здѣсь! Увѣряю васъ, я всю ночь не сойкнула глазъ.

— Натрасно; сонъ очень хорошая вещь; и если я нездоровно нарушилъ вашъ покой, это еще не причина, чтобы...

Последнія слова фразы были сказаны такъ неясно, что нельзя повторить ихъ съ точностью; кажется, что онъ сказалъ: «безпокоили меня болтовнею.»

И Фильдъ былъ правъ: онъ вовсе не былъ любезенъ, но въ немъ извиняли это и всѣ оставляли его такимъ, какимъ ему хотѣлось быть.

— Что же вы не кушаете, любезный Фильдъ? сказала хозяйка, видя, что онъ за ужиномъ едва дотрогивается до самыхъ изысканныхъ произведеній гастрономіи, которыя она сама накладывала ему на тарелку.

— Зачѣмъ ѣсть? это утомительно! отвѣчалъ, протяжно ѣдая, первый артистъ своего времени: есть многія другія утомительныя вещи, которыхъ нельзя избѣжать!

— Однакожъ, нельзя же питаться звукомъ; по-крайней-мѣрѣ, гѣйте, любезный Фильдъ, если ужъ не хотите кушать.

— Пить другая статья: это веселѣе, и не такъ тяжело, отвѣчалъ первый піанистъ, и осушилъ однимъ глоткомъ стаканъ шампанскаго, который наполнялся по мѣрѣ того, какъ знаменитый артистъ опорожнялъ его; и только тогда равнодушіе и глубокое презрѣніе ко всему нѣсколько уменьшилось, и уступило мѣсто какому-то удовольствію.

Послѣ ужина, взоры гостей, особенно дамъ, до-свѣзпоръ устремленные на великаго артиста, переносились часто на предметы, родные его славѣ, бывшіе истолкователями его таланта, на два прекрасныя англійскія фортепіано, работы Бредвуда, которыя въ свое время, пользовались такою же извѣстностью, какъ теперь Эраровы. Взоры эти выражали нетерпѣливое ожиданіе, которое, однакожъ, надо было скрывать, если хотѣли достигнуть исполненія своихъ желаній. Артистъ отдыхалъ въ углу, казавшемся ему самымъ покойнымъ, а въ эти минуты не должно было его трогать; по прошествіи нѣкотораго времени, воалъ него услалась моя матушка.

— Какъ чувствуете себя теперь, любезный Фильдъ? Хорошо?

Артистъ отвѣчалъ маленькимъ одобрительнымъ ворчаніемъ.

— Я чрезвычайно рада, что вижу васъ у себя, и за это мы тѣмъ болѣе обязаны вамъ, что я знаю, какъ тяжело вамъ отказываться отъ своихъ привычекъ, оставлять свой халатъ, одѣваться, выѣзжать. Вы чрезвычайно милы, любезный Фильдъ!

Великій артистъ, лѣнивый ко всему, что не касалось его искусства, отвѣчалъ на эти любезности чѣмъ-то похожимъ на благодарность и выговорилъ чуть внятно нѣсколько словъ, въ которыхъ уже заключался зародышъ музыки, удовольствіе; потомъ сталъ гримасничать; потомъ потянулся въ креслахъ, зѣвнулъ и вздохнулъ въ одно время, внимательно посмотрѣлъ на свои руки, пальцы; наконецъ, съ явнымъ усиліемъ оставилъ покойныя кресла, и медленно,

нога за ногу, потащился къ стулу, за которымъ наглаголивались слабыя стороны его природы и все его существо погружалось въ то, что составляло его славу, возбуждало удивленіе, позволяло забыть его недостатки.

Говорять, что слогъ есть человѣкъ. Также можно сказать и объ артистѣ, что игра есть самъ артистъ. Но, по этому опредѣленію, что бы значила игра Фильда, еслибы она воспроизводила только лѣньность, пренебреженіе приличій, привычку къ беспорядку и неряшеству, рѣшительный вкусъ къ нѣгѣ, которая, при излишнемъ употребленіи, унижаетъ человѣка до степени животнаго, отнимая у него способности, и это совершенное равнодушіе къ общественнымъ отношеніямъ? Чѣмъ была бы игра Фильда, еслибы въ Фильдѣ были только эти свойства, или другія, равнаго съ ними достоинства? еслибы онъ передавалъ звуками только такія впечатлѣнія? еслибы, дорываясь до глубины, находилъ только эти матеріалы? Нѣтъ сомнѣній, что, тогда, при всей бархатности тушѣ, при всемъ совершенствѣ подробностей, при всей нѣжности и доконченности оттѣнковъ, при всѣхъ красотахъ колорита, которымъ онъ расписывалъ свои картины, эффектъ былъ бы не полонъ, энтузіазмъ не восходилъ бы до той степени, которой онъ достигалъ. Еще въ наше время прославляютъ Фильда, но не слишкомъ хорошо знаютъ, за что. Всѣ, которые еще помнятъ его, уже потеряли юношескій восторгъ, оживляющій все что видишь и слышишь. и, слѣдовательно, не могутъ увлечься какъ настоящимъ дѣйствіемъ прекраснаго. Другіе, которымъ кажется, что они помнятъ Фильда, были тогда подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, а на эти, какъ извѣстно, нельзя слишкомъ полагаться: живость и новизна ощущеній часто мѣняетъ ясно различать предметы и давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Иные говорятъ и судятъ о Фильдѣ по наслышкѣ, по тому что узнали отъ своихъ учителей или музыкальныхъ авторитетовъ. Рассказывать, какъ такой-то играетъ или игралъ, стараться другимъ дать понятіе объ артистѣ, какъ-будто они сами его слышали, признаюсь, выше средствъ моего бѣднаго ума, и я не считаю себя способною, ни на то, ни на другое.

Никакія длинныя рѣчи, ни какія краснорѣчивыя страницы, не объяснять миѣ игры артиста, какъ онъ самъ объясняетъ себя. Никто такъ ясно и такъ усердно не будетъ говорить въ его защиту, какъ его игра; потому-что онъ весь заключается въ своей игрѣ; только понимайте ее.

И такъ какъ еще говорятъ о Фильдѣ, то у нѣкоторыхъ онъ и нынче служитъ единицею сравненія для современныхъ артистовъ: если хотятъ унижить піаниста, его ставятъ на ненадѣрное разстояніе ниже Фильда; если же, напротивъ, хотятъ возвысить до облаковъ или какими-нибудь важными словами выразить свое восхищеніе, то говорятъ, что онъ напоминаетъ Фильда, похожъ на него, или долженъ быть похожъ. Но, сказать правду, въ эти минуты нерасположенія или восторга, вовсе не думаютъ объ умершемъ, а думаютъ только о живомъ.

Безспорно, у Фильда было множество странностей, которыя терпѣли, черезъ которыя перескакивали со всею осторожностью, какъ черезъ прекрасную апрѣльскую грязь, чтобы достигнуть до таланта, стоявшаго на концѣ дороги. Эксцентрикъ, оригиналъ до послѣдней крайности, чловѣкъ безъ всякаго вкуса въ своей особѣ, безъ изящества, доходившій во всемъ крайностей, не полагавшій границъ тому, что казалось ему удобнымъ и ласкало его наклонности, онъ создалъ себѣ жизнь изъ нѣги и безпорядка, въ которой шампанское играло роль солнца, а халатъ представлялъ темноту; и это были два главнѣйшіе полюса его матеріальнаго быта. Однакожъ, въ нихъ выражался не весь чловѣкъ, но только его нечистая подкладка. Въ немъ была чувствительная нота, была эолова арфа, издававшая гармоническіе звуки, была сила, дѣлавшая его другимъ чловѣкомъ: это было искусство, музыка. Когда онъ садился за фортепіано, лѣтность, небрежность, замѣнялись твердой, настойчивой волей; безпорядокъ, распространенный по всей внѣшности, не касался того, что стояло выше посягательства ея и заботливо береглось отъ нечистаго столкновенія съ землею. Откуда же проходила такая рѣшительная перемѣна? Гдѣ скрывался источникъ этого закаленного терпѣнья, этой дѣятельности? Въ любви ли славы, желаніи ли бле-

стѣть, въ потребности ли поражать эфемерами? Не это, по-видимому, было несомнѣнно съ равнодушнѣмъ Фильда ко всякой вѣтвѣ форте. Присходило ли это отъ сребролюбія, желанія выжить на счетъ своего таланта? Предположеніе еще менѣе вѣроятное, потому-что Фильдъ былъ человѣкъ самый безкорыстный и повѣдующій въ денежныхъ дѣлахъ. Не лучше ли сказать, что исключительная любовь къ музыкѣ, глубокая страсть къ ней, вдругъ вспыхивала въ его игрѣ, и придавала ей эту нѣжность, это чувство, эту выразительность, которыя лично принадлежали ему и которыхъ не могъ перенять никто у него. Можно усвоить методу, подражать тушѣ, но угадать то, что другой чувствуетъ, выразить то, что онъ ощущаетъ — дѣло невозможное: только будешь повторять ноты, но останешься чуждъ сердечныхъ ощущеній того, кому хочешь послѣдовать.

Фильдъ былъ жепать на маленькой француженкѣ, благодаря усердію одного вѣрнаго друга, который счелъ обязанностью помочь ему своими совѣтами въ этомъ важномъ обстоятельствѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно важно было прискать для Фильда особу, которая бы дополняла собою то, чего ему существенно не доставало. Мадамъ Фильдъ была хорошая піанистка, усердно давала уроки, и должна была бы возбуждать соревнованіе къ труду въ своемъ великомъ мужѣ; но вмѣсто того только давала ему средства еще спокойнѣе предаваться врожденной лѣни. Мадамъ Фильдъ любила порядокъ и чистоту, но, обнаруживая эти прекрасныя качества, потрясала воздухъ пронзительными криками, которые не ладили съ нѣжными аккордами, раздававшимися подъ пальцами славнаго супруга, и разрушали гармонию, необходимую и въ музыкальной и въ брачной жизни. Мадамъ Фильдъ очень любила деньги, и охотно приберегла бы ихъ, еслибъ только мужъ захотѣлъ приобретать; это совершенно зависѣло отъ него: въ его пальцахъ скрывалось цѣлое богатство. Мадамъ Фильдъ была миленькая кокетка и хотѣла нравиться всему свѣту, между-тѣмъ какъ мужъ вовсе не старался быть пріятнымъ. Словомъ, эта чета совершенно расходилась въ своихъ вкусахъ, замѣчала это, и не знала какъ помочь горю. Одно только звено удерживало супруговъ,

если не связывало: сынъ, который родился отъ этого брака и нѣсколько времени питалъ ихъ любовь, но очень недолго: онъ векорѣ сдѣлался предметомъ раздора. Мать хотѣла воспитывать его по-своему; отецъ находилъ, что самое лучшее воспитаніе то, которое наименѣе будетъ нарушать его спокойствіе. Мать думала, что мудрость внушаютъ въ-полголоса; отецъ увѣрялъ, что тишина лучше шума и краснорѣчія. Съ каждымъ днемъ, мнѣнія разнились болѣе и болѣе, такъ-что наконецъ супруги пришли къ заключенію, которое и было принято единодушно. Фильдъ согласился отказаться отъ сына, чтобы отдѣлаться отъ жены. Они разошлись миролюбиво, и остались друзьями до самой смерти.

Фильдъ былъ очень уменъ, и это доказывали, не только его игра, его творенія, не и его остроумные отвѣты, вырывавшіеся какъ-будто невольно; но онъ не обращалъ никакого вниманія на успѣхи въ этомъ родѣ, не старался блистать ни умомъ, ни любезностью, и любилъ выказываться только въ своей игрѣ.

Разъ лѣтомъ онъ пріѣхалъ на денекъ къ намъ на дачу, и послѣ обѣда доставилъ обществу нѣсколько минутъ наслажденія, какое тогда умѣлъ доставлять только онъ одинъ. Вдругъ погода переѣнилась и началась страшная гроза, въ то самое время, когда Фильдъ собирался домой. Его уиращивали остаться и переждать бурю; онъ согласился, но съ условіемъ, чтобы не занимались имъ и позволили ему отдохнуть гдѣ-нибудь въ углу, по-своему. Желаніе его было исполнено со всею готовностью. Семейство наше занялось прочими гостями, которые вовсе не думали ѣхать въ проливной дождь. Составилось нѣсколько партій въ вистъ и бостонъ, и какъ тутъ было много дѣвицъ и нѣсколько молодыхъ людей, то принялись за разные игры. Каждый забавлялся, какъ ему хотѣлось. Въ это время Фильдъ, наконецъ, вышелъ изъ летаргій, и думал, можетъ-быть, что маленькое движеніе разсѣетъ усталость отъ покоя, пріѣхалъ къ нашему кружку, составленному изъ молодости и веселости. Можете вообразить наше счастье и гордость! Играть, шалить съ Фильдомъ! Да одной этой че-

сти довольно, чтобы не искать другой! Сначала, мы нѣсколько смѣшались; живость ума притихла; вскорѣ, однакожъ, мы оправились, потому-что, наконецъ, вѣдь мы играли передъ Фильдомъ не на фортепiano. Игра опять началась, и съ новымъ жаромъ. Игра, занимавшая насъ въ эту минуту, называлась *Comment l'aimez-vous*. Одинъ изъ играющихъ выходилъ изъ комнаты; въ его отсутствіе выбирали какое-нибудь слово; онъ долженъ былъ спрашивать у каждаго: *comment l'aimez-vous*, и по отвѣтамъ на этотъ вопросъ угадать смыслъ заданнаго слова. Выбрали слово *demoiselle*. Хорошенькая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, съ голубыми глазами и волосами пепельнаго цвѣту, обходила кружокъ съ вопросами, и получала отвѣты, которые всѣ намѣкали на ея красоту, грацію, прелестный туалетъ. Она начала вопросы съ сосѣдки Фильда, и кончала ея сосѣдомъ, собравъ бездну комплиментовъ, и, кажется, давно уже не сомнѣвалась въ заданномъ словѣ. Но вдругъ овладѣло ею, вѣроятно, желаніе прибавить еще цвѣтокъ къ своему пышному вѣнку, услышать словцо, которое сверкало бы въ немъ брилльянтомъ, которое она сохранила бы въ своей памяти, какъ залогъ будущаго благополучія.

— *Monsieur Field*, сказала она, потупивъ глаза и вспыхнувъ какъ розанъ: *comment l'aimez-vous?*

Фильдъ, принужденный перемѣнить страдательную роль зрителя на роль антера и выйдти изъ безчувствія, отвѣчалъ грубымъ тономъ:

— *Te n'aime pas du tout cette marchandise-là.*

И послѣ такого нелюбезнаго отвѣта, бѣдная дѣвушка должна была произнести словцо, которое заслужило такой горькій приговоръ, потому-что безъ этого ей пришлось бы снова обходить играющихъ.

Воля ваша, по моему мнѣнію, любезность цѣкому не лишняя, даже артистамъ; пусть сколько угодно называютъ ихъ за нее шарлатанами, это еще ничего не доказываетъ. Любезность есть только мелкая монета великаго таланта; съ нею одной не купить славы, не получить успѣха, но она украшаетъ, хотя и не составляетъ заслугу. Музыкантъ, совершенно въ другомъ родѣ нежели тѣ, о кото-

рылъ здѣсь говоритса, но котораго достоинствъ нельзя отвергать безъ того чтобъ не навлечь на себя обвиненія въ дурномъ вкусѣ, Юганъ Гунгль, за нѣсколько времени пѣвнйвшій весь Павловскъ, гдѣ онъ имѣлъ всѣ причины быть довольнымъ, потому что ему и хорошо платили и странно аплодировали, разговаривая съ одною изъ своихъ почитательницъ, высказалъ, что ему очень пріятно жить въ Павловскѣ.

— Что же вамъ особенно нравится здѣсь? спросила она.

— Конечно, одобреніе дамъ, отвѣчалъ Гунгль.

Сравнивалъ эти два отвѣта, я право не знаю; кому отдать преимущество; но признаюсь, что милѣе слово Мейербера или моего любимца, Верди, для меня было бы пріятнѣе грубости Россина или самого Моцарта, если бы даже Моцартъ воротился съ того свѣта собственно за тѣмъ, чтобы сказать ее. Лишь за немнѣніемъ лучшаго, доволнѣтнѣе тѣмъ, что есть, и терпѣливо переносишь забвѣніе приличій общезитія и, часто, необразованнаго, непристойнаго манеры Фильдовъ. Но какъ восхищался бы жхъ милыми качествами, если бы только они существовали!... Никто менѣе не приходилъ отъ Фильда въ восторгъ, и никто столько не осуждалъ его, какъ мадамъ Фильдъ. Она даже не раздѣляла его взгляда на музыку, и находила въ немъ нишу для насмѣшекъ и упрековъ.

— Какъ здоровье господина Фильда? спрашивали мы разъ у его жены. Вотъ цѣлыя сто лѣтъ, какъ его нигдѣ не видно; никуда не выходятъ, сидятъ запершись, никого не принимаютъ; даже для любимыхъ учениковъ дверь его затворена. Не болѣнъ ли онъ?

— Напротивъ, здоровехенокъ, блаженствуетъ въ кадѣ; да и дѣла-то его идутъ прекрасно: вотъ ужъ шесть недѣль, какъ онъ по четыре часа въ день изучаетъ трель перваго соло своего шестаго концерта, и, кажется, наконецъ вчера добился до толку: былъ совершенно доволенъ и собой и трелью. Чудо, какая вышла вещь.... въ шесть недѣль!

Такъ покойно проходили дни Фильда, между страстной любовью къ музыкѣ, которая требовала всей дѣятельности его пальцевъ, и равнодушіемъ ко всему осгальному, достав-

давать ему наслаждения бездѣля. И еще долго прожилъ бы онъ такъ; не надо было ему ощущеній, потрясающихъ душу, обстоятельствъ, обновляющихъ воображеніе, расширяющихъ кругъ мыслей новостью и неожиданными пере-
мѣнами: онъ нашелъ бы въ самомъ себѣ средства, кото-
рыхъ было бы довольно, и для него, и для другихъ... Но громъ раздается вдали, не по волѣ человѣка, и мол-
нія падаетъ; не спрашиваясь у того, чего она пораждаетъ.

Разъ утромъ, я сидѣла въ кабинетѣ у матушки, внима-
тельно читая чудное сказаніе объ открытіи Америки Хри-
стофоромъ Колумбомъ. Вдругъ дверь тихонько отвори-
лась, и, безъ всякаго доклада, вошелъ Дорнаусъ, ревно-
стный агентъ музыки и ея представителей. Онъ счита-
лъ себя поставленнымъ такъ низко на этой огромной
лѣстницѣ, что былъ очень радъ служить тѣмъ, которые
занимали на ней верхнія ступеньки. Церемонные визиты
онъ предоставлялъ лицамъ, которыхъ посѣщенія могутъ
доставить какое-нибудь удовольствіе; въ его же скромную
голову никогда не западало такой честолюбивой мысли.
Онъ дѣлалъ въ годъ только два визита, въ Пасху и Но-
вый Годъ, чтобы поблагодарить за лестный пріемъ и его
последствія. Во всякое же другое время, онъ приходилъ
по какому-нибудь музыкальному дѣлу или по какой-ли-
будь комиссіи. Хотя на этотъ разъ, Дорнаусъ пришелъ
не очень кстати, однако жъ матушка приняла его съ свой-
ственной ей любезностью, и готовилась выслушать, что
хорошаго скажетъ гость, который, въ отличіе отъ мно-
гихъ другихъ, гораздо больше заботился о пользахъ чу-
жихъ нежели о своихъ собственныхъ.

Послѣ обычнаго привѣтствія, Дорнаусъ спросилъ, въ ка-
комъ положеніи здоровье маменьки и мое, поблагодарилъ
за предложенный ему стулъ, усѣлся, и какъ, повидимому,
уже переговорилъ обо всемъ, что можно было сказать, то
замѣтилъ дальнѣйшія слова тяжелыми вздохами.

— Чѣмъ съ вами, любезный Дорнаусъ? съ удивленіемъ
спросила маменька: не случилось ли чего съ вами? Какое
дѣло привело васъ ко мнѣ?

— Со мною ничего не случилось, отвѣчалъ Дорнаусъ, вздохнулъ еще глубже: и я пришелъ не по дѣлу.

— Что же съ вами? Видно, что вы печальны. Что такъ печалитъ васъ?

— Да! сударыня, я печаленъ, и есть отчего. Сейчасъ я былъ у бѣднаго Фильда....

— У бѣднаго Фильда? что же случилось съ нашимъ прекраснымъ Фильдомъ? въ испугѣ спросила моя матушка.

— Да съ нимъ ничего не случилось.

— Такъ объяснитесь; я тутъ ничего не понимаю.

— Прежде всего, сударыня, позвольте спросить: были вы на прошлой недѣлѣ въ концертѣ молодаго піаниста, который только-что пріѣхалъ?

— Какъ же, конечно! Вы видѣли меня тамъ; мы еще разговаривали.

— Точно, точно! Вы сдѣлали мнѣ эту честь, которую, повѣрьте, сударыня, я очень хорошо чувствую, и потому прошу васъ простить мою минутную забывчивость; вамъ извѣстно, что моя голова не изъ крѣпкихъ, и когда что-нибудь тревожитъ ее, какъ теперь бѣдняга Фильдъ....

— Опять!... Но вы, право, беспокоите меня; вамъ извѣстно, какъ я люблю Фильда, какое принимаю въ немъ участіе....

— Скажите же, сударыня, вскричалъ Дорнаусъ, качнувшись на стулѣ съ живостью, какой никогда за нимъ не водилось: какъ понравился вамъ этотъ маленькій піанистъ?

— Удивительный ребенокъ! спокойно отвѣчала матушка.

— И вы за него, сударыня! печально сказалъ Дорнаусъ: а я такъ надѣялся на васъ; думалъ, что по-крайней-мѣрѣ вы не измѣните бѣдному Фильду.

— Право, любезный Дорнаусъ, вы, кажется, мелете вздоръ; объяснитесь получше; скажите, что всеревожило васъ до такой степени, и тогда по-крайней-мѣрѣ я буду знать, чѣмъ успокоить васъ.

— Этотъ маленькій піанистъ, Карлъ Майеръ, игралъ въ своемъ концертѣ нѣсколько піесокъ, неизвѣстныхъ прежде, и между прочимъ, пятый концертъ Крамера, восхитившій

публику. Новость вѣсь, лѣта пианиста, легкость и быстрота его игры, произвели огромный эффект... чему вы сами были свидѣтельницей. Ребенку аплодировали до сумасшествія. Впрочемъ, еслибъ остановились только на этомъ, еще бы не большая бѣда. Но вѣтъ! зашелъ далѣе: чтобы поднять его еще выше, не нашли вѣрнѣйшаго средства, какъ унижить великаго; чтобы лучше доказать одинъ талантъ, начали искать недостатковъ въ другомъ.... Короче.... вы понимаете, сударыня, что я насилу могу произносить эти слова.... они душатъ меня.... короче, сказали, что этотъ прелестный ребенокъ, при самомъ началѣ своей карьеры, превзошелъ Фильда, который, сравнительно съ нимъ, прахъ, дрянь, клонится къ упадку.... Вамъ вѣдомо, сударыня, что есть разнощики новостей, которые узнаютъ все прежде другихъ. Каждый хотѣлъ прежде прочихъ пересказать Фильду эти нелѣпые толки, неизмѣющіе здраваго смысла и доказывающіе только безвкусіе и невѣжество тѣхъ, кто ихъ распространяетъ. Каждый хотѣлъ какъ-можно сильнѣе выразить свое негодованіе на неблагодарность публики, забывшей Фильда для новаго любимца, и каждый утверждаетъ, что не принадлежитъ къ этому числу, а пришелъ завѣрить Фильда, что ни за какія блага не перемѣнитъ своего мнѣнія о немъ, и готовъ силою выломать аверь, еслибъ ее заперли для такого славнаго друга. Бѣдный Фильдъ, забытый одними и утѣшаемый другими, впалъ въ задумчивость: каждый день приносили ему списокъ новыхъ отступниковъ, а прежніе друзья и утѣшители только еще болѣе тревожили и разстроивали его. Сегодня я заходилъ къ нему по настоятельной просьбѣ одного очень богатаго молодого человѣка, которому хочется, чего бы это ни стоило, взять нѣсколько уроковъ у Фильда. Я засталъ его въ совершенномъ разстройствѣ, въ самомъ дурномъ расположеніи духа. — «Какой же вы болванъ! сказалъ мнѣ Фильдъ, когда я проговорилъ свое порученіе: развѣ не знаете что я — свинья, дуракъ, никуда не погужусь; что, какъ я не взрослый, однако же не угостилъ публики тѣми кушаньями, которыя принесъ ей на пробу ребенокъ. Скажите же всему молодцу, что я не могу учить его, потому-

что самъ равно ничего не смыслю, и пусть онъ адресуетея къ кому хочетъ... хоть къ ребенку! После этой и другихъ фразъ, которыхъ я не понималъ, Фильдъ обернулся ко мнѣ спиною, и объявилъ, что я уже порядкомъ надѣлъ ему и что онъ сказалъ все. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже сидѣлъ за фортепiano; я видѣлъ, что мнѣ оставалось только удалиться, и ушелъ очень скучный, и принялъ рассказать вамъ все, зная вашу доброту и живѣйшее удивленіе къ Фильду.... Но, можетъ быть, и оно уже охладѣло....

Маменька увѣрила Дорвауса, что ея удивленіе и мнѣнія о Фильдѣ останутся непремѣнными; что въ этомъ внезапномъ энтузіазмѣ непремѣнно есть много преувеличеннаго, особенно же въ толкахъ о немъ; что надо немного подождать, потерпѣть, и, вѣроятно, все пойдетъ по-прежнему.

За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, разъ, въ воскресенье утромъ, сообщили мнѣ пріятныя новости: сказали, что въ этотъ день я буду очень нарядно одѣтъ и что у насъ обѣдаетъ гость, который мнѣ очень понравится: молодой, вѣнскій, почти ребенокъ, только-что пріѣхавшій въ Петербургъ. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть его и вообразеніе мое уже создало ему формы, одиѣ пріятельскія другикъ. Около трехъ часовъ, пользуясь праздничною свободой, мы расположились въ залѣ и набрали съ собою игрушекъ. До обѣда оставалось еще два или три часа, и никто не думалъ о немъ, какъ вдругъ раздался звонокъ и вслѣдъ за нимъ явились посѣтители. Одинъ былъ пожилой, маленький, худенькій, съ длиннымъ носомъ, въ отталкивавшей одѣтѣ бѣдно; во всей его фигурѣ выражалось смиренное и нуганное незнакомство съ свѣтомъ. Другой былъ, во многихъ чертахъ, копіей перваго, но только гораздо моложе; впрочемъ съ такимъ же носомъ, такой же маленький, худенькій, болявивый, неловкій; недостаткомъ только очковъ; да еще одежда на немъ была получше наряда старшаго. Старшій поклонился намъ и произнесъ нѣсколько нѣмскихъ словъ; младшій прибавилъ къ своему поклону нѣсколько французскихъ фразъ, съ своимъ хорошимъ выговоромъ. Но мы не долге слушали эти; мы

еще не умѣли принимать визиты; поскорѣе собрали свои игрушки и убѣжали, не заботясь, что станутъ дѣлать гости, которые пожаловали такъ некстати. Я почти позабыла о нихъ, какъ, около пяти часовъ, войдя въ залу, гдѣ уже собралось многочисленное общество, увидѣли мы маленькаго старичка, разстроившаго утромъ нашу игру, который теперь, стоя у дверей, отвѣчалъ низжайшими поклонами на вопросы моего батюшки. Передъ маменькой, сидѣвшею на диванѣ, стоялъ молоденькій незнакомецъ, улыбался и повидимому былъ очень доволенъ тѣмъ, что слышалъ. Маменька подозвала меня.

— Посмотри, сказала она: какой интересный у насъ гость. Это господинъ Карлъ Майеръ. Ему только шестнадцать лѣтъ, а онъ уже славный пианистъ. Въ такіе лѣта такой огромный талантъ! Васъ ожидаетъ блестящая будущность, monsieur Charles.

Карлъ Майеръ поклонился, но, вѣроятно, онъ болѣе думалъ о настоящемъ нежели о будущемъ. Спусти нѣсколько лѣтъ, онъ признался мнѣ, что привыкъ обѣдать съ отцомъ ровно въ часъ, и что они боялись опоздать, явившись въ гости къ тремъ часамъ. Наконецъ, сѣли за столъ къ очевидному удовольствію будущаго великаго пианиста. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, но у отца его аппетитъ, кажется, прошелъ отъ томительнаго ожиданія и непривычки къ новому, незнакомому обществу. За обѣдомъ, не походившемъ на обѣды, которые бывали въ подобныхъ случаяхъ, присутствіе новаго артиста нисколько не обнаруживало своего вліянія на гостей; разговаривали, какъ-будто вовсе тутъ не было этого знаменитаго ребенка, смѣялись, ѣли, пили, и только отъ времени до времени родители мои обращали вниманіе на юнаго Карла Майера, называли его маленькимъ виртуозомъ, и объявляли, что черезъ нѣсколько часовъ обществу будетъ очень пріятно познакомиться съ нимъ короче, когда онъ доставитъ случай восхититься своимъ дарованіемъ. Тогда присутствующіе начали дорнировать артиста, и предложили ему нѣсколько вопросовъ, до такой степени прямыхъ, что только человекъ очень глупый или ужъ очень умный могъ бы отвѣчать на нихъ съ точностью; но въ пер-

вомъ случивъ, пришлось бы опозать несправедливостъ самому себѣ, а во второмъ только истинѣ. Спрашивали, который ему годъ, во сколько часовъ въ день онъ упражняется, какіе оказалъ успѣхи, не боятся ли иногда ва нихъ, и другія подобныя тайны, въ которыя вовсе не слѣдуетъ углубляться, и которыя рѣдко открываютъ тѣ, кому онѣ принадлежатъ. Послѣ обѣда, когда любовицтво уже было довольно возбуждено, юный артистъ, вѣроятно, желая сосредоточить на себѣ вниманіе, сѣлъ на фортепіано и сыгралъ нѣсколько піесъ, блестящихъ и трудныхъ, оставляя между ними только необходимыя интервалы, чтобы слушатели могли выразить заслуженное удивленіе. Пальцы піаниста скользили по клавишамъ съ легкостью и особенно съ быстротою, до-сихъ-поръ невиданною; едва касались клавишей; останавливались на нихъ ровно столько времени, сколько надо было чтобы извлечь свойственный имъ звукъ, и спѣшили далѣе, производить новые звуки съ той же непостижимою быстротою. Однакожь не въ одной быстротѣ заключалось ихъ достоинство. Видно было, что они хорошо разучены, что артистъ привыкъ къ нимъ и — что всего труднѣе — не беретъ ни одной фальшивой ноты. Невозможное спокойствіе піаниста, неподвижность въ чертахъ лица, на которыхъ не отражалось никакого волненія, никакого безпокойства, доказывали, до какой степени онъ былъ увѣренъ въ себѣ и во всемъ, что вырвали его пальцы. Слушатели были въ восхищеніи, и засыпали удивительнаго, такъ рано созрѣвшаго мальчика, похвалами и рукоплесканіями.

Нѣсколько времени старикъ Майеръ водилъ сына чуждомъ въ домъ, съ рекомендательными письмами, и послѣ того дали они концертъ съ самонаиблистательнѣйшимъ успѣхомъ. Вскорѣ, Карлъ Майеръ сдѣлался общимъ фаворитомъ. Съ нимъ отцу было очень легко ходить: нечего было опасаться ни строптиваго характера, ни капризовъ, и, въ добавокъ, онъ игралъ такъ хорошо, такъ быстро, такъ охотно. И какой онъ былъ неутомимый!... сейчасъ видно, что и ему самому было пріятно то, чѣмъ онъ доставлялъ столько удовольствія другимъ. Чего же еще надо? Благодарство-

положительныя публики и извѣстность незрѣлаго артиста быстро совершали, и вскорѣ приняли такіе размѣры, что взяли верхъ надъ расположеніемъ къ тому, который до-сихъ-порѣ пользовался ими исключительно. Начала дѣлать сравненія. Разумѣется, что они не всегда клонились въ пользу юнаго соперника Фильда, однакожь сами по себѣ были уже слишкомъ лестны для ребенка, который могъ сдѣлаться, но еще не сдѣлался, совершеннымъ артистомъ до того чтобы ужъ управлялъ пальцами и страсть развивала экспрессию. Какъ бы то ни было, молодой артистъ формально опровергнулъ восторгъ своихъ пламенныхъ почитателей тѣмъ, что, по собственному благоразумію или изъ послушанія отцу, началъ брать уроки у того, съ которымъ ставилъ его на одну линію, и даже выше. Игра Карла Майера сдѣлалась еще нѣжнѣе, круглѣе, доконченнѣе, изящнѣе; усовершенствованный послѣднимъ своимъ учителемъ и временемъ, которое также приноситъ свои плоды для тѣхъ, кто умѣетъ ихъ срывать, онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе примѣчательнымъ виртуозомъ. Но, усвоивъ многое изъ методы Фильда, онъ не могъ усвоить его индивидуальности, и навсегда остался Карломъ Майеромъ, какъ тотъ навсегда остался Джономъ Фильдомъ. Майеръ всегда былъ холоденъ, и если, несмотря на этотъ недостатокъ, пользовался успѣхомъ, это доказываетъ только превосходный механизмъ его игры; чувства же въ ней вовсе не было. «Фортепіано, говорилъ Майеръ, устроено не для пѣнья». Да притомъ, что сталъ бы онъ и выражать-то? Онъ былъ постоянно занятъ хлопотливою раздачею билетовъ на свои концерты; старался приобрести какъ можно болѣе уроковъ, и давалъ ихъ по дюжинѣ въ день; на разцвѣтѣ лѣтъ и таланта, посвящалъ піесы, въ надеждѣ на выгоды и почести, а разумѣется, что подобныя житейскія мелочи очень трудно выразить въ музыкѣ; еслибъ даже и удалось, то сомнительно, чтобы онѣ произвели увлекательное дѣйствіе; зашѣнить же ихъ поддѣльнымъ чувствомъ, приличнымъ случаю, значило бы играть невѣрно и неестественно. Можно выразить не болѣе того, что ощущаешь самъ; но

случается, что, при неопытности выражаться, человек чувствует болѣе, нежели высказываетъ. Вотъ къ чему такъ необходима приобретаемая навыкомъ и временемъ дѣлность владѣть перомъ или кистью: это внѣшніе органы того что происходитъ внутри человѣка, это проводники ума и сердца. Если умъ высокій, образованный, соединяющій съ обширными познаніями глубокое чувство, пламенное воображеніе, сердце способное любить, знающее страсти и умѣющее обнаруживать ихъ; если все это одушевлено искрою огня, украденнаго Прометеемъ въ небѣ и которымъ воспаляется душа, часто не понимая причины, впечатлѣніе здѣсь не должно ли быть совершенно другое, нежели тамъ, гдѣ не значатъ этихъ достоинствъ? Ооднакожъ такіа организациі встрѣчаются, хотя очень рѣдко. Явленіе ихъ составляетъ эпоху и, что бы ни говорили, люди никогда не смѣшаются съ нами дюжинныхъ натуръ.

Публика вскорѣ замѣтила, что она слишкомъ поторопилась высказать свое мнѣніе о Фильдѣ и Майерѣ; но она была невиновата. Сила новости такъ привлекательна; какъ этотъ скрываетъ многое и нравится глазамъ. При всемъ тождѣ самолюбіе Фильда получило смертный ударъ. Не слишкомъ гоняясь за успѣхами, Фильдъ, однакожъ, не могъ перенести несправедливости и терпѣливо выдерживать неудачи. Черезъ нѣсколько времени онъ снова уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, и оставилъ открытое поле своему счастливому сопернику. Счастіе и извѣстность Карла Майера утвердились на прочныхъ основаніяхъ, на сношеніяхъ съ домами, въ которыхъ онъ давалъ уроки, и которые почти всѣ считали за счастье выторговать у него часть его досуговъ. У него едва доставало времени, чтобы удовлетворять убѣдительнонѣйшимъ и безпрестаннымъ просьбамъ; и, не желя долгого обидѣть формальнымъ отказомъ, Майеръ придумалъ методу, которая, правда, немножко затруднительна, однакожъ давала многимъ право называться ученицами Карла Майера. Смотри по состоянію и способностямъ ученицъ, онъ общалъ одинъ, два, даже до трехъ уроковъ въ недѣлю, но сдерживалъ свои общанія какъ позволяли эти многочисленныя обязательства. Дел-

тому — представьте несправедливость! — въ числѣ прекрасныхъ его качествъ не досчитывались аккуратности, говорили, что онъ часто пренебрегаетъ уроки, и что отъ такой неоправности нѣсколько замедляются успѣхи ученицъ, которыя, безъ этого, дѣлали бы чрезвычайно быстрое успѣхи. Но въ то же время говорили, что нельзя сердиться на миленькаго Майера: у него такой прекрасный талантъ, онъ еще такъ молодъ, его всѣ ищутъ: мудрено ли что онъ еще не можетъ привыкнуть къ точности и аккуратности, которыми отличается посредственность! Отъ этого недостатка онъ, вѣроятно, исправится со временемъ, и тогда уже рѣшительно не на что будетъ роптать. А между-тѣмъ время уходило, и ожиданіе, часто обманутое, превращалось въ печальную увѣренность, что любезнаго учителя не увидѣтъ нѣсколько недѣль, не услышать его соловьиныхъ трелей и жемчужныхъ гаммъ, не дожидаться его ободрительной похвалы, его лучезарной критики. Майеру было часто и не до того: наступалъ концертный сезонъ и онъ готовилъ свой концертъ. Все должно было уступить этому великому событію и содѣйствовать его успѣху. Пропустить его концертъ даже не приходило на умъ безчисленнымъ ученицамъ, друзьямъ, почитательницамъ, знакомымъ, и покровителямъ. Майеръ зналъ это очень хорошо, и старался сдѣлать свои концерты занимательными какъ-нельзя болѣе. На будучи скромнымъ цѣнителемъ своего таланта, такъ справедливо названнаго прекраснымъ, онъ однако полагалъ, что нельзя же имъ однимъ доставить удовольствіе и занять цѣлый вечеръ, на который онъ пригласилъ всѣхъ тѣхъ, чьи двери никогда не запирались для него. Поэтому, Майеръ убѣждалъ всѣ тогдашніе таланты, всѣ столпныя знаменитости, содѣйствовать восхищенію многочисленнаго общества, которое должно было собраться на музыкальное торжество, и убѣждалъ такъ мило, такъ убѣдительно, что артистамъ не было никакой возможности отказать. Разумѣется, онъ платилъ услугой за услугу, и участвовалъ въ концертахъ у тѣхъ, которые играли у него. Въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ, Майеръ блестялъ въ концертныхъ залахъ только какъ исполнитель. Хотя его

сочиненія уже очень нравились и пользовались извѣстностью, однакожь онъ считалъ ихъ неудобными для важныхъ случаевъ, потому что пьесы эти не удовлетворяли общепринятой для концертовъ формѣ. Онъ должны были обходиться безъ помощи оркестра и зависѣли единственно отъ игры пианиста, который одинъ отвѣчалъ за ихъ успѣхъ или неудачу. Первые сочиненія Майера состояли преимущественно изъ этюдовъ, рондо и вариаций на извѣстные мотивы. Многія, почти всѣ, эти пьесы были прелестны, и если никогда не достигали онъ до степени высокаго, зато никогда не унижались до тривіальнаго. Въ нихъ всегда господствовали вкусъ и изящное; онъ были въ большой милости у публики; но онъ боялся, что можетъ-быть, публика найдетъ, что форма ихъ слишкомъ легка, размѣръ слишкомъ сжатъ, и что оттого имъ невозможно являться безъ посторонней помощи передъ большою массою знатоковъ. А между-тѣмъ инныя изъ этихъ пьесъ были бы великанами сравнительно съ пустяками, которые теперь играютъ въ концертахъ. Впослѣдствіи, онъ сочинилъ нѣсколько концертовъ, въ которыхъ оркестръ всегда игралъ главную роль; но сначала онъ ограничивался выборомъ чужихъ пьесъ, самыхъ блестящихъ, самыхъ эффектныхъ, чтобы выставить въ нихъ талантъ свой съ самой выгодной стороны. Тутъ были сочиненія Крамера, Фильда, Мотелеса, Калькбреннера, наконецъ Гуммеля, послѣднія созданія чужой фантазіи, усвоенныя пальцами Карла Майера, предшественники собственныхъ его твореній, которыя наконецъ созрѣли и, по мнѣнію самого композитора, могли достойно явиться въ свѣтъ.

Благодаря Майеру, мы въ первый разъ услышали прекрасныя сочиненія Гуммеля, впослѣдствіи пріобрѣвшія популярность. Кто ихъ не знаетъ? Кто въ молодости не слышалъ концерта въ *la-minore*? Кто не помнитъ его подъ пальцами своей матушки, тетушки, и, можетъ-быть, даже бабушки? Гуммель получилъ такой же полный успѣхъ, какъ и отличный его истолкователь; но какъ композиторъ находился далеко, а исполнителя видѣли всѣ, то вънецъ музыкальный достался ему одному, безъ раздѣла: ему сыпалась

и рукописканіе, и барыши. Майеръ, чрезвычайно доводившій успехомъ, не заставляя долго упрашивать себя о повтореніи, и въ послѣдующихъ концертахъ игралъ, съ рѣдкимъ совершенствомъ, прекраснѣйшія піесы Гуммеля, и такимъ образомъ распространилъ его имя и славу въ Петербургѣ.

Ф. Гуммельъ начали толковать; узнали, что это великій талантъ; что сочиненія его прекрасны и пользуются большою извѣстностью; но этого было недостаточно: надо было убѣдиться въ справедливости сказаній, и Майеръ, кажется, началъ доказывать на на-дѣлѣ. Самъ онъ и его прозелиты и подражатели ревностно разучивали сочиненія великаго музыканта, имѣвшія единодушный и заслуженный успѣхъ, и они распространялись очень быстро. Въ короткое время, Гуммельъ сдѣлался дорогъ всѣмъ адептамъ фортепіано, заставляя не только ихъ пальцы, но также и мысли. Захотѣлось видѣть вблизи того, къ кому восхищались издали. Это было не очень выгодно тому, кто такъ старался быть представителемъ отсутствующаго. Карлъ Майеръ увидѣлъ, что онъ ужь слишкомъ усердно трудился для чужой славы. Мысль эта начинала беспокоить его. Съ нѣкотораго времени распространился слухъ, что Гуммельъ ѣдетъ въ Петербургъ. Слава его росла съ каждымъ днемъ; слухи, часто противорѣчивые, заставляли еще болѣе говорить о немъ и забывать того, кто первый прославилъ его между нами.

Карлъ Майеръ разсердился, подобно Вольтеру, который, познакомивъ Французовъ съ Шекспировъ, потомъ бранилъ ихъ за восторгъ, оказываемый ими твореніямъ англійскаго поэта въ ущербъ славы собственныхъ его сочиненій.

Какъ бы ни были различны мнѣнія о личности, чуждости, умѣ и сердцѣ Гуммеля, однакожъ всѣ соглашались въ томъ, что композиторъ такихъ прекрасныхъ піесъ долженъ быть, по-крайней-мѣрѣ, человекъ замѣчательный и, очень вѣроятно, прекрасный. Благодаря Карлу Майеру, такъ хорошо приготовившаго торжество его, еще усерднѣе прежняго разучивали сентуоръ, концерты, варіаціи, рондо великаго музыканта, чтобы достойно принять его и доказать, что знакомы съ его произведеніями. Напрасно

Майеръ увѣрялъ утѣнцъ, что все уже изучено ими прекрасно и что можно перейти къ другимъ пьесамъ; напрасно предлагалъ собственные свои сочиненія и рекомендовалъ новости: ему отвѣчали тѣми же словами, какими еще такъ недавно выражался онъ самъ, и продолжали разучивать пьесы того, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣнiемъ.

Неприятель приближался; надо было сдѣлаться его другомъ, вмѣсто того чтобы вести войну, которой успѣхъ былъ сомнителенъ: потому что и побѣда и отступленiе казались равно невозможными.

Мудрый Гуммель путешествовалъ не торопясь; останавливался на дорогѣ; не располагалъ долго пробывать въ нашемъ городѣ и, разувѣтая, всего меньше думалъ о томъ, чтобы вредить кому бы ни было. Онъ прїѣзжалъ собственно для себя, а не для другихъ. Это былъ талантъ спокойный и твердый въ своей орбитѣ, который не предпринималъ ничего выше своихъ средствъ и извлекалъ лучшее изъ того что ему дано.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ Петербургъ, Гуммель сдѣлалъ намъ визитъ и, черезъ нѣсколько дней потомъ, обѣдалъ у насъ въ домашнемъ кругу. Гуммель былъ человекъ уже созрѣвшій и лѣтами и опытомъ. Въ особѣ его не было ничего привлекательнаго, зато не было ничего и отталкивающаго: это были совершенная простота, чистый талантъ безъ всякихъ украшенiй и декораций. Казалось, что онъ осторожно извлекъ изъ своей особы всю поэзію, все изящное, весь вкусъ, всю грацію, которые были дарованы ей, и сложилъ въ свою музыку, не отдѣливъ ни малѣйшей частицы для другаго употребленія.

Въ домѣ моихъ родителей существовалъ обычай вводить иностранныхъ артистовъ въ семейный кругъ и съ перваго шагу дѣлать ихъ своими людьми, а не собирать около нихъ праздную и любопытную толпу, которая часто произноситъ свой приговоръ по одной наружности, разноситъ слухи, не заботясь, будутъ ли они въ пользу или во вредъ артисту, критикуетъ, не развязывая кошелька, и считаетъ ненужнымъ платить даже и за свое восхищеніе. Такое короткое знакомство завязывалось съ самыми лучшими же-

лавины для артиста, но не всегда оказывало ему услугу; потому что, на этой тѣсной аренѣ, онъ иногда бывалъ не въ своей сферѣ, будучи принужденъ выказывать себя сперва свѣтскимъ человѣкомъ, прежде чѣмъ могъ выказаться какъ человѣкъ съ дарованіемъ.

— Въ Гуммелѣ бросилось въ глаза только одно — совершенное спокойствіе, господствующее и во всѣхъ его произведеніяхъ. Не было въ немъ ни эксцентричества, ни грубости, ни мечтательности, ни меланхоли, ни одного изъ элементовъ, съ которыми производить музыку живописно, интересно или оригинально.

Обѣдъ прошелъ тихо; музыкантъ болѣе отвѣчалъ, нежели самъ говорилъ, но отвѣчалъ съ здоровымъ смысломъ и стремимую учтивостью. У него былъ умѣренный аппетитъ, не пренебрегавшій тѣмъ, что ему предлагали; такая же точно умѣренная жажда, и, при удобномъ случаѣ, онъ навелъ рюмку своему сосѣду или сосѣдкѣ. Ему было тогда лѣтъ сорокъ. Наружность его была такая добрая, честная, что никто не рѣшился бы назвать его дурнымъ, хотя, очень можетъ статься, онъ приближался къ этому званію. Вѣрно то, что онъ не былъ красавцемъ. Онъ былъ едва средняго росту, сутуловатъ, съ очень обыкновенными чертами лица, съ руками неуклюжими, съ тѣми же толстыми и коротенькими пальцами, какъ и вся его фигура. Тотчасъ послѣ обѣда, начали разсматривать фортепiano. Не удивительно, что этотъ инструментъ дѣлается съ каждымъ днемъ популярнѣе. Часто называютъ его неблагодарнымъ, и однакожъ кому изъ своихъ знакомцевъ отказываетъ онъ въ услугѣ? кого не вознаграждаетъ — и какъ щедро! — за усердіе?

Гуммелъ, не заставляя, ни упрямить себя, ни ждать удовольствія, которое онъ могъ доставить, сѣлъ за фортепiano, съ тою же простотой, какою отличались всѣ его дѣйствія. Но онъ блисталъ, въ особенности, не какъ пианистъ, а какъ композиторъ и импровизаторъ; игра его была скорѣе вдохновенная, нежели выработанная; видно было, что онъ занимался болѣе тѣмъ, что думалъ, нежели тѣмъ, что дѣлалъ. Онъ не сыгралъ намъ ни одного своего сочине-

ннй: онъ импровизировалъ, но не на данныхъ нотавъ, какъ это болѣею частью случается; не пассажи и модуляци, находящіяся подъ пальцами почти каждаго пѣаниста; а собственныя свои мысли. Гуммельъ выражалъ ихъ въ стилѣ легкомъ, простомъ, и всегда изящномъ, съ тѣмъ тонкимъ интуитомъ, какой замѣтенъ во всѣхъ его произведеніяхъ, которыя можно играть, не ломая ни головы ни пальцевъ.

Онъ далъ, вскорѣ и съ болѣеимъ успѣхомъ, нѣсколько концертовъ, но особенно восхитилъ импровизаціями. Сочиненія Гуммеля, которыя петербургская публика уже знала почти наизусть, не нуждались въ его комментаріяхъ, чтобы казаться прекрасными, и онъ очень немного прибавилъ къ ихъ славы.

Между-тѣмъ Майеръ не терялъ времени. Давая уроки, онъ усердно везвозносилъ своего друга Гуммеля, говоря, что онъ нравится ему до безконечности, что онъ превзошелъ его ожиданія... Годы легко пролетѣли надъ головою Майера. Онъ былъ еще молодъ, любилъ потавцовать, и не возражалъ, если какого-нибудь артиста называли милымъ человѣкомъ; особенно, когда рѣчь могла относиться къ нему самому. Онъ представлялъ разительную противуположность съ Гуммелемъ, осторожнымъ въ приемахъ, простымъ въ разговорѣ, уморительномъ въ пальцахъ, который не могъ соперничать съ перстами Карла Майера, бѣлыми какъ слоновая кость. Притомъ же онъ рѣшительно ничего не потерялъ отъ сравненія съ Гуммелемъ, и по весна простой причинъ: никто и не думалъ сравнивать его съ авторомъ Сонатуры и Концерта въ *la-mi-mi-mi-mi*. Гуммельъ, съ своей стороны, былъ въ восхищеніи отъ молодого артиста, и можетъ-быть потому болѣе и цѣнилъ качества его игры, доведенныя до совершенства, что у великаго композитора они были только второстепенными. Впрочемъ, игра Гуммеля была такъ богата, что онъ могъ, не разоряясь, уступить ему привилегію на хроматическія гаммы.

Съ вѣрнымъ тактомъ искуснаго музыканта, Майеръ умѣлъ извлечь выгоду изъ обстоятельствъ и ловко повернуть ихъ въ свою пользу. Приближался его концертъ. Какой удобный случай доказать, что онъ друженъ съ великимъ человекомъ.

и не боятся выйти съ нимъ на состязаніе! Къ великому счастью для Майера, Гуммельъ сочинилъ прекрасную сонату для четырехъ рукъ, которая тогда еще не была такъ извѣстна софиту, какъ послѣ. Наде же было познакомиться съ нею петербургскую публику: но какимъ образомъ? Гдѣ найти втораго пианиста для такого прекраснаго произведенія, если даже первый не смѣлъ бы рѣшиться на такое дѣло безъ ободренія автора. Потунивъ глаза, съ робкою, смиренною снисходительной, Майеръ сказалъ Гуммелю, что счелъ бы за послыханную честь участвовать въ концертѣ съ такимъ великимъ музыкантомъ, возлѣ котораго, онъ, Майеръ, не болѣе, какъ ученикъ, но что слава Гуммеля заблестѣла бы еще лучезарнѣе, еслибъ онъ не отказался быть руководителемъ юности и неопытности, которая жаждетъ его совѣтовъ, обращая взоръ къ его живительнымъ лучамъ, и желая воспользоваться мастерскимъ его примѣромъ. Просьба охотно была исполнена. Гуммельъ игралъ свою сонату въ концертѣ Майера, уступивъ ему первое мѣсто, хотя самъ не могъ занимать втораго. Соната, какъ и слѣдовало ожидать, имѣла огромный успѣхъ; зала была набита биткомъ: а это и главное. Весь успѣхъ Майеръ приписалъ своей игрѣ, выросъ въ собственномъ мнѣніи и предполагалъ, что это же послѣдовало съ нимъ и во мнѣніи прочихъ. Гуммельъ, къ впадшему счастью нашего пианиста, уѣхалъ очень скоро, по-крайней-мѣрѣ такъ казалось всѣмъ, знавшимъ его. Онъ отправился въ Москву, гдѣ прожилъ нѣсколько времени.

Такъ кончилось посѣщеніе, возбуждившее столько любви и опасеній. Оно оставило слѣды только въ воспоминаніи, правда, невидимые и неослаемые, нѣсколько похожіе на буквы, когда чернила уже совершенно поблѣднѣли; но черты эти все же существовали, и только ждали случая, чтобы опять явиться глазамъ. Случай этотъ вскорѣ представился.

Въ слѣдующемъ году предстало живое воспоминаніе о Гуммелѣ, въ лицѣ любимаго его ученика, котораго онъ образовалъ съ особеннымъ удовольствіемъ и рекомендовалъ всѣмъ, кто хотѣлъ считаться его другомъ. Дурно принять

Шоберлехнера значило бы показать, что забыли Гуммеля и не хотят быть въ числѣ его почитателей.

Въ первые дни по приѣздѣ, Шоберлехнеръ явился къ намъ. Когда артистъ является, прежде всего видишь въ немъ человека. Шоберлехнеръ былъ высокаго росту, сутулосватъ, неуклюжий, съ большими и длинными руками, смуглый; черты его не отличались ни тонкостью, ни правильностью; голосъ былъ хриплый, манеры мелочкя, и если его дѣла, соответствовало его перьямъ, какъ въ баснѣ «Ворона и Лясыца», то онъ вовсе не былъ созданъ кушать сыръ на атомъ сѣтѣ. Но вѣдь и соловей не красавецъ, а ему нѣтъ соперника. Видѣть Шоберлехнера былъ непродолжителенъ, и разговоръ вертѣлся на Гуммелѣ, сюжетъ известномъ ему наизусть. Шоберлехнеръ общалъ батюшкѣ прійти на дняхъ обѣдать. Назначили день. Теперь-то думали мы, услышавъ его, и ждали этой минуты съ нетерпѣннѣмъ любопытствомъ, даже какимъ-то страхомъ, хоть поглядимому, нечего было опасаться. Но вотъ причина опасеній. Въ домѣ у насъ было нѣсколько ученицъ Майера, и хотѣ онѣ не могли похвалиться усерднѣмъ учителя, однакожъ не знали ничего выше его. Онѣ, поэтому, принимали живое участіе въ его успѣхѣхъ и не хотѣли, чтобы кто другой превзошелъ ихъ наставника. Врагъ предсталъ, по условію. Очевидно, Шоберлехнеру хотѣлось, чтобы его удрашивали; желаніе это было исполнено, и, послѣ обѣда, онъ сѣлъ на фортепіано и сыгралъ нѣсколько пѣсь своего сочиненія. Ничто не было такъ похоже на него, какъ эта игра и пѣсы, которыя мы слышали. И тому и другому одинаково недоставало dokonченности, изящества, жемчужности, къ которымъ мы привыкли. Наружность не обманывала. Мы тѣмъ болѣе убѣждались въ этомъ, чѣмъ болѣе всматривались. Игра — къ сожалѣнію должно признаться — не ородвала насъ. Прославленный ученикъ Гуммеля игралъ во многихъ домахъ, и почти вездѣ произвелъ то же впечатлѣніе какъ у насъ. Шоберлехнеръ былъ однакожъ предтечею Таддберговъ, Плейельшь, Борершь, Дрейшюковъ, Леопольдовъ Фоль-Мейеровъ и всего прихода громовержцевъ обоюго пола, производителей буръ, трескотни и шуму на плавитурѣ,

исобрѣтѣнной лоски инструментовъ и разрушенія ушей
 жаль ударами эффектовъ и энергической выразительности.
 Въ рукахъ его фортепіано перераждалось. Изъ тихихъ и
 скромныхъ, они становились сердитыми и грозными. Спѣсь,
 честолюбіе и смѣлость только-что поселялись въ эти лица-
 нахъ. Шюберлехнеръ потребовалъ первый, чтобы форте-
 піано были, не какъ-можно по-слаще, не какъ-можно
 не-сильнѣе и по-громче. Съ этой поѣздки стали вооружать
 ихъ желѣзными и мѣдными полосами и балками, утолщать
 доски, натягивать каматныя струны. Это не могло, безъ
 привычки, понравиться ушамъ, привыкшимъ къ легкой,
 шемтежной, ласкающейся игрѣ Фильдовъ и Майеровъ. Мы
 не поняли Шюберлехнера и рѣшили, что онъ не понимаетъ
 фортепіанъ.

Концертъ Шюберлехнера приближался. Успѣхъ его жа-
 лся сомнительнымъ. Майеръ не говорилъ ни слова, но
 знаменательно потиралъ руками, выточенными изъ бѣлени-
 наго мрамора.

Въ эту же замку гостила въ Петербургѣ чета, о которой
 можно сказать, что ее гораздо любопытнѣе было видѣть
 нежели слышать: скрипачъ Бушѣ, и его жена, піанистка и
 арестистка. У обоихъ былъ прекрасный талантъ, и они не-
 могли бы употребить его въ основаніе своей музыкальной
 каріеры; но, играя соло на скрипкѣ, Бушѣ рассчитывалъ
 особенно на свою наружность, въ которой находилъ онъ
 удивительное сходство съ наполеоновскою; складывалъ
 крестникомъ руки на груди, надвигалъ на глаза шляпу, и
 придавалъ своему лицу выраженіе столь глубокомысленнаго,
 что походило на великаго человѣка. Публика смотрѣла на
 него съ любопытствомъ, и даже не справлялась о скрипкѣ.
 Мадамъ Бушѣ, владея двумя очень замѣчательными дере-
 вянными, садилась разомъ за два инструмента и кудесничала.
 Правую рукой скользяла по фортепіано, а лѣвою щипала
 арфу. Въ эффектъ не было ничего музыкальнаго, потому
 что у каждого инструмента отнимали половину его де-
 сценозности. Дѣлая рука, въ тѣ времена, еще не разлучалась
 съ другою подружкой, чтобы производить чудеса, и черемъ
 люди и шумѣли дѣлать, зато никому не нравятся. Въ

игрѣ мадеамъ Бушѣ было много граціи, вкуса, выразительности, и когда она употребляла ихъ кетати, то получала единодушный и заслуженный успѣхъ: вопреки терла все въ общемъ мнѣніи, въ минуты несчастнаго соединенія двухъ инструментовъ, которое отзывалось чѣмъ-то балаганщицъ. Бушѣ также превосходно игралъ на скрипкѣ; у него довольно было и тенлоты, и одушевленія, и выразительности, и, по-временамъ, онъ сильно увлекалъ слушателей; но тогда голова начинала у него ходить кругомъ; въ пылу игры онъ принимался выдѣлывать фокусы и фарсы—встрѣла на годовѣ, на плечѣ, за спиною, подъ колѣномъ, и такъ далѣе. Публика осуждала жаръ и увлеченіе артиста еще болѣе, нежели его жесты и позы. Хотѣли, чтобы онъ держался прямо; чтобы разсудокъ и спокойствіе управляли его скрипкой; порицали безъ разбору и корошее и дурное; тому и другому давали названіе, только одинъ разъ шло ста примѣняемое вѣрно, шарлатанизмъ.

Въ то время, вовсе не очень отдаленное отъ насъ и на самомъ дѣлѣ, и которое кажется намъ уже сѣдою старинной только потому что многое послѣ него перемѣнилось, почти во всемъ любили симметрію, изгнанную теперь за неудобствомъ и бесполезностью. По обѣимъ сторонамъ дивана стояло по двое кресель, потомъ еще пара въ углахъ, потомъ дюжина или полторы дюжины стульевъ, смотря по величинѣ комнаты. Если съ однимъ случилось несчастіе, его тотчасъ возстановляли въ прежнемъ видѣ или же заказывали такой же новый, для пополненія комплекта, для порядка и симметріи комнаты. Банты изъ ленты развѣшались циркулемъ; число ихъ и цвѣта обсуживалось по всемъ правиламъ классицизма. Когда въ первый разъ соединили въ одномъ тоилетѣ зеленый цвѣтъ съ голубинымъ, было объявлено въ газетахъ, что, наконецъ, побѣдили предрасудокъ. Свѣтъ не хотѣлъ вѣрить такому дерзкому нарушенію приличій. Если давали концертъ, то представленіе начиналось непременно піесюю, называемою concertô, съ полнѣмъ оркестромъ, и оканчивалось варіаціями, изъ которыхъ послѣдняя обязана была быть очень блестящею, для показанія ловкости концертниста. Въ устройствѣ, числѣ и

объёмъ концертовъ соблюдались строжайшія правила, и, за исключеніемъ весьма немногихъ, всё они давались Великими-Шестомъ, по одному въ день, не толкая одинъ другаго; отчего, неизбежно, многіе изъ нихъ падаютъ. Каждый день являлось на аренѣ имя какого-нибудь извѣстнаго артиста, и почти всё они принадлежали къ оркестру Большаго-Театра: Бизъ, Мауреръ, братья Бендеръ, Мейнгардъ, братья Готель, Даллоки, и разные другіе. Всѣ эти концерты были одного мѣтро, одного размѣра, и по талантамъ, и по выбору пьесъ, и по ряду музыки. Во всемъ этомъ не было ни привлекательной новости, ни чего-либо возбуждающаго любопытство, однакожъ публика аккуратно посѣщала концертыя залы, по обязанности званія публики, изъ приличія, и отнюдь не для того чтобы встрѣтиться съ знакомыми. Цѣны были скромныя, концерты не обманчивы: по-крайней-мѣрѣ зналъ навѣрное, что въ нихъ найдешь; въ залѣ, большей-частью, рукоплескали симметрически. Только одинъ концертъ отличался отъ множества прочихъ, и имѣлъ цѣль, принадлежавшій ему одному, именно, концертъ Майера. Серебряный тѣмбръ его инструмента, звукъ этихъ колокольчиковъ, которые такъ сладко звенѣли, толпы ученицъ, жода, все это придавало его дню какой-то праздничный видъ. Кромѣ того, концерты въ пользу вдовъ музыкантовъ и, особенно, благотворительныя, всегда возбуждали общее участіе и составлялись изъ всего лучшаго. Если же на чужомъ огороженномъ полѣ, въ которомъ каждый уголокъ имѣлъ свое опредѣленное назначеніе, забирался незванный чужакъ, то ему надо было — какія бы сокровища не хранились въ его головѣ и сердцахъ — идти очень осторожно, чтобы не сломать себѣ шеи. Это доказали и Гуммель и Вупфъ. Жаръ, душа, увлеченіе, выраженіе игры Гуммеля восторгивали, опираясь на твердыя основы славы; у Вупфъ, въ же стихія, рассчитывавшія на успѣхъ побрянушекъ, не удалась и заслужили названіе гаерства и аффектаціи.

Насталъ день концерта Шоберлехнера и, какъ слѣдовало ожидать, публика собралась многочисленная, не потому именно, чтобы онъ обещалъ большое удовольствіе; но потому что онъ не могъ не идти; другихъ привлекла

новость, третьихъ желаніе увѣриться, что новый артистъ не стоитъ ихъ любимца, Карла Майера; остальные были увлечены приличіемъ. Шоберлехнеръ дебютировалъ прекраснымъ менцартомъ, своего сочиненія, который походилъ на него гораздо менѣе, нежели всѣ другія его произведенія, и нѣсколько напоминалъ, что у композитора былъ великій учитель. Что же касается игры, то въ ней нельзя было обидеться: каждая нота была его собственная, и онъ обошелся безъ посторонней помощи. Человѣкъ отражается весь въ своей игрѣ, какъ въ зеркалѣ, даже когда онъ копируетъ другаго человѣка. Но въ одномъ зеркалѣ лицо кажется хуже, а въ другомъ лучше; то же случается и съ инструментальными зеркалами; предметъ имѣняется, смотря по тому какъ онъ поставленъ. Иногда зеркало скрываетъ легкіе недостатки; но часто также не даетъ видѣть красоту, довольно замѣтныхъ. Шоберлехнеръ чрезвычайно много выигрывалъ, если слушали, или, если угодно, смотрѣли его нѣсколько издали. Тогда было не такъ замѣтно отсутствіе точности, изящества, кружевныхъ прикрасъ, этихъ маленькиихъ бриллантовъ, которые надо вблизи разглядывать. Тогда отличительныя черты его игры, сила, энергія, не оглушала, а только изумляла слушателей, какъ изумляетъ все, достигшее извѣстной степени совершенства. Можетъ, Шоберлехнеръ и самъ зналъ, что онъ не красивъ, не въ силахъ издѣлать своею личною граціей. Можетъ-быть также, сожалѣніе о недостаткахъ примѣшивалось къ его мыслямъ, и производило то чувство, которое, ничего не отнимая у ясности игры, сообщало ей наиболѣе выраженія. Усиліе Шоберлехнера было тѣмъ замѣчательнѣе, что было неожиданнымъ; можно сказать, что онъ былъ громоздъ, какъ его игра, трещащая подобно грозу на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ часто слышали вѣянье зефировъ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ широкими и массивными размѣрами игры Шоберлехнера, игра Майера казалась только прелестною миниатюрой, которой, въ минуту увлеченія, забыли прибавить этотъ эпитетъ, заслуженный ею по всей справедливости. Однимъ прилагательнымъ больше или меньше не джжется, не важная вещь, однакожь, иногда оно

защиты въ жизни и игрѣ человѣка. Публика была несправедлива къ Шоберлехнеру, осужденному прежде, нежели его узнала; и теперь, чтобы загладить свою ошибку, она сдѣлалась несправедливою къ Карлу Майеру, котораго уже знала наизусть. Удивленіе къ нему встрѣтило оппозицію. Обѣ стороны хотѣли доказать, что онѣ правы. Спорили, есорились, бранились, одни за Майера, другіе за Шоберлехнера, то расходились въ мнѣніяхъ, то мирились, во вредъ прежнему герою. Можно было не роптать на время, когда два піаниста дѣлили между собою поприще, на которомъ теперь ихъ дюжины, и все-таки достается имъ много дѣла. Однакожъ Майеръ не былъ доволенъ; емъ находилъ этого соперника совершенно бесполезнымъ, и удивлялся, что публика могла противопоставить ему другаго артиста, или почувствовала потребность въ этомъ прибавленіи. Въ прошломъ году не было ничего такого; присутствіе Гуммеля не обнаружило ни малѣйшаго вліянія на его положеніе, не дало повода ни къ какому невыгодному сравненію. Разрѣслась молва, что Шоберлехнеръ останется въ Петербургѣ и будетъ давать уроки, и уже готовилась не одна измѣна. Правда, измѣны эти вредили только самолюбію, а вовсе не кошельку того, кому хотѣлось остаться единственнымъ хозяиномъ поля. Но измѣнницы ошиблись въ намѣреніяхъ Шоберлехнера. Онъ пробылъ въ Петербургѣ ровно столько времени, сколько надо было чтобъ дать нѣсколько концертовъ, имѣвшихъ, всѣ, блистательный успѣхъ, и одержать побѣду надъ молоденькой и хорошенькой пѣвицей, Далоккою, которая вскорѣ сдѣлалась его женою и знаменитою примадонною.

Немного спустя послѣ Шоберлехнера, мы слышали піаниста, бывшаго почти непосредственнымъ его преемникомъ, и по положенію, какое хотѣли дать ему, и по безсонницѣ, какую послалъ онъ не одному восторженному сердцу, и по снарамъ, которые возбудилъ, и по качествамъ, которые были доведены у него до совершенства, или которыхъ ему не доставало.... Но для чего говорить о тѣхъ, кого мы еще слышимъ, къ которымъ еще восхищаются, кто еще не обратился для насъ въ воспоминаніе?...

Гораздо пріятнѣе мнѣ еще разъ возвратиться ко времени нашъ отдаленнымъ, и пополнить пропускъ, котораго, вѣроятно, вы не замѣтили, хотя я часто думала о немъ, пока писала. Я говорила о многихъ знаменитостяхъ, которыхъ знала вблизи, и однакожь не упомянула о звѣздѣ первой величины, между-тѣмъ какъ ее имя еще и теперь живетъ въ устахъ, и блескъ этого имени не померкъ, хотя на горизонтѣ послѣ явилось много другихъ замѣчательныхъ свѣтилъ. Но я оставила Каталани всторонѣ не по разсѣянности, не по небрежности, а потому — къ великому сожалѣнію — что я не слышала, даже не видѣла ее. Прежде всего, я была еще ребенкомъ, когда она пріѣхала сюда, и я не могла бы судить о великомъ талантѣ или, быть-можетъ, удивительномъ горлѣ, которое заключало въ себѣ голосъ, до-тѣхъ-поръ не находившій себѣ равнаго. Но въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣнія еще не подчиняются разсудку, они бываютъ чрезвычайно живы, и жалъ, что мнѣ не удалось сохранить впечатлѣніе, оставленное талантомъ, главное достоинство котораго заключалось въ томъ, что дано ему природа, и который нѣсколькими звуками чуднаго голоса, соловьиною гортанью, увлекалъ, ослѣплялъ, очаровывалъ, плѣнялъ слушателей. Искусство тутъ служило болѣе для округленія, для дополненія врожденныхъ сокровищъ. То, что Каталани приобрѣла, можетъ-быть, трудомъ, говорила, не могло сравниться съ тѣмъ, что получала она даромъ, безъ всякаго съ своей стороны усилія. Вотъ отчего, не тратя времени на ученіе, которое, какъ полагали, мало прибавило бы къ тому, чѣмъ она уже владѣла, Каталани путешествовала по свѣту съ очень ограниченнымъ репертуаромъ. Однакожь каждая нота привлекала къ ней сердца, каждый пассажъ былъ источникомъ легкаго и вѣрнаго торжества. Слѣдовательно тутъ были большой умъ и большее искусство; но, видно, они были не того покрою, который тогда считался за правильный и надлежащій, и «знатоки» не призывали ихъ вовсе. Для знатоковъ все должно быть такъ, какъ они знаютъ; а если что не такъ, то они и знатъ не хотятъ. Поэтому они и знатоки. Тогда, какъ и теперь, какъ и всегда, у нихъ существовали строгіе предразсудки

то есть, правила, законы, которые должны держать музыку и Музыкантовъ въ предѣлахъ условленнаго порядка, не давая стаду разбѣгаться направо и налево. Они и не думали, что эти правила, составленныя ими для массы, могутъ быть измѣнены или допускать исключенія тамъ, гдѣ законы издаётъ сама природа. Великіе таланты, съ естественными органами, являются не часто; иначе, ихъ не отличали бы отъ толпы. И оттого, что они не многочисленны, развѣ можно имъ запрещать имѣть свой обычай, пріемы, взгляды, чувства, сферу дѣйствія, не такіе какъ у другихъ, но соответствующіе ихъ природѣ, нуждамъ и способностямъ?

Странно признаться, но вотъ почему я ни видѣла, ни слышала Каталани. Противъ нея существовало въ нашемъ кругу сильное предубѣжденіе; думали, что она употребляетъ соло не такъ, какъ бы слѣдовало, что она не умѣетъ употреблять драгоцѣнный даръ, который достался ей между тысячами, между миліонами существъ, и принадлежалъ безраздѣльно; что она, однимъ словомъ, не умѣетъ пѣть и должна еще учиться. Говорили, что она соритъ сокровищами, откладываетъ въ сторону всякую принужденность, слѣдуетъ единственно своей волѣ, злоупотребляетъ искусствомъ къ величайшему вреду для него, ослѣпляетъ пустымъ блескомъ до такой степени, что неудержимый потѣкъ, по которому неслась она, принимаютъ за вѣрвѣйшую в лучшую дорогу. Сколько разъ говаривали это и еще будутъ говорить, хотъ не охладятъ энтузіазма къ гению или необыкновенному таланту! Толпа совѣмъ не такая слѣпая, какъ ученымъ кажется; если иногда и бродитъ на удачу, то, вѣроятно, равнина, на которой она заблудилась, прелестна и красотою своими отвлекла ее отъ старой, давно проложенной дороги, къ другой, ведущей не извѣстно куда.

И такъ, у насъ отказывали себѣ въ огромномъ удовольствіи, въ несомнѣнномъ наслажденіи, примѣняя къ случаю идею, вовсе ему несвойственныя. Но вѣдь часто бываетъ, что новость, къ которой не приготовлены, застаётъ мудрейшихъ врасплохъ. Чѣмъ болѣе укрѣпились понятія, тѣмъ медленнѣе перемѣняютъ они свое мѣсто. Глубокіе корни

вырывать труднѣе, нежели молодыя растенія, которыя легко растутъ, цвѣтутъ и приносятъ тотчасъ же плоды на той почвѣ, куда пересажены. У насъ понятія не вертѣлись какъ флюгеръ: музыка тутъ сидѣла твердо на своей каедрѣ и ее слушали какъ учительницу; обходились съ нею почти-тельно; охраняли ея преимущества; защищали ее отъ всякаго незваннаго вторженія: и горе тому, кто осмѣливался поднять на ея законы руку! Надо было ему или имѣть слишкомъ много счастья, или быть самымъ несчастнымъ, чтобъ получить прощеніе. Если и закрывали глаза, если извиняли, въ видѣ особеннаго исключенія, то отнюдь не отъ имени музыки: причина этой благородной снисходительности, которую называли слабостью или предосудительною уступкою, была совсѣмъ другая: преступленія противъ музыки прощались только въ тѣхъ случаяхъ, если артистъ былъ бѣденъ или умѣлъ загладить ихъ пріятностью своего ума. Притомъ же, случаи къ выказанію такого безусловнаго усердія къ музыкѣ представлялись не часто: каждый зналъ, какія мнѣнія господствовали въ домѣ, и напрасно было писать надъ дверями: «Запрещается говорить здѣсь противъ Гайдна, Моцарта и Баха.» Впрочемъ, не думайте, что музыка у насъ поглощалась вся этими тремя именами: здѣсь съ уваженіемъ произносились и другіе имена, и усердно исполнялись сочиненія Пэра, Керубини, Глука, Чимарозы, Мендельса, и другихъ; слушали оперы, посѣщали концерты, любили все прекрасное, хотя и всего болѣе любили правила. Музыка спокойно жила и процвѣтала въ этомъ тепломъ убѣжищѣ; пускала ростки; и всѣ члены семейства ухаживали за ней съ любовью и заботливостью. Пюпитры аккуратно являлись на своихъ мѣстахъ; фортепіаны не умолкали подъ пальцами, то сильными, то легкими, по посредственнымъ. Пріѣзжіе артисты пополняли рядъ воспоминаній, возраставшій съ каждымъ годомъ; второстепенныя пѣвицы того времени — Сесси, Линденштейнъ, Вильде — не знаменитыя, но воспитанныя въ строгой школѣ, каждый годъ репетировали здѣсь великія музыкальныя произведенія — *Сотвореніе міра* — *Время года*, Гайдна — *Stabat mater*, Перголезе. Все это шло кру-

гло, тихо спокойно, доставляло множество наслаждений и позволяло забывать горести и несчастія. Въ прелестной атмосферѣ музыки царствовало глубокая тишина, и легонькія стучки, которыя тотчасъ же кончались мимомъ, еще болѣе подтверждали ея ненарушимость. Но посреди этой совершенной безопасности, когда, казалось, не надо никакихъ предосторожностей, вдругъ разразилась вдали страшная гроза. Ударъ былъ такъ силенъ, что отозвался во всѣ стороны, и всѣ, волей и неволей, двинулись по направленію силы, перевернувшей вверхъ-дномъ старый музыкальный міръ.

Искра, воспламенившая этотъ пожаръ, возбуждавшая яростныя войны, взлетѣла посреди самого чистаго неба, въ странѣ, которая вдохновляетъ поэтовъ, снится живописцамъ, приводитъ въ ужасъ нѣмецкихъ музыкантовъ, въ странѣ поэзіи, любви и аромата. Тамъ-то явился грозный, то есть, очаровательный непріятель, съ которымъ теперь примирились самые закоренѣлые его противники, послѣ утомительной войны положившіе оружіе. Кто, въ наше время, не прознался смертельнаго приговора музыкальному своему вкусу, осмѣлился бы назвать Россини неуждою, варваромъ, выскочкой, осломъ въ области музыки? Я была свидѣтельницей борьбы ученой старины съ этимъ гениемъ, который, пролагая новую дорогу, сбѣгалъ цвѣты, горстями бросалъ сокровища изъ рога изобилія, и, съ счастливой беспечностью, въ твердомъ убѣжденіи въ свою неистощимость, расточалъ свои богатства, не боясь разориться. Онъ понималъ, что средства его возобновляются въ то же время какъ онъ исчерпываетъ ихъ, и у него новыя, свѣжія и свѣтлыя, мысли безпрестанно являлись въ замѣнъ тѣхъ, которыя онъ спѣшилъ передѣвать и не могъ беречь для одного себя, потому-что онѣ должны были восхищать всю вселенную. Мысли эти явились легко, обильно, вездѣ находили предметы для пѣсни и вездѣ видѣли только прекрасную сторону природы. Мелодіи эти не всегда соответствовали выражаемому сюжету, потому-что онъ давалъ имъ болѣе прелести, граціи и ума, нежели, иногда, этого требовали люди и обстоятельства. Онъ слушался только себя; думалъ, какою

бы следовало быть ващи, а не какова она есть въ дѣйствительности; выражалъ перфидомыя чувства на недвукломъ языкѣ, и разливалъ умоенія, не спрашивая, хотятъ ли они на тѣ, какія употребляются другими. Да и зачѣмъ спрашивать? Зачѣмъ касаться общихъ благъ, когда самъ онъ получилъ такую огромную долю отъ природы? О! шаровательныя мысли, предестныя мелодіи! Васъ обвиняли въ томъ, что вы какъ змѣи обвилисъ вокругъ сердца, отутали память своими бархатными объятіями, ободствовали умы сладостными ласками! И сколько оскорбляли васъ, какихъ не взогали на васъ винъ, какъ не старались доказать, что вы цинтожны, заняли не свое мѣсто, должны стать наади тѣхъ, съ которыми никто изъ безпристрастныхъ, никто, обвороженный нашею своеправной, эадрной прелестію, не сомѣляли бы васъ сравнивать! Огромный и безполезный трудъ; однакожъ онъ пригодила, потому что утвердилъ ваша могущество. Чтобы выказать силу, падо было встрѣтить препятствія; чтобы восторжествовать съ необычайнымъ, падо было побѣдить обычные прадраудки; безъ невріателей, не съ кѣмъ бороться, не кого побѣждать, негда показатъ свой паревѣсъ. Однакожъ гений, возбуждавшій почти ненависть, болѣе чѣмъ негодование, своею неслышанною дерзостію въ нововведеніяхъ, былъ преслѣдуемъ во имя любви къ прекрасному, изъ уваженія къ другимъ, вовсе не похожимъ на него. Еслибъ Россіи явился въ музыкальномъ мірѣ первый, безъ предшественника, безъ совѣстника, когда еще не было ни системъ, ни понятій на-глухо укоренившихся, какое произвелъ бы онъ дѣйствіе, какой боялся бы онъ критики? Но и теперь развѣ не былъ онъ первымъ въ своемъ родѣ? Развѣ прарада производитъ гениевъ попарно, близнецами? Можно ли предпологать, чтобы человекъ, надѣленный такими рѣдкими и драгоценными дарами, былъ тѣною другаго, тогда какъ самъ онъ можетъ быть солнцемъ? По чѣмъ алѣдани могъ идти Россіи, когда самъ онъ открывалъ новые міры и населялъ ихъ своимъ творчествомъ? Сомнѣваться въ томъ, что могутъ родиться еще другой Моцартъ, другой Бетховенъ, значило бы сомнѣваться въ силѣ, которая пре-

привела этихъ великихъ людей, заслужившихъ такое справедливое удивленіе. И еслибъ родились эти другіе, неужели ограничили бы повтореніемъ своихъ образцовыхъ твореній и согласились бы быть копіями самихъ себя?

Несомнѣнно, что слишкомъ слѣпая привязанность къ любимому образу мыслей вводила въ эти странныя заблужденія. Часто намъ больше нравится сходство съ дурнымъ, нежели новое хорошее лицо, къ которому мы не привыкли. Зрѣніе и слухъ, долго устремленные на одинъ предметъ, сильно овладѣвшій ими, отворачиваются не охотно отъ него, и, встрѣтивъ другой, считаютъ почти за грѣхъ восхищаться тѣмъ, что не имѣетъ ничего общаго съ предметомъ ихъ любви и прежними впечатлѣніями. Ученымъ гораздо больше нравятся люди, отставшіе на дорогѣ, проложенной вѣдкими ихъ проводниками. Знатокъ думаютъ, что лучше тащиться за этими людьми гуськомъ, какъ бы ни была уродлива походка, нежели слѣдовать за тѣми, которые отлѣдились отъ вереницы и вышли на дорогу, открытую ихъ геніемъ. Въ нашемъ кругу не думали, что геній можетъ родиться еще подъ другимъ именемъ, будетъ отыскивать новый свѣтъ, и оставить старый въ добычу тѣмъ, которые ничего не въ состояніи открыть. Значить, чтобы цѣнить и любить прекрасное, усваивать его какъ свою собственность, не доводя любви къ дѣлу и глубокихъ познаній въ искусствѣ, тутъ еще нужны инстинктъ прекраснаго, и убѣжденіе, что не одно только то и хорошо, что мы доселѣ находили хорошимъ. Но я рассказываю старинныя исторіи. Я не смѣла бы даже говорить о нихъ, еслибъ не знала, что онѣ давно забыты. Теперь уже не вопіютъ противъ Россіи: знаютъ, что этимъ только стали бы срамить себя. Музыкальный арэопагъ единогласно присудилъ ему титулъ, равный его заслугѣ назвавъ его величайшимъ италіанскимъ композиторомъ. Но, признаюсь, этого кажется мнѣ мало; или я немножко привязчива, или у меня хорошіе глаза и видятъ далѣе того, что имъ показываютъ, но только подъ этимъ титуломъ я чувствую что-то похожее на критику, и вы сами увидите, что я немножко права. Название *величайшій композиторъ* годится, но въ словѣ *италіанскій* уже

видно нѣмецкое ограниченіе: композитора, который доставилъ столько наслажденій обоимъ полушаріямъ, со всѣхъ сторонъ обнесли заборомъ. Кчему эпитетъ «итальянскій»? Великій — и только! Что Шекспиръ, величайшій изъ *англійскихъ* поэтовъ, что-ли? Онъ великъ изъ великихъ. Шекспиръ, Рафаэль, Моцартъ, Шиллеръ, Бетховенъ, Россини и другіе, которыхъ напрасно здѣсь называть по именамъ — братья и соотечественники, составляютъ одну семью и происходятъ отъ одной крови. Что мнѣ за дѣло, на какомъ языкѣ они говорятъ, думаютъ, сочивяютъ, если созданія ихъ такъ прекрасны, если всѣ они мастерскія! Что за дѣло мнѣ, какая нація съ гордостью называетъ ихъ своими, если они украшаютъ собою всю ту сферу, къ которой принадлежатъ! Да и на какомъ основаніи Нѣмцы хотятъ насъ поработить исключительно своей *нѣмецкой* музыкѣ и запрещаютъ намъ любить откровенно итальянскую, если она намъ правится? Музыканты у насъ почти всѣ — Нѣмцы: и другихъ быть не можетъ, потому что они — самые дешевые, Они-то и полагаютъ на насъ безусловное удивленіе нѣмецкой музыкѣ. Но мы должны быть самостоятельными и показать имъ, что имѣемъ право одинаково понимать и почитать всѣ поэзіи звука, всѣ гениальныя произведенія инструментальной рѣчи, гдѣ бы они ни явились, и что Нѣмцами не хотимъ быть даже и по музыкѣ. Странно слышать въ великомъ Петербургѣ сужденія, которые были бы простительны только въ одномъ Лейпцигѣ. Нынче, правда, наши нѣмецкіе учителя позволяютъ намъ отдавать справедливость Россини, и даже перестали тревожить прахъ Беллини и Доницети; они больше не сдѣлаютъ имъ зла, а которое сдѣлали, того не воротить; всѣ средства употребляемыя противъ нихъ, оказались недостаточными, и только еще болѣе распространили заразу, отъ которой хотѣли насъ вылечить. Зачѣмъ нападать на тѣхъ, которыхъ нечего бояться и которые оставили поле битвы своимъ преемникамъ? Преемники! Вотъ гдѣ точка, на которую надо направить вражду и гоненіе. На это опасное мѣсто обязаны обратить все свое вниманіе усердные агенты настоящей, истинной, единственной му-

зыки. Скорѣй же, скорѣй, зажигайте маякъ возлѣ подводнаго утеса, называемаго Верди! Не приближайтесь, несчастные, бѣгите, не слушайте этой музыки: или вы погибли! Вы вдыхаете самый тонкій лѣдъ, и дотога быстрый, что онъ вдругъ овладѣетъ всѣми вашими органами! Волшебникъ этотъ смѣло беретъ за дѣло; онъ опытный мастеръ въ искусствѣ обольщать и торжествовать; умѣетъ обмануть такъ тонко, что вамъ никогда не угадать его плутовства. Онъ морочитъ васъ, губитъ, а вы, слушая его, считаете себя на верху счастья. Но мы, Нѣмцы, неуслынно наблюдаемъ за вашей безопасностью; слушайте нашъ голосъ, вѣрьте себя нашему опыту, нашей учености. Посмотрите на гирлянды фонарей, которые мы развѣсили съ цѣлью истинно-филантропическою; читайте эти лучезарныя критики; онъ гораздо лучше музыки, которая объясняется въ нихъ, и не годится для васъ. Въ нихъ-то самыя надежныя опоры для вашихъ невѣрныхъ шаговъ и заблудшихъ мыслей. Здѣсь, каждая черта, каждая страница—музыкальная мудрость съ комментаріями; здѣсь, всѣ непонятныя красоты становятся ясными, и то, что вы уже слишкомъ провознесли, низводится на свое низменное мѣсто. Видите съ какою мелочною точностью, съ какимъ неутомимымъ терпѣніемъ, мы указываемъ, гдѣ вамъ должно наслаждаться и гдѣ вы должны не вѣрить собственнымъ ушамъ? Ничто не останавливаетъ нашего рвенія — ни ваша холодность — ни ваша неблагодарность — ни упрямство, съ которымъ вы хотите оставаться въ слѣпотѣ. Намъ вознаграждаетъ убѣжденіе, что мы исполнили свой долгъ, и употребили всѣ старанія, чтобы показать истинно-прекрасное, которое въ одной только Нѣмечинѣ выдѣляется, и отдѣлать его отъ мишуры италійской.

Однакожь я не нахожу этого; я не довольна вашими трудами: они односторонны, и не удивительно, что не произвели осязательнаго дѣйствія. Чѣмъ подтвердите вы то, что такъ сильно стараетесь доказать? Чѣмъ выражаете вы свой восторгъ къ Моцарту и Бетховену, которыхъ знаете наизусть, до послѣдней нотки, и у которыхъ, по-вашему, все безъ изъятія несравненно лучше, нежели у другихъ? Неужели вы ду-

идею, что я не люблю этихъ композиторовъ, но восхищаюсь ими, я, которая провела свою жизньъ подъ ихъ сѣнью, въ благодатной атмосферѣ, располагающей къ добру и счастью, достижимой для наслажденій и не раздражающей имъ дорожки! Неужели думаете, что я кому-либо отговѣтываю изучать ихъ, объяснять, почитать, ахать наизусть и внушать другимъ то же самое? Нѣтъ, нѣтъ! продолжайте трудиться; пишите, объясняйте, роставляйте читать себя, если только это возможно; но прибавьте къ этому нѣчто, которое вы удивитесь въ виду, вѣроятно, по разсѣянности, и не съ намѣреніемъ. Вы говорите, что предметы восхищенія каждого изъ васъ прекрасны, высоки, ни съ чѣмъ не сравнимы, и хотятъ, чтобы мы вѣрили вамъ на слово: но это не удастся. Прибавьте же вѣрнее ручательство къ обѣщаніямъ, которыми вы даете во имя искусства. Все это прекрасно, высоко, несравнимо—согласна съ вами, не спору—но вы-то чѣмъ можете доказывать это прекрасное и высокое? Подтвердите правду собственнымъ примѣромъ, докажите, что вы дѣйствительно живете въ возвышенныхъ сферахъ; покажите дѣйствіе, чтобы дѣла были причины, и васъ поймутъ. Покажите, что образцовыя произведенія внушаютъ вамъ что-то побольше холодныхъ комментаріевъ и трактатовъ. Ведъ наматяжки достойные великихъ людей! вотъ лучшій способъ чтить ихъ память, распространять ихъ славу! Услышанный же восторгъ не прибавитъ ничего къ ихъ произведеніямъ, которыя говорятъ сами за себя. Умножь дѣла, съ совершенное во имя ихъ, лучше сотни споровъ, ничего не доказывающихъ.

Жаръ, съ какимъ защищаютъ искусство, кажется мнѣ безполевымъ, и опасенія за него — сущія грезы. Развѣ не слышимъ мы безпрестанно, что искусство идетъ по ложной дорожкѣ и падаетъ; что вкусъ испорченъ; что теперь только стараются ослѣплять, оглушать, выдаютъ фальшивую монету за настоящую и увлекаютъ къ тысячѣ злоупотребленій? Но не бойтесь за искусство, около котораго вы хотѣли бы поставить, не только перила, но даже китайскую стѣну, чтобы оно, не распространялось, чтобы удержатъ его въ границахъ, назначенныхъ для васъ, а не для него; мѣсто

ему вероду и границы его—вселенная! Оно не может стоять неподвижно; оно должно принимать всѣ формы, одѣваться во всѣ цвѣты, посѣщать всѣ области, облетать всѣ пространства, обновляться и размножаться; оно всегда ново, какииъ бы ни было оно древнимъ, всегда свѣже, сильно, полно жизни, какъ бы ни было старо. Оно доказываетъ это, производя бесконечно великихъ людей, и давая жить вамъ, маленькимъ. Оставьте же каждого на своемъ мѣстѣ: для всѣхъ есть просторъ на землѣ!

Посмотрите на море: какииъ не принимаетъ оно формы! То подбуривается въ бурю подвижными горами, часто подпадающими доверчивыхъ плывцовъ; то, волнуемое противными вѣтрами, останавливаетъ ихъ, или ведетъ вовсе не туда, куда бы они хотѣли; то, спокойное какъ зеркало, оно прельщаетъ своимъ волшебнымъ видомъ, ослепляетъ глаза, такъ, что забываешь объ опасностяхъ, не хочешь видеть ихъ за красотами; знаешь, что есть буря, но не боишься, что отъ нихъ утечетъ океанъ; видишь тишину, но не боишься, что она усыпитъ море. Нѣтъ, ни тучи, ни ураганъ не помѣшаютъ ему окружать твердую землю, обнимать острова, помогать нуждамъ и предпріятіямъ людей и сообщенію между ними, распространять сокровища природы, обрабатываемыя человѣческимъ трудомъ... Но, кажется, уже давно пора кончить этотъ безконечный эпизодъ, который растянулся чаше чаянія. Въдѣ и у друзей есть граница терпѣнью, а если вѣще терпѣнне выдержало нещептаніе, которому подвергла я васъ моими воспоминаніями, то надо только удивляться вамъ, а не употреблять во зло вашу снисходительность. Притомъ, я уже слишкомъ много упрекаю нашихъ современниковъ, и боюсь — хотъ могла бы наговорить много лестнаго — коснуться тѣхъ, чье самолюбіе еще живо, чьи аккорды еще звучатъ и доставляютъ наслажденіе, чье сіяніе прошло не навсегда и еще можетъ повториться.

Скажу вамъ, что я и до-сихъ-поръ живу въ музыкальной сферѣ, ачакомой мнѣ съ самаго дѣтства. Да будетъ навѣрно, что я близко анала большую часть артистовъ, пріѣзжавшихъ въ нашу столицу. Я почитаю многихъ между ними

не за одинъ музыкальный талантъ, не за то только что мнѣ было пріятно въ ихъ обществѣ. Еслибъ я захотѣла, еслибъ вы меня попросили, я могла бы представить характеристику каждаго изъ нихъ, рассказать тысячу мелочей, тысячу подробностей, которыя показали бы, какое вліяніе на нихъ имѣла музыка, какое направленіе она дала ихъ чувствамъ, дѣйствіямъ, и какъ они, въ свою очередь, дѣйствовали на музыку. Все, что я сказала и что еще могла бы прибавить, — еслибъ не считала бесполезнымъ говорить о вещахъ, не касающихся до собственной моей цѣли и личныхъ моихъ воспоминаній, вещей хорошо извѣстныхъ многимъ, — изъ всего этого вы увидѣли бы, какое мѣсто музыки, по ея послѣдствіямъ, занимала въ моей жизни, моихъ мысляхъ и привычкахъ. Я всосала ее вмѣстѣ съ молокомъ; она въ крови, текущей въ моихъ жилахъ. Вотъ какая была у меня цѣль въ началѣ эпизода; но охота рассказывать завлекла гораздо дальше. Я вовсе не думала сочинять мемуары, но, кажется, сама того не подозрѣвая, составила автобіографію изъ воспоминаній о своемъ дѣтствѣ и юности. Впрочемъ, все это, пока, еще не даетъ мнѣ никакого права навязывать свое мнѣніе, какъ лучшее, и заставлять кого бы ни было принимать его за такое: только слѣдующее поколение принуждено смотрѣть чужими глазами; но кажется, послѣ всего рассказаннаго мною, очевидно, что и я могу имѣть свое мнѣніе, основанное на опытѣ, развитое окружающими. Не случилось ли вамъ гулять по ботаническому саду, гдѣ самыя рѣдкія растенія, цвѣты самыя драгоценныя, такъ же какъ и самыя простыя, самыя обыкновенныя, но доведенныя до совершенства искусною рукою человѣка, чаруютъ взоръ и наполняютъ воздухъ ароматомъ? Переходишь отъ чуда къ чуду; то останавливаешься, чтобы восхищаться, то спѣшишь туда, гдѣ природа еще прекраснѣе; впиваешь ароматъ; съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматриваешь экзотическія растенія, которыя видишь въ первый разъ; а между-тѣмъ вашъ проводникъ, у котораго нѣтъ, ни вашего ума, ни вашихъ познаній, вовсе не раздѣляетъ вашего восторга, не видитъ причины останавливаться и торопится, и бормочетъ на языкѣ, не извѣстномъ ни

ему самому, ни даже вамъ, особенно если вы принадлежите къ полу, пользующемуся привилегіей на незнаніе латыни, имена всѣхъ этихъ растений, рассказывая монотоннымъ голосомъ, какъ они живутъ, на что годятся, откуда происходятъ? Вы спрашиваете у него, не считаетъ ли онъ себя счастливецомъ, что живетъ въ этой прелестной сферѣ? Онъ преспокойно отвѣчаетъ, что можно ко всему приглядѣться, и что послѣ многихъ лѣтъ службы ему гораздо пріятнѣе было бы отдохнуть въ спокойномъ уголкѣ, нежели жить посреди этихъ очаровательныхъ цвѣтовъ и растений, существующихъ въ единомъ экземплярѣ. Нѣсколько горшковъ резедъ на окошкѣ, нѣсколько разныхъ кустовъ въ уголкѣ сада, могли бы доставить ему несравненно больше наслажденія нежели сокровища, нагроможденные одни на другія во славу природы. И такъ все зависитъ отъ точки зрѣнія. Можно все омрачить, какъ можно все озарить факеломъ, котораго пламя должно чисто и постоянно горѣть въ нашихъ думахъ. Смотрѣть надо на вещи, какъ на дары Божественнаго Провидѣнія, и тогда онѣ явятся въ прекраснѣйшемъ и самомъ истинномъ своемъ видѣ; тогда онѣ доставятъ полное наслажденіе, безъ примѣси горечи; тогда освободятся отъ цѣпей, которыя налагаютъ на нихъ человѣкъ своими предубѣжденіями, своимъ малодушнымъ страхомъ, неумѣренными желаніями, окружающими сердце со всѣхъ сторонъ. Ученіе необходимо, но оно не можетъ дать жизни: оно только питаетъ ее. Вотъ что дѣлаютъ музыканты, и вотъ что дѣлаютъ тѣ, которые истинно любятъ музыку, ищутъ и находятъ въ ней сокровища. Но найти ихъ еще не значитъ наслаждаться ими. Водолазъ бѣднѣе того, для кого онъ трудится.

Когда слышишь журчаніе струи, когда стоишь возлѣ самаго источника, отчего не посмотрѣть, откуда онъ родится? какъ, среди этихъ чудесъ, этихъ благоуханій, не чувствовать благотворнаго ихъ дѣйствія? Отчего не расширяться сердцу, какъ душѣ не ощущать тихой радости, если на долю ей достался првлекательный трудъ, который, хоть имѣетъ свои шипы, зато богаче цвѣтами нежели всякій другой и уже въ самомъ себѣ носитъ награду? Отчего,

наслаждаясь удовольствіемъ, дотогѣ чистымъ по своей природѣ, что даже ни злоупотребленіе, какія дѣлаются изъ него, ни споры, ни ссоры, ни преслѣдованія, не могутъ ни помянуть его, ни уничтожить, ни измѣнить его или его истинное назначеніе или его употребленіе, мы не умѣемъ находить этого удовольствія вездѣ, гдѣ только генийъ человѣческій произвелъ истинно прекрасное? Это сближеніе мнѣ нѣудобно! Презираемъ одного потому-что онъ знаетъ наизусть свего Россини, Беллини, Доницетти, и простеръ невѣжество до такой степени, что считаетъ Верди за великаго человѣка; и называемъ другаго олухомъ, педантомъ, потому-что онъ съ особеннымъ вырѣженіемъ голоса произноситъ имена Моцарта и Бетховена; смѣемся надъ тѣмъ, которые гоняются за вальсомъ Гунгла, полькою Ляде, или играютъ модную мазурку, и говоримъ что это такъ легко, такъ пусто, что даже не заслуживаетъ названія музыки. А какъ назвать иначе? Какое дѣло до этого музыкѣ и можетъ ли это ей вредить? Если легкая пѣнька слѣдетъ на вѣтку — вѣтка погнется, однакожъ она не важнѣе пѣлаго дерева. Что бы ни дѣлали съ музыкой — она всегда одна и та же; чѣмъ и доказывается, что малѣйшая частица, малѣйшая искорка этого вѣчнаго фейерверка можетъ доставить удовольствіе, наслажденіе. Что жъ бы сдѣлалось, еслибъ отдѣлили ихъ пѣлый пучокъ, и связали его общою благосклонностью, желаніемъ дѣлать добро и находить счастье въ томъ, что нами получено, благодарностью за малѣйшій даръ, а тѣмъ болѣе за драгоценныя сокровища? Вотъ мое личное понятіе о музыкѣ. Не вхожу въ споры, которыми стараются доказать, что такой-то родъ музыки лучше другаго, и думаютъ выразить этимъ свое усердіе, свою любовь къ правому дѣлу, къ единой, истинной музыкѣ.... Я такъ люблю музыку вообще, что воодерживаюсь отъ всякихъ разсужденій; люблю ее во всѣхъ формахъ, подъ всѣми именами, съ какой бы стороны не приходила она ко мнѣ. Особенно же, и почти столько, какъ самую музыку, люблю впечатлѣніе, которое она производитъ на меня: она даетъ мнѣ счастье, и я бы хотѣла, чтобъ всѣ были такъ счастливы, какъ я!

Простите! заболталась!... Но музыка такое дѣло, что когда рѣчь зайдетъ объ ней, то конца не бываетъ разсужденіямъ: посторонній убирайся поскорѣе, если не хочешь быть задавленъ скукою. Я полагаю, какъ бы то ни было, что разсужденія этого роду во всякомъ случаѣ занимательнѣе сплетней, называемыхъ романами; но какъ уже начала вамъ одну такую сплетню, то, по долгу начавшей и не кончившей, возвращаюсь къ моей дивной исторіи о храбромъ сворщикѣ Александрѣ Петровичѣ и двухъ прекрасныхъ нѣвестахъ его, Вѣрѣ Николаевнѣ и Лизаветѣ Павловнѣ.

ЗАПИСКИ

КУНЦА

ЖАРКОВА.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

V

О т е н ь.

=

Этойше дни. — Головные уборы. — Ногайки. — Вооруженіе. — Набійи. — Акмоетское дѣло. — Англичане. — Алжирскіе кочевники. — Сходство ихъ съ Киргизами. — Раздѣленіе Арабовъ. — Характеръ Бедуиновъ. — Киргизская перелочка. — Сборы. — Спиканіе кабытокъ. — Опустаніе аула. — Движеніе каравана. — Стада барановъ. — Дальновзоркость Киргизовъ. — Предная лисица богатей. — Ихъ раздѣленіа. — Новое стойбище.

Ну, ужь батюшки: что за жары бываютъ въ степи — такъ этого и пересказать нельзя! Какъ вспомнишь только — такъ и тутъ словно варомъ обдасть! Конечно, и у насъ, въ Саратовѣ, теплынь да жарынь временами такая стоятъ, что не знаешь какъ отвести душу; да все у насъ, за разными занятіями что ли, или ужь такъ, по привычкѣ, что-то не больно много обращаешь на это вниманія; да и укрыться-то отъ тепла у насъ какъ-то сподручнѣе. Ну, домъ каменный, прохлада въ комнатахъ... ну, ставни въ окнахъ велишь на день затворить... ну, въ рѣчкѣ искупаешься, все-таки двадцать разъ на дню найдешься, какъ облегчиться да освѣжиться!... А въ степи, я вамъ

скажу, ну, просто, средства ширкого штычу: такъ можъ тебѣ и морать, такъ вотъ и вышариваетъ изъ тебѣ послѣднія силы.

Помню какъ сейчасъ, что этакъ около полуденя, нападеть, бывало, него сонъ, нето полудрема, а этакъ какъ будто истомленіе какое. Не знаешь чѣмъ бы позаняться, не придумаешь куда приткнуться! Вдумаешь какъ бы поразвлечься: въ головѣ пусто! мысли даже какъ-будто не лезуть въ голову. Ну, кой-какъ пошасилуешь себя; понимаешь, что истомляешься, думаешь: подкреплю-ка я лучше себя — съѣмъ чего-нибудь кусочекъ? Нѣтъ; и ѣда на умъ нейдетъ, кусокъ въ горло не лезетъ! Ну, такъ вотъ испить бы чего-нибудь? Нѣтъ, и пить не хочу, да и нечего. Вода — далеко, самоваръ оставитъ — надо людей звать, а тутъ лѣнь языкомъ шевельнуть. Кумызъ и подъ рукой — да душа, кажись, ничего не принимаетъ: труда не лочешь дать себѣ заболтать кумызъ въ турсуку, да вылить оттуда въ чашу. Не прочитатъ ли книжку? да какія же книжки въ степи могутъ быть? Правда, султанъ, мой хозяинъ, выписывалъ газету изъ Петербурга, да на понту за ней высылалъ по однажды въ мѣсяць: новости-то до насъ и доходили везденько.

Разъ, я съ поски, точно, принялся было читать газету и въ началѣ мѣсяцѣ хотѣлъ узнать январскія происшествія: такъ-вѣдь чтожъ вы думаете? голова у меня такъ огуѣла, что я никакъ не могъ раскусить всей важности извѣстій въ родѣ того, что «въ Винадорѣ передѣлены двѣ залы,» что «кавалеръ фонъ Кинцель выѣхалъ вчерашняго числа изъ Ратибора,» что «въ Португалии десять тысячъ мѣшковъ муки лежатъ безъ всякой надежды на покундика,» или что «похороны испанскаго генерала названы въавра:» отъ жаровъ у меня глаза смыкались, изъ головы вылетало всякое соображеніе, ноги подкашивались, руки омуевались, газета выпадала и я отскакивая каменъ-то словцо ошалахивалъ.

Мнѣ было душно; меня гнетла жегота, меня давила лѣнь и отъ напряженія, какъ-нибудь, собратъся съ силами, я еще болѣе истомлялся, вѣдось, мои дѣлались влажными, лицо горѣло: казалося отъ жеготы такъ и пышетъ огнемъ! Отказывался положить ноги, потому что сапоги, словно, жаргами какими облѣт. СХХV. — Отд. 1.

нили ихъ, жмутъ ихъ и производятъ въ нихъ нѣто ломъ, нѣто какое то иное болѣзненное раздраженіе. Скинешь сапоги, сбросишь куртку, постараешься высвободиться изъ-подъ всего лишняго, и на легкѣхъ, босикомъ, засучивъ рукава рубахи по самыя плечи, выйдешь на чистый воздухъ и усядешься сзади кибитки, въ тѣни, на корточкахъ.

Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, угроможидишься, усядешься, прислонившись къ кибиточной рѣшеткѣ и обвивъ колѣни руками. Сидишь и смотришь, самъ незнаешь куда. Взоры будто безотчетно блуждаютъ, по, словно скатерть, разостланной стени и ни начесть они для отдыха не останавливаются, потому что все безжизненно, ни что не манитъ къ себѣ вниманія.

Передъ собой видишь цѣлый аулъ — но дѣятельность его призамохла; аулъ погруженъ въ глубокое усыпленіе и какъ-то уныло напоминаетъ, что и тутъ живутъ живые люди, которые не дальше какъ сегодняшнее утро, копошились то тамъ то сямъ, а теперь словно со всѣмъ вымерли. Ни стуку, ни гулу нигдѣ не слышать. Покрытыя сѣрыми, бурными и темными кошмами, кибитки кажутся не жилыми шатрами, а какими-то землястыми холмами, словно недавняя буря взбугрила несчастное море сухими волнами; и скрѣпшило, сжарило, спекло, прожгло эти курганы невыносимымъ звономъ солнца.

Въ-самомъ-дѣлѣ съ солнечной стороны, къ кошмѣ нельзя притронуться: такъ и обожжетъ руки! Тепломъ пышитъ отъ войлоковъ во всѣ стороны; раскаленный лучъ солнышка, падающій на шарообразный куполъ кибитки, отражается отъ него виднымъ для глаза блестящимъ сіяніемъ, скользитъ и играетъ въ волоскахъ и лоснящихся шерстинкахъ, изъ которыхъ вываляются покрывающія этотъ куполъ кошмы, и дробится и переливается въ нихъ разноцвѣтными искрами, будто падаетъ не на войлокъ, а на узорочныя граненыя стеклышки.

Глазамъ становится больно, хочется остановиться ими на чемъ-нибудь, менѣе рѣзкомъ; жаждешь увидать хоть дымокъ, который, явось, станетъ куриться и струйками выбѣгать изъ верхняго обруча жилаго коша — но и этого нѣтъ: Киргизы днемъ огня не разводять и не готовятъ пищи. Въ цѣломъ становищѣ ни одного живаго человѣка не увидишь. Всѣ запрягались въ шатры и развалились на войлокахъ. Да вѣтъ что чело-

вѣна: нигдѣ не пробѣжить лошадь, нигдѣ не промычитъ быкъ, нигдѣ собака не залаетъ! Скотъ пасется далеко, на отгонныхъ поляхъ, а дома если и остаются — такъ однѣ собаки; но и тѣ теперь улеглись гдѣ нибудь подъ тѣнью, и, высунувъ горчичіе языки, не шелохнутся съ мѣста. Развѣ-развѣ гдѣ, неожиданно, замѣтишь верблюда, который, будто статуя какая, неподвижно стоитъ на одинокомъ холмикѣ, изогнувъ коромысломъ шею и проткнувъ на бокъ смиРНую, но глуповатую и надменную мордочку. Смотришь на него долго-долго, а онъ, одно слово что истуканъ! ни шею не разогнетъ, ни головы не приподниметъ, ни ноги не переставитъ: будто и взаправду совсѣмъ окаменѣлъ. Такъ его рыжая, горбатая фигура и рисуется на голубомъ небѣ, будто гвоздемъ къ нему пригвождена.

А небо-то! и Господи что за небо! Просто это, я вамъ доложу, не небо, а какая-то синяя бездонная глубь, въ которой только кой-гдѣ плаваютъ тонкія непонятнаго сѣраго цвѣта, бѣлесоватыя да розоватыя облачки, чѣмъ дальше, тѣмъ плотнѣе скопляющіеся, сначала въ фіолетовыя, а потомъ и въ синія тучи, нависшія на восточной сторонѣ небеснаго свода, куда я теперь нечаянно оглянулся.

Если станешь пристальнѣе всматриваться въ свѣтлую даль, гдѣ тучь невидно, то не нужно долго нудить глазъ, чтобы явственно замѣтить, какъ земныя испаренія, чуть-чуть уловимыя струями, переливаются въ воздухъ, будто дрожать въ немъ и, словно чадъ отъ нагорѣлой свѣчки, дымятся и возносятся все выше и выше. Взглянешь немножко въ сторону — тамъ эти испаренія становятся гуще и дымчатою тканью разлагаются надъ оврагомъ; а тамъ, у дальнихъ холмовъ, эта дымчатая ткань разостлалась длиннымъ покровомъ тумана, который, подъ игривыми лучами солнышка, превратился въ текучее озеро. Такъ вотъ и видишь живое озеро передъ глазами! такъ бы вотъ и бросился въ него, чтобы освѣжиться! Видишь самъ, какъ это озеро волнуется, какъ оно все больше и больше расширяется и прибываетъ, какъ оно сталкивается съ другимъ такимъ же озеромъ, какъ они вѣстѣ затопляютъ пригорки и лощинки... любишься этимъ стремленьемъ, но вдругъ опомнившись и подумаешь: Вчера здѣсь не было этого озера. Какъ же оно теперь сюда попало? Глядишь-глядишь, припоминаешь

все — и съ досадою отрываешь глаза отъ вѣдница возбуждающаго жажду. Это не вода, не озеро, а — морево, вѣднѣе, сгущенные пары земныя. Стоитъ только солнышко на минутку скрыться за облачкомъ — ихъ опять не будетъ видно; остается одна степь зеленая.

Степь, точно, зеленая; но въ зелени этой ужъ нѣтъ той живости, что была прежде, весною. Жаркое солнышко спалило, сожгло, испепелило травку! она теперь, словно сѣно, — все высохла, поблекла, завяла, побурѣла. Всѣ луга и поля то повытоптаны стадами, то повызжены зноемъ; земля растрескалась длинными щелями и голый песокъ разбѣгается подъ ногами. На лужайкахъ перестали бороться и валяться ребяташки; въ тощихъ кусточкахъ перестали копошиться и щебетать личужки; изъ норки и вѣдрокъ не выбѣжить; и напрасно хищная птица стала бы кружить надъ этимъ мѣстомъ; для нея не будетъ тутъ добычи. Ни одинъ живой голосъ не раздастся въ этомъ печальномъ, на взглядъ безжизненнымъ, уголкѣ. Раздѣ что комары прожужжать, призываемые мосю грѣшною кровью, да и комаровъ-то теперь, въ долень, тутъ нѣтъ: всѣ они зною куда-то пропали и только къ вечеру начнутъ безцѣльно ждлить и меня горемыку, и Киргизовъ бѣдняжекъ, ужъ допривыкшихъ къ нападеніямъ этой злощей гадины.

Теплынь, и точно, не выносимая: даже въ тѣни заморозится и словно совсѣмъ растаешь. Такъ вотъ и парить, такъ и пышетъ, такъ и жжетъ теплымъ воздухомъ. Задумаешь полонъ каштана, либо полотенцомъ себя опануть — руки не поднимаются; такое нападаетъ истощеніе, что просто встоскуешься и уйдешь опять въ кибитку! и повалишься себѣ на коверъ какъ убитый! Лѣнь за дѣло приняться; лѣнь повернуться; лѣнь вымолвить слово; даже лѣнь думать — довольно того!

Вотъ повалился-то я здѣсь — такъ ужъ повалился! Мягкія, упругія бѣлья кошмы сложены внутри кибитки въ нѣсколько рядовъ и прикрыты тоже мягкими и упругими коврами, а поверхъ ихъ разостлана простыня, тонкая, полотняная. Куполъ кибитки совсѣмъ укутанъ войлоками, и солнышко ни съ какой стороны ко мнѣ не заглядываетъ. Чтобъ не было духоты, и спертого воздуха, кошмы, обтягивающія рѣшотку шатра, подобраны совсѣхъ сторонъ, гдѣ есть тѣнь, кверху, отъ самой

земли аршина на полтора. Въ избиткѣ укрожно; привольно и
преледно, потому что легонькій, безвѣтряный прикосновеніе къ
землѣ вѣтерокъ, свободно разгуливаетъ сквозь кѣтки стѣнъ
рѣзвотчатыхъ стѣнокъ. Лежать-себѣ на коврахъ; въ полу-нѣтъ,
полу-потомъ, ниже дѣломъ, ниже словомъ; ниже мыслию какой
себя не пудить; лежишь въ полномъ бездѣйствіи и — блажен-
ствуешь эту лѣнью если только маж-мальскія въ воздухѣ не
переть и не морить тебя духотою и зибемъ.

Но какъ провалиться безъ дѣла цѣлые часы, цѣлое утро,
цѣлые дни? Вѣдь одурь возьметъ отъ такой лѣни!

Цѣлый часъ проводить: ты себѣ лежишь. Вотъ и другой часъ
проходить. Устанешь лежать назаничъ, повернешься бокомъ;
одной рукой подпрешь голову, а другую спустишь къ колѣн-
камъ, и еще часъ — опять такъ тоже занятіе. Наконецъ самому
совѣстно станетъ: поднатышься кубаремъ къ рѣшоткѣ и станешь
высматривать: высоко ли, нѣтъ ли, солнчишко? И не показался
ли кто изъ знакомыхъ Киргизовъ, изъ избитокъ? А коли нѣтъ
никого — значитъ рано, а коли рано, стало быть, и спѣшитъ
некуда: радъ-радехонекъ, когда, въ эти часы вѣня и утомленія;
удался хоть выспаться, а то и сна не бываетъ въ такую жару.

Настоящее время, когда можно дѣломъ заняться; шото утро,
отъ зари часу до двятаго, а вечеромъ часовъ съ семи до полу
бокой ночи. Поэтому, почти точно будетъ на правду, если
скажу, что у Киргизовъ и у Хивинцовъ лѣтній день начинается
съ вечера: тутъ они прежде всего, исполнивъ самоуживанія
работы по дому, обѣдаютъ, а утромъ, при наступленіи жары,
ложатся спать, вплоть до вечера, когда ихъ ожидаетъ: или
обѣдъ, или по нашему ужинъ: нужно только, чтобъ это было
до захода солнца, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ скотина;
назначенная для закаланія къ обѣду, была убита до зката!
Ужъ конечно, дѣло понятное, что не всякому Киргизу можно
каждый день на обѣдъ готовить молденянаго бирашка: иному
бѣднѣку долларовко тайн гвядника понюхать не удастся!

Прежде, бывало, мы чего съ Авдотьею Ивановою носили
вазись надъ Киргизами въ томъ, что они каляки носили; и вотъ
теперь, какъ намъ самимъ пришлось понюхать свѣдѣній этой
да непогоды; такъ и стали мы сами рядиться по Киргизскому
манеру. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можно придумать умнѣе

киргизскаго бѣлаго, тонкаго войлочнаго калпака для дешеваго зноя, сукоднаго легкаго клеопара, или башлыка, для непогоды, или подбитаго мѣхомъ и снабженнаго и наушниками и назатыльникомъ малаха? Бѣлый калпакъ не раскалется отъ жары, въ сукодномъ башлыкѣ не застудишь головы, а въ теплому малахау ушей не ознобишь: вотъ она штука кака! и нехитрая, кажись, выдумка, а хорошее, выходить, дѣлю.

У Хивинцовъ другой обычай: тамъ круглый годъ мужчины носятъ преобладающія бараньи шапки. Она такъ велики и толсты, что ихъ дѣйствительно мудроно прошивить солнечнымъ лучемъ. Но тяжело головѣ, вотъ въ чемъ невыгода! У Бухарцовъ опять другое—чалмы, тоже хорошая выдумка, но опять таки головѣ тяжело, и зимой несподручно, да и лѣтомъ солнце прямо въ лицо печетъ. У Киргизовъ совсѣмъ другое. Если солнышко прямо въ лицо ударяетъ—Киргизъ вытянетъ водашникѣ козырекъ у калпака, а назатыльникъ у него завернетъ: если солнышко сзади—онъ отворотитъ назатыльникъ; если солнышко сбоку—онъ надъ ухомъ распуститъ боковые углы длинныхъ полей, которые пришиты къ калпаку: ему и ладно!

У женскаго нола головной уборъ тоже сообразенъ съ нуждою: женщины Киргизскія повязываютъ голову двумя большими бѣлыми бумажными платками: одинъ, которымъ онѣ сперва покрываютъ голову вокругъ подбородка, онѣ распускаютъ по плечамъ, а друвой навязываютъ поверхъ перваго, такъ что дѣлаютъ изъ него тоже родъ высокой шапки, или тюрбана.

Прочій нарядъ у Киргизовъ, у мужчинъ и у женщинъ, почти одинъ и тотъ же: либо очень коротенькая либо очень длинная рубаха, шальвары, либо холщевые, либо кожаные, ошучи, сапоги и халатъ—одинъ, или два, а иногда и цѣлыхъ три. Кто побѣднѣе, тотъ и лѣтомъ, вмѣсто халата, носитъ нагольный тулунчикъ, а ужъ коли невтерпѣжъ приходится жарко, такъ этакой молодецъ безъ церемоніи спускаетъ тулунъ съ плечъ и подвязываетъ себя рукавами около пояса. Коли калпака нѣтъ, такъ онъ голову, сверхъ тюрбетейки, просто платкомъ повяжетъ—и доволенъ! да вѣдь еще и какъ и доволенъ!

Вотъ бы на этакого молодца взглянуть въ то время, когда онъ не на удаломъ конѣ не селся по степи, а переступаетъ шагкомъ, сидя на приземистомъ быкѣ—просто потѣха, да и только!

Сидло водъ нимъ нехитрое—только слава что сидло! Уздечки на быкъ нѣтъ, а просто опуталъ арканомъ рога, или просу-нулъ его быку черезъ ротъ — вотъ тебѣ и надежный поводъ: поворачивай имъ скакуна, куда хочешь! И нагайкой пенадо: быкъ-вслушавшій и, въ степенной работѣ, не ударить себя лицомъ въ грязь передъ лошадей, хоть и не шибко горячител.

Самъ наѣздникъ — просто картина! Сидитъ на быкѣ, малечко будто набокъ, скрестивъ иногда мускулистыя руки на могучей груди, обнаженной до самаго пояса. Грудь эта черна, грязна, загорѣла отъ зною и покрыта крупными каплями пота, который обильно струится по тѣлу, отъ самой маковки до вожнаго мизинца. Но посмотрите, что это за исполинская грудь! По цѣлту судя, она смахиваетъ на бронзовую, а по-приметальнѣе поглядѣть — такъ она, въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто изъ булата выкована. Ухъ, какъ высоко выдается она впередъ, какинъ богатырскимъ щитомъ выдвигается она у Киргиза! Каждая косточка такъ и пробивается изъ подъ кожи желѣзною полоскою; каждая жилка напряжена, словно здоровая стальная пружина. Широкиа богатырскія плечи; матерая, плотная шея; руки, отъ плечъ до ногтей, вылитыя словно изъ какого металла; и эта несокрушимая грудь, на которой каждая складка кожицы, каждое ея углубленіе, каждая косточка говорятъ объ исполинской силѣ и могучествѣ — это, я вамъ доложу-сь, такая забористая красота, что — будь Киргизъ съ лица и некрасивъ — никакъ не удержишь-ся, чтобъ не сказать: «экой молодчина-то какой!» Какъ разъ тутъ западетъ въ голову мысль, что вотъ, дескать, и наши Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Илья Муромецъ, или тамъ иные-прочіе, были такіе же, какъ и этотъ Киргизъ, могучіе богатыри! Дайте-ка ему въ руки палицу не палицу, а просто хоть ось тѣлѣнную — такъ вѣдь онъ цѣлой сотнѣ Англо-Французовъ, однимъ взмахомъ, духъ вышибетъ! ногайкой ихъ канонерскую лодку въ дребезги разобьетъ!

А вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, ногайка для Киргиза великое дѣло. Это его оружіе, и самое надежное оружіе. Во многихъ случаяхъ, ногайка можетъ замѣнить ружье и чуть ли для нашего джикара на степи она не способнѣе чѣмъ сабля. Надо толь-

не уметь управляться съ этимъ инструментомъ и звать: въ какихъ случаяхъ и какъ его надобно дѣйствовать.

Ногайка вѣдь не просто какойнибудь кнутъ, которыми лошадей погоняють: это совсѣмъ особое орудіе, съ которымъ Киргизъ обходится съ почтеніемъ и съ уваженіемъ, и* бережетъ и холитъ его.

Представте себѣ коротенькое кнутовище, или рукоятку изъ крѣпкой и неломкой, но здоровой вѣтви кустарника. Кнутовище это бываетъ длинкой вершковъ шести, и никакъ не длинѣе полуаршина, а самый бичъ, прививаемый къ концу, бываетъ тоже такой же длины, а иногда и десяти вершковъ. Вотъ эта часть, самая существенная, настоящая ногайка бываетъ толщиной въ хорошей большой палецъ, или вершка въ полтора окружности. Она такъ плотно свита изъ ремешковъ, что нѣтъ никакой возможности перегнуть ее на-двое. Сверхъ ремешковъ, ногайка, нѣстами, обвивается крученымъ шелкомъ и золотыми и серебрянными нитями, и все это бываетъ выплетено съ такимъ искусствомъ и щегольствомъ, что, право, иной разъ, трудно столько старательности и изысканности встрѣтить въ самыхъ видныхъ принадлежностяхъ щегольского наряда нашихъ городскихъ дамъ. Ну вотъ, хоть бы аграмантомъ обшивають мантильи? вѣдь все это, и аграмантъ, и плетешки, и выкладки и перекладки разныя — просто дерюга, въ сравненіи съ тою тонкою работою, которую вы встрѣтите въ украшеніяхъ ногайки. Это почти тоже, что кой-какъ съ рукъ сваенная работа кузнеца-цыгана передъ отчетливою и самую заботливою отчеканкою хорошаго нѣмца-слесаря.

Къ концу ногайки прививается пулька, зашитая въ кожу и узорочно оплетенная разными шелками; а къ этой пулкѣ пришивается треугольникъ изъ крѣпкой кожи, однимъ угломъ прикрѣпленный къ пулкѣ. Этотъ плоскій наконечникъ шивается иногда изъ разноцвѣтныхъ кожъ, вышивается шелками и опушается бахромой изъ длинныхъ некрученныхъ шелковинъ. Все это сдѣлано такъ красиво, уютно и щеголегато, что такая ногайка выходитъ просто какою-то интересною игрушкой.

Конечно, не всякому по карману имѣть такую богатую ногайку; но ужь непременно у каждого хозяина дома, у каждого

старшины семейства — ногойки превосходная и изукрашена по возможности, а мастерски сшита она непременно у каждого.

Когда Киргизъ дѣлаетъ удары ногойкой, то онъ бьетъ ею не односторонно: приметавшись къ дѣлу, онъ знаетъ: когда и насколько сильно нужно хватить долгимъ концомъ, когда нужно ударить только пулькой, и когда махнуть плоскимъ концомъ.

Лошади, напримѣръ, спосой Киргизъ никогда не станутъ жу-чить ногойкой, развѣ ужъ она очень непокорлива: а то онъ не-стегиваетъ коня только слегка, и то не по тѣлу, а по тебень-камъ, такъ что на долю коня выпадаетъ одно щекотанье плоскаго треугольнаго конца. Эти удары дѣлаются для того, чтобъ конь рѣзвѣе бѣжалъ. Для наказанія животнаго, или для того, чтобъ убить степнаго звѣря, Киргизъ, разумѣется, вытянетъ свою ногойку во всю ея длину, и нанесетъ ловкій ударъ изо всей силы. А иногда силы и вовсе не нужно употреблять, надо только знать сваровку, умѣть изловчиться, чтобы нанести вѣрный ударъ либо долгимъ концомъ, либо только пулькой, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, глядя по надобности.

Преслѣдуя небольшого звѣрка я, разумѣется, норовлю только пулькой хватить по головѣ. Встрѣтился я съ волкомъ, и хочу захватить его живьемъ, я ужъ бью не въ голову, а мѣчу такъ вытянуть его, чтобъ и ногойка и пулька хватили его въ такомъ-то мѣстѣ: такимъ ударомъ у звѣря только память вышибетъ; его одурманить, но не до смерти убьетъ. Надо мнѣ недруга съ сѣдла свалить — и тутъ есть своя манера, какъ ударить ногойкой. Когда Киргизъ приглядывается къ звѣрю и выискиваетъ мѣсто, куда надо ему направить свой ударъ, онъ не торопится хлестать по неприятелю, а зорко прищуривается и все махаетъ, все махаетъ ногойкой, все кружитъ ею около руки, да вдругъ и свиснетъ — звѣрь такъ и растянется! не дастъ промаху!

Есть у Киргизовъ и другое вооруженіе: есть и сабли, есть и копыя, есть и винтовки, есть и стрѣлы, но все это теперь, за водвореніемъ въ степи совершенной тишины и спокойствія, давно вышло изъ всеобщаго употребленія; кольчуги и брони вырываютъ только изъ кургановъ и теперь Киргизамъ они стали вовсе не надобны. Остались только винтовки, необходи-мая для звѣршиной охоты, но винтовки богатыя: у значитель-

ныхъ людей есть и французскія двухстволки, и карабины, и богатѣйшіе штуцера. Стрѣляютъ Киргизы мастера! порохъ дорогъ и трудновато его Киргизу достать; по этому онъ очень, въ этихъ случаяхъ, расчетливъ: даромъ зарядовъ тратить не любитъ. А такъ какъ у ственнаго челоуѣка зрѣніе бываетъ изощрено въ высочайшей степени, и зорь у него вѣренъ и метокъ, то и поватно, почему Киргизы не могутъ не быть отличными стрѣлками.

Въ давнія времена, когда Киргизы занимались еще разбоемъ, они часто дѣлали набѣги на русскія селенія, и еслибъ не охранныя стража на Линин, да не наши казаки, они много бы намъ зла могли надѣлать: да то и бѣда была для Киргизовъ, что казаки-то ихъ шибко одолѣвали. Ужь коли гдѣ показался русскій казакъ—такъ ужъ тутъ хищникамъ никакъ не сдобровать: всѣхъ разбойниковъ переловятъ. Ну, а противъ пушки идти степному дикарю просто вѣрная смерть. Хивинцы пробовали ужъ противъ насъ и такъ и сякъ, да какъ выставятъ противъ нихъ артиллерію, да какъ изъ пушекъ-то прыснетъ въ нихъ картечью—такъ всѣхъ лоскомъ и уложитъ! И у Хивинцовъ есть пушки, да стрѣляютъ-то изъ пушекъ они не мастера: ядро либо не докатится, либо черезъ головы перескочитъ, а наши норовятъ попасть въ самую середку непріятельской толпы. У насъ, отъ ихъ выстрѣловъ, народъ стоитъ, стоитъ стойко, а Хивинцы отъ нашихъ залповъ валатся что мухи. Разумѣется, какъ тутъ не опѣшать и не поторопиться искать спасенія въ бѣгствѣ?

Однажды двое казаковъ поѣхали за Уралъ косить сѣно. Ну, покосили, поработали, утомились, заморили червячка и повалились отдыхать—преспокойно заснули. Разнаго съѣстнаго взяли они съ собою въ дорогу довольно, да запаслись и самоварчикомъ, чтобы чайку напиться. Вотъ спать они себѣ, ничего не подозревая. Только въ просонкахъ-то и слышатъ они конскій топотъ. Казакъ чуютокъ, какъ всякій хорошій служивый.

Возьмите вы, въ примѣръ, фельдгегера: спать, съ дороги, какъ убитый, ничѣмъ его не растолкаешь! а скажите ему подъ-ухо: — «лошади готовы!» — встрепенется фельдгегеръ нашъ въ ту же минуту, не успѣешь моргнуть, какъ онъ

ужь въ тѣлѣ, и лѣзуть себѣ, какъ въкръ, на мурьера
скинъ.

Ну, и казакъ тоже: вѣдь спитъ жертвецки; хранитъ такъ
богатырски, что его, кажется, и въ вѣкъ не добудешься — а
протрубить труба, прогрехочетъ барабанъ, грянетъ въ дали
выстрѣлъ, или протопочетъ конскій топотъ: казакъ ужь на но-
гахъ, онъ ужь на конѣ, онъ ужь въ схваткѣ съ неприятелемъ
и перевѣдывается съ нимъ по свойски.

Вотъ и наши два удалца вскочили какъ встрепанные, за-
слышавъ топотъ. Глядь-поглядъ — анъ это хищники! Цѣлая
дюжина! Начали палить. Пифъ-пафъ! пифъ-пафъ! Съ киргиз-
ской стороны посыпался выстрѣлъ за выстрѣломъ, но все ми-
мо, потому что далеко: киргизское ружье до казаковъ не хва-
таетъ; а ближе подѣхать къ казакамъ боются, потому что ви-
дять у нихъ въ рукахъ пушку, которую казаки наши наводи-
ли то въ ту, то въ другую сторону. Киргизы окружили око-
ло нашихъ молодецъ таки довольно! Они и справа-то ихъ объ-
ѣзжали, и заѣзжали слѣва, и прямо-то кидались — но куда ни хва-
тятся, а казаки тутъ какъ тутъ, и нацѣлываютъ на нихъ свою
проклятую пушку, держа ее въ рукахъ и быстро поворачивая
ею куда нужно, словно какимъ перышкомъ. Сметнули хищни-
ки дѣломъ, видять, что не на таковскихъ напали, поняли что
пушка не свой братъ, шутить съ нею не приходится, мыслен-
но поблагодарили казаковъ, что они ни разу изъ нея не вы-
стрѣлили, сами прекратили перестрѣлку, поворотили коней —
и поминай какъ звали!

Что же это за пушка такая, что казаки смогли ее держать
въ рукахъ и поворачивать во все стороны? И откуда казаки
могли ею завладѣть? А это видите ли что. Казаки поѣхали на
пастбу на свои луга, никакъ не воображая, чтобы какіе-ни-
будь хищники осмѣлялись когда-нибудь сдѣлать набѣгъ въ та-
комъ близкомъ разстояніи отъ русскіхъ селеній. Съ какою же
стачи нужно было имъ, для простой обыденной работы, заца-
паться оружіемъ, когда все кругомъ тихо и мирно? А когда
разбойникъ накинулся на нихъ — казаки и увидѣли что дѣло
яблоко. Какъ тутъ быть? Чѣмъ защититься? Не косою же, или
граблями, отмахиваться отъ мулъ. Казакъ хитеръ и находчивъ,

въ бѣдѣ онъ не потеряется! Наши удалыцы вида то, что имъ двонимъ цѣлой толпы вооруженныхъ хищниковъ не осилить, а спастись непременно нужно, взяли да и давай стращать Киргизовъ самоварною трубой: больше имъ рѣшительно нечѣмъ было защищаться! Хитрость-то, какъ видите, знатно удалась. Киргизы приняли трубу за пушку — и спасовали!

Слыханы ли напримѣръ, гдѣ нибудь такіе подвиги храбрости и мужества, какіе творятся у насъ на святой Руси? Ну вотъ, напримѣръ, передо мной лежитъ газета «Русскій Инвалидъ», гдѣ рассказано все Ак-Мечетское дѣло.

На русской, то есть на правой сторонѣ рѣки Сыръ-дарьи, Коканцы, лѣтъ тридцать тому назадъ, выстроили крѣпость, въ то время, когда мѣста здѣсь были совершенно пустынно и когда Киргизы наши подкочевывали сюда только временно. Въ прошломъ году Коканцевъ отсюда выгнали, а крѣпость ихъ Ак-Мечеть переименовали, въ честь имени оренбургскаго генералъ-губернатора, въ Фортъ «Перовскій». Въ декабрѣ мѣсяцѣ, Коканцы собрали войско и пошли противъ нашихъ. «Русскій Инвалидъ» и рассказываетъ, что 14 декабря 1853 года, коканскій отрядъ, въ числѣ двѣнадцати или тринадцати тысячъ человѣкъ, съ семнадцатью орудіями, подступилъ къ Фарту «Перовскій» съ твердымъ намѣреніемъ овладѣть имъ. Расположившись лагеремъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, онъ и началъ дѣйствовать всею своею артиллеріею.

Начальникъ форта немедленно отвѣчалъ на этотъ огонь своими выстрѣлами изъ крѣпости; но вида, что, при многочисленности своей, Коканцы могутъ обложить ее и продолжительною осадою привести гарнизонъ въ затруднительное положеніе — рѣшился поразить ихъ неожиданнымъ нападеніемъ.

Въ ночь съ 18 на 19 декабря онъ выслалъ 540 человѣкъ, именно 350 человѣкъ пѣхоты и 190 казаковъ съ четырьмя орудіями и двумя ракетными станками, и приказалъ быстро съ разсвѣтомъ атаковать коканскій лагерь. У насъ коли «велѣно» такъ значитъ и «исполнено». Коканцы обезумѣли; но скоро опомнились и окружили нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Тогда, къ этому дѣйствующему «корпусу» посланы были, въ подкрѣпленіе, два отряда: въ каждомъ отрядѣ было по восьми-десяти человѣкъ и по пушкѣ! Всего, стало быть, семьютъ че-

загнать драгунъ противъ двѣнадцати тысячъ! Наши кинулись на непріятеля въ штыки и, съ крикомъ «ура!» пошли на проломъ, одрочкнули врага, ворвались въ лагерь и овладѣли всюю коканскою артиллеріею. Коканцы ударились въ бѣгство; мы — за ними, и гнали ихъ по пятамъ на продолженіи четырёхъ верстъ.

Расскажи этотъ подвигъ какому нибудь иностранному генералу? Вѣдь онъ ей-Богу, прійметъ эту скромную и нехвастливую реляцію за волшебную сказку, а вовсе не за дѣйствительную быль, а между-тѣмъ доказательства всё на лицо — двѣ тысячи убитыхъ Коканцевъ и воинская наша добыча — весь лагерь, семнадцать орудій, четыре бунчука, семь знаменъ и всё запасы пороху, провіанту и снарядовъ.

Большой части иностранцевъ, особенно честнымъ — хоть и нельзя сказать что честнымъ, Англичанамъ ак-мечетское-то дѣло куда какъ хорошо извѣстно: тутъ вѣдь тоже, говорятъ, ихъ штурмъ былъ.

Изволите ли видѣть что. Пишетъ мнѣ изъ стени одинъ пріятель, тоже нашъ братъ торговецъ, о разныхъ разностяхъ, да и описываетъ, что дескать колотырки-Англичане много-много цакостей строятъ намъ въ Азіи. Съ артиллеріею Коканцы никогда не умѣли управляться и всегда тащили свои пушки на волахъ — тутъ, подъ Акмечетью, появились у нихъ подъ пушками весьма хорошіе лафеты. Чье же тутъ видно участіе, какъ не честныхъ господъ Англичанъ? Ни Бухарцы, ни Хивинцы, а подавну ужъ и Коканцы не знали въ артиллеріи другихъ хитростей, кромѣ пороху да ядеръ; а тутъ подъ Акмечетью, въ числѣ снарядовъ, появились у нихъ и бомбы и гранаты — чисто англійское дѣло! То еще очень любопытно что въ числѣ убитыхъ непріятелей, бритоголовыхъ Коканцевъ, было нѣсколько труповъ не мусульманскихъ, а людей съ длинными волосами. Кто же, какъ не честные Англичане, ставаетъ драться рядомъ съ врагами христіанства, противъ православнаго русскаго воинства.

Да и еще одна вещь очень очень усиливаетъ общее въ-этомъ дѣлѣ подозрѣніе. Азіятцы никакихъ оптическихъ инструментовъ не употребляютъ и вовсе объ нихъ никакого понятія не имѣютъ; только самые значительные люди восточныхъ владѣній,

въ случаѣ надобности, только при ослабленіи зрѣнія, прибегаютъ къ помощи русскихъ очковъ. Но вѣдь какіе это очки? Это простыя дурно вышпированныя, почти бутылочнаго товару стѣкла, вставленныя въ обитую зеленымъ шелкомъ желѣзную проволоку. Эти очки въ Оренбургѣ продаются не дороже пяти копѣекъ серебромъ за пару, а дороже цѣлковаго и во все этого товару въ торговлѣ того края не бываетъ.

Народъ въ Азіи — нищій на нищемъ: порядочныхъ очковъ которые стоили бы рубля два-три серебромъ, тамъ никто покупать не станетъ, потому что такая цѣна никому не по состоянию. Здоровому человѣку и въ умъ не придетъ купить очки или лорнетку, не то что какойнибудь другой цѣнный инструментъ: а въ числѣ добычи, собранной на Сыръ-дарьѣ у форта «Перовскій», намъ досталась богатѣйшей работы превосходная англійская зрительная труба, извѣстнаго лондонскаго мастера! Ну скажите пожалуйста, развѣ это не самое ясное доказательство присутствія Англичанъ на мѣстѣ сраженія? развѣ это не прямая улика англійскихъ, противу насъ, козней?

И пришла же имъ, дурнямъ, Коканцамъ, блажь помѣряться съ нашими казаками! и съ какими же? съ Уральскими! Вѣдь это желѣзный народъ, все наподборъ богатырь къ богатырю! Да чего тутъ много о нихъ говорить. Вы помните, я чай, тоже по газетамъ, что вотъ нынче зимой они, вполонинѣ января, проходили нашими мѣстами и имѣли стоянку въ городѣ Сердобскѣ, нашей же, Саратовской губерніи. Когда они изъ Сердобска отправились то нѣсколько рядовыхъ казаковъ, отдѣлившись, на походѣ, отъ прочихъ, пошли къ Сердобѣ, раздѣлись и кинулись въ рѣку — купаться! Какъ ни проста, ни пріятна эта забава лѣтомъ въ іюль, но подобная потѣха зимой, при девятнадцати градусахъ морозу, въ рѣкѣ, покрытой льдомъ и только у моста, черезъ который проходили казаки, освобожденной отъ него на нѣсколько десятковъ сажень, гдѣ вода почему-то не замерзаетъ во всю зиму, чѣмъ и воспользовались наши добрые молодцы — была необыкновенна. Въ особенности хорошъ былъ одинъ казакъ съ окладистою бородою, наполовину убѣленною сѣдинами. Окунувшись въ рѣкѣ, онъ преспокойно усѣлся на закраишѣ льда и, спустя въ воду ноги, ни мало не торопясь и не стѣсняясь ни ледящимъ холодомъ воды, ни морозомъ, и какъ бы

не чувствуя подъ собою льдистаго сѣдалища, спокойно поплескивалъ на себя водою, обмывая свое тѣло! Выкупавшись, одѣвшись, размывъ замерзлыя бороды, на которыхъ уже успѣли образоваться ледяныя сосульки, удалыцы подхватили пикк, вскочили на коней, гикнули — и слѣдъ простыль!

Ну, Коканцамъ ли съ такимъ народомъ тягаться? Ну вотъ, Богъ подастъ, скоро затѣется у насъ и открытое сраженіе съ англійскими войсками въ Турціи — на европейскую руку. Ужъ тутъ они должны не скрытно, какъ подъ Акмечетью, а благороднымъ образомъ вступить съ нашими храбрецами въ открытый бой — пускай попробуютъ: легко ли имъ сломить русскую силу?

А Французы-то? туда же! Ну, какъ хотите, а право это шальной народъ! Видно, они забыли нашъ двѣнадцатый годъ? или захотѣли опять на бѣду накупиться? Ну, положимъ, Англичане замыселя тотъ имѣють, чтобъ въ конецъ загубить нашу торговлю — всѣ войны ведутся ими только для расширенія торговаго владычества: чего жъ Французы-то, очертя голову, на задоръ съ нами лезуть? Ужъ и впрямъ не раскусили ли ихъ плановъ наши старики-Саратовцы? У насъ думаютъ, что Наполеонъ, не настоящій, а вотъ нынѣшній-то, что назвался третьимъ, потому что другаго настоящаго Наполеона уже не будетъ — наши думаютъ, что у него въ головѣ вотъ какая мысль: проклятые Англичане развѣсили уши на мое сознательство и почитай всѣ свои корабли отправили къ Царю-Граду, да къ Петербургу: вотъ-то я ихъ обрѣжу, какъ въ тихомолку самъ высадку на Англію сдѣлаю! А ужъ сдѣлаю же я ихъ съ праздникомъ! докажу имъ свою дружбу!

А какъ вы думаете? вѣдь такой человѣкъ, какъ нынѣшній Наполеонъ, съ его притворствомъ и съ такою скрытностію, пожалуй вѣдъ и въ самомъ дѣлѣ выкинетъ такую штуку. Отъ него, право, всего можно ожидать. Ужъ если онъ не постыдился въ письмѣ своемъ къ нашему Благочестивому Государю навлести ложь на лжи и прикинуться смиренникомъ, такъ ужъ будетъ ли онъ совѣсть знать противъ какагонибудь воеводы Вальмерстона! Надуеть же онъ его! непременно надуеть! Цѣлуй французскую націю онъ за носъ провелъ, всю Европу въ

глава обмануль, такъ чегожъ ему церемониться съ Англійей, когда между ею и Франціей ведутся вѣковыя счеты?

Иужто кто нибудь и въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что теперь Франція защищаетъ турецкаго Салтана? Да какъ же это она станетъ его защищать, когда сама же — его же самого ограбила, отнявъ у него его же область Алжиръ?

Алжирскіе Кабилы и наши Киргизы, почитай что родные братья. Все, и природа, и мѣстоположеніе, и вѣрванія, и образъ жизни и у Кабилонъ и Киргизонъ чрезвычайно какъ много между собою сходствуютъ. Можно бы сказать, что все это и у того и у другаго народа — одно и то же, еслибъ климатъ и кой-какія племенные и историческія основанія не дѣлали между ними самаго явнаго наружнаго различія.

Вникните хотъ въ составъ племеннаго управленія у Арабонъ: и вы увидите во всемъ сходство съ нашими Киргизами. Арабы живутъ въ войлочныхъ шатрахъ — и Киргизы живутъ въ войлочныхъ же шатрахъ. Арабы хлѣбопашествомъ не занимаются — и Киргизы тоже. Арабы съ осѣдлымъ образомъ жизни незнакомы — и Киргизы тоже. Арабы существуютъ однимъ только скотоводствомъ — и Киргизы тоже. У Арабонъ преобладаетъ во всемъ родовой бытъ — и у Киргизонъ тоже. У Арабонъ во всемъ проглядываетъ семейное начало — и у Киргизонъ тоже.

У Арабонъ соединеніе нѣсколькихъ шатровъ или войлочныхъ палатокъ образуетъ первую общину — *дуаръ*, и у Киргизонъ соединеніе нѣсколькихъ шатровъ или кибитокъ образуетъ — *ауль*. Начальникъ и дуара и аула называется и тутъ и тамъ одинаково — аксакаломъ, старшиной. Соединеніе нѣсколькихъ дуаронъ составляетъ у Арабонъ *ферку*: это тоже что у насъ, у Киргизонъ «отдѣленіе», только правитель ферки у Арабонъ называется *шейхъ*, а правитель отдѣленія у Киргизонъ называется *бий*. Изъ нѣсколькихъ такихъ отдѣловъ у Арабонъ и у Киргизонъ составляется *ашире*, *родъ*; родоначальникъ у Арабонъ носитъ названіе *кайда*, а у насъ его ставятъ изъ *султано* *мозъ*, или и изъ заслуженныхъ *біевъ*, хотя и не *султано* *мозъ* *чороды*; нѣсколько родовъ составляетъ у Арабонъ — *кабилу* а у Киргизонъ *жозольніе* или *окрузъ*; у Арабонъ нинъ *удранъ* *мезъ* *демазъ*, а у насъ такой управитель называется *аманману*.

ными начальникомъ. Нѣсколько такихъ двестанцій или округовъ составляютъ то, что у насъ въ прежніе годы звалось *ордой*, а у Арабовъ — *башатъ* или *калифатъ*; управляющій такимъ отдѣломъ называется у нихъ *эмиромъ*, а у Киргизовъ *султаномъ-правителемъ*; а ханы у насъ и калифы у Арабовъ давно вышли изъ памяти.

Мнѣ очень часто приводилось слышать такія слова: «Вотъ, стоить писать объ Киргизахъ! Киргизы — вѣдь это у насъ въ Россіи? такъ что жъ тутъ интереснаго? Вотъ еслибъ намъ поразказали что нибудь объ Кабилахъ, объ Бедуинахъ — ну, такъ это было бы похоже на дѣло!» Вѣдь есть же на свѣтѣ такіе чопорные господа, что для нихъ французскій мужикъ лучше чѣмъ православный русскій крестьянинъ? Ну, да Богъ съ ними, съ этими господами, а дѣло вотъ въ чемъ. Народа такого, Кабиловъ, вовсе на свѣтѣ не существуетъ, какъ не существуетъ народа Ордынцевъ, или Улусниковъ, а Улусники и Ордынцы тоже значатъ что и Кабилы! Что жъ касается до образа жизни, то сходство между кочевыми Арабами и нашими Киргизами, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія.

Арабы раздѣляются на осѣдлыхъ, *Хадръ*, то-есть *сидячихъ*; и на *Бедевы* — кочевыхъ, а изъ «Бедевы» образованные люди сдѣлали «Бедуиновъ». Вотъ что умные и знающіе люди пишутъ объ этихъ Бедуинахъ: если вникнуть хорошенько, такъ это, кажется, почти что чисто про нашихъ Киргизовъ сказано.

Кочевые Аравитяне, или Бедуины, до-сихъ-поръ сохранили тотъ же образъ жизни и тотъ самый характеръ, какими они отличались еще въ древнія времена. Обитая въ песчаныхъ и кремнистыхъ пустыняхъ, неспособныхъ къ земледовдѣльству, они, по необходимости, пасутъ стада въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ, а желаніе сохранить свою независимость и свою собственность отъ сильныхъ сосѣдей, внутренніе раздоры поколѣній и нужда въ необходимомъ, дѣлаютъ ихъ воинственными, ворами и часто грабителями. Ничѣмъ защищаемые отъ солнечнаго жара, все они очень загорѣлы; отъ недостатка пищи худы и тощи, а отъ чистаго воздуха и безпродѣльности пустынь имѣютъ быстрый, разсвѣжающій

цій предметы въ необыкновенной дали, и чрезвычайно тонкое обоняніе.

Бедуины живутъ поколѣніями, *Кабиле*, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ родовъ. Каждый родъ располагается обыкновенно вблизи потока, либо колодца, на какомъ нибудь оазисѣ и пускаетъ свои стада. Когда пастбище истощится, родъ переночевываетъ на другой оазисъ въ чертѣ земель, занимаемыхъ его поколѣніемъ, и такимъ образомъ передвигается съ мѣста на мѣсто круглый годъ.

Жилища Бедуиновъ суть ничто иное какъ войлочные палатки, или юрты, которыя раздѣляются завѣсомъ, *хедра*, на двѣ половины: одна служитъ для мужчинъ, другая для женщинъ и домашняго скота. Самые бѣдные, которые не могутъ имѣть настоящей юрты, вѣшаютъ кусокъ войлока на дерево и дѣлаютъ себѣ родъ шалаша.

Главная пружина политическаго быта Бедуиновъ — мщеніе. Кровная месть, одно изъ установленій, которыя встрѣчаются почти у всѣхъ кочевыхъ народовъ, властвуетъ у Бедуиновъ въ полной мѣрѣ. Убіеніе должно быть отплатено убійствомъ. Въ мщеніи состоитъ честь Бедуиновъ и тотъ, кто не мститъ — безчестенъ. Бедуинъ часто промываетъ обѣи не умываться, не стричь ногтей, не брить головы, или не входить медъ кровь юрты, пока не исполнить закона мести.

Мститъ за убійца обманъ ближайшій его родственникъ, и если убійца падеть гдѣ нибудь въ битвѣ, а не отъ руки мстителя, мщеніе падаетъ тогда на ближайшаго родственника возмѣнаго преступника.

Эта вражда переходитъ отъ отца къ сыну, какъ наследіе, и оканчивается, обыкновенно, истребленіемъ того или другаго семейства, если только родственники виноватаго не примирятся съ мстителемъ убитаго, *выкупивъ кровь* его опредѣленнымъ количествомъ денегъ или скота: иначе между нами не можетъ быть примиренія. «Между нами кровь» говорятъ Бедуины — и ничто не въ силахъ превозмочь эту преграду. Одно поколѣніе сажочуетъ въ агста, принадлежащія другому — и раздается ужъ драка о потерѣ агустовъ, о вытоптанныхъ нуджахъ агостовъ травы; драка часто переходитъ въ ужасную битву: кровь пре-

буетъ кровя, а оставшіеся въ живыхъ должны мстить за убитыхъ.

Но не исключая случаевъ, въ которыхъ дѣйствуютъ права кровной мести, Бедуинъ вообще кротокъ, привѣтливъ и только одна бѣдность застарѣваетъ его прибѣгать къ грабежамъ; но и тутъ случается, что, ограбивъ путешественника, Бедуинъ отдаетъ ему старое платье, снабжаетъ пищей и указываетъ дорогу. Многія поколѣнія, особенно изъ числа живущихъ поближе къ караваннымъ дорогамъ, славятся своими разбоими и вѣроломствомъ. Должно, однакожь, сказать, къ чести цѣлаго народа, что неколѣнія, занимающіяся подобнымъ ремесломъ, колызуются, внутри пустынъ, общимъ презрѣніемъ.

Прославленное гостепрѣимство Бедуиновъ большею частію относится къ людямъ въ же полета. Бедуинъ готовъ раздѣлить поспѣвній кусокъ хлѣба съ странникомъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, и если гость откушалъ съ нимъ хлѣба-соли, то хозяинъ скорѣе положитъ свою голову, чѣмъ выдастъ гостя его врагу. Но европейскій путешественникъ пусть избѣгаетъ его гостепрѣимства: оно обойдется ему, подъ часть, такъ же дорого, какъ и бедуинское хищничество. Бедуинъ ничего не возьметъ съ путника открытою силою, но жадность, подстрекаемая нищетою, и преувеличенное понятіе о богатствѣ европейца, заставятъ его, за скудное угощеніе, домогаться отъ него огромныхъ подарковъ; за каждую его услугу, страннику придется платить ему непомерною цѣною.

Что касается до религіозныхъ вѣрованій, то тутъ можно заимѣтить, что Бедуины вообще не ревностные мухаммедане.

Въ мирной жизни кочеваго человѣка, какъ Бедуинъ, или какъ Киргизъ, немногія событія нарушаютъ однообразіе занятій: это — весна, когда овцы ягнятся, когда коровы и кобылицы начинаютъ молоко давать, когда пробивается первая травка, когда ордынцы, почти всѣ разомъ, снимаются съ зимняго сѣдня. А въ теченіе лѣта самыми замѣчательными днями можно почесть дни какихъ нибудь пирушекъ и дни перекочевковъ.

Первая перекочевка, которой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ, произвела на меня сильное впечатлѣніе: я тогда еще не зналъ, какъ это обыкновенно бываетъ и, не замѣщая ни-

какихъ подготовленій, просто дивовался какъ все это живо дѣлается.

Утромъ, напившись чаю, мы всѣ спокойно сидѣли у себя въ кибиткѣ, которою, съ самаго пріѣзда нашего, снабдилъ насъ одинъ богатый султанъ. Сидимъ-себѣ и растабариваемъ о разныхъ разностяхъ. Обыкновенно въ это время Авдотья Ивановна катается верхомъ ѣздила. Мы и ждемъ: скоро ли осѣдлаютъ для нея лошади. Ждемъ-пождемъ — нѣтъ лошади. Ну, вѣрно молъ, Киргизъ, конюхъ султанскій, дѣломъ какимиъ особеннымъ занятъ; некогда ему теперь; можетъ, нахлопотался. Ну, думаемъ, подождемъ маленько. Подождали еще маленько!

Прошло времени такъ ужъ и порядочно. Только вдругъ хозяйка моя, Авдотья-то Ивановна, и говоритъ Феклѣ:

— Выдь-ко-молъ, говоритъ, ты, Фекла, на улицу (мы все еще по старому, по привычкѣ, звали улицей и дворомъ открытое мѣсто, на которомъ кибитки наши стояли, хоть на стали ни улицы, ни дворовъ и вовсе нѣтъ): — говоритъ, выдь-молъ ты на улицу, да глянь: не видать ли гдѣ Абдулки? Коли встрѣнешься съ нимъ — заведи рѣчь, а не встрѣнешься — назадъ воротись: онъ самъ придетъ, какъ освободится.

Немного времени спустя, Фекла не вошла, а вбѣжала къ намъ въ кибитку, вся блѣдная, какъ полотно, въ такомъ перепугѣ, что и сказать нельзя. Какъ вбѣжала, такъ и бросилась она къ Авдотѣ Ивановнѣ.

— Батюшки мои, отцы мои, кормильцы! Ай, бѣда моей душевкѣ настала! Ай, сгубятъ насъ басурманы! ай, страдася надъ нами, матушка, горе-горькое! Пропадемъ мы, родимая, и за копеечку, въ конецъ пропадемъ совсѣмъ!

— Что такое, голубушка, Феклушка? спросила оторопѣлая отъ неожиданнаго страху Авдотья Ивановна: — что такое приключилось?

— Корсаки, матушка, корсаки забушевали! Такъ и рвутъ, такъ и мечутъ все, что ни попадаи! Такой шумъ и гвалтъ подняли, что не дай Господи!... Эвона, слышите, слышите какъ бурлятъ они, анаемскіе....

Въ самомъ дѣлѣ, до насъ доносились и гулъ, и топотъ, и какая-то сумятица. Признаться сказать, мы ужъ дивненько прислушивались, къ чему-то, какъ будто не совсѣмъ ладному, дѣ-

вненько-таки какая то возня да хлопотня слышалась намъ нынѣшнимъ утромъ, да мы все думали, что это хозяйствомъ своимъ Киргизы занимаются, разъѣзжая по аулу, да отпасывая стада. Теперь Феклины слова со всѣмъ насъ застращали: мы не знали что и подумать.

— Выйдемъ, хозяйка, да глянемъ, что и взаправду такое у насъ творится? сказала я своей Авдотѣ Ивановнѣ.

— Ахъ что вы такое говорите, Яковъ Прохорычъ? — крикнула Авдотья Ивановна: — что это вамъ вздумалось, будто я пойду глазѣть на такія ужаси? ну, а какъ насъ да убьютъ или въ полонъ возьмутъ? Тогда что?

— Убьютъ, матушка, Авдотья Ивановна, безпремѣнно убьютъ—помяните мое слово! Не можете и съ мѣста двинуться: не то какъ разъ нападутъ, заарканятъ, того и гляди что всѣхъ въ мелкіе куски искрошатъ! Царь ты нашъ небесный! Не сносить намъ своихъ головушекъ! загубятъ они, окаленные, наши душеньки! сказала Фекла, и сама такъ и заревѣла.

— Дляче убьютъ? съ чего они насъ убьютъ? придетъ же тебѣ этакое въ голову, Авдотья Ивановна? замѣтилъ я, успокоивъ ее.

— Ахъ, не говорите, Яковъ Прохорычъ: отвѣчала Авдотья Ивановна сплеснувъ руками: — не ровенъ часъ случается!

— Всякая полоса выпадаетъ человѣку! А загубятъ, загубятъ они наши душеньки! Совсѣмъ наша смерть пришла! продолжала выть бѣдная Фекла.

— Да съ чего жъ ты взяла, что у нихъ дурное на умѣ? и что хозяева наши на грабежъ подвѣлись? Кабы что нештное случилось, намъ бы давно сказали. Хозяева наши, знаешь сама, люди очень добрые, все честной народъ и, кромѣ привѣту да ласки, намъ о-сю-пору отъ нихъ никакого дурна никогда не бывало.

Успокоивши кой-какъ свою слабоватую на здоровье хозяйку, я заставилъ Феклу перестать хныкать, и самъ вышелъ все досконально высмотрѣть.

Шумъ все еще продолжался; но ничего страшнаго онъ намъ не сулилъ. Дѣйствительно, по степи народъ бѣгалъ и суетился, а пуще всего возня была на другомъ концѣ аула. Изъ за кошей, окружавшихъ нашу кибитку, вслызъ было всего поряд-

комъ высмотрѣть; вотъ я и отошелъ подальше, на ровное мѣстечко.

Дуль нашъ, въ которомъ я ужь нѣсколько дней выжилъ, былъ очень обширенъ; по малой мѣрѣ положить такъ въ немъ было ста полтора кибитокъ, не меньше. Теперь на мои глаза, онъ такъ ужался, что в одной сотни кибитокъ не насчитаешь. Всюду видно было какое то запустѣнiе, запущенiе и безпорядокъ. Что это такое было ни какъ я не могъ себѣ хоршенько растолковать.

Со многихъ кибитокъ содраны были кошмы; сквозь жерданыя, рѣшетчатыя стѣны кошей видны были сброшенные въ гряду домашнiе пожитки и разное имущество. Въ иномъ мѣстѣ, вмѣсто цѣльнаго остова коша, еле-еле держались на землѣ только однѣ стѣнныя рѣшетки, безъ крышъ, которыя обыкновенно дѣлаются на нихъ круглою шапкою, въ родѣ купола, или полушарiя. Кое-гдѣ, вмѣсто круглыхъ стѣнокъ, покосясь на сторону, стояли только двѣ-три рѣшеточки, а кой-гдѣ рѣшетки эти и со всѣмъ повалились на-земь. Сундуки, утварь разная и всякая мелочь кучами стояли безъ всякой покрывки, на покинутыхъ домовищахъ. Тутъ дѣти и бабы сидѣли въ разбросъ; а тутъ копошились они маленькими кружками; въ одномъ мѣстѣ они сами разоряли кибитки, складывали и обвязывали все свое хозяйство въ тюки; а въ другомъ мѣстѣ имъ помогали въ этой хлопотѣ мужчины.

Наконецъ, вотъ и въ очень близкомъ отъ меня мѣстѣ, вышелъ одинъ хозяинъ, съ сыномъ и работниками, и сталъ стаскивать съ кибитки кошмы. Когда остовъ ея совсѣмъ оголился и сброшенные кошмы сложены были на землѣ порядкомъ, Киргизы эти начали снимать съ кибиточнаго купола жердочку за жердочкой, шесть за шестомъ: того и гляди, все это рухнется, повалится на земь и задавить тѣхъ, кто еще не вышелъ изъ кибитки. Но вотъ, вмѣсто цѣльнаго купола, остался только маленькiй верхнiй сводъ, сдѣланный изъ большаго обруча, съ перекрещеными, поверхъ его, деревянными дугами. Этотъ сводъ, какъ будто самъ собою, виситъ въ воздухѣ: такъ тонки четыре шеста, подпирающiе его и, въ свою очередь, сами опирающiеся въ верхнiя окрaинки стѣнной рѣшетки. Четыре Киргиза ухватились за эти четыре шеста, на каждый шесть по человѣ-

ку, приподняли ихъ, вѣстѣ съ посаженными на нихъ верхнимъ сводомъ кибитки, снесли прочь и, высвободивъ шесты изъ обруча, уничтожили такимъ образомъ весь верхъ кибитки, какъ будто и вовсе его никогда не существовало. Всѣ эти длинныя жерди, основныя части свода, работники сложили въ кучу, обмотали арканами и обвязали кошмами. Потомъ принялись они уничтожать круглую стѣну своего жилья: смотали въ клубокъ тесьму, скрѣплявшую эту стѣну, разорвали и разобрали стѣнныя рѣшетки по частямъ, сложили ихъ вѣстѣ — и отъ прежней кибитки осталось только одно воспоминаніе.

А! вотъ оно что! Тутъ не хищничество, не разореніе, тутъ во всемъ видно добровольное, хозяйственное распоряженіе. Я подошелъ къ этимъ Киргизамъ.

— Что это такое вы работаете? спросилъ я.

— Да развѣ ты не видишь? Кибитку снимаемъ; складываемъ и прачемъ свой домъ, чтобъ перевести его на новое мѣсто.

— Какъ на новое? Да вѣдь вы здѣсь живете?

— Жили здѣсь вотъ ужъ другая недѣля, а теперь переѣзжаемъ на свѣжую траву!

— За чѣмъ же такъ?

— Да мы всю траву прѣли: здѣсь ужъ съестъ больше кормить не чѣмъ.

— Когда жъ вы это задумали переѣзжать?

— А вчера были посланы передовые оглядѣть мѣста, вчера же они и воротились съ отивтомъ. Султанъ распросилъ ихъ обо всемъ, самъ съѣздилъ посмотреть ауга — вотъ мы теперь и откочевываемъ на новое приволье.

— Такъ это перекочевка? Такъ изъ этого то шумъ въ аугѣ такъ перепугалъ мою козляку, что мы и Богъ знаетъ что подумали?

— Что жъ вы могли подумать дурнее?

— А мы подумали, что не непріатели ли на насъ напали да начали грабить! отвѣчалъ я очень откровенно.

— Ай-ай-ай! Какъ могли вамъ придти подобныя мысли въ голову? Да, видно, вы въ первый разъ видите перекочевку?

— Никогда еще не доводилось: да и гдѣ жъ намъ было ее видѣть?

— А развѣ въ вашихъ мѣстахъ народъ никогда не кочуетъ?

— Нѣтъ у насъ этого не водится.

— Какъ же это? Вы, значитъ, безъ скоту живете все на одномъ и томъ же мѣстѣ?

— Да, конечно!

— Ну, а какъ у васъ въ городѣ скотъ всѣ луга истравить: тогда что?

— У насъ луговъ въ городѣ не бываетъ!

— Да какъ же трава-то въ городѣ растетъ?

— Въ городѣ у насъ травы почитай вовсе не растетъ.

— Такъ чѣмъ же вы скотъ-то кормите? вѣдь вы скотъ-то содержите же?

— Скотъ у насъ есть, да мы ему сѣно покупаемъ: сѣно къ намъ привозятъ.

— За чѣмъ же вы сами не живете тамъ, гдѣ есть сѣно? Ну, бросьте городъ! денегъ не нужно будетъ платить!

— Да у насъ въ городѣ есть свои занятія, свои заботы, свои труды, которыми мы кормимся; у насъ въ городахъ построены богатые дома, такіе хоромы, что за одинъ домъ надо заплатить иногда сто тысячъ, и больше, барановъ.

— Ну это ты врешь! Гдѣ и кому можно столько денегъ достать, чтобъ заплатить сто тысячъ барановъ за одну кибитку!

— Да ты знаешь ли, что у насъ, иной разъ, за сапоги платятъ десять барановъ?

— Что жъ они золотые, что ли?

— Нѣтъ, не золотые, а обыкновенные кожаные.

— Ну такъ ты опять врешь! У насъ люди на десять барановъ круглый годъ живутъ; а ты выдумалъ меня увѣрить, что у васъ за сапоги десять барановъ платятъ!

— Да я тебѣ лучше скажу, у насъ есть города, гдѣ, за самую половину маленькаго кургашка, для обѣда, платятъ столько, сколько у васъ стобитъ годовалый баранъ!

— Помню, пожалуйста, вздоръ молоть! если у васъ за полкургашка, съ котораго сытъ не будешь — даютъ цѣлаго барана, такъ во чтожъ у васъ весь-то обѣдъ обойдется?

— А это всяко случается, какъ кто самъ съумѣетъ повести дѣло; иногда обѣдъ стоитъ очень дешево, а иногда и одинъ человекъ поѣсть — такъ за роскошныя кушанья онъ долженъ

заплатить то что стоитъ у васъ десять и даже двадцать барановъ!

— Ха, ха, ха, перестань, пожалуйста перестань! ты меня со всѣмъ уморить хочешь со смѣху! За чѣмъ такъ въ глаза лгать: ну, какъ же я тебѣ повѣрю, что у васъ со всѣмъ не кочуютъ? Да и не могу повѣрить! потому что надо просто съ ума сойти, чтобъ весь вѣкъ свой прожить безъ сѣваду на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вотъ, посмотрите, какъ мы ловко нашъ аулъ перевозимъ: вотъ и вы свой городъ такъ перевозите.

Что мнѣ было толковать съ такимъ человѣкомъ? Я поспѣшилъ прекратить съ нимъ разговоръ и поторопился позвать Авдотью Ивановну поглядѣть на аулъ, который снимался лагеремъ и въ которомъ немногя уже кибитки оставались еще не тронутыми.

Любо было взглянуть, какъ все это живо дѣлалось. Нашъ многолюдный аулъ казался теперь очень незначительнымъ становищемъ; но онъ еще не совсѣмъ обезлюдѣлъ, хоть ежеминутно дѣлался все пустыниѣ и пустыниѣ, и на многихъ песчанцахъ уже ничего не оставалось, кромѣ вытопанной и взбугренной земли.

Кошъ снимался за кошемъ. Мужчины и женщины, съ одинаковымъ усердіемъ, хлопотали за этой работой. Всюду видѣлись долгошейные и долгоногіе, горбатые верблюды, или уже окончательно нагруженные и вытянувшіея во весь ростъ, или еще, на колѣняхъ, готовящіеся принять привычную ношу. Ихъ навьючивали разнымъ скарбомъ. На одного нацѣпляли кибиточныя рѣшетки, двери и шесты, прикрывая весь тюкъ, расположенный на обонхъ бокахъ верблюжьего туловища, войлоками, поверхъ которыхъ привязывали верхній кибиточный обручевый сводъ; на другомъ словно нанизаны всевозможная домашняя мелочь, турсуки, котлы, кумганы, таганы, тазы, самовары — у кого они есть; на третьихъ накладывали, обшитые кошмами, разнокалиберные сундуки, и большіе, и маленькіе, съ самыми цѣнными принадлежностями нарядовъ и домашнего хозяйства. У моего хозяина степныя богатства его навьючивались на цѣлыя десятки верблюдовъ; и длинной вереницей растягивался этотъ степной обозъ по разнымъ уголкамъ степи.

И все это, каждый верблюжий тюкъ, каждая навьюченная ноша, прикрыты то грубыми кошмами, то хорошими коврами, съ презабавными узорами; и прихотливые цвѣта ихъ какъ-то особенно-игриво перемѣшивались съ бурнымъ цвѣтомъ самаго животнаго, съ пережженною зноешъ рыжеватою зеленью покидаемаго стойбища, съ выкрашенными красной краской жердями и рѣшетками кибиточныхъ стѣнъ, съ синевою неба, съ бѣлыми калпаками и малиновыми башлыками Киргизовъ и съ ихъ пестрыми халатами.

Семьи домохозяевъ, съ чадами и домочадцами, больше все женщины да дѣти, рѣдко взрослые парни, тоже влѣзли на верблюдовъ и, покачиваясь на высококомъ, но поминутно колеблющемся, отъ неровной поступи животнаго, сидѣнья, поплелись, впереди вьючныхъ верблюдовъ, всѣ по одному направленно. Большая часть мужчинъ пустились въ дорогу верхами, кто вмѣстѣ съ бабешъ, а кто перегонялъ ихъ, не мѣшая ни женамъ кормить грудныхъ ребятъ, ни старшенькимъ ребятишкамъ по прежнему выть и плакать отъ огорченія, что отецъ или братъ, не почествовавъ ихъ дозволеніемъ поиспытать свои силеньки на знакомомъ имъ еще только по виду конѣ. Для мальчугана-киргиза важная вещь, просто праздникъ годовою, тотъ день, когда подведутъ ему кони и дадутъ волю самому съ нимъ справляться: онъ тогда какъ разъ въ голову забереть, что на него уже не смотреть, какъ на глупаго ребенка, а питаютъ довѣріе къ его отроческимъ силамъ, смаровкѣ и понятливости. Онъ тогда ужъ и заважничаетъ, перестанетъ яхтаться съ остальными дѣтьми, слабѣйшими въ сравненіи съ нимъ, и поминутно будетъ искать случая жаться въ кругу взрослыхъ наѣздниковъ-батырей. Съ той минуты, какъ ребенку дадутъ въ руки поводья да нагайку, онъ ужъ и тонъ въ разговорахъ перемѣняетъ, жиятся черезъ силу какъ-нибудь побасистѣ сказать слово и безпрестанно у него на языкѣ все «я» да «я».

Покажѣсть мы, это, съ хозяйкой смотрѣли, да высматривали, а позади насъ и невѣсть что дѣлалось. Наглядѣвшись на все, мы было съ ней задумали назадъ къ себѣ въ кибитку воротиться, да потомъ сходить къ хозяевамъ узнать ихъ распоряженія: анъ наткось! нашей кибитки будто и вовсе не было!

Гостеприимный султанъ, пріютившій насъ въ своей людной семьѣ, стоялъ позади насъ, подперши руки въ бока и прелюбезно улыбался, увидѣвъ наше изумленіе, отъ котораго стать-ся можетъ; лицо наше очень и очень повытянулось. И его работники, и наша Фекла преусердно хлопотали, увлаживая въ юбки наши пожитки.

— Ну, чего Авдотій-Иванъ калякивать будемъ? спросилъ онъ у моей хозяйки: — кошамъ нашимъ туда далеко гуляйтъ: кочевка-то ево булна хорошаа будетъ!... Сандыкамъ-то твоимъ совсѣмъ влязатъ на юкѣ. Садись теперь, поѣзжай, айда гуляйтъ съ своимъ Джакубомъ... Какъ твоя кочитъ гуляйтъ? Лошадь давать или тарантасамъ садиться?

— Какъ знаете, ваше степенство, такъ на все ваша воля есть! отвѣчала моя учтивая Авдотья Ивановна.

— Какой моимъ воля? Моимъ воля совсѣмъ ниту! Какъ твоя воля — такъ и будетъ! сказалъ султанъ.

— По мнѣ, какъ знаете сами. Конечно, если далеко ѣхать надо, такъ мы лучше съ хозяиномъ въ тарантасъ поѣдемъ.

— Ниту далеко! Кочевка близка! Твоя ходжантъ верхомъ гуляйтъ будетъ; и мои всѣ верхомъ тоже.

Такъ мы и уладили, чтобъ всѣмъ верхомъ ѣхать.

Авдотья-то Ивановна пріучилась ужъ у меня къ верховой ѣздѣ. Только-что мы пріутились въ здѣшнемъ аулѣ; только-что Авдотья Ивановна начала аккуратно пить кумызъ — да вѣдь какъ она и влязлась въ него? Ну, просто, я вамъ говорю, пристрастіе къ этому напитку возымѣла! — съ той поры и верхомъ ѣздить начала, для моціону.

На первыхъ-то порахъ, она было у насъ и поартачилась, покапризничала маленько, совѣстясь, что ей приходится садиться на лошадь по-нашински, по-мужски, и ни зачто не хотѣла, какъ она говорила, обусурманиться — да чтожь станешь дѣлать, какъ иначѣ тутъ ничѣмъ пособить нельзя? Дамскихъ, что у насъ по городамъ дѣлаются, сѣдель у Киргизовъ нѣтъ, а пробовали подушки привязывать, чтобъ хозяйкѣ моей ловчей было сидѣть бокомъ — такъ лошади горячились съ непривычки, а обвязывать ихъ, по незнакомому для Киргизовъ способу, некому; да и до того ли имъ было!

Бросила было совсѣмъ Авдотья Ивановна эту затѣю и стала,

для моціону, пѣшеходныя прогулки совершать — такъ, вѣшь-ты, не въ-моготу пришлось: и силушки-то нѣтъ, она же, какъ я докладывалъ, такая у меня слабенькая и притомъ, въ то время, еще болѣзненная! Ну, и зной-то денной для пѣшехода не выносимъ: по песчаной степи просто подошвы жжетъ, почитай что ступать нельзя, такъ песокъ раскалится за-долго до полудня: истомленіе такое, что мученье да и только! Прикидывали мы и такъ, прикидывали и сякъ: пришлось моей супружницѣ покориться обстоятельствамъ, да сѣсть на коня по натуральному, какъ всякій изъ насъ на коня садится. Разумѣется, не обошлось безъ того, чтобъ не напасть на новыя неприятности.

Авдотья Ивановна, которая, если припомните, такъ заботливо запаслась для киргизскихъ визитовъ, модными платьями, новенькими шляпками, да разными женскими чепцами не знала теперь куда съ ними дѣваться, потому-что коробки да картонки съ ея нарядами занимали много мѣста въ тарантасѣ.

Да это бы еще ничего: куда не шло! а вотъ было горе, что Авдотья Ивановнѣ, для верховой-то ѣзды, и взаправду пришлось вырядиться въ киргизское платье — въ шальвары и въ халатъ. Хотѣла было она, ужъ за одно, и киргизскій мужской калпакъ на себя напялить, потому-что головной уборъ женщинъ-киргизокъ показался ей маленьчко грузнымъ и неловкимъ, такъ и тутъ опять ее ждала новая неудача: коса подъ калпакомъ не держалась. Коли свернуть ее по городскому — калпакъ не налезаетъ, а дать косѣ свободу — она либо сама вывалится, либо калпакъ столкнетъ. На какія хитрости ни принималась моя хозяйка, чтобъ какъ-нибудь уладить косу — никакого толку не было! Не рѣзать же ее для этого было? А коса-то у Авдотьи Ивановны такая густая и такая длинная, что я отродясь ни отъ кого объ этакой и не слыхивалъ: ужаси, что за косища!... Только вотъ не приходится мнѣ объ такихъ вещахъ съ посторонними людьми рѣчь вести, да и дѣло то выходитъ этокое совѣстливое, а то бы я сейчасъ подвиглъ васъ, государь мой, сказавъ настоящую длину рѣдкостной дунашиной косы.

Шляпокъ съ собой Авдотья Ивановна взяла двѣ, одну этакую креповую, съ цвѣточками да съ блондочками, а другую про-

стенную, соломенную, безъ всего, съ однѣми бѣлыми лентами. Ну, такъ вотъ, чтобъ простоволосою не ѣздить, она, къ своему киргизскому халату, вмѣсто калпака, или джаулука, и прибрала эту соломенную шляпку, и ѣздила въ ней подъ зеленою вуалью. И въ ту пору совсѣмъ это не казалось намъ смѣшно, а теперь, какъ вспомнимъ мы объ этомъ — такъ оба и расхохочемся...

Такъ, я и Авдотья Ивановна — мы порѣшили ѣхать верхомъ.

Между тѣмъ какъ увязывали тюки и взваливали ихъ на верблюдовъ, Фекла наша, у которой вовсе никакой охоты не было къ верховой ѣздѣ, пронюхала какъ то, что въ нашъ тарантасъ впрягутъ вмѣсто лошади верблюда. Скучно что ли ей показалось одной въ экипажѣ ѣхать, али просто такъ нашла блажь такая — только упросила она одного работника Киргиза, чтобъ онъ посадилъ ее, для пробы, на верблюда. Верблюды были тутъ и смирихонько припали къ землѣ, поджавъ ноги. Абдулка выбралъ одного, у котораго верхъ большаго, но легкаго вьюка былъ помягче обдѣланъ, и показалъ его Феклѣ.

— Я только такъ маленечко посижу на немъ — говорила Фекла — ты, пожалуйста не поднимай его.

— Ладно, садись! отвѣчалъ Абдулка: смотри только, усаживайся плотнѣе.

Фекла то, съ дуру, вальзала на верблюда и взгромоздилась на самую верхушку, между боковыми вьюками. Но ей что-то не сидѣлось; не ловко было сидѣнье, что ли, ужь не знаю; она все обминала подъ собой подушки и коверъ, и все гомозилась.

— Да долго ли тебѣ, Фекла, возиться? спросилъ Абдулка, потерѣвъ терпѣніе, глядя на нее.

— Ну вотъ теперь усѣлась!... Вишь ты какъ знатно: точно на хобляскомъ матрацѣ сижу — таково привольно; вотъ ужь не шелохнеть-то ничемъ — хоть какъ хочешь скачи.

— Чокъ, чокъ! крикнулъ Абдулъ, потянувъ поводкомъ клячишекъ, продѣтый у верблюда въ ноздрихъ, черезъ храпокъ. Верблюдъ лѣниво поднялся и остановился. Фекла такъ и вскрикнула.

— Ты чего кричишь? спросилъ ее Абдулка.

— Да, видишь ты, верблюды поднялся: я и испугалась!

— Есть чего пугаться! Сидишь какъ въ люлькѣ, а пугаешься!... Эхъ, баба ты, баба этакая!

— Да я, Абдулушка, не то чтобы страху далась, а такъ только маленьчко всполохнулась.

— Ну, сиди же смирише: я тиходеенко проведу верблюда, а ты посмотри какъ на немъ весело вѣхать.

— Да я боюсь!

— Экая какая! сейчасъ сказала что не боится, а теперь и трясется: да ты испробуй.

Не дожидаясь отвѣта, Абдуль схватился за поводокъ и догононько сталъ проводить верблюда.

— Ну, что? ладно ли тебѣ? сталъ онъ допытывать Феклу.

— Ужъ такъ то хорошо: ни дать, ни взять, будто въ люлькѣ качается!

— Перестать что ли?

— Ай вѣтъ! прокати еще маленьчко, Абдулушка, голубчикъ!

Но у Абдулки, вѣрно, что нибудь было на умѣ противу Феклы. Онъ проваживалъ верблюда все тихо тихо, да вдругъ какъ побѣжить самъ въ прыскачку, а верблюдъ за нимъ тоже какъ принуждаться — Феклу то и пошло трепать боковой качкой, такъ ее изъ стороны на сторону и валеть! Она такъ и вопить, и словно давить или рѣжутъ ее разбойники, оретъ благимъ матомъ, что есть мочи, а сама и руками и ногами такъ и цѣпляется за вьючныя арканы, которыми вся дорожка перепутана, такъ и хватается за все: боится, чтобы ее не свингло вонъ изъ хваленной люльки. И жалко-то было, да и смѣшно было смотреть на ея продѣлки. Абдулка потѣшался надъ нею недолго: ему велѣли отпустить бѣдную Феклу. Когда она встала на земь, то никакъ не могла пройти ровной походкой: все ее, ровно во хмѣлю, булыкало съ боку на бокъ. Долго же злилась послѣ этого Фекла на Абдула.

Между тѣмъ вся окрестность, занятая нашимъ ауломъ, совсѣмъ опустѣла. Оставалось какихъ нибудь дѣть шесть двѣтокъ, но и тѣ уже, будучи лишены охутывающихъ ихъ кочевъ, глядѣли какими-то остовами. Женщины устали на лошадей въ сопровождаемыхъ момъ и султанскимъ тарантасамъ, которые

товары полны были малых ребятъ, и своими прислужниками, отправившись вперед и скоро скрылись изъ виду. А мы, выжидавъ пока не навьючатъ послѣдняго верблюда, дождавши купысь и, въ разговорахъ, переливали изъ пустаго въ порожнее.

Всѣхъ насъ, мужчинъ, было человекъ съ пятьдесятъ; кромѣ султанскаго семейства, это все были почетнѣйшіе изъ домохозяевъ, оказывавшіе свое уваженіе главнѣйшему старшинѣ аула; прочихъ своихъ родственниковъ они давно уже отпустили, назначивъ кому ѣхать съ женщинами и съ пожитками, кому отпасывать табуны, а кому перегонять барановъ. Подъ каждое стадо скота, отдѣльные луга уже заранѣе были распределены на новомъ привольи.

Наконецъ и мы отправились.

Не знаю отчего, но мнѣ какъ-то грустно было взглянуть на мѣста, которыя мы оставляли. Не дальше какъ за нѣсколько часовъ, здѣсь кипѣла жизнь, кишѣлъ народъ, романсы стада барановъ, пестрѣли быки и коровы, спокойно паслись верблюды и стройно разгуливали табуны лошадей, раздѣленные на косяки, въ которыхъ молоденькія лошадки не смѣшивались съ взрослыми конями, а статныя, игривыя отенныя кобылицы бдительно охранялись, предводимыя бодрымъ и сильнымъ жеребцомъ-производителемъ. Еще вчера ввечеру я любовался на кудреватыя струйки синеватаго дыму, который змѣйкой вилел надъ каждой кибиткой, гдѣ заботливая хозяйка готовила семьѣ кушанье; потомъ этотъ дымокъ, какъ будто змѣетъ оцепенившись, стался надъ ауломъ длиннымъ, узенькимъ полушарообразнымъ облачкомъ.... Еще сегодня, раннимъ утромъ, здѣсь работницы и хозяйки доили овецъ и козъ, коровъ и кобылицъ. Еще такъ недавно, полунагіе ребятишки рѣвались на этомъ самомъ мѣстѣ, бѣгая кругомъ роднаго жилья и кувыркаясь по камнѣ, либо борясь съ своими сверстниками, либо заигрывая съ прыткой козочкой, съ трусливою овцой или съ домовою собакой. Все это такъ живо отзывалось во мнѣ, все меня занимало, тѣшило, радовало, потому что во всемъ видна была человеческая дѣятельность, во всемъ сказывалась жизнь: даже на неодушевленныхъ-то предметахъ — и тутъ она сама собою пробивалась, невольно напоминая о живомъ, дѣятельномъ, тру-

долюбивомъ человѣкѣ, о настоящемъ, о будущемъ.... Теперь все смолкло, все заглохло, все умерло, все будто погнбло безъ воспоминанія.

Я отъѣхалъ уже саженой съ сотню и оглянулся еще разъ. Совершенная пустыня! Почернѣлая, истрескавшаяся отъ жаровъ земля; поблеклая, порыжелая, спаленная солнцемъ, рѣденькая, тощая, сухая трава; на право и на лѣво необозримая даль, закрытая будто флеромъ, движущеюся стѣною сгущенныхъ испареній; и ни одной живой души, кромѣ развѣ кузнечиковъ, выпѣвающихъ такъ звонко, и прыгающихъ съ травки на травку и съ кочки на кочку, да полевыхъ мышей, разгуливающихъ теперь на просторѣ и шмыгающихъ то тутъ то сямъ, безъ боязни попасть подъ конское копыто, или подъ тяжелую ступню Киргиза. На оставленномъ пепелищѣ разгуливаютъ вороны, жадно выломатривая, не осталось ли имъ какихъ объѣдковъ и оглозковъ послѣ аульныхъ собакъ, а надъ ними плаваетъ въ воздухѣ тѣсный ястребъ, описывая пространные круги и выискивая добычу. Лишь только онъ ее завидитъ, какъ въ то же мгновение, какъ будто безъ малѣйшаго перепархиванія крыльями, останавливается въ выси неподвижнымъ, и, выстороживъ жертву, надѣлившись на нее взглядомъ, внезапно падаетъ на нее молніей и терзаетъ бѣдную птичку, которая, будто раньше чула бѣду, давно ужъ смолкла, прекративъ свое чирканье, укрывась, забила въ сухія вѣтви медкаго степнаго кустарника и прижалась тамъ, бояливо распутивъ трепещущія крылышки.

Мы ѣхали больше все шагкомъ, очень рѣдко, и то на самое недолгое время, припуская лошадей маленькой рысцой. Степенному и горделивому человѣку, какимъ глядитъ султанъ и каждый изъ окружающихъ его Киргизовъ, по ихъ повѣрью, не подобаетъ безъ дѣла, безъ особенной надобности, тѣшиться слишкомъ прыткою ѣздою. За то молодежь, сопровождавшая нашъ поѣздъ, не связывала себя стѣснительными для нея приличіями. А можетъ статься, что, потѣшая себя, молодые парни тѣшили и стариковъ, веселя ихъ своимъ гарцованьемъ и развлекая ихъ важное спокойствіе своими молодецкими играми.

· Есть что-то такое заманивающее, что-то соблазняющее трихнуть старинной — въ этихъ играхъ молодежи, въ ея лихихъ наѣздническихъ продѣлкахъ. Не знаю почему, но мнѣ любо смотрѣть, когда молодцоватый юноша, подобравъ поводья лошади, дробною частою рысью несется черезъ обширную луговину, ничѣмъ не нарушая правильности своей посадки, не шелохнувшись станомъ, не покачнувшись на-сторону и невзмѣняя положенія рукъ: ровно прикованъ къ сѣдлу, ровно впился онъ въ свою лошадь. Но гораздо больше на меня дѣйствуетъ наѣздникъ, когда, давъ полную свободу коню и склонившись немного къ его гривѣ, отважный юноша мчится по степи, будто стрѣла изъ лука. Конь такъ и разстилается, будто не по землѣ, а надъ нею онъ скачетъ; распустивъ хвостъ, разметавъ гриву, онъ словно летитъ и несется такимъ ураганомъ, что трудно замѣтить какъ онъ переставляетъ ноги и именно когда опирается ими о землю. А когда лихой всадникъ, на лету, сбрасывается съ сѣдла, приникая, на всемъ скаку, къ землѣ; или когда онъ, высвободивъ ноги изъ стремени, перекидываетъ ихъ, одну вмѣсто другой, и оборачивается, тоже на всемъ скаку, лицомъ къ хвосту; или когда, изогнувшись въ-три-погибели, онъ обхватываетъ, изъ-подъ-низу, шею своего скакуна; или когда длинною пикою вертитъ около него, не задѣвъ ни себя, ни его и не пугая коня нечаянными ударами — право, кажется, такъ вотъ и слышишь какъ кровь въ самомъ тебѣ кипитъ, такъ вотъ и подмываетъ тебя махнуть рукой на всѣ утомительныя въ эту минуту приличія и натѣшить свою душеньку распашною удалюю.

Э, да чего тутъ церемониться! Тѣшься душа въ волюшку! Гуляй, наши, куда ни шла! Была не была, а сердечко порадую! Я визгнулъ, гикнулъ, хватилъ коня по крутымъ бедрамъ и понесся себѣ, сломя голову, куда кривая ни вынесетъ! всѣ лошади сосѣдей моихъ шарахнулись; но степенные Киргизы придержали ихъ, не безъ смѣху, а чай, подивившись моею гулливости. Но, погода немножко, изъ общаго строя сановитыхъ Киргизовъ, отдѣлился одинъ наѣздникъ; потомъ, еще маленько спустя, другой; слѣдомъ за нимъ пошелъ кружить по степи третій — какой-то почетный человѣкъ. Я далъ вздохнуть своей

лошадкѣ, укротивъ ея прыткій бѣгъ полною рысью; гляжу на главную партію: что жъ вы думаете? Самъ султанъ крѣпился-крѣпился, а вѣрно ужъ и его сильно разобрало. Онъ тоже гикнулъ и, слѣдомъ за нимъ, бросилась въ розсыпную вся толпа его свиты.

Мѣсто выдалось знатное, равнина такая, что куда не обернись — нигдѣ ни крутой ложбинки, нигдѣ ни пригорка: ровно такъ, что хоть шаромъ покати!

Мы искрестили ее во всѣхъ направленіяхъ: и вдоль ея мчались, и поперегъ переѣзжали, и выдѣлывали круги, то всѣ вмѣстѣ, то каждой всадникъ особо кружилъ, то здѣсь, то тамъ, какъ случится.... Нечего сказать, отвели мы душу съ охоткою! И что такое, кажись, надѣлали мы путнаго? вѣдь ровнешенько ничего? а сердцу веселѣе стало!

Но полно, довольно. Мы, будто сговорились, разомъ всѣ въ одно время гарцовать перестали и столпились въ одну общую кучку, усноковъ разгоряченныхъ лошадей и пустивъ ихъ идти шагомъ. Доброе расположеніе духа насъ не покидало и молодые батыри, одинъ за другимъ, затягивали пѣсни. Нѣкоторые изъ нихъ не то чтобы пѣли, а на распѣвъ разсказывали, мѣрно и складно, должно быть какія-нибудь старинныя богатырскія похождения, по временамъ перемѣняя главный напѣвъ, который все-таки тутъ слышался, и продолжая рѣчь скороговоркой. Другіе пѣли обыкновенныя пѣсни. Онѣ очень мнѣ понравились, хоть я и не понималъ въ нихъ ни полслова. Мнѣ нравился голосъ пѣсни; въ ней слышалось веселье, отъ нея будто бы вѣяло радостью, такъ бы вотъ, кажись, и началъ бы подтягивать пѣвцу, еслибъ слова зналъ, да добрался бы въ нихъ толку. Голосъ былъ немудреный и хорошо удерживался въ памяти. А все не то, что наша родная русская, хоть бы плясовая, пѣсня! Все татаринномъ пахнетъ! Складъ какой-то не русскій: оно, и точно, нравится, а все-таки слышно чужое, ненашинское. А тѣ пѣсни, что невеселѣе поются и въ которыхъ звучитъ сердечная невзгода — тѣ и еще несходственнѣе нашихъ напѣвомъ: видно татаринъ и груститъ и веселится иначе, чѣмъ русскій человѣкъ. Отъ плясовой русской пѣсни

у меня плечки задергаеть, ноги сами заходятъ, отъ заунывной — въ груди какъ то болѣзненно сердце сожмется, а Киргизская пѣсня и хороша, и нравится, да ужь душѣ то моей ничѣмъ она громко не сказывается.

Двигаясь все впередъ да впередъ, мы опережали и отдѣльныя партіи верблюдовъ, и стада аульнаго скота. Караванъ верблюдовъ растягивался на нѣсколько верстъ и перерывался по часту пустыми промежутками. Каждая партія каравана извивалась по степи длинною, змѣвившеюся линіей; и чопорное животное переважно отпѣривало шаги, выступая, точно губернская щеголиха, жеманною походкой. Голодные, особенно на сегоднешній день, собаки плелись за караваномъ и по сторовамъ его, опустивъ хвосты мочалкой, понуривъ головы и длинно высунувъ опухшіе отъ жару языки. Ребятишки дремали на рукахъ матерей, а тѣ, которые сами умѣли на ногахъ держаться, съ боязливымъ любопытствомъ выглядывали на нашу толпу, болтаясь между тѣмъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ они прикрѣплены были къ верблюжьему вьюку или къ материнскому сѣдлу.

Женщины, должно быть, порядкомъ истомились отъ пути. Жарынь была страшная; безвѣтренное вѣдро; а онѣ плелись, какъ черспахи, самымъ медленнымъ шагомъ, за верблюдами, или на верблюдахъ. Одѣтыя въ теплыя, стеганныя хивинскіе халаты, въ накрученныхъ на голову большихъ бѣлыхъ платкахъ и ничѣмъ не защищенные отъ зною, онѣ, бѣдняжки, раскраснѣлись пуще вареныхъ раковъ; по прядамъ выбившихся изъ подъ платка густыхъ, черныхъ и жесткихъ волосъ и по всему лицу, потъ градомъ катился. Не смотря на это, утомленныхъ работницъ ждали еще новыя заботы, новая утомительная возня — разбивать шатры, прибирать попрежнему кибитки и хлопотать по хозяйству на новомъ стойбищѣ, отъ котораго мы впрочемъ были уже не далеко.

Табуны лошадей шли другой дорогой и не смѣшивались съ другими стадами. Медленнѣе всѣхъ передвигались предводительствуемые козлами бараны. Они, походя, пощипывали травку, долго останавливались на одномъ и томъ же мѣстѣ, часто раз-

бредались къ разнымъ сторонамъ и, чтобъ загнать ихъ въ одну общую араву, надо было почти понапрасну терять много времени, потому что они безпрестанно то растекались широкимъ строемъ, то вытягивались узкою, но длинной полосой, пока верховые пастухи и привычныя собаки снова не сгоняли ихъ въ кучу.

Мнѣ всегда смѣшно было глядѣть на этихъ очень полезныхъ животныхъ. Правда, они смиренны и кротки, но ужъ за то не могутъ похвалиться ни бойкостію ума, ни способностію быстро соображать обстоятельства: кажется, природа, при раздачѣ каждому скоту разныхъ достоинствъ, обошла барановъ толкомъ и понятливостію, и признала за необходимое дать имъ въ наставники козловъ: безъ козловъ — бѣда баранамъ!

Бараны, напримѣръ, пасутся очень спокойно и все идетъ у нихъ таково-ладненько. Вдругъ найдетъ на нихъ этакое затмѣніе — передніе вдругъ всѣ разомъ остановятся, будто столбнякъ на нихъ найдетъ: всѣ задніе, глядя на нихъ, тоже остановятся, сжавшись рядами и недвигаясь ни въ которую сторону. Хоть ты что хочешь съ ними дѣлай—безъ козловъ никакъ ихъ сейчасъ же не перегонишь на другое мѣсто: испугаются ли они чего, либо что другое — Богъ ихъ знаетъ! И воятся съ ними пастухи и загонщики долго—ну, ни съ мѣста, да и полно! такой видно найдетъ на нихъ невзгодливый часъ, или проклятое упрямство обудеть ими. Случалось мнѣ видать, что загонщики, перегоняя безъ козловъ баранье стадо, допасутъ его до такого мѣста, что приходится миновать только кое какъ слаженный мостикъ, а тамъ сейчасъ ужъ и видны богатые луга. Все идетъ ладно и хорошо. Но у самаго моста заупрямятся передніе бараны: остальные всѣ на походѣ подождутся къ нимъ, стѣсняются въ кучу, начнутъ толкать и давить другихъ и растеряются такъ, что право смѣшно бываетъ взглянуть на ихъ озабоченныя и испуганныя мордочки. И ничѣмъ этого испуга нельзя изъ нихъ вышибить, ничѣмъ стадо нельзя успокоить отъ нежданно-постигшаго ихъ страха. Одно только и есть средство: схватить одного изъ переднихъ барановъ за задъ и поволочить его по мосту, такъ чтобъ глупому животному самому довелось на не-

редкихъ ногахъ его преползти — страхъ со всѣхъ какъ рукой сниметь, испугу и въ поминѣ не останется: всѣ какъ разъ перобредуть по сокрушавшему, должно быть, ихъ мосточку, и преселенскіе-такіе раскинутся по свѣженькой зелени луговъ.

Въ степи, благодаря этой всегдашней зелени, чистотѣ воздуха и открытому ровному мѣсту, гдѣ взоры свободно и легко окладываютъ пространство на цѣлые десятки верстъ — у нашего брата горожанина чрезвычайно какъ быстро поправляется и укрѣпляется зрѣніе, повспорченное дома и пылью, и бѣлзною стѣнъ городскихъ строеній, и усидчивымъ трудомъ за мелкою работою, и разными-разными обстоятельствами. Въ степи чрезвычайно скоро приучаешься соображать разстоянія, внимательно всматриваться въ отдаленные предметы, и узнавать ихъ сперва по чужому указанію да по собственному своему соображенію видимыхъ принадлежностей предмета, а потомъ и по дѣйствительно-ясному очертанію ихъ наружнаго вида.

Въ нашихъ мѣстахъ, тотъ ужъ можетъ похвастаться хорошимъ зрѣніемъ, кто стоя у верстового столба, видитъ по прямо взглянутому волотну дороги, другой верстовой столбъ и слѣдующую за нимъ вторую версту. Въ степи это ни почему: тамъ люди за пять, а говорятъ что и за семь верстъ, съумѣютъ различить предметы: все это отъ крѣпости зрѣнія, да и отъ привычки тоже. Узкоглазый Киргизъ укажетъ вамъ на какую то точку, едва едва примѣтную на горизонтѣ, сощуритъ свои щелки, вопьется взглядомъ въ едва замѣтное для васъ пятнышко— «а!» говоритъ, «это хивинскій караванъ идетъ!» или «это казаки ѣдутъ», или «это такіе то подкочевываютъ!» У него ужъ каждое пятнышко заучено: стройные ряды казаковъ съ пиками, или долгую нить извивающагося каравана, или безъурядныя толпы степныхъ наѣзджиковъ, онъ какъ разъ отгадаетъ... да, именно отгадаетъ, еще въ то время, когда и всѣ кони и всѣ всадники представляются его глазу безразборчивымъ темнымъ пятномъ; а знаніе времени, когда проходятъ хивинскіе караваны, или когда, куда и откуда перекочевываютъ однородцы, сейчасъ наведетъ ихъ мысли на вѣрное опредѣленіе качества и кнѣреній завидѣнныхъ гостей.

Я тоже приметался къ этимъ хитростямъ, воспользовавшись уроками и наставленіями Киргизовъ, и умѣлъ различать вдали разные предметы. Если, бывало, увижу далеко-далеко-такое что-то такое движущееся, словно муравьиный рой, или такое длинное узенькое пятно, и надъ нимъ рыжеватое облако пыли, я ужъ и знаю, что это стадо барановъ, а около нихъ рѣденькія, но рѣзкія черныя точки—это верховыя пастухи, загоняющіе разбредшихся овецъ. Если въ замѣченномъ мною далескомъ пятнышкѣ кучки роятся, пестрѣютъ и переливаются разными цвѣтами—это быки да коровы; а если я увижу черныя крупныя полосы и облака пыли, которыя не надъ ними вьются, а клубятся впереди или позади ихъ — значитъ это табуны лошадей, которые, по величинѣ своей, крупнѣе и обрисовываются. Отъ этого стада сейчасъ можно отличить купеческій караванъ. Верблюды, по дальнимъ холмамъ и ложбинамъ, извиваются словно длинная лента, въ которой цвѣта, больше или меньше, то тутъ, то тамъ, затуманиваются неровными переливами: между верблюдами—небо выясняется, а полоса, обозначающая конскій табуны, всегда кажется плотною. Да и фигура верблюда, вьючнаго или порожняго, слишкомъ разнится отъ фигуры всякаго другаго скота: и по росту и по долгой шеѣ, его скоро признать можно. Если при верблюдахъ замѣтишь, по сторонамъ, скотскія стада—это перекочевка Киргизовъ, а не купеческій караванъ: — въ нему скоро можно приглядѣться; а ужъ толпы конныхъ Киргизовъ ровнешенько ни почему отличить отъ казачьихъ отрядовъ: казаки на походѣ идутъ стройной колонной, а Киргизы разбѣгаются безпорядочными артелями: какъ тутъ ихъ не отличать? Не мудрено тоже и коннаго путника отличить отъ пѣшаго: было бы только съ чѣмъ сравнить, а то небольшая мудрость догадаться, что выше и длиннѣе кажется конный всадникъ, а низенькая тощенькая черточка—пѣшеходъ-горемыка: ужъ стало быть и въ самомъ дѣлѣ бѣднякъ, коли для степнаго пути, не то что коня—быка неимѣетъ, и принужденъ томиться, разгуливая по жарѣ пѣшкомъ и слоняться изъ аула въ аулъ для необходимаго отдыха и пріюта у чужаго очага.

Но, слава Богу, въ степи мало бросается въ глаза такихъ бѣдняковъ, чтобы ничего таки своего не имѣли: если же не-

счастье такое случится, то у них выпутаться изъ бѣды есть три средства: или таскаться по гостямъ въ чужихъ аулахъ, или навязаться на шею какому нибудь степному богачу между своей братьи, или идти въ работники къ зажиточнымъ домохозяевамъ. Этихъ зажиточныхъ людей въ степи гораздо больше. И, понятное дѣло, что такой человекъ, не имѣя промысловъ и занятій, и не имѣя тѣхъ развлеченій, которыми предаются у насъ богатые люди, а между тѣмъ понимая, что его недостатокъ доставляетъ ему все нужное для степнаго благосостоянія, и поэтому вовсе не желая неволить себя трудными и утомительными работами, богатый Киргизъ предается бездѣйствію, предоставивъ всѣ заботы о домѣ женѣ, старшему сыну или другимъ работникамъ, а самъ дѣлается лежебокой, когда-то когда, и то не всякій день, рѣшаясь осѣдлатъ коня да поѣхать взглянуть на пасущіяся стада.

У насъ напримѣръ, день-то деньской настанетъ — торговецъ въ лавкѣ торгуетъ, купецъ—дѣлами своими занимается, помѣщикъ—хозяйство свое дозируетъ, чиновникъ—на службѣ занимается, а богатому Киргизу и горя мало: ему, видите, жарко—поѣзжиться надо, нужно вотъ въ растяжку на коврѣ валаться! Вечеркомъ у насъ добрые люди, подкрѣпивъ себя послѣобѣденнымъ сномъ, или снова утреннимъ занятіямъ предаются, или развлекаютъ себя какими ни есть благородными развлеченіями: кто книжку читаетъ, исторію что ли какую, либо что другое, кто для препровожденія времени, на бесѣду идетъ къ пріятелямъ, ну, въ карточки поиграть тоже надо.... ну, въ театръ сходить, мало ли что можно прибрать какъ горожанину у насъ время коротать можно. А богачи Киргизы садутъ себѣ на корточки, пріютятся поближе къ лохани съ кумысомъ, да рассказываютъ другъ дружкѣ сказки про давнія бывалыя времена, либо тѣшатъ себя музыкой, приказывая пѣвцамъ играть на балабайкѣ и распѣвать длинные богатырскіе рассказы; а коли и этого нѣтъ, такъ Киргизъ отъ скуки вѣточку ножомъ стругаетъ—только у него и дѣла! А хлопотъ мало: онъ богатъ, всего у него довольно, нужды не знаетъ и живетъ припѣваючи.

Такіе бываютъ богачи, что сами счета своимъ богатствамъ не знаютъ, не знаютъ много ли у нихъ въ табунахъ лошадей, а

ужь про прочій скоть и говорить нечего! И хотѣлъ бы—такъ растранирить танаго богатства невозможно. Въ карты, конечно, Киргизы умѣютъ играть; но вистъ и преферансъ знакомы только, какъ бы сказать, высшему классу: чиновнымъ, статейнымъ Киргизамъ. Ну, да въ карты же играется на деньги, а на деньги Киргизъ настоящая трясушка: большой игры не заведетъ онъ. Вотъ другое дѣло, играть на барановъ—то такъ!

Большинство народа, особенно дальніе Киргизы, объ картахъ и понятія не имѣютъ: за то у нихъ есть другая игра—альчики, кости, зернь, а это стоитъ нашей «горки» или хотъ и «банка». Играютъ и въ шахматы: по ихъ словамъ, это Киргизская народная игра. И мастера же они на нее большіе и предаются ей съ такимъ жаромъ, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ важнымъ дѣломъ занимаются. Шахматныхъ игроковъ всегда обступаютъ цѣлая толпа постороннихъ зрителей, раздѣляющихся на партіи и держащихъ сторону то того, то другаго игрока.

Шахматные игроки поставятъ на землѣ, среди кибитки, шашечницу и засядутъ за нее, поджавъ ноги калачикомъ; а свидѣтели всѣ тутъ же разлягутся, растянувшись животомъ на кошмахъ и коврахъ полукружіемъ, стѣснившись головами около игроковъ, подперивши скулы локтями и раскинувъ ноги, какъ кому удобнѣе. У инаго внимательнаго наблюдателя игры тубетейка слѣзетъ на самый затылокъ, или свалится совсѣмъ на сторону, а онъ и не слышитъ, да не только этого, не слышитъ даже, что вновь вошедшій посѣтитель самъ на него, какъ на подушку какую навалился. Съ инаго потъ льется градомъ, а ему некогда вытащить изъ за пазухи платокъ, да обтереться имъ: такъ мысли его заняты предстоящимъ ходомъ, такъ онъ бонтся встревожить ихъ, или разогнать малѣйшимъ движеніемъ. Иногда игроку хочется и табачку понюхать; и шибко разбираетъ сго эта охота, особенно когда взоръ его, какъ нибудь нечаянно, упадетъ на сизій и внезапно осіявшій пламенемъ носъ близъсидящаго сосѣда, только-что успѣвашаго совершить понюшку изъ обдѣланнаго въ серебро коровьяго рога, замѣняющаго табатерку. И протянетъ ужь онъ руку къ рогу, или къ тавлинкѣ, даже ужь ухватитъ пальцами зловонное зелье, и поднесетъ ужь къ себѣ къ носу этотъ щипокъ съ отпырен-

накинь на сторону и дѣйствуй, и вытнеть верхнюю губу и сощуришь глаза, и круто приподнимешь брови, приготовившись нюхнуть это снадобье, кажется, такъ-вотъ, сію минуту и закидаешь его себѣ въ носнице... Но свѣжая мысль озарила бритую голову, явилась новая идея какъ лучше переставить шапку—и вотъ рука, подносящая угощенье, все понемножку-понемножку отдѣляется отъ возари, сощуренные глаза устремляются на одну клетку шашечной доски и раскрываются все шире и шире; осіявшая соображеніемъ голова игрока медленно начинаетъ пошевеляваться, будто поворачивается на негибкой шеѣ и бобковое наслажденіе, сомкнутое двумя перстами, теперь уже ослабѣвшими и безчувственными къ табачнымъ порошникамъ, сыплется и осыпаетъ дорогой халатъ богатаго Киргиза зеленоватою пылью. И табакъ, и все на свѣтѣ забыто! Одинъ игрокъ не успѣлъ еще и ходу сдѣлать, а его противникъ считаетъ уже всѣ вѣроятныя его движенія и, приложивъ палецъ ко лбу, сердито насушивъ брови, съ сапѣнемъ надувъ губы и ни на кого не глядя, а весь превратившись въ какой-то сидячій истуканъ, дѣлаетъ различныя игрецкія соображенія: какъ бы утопить пріятеля и выиграть его игру.

Киргизы очень пристрастны къ шахматной игрѣ; однакожь едва ли не больше любятъ они слушать старинныя сказки: для сказки Киргизъ, кажется, готовъ отъ обѣда отказаться. Разуется, это говорится только такъ, ради пущей важности, а то, конечно, какъ сказка ни будь хороша, а если обѣдъ готовъ, да притомъ же еще вкусенъ, да и на желудкѣ-то у меня сильно сказывается, такъ ужъ гдѣ найдется такой простофиля, что онъ, для сказки, обѣдать не станетъ?...

Когда мы переѣзжали на новую кочевку, такъ и тогда молодые люди, сопровождавшіе насъ, какъ я уже сказалъ, потѣшали насъ то играми, то пѣснями; и изъ этихъ пѣсней сказочными законченія прежнихъ богатырей выслушивались воина съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ, хоть, можетъ быть, не въ первый, а вѣроятно въ сотый разъ. Въ числѣ этихъ пересказовъ о богатыряхъ, у Киргизовъ передается множество басенъ и притчей о похожденияхъ знаменитыхъ киргизскихъ женщинъ, о баснословныхъ султанскихъ женахъ и другихъ. Это просто романы, въ которыхъ только и говорится, что о

любви и о сердечных неклонностях горделивыхъ султанши къ общипаннымъ и оборваннымъ настухамъ и табунщикамъ сабтасенныхъ ихъ стада.

Мы между тѣмъ подвигались все дальше и дальше и, черезъ нѣсколько часовъ пути, къ вечеру, этапъ часа за три до заката, очутились на берегу какой-то рѣчки, забывъ уже теперь какъ эта рѣчка прозывается, но, видѣ это не важное дѣло.

Многіе Киргизы, вышедшіе караваномъ гораздо раньше насъ, были уже тутъ на мѣстѣ; у многихъ верблюды развьючены и отпущены на пастбу; шатры разбиты и все приведено въ порядокъ. Иные только еще что прибыли и разставляли кибитки. Въ одномъ мѣстѣ еще только устанавливались рѣшетки, въ другомъ хозяева насаживали на нее жердянный полукруглый сводъ, а въ иномъ ужъ и кошмами ихъ окутывали. Всѣ были за работой.

Подъ новую стоянку мѣстечко было выбрано удачно. Ровная, какъ скатерть, луговина была покрыта такою чудесною муравою, что право, любясь ея наумрудною зеленью, не грѣхъ сравнить ее съ бархатнымъ ковромъ, на которомъ, въ видѣ узоровъ, то тамъ, то сямъ, торчали то темнозеленые пучки приземистаго кустарника, то синенькіе колокольчики, то альбе крестовники-цвѣточки, то бѣлыя маргаритки, то простые желтые полевые цвѣтки, то бѣлесоватыя косицы шелковистаго ковыля, изъ котораго свирѣпыя Бухарцы и другіе изобрѣтательные въ мѣтахъ ихъ сосѣди сдѣлали такое страшное орудіе казни, но который у русскихъ людей служить вѣрнымъ предзнаменователемъ необычайнаго урожая хлѣба, если поросшее ковылемъ поле вздрать хорошенько и засѣять зерномъ.

Рѣчка, окаймлявшая нашу новую кочевку, бѣжала издавна и протекла на большомъ разстояніи. Русло ея, у самыхъ нашихъ коней, было отъ насъ сокрыто горнестою мѣстностию этого берега. Сдѣлавъ поворотъ около стойбища, потокъ начиналъ на открытое мѣсто и рѣзво струился по степи, та казалась узенькою смехою ленточкой, та разливалась широкимъ лѣсомъ, будто огромное зеркало. Въ него глядясь и слышныя обрывы азиатскаго берега, котораго бурьянныя откосы отличались темною зеленою жесткою стынкою; даль

лась и меза, потрещивающая коротенькимъ хвостикомъ, выскочивъ лучший путь, гдѣ бы ей, безъ лишнѣхъ прыжковъ, подняться на этотъ пригорокъ; глядѣлась и черная безъ отгѣвѣтъ перова, пришедшая на водошой и взмучившая чистыя воды потока, сабравшись, по самое брюхо; въ прохладныя его струи; глядѣлась и шаловливая Киргизская дѣвушка, приглаживаясь и охорашиваясь, въ ожиданіи жениха, которому ужъ она успѣла назначить тутъ свиданіе...

По ту, по нижешнюю сторону рѣчки разстиралась степь необозримая—въ одной только сторонѣ обрѣзанная грядою довольно высокѣхъ холмовъ, покрытыхъ обыкновенными степными растеніями, по безлѣсныхъ; за то по сю сторону потока, и недалеко отъ насъ, по направленію къ западу, вдругъ будто выросъ передо мною цѣлый боръ, который я замѣтилъ только тогда, когда солнце, склоняясь къ закату, сокрылось за крайними деревьями его опушки, и, сквозь рѣдкія вѣтви, осыпало насъ своими радужными снопами своего сіянія.

Аулъ уже весь собрался и образовалъ изъ себя снова людное селеніе. Устроивши свои дѣла, Киргизы, незадолго до заката, посвятили нѣсколько минутъ вечерней молитвѣ, потомъ покончили хлопоты съ домашнимъ скотомъ и поспѣшили справиться свое новоселье уничтоженіемъ безсчетнаго количества лошадей съ кумысомъ.

— Ну, Авдотья Ивановна, намъ сегодня плохой ужинъ будетъ! говорила моей хозяйкѣ султанская жена, страшнымъ образомъ зомая русскій языкъ.

— Чтоже-съ? ничего! сыты будемъ, Богъ дастъ! отвѣчала Авдотья Ивановна.

— Да вѣдь сегодня мы и барана не рѣзали, такъ захопотались; ну, и пилава не готовили: не знаю ужъ чѣмъ мнѣ васъ и угощать придется!

— Ну, Авдотья Ивановна невзыщеть! замѣтилъ тутъ самъ Султанъ: — мы чай будемъ пить, кумызъ будемъ пить; ну, куртъ есть у насъ; ну, сдѣлаемъ болтушку... одинъ день ничего, зато завтра мы вотъ какъ весело день проведемъ, просто зашируемъ... А, да кстати, знаете ли что? Я не на шутку хочу задать ширъ — на этой же недѣлѣ будетъ! Завтра самъ

пойду знать гостей, въ другіе аулы разоннымъ гошцовъ; ошот-
стимъ всѣхъ батырой о скачкѣ — загулемъ! Я же дажно не
задавалъ «тула», то есть пира.

Авдотья Ивацонда пришла да и пересказала мнѣ это. При-
знаться сказать, нежданъ я такого умѣреннаго ужина, тѣмъ бо-
лѣе что съ ранняго утра неѣлъ, да и отъ верховой ѣзды меня
порядкомъ растрясло. Спасибо Феклѣ: отрыла гдѣ то въ кѣн-
кахъ засохшіе остатки домашнихъ булокъ да пироговъ. Посме-
тримъ, каково-то будетъ киргизское пированье.

И. ЖАРКОВЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЗАНИСКИ МИСТРА ЖЕЛТОПЛОУЩА.

—

РОМАНЪ ТЕККЕРЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

МИСТЕРЪ ШЕМЪ.

Я родился въ тысяча-восемь-сотъ-первомъ году; слѣдственно, мнѣ теперь тридцать-семь лѣтъ отъ роду. Маменька назвала меня Карломъ Эвардомъ Гаррингтономъ Фицроемъ.

Трудно рѣшить, почему она дала мнѣ это имя; только оно осталось при мнѣ на цѣлую жизнь.

Я мало могу сказать вамъ о моей родительницѣ: вообще дорогая старушка была ко мнѣ добра какъ нельзя больше.

Въ одно утро, моя бѣдная родительница умерла: вѣчный ей покой! и я остался одинъ-одинехонекъ на этомъ пространномъ, грѣшномъ свѣтѣ, безъ гроша, такъ-что не на что было купить копѣчной булки къ завтраку. Но нашлись добрые сосѣди; — они сжалились надъ сиротой бѣдной Сарры, — и дали мнѣ кусокъ хлѣба и приютъ. Только, не смотря на всю ихъ доброту, боюсь, моя мораль не слишкомъ бы развилась, еслибъ

я у нихъ остался подольше. Но мнѣ увидѣлъ одинъ добродушный джентельмэнъ и опредѣлилъ въ школу. Академія, въ которую я поступилъ, называлась бесплатною школою Варфоломея-меньшаго; молодой джентельмэнъ носилъ зеленый байковый кафтанъ, желтые лосинные штаны, жестяную шляпу на рукѣ и преоригинальную шапку. Я оставался въ школѣ шесть лѣтъ, то-есть, съ седьмаго по тринадцатый годъ; въ первые три года я не мало отличался по части музыки: надувалъ мѣха въ церковномъ органѣ, и разыгрывалъ славныя вещи.

Стоить ли рассказывать о моихъ дѣтскихъ шалостяхъ: какія штуки мы строили съ яблочной торговкой; какъ пачкали книги у стараго писца; и чего еще не бывало! Вотъ, разъ въ классы входитъ какой-то джентельмэнъ, и спрашиваетъ у учителя, нѣтъ ли мальчика въ ученіе: это случилось въ тотъ день, какъ я принимался за вычитаніе. Указали на меня, и слѣдующій день нашелъ меня спящимъ въ судомойнѣ, подъ лоханью съ помоями, въ загородномъ домѣ мистра Баго, въ Пентонвилѣ.

Баго держалъ лавку на Смитфильдскомъ рынкѣ, и велъ славную торговлю масломъ и ветчиной. Я слышалъ отъ него, что онъ получалъ чистыхъ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, отдавая въ наемъ лиценую комнату на Ньюгэтъ. Но моя служба была при загородномъ его домѣ, гдѣ я впервые вступилъ въ большой свѣтъ.

Я жилъ здѣсь не долго: случилось обстоятельство, которое доставило мнѣ другое мѣсто. Одному прекрасному молодому джентельмену, который держалъ тильбюри и наемныхъ лошадей, понадобился грумъ. Я тотчасъ же бросился просить мѣста, и какъ мальчикъ смазливый и опрятный, немедленно получилъ его. Баго далъ мнѣ аттестатъ; можете вообразить, какъ мнѣ было это лестно.

У моего новаго хозяина было въ городѣ какое-то дѣло: онъ выѣзжалъ каждое утро въ десять, выходилъ изъ тильбюри у дороги въ Сити, куда я потомъ выѣзжалъ за нимъ въ шесть часовъ; отсюда, въ лѣтнее время, онъ отправлялся въ паркъ и тамъ раскатывалъ въ шегольскомъ экипажѣ. Хозяинъ мой прѣдъель, а я, рядомъ съ нимъ, франтилъ въ шланѣ съ носуней: томъ, въ синемъ кафтанѣ и красномъ камзолѣ. Я ужъ никакъ

нать поглядывать на дѣвушекъ въ экипажахъ, и чувствовать то влеченіе къ фэшнебельной жизни, которое въ-дослѣдствіи никогда меня не оставляло. Когда хозяинъ былъ въ оперѣ или театрѣ, я отиравался въ кегельный домъ, или Бѣлые Кондаскіе сады, а молодой грумъ мистра Фредерика Алтамонта что-нибудь да значилъ, будьте увѣрены: въ Пентонвилѣ, слугъ изъ мужчинъ очень мало, такъ-какъ народонаселеніе болѣею частью состоитъ изъ женскаго пола: вотъ почему я въ четырнадцати лѣтъ былъ совершенный мужчина, какъ бы сто лѣтъ прожилъ.

Но вотъ диковина: Алтамонтъ, малый разбивной, жилъ просто въ трущобѣ. Квартира его въ Ивановской улицѣ находилась въ нижнемъ этажѣ и состояла всего-на-все изъ гостиной, да спальни. Я почевалъ черезъ улицу и приходилъ къ нему только утромъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Алтамонтъ, принадлежалъ мистру и мистриссъ Шэмъ. Эта бѣдная наивмала домъ съ давнихъ лѣтъ, и, помѣщалась въ немъ съ семьей порядкомъ тѣсно, могу вамъ доложить.

Шэмъ говорилъ, что онъ офицеръ: такъ дѣйствительно и было. Онъ служилъ подъ-депутатомъ, ассистентомъ, вице-комиссаромъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и какъ я потомъ слышалъ, принужденъ былъ оставить службу по слабонервности. Онъ былъ такой трусъ, что сочли опаснымъ держать его въ арміи, и отравили во-своемъ.

Онъ женился на вдовѣ Букмистръ, урожденной миссъ Сламко, изъ Бристола. Отецъ ея, торговецъ сальными свѣчами, обанкрутился и, разумеется, оставилъ ей порядочное приданое. За нею дали тысячу фунтовъ, и она поднимала носъ, будто милльонерка.

Букмистръ умеръ, не оставивъ ничего; ничего, кромѣ безобразныхъ дочерей отъ миссъ Сламко: сорочка фунтовъ годоватаго дохода было мало по ея аппетиту и прихотямъ. Въ несчастливый для Шэма часъ она встрѣтила его. Онъ былъ вдовецъ, съ маленькой трехлѣтней дочерью, маленькимъ домомъ въ Пентонвилѣ и маленькимъ доходомъ, почти равнымъ доходу мистриссъ Букмистръ. Миѣ кажется, она страхомъ втранила бѣдана въ женитьбу, причѣмъ пожелано было ездаты нажить

этажъ въ насѣ, и такимъ образомъ увеличить сколько нибудь средства семьи.

Обвинчались; вдова Букмистръ была злѣе вѣдьмы, могу васъ увѣрить. Она вѣчно толковала и шумѣла о своей роднѣ, о знаменитости Букмистровъ, и древности Сламко. У нихъ въ домѣ было шесть комнатъ, не считая кухни и судомойни, и въ настоящее время двѣнадцать дочерей всего навсе; именно: четыре миссы Бѣкмистръ: миссъ Бетси, миссъ Доли, миссъ Бидди и миссъ Цинни; одна миссъ Шѣмъ, по имени Мэри, дочь Шѣма, и семь другихъ, которыя останутся безъименными. Мистриссъ Шѣмъ была жидкая, красноволосая женщина, по крайней мѣрѣ на футъ выше мистра Шѣма; послѣдній былъ не больше четырехъ съ половиною футовъ, блѣднолицый, красноносый, кривоногий, плѣшивый, и, въ придачу, носъ и манишка вѣчно въ табакѣ.

Въ садикѣ передъ домомъ, всюду развѣшено было бѣлье. Семья была такъ многочисленна, что по-неволю стирали частями. На шести торчали чулки, а на четырехъ кустахъ крыжовнику вѣчно красовались простыни или что другое. Передняя была настоящая лужа; мокрые концы столоваго бѣлья били вамъ по лицу; воняющіе мыломъ лоскутки фланели чуть не задушали васъ; и вы, глядя вверхъ, чтобъ не повѣситься на растянутыхъ крестъ-на-крестъ веревкахъ, часто натыкались колѣнами на какое-нибудь ведро, такъ что, бывало, изъ силъ выбьешся. Неряхи, большія дѣвчонки вѣчно суетились около гадкихъ цвѣточныхъ горшковъ, или возились со стиральной или развалясь по окнамъ въ сальныхъ папильоткахъ, читали грязные романы. Адекіе клавикорды брячали съ утра до ночи: двѣ старшія миссы Бѣкмистръ разыгрывали «Прагскую битву»; шесть младшихъ миссъ Шѣмъ — «Какъ у меня въ хижинкѣ», такъ что я выучилъ наконецъ каждую нотку въ Прагской битвѣ и провѣялъ день, когда кому — то вздумалось написать: «Какъ у меня въ хижинкѣ». Меньшія дѣвчонки также цѣлый день прыгали и шныряли по дому, въ изодранныхъ передникахъ, съ изгрызенными грамматинами и огромными кусками хлѣба, намазаннаго патокой. Не выдѣвалъ другаго такого дому! А мистриссъ Шѣмъ была такая бѣлоручка, что ничего не дѣлала, лежала въ гостиной на софѣ, читала романы, пивъ,

бранилась, кричала, да падала въ истерику. Малорослый Шёмъ, когда не училъ дѣтей, перечитывалъ старыя газеты: са недѣлю, или ходилъ за пивомъ, или чистилъ сапоги: прислуги они не держали. Словомъ, этотъ домъ былъ настоящая Пандемонія.

Что же побудило мистра Фредерика Альтамонта жить въ такомъ мѣстѣ? Причина на лицо: онъ обожалъ первую миссъ Шёмъ.

И правду сказать: вкусъ не дурной. Хотя всѣ другія дочери пошли по матери и были безобразны до крайности, Мэри Шёмъ была премиленькая, розовенькая, скромная дѣвочка, съ черными, лоснящимися волосами, нѣжно-голубыми глазами и бѣлою какъ алебастръ шею. Ходила она въ ужасно старомъ черномъ платьѣ, которое давно стало ей коротко и узко; это платьице еще лучше выказывало ея миленькія ножки и чудный станъ. Хотя Альтамонтъ и низковато выбралъ дѣву сердца, за то не ошибся въ выборѣ. Едва ли можно было найти дѣвущку красивѣе и милѣе. Я всегда давалъ ей поджаренный ломтикъ хлѣба съ масломъ, который оставался отъ нашего завтрака, предлагалъ чашку чаю или шоколату, какъ бывало вздумается Альтамонту; и бѣдняжка была рада-радехонька, смѣю поручиться; вѣдь у нихъ на верху столъ былъ не слишкомъ сытный, а у нея еще меньше.

Казалось, что въ семьѣ Шёмъ, одинъ передъ другимъ на перебой старался обижать бѣдняжку. Четыре Бѣкмистръ вѣчно ванадали на нее: Мэри, подай ящикъ съ угольемъ; Мэри, сбѣгай въ трактиръ за пивомъ; Мэри, я надѣну въ театръ твои чистые чулки, или твою новую шляпку. Только бѣдный отецъ былъ къ ней ласковъ; но въ ласкахъ-то старой куклы что было проку? Мэри терпѣливо переносила всѣ обиды.

Никогда не забуду я одной сцены. Альтамонтъ былъ въ горѣ, поэтому дѣла у меня не было; я стоялъ на лѣстницѣ и подслушивалъ. На старыхъ клавинодахъ разигривалась старинная арія: Прагская битва. Старый Шёмъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе. Всѣ дѣвочки расхохотались; мистриссъ Шёмъ за ними; всѣ, кромѣ Мэри, которая разгорѣлась какъ огонь, и подбѣжавъ къ миссъ Бетси Бѣкмистръ, задала сестрѣ таить двѣ затрещины, что у ней зазвенѣло въ ухахъ, краснѣть и большихъ.

Старая мистриссъ Шёмъ взошла и бросилась на Мэри какъ тигрица. Ея длинныя руки заходили словно крылья у дѣтской мельницы, когда она начала хлестать и тусить бѣдную дѣвушку за то, что та вступилась за отца. Мэри Шёмъ, всегда сдержанная, теперь не проронила ни одной слезинки. Опять тоже сдѣлаю, говорила она, если Бѣгомъ станетъ обнимать моего отца. Новые туманы, новыя вскрикиванья! и старая вѣдьма продолжала бить бѣдную Мэри, пока не утомилась сама и не ушла на софу, задыхаясь.

— Не стыдно-ли тебѣ, Мэри, вскорѣ началъ старый Шёмъ; не стыдно-ли, негодная дѣвушка, досаждать дорогой мамашѣ и бить милую сестрицу, сказалъ Шёмъ, принявъ важный-преважный видъ, мое дѣло проучить ее, а не твое, дерзкая дѣвушка.

Между тѣмъ, мистриссъ Шёмъ оправилась отъ послѣдствій надвигавшейся дѣятельности, и дала волю языку. Прежде всего, досталось отъ нея Мэри, а потомъ Шёму. Ахъ, зачѣмъ, вопила она; зачѣмъ оставила я благородное семейство, гдѣ жила въ довольствѣ и роскоши, чтобъ вытти замужъ за такое творенье? Онъ не стѣбитъ называться моимъ мужемъ; ему ли было жениться на дворянкѣ? А эта дѣвчонка! Я отрекаюсь отъ нея! Благодарю Бога, что она не Сламко; она достойна быть только Шёмъ.

— Это правда, мамаша, сказали въ одинъ голосъ всѣ дѣвчонки: мать научила ихъ этой благопристойности и онѣ душевно презирали вотчина; я всегда замѣчалъ, что въ тѣхъ семействахъ, гдѣ жена вѣчно толкуеть о знатности своего рода, мужъ непременно колпакъ.

Вотъ когда мистриссъ Шёмъ снова устала, она по-прежнему упала на софу, начала плакать, истерически кричать, и до тѣхъ поръ не утихала, пока Шёмъ не принесъ ей полпинты стариннаго лекарства, изъ погребка по ту сторону улицы, подъ вѣтской голубаго льва. Докончивъ джинъ, она нѣсколько успокоилась; только Мэри приказано было убраться изъ комнаты и не показываться на глаза во весь день.

У меня сердце залилось кровью, когда я увидѣлъ, какъ бѣдная дѣвушка, сходя съ лѣстницы плакала и рыдала. Миссъ Мэри, сказалъ я; осмѣлюсь вамъ доложить: въ комнатѣ мистра

Альтамонта нѣтъ никого, и я знаю, гдѣ стоитъ холодное и консервъ. Ахъ, Чарльзъ! отвѣчала она, прискорбно покачавъ головой; я такъ огорчена, что мнѣ и ѣсть не хочется. Тутъ она бросилась на стулъ и учала плакать въ три ручья.

Вдругъ въ комнату входитъ мистръ Альтамонтъ. Я взялъ руку миссъ Мэри и кажется поцаловалъ, когда появился онъ.—Этѣ что, вскричалъ онъ, взглянувъ на меня сердито, какъ мистръ Филиппсъ въ роли Гиккита, въ новой трагедіи Макъ-Буффа.

— Это миссъ Мэри, отвѣчалъ я.

— Убирайся, сказалъ онъ; при этомъ я почувствовалъ прикосновеніе чего-то въ родѣ каблука, и черезъ минуту, барахтался уже среди мокрой фланели, ведеръ и другаго скарбу.

На мою брань и крики сбѣжалось все хозяйское семейство, желая узнать, что такое сдѣлалось. Это только Чарльзъ, мамаша, провизжала миссъ Бетси.

— Гдѣ Мэри? спросила съ софы мистриссъ Шэмъ.

— Въ комнатѣ у насъ, сказалъ я.

— Она въ комнатѣ у жильца, мамаша, вскричала миссъ Шэмъ, вторя моимъ словамъ.

— Прекрасно; пускай же она тамъ и остается, пока онъ воротится. И тутъ, миссъ Шэмъ, въ припрыжки, побѣжала наверхъ, не зная о возвращеніи Альтамонта.

***

Я давно замѣчалъ, что Альтамонтъ не равнодушенъ къ Мэри Шэмъ; и, дѣйствительно, только для нея занималъ онъ квартиру въ Пентонвилѣ. Если не приписать въ расчетъ любовь, которая выше всякаго интереса, то четырнадцать шиллинговъ въ недѣлю черезъ чуръ много за такія двѣ мышьи норки, какія онъ занималъ. Мнѣ кажется, семья только и существовала, что жильцемъ: пила она чай, поживлялась его рѣстѣнфомъ,—онъ обѣдалъ всегда дома,—и счетъ его булочника являлъ бы на шестерыхъ. Но это было не мое дѣло. Онъ бывало смѣется, когда ему принесутъ утромъ холодную говядину, чтобъ показать, какъ мало осталось отъ вчерашняго огромнаго куска; но никогда не промолвить слова: вѣдь истинная любовь не заботится о фунтѣ говядины или другаго прочаго съѣстнаго.

Сначала, онъ былъ внимателенъ ко всемъ дѣвушкамъ; миссъ

Бетси особенно полюбила его; бывало, сидят цѣлый вечеръ и играютъ въ крѣббеджъ; Альтамонтъ курить трубку и полагиваетъ изъ стакана, а она кушаетъ чай, съ пирожками; но неприлично же было ей приходиться одной, такъ она приводила одну изъ сестеръ, чаще всего Мэри: Альтамонтъ всегда просилъ ее, и разъ, когда вмѣсто Мэри пришла другая, онъ преспокойно сказалъ, что не приглашалъ ея. Миссъ Бѣкмистръ такъ любила пирожки, что не посмѣла шутить съ нимъ; притомъ же, она ревновала трѣхъ взрослыхъ сестрамъ, а Мэри считала ребенкомъ. Господи Боже! какіе строила она ему глазки; какъ читала стишки, и разыгрывала на старой гитарѣ: «Встрѣть меня при лунномъ свѣтѣ». Она просто вѣшалась къ нему на шею; только онъ не слишкомъ думалъ объ ней: у него была зазнобушка получше.

Разъ вечеромъ, онъ принесъ два билета и гызвался свести въ театръ двухъ барышень, разумѣется, миссъ Бетси и миссъ Мэри. Я помню: онъ отозвалъ меня въ этотъ вечеръ въ сторону, и принявъ важный и таинственный видъ, сказалъ: Чарльзъ, смекаешь въ чемъ дѣло?

— Какъ же, возразилъ я; меня добрые люди считаютъ смышленнымъ малымъ.

— Хорошо же, сказалъ онъ; я дамъ тебѣ полсуверена, если устроишь это дѣльце; я нарочно выбралъ дождливый вечеръ. Когда спектакль кончится, жди насъ съ двумя зонтиками; одинъ отдашь мнѣ, а другой держи надъ миссъ Шэмъ, да — знаешь — поверни на-право, когда выйдешь изъ театра, и вели кучеру стать немного поодаль, на другой сторонѣ улицы, чтобъ быть подалеже отъ толпы.

Мы отправились, въ каретѣ, нанятой мистромъ Альтамонтъ, и во вѣкъ не забуду чудной игры Картлича въ этотъ вечеръ. Толкуйте о Кэмблѣ, толкуйте о Макреди! Картличъ имъ не уступитъ. Но дѣло не въ томъ. Когда представленіе кончилось, я подошелъ съ зонтиками къ дверямъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра.

Вотъ выходитъ мистръ Альтамонтъ, вѣдя миссъ Мэри подъ ручку; миссъ Бетси идетъ позади, сердитая — пресердитая, Сюда, сударь, кричу я, толкаясь впередъ; въ ту же минуту, я накинулъ на миссъ Бетси огромный капюшонъ, такъ-что

она чуть не задохлась подъ нимъ. Пока она выпутывалась изъ-подъ капюшона, мистръ Алтамонтъ и миссъ Мэри успѣли шыгнуть и пропали изъ виду.

— Они пошли къ каретѣ, миссъ, карета стоитъ по ту сторону улицы, подалше отъ толпы экипажей, и мы повернули на-право: промаху не дали.

Пройдя нѣсколько шаговъ по слякоти, я закричалъ самымъ невнимнымъ тономъ: Не видалъ ли кто кареты?

— Кареты! реветъ одинъ. Не телегу ли ищешь? говорить другой. Вонъ ѣдетъ торговецъ съ ваксой, хихикаетъ третій. Тутъ поднялась перекличка такими комплиментами, какихъ мнѣ съ роду не доводилось слышать.

— Ну, миссъ, сказалъ я, что дѣлать? Мистеръ ни за что мнѣ не проститъ, а у меня нѣтъ и полушиллинга, чтобъ нанять извозчика. Миссъ Бетси стала подзывать извозчика ровно въ ту минуту какъ я это говорилъ, но извозчикъ не согласился везти за эту цѣну, а я зналъ, что ей не заплатитъ за экипажъ четырехъ или пяти шиллинговъ. Такимъ образомъ, подъ проливнымъ дождемъ, въ глухую полночь, пришлось намъ шагать четыре мили, отъ Уэстминстерскаго мосту до Пентонвилля, и, что еще хуже, я не зналъ дороги. Славную сдѣлали мы прогулку, а промаху не дали.

Около половины третьяго, мы дошли живы и здоровы до нашей улицы. Мистеръ Алтамонтъ стоялъ у садовой калитки. Миссъ Мэри бросилась въ объятія миссъ Бетси, а онъ принялся бранить меня, за то, что я не послушался его и поворотилъ на право, вмѣсто того, чтобъ взять на лѣво! Господи Боже, какъ онъ расходился: притворный гнѣвъ его былъ такъ натураленъ и такъ страшенъ, какъ у Карлача на театрѣ.

Они ждали насъ въ каретѣ, говорилъ онъ, цѣлыхъ полчаса, въ переулкѣ, въ лѣво отъ театра; ѣздили взадъ и впередъ въ страшномъ перепугѣ, и наконецъ рѣшились отправиться домой, полагая, что напрасно ждать долѣе. Мокрой миссъ поддал горячаго пуншу, жареныхъ устриць, къ ужину, и это нѣсколько утѣшило ее.

Надѣюсь, никто не взведетъ на миссъ Мэри обвиненія въ участіи въ этомъ приключеніи: она была дѣвушка благонаправлѣнная, и навѣрно до сихъ поръ не знаетъ о нашей мажорской

хитрости. Мистеръ Альтомонтъ никогда не могъ видѣться съ миссъ Мэри наединѣ; ему вѣчно мѣшали одиннадцать ея сестрицъ, и матушка, и вотъ онъ воспользовался удобнымъ случаемъ выразить ей свою привязанность.

Если онъ былъ влюбленъ въ нее прежде, то можете быть увѣрены, она отплатила ему взаимностью теперь. Съ театра; они стали нѣжны, какъ голубки; этимъ-то вполне объясняется нещиротный со мною случай, когда меня выпроводили изъ коннаты, и я не питаю злобы.

Не знаю, продолжала ли миссъ Бетси думать, что Альтомонтъ влюбленъ въ нее; только ей по прежнему нравились пирожки и чай, и по прежнему она приходила въ гостиную къ намъ.

II.

Но ктожъ или чтó такое былъ этотъ джентельменъ, съ прекраснымъ именемъ — мистръ Фредерикъ Альтамонтъ. Во весь вѣкъ не выдывалъ я джентельмена болѣе таинственнаго. Въ одинъ предложивый день, я сказалъ ему: мистеръ, не прѣхать ли мнѣ съ джигомъ къ вашей должности? Онъ посмотрѣлъ на меня косо и сказалъ: знай свое дѣло и исполняй чтó приказываютъ. Въ другой разъ, въ тотъ именно день, когда миссъ Мэри дала оплеуху миссъ Бетси, — миссъ Мэри, которая, какъ я уже сказалъ, обожала его, стала приставать къ нему съ вопросами: кто онъ такой, кто его родные, гдѣ онъ воспитывался. Милый Фредерикъ, говорила она, къ чему эта таинственность, окружающая васъ и ваши дѣла? зачѣмъ скрываете отъ вашей Мэри — до такой степени простиралась ихъ нѣжность, могу васъ зашѣрить — свое происхожденіе и званіе?

Думаю, что мистръ Фредерикъ почернѣлъ отъ досады. Я его не видалъ, а только подслышалъ, какъ онъ сказалъ возмущеннымъ голосомъ: Мэри, если любишь меня, то не спрашивай у меня объ этомъ въ другой разъ; тебѣ довольно знать, что я честный человекъ; тайна же, которую лучше не знать тебѣ, должна покрывать всѣ мои дѣйствія, то есть, съ десяти часовъ до шести:

Такъ грустно и таинственно продолжали они разговаривать и шептаться, а я не пропускалъ ни одного слова, ими сказанна-

го, потому что въ Пентонвилѣ внутреннія стѣны домовъ, слѣланы изъ одной пауки, и вы внѣ комнаты можете слышать лучше чѣмъ въ самой комнатѣ. Но хотя онъ сохранилъ тайну, однакоже въ этотъ день на-чистую поклялся миссъ въ любви. Ничто не помѣшаетъ ему, говорилъ онъ, обвиняться съ возлюбленной невѣстой. За тѣмъ послѣдовало краткое молчаніе.

— Милый Фредерикъ, проштала миссъ, будто задыхалась, а твоя, твоя на вѣки. Въ эту минуту я заблагодарилъ помещельцу ручку двернаго замка: бѣда, подумалъ я, по лестницѣ идетъ внизъ старая мистрисъ Шѣмъ.

Вѣрно одна изъ меньшихъ дѣвочекъ, выглянувъ въ спальни изъ окна, увидѣла, что Альтамонтъ возвратился, и черезъ полчаса сойдя къ чаю, рассказала объ этомъ. Старая мистрисъ Шѣмъ, драконъ добродѣтели, встревожилась, и побѣжала внизъ, запыхалась и злалась

— Гдѣ жилецъ? спросила она меня.

Я громко отвѣчалъ, такъ что можно было слышать черезъ улицу: Если вы разумѣете, сударыня, мистра Фредерика Альтамонта, то онъ только-что воротился домой, и теперь надѣваетъ чистые сапоги въ спальнѣ.

Она мнѣ ни слова въ отвѣтъ; шмыгъ мимо меня, и отворивъ дверь въ гостиную, видитъ: Альтамонтъ пригорюнился, а миссъ Маріи опустила головку, словно блѣдная лилія.

— Развѣ вы за тѣмъ поселились въ нашемъ семействѣ, говоритъ она, чтобъ соблазнять моихъ дочерей, и развращать невинность этой безчестной дѣвочки? Что вы такое у насъ, сударь: соблазнитель или только жилецъ? Говорите, сударь; да говорите же! и она сложивъ въ неистовствѣ руки на груди, смотрѣла на барина, словно мистрисъ Сиддонсъ въ трагической Музѣ.

— Я пришелъ сюда, мистрисъ Шѣмъ, отвѣчалъ Альтамонтъ, потому что люблю вашу дочь; иначе, ни за что на свѣтѣ не согласенъ бы жить въ такой нищешской норѣ. Я поступалъ съ нею во всѣхъ отношеніяхъ какъ прилично благородному человеку. Если она желаетъ вытти за меня за мужъ, я готовъ: если она согласна оставить васъ, то найдетъ домъ, гдѣ ей не будутъ морить ни тычками, ни голодомъ; она встрѣтитъ тамъ

не сестеръ-вхиднѣ, не злую мачиху, а любящаго мужа, и всѣ чистыя радости гяменся.

Мэри бросилась къ нему въ объятія. Милый, любезный Фредерикъ, говорить она; я никогда васъ не оставлю.

Миссъ, говорить мистрисъ Шэмъ, благодаря Богу, вы не Сламка ни даже Бѣкмистръ. Можете вытти замужъ за этого господина, если отецъ согласенъ: этотъ господинъ воленъ оскорблять меня, презирать, топтать въ грязь мои чувстваванія въ моемъ собственномъ домѣ: у меня нѣтъ защитника!

Я зналъ, къ чему все это поведеть: явилась истерика, и мистрисъ Шэмъ учала кричать и ревѣть, словно сумасшедшая. Тутъ сбѣгаются одиннадцать дѣвчонокъ, какъ само собой разумѣется, и самъ старый Шэмъ. И пошла суматоха! Смотрите, сударь, говорить хозяйка, полюбуйтесь поведеніемъ вашей возлюбленной дочери: одна съ мужчиной.

— Какъ, онъ! кричить миссъ Бетси; онъ любить Мэри! Ахъ, онъ бесадѣльникъ, чудовище! и миссъ Бетси также падаетъ въ обморокъ, и кричить не хуже маменьки: глупая дѣвчонка! она все воображала, что Алтамонтъ влюбленъ въ нее.

— Заставьте ихъ молчать! кричить Алтамонтъ, громовымъ голосомъ. Я люблю вашу дочь, мистеръ Шэмъ. Я возьму ее безъ гроша, и въ состояніи содержать ее. Если вы ее не отдадите, такъ она сама уйдетъ. Довольно ли вамъ этого? могу я получить ее руку?

— Мы объ этомъ поговоримъ, отвѣчаетъ мистръ Шэмъ, принявъ важный, преважный видъ, будто альдерменъ. Вы убирайтесь на верхъ, съ маменькой. Всѣ убралась, и тѣмъ кончалась суматоха.

Можете быть увѣрены, что старый Шэмъ не слишкомъ огорчился, добывъ жениха своей дочери Мэри: старикъ любилъ ее такъ, какъ ни одну изъ тѣхъ, которыхъ получилъ съ и отъ мистрисъ Бѣкмистръ. Но, странно сказать, когда онъ завелъ рѣчь объ условіяхъ и другомъ прочемъ, Алтамонтъ не далъ никакого отвѣту; говорилъ, что можетъ имѣть до чотырехъ сотъ фунтовъ естерлинговъ въ годъ — какъ, не обьяснать—но что Мэри, если она выйдегъ за него за мужъ, должна дѣлать съ нимъ все, что онъ имѣеть, не дѣлая пустыхъ

распросовъ; при чемъ повторилъ тоже, что говорилъ и прежде, что ояъ честный человекъ.

Черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались, и напали премирельскій домикъ въ Ислингтонъ; Альтамонтъ по прежнему ходилъ въ должность, и никто не зналъ куда. Кто бы такое онъ былъ?

III.

Если когда-нибудь молодая чета изъ средняго класса начинала жизнь съ надеждой на счастье, такъ это мистръ и мистрисъ Альтамонтъ. Нельзя представить себѣ ничего комфортабельнѣе домика ихъ въ Ислингтонѣ. Съ верху до низу ковры; плата дешевая; мебель модная, и трое слугъ. Жизнь моя, правда, стала не та, что въ холостое время мистра Альтамонта; но что за бѣда? У меня правило: много дѣла, больше жалованья. Альтамонтъ пересталъ держать джигъ, и сталъ ѣздить въ городъ въ омнибусъ.

Можно бы вѣдь подумать, что мистрисъ Альтамонтъ, съ такимъ любящимъ ее мужемъ, будетъ счастлива какъ велья болѣе. Ни чуть не бывало. Въ первые полгода все шло какъ нельзя лучше; но тутъ она начала грустить да грустить, хоть мужъ только и думалъ, что объ ея удовольствіи.

Старый Шэмъ приходилъ въ Ислингтонъ регулярно по четыре раза на недѣлѣ; завтракалъ у насъ, обѣдалъ, пилъ чай и ужиналъ. Бѣдняга крѣпко любилъ водочку; не былъ прочъ и отъ вина, и мнѣ частехонько приходилось отводить его по вечерамъ домой хмѣльнаго. Могу васъ завѣрить, миссъ Бетса теперь не забывала сестрицы. сидѣла у насъ и утромъ, и въ полдень и вечеромъ: хозяину дома не слишкомъ это нравилось; но по добротѣ души, не хотѣлъ досаждать женѣ пустяками.

Бетса помнила старое, и ненавидѣла Альтамонта; вбивала въ голову мистрисъ Альтамонтъ всякій вздоръ, и бѣдная мистрисъ, такая, бывало, веселая и здоровенькая, стала скучна, блѣдна, захирѣла, будто на свѣтѣ не было женщины несчастьѣ ея.

Спусти, годъ, къ намъ пожаловалъ ребенокъ, а съ нимъ и мистрисъ Шэмъ, которая прильнула къ мистрисъ Альтамонтъ словно вампиръ, и одѣлала то, что та стала се-

крушаться еще больше: заливаясь слезами, когда мужъ приходилъ домой, вздыхала и плакала надъ бѣднымъ ребенкомъ, приговаривая: малютка, малютка, твой отецъ навѣнчалъ мнѣ, или: твой отецъ обманываетъ меня; или: что станется съ тобой, когда твоей бѣдной матери не будетъ на свѣтъ? или что другое, въ такомъ же родѣ.

А все это происходило отъ старой вѣдьмы, матушки Шѣмъ, какъ я скоро узналъ. Я рѣшился слушать: въ этотъ разъ, мистрисъ Алтамонтъ плакала по всегдашнему, а толстая мистрисъ Шѣмъ сидѣла и утѣшала ее, какъ она говорила, хоть отъ этихъ утѣшеній ей становилось все хуже да хуже.

Вотъ я и подслушиваю: мистрисъ Шѣмъ качаетъ малютку, а хозяйка плачетъ по всегдашнему.

— Бѣдный младенецъ, говоритъ мистрисъ Шѣмъ, тяжело вздыхая: отецъ у тебя Богъ вѣсть кто, а мать несчастная.

— Не говорите дурнаго о Фредерикѣ, матушка, возразила мистрисъ Алтамонтъ, онъ такъ добръ ко мнѣ.

— Добръ, нечего сказать! Держать для тебя прекрасную квартиру, наряжаетъ тебя, нанимаетъ экипажъ, только пожелаешь; но откуда у него берутся деньги? Кто онъ, что онъ такой? Какъ знать: можетъ статься онъ разбойникъ, воръ, разбойникъ фальшивыхъ ассигнацій. Честно ли онъ достаетъ деньги, когда не хочетъ сказать, гдѣ и какъ? Зачѣмъ каждый божій день уходитъ отъ тебя на восемь часовъ, и не хочетъ сказать куда? Ахъ, Мэри, Мэри, ты самая несчастная мать матери!

Тутъ мистрисъ Шѣмъ принялась рыдать, а миссъ Бетсъ завала какъ кошка, когда ей на хвостъ наступятъ; бѣдная мистрисъ Алтамонтъ тоже расплакалась: вѣдь слезы не мѣста какъ заразительны.

— Можетъ быть, матушка, прошептала она: Фредерикъ сидѣлецъ, и не хочетъ, чтобы я узнала, что онъ не джентельменъ.

— Сидѣлецъ! говоритъ Бетсъ; онъ сидѣлецъ! О, вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ! омаръ какой-нибудь мошенникъ, который вѣдь денегъ убиваетъ да грабитъ, и содержитъ тебя плодами своихъ божественныхъ проделковъ.

Тутъ слытъ и крики разразились: миссъ Бетсъ, да миссъ Бетсъ; пристала къ ребенку: могу сказать, подпрыгнулъ на дурно.

— Онъ не можетъ быть разбойникомъ, говоритъ ехвоуъ слезы истрисъ Алтамонтъ; онъ слишкомъ добръ, слишкомъ мѣжень сердцемъ; притомъ же, разбойничаютъ ночью, а Фредерикъ съ восьми всегда дома.

— Такъ онъ дѣлаетъ фальшивыя ассигнаціи, возражаетъ Бетси. Зачѣмъ ему выходить со двора каждый день? ужъ навѣрно, чтобъ дѣлать ассигнаціи. Зачѣмъ ходить въ Сити? чтобъ быть ближе къ банкамъ, да торговымъ мѣстамъ, и удобре сбывать бумажки.

— Но онъ каждый день приноситъ домой около тридцати шиллинговъ, иногда и пятьдесятъ; тогда онъ улыбается и говоритъ: удачный былъ день, слава Богу. Нѣтъ, это не походить на поддѣльвателя ассигнацій, сказала бѣдная мистриссъ Алтамонтъ.

— Понимаю, понимаю! вскрикнула мистриссъ Шѣмъ. Вездѣльникъ, скрытный, лукавый Иуда! у него гдѣ-нибудь есть другая жена: вотъ почему онъ оставляетъ тебя, низкій двуженникъ.

Мистриссъ Алтамонтъ какъ громомъ сразило, и она упала въ обморокъ. Вотъ ужъ истерика такъ истерика! Тоже, какъ водится, сдѣлалось и съ мистриссъ Шѣмъ: зазвенѣли колокольчики, ребенокъ разревѣлся, слуги забѣгали то внизъ то вверхъ по лѣстницѣ съ горячей водой. Если есть на свѣтѣ бѣдовое мѣсто такъ это домъ, гдѣ происходятъ вѣчные обмороки. Не согласился бы я жить въ такомъ домѣ ни за какое жалованье.

Было восемь часовъ вечера, когда случилась эта суматоха, и суматоха такая, что никто кромѣ меня не слышалъ звонка хозяйна. Онъ вошелъ, и услышавъ вопли, крики и стоны, сначала страшно испугался и спросилъ: это что?

— Мистриссъ Шѣмъ здѣсь, сказалъ я; а супруга ваша въ потернѣ.

Алтамонтъ забѣленился, и прошепелъ страшное проклятіе; потомъ бросился на лѣстницу, словно сумасшедшій.

Онъ отворилъ дверь въ спальню; жена лежала, блѣдная и недвижимая на софѣ; въ люлькѣ кричалъ ребенокъ; миссъ Берси повалилась на сестру, а мистриссъ Шѣмъ вполонину на кровать, вполонину на полъ; всѣ были и видали надъ всѣмъ.

Когда вопиель Альтамонтъ, мать и дочь въ одну минуту замолкли: онъ боялся ея какъ лѣшаго.

— Что тутъ за адскій вопль и ревъ? говорить онъ.

— Ахъ, мистръ Альтамонтъ, вопить старуха: сами знаете; но васъ сокрушается эта бѣдняжка.

— По какому же случаю, позвольте спросить?

— Какъ, сударь, вы смѣете еще спрашивать? По такому случаю, что вы обманываете ее сударь; по такому случаю, что вы фальшивый, трусливый измѣнникъ, сударь; по такому случаю, что у васъ другая жена на сторонѣ, сударь! И старуха, съ миссъ Бетси разревѣлись пуще прежняго.

Альтамонтъ, помолчавъ съ минуту, растворилъ двери настежь, схватилъ миссъ Бетси, словно клещами, и вытолкалъ вонъ изъ комнаты; потомъ подходитъ къ мистрисъ Шемъ, и громовымъ голосомъ говоритъ: вставайте сварливая, старая дгунья, вставайте и убирайтесь вонъ изъ моего дому. Съ-тѣх-поръ, какъ вы переступили черезъ этотъ порогъ, я простился съ счастиемъ. Проклятыми выдумками, романами и истерикой вы испортили Мэри и сдѣлали ее почти такою же сумасбродною, какъ сами. — Дитя мое, дитя мое! вопить мистрисъ Шемъ, ухватившись за хозяйку, но Альтамонтъ подбѣгаетъ, и ваявъ старуху за плечо, выводитъ за двери. — Ступайте за дочерью, сударыня, сказалъ онъ и старуха пошла вонъ. Чарльзъ, выпроводи дамъ за ворота, кричитъ онъ мнѣ, въ другой разъ не пускать ихъ. Мы спустились по лѣстницѣ вѣсть, и гости убрались; а мистръ Альтамонтъ заперъ за собой дверь спальни, чтобъ побесѣдовать, какъ слѣдуетъ, съ женою. Я не замешкалъ забѣжать на лѣстницу, чтобъ услышать, чѣмъ кончится бесѣда.

Пренія, надо сказать, были бурныя.—Мэри, говоритъ мужъ; ты ужь не та веселая, благодарная дѣвушка, которую я зналъ и любилъ въ Пентонвилѣ; тебя что-то въ тайнѣ гнететъ; ты ужь не встрѣчаешь меня съ отрадною улыбкой, какъ бывало прежде. Мачеха и сводная сестра испортили тебя, Мэри; вотъ за что я выгналъ ихъ изъ дому и не пушу сюда во вѣкъ.

— Ахъ, Фредерикъ, вѣдь ты самъ виноватъ, не я. Зачѣмъ ты таишься отъ меня? Гдѣ ты проводишь цѣлые дни? Зачѣмъ

ты, даже въ день свадьбы, оставлялъ меня ни восемь часовъ, и продолжаешь повторять то же нѣо дни въ день?

— Потому, говорить онъ, что я этимъ живу. Я оставляю тебя и не скажу, какъ добываю деньги: тебѣ будетъ не легче, если узнаешь.

Такъ продолжался разговоръ: жена все больше и больше плакала и допрашивала, а мужъ все больше и больше змолел и молчалъ. Въ первый разъ со свадьбы, дѣло кончилось настоящею ссорой. Куда дѣвались вѣрность и ласки, какъ было прежде!

Мужъ вышелъ вонъ, бѣшено хлопнувъ дверь. Если мнѣ не дадутъ покою дома, говорить онъ, такъ я пошщу веселья въ гостяхъ, и, вотъ онъ отправился въ таверну и воротился вечеромъ домой пьяный. Когда въ семействѣ заводятся разлады, мужъ иногда принимается пить, и тогда прощай семейное благополучіе! Давно ли они въ другъ другъ души не слышали, а теперь дуются, молчатъ и не хотятъ смотрѣть одинъ на другаго. Онъ сталъ уходить раньше и возвращаться позже; она стала плакать и поглядѣла пуще прежняго.

Вотъ такъ шли дѣла: онъ все дулся; ее терзали ревность и любопытство, пока наконецъ странный случай не вывелъ наружу всѣ поступки мистра Альтамонта.

То было десятого января; я хорошо помню день, потому что старый Шемъ далъ мнѣ пол-кроны, — въ первый и послѣдній разъ, сказать мимоходомъ, — онъ обѣдалъ съ ховлиномъ, и оба потягивали порядкомъ.

Мистръ Альтамонтъ, наливая себѣ пятый и Шему, камносъ двѣнадцатый стаканъ пуншу, сказалъ: я видѣлъ васъ сегодня въ Сити два раза, мистръ Шемъ.

— Вотъ что любопытнo! сказалъ Шемъ. Правда, я былъ въ Сити. Сегодня выдавался дивиденды, и мы съ мистромъ Шемъ поѣхали за полугодовымъ доходомъ; но мы только что вышли изъ кареты, перешли черезъ улицу къ банку, получили ли деньги, и опять сѣли въ карету. Какъ же вы могли меня видѣть два раза.

Альтамонтъ замкнулся, занялся и не зналъ, что говорить.

— О, сказалъ онъ наконецъ; я проходилъ — проходилъ мимо банка, когда вы входили и выходили. И тут же минутой по-
т. СХУ. — Отд. II.

вернуть разговоръ въ другую сторону, и началъ толковать о политикѣ, погодѣ, и другомъ прочемъ.

— Такъ, мой милый, сказала мистрисъ; но какъ же могъ ты видѣть папашу два раза? мужъ не отвѣчалъ, и нище заговорилъ о политикѣ. Жена не думала отстать. — Гдѣ же ты былъ, мой милый, когда видѣлъ папашу? Что ты дѣлалъ, когда могъ видѣть папашу два раза? и такъ dalje. Мужъ сердчалъ все больше и больше, а жена становилась неотвязчивѣе.

Шемъ сидѣлъ, какъ сказано, за двѣнадцатымъ стаканомъ, и я вѣрно зналъ, что ему остается пить немного: за тринадцатымъ онъ обыкновенно хмѣлѣлъ. Явился тринадцатый, со всѣми его послѣдствіями. Я принужденъ былъ вести его домой, гдѣ и передалъ его на руки забѣшенной мистрисъ Шемъ.

— Какъ, ворчалъ онъ всю дорогу, какъ онъ, могъ видѣть меня два раза?

IV.

Проговорился на бѣду свою мистръ Алътамонтъ! Только что успѣлъ онъ утромъ выйти со двора, какъ мистрисъ также собралась и бѣжала, не останавливаясь, пока не дошла до дому своего папеньки, въ Пентонвилъ. Цѣлый часъ просидѣла она въ заперти съ маменькой, и отъ нея полетѣла прамеханью къ Сити; обходила банкъ и спереди и сзади, и воротилась домой, обезкураженная, не разузнавъ ничего.

Странное дѣло: въ слѣдующіе десять дней безъ перерыву продолжались побѣгушки изъ дому Шема въ Сити. Мистрисъ Шемъ, которую расслабленная воляною болѣзью нога прежде не доносила и на половинное разстояніе, теперь была вѣчева на ки-линь, какъ говорятъ Французы. Если она оставалась дома, то въ мнестъ Бетси бѣжала, или сама мистрисъ Алътамонтъ везалась, будто изъ танеть къ банку навидимая ома, и ома опиралились туда регулярно, словно омабуеъ.

Наконецъ, однажды, старая мистрисъ Шемъ влодичъ на намъ съ торжествующимъ видомъ: мы не принимаемъ ея, когда хозяинъ былъ дома, въ его отсутствіе она приходила по прежнему.

— Марш, говоритъ она, гдѣ деньги, которыя принесъ тебѣ

куда вчера? Она обыкновенно отдавала деньги жёнъ, когда возвращалась домой.

— Деньги, мамаша! возринула Мари. Вотъ она! И доставъ кошель, она показала свертокъ, кучу серебра и мадегскую монету, страннаго виду.

— Такъ и есть, такъ и есть! воскликнула мистрисъ Шэмъ. Вѣдь это полушиллингъ королевы Анны; не правда ли, моя мѣла, что они тысяча семьсотъ третьяго года?

Такъ дѣйствительно и было: полушиллингъ королевы Анны, того самаго году.

— Ну, моя дорогая, темеръ все ясно! Пойдемъ завтра; все узнаешь!

Вотъ приходитъ и конецъ моей исторіи.

* * * *

Въ слѣдующее утро дамы отправились въ Сити, а я шелъ за ними, щеголемъ, съ букетомъ цвѣтовъ и золотою тростью. Прошли мы новую дорогу, прошли дорогу къ Сити, подошли къ банку. Мы переходили отъ этого зданія на другую сторону Корнгила, какъ вдругъ мистрисъ Алтаментъ вскрикнула и обомлѣла.

Я бросился впередъ, и поднялъ ее на руки; причемъ запачкалъ свой новый нарядъ. Бросился впередъ, говорю, и чуть было не сшибъ съ ногъ трубочиста, который улепетывалъ со всѣхъ ногъ. Мы внесли больную въ домъ, достави ли ей всѣ удобства, наняли карету, и отвезли домой въ Ислингтонъ.

* * * *

Въ этотъ вечеръ, мистръ Алтаментъ не возвращался; прешель другой вечеръ, наступилъ и третій, все все нѣтъ какъ никуда. На четвертый день пріѣхалъ аукціонеръ; сѣмалъ онъсь мебели и нагнналъ въ окнѣ объявленіе.

Видѣвъ конецъ надѣян, Алтаментъ лишился. Она бѣшь блѣдная и страшная; но не такъ блѣднѣла и страшнѣла, какъ несчастная жена.

Она посмотрѣла на мѣя очень швидко. Могу сказать, съ него я скопировалъ мой взоръ на мисъ. — она измерила ни

нее очень кѣжно и протянула руки. Она провѣзительно вскрикнула, и бросилась къ нему въ объятія.

— Мэри, говоритъ онъ: теперь ты все знаешь. Я продалъ свое мѣсто, получилъ за него три тысячи фунтовъ и накопилъ еще двѣ. Я продалъ домъ, со всею мебелью, и вотъ еще деньги. Поѣдемъ за границу, и будемъ любить другъ друга по прежнему.

* * * *

Вы спрашиваете: кто жъ онъ былъ? Страшно выговорить: мистръ Алтамонтъ чистилъ трубы по улицѣ отъ банка до Корнгилла!

Я отошелъ отъ него. Не много лѣтъ спустя, я встрѣтился съ нимъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ они слывутъ за порядочныхъ людей.

ПОХОЖДЕНІЯ ДЬЮСИСА.

Я очутился писцомъ у мистра Альджерсона Перси Дьюсиса, младшаго и пятаго племянника мистра Крѣбса.

Альджерсонъ былъ адвокатъ, то есть, жилъ въ Темплѣ, въ Помпъ-Кортъ, темной части Лондона, которую мои читатели можетъ быть и не знаютъ. Довольно сказать, что эта часть находится на самомъ краю города, и служитъ избраннымъ мѣстопробываніемъ приказныхъ этой метрополи.

Когда я говорю, что мистръ Дьюсисъ былъ адвокатъ, то разумѣю не то, чтобы онъ ходилъ на сессіи, одѣвался по-приказному, а только то, что онъ нанималъ квартиру, жилъ въ Помпъ-Кортъ, и выжидалъ комиссарскаго, или ревизорскаго или какого-нибудь другаго мѣста отъ вигскаго правительства. Дядя его былъ теперь вигскій депутатъ, — какъ говорила мнѣ хозяйка, — хотя прежде принадлежалъ къ партии тори. Дѣло въ томъ, что Крѣбсъ былъ такъ бѣденъ, что желалъ быть члѣномъ-нибудь или хоть ничѣмъ, лишь бы достать выгоднаго мѣста своимъ племянникамъ, и какой-нибудь доходецъ себѣ.

Мнѣ кажется, онъ назначалъ Альджерсону по двѣсти фунтовъ въ годъ; содержаніе было бы порядочное; жалъ только — дядя не выдавалъ его никогда.

Впрочемъ, молодой джентельменъ самъ умѣлъ достать копѣйки. Онъ держалъ кабъ, вѣдиль въ Гольмаксъ, и къ Крокфоду, знался съ отборнѣйшими людьми, и мало занимался законами, могу вамъ доложить.

Хоть квартира его находилась въ четвертомъ этажѣ, однакожь онъ жилъ настоящимъ крезомъ. Десяти фунтами ассигнаціями сыпалъ словно полупенсами; кларетъ и шампанское лилось у него какъ простой джинъ, и я былъ радъ-радехонекъ, что попалъ въ писцомъ къ такому адвокату.

Въ гостиной у Дьюсиса висѣла большая картина на листѣ бумаги; на ней были написаны имена членовъ его фамиліи; картина была сдѣлана въ видѣ дерева, а самыя имена красовались на маленькихъ кружкахъ между вѣтвями. Картина говорила, что Дьюсисы пришли въ Англію въ 1066 году, вѣдѣсть съ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Нечего таиться, Альджеронъ былъ игрокъ.

Можетъ статья, покажется страннымъ, зачѣмъ такой свѣтскій человекъ жилъ въ Темплѣ; но надо припомнить, что въ приказныхъ подворьяхъ живутъ не одни приказные. Здѣсь живутъ квартиры многіе холостяки, которымъ нѣтъ никакого дѣла до законовъ и судовъ; и многіе мнимые адвокаты, которые едва ли два раза во всю жизнь надѣвали адвокатскій парикъ и платье, нанимаютъ комнаты въ Темплѣ, вмѣсто Бондъ-Старта, или Пиккедила, или другихъ эшонебельныхъ частей города.

Напримѣръ, въ нашемъ домѣ было восемь жальцовъ, и только трое приказныхъ. Въ нижнемъ этажѣ жили Скрусонъ, Люсонъ и Джусонъ, страпчіе; во второмъ—мистръ приставъ Флаберъ; насупротивъ мистръ совѣтникъ Бруффи; въ третьемъ мистръ Гаггерстонъ, ирландскій совѣтникъ, занимавшійся въ Ольдъ-Бэли, и бывший, что называется, стенографомъ въ газетѣ Morning-Post. Насупротивъ его было написано:

Мистръ Ричардъ Блюттъ.

а въ четвертомъ этажѣ, съ моимъ патрономъ, жилъ нѣкто мистръ Длукинсъ.

Этотъ молодой человекъ не давно поселился въ Темплѣ, и на свою бѣду: лучше бы ему не родиться. Я твердо убѣжденъ,

что Темплъ погубилъ его, то есть, при помощи моего патрона и мистра Дина Блюнтта, какъ позволите улыбаться.

Мистръ Даукинсъ, какъ я узналъ отъ его молодого человѣка, только-что вышелъ изъ оксфордскаго университета, и имѣлъ порядочное состоянiе — шесть тысячъ фунтовъ или около, въ фондахъ. Онъ былъ сирота, безъ отца и матери, и отличившись въ университетѣ, гдѣ получилъ многія награды, прiѣхалъ въ городъ, чтобы попробовать счастья и заняться адвокатскими дѣлами.

Какъ Даукинсъ происходилъ не изъ знатной фамилии — я слышалъ, что отецъ его торговалъ сыромъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ — то онъ, встрѣтивъ стариннаго Оксфордскаго товарища, мистра Блюнтта, младшаго сына богатаго эсквайра Блюнтта, изъ Лейстершайра, съ радостью нанялъ квартиру вселѣ.

Мистръ Блюнттъ и Дьюсисъ не задели: мой патронъ, не считалъ приличнымъ сводить знакомство съ человекомъ въ родѣ мистра Блюнтта. Блюнттъ казался порядочнымъ малымъ: аккуратно ходилъ въ Таттельсаль, держалъ лошаденку, носилъ бѣлую шляпу, голубой платокъ и неуклюжій свертукъ. Въ манерахъ онъ былъ совершенная противоположность Дьюсису, который былъ ловкій, красивый человекъ, какъ другаго я и не видывалъ; ручки бѣленькiя, лице вѣсколько смуглое; глаза темные и пронзательные; небольшiе бакенбарды, аккуратно подстриженные и черные словно воронново крыло; говорилъ онъ тихо и мягко; онъ, кажется, глазъ не спускалъ съ того, съ кѣмъ разговаривалъ, и всегда льстилъ каждому. Совсѣмъ другое дѣло Блюнттъ. Онъ вѣчно кричалъ, бранился, всякаго трепалъ по плечу, какъ неловкiй фамильяръ; казался безопаснымъ, простодушнымъ весельчакомъ, которому не страшно доверять и жизнь и душу. Такъ по крайней-мѣрѣ, думалъ Даукинсъ, человекъ скромный, охотникъ до книгъ, романовъ, Байроновыхъ поэмъ, до игры на флейтѣ и до другихъ подобныиъ ученыхъ забавъ. Онъ коротко сблизился съ простодушнымъ Дикомъ Блюнттомъ, а потомъ и съ мистромъ Альджерсономъ. Бѣдный Дау! онъ воображалъ, что нанялъ хорошее знакомство, истинныхъ дру-

вѣй, и попалъ въ руки двухъ изъ самыхъ страшныхъ охотниковъ, какіе когда-нибудь были на свѣтѣ.

До переезда мистра Даукинса къ намъ въ домъ, мистръ Дьюсонъ рѣдко удостоивалъ мистра Блюнтта поклоненіемъ; и только мѣсяць спустя послѣ этого обстоятельства, мой патронъ, ужась какъ съ нимъ подружился. Причѣтна на лицѣ: Дьюсонъ нуждался въ немъ. Онъ часу не провелъ въ компаніи съ Даукинсомъ и ужь узналъ, что можно пощипать птичку.

Блюнттъ тоже зналъ, что и самъ охотникъ до щипанья, и тѣмъ было приберечь птичку для одного себя. Забавно было смотрѣть, какъ лавировалъ Альджерсонъ, чтобъ добыть бѣднаго воробья изъ когтей Блюнтта, который считалъ добычу своею. Онъ переманилъ Даукинса въ эту квартиру именно съ такимъ намѣреніемъ, разчитывая имѣть его всегда подъ глазами и тѣмъ легче обобрать.

Дьюсонъ скоро догадался, что затѣваетъ мистръ Блюнттъ. Игрокъ игрока знаетъ, если не по чутью, такъ по насльничью; и хотя мистръ Блюнттъ вращался въ сферѣ гораздо высшей чѣмъ мистеръ Дьюсонъ, однакожъ они отлично хорошо вѣдали свойства и подвиги другъ друга.

— Чарльзъ, разъ говоритъ мнѣ Дьюсонъ, — онъ всегда говорилъ со мною ласково, — кто это такой поселился у насъ насупротивъ, и такъ прилежно играетъ на флейтѣ?

— Мистръ Даукинсъ, богатый молодой человекъ изъ Оксфорда, и короткій знакомый мистра Блюнта, говорю я, они кажутся живутъ другъ у друга въ комнатахъ.

Дьюсонъ не сказалъ ни слова, а только усмѣхнулся; батюшки мои, какъ усмѣхнулся! Самъ сатана не ухмыльнется такъ коварно.

Я зналъ, что онъ думаетъ.

Вопервыхъ. Кто играетъ на флейтѣ, долженъ быть простачокъ.

Во вторыхъ. Мистръ Блюнттъ-мошенникъ.

Въ третьихъ. Если мошенникъ и простакъ вѣчно вмѣстѣ, а простакъ богатъ, такъ всякій пойметъ, что изъ этого выйдетъ.

Въ то время я былъ еще юноша, однако жъ смѣкалъ дѣло не хуже моего патрона: не у однихъ адвокатовъ есть чутье. Слава

тебѣ, господи! насъ было четверо въ домѣ, четверо молодыхъ людей такихъ, какихъ не вездѣ встрѣтишь: молодой писарь мистра Бруффи, молодой камердинеръ мистра Даукинса, мистра Блюнта и я: мы знали не меньше ихъ, что они дѣлаютъ. Навримвръ, скажу о себѣ: въ конторкѣ или ящичкахъ Дьюсенса не было ни одной записочки, ни одного лоскутка бумаги, которыхъ бы я не читалъ: то-же самое и съ Блюнтомъ. Не было ни одной бутылки вина, изъ которой бы мы не отпили стакава, ни одного фунта сахару отъ котораго бы не пожизнигись. У насъ были ключи отъ всѣхъ шкафовъ; мы заглядывали во всѣ письма, которыя приходили и отправлялись; не пропускали карты ни одного обѣда или ужина; все лучшее со стола доставалось намъ.

Коротко и ясно: Ричардъ Блюнттъ находился въ слѣдующемъ положеніи: онъ получалъ отъ отца годоваго содержанія триста фунтовъ; изъ этой суммы онъ долженъ былъ платить сто девиносто на погашеніе долга, сдѣланнаго въ университетѣ; семдесятъ за лошадей; восемьдесятъ слугѣ на харчи съ жалованьемъ, и около трехсотъ пятидесяти за отдѣльное помѣщеніе въ Реджентъ-паркѣ, сверхъ того, ему нужно было карманныхъ денегъ, примѣрно положить, фунтовъ до ста, да на столъ и въ винный погребъ еще около двухъ сотъ. Такимъ образомъ изволите видѣть: онъ могъ откладывать къ концу года порядочную кучку денегъ.

Дьюсисъ — дѣло другое: какъ человѣкъ другаго круга чѣмъ мистръ Блюнттъ, онъ былъ долженъ гораздо больше. Вотъ примѣрецъ:

По счету у Крокфорда	3,711 фунтовъ.
По векселямъ и распискамъ (по которымъ онъ рѣдко платилъ).	4,963 —
По счетамъ 21 портнаго, всего.	1,306
По счетамъ 3 торговцевъ лошадьми	402
Двумъ каретникамъ	506
По векселямъ, даннымъ въ Кэмбриджѣ	2,193
Мелочи	987

14,068.

Выписываю этотъ счетецъ для любопытныхъ: не всякому

известно, какъ свѣтскіе люди за частую ведутъ фашонебельную жизнь; а знать, сколько долженъ порядочный джентельменъ и пріятно и поучительно.

Но приступимъ къ дѣлу. На другой же день послѣ распроевъ на счетъ мистра Даукинса, о которыхъ я уже упомянулъ; Дьюсисъ сошелся съ мистромъ Блюнттомъ на лѣстницѣ; и мало было смотреть, какъ онъ встрѣтилъ этого господина, на котораго прежде и смотреть не хотѣлъ. На лицѣ мистра Дьюсиса играла теперь самая обольстительная улыбка. Онъ протянулъ руку, затянутую въ бѣлую лайковую перчатку, и сказалъ самымъ дружескимъ манеромъ: Ба, мистръ Блюнттъ. Да мы цѣлый вѣкъ не встрѣчались. Какой стыдъ! Такіе близкіе сосѣди и такъ рѣдко видимся!

Мистръ Блюнттъ, который стоялъ у дверей, въ зеленомъ плафрокѣ, куря сигару и насвистывая охотничью арію, удивился, обрадовался и потомъ призадумался, какъ будто что недоувѣвалъ не доброе.

— Совершенная правда, мистръ Дьюсисъ; давнымъ давно мы не встрѣчались.

— Именно, кажется, съ обѣда у сэра Джорджа Гуна; кстати, какой славный былъ вечеръ, не правда ли мистръ Блюнттъ; Что за вино! что за музыка! я помню ваше майское утро: чортъ возьми, не слыхивалъ комической пѣсни лучше. Только что вчера еще я говорилъ объ ней герцогу Довкастрскому. Думаю, знаете герцога?

Мистръ Блюнттъ сказалъ, безъ запинки: нѣтъ, не знаю.

— Его не знаете? вскричалъ мой патронъ; чортъ возьми! Ну, любезнѣйшій, въ Ньюэркетѣ только и рѣчи, что о вашихъ подвигахъ.

Такъ продолжалъ Дьюсисъ бесѣдовать съ мистромъ Блюнттомъ. Сначала сосѣдъ отвѣчалъ ему коротко и сердито; но послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, растаялъ, поддался лести и повѣрилъ всемъ рассказамъ. Наконецъ дверь затворилась, и оба вошли въ квартиру мистра Блюнтта.

Разумѣется, я не могу оказать, что тамъ происходило; только Дьюсисъ черезъ часъ воротился къ себѣ желтъ, какъ горчица, и отъ него крѣпко несло табачнымъ дымомъ. Не видывалъ, другаго джентельмена, который бы чувствовалъ такую

дурноту, какъ мой патронъ въ эту минуту: онъ накурился сигаръ у Блюнтта. Я, разумеется, не говорилъ ничего, хоть часто слышалъ отъ него, что онъ не терпитъ табаку и скерфъ наглодается яду, чѣмъ табачнаго дыму. Но онъ былъ не таковский, чтобъ сдѣлать что-нибудь безъ причины: если онъ накурился, такъ ужъ, ручаюсь, съ какинъ-нибудь да расчтется.

Я не слышалъ ихъ разговора; мнѣ пересказалъ потомъ членъ вѣкъ мистра Блюнтта: Ну, мистръ Блюнттъ, что за чудныя сигары! Не подѣлитесь ли съ пріателемъ? — (Старая лисица, не одной сигарой хотѣлъ онъ подѣлиться!). Войдите, говоритъ мистръ Блюнттъ; и тутъ они начали бесѣдовать; Дьюсисъ страхъ какъ интересовался молодымъ джентльменомъ, который переѣхалъ къ намъ на квартиру, мистромъ Даукинсомъ, и безпрестанно возвращался къ этому предмету, приговаривая, что сосѣди, такіе близкіе, должны быть друзьями; и что онъ съ своей стороны, радъ познакомиться съ мистромъ Дикомъ Блюнттомъ, со всѣми его знакомыми и прочее. Мистръ Дикъ, однакожь, по-видимому догадывался, что ему строить западню. Я рѣшительно не знакомъ съ этимъ Даукинсомъ, говоритъ онъ; сынъ вырнаго торговца, какъ слышно; и хотъ онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, и я ему, однакожь я не намѣренъ продолжать знакомства, не желая дружитья съ людьми этого сорта. Такъ прошелъ разговоръ: Дьюсисъ закидывалъ удочку, а мистръ Блюнттъ ни какъ клюнуть не хотѣлъ, и все отвѣтывался.

— Чортъ возьми этого пошлаго ворихку! ворчалъ Дьюсисъ, лежа на софѣ, послѣ дурноты; я отравилъ себя адскимъ табакомъ, да еще остался въ дуракахъ. Проклятый оплетало, онъ думаетъ объобратъ этого голаго сырнаго торговца! Пойду же я къ нему, и предупрежу его.

Я чуть не хохоталъ, когда Дьюсисъ изволилъ такъ выразиться. Зналъ я, что значить у него — предупредить: запереть конюшню, не прежде украсть коня.

На другой день, попытка познакомиться съ мистромъ Даукинсомъ приведена въ исполненіе, и очень улачно.

Надо сказать, что мистръ Даукинсъ, былъ охотникъ не до однихъ стлелъ и флейтъ; онъ любилъ также хорошо повѣтъ и поить. Проводя цѣлый день за музыкой и книгами, знаетъ джентльменъ подъ вечеръ обыкновенно отравлялся со двора,

Фоскошпо обѣдалъ въ тавернѣ, и пилъ великаго сорта вина съ прителемъ, своимъ мистромъ Блюаттомъ. Сначала онъ былъ сиромный молодой человекъ; но онъ его втянулъ въ эту жизнь, навѣрно съ намѣреніемъ, мистръ Блюаттъ. Напрасно говорить, что кто хорошо обѣдаетъ, и слишкомъ много ѣстъ вечеромъ, тотъ нуждается въ бутылкѣ содовой воды, а можетъ статься, и въ закуску, утромъ; такъ бывало съ мистромъ Даукинсомъ, и почти постоянно въ двѣнадцать часовъ на нашей лѣстницѣ появлялся слуга изъ Диксовой кофейни, съ горячимъ завтракомъ для мистра Даукинса.

Кому бы пришло въ голову извлечь пользу изъ такого пустачнаго обстоятельства, а между тѣмъ, Дьюсисъ смекнулъ и бросился на него какъ пѣтухъ на пшеницу.

Онъ посылаетъ меня къ Морелю, въ Пиккедилли, за страсбургскимъ пирогомъ, что Французы называютъ пате де фоу гроу; потомъ беретъ карточку, прибываетъ ее къ наружной сторонѣ кадушки,—пате де фоу грау обыкновенно привозится въ круглыхъ деревянныхъ кадушкахъ, въ родѣ барабана; — а какъ бы вы думали: что онъ пишетъ на карточкѣ? А вотъ что: Благородному Альджернону Перси Дьюсису, съ поклономъ отъ князя Талейрана.

Съ поклономъ князя Талейрана: вотъ придумалъ! До сихъ поръ смѣшно, когда вспомнишь.

По какому-то необыкновенно несчастному случаю на слѣдующее утро, ровно въ ту минуту какъ къ мистру Даукинсу несли до лѣстницѣ завтракъ, мистръ Альджернонъ Перси Дьюсисъ спускался внизъ. Онъ былъ веселъ словно жаворонокъ, бормоталъ оперную арію, и вертелъ вокругъ головы тяжелую трость съ золотымъ набалдашникомъ. Внизъ онъ спускался бойко, и на бѣду ударилъ тростью по подносу, который несъ слуга. Коньякъ, жаркое, содовая вода, все полетѣло на-земь! Не знаю, какъ онъ выбралъ именно эту минуту; сказать правду, окно его выходило на дворъ и онъ могъ видѣть всякаго, кто шелъ къ нашей двери.

Лишь только это приключилось, Дьюсисъ пришелъ въ такое бѣшенство, какое едвали кому доводилось видѣть; онъ учалъ ругать слугу на чемъ свѣтъ стоитъ; грешилъ ему палкой, но

наконецъ унялся. Тутъ онъ воротился въ свою комнату, и Джонъ, слуга, опять отправился въ кофейню за завтракомъ.

Вотъ несчастный-то случай, Чарльзъ, сказалъ онъ мнѣ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ написалъ записку, вложилъ въ конвертъ и запечаталъ большою печатью. — Постой! мнѣ пришла мысль — снесите пожалуй-ста эту записку къ мистру Даукинсу вмѣстѣ съ пирогомъ, что купилъ вчера; да слышите и не пикните, гдѣ мы достали пирогъ.

Я снесъ записку куда слѣдуетъ, не пикнувъ, разумѣется, ни слова. Подождавъ въ комнатѣ мистра Даукинса нѣсколько минутъ, я воротился съ отвѣтомъ. Мнѣ удалось списать копію съ обѣихъ записокъ; вотъ ихъ содержаніе:

Благородный А. П. Дьюсисъ къ Т. С. Даукинсу,
Эскв. Темплъ, вторникъ.

Мистръ Дьюсисъ свидѣтельствуешь свое почтеніе мистру Даукинсу, и вмѣстѣ съ тѣмъ искреннѣйше просить извиненія за извѣстный ему непріятный случай.

Не позволено ли будетъ мистру Дьюсису воспользоваться правомъ сосѣда и по возможности поправить свою оплошность? Если мистръ Даукинсъ сдѣлаетъ ему честь принятіемъ посылки прямо изъ Страсбурга, подарокъ друга, — на вкусъ котораго, какъ лакомки, мистръ Даукинсъ можетъ положиться, — то онъ найдетъ въ ней не дурную замѣну блюда, уничтоженнаго не-ловкостью мистра Дьюсиса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мистръ Дьюсисъ увѣренъ, что это будетъ не малымъ удовольствіемъ для первоначальнаго дарителя *parti*, когда онъ узнаетъ, что его подарокъ достался въ руки такому знаменитому *bon vivant*, какъ мистръ Даукинсъ.

Т. С. Даукинсъ.

Отъ Т. С. Даукинса, Эскв. къ Благор. А. П. Дьюсису.

Мистръ Томасъ Смитъ Даукинсъ свидѣтельствуешь душевное почтеніе Благор. мистру Дьюсису, и съ глубочайшею благодарностью и величайшимъ удовольствіемъ принимаетъ великодушное предложеніе мистра Дьюсиса.

Было бы одною изъ счастливейшихъ минутъ въ жизни мистра Смита Даукинса, еслибъ Благор. мистръ Дьюсисъ про-

стеръ свое великодушіе еще далѣе, и не отказался раздѣлить те, что доставлено его щедрою внимательностью.

Темплъ, вторникъ.

Много и много разъ, признаюсь, кохоталъ я надъ этими письмами, которыя списалъ для себя съ оригинала писецъ мистра Бруффи. Дьюсисова сказка о князѣ Талеирапѣ удивительно какъ подѣйствовала. Молодой Даукинсъ покраснѣлъ отъ удовольствія, читая записку, изодралъ четыре или пять листовъ бумаги прежде чѣмъ придумалъ на нее отвѣтъ, который вы уже прочли, и писалъ дрожащей отъ радости рукой. Посмотрѣли бы вы, какое торжество засверкало въ злыхъ, черныхъ глазахъ Дьюсиса, когда онъ сталъ читать эту записку! Онъ надѣлъ лучшее платье, и отправился, просилъ меня сходить напередъ и сказать, что принимаетъ съ удовольствіемъ приглашеніе мистра Даукинса.

Широкъ разрѣзали, и между обонми джентльменами начался самый дружескій разговоръ. Дьюсисъ былъ просто обворожителемъ, говорилъ мистру Даукинсу самымъ почтительнымъ и лестнымъ манеромъ, соглашался со всѣмъ, что бы тотъ ни говорилъ; хвалилъ его вкусъ, его мебель, его платье, его ученость, его игру на флейтѣ; послушавъ его, вы подумали бы, что на свѣтѣ нѣтъ другаго образца прекрасныхъ качествъ какъ Даукинсъ: и что такого скромнаго, чистосердечнаго, человека, каковъ Дьюсисъ, можно видѣть только въ Поингъ-портѣ. Бѣдный Дау развѣсилъ уши. Дьюсисъ обѣщался представить его герцогу Донкастрскому, и Богъ вѣсть какими еще тузамъ, такъ-что наконецъ Даукинсъ со всѣмъ одурѣлъ отъ радости. Знаю за вѣрное, — а это очень хорошо показываетъ характеръ молодаго джентльмена, — что онъ въ тотъ же день заказывалъ двѣ новыя пары плаща, въ предположеніи быть представленнымъ знатнымъ господамъ.

Но лучшая штука изъ всѣхъ пришла подъ конецъ. Ницѣвая, насмѣливая и бранящая, забѣжала на глѣтцину мистръ Дикъ Блантъ. Онъ растворилъ дверь къ мистру Даукинсу настежь, и закричалъ: Дау, старая книга, что подѣлываешь? какъ вдругъ видитъ мистра Дьюсиса; веселость его прошла; онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, потомъ покраснѣлъ какъ ракъ, и остолбѣнѣлъ, словно его пришибло громомъ. — Дорогой мой мистръ Блантъ,

говорить мой патронъ, улыбаясь и протягивая руку: какъ я радъ, что васъ вижу... Мистръ Даукнисъ и я только что говорили о вашей понни! Сдѣлайте милость, садитесь.

Блюнттъ сѣлъ; и вотъ вопросъ, кто кого выслушивъ вѣкъ; но, слава тебѣ Боже, мистръ Блюнттъ не чета моему барину: все время онъ сидѣлъ, какъ пришибленный, не говоря ни слова и дулся; Дьюсисъ же, напротивъ того, былъ любезенъ, какъ нельзя больше. Отъ-роду не слыживалъ я такого легкаго разговора и такого множества остротъ, какія отдукала онъ. Наконецъ, разбитый на голову, мистръ Блюнттъ раскладывая мой патронъ ту же минуту послѣдовалъ за нимъ, и взявъ изъ-подъ руку, привелъ въ наши комнаты и началъ разговаривать съ нимъ самымъ ласковымъ и дружескимъ манеромъ.

Но Дикъ былъ такъ золъ, что не хотѣлъ слушать; наконецъ, когда Дьюсисъ рассказывалъ ему какую-то длинную исторію о герцогѣ Донкастрскомъ, Блюнттъ не выдержалъ и заревѣлъ:

— Убирайтесь вы съ герцогомъ Донкастрскимъ! Помогите, помогите, мистръ Дьюсисъ, со мной не шутите; я не таковой, чтобъ меня можно было провести длинными сказками о герцогахъ, да герцогняхъ. Вы думаете, что я васъ не знаю; васъ всѣ знаютъ, и всѣ ваши продѣлки. Да, вы бѣгаете за молодымъ Даукнисомъ, и думаете пощипать его; но вамъ не удастся, нѣтъ чертъ во всемъ, не удастся.

(Читатель долженъ помнить, что брава, которою пересылалъ мистръ Блюнттъ свой разговоръ, я выпускаю). Ну вотъ, когда онъ пошевеливалъ всѣ заряды, мистръ Дьюсисъ повелъ рѣчь тихе и хладнокровно, какъ нельзя лучше.

— Послушай, Блюнттъ: я знаю, что ты одинъ изъ самыхъ ласкихъ обирая и бездѣльниковъ, не удостоившихся еще висѣлицы. Если ты попытася бузить со мной, такъ попросишь моей палки; если пожелаешь больше, такъ я застрѣлю тебя; если скажешь соватья между мной и Даукнисомъ, такъ уеду тебя тѣмъ и другимъ. Я знаю всю твою жизнь, низкій трусъ. Я знаю, что ты ужъ выигралъ у этого мальчишки двѣсти фунтовъ, и хочешь обыграть его въ нухъ. Поползай, или тебѣ не достается для понни. — Совершенная правда, что Дьюсисъ все это зналъ, но какимъ образомъ, вотъ въ чемъ дѣло.

Я не могу забыть лица мистра Блюнтта въ продолженіе раз-

говора такъ какъ отоялъ за дверью; только послѣ этикъ вразумительныхъ комплиментовъ обоимъ джентельменамъ, я слышала порядочную возню: одинъ торопливо бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ; другой, сердитый и надутый, сидѣлъ и стучалъ ногой.

— Ну, выслушайте же, мистръ Блюнттъ, продолжаетъ наконецъ мой патронъ; если не станете мѣшать, вы получите половину денегъ этого молодца; но только попребуйте выштрапать у него шиллинга въ мое отсутствіе, или безъ моего согласія, такъ знайте, что вамъ это не обойдется даромъ.

— Ладно, ладно, мистръ Дьюсвсъ, кричитъ Дикъ: игру я затѣмляю, и вы не имѣете никакого права мѣшаться въ дѣла моего пріятеля.

— Мистръ Блюнттъ, вы шутъ гороховый! Вчера вы утверждали, что не знаете этого человѣка, и я самъ принужденъ былъ отклонять его. Желательно было бы знать, что обманывать меня уступитъ его вамъ!

Любо было слушать, какъ эти господа толковали о чести: я, наметая, готовъ былъ самъ предостеречь молодца Даукнса отъ опасной дороги, на которую они выводили его. Но если они не знали, что такое честь, такъ я зналъ.

Вотъ, на другой день у нихъ была большая обѣда. Бѣлый супъ, палтусина и соусъ изъ морскихъ раковъ; шотландская баранина, зелень и мавароны; вина: шампанское, рейнское, шедра, бутылка портеру и множество жарету. За столомъ было трое: А. П. Дьюсвсъ, Р. Блюнттъ, и мистръ Даукнисъ, землѣедръ. Ну ужъ покушали же я мы! Когда выносили зелень изъ-за стола, человѣкъ мистра Блюнтта столько наѣлся ея, что я рѣшительно опасался за его здоровье; мальчикъ мистра Даукнса, всего тринадцати лѣтъ, такъ захворалъ отъ мавароновъ и пудлинга, что принужденъ былъ принять нѣсколько штукъ янтаря мистра Дьюсвса, и чуть было не умеръ отъ нихъ. Но все это дѣло постороннее.

Поѣдите ли? Послѣ обѣда, за которымъ троемъ выпито до восьми бутылокъ, джентельмены сѣли за экартъ. Это такая игра, въ которой двое играютъ, а третій, если есть, подсматриваетъ въ карты.

Сначала играли по крошкѣ ноанъ, и по фунту марс. Въ эту

игру оба игрока были удивительно какъ равны, и къ концу, когда подали еще шампанское, бисквиты и другаго прочаго, игра находилась вотъ въ какомъ положеніи: мистръ Даукинсъ выигралъ два фунта; мистръ Блюнттъ тридцать шиллинговъ; проигралъ одинъ мистръ Дьюсисъ три фунта десять шиллинговъ. После бисквитовъ и шампанскаго игра нѣсколько поднялась. Теперь шло по фунту познъ и по пяти, нарм. Призваться, шслушавшись утреннихъ комплиментовъ между Блюнттоу и Дьюсисомъ, я теперь подумалъ: вотъ пришелъ часъ бѣдному Даукинсу.

Не тутъ-то было: Даукинсъ продолжалъ выигрывать; мистръ Блюнттъ держалъ пари на его игру, и давалъ ему что ни есть лучшіе совѣты, подъ конецъ вечера, — а это было около пяти часовъ утра, — они остановились. Дьюсисъ принялся сводить счетъ.

— Блюнттъ, говоритъ онъ, мнѣ не везло. Я вамъ долженъ — позвольте посмотрѣть — да, такъ, сорокъ пять фунтовъ?

— Сорокъ пять, говоритъ Блюнттъ; счетъ вѣренъ.

— Я вамъ дамъ вексель, говоритъ Дьюсисъ.

— Помилуйте, стоитъ ли говорить объ этомъ, любезный сэръ. Но Дьюсисъ досталъ листъ бумаги, и написалъ вексель на господъ Помпъ, Альджитъ и К°, своихъ банкировъ.

— Теперь, говоритъ онъ, сосчитаемся съ вами, любезнѣйшій мистръ Даукинсъ. Еслибъ вы умѣли пользоваться счастьемъ, я былъ бы долженъ вамъ очень порядочную сумму. Посмотримъ; тринадцать познъ, по фунту — счетъ простой — и, доставъ кошелекъ, онъ высывалъ на столъ тринадцать золотыхъ sovereignовъ, такихъ свѣтленькихъ, что у меня въ глазахъ зарябило.

У бѣднаго Даукинса тоже, когда онъ протянулъ руку, и дрожа придвигалъ къ себѣ sovereignы.

— Позвольте мнѣ сказать, прибавилъ Дьюсисъ; позвольте сказать — а я человекъ довольно опытный — мнѣ рѣдко случалось играть съ такимъ отличнымъ игрокомъ въ экартэ.

У Даукинса глаза заблестѣли, когда онъ сталъ прибирать золото, и сказалъ: право, Дьюсисъ, вы мнѣ льстите!

Льстите! Разумеетсяъ, что льститъ. Дьюсисъ другаго и не думалъ.

— Но помните же, Даукинсъ, продолжалъ онъ; вы мнѣ долж-

вы одѣлать рванцы; я раззоренъ, рѣшительно раззоренъ вашимъ счастьемъ.

— Хорошо, хорошо, говоритъ мистръ Томасъ Смитъ Даукинсъ, довольный какъ будто выигралъ миллионъ; нельзя ли завтра? Блонттъ, вы что скажете?

Мистръ Блонттъ, разумѣется, былъ не прочь. Мой патронъ, во много подумавъ, также согласился. — Мы соберемъ у васъ, сказалъ онъ. Только слышите, любезнѣйшій пріятель, чтобъ вина много не было; я вообще не могу пить; особенно когда приходится играть въ экартэ съ такимъ игрокомъ, какъ вы.

Бѣдный Даукинсъ пошелъ отъ насъ совершенно довольный. Нате, Чарльзъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ sovereignъ. Бѣдняжечка? Зналъ я, что будетъ впередъ.

* * * * *

А что всего лучше, такъ это то, что тринадцать sovereignовъ, которые выигралъ Даукинсъ, были заняты Дьюсисомъ у мистра Блонтта! Я принесъ ихъ, вмѣстѣ съ семью другими, изъ комнаты этого джентльмена въ то же самое утро: съ перваго свиданія съ Дьюсисомъ, Блонттъ не отказываетъ ему ни въ чемъ.

* * * * *

Чтожъ, продолжать ли мнѣ исторію? Если бы мистръ Даукинсъ былъ хоть каню по-умнѣе, то могъ бы проигрывать свое состояніе по-крайней-мѣрѣ полгода; а то былъ такая простокъ что какъ-разъ спустилъ все до копѣйки.

Въ слѣдующій день, — въ четвергъ, а знакомство Дьюсиса съ мистромъ Даукинсомъ началось только-что во вторникъ, — мистръ Даукинсъ, какъ я сказалъ, давалъ обѣдъ, въ семь часовъ; за столомъ были по-прежнему: мистръ Блонтъ и двое Д. Играть начали въ одиннадцать. Въ этотъ разъ дѣло было серьезное. Въ пятницу я вошелъ въ комнату: Дьюсиса нѣтъ. Часу въ первомъ онъ зашелъ на пять минутъ къ себѣ, приодѣлся, приказалъ челоуѣку приготовить бисквитовъ и содовой воды; и опять отправился къ мистру Даукинсу.

Тамъ они обѣдали опять въ семь часовъ, но кажется никто не ѣлъ, потому-что всѣ блюда воротились къ намъ, почти не тронуты; впрочемъ вина поили порядкомъ и въ тринадцать

шесть часовъ обушили по крайней мѣрѣ двѣ дюжины бутылки.

Въ десять часовъ вечера, въ пятницу, Дьюсонъ воротился домой. Тутъ въ первый разъ я увидѣлъ его такимъ, какимъ никогда не видывалъ: пьянымъ — пресыщеннымъ. Онъ шатался по комнатамъ, плясалъ, бранился, бросилъ мѣй пригорщень сребра, и, наконецъ, повалился безъ памяти на кровать: слуга снялъ съ него сапоги, укрывъ я приготовилъ все, что нужно было для его удобства.

Снявъ съ него платье, слуга опорожнилъ его карманы, взглянулъ въ бумажникъ, пересмотрѣлъ всѣ нумера.

Въ кучѣ записокъ онъ нашелъ и показалъ мѣй слѣдующій документъ:

<p>Я нижеподписавшійся долженъ 4,700 ф. ст. Томасъ Смитъ Даукинсъ. Пятница. 16 января.</p>
--

Тутъ же лежалъ другой лоскутокъ бумаги, въ томъ же родѣ: Я нижеподписавшійся долженъ четьреста фунтовъ, Ричардъ Блаунтъ: но этотъ документъ, разумеется, ничего не значилъ.

* * * * *

Утромъ въ девять часовъ, Дьюсонъ всталъ, совершенно трезвъ одѣлся и отправился къ мистру Даукинсу. Въ десять, приказалъ подать кабъ, и оба джентлмена поѣхали вмѣстѣ.

— Куда прикажете, оказалъ человѣкъ.

— Къ банку.

Бѣдный Даукинсъ, съ глазами красными отъ тоски, безсонницы и хмѣля, вздрогнулъ и вадохнулъ, сядясь въ экипажъ, и они поѣхали.

Въ этотъ день онъ спустилъ все что имѣлъ, кромѣ пятидесяти фунтовъ.

* * * * *

Около двѣнадцати, Дьюсонъ воротился, и въ слѣдъ за-чашъ,

ничья по лестницѣ, пожаловалъ мистръ Динъ Блюнттъ, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ.

— Дома мистръ Дьюсисъ? спросилъ онъ.

— Дома, сказалъ я, и Блюнттъ вошелъ. Я, приложивъ ухо къ скважинѣ замка, сталъ подслушивать.

— Ну, говоритъ Блюнттъ; славный выдался намъ вечерокъ, мистръ Дьюсисъ. Вы, кажется, раздѣлялись съ Даукинсомъ.

— Раздѣлялся! говоритъ тотъ. О, да, да, раздѣлялся.

— Четыре тысячи семьсотъ, помнится?

— Около того.

— Значить, на мою долю приходится двѣ тысячи триста пятьдесятъ; пожалуйста-ка сюда: спасибо скажу.

— Мистръ Блюнттъ, говоритъ Дьюсисъ: я рѣшительно не понимаю, чего вы хотите.

— Не понимаете чего я хочу! кричитъ Блюнттъ, такимъ тономъ, какого мнѣ не доводилось еще слышать. Вы не понимаете, чего я хочу! Да развѣ не вы обѣщали подѣлаться со мной? Да развѣ не я далъ вамъ въ займы двадцать гиней третьяго дня вечеромъ, чтобы заплатить проигрышъ Даукинсу? Развѣ не вы обѣщали уступить мнѣ половину всего, что можно добыть въ этотъ дѣль?

— Согласенъ, сэръ, говоритъ Дьюсисъ, согласенъ.

— Такъ что же послѣ этого вы намѣрены сказать?

А то, что я не намѣренъ сдержать своего обѣщанія! Безсмысленный, да уже ли ты думалъ, что я работаю для тебя. Уже ли ты воображаешь, что я тратился на обѣдъ для этого осла затѣмъ, чтобъ тебѣ доставить барышъ? Убирайтесь, сударь! Вонъ отсюда, сударь! Или, стойте; вотъ вамъ ваши четыреста фунтовъ, ваша собственноручная росписка, сударь, на эту сумму, если согласны забыть все, что между нами было, и выбросить изъ головы, что вы знакомы съ мистромъ Альджернономъ Дьюсисомъ.

Я видалъ людей взбѣшенныхъ и прежде; но такихъ какъ Блюнттъ не видалъ. Онъ шумѣлъ, ревѣлъ, бранился, наконецъ просто забылъ; сталъ сирежетать зубами, и, попеременно, проклинать и просить мистра Дьюсиса, оказать ему милость.

Тутъ, Дьюсисъ вдругъ растворилъ дверь, — чуть было я ку-

баремъ не ввалился въ комнату! — и сказалъ: Чарльсъ, укажите этому господину дорогу! Мой патронъ посмотрѣлъ на него пристально и серьезно. Блюнттъ пошелъ домой, пригорюнясь. А Даукансъ, Богъ вѣсть куда онъ убрался!

* * * * *

— Чарльсъ, сказалъ мнѣ Дьюсисъ, часъ спустя: я ѣду въ Парижъ, можете ѣхать и вы, если хотите.

Чужестранныя земли.

Вотъ удивительное доказательство скромности Дьюсиса: хотъ онъ выигралъ у мистра Дауканса порядочную сумму и любилъ помотать и похвастать какъ нельзя больше; однакожь, когда рѣшился ѣхать въ Парижъ, такъ не только не промолвилъ слова никому изъ пріятелей о своемъ выигрышѣ, и не навѣстилъ дядюшки, мистра Крѣбса, о намѣреніи оставить родные берега, но даже не созвалъ своихъ поставщиковъ, чтобъ заплатить имъ по счетцамъ передъ отъѣздомъ.

Совсѣмъ напротивъ: «Чарльзь», сказалъ онъ мнѣ: «привѣйте карточку на дверяхъ» — такъ дѣлаютъ прикаанные — «и напишите на ней: будетъ дома въ семь часовъ». Написалъ я: «будетъ дома въ семь часовъ», и прибилъ карточку на дверяхъ съ наружной стороны. И такъ скрытенъ былъ Дьюсисъ на счетъ своей континентальной поѣздки (передъ всѣми, кромѣ меня), что когда хозяйка принесла ему счетъ (по-крайней-мѣрѣ на два фунта десять шиллинговъ), то онъ велѣлъ ей зайти за деньгами въ поведѣльщикъ утромъ. Удивительно, какъ разчетливъ становится человекъ, когда припрядеть въ карманъ тысячь пять фунтовъ.

Будетъ дома въ семь! Совершенная правда! Въ семь, мы ужъ катили по дорогѣ къ Дувру, въ дилижансѣ; Дьюсисъ внутри, я снаружи. Вотъ странная-то была смѣсь людей въ этомъ дилижансѣ: трое матросовъ; одинъ Итальянецъ, съ шарманкой и обезьяной; миссіонеръ, отправлявшійся во Францію обрѣцать лавычниковъ; двѣ фигурантки; ихъ матушки; четыре Француза, въ шутовскихъ шапкахъ, и съ усами, колютъ, болтаютъ, машутъ руками, такъ-что смотрѣть смѣшно. А какіе комментарии отпускали они фигуранткамъ: о монѣ дью, о киль

те фроя. Въ то время я еще не зналъ по-французски, и потому мало понималъ ихъ разговоръ; однакожь, я радовался, чувствуя, что дѣйствительно ѣду въ чужестранныя земли, а это было моимъ усерднѣйшимъ желаніемъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ получилъ я нѣкоторое воспитаніе. Боже милосердый! думалъ я: если это образчики Французовъ, такъ вѣдь славный-то долженъ быть народецъ! Обезьяна бѣднаго Итальянца, сидѣвшая пригорюнясь на шарманкѣ, казалась вдвое благообразнѣе ихъ и едва ли не умнѣе.

Вотъ пріѣхали мы въ Дувръ: приморская гостиница — телѣчьа котлетка — полгинеи; стаканъ элю—шillingъ; стаканъ лимонаду—пол-кроны; на полиенни восковой свѣчки — четыре шиллинга, и такъ далѣе. Но Дьюсенъ платилъ безъ ропоту; для себя онъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ, и на слѣдующій день мы сѣли на пакетботъ, отирававшійся въ Булонь-скурь-мэръ, что значитъ по-французски, городъ Булонь, лежащій на морѣ. Насышавшись о чужестранныхъ дивахъ, я ожидалъ найти городъ первѣйшій и величайшій; вообразите же мое разочарованіе, когда, прибывъ на мѣсто, мы увидѣли этотъ Булонь, вовсе не на морѣ, а на берегу.

Но чтобъ добраться до цего, вотъ ужъ натерѣлись-то мы. Какъ желалъ я быть опять въ Помпъкортъ, когда мы вышли въ Британскій каналъ! любезный читатель, бывали ли вы на Океанѣ? Море, море, открытое море! какъ говорилъ Барри Кромвель. Лишь только мы сѣли на нашъ маленькій корабль, и вашу багажи были уложены — мой з вязанъ былъ въ крошечный носовой платокъ, — лишь только, говорю, сѣли мы на нашъ маленький корабль; лишь только я увидѣлъ какъ волны, черныя и пѣнистыя, словно сейчасъ откупоренный портъ, бьютъ въ бока нашего красавца-пакетбота; а киль какъ кливъ, разсѣкаетъ валы на-двое, паруса хлоплютъ въ воздухъ, флагъ Англій развѣвается на мачтѣ, капитанъ гордо выступаетъ на палубѣ, раздавая приказы матросамъ; бѣлыя скалы Альбіона исчезаютъ въ отдаленіи; тутъ я почувствовалъ въ первый разъ всю силу, все величіе существованія. Ну другъ мой Желтоплюшъ, сказалъ я самъ себя: вотъ начинается твоя жизнь; твоя карьера, какъ человѣка взрослога, считается со входа на этотъ бортъ этого пакетбота. Будь уменъ, будь твердъ, будь осторо-

женъ — забудь безумства своей юности. Ты ужъ не мальчишка; ты теперь настоящій человекъ. Брось свои кубари, бабки и другія ребяческія игры, сбрось свои дѣтскія привычки вѣсть съ запачканной чернилами курткой — брось свои... —

Тутъ помнится, я принужденъ былъ остановиться. Чувство, сначала странное, а потомъ болѣзненное, и наконецъ совершенно невыносимое, овладѣло мной, когда я велъ съ собой вышеизложенную рѣчь; я очутился въ такомъ положеніи, которое деликатность не позволяетъ мнѣ описывать. Довольно сказать что я многіе часы лежалъ въ страшномъ томленьи, мертвый для всякаго помысла; дождь билъ мнѣ въ лице, матросы топтали меня ногами; страшныя муки терзали мою внутренность. Когда мы пролежали часа четыре въ этомъ состояніи, — мнѣ показалось, цѣлыхъ четыре года, — въ ту часть валубы, гдѣ мы были набиты какъ сельди въ бочкѣ, пришелъ комиссаръ и закричалъ: господинъ Чарльзъ!

— Здѣсь, сказалъ я, наслу пробормотавъ: что нужно?

— Васъ требуютъ.

— Куда?

— Мистръ Дьюси съ нездоровъ, говорить комиссаръ, улыбаясь.

— А по мнѣ чортъ побери! говорю я, поворачиваясь, въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Въ этотъ день, я не пошевелился бы для двадцати тысячъ фунтовъ.

Но довольно объ этомъ горестномъ предметѣ: многое множество совершилъ я, съ тѣхъ поръ, путешествій по широкой, какъ говоритъ Шекспиръ, глуби, но никогда не бывало такого бѣдственнаго, какъ отъ Дувра до Булоня, въ 1818 году отъ Рождества Христова. Пароходовъ въ то время было мало, а мы плыли на смѣть. Наконецъ, когда я дошелъ до такой степени отчаянія и истомы, что рѣшительно воображалъ себя у вратъ смерти, мы достигли цѣли нашего странствованія. Поздно вечеромъ привѣтствовали мы галльскіе берега, и стали на якорѣ въ гавани Булонь-сюръ-мэръ.

Это было для меня и моего патрона наслажденіемъ, когда мы очутились на тихой водѣ, увидѣли отрадный свѣтъ въ домахъ, и почувствовали облегченіе отъ качки, то, могу васъ увѣрить, такъ обрадовались, какъ ни одинъ смертный еще не радозав-

ся. Наконецъ капитанъ вышелъ на набережную, и мы — дома. Но при выходе на берегъ, насъ встрѣтили такой шумъ и гвалтъ, также тараторенье, такія крики, брань и проклятія, какихъ я съ роду не слыживалъ. Прежде всего, къ намъ подошелъ таможенный чиновникъ, въ треуголѣкѣ: онъ схватилъ нашъ багажъ и потребовалъ пашпорты; потомъ нахлынула на валубу крича и спотыкаясь, толпа трактирныхъ слугъ: сюда, сударь, реветъ одинъ; отель Морисъ, говорить другой; отель де Банъ, визжить третій. Первое что поразило меня при выходе на берегъ, былъ какой-то толстякъ, съ серьгами въ ушахъ, который чуть было не сшибъ меня съ ногъ, вырывая изъ рукъ ковровый мѣшокъ мистра Дьусиса, когда я несъ его въ гостиницу. Но мы добрались наконецъ до гостиницы цѣлы и невредимы, и въ первый разъ на вѣку я спалъ на чужой стогъ.

Не стану описывать этого города: съ тѣхъ норъ какъ я видѣлъ Булонь, его посѣщали, круглымъ числомъ по крайней мѣрѣ два милліона Англичанъ, и онъ всякому довольно извѣстенъ. По моему, это темный, скучный городъ: живаго въ немъ только и есть, что канавка, которая бѣжитъ по улицамъ. Деревянныхъ башмаковъ ниѣ доводилось встрѣчать не много; а что до лягушекъ, такъ честью вамъ ручаюсь, что не видалъ ни одного Француза, который бы глоталъ ихъ, хоть по слухамъ я считалъ это постояннымъ, хотя и скотскимъ обычаемъ французскаго народа. Меня изумило странное названіе города. Извѣстно, что Булонь раздѣляется на верхній городъ, расположенный на возвышеніи, и окруженный валомъ или бульваромъ, и на нижній городъ, который стоитъ вровень съ моремъ. Позврате ли, что Французы называютъ первую часть города Готъ-Вилемъ, или по нашему горячій теллатиной, а вторую — Батъ-Вилемъ, или гадкой теллатиной, тогда какъ во Франціи теллатина вообще превкусная, хотя говядина, надо признаться, протвратительная.

Дьусисъ остановился въ Батъ-Вилѣ, въ гостиницѣ де Банъ, въ крючковой улицѣ, называемой дель Асю; и будь онъ архіепископомъ девонширскимъ, или герцогомъ мавторберійскимъ, и тогда бы не могъ онъ задавать больше тону, могу васъ увѣрить. Подавай намъ что ни есть лучшаго: у насъ

былъ цѣлый рядъ комнатъ въ первомъ этажѣ, и Альджеронтъ Перси Дьюсисъ, который не заплатилъ ховяикѣ за квартиру и прѣхалъ въ Дувръ въ дилижансѣ, казался, думалъ теперь, что золото для него дрянъ и что карета, запряженная шестерней, подломится подъ особой его вѣсу. Шампанское лилось какъ вода, не говоря ужъ о бордо, кларетѣ, бургонскомъ, и другихъ винахъ; къ столу подавались самыя лучшія блюда булонской кухни. Въ этомъ скучномъ городѣ, мы оставались двѣ недѣли, и съ утра до вечера только и знали, что гулять по берегу и глядѣть въ зрительныя трубы какъ приходятъ въ гавань и отходятъ корабли. Наши увеселенія въ эти двѣ недѣли были и многочисленны и до крайности пріятны; однимъ словомъ, пикантъ, какъ у нихъ говорится. Утромъ, передъ завтракомъ, мы отправлялись въ гавань; Дьюсисъ въ голубомъ жакетѣ, а я въ повой одеждѣ съ иголочки; оба съ длинными зрительными трубами, которыя не знаю почему называются телецкопами, вѣрно по-ученому. Въ эти трубы, мы рассматривали, очень внимательно, океанъ, морскія травы, гольши, рыбныхъ торговкокъ, и волны, которыя, словно ребятишки, играющіе въ чехарду, прыгали одна на другую. Мнѣ казалось, будто онѣ стараются выбраться на берегъ, чтобы избавиться отъ морской болѣзни и успокоиться на благодатной террѣ Фирмѣ.

Послѣ завтрака, мы отправлялись опять, мой патронъ на одной лодкѣ, я на другой, — дѣла у меня въ этомъ заморскомъ городѣ не было никакого, — и опять приставивъ къ глазамъ телецкопы, принимались рассматривать подробности океанъ, гольши, и тому подобное; это продолжалось до обѣда, а обѣдъ продолжался до сна, а сонъ до слѣдующаго дня, когда мы принимались опять за завтракъ, за обѣдъ и за телецкопы, по прежнему. Эдакъ живутъ всѣ булонскіе обыватели въ томъ числѣ, какъ я слышалъ, десять тысячъ счастливыхъ Англичанъ, которые ведутъ эту пріятную жизнь нѣз году въ годъ.

Сверхъ-того, тамъ есть бильярдъ и карты для мужчинъ, бываютъ иногда танцы для дѣвицъ, сплетни и интриги для вдовушкѣ. Мы не участвовали ни въ одной изъ этихъ забавъ. По насъ ли — играть по кронѣ поанъ; и выигравши, не

получать дичи; или гоняться за дѣвчонками, у которыхъ нѣтъ приданаго; или строить куры старымъ барынямъ, и потѣшаться съ ними въ кофечный вистъ? Нѣтъ, нѣтъ! Дьюсисъ былъ теперь человѣкъ съ состояніемъ, и держалъ себя, какъ слѣдуетъ богатому. Когда онъ удостоивалъ своимъ присутвіемъ общую столовую въ гостиницѣ де Банъ, то кричалъ громче всѣхъ; бранилъ слугъ, кушанья и вина; смотрѣлъ на каждого въ стеклышко, приставленное къ глазу; всегда занималъ мѣсто у огня; на языкѣ у него вѣчно вертелось: моя карета, мой курьеръ, мой слуга. И прекрасно онъ дѣлалъ. Я на своемъ вѣку постоянно замѣчалъ, что если хотите пользоваться у Англичанъ уваженіемъ, такъ грубите съ ними какъ можно больше. Мы любимъ чтобъ насъ ругали: это показываетъ что мы въ короткихъ отношеніяхъ. Боже мой! да я самъ видалъ въ Лондонѣ многихъ и многихъ джентльменовъ, которые охотнѣе снесутъ отъ лорда побой, чѣмъ невниманіе. Между-тѣмъ какъ Дьюсисъ шумѣлъ въ столовой, я задавалъ тонъ въ другой комнатѣ и по вѣрѣте: слѣдствіемъ этого было то, что намъ служили, и насъ любили, больше многихъ достойнѣйшихъ.

У мистра Дьюсиса, безъ сомнѣнія были особенные планы, которые такъ долго удерживали его въ Булонѣ: ясно, что онъ желалъ нѣсколько времени понграть тамъ роль богатаго чловѣка, прежде чѣмъ приняться за ту же роль въ Парижѣ. Онъ купилъ карету, нанялъ курьера, вырядилъ слугу въ новую тонкую ливрею, всю обшитую галунами, и черезъ булонскій банкъ перевелъ на одинъ парижскій банкирскій домъ тысячу фунтовъ изъ выигранныхъ у Даукиса денегъ, при чемъ далъ замѣтить булонскимъ банкирамъ, что у него въ карманѣ остается еще значительная сумма. Это значило убить двѣ птицы однимъ камнемъ: банкирскія птицы разнесли вѣсть по всему городу, и не прошло дня послѣ взноса денегъ въ банкъ, какъ въ Булонѣ каждая старуха успѣла ужъ справиться о фамиліи Крабса, и коротко познакомиться съ именемъ и состояніемъ Дьюсиса.

Хотя Дьюсисъ призналъ за лучшее оставить Лондонъ, не вѣстивъ дядюшку о предпринятомъ континентальномъ путешествіи, однако жъ, остановясь въ Булонѣ, онъ написалъ

къ Крѣбу письмо, съ котораго мнѣ удалось списать ка-
кію. Вотъ его содержаніе:

Булонь, 25 января.

Любезнѣйшій дядюшка, въ продолженіе занятій моихъ по юриспруденціи, я давно ужъ чувствовалъ необходимость въ основательнѣйшемъ знаніи французскаго языка, на которомъ написана первоначальная исторія нашего предмета. Вотъ почему я рѣшился нѣсколько отдохнуть отъ сидячей жизни, въ комнатѣ, за книгой, что серьезно разстроило мое здоровье. Если мои скромныя средства могутъ выдержать двухмѣсячную поѣздку и пребываніе въ Парижѣ, то я полагаю провести это время за границей.

Не будете ли такъ добры, чтобъ прислать мнѣ рекоменда-
тельное письмо къ сэру Короткохвосту старожилу въ Парижѣ? Мое имя и ваше старинное съ нимъ знакомство, я увѣренъ, могли бы доставить мнѣ пріемъ въ его домъ; но убѣдительное письмо отъ васъ было бы вмѣстѣ и учтивѣе и дѣйствительнѣе.

Могу ли я также просить высылки содержанія за послѣд-
нюю четверть года? Я человѣкъ не значительный, какъ сами вы знаете, любезнѣйшій дядюшка; но вѣдь мы не хамелеоны, и пятьдесятъ фунтовъ, въ добавокъ къ небольшому доходу по звачію, были бы не малымъ подспорьемъ къ пріятностямъ мое-
ей континентальной поѣздки.

Засвидѣтельствуйте мою искреннюю любовь всѣмъ моимъ
братьямъ и сестрицамъ. Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобъ тяж-
кая доля младшаго сына выпала не мнѣ, и чтобъ я могъ
жить свободнымъ отъ ужаснаго труда и наслаждаться среди
сельскихъ картинъ моего младенчества, въ сообществѣ моихъ
дорогихъ сестеръ и вашемъ! Сохрани васъ небо, дражайшій
дядюшка, и всѣхъ милыхъ сердцу, перебывающихъ теперь подъ
кровомъ роднаго стариннаго пепелища въ Сайзѣ.

Вѣчно любящій васъ племянникъ

Альджерновъ.

Мистру Крѣбу, 8, Сайзъ-Кортъ, Бэксъ.

На это пѣжное письмо Крѣбъ отвѣчалъ съ слѣдующею
почтою:

Милый мой Альдж, мнѣ, письмо твое я получилъ и, по же-

лнню твоему, посылаю тебѣ письмо къ оару Короткохвосту. Онъ человѣкъ добрый, и поварь у него лучший въ Европѣ.

Не видѣвшись съ тобой цѣлыхъ семь лѣтъ, мы всѣ были восхищены твоимъ радушнымъ о насъ воспоминаніемъ. Не можемъ не радоваться родственной любви, которая, не смотря на время и отсутствіе, все еще такъ нѣжно, привязана къ дому. Мы живемъ въ жалкомъ, себялюбивомъ свѣтѣ, и рѣдкій, кто вступилъ въ него, можетъ похвалиться, что сохранилъ въ своей свѣжести чувствованія, какія ты сохранилъ, мой дражайшій племянникъ.

Сохрани ихъ на долго: вотъ усерднѣйшая молитва нѣжнолюбящаго тебя дяди. Будь увѣренъ, любезный Альджермонъ, что они на всю жизнь будутъ тебѣ лучшимъ утѣшеніемъ, надежнѣйшимъ союзникомъ, подкрѣпляя тебя въ бѣдствіи, улаждая въ уныніи, воодушевляя къ труду и способствуя твоимъ успѣхамъ.

Жалѣю, покровенно жалѣю, что кредитъ мой у Коута такъ неудовлетворителенъ, что уплата тебѣ содержанія въ настоящее время невозможна. Я вижу по своимъ счетамъ, что долженъ тебѣ за девять четвертей, или четыреста пятьдесятъ фунтовъ. Не сомнѣвайся, милый мой племянникъ, что они будутъ выплачены тебѣ сполна при первомъ удобномъ случаѣ.

Кстати, прилагаю здѣсь же нѣсколько извлеченій изъ газетъ, которыя могутъ интересовать тебя. Я получилъ отъ какого-то мистра Блюнта престранное письмо, о картежной сдѣлкѣ, на которую и намекають, какъ я полагаю, посылаемыя выдержки. Онъ говоритъ, что ты выигралъ у неизвѣстнаго Даукинса, четыре тысячи семсотъ фунтовъ; что Даукинсъ заплатилъ ихъ тебѣ; что онъ, Блюнтъ, требовалъ у тебя своей доли въ выигрышѣ; но ты, будто бы, отказался подѣлиться съ нимъ добычей. Какъ это ты можешь, любезный мой племянникъ, ссориться съ такими грязными людьми, или какимъ бы то ни было образомъ поддаваться ихъ нападкамъ? Я самъ довольно поигралъ на своемъ вѣку, но ни одна живая душа не попрекаетъ меня въ двусмысленномъ поступкѣ. Ты долженъ бы былъ или застрѣлить этого Блюнта, или заплатить ему. При настоящемъ положеніи дѣла, первое ужъ поздно, а последнее было бы, можетъ статься, донкихотствомъ. Любезнѣйшій племянникъ,

номни во всю жизнь, что ты никогда не можешь поступать безчестно съ бездѣльникомъ. Двѣ тысячи четыреста фунтовъ, слова нѣтъ, славный ударецъ!

Какъ ты нынче при деньгахъ, то не можешь ли любезнѣйшій мой Альджервонъ, ссудить меня пятьюстами фунтовъ? Клянусь тебѣ честью, заплачу. Братья и сестры твои посылають тебѣ поклонъ. Напрасно прибавлять, что тебя вѣчно наущаютъ благословія любящаго тебя дяди.

P. S. Отпусти пятьсотъ фунтовъ: я тебѣ дамъ росписку въ тысячу.

Нужно ли говорить, что это письмо не совѣмъ то понравилось Дьюсису? Ссудить дядю пятьюстами фунтовъ, вотъ новость! И съ какой радости? Во-первыхъ, онъ не видалъ старика Крѣсса цѣлыхъ семь лѣтъ, какъ справедливо замѣтилъ тотъ въ своемъ посланіи; во-вторыхъ, они другъ друга не слишкомъ жаловали, и въ-третьихъ: если даже племянникъ и любилъ дядюшку, такъ еще больше любилъ онъ кой-кого другаго, именно дядюшкина племянника, и ради этого молодаго человѣка онъ не пожалѣлъ бы ничего.

Выдержки изъ газетъ показали, что какъ мы ни секретничали на счетъ картежной продѣлки, публика извѣстилась о ней довольно обстоятельно. Всѣхъ этихъ пасквилей, какъ я узналъ въ послѣдствіи, сочинителемъ былъ Блюнтъ:

Картежная игра: опять мистръ Дью-с-съ! Этотъ прославленный игрокъ въ вистъ употребилъ свои способности въ дѣло съ нѣкоторою пользою. Въ пятницу, 16 января, онъ выигралъ пять тысячъ фунтовъ у восемнадцати лѣтняго джентельмена, Т-м-са См-та Д-к-н-са, эсквайра, изъ Темпл. Мистръ Д. честнымъ образомъ заплатилъ проигранную сумму ловкому игроку въ вистъ, но мы не слыхали, чтобъ мистръ Д-с-съ, до внезапнаго отъѣзда въ Парижъ, уплатилъ свой проигрышъ мистру Бл-н-ту.

Далѣе идетъ замѣтка корреспондентамъ:

Простакъ спрашиваетъ, знаемъ ли мы о картежныхъ продѣлкахъ знаменитаго Дьюсиса? отвѣчаемъ: какъ не знать? и въ слѣдующемъ номерѣ намѣрены познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ публику.

Отчетъ объ этихъ продѣлкахъ не появился ни ко жъ въ пе-

чати; напротивъ, таже самая газета, которая прежде такъ похвалила Дьюсиса, теперь гремѣла похвалами ему. Вотъ что въ ней говорилось:

На прошедшей недѣлѣ, въ нашу газету вкралась статья, въ высшей степени несправедливо затрогивающая характеръ одного молодого человѣка и съ большими дарованіями, племянника М-ра Кр-б-са. Съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергаемъ лживую ложь алаго клеветника, онозорившаго мистра Дь-с-са, и позволимъ себѣ предложить этому джентельмену единственно возможное съ нашей стороны удовлетвореніе за эту обиду. Мы не вѣривъ ни низкому лжецу ни его сплетнямъ, и искреннѣйше сожалѣемъ, что подобную сказку довели до свѣдѣнія читателей нашей газеты.

Лучшаго удовлетворенія нельзя было требовать, и мы таки обрадовались этой выходкѣ добросовѣстнаго редактора, такъ обрадовались, что мой патронъ послалъ къ нему съ поклономъ десяти фунтовую ассигнацію. По тому же адресу онъ посылалъ еще другой, прежде чѣмъ напечатана была эта статейка; для чего не могу придумать; нельзя же предполагать, чтобъ этотъ литераторъ былъ человѣкъ продажный.

Вотъ, когда дѣльце обдѣляли, курьера наняли, нарту принарядили, простились съ Булонемъ, и выѣхали во всемъ парадѣ. Задали жъ мы тону! А почтальонъ-то! Шляпа трехугольная, камзолъ кожаный (погода стояла холодная) коса длиной въ три фута, и сапоги, да еще какіе! Въ одномъ могло бы умѣститься цѣлое семейство. Я и мистръ Швигшвапсъ, курьеръ, сидѣли позди, мистръ Дьюсисъ одинъ внутри, какъ турецкій султанъ, и закутавшись въ отличный плащъ. Довко раскланявшись съ толпой, мы тронулись съ мѣста; колокольчики загудѣли, большіе бѣлые кони зафыркали, захрапѣли, сабли жь копытами; почтальонскій бичъ взвизгнулъ и мы покатали.

Не стану описывать нашего путешествія. Мы проѣзжали черезъ разные города, села и столицы; первую ночь переночевали въ Амьенѣ, городѣ, какъ всякому извѣстно, знаменитомъ съ 1802 года по Амьенскому миру. Тутъ мы покушали краснаго, сладкаго соуса, приготовленнаго по-Амьенски: не дурно; только что онъ говори, а нашъ соусъ изъ полсваго герошу въ сто разъ вкуснѣе.

Заговоривъ о зелени, не могу умолчать о забавномъ по этому случаю приключеніи со мной. Дьюсисъ, затракая передъ отъѣздомъ, просилъ меня купить для него дорожные сапоги. Я пошелъ къ трактирному слугѣ и сказалъ по-нашему, что мистру нужны шу: онъ вынулъ глаза, ухмыльнулся, какъ всегда они дѣлають, пробормоталъ: бонъ, что значитъ: очень хорошо, и скоро воротился.

Будь я не Желтоплюшъ, если онъ, вмѣсто сапогъ, не принесъ вамъ блюдо съ капустой. Повѣрите ли? Нынче, въ двенадцатомъ столѣтїи, когда, люди говорятъ, вездѣ есть учителя, эти безмозглые Франгузы остаются такими невѣждами, что называютъ капусту сапогами! Послѣ этого, никому не позволю сказать, чтобъ эти темные суеверные, жалкіе ляркари, въ какомъ бы то ни было отношенїи, могли считаться равными великому британскому народу. Чѣмъ больше путешествую, тѣмъ больше вижу свѣтъ, и чужія націи, тѣмъ больше горжусь своей, и презираю и оплакиваю несчастное невѣжество остальной Европы.

Замѣтки мои о Парижѣ получите при первой оказїи. Я и мистръ Дьюсисъ надѣлали тамъ порядочныхъ проказъ, могу вамъ доложить.

МИСТРЪ ДЬЮСИСЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

ПАРОЧКА.

Генералъ-лейтенанту сэръ Джорджу Гриффину, было пошъ семьдесятъ пять, когда онъ оставилъ этотъ свѣтъ и оставилъскую армію, которой онъ былъ отличнымъ украшенїемъ. Сэръ Джорджъ впервые появился въ Индіи въ званїи капитана юнга; изъ этого званїя онъ возвысился до званїя капитана въ службѣ Компанїи, и такъ поднимался все выше да выше, пока не достигъ генералъ-лейтенантскаго чина и не пересталъ подниматься, советамъ улегшись въ могилу, куда придется улечься и барабанщику и генералу.

Сэръ Джорджъ не оставилъ ни одного наследника мужскаго пола, для поддержанїя имени Гриффина. Вдова лѣтъ двадцати

осле и дѣчь двадцати трекъ, однѣ остались оплакивать его потерю и дѣлать его пожитки. По смерти старша сэръ Джорджа, интересная вдовушка и сирота, которая жила съ нимъ въ Индiи, воротилась на родину, пожила нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, гдѣ имъ не понравилось, и рѣшились ѣхать въ Парижъ, гдѣ лондонская мелочь становителя большого анатю, если имѣеть деньги, какъ госпожа Гриффинъ. Смѣтливый читатель самъ догадается, что миссъ Гриффинъ была дочь не леди Гриффинъ; потому что, хоть въ Индiи браки бывали и довольно ранне, все-таки люди не такъ скоро разиваются: да въ томъ, что леди Гриффинъ была вторая жена сэра Джорджа и едва ли нужно прибавлять, что миссъ Матильда Гриффинъ родилась отъ перваго брака.

Миссъ Леонора Кикси, любимая племянница капитана Кикси, красивая, рѣзвая дѣвочка ледъ Ислингтона, вывезенная въ Калькуту на двадцать второмъ году, вышла за-мужъ за сэра Джорджа, которому стукнуло ужъ семьдесятъ одинъ. Тридцать миссъ Кикси, изъ которыхъ девять содержали въ Ислингтонѣ школу, а другiя четыре жили въ томъ же городѣ за-мужемъ, не мало заидовали счастьемъ млада и не мало гордились родствомъ съ ней. Одна изъ нихъ, миссъ Джемима Кикси, старшая и не послѣдняя изъ сестрицъ по дурности, жила у леди и сообщила мнѣ всѣ подробности. О другияхъ членахъ фамили, какъ людяхъ темныхъ, мнѣ, разумѣется, ничего неизвѣстно; мои знакомства, благодаря судьбѣ, обрѣтались не въ ихъ кругу, и не въ кругу имъ подобныхъ.

И такъ, эта миссъ Джемима жила у младшей и болѣе дружной счастливой сестрицы, въ званiи компаньонки. Бѣдняжка! я скорѣе согласился бы быть каторжникомъ, чѣмъ вести такую жизнь! Всѣ въ домѣ пренебрегали ею; млада обижала ее. Она писала записки, вела счета, приготавливала чай, варила шоколатъ, чистила канареекъ, и выдавала бѣлье въ стирку. Она была ходячимъ карманомъ млада или редиклемъ; подшивала и подвязала ей носовой платокъ, или флакончикъ со саргеномъ. Но цѣлымъ вечерамъ, когда у млада обирались гости, она брѣсчала кадрили, а сѣтую никто и не думалъ прѣрывать въ танцамъ; когда миссъ Гриффинъ шла, Джемима шла на оупенiано, и получала выговоры за то, что нѣвище

не въ голосѣ; не теряя собакъ, она никогда не выѣзжала и не выходила, чтобъ на рукахъ у ней не было пуделя милади; всегда чувствуя дурноту въ каретѣ, она никогда не получала въ экипажѣ другаго мѣста, какъ только впереди. Бѣдная Джемма! какъ теперь вижу ее въ поношеномъ втораго сорту платьѣ съ плеча милади, — изъ хорошихъ непоношеное платье отдавалось дѣвушкамъ: сиреневый атласный напоть, вязатый, засаленый; бѣлые атласные башмаки, цвѣту розины; голубая желтая бархатная шляпка, убранныя искусственными цвѣтами, съ райской птичкой, которая пригорюнилась сидѣла на макушкѣ, сохранивъ въ несчастномъ хвостѣ не больше двухъ перьевъ.

Кромѣ этого украшенія гостиницы, лэди и мисъ Гриффинъ держали множество слугъ на кухнѣ; двухъ горничныхъ, двухъ лакеевъ, ростомъ въ шесть футовъ, въ алыхъ кафтанакъ, и бѣлыхъ казимировыхъ панталонахъ; имъ подѣ пару кучера; пежа, и шассѣра, родъ слуги извѣстнаго только за границей: онъ носилъ трехугольную шляпу, съ серебрянымъ галуномъ; усы, эполеты и шпагу при бедрѣ. Всѣ эти люди служили при двухъ дамахъ, не считая цѣлой роты прекраснаго пола, какъ-то судомоекъ, прачекъ, ключницъ, и прочее.

Милади Гриффинъ нанимала квартиру на вандомской площади и платила за нее по сороку фунтовъ въ недѣлю. Квартира состояла изъ множества великолѣпныхъ комнатъ. Описавъ такимъ образомъ домъ Лэди, приступаю теперь къ подробностямъ насчетъ самихъ Лэди.

Во-первыхъ и какъ само собой разумѣется, онѣ ненавидѣли одна другую. Милади, двадцатисемилѣтняя вдовушка, послѣ двухлѣтняго супружества, была женщина тучная, бѣлокурая, румяная, и, какъ всѣ такія блондинки, лѣнивая и холодная: казалось, она была неспособна ни къ любви ни къ непрязни, особенно къ первой, она никогда никого не любила, кромѣ самой себя; ненавидѣла, съ свойственнымъ ей хладнокровіемъ, всякаго, кто къ ней приближался, начиная отъ сосѣда-герцога, который не оказалъ ей за обѣдомъ должнаго уваженія, до Джона, лакея, который продралъ дыру на ея шляпкѣ. Я думаю, что сердце этой женщины похоже было на литографическій камень: какъ съ него не сотрете что на немъ нарисовано

или написано, такъ съ камня милэди, то-есть, съ ея сердца не удалось бы вамъ стереть то, что разъ начерталось на немъ въ видѣ оскорбленія, дѣйствительной или мнимой обиды. Характеръ ея казался въ высшей степени безукоризненный, и ничей языкъ не дерзалъ порицать его. Всѣ признавали ее приторной женой: да это и правда; только она уморила старика мужа въ два года. Она, бывало никогда не выйдетъ изъ себя, никогда не промолвитъ жесткаго слова; зато имѣла геній, геній, какимъ надѣлены нѣкоторыя женщины — обращать домъ въ адъ, и мучить бѣдныхъ домашнихъ почти до сумашествія.

Миссъ Матильда Гриффинъ была гораздо дурнѣе, и почти также любезна какъ и мачиха. Она была горбата и коса; тогда какъ милэди, надо отдать ей справедливость, держалась прямо и смотрѣла прямо. Она была смугла, какъ милэди блѣлокура; сентиментальна, какъ милэди холодна. Милэди никогда не сердилась; миссъ Матильда — всегда; и страшныя происходили между этими двумя женщинами сцены, и страшныя бывали между ними ссоры. Зачѣмъ они жили вмѣстѣ? Это оставалось тайной. Какъ онѣ были не родныя и не терпѣли другъ-друга хуже яду, то, кажется, лучше было бы жить имъ отдѣльно и ненавидѣть другъ-друга въ отдаленій.

Всѣмъ было извѣстно, что старикъ сэръ Джорджъ оставилъ очень значительное состояніе, по-крайней-мѣрѣ, триста тысячѣ фунтовъ, какъ я слышалъ; но никто не зналъ, кому оно досталось. Одни говорили, что единственной наследницей была милэди; другіе — что состояніе пошло въ раздѣлъ; третьи — что милэди пользовалась только пожизненно доходомъ, а илліе должно поступить, какъ и слѣдовало, къ миссъ Матильдѣ. Всѣ эти предметы, можетъ стать, не слишкомъ интересныя для британской публики; но они были въ высшей степени важны для Альджернона Перси Дьюсиса, адвоката, и прочее, и прочее.

Я чуть не забылъ доложить вамъ, что онъ коротко познакомился съ ними; и что мы комфортабельно поселились въ отелѣ Мирабо, въ улицѣ де ла Пэ. Мы завели кабріолеть, и пару лошадей; открыли счетъ у банкира; записались въ клубъ на углу улицы Граммонъ; взяли ложу въ оперѣ; части ѣздили на вечера; обѣдали у сэра Короткохвоста и у другихъ. Благодаря

пяти тысячамъ фунтовъ бѣднаго Даукинса, мы зажили въ Парижѣ настоящими барамн.

Какъ человѣкъ благоразумный, Дьюсисъ, съ порядочной суммой въ карманѣ, на чужой сторонѣ, гдѣ долги не могли беспокоить его, рѣшился отказаться на первое время отъ всякой игры, по-крайней-мѣрѣ, отъ большой: дѣло другое — проиграть или выиграть двадцать Наполеондоровъ въ вистъ или экартэ: деньги не большія, а все-таки это внушаетъ нѣкоторое уваженіе. «Но играть для выигрыша, нѣтъ ни за что! Ни за что на свѣтѣ! Онъ проигралъ на своемъ вѣку, какъ и другіе свѣтскіе молодые люди; выигрывалъ и проигрывалъ, — старая лисица! не говоритъ что расплачивался; — но давно бросилъ эту забаву, и теперь рѣшился, говоритъ онъ, жить доходами». Дѣло въ томъ, что онъ всѣми мѣрами старался играть роль почтеннаго человѣка.

Онъ аккуратно ходилъ въ церковь; причемъ человѣкъ носилъ за нимъ большой, въ черномъ сафьянномъ переплетѣ, молитвенникъ и библію, съ прокладками изъ красныхъ лентъ. Когда я клалъ передъ нимъ эти толстыя книги и онъ наклонялъ голову надъ тщательно приглаженной шляпой, передъ началомъ службы, вы подумали бы, что другаго такого благочестиваго, благоуравнаго молодаго человѣка не найдете. У сэра Короткохвоста, каждая старуха и вдова закатывала глаза подъ лобъ, когда начинали говорить о моемъ патронѣ и увѣряла, что никогда не встрѣчала такого милаго, любезнаго, прекраснаго молодаго человѣка. Какой же онъ долженъ быть добрый сынъ, восклицали онѣ, и ахъ, какой же былъ бы онъ рѣдкій зять! Не прожили мы трехъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, какъ онъ успѣлъ ужъ развѣдать тамъ обо всѣхъ дѣвицахъ Англичанкахъ; но, къ несчастью, большая часть ихъ были бѣдны, а любовь въ скроной хижинѣ не соотвѣтствовала образу слеймы мистра Дьюсиса.

Около этого времени появились въ Парижѣ лэди Гриффинъ съ миссъ Гриффинъ, и мой патронъ, у котораго чутье было тонкое, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. Въ киркѣ онъ садился подлѣ нихъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними гимны; танцовалъ съ ними на балахъ у посланника; ѣздилъ съ ними въ Булонскій лѣсъ; писалъ стихи въ альбомъ миссъ Гриффинъ, и пѣлъ ду-

эты съ немъ и съ лэди Гриффинъ; покупалъ конфекты для pudding; дарилъ деньги лакеямъ, поцѣлуи и перчатки вертлявымъ горничнымъ; былъ вѣжливъ даже къ бѣдной миссъ; въ домѣ у госпожъ Гриффинъ не было ни одной души, которая бы не обожала этого молодого человѣка.

Если лэди и миссъ Гриффинъ ненавидѣли другъ друга прежде, такъ теперь и подално. Между ними вѣчно существовала зависть: барышня завидовала красотѣ матиши, а эта — уму барышни; барышня трунила надъ лэди за неуспѣхи ея въ ислингтонскомъ пансионѣ, а лэди издѣвалась надъ ея горбомъ и косыми глазами. И вотъ явилась еще сильнѣйшая причина къ ненависти: та и другая влюбились въ мистра Дьюсиса, — первая разумѣется, столько, сколько могла по своей холодной себлюбивой натурѣ. Она полюбила Дьюсиса за то, что онъ забавлялъ ее и заставлялъ смѣяться; ей нравились его манеры, верховая ѣзда, смазливое лицо. Напротивъ, любовь барышни была вся огонь и безуміе. Она только и думала, что о любви съ самаго пансіона, гдѣ чуть было не убѣжала съ однимъ французскимъ учителемъ; и такимъ образомъ продолжала она поступать съ пятнадцатилѣтняго возраста. Она просто вздыхала по Дьюсису, плакала, закатывала глазки. Часто, я чуть не хотѣлъ, когда приносилъ ему дюжины сложенныхъ въ видѣ трехугольной шляпы и раздушенныхъ, какъ цырюльни, розовыхъ бильбеду, которые эта до крайности чувствительная барышня писала къ нему. Дьюсисъ былъ человѣкъ благоспитанный, и пылкая привязанность къ нему барышни, при его образѣ мыслей, казалась ему слишкомъ крѣпкою — извините за выраженіе. Притомъ же, барышня была горбата и коса: вотъ причины почему Дьюсисъ, предположивъ даже равенство состоянія, безъ шутокъ предпочиталъ матишу падчерницѣ.

Но вотъ задача: у которой изъ нихъ больше денегъ? Объ англійской фамиліи узнать это было бы легко; стоило бы только заглянуть въ завѣщаніе, въ коллегіумъ римскаго права въ Лондонѣ; но завѣщаніе этого индѣйскаго набоба находилось въ Калькутѣ или въ какомъ-нибудь другомъ иностранномъ городѣ, и копію съ него достать было не возможно. Надо отдать справедливость мистру Альджернону Дьюсису, что онъ такъ безкорыстно любилъ лэди Гриффинъ, и съ радостью женился бы

на ней, если бь даже она была на десять тысячъ фунтовъ бѣднѣ Матильды. Между тѣмъ, онъ предположилъ не упускать изъ виду ни той ни другой, пока не узнаетъ, которую рыбку выгоднѣ поймать на удочку: плаванъ не трудный для человѣка съ умомъ мистра Дьюсиса; тѣмъ больше, что миссъ понамъ ужъ на крючокъ.

II.

ДЛЯЮШКА.

Я сказалъ, что Дьюсиса всѣ обожали въ домѣ у лэди Гриффинъ. Слѣдовало бы сказать всѣ, кромѣ одного, — молодаго французскаго дворянина, который, до нашего появленія, былъ въ милости у милэди и занималъ при ней ровно такую же позицію, какую занялъ теперь мистръ Дьюсисъ. Мило и назидательно было смотрѣть, какъ хладнокровно онъ вытурилъ бѣднаго кавалера де л'Оржа изъ его сапогъ и какъ ловко самъ влѣзъ въ нихъ. Мосье де л'Оржъ былъ щеголеватый молодой человѣкъ, лѣтами и наружностью равнявшійся. Де л'Оржъ любилъ лэди Гриффинъ искренно, отъ души, а Дьюсисъ только прикидывался влюбленнымъ и имѣлъ на своей сторонѣ преимущество, какого не могъ имѣть бѣдный Французъ. Дьюсисъ былъ весь улыбка и веселость, тогда какъ де л'Оржъ былъ грустенъ и неловокъ. Мой патронъ бывало наговорить лэди Гриффинъ двадцать комплиментовъ, прежде чѣмъ кавалеръ успѣетъ пригладить шляпу, поднять на милэди томные взоры, и вздохнуть такъ, что чуть жилетъ не разорвется. О, любовь, любовь! Не этимъ путемъ можно вкратъ въ сердце женщины, или я не Фицрой Желтоплюшъ! Я самъ, когда начиналъ карьеру у прекраснаго пола, я самъ бывало вздыхалъ и пригорюнивался. Какія же были послѣдствія? Первые четыре женщины, которыхъ я обожалъ, посмѣялись надо мной, и оставили меня для обожателей болѣе развязныхъ. Но я заболтался о самомъ себѣ, чего терпѣть не могу.

Такимъ образомъ, чисто и ясно, мосье Фердинандъ Гипциль Ксавье Станиславъ, кавалеръ де л'Оржъ былъ снѣненъ мистромъ Альджернономъ Перси Дьюсисомъ, эсквайромъ. Бѣдный Фердинандъ не покидалъ дому милэди: на это у него не

хотало силъ; да и мизэди не желала дать ему отпускную. Онъ былъ полезенъ въ тысячуразъ: досчи стать ложу въ оперѣ, написать французскія приглашенія на вечеръ, купить перчатокъ и о-де-колоню, сочинить какую-нибудь записочку, также по-французски, и на тому подобное. Позвольте мнѣ посовѣтовать каждой англійской фамилин, отправляющейся въ Парижъ, всегда задастись по-крайней мѣрѣ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ роду де л'Оржей. Какихъ бы порученій вы ему ни надавали, будьте увѣрены: онъ дѣлый свѣтъ готовъ для васъ исходить. При этомъ, онъ всегда прекрасно одѣтъ, и никогда не выпьетъ, за обѣдомъ больше бутылки вина, а это пунктъ вѣрный, такой-то полезный человѣкъ былъ мосье де л'Оржъ — величайшая подмога и утѣшеніе для мизэди. Посмѣяться надъ его англійскимъ пронаошеніямъ, и того было бы ужъ довольно для забавы: вотъ быдала комедія-то какъ сойдется онъ съ мизэди, и та заговорить по-французски, а онъ по-англійски!

Дьусисъ — надо отдать ему справедливость — былъ чрезвычайно вѣжливъ съ бѣднымъ Французикомъ, и выбивъ его изъ позиціи, поступалъ съ побѣжденнымъ непріателемъ какъ нельзя благороднѣе. — Бѣдный, скромный, убитый Фердинандъ обожалъ мизэди какъ богиню, и былъ къ моему барину также весьма вѣжливъ, никогда не позволяя себѣ завидовать ему, ни оспаривать у лэди Гриффинъ право — смѣнять кавалеровъ, какъ ей заблагоразсудится.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла; у Дьусиса на лукѣ были двѣ тетивы, и онъ могъ выбрать вдовушку или сиротку, какъ вздувается, *comme bonse lion samble*, какъ говорятъ Французы. Задача состояла только въ томъ, чтобъ узнать какъ распределено наслѣдство? Очевидно, что оно должно было принадлежать той или другой, или обѣимъ. Чтобы тамъ ни было. Дьусисъ могъ быть увѣренъ въ одной, какъ только можетъ быть увѣренъ смертный человѣкъ въ этомъ недланномъ свѣтѣ,

* * * *

Тутъ случилось неожиданное приключеніе, которое во многомъ намѣнило рассчеты моего мистра Дьусиса.

Разъ вечеромъ съозивъ обѣихъ дамъ въ оперу, проужинавъ у нихъ на Вандомской площади бѣлымъ судомъ, рагу изъ ку-

ропатки, шампанскимъ гласе, что значитъ: замороженое, и Дьюсисъ поѣхали въ кабриолетъ домой, довольные какъ нельзя больше.

— Чарльзъ, говоритъ онъ мнѣ,—Дьюсисъ былъ въ духѣ, — если я женюсь, такъ удвою ваше жалованье и переименую васъ въ кастеланы.

Правда, онъ могъ бы удвоить, не обременяя себя, потому-что до-сихъ-поръ не заплатилъ мнѣ ни копѣйки. Но что за бѣда?

Я выразилъ ему благодарность, какъ только могъ. Клялся, что служу ему не изъ жалованья; что люблю его не изъ за денегъ; и что никогда, никогда, пока живъ, не оставлю его. Пока мы говорили эти два спича, — онъ свой, а я свой, кабриолетъ подѣвлялъ къ отелю Мирабо, который, какъ всякому извѣстно, не въ большомъ разстояніи отъ Вандомской площади. Выходимъ на лѣстницу: Дьюсисъ насвистываетъ арію изъ оперы, веселый словно жаворонокъ.

Отворяемъ дверь въ гостиную. Въ комнатѣ горятъ свѣчи; на полу валяется пустая бутылка шампанскаго; другая стоитъ на столѣ; къ столу придвинута софа, а на софѣ лежитъ дюжій, пожилой джентельменъ, покуривая сигару, будто въ трактирѣ.

Дьюсисъ, который какъ вамъ уже извѣстно, не терпѣлъ сигаръ, взбѣленился на этого джентельмена, и не разглядѣвъ его за облакомъ дыму, насказалъ грубостей и сиросилъ, что ему нужно.

Непріятный гость всталъ, и положивъ сигару, началъ хохотать во все горло; наконецъ сказалъ: какъ Альджи! любезнѣйшій мой! ты не узнаешь меня?

Читатель, можетъ статья, припоминаетъ нѣжное письмо, изложенное въ послѣдней главѣ этихъ записокъ, въ которомъ у мистра Альджернона Дьюсиса просили пятьсотъ фунтовъ въ долгъ. Письмо это было за подписью мистра Крѣбса, родного дядюшки мистра Дьюсиса. Онъ-то и курилъ сигару у насъ въ комнатѣ.

Крѣбсу, какъ я полагаю, было подъ шестьдесятъ. Носъ этого дюжого, высокаго, краснолицаго лысаго господина, ка-валовъ, красивъ отъ того, что безпрестанно проглотывалъ его ротъ; рука его немного дрожала; ноги и икры у него были

уже не так полны и упруги, какъ въ старое время; но вообще онъ имѣлъ наружность красивую.

— Какъ Альджи, племянничекъ мой! кричитъ онъ, выступая впередъ и хватая Дьюсиса за руку: уже ли ты не узнаешь своего дядю?

Дьюсисъ не слишкомъ обрадовался. Дядюшка, сказалъ онъ, медленно и поблѣднѣвъ: признаюсь — я никакъ не ожидалъ — имѣть удовольствіе — видѣть васъ въ Парижѣ. Дѣло въ томъ, что въ этой комнатѣ такъ накурено, что сквозь туманъ я не могъ разглядѣть, кто бы такой пожаловалъ ко мнѣ.

— Гадкая привычка, Альджернонъ; гадкая привычка, сказалъ дядя, закуривая другую сигару; отвратительное, грязное обыкновеніе, и ты прекрасно дѣлаешь, что избѣгаешь его, дорогой Альджернонъ. Это неоправданное препровожденіе времени уже тѣмъ вредно, что человѣкъ становится отъ него неспособнымъ къ умственнымъ занятіямъ и къ участію въ почтенномъ обществѣ; оно уничтожаетъ силу души и наружную красоту. Кстати, какой здѣсь въ гостинницѣ адскій табакъ. Не можешь ли послать, достать для меня нѣсколько штукъ сигаръ въ кафэ-де-пари? Дай пять франковъ; да веди сейчасъ же итти.

Тутъ дядя изволилъ покашлять, и выпилъ еще стаканъ шампанскаго. Не съ большой охотой, племянникъ вынулъ деньги и послалъ за сигарами.

Я зналъ, что кафэ де пари уже заперто; но не сказалъ ни слова, спокойно усѣлся въ другой комнатѣ, и, по особенному стеченію обстоятельствъ, могъ разслушать до слова весь разговоръ между родственниками.

— Потрудитесь подать мнѣ другую бутылку, сказалъ дядя, послѣ нѣкотораго молчанія. Бѣдный мой патронъ, привыкшій быть предсѣдателемъ бесѣдъ, принужденъ былъ играть здѣсь на второй скрипкѣ, и отправился къ шкафу, изъ котораго дядя его досталъ уже двѣ бутылки лучшаго Силлери.

Мистръ Дьюсисъ поставилъ бутылку передъ дядей, кашлянулъ, плюнулъ, отворилъ окно, поправилъ огонь, зѣвнулъ, ударилъ рукой по-лбу, и по видимому находился въ самомъ непріятномъ положеніи. Но все напрасно: старикъ не думалъ трогаться съ мѣста. — Потрудись-ка, говоритъ онъ опять, доставь еще бутылку; да выпей.

— Вы очень добры, дядюшка, возражаетъ тотъ; но, увиѣрю васъ, я не пью и не курю.

— Прекрасно, племянничекъ, прекрасно. Что ни говори на этомъ свѣтѣ о доброй совѣсти, а добрый желудокъ еще лучше. Спится спокойно, голова не болитъ, не правда ли? Встанешь утромъ и бодръ, и свѣжъ, и способенъ къ юридическимъ занятіямъ, неправда ли? и тутъ онъ усмѣхнулся такъ, что слѣлалъ бы честь самому мистру Грималеди.

Дьюсисъ блѣднѣлъ и ёжился, но не отвѣчалъ ни слова. Примѣрный дядюшка продолжалъ говорить жарче и жарче, и при каждой точкѣ выпивалъ по стакану вина.

— Какъ ты долженъ успѣвать, съ такими дарованіями и привиліями! Да, Альджернонъ, весь Лондонъ говоритъ о твоёмъ умѣньи жить, о твоей твердости характера. Ты не простой философъ! Ты нашелъ философскій камень. Отличная квартира, отличныя лошади, шампанское, и все это на двѣсти фунтовъ въ годъ!

— Полагаю, дядюшка, говоритъ Дьюсисъ; вы разумѣете тѣ двѣсти фунтовъ въ годъ, которые вы мнѣ даете?

— Именно, любезный племянничекъ; именно! отвѣчаетъ тотъ, чуть не помирая со смѣху. Вотъ въ томъ-то и чудо. Я никогда не выплачиваю тебѣ этихъ двухсотъ фунтовъ, и ты поддерживаешь весь этотъ блескъ безъ копѣйки. Открой мнѣ свой секретъ, юный мой Тримегистъ! Скажи старикку ладъ, какъ совершаются подобныя чудеса, и вотъ тебѣ мое слово, что ты будешь получать отъ меня свои двѣсти фунтовъ каждую четверть года аккуратно.

— Однако жъ, дядюшка, говоритъ мистръ Дьюсисъ; потерявъ всякое терпѣніе, и вскочивъ со стула: позвольте васъ спросить наконецъ, что значить этотъ визитъ? Вы оставляете меня голодать; а между-тѣмъ изволите трунить надо мной, потому только, что я умѣю достать кусокъ хлѣба. Вы находите меня въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и —

— Совершенно такъ, племянничекъ; совершенно такъ. Будь хладнокровнымъ, да подай мнѣ бутылку. Я нахожу тебя въ благопріятныхъ обстоятельствахъ; и молодой джентельменъ съ твоимъ умомъ и познаніями спрашиваетъ, зачѣмъ я иду его сообщества? Ахъ, Альджернонъ, Альджернонъ, это не достойно

такого глубокаго какъ ты философа. Зачѣмъ я ищу тебя? Да именно потому, что ты въ хорошихъ обстоятельствахъ, о, племянничекъ мой, иначе, зачѣмъ прѣхалъ бы я къ тебѣ? Развѣ я, или кто другой изъ нашего семейства, получили когда отъ тебя какой-нибудь знакъ любви твоей къ намъ? Развѣ мы или другой кто изъ нашихъ знакомыхъ или близкихъ, подозрѣвали тебя когда хоть въ одномъ великодушномъ поступкѣ? Развѣ мы когда-нибудь посягали на любовь твою, или ты на нашу? Альджеронъ Дьюсисъ, ты не нуждаешься въ дядѣ, для того, чтобы сказать тебѣ, что ты мотъ и оплетало. Я заплатилъ тысячи за долги твои и твоихъ братьевъ; и если ты не платишь никому, такъ я заставляю тебя мнѣ заплатить. Ты не хотѣлъ раздѣлаться со мною полюбовно, когда я писалъ тебѣ и просилъ у тебя денегъ въ займы. Я зналъ, что ты не исполнишь моей просьбы. Напиши мнѣ о намѣреніи своемъ прѣхать сюда, ты непременно далъ бы отъ меня тягу; и вотъ я прѣхалъ, незванный, чтобы заставить тебя расплатиться со мною. Вотъ для чего я здѣсь, мистръ Альджеронъ; и такъ, потрудись подать мнѣ бутылку.

Послѣ этого эпизода, старикъ опустился на софу, и выпустилъ изъ рта такую пропасть дыму, какъ-будто онъ былъ труба какого-нибудь парохода индѣйской компаніи. Признаюсь, мнѣ нравилась сцена, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ этотъ старикъ мучилъ племянника, точно также какъ послѣдній упражнялся когда-то надъ мистромъ Ричардсомъ Блюнтомъ. Лице Дьюсиса сначала было красно, какъ горячій уголь; потомъ побѣлѣло какъ извѣсть; наконецъ поснѣло какъ снѣжка: ни дать ни взять, мистръ Кукъ въ трагедіи Франкинстанъ. Наслыу — наслыу собрался онъ съ духомъ, чтобы заговорить.

— Дядюшка, сказалъ онъ: увидя васъ, я сейчасъ же подумалъ, что тутъ что-нибудь да есть. Пусть я мотъ и оплетало: вѣдь это у насъ семейный порокъ, и я обязанъ моими добрыми качествами примѣру вашему. Вы можете понять весьма простую вещь: какъ я ни безрасуденъ, однако жъ не въ такой степени, какъ вы воображаете; и если я досталъ денегъ, то намѣренъ ихъ сберечь, до копѣйки, хоть бы вы въ десять разъ больше грозили мнѣ, чѣмъ теперь.

— Ну, ну, племянничекъ, сказалъ мистръ Крэбсъ, который

по видимому продремалъ весь сонъ Дьюкса, и принималъ все его насмѣшки и сарказмы съ величайшимъ хладнокровіемъ; ну, ну, если хочешь упрямитъся, тебѣ же будетъ хуже; я вовсе не намѣренъ разорить тебя, и ни мало на тебя не сержусь; но я непременно долженъ и хочу получить тысячу фунтовъ. Гараздо лучше, если дашь мнѣ сейчасъ же; не то — тебѣ обойдется дороже.

— Дядюшка, говоритъ мистръ Дьюксъ: позвольте и мнѣ быть также откровеннымъ. Я не дамъ вамъ ни копѣйки, хоть бы даже для того, чтобъ спасти васъ отъ —

Тутъ я заблагорассудилъ отворить дверь, и сказалъ: чело-вѣкъ ходилъ въ кафэ-де-пари, но кандитерская уже закрыта.

— Ладно: вотъ славный малый; можете оставить себѣ пять франковъ. Теперь пожалуйста господнигъ нисаръ освѣтите мнѣ съ лѣтницы.

Но Дьюксъ выхватилъ у меня изъ рукъ свѣчу.

— Помните, дядюшка, сказалъ онъ: встаетъ ли дѣлать это дмѣ, когда вашъ племянникъ въ комнатѣ? Что, дражайшій дядюшка, прибавилъ онъ, хочоча: вы думаете, что между нами вѣжливость больше не существуетъ? и онъ пошелъ провожать старика.

— Доброй ночи, дорогой племянничекъ, сказалъ Крѣсъ.

— Да сохранитъ васъ Господь, дядюшка, сказалъ племянникъ. Тендо ли вы одѣты? Помните же, путь ступенька.

— Такъ, расстались родственники.

ЗАПИСКИ МИСТРА ЖЕЛТОПЛОУША.

=

РОМАНЪ ТЕККЕРЕЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

III.

МАНЕВРЫ.

Утромъ Дьюсисъ всталъ съ кислымъ лицомъ: видно онъ думалъ, что дялюшкинъ визитъ не предвѣщаетъ добраго. За завтракомъ онъ что-то борноталъ и потомъ рылся въ содѣнныхъ ассигнаціяхъ; разъ онъ отложилъ было пачку нѣкъ въ сторону, чтобъ послать къ Кребсу: такъ я догадывался. — Но нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, связавъ нѣкъ съ прочими и бросивъ въ ящикъ: какой можетъ онъ сдѣлать мнѣ вредъ? Если онъ плутъ, такъ я знаю кой-кого шутовать. Посмотримъ, удастся ли намъ поразить его его же оружіемъ. — Съ этими словами, мистръ Дьюсисъ одѣлся въ лучшее платье и отправился на вандомскую площадь, съ визитомъ къ прекрасной мовушкѣ и интересной сироткѣ.

Было около десяти часовъ, и онъ, увидясь съ дамами, предложилъ имъ множество плановъ для пріятнаго препровожденія дня: небадку въ буловскій лѣсъ, прогулку въ Тюмъръ, оттуда въ Шапель, и наконецъ въ пять часовъ обѣду въ кафе-де-пери; послѣ обѣда—въ театръ Портъ де С-т. Мартенъ, гдѣ давала новую възду «Сусанну».

Т. СХХV. — Отд. II.

6

Дамы согласились на все, кромѣ обѣда и театра.

— Мы приглашены, любезный мистръ Альджернонъ, сказала милая. Посмотрите, вотъ премилое письмо отъ лэди Короткохвостой. — И она подала мистру Дьюсису надушеную записочку отъ этой знатной барыни. Вотъ содержаніе записки:

Фобуръ С:тъ-Онора, четвергъ, 15-го февраля 1847 г.

Милая моя лэди Гриффинъ, вотъ ужъ вѣкъ, какъ мы не видались. Несносныя общественныя обязанности такъ отвлекаютъ и меня и лорда Короткохвоста, что у насъ едва достаетъ времени видѣться съ нашими короткими друзьями, въ числѣ которыхъ, надѣюсь, моя милая лэди Гриффинъ, вы позволите считать и васъ. Извините ли безцеремонное приглашеніе откупать съ нами сегодня въ нашемъ отелѣ? Мы будемъ *en petit comité*, и ваша любезная дочь, вѣроятно, не откажется доставить намъ, вечеромъ, удовольствіе своимъ прелестнымъ пѣніемъ. Можетъ статься, мнѣ слѣдовало бы написать особое приглашеніе дорогой миссъ Гриффинъ; но я надѣюсь, что она будетъ снисходительна ко мнѣ, зная сколько у меня письма.

Прощайте до семи: въ семь я непременно должна видѣть васъ обѣихъ. Навсегда, милая лэди Гриффинъ, ваша преданная,
Элиза Короткохвостова.

Подобное письмо отъ великобританской дамы, принесенное миссеромъ, и запечатанное гербовою печатью, окружить колебу хоть кому изъ людей изъ средняго круга. Лэди Гриффинъ обесумѣла отъ радости; и за долго до визита моего адвоката отпривла двухъ лакеевъ, Мортимера и Фицларена, съ вѣжливимъ отвѣтомъ, что принимаетъ приглашеніе.

Дьюсисъ прочелъ записку не съ большимъ восторгомъ. Онъ чувствовалъ, что за кулисами что-нибудь да кроется, и хоть не могъ дать себѣ отчета, но былъ убѣжденъ, что ему угрожаетъ близкая опасность. Равенно началъ свои козни старая ледица, дядюшка!

Дьюсисъ возвратилъ письмо, злобно усмѣхнулся, и шмыкнулъ, что подобное приглашеніе просто оскорбленіе въ вѣжливой сферѣ, пив-алле; и прислано потому только — милая и миссъ могутъ быть въ этомъ увѣрены — что у лэди Короткохвостой не достаетъ двухъ дамъ за столомъ. Лэди Гриффинъ в

миссъ не хотѣла слушаться его внушеній; она знала слишкомъ мало лордовъ, чтобы отыскать приглашеніе отъ кого-нибудь изъ нихъ. Она непремѣнно побѣдуетъ, и бѣдный Дьюонсъ долженъ обѣдать одинъ. После прогулки и другихъ удовольствій, онъ воротился вмѣстѣ съ нами, шутилъ и смѣялся; былъ чрезвычайно колокъ съ леди, нѣжель и сентименталенъ съ миссъ, и наконецъ удалился, оставивъ ихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа заниматься туалетомъ къ обѣду.

Когда я подошелъ къ двери, — надо сказать, что я былъ принятъ у нихъ какъ домашній; — когда я вошелъ въ гостиную и сказалъ, что кабріолетъ готовъ, Дьюонсъ прехладнокровно вынималъ изъ кармана бумажникъ и клалъ его подъ подушку на софѣ. Это что за штука? подумалъ я.

Такъ и есть, что штука. Спустился часа два, когда барыни должны были уже уѣхать, баринъ вдругъ спозвятился о своемъ портселѣ и отправился опять къ леди Грисевнъ отыскивать его.

— Пожалуйста, говоритъ она, входя: попросите миссъ Кикси, не могу ли я видѣть ее на минуту. — И вотъ опускается миссъ Кикси, улыбалась и радуясь, что видитъ его.

— Да, мистръ Дьюонсъ! говоритъ она, стараясь покраснѣть какъ можно больше: вы совершенно изумляете меня! Я рѣшительно не знаю, прилично ли мнѣ принять молодого человека, когда я одна.

— О, нѣтъ, не гоните меня, милая миссъ Кикси! Знаете ли, я прѣзжалъ къ вамъ съ двойною цѣлью: во-первыхъ, узнать, не одѣсь ли я оставилъ потерянный бумажникъ; и потомъ просить васъ; не будете ли вы такъ добры, чтобъ сжалиться надъ одинокимъ холостякомъ и дать ему чашку вашего прекраснаго чаю?

Прекраснаго чаю! Я чуть не ловилъ ее смѣху: побожусь, что она не съѣла ни куска за обѣдомъ!

Но что за бѣда? Садитесь за чай. — Вы кушаете со смѣхонъ и смаромъ, любезный мистръ Дьюонсъ? говоритъ бѣдная Кикси голоскомъ шмыгавшъ, какъ у горлицы.

— Съ тѣмъ и другимъ, милая миссъ Кикси! отпѣивалась леди, и такъ прилася пошарить брѣвонъ и шаронки, что одѣла бы честь любой вращи.

Но стану описывать разговор между Дьюисомъ и этой молодой барышней. Читатель, можетъ остаться, самъ знаетъ, для чего мистеръ Дьюисъ принялъ на себя трудъ бесѣдовать съ нею цѣлый часъ и пить дюжину стакановъ чаю. Ему хотѣлось разузнать отъ нея о денежныхъ дѣлахъ госпожъ Гриффинъ, и разомъ разрѣшить вопросъ, на которой изъ нихъ жениться?

Бѣдняжка, какъ само-собой разумѣтся, была не чета моему адвокату. Въ четверть часа, онъ — если позволить мнѣ употребить его выраженіе — выворотилъ ее на изнанку. Онъ узналъ все, что она знала, а знала она очень не много, бѣдняжка. Она слышала, что госпожа Гриффинъ получаетъ девять тысячъ фунтовъ годового доходу съ капитала, домовъ, индійскихъ облигацій и многого другаго. Акты на покупку и продажу подписываютъ обѣ дамы, и деньги, повидимому, раздѣлены между ними по равной части.

— Девять тысячъ въ годъ! — Дьюисъ отправился домой; щеки у него горѣли, сердце токало. Онъ, человѣкъ безъ состоянія, можетъ завтра же, если захочетъ, быть обладателемъ пяти тысячъ фунтовъ годового доходу!

Такъ. Но какимъ образомъ? Кому принадлежитъ наследство: матери, или дочери? Все чаепитіе не открыло ему ни частички познания, и Дьюисъ жалѣлъ, что нельзя жениться на обѣихъ.

Поздно вечеромъ дамы воротились домой, въ восторгѣ отъ приѣма у Короткохвоста, и выйдя изъ кареты, приказали кучеру вести дагѣ какого-то дюжого господина, который помогать имъ выходить изъ экипажа и самымъ вѣжливымъ манеромъ пожать имъ руки при прощаньи, обѣщая часто бывать у леди Гриффинъ. Онъ былъ такъ вѣжливъ, что хотѣлъ-было проводить даму на лестницу, но его не допустили. Эдвардъ, генералъ онъ кучеру громко, чтобъ всѣ въ домѣ слышали, велелъ милорду домой. — Теперь угадаете ли, кто былъ этотъ милордъ? Никто другой какъ извѣстный уже читателю сэръ Крэбсъ; тотъ самый помилуй джентльменъ, котораго мы недавно застали въ такой дружеской бесѣдѣ съ племянникомъ. Дьюисъ узналъ объ этомъ на другой же день, и, вѣжется, раскаялся, что не далъ дамамъ тысячи фунтовъ.

Обстоятельства обѣда у Короткохвоста дошли до моихъ ушей спустя нѣкоторое время; я могу рассказать ихъ здѣсь, если

въ слово, какъ они мнѣ разсказаны тѣмъ самымъ джентльменомъ, который служилъ за столомъ сэра Крэбса.

Обѣдали *en petit comité*, какъ сказала сама леди Короткохвоста; сэръ Крэбсъ сидѣлъ между обѣими Гриффинъ, и былъ съ ними чрезвычайно любезенъ и вѣжливъ. — Позвольте, говоритъ онъ леди Гриффинъ, между супомъ и рыбой: позвольте, милая мадамъ, поблагодарить васъ, душевно поблагодарить за ваше милостивое вниманіе къ моему племянничку. Вы еще слишкомъ молоды и неопытны; но, надѣюсь, можете понять чувство признательности моей за благосклонность, оказываемую племяннику. Повѣрьте, прибавляетъ онъ, вѣжно взглянувъ ей прямо въ лицо: честь, которую вы сдѣлали другому, мнѣ сдѣлали, и пробудили въ моей душѣ благодарныя и вѣжныя чувства, которыя успѣли уже внушить моему Альджерону.

Леди Гриффинъ покраснѣла и опустила голову, такъ-что ея локоны упали на тарелку съ рыбой. Лестъ сэра Крэбса она глотала съ такимъ же удовольствіемъ, какъ кусочекъ шорела. Сэръ, у котораго сила въ челюстяхъ была необычайная, обратился теперь къ миссъ Гриффинъ съ новымъ смѣхомъ; сказалъ, что до него дошли слухи, какъ счастливъ его племянникъ. Миссъ покраснѣла — этакой счастливецъ! — миссъ покраснѣла какъ макъ; тутъ Крэбсъ глубоко вздохнулъ и принялся кушать соусъ изъ морскихъ раковъ. И Дьюснъ былъ настеръ полетѣть; но сравнивать его съ Крэбсомъ, тоже что равнять съ горой бугорокъ кротовой норки. Меньше чѣмъ въ одинъ вечеръ, Крэбсъ сдѣлалъ столько успѣховъ, сколько не сдѣлать другому въ цѣлый годъ. Его вѣжливый, вкрадчивый голосъ, его богатый запасъ анекдотовъ, и въ-особенности прекрасный, высоко-нравственный, религіозный и внушающій уваженіе общій тонъ его бесѣды заставили забыть въ красноту его носа и излишнюю тучность его желудка, и зловѣщее выраженіе его косыхъ взглядовъ. Можетъ статься, вы скажете, что такіа богатая барыня не могла такъ скоро увлечься; но позвольте припомнить вамъ, мой любезный читатель, что онъ только что прѣѣхалъ изъ Индіи; что онъ, какъ всякая Англичанка, одаренная возвышенными чувствами и читающая фэнтэзельныя

романы, и что адѣсь, въ Парижѣ, онѣ одѣлала первый шагъ въ велико-свѣтское общество.

Вотъ, послѣ обѣда, миссъ Матильда принимается распѣвать *distanti* и другія подобныя изъ знаменитыхъ итальянскихъ арій, — ей стоило только начать: пачнетъ, такъ самъ чортъ ее не остановитъ, — а старикъ опять подскѣлъ къ леди Гриффинъ, и мало-по-малу начинастъ вестн съ нею рѣчь совсѣмъ на другой ладъ.

— Какое счастье для всѣхъ насъ, говоритъ онъ, что Алджернонъ нашелъ добрую знакомую въ такой достойной уваженія особѣ какъ вы?

— Въ самомъ-дѣлѣ, сэръ, а почему такъ? Вѣроятно я не одна достойная уваженія особа, съ которою знакомъ мистръ Дьюисъ?

— Правда; онъ былъ знакомъ не съ одними вами; его происхожденіе и, позвольте сказать, родство со мной, доставили ему много знакомыхъ. Но — тутъ сэръ тяжело вздохнулъ.

— Но что же? со смѣхомъ говоритъ миссъ, при видѣ унылаго выраженія его лица. Не хотите ли сказать, что мистръ Дьюисъ ихъ потерялъ или недостойнъ ихъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ, милая мадамъ Гриффинъ; надѣюсь, что нѣтъ; но онъ безразсуденъ, вѣтренъ, расточителенъ и въ долгахъ; а вы знаете, человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ не слишкомъ разборчивъ на знакомства.

— Въ долгахъ? Боже милосердый! Да онъ говоритъ, что бабка оставила ему двѣ тысячи фунтовъ годового дохода, котораго онъ даже не проживаетъ — состояніе очень порядочное для холостого человѣка.

Кралеъ прискорбно покачалъ головой и сказалъ: сударыня, дадите мнѣ честное слово сохранить тайну? Племянникъ мой получаетъ всего навсѣ тысячу фунтовъ, которые я ему даю, в кругомъ въ долгахъ. Боюсь, онъ играетъ въ карты; но этой причинѣ я и радуюсь, что онъ попалъ въ почетный семейный кругъ, гдѣ, въ присутствіи большихъ и чистѣйшихъ обольщеній, онъ можетъ отстать отъ картъ и дурнаго общества.

Леди Гриффинъ серьезно приадумалась. Ужели это правда? Отъ души ли мистръ Дьюисъ ищетъ ея любви, или онъ воючится только за од богатствомъ? Можно ли не вѣрять сло-

ву дяди? Она рѣшилась испытать Дьюсиса. Можеть статься, она не знала, до какой степени любить его, пока не дошла до мысли, какъ должна возненавидѣть его, если опытъ докажетъ, что онъ только прикидывается влюбленнымъ.

Вечеръ кончился, и они воротились домой, какъ мы уже видѣли: Кребсъ отправился къ себѣ въ каретѣ госпожъ Гриффинъ, а онѣ пошли на лѣстницу въ свои комнаты.

Здѣсь, къ удивленію, онѣ нашли бѣдную миссъ Кикси веселую и улыбающуюся: но всему было видно, что у нея на душѣ есть тайна, въ высшей степени пріятная. Недолго хранила она эту тайну. Приготовляя чай для дамъ,—онѣ всегда пили по чашкѣ чаю передъ сномъ,—миссъ Кикси ни съ того ни съ сего сказала: ну, милэди, какъ вы думаете: кто пилъ со мной чай? Бѣдняжка, дружеское лицо было въ ея живани событіемъ — чашка чаю съ чужимъ человекомъ, гостемъ ея, — вѣрю.

— Наверно Леонаръ, моя милая, сказала съ серьезнымъ видомъ милэди. Я желала бы, миссъ Кикси, чтобъ вы не слишкомъ сводили дружбу съ прислугой. Помните, мадамъ, что вы сестра лэди Гриффинъ.

— Нѣтъ, милэди, не Леонаръ; то былъ одинъ джентльменъ и премилый джентльменъ.

— А, такъ стало-быть мосье де л'Оржъ, говоритъ миссъ; онъ обѣщаль принести мнѣ струнъ къ гитарѣ.

— Нѣтъ, и не де л'Оржъ. Онъ заходилъ, но не до такой степени былъ вѣжливъ, чтобъ спросить обо мнѣ. Что вы думаете о своемъ красавчикѣ, благородномъ мистрѣ Альджернонѣ Дьюсисѣ? Тутъ бѣдная Кикси сложила ручки и просіала радостью, будто отъ какого великаго счастья.

— Мистръ Дьюсисъ былъ здѣсь? а зачѣмъ, позвольте спросить? сказала милэди, припоминая все, что говорилъ о немъ его достойный дядюшка.

— Во-первыхъ, мистръ Дьюсисъ забылъ свой бумажникъ; во-вторыхъ, онъ хотѣлъ, какъ говорить, выпить у меня чашку чаю: дѣйствительно онъ пилъ чай и оставался со мной съ часъ, или больше.

— Скажите же на-милость, миссъ Кикси, возразила миссъ Матильда презрительно: о чемъ вы могли бесѣдовать такъ

долго съ мистромъ Альджернономъ? О политикѣ, о музыкѣ, объ изящныхъ искусствахъ, или о метафизикѣ?

— Миссъ Матильда, настоящая снѣгій чулокъ, какъ всё горбуны, всегда имѣла претемную говорить о подобныхъ выюккъ предметахъ.

— Нѣтъ, онъ не занимался такими высшрешними вопросами; вы знаете, Матильда, что я бы не поняла его. Сначала мы толковали о погодѣ, потомъ о пирожкахъ и брѣюшкахъ. Мистръ Дюосисъ больше всего любитъ брѣюшки, какъ онъ говоритъ; дажѣ, мы разсуждали — тутъ миссъ Кикси вонзвала голось — разсуждали о бѣдномъ, любеаномъ сэрѣ Джорджѣ — вѣчная ему память — о томъ, какой онъ былъ добрый мужъ и...

— И какое прекрасное оставилъ состояніе — не правда ли миссъ Кикси? подхватила милади жестянымъ, саркастическимъ тономъ, и съ дьявольской усмѣшкой.

— Да, милая Леонора, онъ отзывался съ почтеніемъ о вѣщемъ покойномъ супругѣ, и выказывалъ такое теплое участіе въ васъ и Матильдѣ, что отрадно было слушать его, добраго молодого человѣка.

— Скажите же, миссъ Кикси, что вы ему говорили?

— О, я говорила, что у васъ съ Леонорой девять тысячъ фунтовъ годового доходу, и что....

— Что же дальше?

— Да ничего; вотъ все, что мнѣ извѣстно. Знаю только, что я желала бы имѣть девяносто, возрадила бѣдная Кикси, поднавѣ глаза къ потолку.

— Бездѣлица! Не спрашивалъ ли мистръ Дюосисъ, какъ распрѣдѣлено наслѣдство, и кому изъ насъ оно принадлежитъ?

— Спрашивалъ, но я не умѣла отвѣчать.

— Такъ я и знала! вскричала милади, роняя чашку, я это знала!

— Ну, такъ что же, лэди Гриффинъ? сказала Матильда. Альджерномъ сдѣлалъ беаобидный вопросъ. Онъ не корыстолюбецъ; онъ весь простодушіе, наивность, великодушіе! Онъ самъ достаточно надѣленъ мірскими благами, и желалъ бы, какъ онъ мнѣ говорилъ не разъ, чтобы избранная его сердца пришла къ нему безъ копѣйки, для того, чтобъ онъ могъ доказать чистоту своей любви.

— Не сомнѣваюсь, отвѣчала мизэди.

Съ этими словами мизэди побѣжала вонъ изъ комнаты и хлопнула дверью, оставивъ миссъ Матильду заливатьса, по приличію, слезами, и повѣрять свои радости и скорби сердцу миссъ Кикси.

IV.

ПОНАЛЪ ВЪ ГВОЗДЬ ПРЯМО ПО ГОЛОВКЪ.

На слѣдующій день, утромъ, я в Дьюсиосъ отправилъсь къ господинамъ Гриффинъ: я остался шутить съ горничными въ передней, а онъ пошелъ къ барынямъ въ гостиную. Миссъ брандала на гитарѣ, мизэди стояла у большаго ящика съ бумагами и разсматривала отчеты, банкирскія книги, письма адвокатовъ и тому подобное. Признаться, я съ радостью занялся бы стаинимъ дѣломъ, особенно еслибъ у меня, какъ у лэди Гриффинъ, годовой отчетъ составлялъ семь или восемь тысячъ. Мизэди всѣми этими дѣлами завѣдывала сама: барышня была слишкомъ сантиментальна, чтобы думать о нихъ.

У миссъ Матильды глаза заблестѣли, когда показался Дьюсиосъ; она любезно указала ему мѣсто на софѣ подлѣ себя, которое онъ ту же минуту занялъ. Мизэди только-что взглянула на него, улыбнулась очень пріятливо и опять зарылась въ бумаги, словно пчелка въ цвѣткѣ.

— Лэди Гриффинъ получила изъ Лондона множество писемъ отъ адвокатовъ и разныхъ лицъ, сказала миссъ: подите, сидите подлѣ меня, вѣтренникъ!

— Охотно, моя милая миссъ Гриффинъ, отвѣчалъ онъ: да это просто tête-à-tête!

— Ну, сказала миссъ, послѣ предварительныхъ, какъ водится, комплиментовъ: мы встрѣтили у Короткохвоста одного изъ нашихъ родныхъ, мистръ Дьюсиосъ.

— Неверно лэди; онъ въ большой дружбѣ съ нимъ, и изумилъ меня самого своимъ посвѣщеніемъ третьяго дня!

— Какой милый, пріятный пожилой человекъ! Какъ онъ васъ любитъ, мистръ Дьюсиосъ!

— О, до безумія! восклицаетъ Дьюсиосъ, закативъ глаза подъ лобъ.

— У него только и рѣчи что объ васъ; и какъ онъ васъ называетъ!

Адвокатъ вздохнулъ свободнѣе. — Онъ очень добръ, мой любезный дядюшка; только слѣвъ, какъ всѣ добрые дядюшки онъ пристрастенъ ко мнѣ.

— Онъ говоритъ, что вы его любимый племянникъ, и жалѣетъ, что не старшій. «Я могу оставить ему только малую часть, принадлежащую по закону младшему — сказалъ онъ; но это еще не бѣда — у него есть способности, благородное имя и свое независимое состояніе.

— Независимое состояніе? О да, правда! Я совершенно независимъ отъ дяди.

— Двѣ тысячи фунтовъ годового дохода, оставленнаго вамъ бабкой — тоже самое, что вы намъ говорили, знаете.

— Ни больше, ни меньше, возражаетъ Дьюксомъ, качая головой: этого довольно, милая миссъ Гриффинъ; діа человека, съ своими умѣренными потребностями, даже много.

— Кстати, вскричала леди Гриффинъ, перебивши разговоръ: вы разсуждаете о денежныхъ дѣлахъ: подите же посмотрите мнѣ бѣдной! Подите сюда, вѣтренникъ, и помогите сосчитать вотъ этотъ длинный, предлинный счетъ.

Ему ли было не пойти? Боже мой, какъ онъ просіялъ, когда пошелъ черезъ комнату и сѣлъ подлѣ миледи!

— Посмотрите! сказала она: мои агенты пишутъ, что за нихъ нмѣ переведено 7,200 руній, по два шиллинга 9 пенсовъ за рунію. Скажите, пожалуйста, сколько это составитъ на фунты и шиллинги.

Адвокатъ исполнилъ порученіе съ величайшею охотой.

— Девятьсотъ девяносто фунтовъ. Прекрасно: навѣрно счетъ вашъ безошибоченъ; самой мнѣ его не повѣрять. Теперь другой вопросъ: чьи это деньги, мои, или Матильдины? Видите, это проценты на капиталъ въ Индіи, котораго мы не имѣли случая трогать, и, по условіямъ завѣщанія бѣднаго сира Джорджа, я рѣшительно не знаю, какъ распорядиться этими деньгами, развѣ истратить ихъ. Матильда, что намъ съ ними дѣлать?

— Ахъ, мадамъ, распорядитесь сами, какъ увидите!

— Ну, Альджернонъ, такъ вы научите меня; — съ этими

словами она положила руку къ нему на плечо, и взглянула въ лицо самымъ трогательнымъ манеромъ.

— Я не знаю, сказалъ онъ: какъ сэръ Джорджъ распредѣлилъ свое состояніе; вы должны прежде показать мнѣ его завѣщаніе.

— О, съ охотой.

Словно пружины очутились въ подушкѣ стула, на которомъ сидѣлъ Дьюссъ: онъ принужденъ былъ ухватиться за стулъ, чтобъ не вкочить.

— Вагалинте, у меня есть только копія, которую я сняла своей рукой съ собственноручнаго завѣщанія сэра Джорджа. Военные люди, знаете, не любятъ прибѣгать къ адвокатамъ, и это завѣщаніе написано вечеромъ, наканунѣ срашенія.

И леди Гриффинъ начала читать: «Я, Джорджъ Гриффинъ, впроч. впроч. — Вы знаете, какъ завѣщанія начинаются: обудучи въ здравомъ умѣ — гм, гм, гм, — оставалю все мое состояніе друзьямъ моимъ Томасу Абрагаму Гичсу, полковнику въ службѣ Остъ-индской компаніи, и Джону Монро Маккаркинкрофту, члену торговаго дома Гесфель, Маккаркинкрофтъ и Дobbсъ, въ Калькутѣ, съ тѣмъ, чтобы они обратили его въ деньги, въ кратчайшій срокъ, покомилку сіе возможно, безъ ущерба, въ пользу жены моей Леоноры Эмилиіи Гриффинъ, урожденной Кикси, и единственной законной моей дочери Матильды Гриффинъ. Проценты, получаемые съ капитала, дѣлать между нами по-ровну, а капиталу оставаться непосредственнымъ въ упомянутомъ торговомъ домѣ Гиксъ и Маккаркинкрофтъ, до смерти жены моей Леоноры Эмилиіи Гриффинъ; въ случаѣ же смерти ея, капиталъ поступаетъ къ дочери моей Матильдѣ Гриффинъ, ея наследникамъ, или душеприказникамъ.

— Довольно, сказала миледи; прочее — пустяки. Теперь вы знаете въ чемъ дѣло: скажите же, какъ поступить съ деньгами?

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, деньги должны быть раздѣлены между вами.

— Тѣмъ хуже, сказалъ я; я въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что все принадлежитъ Матильдѣ.

Послѣ этого минуты дѣй продолжалось молчаніе. Движенія отошелъ отъ конторки, у которой сидѣлъ съ лэди, пошелъ въ комнату, и потомъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла миссъ Матильда. Наконецъ дрожащимъ голосомъ оказалъ:

— Мнѣ почти досадно, милая лэди Гриффинъ, что вы прочли мнѣ это завѣщаніе; потому что къ предмету, такъ щедро надѣленному дарами счастья, привязанность можетъ казаться корыстною. Миссъ Гриффинъ — Матильда, — не правда ли, я могу произнести это слово: ваши прелестные глаза даютъ мнѣ на это позволеніе. Напрасно сталъ бы я говорить вамъ, или вамъ, моя милая *belle mère*, какъ давно, какъ много я васъ обожаю. Моя добрая, несравненная Матильда, не стану притворяться, будто я давно не вхожу въ ваши сердца, будто я не чувствовалъ предпочтенія, которое вы мнѣ оказывали. Вы скажите это, милая дѣва, собственными вашими властными устами, въ присутствіи любящей васъ матушки, произнесите приговоръ, который долженъ запечатлѣть на вѣчное блаженство. Матильда, милая Матильда! скажите, ахъ, скажите, что вы любите меня!

Миссъ Матильда вздрогнула, поблѣднѣла, закатила глаза подъ лобъ, и упала на шею къ Дьюсону, прошептавъ довольно явственно: — люблю!

Милэди съ минуту посмотрѣла на чету: зубы ея стучали, глаза сверкали, грудь волновалась, лице было невѣстково-блѣдно — ни дать, ни взять, мадамъ Паста въ оперѣ «Меденъ», когда она, помните, убиваетъ своего ребенка. Потомъ, не сказавъ ни слова, милэди шмыгнула изъ комнаты вонъ, причемъ чуть не оцарапала съ ногъ бѣднаго меня — я случайно отомлъ у сѣнныя двери. Дьюсонъ остался одинъ съ своею возлюбленной горбушкой.

Я въ точности передалъ рѣчь, произнесенную Альджерономъ. Дѣло въ томъ, что эту рѣчь я досталъ въ кошнѣ, которую, если угодно, можете видѣть у мистра Фразира, съ тою только разницею, что въ этомъ спискѣ написано лэди Гриффинъ, Леонора! вмѣсто миссъ Гриффинъ, Матильда! какъ приведено выше, и такъ далѣе.

На этотъ разъ адвокатъ попалъ въ гвоздь прямо по головкѣ, такъ онъ думалъ; но приключенія его еще не кончились.

V.

Когти Грифонъ.

И такъ на этотъ разъ Дьусису посчастливилось: онъ попалъ въ гвоздь прямо по головкѣ, правда, гвоздь кривой, но за то съ золотой головкой; а это-то больше всего и цѣнилъ Альджермонъ: вѣдь онъ былъ знатокъ въ оцѣнкѣ дорогихъ металловъ.

Такимъ-образомъ, на зло дядѣ, которому Дьусисъ строилъ теперь носъ; не смотря на долги, которыми, надо отдать ему справедливость, онъ не слишкомъ стѣснялся; не смотря на свою бѣдность, лѣнь, безпечность, мотовство, плутни и проказы всякаго рода, которыя не всегда удаются молодому человеку, желающему чего-нибудь добиться въ свѣтѣ; словомъ, на переборъ всему, мистръ Дьусисъ взобрался на самую маковку счастья: вотъ онъ будущій обладатель славнаго состоянія, женихъ дѣвушки, влюбленной въ него до безумія. Чего бы еще желать смертному? Теперь душу его заняли мечты честолюбія. Ложа въ театрѣ, ложа въ оперѣ, охота въ Мельтонѣ, мѣсто въ нижней палатѣ, и Богъ вѣсть что еще — намъ ли это знать, смиреннымъ писцамъ: мы только описываемъ, что видѣли, и не можемъ проникать въ мысли и сердца человѣческія.

Можете себѣ представить, что теперь трехугольныя записочки отъ Грифонъ посыпались къ намъ градомъ. Миссъ и прежде не урѣжала писать, а теперь и ночью, и днемъ, и утромъ, и за завтракомъ, и за обѣдомъ, и за ужиномъ, онѣ слетались до того, что у меня въ канцеляріи — Дьусисъ самъ никогда не читалъ записокъ и я прибиралъ ихъ куда слѣдуетъ — въ канцелярію просто стало душно отъ мускусу, амбры, бергамоту и другихъ запаховъ, которыми онѣ были пропитаны. Изъ нихъ три я двадцать лѣтъ храню въ своемъ ящикѣ, ради любопытства, и вотъ ихъ содержаніе. Поуй! Досихъ-поръ пахнутъ по-прежнему.

Бильеду № 1.

Понедѣльникъ, утро, 2 часа.

Ночь. Минута обворожительная. Луна озаряетъ мою комна-

ту и золотить мою бессонную подушку. При мерцаніи ея начертываю эти слова тебѣ, мой Альджернонь. Идеаль мой, души моей царь! скоро ли наступитъ часъ, когда ни унылая ночь не станетъ разлучать насъ, ни день благодатный? Двѣнадцать! часъ! два! Слышу бой часовъ, слышу четверти, и не перестаю мечтать о моемъ супругѣ. Мой обожаемый Перси, прости дѣвическое признаніе: я поцѣловала письмо на этой строкѣ. Прикоснутся ли здѣсь и твои уста? останутся ли она хоть на мигъ на томъ мѣстѣ, которое равномерно горитъ лобзаніемъ твоимъ

Матильды.

Это было первое письмо. Его принесъ къ намъ въ шесть часовъ утра бѣдный лакей Фицкларенсъ. Я подумалъ, что дѣло идетъ о жизни и смерти; самъ разбудилъ моего адвоката и подалъ ему письмо. Никогда не забуду его въ ту минуту, когда онъ прочелъ его. Мистръ Дьюсисъ скопчалъ записку, разбранился и прочелъ барышнѣ, которая ее писала, и джентльмену, который принесъ ее, и мнѣ, за докладъ, такіа эпитафія, какихъ мнѣ и слышать еще не удавалось, развѣ только въ Биллинггэтѣ. Дѣло въ томъ, что для перваго разу записка миссъ Гриффинъ была черезъ-чуръ пересолена. Но у нея такой ужъ обычай: вѣчно читаетъ, бывало, заунывные романы: Страсти Вертера и тому подобное.

Съ седьмой записки Дьюсисъ пересталъ читать ихъ, а передавалъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ я просмотрѣлъ, нѣтъ ли въ нихъ такого, на что нужно отвѣчать для соблюденія приличій. Слѣдующее письмо гласитъ вотъ что:

№ II.

Понедѣльникъ, 2 часа по полудни.

Передъ тѣмъ какъ ложатся спать, пришло еще письмо. Хотя мы съ Дьюсисомъ и заѣзжали къ госпожѣ Гриффинъ, однакожъ намъ не позволили войти ни за какія деньги. Мортимеръ и Фицкларенсъ скалили надо мною зубы, трунили даже, что скоро мы попадемъ къ нимъ въ родство; однакожъ не думаю, чтобъ мой принципалъ огорчился, когда принужденъ былъ воротиться домой, не повидавшись съ прекраснѣйшимъ предметомъ своей страсти.

Во вторникъ, та же исторія; въ среду — тоже. Въ этотъ разъ мы встрѣтили нашего дядюшку, сэра Крабса, въ ту самую минуту, какъ мы всходили на лѣстницу; онъ подавалъ миссъ Кинси знаки рукой и говорилъ, что придетъ назадъ къ семь часовъ. Для насъ входъ былъ запертъ. Ба, ба! не тревожься, говоритъ дядя, нѣжно взявъ племянника за руку: Видь у твоего лука двѣ тетивы; не такъ ли, Альджернонъ? Владушка немножко ревнива, миссъ влюблена. Но впрямодокъ ревности у милэди пройдетъ самъ собой, и я ручаюсь тебѣ, мой дорогой, что въ одинъ прекрасный день ты увидишь свою красавицу.

Съ этими словами дядя проводилъ племянника до крыльца, причемъ смотрѣлъ на него какъ мельзл благосклоннѣе и нѣжнѣе и говорилъ тономъ самымъ ласковымъ. Дьюсисъ же зналъ, что и думать. Онъ никакъ не понималъ, что затѣваетъ почтенный дядюшка; только ему какъ-то чудилось, что, не смотря на воскресный успѣхъ, онъ попалъ головой въ петлю. Я это невялъ, очень хорошо понималъ, лишь только замѣтилъ на лицѣ стараго джентльмена эту полу-сладкую, полу-дьявольскую улыбку, съ какою онъ смотрѣлъ на племянника.

Но на другой день сомнѣнія Дьюсиса разсѣялись, и все продолжалось по-прежнему. За завтракомъ приносятъ записку и особый конвертъ. Переписываю здѣсь то и другое:

№ IX.

Четвергъ, утро.

Побѣда, побѣда! Мамаша наконецъ согласилась, если не на бракъ нашъ, то по-крайней-мѣрѣ на то, чтобъ принимать насъ по-прежнему, и общается забыть прошедшее. Я захожусь въ вихрѣ радости и восторговъ, и цѣлую ночь не смыкала глазъ, думая о тебѣ, мой Альджернонъ, и съ томленіемъ ожидаю ближайшую минуту свиданія.

Приходи!

М. Г.

Вотъ конвертъ отъ милэди.

Я не стану говорить вамъ, чтобы поведеніе ваше въ послѣднее по-проездело на меня непріятнаго впечатлѣнія. Я

была такъ легкомысленна, что мечтала о другихъ владѣть, и воображала, что сердце ваше, если только есть у васъ сердце, занято чѣмъ-нибудь другимъ, а не тою дѣвушкой, надъ недостатками которой вы такъ часто смѣялись со мной, и которой личныя качества, по-крайней-мѣрѣ, не могли обморозить васъ.

Моя падчерица, я полагаю, не рѣшится вытти за-мужъ, безъ соблюденія обряда, требуемаго приличіемъ: я разумно, что она должна просить моего согласія, котораго въ настоящее время я дать еще не могу. Не имѣю ли я причины сомнѣваться, чтобы она была счастлива, отдавъ руку вамъ?

Она ужъ въ совершенномъ возрастѣ, и имѣетъ право принимать у себя всѣхъ, кто можетъ быть ей пріятель, значить, и васъ,—тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, вы со временемъ будете ея мужемъ. Если я увѣрюсь, что любовь ваша къ миссъ Гриффинъ искреня; если я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнаю, что вы все еще желаете на ней жениться, то, разумѣется, съ моей стороны не будетъ никакихъ препятствій къ вашему браку.

Итакъ, милости просимъ къ намъ. Не могу обѣщать, чтобы я стала принимать васъ по-прежнему; вы сами пресѣрѣли бы меня, если бъ я поступила иначе. Впрочемъ, обѣщая вамъ не думать болѣе о томъ, что между нами произошло, и пожертвовать собственнымъ счастіемъ, счастьемъ дочери моего возлюбленнаго мужа.

Л. Э. Г.

Ну, не правда-ли, что это прямодушное письмо очень натурально отъ женщины, съ которой, признаться откровенно, мы поступили слишкомъ непростительно? Такъ думалъ и адвокатъ: онъ побѣхалъ къ лэди Гриффинъ, прочелъ ей вѣжливую, почтительную рѣчь — немножко лести ничего не стоитъ — грустно поцѣловалъ ей руку и дрожащимъ голосомъ призвалъ небо въ свидѣтели, какъ ему прискорбно, что поведение его могло подать поводъ къ такому несчастному недоразумѣнію. Дюкисъ выразилъ надежду, что его почтеніе, уваженіе, безграничная душевная преданность не будутъ отринуты, и заговорилъ процѣсть лести въ этомъ родѣ, при чемъ не забывая метать прахъ:

ше, тонные взгляды, и утирать глаза бѣлыми носовыми платкомъ.

Онъ думалъ, что все улажено. Бѣдный беаумецъ! онъ попался въ сѣть, да такую, въ какой я еще не видывалъ ни одного негодая.

VI.

ДУЭЛЬ.

Кавалеръ де л'Оржъ, молодой Французъ, о которомъ я недавно писалъ, сталъ-было рѣдко появляться у лэди Гриффинъ, съ тѣмъ поръ какъ Дьюсисъ завладѣлъ ея вниманіемъ, но теперь снова занялъ при ней обычное мѣсто; впрочемъ дружбы между нимъ и адвокатомъ и послѣ этого не существовало, не смотря на то, что кавалеръ возвратилъ благоразположеніе милади, а Дьюсисъ исключительно занимался своею горбатою Венерою. Кавалеръ былъ маленькій, блѣдный, скромный, незначительный человекъ, и судя по наружности, я думалъ, что у него не станетъ духу муху обидѣть, не только задѣть такого страшнаго тигра и лодоѣла, каковъ былъ Альджермонъ; но снусть ведѣлю, его обхожденіе, его тонъ съ нимъ, его взгляды на него и сжатіе губъ при входѣ его въ комнату, все убѣдило меня, что онъ крѣпко ненавидитъ Дьюсиса.

Говорить-ли, за что? За то, что милади Гриффинъ ненавидѣла его; ненавидѣла хуже яду, даже хуже падчерицы; можетъ статья, вы воображаете, что письмо, которое вы только-что прочли, было написано отъ души; можетъ статья, вы думаете, что сцена чтенія завѣщанія разыгралась случайно и была слѣдствіемъ обстоятельствъ — все это штука, могу васъ увѣрить, просто мышеловка, и этотъ необыкновенно смѣтливый молодой человекъ, мой адвокатъ, увязъ въ все, какъ мышенокъ, впервые показавшійся на свѣтъ.

Кавалеръ былъ во уши влюбленъ въ лэди Гриффинъ. Когда Дьюсисъ убрался съ поля, де л'Оржъ возвратился къ ея столу съ прежнею нѣжностью. Бѣдняжка, бѣдняжка, бѣдняжка, онъ невригворно любилъ эту женщину. Не хуже бы онъ одѣлалъ, если бы влюбился въ боакоштриктора? Онъ былъ такъ ослѣпленъ и пришибленъ властью, которую она приобрѣла надъ

вамъ, что назови она ему черное бѣлымъ — онъ подтвердитъ бы безпрекословно, или вели она ему зарѣзать любаго — онъ зарѣзалъ бы; ей дѣйствительно и хотѣлось кой-чего въ этомъ родѣ, могу вамъ доложить.

Я уже говорилъ вамъ, описывая первое ихъ знакомство, что Дьусисъ любилъ трунить надъ гадкимъ англійскимъ выговоромъ де л'Оржа и забавными его выходками; а французикъ безпрестанно вдавался въ смѣшное, и адвокатъ, какъ водится, смотрѣлъ на него съ тѣмъ шутивымъ презрѣнiемъ, какое добрый Британецъ всегда оказываетъ къ мелочному Французу. Дьусисъ скорѣй обращался съ нимъ какъ съ понятливой обезьяной, чѣмъ съ человѣкомъ, и понукалъ имъ какъ лакеюшъ и ляди.

Все это мосье принималъ въ хорошую сторону, до размови Дьусиса съ леди Гриффинъ, когда эта барыня постаралась дать дѣлу другой видъ. Великій разъ, какъ Альджернона и барыни не было въ комнатѣ — я слышалъ это отъ слугъ, — милади обыкновенно поднимала кавалера на смѣхъ за его покорность и лѣзливость къ Дьусису. «Бѣ удивительно, какииъ образомъ челоуки съ его именьемъ, можетъ разыгрывать роль слуги; какииъ образомъ можно мужчиниъ переносить презрительное обращенiе съ нимъ другаго»; Тутъ она принималась рассказывать ему, какъ Дьусисъ вѣчно смѣется надъ нимъ изъ за ялчи; какъ искренно должешъ кавалеръ ненавидѣть его, и какъ уже пора проучить деракаго.

Что же? бѣдный французикъ вѣрилъ всему этому отъ души, и сердился или угодничалъ, ссорился или мирился, рѣшительно какъ задумается милади. Между нимъ и моимъ адвокатомъ по-часту начали происходить стычки: волкии слова летали съ одного конца стола на другой за обѣдомъ; завязывались горячiе споры изъ-за того, кому подать барынииъ флакончикъ съ духами, или проводить ихъ до экиважа; кому нервному войти въ комнату или выдти, и изъ-за другиихъ подобныихъ пустяковъ.

— Ради Бога, сказала разъ милади, со слезами на глазахъ, среди одного изъ такихъ споровъ: успокойтесь, успокойтесь, мистеръ Дьусисъ. Мосье де л'Оржъ, умоляю васъ, простите его. Вы оба такъ уважаемы, любимы всеми членами этого семей-

стра, что для спокойствія его и вашего добръшеннаго — вы же должны есориться.

Эта ссора началась на дорогѣ въ столовую и унялась ровно въ ту минуту, какъ сѣли за столъ. Никогда не забуду ъднаго французина, когда миледи сказала ему: вы оба. Онъ всперилъ взоръ въ миледи, поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, ошалѣлъ, и подоидя къ Дьюенсу, такъ пожалъ ему руку, что чуть не вышинулъ. Мистръ Дьюенсъ только поклонился, заснѣлся и важно отворнулся; миссъ глубоко вздохнула и посмотрѣла ему въ лице съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла проглотить его отъ любви. Кавалеръ сѣлъ къ своей тарелкѣ съ оуничъ и чуть не плакалъ отъ радости. Онъ думалъ, что вдовушка призналась ему въ любви и желаетъ предложить ему руку; такъ думалъ и Дьюенсъ, который нѣсколько времени смотрѣлъ на нее съ досадою и негодованіемъ, и потомъ занялся разговоромъ съ миссъ.

Въ продолженіе моихъ житейскихъ опытовъ, я замѣтилъ, что плутъ перестаетъ быть плутомъ, лишь только вы его задѣнете; возбужденный, онъ сейчасъ выкажетъ самого себя и обнаружитъ свою козлиную ногу, на которую вы ему наступили. По-крайней-мѣрѣ такъ бываетъ съ молодыми плутишками; надо много кляддокровія и большую практику, чтобъ умеркнать характеръ, чтобъ не выказать злобы, когда ее чувствуешь, чтобъ улыбаться, когда сердиться. Старикъ Крѣбъ былъ въ этому способенъ; онъ походилъ на того человѣка, о которомъ я слышалъ отъ герцога Веллингтона: дайте ему пинка сзади, и никто изъ стоящихъ впереди не догадается объ этомъ, видя прекрасное улыбающееся выраженіе его лица. Молодой адвокатъ не дошелъ еще такъ далеко въ плутовской грамматикѣ, и когда сердился, то всегда обнаруживалъ досаду. А надо еще замѣтить (замѣчаніе очень глубокое и замасленное для писца адвоката, но вѣдь и у насъ есть глаза), надо замѣтить, говорю, что плутишку рассердить гораздо легче, чѣмъ кого другаго, потому-что честный человѣкъ готовъ уступить другому, а плутишка никогда; честный человѣкъ любитъ ближняго, а плутишка только самого себя, и малѣйшая задоринка, которая встрѣчается ему на пути къ любимому предмету, выводитъ его изъ себя. Картежъ,

алутян и всякаго рода дебеширство, которыми Дьюсиэъ предавался цѣлую жизнь, не смягчили его характера, могу васъ увѣрить.

Онъ былъ озлобленъ, а когда бывалъ озлобленъ, то никакой дикій звѣрь не могъ сравниться съ нимъ въ дерзости и нестерпимомъ накальствѣ.

До этого-то и хотѣла довести его мнѣздн; надо сказать, что хогъ она всѣми силами старалась подстрекать адвоката и кавалера, однакожъ всѣ старанія ея имѣли тотъ только успѣхъ, что поселили между ссорившимися глубочайшую взаимную ненависть: цѣтухи никакъ не хотѣли драться.

Не думаю, чтобы Дьюсиэъ подозрѣвалъ какія-нибудь штуки со стороны мнѣзди, потому что она вела дѣло очень искусно, и въ побранки, какія ежедневно случались между нимъ и Французомъ, по-видимому, никакъ нельзя было относить къ ней; напротивъ, она всегда дѣйствовала между ними какъ настоящая примирительница, что читатель видѣлъ уже изъ разсказа моего о ссорѣ въ дверяхъ столовой. Притомъ оба молодые человѣка, хотя всегда готовые къ перебранкѣ, не желали, и очень естественно, доходить до драки. Я скажу почему: какъ люди знакомые и безъ дѣла, они проводили утро, подобно другимъ свѣтскимъ молодымъ людямъ, за билльардомъ, въ фехтованьи верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ пистолета, и въ другихъ полезныхъ занятіяхъ. На билльардѣ Дьюсиэъ поражалъ Француза безошадно (и выигралъ у него порядочную сумму, но это пусть останется между нами); въ стрѣльбѣ изъ пистолета онъ попадалъ въ цѣль восемь разъ изъ десяти, а де л'Оржъ семь; въ фехтованьи Французъ могъ проткнуть благородному Альджернону каждую пуговицу на жилетѣ. Надо сказать, что каждый Французъ мастеръ фехтовать, и адвокатъ принужденъ былъ также заняться этимъ ремесломъ. Такъ какъ каждый, зная храбрость другаго и умѣніе всадить на бѣгу сотню пуль въ шляпу на тридцати шагахъ, то очень естественно, что они не очень желали провзвестъ опытъ надъ своей шляпою; съ вложенной въ нее собственной головой. Вотъ почему они вели себя смирно, и только что огрызались другъ на друга.

Но на этотъ разъ Дьюсиэъ былъ въ припадкѣ бѣшенства; а при такомъ расположеніи духа, его, бывало, на человѣкѣ, на

самъ чортъ не удержитъ. Я сказала, что Альджеронъ отвернулся отъ кавалера, когда тотъ отъ радости подалъ ему руку и готовъ былъ, кажется, приласкать медвѣдницу. Адвокатъ отошелъ отъ него блѣдный и надутый, усѣлся за столомъ и, не думая о садикихъ словахъ миссъ Гриффинъ, отвѣчалъ на нихъ короткими развѣщиваніями, саркастично на слугъ, перецѣлъ супъ, вино.

— Не позволите ли, сударыня, попочь вамъ? сказалъ онъ, скрывая крыло пуларки.

— Благодарю васъ; я побезпокою мосье де л'Оржа. И она обратилась къ этому джентльмену съ самою нѣжною, самою обворожительною улыбкой.

— Вы внезапно стали благосклонны къ мосье де л'Оржу. Недавно вы одобряли мое умѣніе разрѣвывать.

— Вы очень искусны; но сегодня, если позволите, я намѣрена воспользоваться услугой мастера болѣе скромнаго.

Французъ принялся рѣзать пуларку, и въ торонахъ отъ радости брызнулъ темнымъ соусомъ на щеку Дюсю, причемъ окропилъ ему воротничекъ рубашки и дѣйствио-бѣлый жилетъ.

— Чортъ васъ поберитъ! воскричалъ онъ;— мосье де л'Оржъ, вы это сдѣлали съ намѣреніемъ. И тутъ полетѣли изъ рукъ Альджерона ножикъ, вилка, стаканъ съ виномъ; часть вина полилась на колѣни бѣдной миссъ Гриффинъ, которая перепугалась и готова была и кричать и плакать.

Миледи принялась хохотать во все горло, какъ будто все это было не что иное, какъ простая шутка. Де л'Оржъ также началъ скалить зубы и смѣяться. Пардонъ, говоритъ онъ, милъ пардонъ, монъ шеръ мосье; а по лицу его видно было, что онъ опять готовъ сдѣлать ту же штуку.

Французикъ былъ просто въ восторгѣ: онъ вдругъ очутился на верху счастья; смѣхъ обратился противъ его соперника и онъ возымѣлъ дерзость предложить барынѣ по-англійски выпить рюмку вина.

— Хотите ли, сказалъ онъ, ломанымъ англійскимъ языкомъ, выпить рюмку мадеры со мной, миледи? И онъ оглянулся кругомъ, какъ бы желая узнать, какое дѣйствіе произвела его англійская рѣчь.

— Съ вслчайшимъ удовольствіемъ, сказала леди Гриффинъ,

благоклонно кивнувъ ему головой, и не спуская съ него глазъ, вышла внио. Дьюсиоу прежде она отгазывала, а это не мало усилило въ немъ доброе расположеніе духа.

Вотъ шутка разыгрывалась больше и больше по на-шутку: Альджернонъ ворчалъ, грубилъ, бранился и, признаваясь, велъ себя не совсѣмъ прилично; а милэди раздѣляла все время между нимъ и кавалеромъ, стараясь раздражать; была шибко и неподвижна отъ страху, а кавалеръ не чувствовалъ себя отъ удовольствія. Милэди блистала улыбкой, а мой адвокатъ багровѣлъ отъ злости.

— Мистръ Дьюсисъ, говорить милэди самымъ вкрадчивымъ тономъ, послѣ нѣсколькихъ увѣщаній, которыя еще болѣе раздражили его: не примете ли труда подать мнѣ этого винограда? На взглядъ, онъ очень хорошъ.

Вмѣсто отвѣта, Дьюсисъ схватилъ блюдо съ виноградомъ и швырнулъ его по столу къ де л'Оржу; блюдо, катясь по столу, опрокинуло на своемъ пути стаканы, рюмки и графини.

— Мосье де л'Оржъ, сказалъ Альджернонъ, возвысивъ голосъ до-нельзя: сдѣлайте одолженіе, подайте лэди Гриффинъ.

Минуты съ двѣ продолжалось молчаніе.

— Какъ! вскричала милэди: вы смѣете оскорблять меня при моихъ людяхъ, въ моемъ собственномъ домѣ; это ужъ слишкомъ, мосье! Тутъ она встала и пошла вонъ изъ комнаты. Ради Бога — лэди Гриффинъ! — и дверь захлопнулась за обѣими.

Приведенныя здѣсь восклицанія милэди пронесла по-французски, и хорошо сдѣлала: иначе, де л'Оржъ не понялъ бы ея; а тутъ онъ не проронилъ ни одного слова, и когда дверь захлопнулась, онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Дьюсису, и въ присутствіи Мортимера и Фицкларенса, лакеевъ госпожи Гриффинъ, далъ ему оплеуху и сказалъ: Вотъ тебѣ, лжець и трусь! — Выраженіе довольно колкое со стороны одного джентльмена въ отношеніи къ другому.

Дьюсисъ покачнулся назадъ и остолбѣнѣлъ; потомъ будто вскрикнулъ, подбѣжалъ къ Французу, и тутъ Мортимеръ бросился къ Альджернону, а Фицкларенсъ обхватилъ кавалера.

— До-завтра! сказалъ де л'Оржъ, погрозивъ кулачкомъ и

вышелъ вонъ, не слишкомъ досадуя, что можетъ убраться по-
добру по-здорову.

Когда кавалеръ уже сошелъ съ лестницы, Мортимеръ вы-
нулъ изъ рукъ Дьюсиса, который, испивъ стаканъ воды, по-
стоялъ съ минуту, потомъ вынулъ конелекъ и далъ Мортиме-
ру и Фицларенсу по лундору. Завтра дамъ еще по пяти, ска-
залъ онъ, если не станете болтать о томъ, что случилось.

Затѣмъ онъ отправился къ барынямъ. — Еслибъ вы знали,
сказалъ онъ, подходя къ лэди Грiffinъ (надо замѣтить, что
онъ говорилъ очень тихо), еслибъ вы знали, какъ я страдалъ
въ послѣднія минуты въ слѣдствіе грубости и дерзости, въ
которыхъ передъ вами провинился, вы навѣрно сочли бы
мое раскаяніе достаточнымъ мнѣ возмездіемъ и не отказали
бы мнѣ въ прощеніи.

Миледи кивнула головой и сказала, что не требуетъ ника-
кихъ объясненій, такъ какъ мистръ Дьюсисъ — гость не ея,
а дочери; но во всякомъ случаѣ, въ другой разъ уже не са-
деть съ нимъ за одинъ столъ. Съ этими словами она снова
шмыгнула изъ комнаты.

— Ахъ, Альджернонъ, Альджернонъ! воскричала миссъ, въ
слезахъ: что это за роковая тайна, что за страшныя, непри-
личныя ссоры? Скажите, не случилось ли чего? Гдѣ, гдѣ ка-
валеръ!

Дьюсисъ улыбнулся и сказалъ: не опасайтесь, моя безцѣн-
ная Матильда; онъ слишкомъ влюбленъ, для этого онъ вышелъ
на полчаса, и вѣроятно воротится къ кофѣ.

Я зналъ, что смекаетъ Дьюсисъ: еслибъ миссъ хоть чуть-
чуть провѣдала о ссорѣ между нимъ и Французомъ, она не-
премѣнно очутилась бы въ гостиницѣ Мирабо, и намъ никакъ
бы не отдѣлаться отъ нея. Дьюсисъ побылъ нѣсколько минутъ,
успокоилъ ее, и потомъ отправился къ другу своему, капитану
карабинернаго полка Больсею, вѣроятно для переговоровъ объ
этомъ неприятномъ дѣлѣ. Мы нашли у себя въ столѣ записку
отъ де л'Оржа, въ которой онъ извѣщалъ, гдѣ можно видѣть
его секунданте.

На третій день послѣ того, въ Вѣстникѣ Галлиньяни была
напечатана статья, которую, съ позволенія вашего, здѣсь пе-
реписываю:

«Ужасный поединокъ. Вчера утромъ, въ седьмомъ часу, происходила въ булонскомъ лѣсу дуэль между А. П. Дъ—с—сонъ, племянникомъ мистера Кр—бса, и кавалеромъ де л'О—. Секундантами были : у кавалера — майоръ королевской гвардіи де М., а у мистра Д. — капитанъ британскаго карабинернаго полка Б—ль—сей. Сколько могли мы узнать о подробностяхъ этого несчастнаго дѣла, ссора началась въ домѣ прекрасной дамы (одной изъ блистательнѣйшихъ звѣздъ отецъ N), и дуэль происходила на другой день утромъ.»

«Кавалеръ, который былъ вызванъ на дуэль, отличившійся мастеръ биться на шпагахъ, отказался отъ своего права на выборъ оружія, и бой происходилъ на пистолетахъ.»

«Сражавшіеся разставлены были въ сорока шагахъ одинъ отъ другаго, съ условіемъ подходить къ барьеру, который отдѣлялъ ихъ на восемь шаговъ. У каждого было по два пистолета. Мосье де л'О. выстрѣлилъ почти съ перваго шагу, и пуля попала въ лѣвую кисть противника, который въ ту же минуту выронилъ изъ рукъ пистолетъ. Однакожъ онъ не медля выстрѣлилъ изъ праваго, и кавалеръ упалъ на-земь, раненый, какъ должно опасаться, на смерть. Пуля вошла выше бедра, и на выздоровленіе его надежды мало.»

«Мы слышали, что причиной этой отчаянной дуэли былъ ударъ, нанесенный кавалеромъ мистру Д. Если это правда, то есть нѣкоторое основаніе къ необыкновенному ожесточенію, съ какимъ совершился поединокъ.»

«Мистръ Д. возвратился въ свой отель, куда, при первомъ извѣстіи о горестномъ происшествіи, поспѣшилъ добрый дядя молодаго человѣка, почтенный мистръ Кр—бсъ, и теперь окружаетъ племянника заботливостью нѣжнаго отца. Вѣсть пришла къ нему вчера утромъ, за завтракомъ у мистра Короткохвоста; мистръ Крбсъ упалъ въ обморокъ при полученіи извѣстія; но, не смотря на нервическое потрясеніе и слабость здоровья, провелъ цѣлую ночь у постели раненаго.»

Совершенная правда. — Дѣло гадкое, Чарльзъ, сказалъ мнѣ Крбсъ, повѣдавшись съ племянникомъ и усѣвшись въ нашей гостиной. Нѣтъ ли у васъ здѣсь сигаръ? Да слышите, пришлите мнѣ бутылку вина и что-нибудь закусить. Вѣдь нельзя же мнѣ покинуть дорогаго моего племянника.

VII.

ПОСЛѢДСТВІЯ.

Кавалеръ не умеръ : пуля вышла сама собой , среди сильнѣйшей горячки и воспаления, произведеннаго раной. Онъ шесть недѣль лежалъ однакожь въ постели и не поправлялся долго и потомъ.

Жребій Дьюссса, долженъ я сказать съ прискорбіемъ, былъ еще хуже. И у него появилось воспаление, но чтобъ положить коонецъ бѣдѣ, пришлось отнять руку у кисти.

Онъ перенесъ операцію, какъ слѣдовало ожидать — богатырски, и черезъ мѣсяць поправился, и рана зажила; но я не видывалъ человѣка, который бы такъ походилъ на дьявола, какъ мистръ Дьюсссъ, когда онъ взглядывалъ на свою искалѣченную руку.

Правда, въ глазахъ миссъ Гриффинъ онъ сталъ отъ этого еще интереснѣе. Она присылала къ нему по двадцати записокъ на день, въ которыхъ называла его своимъ возлюбленнымъ, своимъ несчастливцемъ, своимъ героемъ, своей жертвой и Богъ вѣсть чѣмъ еще. Я приберегъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ, и могу вамъ доложить, какія чувствительныя, пречувствительныя — Страсти Вертера передъ ними ничто.

Старый Крабсъ часто навѣщалъ насъ и уничтожалъ пропасть вина и сигаръ. Мнѣ кажется, онъ оставался въ Парижѣ потому, что домъ его въ Англіи былъ засекуестрованъ, а племянникъ, въ продолженіе болѣзни, не могъ ускользнуть отъ его родственнаго вниманія. Вечера старикъ проводилъ аккуратно въ домѣ у лэди Гриффинъ, куда я не ходилъ ни разу съ болѣзни моего принципала, и гдѣ кавалеръ уже не появлялся для возмущенія его спокойствія.

— Видѣть, какъ эта женщина ненавидитъ тебя, Дьюсссъ, сказалъ однажды дядя въ припадкѣ задумчивости, за бесѣдой о лэди Гриффинъ : но она еще не раздѣлалась съ тобой ; скажу тебѣ откровенно.

— Чортъ ее побери, возразилъ адвокатъ въ бѣшенствѣ, подливъ искалѣченную руку : чортъ ее побери, я ея и знать не хочу. Въ Матильдѣ я увѣренъ; въ этомъ отношеніи всякая

возможность неудачи устранена. Эта дѣвушка должна выйти за меня ради собственной пользы.

— Ну, когда насчетъ Матильды бояться нечего, сказалъ племянникъ съ лукавой улыбкой доброму старику, такъ какая мнѣ нужда до ея пройлатой мачихи?

Крэбсъ посматрѣлъ и скоро потомъ взявъ шляпу, ушелъ. Я видѣлъ, какъ онъ пробирался по Вандомской площади и спокойно брелъ къ отелю лэди Гриффинъ. Вотъ рѣдкій человѣкъ! Такого веселаго, себялюбиваго, стараго плута мнѣ не удастся видѣть въ другой разъ.

Крэбсъ былъ правъ, когда говорилъ племяннику, что лэди Гриффинъ еще не раздѣлалась съ нимъ. Но ей и въ голову не пришла бы продѣлка, которую она потомъ сыграла, если бы ктонибудь ее не надушилъ. Кто же этотъ добрый человѣкъ? Если вы прочли предыдущія строки, и помните, какъ достопочтенный дядя взялъ шляпу и пошелъ по Вандомской площади, гнѣвно приглядываясь ко всѣмъ встрѣчаемымъ племянникамъ, то предоставляю вамъ самимъ догадаться, кто былъ затѣшникъ продѣлки: женщина, навѣрно, никогда бы ея не придумала.

Въ той главѣ, гдѣ я писалъ о приключеніяхъ мистра Дьюксса и его поступкѣ съ мессирами Даукинсомъ и Блюнттомъ, я имѣлъ честь представить публикѣ счетъ долгамъ моего принципала; итогъ ихъ былъ слѣдующій:

По векселямъ и роспискамъ 4,963 ф.

Росписки составляли бездѣлицу, до тысячи фунтовъ; векселя простирались до четырехъ.

А по французскимъ законамъ, если векселя, данные джентльменомъ въ Англіи, перейдутъ какимъ-бы то ни было образомъ къ французскому джентльмену, то послѣдній можетъ вискать съ Англичанина, который долженъ отдать ихъ, хотъ бы находился во Франціи. Дьюкссъ не зналъ объ этомъ, увлекшись очень естественной ошибкой, будто стоитъ только выѣхать изъ Англіи, чтобъ раздѣлаться съ тамошними кредиторами.

Лэди Гриффинъ отписала своимъ повѣреннымъ въ Лондонѣ, и они сдѣлали сдѣлку съ обладателями прекрасной коллекціи автографовъ на гербовой бумагѣ, которые Альджервонъ оставилъ

но софѣ въ желтомъ отечествѣ: кредиторы обрадовались случаю воротить свои деньги.

Разъ утромъ я смотрю изъ окна на дворъ нашей гостиницы и, по привычкѣ, разговариваю съ горничными, дамъ утѣшенія во французскомъ языкѣ, какъ вдругъ одна изъ нихъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: знаете что, мосье Шарль, тамъ въ конторѣ стоитъ балль съ двумя жандармами, и спрашивается о вашемъ баринѣ; ужъ нѣтъ ли у него долговъ на бѣгу?

Эти слова меня поразили; истина блеснула передъ глазами моего ума.—Тоанетта, сказала я—такъ звали дѣвушку;—Тоанетта, сказала я, поцѣловавъ ее, если вы сколько-нибудь доложите мнѣ къ вамъ расположеніемъ, удержите ихъ на двѣ минуты. Дьюссисъ оправился отъ раны, и къ счастью своему ногъ ужъ двигаться. Сэръ, сэръ, воскричалъ я, вѣсь шцетъ балль, обѣдите, если хотите счастья.

— Балль! сказалъ онъ: вѣтъ вздоръ! Я, кажется, не долженъ никому.

— Стойте, возразилъ я, забывъ о деликатности въ обращеніи съ принципаломъ: развѣ вы не должны въ Англии? толкомъ вамъ говорю, что балль здѣсь, и сейчасъ будетъ къ вамъ.

Не успѣлъ я докончить, какъ день, день; колокольчикъ такъ и заливается въ прихожей: ужъ навѣрно никто другой, какъ балль.

Что было дѣлать! Съ быстротою молніи схватилъ я лжескую шинель, напяливаю съ золотымъ позументомъ шляпу на голову Дьюссиса и надѣваю на него шинель. Самъ же я набрасываю на себя его плафрокъ, и развалился на софѣ, приказываю ему отпереть дверь.

Такъ и есть они: балль, два жандарма, съ ними Тоанетта и старый трактирный слуга. Тоанетта, увидя Дьюссиса, улыбается и говоритъ: скажи, пожалуй, Шарль, гдѣ вашъ принципаль? У себя, не правда-ли? Этотъ молодой человекъ служилъ у мосье, прибавила она, сдѣлавъ реверансъ господину балль.

Старый слуга чуть было не проболтался. Да, это не онъ! проговорилъ старикъ; но Тоанетта остановила его и сказала: пропусти же этихъ господъ, старый дуракъ. И вотъ они вошли въ комнату, а жандармы остались на часахъ въ передней.

Дьюссисъ съ серьезнымъ видомъ отвѣреть: «Сэръ, къ чему, и приложивъ руку къ шляпѣ, говоритъ: не прикажете ли заказать кабъ, сэръ?»

— Нѣтъ, Чарльзъ, отвѣчаю я; сегодня я не выѣзжаю.

Старый балли, который часто имѣлъ дѣла съ Англичанами и поднималъ по-англійски, лукаво умигнувъ и оказалъ по-французски, когда Дьюссисъ выходилъ вонъ: я посоветовалъ бы вамъ, мосье, приказать, чтобъ модами заплащъ, такъ какъ я нахожусь въ жалкой необходимости арестовать васъ, во имя закона, за долгъ девяноста восьми тысячъ семисотъ франковъ сэру Жану Франсоа Лебрёну въ Парижѣ. При этомъ онъ предъявлялъ множество векселей, съ бесспорными подписями Дьюссиса.

— Присядьте, пожалуйста, мосье, сказалъ я, и балли сѣлъ. Тутъ я началъ толковать съ нимъ о погодѣ, о моей долбанн, о несчастномъ со мной приключеніи, о потерѣ руки, которую я держалъ за паухой, и много еще о чемъ.

Наконецъ, послѣ двухъ, трехъ минутъ, я не могъ выдержать, и разразился кохотомъ.

Старый балли поблѣднѣлъ, и началъ подовѣривать, что пора въ просакъ. Эй, кричать онъ, жемармы, ома! меня, куда ли, провели!

Жандармы бросились въ комнату, за ними Тоанетта и слуга. Ловко вставъ со стула, я вынулъ руку изъ-за паухи, и распахнувъ плафрокъ, поставилъ на стулъ одну изъ пресфривѣйшихъ на свѣтѣ ногъ.

Понявъ въ чемъ дѣло, жандармы и слуги раскохотались; тоже сдѣлалъ и Чарльзъ Желтоплюшъ, могу вамъ доложить. Старый балли чуть не упалъ въ обморокъ.

Услышавъ, какъ подъ ворота прокатилъ кабъ во весь споръ, я убѣдился, что мой прививалъ былъ вѣдъ опасности.

VIII.

КОНЕЦЪ ИСТОРИИ МИСТРА ДЬЮССИСА.

Повѣсть моя быстро приближается къ концу; я ужъ недолго оставался у мистра Дьюссиса послѣ предыдущей главы, въ которой описаны моя удивительная хитрость и мое необычай-

нае самоотверженіе. Нѣмного найдете шпецовъ, которымъ бы пришелъ въ голову подобный планъ, а еще менѣе такихъ; которые бы могли его исполнить.

Впрочемъ, кромѣ бездѣльной пользы для меня отъ продажи Дюссисова плафорта, который я надѣлъ, какъ читатель помнитъ, съ плеча его, и отъ находки мною въ карманахъ оваго пятифунтовой ассигнаціи, — кромѣ этого, говорю, малую получь адвокатъ пользу отъ моего плана. Но Франція не Великобританія; челоѣка въ дивреѣ, объ одной рукѣ, легко узнать и словить; могу васъ завѣрить.

Такъ случилось и съ моимъ приндиаломъ. Онъ не могъ обмануть Парика, хотя бы хотѣлъ. Что сталося бы въ такомъ случаѣ съ его невѣстой, гербатою насыѣдицей? Онъ хорошо зналъ темпераментъ этой молодой леди и боялся упускать ее на долго изъ виду. У нея было девять тысячъ фунтовъ годоваго дохода. Она до того ужъ влюблялася разъ двѣдцать, а могла влюбиться опять. Почтенный Альджермонъ Дюссисъ понималъ, что нельзя слишкомъ полагаться на постоянство такой влюбчивой дѣвушки. Ужъ и то чудо, что она прежде не вышла замужъ; судя по сценамъ, которыя между нами происходили, нѣтъ кажется, она вышла бы за меня, еслибъ не была обольщена высшимъ званіемъ и внимательностью джентльмена, у котораго я находился писцомъ.

Фортуна вооружилась противъ него. Чтѣ было ему дѣлать? Онъ не могъ отдѣлаться отъ долговъ и не хотѣлъ покинуть прекраснаго предмета своей любви. Поэтому онъ принужденъ былъ скрываться, и выходя на свѣтъ ночью, какъ волкъ изъ лѣсу, возвращался на день въ свою засаду. Во Франціи правило, — если бъ придерживался того же и въ Англіи — послѣ сумерекъ никого нельзя схватить за долги, и во всѣхъ королевскихъ садахъ: Тюльери, Палероалъ, или Люксамбургъ, всякъ можетъ гулять съ утра до вечера, не боясь приказныхъ.

Итакъ адвокатъ находился въ непріятномъ положеніи: опаснее было ему оставаться въ Парижѣ; не хотѣлъ онъ и уйти; ночью изобразя на свѣтъ Вождя, чтобъ повидаться съ своей возлюбленной; съ трудомъ отдѣлывался отъ безпрестанныхъ въ распросовъ о причинѣ таинственныхъ его посѣщеній, и толковалъ о двухъ тысячахъ фунтовъ своего годоваго дохода, какъ

будто дѣйствительно получалъ его и не былъ дождень ни пѣйки.

Разумѣется, теперь онъ сталъ сильно заботиться о женитбѣ; принялся писать безпрестанно записочки, какъ дѣлалъ прежде миссъ Матильда; преклиналъ отсрочку, толковалъ объ удовольствіяхъ брачной жизни, о пламени, напрасно померавшемъ два любящія сердца, о безразсудствѣ — ожидать согласія лэди Гриффинъ; говорилъ, что она не больше какъ мачиха, и притомъ злая; что миссъ уже въ совершенномъ возрастѣ и можетъ выйти за-мужъ, за кого хочетъ, и что за лэди Гриффинъ много ужъ и той чести, что у нея спрашивали согласія.

Вотъ что любовитно: когда у Дьюссиса допытывался, отъ чего онъ не выходитъ со двора до вечера, онъ впадался въ заискусственность; миссъ Гриффинъ, когда у нея спрашивали, зачѣмъ она не хочетъ обѣднаться, выражала, или, скорѣй, не выражала подобной же тайны. Не тяжело ли это было? Чаша прикасалась къ губамъ обѣихъ, а между тѣмъ ни тотъ ни другой не могли добыться изъ нея капли.

Но однажды утромъ, на самое отчаянное посланіе, возмущенный Альджермонъ получалъ отвѣтъ отъ своей возлюбленной слѣдующаго содержанія :

Миссъ Гриффинъ къ благородному А. П. Дьюссису.

«Дражайшій, вы говорите, что готовы радѣвать со мной жизнью; къ-счастью, въ этомъ еще нѣтъ нужды! Вы жалуетесь на ушніе оттого, что бракъ нашъ отсроченъ. Возлюбленный, уже ли вы думаете, что сердце мое радуется разлуцѣ? Вы велите мнѣ пренебречь отказомъ лэди Гриффинъ, и говорите, что я исполнила въ отношеніи къ ней всѣ мои обязанности.

Обожаемый Альджермонъ! Я не могу отказывать вамъ больше. Я хотѣла-было не упустить единственнаго случая къ примиренію съ этой безчеловѣчной мачихой. Уваженіе къ памяти покойнаго родителя заставило сдѣлать все, что было въ моей силѣ, чтобъ получить согласіе ея на бракъ мой съ вами; могла ли я прятаться? самое благоразуміе указывало мнѣ на эту мѣру; потому-что кому бы она оставила честь нѣтъ, сдѣлающему ей менижъ отцомъ, какъ на дочери моего отца?

Но есть предѣлы, за которые не может простираться никакое терпѣніе; и, благодаря Богу, намъ не къ чему замскивать у лэди Гривфинъ для презрѣннаго богатства: мы обезпечены в боязъ нея. Не такъ-ли, дражайшій Альджернонъ?

И такъ, пусть будетъ по твоему, мой милый, мой несравненный другъ. Твоя бѣдная Матильда давно ужъ предала тебѣ свое сердце; ой не къ чему болѣе удерживать свое имя. Назначь часъ, я не стану откладывать долге, и въ объятіяхъ твоихъ найду убѣжище отъ презрѣнія и обидъ, преслѣдующихъ меня здѣсь.

Матильда.

P. S. О Альджернонъ! если бъ ты только зналъ, какую благородную роль игралъ твой дядя, дѣлая все возможное, чтобъ способствовать исполненію нашихъ плановъ и способствъ въ нашу пользу лэди Гривфинъ. Не омы виноваты, что она не умолила. Посылаю тебѣ записку отъ нея къ мистру Крабсу; мы скоро посмѣемся надъ ней, не правда-ли?

II.

Сэръ, — въ отвѣтъ на просьбу вашу о согласіи на бракъ миссъ Гривфинъ съ вашимъ племянникомъ, мистромъ Альджернономъ Дьюсисомъ, мнѣ остается повторить только то, что я вынуждена была необходимою сказать намъ и прежде. По убѣжденію моему, бракъ моей падчерицы съ молодымъ человекомъ, такимъ какъ мистръ Дьюсисъ, не представляеть ручательства на ея счастье, и потому я отказываю въ моемъ согласіи. Прошу васъ сообщить содержаніе этой записки мистру Дьюсису, и умоляю не напоминать мнѣ болѣе ни слова о предметѣ, который, какъ вы сами, вѣроятно, чувствуете, не можетъ не быть для меня крайне тягостнымъ. Остаюсь готова къ услугамъ

Л. Э. Гривфинъ.

Высокоблагород. мистру Крабсу.

— Чертъ побери эту лэди Гривфинъ! восклицаетъ мой вражній принципалъ. Мнѣ какое до этого дѣло? Что касаетса до старика дяди, который оказалъ въ настоящемъ случаѣ такую родительскую заботливость, то Дьюсисъ вполне оцѣнилъ его безкорыстіе. По мнѣнію Альджернона, мистръ Крабсъ зналъ, что

онъ беретъ за женой десять тысячъ фунтовъ годового дохода, и потому ожидалъ получить нѣкоторую долю въ будущиѣмъ благахъ. Въ-слѣдствіе этого племянникъ написалъ дядѣ слѣдующее письмо, не забывъ сочинить пламенную записочку къ барышнѣ: —

— Благодарю васъ, любезнѣйшій дядюшка, за ваше доброе участіе въ настоящемъ пріятномъ дѣлѣ. Вы знаете, въ какомъ нахожусь я теперь стѣсненномъ положеніи, и можете понимать причины моего безпокойства. Бракъ съ возлюбленной Матильдой сдѣластъ меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Милая дѣвушка согласна, и смѣется надъ глупыми претензіями и чихи. Сказать вамъ правду, я удивляюсь, какъ она могла такъ долго подчиняться мнѣ. Подвиньте вашу доброту еще далѣе, пріищите намъ пастора, доставьте увольненіе отъ оглашенія и соедините насъ. Мы оба совершеннолѣтніе, такъ что согласіе опекуновъ не нужно.

Душевно любящій васъ

Альджернонъ Дьюсисъ.

«Какъ мнѣ прискорбно, когда вспомню о размолвкѣ, происшедшей между нами нѣсколько времени назадъ! Теперь обстоятельство перемѣнилось и еще болѣе перемѣняется послѣ свадьбы.»

Я зналъ, что разумѣлъ подъ этимъ племянникъ: онъ хотѣлъ сказать, что послѣ брака дастъ старому дядѣ денегъ; и какъ по всей вѣроятности, письмо это будетъ показано невѣстѣ, то Дьюсисъ написалъ его такъ, чтобъ она не могла видѣть слиткомъ ясно настоящаго его непріятнаго положенія.

Я доставилъ это письмо вмѣстѣ съ нѣжной записочкой по адресу, и дорогой прочелъ то и другое. Миссъ, получивъ записочку, закатила глаза до бѣжковъ, поцѣловала ее и прижала къ груди. Мистръ Крэбсъ прочелъ письмо совершенно холодно и потомъ заговорилъ съ барышней, а меня просилъ обождать для полученія отвѣта.

Послѣ долгаго переговоровъ, старикъ вынулъ карточку, на которой было написано только это:

Завтра у Короткохвоста въ двѣнадцать.

доставить это мистру Дьюсену промолвилъ онъ; да скажите, чтобы не опоздалъ.

Можете быть увѣрены, что я не замѣнкалъ, и передалъ Дьюсену карточку и бумагу. Онъ остался доволенъ тѣмъ и другимъ; но радости въ немъ не замѣчалось: да могъ ли онъ быть веселъ, когда невѣста — уродъ, будь она какая угодно Клариона.

Готовясь проститься съ холостой жизнью, онъ сдѣлалъ то, что долженъ сдѣлать каждый въ подобныхъ обстоятельствахъ: заготовилъ завѣщаніе, то-есть, распорядился своею собственностью и послалъ письма къ своимъ кредиторамъ, извѣщая ихъ о своемъ счастьи и общая сейчасъ послѣ свадьбы расплатиться съ ними до копѣйки. До того времени, какъ сами они должны знать, всякая уплата, при его безденежьи, невозможна.

Наде отдать ему справедливость, что Дьюсенъ теперь быть готовъ сдѣлать честное дѣло, такъ какъ оно ничего ему не стоило.

— Мистръ Чарльзъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ десятифунтовую ассигнацію; вотъ ваше жалованье; спасибо, что избавили меня отъ бѣды: когда женюсь, я сдѣлаю васъ кастелланомъ и утрою ваше жалованье.

Да, подумалъ я, дѣло не дурное: быть кастелланомъ у адвоката съ десятью тысячами фунтовъ годового дохода. И что же дѣлать? Ничего: читать его записки, отнукать бакенбарты; наряжаться въ черныя фракъ, надѣвать каждый день чистую рубаху; вечеромъ пить чай съ пирогами; разъ въ недѣлю буду ходить въ оперу на его счетъ. Я знаю, что значить кастелланъ и могу сказать, что жизнь его вѣрнее счастливіе, беззаботнѣе самаго принца. Денегъ у него всегда много, а что до вкуснаго обѣда, да хорошаго вина, такъ будь только дружить съ дворецкими, а дворецкій навѣрно пойметъ свои интересы.

Но это только воздушныя замки. Мнѣ не было суждено быть кастелланомъ мистра Дьюенса.

Никонекъ Аврора зарумянила благодатное утро, которое должно было соединить узлами Гиманей Перси Дьюенса, и миссъ Митчелду Гринъ-филъ. Гардербъ у жениха былъ не такъ форт. СХХV. — Отд. II.

гать, какъ бывало прежде; потому что воѣ блестящіа негр-мушки, шлафроки, чудный музей лакированныхъ сабогъ, любопытную коллекцію платья отъ Штульца и Штауба, онъ принужденъ былъ покинуть, при внезапномъ бѣгствѣ изъ несчастной, дорогой сердцу квартиры въ отель Мирабо; онъ зашелъ никогнито къ пріятелю своему, и удовольствовался заказомъ пары платья у посредственнаго портнаго, съ достаточнымъ количествомъ бѣлья.

Вотъ онъ надѣлъ лучшій изъ фраковъ, голубой; и я счелъ обязанностью спросить его, не нуженъ ли ему опять шафрокъ: но онъ былъ такъ добръ, что сказалъ: Возьмите его къ себѣ, и убирайтесь съ нимъ. Въ половинѣ двѣнадцати, меня просили посмотрѣть у воротъ, нѣтъ ли подозрительныхъ людей (а у меня было удивительное чутье на бамя; и глазъ такой, что за угломъ бы увидалъ); тутъ подъѣхала скромная зеленая карета, и Дьюсисъ сѣлъ въ экипажъ. Я выбралъ кратчайшій путь, и пошелъ какъ можно скорѣе въ улицу предмѣстья С-тъ Онорэ, гдѣ жилъ его превосходительство, посланникъ, и гдѣ обыкновенно вѣщаются Англичане, живущіе въ Парижѣ.

* * * *

Подлѣ посольскаго отеля, стоятъ другой отель, того низшаго разряда, который Французы называютъ Кабарэ, или погребокъ; и ровно въ ту минуту какъ зеленая карета Дьюсиса остановилась, къ подъѣзду подъѣхала другая карета, изъ которой вышли двѣ, хорошо навѣстныя миѣ барышни: должно сказать, что одна была съ горбомъ, и смѣтливый читатель догадается, зачѣмъ она сюда пожаловала; другая была бѣдная миссъ Кикси, сопровождавшая её.

Я находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей, когда наша карета, какъ я сказалъ, подъѣхала и остановилась. Кучеръ слѣзаетъ съ козелъ, чтобъ отворить дверцы; я идухожу и подаю мистру Дьюсису руку, какъ вдругъ, изъ сосѣдняго погребка выгѣзаютъ четыре молодца и становятся между каретой и дверьми посольскаго отеля; два другіе молодца идутъ на другую сторону кареты, и одинъ изъ нихъ отворивъ дверцы экипажа, говоритъ: Слазайтесь, мосье Дьюсисъ! Я васъ арестую во имя закона. Дьюсисъ поблѣднѣлъ какъ трупъ,

и прыгнулъ на другую сторону экипажа, будто змѣя ужалла его. Торопливо отворявъ дверцы, онъ хотѣлъ-было выскочить; и швырнулся на четырехъ молодцовъ, которые стояли между нимъ и его свободой. Вотъ онъ опускаетъ переднее стекло, и отчаянно кричитъ кучеру: ступай; но кучерь не хотѣлъ двигаться съ мѣста, и притомъ не былъ на козлахъ.

Коротко и ясно: только-что я подошелъ къ дверцамъ, какъ двое приказныхъ влѣзли въ карету. Я все видѣлъ, и сталъ пригорюнился въ сторонѣ.

— Ва, говорить одинъ изъ молодцовъ на улицѣ: это тотъ самый плутъ, что надулъ насъ въ прошлый разъ. — Я узналъ ихъ, но мнѣ было не до смѣху.

— Куда-жъ ѣхать! спрашиваетъ кучерь у джентльмена, который сидѣлъ въ экипажѣ.

Толстый голосъ изъ кареты раздался въ отвѣтъ кучеру: въ тюрьму С-тъ Пелажи.

Теперь, можетъ статья, мнѣ слѣдовало бы описать замъ тюрьму С-тъ Пелажи; но я признаться чувствую нѣкоторую робость говорить объ этомъ предметѣ, частью потому, что дивный Боцъ, въ исторіи мистра Пиквика, представилъ такое описаніе тюрьмы, что послѣ него мой очеркъ не могъ бы быть занимательнымъ; частью, сказать по совѣсти, потому, что я недолго оставался въ С-тъ Пелажи, такъ какъ не намѣренъ былъ истратить по-пусту свое существованіе, проведя годы юности въ такомъ скучномъ мѣстѣ.

Первымъ порученіемъ мнѣ отъ Дьюсиса какъ вы сами легко можете вообразить, было — отнести записочку отъ него къ нарѣченной его невѣстѣ.

Битыхъ два часа бѣдняжка прождала жениха въ посольскомъ отелѣ; и не видя его, принуждена была наконецъ съ горемъ отправиться домой, гдѣ я уже ожидалъ ее съ несомнѣнъ отъ Амьдерсона.

Теперь не къ чему было скрывать арестъ, и женихъ въ запискѣ своей откровенно сознавался въ этомъ; но не хотѣлъ высказать просто, и сочинилъ какую-то чепуху о коварствѣ друга, о безчестномъ вѣроломствѣ, и Богъ вѣсть о чемъ. Впрочемъ, это все равно: наивши онъ, что его обманулъ пріятель съ душой, миссъ Грисонъ повѣрила бы ему на слово.

Милая Гриффинъ не появлялась теперь ни при одномъ моемъ визитѣ. Она всегда сидѣла въ гостиной, а миссъ обѣдала и жила одна въ другой комнатѣ; онѣ такъ много соорились, что можетъ статья и хорошо дѣлалн, что жила врознь: только сэръ Кребсъ обыкновенно видалъ обѣихъ, и утѣшала ихъ своимъ вкрадчивымъ краснорѣчіемъ. Онъ вошелъ въ ту минуту, когда миссъ, вся въ слезахъ, слушала мой отчетъ объ арестѣ Дьюиса, и воображая, что тюрьма страшное мѣсто, съ гнилымъ казематомъ, суровымъ тюремщикомъ и отвратительнымъ хлѣбомъ и водой. Она набралась мыслей о тюрьмахъ изъ романовъ, которые читала!

— Ахъ, милордъ, милордъ, вскричала она: слышали-ль вы эту рашовую вѣсть?

— Милая Матильда, что такое? Рядъ Бога, не пугайте меня. Какъ? — Что? — Не можетъ быть! Говорите! сказала старикъ, схвативъ меня за руку: что случилось съ юнымъ племянникомъ?

— Позвольте доложить вамъ, сказала я: что въ настоящую минуту не больше и не меньше, какъ въ тюрьмѣ: часа два назадъ арестованъ.

— Въ тюрьмѣ! Альджервонъ въ тюрьмѣ! возможно ли? Въ тюрьмѣ! Какъ великъ долгъ? Скажите, и я заплачу за него все, что мнѣю.

— Знаю, что вы всегда очень милостивы, оказалъ я, принимая сцену между нимъ и племянникомъ, у котораго онъ хотѣлъ подтибрить тысячу фунтовъ: навѣрно, вы съ радостью узнаете, что онъ арестованъ за бездѣлицу. Всего-на-все, пять тысячъ или около.

— Пять тысячъ фунтовъ! Чортъ возьми! воскричалъ Кребсъ, вѣзднувъ руками и поднявъ глаза къ потолку: а у меня нѣтъ и пяти-сотъ! Дорогая Матильда, какъ бы ему помочь?

— Увы, сэръ, у меня всего три гинен, а вы знаете, какъ люди Гриффинъ.

— Да, милая миссъ, я знаю, что вы хотите оказать; но не упавайте; у Альджервена, вы знаете, есть свой капиталъ.

— Полагая, что Кребсъ разумѣетъ пять тысячъ фунтовъ, истраченные у Даукиса, отъ которыхъ навѣрно остался перлачанный кусочекъ, я придержалъ языкъ; но ни какъ не могъ удерж-

жаться отъ удивленія: откуда у мистра Крэбса взялось такое состраданіе къ племяннику, и какъ это у миссъ, при десяти тысячахъ фунтовъ годоваго дохода, только три гинеи въ карманѣ?

Я понесъ домой — сохрани Боже отъ такого дому! — длинное, пламенное письмо отъ миссъ, въ которомъ она описывала свою собственную скорбь; клялась, что еще болѣе любить его въ несчастіи; представляла это несчастіе въ отрадномъ видѣ; говорила, что не стоитъ унывать изъ-за такой бездѣлицы, какъ пять тысячъ фунтовъ, особенно человѣку, который имѣетъ независимое состояніе; обещалась, что никакая сила обстоятельствъ не заставитъ ее разлучиться съ нимъ, и проч. и проч.

Я передать Дьюенсу разговоръ, который происходилъ между мной и Крэбсомъ; упомянулъ о его великодушномъ предложеніи и его скорби при вѣсти объ арестѣ; не забылъ также напомнить о моемъ удивленіи, что у барышни, съ такимъ богатствомъ, только три гинеи въ кошелькѣ: а я, ей Богу, думаю, что она всегда должна имѣть при себѣ по-крайней-мѣрѣ сотню тысячъ фунтовъ!

На это Дьюенсъ отвѣчалъ односложнымъ восклицаніемъ; однакожь остальная часть моего разсказа о дядѣ, обезпочила его, и онъ заставлялъ меня повторить исторію.

Тутъ онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ большомъ волненіи; казалось, будто новый свѣтъ озарилъ его.

— Мистръ Чарльзъ, сказалъ онъ: не замѣтили ли вы, что миссъ — что мой дядя слишкомъ въ короткихъ отношеніяхъ съ миссъ Гриффинъ?

— Что вы подъ этимъ разумѣете, сэръ? спросилъ я.

— Не слишкомъ ли любезничаетъ Крэбсъ съ миссъ Гриффинъ?

— Правда, онъ очень любезенъ съ ней.

— Ну, говорите безъ обиняковъ: не слишкомъ ли внимательна къ нему миссъ Гриффинъ?

— Сказать правду, сэръ: она, кажется, очень внимательна къ нему.

— Какъ онъ называлъ ее?

— Милая миссъ, дорогая миссъ.

— Бралъ ее за руку?

— Да, и —

— Ну, что?

— Цѣловалъ ее, приговаривая, чтобъ она не сокрушалась о несчастіи, которое съ вами случилось.

— Теперь понимаю! вскричалъ Дьюсисъ, поблѣднѣвъ какъ смерть и сжавъ руку въ кулакъ: теперь понимаю? Онъ готовъ отнять ее у меня! — И тутъ послышались проклятія....

Я самъ давно думалъ тоже, и когда Крѣбсъ приходилъ съ м-зитомъ къ господамъ Гриффинъ, и любезничалъ съ ними, я предполагалъ, что онъ затѣваетъ какую-нибудь штуку. Дѣйствительно: я слышалъ отъ слугъ госпожъ Гриффинъ, что старина черезъ-чуръ ухаживаетъ за барынями.

Впрочемъ человѣку съ такимъ умомъ, какъ Дьюсисъ, положеніе вещей было ясно: онъ или долженъ былъ жениться на дѣвушкѣ безъ отлагательства, или потерять надежду, когда нибудь получить ея руку. Онъ долженъ былъ выбраться изъ тюрьмы тотчасъ же, или мѣсто его заступить почтенный его дядюшка. О, онъ теперь все понималъ! И первая попытка арестовать его, и назначенный для свадьбы часъ, и появленіе балли, для воспренятствованія браку, все это стало ясно, какъ день! Можетъ быть и дуэль между нимъ и между де л'Орженъ произошла изъ того же источника.

Но, что бы тамъ ни было, Дьюсисъ видѣлъ ясно, что всѣмъ обязанъ онъ дядюшкѣ: и первой западной, изъ которой онъ ускользнулъ благодаря моей находчивости; и второю, которая удалась Крѣбсу лучше первой. А старикъ, мнѣ кажется неспособенъ сдѣлать гадкое дѣло, изъ желанія только сдѣлать гадость. Онъ достигъ до той высоты, что не думалъ объ обидахъ; смотрѣлъ на нихъ какъ на пустыни; наносилъ нѣ другому, и самъ принималъ ихъ безъ малѣйшей злобы. Если онъ хотѣлъ обидѣть племянника, то вѣроятно для собственной выгоды. Но какимъ образомъ достичь этого? Мистръ Дьюсисъ не высказалъ этого именно, но я понималъ его мысль: онъ жалѣлъ, что не далъ почтенному дядюшкѣ денегъ, которыхъ тотъ просилъ.

Бвднѣжка! онъ думалъ, что попалъ въ цѣль; а на самомъ дѣлѣ далеко промахнулся.

Но что же дѣлать? Ясно, что онъ долженъ во всякомъ случаѣ жениться на барышнѣ — куть ки куть, такъ говорятъ Французы; жениться и дѣло въ шляпѣ.

Для этого необходимо было прежде всего выбратъся изъ тюрьмы; а чтобъ выбратъся, нужно было заплатитъ долги, а чтобъ заплатитъ долги, нужно было отдать все, что онъ имѣлъ, до нитки. Но что за бѣда! Настоящему игроку четыре тысячи фунтовъ — бездѣлица, особенно когда приходится поставитъ ихъ на карту или сгнить въ тюрьмѣ. При счастья, на эти деньги ему можно будетъ пріобрѣсть десять тысячъ фунтовъ годового дохода.

И такъ, видя, что дѣлать больше нечего, онъ рѣшился и сообразно тому написалъ слѣдующее письмо къ миссъ Гриффинъ:

«Обожаемая Матильда, ваше письмо было великимъ утѣшеніемъ для несчастнаго, который надѣялся, что настоящій вечеръ будетъ блаженнѣйшимъ въ его жизни, и вдругъ видитъ себя обреченнымъ провести его въ стѣнахъ тюрьмы. Вамъ извѣстенъ проклятый заговоръ, ввергнувшій меня въ эти узы, и та безумная дружба, которая обошлась мнѣ такъ дорого. Но что нужды? У насъ, какъ и вы говорите, остается еще довольно, хоть бы мнѣ пришлось удовлетворитъ эту безстыдную претензію, и пять тысячъ фунтовъ — ничто, въ сравненіи съ блаженствомъ, котораго я лишаяюсь, находясь въ разлукѣ съ тобою! Но не унывай! Если я сдѣлаю жертву, то единственно для тебя, и я былъ бы варваръ, безъ души, если бы позволилъ себѣ хотя на минуту, собственные потери положить на одни вѣсы съ твоимъ счастіемъ».

«Не такъ ли моя возлюбленная? Не связано ли твое счастье съ моимъ, узами души? Я горжусь, когда объ этомъ подумаю, и съ гордостью приношу тебѣ это слабое доказательство глубины и чистоты моей любви.»

«Скажи, что ты останешься на вѣкъ моею; скажи, что ты бѣдешь моею завтра же, и завтра я сброшу эти позорныя цѣпи, и снова буду свободенъ, или если связанъ, то связанъ только съ тобою! Обожаемая Матильда! моя нареченная! пиши ко мнѣ, прежде чѣмъ наступитъ ночь; я не въ состояніи буду сомкнуть глаза на моемъ тюремномъ изголовьѣ, пока не осчаст-

ливить ихъ возвращеніе на два, три слова отъ тебя! Пиши ко мнѣ, любовь моя! пиши! Я томлюсь по отвѣтѣ, который съестъ или погубитъ меня на вѣки».

Тебя любящій

А. П. Д.

Отшлифовавъ это письмо, Дьюсисъ поручилъ мнѣ доставить его по адресу; причемъ просилъ, чтобъ я постарался отдать его барышнѣ собственноручно и безъ постороннихъ. Я побѣжалъ въ домъ къ господамъ Гриффинъ, нашелъ барышню, какъ желалъ, одну-единехоньку, и подалъ ей надушенную записочку.

Она прочла: вздохи, которые она испускала, слезы, которыя она пролила, превосходятъ всякое описаніе. Она такъ плакала и вздыхала, что я боялся за нее. Она схватила меня за руку, и сказала: мистръ Чарльзъ, онъ груститъ, онъ въ отчаяніи?

— Совершенно такъ, мадамъ, отвѣчалъ я; клянусь честью, что едва ли кто можетъ быть грустнѣе и въ большемъ отчаяніи.

Выслушавъ это трогательное замѣчаніе, она вдругъ собралась съ духомъ: сѣла за письменный столъ, и сейчасъ же ошастливила моего адвоката отвѣтомъ. Вотъ онъ на лицо:

«Моя полоненная пташечка не грусти болѣе, но лети домой къ свое гнѣздо, въ эти объятія! Обожаемый Альджернонъ, я жду тебя завтра, на томъ же мѣстѣ, въ тотъ же часъ. Тогда, тогда никакая сила не разлучитъ насъ, кромѣ смерти.

М. Г.

Этотъ приторный слогъ, какъ водится, происходитъ отъ чтенія романовъ и отъ желанія блеснуть мелкимъ литераторствомъ. По-моему гораздо лучше вовсе не знать искусства сочинять, и писать подъ диктовку сердца. Вотъ мой слогъ; я презираю искусственность и предаюсь натурѣ; но *ревенонъ и но мутонъ*, какъ говорятъ наши континентальныя друзья: воротился къ нашему бѣльскому барашку, Альджернону Перси Дьюсису, къ сэру Крѣбсу, дядюшкѣ его; и этой нѣжной и деликатной, юной аглицѣ, миссъ Матильдѣ Гриффинъ.

Ровно въ ту минуту, какъ она складывала въ треугольничекъ вышеприведенную записочку; ровно въ ту минуту, какъ я, по данному наказу, хотѣлъ было говорить: миссъ, мистръ

Дьюсисъ былъ бы вамъ чрезвычайно обязанъ, еслибъ вамъ угодно было сохранить въ глубокой тайнѣ то, что имѣетъ совершиться завтра, — въ комнату вошелъ любезный дядюшка и я отступилъ къ дверямъ. Барышня не сказавъ ни слова, бросилась къ нему на шею, опять залилась слезами, но обыкновенно и показывая ему записку племянника, сказала: Посмотрите, мой любезный сэръ, посмотрите какъ благородно пишетъ ко мнѣ вашъ, нашъ Альджервонъ. Кто послѣ этого усомнится въ чистотѣ его несравненной любви?

Дядя взялъ записочку, прочелъ, разсмѣялся, и возвращая ее владѣльцу, сказалъ къ великому для меня изумленію: Милая миссъ Гриффинъ, правда, онъ пишетъ не шутя; и если вы намѣрены вступить въ этотъ бракъ безъ согласія вашей belle mère, то помните какія будутъ послѣдствія: впрочемъ вы можете дѣйствовать, какъ вамъ угодно.

— Послѣдствія? Стыдитесь, сэръ! Что значать деньги и всѣ расчеты для такихъ двухъ сердецъ, какъ наши?

— Сердца — вещь прекрасная, моя милая миссъ; но три па сто — еще лучше.

— Но развѣ у насъ нѣтъ своего состоянія, безъ пособія дяди Гриффинъ?

Графъ пожалъ плечами. Пусть по вашему, моя милая миссъ, сказалъ онъ. Будьте увѣрены, что у меня нѣтъ другой причины препятствовать браку, основанному на такой безкорыстной любви.

На этомъ разговоръ остановился. Барышня удалилась, сжавъ ручки и закативъ глаза до бѣлковъ. Крѣбсъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, засунувъ жирныя руки въ карманы; лицо его сіяло необычайною радостью; онъ напѣвалъ, къ крайнему моему изумленію:

Вотъ идетъ герой побѣдный!

Трала трала ла, трала трала ла.

— Распѣвая эту пѣсню, онъ учалъ бѣгать по комнатѣ какъ сумасшедшій. Я стоялъ и дивился: новый свѣтъ озарилъ меня. Значить, онъ не волочится за миссъ Гриффинъ! Дьюсисъ можетъ жениться на ней! Ужъ есть ли у ней деньги?

И такъ, я стоялъ какъ вкопанный, выпучивъ глаза, повѣсивъ

руки, открывъ ротъ, и перебирая толпившіяся у меня въ головѣ мысли; и когда Крэбсъ дошелъ до послѣдняго ла своей мѣсни, а я до слогу *день* моего вентрилокизма или внутренняго снача, размышленія наши, достигнувъ высшей точки, вдругъ были остановлены старикомъ, который, среди припадка пѣвнн и бѣганья, наткнулся на меня, такъ что я полетѣлъ на одинъ конецъ комнаты, а онъ на другой, и только послѣ продолжительнаго колебанья пришли мы наконецъ въ нѣкоторое равновѣсіе.

— Какъ, *вы* здѣсь, сказалъ онъ.

— Много чести, что вы изволили замѣтить меня, возразилъ я; и взглянувъ ему въ лицо, прибавилъ: я здѣсь.

Онъ сейчасъ увидѣлъ, что я знаю всё его штуки.

Посвиставъ не много, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать вслѣдствіе разъ, когда находился въ затруднительномъ положеніи (мнѣ кажется, онъ только посвисталъ бы, если бы ему сказали, что его черезъ пять минутъ повѣсятъ); посвиставъ не много, онъ вдругъ остановился, и потомъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Слушайте, мистръ Чарльзъ: свадьба должна быть завтра.

— Завтра, сэръ? сказалъ я; что касается до меня, то я не думаю.

— Стойте, любезный: если это не будетъ завтра, то что вы выиграете?

Это озадачило меня. Если свадьба не состоится, то я потеряю только мѣсто, потому, что у Дьюсиса, съ расплатой долговъ, не останется ни копѣйки; а мнѣ не по вкусу быть у него кастеланомъ въ тюрьмѣ или на тощакъ.

— Ну, продолжалъ Крэбсъ: чувствуете силу моихъ доводовъ? Теперь, взгляните сюда—и онъ вынулъ глянцовитую, свѣженькую, бѣлоснѣжную стофунтовую ассигнацію! Если мой племянникъ женится завтра на миссъ Гриффинъ, то вы получите эту бумажку; и сверхъ того, я предлагаю вамъ у себя мѣсто кастелана и удвою теперешнее жалованье.

Плоть моя немощна: не перенесла такого искущенія.—Послушайте, говорю я, приложивъ руку къ сердцу: только обезпечите меня, и я вашъ на вѣки.

Старина усмѣхнулся и потрепалъ меня по плечу.

— Такъ, мой любезный, возразилъ онъ; вы малый славный;

въ васъ будетъ прокъ. Вотъ вамъ лучшее обезпеченіе, — и онъ вынимаетъ опять бумажникъ, возвращаетъ стофунтовую бумажку на мѣсто, и достаетъ пятидесятифунтовую: вотъ вамъ половина сегодня, а завтра получите остальное.

У меня пальцы дрожали, когда я взялъ лоснящуюся, красивенькую ассигнацію, на такую сумму, какой у меня во весь нѣкъ еще не бывало. Я взглянулъ на цифру: дѣйствительно, пятидесятифунтовая, банковая ассигнація, на имя Леоноры Эмили Гриффинъ, и съ ея передаточною надписью. Кошка выскокнула изъ мѣшка. Теперь, благосклонный читатель, смѣкаете, въ чѣмъ дѣло?

— Помните же, съ этого дня, вы мой кастелланъ.

— Вы изволите осыпать меня своими милостями.

— Убирайтесь къ чорту, сударь, говоритъ Крѣбсъ: дѣлайте свое дѣло и держите языкъ за зубами.

Такимъ образомъ я перешелъ отъ мистра Альджернона Дьюсиса къ сэру Крѣбсу.

* * * * *

Возвратясь въ тюрьму, я нашелъ Дьюсиса запертымъ въ этомъ страшномъ жилищѣ, куда по дѣломъ привело его безпутство; и, должно сказать, что я почувствовалъ къ нему величайшее презрѣніе. Человѣкъ такой какъ онъ, оплетало, который отнялъ у бѣднаго Даукинса всѣ средства существованія; который надулъ своего товарища по плутовству, мистра Ричарда Блюнтта, и который женился по расчету на отвратительномъ уродѣ, какъ миссъ Гриффинъ, не заслуживалъ отъ меня ни малѣйшаго состраданія, и я рѣшился сохранить въ тайнѣ обстоятельства моего свиданія съ его дядей, новымъ моимъ принципаломъ.

Я подалъ Дьюсису полученный отъ миссъ Гриффинъ треугольникъ, который онъ прочелъ съ довольнымъ видомъ. Потомъ оборотясь ко мнѣ, онъ сказалъ: вы отдали мою записку барышнѣ, когда она была одна?

— Да, сэръ.

— Не обманываете?

— Нѣтъ.

— И вы совершенно увѣрены, что въ это время не было тамъ мистра Крѣбса?

— Совершенно увѣренъ, сказалъ я.

— Чортъ побери! Не въ службу, а въ дружбу, вычистите, сэръ, мою шляпу и фракъ, да наймите карету?

* * * *

Я исполнилъ его просьбу и возвратясь, нашелъ Дьюсиса въ торреинной канцеляріи. Чиновникъ держалъ огромный списокъ, и разговаривалъ съ нимъ, какъ водится, по французски; множество арестантовъ стояли и смотрѣли съ любопытствомъ.

— Изволите видѣть, сударь, говоритъ онъ: долгъ простирается до 98,700 франковъ; а съ проторями и процентами, вся сумма составляетъ сто тысячъ франковъ, безъ тринадцати.

Дьюсисъ величественно вынимаетъ изъ бумажника четыре тысячи фунтовъ ассигнаціями. — Эти деньги не французскія; но я полагаю, что вы ихъ знаете, господинъ чиновникъ; говорить Альджеронъ.

Повытчикъ обратился къ старому Соломону, мѣнялъ, который тутъ случился — потому что двое изъ его должниковъ содержались въ тюрьмѣ: Ассигнаціи годятся, сказалъ онъ: я возьму ихъ за сто одну тысячу двѣсти франковъ, и надѣюсь милостивый государь еще увидѣться съ вами.

— Хорошо, возразилъ повытчикъ: я знаю, что ассигнаціи годятся; сейчасъ дамъ сдачи, и прикажу васъ освободить.

Что и было исполнено. Бѣдные должники вздохнули, когда тяжелая, желѣзная дверь размахнулась, и опять залопнула, а Дьюсисъ пошелъ вонъ вмѣстѣ со мной, дышать свѣжимъ воздухомъ.

Онъ оставался въ тюрьмѣ только шесть часовъ, и вотъ онъ опять на свободѣ и завтра же будетъ имѣть за женой десять тысячъ фунтовъ годового доходу. Но не смотря на все это, онъ былъ блѣденъ и грустенъ. Дьюсисъ разстался съ своимъ капитальцемъ, и выходя изъ тюрьмы, имѣлъ при себѣ только пятьдесятъ фунтовъ всего достоянія.

Но чтожь дѣлать? Когда денегъ нѣтъ не упывай, а думай, какъ бы достать ихъ. Дьюсисъ послѣдовалъ этому правилу. Онъ воротился въ отель Мирабо, гдѣ нанялъ квартиру богаче первой, и я скоро пересказалъ Тоанеттѣ и прочимъ слугамъ,

какъ достигнута Дьюисъ и какъ равнодушно вынулъ онъ четыре тысячи фунтовъ, словно воды далъ хлѣбнуть. По слѣдствіемъ моихъ похвалъ было то, что всѣ стали смогрѣть на насъ съ любовью и уваженіемъ, а обрадованная зовѣйка назначила цѣну за квартиру вдвое больше того, какую взяла бы безъ моихъ рассказовъ.

Итакъ, Дьюисъ нанялъ великолѣпную квартиру на недѣлю, карету четверней, на завтра, чтобъ ѣхать въ Фонтенбло, ровно въ двѣнадцать; и устроивъ все такимъ образомъ, преспокойно отправился въ Рошв-де-канкаль, гдѣ пообедалъ съ анкетитомъ; потому что былъ ужъ десятый часъ. Онъ не покушался на шампанское и въ этотъ вечеръ, могу вамъ доложить: называть, что когда я несъ къ миссъ Гриффинъ записочку Альджернона, съ извѣстіемъ объ его освобожденіи, барышня, замѣтила по походкѣ и голосу мое волненіе, и сказала: Добрый мистръ Чарльзъ! событія настоящаго дня совсѣмъ разстроили его.

IX.

СВАДЬБА.

Наступилъ олдѣующій день: въ двѣнадцать, карета четверней стояла у посольскаго модѣлада; миссъ Гриффинъ и вѣрная Кикси не опоздали ни минуты.

На стану описывать свадебной церемоніи, какъ капеланъ посольской церкви соединилъ руки этой любящей юной четы, какъ одинъ изъ посольскихъ чиновниковъ былъ приглашенъ въ свидѣство, какъ барышня плакала и ушла по обыкновенію: на обмерокъ, и какъ Дьюисъ взялъ съ собою, въ беззамятствѣ на открытій воздухъ, посадилъ въ карету и повезъ въ Фонтенбло, гдѣ молодымъ должная была провести первую недѣлю маю доваго мѣсяца. Они не взяли съ собой никакой прислуги, потому что, хотѣли какъ говорили они, быть одни. Итакъ, захлопнувъ дверцы и приказавъ кучеру ѣхать, я распростился съ Альджернономъ, и отправился прямо къ его дядюшкѣ.

— Конечно, мистръ Чарльзъ? сказалъ онъ.

— Ровно въ четверть перваго мѣсяца отъ мѣсяца, сэръ, отвѣчалъ я.

— Отдали миссъ Гриффинъ бумагу, какъ я вамъ показывалъ, передъ свадьбой.

— Отдалъ въ присутствіи мистра Брауна; человекъ посольскій присягнетъ, что видѣлъ ее въ рукахъ барышни.

Я долженъ сказать, что Крэбсъ давалъ мнѣ прочесть бумагу, написанную рукой лэди Гриффинъ, которую мнѣ поручено было передать, какъ выше объяснено. Вотъ ее содержаніе;

«По власти, предоставленной мнѣ завѣщаніемъ покойнаго супруга, я воспрещаю бракъ миссъ Гриффинъ съ благороднымъ Альджернономъ Перси Дьюсисомъ. Если миссъ Гриффинъ остается при своемъ намѣреніи, то предупреждаю, что она подвергнется всѣмъ послѣдствіямъ своего поступка.

Леонора Эмили Гриффинъ.

Улица Риволи, 8 мая 1818 г.

Когда я подалъ эту записку барышнѣ, при входѣ во дворъ, за минуту до пріѣзда Дьюсиса, она прочла ее съ презрѣніемъ, и сказала: я смѣюсь надъ угрозами лэди Гриффинъ, — и разорвавъ записку на двое, пошла далѣе, объ руку съ вѣрной и обязательной миссъ Кикси.

Я поднялъ лоскутки, изъ опасенія какого-нибудь неприятнаго случая, и отнесъ ихъ къ Крэбсу. Впрочемъ, нужды въ этихъ лоскуткахъ не представлялось, потому что онъ оставилъ у себя копію, и прежде чѣмъ отправилъ записку по адресу, далъ ее прочесть мнѣ и еще одному свидѣтелю, адвокату лэди Гриффинъ.

— Ладно! сказалъ Крэбсъ; и при томъ вынулъ изъ портфеля парочку къ прекрасной пятидесяти фунтовой ассигнаціи, которую онъ далъ мнѣ вчера. Видите, мистръ Чарльзъ, я держу свое слово, прибавилъ онъ. Вы поступаете къ лэди Гриффинъ, въ домоправители. Ступайте же къ Фрошэ, и окмирируйтесь приличнымъ образомъ.

— Но, сэръ, возразилъ я: по условію, я долженъ былъ поступить не къ лэди Гриффинъ, а къ —

— Это одно и тоже, сказалъ онъ, и отошелъ прочь.

Я отправился къ мосье Фрошэ и узналъ, что кучеръ нантъ и Мертимеръ также были у портнаго. Дневная млада перемѣнилась и принимала тотъ самый цвѣтъ, какого была

того лакея, который служилъ у мистра Дьюсиса, и будь я мещеникъ, если на пуговицахъ — не корона огромнѣйшаго размѣру, вмѣсто льва, который красовался въ гербѣ госпожѣ Грисоннѣ.

Я, впрочемъ, не сталъ дѣлать распросовъ, далъ снять съ себя мѣрку и почсвалъ ужъ на Вандомской площади.

Я купилъ себѣ туалетъ, ящикъ о-де-колоню, нѣсколько дюжинъ полотнянаго бѣлья и шейныхъ платковъ, и много другихъ вещей необходимыхъ человѣку, въ моемъ званіи. Я довершилъ дѣло, написавъ прежнему своему принципалу слѣдующе вѣжливое письмо:

Чарльзъ Желтоплюшъ, къ сэру А. П. Дьюсису.

Сэръ, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь въ послѣдній разъ быть вамъ полезенъ, случились обстоятельства, которые отнимаютъ у меня дальнѣйшую возможность оставаться у васъ. Буду крайне обязанъ, если прикажете отпустить мои вещи, когда онѣ возвратятся отъ прачки, въ субботу.

Вашъ покорный слуга

Чарльзъ Желтоплюшъ.

Вандомская площадь.

Ореграфія этой записки была престрашная, по *кэзулеву*? Мнѣ было тогда всего восемнадцать, и я тогда еще не имѣлъ того навыка въ сочиненіи, какой приобрѣлъ впоследствии.

Такимъ образомъ, исполнивъ свою обязанность расказчика во всѣхъ отношеніяхъ, я перехожу въ слѣдующей главѣ, къ описанію того, что случилось въ новомъ моемъ мѣстѣ.

Х.

Медовый мѣсяць.

Недѣля въ Фонтенбло быстро прошла, и подъ конецъ ея, яшъ племянникъ и падчерица, парочка юныхъ голубковъ, воротилась въ свое гнѣздо, въ отель Мирабо. Подозрѣваю, что голубку порядкомъ наскучила ужъ его голубка.

По пріѣздѣ, первое что они нашли на столѣ, былъ большой узелъ, завернутый въ серебряную бумагу, газета и ширя визитныхъ карточекъ, перевязанныхъ бѣлой ленточкой. Въ узлѣ заключалась огромная раамѣра баба, съ коранкой и сахаромъ.

На карточкахъ надписи готическими буквами: Крэбсъ, и маленькими итальянскими буквами: мадамъ Крэбсъ.

Въ газетѣ была слѣдующая статья:

Бракъ въ большомъ свѣтѣ. Въ отелѣ британскаго посольства, высокоблагородный Джонъ Августъ Алътамонтъ плантажистъ, сэръ Крэбсъ, сочетался бракомъ съ Леонорой Эннлей, вдовой покойнаго генералъ-лейтенанта сэра Джоржа Гриффина, кавалера ордена бани. Счастливой четѣ данъ былъ изданный *dejeuné* сэромъ Короткохвостымъ, который былъ у невѣсты посаженнымъ отцомъ. Избранное общество удостоило своимъ присутствіемъ столъ и обрядъ бракосочетанія. Сэръ и лэди Крэбсъ предполагаютъ провести нѣсколько недѣль въ Сентъ-Клу.

Вышеупомянутые документы, равно какъ и моя вышивалая записочка, съ которой я представилъ также копію, встрѣтилъ мистръ и мистрисъ Дьюсисъ, при обратномъ прїездѣ изъ изъ Фонтенбло. Какъ я не присутствовалъ при этомъ случаѣ, то я не могу знать, что сказали мистръ Дьюсисъ, но могу себѣ вообразить, какую кислую рожу оостроили и онъ и его бѣдная супруга. Они не намѣрены были отдыхать послѣ утомительнаго путешествія, потому что, черезъ полчаса послѣ прїезда въ Парижъ, лошадей снова запрягли въ экипажъ, и молодые прикатили къ намъ въ загородный домъ, въ Сентъ-Клу, чтобъ помѣшать нашимъ чистымъ наслажденіямъ супружеской любви.

Мистръ Крэбсъ дозволилъ сидѣть въ малиновомъ атласномъ шлафрокѣ, развалился на софѣ у открытаго окна, и курилъ по обыкновенію сигару; а милэди, которая, надо отдать ей справедливость, не бѣлалась табаку, занималась на другомъ концѣ комнаты работою: вышивала туфельки, разные подушечки, футлярчики, и другія бездѣлушки. Взглянувъ на нихъ, вы подумали бы, что они ужъ цѣлый вѣкъ женаты. Вотъ, я перерываю этотъ супружескій тетатеть, и говорю, въ тревогѣ сэръ, племянникъ вашъ пожаловалъ съ супругой.

— Ну, возражаетъ мнѣ мистръ Крэбсъ, предваднопрошлое чтожъ дальше?

— Мистръ Дьюсисъ! вскрикиваетъ милэди, всрочивъ съ дивана въ испугъ.

— Да, моя милэди, племянникъ; но чего жъ ты испугалась?

Пожалуйста, мистеръ Чарльзъ, прикажите сказать имъ что люди Крэбсъ и я рады видѣть мистра и мистрисъ Дьюсисъ; пусть они извиняютъ, что мы принимаемъ ихъ за-просто. Садись, моя дорогая; будь хладнокровнѣе. Достала шкатулку съ бумагами?

Милэди указала на большую зеленую шкатулку, ту самую, въ которой она перебирала бумаги, когда Дьюсисъ въ первый разъ увидѣлъ ихъ; потомъ подала Крэбсу золотой ключикъ. Я вышелъ, встрѣтилъ Дьюсиса и жену его на лѣстницѣ, и вѣжливо поклонился.

Крэбсъ не всталъ и продолжалъ курить, по обыкновенію; можетъ статься, торопливѣе: навѣрно сказать не могу; милэди сидѣла прямо и гордо. Вошелъ Дьюсисъ; лѣвая рука была подвязана; правою велъ онъ жену и держалъ шляпу. Онъ былъ блѣденъ и тревоженъ; жена его, бѣдняжка! закрывъ лице носовымъ платкомъ, плакала на зарыдѣ.

Миссъ Кикси, которая была тутже въ комнатѣ (я не упомянулъ объ ней, потому что въ нашемъ домѣ она значила меньше чѣмъ ничто), подбѣжала къ мистрисъ Дьюсисъ и бросилась обнимать ее: у Кикси была добрая душа, и я уважаю ее за это. Бѣдная горбунья упала въ объятія къ миссъ, съ какимъ-то раздражительнымъ воплемъ, и оставалась такъ нѣсколько минутъ, не переставая истерически рыдать. Я видѣлъ, что произойдетъ сцена, и потому оставилъ дверь отворенною.

— Милости просимъ въ С-нъ Клу, Альджи, племянничекъ мой! сказалъ старикъ, громкимъ, веселымъ голосомъ. Ты думаешь, плутишка, провести насъ? Но мы знали твои продѣлки, любезнѣйшій; знали весь планъ; не такъ ли, душенька? И видишь, мы сохранили свою тайну лучше, чѣмъ вы свою.

— Сознаюсь, сэръ, отвѣчалъ, съ поклономъ, Дьюсисъ: ни какъ не воображалъ счастья, которое ожидало меня въ образѣ belle-mere.

— Гдѣ жъ воображать, нѣтъ, нѣтъ, возражаетъ дядя, хиткая; стараго воробья на мякинѣ не обманешь, какъ молодого. Но, наконецъ, вотъ мы всѣ довольны и счастливы. Садись, Альджеронъ; закуримъ сигару, да потолкуемъ о твоемъ житьѣ-бытьѣ въ послѣдній мѣсяцъ. Милочка, говоритъ дядя,

обращался къ женѣ вѣдь ты не сердилъся на бѣднаго Аалд-жернова, не правда ли? Пожми ему руку (злая усмѣшка).

Но миссъ встала и сказала: я объявила мистру Дьюсису, что не желаю ни видѣть его, ни говорить съ нимъ, и теперь не вижу причины переимѣнить мое мнѣніе. Съ этимъ словомъ, она поплыла изъ комнаты, въ ту дверь, въ которую Кикси увела бѣдную мистрисъ Дьюсисъ.

— Ну, сказалъ мистеръ Крэбсъ, когда жена удалилась: а я надѣялся, что она простила васъ; но я знаю всю исторію, и признаюсь, ты поступилъ съ ней очень дурно. Вотъ тебѣ и двѣ тетивы на лукъ! Вѣдь ты не на это мѣтилъ, плутишка?

— Вы хотите сказать, что вамъ извѣстно все, что произошло между мной и леди Гриффинъ — леди Крэбсъ, до нашей ссоры?

— Совершенно такъ: ты волочился за ней, и она чуть не влюбилась въ тебя; ты ухаживалъ за нею, изъ-за ея богатства; она нашла человѣка, который отомстилъ за нее, отстрѣливъ тебѣ руку: теперь, Дьюсисъ, карточки не продернуть. А я не понимаю, какъ ты будешь жить, безъ этого ремесла.

— Почтенный дядюшка очень милостивы; но я совсѣмъ отказался отъ игры, возразилъ Дьюсисъ, поблѣднѣвъ и въ большемъ замѣшательствѣ.

— Въ-самомъ дѣлѣ? Ты сталъ степеннымъ человѣкомъ? Все лучше и лучше, Дьюсисъ.

— Дядюшка, не позвольте ли просить васъ, оставить шутки въ сторону.

— Шутки въ сторону! это къ чему? Я и такъ не шучу; я безъ шутокъ двлюсь, какъ при свободѣ выбора изъ двухъ женщинъ, ты предпочелъ этого урода?

— А позвольте спросить, въ мою очередь, давно ли вы отиды такъ не разборчивы, что женились на женщинѣ, которая не давно была влюблена въ вашего племянника? возразилъ Дьюсисъ, разгорячась.

— Какъ ты можешь предлагать такой вопросъ? Я доажетъ сорокъ тысячъ фунтовъ; домъ мой въ Сайнъ-за-сѣквостровахъ; каждый клочокъ земли, который намъ принадлежитъ, теперь въ рукахъ земледельцевъ; вотъ почему я женился на ней. Ужель ты думаешь, что тутъ была какая-нибудь любовь? Де-

ли Крэбсъ чертовски хороша, но она и глупа: она вышла за меня ради моего герба, а я женился на ней за ея деньги.

— Послеъ этого, вамъ не къ чему свирививать, для чего я женился на падчерицѣ.

— Нѣтъ, еще къ чему. Чѣмъ же ты будешь жить? Вѣдь Даукинсовы платъ тысячъ фунтовъ на вѣкъ не хватятъ; а потомъ?

— Не хотите ли сказать — вы не можете — я разумно, что вы не можете, — вскричалъ Дьюсенсъ, вскочивъ отъ досады: вы не смѣете сказать, чтобъ миссъ Гриффинъ не имѣла десяти тысячъ фунтовъ годового дохода?

Дядя досталъ другую сигару, поворочалъ ее между губами, и зажегши сказалъ прехладнокровно:

— Такъ, миссъ Гриффинъ имѣла десять тысячъ фунтовъ годового дохода?

— Ну, а развѣ теперь не имѣетъ? Развѣ она все промотала въ одну недѣлю?

— Теперь у нея нѣтъ ни гроша: она вышла замужъ безъ согласія матери!

Дьюсенсъ опустился на стулъ: никогда не видывалъ я такой страшной картины отчаянiя, какое изображалось на лицѣ этого несчастнаго. Онъ корчился, скрежеталъ зубами, рвалъ на себѣ платье; въ бѣшенствѣ ломалъ остатокъ лѣвой руки; наконецъ закрылъ ею мертво-блѣдное лицо, и, опрокинувшись назадъ, громко зарыдалъ.

Страшная вещь, слышать какъ плачетъ мужчина! Горю надо пронять сердце до самой середины, чтобъ выжать изъ него слезу. Между тѣмъ, дядя опять принялся за сигару, закурилъ и продолжалъ:

— Любезный племянникъ, у твоей жены нѣтъ ни цѣлинга. Но надо объ этомъ. Сейчасъ подадутъ завтракъ. Между тѣмъ закуришь сигару и выпьешь стаканъ сотерну.

Дьюсенсъ, выслушавъ эту рѣчь, вскочилъ какъ сумасшедшій.

— Я этому не повѣрю, сказалъ онъ: покажи мнѣ завѣщанiе.. Матильда! Матильда! закричалъ онъ, растворивъ дверь, въ которую она вышла.

— Будь хладнокровеешь, племянникъ. Ты въ горѣ и я себе-
лѣзную тебѣ.

— Матильда! закричалъ опять Дьюсисъ; и бѣдная горбуна
вошла въ комнату, въ сопровожденіи миссъ Киксон.

— Правда ли это? сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Что такое, милый Альджернонъ? спросила она.

— Какъ что? произнесъ Дьюсисъ: какъ что? говорить, что
ты нищая, потому-что вышла замужъ безъ согласія мачихи;
правда ли, что ты обманула меня, чтобъ устроить этотъ бракъ?

— Правда, произнесла бѣдная женщина: у меня нѣтъ ниче-
го, но —

— Ничего, но что же?

— Я не имѣю ничего; но у тебя, мой милый, есть двѣ ты-
сячи фунтовъ доходу. Не довольно ли этого для насъ? Ты лю-
бишь меня за меня, не правда ли, Альджернонъ? Ты говорилъ
мнѣ это тысячу разъ: повтори опять, мой безцѣнный... Тутъ
она упала на колѣни, обхватила ему ноги, пыталась взять его
руку и поцѣловать ее.

— Сколько, говорите вы? спросилъ дядя.

— Двѣ тысячи; онъ говорилъ намъ.

— Двѣ тысячи! Двѣ ты — о, о, о! ха, ха, ха! разразился
мистеръ Кребсъ. Забавнѣе этого отъ роду ничего не слыживалъ.
Милая моя мадамъ, у него нѣтъ ни шиллинга, ни единой ма-
раведли. — И дядюшка расхохотался пуще прежняго.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе: мистрисъ Дью-
сисъ не укоряла мужа, а только сказала: ахъ, Альджернонъ!
уже ли это правда? — встала, подошла къ стулу и молча за-
плакала.

Дядя отперъ большую шкатулку. Если вамъ или вашимъ
адвокатамъ угодно видѣть завѣщаніе сэръ Джорджа, то вотъ
оно къ вашимъ услугамъ; вы увидите условіе, о которомъ я
упомянулъ, и которымъ все наследство поступаетъ къ леди
Гриффинъ — то-есть, леди Кребсъ: вотъ, любезный племян-
никъ, что значитъ поспѣшность и неосмотрительность. Графе-
на показала тебѣ только первую страницу завѣщанія; разу-
мѣется, она хотѣла испытать тебя. Да будетъ тебѣ это уре-
комъ, Перси; десять разъ примѣрь, да послѣ отряжь; *audi*

alleram partem, то-есть, читай объ страницы завѣщанія. Думаю, завтракъ готовъ; ты не куришь? Не пойти ли намъ?

— Постойте, кротко сказалъ мистръ Дьюсисъ; я не стану пользоваться вашимъ гостепріимствомъ, но, но — вы знаете мои обстоятельства: у меня нѣтъ ни копѣйки; вы знаете, какъ воспитана моя жена.

— Благородная мистрисъ Дьюсисъ, сударь, всегда найдетъ здѣсь радушный пріемъ, какъ бы ничто не нарушило дружественныхъ отношеній между нею и любящею се матерью.

— Что касается до меня, сказалъ Дьюсисъ, едва слышно: я вадьюсь — увѣренъ — думаю, что вы, почтенный дядюшка, не забудете племянника и не откажете въ пособіи?

— Альджернонъ Дьюсисъ, возразилъ дядя, вставая съ софы и взглянувъ на него, вотъ тебѣ мое слово, что не дамъ ни копѣйки!

Тутъ, Крэбсъ подаль руку госпожѣ Дьюсисъ и сказалъ: моя милая, хотите остаться съ вашей матушкой и со мной? У насъ, какъ я сказалъ, всегда есть мѣсто для васъ.

— Нѣтъ сэръ, отвѣчала бѣдненькая, слѣлавъ реверансъ: мое мѣсто — съ нимъ!

СУСАННА ДЮШМЭНЪ.

РОМАНЪ ЛУИ УЛЬБАХА.

=

ПИСЬМО I.

Валентинъ де-Рьяваль къ Арману де-Фуверъ.

Парижъ, июль 1849 г.

Зачѣмъ ты уѣхалъ? Зачѣмъ я одинъ? Ты бы мнѣ посоветовалъ, спасъ бы меня. Я въ отчаяніи, я схожу съ ума. Она не любитъ меня, не будетъ любить никогда; она не стоитъ любви моей!

Ты былъ правъ, я былъ глупецъ; уваженіе мое было безумство, мое безмолвное обожаніе — ребячество. Когда я показывалъ тебѣ ее издали, столь свѣтлую, столь непорочную, столь безматерную, и когда я мысленно окружалъ ее чело звездами, и разстилалъ облака у ногъ ея, ты смѣялся, нечестивецъ! Когда слеза блестя на длинной ресницѣ ея и она, устремивъ глаза на небо, слѣдила за движеніями невидимыхъ крыльевъ своей мечты, ты не хотѣлъ вѣрить ея восторгамъ; ты смѣялся! Когда я говорилъ тебѣ, что женщина эта — воплощенная непорочность, благородство, поэзія, ты разражался смѣхомъ, ты съ ужасающимъ цинизмомъ рѣзалъ моихъ голубицъ. И чтожь, мой другъ, нечестивцемъ былъ я. Я клеветалъ на невинность, на добродѣтель, думая встрѣтить невинность и добродѣтель на этомъ челѣ такомъ свѣтломъ, въ этихъ глазахъ такихъ прозрачныхъ, въ этомъ величій, внушавшемъ столько довѣрія!

Это существо, за которымъ бы я послѣдовалъ на край свѣта, подобно пилигриму, съ обнаженными ногами, до острыхъ кант-виль, подъ палашиемъ солнцемъ, въ непогоду, окровавленный, изнуренный голодомъ, и не желая другой награды, кромѣ одного слова, одного взгляда! это существо, къ пальчикамъ котораго я нерѣдко едва осмѣливался прикасаться губами, когда уѣзжалъ на нѣсколько дней; эта шателень, которую я зашпираль за тройною стѣной и мечталъ, сторожилъ порогъ ея съ мечомъ въ рукѣ; это видѣніе, эта женщина, которую я боялся любить, какъ полюбилъ бы другую женщину; эта муза чистыхъ вѣдъ, для которой я не стоилъ слагать стиховъ, опасаясь выраженіемъ овеществить идеальный восторгъ, который чувствовалъ въ себѣ; эта дивная Эльвира, при видѣ которой Ламартинъ казался мнѣ пошлымъ и грубымъ; эта женщина, мой другъ Арманъ, была не болѣе какъ женщина вѣтренная, которая, въ эту минуту, смѣется надъ моимъ рыцарскимъ и боязливымъ почитаніемъ, и у которой возлюбленный, понимаешь ли? возлюбленный, самый глупый или самый пустой человѣкъ, это д'Обрессель, въ которомъ прекраснаго одна красота.

Каково паденіе, мой другъ! Какъ, ея гордые, свѣтозарные уста, когда я думалъ видѣть въ нихъ стыдливость, лгали! Ея глаза, ея чело, ея поступь, ея граціозность, все лгало. Помнишь ты, что я говорилъ тебѣ какъ другу? У ней была своя манера подымать взоръ, который пронзалъ небо и искры осыпали чело. Я припоминалъ тогда вздохъ, подслушанный Вертеромъ, этотъ высокій порывъ Шарлотинъ: «О Клопштокъ! Клопштокъ!» Когда она томно опускала чело на свои прекрасныя, мраморныя руки, я готовъ былъ пасть передъ ней на колѣни и просить ея подѣлиться своею грустью. Какой же я былъ ребенокъ! безъ сомнѣнія она припоминала тогда послѣднее свиданіе съ виконтомъ и мечтала о будущемъ свиданіи!

Со вчерашняго дня у меня сумасшедшее желаніе вызвать этого Обресселя на дуэль и убить его, какъ онъ убилъ мою мечту! Полгода какъ я сдѣлалъ сладкую привычку благоговѣть передъ нею и охранять ее мысленно. Мнѣ казалось, что самъ богъ назначилъ меня отраженъ ея души; а этотъ грубый франтъ беззависимо является оскорблять ее своимъ предпочтеніемъ!

Не то возбуждаетъ во мнѣ ревность! Ты знаешь меня, Арманъ. Я никогда ничего не желалъ болѣе какъ уголка въ сердцѣ ея, и я простилъ бы ей, что она отвергла меня, еслибы ея выборъ палъ на человѣка съ такими же чистыми помыслами, такого же безкорыстнаго въ своемъ почитаніи, какъ я! Но сдѣлаться невѣстою этого безмозглаго Аноллова, котораго глупость вошла въ пословицу; забрать своимъ рыцаремъ передъ лицомъ всѣхъ умныхъ людей, этого дураглѣя, котораго вся поэзія заключается въ гармоніи его жилетовъ, въ гимнѣ, который воспѣваютъ его портному его безукоризненный туалетъ, его увлекательныя панталоны; это преступленіе для нея, обнаруживавшей столько ума, это пензгладимый стыдъ для меня, не умѣвшего разгадать ее!

Тебѣ мало нужды, не правдали, какимъ образомъ я открылъ эту пошлую интригу, эту площадную развязку? До-сихъ-поръ я чувствую еще слишкомъ сильное отвращеніе, чтобы думать объ этомъ. Я не увижу ее болѣе, а онъ, если я когданибудь встрѣчу его!... Но, впрочемъ, по какому праву я требую отъ него удовлетворенія? Развѣ она сестра мнѣ? невѣста? Развѣ она обѣщала любить меня? Они свободны! Тѣмъ хуже для меня! Мнѣ остается искать счастья въ другомъ мѣстѣ!

О! любезный Арманъ, я страдаю; а между тѣмъ я бы никогда не посмѣлъ сдѣлать тебѣ это сознаніе изустно. Ты насмѣшникъ, ты предупреждалъ меня, ты сомнѣвался въ ней, и надѣвался надо мной! Но, чтобы ты не думалъ о моей наивности, моемъ простодушіи, пожалѣй обо мнѣ и полюби меня еще больше.

Въ эту минуту я испытываю всѣ предсмертныя терзанія, а между тѣмъ не перестаю ощущать, какъ трепещетъ во мнѣ вѣра, надежда.

Но я безумствую, любезный Арманъ, и мнѣ бы очень нужны были твоя веселость, твоя дружба, которыя, прижигая мои раны, всегда изцѣляютъ ихъ. Я не могу смотреть на Парижъ. Всѣ женщины, мнѣ кажется, ищутъ здѣсь виконтовъ д'Обреселей и всѣ мужчины смотрятъ побѣдителями и становятся въ моихъ глазахъ глупцами. Мнѣ бы очень хотѣлось вѣсть къ те-

бѣ путешествовать, сбросить съ себя эту скорбь, которая тяготитъ меня, какъ угрызеніе совѣсти.

Гдѣ ты? Я пашу тебя въ Женеву. Но, можетъ быть, ты уже выѣхалъ оттуда! Отвѣчай мнѣ скорѣе. Скажи мнѣ, прочелъ ли ты письмо мое, катаясь по озеру Жанъ-Жака. Видѣлъ ли въ Веве отыскивать окна Юліи? Нашелъ ли скалы, откуда за двѣ мили Сентъ-Прѣ посылалъ во взорѣ поцѣлуи своей неравненной возлюбленной? Чувствовалъ ли наконецъ, мой любезный и упрямый матеріалистъ, лежа въ своей лодкѣ, между безпредѣльностью и водою, жгучіе восторги Руссо? Но въ какомъ бы мѣстѣ ты теперь не находился, и всюду, гдѣ ты будешь, думай о нашей юной и уже такъ старой дружбѣ, у которой также есть свои великолѣпные горизонты, свои озера, свои бездны, свое солнце и свои ночи; но никогда не будетъ развалень.

Письмо это отправляется на удачу. Я говорю ему, какъ лордъ Саутѣмptonъ, который заставилъ сказать Шенспира: «Ступай! ты встрѣтишь на пути своемъ людей положить на всякую всячину только не на людей. Иди до тѣхъ поръ, пока не найдешь человѣка, который ходитъ только на человѣка. Его-то я люблю, сожалею и ищу!»

Зачѣмъ я не отправился съ тобою! Ты знаешь девизъ моего фамильнаго герба: «Сильно ненавидѣть! слишкомъ любить!» мои предки поражали Лиги, съ отвагой ненавидѣли и съ гордостью любили. Увы! неужели я выродившійся потомокъ? Я не умѣю ненавидѣть, я могу только слишкомъ любить!

ПИСЬМО II.

Ариана де Фужеръ къ Валентину де Рьяввалю.

Женева, июль 1849.

Письмо твое, любезный Валентинъ, еще застало меня въ Женевѣ, гдѣ я буду ждать тебя, если ты рѣшишься пріѣхать сюда. Ты страдаешь; я не хотѣлъ бы раздражать твоей скорби. Но я извинилъ бы дружбѣ, если бѣ не наложилъ на твои недавнія царапины, вмѣсто компрессовъ, нѣсколько совѣтовъ. Впрочемъ, позволь я тебѣ одно скажу, я бы скоро сдѣлался передъ тобой несостоятельнымъ должникомъ. Ты не любишь этой

женщины, любезный Валентинъ, ты не умѣешь любить. То, что ты принимаешь за любовь, есть только любовь любви. У тебя не прошло еще первое упоение двадцатилѣтней пещи. Ты спишь въ цвѣтахъ, которые удушаютъ тебя, и принимаешь этотъ жаръ твоего мозга за душевное откровеніе, котораго ты ждешь и недождешься. Я оскорблю твои понятія и чувства, но выслушай меня: любовь сравнивали съ зубною болью и геніальный дантистъ, который не убоился произнести это опредѣленіе, вывелъ физиологовъ изъ большаго затрудненія. Дѣйствительно, мой другъ, эта восхитительная мука истинной любви обнаруживается вдругъ такою же славною, безумною грустью, какъ боль зубовъ. Все тѣло, вся голова страдаетъ. Готовъ кусаться, чтобы заглушить боль. Есть фальшивая любовь, какъ фальшивые зубы: они и правильны и бѣлы и дѣйствуютъ какъ натуральные, а тамъ, въ одинъ прекрасный день, замѣчаешь пружину, золотую или серебряную проволоку. Благодаря Богу, у тебя не зубы испорчены, а болятъ десны. Тебя беспокоятъ молочные зубы, ты не можешь и не хочешь кусать, и глѣжешь погромушку. Бѣдный Валентинъ! тебя каждую ночь убаюкиваетъ волшебница-кормилица и заворачиваетъ въ шитыя шелкомъ пеленки. Но придетъ день, когда ты почувствуешь себя возмужалымъ и самостоятельнымъ. Тогда зубы твои будутъ плотны и прочны, плодъ искуситъ тебя, какъ великаго другаго и ты закусишь его. Я дожидаю видѣть тебя въ этотъ день, чтобы порадоваться.

Тебя одно извиняетъ,—твое воспитаніе. Воспитанный въ строгихъ правилахъ отцемъ, котораго мистическій умъ любить носиться внѣ дѣйствительности, ты развился въ тѣни и, въ отношеніи моральномъ, не налилъ еще тѣмъ жизненнымъ сокомъ, не получилъ еще той окончательной подкраски, которую придаетъ свѣтъ; тебя еще не припекло солнце. Все это придетъ къ тебѣ въ такую минуту, когда ты всего менѣе будешь ожидать, когда ты, неопитъ, ненарочно отбросишь съ себя звѣздный покровъ, которымъ такъ набожно прикрываешься. Губы твои сосали до сихъ поръ только медь. Ихъ не потирали еще виномъ и чеснокомъ, какъ у Беарнца. Вотъ отчего ты находишь нѣсколько сильнымъ и горькимъ этотъ напитокъ истины, который мы глотаемъ не морщаась.

Женщина, которую ты проклинаешь благословляя, поступила хорошо. Она не любила тебя, а любила д'Обресселя. Въ чемъ ты удрекастъ ее?

Я согласенъ, что у тебя болѣе ума, чѣмъ у Обресселя, и что ты умѣлъ бы поумнѣе перефразировать слова: «люблю тебя», которыя въ сущности, заключаютъ въ себѣ какъ для самой глупой, такъ и для самой умной женщины, одинъ и тотъ же смыслъ. Но какъ помочь горю? Съ твердостью покориться судьбѣ. Правда ли, что эта женщина стала вдругъ для тебя пресрѣпаню, потому, что избрала себѣ молодого человѣка, недурно сложеннаго, здороваго, румянаго? Это еще вопросъ. Вѣдь нужно же, мой другъ, чтобы красота къ чему нибудь служила. Если у мужчинъ, ею подчиненныхъ, она заимѣетъ умъ, то надо допустить, что она имѣетъ право пользоваться преимуществомъ ума. Даже самые платоническіе изъ насъ, вообще предпочитаемъ хорошенькую женщину дурной; почему же и женщины не любятъ красивыхъ мужчинъ? Вулканъ былъ навѣрно отличный металлургъ и будущій богъ-строитель желѣзныхъ дорогъ; но Венеру нельзя винить за то, что она предпочла ему величественную осанку Марса, этого типа воиновъ — счастливыхъ фолокитъ, который имѣлъ только одинъ недостатокъ, что не снималъ никогда своего шлема.

Смѣйся, если хочешь, любовный Валентинъ; но прочитай мое письмо. Умъ, по безусловному правилу не имѣетъ ничего общаго съ любовью; онъ иногда вредитъ ей и почти всегда бываетъ самымъ ненадежнымъ союзникомъ. Любишь, и бываешь любима, безъ всякаго разсужденія, по какому-то предопредѣленію, въ силу неизвѣстныхъ законовъ, которые ускользаютъ отъ всякаго анализа.

Твои сладкія рѣчи не понравились; я не могу обвинять эту женщину. Это пренебреженіе должно снова показать тебѣ, любовный Валентинъ, какъ мало ты понимаешь любовь. Покинь же эти туманы, этотъ вѣчный лунный свѣтъ, котораго не оставалось среди бѣлаго дня; брось родить призракъ, и rischi винуть взоръ на роскошную наготу статуи; вѣдь отъ этого не умрешь.

Тебѣ двадцать пять лѣтъ, если порасчестъ по школьнымъ возмозжаніямъ, ты богатъ, съ прекраснымъ именемъ, ты

былъ бы не дурень, если бы пересталъ пренебрегать собою и если бы далъ глазамъ ономъ загорѣться тѣни покрами, которыя проникають твоё сердце. Не терай лишняго года въ этихъ безполсныхъ щелестаньяхъ. Будь наконецъ столько же мужчиной, сколько ты дворянинъ, и распорядись такъ, чтобы ничто человѣческое не осталось тебѣ чуждо!

Такого ли письма ты ожидалъ отъ меня? Ты думалъ, можетъ быть, что отсутствіе смягчитъ меня въ твою пользу и я пощажу тебя отъ ферулы? Ты не бралъ въ расчётъ моей дружбы, и къ тому же идетъ дождь; я не могу высунуть на улицу носа; ты мнѣ позволишь продолжать. Я чувствую сны въ педантическомъ угарѣ, и не dokonчи я теперь, лучшихъ изъ мыслей, которыя когда-либо приходили мнѣ въ голову, они пропали бы даромъ.

Утѣшься же, если ты уже не утѣшился, и пріѣзжай сюда; мы носѣтимъ Швейцарію и Италію. Кстати, скажу тебѣ мой туманный другъ, что я катался по озеру, и чуть не простудился; въ Веве я не замѣтилъ окна Юліи, и если бы встрѣтилъ этого большого плаксу Сенъ-Пре, мнѣ кажется я разохотался бы прямо ему въ глаза. Мы пріѣхали сюда въ дождь; отчего можетъ быть, и Женеве показалась мнѣ такою мрачною. Кончится тѣмъ, что страна эта вывихнетъ мнѣ челюсть, я зѣваю, какъ будто приходится проглотить гору Салевъ, Монтъ-бланъ, Юру, Земную Иглу, Бюэ, всѣ эти несносныя горы, которыя ты поневолѣ пожираешь главами двадцать разъ въ сутки и которыя служатъ предлогомъ къ нескончаемымъ восхвалениямъ. Жизнь въ Швейцаріи есть вѣчное вскарабкиваніе.

Эта страна стоитъ дождя, она столько же скучна, какъ онъ. Впрочемъ надо отдать справедливость ея усмілкѣ; она дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы развеселить себя. Но эта веселость остается только на поверхности и не проникаетъ глубины. Рассказывать ли тебѣ о моихъ странствованіяхъ по окрестностямъ? Къ чему? меня сопровождаетъ цѣлая толпа значительныхъ тѣней. Жанъ-Жакъ, который посадилъ кучу тополеи посреди озера; Байронъ, котораго имя я прочелъ, съ какимъ-то сдрганіемъ, на одной изъ колоннъ Шильонскаго замка; наконецъ Вольтеръ, владѣтель Фернея. Я сдѣлалъ какъ подобаетъ благовоспитанному путешественнику, визитъ этимъ тремъ славы

тѣнямъ. Я былъ угрюмъ, когда прохаживался по островку Руссе; думалъ о Донъ-Жуанѣ передъ подземными темницами Шильона. Впрочемъ, это было одно изъ самыхъ веселыхъ впечатлѣній, во все мое путешествіе. Весь этотъ замокъ отзывается Синей-Бородою. Это безподобно какъ сказка Перро. Тутъ царствуетъ мелодраматическій ужасъ, сквозь который сіяютъ, въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго, два сложія имена: Байронъ и Викторъ Гюго. Въ Ферне, я видѣлъ старый храмъ Вольтера. Въ спальнѣ его, кому-то пришла странная мысль, оставить кружку для бѣдныхъ, съ плохимъ четырехстишиемъ, для возбужденія состраданія.

Я не упустилъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, и опустилъ свою ленту? Когда мы катались по озеру, мнѣ показали издали Конпетъ и замокъ мадамъ де-Стааль, единственной женщины, которую позволительно было любить только платонически, потому что она была литераторка.

Дождь перестаетъ. Я оставляю тебя изъ-за солнца. Прости мою болтовню, похожую немного на гомеопатическій приемъ: въ цѣлой бутылкѣ свѣтлой воды я растворилъ зернышко разсудка. Все отъ того, что въ это дождливое утро я вспоминалъ о нашихъ нескончаемыхъ парижскихъ бесѣдахъ. Это воспоминаніе сбило меня съ толку; но я былъ вѣренъ тебѣ, говорилъ съ тобой, сжималъ твою руку, и это извиняетъ меня. Подожду тебя еще нѣсколько дней. Приѣзжай, если не боишься моихъ проповѣдей; къ нимъ располагаетъ меня эта кальвиническая страна. Полно, любовный Валентинъ, сбрось съ себя врачную мантию Рене; закинь Вертера на дно колодца; будь самимъ собой, и вѣрь что если я не стану любить тебя болѣе, что было бы невозможно, но-крайней-мѣрѣ я буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что ты снова сдѣлался товарищемъ моей юности.

Прости, да скорѣй же; письмо или самъ!

ПИСЬМО III.

Валентинъ къ Арману.

Парижъ, июль.

Я ожидалъ, мой другъ, твоего проученія.... очень неправоучительнаго, и потому оно меня не изумило. Ты клевещешь,

любимый Арманъ, и, если я не ошибаюсь, сердце говоритъ мнѣ, что лучше страдать, какъ я, чѣмъ наслаждаться по твоему. Съ каждой новой раной, я иду выше, я углубляюсь далѣе въ это изысканіе идеальной любви, надъ которой ты смѣешься, но которая меня приводитъ въ восторгъ, и утѣшаетъ.

Ты говоришь правду: я легко изцѣляюсь отъ своихъ надежій, потому что презрѣніе затягиваетъ раны, и скоро стряхиваетъ себя этотъ прахъ. Отъ недавняго моего разочарованія остается какая-то неопредѣлительная скорбь, которая отъ времени стала чище; я грустенъ; но, признаться ли тебѣ, я люблю мою грусть. Совѣсть не во многомъ мучитъ меня, и я вполнѣ чувствую, что женщина, предпочевшая моей любви, любовь такого какъ д'Обрессель, не заслуживаетъ моихъ сочувствій. Безъ сомнѣнія это гордость; но твои убѣжденія не заставятъ меня возвратиться къ прежнему; и когда я прочелъ письмо твое, съ улыбающимся однако негодованіемъ, я долженъ былъ снова осознаться, что между нашими умами существуетъ столь же сердечная антипатія, какъ сердечна наша дружба. Даже можетъ случиться этой-то коренной противоположности, мы обаяны непоколебимою твердостью нашего союза. Мы вполнѣ убѣрены, что никогда не будемъ мѣшать другъ другу, и никогда не столкнемся на одной и той же дорогѣ.

Твоя теорія низкопостыдна. Ты унижаешь божественное чувство до пошлой чувственности; по твоему и конюхъ, который любезничаетъ съ какой-нибудь кухаркой, можетъ быть соперникомъ Петрарки! Ты насмѣхаешься надъ Вертеромъ. Что до меня, то я виню его только за самоубійство. Мнѣ кажется, я на его мѣстѣ, остался бы жить съ моей дорогой грустью очастливый страданіями, и унесъ бы въ свое глубокое уединеніе воспоминаніе о блаженныхъ минутахъ, проведенныхъ съ Шарлоттою. Эта единственная мысль стала бы лицей жакъ грёзъ; я схоронилъ бы въ изгнаніи святую скорбь слезъ моихъ. Вертеръ потому и застрѣлился, что былъ немного какъ матеріальность, не совсѣмъ изцѣлившійся. Руссо, о которомъ ты говоришь съ такимъ пренебреженіемъ, влагаетъ въ сердце Сень-Прё героическое чувство, которое называется добродѣтелью, и предъ которымъ я благоговѣю; въ безусловномъ умертвленіи чувственности, для удовлетворенія потребностей души

согласный вѣнецъ любви. По этому ты долженъ согласиться, что счастливъ тотъ, кто наслаждается цвѣтами. Ты хочешь, чтобы восторги прозябали на грубыхъ удовольствіяхъ, какъ шампиньоны на грядкахъ; такъ, по крайней-мѣрѣ, я понимаю твою сказку о базиликѣ, и ты находишь немолнымъ сердце болѣе могучее, которое не нуждается въ этомъ навѣмѣ, какъ ты его называешь. Это все равно, если бы ты предпочиталъ размазанные горизонты какой-нибудь оперной декорации, горизонту, какой Богъ творитъ лучшій свѣтъ; и еслибы ты основывалъ свое предпочтеніе на инстинктивномъ достоинствѣ клея, мастики, холста, красокъ, кистей, на всемъ матеріальномъ, способствующемъ къ обману воображенія. Вертеръ, подъ конецъ своей борьбы, не умѣлъ даже восторжествовать дружицъ и не нашелъ другаго способа убить животное, какъ пистолетомъ. Дѣйствительно, въ случаѣ утомленія и отчаянія, это единственное средство для тѣхъ, которые подобно тебѣ не хотятъ освободиться отъ плоти одною лишь силою воли. Но ты самъ согласился, что это средство слишкомъ смѣтное и я всегда стану бояться союзника, котораго нужно будетъ убить, какъ скоро онъ сдѣлается слишкомъ стѣснительнымъ.

Въ началѣ своей повѣсти Гёте превосходно указалъ Вертеру спиритуалистическое доступное ему утѣшеніе. Оно заключалось въ спокойствіи природы, въ умиротворяющемъ вліаніи уединенія. Другъ Шарлотты, зараженный сомнѣніемъ, не умѣлъ облечь властную нескрешную вѣру земную, пережившую его любовь. Онъ умираетъ въ ту минуту, когда долженъ былъ жить, чтобы показать величіе и славу своего мученичества. Значитъ онъ не такъ сильно любилъ Шарлотту, чтобы любить самую страданія, которыхъ она была причиною. Трусъ испугался душевныхъ мукъ. Онъ поспѣшилъ утѣшить себя и изцѣлится въ погребѣ.

Для тебя любить, значитъ наслаждаться, для меня — жертвовать собой. Поэтеръ мнѣ, любезный Арменъ, что это оргазмическое, которому я добровольно подчиняю себя, имѣетъ свои муки, свои острые страданія. Ты, кажется, представляешь меня какъ бы то дряхлагомъ, между-тѣмъ какъ самъ внаесѣ, безропотный, что я также молодъ какъ ты, и не меньше тебя

понимаю красоту, прелесть, все, что нравится, что обольщает. Разность между нами состоитъ въ томъ, что ты ограничиваешься поверхностью, а я, поклоняюсь видной красотѣ, требуя отъ нея одного только: быть отраженіемъ души, которой служить она оболочкой, ковчегомъ.

Твои опредѣленія безчестятъ женщинъ, въ числѣ которыхъ между тѣмъ, находится и твоя мать. Ахъ! любезный Арманъ, ты зналъ свою. А у меня остался одинъ портретъ, одна неподвижная, нѣмая улыбка на картинѣ. Чтожъ! читая твое письмо, я думалъ о моей матери. Въ овальной рамкѣ, висящей надъ моею постелью, я видѣлъ ее, съ свѣтлорусыми волосами, въ бѣломъ платьѣ, съ розою у пояса, съ чудною улыбкой, и говорилъ ей: не правда ли, онъ солгалъ; и любовь не то, что голодъ или жажда, ей не нужно матеріальной пищи. Не правда ли это, о прекраснѣйшая, благороднѣйшая изъ женщинъ, сіяющая надъ моею жизнью изъ глубины вѣчности! неправда ли, онъ клеветаетъ на тебя, ты любила моего отца любовью святою и религіозною, которая существовала только общеніемъ вашихъ душъ? Когда, давая мнѣ жизнь, ты умерала бѣдная мученица, съ тѣмъ, чтобы разцвѣсть на небесахъ, неправда ли, ты сожалѣла въ минуту разставанья, только о тѣхъ чистыхъ пріятностяхъ души, которыя я зналъ, и о которыхъ говорилъ мнѣ отецъ, и которыя дѣлаютъ изъ нашего супружества легенду давно прошедшихъ лѣтъ!

Ты говоришь, мой другъ, что отецъ мой мистикъ, и держалъ меня въ удаленіи отъ дѣйствительности. Молю тебя безжалостный насмѣшникъ, воцадить этого человѣка добраго, великодушнаго, строгаго, чистаго, любившаго меня всюю нѣжностью, которую отняла у меня смерть, отнявъ у меня мать. Да, графъ де-Рьяваль носитъ трауръ, который сниметъ только у престола Божія, когда соединится тамъ съ моею матерью. Но еслибъ ты зналъ какъ смягчается взглядъ его для меня! Какіе даетъ мнѣ нѣжные и основательные совѣты, которые подкрѣпляютъ и возвышаютъ меня! Если бы зналъ, что это за гордая и благородная душа, прямая какъ мечъ, теплая и благотворная какъ солнечный лучъ!

Революція заставила его разлюбить свѣтъ. Онъ ввелъ за правило первую часть фамиліальнаго девиза. Но возвращеніи изъ

эмиграціи, при всей своей молодости онъ глубоко возненавидѣлъ людей, окружающихъ королевскій престолъ. Онъ полюбилъ маммоазель де Вилльмаръ и женился на ней съ чувствами благопріятными. Годъ прожилъ онъ въ этомъ сладкомъ снѣ; рожденіе мое отомло матери жизни. Съ тѣхъ-поръ, графъ де Ридваль, умеръ для всѣхъ радостей, сталъ ко всѣмъ равнодушенъ и холоденъ и сохранилъ теплоту души и веселость только для меня. Онъ клалъ меня спать подлѣ себя, заботился въ дѣтствѣ моемъ, какъ можетъ заботиться только мать, былъ моею наставникомъ, научилъ меня ходить, складывать, читать, креститься, посылать каждый вечеръ передъ сномъ поцѣлуй портрату, который меня никогда не покидалъ и оставалеть вошь себя мѣсто для ненавѣстнаго еще образа той, которая будетъ моею женою.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ мыслить и понимать себя, отецъ сталъ мнѣ другомъ, старшимъ братомъ, онъ соединилъ въ себѣ важность свѣдѣнника съ естественностью женщины, далъ мнѣ полную свободу, а между тѣмъ, безъ согласія его я лично не смѣю предпринять. Упрекая себя въ мнѣхъ проступкахъ, оставая присвоивать мнѣ свои услуги, отецъ никогда не употреблялъ надо мной своей власти; онъ умѣлъ принять ей столько кротости, столько уваженія, что я чувствую ее какъ силу Божию, только въ дни печали или радости, когда прибѣгаю къ ней съ молитвою или благодареніемъ. Я часто замѣчалъ, если что задумывалъ, въ тоже время, по какому-то чудному совѣсанію, ту же мысль, сообщалъ мнѣ и отецъ. Часто мы подолбли другъ къ другу съ однимъ и тѣмъ же словомъ на устахъ.

Вотъ, мой другъ, человекъ, котораго ты мало знаешь и о которахъ судишь, какъ о какой другой, по его наружности, Вотъ тотъ, который одѣвалъ меня тѣмъ, чѣмъ я едь, и чувствовалъ энтузіазмъ къ догннвой любви, и презрѣніе къ страстямъ. Мать моя была небесное явленіе, о которомъ графъ де Ридваль вспоминаеть съ благоговѣніемъ: она-то научила меня, съ пользой, великъ чистѣйшимъ чувстваваніамъ.

Я ненавижу названія платонической любви. Она отъывается своего рода педагогическомъ; и я позволялъ бы тебѣ здословить объ ней, если бы ты, подлѣ предлогомъ этого имени, невоволялъ назвать на все, что есть благороднаго и чистаго.

«Однимъ словомъ ты заставишь меня смѣяться отъ негодованія. Наврядъ ли я поѣду къ тебѣ. Не потому, чтобы сердился на тебя, но потому, что я несозданъ для путешествій. Я именно составляю противоположность туриста. Свѣтъ мнѣ кажется всегда слишкомъ большимъ: за то небо представляется мнѣ тогда слишкомъ малымъ. Еслибы ты ѣхалъ на Сѣверъ, можешь бѣгаться и искушалъ бы; но Италия не соблазняетъ меня. Я все еще такъ грустенъ, такъ холоденъ ко всему, что намеренъ отправиться на нѣсколько дней въ нашу бѣдную Шампань, къ отцу. Пиши же мнѣ въ Рьяльвальскій замокъ. Мнѣ нужны столѣтнія деревья парка, ручеекъ, который былъ океаномъ моей юности, свѣтлая зелень нашихъ луговъ. Въ этомъ убишищѣ я отдохну отъ Парижа. При всякой новой скорби, которою проявляется мнѣ жизнь, я обращаюсь къ отцу и природѣ. Никто не полюбитъ меня больше его; никто, больше ее не утѣшаетъ меня.

Отправляйся же безъ меня. Однакожъ не переставай писать ко мнѣ, обозначая мѣста, гдѣ ты будешь оставаться и дѣлою мнѣ платонически обнять себя, какъ самаго вѣрнаго и сумасброднаго изъ моихъ друзей.

ПИСЬМО IV-е.

Ариканъ къ Валентину.

Мартиничи, донъ.

Ты правъ; я былъ глупецъ. Не въ минуту неудачъ славнаго рыцаря Ламанскаго, когда Санхо поднималъ его савану разбитаго, слѣдовало совѣтовать рыцарю ввести Россианту въ конюшню, повѣсить на гвоздь конье и отказаться отъ хищническихъ походовъ. Я виноватъ, что говорилъ тебѣ съ такою откровенностью. Я простодушно думалъ, что ты просилъ у меня совѣта, потому что нуждался въ немъ. Прости мнѣ, дружкой, и вѣрь, что отнынѣ, я буду оплакивать всѣ твои несчастья, буду надѣвать трауръ на покоронахъ каждой твоей мечты; но ужъ никакъ не стану проповѣдывать тебѣ перемѣну мысли, которая совершится сама собой, какъ скоро придетъ на тея урочный часъ.

Ты боишься солнца Италии, и отправляешься мечтать. Жаль

тебѣ удовольствіа! да наснешаютъ тебѣ боги, покровительствующіе сельскимъ удовольствіямъ, чистаго молока, густыхъ сливокъ, изобиліе въ ягодахъ, и легкой сонъ, подалше отъ мошекъ и муравьевъ! Что до меня, ожидавшаго тебя, я, съ полученіемъ письма твоего, оставилъ Женеву. Теперь я въ Мартини, откуда отправляюсь чрезъ два часа, въ дальнѣйшій путь. Не стану разсказывать тебѣ ни о странствованіяхъ своихъ, ни о воспоминаніяхъ. Все это пошло и похоже на всѣ разсказы путешественниковъ. Эти гигантскіе шерботы, разставленные на громадныхъ столахъ горъ, становятся наконецъ противны. Я провалъ до дрожи среди этой величественной природы. Самый огонь гостиницы кажется мнѣ ледянымъ, и согрѣваетъ путешественниковъ только особеннымъ уютомъ угодливаго гостепрѣимства. Я встрѣчаю горныхъ охотниковъ, любителей сурковъ, потомъ тамъ и олень, въ темныхъ углахъ за печкой заблудшихъ Французовъ, которые кусаютъ себѣ кулаки и выдыхаютъ о такой же химерѣ, какъ твои идеальная любовь! Мнѣ попалось также нѣсколько подлинныхъ кретиновъ. Они напомнили мнѣ собой знакомыя лица, оставленныя мною на асфальтъ парижскихъ бульваровъ. На стѣнахъ жилищъ красуются картинки, изображающія *Возвращеніе съ Эльбы*, впрочемъ Наполеонъ повсюду оставилъ здѣсь слѣды плеча своей. Я иногда удивляюсь какъ онъ пощадилъ долины, пропасти, потоки и недосыгаемые пики. Мнѣ кажется, что эта пята должна была все поколебать, пригнуть, завалить. Но когда близко разсматриваешь эти слѣды, видишь, что они огромные проломы человѣческаго генія, въ сущности, ничего не значать передъ тѣмъ, что остается нетронутымъ, и служатъ доказательствомъ столько же его немощи, сколько гордости.

Размышленіе это, достаточно грустное и пустозвонное, я поставилъ здѣсь для того только, чтобъ угодить тебѣ и снова войти у тебя въ милость; вѣдь ты знаешь могу ли я интересоваться Наполеономъ, великими людьми и тому подобнымъ.

Я собираюсь перейти Смишонъ хоть не съ такимъ героизмомъ какъ великая армія, но не съ меньшимъ нетерпѣніемъ. Я тороплюсь отогрѣться въ Италиі. Здѣсь не смѣешь получить о тебѣ, и когда солнце печетъ въ спину, сигары, передъ глазами, предупреждаютъ тебя не полагаться на солнце, и что это только приманка.

— Пиши мнѣ въ Венецію, съ надписью *poste restante*. До этого города, я нигдѣ не останавлиюсь; я скачу какъ можно только сканать въ этой странѣ лошаковъ.

Смотри, пиши мнѣ. Въ прозѣ или въ стихахъ посылай мнѣ свои элегіи. Есть кое что посильнѣе нашей антипатіи, это наша дружба и въ силу ея требую, чтобъ дѣлились со мной ощущеніями. У тебя, любезный Валентинъ, преблагородное сердце, самая любящая душа, которая можно только найти (не скажу подъ солнцемъ, потому что это свѣтло не слишкомъ соответствуетъ твоей меланхолической настроенности), но подъ луною, и я предвижу, что ты скоро снова будешь описывать свои печали, свое отчаяніе. Ты находишься въ такомъ расположеніи ума, которое влечетъ тебя къ новымъ прищипкамъ. Не пройдетъ мѣсяца, ты полюбишь; для этого достаточно тебѣ встрѣтить.

.. И хотя это видѣніе вызываемое Мюссе вообще очень рѣдко, но ты такъ сильно желаешь, что тебѣ есть надежда встрѣтить его.

Я увѣренъ, что ты берешь со мной въ деревню *Вертера* и въ подражаніе печальному любовнику Лолотты, займешься надобно разведеніемъ горошка, который послѣ съ удовольствіемъ станешь варить въ кастрюлькѣ, приправляя его достаточнымъ количествомъ масла и соли. Вертеръ, съ изомысленіемъ предавался этому занятію, обычному, какъ онъ говорилъ, темеровскимъ героямъ. Природа, о любезный Валентинъ, въ самыхъ мелочахъ своихъ заключаетъ, для страдалицъ, сокровища утѣшенія. Прости! утѣши и не забывай меня!

ПИСЬМО V.

ВАЛЕНТИНЪ КЪ АРНАУ.

Замокъ Роллава, 1744.

Любознательный мой путешественникъ, ты живой примеръ суетности путешествій, и съ тѣхъ поръ, какъ въ дорогѣ, ты не обнаружилъ ни одной чистосердечной радости, ни одного искренняго удовольствія. Если ты долженъ былъ вернуться въ Шартинъ и простудиться въ Женевѣ, къ чему тогда брать паспортъ? Это служить, мой другъ, подтверженіемъ, что чи-

стѣнная наслажденія заключаются только въ панцихъ мундаци, и что нѣтъ горизонта прекраснѣе того, который, при таинственной глазахъ, видимъ въ окно ума.

Уже нѣсколько дней, какъ я поселился у моего отца; но скоро вѣду отсюда, какъ ты увидишь дальше изъ моего разсказа. А между тѣмъ, былъ въ восторгѣ когда очутился въ этомъ почернѣломъ отъ времени замкѣ, въ безмолвныхъ аллеяхъ, поросшихъ травой рощахъ, которыя, кажутся мнѣ, стали меньше, съ-тѣхъ-поръ какъ самъ я сталъ больше! Войдя въ спальную, я замѣтилъ стульчикъ со ступеньками, на который садился меня, когда я былъ дитя и придвигали къ столу. Отецъ сохранилъ этотъ стульчикъ съ трогательною любовью. Я при-вѣтствовалъ, какъ стараго друга, великолѣпные мѣдные стѣнные часы, висящія противъ барометра; мнѣ показалось, будто при входѣ моемъ, движеніе маятника стало быстрѣе и звукъ его болѣе звонкій, привѣтствовалъ возвратившагося ребенка. Напротивъ, барометръ разбитъ нарваличемъ. Двадцать лѣтъ какъ онъ возвѣщаетъ хорошую погоду, а небольшіе трясички, которыми старшій слуга пытается его пробудить, служатъ только къ тому, что отъ времени до времени, дряхлѣй барометръ возбуждаетъ обманчивыя надежды.

Не знаю отъ чего я смотрѣлъ и признавалъ все, не съ обычнымъ душевнымъ вниманіемъ. Я не былъ въ Рязани всего только полгода; всѣ эти предметы остались знакомыми, Я не забылъ ихъ до такой степени, чтобы чувствовать изумленіе при новой встрѣчѣ съ ними. И чтожъ! въ этотъ разъ, каждая вещь вызывала трогательное воспоминаніе; даже мармориный полъ большой залы приводилъ меня въ трепетъ, напоминая прежнее время, когда я въ жилкахъ калекъ искалъ фантастическихъ рисунковъ.

Замокъ холоденъ и мраченъ. Онъ скорѣе кажется населенъ привидѣніями чѣмъ живыми людьми. Огромныя лѣстницы звучны и стѣиваются могодой. Гостиная отворается только тогда, когда я вѣщаю; кресла стоятъ подъ чехлами, какъ въ саваннахъ; на аркѣ, къ которой никто не прикасается со смерти моей матери, каждый годъ обрываются по нѣсколько струнъ, испуская стоны, потрясающіе безмолвіе. Старинныя семейныя портреты, въ законтфѣльныхъ рамахъ, стражами сто-

лтъ въ галлерей, и кажутся служить живыми истолкователями наследованнаго девиза. *Сильно ненавидѣть!* ропшутъ суровые войны, съ рѣшимостью положить руку на эфесъ меча. *Слишкомъ любить!* со вздохомъ шепчутъ нѣжные призраки женщинъ, улыбающихся въ этомъ полумракѣ. Съ почтениемъ я поклонился этимъ предкамъ, чувствуя, передъ этими гордыми лицами, передъ этими взорами, полными нѣжности, весь обзоръ тревожной, безпокойной жизни моей и сердечнаго одиночества.

Отецъ поддерживаетъ замокъ именно столько, сколько нужно, чтобы это уединеніе не сдѣлалось развалинами. Въ домы онъ употребляетъ на умноженіе фермъ, заводовъ. Такъ какъ онъ никого не принимаетъ, то ему великолѣпные поком совершенно излишни, бывши нѣкогда славою этого прекраснаго мѣстнаго. Его простая и строгаго характера комната завалена книгами. Большой портретъ матери занимаетъ почти всю стѣну. Надъ каминомъ виситъ портретъ Людовика XVI. Въ глубинѣ алькова, противъ портрета, на бархатномъ полѣ изъ слоновой кости Распятіе. Не случайно размѣщены эти два послѣднія изображенія. Ты знаешь достойныя уваженія мысли моего отца. Онъ не простилъ еще Франціи смерти Людовика XVI, и вспоминая объ этомъ страдальцѣ, говоритъ всегда: «Мой король!» Съ 21 января 1793 г., исторія для него стала кошмаромъ. Христу же онъ повѣряетъ въ уединеніи всѣ мысли свои, и ищетъ въ немъ утѣшенія скорби. На столѣ предъ нимъ всегда раскрыта книга Подражанія. Иногда онъ читаетъ Монтеня, въ которомъ, какъ сказалъ мнѣ однажды, находитъ не скептицизмъ, но изображеніе вѣры чисто челоувѣческой, которая подвергается колебанію, свойственному немощи нашего разума.

Только одна комната, во всемъ этомъ грустномъ обиталищѣ, тщательно содержится и убрана, это комната моей матери. Въ комнатѣ все также свѣжо, все также улыбается, какъ въ тотъ день, когда испустилъ я здѣсь первый крикъ. Каждое утро, по приказанію отца, перемѣняютъ на консоляхъ цвѣты. Иногда вечеромъ, прежде чѣмъ войти къ себѣ, графъ де-Рьянваль приходитъ провести часъ въ этомъ святилищѣ. Онъ садится тутъ, погружается въ размышленія и только это нѣ

что видятъ его слезы. Всадъ онъ холоденъ и торжествененъ, тутъ же, онъ не удерживаетъ своего сердца и позволяетъ глазамъ навѣвать ему. Когда онъ выходитъ изъ этой комнаты, глаза его влажны. За обѣденнымъ столомъ пустое кресло обозначаетъ мѣсто графини де-Рьянваль. Всѣ любимыя ею предметы сохраняются съ любовью, такъ что видя всюду слѣды ея, думаешь, что не видишь ее самой, и думаешь всегда вотъ она появится, полная молодости и прелести, въ величественной рамкѣ старинныхъ рѣзныхъ дверей.

Отъ чего я улекся сегодня удовольствіемъ рассказывать тебѣ всѣ эти впечатлѣнія? Оттого, что душа моя вдругъ переполнилась разнообразными ощущеніями; оттого, что мѣста дѣтства моего, кажется, говорятъ со мной, совѣтуютъ мнѣ. Они оправдываютъ мое отвращеніе къ свѣту, мою склонность къ уединенію и размышленію. Здѣсь все дышетъ покоемъ, все призываетъ къ размышленію. Нѣтъ, не холодъ могилы обхватить меня, а чудная тишина святилищъ, миръ божественной любви. На кровъ этотъ снизошло благословеніе и святость обитаетъ надъ нимъ.

Помнишь ли лице моего отца, благородное и грустное, лобъ высокій, глубоко впадые голубые глаза; щеки темныя; губы правильныя и гордыя, жилы сквозятъ черезъ прозрачную кожу. Волосы становятся рѣдки и сѣдѣютъ. Онъ высокъ, худъ, въ величественной осанкѣ его видна какая-то кроткая строгость. По позѣ его угадываешь гордость, по взгляду скорбь, терпѣливо переносимую. Одѣтый всегда въ охотничье платье, онъ умѣетъ облагородить свой костюмъ; и его фуражка, которую онъ приподымаетъ медленно и важно, идетъ къ нему какъ шлемъ.

Когда я пріѣхалъ, отецъ, услыжавъ стукъ кареты, вышелъ на крыльцо. Онъ обнялъ меня и съ силою прижималъ къ груди; потомъ не выпуская изъ объятій, повелъ къ себѣ въ комнату, спрашивалъ меня съ тою же материнскою заботливостью, какъ во времена моего дѣтства.

— Валентинъ, ты блѣденъ, сказалъ онъ, проводя пальцемъ по моимъ щекамъ, не былъ ли боленъ? не страдалъ ли?

Я отвѣчалъ, что былъ здоровъ. Онъ угадалъ меня, тихо покачалъ головою, задумался и сказалъ:

— И ты, мое бѣдное дитя, страдаешь отъ столкновенія съ свѣтомъ. Не честолюбіе ли?...

Я съ негодованіемъ отвергъ эту мысль.

— Или любовь? продолжалъ важно отецъ.

Я покраснѣлъ.

— Я надѣюсь, сынъ мой, прибавилъ онъ строго, что ты остаешься достоинъ своего имени; что ты сталъ блѣденъ не отъ угрызений совѣсти, а отъ благородныхъ страданій.

— Клянусь вамъ батюшка...

— Не клянись, Валентинъ; дворянинъ не долженъ расточать своего слова. Я тебѣ вѣрю, и не спрашиваю ничего болѣе. Ты любилъ, ты страдалъ, и пришелъ искать здѣсь утѣшенія; хорошо; благодарю тебя и Богъ благословитъ тебя за эту мысль. Оставь при себѣ эту тайну. Сыну моему не въ чемъ оправдываться, потому что я не обвиняю его.

Я былъ взволнованъ; графъ погруженъ въ размысливаніе.

— О! любовь! любовь! прошепталъ онъ наконецъ съ выраженіемъ, отзывавшимся воспоминаніемъ о моей матеря.

Я хотѣлъ разсѣять его грусть.

— Позвольте мнѣ открыть вамъ тайну, которой открытія вы потребуете, сказалъ я ему, взявъ обѣ руки. Вы мой первый другъ, вы поможете мнѣ прочесть, что у меня въ сердцѣ. Мнѣ нуженъ совѣтъ. Я чувствую, что дожилъ до рѣшительной минуты. Я стою на краю безпредѣльныхъ пространствъ, я чувствую головокруженіе; мнѣ нужна рука, которая удержала бы или толкнула бы. Позвольтежъ, батюшка, разсказать вамъ первую повѣсть сердца моего.

— Ну, Валентинъ, сказалъ мнѣ съ улыбкой этотъ безподобный другъ, откройся мнѣ во всемъ; я слушаю.

Я разсказалъ все, что ты знаешь, мои душевные безпокойства, мои волненія, мои надежды, мое страшное разочарованіе. Когда я кончилъ, отецъ поцаловалъ меня въ лобъ, какъ дѣлалъ это, когда я былъ ребенкомъ, и сказалъ съ выраженіемъ неподражаемой доброты, нѣжной ироніи и состраданія: дитя!

Я посмотрѣлъ на него. Двѣ слезы блестя на глазахъ его. Я былъ глубоко тронутъ этою чувствительностью. Я хотѣлъ говорить; но отецъ предупредилъ меня.

— Да, ты дитя, продолжалъ онъ, и такимъ я люблю тебя;

потому что все, что называется во Франціи взрослымъ человекомъ, заслуживаетъ только ненависти или презрѣнія. У насъ обонять несчастія душа; дѣйствительность неудовлетворяетъ насъ. Я не совѣтую, чтобы ты поступилъ какъ я, замкнулъ сердце, потому что гости моющіеся его, не достойны оставаться въ немъ. Нѣтъ. Храни свою вѣру. Можетъ быть тебѣ даятся откровеніе, такое же сладостное, такое же прекрасное, какое когда-то явилось мнѣ. Будь тогда счастливѣе отца! Дай Богъ, чтобы ты сохранилъ долѣе ту, которую онъ избересть тебѣ! Мы еще поговоримъ Валентинъ о твоихъ задушевныхъ мысляхъ; мнѣ нужно объ этомъ подумать.

Этимъ кончился пока разговоръ нашъ объ этомъ предметѣ, потомъ мы говорили о другомъ. Вечеромъ, за обѣдомъ, отецъ былъ задумчивъ и озабоченъ. Въ движеніяхъ его обнаруживалось лихорадочное безпокойство. Однакожъ, онъ былъ со мной ласковъ, смотрѣлъ на меня съ нѣжностью, и, казалось, навинялся, что не умѣлъ съ большимъ тщаніемъ скрыть своихъ душевныхъ безпокойствъ. Когда мы пришли къ столу, я вспомнилъ, что отецъ, соблюдавшій съ вѣрою и набожностью христіанскіе обычаи, садился за столъ не иначе какъ съ молитвою. Потому я стоялъ и ждалъ. Дѣйствительно, графъ снялъ фуражку и прошепталъ нѣсколько словъ. Я былъ въ затрудненіи, но вида примѣръ благочестиваго отца, я перекрестился и припоминалъ слова передъ обѣденной молитвы.

— Валентинъ, сказалъ мнѣ серьезнымъ тономъ отецъ, окончивъ молитву, если ты потерялъ привычку молиться, то не дѣлай этого изъ вынужденія и изъ угожденія мнѣ. Нельзя вѣровать въ Бога изъ учтивости, дитя мое; кушай какъ кушаешь ты въ парижской кофейной; я твердо знаю, что тамъ ты не читаешь молитвы. Я воспользовался урокомъ.

Смѣйся надо мной, если хочешь; но я не ручаюсь, чтобы до отъѣзда своего, снова не принялся за то же; но только ужъ съ искренностью. Я стыжусь и досаую, что не во всѣхъ отношеніяхъ раздѣляю чувствованія моего отца.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Графъ былъ занятъ мыслями. По временамъ онъ сдерживалъ вздохи. Я не смѣлъ спросить его о причинѣ этихъ внутреннихъ страданій; но я выжидалъ

случая, проникнуть въ его тайну. За десертомъ желаніе мое исполнилось.

Когда старый слуга Антоанъ подавалъ мнѣ тарелку, отецъ сказалъ мнѣ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Знаешь, Валентинъ, Антоанъ чуть не оставилъ меня?

— Возможно ли? спросилъ я, быстро оглянувшись.

Антоанъ, нѣсколько смущенный, обтиралъ тарелку и краснѣлъ. Отецъ продолжалъ.

— Боже мой, да, онъ сталъ честолюбивъ. Мосье Антоанъ вообразилъ, что именно изъ такого матеріала какъ онъ, республика выдѣлываетъ своихъ законодателей; и еслибъ я не врипалъ мѣрь, онъ былъ бы уже кандидатомъ! Я не смѣлъ смѣяться, столько было сарказму въ словахъ отца. Антоанъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, проговорилъ:

— Ваше сіятельство, не дозволили еще простить мнѣ этой шутки?

— Какая это была шутка. Да, любезный Валентинъ, большіе уѣздые колпаки, задумали вписать Антоана въ число избираемыхъ. Хотѣли ли они сыграть со мной шутку или рассчитывали на законодательныя способности гражданина Антоана, не знаю? Только, комитетъ его избралъ, вездѣ были прибиты аффиши, и ему предложено было кандидатство. Но, я долженъ сказать, Антоанъ отказался. Онъ не находилъ средства согласить обѣ обязанности, вести въ одно время мое хозяйство и хозяйство республики. Я получилъ предпочтеніе; но онъ кается.

— Помилуйте, ваше сіятельство, сказалъ Антоанъ, съ покорностью человѣка, который готовъ снести горькіе намѣки.

Вспомнивъ нѣкоторыя мысли моего отца, я виѣшался въ разговоръ.

— Мнѣ казалось, сказалъ я ему, что на послѣднія событія во Франціи, вы смотрѣли довольно снисходительно.

— Да, Валентинъ, ты говоришь правду, отвѣчалъ отецъ, съ печальною важностью, бросивъ насмѣшливый тонъ. Но я желалъ бы, чтобы время, достойно было великодушнаго честолюбія и души, какія у тебя. Ты обламываешь крылья свои въ пустомъ пространствѣ, я хотѣлъ бы указать тебѣ цѣль. Но

все таки я лучше люблю твои мученія, чѣмъ миръ твоей души, приобретенный цѣною чести. Я мало забочусь о томъ, что дѣлается; журналовъ не читаю. Я позволилъ взять одно дерево изъ моего парка, и посадить въ грязную деревню; но я чувствую, что оргія, заставившая бѣжать нашихъ отцевъ, еще продолжается: Франція еще безумствуетъ отъ угрызенія совѣсти; со времени смерти моего короля, она боится тишины и спокойствія. Она бѣгаетъ какъ леди Макбетъ, среди призраковъ, которые вызываетъ, среди видѣній, которые привлекаютъ ее и ужасаютъ. Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ проклятiе тяготитъ надъ этою страной; ее покрываетъ кровь какъ грязь; предметы уваженія мѣняются со дня на день. Я давнымъ давно чувствую неумолимую ненависть ко всему, что у насъ происходитъ. Эмиграція была погрѣшностью, которая повлекла къ влодѣнiямъ. Бѣглецы отъ эшафота соединились съ врагами отечества. Я одинъ составляю свою партію съ Богомъ и совѣстью. Мы живемъ въ какой-то сумятицѣ. То плачемъ, то смѣемся, то деремся среди лѣта, то зимой снимаемъ мостовую. Но среди всѣхъ этихъ волненій проглядываютъ фокусы паяса, который во Франціи всегда будетъ мѣшать серьезнымъ, благороднымъ чувствованіямъ войти въ моду.

Ты, сынъ мой, ты еще только что любишь, и дай Богъ, чтобы всегда такъ было. Ты любишь слишкомъ. Это законъ нашей фамиліи. Мнѣ же, любящему только тебя, пришло время ненависти и я ненавижу сильно, какъ желали наши отцы. Франція будетъ спасена въ тотъ день, когда станетъ ненавидѣть съ такою же настойчивостью, съ какою она любитъ все, что ей предлагаютъ. Ненависть-то дѣлаетъ меня предусмотрительнымъ въ отношеніи къ тебѣ. Я чувствую, что этой душѣ, взмахивающей такъ сильно крыльями, нужны пространства; но воздухъ вездѣ зараженъ. Богъ вдохновилъ меня, Валентинъ.

Разговоръ продолжался и послѣ обѣда. Я видѣлъ, съ какимъ стараніемъ отецъ хотѣлъ найти пищу безмолвной дѣятельности моего ума. Мы говорили о матушкѣ, посѣтили ея комнату и расстались очень поздно; отецъ въ раздумьи, а я, почти нецѣлшившійся отъ раны, съ которой пріѣхалъ, и проникнутый какимъ-то чуднымъ спокойствіемъ.

Въ послѣдующіе дни, я гулялъ по парку, гдѣ увидѣлъ снова старыхъ друзей моего дѣтства, т. е. большія деревья, надуманныя статуи. Я просилъ у нихъ совѣта, внушеній. Отецъ всегда сопровождалъ меня; но не возобновлялъ разговора о признаніи, которое я сдѣлалъ ему въ день пріѣзда. Наконецъ вчера, онъ сказалъ мнѣ серьезнымъ тономъ:

— Валентинъ, я размышлялъ о томъ, что ты говорилъ мнѣ, и буду виноватъ передъ Богомъ, если не укажу тебѣ единственнаго пути спасенія и счастья, который можетъ только открыться такой душѣ, какъ твоя. У тебя, дитя мое, непреодолима жажда любви, а между тѣмъ всѣ источники, изъ которыхъ ты могъ бы испить, отравлены. Если я дозволю тебѣ возвратиться въ Парижъ, ты снова примешься просить немного любви, какъ милостыни, у женщинъ, которыя обманули тебя и которыхъ свѣтъ сдѣлалъ немолчимами. У тебя мечты святыя, или скорѣе, ты имѣешь настоящее понятіе о любви; но ты одинокъ въ этой смутной толпѣ. Что станется съ тобою? Легкія нитраги оскверняютъ сердце. Дурные элементы развратили наши нравы. Правда, всегда существовали непрочныя добродѣтели; и хотя я любилъ невоздержность; но и среди шалостей, идеальное всегда руководило нѣкоторыхъ избранныхъ. Въ наше же время, пошлыя привычки, стремленіе къ матеріальнымъ наслажденіямъ, мелкое честолюбіе, сдѣлали женщинъ соучастницами всѣхъ низостей мужчинъ. У нихъ также нѣтъ твердости въ началахъ, нѣтъ сознанія любви къ прекрасному. Что жъ ты станешь дѣлать? Если бы даже ты былъ достаточно твердъ, достаточно осмотрителенъ, чтобы сохранить свою независимость, чѣмъ удовлетворилъ бы ты эту ненасытящую потребность любви. Дружбой? она столько же обманчива, какъ любовь (Отецъ не знаетъ, любезный Арманъ, до какой степени ты мнѣ преданъ). Что же касается до честолюбія, мнѣ нечего тебя предостерегать отъ него. Посмотри на эту комнату, Валентинъ; здѣсь-то, самая чистая, самая кроткая изъ женщинъ, жала тебѣ жизнь; здѣсь-то я провелъ лучшія минуты жизни, въ чистомъ упоеніи, которое дѣлало меня добрымъ и возвышало душу мою? Почему жъ подобное счастье не обманитъ тебя. Женщины, какъ твоя мать, рѣдки; но если бы даже существовала только одна подобная ей, и то не отчаивайся встрѣтить ее.

Бракъ, заключенный нелегкомысленно, добросовѣтно, по свободному влеченію, двухъ чистыхъ душъ, служить мой другъ; надежнѣйшимъ убѣдителемъ, святилищемъ для другихъ непроницаемымъ. Повѣрь въ этого отца, повѣрь уваженію, которое сохранилъ ты къ памяти матери. Развѣ ты чувствуешь какое-нибудь нерасположеніе къ браку?

— Никакого, отвѣчалъ я, я смотрѣлъ на бракъ какъ на общеніе двухъ душъ на жизнь и вѣчность. Я думаю, что онъ требуетъ великихъ добродѣтелей, серьезныхъ испытаній.

— Да будетъ эта компанія свидѣтельница, продолжалъ отецъ съ религіозною восторженностью, что бракъ, на униженный расчетомъ или пустымъ тщеславіемъ, есть видная молитва человѣчества. Мой старикъ Монтень, котораго я читалъ утромъ, говоритъ, что бракъ есть освященный камень, на который возлагаются чистѣйшіе дары. Женись, Валентинъ, если хочешь сохранять чистоту свою и дать своему сердцу пищу, которая бы избавила его отъ бреда алчущей души. Что слѣлаешь ты изъ этой юношеской свободы? Откладывать, значить возищать у самого себя годы истиннаго блаженства. Вотъ планъ, который я предоставляю на твой судъ. Никто изъ нашей фамиліи не отдавалъ руки, не отдавъ вѣстѣ и сердца. Ты свободенъ въ выборѣ, и я признаю за дочь только ту, которую сынъ представитъ мнѣ самъ. Недавно я получилъ письмо отъ стараго моего друга, барона де Сентъ-Ора, который живетъ въ уединеніи въ своемъ домикѣ въ Провансѣ. Онъ добрый дворянинъ, не такъ несговорчивъ какъ я, но также вѣренъ правому дѣлу. У него есть дочь; ты знаешь, ты видѣлъ ее: она подруга твоего дѣтства. Она должна быть воспитанна въ религіозныхъ правилахъ; Сентъ-Оръ въ письмахъ своихъ мнѣ всегда говоритъ о ней съ гордостью, внушаемой не одною родительскою любовью. — Позвай провести нѣсколько дней въ Провансѣ и обнять старыхъ друзей твоего отца; они будутъ тебѣ рады. Въ простотѣ провинціальной жизни, ты увидишь Эмею де-Сентъ-Оръ, оцѣнишь ее; я не стану выдавать тебя за жениха. Будь свободенъ и если необманчивое внушеніе, дастъ мнѣ этотъ совѣтъ, ты напишешь, и я слѣлаю предложеніе. Что скажешь о моемъ планѣ?

— Принимаю его съ радостью отвѣчалъ я, сжимая руки отца.

Дѣйствительно, мой другъ, по мѣрѣ того, какъ говорилъ мнѣ графъ въ этой чтимой мною комнатѣ, глазами моими представлялось восхитительное видѣніе; я слышала неопредѣленные гармоническіе звуки; сладостный голосъ, подобно пѣнію, шептала моему сердцу: «разсудокъ говорить, тебѣ совѣтуетъ твой добрый геній». До полночи, продолжалась въ этомъ убѣжищѣ, казавшемся намъ моленной, между мною и отцомъ одна изъ тѣхъ задушевныхъ, сладкихъ бесѣдъ, которая отдыхаетъ отъ жизни и мечтаетъ о небѣ.

И такъ черезъ два или три дня я отправаюсь въ Провансъ; туда пишите ко мнѣ. Не знаю чего я долженъ ожидать изъ этой поѣздки. Въ послѣдній разъ, какъ я видалъ Эмею де Сентъ-Оръ, она была ребенокъ. Она ли будетъ та женщина, которой я прошу у Бога. Ужъ не знаетъ ли отецъ больше чѣмъ онъ высказалъ. Не готовитъ ли онъ мнѣ печальности? Вотъ вопросы, которые, съ немалымъ душевнымъ смятеніемъ, я дѣлаю самому себѣ и предаю на твой судъ, съ твердостью, ожидая твоихъ насмѣшекъ, которыми безъ сомнѣнія будешь отвѣчать мнѣ. Но что бы ты не говорилъ и чтобы ни думалъ, если я женюсь, то хочешь не хочешь, ты будешь моимъ шаферомъ. Смѣйся же сколько душѣ угодно, я столько же не боюсь твоихъ насмѣшекъ, сколько люблю тебя.

ПИСЬМО VI.

Арманъ къ Валентину.

Венеція, июль.

Любезный другъ, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, и я болѣе уже не шучу. Тебя хотѣли женить и ты не противился.

Тебѣ жениться? т. е. связать кого-нибудь твоими несбыточными мечтами? Неужели ты воображаешь, что жена твоя будетъ вѣчно подлѣ тебя, и закрывши ротъ, станетъ слушать тебя, восхищаться тобой и сочувствовать тебѣ? Неужели она вѣчно будетъ говорить: «о Клопштокъ! Клопштокъ!» и у дессертовъ твоихъ не отниметъ нѣсколькихъ минутъ на туалетъ, на хозяйство! Что станешь дѣлать, когда твои элегіи заставятъ жену зѣвать и когда наконецъ ты ей наскучишь?

Тебѣ жениться! т. е. завестись хозяйствомъ, жить скрабомъ, обременить себя отвѣтственностью, барщиной, сарматскими кухонными расчетами!

Я предлагаю твой отвѣтъ. Ты думаешь жениться только въ томъ случаѣ, если встрѣтишь волшебницу, добраго ангела, сама-за твоихъ мечтаний. Но горячность, съ какою ты преслѣдуешь этотъ призракъ не увѣритъ ли тебя, что ты нашелъ ея, и потомъ, когда ты откроешь, что обманулся, что сватается съ тобой! Валентинъ, Валентинъ, ты пугаешь меня; твой гетъ просто идиотъ, и я уже чувствую, что руки мои омочены слезами, которыя прольешь ты въ одинъ прекрасный день.

Я прошу тебя ради нашей дружбы. Я тебѣ ничего не пишу о Венеціи; лучше подожду тебя.

ПИСЬМО VII.

Валентинъ къ Арману.

Провансъ, июль.

Прежде всего знай, любезный Арманъ, что церковнаго оглашенія еще не было. Въ Эдмеѣ де Сентъ-Орѣ я нашелъ взрослую, прекрасную, очень робкую и скромную дѣвицу, которая едва рѣшилась протянуть руку товарищу своего дѣтства. Приѣмъ отца и матери ея былъ самый дружескій; вотъ и все. Я не влюбленъ, и очень далекъ отъ того, чтобы сдѣлать предложеніе. Доказавъ такимъ образомъ, что твоя проповѣдь еще рановременна, я отвѣчаю на твое письмо.

Что ты за вадоръ городишь? Отчего, если я найду душу, которая пойметъ меня, не пожелать мнѣ привязать ее къ себѣ на вѣки? Твоя прелюдія: *Пусть пройдетъ молодость!* вышла ужъ изъ моды. Отчего же перестану я быть молодымъ и счастливымъ, если, вмѣсто того, чтобы утомить себя любовью контрабандною, могу согласить потребность моего сердца съ достоинствомъ моего имени и званія?

Вы, матеріалисты, проповѣдующіе въ косъ и въ кривь, вы переносите свою любовь съ чердака въ гостиную, проходя черезъ переднюю и вваживаете себѣ на плечи хлопоты двадцати мужей, обременяя себя множествомъ заботъ и предосторож-

постей, необходимых для того, чтобы наблизить посѣднія или дурныхъ послѣдствій народоверствя.

А между тѣмъ вы не боятесь надѣваться на человѣка, который открыто и громко можетъ призывать на избранію его сердцемъ, благословеніе Бога, уваженіе людей! Вы находите хитрою окружать себя такою радостью, безвѣжескими счастьемъ, съ которыми соединяется семейная жизнь.

Ты очень хорошо знаешь, что если я женюсь, то только по убѣжденію, что найду въ женѣ столько же преданности ко мнѣ, сколько я чувствую къ ней, если я, слѣдуя закону, подчинюсь съ радостью образу гражданскаго брака и церковнаго благословенія, то потому только, что Богъ уже милостиво воззрѣлъ на союзъ двухъ душъ, отвѣка предназначенныхъ одна другой.

И почему любовь убѣгала бы жилища супруговъ? Развѣ она боится непорочности, цѣломудрія, и развѣ ее скорѣе находятъ въ распутствѣ? Эта совокупная жизнь, которою ты хочешь устрашить меня, представляется мнѣ исполненною вѣчно новыхъ прелестей, сладкой задушевности. Матеріальныя хлопоты, которыми хочешь возмутить меня, я допускаю какъ немощи, напередъ уже подразумѣваемые, но они всегда уходятъ отъ мысли. Развѣ болѣзни и пошлости, которые могутъ обнаружиться въ семейномъ быту, отвращаютъ сына или брата отъ любви къ матери или сестрѣ? Какъ бы то ни было, но я, который никогда не зналъ ни материнскаго поцѣлуя, ни сладкихъ объятій сестры, я буду любить жену какъ мать, какъ сестру. Нѣтъ, мой другъ, я не потребую, чтобы она повторила безпрестанно: Клоштокъ! Клоштокъ! но я желаю бы, чтобы она была такъ неразрывно соединена со всѣми нашими впечатлѣніями, что уважала бы ихъ даже тогда, когда бы они вовсе не согласовались съ ея впечатлѣніями и умѣла бы устроить наше существованіе такъ, чтобы оно удовлетворяло потребностямъ тѣла и духа.

Старинныя эпиграммы на супружескую жизнь и мущей, чуждыя нежности, къ которымъ бы тебѣ не слѣдовало прибѣгать. Я предполагаю, что мадамъ де Сентъ-Орѣ также благородна, также благородна душой, какъ она прекрасна. Я думаю, что такой же лучъ, какимъ Богъ озарилъ душу моея матери;

оживалась эту непорочную дѣвушку. Почему жъ я буду сѣ-
монь, если женюсь на ней? Развѣ лучше сдѣлаю, если обом-
лчу ее? Почему же въ союзѣ двухъ душъ, одна другой отвѣ-
чающихъ, ты находишь поводъ къ расслабленію духа. Станешь
ли отрицать возможность найти двѣ души подобныя одна дру-
гой? Если ты допускаешь возможность ихъ существованія, то
почему онѣ не стануть искать одна другую и наконецъ не
встрѣтятся?

Полно, любезный Арманъ, дай Богъ, чтобы желаніе отца
скорѣе осуществилось и чтобы я могъ съ благоговѣніемъ пре-
клонить колѣна передъ дѣвушкой, которая пойметъ мою
скорбь и не побойтся моей грусти! Ты увидишь тогда угасну-
ли я; охладѣю ли и не заставлю ли тебя завидовать истинно-
му блаженству, святому упоенію нашей юной семейной жизни!
Истинная поэзія та, которая отдаетъ воображеніе на служеніе
совѣсти и долгу. При такомъ взглядѣ на вещи нѣтъ ничего
поэтичнѣе въ мірѣ, какъ бракъ, прямодушно задуманный и
христіански заключенный.

Такимъ образомъ, любезный другъ, ты будешь у меня на
свадьбѣ; но еще есть время, продолжай свое путешествіе, ни-
что не предвѣщаетъ скорого осуществленія моей мечты.

И такъ я въ Провансѣ, у мосье де Сентъ-Ора. Въ другой
разъ сообщу тебѣ подробности о мѣстности и мнѣхъ хозяе-
внѣхъ. Сегодня ты не стоишь ничего болѣе, какъ рассказа о
моемъ пріѣздѣ.

Вчера, въ девять часовъ вечера, въ погоду страшную, съ
барометрической точки зрѣнія, но чудесную для унылаго ме-
тателя, какъ въѣхалъ я въ возлюбленный градъ графовъ
Бри и Шампань. Подъѣзжая туда по троасской дорогѣ и
отыскивая сквозь вечерній туманъ развалины замка Тибо,
стикомлета, я вспомнилъ эпитафію, посвященную имъ любви,
в прозентагъ:

„Ужъ нѣтъ любви, которая душою
Васъ заставляла бы любить,
Любовники фальшивые давно
Жизнь сладкую отняли у насъ.
Любви живой нѣтъ, лишь обманъ.
Объ истинной любви молитесь Богу!“

.. Да, я буду молиться, потерплю я съ стѣсненными сердцемъ. Съ самого прѣзда моего сюда, эти стихи преслѣдуютъ меня, и все у меня на умѣ. Не духъ ли Тибо посѣтилъ любимую гору, и взываетъ ко мнѣ, ищущему также любви, чтобы я успокоилъ его тѣнь?

Шель проливной дождь, одинъ изъ тѣхъ чудныхъ дождей, бурныхъ, неистовыхъ, въ которыхъ слышатся рыданія и плачь.

Я смотрѣлъ на тучи, которыя съ своими фантастическими гривами, неслись надъ моимъ экипажемъ, съ обѣихъ сторонъ; видѣлъ какъ онѣ вдругъ сталкивались пронзенныя остріемъ молніи, и заходящее солнце багрянымъ потокомъ обливало прорѣзъ, зівавшій какъ кровавая рана. По временамъ, буря утихла, очищенное небо дѣлалось фіолетовымъ. Однѣ только блуждающія облачка, въ быстромъ набѣгѣ, собирались у воротъ горизонта. Тогда солнце разстило по своду лучи свои и бросало ихъ съ какимъ-то презрительнымъ снисхожденіемъ на темныя массы, ползавшія у ногъ его.

Величественные лучи, подобно взорамъ избранныхъ геніевъ, которые порождаютъ героевъ, оживляли, вѣнчали, такъ сказать, и облекали въ цвѣта радуги эти влажныя горы. Мнѣ представилось тогда, мой другъ, восточное видѣніе. Мнѣ казалось, что холмы брійскіе служили пьедесталомъ какой-нибудь Алгамбрѣ; что въ свѣтлозарномъ пару поднимались куполы, минареты; облака пѣли хвалу солнцу; потомъ, по мѣрѣ того, какъ проникались свѣтомъ, они, подобно себялюбивымъ и неблагодарнымъ льстецамъ, расширялись, надувались, обхватывали пространство, призывали бурю; яростныя спяски облаковъ затмѣвали небо.

Въ этомъ хаосѣ были предметы, которымъ я сочувствовалъ. Въ трехъ льѣ отъ Прованса, на одной станціи, я оглядѣвъ, въ преобразованіяхъ прелестнаго жемчужно-розоваго облачка, которое особенно заняло меня. Тихо скользя по небу, надъ толпою другихъ облаковъ, по одному съ ними направленію, оно шло впереди всѣхъ. Возлѣ этого безпорядочнаго скопища облаковъ, облачко это имѣло видъ достойнаго простодушнаго чело-вѣка, неутратившаго своихъ иллюзіи. Я боялся, чтобы страш-

нѣя живина' облаковъ, которая быстро подвигалась за нѣмъ, опередивъ не раздавила бы его.

Я думалъ, если облачко потащено будетъ преслѣдовавшими его тучами, то въ Провансѣ ждетъ меня неудача; если же, напротивъ, оно останется невредимымъ и тучи разобьются, недостигнувъ его, тогда я буду счастливъ. Можешь же представить себѣ съ какимъ вниманіемъ я сталъ тогда наблюдать за движеніями этихъ двухъ бойцовъ. Въ минуту величайшаго моего безпокойства, вдругъ поднялся вихорь. Вѣтеръ и дождь были мнѣ въ глаза, я не могъ ничего видѣть, и пересталъ смотрѣть изъ окна кареты; когда же я снова выглянулъ, ненашелъ уже ничего, ни даже большой тучи. Вихорь все размялъ, небо снова прояснилось на нѣсколько времени и я не зналъ результата моего наблюденія: какое могъ я вывести заключеніе? Я непредвидѣлъ уничтоженія моего оракула, который погибалъ вмѣсто того, чтобъ отвѣчать мнѣ. Въ досадѣ я бросился въ уголъ кареты. Я пріѣхалъ въ Провансѣ среди вихря, съ дождемъ, градомъ, молніею и ночью. Если должно здѣсь случиться что-нибудь для меня важное, то едвали кто вступалъ на сцену съ большимъ шумомъ, какъ я.

Конецъ моего странствованія, похожъ нѣсколько на сказку о спящей красавицѣ. Когда счастливый смертный, готовый прощѣть: «Проснись красавица!» вступалъ въ аллею замка, то легенда утверждаетъ, что ему стоило большаго труда добраться до замка, терновникъ загорожалъ ему дорогу, и онъ принужденъ былъ пролагать себѣ путь шпагою. Кажется, что огонь, оковывавшій даже пламя въ очагахъ, не прикасался къ живому соку деревъ, и птицы, дремавшія на вѣтвяхъ, въ продолженіе ста лѣтъ, не мѣшали имъ расти.

Смирный домъ мосье де Сентъ-Ора, не былъ во власти волшебницъ и заколдованъ, и я могу утвердительно сказать тебѣ, что огонь на кухнѣ не спалъ; но это не помѣшало мнѣ испытать на пути къ дому нѣкоторыхъ неудачъ сказочнаго прищда.

Провансѣ раздѣляется на верхній и нижній городъ. Мосье де Сентъ-Оръ живетъ на самой верхушкѣ горы. Мнѣ пришлось выйти изъ экипажа и взбираться по крутой тропинкѣ, проле-

женной, какъ утверждаютъ, для сокращенія пути. Я увѣренъ, что это такъ, для того, кто спускается, потому-что спускающійся по ней подвергается опасностямъ крутизны, которая можетъ сократить не одну только дорогу; но для тѣхъ, кто исходить, клянусь, эта тропинка — злѣйшая изъ насмѣшекъ. Впереди меня шелъ туземецъ, съ моимъ чемоданомъ и фонаремъ.

Сильный вѣтеръ качалъ вокругъ насъ деревья; ноги вязли въ размоченной дождемъ землѣ; и такъ какъ я находился въ впечатлительномъ настроеніи духа, то имѣлъ удовольствіе, въ продолженіе получаса создавать себѣ самыя причудливыя и фантастическія страхи и ужасы. Все было вокругъ насъ страшно черно. Сучья, пригнутые бурей, били меня по лицу и подходили на огромныя мокрыя руки, которые старался удержать меня; если я бралъ немного въ сторону, терновники цѣплялись за меня, какъ когти; прибавъ къ этому завыванье вѣтра, таинственный свѣтъ, бросаемый фонаремъ, сквозь туманное стекло, бѣшеный лай собакъ, раздающійся сверху и снизу, плачевный звукъ, производимый каплями дождя, которыя падали на листья и на мою спину, шорохъ мелкихъ камней, которые обваливались при всходѣ моего путеводителя, и катились внизъ, задѣвая меня за ноги; прибавъ еще къ этому настроеніе моего духа, утомленіе отъ дороги, скуку испытанную и скуку предвидимую, можетъ быть даже голодъ, и ты будешь имѣть понятіе объ этомъ маленькомъ кошмарѣ.

Эта кременистая тропинка, превращенная дождемъ въ потокъ, принимала ночью адскіе размѣры. Мнѣ казалось, я задѣвалъ руками гномовъ, ступалъ по баснословнымъ животнымъ, которыя являлись воображенію Калло; чувствовалъ на лицѣ влажное дыханіе чудовищныхъ псовъ; путеводителя мой представлялся мнѣ мертвецомъ; поднявъ голову, я увидѣлъ на черномъ небѣ массу еще болѣе черную, нѣчто въ родѣ неподвижнаго следа, мамонта-циклопа, съ краснымъ во лбу глазомъ, который безамысленно смотрѣлъ, какъ я поднимался къ нему.

Теперь ты видишь, что я имѣлъ основаніе сравнивать себя съ освободителемъ красавицы спящаго лѣса; сравненіе это было совершенно вѣрно въ отношеніи трудностей глуши, но не въ отношеніи цѣли путешествія. Въ награду за перенесенныя

труды я не нашла спящей красавицы, съ длинными ресницами, отягченными столбтнимъ сномъ. Мнѣ не пришлось пролѣть сладкій романсъ передъ шолковою занавѣскою крестницы волшебницы; сердце не забилось радостью и вѣроятно, не здѣсь я долженъ любить.

Послѣ многихъ трудностей, мы наконецъ наткнулись, при своемъ восхожденіи, на темную массу, на черное животное, которое я видѣлъ. Мой путеводитель, которому чудовище было знакомо, проведя рукою по шороховатымъ бокамъ его, ощупалъ пѣчто въ родѣ хобота или хвоста, и сильно принялся дергать. Въ глубинѣ раздался звонокъ; красный глазъ сдвинулся съ мѣста и исчезъ. Послышался стукъ челюсти, похожій также на стукъ ключей и запоровъ. Часть боковъ чудовища вошла въ животъ; мы за нею и вотъ я встрѣтилъ двухъ старыхъ особъ, которыя протягиваютъ мнѣ руки и влекутъ меня въ столовую, пріятно оживленную, гдѣ мои фантастическія грѣзы сладостно замираютъ,—признаться ли тебѣ, между ласковымъ приемомъ семейства де Сентъ-Ора и нѣжными призывами питательнаго обѣда. Теперь ты уже не скажешь, что я не жертвую матерьяльному.

Воспоминанія о волшебницахъ, куда вы дѣвались? Принцъ Миловзоръ, я считалъ себя твоимъ Созіемъ, но твоё страствованіе привело тебя къ такой жалкой развлекѣ. Впрочемъ, я долженъ признаться, что какъ ни была жалка эта развлека, однакожъ я не былъ къ ней нечувствителенъ, и что желудокъ мой меньше былъ бы радъ сказочной развлекѣ.

Изъ этого ты видишь, любезный Арманъ, что у меня также были свои путевыя впечатлѣнія; и для того, чтобы чувствовать живописность ихъ, не нужно ѣхать въ Швейцарію или Италію. Для этого достаточно немного воображенія и нѣсколькихъ капризовъ природы. Мосье де-Сентъ-Оръ помѣстилъ меня, какъ сына, въ старой комнатѣ съ трюмо, въ рѣзбѣ котораго сохранились еще остатки пудры нашихъ бабокъ; и на другой день, проснувшись, я увидѣлъ на обояхъ въ розовомъ передничкѣ пастушку, которая дѣлала мнѣ самый прелестный реверансъ. Это служить мнѣ переходомъ, чтобы сдѣлать и тебѣ реверансъ, пожелавъ простодушія, и охоты, безъ чего

идти путешествовать, которое бы принесло пользу и волнующую думу.

П И С Ъ М О VIII.

Эдме де-Сентъ-Оръ къ Люси де-Крене.

Провансъ, июль.

Рѣшительно ты выводилъ меня изъ терпѣнія, моя добрая Люси. Неужели замужство заставляетъ забывать друзей? Это было бы просто ужасъ, и я бы дала клятву никогда не выходить замужъ, если бы даже пришлось отказаться отъ такой прекрасной партіи, какую нашла ты. Я хочу непремѣнно, чтобы вы писали ко мнѣ, сударыня, я хочу знать, что вы дѣлаете, все также любезенъ-ли вашъ мужъ, какъ былъ въ день свадьбы.

Что станется со мной, если ты забудешь меня? Знаешь, что ты была въ монастырѣ моею повѣренною. Уже и то много, ты далеко отъ меня и замужемъ. Если я должна еще болѣе потерять тебя, въ такомъ случаѣ не знаю на что рѣшиться. Вотъ уже скоро полгода, какъ я не цѣловала тебя.

Какъ ты была хороша въ своемъ подвѣчномъ платьѣ, съ прелестными воалемъ и цвѣточками, которые дрожали на твоихъ челѣ! Я не могла вѣрить, чтобъ ты сдѣлала себя такою прекрасною для этого господина, который такъ дурно навязалъ себѣ галстухъ, и воображала, что вижу тебя опять въ день перваго причащенія. Ахъ! моя милая, также ли бываешь счастлива, какъ тогда, когда съ свѣчкою въ одной рукѣ, а другую положи на грудь идешь съ отверстыми устами и сердцемъ на встрѣчу Бога?

Расскажи мнѣ про свою домашнюю жизнь, про маленькое хозяйство. Хорошо ты устроилась? Я знаю, у тебя было прекрасное приданое, прелестные подарки. Пришли мнѣ эту опись. Умѣешь ли ты вести свои дѣлишки? Кажется, это очень трудно, потому что матушка моя безпрестанно твердитъ мнѣ, что я никогда не буду хорошей хозяйкой; однакожъ я бы очень желала достигнуть въ этомъ совершенства! Я уже на прошлой недѣлѣ смастерила одно пирожное, которое батюшка очень похвалилъ. Черезъ мѣсяць, я хочу попробовать варить варенье.

Думаю, что не хуже другой сужью заказать объѣдъ. Но пріятельныя искусства мнѣ никакъ не даются.

Я отказываюсь рисовать головы. Въ пансіонѣ моя спеціальность были носы. Я рисовала носъ: Юпитера, Ахилла, Велизарія; но никакъ не могла идти далѣе. Уши меня ужасали, а ротъ, требуетъ особой ловкости штриха, которой я не могла достигнуть. Что касается до фортепіано, то я всегда спрашиваю зачѣмъ нѣтъ у него такой же ручки, какъ у шарманки. Тогда я была бы изъ первыхъ; ты знаешь какова у меня рука; она была изъ самыхъ сильныхъ во всемъ пансіонѣ, и, когда нужно было отпереть трудный замокъ, всегда обращалась ко мнѣ. Я иногда играю на нашихъ вечеринкахъ Прованса; укрѣпляясь, что моя арія похожа нѣсколько на польки и джариди; но я никогда не могла играть что-нибудь съ чувствомъ. Моя неловкость и простота приводятъ маманьку въ отчаяніе и она безпрестанно твердитъ, что я никогда не выйду замужъ. Отчего же? Развѣ обязанность хозяйки дома и матери семейства требуетъ умѣнья рисовать другое что кромѣ носовъ? И развѣ мнѣ недостаточно первоначальныхъ правилъ музыки, для увеселенія моего мужа, если онъ захочетъ, чтобы я сыграла ему послѣ объѣда какую-нибудь піеску, или чтобы заставить плясать моихъ дѣтей? А дѣти, чистенькія и миленькія, съ кружевными воротничками и маленькими красными рученками, какъ должно быть пріятно любить ихъ! Мужъ же, я хотѣла бы, чтобы былъ скромный, порядочный. Мы бы никогда не говорили другъ другу—ты; я нахожу это неприличнымъ. Едва только познакомились, едва видѣли другъ друга нѣсколько дней, и вдругъ, тотчасъ обращаться такъ безцеремонно, какъ братъ съ сестрой. Я нахожу эту моду слишкомъ мѣщанскою, слишкомъ странною и вполне увѣрена, что за сто лѣтъ назадъ, такъ не говорили другъ другу. Безъ сомнѣнья это вошло съ революціею; это остатки республики.

Я болтаю какъ пустомѣля и ты, по добротѣ своей, слушаешь меня. Все это отъ того, что мнѣ не съ кѣмъ здѣсь говорить порядочно и свободно, какъ бывало въ монастырѣ. Видѣ ты не показываешь моихъ писемъ мужу? Впрочемъ, онъ и не имѣетъ никакого права видѣть ихъ.

Жизнь моя постоянно спокойна, какъ стоячая вода. Встаю ра-

но, чищу своихъ птичекъ, свой садикъ; смотрю, чтобы наня не перекипятила молока, не простудила кофе. Потомъ, послѣ кофе, запираюсь въ своей комнатѣ, одѣваюсь, читаю молитвы, которыя повторяю по три раза. Увы! у меня нѣтъ задушевнаго друга, кромѣ маленькаго образа Богородицы, который ты дала мнѣ. Остальное время дня вышиваю, читаю журналы, если папенька забылъ очки; выѣзжаю маменькою съ визитами, и ложусь спать, старѣе однимъ днемъ, не проскучавъ, но и не повеселившись.

Ты знаешь, какая у меня строгая маменька. При ней я всегда чувствую себя какъ-то не ловко; свободная и веселая съ папенькой, я дрожу когда мнѣ приходится отвѣчать ей хоть одно слово. Она такъ образована, что заставляетъ меня стыдиться моего невѣжества. Папенька всегда добръ и снисходителенъ. Когда меня бранятъ, онъ защищаетъ; когда я плачу, онъ сажаетъ меня къ себѣ на колѣна и молча цѣлуетъ. Когда погода дурна и у насъ никого нѣтъ, мы сидимъ всѣ трое въ гостиной; маменька читаетъ, папенька нюхаетъ табакъ и постукиваетъ пальцами по ручкѣ кресель, я вышиваю, считаю стежки и, если хочу разсѣять себя и преодолѣть сонъ, колю себѣ иголкою пальцы. Однажды, будучи не въ состояніи преодолѣть дремоту и боясь оказать непочтительность къ папенькѣ и маменькѣ, я быстро встала и хотѣла уйти.

— Куда ты идешь, Эдме? спросила меня маменька.

Я колебалась отвѣчать; но улыбающійся взоръ папеньки ободрилъ меня.

— Я иду зѣвать, маменька, отвѣчала я, сдѣлавъ реверансъ; и дѣйствительно я вышла, чтобы прозѣваться. Маменька пожала плечами, а папенька громко разсмѣялся; мнѣ кажется, что во время моего отсутствія, они говорили между собой довольно горячо, и мой безразсудный поступокъ остался безъ послѣдствій.

Не смѣю сказать, чтобы я была счастлива, а между тѣмъ я не страдаю. Мнѣ многого недостаетъ, а совсѣмъ тѣмъ, я не знаю что мнѣ нужно. Я думаю часто о тебѣ, объ удовольствіи, которое должно тебѣ доставлять твое маленькое хозяйство, совсѣмъ новинькое, блестящее. Однакожъ у меня есть подружка; это—добрая мадамъ Дюшмэнъ, о которой прежде я тебѣ такъ

много говорила. Но какъ ни люблю я ея, ея всегдѣшняя печаль, глубокий взоръ ея большихъ глазъ, ея нѣсколько блѣдные губы, внушаютъ мнѣ какое-то къ ней почтеніе. Она угадываетъ меня и тогда, когда я молчу. Это ангельская душа. Говорятъ, она много страдала, а между тѣмъ она такъ кротка, какъ будто никогда не знала неудачъ. Когда она видитъ, что я грустна, зоветъ меня въ садъ, разсѣиваетъ меня и наконецъ всегда обратитъ въ бѣгство всѣ мои черныя бабочки. Иногда она называетъ меня своею дочерью; тогда она сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и вдругъ начинаетъ горько плакать. Мамашка не очень любитъ ее, но уважаетъ и почитаетъ ея вліяніе. Пашенька счастливъ, что она можетъ составить ему вечеромъ партію въ триктракъ. Какое бы ни было дѣло, всегда спрашиваютъ ея совѣта. Она участвуетъ во всѣхъ торжествахъ. Я думаю, что если я когда-нибудь должна буду выйти замужъ, то моему будущему придется просить ея согласія. Не ты можешь сказать своему мужу, что женихъ мой сдумаетъ лучше навязывать свой галстухъ.

Вообрази себѣ, что въ одинъ изъ прошлыхъ дней, когда ушли сестры милосердія, приходившія обирать подаянія для бѣдныхъ, мнѣ пришло въ голову пойти въ монастырь, и я объ этомъ продумала цѣлый вечеръ. Развѣ эта жизнь совершенно отлична отъ той, которую я веду теперь?... Мы еще поговоримъ объ этомъ.

Я забыла сказать тебѣ, что два дня, какъ къ намъ пріѣхалъ гость, мосье Валентинъ де-Рьянваль, сынъ старшиннаго друга мамашки; онъ пріѣхалъ въ Провансъ на нѣсколько недѣль для поправленія здоровья. Чѣмъ онъ страдаетъ? Не знаю. Даже боленъ ли? И это мнѣ не извѣстно. Пріѣхалъ ли онъ въ Провансъ пить воды? Не думаю. Знаю только то, что этотъ господинъ очень гордъ, самодоволенъ, сиѣсивъ, довольно красивъ, но корчитъ изъ себя принца крови. Онъ много пьетъ, гуляетъ одинъ, и въ отношеніи меня соблюдаетъ испанскій этикетъ. Я знала его въ дѣтствѣ. Я называла его *Текмонъ*, и помню, какъ однажды дала ему порядочную пощечину за то, что онъ не хотѣлъ играть со мною. Кажется, что этотъ господинъ досихъ-поръ питаетъ ко мнѣ злобу. Онъ дѣлаетъ мнѣ низкіе поклонны, и когда хочетъ на меня посмотреть, то бовтаетъ зама-

рать глаза, и ставить на носъ лорнетъ. Иногда мнѣ хочется одѣлать ему гримасу и высунуть языкъ; пока я дѣлаю ему самыя изящныя реверансы.

Я бы хотѣла найти здѣсь кого-нибудь, съ кѣмъ можно бы сдѣлаться надъ этимъ господиномъ. Но мамзелька, кажется, влюбилась въ него. Онъ привезъ ей разныя газеты, журналы. Напеченка называетъ его, *своимъ милымъ сыночкомъ*, и даже моя добрая Сусанна Дюшманъ заступаетъ за него, когда я отъываюсь объ немъ дурно. Это просто заговоръ. По-крайней-мѣрѣ ты можешь мнѣ посидѣться надъ нимъ. Какъ мнѣ хочется, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ! Если люди всегда встрѣчаются съ товарищемъ своего дѣтства, то, дай Богъ, слышишь ли, моя красавица? лучше никогда не встрѣчаться съ ними.

Письми мнѣ, Люси. Сообщи все подробно, о чемъ я пишу тебѣ. Если есть хорошенькіе рисунки для вышивокъ, пришли ихъ непременно. Я истощила всѣ прованскіе магазины. Не изобрѣла ли ты какого-нибудь новаго вязанья? Все ли по-прежнему платья дѣлаются съ басками? Отложи для меня нѣсколько модныхъ картинокъ. Я замѣтила сегодня утромъ, что была одѣта, какъ ключница, а мнѣ не хотѣлось, чтобы моему дядѣ Рьянвалъ, который безъ того находитъ меня не по своему вкусу, не принялъ меня совсѣмъ за крестьянку. Говорятъ, что я была очень хорошенькая и всегда мило одѣва, когда была маленькая. Безъ-сомнѣнія спѣсивецъ находитъ, что я очень перемѣнилась.

Такъ тебѣ непременно надо оставаться въ Парижѣ? Такъ ты не прїѣдешь къ намъ на-время это лѣто? Вотъ какъ была бы я тебѣ рада; твоё посѣщеніе избавило бы меня отъ скуки, какую я предвижу. Что скажешь на это, моя милочка? Что сказать объ этомъ твой господинъ-властитель?

ПИСЬМО IX.

Люси де Крени къ Эмме де Сентъ-Орѣ.

Парижъ. Іюль.

Ты все также самая шалуныя, которую мы всѣ любимъ, моя добрая Эмма! Я узнала тебя по твоему письму. Мнѣ казалось,

кто я вижу тебя, какъ ты сиди за письмомъ, перебираешь свои сибѣрусые локоны.

Но что это значитъ, мадамозель? Ты, олицетворенная веселость, ты, не знавшая никогда грусти, чувствуешь что-то въ родѣ тумана, обхватывающаго тебя? Берегись, моя милая; но не бойся. Я, твоя подруга, сама тоже испытала, и знаю, что это такое. Вотъ мой рецептъ: это лекарство самое вѣрное, говорю тебѣ по опыту.

Вместо того, чтобы читать молитвы по три раза, моллись разъ да усердно; потомъ старайся одѣваться тщательно, не нугайся людей. Въ особенности совѣтую тебѣ завивать волосы въ милкіе кудри, что прекрасно идетъ къ твоему атласистому личику. Перестань колотъ, для развлечения пальцы, это предурная привычка, отъ которой у тебя руки сдѣлаются какъ у горничной; работай столько, сколько нужно, чтобы не терять времени по-пусту, но не до того, чтобы называли тебя крокетуншей.

Не слишкомъ заботься о лучшемъ способѣ варить варенье. Я запрещаю тебѣ заниматься печеньемъ пирожного, потому что твои бѣлескія ручки, удивительно какъ хорошо будутъ иѣмать тѣсто. Я запрещаю тебѣ звѣзду, и въ особенности всажаю дерзкую мысль въ отношеніи къ гостю.

Надо, моя милая, прощать мужчинамъ, что они совѣтятся отъ того, что выросли и перестали быть пуклячниками и розовыми товарищами, съ которыми мы играли. Ничтожные мальчишки уже наказаны своею серьезностью и намъ не къ чему увеличивать ихъ досаду. Поэтому я приказываю тебѣ, моя престодушная красавица, обращаться съ мосье Рьянвалемъ ласково. Не нужно называть его *Темпелъ*, что было бы, можетъ быть, слишкомъ фамильярно, но ты должна дать ему почувствовать, что вѣдногда пользовалась правомъ, давать ему кощеники. Если онъ смотритъ на тебя въ лорнетъ, обмаруй ладонь въ неприятной улыбкѣ всю свою веселость, все свое престоушіе. Будь съ нимъ непринужденна, это лучшее съ твоей стороны кокетство.

Такъ какъ этотъ молодой человѣкъ очень нравится всему твоему семейству и даже мадамъ Дюшменъ, къ мнѣнію которой я имѣю полную вѣру, то онъ не долженъ касаться тебѣ та-

кимъ напыщеннымъ, такимъ страннымъ, какимъ ты мнѣ его рисуешь. Полно! будь послушна и держись общаго мнѣнія!

Посылаю тебѣ картинки и рисунки модъ, которыя ты просила; но съ условіемъ, не подражать имъ. Ты безъ того прелестна въ своемъ простенькомъ нарядѣ, моя милая красавица; не портъ же своего туалета.

Ты говоришь, чтобы я не показывала твоего письма мужу. Согласна; потому-что ты не справедлива къ нему. Знай же, что галстухъ его повязывается безукоризненно, и что твои нашивки съ этихъ поръ будутъ уже относиться ко мнѣ.

У мосье де Крене, будущаго дипломата, галстухъ, перчатки, какъ ни у кого во всей Франціи; затѣмъ я хочу тебѣ сказать по секрету, что онъ скоро займетъ высокую должность. Мы, моя милая, честолюбивы, мы хотимъ сдѣлать свою каррьеру. У Жюля есть голосъ; пріятный теноръ. Если бы я позволила ему прошѣть въ нѣсколькихъ гостиныхъ, то увѣряютъ меня, что онъ могъ бы достигнуть всего, и мосье де Р***, который знаетъ исторію всѣхъ нашихъ государственныхъ людей, утверждаетъ, что въ горлѣ у моего мужа есть изъ чего сдѣлать префекта, посланника, министра. Наши желанія ограниченны, и къ тому-жъ, я не хочу, чтобы ему протезировали слишкомъ многіе. Поэтому онъ будетъ пѣть только для меня.

Я счастлива, моя добрая Эме, какъ и ты будешь со временемъ. Но счастье не дѣлаетъ меня забывчивою. Я часто думаю о тебѣ, моя провенская роза. Когда хозяйничаю, отдаю приказанія, заказываю, размѣщаю все по своимъ мѣстамъ, и думаю про себя, что, когда придетъ твоя очередь, ты будешь чудомъ-хозяйкой; вѣдь у тебя куклы были такъ хорошо одѣты, такъ долго сберегались и ты всегда получала награды за порядокъ.

Нашъ нельзя нынѣшній годъ пріѣхать къ вамъ. Я немного недорова; кстати, знай, маленькая болтушка, что у меня есть прелестная волшебница блондинка, которую зовутъ Эме. Она будетъ крестной матерью меньше чѣмъ черезъ полгода. Поэтому-то я посылаю тебѣ фасоны вышивокъ для дѣтскихъ чепчиковъ; но не думай, чтобы это было для твоихъ куколъ.

Полно, моя красавица, прости мнѣ мое молчаніе; слѣдуй моимъ совѣтамъ; покажи мое письмо твоей маминкѣ, которая, я увѣрена, одобритъ меня, и ужъ больше не говори дурнаго о

мужьяхъ твоихъ подрутъ, потому, какъ знать: можетъ-быть твой, не такъ далеко, какъ ты думаешь и можетъ подслушать твои клеветы.

ПИСЬМО X.

Валентинъ къ Арману.

Провансъ. Августъ.

Ты не повѣришь мнѣ, Арманъ? Здѣсь часы не длиннѣе, ни дни не скучнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Съ провинціей тоже, что съ супружеской жизнью. На нее клеветаютъ изъ чванства; но когда наслаждаешься ею, то находишь ее очень спокойною и пріятною. Эти вѣчныя эквилибрическія стойки на натянутомъ канатѣ Парижа, этотъ оглушительный шумъ, эта толпа глупцовъ и кокетокъ, этотъ развратъ ума, расслабляющій болѣе, чѣмъ развратъ тѣлесный, этотъ нескончаемый карнавалъ, все это приходитъ мнѣ на мысль среди тишины и мира, меня окружающаго; и я почти счастливъ, такъ отдохнулъ.

Деревья здѣсь зелены, небо голубое, земля теплая. Ахъ! мой другъ, въ этомъ-то спокойствіи я сознаю свою силу и свою вѣру. Ты сравниваешь меня съ Вертеромъ; но развѣ я упалъ духомъ? развѣ не хочу жить — всѣми силами души моею? развѣ не хочу любить? Утромъ, когда открываю окно, господствующее надъ долиной, я простираю руки, чтобы сжать въ объятіяхъ небо, и вдыхаю чистый воздухъ, опяняющій меня. Не знаю, что ты дѣлаешь въ Венеціи? Развѣ прицѣпивъ себѣ какую-нибудь мапдолину поешь подъ оборвавшимися балконами? Что касается до меня, то ты долженъ завидовать лениности моей души. Никогда я не чувствовалъ себя лучшимъ, ни ближе къ своей судьбѣ.

Богъ да благословитъ моего отца; онъ понялъ, что я найду здѣсь исцѣленіе моихъ свѣтскихъ ранъ и надежду! Право не знаю, откуда является мнѣ эта божественная сила, которая живитъ кровь мою и проникаетъ въ душу. Я живу въѣ людей. Доброе семейство, которое приняло меня, почти не составляетъ для меня общества; каждодневный обмѣнъ одного и того же не развиваетъ и не возвышаетъ мысли. Эдме безспорно прелестна надъ дѣвушка; но я еще не люблю ее; сельская, окружающая

меня природа, имѣеть видъ пріятный и веселый, но въ ней нѣтъ ни разнообразія, ни контрастовъ; это просто поля Шампани. И чтожъ! Я чувствую такое же разнообразіе къ созерцаніямъ, къ восторгамъ, какъ будто бы я находился передъ неизвѣстнымъ горизонтомъ; и когда я впервые увидѣлъ Океанъ, сердце мое не столько проникнуто было мыслью о Богѣ, какъ теперь.

Откуда это дыханіе, которое волнуетъ и искушаетъ меня? Отъ меня самого или отъ другихъ? Не люблю ли я слишкомъ то, что стоитъ только нѣкотораго уваженія, или я, въ самомъ дѣлѣ, въ predetermined мѣстѣ? Не знаю. Но только что-то новое и могучее проявляется во мнѣ. У меня сладкія грѣзы; развѣ это не значить жить?

Домъ мосье де Сентъ-Ора, какъ я уже сказалъ тебѣ, стоитъ на вершинѣ горы. Онъ прислоненъ къ церкви, старому зданію, котораго восточный куполь, напоминалъ Иерусалимъ возвратившимся Крестоносцамъ. Это старинное жилище, соединяя съ простотою изящность и удобство, красуется на солнцѣ, съ садомъ, расположеннымъ въ видѣ террассы. Я занимаю преми-люю комнату, откуда, въ ясные дни, вижу за двадцать лѣ окрестность. Но что мнѣ всего болѣе нравится въ этомъ убѣжищѣ, почти прицѣпленномъ къ крову Бога, какъ гнѣздо ласточки, такъ это то, что я могу отсюда устремляться мыслью въ пространства безграничныя.

Тебѣ понравилась бы моя комната за старинную рѣзаную мебель, выкружки, за волшебницу въ фишкахъ. Вообрази себѣ храмъ осьнадцатаго вѣка, молельню Ватто, и все это принадлежитъ мнѣ, твоему туманному, унылому другу! Но мой вкусъ не оскорбляется этими устарѣлыми кокетками; я люблю вопрошать это милое и достопочтенное убѣжище, у порога котораго не одна жрица, съ красными каблучками, видѣла передъ собою несофита въ атласныхъ штанахъ. Эта рѣзба такъ щепетильно разукрашена рѣзцомъ; на обояхъ столько пастушковъ и горлицъ, на зеркальныхъ рамахъ столько завитковъ и узловъ, на блѣдно-голубомъ, больше чѣмъ полиняломъ атласѣ креселъ столько цвѣтовъ, что мнѣ представляется невозможнымъ, что бы въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ не существовало любви.

Ахъ! еслибъ каждый предметъ могъ припоминать проше-

шее и рассказывать! еслибъ венеціанское зеркало, въ которомъ я ищу прозаическаго и современнаго отблеска, могло оттолкнуть мой образъ и отразить къ себѣ всѣ бѣлоснѣжныя, розовыя личика, всѣ глаза черные или голубые, всѣ уста, улыбающіеся или насмѣшливые, которые когда-то глядѣлись въ нежъ! Еслибъ шапки съ выпуклыми фанерками, хотя на часъ, слова возвратили вѣеры, шааги; мантильи, которыхъ когда-то такъ прятала! Сколько бы я услышалаъ разнаговъ равнообразныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно одинаковыхъ.

Мечталъ ли кто въ этой комнатѣ, гдѣ такъ много жили? Некуда ли кто-нибудь, изъ жившихъ въ ней софу, можетъ быть столько же безславную, какъ софа Кревильона, чтобы облокотиться на окно и устремить взоръ въ долину? Невозможно, чтобы эта комната была только гнѣдомъ несчастливой любви; несчастіе не избрало бы для себя этого мѣста, и въ виду подобнаго горизонта. Ты не можешь представить себѣ обширность зелени, глубины садовъ и маленькихъ бѣлыхъ дорожекъ, надъ которыми господствуешь сверху. Это убѣжище, находясь на самой вершинѣ горы, какъ орлиное гнѣздо, смотритъ въ лазурь неба. Мирской шумъ, едва достигаетъ сюда, и когда всходитъ солнце, оно, прежде чѣмъ спустится въ долину, останавливается на минуту, чтобы облобызать чело этого убѣжища. Башенные часы церкви приводятъ въ содрасеніе столъ; колоколъ, этотъ языкъ жертвы, призывая къ молитвѣ живыхъ, разноситъ по кровлѣ свои религіозныя волны. Нѣтъ; эта комната такъ близка къ небу, такъ близка къ ветхому храму, что она не могла не быть убѣжищемъ, отсюда непонятныя души возносились къ Богу! Вѣкъ Вольтера, покупленный Жанъ-Жакомъ Руссо, не правда ли и у тебя была своя грусть? и эти пастушки на обояхъ, можетъ быть видѣли слезы на лицѣ не одного предка Рене....

Завтракъ заставилъ меня прервать письмо. Я узнала, что моя комната составляла нѣкогда часть чердака. Мосье де-Сентъ-Оръ приказалъ отдѣлать ее въ томъ видѣ, какъ я ее нашла, употребивъ для этого мебель и обои будоара, который сдѣлался бесполезнымъ и находился въ маленькомъ замкѣ Сентъ-Ора, за нѣсколько лье отъ Прованса. Оставляю описаніе моихъ холзевъ до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО XI.

Ариана къ Валентину.

Венеція. Августъ.

Въ послѣдній разъ, заклинаю тебя, Валентинъ, бѣги добрыхъ людей, этого гостепріимнаго дома, этой усыпляющей душу провинціи! Несчастный, развѣ ты не чувствуешь удушешя? Ты считаешь за спокойствіе — смерть! Бѣдный Икаръ! Бѣдный безаумецъ! Пріѣзжай ко мнѣ! Венеція прелестна: у ней есть и улыбка и слезы. Я, — буду смѣяться, ты будешь плакать; я буду проводить веселыя ночи на площади св. Марка, у Флоріана, за сигарой, мороженымъ и съ пѣвцами; а ты, ты можешь прогуливать свою грусть въ таинственныхъ гондолахъ. Ахъ! любезный мой, и ты дерзашь говорить мнѣ о картонкахъ съ париками! Что все это въ сравненіи съ Венеціей! а Тиціанъ! а солнце, этотъ великій артистъ, который заставляетъ блистать лагуны и каждое утро посылаетъ царицѣ Адриатики неизмѣнные поцѣлуи.

Здѣсь славно жить. Небо чисто, женщины прелестны; я говорю не объ этихъ женщинахъ съ открытыми плечами и въ перьяхъ, которыя живутъ въ старыхъ, развалившихся дворцахъ, но о тѣхъ, которыя ходятъ ифшкомъ, о простолюдицахъ, живыхъ, свѣжихъ, веселыхъ. Но я очень хорошо знаю, что не это соблазняетъ тебя, туманный рыцарь! Какъ бы то ни было, грезами твоими заклинаю тебя, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. У Венеціи два лица: одно то, которое милостивый Богъ покрываетъ каждое утро румянцемъ, — всегда улыбающееся; это небо, это море, это тысячи видовъ, разнообразныхъ свѣтомъ; другое — завѣщанное временемъ, важно и печально; это каменная масса, сквозь которую проникаетъ сырость разваливъ, это старинные, шатающіеся дворцы, которые смотрятъ въ темныя воды канала, какъ будто отыскивая потерянное кольцо дожа; это гондолы, покрытыя чернымъ, какъ домино, — надгробные балдахны, которые скользятъ и въ которыхъ между тѣмъ смѣются и любятъ! Пріѣзжай продолжать свои элегии при лунѣ на Большомъ каналѣ! Пріѣзжай посѣтить эти дворцы, Фоскари, Бальби, Барберино, Мочениго;

прѣзжай постучаться въ двери этихъ знаменитыхъ гостинницъ, которыя навѣщала Байронъ и которыя готовы упасть на прохожаго, такъ вода подгрызла ихъ подошву, а годы на зубрили чело! Прѣзжай разбирать по складамъ эти странныя фрески, которыя красуются въ церкви св. Марка! Прѣзжай посѣтить дожескій дворець, Пиомби, каналъ Орфано, всѣ эти печальныя достопримѣчательности, которыя заставляютъ меня смѣяться, а тебя заставляютъ плакать!

Здѣсь ужъ больше не играютъ на мандолинѣ, уже не цѣпляются за ветхіе балконы. Можетъ быть ты познакомишься, мой трубадуръ, ты, который мечтаешь о графѣ Тиббѣ пѣснопѣвцѣ; но за то получишь другія мелодраматическія возмездія.

Удалось ли мнѣ наконецъ убѣдить тебя, чтобъ ты прѣехалъ? Не сию вѣрять, такъ мнѣ это желательно. Если ужъ тебѣ дорожи провинціальными пошлостями, то будешь имѣть удовольствіе найтти мосье Скрыба и посреди лагунъ. Его имя дерзко красуется на дворцахъ дожей; здѣсь употребляютъ во зло имя этого неученаго академика-водевилиста; его дѣлаютъ авторомъ всѣхъ промаведеній, вывозимыхъ изъ Франціи. Еще ничего, если прочтешь, какъ я сегодня, на театральной аффишѣ: *Il Povero Giscommo del Sign. Eug. Scribe*; но доходить до того, что даже Эрнани приписывается ему.

Прѣзжай посмѣяться надъ этими глупостями. Не попадай въ болото, бѣдный лебедь! У тебя грусть, и я ее развѣю; но если ты упрямился, если станешь отвѣчать такъ, какъ отвѣчалъ, то не жди отъ меня ни слова. Я напишу, или лучше, прѣйду только въ томъ случаѣ, если ты будешь дѣйствительно страдать! Пока, обнимаю тебя и говорю какъ левъ св. Марка, прощайся лапу:

Рах ъМ.

ПИСЬМО XII.

Валентина къ Арману.

Прощайся. Августъ.

Какъ я сказалъ, такъ и будетъ; и остаюсь и чувствую себя вѣрнѣе счастливымъ. Однако надо признаться, ты, любезный!

Армянь, ловкій искуситель; но что прикажешь? облаво, которе я спрашивалъ не хотѣло мнѣ отвѣчать, и мнѣ интересно знать, что оно скрывало отъ меня.

Я набросалъ тебѣ, не какъ романистъ, но какъ скромный другъ, эскизъ дома мосье де-Сентъ-Ора. Я не говорилъ тебѣ ни о числѣ оконъ, ни о расположеніи комнатъ, ни о цвѣтникахъ; сегодня же, позволь мнѣ послать тебѣ портреты.

М. де-Сентъ-Оръ, дворянинъ, немного пропитанный мѣщанствомъ, который воображаетъ себя легитимистомъ, потому что любить лидіи. Это простодушное существо, въ безсознательномъ эгоизмѣ котораго есть нѣчто трогательное. Онъ принадлежитъ выше всего, по его словамъ, къ союзу честныхъ людей. Онъ дѣлаетъ то, что дѣлаютъ честные люди; подписываетъ, читтъ, бравитъ, что подписываютъ, чтатъ, бравятъ честные люди. Никогда совѣсть не была спокойнѣе. Когда я сравниваю отца, который такъ цѣль, такъ благороденъ въ своихъ вѣрованіяхъ съ этимъ добракомъ, у котораго нѣтъ никакихъ правилъ, я горжусь мосье де-Рьенвалемъ.

Мосье де-Сентъ-Оръ нѣкогда сражался въ Вандеѣ; но теперь пристрастася къ триктраку и души не слышитъ въ дочери. — Встрѣчая каждого ласково и съ улыбкою, сохраняя во здѣ сотоварищамъ муниципальнаго совѣта, въ понятіяхъ, въ обхожденіи, въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи и въ манерѣ кланяться, благовонный букетъ хорошаго общества, который начинаетъ выдыхаться и который наши маменьки дистиллировали въ тайнѣ своихъ бударовъ, мосье де-Сентъ-Оръ представляетъ собой начатокъ пріятнаго старика, у котораго нѣтъ бризглвости, нѣтъ щекотливости; но за то нѣтъ и благородныхъ порывовъ; нѣтъ щекотливости, но за то нѣтъ и ума. Онъ смѣется всему, все допускаетъ, на все соглашается; но ничего не понимаетъ. Нельзя однакожъ сказать, чтобы у него не было запаса анекдотовъ на разные случаи, цитатъ; онъ ворочаетъ за губами красное словцо какъ-будто сосетъ конфекту; у него всегда готовы любезности, и онъ никогда не сдѣлаетъ промаха. Это золотая монета безъ чекана, но которая однакожъ звенитъ какъ золото. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ неповалобимъ и вполне рыцарь. Онъ подчинялся всемъ переменамъ обстоятельствъ; но ни одному

не помертвовать ни своими привычками, ни своимъ костюмомъ. Некрой его чернаго фрака, его жилетъ, его башмаки, его галстукъ, остались вѣрные реставраціи. Онъ охотится, читаетъ легитимистскіе журналы, ежедневно отправляется съ визитомъ къ дворянамъ одного съ нимъ образа мыслей, сообщаетъ имъ въ тихомолку полученныя вѣсти объ изгнанникахъ, празднуетъ съ ними извѣстныя годовщины и принимаетъ, какъ они же, должности отъ всѣхъ представителей власти. Его дочь въ сущности—его единственная партія, его единственное знамя. Онъ не позволялъ себѣ выказывать ниолтъ все свое душевное расположеніе къ ней. Церемонно цѣлуетъ ее въ лобъ, тогда какъ ему бы хотѣлось просто задушить ее поцѣлуями, какъ сдѣлалъ бы ибъщеникъ. Для Эдме онъ легитимистъ, потому что лишь составляетъ прелестную рамку для этой ангельской красоты; но по одному мановенію дочери, онъ готовъ бы былъ сдѣлать французъ и красный колпакъ. М. де-Сентъ-Оръ маленькаго роста, лице у него неподвижно, физіономія аббата. Имѣетъ нѣкоторое сходство съ Людовикомъ XVIII только порядочно худѣвшимъ. Впрочемъ мосье де-Сентъ-Оръ человѣкъ очень ужичивый, другъ самый необременительный, онъ былъ бы прекраснѣйшимъ тестемъ; его такъ полюбилъ.

М-нь де-Сентъ—Оръ женщина высокая, сухая и дурная собой. Это рельефъ ея дочери, которая, хотя собой прекрасна, но ничѣмъ не сходетъ съ матерью. Она составляетъ совершенную противоположность мужа. Это натура, раздраженная паденіемъ королевскаго достоинства, потеряю своей красоты. Она негодуетъ на отечество, позволявшее королю и принцамъ удалять-ся; негодуетъ на провинцію, непонимающую ея; негодуетъ на мужа, неуживающаго ее цѣнить; негодуетъ на натуру, которая могла бы не дѣлать ее такою длинною, сухую, желтую; и, не смотря на то, что любить свою дочь, она негодуетъ на нее за-тѣмъ она не мужнина. Она желала бы имѣть сына, изъ котораго сдѣлала бы человѣка гордаго, дерзкаго. Рожденіе Эдме было для нея большимъ разочарованіемъ, вотъ почему она не оказывала ей ни ласкъ, ни сочувствія. Она во всемъ предоставляетъ ее на волю отца. М-нь де Сентъ-Оръ — ослий чулокъ, ничего не печатавшій; она никогда не написала ни одной строчки; но манера, съ какою она читаетъ кни-

гда, пробѣгая ихъ пальцемъ и глазами, довольно долго доказываютъ, что она желала бы, и могла бы мнѣность получить. Если она приговорила себя къ молчанію, то только изъ презрѣнія къ вѣку, въ которомъ живетъ. Глядя на нее, смѣяешь, что она вѣчно носить на своей мантильи щитъ, а на головѣ діасма, до такой степени она держитъ себя прямо, до такой степени дѣянія ея угловаты и разсчитаны. Она съ торжественною мнѣю воссѣдаетъ въ своей маленькой гостиницѣ; ея ледяное величіе приводитъ въ робость Провенцевъ. Она получаетъ газеты, многіе журналы, которыя читаетъ, не сохраняя изъ нихъ въ памяти ни чего. Въ замѣнъ того, она много говоритъ о Вольтерѣ, котораго вѣроятно и не читала, но котораго называетъ миссе де-Вольтеръ. Она хочетъ доказать себя аристократкою, говоря о андѣтегѣ Фернѣ. Она забываетъ, что онъ былъ безбожникомъ; и припоминаетъ объ немъ только для того, чтобы имѣть случай упомянуть, что она слышала объ немъ отъ своей прабабушки, маршалши де-Б^{***}, которая знала его очень коротко. М-мъ де-Сентъ-Орѣ не ала; она только скучна. Тѣ, кого она принимаетъ не стоятъ эпиграммы ея надменныхъ устъ. Ее можно бы называть мадамъ де-Л'Этикета, какъ называли при Людовикѣ XV М-мъ де-Ноаль.

Она обходится со мною довольно снисходительно, потому что я принадлежу хорошей фамиліи; она приняла бы меня въ зятя, чувствуя что не найти ей зятя, по своему выбору; впрочемъ она не стала бы меня ни любить, ни ненавидѣть. Это женщина, которая отреклась отъ прелестей и простодушія въ тѣхъ поръ, какъ зеркало сказала ей правду. Будучи не въ острѣннѣ внушить любовь, она заставляетъ себя уважать; и такъ какъ держишь себя отъ нея въ почтительномъ разстояніи, то она принимаетъ осторожность за уваженіе. Чуждая дружбы, и мнѣніи, безъ всякой цѣли въ жизни, она похожа на геральдическій щитъ, который говоритъ Гамлету: «Вспомни!» Къ несчастію ей не является Гамлетъ, и бѣдная барыня, ограничивается своими энергическими взглядами.

Покровительница всѣхъ подвиговъ благотворительности, она отдала бы все свое состояніе бѣднымъ, но безъ улыбки, безъ ласковаго слова, по одному лишь чувству долга; матему, по святой Людовикъ омывалъ ноги нищимъ. Была ли она коме-

небудь молода? любила ли М. де-Сентъ-Ора или кого другаго? никто не можетъ сказать, даже, можетъ быть, и она сама!

Жизнь матеріальная и быденная для нея не существуетъ. Она царствуетъ въ своемъ хозяйствѣ, но не завѣдываетъ имъ. М-ль де-Сентъ-Оръ только заказываетъ обѣдъ. Однакомъ, нѣтъ ощущенія къ дочери, она толкаетъ ее на тотъ путь, отъ котораго сама бѣжала; проповѣдуетъ ей домашнія добродѣтели, отъ которыхъ она освобождаетъ себя, какъ будто желая сказать: «Ты, выродокъ, ты недостойна моего шедестала. Принадлежи же своему вѣковѣнню, работай, вышивай, страдай, воркой какъ мать-ласть; но не покушайся парить на моей выскотъ!» Услыши ее Боже!

...Жоцешъ портретъ Эдме? безъсомнѣнія, ты такъ его поджидаешь. Я буду, мой другъ, откровененъ. Сегодня, 10 августа, я спрашиваю себя, люблю ли, полюблю ли эту дѣвицу; и не смотря, что присутствіе ея приводитъ меня въ волненіе, я могу еще отвѣчать; не знаю! Безспорно, Эдме прекрасна. Я думаю что ни одна дѣва не возсылала къ небу мечтаний болѣе непорочныхъ, молитвъ, болѣе чистыхъ. Никакое дыханіе не помрачило этой невинности. Она могла бы быть идеаломъ поэта; но пока не почувствую трепетанія скрытой души, до тѣхъ поръ я не полюблю ее. Да, я такъ создаю, я люблюсь ею; я съ наслажденіемъ слѣжу за прелестію ея дыханій; но если я увижу, что она ничѣмъ не отличается отъ другихъ женщинъ, завтра же оставлю ее безъ ропота. Какъ выпытать ее? какъ проникнуть въ это святилище и искать въ немъ правды, въ которой нуждаюсь, не нарушивъ законовъ гостепріимства, не поступивъ противъ совѣсти? Не вѣдаю мой другъ. Но съ терпѣніемъ я ограничиваюсь желаніемъ, чтобы Богъ назначилъ мнѣ найти ее столько же достойною моею любви, сколько достойна она моего уваженія.

Эдме высока и тонка. Я не сравню ее ни съ пальмой, ни съ тростникомъ. Недамъ ей ни шеи лебединой, ни глазъ индианкой, ни цвѣту лица бѣлоснѣжнаго. Всѣ эти ненавистныя метафоры помрачили бы образъ простой и чистый, который бы хотѣлъ передать тебѣ. У нея свѣтлорусые волосы, шадакціе плеча длинными локонами. Выраженіе лица ея штривое, а челку лѣтъ нечто жемлетъ къ ней душею, какъ молитва. Я ни-

дѣль ея въ воскресеніе въ церкви; лучъ солнца, преледи сквозь распятыя стекла, игралъ на ея челѣ, и казалось въ-члѣ его сіяніемъ. Она глубоко погружена была въ молитву, и я дѣлье полчаса ждалъ съ безпокойствомъ минуты, когда глаза и уста ея засіяютъ святымъ восторгомъ. Но ничто не влѣмало ея изъ мраморной неподвижности. Потому ли, что ширъ невидимый для нея закрытъ, или напротивъ потому, что она ушѣтъ такъ возвышаться надъ человѣческими созерцаніями, что мгновенно, безъ усмія, достигаетъ высоты вѣчнаго свѣта, только она оставалась покойною и безмолвною; уста ея не дрожали, ни одна слеза не отуманила глазъ ея. Возвращаясь изъ церкви я заговорилъ съ нею, она отвѣчала мнѣ, по обыкновенію, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но въ голосѣ ея несильно было ни малѣйшаго душевнаго волненія.

Мнѣ надо поторопиться, разгадать ея. Сомнѣваться въ ея умѣ было бы грѣшно, не правда ли?

Ахъ! еслибы ты видѣлъ ея, ты отдалъ бы мнѣ наконецъ справедливость, мой неисправимый матеріалистъ. Ты сознался бы, что надо имѣть непоколебимую вѣру въ ничтожность чувствъ, чтобы противиться этому очарованію глазъ. Эдме—видѣніе; мать не представляется мнѣ прекраснѣе, непорочнѣе; а между тѣмъ, я клянусь тебѣ, что не могу и не хочу еще любить ея, не знаю будули ея любить когда-нибудь.

Не думай, любезный Арманъ, чтобы я строилъ изъ себя фанфарона. Я не отвергаю ея красоты. Я съ радостью прикоснулся бы устами къ этой бѣленькой, прозрачной ручкѣ; но съ условіемъ, чтобы я почувствовалъ въ ней тотъ же трепеть, какой я ощущаю въ своемъ сердцѣ; и я не буду побѣжденъ глазами, пока не сдаться душа моя.

Я думалъ было однакожъ, надо признаться, эту задачу легче разрѣшить. Я воображалъ въ своемъ высекомѣріи, что для этого довольно нѣсколькихъ словъ, нѣсколькихъ разговоровъ. Но нѣтъ ничего непроницаемѣе чела, на которое невнятность налагаетъ мраморъ. Поэтому я не стану говорить тебѣ ни о характерѣ, ни объ умѣ Эдме; въ тотъ день, когда все узнаю, я убию отъ нея или полюблю.

Ты имѣешь теперь понятіе о домѣ и его кошечкѣ. Одинокѣ

я. Буду несправедливъ, если не упомяну объ одномъ странномъ и кроткомъ существѣ, которое завымаются въ своей грустѣ, но скромно управляетъ рядомъ мелкихъ событій, изъ которыхъ складывается существованіе семейства де Сентъ-Орѣ.

Сосѣдка, короткая знакома, вдовушка, мадамъ Дюшмонъ, приходитъ каждый вечеръ, чтобы составить мосье де Сентъ-Орѣ партію въ триктракъ, и отвѣчать на замѣтки кошики, взглянуть на работы Эдме, сказать каждому доброе и ласковое слово. Эта волшебница служитъ связью семейства. Безъ ея никто не пошло. Носитъ обѣда, когда переходить въ гостиную или въ садъ, мосье де Сентъ-Орѣ дѣлаетъ свой маленький моціонъ, считая шагн. По промежуткамъ опредѣленнаго на это гимнастическое упражненіе времени, добрый хозяинъ вынимаетъ часы, или смотритъ на стѣнные, и говоритъ: «Нейдетъ!» Мосье де Сентъ-Орѣ дѣлаетъ жестъ: «можетъ быть она не здорова!» Что касается до Эдме; то она не перестаетъ ждать ее, приготавливаетъ въ гостиной для нея кресло, въ саду стулъ. Какъ только раздастся звонокъ, тѣготѣющее надъ домоу безмолвіе нарушается, какъ по волшебству. «Вотъ она!» вскрикиваетъ тріо и Эдме бѣжитъ отворить ей дверь, обнять ее, снять съ нея шляпку, мантилью, мосье де Сентъ-Орѣ вѣжливо цѣлуетъ ей руку; мадамъ де Сентъ-Орѣ обращается съ нею почти какъ съ равною.

Мадамъ Дюшмонъ, которую называютъ здѣсь по имени; мадамъ Сюванъ, вдова артиста. Этому довольно, чтобы понять, что она не богата и не была счастлива. Провинціальная жизнь заглушала ея страданія, или, быть можетъ, она не имѣла дѣйствительное утѣшеніе въ дѣлахъ благочестія, только въ ней замѣтна кротость, та улыбающаяся и грустная ровность души, которая уже ничего больше не ожидаютъ отъ жизни, и безмолвно покоряется судьбѣ. Она маленькаго росту; всегда одѣта въ темные цвѣта; блѣдна; ея черные волосы широкими бандами прилегаютъ къ щекамъ; большіе глаза, медленно движущіеся въ орбитахъ, придаютъ ея лицу совершенно особенный характеръ. Она слабаго здоровья, и часто вдругъ случаются съ нею лихорадочные припадки, которые проходятъ только ночью. Звукъ ея голоса ровный и пріятный; ея разговоръ не выходя изъ круга предметовъ обыкновенныхъ, отличается одинокимъ

тактомъ и какое-то проницательностью, къ которой каждая прибавляетъ адсье за совѣтомъ. Это повѣренный всего семейства.

Мосье де Сентъ-Оръ шута называетъ ее: Сестра Су-санна; мадамъ де-Сентъ-Оръ говоритъ ей *любезная* и *добрый-шная*. Эдме никогда не повторяетъ громко тѣхъ именъ, которыя дасть ей въ тихомолку, но кажется любить ее какъ мать ума. Однакожъ это не заставляетъ меня предполагать въ ней большихъ умственныхъ способностей. Доброга, самое яркое ее свѣтло. Я хотѣлъ заставить ее развнать мои мысли или протворить; но съ первыхъ же словъ, она начинаетъ слушать и перестаетъ отвѣчать. Когда я заговорю о поэзіи, искусствахъ или чувствахъ, она улыбается и какъ будто хочетъ сказать: мнѣ незнакомы эти области.

Она-то, вѣроятно, научила Эдме готовить сурое широкое, которое мы уничтожаемъ каждый вечеръ. Успѣхъ ея въ этомъ мирномъ домѣ зависитъ именно отъ этой нашей простоты ума, который не старается ослѣпить и дѣлаетъ что можетъ. Это умъ недалекій, достаточный, чтобъ нравиться, недостаточный, чтобъ возбуждать соревнованіе, умъ который дозволяетъ обгонять себя всякому и не имѣетъ претензій удивиться. Сначала я думалъ, по временамъ, что она наблюдаетъ за мной, и встрѣтивъ взоръ ея устремленный на меня, я вздрагивалъ; но это просто бредъ. Ея большіе, прекрасные глаза обманчивы. Они изъ дѣйствительности не такъ вытнмаы, какъ кажутся; и если ищутъ встрѣчи съ мной, то для удовольствія только провинціальнаго любоньства; вотъ и все. Сколько ей дѣтъ? Не знаю навѣрное. Мосье де-Сентъ-Оръ покачиваетъ головой и кажется дасть ей нѣсколько болѣе. Въ всякомъ случаѣ она въ сумерки лѣтъ, между убѣгающимъ солнцемъ и наступающей ночью... Это гармонія осени, тнзая, блѣдная, безъ сильныхъ модій; это этакое свѣтъ съ слабымъ благоуханіемъ, смиренно распускающійся между ноемъ и свѣгомъ.

Теперь ты знакомъ, мой другъ, совѣми домашними Сентъ-Ора, такъ хорошо, какъ я. Вотъ посреди кого я живу. Но когда-то, этотъ домъ, не имѣетъ ничего романческаго. Тутъ нѣтъ прелога къ лиризму; а между тѣмъ какое-то тнвное дѣланіе, еще невѣдомое для меня, заставляеть находить

здѣсь отключеніе отъ остроумія, поэзіи, роскоши и оргій ума. Не думай, однакожь, чтобъ я хотѣла продолжать на опредѣленное время мои упражненія въ триктракъ. Какъ скоро прочту, что происходитъ въ душѣ Эдме и на найду въ ней тайны, правды, идеала, я разпрошусь съ Провидѣмъ, и вознесу въ другое мѣсто, даже очень можетъ быть къ тебѣ, священную скорбь души, которой земля не держитъ слова.

Такимъ образомъ ты извинишь меня, современникъ, любезный Арманъ, за то, что я медлю прійхать къ тебѣ; но если ты меня любишь постарайся не надѣяться на мой прійездъ.

П И С Ь М О XIII.

Сусанна Дюшонтъ къ Ринару, священнику Мервальской деревни.

Провансъ. Августъ.

Братъ, ты жалуешься на мое молчаніе, а между тѣмъ, чего ждешь отъ меня? Я все еще живу, т. е. все еще страдаю. Тамъ не властна, неправда ли, послать мнѣ ни смерть, ни другую жизнь? А я чувствую, что вѣчная признанія о моихъ мукахъ тревожатъ твою дружбу, безпокоятъ твои совѣты, безъ пользы для насъ. Ахъ! зачѣмъ я не до такой степени сестра твоа, чтобы не знать, подобно тебѣ, ничтожества земнаго. Зачѣмъ я не могу помутить упрямаго пламени, которое клочочетъ во мнѣ, которое ожигаетъ меня? Братъ, братъ, къ чему послужить ничто въ тебѣ? я вѣчно умираю и не могу умереть.

Прости меня, я роншу я оскорблю твое самоотверженіе, оскорблю твою чистосердечную вѣру. Но это потому, что я истощаю старалась сохранить молчаніе, которое обдѣлываетъ меня и язвить какъ власница; это потому, что мнѣ нужно, повременамъ скрывать маску, подъ которой я глотю свои слезы, и кричать! Какъ, неужели я должна молчать, послѣ того, когда утратила все свое существованіе, когда видѣла упаденіе своихъ самыхъ чистыхъ грѣвъ, когда въ продолженіе двадцати лѣтъ я терзалась муками смерти; разламываются, какъ, должна я молчать, когда чувства переполняютъ сердце, и итутъ меня, какъ лаву, когда я почернѣла въ моихъ разо-

чаромашию одно только самое торжес; самое неутолимое жалаіе любви и страсти! Неужели я не буду имѣть права освѣдниться на день, на часъ, отъ этого савана, который душитъ меня, и освѣжить немного воздухомъ и свѣтомъ эти раскрытыя раны!

Нѣтъ, нѣтъ, братъ, если ты не хочешь, чтобы я находила облегченія въ вопляхъ не пиши мнѣ, не спрашивай, что со мной. Будешь не существовать другъ для друга. Я стану продолжать, въ моемъ одиночествѣ, эту печальную жизнь, на которую обрекла себя...

Помнишь ли, мой бѣдный Поль, наши юные годы? Когда ты вступала въ семинарію, такимъ же простымъ, добрымъ, искреннимъ, какимъ долженъ былъ выйти, а я, отправлялась въ эту несчастную поѣздку въ Парижъ, гдѣ должна была встрѣтить у моей тѣтки мосье Дюшмена. Ты былъ милъ какъ херувимъ, тебя принимали за дѣвочку. А меня называли иногда мальчикомъ. Ты боялся свѣта, ты спѣшилъ запереться въ пещи. Ты помнишь ли великодушныя наущенія, которыя ты говоришь намъ, заобравшись на кресло! Я любила мушкетировать. Я читала, всего по немного, особенно стихи. И на меня находила восторженность только не передъ существовавшими символами, какъ на тебя, а передъ видѣніями неосознанными. Я чувствовала въ сердцѣ трепетаніе, которое заставляло меня ожидать въ томленіи, какого-то таинственнаго поднятія завѣсы. Мнѣ все казалось, что жизнь, которую я жила была не жизнь, а приготовленіе къ жизни. Я говорила сама себѣ потерпи! потерпи! придетъ день, ты испытаешь болѣе сильныя радости, болѣе живыя душевныя потрясенія. Иногда, въ своиѣ идеальныхъ порывахъ души, я представляла себѣ, что уже жила, и мои стремленія были точны, какъ воспоминанія.

Когда ты отправлялся въ путь съ своею котомкою, съ своими книгами, въ своей черной одеждѣ, я съ любовью обнимала тебя и предпочитала бурныя безпокойства новыя невинности, яркости твоей. Когда получила я отъ тетушки письмо, въ которомъ она звала меня къ себѣ, я вспрыгнула отъ радости; въ продолженіи трехъ ночей, предшествовавшихъ моему отъѣзду, я выговаривала видѣнія; напечатывала гимны; и ослѣдилась.

мысленно, передъ ковчегомъ моего сердца; нѣла изалебную пѣснь чистой любви, названіи моеи юности.

Ты часто спрашиваешь меня отчего я страдаю; не воспоминаю ли о ночи Дюшимонъ тревожить меня, не чувствую ли угрызения совѣсти. Я уже говорила тебѣ, братъ, и еще повторю: человекъ, такъ жестоко, обманувшій меня, несчастный; въ которомъ я думала найти гевія, и который, въ продолженіи двадцатилѣтняго брачнаго союза, никогда мною неварушеннаго, не пощадилъ ни одного мѣста въ моемъ сердцѣ; человекъ, котораго я воображала вдохновеннымъ, и который былъ только стужаненъ ошьяненіемъ, тотъ, кого въ шестнадцать лѣтъ я избрала изъ среди всѣхъ, и который существованіе мое обрекъ на горе, на скраптыла слезы, на работво; человекъ; этотъ не можетъ быть для меня воспоминаніемъ. Я плачу столько же о немъ, сколько о самой себѣ. Что касается до угрызений совѣсти, отчего бы мнѣ испытывать ихъ? После двадцати лѣтъ этой тѣ трудной жизни, когда я стала свободною, равнѣ просила я у другихъ любви и радости, о которыхъ мечтала? Я была еще довольно хороша собой; и не могла казаться безумною, питая новыя надежды! Но нѣтъ, я сохранила про себя тайну. Я не хотѣла возобновлять попытокъ, я унесла въ уединеніи эту ласку идеальной любви. Я страдала, я плакала въ тихомолку; я никому, кромѣ тебя, не повѣрала своимъ страданіямъ. Я хотѣла укротить, пощадить себя. Я погребла себя въ жизнь, самую льдяную, самую пешлую. Удаюсь на свою родину, я заставила другихъ вѣрять въ простоту моего ума, въ безмятежность моего сердца. Спроси, что думаютъ здѣсь о бѣдной Сусаннѣ и тебѣ скажутъ:—она прекрасная женщина, кроткая, скромная, обязательная, никогда ни на что не ропщетъ, учитъ молодыхъ дѣвушекъ всѣмъ тайнамъ вышиванья и вязанья!

Я импла доброе семейство, которое радушно приняло меня, и я посвящалась счастью каждаго изъ его членовъ. Великій вечеръ, я выхожу изъ своего домика и отправляюсь въ верхній городъ играть свою роль.

Я растрогала бы тебя, своимъ кроткимъ видомъ, глубокими соображеніями, которыя я выказываю за триктравомъ. Но часто силы вдругъ оставляютъ меня; замираніе сердца меня душишь; я съ крикомъ роняю кость

Тогда воображаютъ, что я больна, что у меня разстройство груди; за мной ухаживаютъ съ безпредѣльнымъ заботливостями.

Когда я одна одинохолюшка, со мной дѣлаются ужасныя сцены. Я влечусь по комнатамъ въ рыданіяхъ; я зову сама-себея кося. Хотя я женщина и вдова, но я чувствую что сердце мое столь же дѣвственно, какъ было въ тѣ дни, когда я курила сигары передъ нашими подвижными алтарями, у которыхъ, въ великіе праздники, останавливалось церковное процессіа. Не предполагай же скрытыхъ пожеланій и вѣдь меня отъ упрека.

Удовлетворенъ ли ты, братъ, и достаточно ли тебѣ подробностей, о моемъ здорovьи? Я могу также сказать тебѣ, что живу все въ томъ же домикѣ, на Парижской дорогѣ. Фруктовые деревья идутъ плохо; я не могу приготовить тебѣ варенье; но за то, вижу тебѣ черные чулки. Я забыла сказать о пріѣздѣ въ мосье де-Сентъ-Ора молодого человѣка, прекрасной наружности, М. Валентина де-Рьенваль, о которомъ, вѣроятно, ты и прежде слышалъ здѣсь, и который, какъ я по крайнѣйшрѣ предполагаю, пріѣхалъ искать руки прелестной Эми. Такъ какъ все говорить въ пользу этого брака, то можно съ увѣренностью биться объ закладъ, что бракъ этотъ союзнится. Мы будемъ на свадьбѣ, и тѣмъ дѣло закончится.

Эта перспектива двухъ прелестныхъ молодыхъ людей, которымъ предназначено соединиться бракомъ безъ мысли, безъ душевныхъ порывовъ, и быть, безъ сомнѣнія, счастливыми, должна, кажется служить мнѣ урокомъ. Но видишь какова я! Въмѣсто того, чтобы завидовать имъ безсознательному счастью, я жалѣю ихъ за то, что они не страдаютъ, какъ я. Иногда, я готова сказать имъ: — берегитесь, дѣти, вы упускаете случай поплакать самыми горячими словами сердца! — Хотя дѣло еще неопредѣлилось, и хотя сушу я болѣе по догадкамъ, чѣмъ по рассказамъ, свадьба, кажется, подготавливается потихоньку. Женить, немного простоватый, находится еще при началѣ спеціального обожанія; дѣвушка притворяется будто думаетъ о чемъ-то другомъ. Это маленькая невнятная и слабая комедія, которая кончится совершенно благополучно. Я, за кулисами, не пользы шѣтъ.

Теперь, ты любезный братъ, прекрасно знаешь все, что

адомъ обиделся: М. де-Сентъ-Орѣ иди на встречу тебѣ. Вѣдь совѣтъ твой тебѣ пригласить на свадьбу. Надо, къ этому времени, измѣнить тебѣ новую ризу. Это стонѣтъ, чтобъ подумать. Отвѣчай мнѣ на это.

П И С Ь М О XIV.

Ришара, Нёрвильскаго священника

къ Сусаннѣ Дошмънъ.

Сестра, сегодня утромъ я отслужилъ за тебя обѣдню. Я поручилъ тебя заступничеству Пресвятой Дѣвы. Я испилъ вина свои въ чашѣ, изъ которой выль кровь Бога моего. Это все, что я могъ сдѣлать.

Надуть твой называется гордостью. Я слишкомъ уважаю тебѣ, чтобъ приписывать эти неслыханныя муки грубымъ искушеніямъ; но ты нищешь видъ челоуѣчества, я не знаю какого-то таинственнаго участія, котораго условій не можешь опредѣлить. Смирись, Сусанна, умѣрь гордыню своего воображенія. Въ нихъ-то заключаются вымышленные недуга. Чтеніе дурныхъ книгъ, сумабродные стихи, нелѣпыя мечтанія, породили въ тебѣ эти искушенія. Читай только книги серьезные, достойныя твоего ума. Оставь стихи безумной юности, и думай о жизни дѣйствительной, о твоихъ лѣтахъ, которыя должны бы предохранить тебя отъ этихъ грѣзъ.

У тебя есть буйная мысль; не слушайся ее; заглуши ее. Св. Августинъ сказалъ: *«Незавидящей душу свою на землю, сохранивъ ее отъ искушеній ольчюи»*. Ненавидь же себя воимъ силами своими, и ты отделишься отъ себя.

Вотъ, сестра, въ нѣсколькихъ словахъ, отвѣтъ на твое письмо. Какъ бы не перефразировалъ я этотъ текстъ, я не могъ бы прибавить ничего больше къ его сущности. Твои признанія впечатлѣли меня. Я вижу что дѣйствительно бездна раздѣляетъ насъ въ этомъ мѣрѣ. Зачѣмъ ты оставляешь меня одного у этого алтаря, который ты столько любила въ дѣтствѣ? Собою въ соудѣ въры избытокъ чувствъ, которыя переносятъ душу твою, и ты обрѣтешь въ этомъ братѣ отъ Жеманомъ небосныи, тѣ радости, тѣ залого участія, которыя напрасно ищешь на землѣ. Нѣтъ болѣе думи, которая

бы была неистѣльна. Врачъ тѣла терпѣть никогда неидею, священнослужитель — никогда. Поэтому я не чувствую никакого страха. Въ тотъ день, когда ты захочешь женѣться, ахъ, сестра, въ тотъ день ты будешь спасена. Но ты слишкомъ дорожишь своею скорбью, чтобы отказаться отъ нея.

Уединеніе для тебя пагубно. Убѣгай его, сколько возможно. Ты никогда не будешь имѣть худшаго общества, какъ самую себя.

То, что ты сообщаешь мнѣ о возможномъ бракѣ мадамъзель Эдмъ, много порадовало меня, и ты дурно дѣлаешь, не занимая шире, когорымъ увеличивается этотъ бракъ. Если мнѣ будетъ можно, я приму приглашеніе на свадьбу и поѣду въ Провенсъ. Но у меня есть свои хлопоты. Наконецъ-то муниципальный совѣтъ согласился прибавить къ моему священническому номіненію еще комнату. Такимъ образомъ, сестра, у меня будетъ свое свадебшико, если ты задумаешь пріять. Работники принялись уже за дѣло, и я смотрю за ними.

Не знаю, смѣешься ли ты заботясь о вещахъ, которыя для меня явились; если такъ, Богъ да проститъ тебѣ эту слабость! На всякій случай, чтобы наказать тебя, отираю изъ тебѣ съ будущимъ посланнымъ, для образца шару чулокъ.

Работай больше руками, тогда меньше станешь работать головой. Прилагаю при семь экземпляръ Подражанія Христу. Отмѣченныя страницы совѣтую прочесть прежде всего. Поразились надъ ними.

До свиданія, сестра. Можетъ легко статься, что я не поѣду тебя; но во всякомъ случаѣ продолжай писать ко мнѣ, а я буду продолжать склонять тебя къ смиренію, къ исполненію всѣхъ христіанскихъ обязанностей; и если твои сильныя стремленія къ какому-то невидимому святилу, оставили въ тебѣ еще частичку любви ко мнѣ, твоему брату, ты получаешь великъ предансавій, безъ всякаго разсужденія, моя любовь къ нашей матери, которая на смертномъ одрѣ, благословляла насъ, говоря: «Любите другъ друга, помогайте одинъ другому!» Суавина, ты была тогда старшая изъ насъ двоихъ, и савдѣла только — поочительница. Слова эти преимущественно отнесались къ тебѣ. Но бывшая мать могла ли предвидѣть, что ты станешь младшею изъ насъ обоихъ.

До свиданія, мечтательная голова и несчастное сердце, я ждѣю о тебѣ и буду особенно молиться за тебя каждую субботу.

Н И С Ъ Н О XV.

Сусанна къ брату.

Провансъ, августъ.

Благодарю тебя, братъ; я открыла тебѣ кровавую рану моего сердца, въ вопляхъ своихъ высказала всѣ страданія души, и ты успѣшилъ прислать мнѣ успокоительное средство.

Я знаю, что дѣйствительно могу исцѣлиться отъ недуговъ однимъ лишь исполненіемъ религиозныхъ обрядовъ.

Ты хочешь примадить меня отъ строгой монастырской дисциплины, благодарю тебя. Я прочла съ жаждою Подражаніе Христу и не только указанная тобой страницы, но все.

Ты говоришь, что я должна козненавидѣть душу. Ахъ! братъ! Не знаю, надо ли понимать эти слова буквально или: можетъ быть должно мнѣ придать какое-нибудь другое толкованіе! Что же мнѣ останется, если я презбрегу ею? Она-то меня поддерживаетъ. Если я страдаю черезъ нее, то черезъ нее же получаю утѣшеніе; и когда предстану передъ Богомъ, я увѣрена, что Онъ отечески приметъ эту пострадавшую душу.

Нѣтъ, братъ, мои душевныя стремленія неизмѣно предметомъ какого-нибудь невидимаго свѣтила; и если бы ты зналъ, что происходило сегодня утромъ въ этомъ бѣдномъ сердцѣ, для тебя непонятномъ, ты отдалъ бы болѣе справедливости моей скорби. Мы пошли гулять къ Веселому-Ручью. Мать и мадамъ де Сентъ-Оръ остались дома и поручили моему надзору медсестру. Они спокойно, престоудшно, шли впередъ одна, разговаривая о природѣ, о развалинахъ, Эдме обмолвилась какую-то ребячью, а мадамъ Валентинъ какую-то божественную, и оба ободряли себя громкимъ смѣхомъ. Ничто не могло быть непорочнѣе, прекраснѣе этой картины молодости и невинности. Но Эдме была большая солидная шляпка, которая отбѣгала часть лица ея. Ея блѣдые локоны развѣивались при мальчишечьихъ ветеркѣхъ. Но временами она оборачивалась, улыбалась и всказала мнѣ печальную. Я шла впередъ; я съ

грустью: глядела на цветочки, растущіе около городовъ, на ручейки, пересѣкающіе на каждомъ шагѣ дорогу; я съ безмолвностью вдыхала въ себя этотъ ароматъ жизни, который вѣялъ на насъ отовсюду. Эдме замѣтила мою грусть, подбѣжала ко мнѣ и, обнявъ меня, спросила: Что съ вами, милая мамаша? Эта ласка, это сладостное имя матери, мысль, что я иду передъ собою распусканіе любви въ двухъ дѣвственныхъ душахъ, все это потрясло меня. Я чуть не упала въ обморокъ; слезы брызнули изъ глазъ моихъ.

— Я страдаю! отвѣчала я.

— Все это несносное сердце, возразила Эдме, прижимая мой животъ сильными біеніями сердца, который часто случался сонной, и приложивъ руку къ моему груди.

— Да, дочь моя; сердце! и я жила въ объятіяхъ своихъ этого ангела.

Никогда слово: *дочь моя* не было для меня такъ сладостно; нѣтъ, казалось, что оно оставило у меня на устахъ какое-то блаженствіе. Я повторала это имя нѣсколько разъ, чтобъ насладиться имъ, и удержавъ возлѣ себя, съ какою-то ревностью и зголомомъ Валентина и Эдме, я взяла ихъ обонихъ подлѣ руи, и такимъ образомъ мы стали продолжать нашу прогулку. Между тѣмъ, какъ они въ молчаніи шли возлѣ меня, уважая страданіе и поддерживая меня съ сѣботливостью, я слышала голосъ, который шепталъ мнѣ на ухо: «Ты мать; небо посылаетъ тебѣ разомъ двухъ дѣтей!»

Да, любезный братъ, если бы у меня было дитя, которое могла бы я горячо любить; если бы въ то время, когда была я молодою женщиной мнѣ суждено было лежать на груди, держать поцалуами младенческое улыбающееся и розовенькое существо; если бы въ годы старости и вдовства, у меня была прекрасная и бодрый сынъ, дочь благородная и прекрасная; если бы мнѣ было о комъ страдать, плакать, молиться, думать; если бы тоска моя имѣла цѣлью счастье сына или дочери; ахъ! тогда бы жизнь моя была бы полна!

Братья матерью, значить вкусить всѣ роды любви въ единственной любви; это значить любить съ иллюзіей, когда ребенка мать; это значить одѣваться вторично невестой, женою, матерью; когда сынъ или дочь испытываютъ эти сердечныя радости;

дѣвою воинникъ мученій а была бы готова купить это счастье, хоть-бы мнѣ пришлось проводить ужасныя ночи у наголовья моего больного ребенка, видѣть какъ пооснѣлое тѣлицо его трепещетъ отъ лихорадки въ моихъ объятіяхъ! Я бы кричала, а бы плакала, а бы молилась; но все таки я бы жила! О! слезы безъ цѣли; вотъ что убиваетъ!

Ахъ! Зачѣмъ у меня нѣтъ дочери, какъ Эдме, сына какъ Валентинъ! За чѣмъ это слово, вторгнутое жалостью у этихъ невнятныхъ сердець, есть одна только ложь, одна насмѣшка? Хорошо! Я принимаю это имя матери. Быть можетъ Богъ посылаетъ въ этомъ мнѣ изцѣленіе. Валентинъ не зналъ своей матери. Эдме чувствуетъ себя какъ-то неловко и стѣсняется въ присутствіи моей. Я буду матерью имъ обоимъ; буду любить ихъ, давать имъ совѣты, заставляю ихъ полюбить другъ друга; если они еще не любятъ; я буду ихъ доброю сестрой. Я раздѣлю съ ними ихъ радости, ихъ слезы, если имъ придется когда-нибудь плакать. Съ этихъ поръ это будетъ моею заботою; я посвящу себя ей; я не прошу у этихъ бѣдныхъ дѣтей ничего, даже признательности; я хочу быть имъ матерью до такой степени, что прошу имъ неблагодарность, если они будутъ неблагодарными!

Чтожь, братъ, ужели ты опять скажешь, что у меня хитрческіе порывы? Нѣтъ, любезный Поль, ты совѣшь неопытную мамашу моихъ мукъ. Такъ какъ я одна въ мірѣ знаю мои страданія, то и одна попытаюсь изцѣлать себя; но если Богъ не захочетъ моего изцѣленія, я призову тебя въ мою послѣдній часъ. Ты увидишь, братъ, приготовить меня въ таинственный путь. Пока, я буду писать къ тебѣ; но прошу тебя, именемъ матери, о которой ты вызвалъ воспоминаніе, не говорить больше о моихъ тайнахъ. Продолжай молиться о моемъ спокойствіи; я чувствую новую надежду, которая цѣлуетъ и пробуждаетъ весну въ моемъ сердцѣ.

До свиданія, братъ; молясь обо мнѣ молясь также о моихъ двухъ дѣтяхъ.

П И С Ь М О XVI.

Эдме де Севъль-Оръ къ Анри де Кромъ.

Парижъ, Сентимбрь.

Я буквально исполнила твои предписанія, и право, кажется,
T. CXUV. — Отд. II.

вещи не дурно. Во первыхъ я посвящаю моль-чава больше на своей тодлетъ. Когда я не въ духѣ, я оставляю игolini, ну въ садъ и вою. Не выказывала особеннаго вниманія къ нашему гостю, я оказалась надъ нимъ и даю ему возможность сблизиться со мной. А все, мнѣ стѣитъ большаго труда заставить его освоиться у насъ; видъ его постоянно важный и серьезный приводитъ меня въ робость; онъ смотритъ на меня такъ, будто хочетъ проникнуть мои тайны; я бы славно поймала его, если бы сказала ему, что у меня ихъ нѣтъ.

Пробываніе здѣсь мосье Валентина можетъ легко скрыть какую-нибудь ловушку, и ты навела меня на путь. Я спрашивала мадамъ Сюванъ; она не хотѣла мнѣ отвѣчать; но только крѣпко подаловала меня. Папилька улыбается какъ-то диллюматически, а маменька, столь строгая ко мнѣ, кажется, становится мягче, когда бываетъ тутъ мосье де Рьёнваль. Неужели въ самомъ дѣлѣ, его мѣтятъ мнѣ въ мушка? Какъ этотъ Парижанецъ, этотъ фронтъ, этотъ спѣсивецъ, станетъ думать обо мнѣ? прѣхалъ сюда для меня; но въ такомъ случаѣ, за чѣмъ мнѣ этого не говорить? За чѣмъ онъ молчитъ? За мной подсматриваютъ, слѣдятъ. Мнѣ ужасно хочется отказать ему, этому мосье Валентину, когда мнѣ предложить его, а между тѣмъ я признаюнаю какой онъ былъ нѣкогда добрый товарищъ. Я вѣрю даже очень хорошо, какъ во время нашихъ дѣтскихъ забавъ, онъ разыгрывалъ роль препослушнаго муженька. Онъ забывалъ это время; иначе навѣрно заговорилъ бы о немъ.

Однако мало отдать ему справедливость, онъ начинаетъ осматривать. Съ нѣкотораго времени, когда мы гуляемъ, онъ удостоиваетъ меня своею откровенностью, и не упускаетъ случая, чтобы дать мнѣ замѣтить, что погода прекрасна, что деревья зелены, что розы душисты; какъ будто этого не знала я и безъ него! Ужъ не хочетъ ли онъ учить меня ботаники, и открыться въ любой тодло тогда, когда я буду умѣть собирать травы? Влера мы отправились на папилькину ферму, за два льё отъ Провена. Въ продолженіе дороги разговоръ какъ-то неклеился, но вдругъ мнѣ пришла странная мысль. Я начала напѣвать, и такъ какъ мосье Валентинъ немножко поразвеселился, я такъ обрадовалась своему торжеству, что стала весела и была въ какомъ-то восторгѣ. Я заставила его любоваться мѣстностью, доказывала

снѣ, что я не какаянибудь глупая печальная дѣвочка, спесивая только рыться въ травѣ. Мосье Валентинъ глубоко вздохнулъ, и спросилъ меня любимо ли я природу и понимаю ли ее. Я готова была расхохотаться; однакожь удержалась; я приняла видъ груневый, опустила глаза и отвѣчала ему, что обожаю овсечекъ, плодовые сады, и хорошіе покосы. Мосье Валентинъ благодарилъ меня. За что же! Рѣзительно у него внулъ смѣшкомъ сельскій.

Выйдя у фермы изъ экипажа, я хотѣла угостить его, и побѣжала за чашкою прекраснаго свѣжаго молока, которую поднесла своему будущему властелину, съ такимъ покорнымъ, съ такимъ унижательнымъ видомъ, что мосье Валентинъ чуть не расплакался.

Чтобы развлечь его мысли, я насильно повела его въ поля, и тамъ, не смотря, что чувствовала, не зная отъ чего, какую-то тоску, я такъ краснорѣчиво говорила ему объ удовольствіи бѣгать, что у моего Парижанина вскружилась голова, онъ бросаетъ свою шляпу, срываетъ мою, хватается меня за руку и принимается со мной прыгать и плясать, какъ въ дни нашего дѣтства. Мнѣ казалось, что мы возвратились къ счастливой порѣ. Съ громкимъ смѣхомъ, мы кидали другъ въ друга васильками; привели дѣтей фермера и стали играть въ барры. Надо было видѣть, какъ мы прыгали, снаниали вокругъ казарки, царапали себя о илети! Что за прелестьный день!

Возвратясь домой, я чувствовала усталость и какую-то грусть. Валентинъ, напротивъ, былъ гораздо разговорчивѣе впрочемъ. Паненъка съ улыбкою смотрѣлъ на насъ. Мы возвратились въ Провенъ къ ночи. Маменька и мадамъ Сюзанъ дожидали насъ на террасѣ. Мы пили чай на-воздухъ. Вечеръ былъ великолѣпный. Мы разошлись въ полночь.

— Вы должно быть устали, дѣти, сказалъ паненъка; отунай-те спать! Валентинъ вздохнулъ, и мнѣ показалось, будто онъ хотѣлъ возражать и утверждать, что не будетъ спать.

Я рассудила, когда пришла въ свою комнату; одѣвать также какъ онъ, не спать. Я слышала, какъ онъ отворилъ окно, придвинулъ стулъ; но умиженно вознаеся, что послѣ довольнаго пратнаго соверданія, и нечувствовала келотве въ глазахъ; легла въ постель и скоро заснула. Проснувшись утромъ

внутренно сознаюсь, что не была создана для бесѣды съ зѣлками.

Что скажешь ты на все это? Какъ ты дѣлывала, когда мосье Крене становился на часы передъ луною? Развѣ необходимо отлучиться спать, когда намѣрена сдѣлаться хозяйкой? Я никогда не буду въ состояніи.

Ты спрашивала меня: хочу ли я быть у тебя крестной матерью? Да, съ большой охотою; но если у тебя нѣтъ еще кума, то подожди немного; не выбирай. Прости, моя добрая Луци, благодарю тебя за добрые совѣты. Они-то почти излечили меня. Съ полученія твоего письма, я уже не грущу и у меня гораздо меньше охоты къ вышиванью. Ты также научишь меня въ-послѣдствіи повязывать галстуки. Миѣ кажется, что это искусство унадеетъ, а я знаю здѣсь кое-кого, кому нужны уроки. Но то, что ты сообщаемъ миѣ о преобразованіи мосье де Крене усноковываетъ меня. Мосье де Рьяльвалъ будетъ похожъ на него... когда я буду совершенно походить на тебя.

Я глуплю; но все отъ того, что чувствую себя довольною!

ПИСЬМО XVII.

Луци де Крене къ Эдне де Сентъ-Орѣ.

Парижъ. Сентябрь.

Моя добрая Эдне, я ожидала отъ тебя такого письма. Но я стану мѣшать тебѣ вкусить одну за другою эти маленькія, разбросанныя радости, которыя предшествуютъ высшей радости, благословенной Богомъ.

У тебя душа чистая, умъ прямой. Ты живешь въ семействѣ Мосье де Рьяльвалъ, скрывающій, безъ сомнѣнія, грусть, тайну которой ты узнаешь въ-послѣдствіи, миѣ кажется также приодушинымъ. Все призываетъ васъ къ союзу, мои милые друзья. Каждый принимаетъ участіе въ вашихъ невинныхъ кокетствахъ. Поэтому ты не нуждаешься въ совѣтахъ. Дѣйствуй по влеченію сердца! Все, что могу сказать тебѣ, такъ это-то, что я молюсь за тебя, какъ ты молишься за меня; и желаю тебѣ такой же легкой супружеской обязанности, какъ моя, такихъ же слакъ, какъ моя, надеждъ. У насъ будетъ еще время поговорить потому-что ты заставишь меня ѣхать въ Провенсъ, какъ я ни слаба.

Перечитывая твоё письмо, я хотѣла бы отвѣчать тебѣ подробно; но что сказать тебѣ? Эта записочка несеть поцѣлуи и желанія; это главное. Поэма твоя начинается, и хотя я прочла нѣсколькими страницами больше тебя, однакожь я не хочу портить свою нескромностью ожидающихъ тебя радостей.

До свиданія, моя красавица; пиши мнѣ о ходѣ твоей идилли.

ПИСЬМО XVIII.

Валентинъ къ Арману.

Провансъ. Сентябрь.

Что бы ты ни сказавъ, читай все, что происходитъ во мнѣ, любовный Арманъ. Я люблю Эдме или скоро полюблю ее. Уже ли совершилось жданное откровеніе? Уже ли душа ея вдругъ просіяла наружу? или грубо увлекся ея красотой? Нѣтъ, мой другъ; я не увидалъ еще всего свѣта этого навпаго и смѣрнаго сердца, но во мнѣ уже есть надежда, которая волнуешь меня. Завтра, можетъ быть сегодня вечеромъ, моя судьба рѣшится. Ахъ! ты увидишь тогда безчувственнѣе ли я тебя къ этой видимой и чарующей тѣлесной красотѣ! ты увидишь, поклонникъ ли я прираковъ потому только, что прежде чѣмъ преклонить колѣна передъ этимъ образомъ, полнымъ прелестью, я хочу знать, отражается ли мой идеалъ въ ясности ея челъ; въ протести ея взгляда. Ты станешь винить меня въ нечестіи, въ преувеличеніи, и чтожь! Клянусь тебѣ, я готовъ иногда жалѣть, зачѣмъ Эдме хороша собой. Мнѣ кажется, что я съ необъяснимою радостью провозгласилъ бы подругой, мною избранною, смиренное созданіе, которое было бы въ пренебреженіи отъ новыхъ поклонниковъ, и скрывало бы подъ грубою оболочкой чистую душу; я бы почувствовалъ тогда гораздо сильнѣе, что сердце мое любить не земное. Но какъ бы то ни было, Эдме прекрасна, и я воображаю ее столько же умною, столько же вдохновенною, сколько она прекрасна. Ея свѣтло-русые волосы, набрасывающіе лютарные отгѣнки на ея щечки и плечи, ея тонкія, правильныя губки, ея нѣжныя ручки, ея гибкій станъ, все очарованіе, которое вѣсть отъ нея при первомъ на не взглядѣ, дѣйствуютъ на душу мою только потому;

что я утѣренъ не встрѣтитъ несогласія между гармоніею внѣшнейю и мелодіею внутреннею. Я позволяю вѣрамя спокойно наслаждаться, потому что сердце мое веселится безъ боязни. Я принимаю какъ даръ, какъ благодѣаніе это сокровище внѣшнихъ прелестей; но я также мало желаю ихъ, какъ мало пренебрегаю ими.

Какимъ образомъ перешелъ я изъ этого глубокаго спокойствія, въ которомъ находился нѣсколько дней назадъ, къ этому первому безпокойству, которое такъ сладостно открываетъ мнѣ любовь? Право я не могу сказать тебѣ съ точностью; но въ этомъ тихомъ семействѣ душа моя нашла полную свободу наблюдать, судить, понимать Эдмею, и хотя не было между нами продолжительнаго разговора, хотя я не допрашивалъ одинокимъ настойчиво это наивное сердце, однакожъ судя по некоторымъ случаямъ, по подмѣченнымъ взглядамъ, по вѣрными обмолвкамъ, мнѣ кажется, что Эдме могла бы быть моею женою. Въ одномъ словѣ я высказываю тебѣ все.

— Да, мой другъ, я хочу имѣть *жизну*, то-есть другую половину моего сердца, отблескъ, который Богъ хранитъ въ заветѣ для каждой человѣческой мысли, которая возносится къ нему черезъ молитву и любовь. Я хочу быть человѣкомъ; а человѣкомъ можно быть только черезъ *женщину*; потому что индивидуальная, эгоистическая мелодія жалованья отбивается въ всемирномъ хорѣ, если она не согласуется съ другою; потому что я буду имѣть свою вѣру, свой гений, свою волю и свою свободу только въ половину, если я не встрѣчу вѣру, гения, волю, свободы, которые удвоютъ, дополняютъ эти элементы духовной нравственной жизни и совершенства.

— Эдме будетъ ли жить отирченіемъ? Я надѣюсь больше и больше; и мериалія, которыя достигаютъ до меня и въ меня проникаютъ, предвѣщаютъ мнѣ ослѣпленіе.

— Нѣсколько дней назадъ, во время сельской прогулки, я былъ тронутъ ея невинною живостью, съ какою она торопилась сблизиться съ природою. На нее находили минуты такой чистой радости, что я былъ возмущенъ до глубины души. Мы какъ дѣти, шли наъ чашки упоенія, которую наливали намъ солнце. Мы играли, какъ во времена дѣтства; и если мнѣ случалось простодушно и братски пожать руку Эдме, я чувствовалъ то-

раздо болѣе истиннаго душевнаго волненія ; чѣмъ тогда ; когда бы мнѣ пришлось сорвать съ устъ ея камыи слезостыный поцалуй.

Возвратясь домой, сердце мое было полно счастливыми слезъ, и я провелъ часть ночи у окна ; мечталъ о моей матери. Даже ; тревожная также чувствомъ ; можетъ-быть также добрыма благоуханной тишиной ночи избытокъ этого восхитительнаго дня.

Съ нѣкоторыхъ моръ , она со мною такъ откровенна ; что я не смѣю ничего требовать больше ; какъ-будто она хочетъ предупредить всякое мое безпокойство и сама становится прозрачна, какъ кристалль, чтобъ я могъ развиднать душу ея. Сегодня утромъ , я сошелъ въ садъ , небо было чисто и жарко ; дождя , потопленная свѣтомъ , сверкала адала. Погруженный въ созерцанія , облокотился я на перила террасы, господствующей надъ нижними городомъ. Ряды тополей на луку склонились во временахъ отъ дуновенія вѣтерма и потомъ снова подымались. Въ нагорной зелени я слышалъ ропоть и вѣсны. По временамъ отдавался колокольчикъ проезжающихъ вдали по дорогѣ голы. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ; горделиво это шло звукамъ военной музыки. По кесегору подымались на ослахъ ребятшки, ударяя палками по деревьямъ. Этотъ шумъ ; прерываемый тишиною ; эта чудная картина ; этотъ пейзажъ ; котораго душа, такъ сказать, проявлялась передо мною ; это солнце Бога и солнце моего сердца , все очаровывало меня и приковывало къ мѣсту ; вдругъ слабый крикъ раздался у дошвы террасы ; я наклонился , и вотъ что увидѣлъ.

Внизу террасы сидѣла на каменной скамьѣ молодая женщина ; она кормила грудью ребенка, и думалъ, что ее никто не видитъ, обставляла грудь свою непокрытою. Эта бѣдно бѣдная, въ лохмотьяхъ мать, имѣла въ себѣ что-то величественное ; и поимъ ребенокъ жадно сосалъ молоко и захлебывался воирая жизнь, бѣдная женщина, спокойная и гордая , водила воируть себя глазами, какъ будто призывая деревья, небо, дѣбты въ свидѣтели того, что она счастлива, что обязанность ея исполнена. Подо мною подыбались колазна ; передо мной совершалось одно изъ чудныхъ дѣлъ Всеблагаго творца. Иногда ребенкомъ кусалъ грудь, мать слабо вскрикивала ; но, въ ту же минуту,

продая своего мучителя, она еще больше приближала его къ обнищенной груди, принимала съ улыбкой и продолжала свою обязанность и свои мечтанія.

Восторгъ, который облагораживалъ ея истомленное лицо, свидѣтельствовалъ объ идеальныхъ помыслахъ. Казалось, что она хотѣла влить въ ребенка, въ одно время жизнь матеріальную и жизнь духовную; и пока младенецъ снималъ жадными губками бѣлую грудь, перерѣзанную голубыми жилками, мать, будто хотѣла вдохнуть нѣкоторыя изъ вѣчныхъ тайнъ природы, чтобы пролить въ это маленькое существо, вмѣстѣ съ молокомъ жизнь духовную.

Эта бѣдная необразованная женщина и, безъ сомнѣнія грубая, не могла бы опредѣлить того, что она чувствуетъ. Она бы созналась, что воздухъ пріятенъ; что ребенокъ ея прекрасенъ; но безъ ея вѣдома что-то болѣе возвышенное чѣмъ заботливость кормилицы, озаряло ея взоры и приводило въ движеніе ея губы. То была не самка, исполняющая законъ природы и кормящая по одной лишь потребности; нѣтъ, то была женщина, которая чувствовала, что съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мгновеніемъ, съ каждой улыбкой ея ребенка, она готовила въ свѣтъ человѣка. Я бы хотѣлъ видѣть тебя, передъ этой картиной.

На дорогѣ показался рослый парень, весь въ ломотьяхъ, съ бутылкою воды въ рукѣ. Онъ остановился въ виду женщины и принялся смѣяться, глупымъ и громкимъ смѣхомъ. Бѣдная мать, застигнутая въ ея размышленіяхъ, торопливо прикрыла свою грудь, потомъ, узнавъ примедшаго сказала съ жалостною улыбкою; А! это ты Жакъ; и я слышала, какъ она прошептала: — Бѣдный стумасшедшій!

Дѣйствительно мертвенная бѣдность въ лицѣ Жака, бессмысленная неподвижность въ чертахъ, обличали идиота. Ничего не отвѣчая, онъ сѣлъ подлѣ женщины съ ребенкомъ и приложивъ къ рту бутылку началъ съ жадностью пить, останавливаясь только для того, чтобы провести рукою по груди и сказать: — Что за славное питье, вода! Женщина, казалось, сильнѣе прижала ребенка къ груди. Бѣдная мать боялась, что сынъ ея недовольно наситается ея молокомъ, ея кровью, ея душой, и чтобы ему испришлось въ послѣдствіи, какъ этому

несчастному, напрасно сосать бутылку съ водой. Противоположность была тротательная. Мать встала, и унося младенца, бросила на бѣднаго помѣшаннаго испуганный взглядъ. Что касается до него, то онъ снова принялся глотать съ наслажденіемъ воду; онъ подымалъ бутылку, смотрѣлъ черезъ нее на солнце и любовался разнообразными переливами свѣту, которые отъ лучей отражались на стеклѣ. Я былъ глубоко потрясенъ этимъ бессмысленнымъ видѣніемъ, которое помрачало всю картину и набрасывало тѣнь на это явленіе материнской любви и идеальной нѣжности. Я отошелъ со вздохомъ, на который отвѣчалъ подлѣ меня другой вздохъ. То была Эдме, которая тихо подошла и также облокотясь на перила террасы, смотрѣла на эту сцену. Я взглянулъ на нее. Слезы приподнимали ея длинныя рѣсницы и скользили по ея щекамъ. Я не смѣлъ начать разговора; но разгадавъ ея мысли по своимъ, ушалъ передъ ней на колѣна и взявъ ея за обѣ руки, прошепталъ: О! благодарю, благодарю. Эдме, притворилась изумленною, хотѣла засмѣяться; но не могла, и высвободивъ свои руки, побѣжала къ дому.

Я нашелъ на ея мѣстѣ книгу, и колебался открыть ее. Еслибъ я увидѣлъ какой-нибудь пошлый рассказъ, доступный понятіямъ молодыхъ дѣвушекъ, или какаго-нибудь посредственнаго поэта съ большими претензіями, я бы былъ жестоко разочарованъ; но книга эта была молитвенникъ. Для меня это открытіе было радостно. Отчего душѣ набожной и скромной не прибѣгать къ этимъ руководителямъ, которые могутъ способствовать душевнымъ изліяніямъ?

Я отправился къ себѣ и провелъ весь день за длиннымъ письмомъ, которое передамъ Эдме сегодня вечеромъ, вмѣстѣ съ книгою. Мнѣ надо выдти изъ недоумѣнія. Не дурно ли я дѣлаю, что пишу къ молодой дѣвушкѣ? Право, я спрашиваю объ этомъ себя и совѣсть моя говоритъ мнѣ: нѣтъ. Если я не получу на письмо свое ожидаемаго отвѣта, я уѣду отсюда навсегда и меня немного будутъ жалѣть, потому что мало повали. Если жъ напротивъ, отвѣтъ подтвердитъ мою надежду, цѣль этихъ бесѣдъ слишкомъ священна, чтобъ оставить мѣсто опасностямъ. Эдме находится подъ охраною моей чести. Ея отецъ, ея мать, довѣряютъ ее мнѣ исполнѣ. Я могу говорить

съ ней на единѣ, по цѣльнымъ насамъ. Въ чемъ же буду я виновенъ, если разговоръ, часто затруднительный, замѣню письменною бесѣдой?

Она будетъ или моею женою или останется дорогою и уважаемою мною подругою моего дѣтства. Въ томъ и другомъ случаѣ, она будетъ такъ же чиста послѣ этихъ задушевныхъ разговоровъ, какъ будто я никогда не переступалъ порога дома ея отца.

Ахъ! мой другъ, жду не дождусь завтрашняго дня! зачѣмъ плакала она когда глядѣла, какъ я, на эту мѣть и ребенка?

Прощай, Арманъ, никогда я не былъ такъ близокъ къ блаженству!

А. НИКИТИНЪ.

1800

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛОВЛѢ ЗВѢРІЙ ВЪ СИБИРИ.

Статья третья.

=

Олень дикій и ручной.

Дикій и ручной олень имѣютъ только ту разницу, что у дикаго каждый рогъ состоитъ изъ одного ствола, почти прямаго и рога ложатся на спину во время бѣгу. Тунгузы у домашнихъ оленей отпиливаютъ рога около самаго корня, для удобства ѣзды верхомъ, отъ чего на мѣсто длинныхъ рогъ вырастаютъ многовѣтвистые, съ которыми олени вообще изображаются на рисункахъ натуральныхъ исторій животныхъ. Даже въ ручныхъ стадахъ, если олень «онгоцъ» т. е. съ рожденія посвященъ идоламъ и потому неупотребляется въ работу, то имѣетъ также натуральные одноствольные рога. За тѣмъ между ними нѣтъ ни какого различія: ручные олени также живутъ въ лѣсахъ, питаются тѣми же ихами, имѣютъ тогъ-же кровь отъ непогоды. Вы спросите: на чемъ же основана ихъ зависимость отъ человѣка? Первое, что дѣтей оленьихъ запрягаютъ Тунгузы въ свои шалаши, для того что-бы доить ихъ матерей. А второе и главное: такъ какъ олени чрезвычайно любятъ соль, то, за немѣнѣемъ ея, Тунгузъ, выходя изъ шалаша своего,

сзывает оленей крикомъ и потомъ, посыпаетъ нѣсколько соли на снѣгъ, который олени съ жадностью пожираютъ. По утрамъ они сами держатся ближе къ шалахамъ, въ ожиданіи этого лакомства: тутъ хозяинъ ловитъ нужнаго ему для ѣзды оленя, а остальные уходятъ въ лѣсъ.

Ѣзда на оленяхъ очень покойна, надобно только навикнуть держаться на немъ, потому что его кожа двигается отдѣльно отъ тѣла и непривыкшіи ѣздоки какъ разъ свалится. Онъ идетъ рысью очень шпбко и при томъ такъ ловко сгибаетъ ноги, что тѣло его нисколько не сотрясается отъ бѣгу. Въ снѣгу онъ не тонетъ, а идетъ по самой поверхности, чему способствуетъ его широкая ступня. Оленя должно назвать кораблемъ песковъ. По гладкому льду онъ безъ подковъ бѣжитъ свободно и безъ всякой опасности. На самыя крутыя и подь самыя крутыя горы онъ подымается и спускается такъ ловко сгибая ноги, что тѣло его почти не теряетъ обыкновеннаго горизонтальнаго положенія. Сто верстъ въ день и притомъ по неровной сибирской мѣстности олень дѣлаетъ легко; по прибытіи на ночлегъ онъ тотчасъ ложится и отдыхаетъ, поутру съѣвши не много мху и поѣвши снѣгу, онъ готовъ опять бѣжать сто верстъ. Олень можетъ нести до десяти пудовъ тяжести.

О дикихъ оленяхъ могу рассказать только одну ихъ странность. Я переѣзжалъ Саянскій хребетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изъ трехъ озеръ, лежащихъ на самой вершинѣ, берутъ свои начала рѣки Иркутъ, Ока и Бѣлая. Мѣстность эта известна подъ названіемъ гольца, названіе, которое дается всѣмъ высочайшимъ горамъ, на вершинахъ которыхъ нѣтъ уже обыкновенной растительности, а только встрѣчаются, «стланды» т. е. одни вѣтви деревъ, выходящія прямо отъ корня и стелющіяся на землѣ. Голецъ или высокое безлѣсное и необозримое пространство, покрытъ былъ бѣлѣйшимъ снѣгомъ, какъ одной скатертью; единственная тропа, державшаяся человѣкомъ притоптанная здѣсь, полужанесенная вѣтрами, видѣлась какъ шовъ атой скатерти. Мы плелись по ней «гуськомъ» т. е. одинъ за другимъ и чуть терявшій равновѣсіе погружался въ снѣгъ, то съ трудомъ снова выбирался на тропу, которая въ двухъ саженой глубинѣ снѣга составляетъ узкую плотную стѣну,

по которой съ искусствомъ акробата, влішущаго по канату, адѣшніа лошади иногда бѣгутъ даже рысью. Вдругъ опытный взоръ одного звѣролова замѣтилъ въ сторонѣ стадо дикихъ оленей; онъ велѣлъ намъ остановиться и, сгорблясь, побрелъ по цѣльному снѣгу вокругъ стада. Олени на этотъ разъ или дремали или были безпечны, такъ что звѣроловъ, незамѣченный ими, обошелъ вокругъ стада и слѣдъ его образовалъ глубокую канаву. Тогда стадо тронулось; добѣжавъ до канавы, не смѣло ее перейти, а начало напрасно искать выхода по цѣльному снѣгу; тогда же звѣроловъ, подойдя къ нимъ близко, выстрѣлилъ и убилъ одного оленя. Стадо начало быстро бѣгать въ крутую слѣда, какъ въ оградѣ и только при второмъ выстрѣлѣ олени начали скакать черезъ канавку, какъ черезъ самый высочій заборъ. Рассказываютъ, что когда неизвестно было звѣроловъ огнестрѣльное оружіе и они били звѣрей стрѣлами, то опруживъ такимъ образомъ стадо оленей, перебывали до единаго. Затѣмъ, что при этомъ небыло того пугающаго звука, какой издаетъ ружье.

Языкъ оленей не-обыкновенно сладокъ и Тунгузами подается гостямъ, какъ конфеты. Изъ шкуръ оленей, бѣлыхъ и черныхъ, Тунгузы и Якуты шьютъ очень красивыя ковры; а изъ шкуръ маленькихъ оленей, называемыхъ пыжынами, дѣлаютъ очень красивыя и прочныя шубы, называемыя перками и дахами. Якутскіе жители подбиваютъ эти дахи бѣличьимъ мѣхомъ и это, по тамошнему климату, — лучшая одежда.

Кабанъ или вепрь.

Эта дикая свинья отличается отъ домашней, тѣмъ что кабанъ держитъ себя охотнѣе, употребляетъ только свѣжую, растительную пищу, любитъ общества и путешествія.

Кромѣ ружья, кабановъ ловятъ *пастями* (эта ловушка описана въ прилагаемомъ собраніи звѣропромышленныхъ словъ.)

Кабанъ только для защиты своей нападаетъ на человѣка бросаясь на него быстро, при чемъ къ счастію звѣролововъ, держится только прямого направленія; стоитъ только успѣть притянуть въ сторону, какъ врагъ проскочитъ и уже не воротится, — но бѣда, если онъ успѣетъ задѣть своимъ клыкомъ.

Клыки кабана имѣютъ такую силу и остроту, что отсѣкаютъ хвостъ лошади въ концѣ т. е. одинъ волосъ такъ какъ, бы онъ былъ отстриженъ ножницами. Мнѣ случилось это видѣть. Рана наносимая кабаномъ трудно излечивается. Успѣвши вскочить на дерево, также можно спастись отъ кабана.

Звѣрь этотъ питается кедровыми орѣхами, упавшими зимою на землю, ягодами и кореньями. Мясо его было и необыкновенно вкусно. Окорокъ изъ кабаннины не имѣетъ отдѣльнаго сока, какъ свиной, но за то весь проникнутъ саломъ. Если-бы привозили въ столицы кабаньи окорока, хорошо приготовленные, то Вестфальскіе встрѣтили-бы въ нихъ опасныхъ соперниковъ.

Единоборство кабана съ медвѣдемъ описано мною въ статьѣ о медвѣдѣ. Рысь нападаетъ на него, по своему обычаю, сверху. Волкъ старается поймать его за заднюю часть и, пользуясь негибкостью тѣла кабана, наноситъ ему смертельныя раны, но за то если попадетъ на *зубокъ*, то уже не встанетъ.

Кабанъ такъ силенъ, что гнетъ пасти (ловушки), состоящія пудовъ изъ пятидесяти, держитъ на своей спинѣ стоя и въ такомъ положеніи умираетъ, не имѣя возможности выскочить.

Случалось добывать такой величины кабановъ, что одна лошадь не въ состояніи была его вывести: вѣсъ его доходилъ до двадцати пяти пудовъ.

Дикая коза или косуля.

Это въ мірѣ дикихъ звѣрей тоже, что овца между домашними животными: беззащитное созданіе, истребляемое вездѣ и всѣми. Если еще существуетъ эта порода, то этимъ обязана необыкновенной своей плодовитости и быстротѣ бѣга.

Самое варварское истребленіе дикихъ козъ бываетъ весною, когда снѣгъ покрывается сверху крѣпкимъ слоемъ или корою, называемою «настомъ». Это произошло отъ оттепели и потомъ морозовъ. Тогда звѣроловы выгоняютъ, собаками, изъ лѣсовъ косуль и овѣ, прошибая ногами настъ, проваливаются и легко настигаются собаками, бѣгущими по верхъ насту, которыми душатъ ихъ сотнями. Въ это время шкура косуль, называемая «борловинною», почти ни на что негодна и мясо сухо и невкус-

во. Эта охота — одно только безразсудное истребленіе дикихъ ковъ.

Съ наступленіемъ лѣта косуль бьютъ на солончакахъ; тысячи ямъ служатъ имъ за-живо могилами, въ которыхъ онѣ иногда изгниваютъ, недождавшись «высмотра».

Медвѣди, волки, рыси, даже барсуки, не упускаютъ случая ловить и слѣдить косуль.

Осенью шкура косули имѣетъ плотную, низкую шерсть и выдѣланная и «дымленая» употребляется на обувь, называемую *унтами* *. Шкура самца «гуренина» предпочитается по своей крѣпости.

Преимущественно дѣлаютъ изъ шкуръ дикихъ ковъ «дахи» или шубы, носимыя вверхъ шерстью и сверхъ другой легкой шубы. Дахи отличаются необыкновенною легкостію (пять фунтовъ шуба!) ** и теплою, такъ что самый пронзительный вѣтеръ не проникаетъ даху и только скользитъ по ней. Это для жителей Сибири, ѣздящихъ верхомъ, зимою по открытымъ горамъ, — важная защита отъ вѣтровъ, движущихъ воздухъ, охлажденный до 40°. Если даху не вносить въ теплыя избы, то она служитъ долго. Когда шерсть дахи вытрется, то ее носятъ и лѣтомъ и тогда она называется «яргачъ».

Дикая коза, самка, бѣгаетъ отъ самца до послѣдняго истощенія силъ своихъ и потомъ упадетъ отъ изнеможенія. Очень часто эти бѣгающія по лѣсамъ пары попадаютъ въ ямы; тогда самецъ, въ порывѣ изступленной ярости, убиваетъ рогами несчастную самку.

Ревъ дикой козы, самца, такой громкій и изумительный, что онъ не разъ пугалъ неопытныхъ охотниковъ, принимавшихъ его за ревъ медвѣдя. Этимъ ревомъ онъ предупреждаетъ своихъ самокъ объ опасности и часто достигаетъ противнаго результата, давалъ знать о своемъ присутствіи.

Мясо дикой козы очень вкусно; но самымъ лакомымъ кус-

* Въ Отечеств. Запискахъ въ 1849 году, въ свѣси, напечатанъ разсказъ о золотопромышленности, въ которомъ *унты*, названныя *лактумъ*, играютъ важную роль.

** Самый лучший и легчайшій мѣлъ изъ употребляемыхъ на мужскія шубы, это — мехъ американскихъ медвѣдей, весомъ 12 фунтовъ.

комъ считаютъ звѣроловы ея почки, которыя сѣдаютъ сырыми, горячими, только-что вынутыми изъ распоротой козы.

Близорукость, столь обыкновенный недостатокъ городскихъ жителей, очень рѣдка въ Сибири и составляетъ тамъ истинное несчастіе, особенно для человѣка, который взялся за ружье. Это до того тамъ несчастіе, что пишущій эти строки любитель охоты отъ близорукости оставилъ Сибирь, свою прекрасную и любимую родину... Но тамъ она подвергала его жестокимъ насмѣшкамъ, въ редѣ такихъ. Однажды мы были на охотѣ и поехали въ лѣсу; поутру меня будить товарищъ и говорить мнѣ:

— Заряжено твое ружье?

— Да. А что?

— Кажется вотъ въ травѣ стоитъ коза.

— Гдѣ? Въ самомъ дѣлѣ коза.

Гдѣ тутъ было одѣваться; я схватилъ ружье и босый подкрался къ козѣ, какъ можно ближе.

Пацъ! Коза не тронулась. Что за чудо! Я мигомъ зарядилъ ружье, стрѣляю въ другой разъ: коза ни съ мѣста! Что это значить? Еще выстрѣлилъ. Хохотъ товарищей загрозилъ громче моего выстрѣла.

Я бѣгу къ неподвижной козѣ, и что же нахожу? О, слѣпота большой порокъ! Нахожу свой унтъ (теплая, изъ козьей шкуры, обувь) вывороченный и надѣтый на воткнутую палку, такъ что головка обуви очень походила на голову козы, стоящей въ травѣ. Три мои выстрѣла сдѣлали шесть дыръ на моемъ тепломъ сапогѣ.

Прежде звѣроловы дѣлали себѣ шапки изъ кожи дикой козы, снятой съ головы вмѣстѣ съ рогами и носили эти шапки на охотѣ для того, чтобы сидя въ травѣ не быть узнаваемыми козами, которыя принимали ихъ за себѣ подобныхъ. Было нѣсколько несчастныхъ случаевъ, что и звѣроловы принимали своего собрата за козу, почему употребленіе этихъ шапокъ запрещено.

Дикій баранъ,

Или по мѣстному названію аргали, водятся на высотахъ Яблоннаго хребта, имѣютъ толстые, спиралью загнутые, рога, на которые безвредно падаетъ съ большихъ высотъ и, уда-

рылся ими о камень, становится на ноги. Мнѣ не случалось быть на охотѣ за этимъ звѣремъ, но я видѣлъ только его рога, вѣсомъ въ двадцать одинъ фунтъ, привезенные однимъ молодымъ человѣкомъ въ подарокъ своему старому знакомому....

Дикій козелъ. (Козерогъ).

Этотъ житель только высотъ Саянскаго хребта, имѣетъ совершенное сходство съ домашнимъ козломъ, даже и въ томъ, что самый чистѣйшій воздухъ гольцовъ заражаетъ своимъ запахомъ. Рога у него, длиною болѣе аршина, представляютъ чуть согнутую дугу и раздѣляются на каждомъ верхкѣ рубцами, которые, по мнѣнію звѣролововъ, означаютъ годы звѣря. Я видѣлъ такіе рога съ двадцатью рубцами, вѣсившіе тридцать семь фунтовъ. Дикій козелъ имѣетъ мягкую эластическую подошву, съ помощію которой и роги, служащихъ ему для соблюденія равновѣсія тѣла, онъ (я былъ этому очевидцемъ) ходитъ по совершенно отвѣсной скалѣ, если только она имѣетъ хотя на полвершка выдающіяся неровности. Охота за дикимъ козломъ невозможна и если случается ихъ убивать, то это только тогда, когда козелъ самъ подойдетъ къ охотнику. Смотрѣть на хожденіе козловъ по скаламъ, наслажденіе для бѣдущаго по Саянскому хребту. Скалы тамъ всѣ обнажены и представляютъ дивные ландшафты, испещренные горными потоками и водопадами. Непрístupность ихъ очевидна и, сознавая ее вполне, вы вдругъ видите стадо дикихъ козъ безпечно прыгающихъ по этимъ вершинамъ, ниже которыхъ плаваютъ облака.

Саянскій хребетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ совершенно одинако, т.-е. безъ отраслей и отроговъ и своими сплошными голыми скалами, кажущимися всегда передъ вашимъ носомъ, поражаетъ путешественника такою нечаянностію, что я разъ былъ свидѣтелемъ оригинальнаго разговора. Мы ѣхали изъ Иркутска: я и докторъ Г., въ первый разъ посѣщающій эти мѣста. У насъ экипажъ былъ открытый. Совершенно ясный день склонялся уже къ вечеру. Я дремалъ.

— Далеко-ли до деревни? спросилъ Г. ямщика.

— Верстъ десятокъ будетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Гм! замѣтилъ Г.; это значитъ всѣ пятнадцать; поѣзжай скорѣе.

— Доѣдемъ, сударь.

— Гм! доѣдемъ, тебѣ хорошо въ этомъ толстомъ сукнѣ, а намъ невыгодно въ открытомъ экипажѣ.

— Неужели вамъ холодно, баринъ, вѣдь лѣто.

— Лѣто, лѣто; а какъ пробьетъ до костей дождемъ, такъ не очень пріятно.

— Да откуда вы, баринъ, ожидаете дождя; ни одной тучки нѣтъ.

— Ты развѣ слѣпъ; смотри на-право, какаѣ черная туча подымается. Навѣрное будетъ гроза; я зналъ это по барометру, который вынималъ на станціи.

— Что вы, баринъ, гдѣ это?

— А это что, ослѣпъ ты или пьянъ? Я давеча только не сказалъ, что будетъ гроза, мнѣ не хотѣлось останавливаться, а барометръ очень упалъ...

— Хотя бы онъ провалился; а все-таки никакой грозы не будетъ.

— Изъ этихъ черныхъ тучъ да не было бы грозы и ливня, то я прозакладую свою голову....

— Да изъ какихъ тучъ, баринъ?.

— Да изъ этихъ....

— Да это, баринъ, не тучи, а «гольцы» т.-е., каменные горы.

Какъ ни смѣшна мнѣ была ошибка доктора, но я не смѣлся, потому что и самъ, когда ѣхалъ въ первый разъ и также вечеромъ, то принялъ эти скалы за грозныя тучи.

На этихъ-то, доступныхъ только зрѣнію, твердыхъ, водитъ дикій козелъ, и въ шесть лѣтъ моего жительства у подножія Саянскаго хребта, я только могъ достать пару козловъ, для кабинета бывшаго генералъ-губернатора восточной Сибири В. Я. Руперта...

Шерсть этого козла рижеватая; въ ней много очень толстаго пуху, такъ что когда мѣлъ выносятся, то совершенно терлетъ шерсть; остается одинъ пухъ, который если подкрасить, — то можно получить нѣчто, близкое къ бобру.

Кабарга.

Водится въ самыхъ отдаленныхъ звѣроводныхъ мѣстахъ, в по быстротѣ бѣга и цѣпкости, съ которою она забирается на скалы, добыча ея трудна ружьемъ, но въ ловушки и кражи (смот. это слово) она попадаетъ часто, по своей неосторожности и вѣтрености.

Изъ шкуры кабарги дѣлается превосходная замша, по-сибирски «ровдуга». Мясо жилистое и не очень вкусно. Мускусъ или «струя» т.-е., пушокъ самца, чрезъ который проходитъ его моча, по цѣпности своей, отъ (1½ до 2 р. серебромъ штука), — дѣлаютъ добычу кабарги выгодною.

Въ Сибири очень хорошо поддѣлываютъ струн, раздѣляя кусокъ кабаржей кожи и набивая его печенкою, смѣшанною съ частію мускуса. Разаумѣется этимъ обманываются только покупатели — новички.

Я уже говорилъ, что медвѣдь и волкъ преслѣдуютъ кабаргу по двѣнадцати дней, пока не приведутъ ее въ изнеможеніе. Надвѣщаяся на свою прыткость, кабарга сначала весело скачетъ, убѣгая отъ орла и дѣлая при этомъ напрасные лишніе круги, отъ избытка своихъ свѣжихъ силъ, тогда какъ преслѣдователь ея, избравъ прямое направленіе, идетъ медленно, но безостановочно и лишь только избранная имъ жертва остановится, чтобы отдохнуть или покушать, онъ какъ тутъ и былъ. Увидѣвъ его, кабарга опять бѣжитъ сломя голову и при новомъ отдыхѣ снова видитъ неотвязнаго чернаго или сѣраго преслѣдователя. Силы ея уже ослабли, она идетъ медленно, врагъ за нею и такъ далѣе, до тѣхъ-поръ пока изнеможенная кабарга не упадетъ.

Серна, по сибирски и монгольски *зеренъ*, водится въ степяхъ такъ называемаго тамъ Закаменнаго края. Названіе это, какъ извѣстно, въ старину давалось Русскими всей Сибири, лежащей за рѣкою Камою или за Камнемъ, какъ называли Уральскій хребетъ; нынѣ оно присвоено къ Сибири Нерчинскому округу Забайкальской области, или мѣстности лежащей за Яблоннымъ хребтомъ.

Серны ходятъ большими стадами и мое сострадательное къ звѣрямъ сердце было поражено картиною истребленія ихъ са-

маго жестокаго, какое мнѣ только случилось видѣть. Я былъ приглашенъ на охоту. Тщеславіе того края составляютъ рыски и иноходцы, точно необыкновенной быстроты. Поѣздъ нашъ представлялъ всю роскошь этого рода. Но какъ ни были быстры наши лошади, стада сернь, которыя мы находили, мгновенно отъ насъ убѣгали и я не понималъ цѣли, для которой мы душили нашихъ лошадей, чтобы только спугнуть стадо, которое, отбѣжавъ нѣкоторое пространство, снова останавливалось и смотрѣло на насъ съ явною насмѣшкою. Но вотъ, когда мы сгрудили т.-е. сгруппировали нѣсколько стадъ, прѣзь нами открылось обширное озеро, покрытое гладкимъ, какъ стекло, льдомъ. Мы разсыпались и составили цѣпь, открывъ сернамъ только путь на озеро. Несчастныя бросились туда и начали падать, скользя по гладкому льду; нѣкоторыя только пары, сомкнувшись бокъ-о-бокъ, успѣли перебѣжать озеро и были, къ моему полному удовольствію, спасены; тѣ же которыя разрознились по одиночкѣ, падала и вставала и снова падала, до того измучились, что наконецъ легли и позволили звѣрю вамъ перерѣзать всѣхъ, штукъ болѣе ста.

Торжество охотниковъ было полное; но я далъ себѣ тогда же слово когда нибудь и какъ нибудь подать голосъ какъ въ пользу этихъ несчастныхъ звѣрей, такъ и въ пользу будущаго поколѣнія здѣшнихъ жителей, которому пожалуй, при томъ порядкѣ дѣлъ, не-доведется увидѣть ни одной серны.

Дикая лошадь.

Стада дикихъ лошадей скитаются по пустыннымъ и обширнымъ равнинамъ, составляющимъ мѣстность, орошаемую рѣками Аргунью и Шилкою и потомъ Амуромъ. Полагаютъ, что эти лошади были прежде домашними и принадлежали жителямъ разореннаго Китайцами на берегу рѣки Амура русскаго городка Албазина. Если справедливо, то это любопытный и рѣкій въ старомъ свѣтѣ фактъ обращенія ручныхъ животныхъ въ дикое состояніе. Посѣщавшіе мѣстонахождение города Албазина, вскорѣ послѣ его разоренія, дѣйствительно встрѣчали тамъ одичавшихъ свиней и даже куръ; но послѣдующіе путешественники не находили уже этихъ животныхъ; вѣроятно они

были истреблены хищными звѣрями; но какъ лошадь имѣетъ болѣе средствъ къ своей защитѣ, то очень вѣроятно, что порога эта сохранилась. Какъ бы то ни было, но дикія лошади существуютъ въ Сибири, хотя мнѣ объ нихъ и не случилось нигдѣ встрѣчать свѣденій. Лошади эти ходятъ стадами или табунами, по нѣскольку штукъ самокъ или кобылъ, вмѣющихъ въ каждомъ стадѣ одного самца или жеребца, который ихъ защищаетъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей и другихъ случайностей, какъ это увидимъ ниже.

Дикія лошади всѣ имѣютъ шерсть одного цвѣта, именно саврасую т.-е. темнокаштановую, гриву и хвостъ черныя и отъ гривы къ хвосту по самому хребту черную, въ дюймъ шириною полосу: ноги черныя въ низу и постепенно переходящія въ каштановый цвѣтъ; на плечахъ черныя тонкія полосы, неправильными или ломаными линіями, пересѣкающими одна другую и составляющими какъ-бы сѣть, расположенную по всему плечу. Таковыя лошади, если бывають между домашними, то называются *крылатыми* и точно,—сѣть этихъ черныхъ полосокъ можно принять какъ-бы за нарисованныя крылья. Ростъ дикихъ лошадей средній, но стати совершенныя и потому красота и легкость этихъ воспитанницъ самой природы не укоричненныя.

Казакъ тамошней пограничной линіи, при выбѣгѣ дикихъ лошадей въ російскую сторону, успѣвали ловить ихъ, но никакія усилія не могли сдѣлать пойманной дикой лошади ручною, Она или убивалась, стараясь вырваться изъ двора, въ которомъ была заперта; или убивалась подъ привязанною на нея вмѣсто всадника тяжестью, чтобы пріучить ее къ сѣдлу.

Когда самецъ или жеребецъ завидитъ какую-либо опасность, то тотчасъ сгруживааетъ своихъ самокъ въ кучу, безпрестанно бѣгая вокругъ и каждый разъ уменьшая кругъ движенія; когда же онѣ сомкнутся, то онъ, кусая ихъ, устанавливаетъ такъ, чтобы головы ихъ составляли окружность и хвосты — центръ, въ который скрываются маленькія жеребята. Потомъ жеребецъ начинаеть опять обѣгать ихъ и въ тоже время нападать на врага, если это волкъ или медвѣдь; но если враговъ нѣсколько, то самки сами защищаются копытами, и пока этотъ строй не разстроится, тогда ни медвѣдь, ни волкъ

ничего не могут сдѣлать съ лошадьми. Но эти сраженія, при настойчивости нападающихъ, всегда оканчиваются бѣгствомъ атакованныхъ и тогда изъ среды ихъ непремѣнно будетъ съжато нѣсколько жертвъ. При приближеніи даже человѣка дикія лошади тотчасъ становятся въ оборонительное положеніе, — но послѣ перваго выстрѣла онѣ разбѣгаются съ такою неимоверною быстротою, что преслѣдованіе ихъ на домашнихъ лошадяхъ совершенно не возможно.

Я имѣлъ случай быть очевидцемъ переправы дикихъ лошадей черезъ рѣку Аргунь, въ которую онѣ бросились, будучи преслѣдуемы Тунгузами, употребляющими лошадиное мясо въ пищу. Рѣка тогда была въ необыкновенномъ разливѣ и казалась моремъ, неизмѣннымъ береговъ, — но инстинктъ животныхъ руководилъ ихъ именно по тому направленію, гдѣ онѣ всего скорѣе могли достигнуть берега, хотя также покрытаго водою, но не глубокою; такъ что лошади могли уже брести и передовыя достигли этого берега; въ числѣ ихъ былъ и самецъ стада. Утвердясь на берегу, онѣ бросилъ взоръ на отсталыхъ; позади всѣхъ плыла одна самка и за нею маленький жеребенокъ. Мать безпрестанно оборачивалась къ нему и мордою ободряла его, терявшаго уже силы. Жеребецъ мгновенно доплылъ до этого несчастнаго жеребенка, нырнулъ подъ него такъ, что принялъ его на спину и такимъ образомъ вынесъ на берегъ. Воля ваша, но я считаю это настоящимъ соображеніемъ.

Окончаніе повѣствованія о звѣроловѣ Кондратіѣ Безногомъ.

Представленіе моихъ четвероногихъ знакомцевъ кончено. Заклучимъ эту статью, какъ я обѣщалъ равѣе, окончаніемъ романа моего *путеводителя въ лѣсной пустынь* — Кондратія Безногаго.

Въ одинъ темный вечеръ, мы разложили огромное свѣтло изъ нѣсколькихъ самосушныхъ деревъ. Наше маленькое общество сидѣло вокругъ: кто обдиралъ бѣлокъ, кто *щелкалъ* кедровые орѣхи или бросалъ ихъ въ огонь, гдѣ они лопались съ трескомъ, какъ маленькія ракеты. Иные выдумали болѣе оглушительные звуки: они паливъ на пень по много воды и поло-

живъ на нее горящій уголь, ударяли по немъ топоромъ, что производило настоящій пушечный выстрѣлъ, раскатывавшійся по ущельямъ горъ. Кто велъ разговоръ въ родѣ такого:

— Слыхалъ ты, Оома, что на низу * медвѣдей на цѣпи водять?

— Эва, выдумалъ; ужъ такъ я тебѣ и повѣрю.

— Право-слово; просто смиренъ, какъ теленокъ.

— Ну-те, полно околесицу-то городить.

Но какъ-бы ни разговаривали звѣроловы, какъ-бы ни хохотали, малѣйшій шорохъ въ лѣсу во всякое время замѣтитъ ихъ острый слухъ.

— Звѣрь не далеко, сказалъ Кондратій.

Шорохъ точно слышался съ одной стороны.

— Неужели косолапый идетъ?

— Чего добраго.

Всѣ взяли и приготовили ружья.

Въ глубокой темнотѣ начала отдѣляться темная фигура.

— Ого, да какая машина подвигается; неужели это сохатый?

И точно вскорѣ подѣхалъ къ нашему этапу парнишко лѣтъ двѣнадцати одинъ однихонекъ.

Я всегда удивлялся и не постигалъ смѣтливости и отважности звѣролововъ, которыми они руководятся въ горахъ. Какъ, напримѣръ, этотъ ребенокъ рѣшился ѣхать одинъ отыскивать въ неизмѣримомъ пустомъ пространствѣ нашу артель? Онъ ѣхалъ три дня, ночевалъ одинъ и наконецъ какъ-разъ наткнулся на тѣхъ кого искалъ. Онъ искалъ Кондратія.

Переговоривъ шепотомъ съ этимъ курьеромъ, Кондратій рѣшилъ что ему тотчасъ-же необходимо ѣхать домой. Я, котораго интересъ въ отношеніи звѣроловства былъ вполне удовлетворенъ и запечатленъ порядочною царапиною на носу, которую къ сожалѣнію сдѣлалъ не медвѣдь, а сухой сукъ, по разсѣянности, мною не замѣченный, — я вызвался сопутствовать Кондратію.

Мы избрали ближайшій путь, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ вознамѣрились захватить къ одному скупщику пушныхъ товаровъ и продать ему нашъ промыселъ.

* Подъ этимъ словомъ разумѣютъ даже Россію, но вообще низомъ называется даль, лежащая внизъ по теченію рѣкъ.

Дорога, по которой мы ѣхали, была очень хорошо пробита, и была впрочемъ свои особенности. Представьте себѣ длиннѣйшаго змѣя, изогнушагося въ тысячи изгибовъ и разлегшагося въ такомъ положеніи по чистому снѣгу. Такова была наша тропинка, по которой мы виляли, изгибаясь въ разныя стороны, точно танцуя извѣстную фигуру *шенъ*. Самыя лошади наши безпрестанно составляли изъ своей длины дугу, согнутую то на-право, то на-лѣво. Это дополненіе къ трудной само-по-себѣ верховой ѣздѣ, безпрерывной въ теченіи полуторыхъ сутокъ, происходитъ отъ того, что мѣстность, по которой мы ѣхали, покрыта упавшими деревьями, которыя должно объѣзжать. Мы вѣроятно въ половину скорѣе доѣхали бы, если бы дорога была прямая. Кромѣ этого вилянья намъ предстояло безпрестанное уклоненіе отъ вѣтвей, на которыхъ лежатъ большія пласты снѣга; при малѣйшемъ прикосновеніи эта пудра осыпаетъ вашу голову и шею и, растаявая на послѣдней течетъ за галстухъ. Это еще не все: деревья подставляютъ миллионы сучьевъ, по разнымъ направленіямъ, чтобы то пощекотать въ вашемъ носу, то протерѣть ваши глаза и, пожалуй, по возможности и вытащить хотя одинъ. Ѣхать надобно съ безпрестанной бдительностью и осторожностью, особенно ѣдущему позади: напримѣръ, передній ѣздокъ, блуци, своею и лошадиною особою загнулъ длинную вѣтвь, даже цѣлое молодое дерево, которыя часто растутъ косвенно, — загнулъ какъ ружьну и пробѣжавъ отпустилъ ее; она и хлопъ задняго ѣздока по носу; передній пугнулъ свою лошадь, та пошла въ галопъ и изъ подъ копытъ ея прилетѣло заднему въ лобъ два кома снѣгу; передній по неосторожности ударилъ ружьемъ своимъ, выскочивъ за спиною по дереву, дерево потряслось и осыпало лежащихъ, на немъ снѣгомъ, задняго ѣздока.

Все это я говорю изъ опыта, который достался мнѣ, какъ ѣхавшему позади моего спутника, — но вотъ мы доѣхали поздно вечеромъ до первой деревни.

Лай десятка цѣпныхъ собакъ доказывалъ намъ, что мы остановились у воротъ замѣтного человѣка.

Какъ честные люди, мы снѣгомъ отворили ворота и ввели нашихъ лошадей.

— Смотри, Кондратій, чтобы насъ не разорвали собаки.

— Да развѣ мы воры, отвѣтилъ онъ самоувѣренно.

— Да для собакъ, я думаю, все равно.

— Нѣтъ не равно; чествыхъ людей собаки никогда не тронуть.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы въ доказательство справедливости этого убѣжденія, собаки замолчали и мы, отвязавъ наши мѣшки, вошли въ избу.

Тимофей Ивановичъ Груднинъ, предъ смуглое монгольское лицо котораго мы предстали, былъ человѣкъ истинно достойный занять нѣсколько печатныхъ страницъ въ самой серьезной книгѣ. Но великая сила есть симпатія «влеченье, родъ недуга», какъ сказалъ Грибоѣдовъ. Великое дѣло — вкусъ. Заговори я теперь о какомъ-нибудь композиторѣ, артистѣ, живописцѣ, поэтѣ, который испачкалъ на своемъ вѣку нѣсколько стопъ бумаги или кусковъ полотна, заговори я о комъ нибудь изъ нихъ, я конечно могъ бы навѣрное рассчитывать на вниманіе читателей, — но Тимофей Ивановичъ Груднинъ, хотя лицо истинное, не вымышленное, что это такое?

Долгъ справедливости ободряетъ меня однакожъ доложить, что Т. И. Груднинъ, ни что иное, какъ родоначальникъ Харепутскаго племени Бурятъ, который принялъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ племенемъ и православную вѣру и русскіе обычаи, водрузилъ первое на высотахъ Яблоннаго Хребта знаменіе животворящаго креста и, построивъ первую тамъ русскую избу, первый призвалъ своихъ бродячихъ родичей къ осѣдлой жизни, къ хлѣбопашеству и скотоводству. Я даже приписываю ему первый шагъ къ мѣрѣ сбереженія звѣрей въ обширныхъ владѣніяхъ, дарованныхъ его племени за вѣрность русскому престолу, — ибо призвавъ свое племя къ осѣдлости, онъ, можетъ быть даже безсознательно, установилъ время промысловъ тогда, какъ звѣри кончатъ свой процессъ оплодотворенія. Такой человѣкъ какъ Тимофей Ивановичъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы засвидѣтельствовать ему почтеніе, что я съ удовольствіемъ и исполнилъ.

Тимофей Ивановичъ сидѣлъ, обложенный горами бѣличьихъ шкуръ, а стѣны его избы были обвѣшаны шкурами соболей, лисицъ, рысей и волковъ; въ сторонѣ, въ углу, лежало нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ. Такой громадный итогъ всѣхъ промы-

словъ поражалъ совершенною новостью и оригинальностью. Тимофей Ивановичъ принималъ еще нѣсколько бѣличьихъ шкуръ отъ вошедшаго передъ нами звѣролова.

— Вотъ тебѣ слѣдуетъ за все пять рублей двѣ копейки, сказалъ онъ.

— Хорошо, бачка, хорошо, отвѣтилъ звѣроловъ, который по обычаю многихъ своихъ собратій, зная толкъ въ себолахъ, не зналъ вѣроятно никакого толку въ деньгахъ.

— Вотъ возьми пять рублей.

Звѣроловъ взялъ и пошелъ было вонъ.

— Постой, постой, а двѣ копейки.

— Хорошо, бачка, хорошо.

— Но ты знаешь, что мелкихъ здѣсь трудно достать, вотъ тебѣ двѣ иголки, два рубля сотня куплены. Вѣрно ли?

— Вѣрно, бачка, вѣрно.

Тимофей Ивановичъ, разсмотрѣвъ нашу добычу, оцѣнилъ ее и выдалъ намъ деньги съ прибавленіемъ также нѣсколькихъ иголокъ, отъ которыхъ мы впрочемъ отказались и онъ, дошаривъ въ своей коробкѣ, нашелъ мѣдную монету, которою насъ и удовлетворилъ, руководясь совершенною аккуратностью въ веденіи своихъ торговыхъ дѣлъ и не желая оставаться ни на грошъ въ долгу.

— Долги, говаривалъ онъ, все равно что моль, какъ заведутся въ мѣху, такъ его и испортятъ.

Окончивъ это дѣло, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Зачѣмъ такъ торопились, я тотчасъ приступаю къ объясненію.

Потрудитесь припомнить, что въ началѣ этой статьи было сказано, что Кондратій Безногій отправился съ нами на промыселъ съ уязвленнымъ сердцемъ и съ малою надеждою на благополучное окончаніе своей *зазнобы* (слово это я нахожу выразительнѣе, чѣмъ любовь) или на согласіе отца той дѣвицы, которая «зазнобила» его молодецкое сердце, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ соперника, который остался на мѣстѣ и потому былъ очень опасенъ.

Курьеръ, посланный друзьями Кондратія, привезъ ему печальное извѣстіе, что бракъ его соперника съ его невестою рѣшенъ и скоро долженъ совершиться.

Я отъ души желалъ, чтобы мой герой лѣсовъ успѣлъ жениться.

Мы прѣѣхали въ деревню К. передъ вечеромъ, въ который, какъ тотчасъ узнали, былъ назначенъ и сговоръ. Принарядившись по праздничному мы явились на вечеръ не-жданые, какъ снѣгъ на голову. Разумѣется, что появленіе Кодратія произвело различныя впечатлѣнія на невесту, на отца и жениха ей назначеннаго. Но, по обычаю добраго Русскаго народа, насъ приняли радушно.

Кодратій не замедлилъ показать мнѣ новую свою удаль. Онъ на своихъ короткихъ ногахъ такъ лихо выплясывалъ русскіе танцы, такого задавалъ трепака, что любо было смотрѣть. Танцуя казачка, онъ кромѣ различныхъ прыжковъ, усвоенныхъ этому чисто русскому танцу, сдѣлалъ такой удачный скачекъ, что сталъ на столъ, уставленномъ разными лакомствами такъ ловко, что не задѣлъ ни одной тарелки; потомъ, сдѣлавши на воздухъ антрша и, перевернувшись черезъ голову, сталъ на полъ прямо и продолжалъ танецъ такъ свободно, что видно было, что всѣ эти штуки ему ни почемъ.

Простое, но истинное, чистое веселье безпрестанно оживляло этотъ престонародный вечеръ; тутъ были слышны и разговоръ, и шутки, и остроты, и смѣхъ самый искренній, не принужденный, — и ни что не показывало, чтобы кто-нибудь изъ присутствующихъ имѣлъ какой-либо замыселъ, обдумывалъ какой-нибудь планъ, соображалъ средства и т. под. На-завтра оказалось совсѣмъ иначе.

Я еще спалъ сномъ невинности или звѣролова, только что возвратившагося изъ хребтовъ и совершившаго утомительный переѣздъ, — когда началъ, сквозь рѣдѣющій сонъ, слышать неистовые крики, плачь, вопль, стоны, — словомъ совершенно противоположное той гармоніи, которою я наслаждался вчера вечеромъ.

— Что такое, не было ли пожара? спросилъ я старушку, спокойно сидѣвшую передъ топившейся печкою и оучившую безконечную нить.

— Нѣтъ, сударь, не пожаръ а хуже пожара.

— Что же такое?

— Да такъ, сударь, *суматоха*.

Т. СХХV. — Отд. III.

- Какъ, отъ чего, что случилось?
- Да такъ, сударь, волкъ оццу утащилъ.
- Только-то, стоитъ изъ-за-этого подымать такую трясину.
- Да вѣдь не ровешъ, сударь, волкъ, не равна овца.
- Ну что же такое, овцы вѣдь у насъ не мерзкосомы, крастыя овцы, рублей пять стоитъ вся хохера.
- Нѣтъ, эта овечка была такая, что другой во восемь ослодкѣ не найдешь, да и волкъ-то не-обыкновенный.
- Какъ необыкновенный?
- Да такъ, обыкновеннаго волки бѣгаютъ о четырехъ лапахъ.
- А этого?
- Этотъ безногий.
- Какъ безногий? закричалъ я, вспомнилъ о моемъ товарищѣ, умъ не случилось ли чего съ Кондратиємъ?
- Вотъ ужъ вы и встревожились; что такое можетъ съ нимъ случиться; позавайте-ка да позовитесь Богу, завтракъ уже готовъ.
- Ну, бабушка, говори скорѣе какой волкъ, какую овцу утащилъ?
- Я уже вамъ сказала какой волкъ и какую овцу, не ужас не повали?
- Неужели Кондратій «украсть» свою невесту?
- Да видно такъ; Богъ знаетъ чѣмъ еще кончится. За нимъ угналась погоня...

Въ Сибири въ простонародномъ быту бывалъ когда-то обычай; я еще засталъ его. Конечно онъ въ благоустроенномъ государствѣ не могъ долго существовать и потому теперь совершенно уничтоженъ, вмѣстѣ съ безпорядками, которыхъ онъ былъ причиною. Я говорю о бѣглыхъ свадьбахъ.

Станица, въ которой я родился и выросъ, стоитъ на обширной равнинѣ, такъ что за десять верстъ, съ помощію станичныхъ миражей, видно бѣгущую собаку или лисицу, которая какъ-то въ верблюда. Въ станицѣ есть церковь, единственная въ довольно обширномъ округѣ. Изъ оконъ нашего дома открывается видъ на теряющуюся въ дали равное пространство, за которому тянется нѣсколько дорогъ изъ многочисленныхъ окрестныхъ и дальнихъ деревень. Бывало, въ ясный дѣнь даль

когда яркіе лучи солнца морозомъ лаясь въ поперечникъ равнины, превращали обыкновенные предметы въ самыя фантастическія фигуры, — бывало смотришь въ окно и не налюбуемая этою чудною игрою свѣта, — вдругъ на концѣ равнины являлся гигантъ, скачущіе на лошадакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, поднимаясь пылъ образуя надъ ними джужужающаго шавера и все представляется величайшею летающею громадою, иногда отдѣлывающею отъ поверхности земли и плывущею на воздухѣ. Но вотъ по мѣрѣ приближенія эта не обалтывающая картина, которую создаетъ осенной миражъ, принимаетъ нату- ральныя формы и вы уже различаете скачущихъ во весь опоръ всадниковъ, между которыми замѣчаешь одну или двѣ немошія фигуры. Вы спрашиваете, что это такое.

— Это должна быть бѣглая свадьба.

Кавалькада летитъ прямо къ церкви, — но вотъ за ней ладаетъ другая, такъ называемая котомка и если она успѣетъ при- казать прежде чѣмъ совершится священникъ обрядъ, то дѣло, если оно вошло въ границы мѣстной власти, разбиралось ее и означивалось самымъ неожиданнымъ и не-пріятнымъ для обѣихъ сторонъ образомъ. Отецъ мой, начальникъ станицы, въ то время какъ я прыгалъ около него отъ восторга, что наша тихая и однообразная жизнь, нарушилась такою неслы- данною сценою представителями которой были: одна плачущая не- вѣста, два ея жениха, трепещущіе отъ страха, надежды и не- вѣрности одинъ въ другому, и свата ихъ, тоже возмущенная взаимною ненавистью... въ то время, какъ я съ нетерпѣніемъ ждалъ развязки, въ пользу котораго жениха будетъ рѣшено дѣло и шопотомъ ходатайствовалъ за того, который болѣе мнѣ нравился.

Но если погоня успѣвала догнать бѣглую свадьбу еще въ степи, или какой-либо деревнѣ, то завязывался рукопашный бой, сильная сторона одерживала верхъ и часто женихъ отпра- влялся съ обоними глазами, возвращался съ однимъ, но утѣ- шался неомошницей: правдой-да-мелодей!

Если свадьба успѣвала повѣнчаться, то по мнѣнію нѣкото- рого времени, въ которое гнѣвъ вскорбленныхъ родителей мѣ- сталка утихалъ, молодые являлись съ новинной головой, — а дѣло кончалось благополучно.

Я вспоминаю при этомъ случаѣ одно происшествіе, случившееся со мною въ юности и бывшее поводомъ къ первому же обыкновенному знакомству моему съ обитателями лѣсовъ.

Я только что былъ отпущенъ изъ школы на ваканціи и возвратясь домой, не узналъ еще подробно событій, случившихся безъ меня. Но завтра же послѣ моего приѣзда домой, собрался ѣхать въ довольно отдаленный лѣсъ за грибами. Въ членъ демецалцевъ, отправленныхъ за этимъ дѣломъ, была дѣвица, на рукахъ которой я выросъ и потому нѣблгъ къ ней привязанность, какъ къ бывшей своей нянюшкѣ. Ее звали Маргаритой, она отличалась не обыкновенною скромностію, или, какъ говорятъ, застенчивостію.

Приѣхавши въ лѣсъ, мы отаборились, отпустили лошадей на подножный кормъ и разсыпались по лѣсу для сбора грибовъ, перекликаясь по временамъ другъ съ другомъ. Когда наступило время возвратиться домой, всѣ начали собираться къ стну и наконецъ — не доставало только одной Маргариты. Подождавъ ее нѣсколько, мы еще разошлись по лѣсу, кричали, звали, она не сошлась, уже становилось поздно. Маргарита все же думалась.

— Ахъ, боже мой, воскликнулъ я; ужъ несѣблгъ-ли ее медвѣдь?

Видя мой испугъ одинъ старшій казакъ, желая утѣшить меня сказалъ:

— Не беспокойтесь, баричъ, здѣсь медвѣди только дурачатъ! она вѣрно ушла съ однимъ изъ нихъ.

— Какъ такъ?

— Да развѣ вы не слыхали, что на дняхъ ее сваталъ одинъ молодецъ изъ деревни, ему отказали, такъ вѣрно онъ ее и укралъ.

— Укралъ мою Маргариту! завопилъ я, нѣтъ, я ее непременно догоню и отниму.

И съ этимъ словомъ я пустился бѣжать въ лѣсъ отыскивать Маргариту.

Ни кому не пришло въ голову, что я дѣйствительно исполню свое намѣреніе; всѣ ожидали, что я тотчасъ возвращусь и потому никто небросился за мною; а начали скорѣе собираться

домой, чтобы тамъ дать знать о похищеніи и если успѣютъ предупредить бракосочетаніе.

Между тѣмъ я, увлекаемый пылкостью дѣтскаго воображенія, бѣжалъ въ полной увѣренности, что догоню похитителя и похищенную. Вечеръ уже наступалъ, гигантскія тѣни деревьевъ лежали передъ моими глазами, въ которыхъ впрочемъ, за потокомъ слезъ, и безъ того было уже темно. Вдругъ я наткнулся на городьбу и пустился вдоль по ней, воображая, что достигая деревни. Въ одномъ мѣстѣ городьба была прервана на аршинъ и чуть примѣтна тропинка проходила чрезъ это отверстие. Я принялъ ее за ближайшую дорожку къ деревнѣ и бросился въ ворота — но подъ моими ногами захрустѣло и разступилась земля, въ которую я мгновенно и провалился. Разумѣется, что это мнѣ такъ показалось, въ самомъ-же дѣлѣ я упалъ въ яму, которая была прикрыта хвоею и какъ впоследствии я узналъ, назначена для ловли дикихъ козъ. Стѣны ямы укрѣплены были стоячими досками, что при глубинѣ не менѣе сажени, лишало меня всякой возможности вылезти. Я прижавшись въ уголъ зарыдалъ и вообразилъ себя совершенно погибшимъ, — но какъ всегда дѣтскія слезы кончаются снегомъ, то и я уснулъ въ этой необыкновенной колыбели.

Можно представить какого страху и хлопотъ надѣлало мое бѣгство между моими спутниками, они разсыпались по лѣсу отыскивать меня, — но всѣ ихъ поиски остались напрасными. Въ отчаяніи они возвратились ночью домой и привезли туда два печальныхъ извѣстія о пропажѣ моей и Маргариты: бѣгство послѣдней впрочемъ тотчасъ объяснилось справкою объ ея совершенномъ бракосочетаніи.

Когда я проснулся дрожащимъ отъ холоду, уже былъ ранній день; по могильная тишина моего мѣсто-пребыванія заставила меня снова плакать. Однакожъ я часто обращалъ взоры мои къ отверстию, сдѣланному паденіемъ въ легкой покрышкѣ ямы и отрадно видѣлъ сквозь него кусочекъ самаго яркаго голубаго неба. Но вотъ это отверстие полузакрылось и чѣмъ-же? головою лисицы. Я закричалъ, сколько имѣлъ силы. Воровка вѣроятно воображала найдти въ ямѣ козленка, испугалась моего голоса и скрылась, — но она оставила мнѣ мучительнѣйшую мысль, что можетъ явиться волкъ или даже мед-

вбѣ; который конечно не испугается вопля ребенка. Но чтобы не мучить себя воспоминаніями объ странномъ заключеніи и вѣсь подробностями его, скажу скорѣе, что вмѣсто отнѣзъ ищниковъ прѣхалъ къ ямѣ самъ ея хозяинъ. Ощущенія его были самыя переходныя. Сначала онъ видитъ пробитую покрывку ямы и радостно слѣзаетъ съ лошади въ увѣренности, что попалъ коза; онъ открываетъ покрывку, и, по дѣйствию вавіи страха и стыда, свертываюсь и забиваюсь въ самый угол ямы, онъ разсматриваетъ:—темный предметъ наводитъ его на мысль, что не попалъ ли чернобурая лисица; онъ вылазываетъ прищельнице — и находитъ человѣка, да еще какого? Сына Хорунжіа *, который не прощитъ ему такой добычи. Зѣвроловъ впрочемъ былъ человѣкъ смѣтливый. Онъ тотчасъ вступилъ со мной въ переговоры.

— Хотите вы, что бы я васъ вытащилъ?

— Еще бы; развѣ смѣешь меня не вытащить?

— По чему бы это не смѣть? мнѣ какое дѣло, что вы попали въ яму.

— Нѣтъ, любезный, пожалуйста вытщи; не то я пожалуй паценькѣ.

— Но развѣ вы меня не знаете, и развѣ вы надѣетесь еще увидѣть нашего паценьку, если я васъ не выну изъ ямы, то вы не скоро дождетесь другаго.

— Тебѣ заплатить за эту услугу.

— Платы мнѣ не нужно, но если вы такъ уже хотите, чтобы я васъ вытащилъ, то дайте мнѣ слово.

— Какое?

— Побожитесь.

— Въ чемъ?

— Что никому не скажете, что попали въ яму; а скажете, что я васъ выщель въ лѣсу заблудившійся.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать, я не могу солгать...

— А, такъ счастливо оставаться.

— Послушай! — закричалъ я, когда зѣвроловъ началъ улаживаться, — даю слово и клянусь!

* Хорунжіа былъ тогда начальникъ охоты дворянъ, на которыхъ разбитыя Клязьминскія пограничныя дѣли.

— Такъ вѣтъ вамъ кушакъ; становитесь въ петлю.

Съ помощію этой простой машины, я былъ вытаскень надыны; звѣроловъ прикрывъ ее снова, посадилъ меня съзади себя на лошадь и доставилъ домой къ совершенной радости моихъ родителей и спутниковъ за грибами. Я разумѣется сдержалъ слово, данное звѣролову и не сказалъ, что попалъ въ звѣроловную яму, а сказалъ что заблудился въ лѣсу. Между тѣмъ моимъ отсутствіемъ я способствовалъ совершенію брака Маргариты съ избраннымъ ею женихомъ, потому что они въ тотъ же вечеръ пріѣхали въ церковь и были обвѣнчаны.

Никогда не забуду той робости, страха, стыдливости, тѣхъ слезъ, съ которыми Маргарита и ея молодой мужъ стояли въ передней нашего дома и ждали рѣшенія отъ моего отца, который, простилъ ихъ поступокъ, составлявшій почти обычай того времени. За то я ни за что не хотѣлъ простить этому злодѣю похищенія моей няньки!

Приступимъ наконецъ къ повѣствованію походовъ моего героя.

Замаскировавъ свои намѣренія не-поддѣльнымъ весельемъ, безпрестанною пляскою и смѣхомъ, Кондратій однакоже успѣлъ склонить любимую имъ дѣвницу къ побѣгу. Когда вечеринка кончилась и всѣ улеглись спать, въ полной увѣренности, что ничто не можетъ нарушить предположеннаго назавтра бракосочетанія, Кондратій съ своими приверженцами стоялъ за огородами съ содѣланными лошадьми для каждаго изъ нихъ и одной для той, которую ожидали. Вскорѣ калитка огорода скринула и женщина, держа подъ мышкою довольно большой узелъ, прокралась между грядъ и перепрыгнула черезъ заборъ. Кондратій принялъ ее на—лету и посадилъ на лошадь. Но въ это время вдругъ раздались во дворѣ крики.

«Стойте, держи, караулъ!»

Наши бѣглецы однакоже не послушались этихъ приказаній, а напротивъ еще какъ можно скорѣе скрылись въ примыкавшемъ къ деревнѣ лѣсу.

Кричавшій былъ отецъ невесты, какъ-то догадавшійся объ ее намѣреніи. Онъ продолжалъ кричать и звать на помощь, для которой тотчасъ и собрались почти всѣ жители деревни.

— Что такое случилось?

— Да случилось то, что Безногий убьжалъ съ моею дочерью вѣнчаться.

— Вотъ-те-на, замѣтилъ какой-то шутникъ, и вышло на самомъ дѣлѣ, какъ говорится въ приказкѣ; безногий-побьжалъ, а безрукой-то связалъ, а нѣмой-то караулъ закричалъ...

— Тебѣ братъ шутка, а мнѣ хоть зарѣзаться,—такъ въ пору.

— Эва ужъ и зарѣзаться; за чѣмъ Кондратій-то тебѣ не зять?

— И слышать нехочу, не отдамъ ни за что за него.

— Да теперь ужъ хоть что ни кричи, а дѣло кончено.

— Нѣтъ не кончено; ребята сѣдлайте-ка коней; въ погоню за ними; не будутъ-же ночью вѣнчаться.

Живо осѣдали лошадей и партія, подъ предводительствомъ разсерженнаго отца, помчалась во весь опоръ. Но вотъ на разстаняхъ, т. е. на раздѣленіи дороги, они остановились. Въ которую церковь поѣхали? Ихъ три въ разныхъ сторонахъ. Раздѣлиться, такъ безъ отца ни чего не сдѣлаютъ.

— А, сказалъ старикъ, на удачу, поѣдьте по этой. Не попали на слѣдъ, такъ вѣрно такъ ему и быть.

И снова помчались.

Между тѣмъ первые наши всадники были уже далеко отъ своей деревни; боясь погони, которую предвидѣли, они понуждали своихъ лошадей безпрестанно и скакали, не останавливаясь. Вотъ уже они видятъ село, въ которомъ предположили вѣнчаться, вотъ они и пріѣхали прямо къ дому священника. Была еще ночь и надобно было стучаться.

Тутъ-то можетъ быть въ первый разъ въ жизни взяла моего смѣльчака робость. Тутъ ему представился вопросъ: какъ онъ смаетъ, что укралъ невѣсту, что свадьба его бѣглая? Какъ ему поступить ежели не согласятся его обвинять и еще болѣе, ежели его разлучатъ съ невѣстой? И наконецъ ежели въ это время набѣжитъ погоня?

Но жребій брошенъ, медлить нельзя, надобно постучаться.

— Кого надобно?

— Батюшку.

— Дома нѣтъ; уѣхалъ въ такую-то деревню съ требой.

Ждать, — или ѣхать въ другое село? — новый вопросъ.

Ждать такъ дождешься погоню. Рѣшено было ѣхать и наши

всадники уѣхали; и очень кстать, потому что въ слѣдъ за ними явилась въ село отыскивающая ихъ погоня. Опять стучатся въ домъ священника.

— Кого надобно?

— Не была-ли здѣсь бѣглая свадьба?

— А Богъ ее знаетъ; недавно кто-то стучался, спрашивали батюшки; но его нѣтъ дома, уѣхалъ въ какую-то деревню съ требой.

— А, это они, сказали злобно старикъ, теперь не ускачутъ: они вѣрно поѣхали въ то село; ѣдемъ и мы туда.

Такъ иногда бѣглая свадьба и погоня за нею мчалась изъ села въ село; тамъ незаставали священника; другой не соглашался вѣнчать; иногда такое-то направленіе принято ложно, только для отводу и для скрытія настоящаго пути. Словомъ употреблялись разныя хитрости.

— Не встрѣчалъ ли, почтеннѣйшій кого? спрашиваетъ старикъ у ѣдущаго на встрѣчу крестьянина.

— А кого тебѣ надобно?

— Да вотъ *вершниковъ* съ дѣвкой.

— А, встрѣтилъ; проскакали вотъ версты три отсюда.

— О, теперь они не уйдутъ отъ меня.

Дорога изъ горъ и лѣсовъ вышла между тѣмъ на открытую равнину; старикъ къ величайшей своей радости увидѣлъ владѣ тѣхъ, кого онъ преслѣдовалъ и уже не было ни какого вѣроятія въ томъ, чтобы они могли ускользнуть изъ его рукъ. Онъ поѣхалъ тише, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, которыя проскакали болѣе ста верстъ и расчелъ, — лучше допустить похитителя въ село, гдѣ съ помощію мѣстной власти отобрать у него свою дочь. Преслѣдуемые также ѣхали не скоро, такъ что они были въ виду.

Два дня оставался я въ мучительной неизвѣстности объ участи моего товарища, по звѣроловству. Я зналъ, что за нимъ отправилась почти вслѣдъ погоня и что ему невозможно было ускользнуть; я былъ увѣренъ что это дѣло не кончится добромъ.

— А какъ, бабушка, ты думаешь, чѣмъ дѣло-то кончится? спрашивалъ я ту-же старушку, отъ которой узналъ эту новость и которая невозмутимо сядѣла и прядла.

— А кончится тѣмъ, чѣмъ Богу угодно. Видь Кондратъ, нанъ сколько разъ сваталъ дѣвку-то, и она спала и видѣла выйдти за него, такъ нѣтъ отецъ заупрямился: не богатъ-то; да что въ немъ въ богатствѣ-то, прости Господи! Были-бы со-вѣтъ да любовь, такъ и безъ богатства жить можно. Да и бо-гатство, хотъ какое, развѣ вѣковѣчно?

— Такъ, такъ, бабушка, но однако какъ ты думаешь, успе-етъ ли Кондратій-то обвѣнчаться?

— Ежели судьба,—такъ обвѣнчается; а не судьба,—такъ не обвѣнчается.

Подъ вечеръ втораго дня заѣхалъ на мою квартиру тотъ крестьянинъ, который повстрѣчалъ обѣ, бѣгущую и догоняю-щую, партіи и какъ по его словамъ разстояніе между нами было ничтожное, то я окончательно потерялъ надежду на вы-игрышъ дѣла моимъ товарищемъ.

Впрочемъ не я одинъ, вся деревня, раздѣленная на двѣ пар-тіи, приверженцевъ и враговъ Кондратія, съ нетерпѣніемъ ожи-дали развязки этого происшествія и на улицѣ безпрестанно возникали споры и ссоры двухъ сторонъ. Молодые парни не-сходили съ крышъ домовъ, попеременно влісатривая въ даль не ѣдетъ ли кто-либо. Молодые дѣвки шептались и смѣялись межъ подтишка, и конечно каждая изъ нихъ въ свою очередь приготавлилась къ такой же интересующей всю деревню роли.

— А что, Дмитро, спрашивалъ парень съ земли, другаго заѣзжавшаго на крышу, что не видать ли кого?

— Нѣтъ, тѣхъ то нѣтъ; а ѣдутъ какіе-то двое; мужикъ съ бабой.

— Ну это не тѣ.

— А кажись тѣ.

— Что ты двое? Да ихъ человекъ двадцать есть.

— А бываетъ передрались да переувѣчили всѣхъ, такъ двое и ѣдутъ; столько-де осталось цѣлыхъ.

— О, ты, бредишь.

— Да не брежу, смотри.

И мигомъ при этой вѣсти всѣ парни залѣзли на избы сме-трѣть на ѣдущихъ.

Я хотя слышалъ этотъ разговоръ, но не принималъ на ка-кого участія въ ѣдущихъ, потому что вѣроятно это были не

тѣ, которые меня интересовали въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, — какъ они двое только могли возвратиться?

Крики однакоже на улицѣ увеличиваются, переходя въ возгласы восторга, сливаются съ смѣхомъ, говоромъ и наконецъ съ развеселою пѣснью. А старушка моя все сидитъ, да придетъ.

— Что такое тамъ, бабушка?

— Ребята знать разшались, родимой.

Но вотъ дверь отворилась и мой Кондратій введя въ избу молодую женщину, упалъ съ нею въ ноги старушкѣ. Пряжка выпала изъ ея рукъ.

— Благословите насъ бабушка!

— Богъ васъ благословить! Ну что, какъ?

— Слава Богу благополучно повѣнчался.

— Какъ такъ? А отецъ?

Тутъ краснорѣчивый Кондратій рассказалъ, что предвидя что ему неускакать отъ погони, въ первомъ селѣ, гдѣ они не нашли священника дома, онъ съ своею невѣстою остался у знакомаго, а товарищей своего бѣгства пустилъ бѣжать далѣе, повлазавъ одного изъ нихъ краснымъ платкомъ и сдѣлавъ имъ строгій наказъ бѣжать, какъ можно далѣе. Самъ же между тѣмъ дождался священника, объяснилъ ему въ чемъ его дѣло и, пригласивъ свидѣтелей, обвѣнчался.

— Теперь уже ея отецъ волею или неволею долженъ будетъ признать меня своимъ зятемъ, сказалъ Кондратій, въ заключеніе.

— Дай Богъ тебѣ, любезный, жить да поживать и дѣтей наживать, сказалъ я ему, прощай и будь счастливъ!

ЧЕРЕПАНОВЪ.

Соврѣмя мало извѣстныхъ словъ, касающихся въѣропромѣлжности.

А.

Ангарская бѣлка, — бѣлка, добывасма по рѣкѣ Верхней Ангарѣ, впадающей въ оз. Байкаль.

Ань, — (монгольское слово), — звѣрь.

Арбатскія ворота, — четверугольное отверстіе въ скалѣ,

лежащей по вершинѣ одного отрога Яблошного или Становаго хребта.

Аргали, — дикій баранъ.

Артель, — компанія звѣропромышленниковъ, условившихся дѣлить между собою добычу.

Б.

Базлуки, — желѣзныя скобки съ двумя щипами, привязываемыя звѣроловами къ подошвамъ, въ видѣ подковъ, съ тою же цѣлюю.

Баргузинская бѣлка, — бѣлка, добываемая по восточному берегу оз. Байкала и скупаемая въ партіи въ бывшемъ городѣ Баргузинѣ.

Баргузинскій соболь, — тоже, что бѣлка.

Барсучина, — шкура барсука.

Бать, — выдолбленное дерево, служащее вмѣсто лодки.

Борловина, — шкура дикой козы, убитой весной; имѣеть непрочную, длинную рѣдкую шерсть и вся въ *свищахъ* (см. это).

Ботало, — колоколь изъ желѣза, привязываемый къ лошади для пуганія волковъ.

Бунтуки, — лисьи или волчьи хвосты, носимые зимою на петелькѣ, надѣтой на палецъ руки для того, чтобы они закрывали отъ холода отверстіе рукава.

Бунтить, — связывать бѣличьи шкуры.

Бунтъ, — связка бѣличьихъ шкуръ, по пятидесяти штукъ. Для Китайцевъ-же бѣлку бунтятъ по десяти штукъ, кладя въ средину низкіе сорта и связывая туго въ двухъ или трехъ мѣстахъ.

Бѣличій зарядъ, — самый легкій зарядъ, могущій убить только бѣлку.

Бѣличья пуля, — мелкая пуля, сто и болѣе изъ фунта.

Бѣлкѣ, — горы покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Бѣлковая собака, — звѣровая собака, отыскивающая бѣлку.

Бѣлковье, — время промысла бѣлки.

В.

Валежникъ, — упавшій лѣсъ.

Варево, — съѣстные припасы, взятыя съ собой звѣроловами.

Воря, — одна порція съѣстныхъ припасовъ.

Верховой, — воронъ.

Верхъ, — мѣста, лежащія при источникахъ рѣкъ.

Вершиникъ, — всадникъ.

Вожжанка, — бѣличья шкура, подпоявъ, имѣющая на мездѣ бѣлыя полосы, означающія переходъ въ чистую бѣлку.

Вольные хребты, — звѣроловныя мѣста, ни кому не принадлежатія.

Вугонъ, — въ догонку, на бѣгу (выстрѣлить, убить).

Вывивать, — наливая въ нору звѣрьковъ воду, выживатъ ихъ оттуда.

Выкуривать, — выживатъ изъ норъ звѣрей дымомъ.

Высмотръ, — определенное время для осмотра звѣроловныхъ снарядовъ.

Г.

Гарь, мѣсто выгорѣвшее отъ лѣсныхъ пожаровъ.

Голкъ, — звукъ выстрѣла, залпъ.

Головня, — змѣя.

Голомедь, — гололедъ.

Гольцы, — высокія горы, лишеныя растительности.

Горбольсы, — бѣлка, у которой по спинѣ есть отливъ красной шерсти, означающій переходъ изъ хорошаго въ плохой сортъ.

Грива, — самая вершина горы или хребта.

Гуджиръ, — не очищенная сибирская соль и мѣсто ея рожденія.

Губы, — древесный грибокъ, изъ котораго дѣлаютъ трутъ для добыванія огня.

Гурагьяна, — шкура самца дикой козы, убитаго осенью.

Гуранъ, — самецъ дикихъ козъ.

Гусемъ, гуськомъ, — бада одинъ за другимъ.

Д.

Даха, — шуба изъ шкуры дикой козы или оленя, носимая вверхъ шерстью.

Дошлая, — шкура звѣря, имѣющая шерсть во всемъ совершенствѣ.

Деревянный огонь, — огонь добываемый трением дерева объ другое.

Дранка, — драный медвѣдець.

Дымленая шкура, — выдѣланныя шкуры оленей и дѣлать козъ нашиваютъ дымомъ листовныхъ шишекъ, отъ чего онѣ принимаютъ желтый цвѣтъ и меньше портятся отъ сырости.

Дымковуръ, — курство, или горящія не плашущая растенія, производящія только дымъ, отгоняющій насѣкомыхъ.

Е.

Ельники, — словый лѣсъ.

Ж.

Жѣнка, — самка.

Жеребей, — неправильные куски рубленнаго свинцу, употребляемые вмѣсто пуль. Жеребьямъ приписываютъ звѣроловы больше силы, чѣмъ пулѣ и притомъ ихъ нѣсколько забивается въ винтовку, когда идутъ на медвѣда.

Живой огонь, — пламя.

Жиы, — жиы звѣрей очищенные и выдѣланныя, — такъ что они раздѣляются на тонкія пряди, ссученныя, служатъ вмѣсто нитокъ.

З.

Завѣденіе, — въ хребтахъ ямы и другія ловушки.

Заломъ, — Звѣроловы, найдя берлогу медвѣда, всомнаютъ въ отверстіе два стѣга и окрещаютъ ихъ, чтобы звѣра невыскочилъ: это называется заломомъ.

Завѣжить, — садунить, замучить.

Засапка, — щить, сдѣланный изъ вѣтвей, за котораго прятается звѣроловъ, чтобы не быть замѣченнымъ звѣремъ.

Засажникъ, — малый ножъ, похожій за голенищемъ сабля.

Засѣка, — срубленные деревья въ одну сторону, такъ чтобы они падая по одному направленію образовали преграду свободному ходу звѣрей.

Звѣрина, — шкура какого-либо звѣря.

Звѣристо, — много медвѣдей и волковъ.

Звѣриный переходъ (см. переводъ).

Звѣриный ревъ, — (см. ревъ).

Звѣровая собака, — собака, способная нападать на звѣри или отыскивать его по слѣду.

Звѣровать, — охотиться, ловить звѣрей.

→ **Звѣровъё**, — ловля звѣрей, охота за звѣрями.

Звѣровацникъ, — охотникъ на звѣрей.

Звѣропромышленность, — охота за звѣрями, какъ правильный промыселъ.

Звѣропромышленникъ, — человекъ, принадлежащій къ классу постоянныхъ охотниковъ на звѣрей.

Звѣра, — такъ называютъ собственно медвѣдя.

Зимовье, — домикъ, построенный въ мѣстакъ зимней ловаи звѣрей.

Зимовщикъ, — зимній промышленникъ звѣрей.

Зимній Никола (см. Никола).

Злобокъ, — возвышеніе на равнинѣ.

И.

Игла, — жердь или тонкій и длинный брусъ, употребляемый въ ловушкахъ: *насти* и *крюкъ* (см. эти слова).

Испарухаться, — испортиться (ружьё).

К.

Калгусъ, — болото, трясины.

Кальба, — форма для отливки пуль.

Камышъ, — обувь, шерстью вверхъ, изъ шкуры, снятой съ ноги лошади, оленя и проч.

Капаруля, — остроугольный дастуль, орудіе для выкапыванія кореньевъ.

Карымъ, — инородецъ, принявшій православную вѣру и русскій образъ жизни и обычай.

Клыки, — клы, длинные зубы кабана.

Крестовка, — шатлая лисица, выходящая на хребтѣ четыре красныхъ пятна, расположенныхъ крестообразно.

Куланъ, — шарообразные натеки крови на концахъ наубревыхъ рогъ, придающіе имъ большую цѣнность.

Кряжъ, — ловушка на кабаргу. Дѣлается изъ двухъ бревенъ, одно лежитъ на землѣ, другое подымается посредствомъ клы или длинной жерди, конецъ которой держится на *мошурѣ*, или

панкѣ, лежащей на пнѣ, на перевѣзѣ; другой конецъ мотыря держится *силкою* (веревчатою пружинкою), которая отъ прикосновенія соскакиваетъ и верхнее брезно падаетъ.

Кулемка, — ловушка на соболей, состоитъ изъ двухъ брусьевъ, изъ которыхъ одинъ поднятъ надъ другимъ и держится на пружинкѣ, называемой *чалокъ*. Съ одной стороны отгорожено маленькое пространство, гдѣ положена живность и ходъ туда открыть только чрезъ чалокъ, задѣвъ который, соболю роняетъ на себя ловушку.

Кулемочный соболю, — соболю, добытый въ ловушкѣ кулемкѣ, пѣвятся въ торговлѣ ниже ружейнаго соболя, потому что хорошій соболю не попадется въ ловушки.

Куржакъ, — застывшіе нары, выходящіе изъ какого-либо теплаго мѣста.

Куркавка, — ловушка на соболей. Къ небольшому камню привязываютъ дугу, въ которой укрѣплена волосяная петля; камень этотъ ставятъ на лежація, черезъ ручьи, деревья, по которымъ обыкновенно перебѣгаетъ соболю. Попавъ въ петлю, онъ рванется и вмѣстѣ съ камнемъ падаетъ въ воду, гдѣ его находятъ утонувшимъ. Такое утопленіе придумано для того, что безъ этого соболю перегрызъ-бы петлю и ушелъ.

Л.

Лабазъ, — кладовая для съѣстныхъ припасовъ, устроенная на высокомъ пнѣ дерева, для безопасности отъ хищничества медвѣдей.

Лапы, — шкура съ ногъ лапчатыхъ звѣрей.

Листвяки, — листовичныя рощи.

Лисій сахаръ, — сулема, какъ предметъ запрещенный.

Лисья темнота, — самая темная пора ночи, передъ рассвѣтомъ.

Лопшакъ, — годовой лось, нузубъ и т. под.

Лосина, — выдѣланная кожа лося.

Лунуть, — ружью выстрѣлить самому собою.

Лѣтній Никола, — (см. Никола).

М.

Медвѣдина, — медвѣжья шкура.

Миндра, — всякая дрянь (настрѣлена).

Мороженка, — черная бѣлка, посредствомъ холода принявшая бѣловатый цвѣтъ мездры, такъ что продается въ числѣ чистой бѣлки.

Матерь, — часть ловушки *пасты* (см. это).

Мужичекъ, — самецъ.

Н.

На-Божью волю, — выстрѣлить на угадъ, безъ прицѣла, въ лѣтъ.

Нагалище, — чехоль на ружье, изъ шкуры барсука.

Нажива, — кака-либо живица, вкладываемая въ ловушки, для приманки звѣрей.

Наживникъ, — станокъ или спица для держанія наживы.

Накипень, — ключевая вода, выступающая зимою и замерзающая, образуя цѣлыя горы льду.

Напульникъ, — мѣшечекъ для пуль.

Насторожка, — пружинка въ ловушкахъ.

Настъ, — верхній твердый слой снѣга, на который загоняють дикихъ козъ, чтобы онѣ, проваливаясь, не могли убѣгать отъ преслѣдованія.

Натруска, — пороховница.

Недолисокъ, недолись, — молодая лисья шкура, щенки.

Неученая (лошадь), — невъзженная, не бывшая еще въ упряжѣ или подъ сѣдломъ.

Низовый, — Русскій прибывшій изъ Россіи, не туземецъ.

Низъ, — всякое мѣсто, находящееся внизъ по теченіи рѣкъ далеко, такъ что подъ словомъ этимъ разумѣють и Россію.

Никола, — праздникъ Св. Николая Чудотворца, служащій сибирскимъ звѣроловамъ сроками: первый, 9 мая, называемый *лѣтнимъ Николюю*, для полученія одолженій или ссудъ, а второй 6 декабря, зимній *Никола*, для платежа долговъ. По чему этотъ праздникъ извѣстенъ всѣмъ, даже дикимъ обитателямъ Сибири.

О.

Облава, — (монгольское *обала*), — ловля звѣрей многими, изъ коихъ одни пугаютъ звѣрей и гонятъ въ ту сторону, гдѣ засѣли другіе съ ружьями.

Обская бѣлка, — бѣлка, убитая по рѣкѣ Оби; самый послѣдній сортъ бѣлки.

Оводъ, — насекомое слѣпень.

Огневка, — ярко-красная лисица.

Олоши, — (монгольское слово), шерстяные чулки съ кожанною нашивкою ввидѣ надѣтыхъ на чулки *алоши*.

Онгонъ, — посвященный божеству.

Оннская бѣлка, — бѣлка, убитая въ мѣстности, близъ рѣки Оны, сорта средняго.

II.

Падь, — узкая долина, лощина.

Палы, — лѣсной пожаръ.

Парка, — якутская шуба, сшитая безъ разрѣза, какъ рубашка и имѣющая, надѣваемый на голову, куль.

Перенюга, — свѣжій звѣриный слѣлъ.

Подкручникъ, — работникъ, нанимаемый для стрѣльбы звѣрей, въ пользу хозяина.

Пасть, — ловушка на кабана. Дѣлается такъ: девять толстыхъ саженныхъ бревенъ въ одномъ концѣ соединены жердью (иглою), поднявъ иглу за одинъ конецъ, кладутъ ее на конецъ же *мотыря*, или палки, длиною въ аршинъ, которая положена на перевѣсъ на пень, другой конецъ ея держится *насторожкой* или пружинкою, снабженною какою-либо *мажкою* т.-е. съѣдомою живностию, тронувъ которую звѣрь стонкнетъ пружинку, эта отпускаетъ мотырь, а мотырь иглу и вивѣстъ съ нею тяжесть девяти бревенъ, на звѣря. Съ одной, поднятой стороны, эта ловушка забирается стѣнкою и вся прикрывается вѣтвями.

Переходъ, — тропинка, по которой звѣри переходятъ долины.

Петровка, — бѣлка, убитая около Петрова-дня (29 июня).

Плашка, — ловушка на бѣлокъ. Двѣ доски, положенныя въ предосторожность отъ мышей на висячія палки, вдолбленныя въ дерево; одна доска, косвенно, подымается за пружинку, наживленную рыбою, тронувъ которую бѣлка роняетъ на себя доску, съ положеннымъ на нея гнетомъ.

Планинкъ, — цѣнь плашекъ, поставленныхъ вокругъ какой-либо горы.

Планичная бѣлка, — бѣлка, добытая въ плашкахъ.

Плѣски, — метли изъ водосъ, какъ ловушки для птицъ и мелкихъ звѣрей.

По-хѣтру, — по теченію воздуха, такъ чтобы звѣрь не могъ обонять присутствія опасности.

Подполь, — сортъ бѣлки, имѣющей черную мездру, цѣнится двѣ за одну чистую бѣлку.

Подземный медвѣдь, — медвѣдь, выгнанный изъ берлоги.

Помѣтъ, — приготовленная отравя для звѣрей.

Поняга, — станокъ, къ которому привязываютъ звѣроловы то, что берутъ съ собой, для удобства носки на спинѣ.

Пороша, — чуть напавшій снѣгъ, удобный для выслѣживанія звѣря.

По-черну, — по землѣ, еще не покрытой снѣгомъ.

Пролѣсокъ, — открытое мѣсто, между лѣсомъ.

Промыселъ, — добыча.

Проходныя мѣста, — звѣроловныя мѣста, въ которыхъ не производится постоянно промысла, а стрѣляютъ, то что попадетъ на ходу.

Пурга, — вьюга, метель.

Пыжикъ, — шкура маленькаго оленя.

Цыковина, — тонкая кожа, негодная для выдѣлки.

Р.

Разстані, — раздѣленіе дороги на нѣсколько вѣтвей.

Рѣвъ, — время любви звѣрей, въ которой они ревутъ, сзывая самокъ.

Роздуга, — замша изъ кабаржскихъ шкуръ.

Роженъ, — деревянное вертело, на которомъ жарятъ мясо.

Россыпь, — груды камней, другъ на другѣ лежація, такъ что пустоты между ними служатъ ярами для звѣрей.

Ружейная бѣлка, ружейный соболь, — шкуры этихъ звѣрей, убитыхъ ружьемъ; онѣ отличаются нѣсколько окровавленною мездрою.

С.

Салъ (монгольское слово), — вѣтвь оленьяго—изубрѣнаго рога; количествомъ этихъ вѣтвей опредѣляется достоинство рога: шести-саланъге, осми-саланъге и рѣдко десяти и двѣнадцати-саланъге.

Самосушникъ, — деревья, сами-собою засохшія на мѣртвѣ.

Сарана, — полевая лилія.

Сары, — непромокаемая кожаная обувь, приготовляемая въ Якутскѣ.

Свална, — ружейный стволъ.

Свищи, — ямы на кошѣ звѣрей; по выдѣлкѣ кожи на мѣстѣ этихъ явъ образуются дыры.

Сгрудить, — согнать, въ одно стадо, нѣсколько звѣрей.

Сиверь, сѣверная сторона горъ.

Сиводушка, — желтая лисица съ темною грудью.

Силка, — волосная или веревчатая пружинка, употребляемая въ ловушкахъ.

Сипоха, — сортъ бѣлыхъхъ шкуръ, принимаемый въ торговлѣ три за двѣ настоящихъ бѣлокъ.

Солнопѣкъ, — южная сторона горъ.

Сѣшки, — придѣлываемыя къ ружью двѣ деревяныя палки, которыя служатъ для держанія ружья, во время прицѣла.

Солонцы, — солончаки, мѣсто — рожденія сибирской соли.

Становище, станъ, становье, — мѣсто, гдѣ звѣроловы имѣютъ свое жительство, во время звѣроловства.

Степная лисица, — плохой сортъ лисицы, убиваемой въ степяхъ.

Стланцы, — на въсочайшихъ горахъ, гдѣ уже растительность принимаетъ свою особенность, вѣтви деревьевъ растутъ прямо отъ корня безъ стволовъ, — эти вѣтви и называются стланцами отъ того, что стелются по землѣ.

Сторожкая собака, — чуткая собака.

Струя, — мускусъ кабарги.

Стрѣлка, — мышь, образуемый соединеніемъ двухъ рѣкъ.

Ступъ, — шагъ, ходъ шагомъ (звѣри).

Сундалой, — ѣхать верхомъ вдвоемъ, на одной лошади.

Ойрейка, — маленькая чашечка или ложка съ горючемъ сѣрою для добыванія огня.

Т.

Толой, — особый видъ зайца, водится по р. Омоу, Забайкальской области и отличается тѣмъ, что не перемѣняетъ своего сѣраго цвѣта шерсти.

Тулуномъ снать шкуру, — снать шкуру съ звѣря, не разрывая ея въ доль, а только подрывавъ съзади.

Тункинская бѣлка; тункинскій соболь, — звѣри эти, убитые на Саянскомъ хребтѣ, названіе это получили отъ главнаго мѣста жительства звѣролововъ, Тункинской станицы.

У.

Унты, — обувь, сшита изъ козюльнхъ шкуръ, шверты вънутрь.

Урганъ, — мышьи запасы на зиму.

Ускокъ, — прыжекъ (звѣря).

Ухожье, — мѣсто звѣринаго промысла и высмотръ ловушекъ.

Ученая (лошадь), — выгѣженная въ упряжкѣ и подъ сѣдомъ.

Ушканъ, — заяцъ.

Х.

Хилюкская бѣлка, — бѣлка, добытая по р. Хилку, въ Забайкальской области.

Ходить на соболя (собакѣ), — имѣть способность отыскивать соболя.

Ц.

Цумугунъ, — мозгъ ножныхъ костей.

Ч.

Чалокъ, — пружинка въ ловушкахъ.

Чернолѣсье, — глубокій темный лѣсъ, дремучій лѣсъ.

Черная крупа, — порохъ, какъ товаръ, доставаемый не позволительнымъ путемъ.

Чикойская бѣлка, чикойскій соболь, — звѣри убитые по рѣкѣ Чикойю, въ Забайкальской области. Лучшій сортъ.

Чистая бѣлка, — бѣлка, дошедшая до совершеннаго роста и пушности своей шерсти; имѣеть мездру бѣлую.

Черная лисица, — лисица, имѣющая черноватую шерсть.

Чернобурая лисица, — лисица, имѣющая шерсть черную, свѣшанную съ желтою.

Ш.

Шаста, — древесный мохъ, которымъ питаются олени; онъ образуется, въ слѣдствіе засыханія вѣтвей деревьевъ.

Щ.

Щеки, — двѣ противоположныя скалы, раздѣленныя узкою долиною или рѣкою.

Щенокъ, — голая шкурка бѣлки.

Щелкать, — грызть, ѣсть орѣхи.

Ъ.

Ъдовой, — проѣзжающій, ѣдущій

Ю.

Юрта, — домикъ безъ печи.

Я.

Якутская бѣлка, якутскій соболь, — звѣри, убитые въ Якутской области. Самый лучший сортъ.

Яргачъ, — выношенная даха или шуба изъ козуляго мѣха.

Яма, собственное имя звѣриной ловушки или ямы, вырытой въ 4 арш. глубиною, 3 ар. длиною и 1 арш. шириною. Таковыя ямы на разстояніи одна отъ другой, на 50 сажень, выкапываютъ нѣсколько вокругъ горы; между ними дѣлають гордобу и надъ ямою оставляють проходъ. Яма прикрывается, на тонкихъ перекладинахъ, хвоею или травою.

ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ ЧЕРНОГОРЬЕ.

=

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ К. МАРМЬЕ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

III.

Лусинно. — Ускоки.

Лloyd, это дѣятельное и смышленное общество, которому Триестъ обязанъ большею частью своимъ новымъ торговымъ движеніемъ, сдѣлало дѣло чрезвычайно важное для Далмаціи. Оно дало ей способъ сообщеній, который она никогда не имѣла, бросило на ея берега связь сближающую города одинъ съ другимъ и соединяющую ихъ съ главнымъ городомъ австрійскихъ приморскихъ владѣній. На землѣ нѣтъ дороги; по морю медленное плаванье близъ береговъ, вотъ что было прежде въ Далмаціи. Lloyd устроилъ тамъ правильную флоту пароходовъ и если устроивая это думалъ сдѣлать доброе дѣло, то должно сознаться, что съ избыткомъ былъ награжденъ за свою добродѣтель. Всякой знаетъ, что умножая средства сообщенія умножаютъ вмѣстѣ съ этимъ и число путешественниковъ. Того кто не имѣлъ ни малѣйшей охоты забраться на тяжелый пакетъ-ботъ или запереться въ грубую повозку, мало по малу колеблетъ свистокъ паровоза и побѣждаетъ въ его домоcѣднѣхъ привычкахъ. Или тотъ, который довольствовался вести дѣла письменно, находитъ что гораздо удобнѣе и выгоднѣе съѣздить лично обдѣлать ихъ въ тѣ мѣста, куда изящный пароходъ доставитъ его такъ скоро. Не случилось ли въ Алжи-

рѣ, что наши первоначальные способы къ передвиженію, наши простые дилижансы, побѣждали даже мусульманское упрямство и уносили Арабовъ сначала удивленныхъ, потомъ очарованныхъ этимъ новымъ способомъ переѣзжать пространства?

Таже самая побѣда надъ нравами апатическаго народа быстро совершилась и въ Далмаціи. Ллойдъ началъ двумя маленькими пароходами, дѣлавшими переѣздъ въ двѣ недѣли, потомъ долженъ былъ пустить пароходы болѣе значительные и отправлять ихъ каждую недѣлю. Нынѣшній годъ онъ будетъ отправлять носемъ разъ въ мѣсяць, — до того умножилось число пассажировъ и число груза. Плаванье въ Далмаціи, вѣстѣ съ венеціанскимъ, самое выгодное изъ всѣхъ, какія онъ такъ искусно устроилъ въ разныхъ странахъ. Хотя онъ обязанъ даромъ перевозить почтовые корреспонденціи, но получаетъ изъ своего предпріятія такую прибыль, которая годъ отъ году увеличивается.

Въ тотъ день, когда я отплылъ на одномъ изъ этихъ трудолюбивыхъ судовъ, нечаяно какимъ образомъ досталъ себѣ мѣсто, если бы одинъ изъ чиновниковъ Ллойда, которому я былъ рекомендованъ, не взялся самъ быть мнѣ проводникомъ и съискать каюту. Палуба была загромождена мѣшками, бочками, тюками всѣхъ родовъ и усыпана пассажирами.

Устроившись, худо ли хорошо ли, въ этомъ шкапикѣ, который служить постелью, я не могъ не поинтересоваться муравейникомъ, съ которымъ отправлялся въ путь. Въ каждой странѣ пароходы имѣютъ свою особую физиономію. Это родъ странствующаго міра, отдѣленнаго отъ странъ, черезъ которыя проѣзжаешь и отъ странъ сосѣднихъ и которыя не встрѣтишь въ другихъ краяхъ. Это мѣстная картинъ въ путешествіи.

Пароходъ представляетъ въ тѣсной рамкѣ собраніе человеческихъ существъ различнаго рода. Нашъ увозятъ Итальянцевъ, которые безпрестанно уходятъ и приходятъ, говорятъ громкимъ голосомъ съ такими тѣлодвиженіями, какъ будто она на базарѣ; Греки въ изящномъ костюмѣ, съ серьезнымъ лицомъ садятся молча въ сторонѣ и курятъ трубку съ восточнымъ безстрастіемъ; далматскіе студенты возвращающіеся изъ столицы Австрійской имперіи, одѣтые по последней журнальной картинкѣ, разговариваютъ объ удовольствіяхъ *Vingtheater*,

о прелестьи Скавен, съ такимъ увлеченіемъ, которое доказываетъ что если они не везутъ на родину всеобщее знаніе, то крайней-мѣрѣ довольно порадовочное разнообразіе познаний. Возлѣ нихъ стоятъ, какъ статуи Геркулеса, неподвижное и холодное население горныхъ далматскихъ странъ. Они закутаны въ плащи съ длинной шерстью, которые можно принять за гдѣдѣжьи кожи. Какая настоятельная причина могла заставить ихъ оставить землю такъ для нихъ дорогую и предпринять морское путешествіе? Не знаю. Но смотря на угрюмое прозябаніе, съ какимъ они обводять всоры вокругъ себя, легко угадать, что они вѣрно хранятъ уваженіе къ горамъ своимъ.

Природа, въ своемъ великолѣпномъ пространствѣ, предоставляетъ любви человека двѣ великія поэтическія ограниченія: горы и море. Цѣлымъ народамъ достаточно одной изъ этихъ страницъ. Сердцамъ болѣе просторнымъ или болѣе требовательнымъ потребны обѣ.

Очень странны многія изъ фигуръ, которыя въ открывавшомъ возлѣ себя и очень странна ихъ одежда. Нѣкоторые поражаютъ меня безастраннымъ спокойствіемъ; другіе отличаются съ чудными выраженіемъ мужества подъ кашюшономъ скрывающаго ихъ бурнуса, какъ рисунки, начертанныя рукою художника, которыхъ искусная чистка освобождаетъ отъ грубаго слона крабкѣ. Но тотъ, кто съ береговъ Рейна придетъ прямо на эти далматскіе берега съ свѣжими образами, улыбающимся его вострамомъ и напечатлѣвшимся въ его умѣ, тотъ въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ разстоянія испытаетъ вѣроятно очень непріятное удивленіе. Тамъ, красивые пароходы, плавающіе какъ подвижныя залы у подошвы земныхъ холмовъ, поэтическихъ скалъ, отвозящихъ отъ города къ городу, отъ легенды къ легендѣ, художниковъ въ отпускъ, сановниковъ, пользующихся ваканціями, и что всего важнѣе прелестьныхъ парижановъ, этихъ неподражаемыхъ цвѣтковъ истинной граціи и истиннаго изящества; здѣсь напротивъ тяжелыя суда, шифующія одно торговое назначеніе, посѣщающія бѣдную страну, и служащія способомъ сообщенія бѣдному народу, до того привышему къ своей бѣдности, что тѣ изъ нихъ, которымъ невзначай случится встрѣтить на дорогѣ причудливую фортуна, собираютъ дармы и забываютъ ими пользоваться.

На моемъ пароходѣ два молодые Морлаха привлекаютъ всеобщее вниманіе; злая лихорадка унесла ихъ въ одинъ прекрасный день съ суровой родной почвы къ берегамъ Санъ-Франциско, и какъ они были ловки, очень ловки не смотря на свою дикость, то и возвращаются съ капиталомъ въ триста тысячъ флориновъ. Это богатство не измѣнило ихъ прежнихъ экономныхъ привычекъ; на рубашкѣ у нихъ вмѣсто булавокъ воткнуты два огромные камня, но они не позволили себѣ взять нервыя мѣста, сидятъ на палубѣ толкаясь съ пассажирами, осужденными скудностью средствъ на это нисшее мѣсто. Впрочемъ очень трогательно наблюдать знаки взаимной привязанности этихъ двухъ юныхъ Далматовъ, которые вмѣстѣ подвергались столькимъ опасностямъ и вмѣстѣ возвращаются въ ту же пристань. Единственно занятые другъ другомъ, они не присоединяются ни къ какой группѣ и не расстаются ни на минуту; въ одно и тоже время сходятъ въ каюту, вмѣстѣ восходятъ на палубу и я вижу ихъ часто на скамйкѣ держащихся за руки, какъ женихъ съ невѣстой.

Эти два Морлаха, такъ тѣсно связанные, два брата не по рожденію, но по привязанности. По счастливой случайности я нигдѣ передъ глазами живой примѣръ торжественнаго обыкновенія, о которомъ древніе историки упоминаютъ между Скинами и которые существуютъ еще въ полной силѣ въ Морлахин. Скины народъ воинственный, народъ первобытный, какъ Морлахи, заключали часто между собою нѣкоторые изъ этихъ крѣпкихъ союзовъ, и чтобы дать имъ болѣе торжественную силу освящали ихъ кровью, которую выпускали изъ своихъ жилъ въ одинъ и тотъ же сосудъ, кровью, своимъ жизненнымъ сокомъ, въ который они вмѣстѣ обмакивали свои мечи.

Морлахи не знали или не сохранили въ своемъ братскомъ договорѣ, этаго матеріальнаго знака. Ученики евангелія они нашли въ словахъ священника, въ религіозномъ обрядѣ, болѣе торжественное освященіе своего добровольнаго союза.

Когда два Морлаха рѣшились заключить такой союзъ, они въ день, назначенный съ общаго согласія, идутъ въ церковь въ сопровожденіи родныхъ и сосѣдей; присутствуютъ при обрядѣ, держатъ зажженную свѣчу, потомъ священникъ даетъ имъ благословеніе и передъ алтаремъ и передъ Богомъ, читаю-

щимъ въ сердцахъ и въ душахъ, они клянутся помогать другъ другу въ продолженіи своей земной жизни и оставаться вѣрными до смерти. При выходѣ изъ церкви ихъ привѣтствуютъ пистолетными и ружейными выстрѣлами, дружескими восклицаніями, потомъ они идутъ занять почетное мѣсто на обѣдѣ, приготовленномъ для нихъ родными, какъ свадебный обѣдъ.

Съ этихъ поръ радости и горе, надежды и разочарованіе, все должно быть между ними одинаково прочувствовано. Они могутъ имѣть только одно общее состояніе, одинъ интересъ; во всякое время дня и ночи, во всякомъ обстоятельствѣ они должны имѣть другъ въ друга полное и совершенное довѣріе; въ войнѣ они сражаются одинъ возлѣ другаго, и если одинъ изъ двухъ будетъ убитъ, другой обязанъ отомстить его смерть.

Фортисъ говоритъ, что если одинъ изъ нихъ измѣнитъ другому, это производитъ въ цѣлой провинціи, свидѣтельницахъ его обѣщаній, ужасное волненіе.

Морлахи также въ простотѣ своей первобытной природы осуществили то, что поэмы такъ часто называли безпокойными грѣзами души, которая въ неопредѣленномъ пространствѣ ищетъ другую душу, сестру своей души, и то, что Гёте развилъ въ своемъ романѣ: «Wahlferwandschaften».

Все, что я слышалъ во время моего путешествія въ этихъ вѣжныхъ союзахъ, не позволеть мнѣ сомнѣваться въ вѣрности Морлаховъ своей братской клятвѣ. Заключивъ договоръ они дѣйствительно остаются друзьями, такими, какихъ Лафонтенъ описалъ въ прелестныхъ стихахъ.

Счастливые сыны Морлахи! Такъ какъ хижины ихъ всѣ отдалены одна отъ другой, имъ никогда не приходится чувствовать сутяжливаго зародыша, ядовитаго зародыша, рождающагося отъ общей стѣны.

Покуда вокругъ меня рассказываютъ обычаи Морлаховъ, пароходъ нашъ, который до-сихъ-поръ велъ себя порядочно, начинаеть плясать такимъ образомъ, что людямъ, подверженнымъ морской болѣзни, или чувствительнымъ къ недугамъ ближняго, весьма неудобно оставаться на палубѣ; шорокко, снова пустившій упражнять силу своихъ легкихъ, свиститъ и реветъ какъ тысяча кузнечныхъ мѣховъ и поднимаетъ море прямо передъ нами.

Здѣшніе моряки описываютъ въ трехъ небольшихъ народныхъ сентенціяхъ идею, какую они составили себѣ о прогрессивныхъ дѣйствіяхъ сирокко.

Мы еще только въ первомъ днѣ, что нѣсколько успокоительно; но намъ предстоитъ проѣзжать Карнеро и это не весьма пріятная перспектива.

Сагнего широкій заливъ, который отъ оконечности Роѳа простирается до Фіуме и округляется у подошвы бесплоднаго, утесистаго берега; окружность его въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересекается островомъ Велія, длиннымъ, выемчатымъ островомъ Charso, нѣкоторыми другими скалистыми островами, какъ будто обломками, отдѣлившимися отъ цѣпи горъ, обвитыхъ моремъ, подточенныхъ водами, лишенныхъ силою быро, пагубнымъ дыханіемъ сирокко, всякаго дерева; всякой растительности. Дайте помѣстить тутъ границы Италіи.

Нѣкоторые этимологисты, которые вѣроятно проѣзжали этотъ заливъ въ дурную погоду, говорятъ, что названіе его происходитъ отъ Сагнѳого, и что это истинное обозначеніе ярости, съ какою эта ужасная бухта поглощаетъ суда въ своихъ волнахъ и разрываетъ на куски человѣческіе трупы на скалахъ своихъ. Вѣроятноже, что это названіе Карнеро происходитъ отъ слова Саг, которымъ Цельты обозначали голую, скалистую почву и которыя встрѣчаются еще въ названіяхъ Сагаі, Сагніоля, Сагінтіа.

Если эта этимологія вѣрнаже, другая всегда будетъ лучше правиться воображенію народа, который находитъ въ ней выразительный смыслъ. Дѣло въ томъ, что на Адриатическомъ морѣ Сагнего, пунктъ самый бурный, болѣе всего тревожимый борою и сирокко. Когда эти два вѣтра принимаются дуть въ заливъ Триеста и Венеція, то дуютъ свободно и мало-по-малу слабеютъ въ пространствѣ. Здѣсь они сдерживаются вѣшнюю горъ, устремляются на острова, отталкиваются берегами Истрии и въ этихъ укрѣпленіяхъ, которыя ихъ сжимаютъ, борются съ яростію, поднимаютъ волны въ различныхъ направленіяхъ и производятъ такой шумъ, что прежде его приписывали колдовству.

Сирокко, который на этотъ разъ предавался своимъ подвигамъ, въ Карнеро однако ничего не разрушилъ на нашемъ па-

реходъ; но какъ онъ упорствовалъ дуть прямо передъ нами и какъ наша маленькая машина въ сто пятьдесятъ лошадиныхъ силъ не могла бороться съ такимъ то отлетомъ, мы должны были укрыться въ бухту Луссино, одну изъ этихъ бухтъ, запертыхъ со всѣхъ сторонъ, которыми здѣсь, по поэтической метафорѣ, даютъ названіе *долки*. Среди окружающихъ ихъ голыхъ холмовъ онѣ походятъ глубиной своихъ водъ на зеленые луга и представляютъ мор. плавателью, застигнутому бурей, тихое убѣжище. Пока вблизи гремитъ буря, онѣ остаются спокойныя и веселыя въ своихъ твердыхъ укрѣпленіяхъ. Они даютъ жатву рыбаку, пробѣгающему ихъ въ шлюбки, какъ другіе земледѣлцу, бороздящему своимъ плугомъ, и несутъ на своей поверхности лѣсъ подвижныхъ мачтъ, какъ другіе лѣсъ живыхъ деревьевъ.

Если многіе изъ моихъ спутниковъ проклинали остановку въ городкѣ, гдѣ не находили ничего для препровожденія времени, кромѣ печальнаго трактира и плохой кофейной, я напротивъ, былъ очень доволенъ этимъ неожиданнымъ роздыхомъ. До-сихъ-поръ я могъ наблюдать только издали города и острова печальной наружности. Теперь я могъ видѣть вблизи любопытный примѣръ того, что разумъ человѣческій можетъ сдѣлать въ затруднительномъ мѣстоположеніи, на самой бездонной почвѣ.

На этой оконечности Карnero есть два города, носящія названіе Луссино; одному, который старѣе, прибавляютъ эпитетъ *Большаго*; другой скройно называется *Lussino piccolo*. Но *Lussino* Большой нывѣ ничто иное какъ дрянное селеніе, а *Lussino piccolo*, бывший въ послѣднемъ столѣтіи смѣрнейшей рыбацкѣй деревней, сдѣлался важнымъ городомъ.

Этимъ счастливымъ переворотомъ обязанъ онъ священнику, ученому, ревностному священнику, кот рыи, по особенной наклонности изучивъ математику и законы механики, обучалъ своихъ прихожанъ тому, чему самъ научился, и сдѣлалъ изъ своей деревенской школы—школу моряковъ. Благодаря его урокамъ, его совѣтамъ, жители Луссино съ большою увѣренностью и ловкостью вступили въ мореходную жизнь. Онъ началъ строить шлюбки, брики, даже большія суда и сталъ самъ управлять ими. Первый успѣхъ привелъ ихъ къ болѣе смѣлому предпрія-

тию. Годъ отъ году духъ спекуляціи развивался съ богатствомъ и число судовъ увеличилось. Теперь они владѣютъ не менѣе ста тридцати славныхъ кораблей, которыми ссужаютъ всякаго, кто въ нихъ нуждается и на которыхъ плаваютъ по всѣмъ странамъ. Это морскіе извозчики и городъ, которому принадлежатъ они, можетъ назваться вдовьимъ городомъ. Всѣ мужчины отправляются въ море при всякомъ удобномъ случаѣ и возвращаются нарѣдка, если случится недостатокъ въ грузѣ или судно требуетъ поправки. Въ 1848 г., въ слѣдствіе торговыхъ безпокойствъ, они всѣ воротились въ гавань и оставались долго въ мрачномъ бездѣйствіи. По этому они говорятъ объ этомъ бѣдовомъ годѣ съ глубокимъ негодованіемъ. Обыкновенно въ городѣ остаются только женщины, стерегущія дома, старики *уже* и дѣти *еще* не плавающіе.

Когда одно изъ судовъ возвращается въ рейдъ, какое волненіе въ маленькомъ городкѣ, какая радость во многихъ домахъ! У офицеровъ и матросовъ, у каждаго изъ находившихся на этихъ плывучихъ доскахъ, есть на берегу сердечный интересъ, воспоминанія дѣтства, мать, сестра, жена, невѣста и каждый приноситъ приношеніе своимъ пенатамъ, плодъ своего труда старикамъ-родителямъ и какойнибудь предметъ роскоши иноземныхъ странъ дѣвушкамъ, слѣдовавшей за нимъ мыслью въ его далекомъ странствованіи.

Я часто слышалъ, какъ нѣкоторые добрые люди въ континентальныхъ городахъ, пугающіеся видомъ океана, сожалѣли объ участи моряковъ и особенно жизни ихъ женъ. Какъ ни трогательно можетъ показаться это состраданіе, я считаю его преувеличеннымъ и часто совершенно напраснымъ. Прибавлю даже, что жизнь моряка можетъ напротивъ упрочить частичку счастья, которую каждый изъ насъ можетъ имѣть въ этомъ мірѣ. Я какъ будто пускаюсь на всѣхъ парусахъ въ ущелье парадокса какъ дуссинское судно въ узкіе проходы *Cagneo*. Спѣшу изъясниться.

Человѣкъ такъ созданъ, что онъ не долго наслаждается спокойно тѣмъ положеніемъ, къ которому больше всего стремился. Или онъ чувствуетъ проявленіе неожиданной заботы, или черезъ спокойствіе своего благосостоянія, охлаждаетъ въ при-

вычкѣ. По привычкѣ смотрѣть утромъ и вечеромъ, самая красивая страна можетъ подурнѣть въ нашихъ глазахъ.

Морякъ нѣсколькими мѣсяцами, нѣсколькими годами разлуки, избѣгаетъ этого подводнаго камня, послѣ лишеній, перенесенныхъ на суднѣ, узкой каюты, соленой говядины, солоноватой воды, какъ ему приятно воротиться въ родительскій домъ съ его дружескими попеченіями! Послѣ долгихъ сожалѣній, которыя любимая женщина бросила въ его сердце своей послѣдней улыбкой, своимъ послѣднимъ взоромъ, какое счастье увидѣть ее въ блескѣ радости, сіяющую какъ звѣзда на берегу или являющуюся на порогѣ двери какъ ангела домашняго крова! Какіе милые рассказы предстоятъ ему о далекихъ мѣстахъ, которыя пробѣгалъ онъ, о неприяностяхъ, которымъ подвергался, какіе рассказы предстоитъ выслушать о покорныхъ, уединенныхъ часахъ, потомъ дѣти, которыя выросли, улучшения, которыя сдѣлали въ домашнемъ устройствѣ....

Послѣ долгихъ рассказовъ, часто прерываемыхъ и часто повторяемыхъ, какъ радуются своей участи два супруга, узнающіе что вдали каждый исполнялъ свою обязанность, и съ какимъ довѣріемъ скрѣпляють они еще тѣснѣе соединяющіе ихъ узы.

Чтобъ было такимъ образомъ, надо, правда, предполагать природы добродѣтельныя, а городъ, котораго эскизъ я пытаюсь набрасывать, есть городъ добродѣтельный. Нигдѣ я не видалъ такой тишины. Не слышно ни шуму, ни суматохи; женщины, составляющія большую часть народонаселенія, живутъ совершенно какъ вдовы. Вечеромъ къ восьми часамъ всѣ ворота заперты, огни погашены и мало по малу каждая семья засынаетъ, какъ гнѣздо птицъ.

Большая часть этихъ семействъ сохранили между собою обычай не мало способствующій къ благоденствію Луссина. Они живутъ патриархально подъ одной кровлей сколько позволяетъ пространство дома. Если въ слѣдствіе нѣсколькихъ супружествъ принуждены разъединиться, то все таки остаются связаны однимъ интересомъ. Дѣды, зятья, помѣщаютъ вмѣстѣ свои капиталы на морскія спекуляціи. Если не удастся одна, удастся другая. Если счастье поблагоприятствуетъ имъ во всемъ, они дружески устроятъ между собою болѣе смѣлую попытку. Начиная постройкой прибрежнаго судна, потомъ большимъ

кораблемъ, наконецъ обладаютъ судномъ, котораго капитаномъ будетъ одинъ изъ нихъ и гдѣ младшіе пройдутъ курсъ своего ученія. Достигнувъ до этого, они не останавливаются въ своихъ успѣхахъ, задумаютъ другіе планы и храбро исполняютъ ихъ. Такъ какъ домъ Ротшильда въ братскомъ союзѣ соединилъ главныя европейскія конторы, точно такъ можно видѣть здѣсь нѣсколько семействъ, представляемыхъ сыномъ, братомъ или близкимъ родственникомъ во многихъ отдаленныхъ гаваняхъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ богатство, они употребляютъ часть на увеличеніе жилища, на украшеніе его предметами роскоши, привозимыми ихъ кораблями изъ иностранныхъ земель. Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ они распускаютъ вдалѣ паруса, честолюбіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть возлѣ жилищъ своихъ поле, садъ и — Богъ знаетъ чего имъ стоитъ осуществленіе подобной мечты.

Городъ Луссико выстроенъ амфитеатромъ на холмѣ. Со всѣхъ сторонъ только и видны что камни. На этомъ то основаніи, весьма неудобномъ для растительности, жители Луссико хотятъ заставить цвѣсти плантаціи. Они окружаютъ толстой стѣной часть почвы, насыпаютъ слои земли и когда наконецъ изъ радости ихъ зазеленѣетъ нѣсколько капустныхъ кочановъ, нѣсколько виноградныхъ лозъ или оливковъ, они не отдадутъ этия драгоценныхъ садовъ за сады Семирамиды.

Въ этомъ самомъ заливѣ, гдѣ я съ такимъ удовольствіемъ разсматривалъ этотъ образцовый городокъ, есть нѣсколько шхетъ, съ которыми связывается любопытная страница исторіи. На островѣ Керсо, касающемся острова Луссико, Медва совершила, говорить преданіе, одну изъ катастрофъ своей трагической жизни. Островъ Veglia, брошенъ какъ треугольникъ въ глубинѣ бухты.

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи маленькая республика, подверженная вторженіямъ корсаровъ и не довольно сильная, чтобъ защищаться, пожертвовала независимостью безопасности и отдалась подъ покровительство Венеціи.

Въ 1260 г. сенатъ отдалъ ее въ ленное владѣніе двумъ братьямъ Франажипани и чуть было ее не лишился. Оливъ молодой ученый собралъ подъ заглавіемъ «Memorie istoriche», нѣсколько документовъ о древнемъ состояніи Далмаціи. Тамъ мож-

но прочесть интересный рассказъ чиновника, посланнаго въ 1481 г. венеціанской республикой, чтобъ возстановить власть ея на островѣ Велія.

Достойный депутатъ наново рассказываетъ какъ одинъ изъ Франджипани соединился съ Венгерцами, хотя былъ вассаломъ Венеціи: «его природныя склонности влекли его, говоритъ онъ, къ ихъ варварскимъ обычаямъ.» Далѣе онъ рассказываетъ грабежи, преступленія послѣдняго Франджипани, который былъ дѣйствительно большой плутъ. Но что въ самой высокой степени возбуждаетъ негодование вѣрнаго депутата республики, это,—когда онъ начинаетъ говорить о грабежахъ, устроенныхъ для вассаловъ графомъ Зуане. Двумъ благороднымъ Венеціанцамъ было поручено сдѣлать ему на этотъ счетъ строгіе выговоры и какъ надменный Зуане весьма мало былъ тронутъ идъ правдоученіемъ, они прибавили, что венеціанское правительство не позволитъ ему безнаказанно оскорблять права законодателя.

— А кто, вскричалъ графъ, далъ Венеціи господство надъ моремъ?

— Его святѣйшество, папа, отвѣчали посланные.

— Папа, выразилъ дерзкій вассалъ, не можетъ давать того, что ему не принадлежитъ.

Zuane былъ слишкомъ слабъ, чтобъ защищаться. Его выгнали и островъ Велія былъ починенъ неограниченной власти Венеціи.

На берегу того же залива, между Veglia и Arbe, на твердой землѣ, находится городокъ Segne, вѣкогда убѣжище Ускоковъ,—этихъ знаменитыхъ разбойниковъ Адриатическаго моря.

Ускоки были, какъ Морлахи, Сербы, убѣжавшіе съ глубокимъ чувствомъ ненависти отъ тиранства Турокъ. Има ихъ значить бѣглецы или дезертеры. Любопытно замѣтить мимоходомъ какое важное мѣсто занимаютъ бѣглецы въ преданіяхъ Адриатики. Бѣглецами населены лагуны и надменной городъ Венеція, стѣны Рагузы, горы Зара и Спалато. Бѣглецы сдѣлали городъ изъ дворца Діоклиціана.

Среди различнаго множества бѣглецовъ является и племя Ускоковъ. Въ великихъ потрясеніяхъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, взоры поневолю привлечены къ ихъ

тѣсной аренѣ. Весьма немногочисленное, оно возбуждаетъ противъ себя двухъ могущественныхъ враговъ. Устрашаетъ Турокъ; оскорбляетъ Венеціанъ; занимаетъ дипломатію эрцгерцоговъ австрійскихъ, папы и наконецъ французскаго короля. Въ сущности Ускоки поддерживались соперничествомъ двухъ государствъ. Австрія пыталась время отъ времени сдерживать ихъ грабительства и, угрожая имъ своимъ гнѣвомъ любила, чтобъ они воевали съ надменной Венеціей; а Венеція, обѣщая себѣ прогнать ихъ изъ вертепа, отдавала это рѣшительное дѣло, боясь открыть Туркамъ входъ въ Италію. Съ той и съ другой стороны прибѣгали къ переговорамъ и пока кабинеты писали свои ноты, размѣнивались предложеніями, Ускоки продолжали жизнь смѣлыхъ и свирѣпыхъ пиратовъ, запятнанную лютымъ грабежомъ.

Первое значительное мѣсто, куда Ускоки вошли, была крѣпость Clissa. Петръ Crusich, командовавшій тамъ именемъ короля Венгерскаго, отворилъ имъ ворота съ радостью, надѣясь сдѣлать съ ними прибыльные набѣги на границу. Онъ обманулся въ ожиданіи. Турки, въ ярости, что онъ далъ убѣжище ихъ врагамъ, осадили цитадель, взяли ее и несчастный Crusich заплатилъ жизнью за свое неблагоразуміе.

Minuccio Minucci, написавшій длинную и подробную исторію Ускоковъ, приводитъ одинъ эпизодъ этой осады.

Передъ стѣнами Clissa рисовался Турокъ колоссальнаго роста, которій какъ Голіаѳъ, вызывалъ, съ оскорбленіями, противниковъ. Пажъ губернатора, по имени Милошъ, просилъ у своего господина позволенія драться съ этимъ дерзкимъ фанфарономъ; и какъ ему представляли, что онъ слишкомъ малъ для того, чтобъ драться съ такимъ атлетомъ, онъ отвѣчалъ:

— Я вѣрю въ Бога, поддержавшаго руку Давида и если такой ребенокъ, какъ я, падетъ подъ оружіемъ гиганта, это не будетъ стыдомъ для христіанъ и торжествомъ для невѣрныхъ.

Онъ вышелъ изъ крѣпости, между тѣмъ какъ осажденные сопровождали его желаніями успѣха, и храбро пошелъ на встрѣчу своему страшному противнику. Первымъ ударомъ сабли онъ отрубилъ ему ногу. Турокъ, упавъ на одно колѣно, продолжалъ битву съ новой яростью; но скоро сдѣлавъ неблагогра-

зумное усиліе проколоть противника, онъ потерялъ равновѣсіе, мечъ выпалъ у него изъ рукъ и Милошъ отрубилъ ему голову.

Крѣпость Clissa попала во власть Турокъ и—Ускоки отыскивали другое убѣжище, или лучше сказать другое поле битвы и нашли превосходное на берегу Карnero въ городѣ Сенье. Со стороны земля мѣстоположеніе было защищено густыми лѣсами; со стороны моря островами, прижатыми одинъ къ другому, составляющими родъ Термопилъ и обширной линіей скалъ и рифовъ. Мѣсто это принадлежало Венгріи; Турки добивались овладѣть имъ, увѣряя будто имѣли на него право, по той причинѣ, что будучи властелинами Буды, столицы королевства, должны, говорили они, обладать цѣлымъ королевствомъ. Императоръ Фердинандъ справедливо устрешенный распространеніемъ ихъ успѣховъ, а еще болѣе ихъ притязаніями, былъ радъ впустить Ускоковъ въ Сенье. Это было драгоцѣнное подкрѣпленіе противъ страшныхъ ордъ, поселившихся уже такъ близко отъ него и средство для защиты Италіи.

Расположившись въ новой крѣпости, Ускоки сначала оказали полезныя услуги христіанству; дѣлали частыя вылазки противъ Турокъ, преслѣдовали ихъ въ окнахъ и удаляли отъ береговъ Адриатики.

Скоро этихъ легкихъ стычекъ стало недостаточно для ихъ воинственнаго пылу, одержанныя побѣды воспаляли мужество, собранная добыча подстрекала жадность и море прельщало взоры такимъ множествомъ легкой добычи, столькимъ количествомъ кораблей, нагруженныхъ богатыми товарами.

Ускоки, намѣревались нападать только на Турокъ и Жидовъ, но мало-по-малу увлеклись въ болѣе прибыльное удовольствіе нападать на христіанъ. Бывши честными солдатами, они сдѣлались пиратами. Въ легкихъ лодкахъ, удобныхъ лавировать въ самыхъ узкихъ мѣстахъ, они становились вдоль берега на сторожкѣ какъ охотники и, только лишь представлялся случай, устремлялись на корабль, не заботясь какой на немъ флагъ.

Турки, которымъ больше всего доставалось, подняли страшный крикъ и султанъ обратился съ сильными увѣщаніями къ венеціанскому правительству, обязавшемуся обезпечить мореплаваніе по Адриатическому морю. Венеціанцы, также имѣвшіе причину жаловаться на Ускоковъ, обратились къ намъ,

умоляя ходатайствовать у императорскаго двора, положить конец беспорядкамъ народа, находившагося въ его зависимо-сти.

Австрія приняла эту просьбу, по наружности, съ живымъ сочувствіемъ, обѣщала удовлетвореніе и въ самомъ дѣлѣ отравила серьезное наставленіе губернатору Сенье. Настало время спокойствія, родъ отдыха въ разбойничествѣ; потому Ускоки принялись снова за свои отважныя набѣги.

Не смотря на приговоры, издаваемые противъ нихъ, Ускоки инстинктивно понимали, что ихъ корсарскія предпріятія на Адриатикѣ не были до такой степени непріятны Австріи, какъ она это говорила. Даже тѣ, которые были совершенно чужды въ этомъ дѣлѣ, могли и очень справедливо сомнѣваться въ искренности официальныхъ дѣйствій имперіи, примѣчая медленность корреспонденцій и вялость поступковъ. Нѣсколько внезапныхъ арестовъ, нѣсколько смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ противъ самыхъ буйныхъ корсаровъ, не были въ подобномъ положеніи достаточнымъ доказательствомъ энергической воли. При томъ въ то самое время, когда нѣсколько изъ Ускоковъ бросали въ тюрьму или вѣшали, губернаторъ и главные чиновники Сенье жили съ другими весьма дружно и принимали участіе въ грабежѣ. Возвращаясь изъ экспедицій съ богатой добычей, они точно могли найти городскія ворота запертыми и слышать пушечный выстрѣлъ; но были увѣрены, что пушка не сдѣлаетъ имъ вреда и что, ночью, имъ откроютъ потаенную дверь.

Такими щедростями они пріобрѣтали покровителей даже при вѣскомъ дворѣ и партизановъ на островахъ подчиненныхъ Венеціанской республикѣ. Славянскіе матросы, находившіеся на корабляхъ, вмѣсто непріязни, питали къ нимъ чувство участія въ слѣдствіе общаго происхожденія. Во всѣхъ странахъ куда они отваживались, были шпионы, которые, по условному знаку давали знать о благопріятной встрѣчѣ или предупреждали объ опасности. Если не смотря на эти предосторожности изъ застигалъ военный корабль слишкомъ хорошо вооруженный для того, чтобы можно было вступить съ нимъ въ бой, они избавлялись отъ него легкостью своихъ судовъ, знавшихъ мѣстности; убѣгали какъ ящерицы, скользали какъ ужи въ

такихъ плавилнахъ куда никакое судно, даже никакая шлюбка, не могли за ними слѣдовать. Для большой безопасности, дѣлали въ глубинѣ своихъ судовъ отверстія, черезъ которые, въ случаѣ поминуемой опасности, бросались въ воду и плали къ берегу.

Въ каждой встрѣчѣ рѣдко случалось, чтобъ они не потеряли нѣсколькихъ человекъ, но шайка дополнялась множествомъ авантюристовъ, outlawъ изъ различныхъ странъ, приходившихъ искать убѣжища въ Сенье и которые, вступая туда, отрекались отъ національнаго имени, принимая имя Ускоковъ. Bruslart, посланникъ въ Венеціи, доноситъ въ одной изъ своихъ депешъ, что между нѣкоторымъ числомъ Ускоковъ, ваятыхъ въ 1618 г. и осужденныхъ Венеціанцами, находилось девять Англичанъ, изъ которыхъ было пять дворянъ и одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Великобританіи.

Городъ Сенье увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ такое множество людей этого опаснаго сорта, что не могъ всѣхъ ихъ вмѣстятъ. Они разошлись, говоритъ Bruslard, по сосѣднимъ островамъ, употребляя тамъ, одному Богу извѣстно, какимъ образомъ свое свободное время и ожидая съ нетерпѣніемъ, когда можно присоединиться къ экспедиціи.

Съ этимъ приращеніемъ силъ, Ускоки дополнили окончательно составъ свой и раздѣлились на три разряда: Casalini, Stipendiati и Vetturini. Первые были патриціи, имѣвшіе собственные дома въ укрѣпленіяхъ Сенье. Ихъ было не болѣе сотни. Вторые составляли четыре роты, каждая изъ пятидесяти человекъ, подъ начальствомъ четырехъ капитановъ, носившихъ названіе воеводъ. Третье были владѣльцы судовъ, отдаваемыхъ въ наймы пиратамъ, за денежные вознагражденія или за часть добычи.

Вліяніе людей такого рода наконецъ не могло не подѣйствовать на массу честныхъ людей, которые до-тѣхъ-поръ жили добропорядочно земледѣльцами и купцами. Граждане Сенье, жители сосѣднихъ деревень начали принимать личное участіе въ успѣхахъ Ускоковъ; снабжать ихъ деньгами когда это было нужно, чтобы способствовать какой нибудь экспедиціи.

Разбойничество развивало всѣми этими вспомогательными средствами, ярость тѣхъ, которыхъ состоянію и жизни она угрожала и увеличалась въ соразмѣрности. Турки калѣшь Магоме-

томъ уничтожить это гнѣздо коршуновъ, Венеціанцы посылали письмо за письмомъ къ папѣ и императору. Ускоки, тревожась этой дѣятельностью, подумали, что также могутъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Отправили въ Римъ повѣреннаго, который ниѣлъ честь получить аудіэнцію отъ папы и обратился къ нему съ любопытной рѣчью.—Ускоки, говорилъ смѣлый депутатъ, были недостойно обижены, постыдно оклеветаны. Съ ними обходились какъ съ корсарами, а это были солдаты вѣры истинной, защищающіе съ чуднымъ мужествомъ Христіанскую землю противъ невѣрныхъ. А если время отъ времени они грабили суда, плывущія къ востоку, развѣ не были ли они правы? Эти суда не везли-ли вопреки папской буллы, военные припасы для Турокъ и развѣ—не благочестивый подвигъ разграбить корабли, которые везли оружіе неумолимымъ врагамъ Евангелія.

Слѣдствіемъ этой прекрасной рѣчи краснорѣчивый посланникъ былъ заключенъ въ тюрьму, а венеціанское правительство, утомившись бесполезностью своихъ жалобъ, сочло обязанностью само обуздать дерзость Ускоковъ. Оно построило на островѣ Велія и въ каналѣ Морлахія двѣ крѣпости, запершія два главныхъ выхода. Какъ потокъ, вдругъ остановленный въ своемъ теченіи непреодолимой плотиной, насильственно пролагаетъ себѣ другой путь, корсары не могли болѣе продолжать набѣговъ по морю и бросились на землю Истрии, опустошая села и деревни.

На этотъ разъ несчастные подданные Австріи обратились къ императору съ такими сильными просьбами, что онъ не могъ; не преступивъ обязанностей государя, не преклонить ухо къ этимъ справедливымъ жалобамъ. Ускоки слишкомъ натянули тетиву лука, — она должна была лопнуть въ ихъ рукахъ!

Настоящій императорскій посланникъ, облеченный полною властью, отправился въ Сенье, съ значительной силой, захватилъ главныхъ начальниковъ шайки, повелѣлъ всѣмъ Ускокамъ отдать оружіе въ продолженіи сорока осьми часовъ, нагналъ, изъ города половину жителей, запретивъ возвращаться, под страхомъ смертной казни.

Послѣ этого рѣшительнаго дѣйствія, которымъ Венеція осталась очень довольна, все казалось кончено. Но не все кончилось на самомъ дѣлѣ.

Изгнанники воротились и постепенно принимались за старыя

привычки. Они легко достали оружіе, построили лодки и когда неустранный начальникъ, по имени Gimizza сталъ въ главѣ, сдѣлались еще необузданнѣе прежняго. Въ одну ночь они напали на городъ Scardona, принадлежавшій Туркамъ, разграбили его и увели триста человѣкъ плѣнныхъ. Въ одинъ день они узнали, что венеціанскій фрегатъ вошелъ въ Петрійскій рейдъ съ депешами отъ губернатора и съ суммою десяти тысячъ дукатовъ. Тотчасъ устремляются они къ этому кораблю въ числѣ ста пятидесяти, бросаются на абардажъ, захватываютъ все, что попадаетъ подъ руку и весело возвращаются на землю раздѣлить свои сокровища. Въ другой разъ промываютъ въ укрѣпленіи Pola и прежде чѣмъ изумленные жители имѣютъ время взяться за оружіе, бандиты уже удаляются въ лѣса съ добычей. Такимъ образомъ нападали они на области Себенико, Нарента, Рагузы, вездѣ грабя и опустошая.

Последній разбой и жесточайшій поступокъ возбудили наконецъ противъ нихъ грозу, отъ которой они должны были пасть. Однажды они овладѣли венеціанской галерой, на которой находилъ высокой сановникъ республики и многіе благородные пассажиры. Они зарѣзали троихъ изъ нихъ, потомъ, достигнувъ до канала Морлахія, зарѣзали также и сановника; отрубивъ ему голову, вырвали сердце, омочили въ крови остріе кинжаловъ, клялись другъ другу, трупомъ врага, въ ненарушимой вѣрности и сѣли за столъ въ виду этихъ окровавленныхъ останковъ.

Венеціанцы напрасно просили у императора справедливаго возмездія за такое ужасное варварство, вошли въ его области и опустошили Фріуль. Война продолжалась цѣлый годъ и кончилась только посредничествомъ Франціи, мадритскимъ трактатомъ, куда была включена статья, уничтожавшая гнѣздо пиратовъ.

Ускоки окончательно оставили укрѣпленія Сенье и поселились въ Кроаціи, въ окрестностяхъ Карштадта.

IX

Зара. — Себенико.

Ускоки мочезли. Теперь, когда плаваешь вдоль даматскихъ береговъ, асирѣчаешь только мирныя торговыя суда, ненапат. СХХІV. — Отд. III.

дающія ни на кого, или честныя и трудолюбивыя шлебки, нападающія только на рыбъ. Бора и Сирокко одни сохранили на этихъ берегахъ свое страшное могущество и этихъ противниковъ моряковъ никакой дипломатическій трактатъ уничтожить не можетъ.

Сирокко, который во время нашей остановки въ Луссино, утихъ, какъ атлетъ утомленный своими усиліями, пробудился съ новою пылкостью, когда мы вздумали пуститься въ путь; принудилъ насъ зайти въ небольшую гавань Сельве и сражался съ нами, сколько могъ, до Зара. Есть военныя корабли, гдѣ въ подобномъ случаѣ шкиперъ даетъ нѣсколько ударовъ ревантомъ югамъ и есть очень опытные капитаны не сомнѣвающіеся, что это наказаніе имѣетъ на стихіи весьма благопріятное вліаніе. Какъ у насъ не было юговъ, которыхъ можно бы высѣчь, мы должны были съ покорностью ждать, когда сирокко угодно было успокоиться. Нѣсколько пассажировъ, прогуливаясь по палубѣ, обращаются къ нему съ энергическими ругательствами. Я, котораго никакая нѣжная привлекательность, никакой семейный кругъ не ожидали на берегу, я, которому ничего лучше не оставалось дѣлать, какъ осматривать страну, о которой мнѣ хотѣлось приобрѣсти какъ только возможно точное понятіе не переставалъ смотрѣть со времени моего отъѣзда изъ Триеста, и право,—первое впечатлѣніе при вѣздѣ въ Далмацію нисколько не весело и не поощрительно.

Такъ далеко, какъ только зрѣніе можетъ простираться на лѣво виднѣтся берегъ, развивающійся какъ длинная цѣпь, которой ни какой Виландъ, ни какой миеологическій художникъ не позаботился вычеканить кольца; на право острова и островки, изъ которыхъ многіе носятъ названіе сколи (подводныхъ камней), изъ которыхъ большая часть похожи на неправильныя обломки утесовъ, свалившіеся не стройной массой въ волны, какъ въ другихъ мѣстахъ въ обширныя долины. На лѣво и на право тотъ же сѣроватый извѣстковый отгѣнокъ и таже бесплодность. «Тутъ, говоритъ одинъ латинскій поэтъ, въ полѣ деревья рѣдки и не растутъ, а земля похожа на море подъ другою только формой.»

Сравненіе справедливо. Эти острова, эти сколи, походятъ на волны, которыя, въ своемъ движеніи, вдругъ превращаются въ

камень, а берегъ этотъ съ своими волнующимися выпуклостями походить на зыбкое море. На мрачной поверхности этой безплодной земли, въ этой другой каменной Аравіи, только время отъ времени видѣются кой-какія оливы, это блѣдное дерево, изъ котораго древніе сдѣлали, незнаю почему, символъ мира, развѣ за тѣмъ, чтобъ показать скромность мира; тамъ и самъ попадутся еще частички почвы съ трудомъ обработанныя и изгороди, гдѣ по выраженію одного нѣмецкаго писателя, бараны блуждаютъ какъ ботанисты, отыскивая травку.

Тѣ, которые читали Овидія ошибутся, если задумаютъ видѣть тутъ образъ, брошенный имъ въ одномъ изъ своихъ стиховъ, эти *subita montanae brachia Dalmatiae*. Возлѣ берега нѣтъ ни одной горы, ни одной крутой покатости, ни одного изъ этихъ горныхъ хребтовъ, поражающихъ взоры смѣлымъ побѣгомъ и угловатыми линіями; тутъ только одна сѣтъ острововъ и островковъ, и длинный рядъ холмовъ съ закругленными вершинами, развивающимися какъ однообразный зубецъ отъ сѣверозапада къ югостоку. Пароходъ извивается между этими островами, какъ ариаднина нить въ лабиринтѣ; плывя такимъ образомъ не пользуешься даже видомъ открытаго моря. То входишь въ каналъ, имѣющій наружность рѣки, то въ окружность пошире, похожую на озеро: и берега этой рѣки и огибы этого озера одинаково однообразны.

Вотъ впечатлѣніе, испытываемое при первомъ взглядѣ на Далмацію, а вотъ тѣ, которыя постепенно привлекаютъ взоръ, трогаютъ сердце, когда проникаешь далѣе и наблюдаешь ближе эту страну.

Между этими извѣстковыми холмами есть зеленыя и свѣжія долины какъ швейцарскія, разстилающіяся вдали, какъ таинственныя убѣжища, съ почвой, покрытой изобильными плодами. Тамъ зима развивается свободою, укрытая отъ бурь и миндальное дерево цвѣтетъ среди виноградныхъ лозъ. Въ нѣкоторыхъ есть рейды словно бассейны вырытые рукою искуснаго инженера, во всякое время представляющіе мореплавателямъ надежныя мѣста для якоря. На этихъ сколи наконецъ на самыхъ голыхъ и на самыхъ печальныхъ, живутъ семейства, которыхъ честный и тяжкій бытъ не возможно знать безъ душевнаго волненія. Бѣдные люди! они были брошены сюда не-

известно какими обстоятельствами, какъ претерпѣвшіе кораблекрушеніе, и остаются тутъ отдѣленные отъ цѣлаго міра, принужденные довольствоваться сами собою и приобретающіе средство къ существованію посредствомъ мужественнаго труда.

Рыбная ловля одно изъ средствъ; но рыбной ловли не достаточно для ихъ нуждъ, они предприняли обрабатывать жесткую землю, гдѣ, словно морскія чайки основали свое жилище. На эту работу они не могутъ употреблять ни быковъ, ни плуга. Они должны сперва сами приподнять камни, которыми усѣяна почва, сдѣлать между скалами родъ прогалины, какъ канадскіе колонисты между лѣсами. Когда земля, которую хотятъ разработать, расчищена, они старательно окружаютъ ее стѣной и часто принуждены подпирать террасой, чтобъ предупредить обвалъ. Въ долинахъ Бургундіи, въ южной Франціи, не принимаютъ большіхъ предосторожностей для предохраненія самаго драгоценнаго виноградника, и обработка обширнаго пространства не стоитъ столько трудовъ, какъ здѣсь одно изъ этихъ узкихъ мѣстечекъ, которыя называются *сочоналі*. Житель сколіо самъ роетъ, копаетъ, взрываетъ свое поле до тѣхъ поръ, пока сдѣлаетъ изъ него растительный слой.

Travaillez, prenez de la peine,
C'est, le fonds qui manque le moins,

сказалъ добрый Лафонтенъ.

Но здѣсь именно не достаетъ грунта и воды, этого главнаго элемента растительности. Когда терпѣливый туземецъ приготовилъ такимъ образомъ свою землю, можетъ быть пройдутъ цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ его обрадуетъ капля дождя. Свои хлѣбныя растенія онъ предоставляетъ providѣнію. Что касается до виноградныхъ лозъ, то для сохраненія ихъ употребляетъ искусственная влажность. Во-первыхъ житель садитъ ихъ какъ только можно ближе одинъ къ другому, потомъ окружаетъ каждый корень бугоркомъ земли и наконецъ наклоняетъ вѣтви такимъ образомъ, чтобъ образовать родъ занавѣса, предохраняющаго вѣтви отъ солнечнаго зноя.

Такимъ-то образомъ, посредствомъ настойчивости, ловкости, непрерывныхъ трудовъ, онъ успѣваетъ оплодотворить самую

суровую природу, своимъ терпѣніемъ выжать жатву изъ нѣдръ своего сколіа, какъ воду изъ скалы жезломъ Моисея.

Кто можетъ войти въ подробности этого смиреннаго быта, столь безпомощнаго и столь покорнаго, не чувствуя къ нему влеченія съ симпатическимъ участіемъ? Кто изъ насъ, блуждая по бѣднымъ кварталамъ большихъ городовъ и поднимая глаза въ несчастной мансардѣ, теряющейся между кровель, не говоритъ себѣ: однако тутъ живутъ существа, созданныя какъ и мы же изъ плоти и костей, испытывающія, какъ и мы всѣ прерватности судьбы человѣческой, дрожащія отъ луча любимаго вѣтра, плачущія у изголовья умирающаго отца. Тутъ есть сладостныя сцены сердца, скрытыя въ глубокомъ мракѣ, романы и драмы, которыхъ трогательная развязка не узнается никогда. Вѣзлѣ домовъ богачей, призывающихъ на себя вниманіе со всѣхъ сторонъ, эти дѣти, лишенныя состоянія, эти плоды новѣйшихъ временъ, рождаются и растутъ незамѣченныя. Свѣтъ, ничего не знаетъ объ ихъ радостяхъ, не занимается ихъ страданіями; когда наступитъ часъ они исчезаютъ съ тропинки жизни, какъ капля воды теряющаяся въ Океанѣ.

Я предавался этимъ размышленіямъ, смотря на удивительныя хижины бѣдныхъ семействъ, разбросанныя по скаламъ scogli. Они также брошены; они также видятъ каждый день, какъ мимо ихъ убижища проходитъ или корабль, нагруженный богатыми товарами, или пароходъ съ легиономъ путешественниковъ; но этотъ корабль не дастъ имъ ничего изъ своего груза, а эти путешественники удалятся, не оставивъ имъ воспоминанія о какомъ-нибудь знакѣ привязанности. Волны, обвивающія ихъ островъ, ницета, на которую осуждены они, доставляютъ имъ двойное одиночество. День за днемъ, годъ за годомъ, совершаютъ они въ неувѣстности жизненный путь, безпрестанно заботясь о первыхъ потребностяхъ существованія, ни кѣмъ не знаемые въ своихъ добродѣтеляхъ, оставленные въ горести.

Надо однако думать, что Господь совершаетъ въ глубинѣ самыхъ бѣдныхъ хижинъ, въ послѣднихъ изгибахъ душъ, высокое дѣло справедливости и вознагражденія, непонимаемое нашимъ разумомъ.

Да, я видѣлъ дней эти сколи въ ихъ меланхолической одеж-

дѣ подобной той, которую носятъ наши монахи, называющіяся сѣрыми сестрами; я видѣлъ ихъ вечеромъ, когда заходящее солнце, ослабляющее зоры, какъ золотая и пурпурная ткань, обливаетъ полосою свѣта эту одежду, потомъ видѣлъ ихъ уснувшихъ въ спокойствіи подъ безмолвнымъ покровомъ ночи.

Въ окрестностяхъ Зара пейзажъ представляется вдругъ въ довольно живописномъ видѣ. Тутъ горы выше, лучше расположены и вдоль берега являются лѣса плодовыхъ деревьевъ, красивыя села; Зара доходитъ до берега своего полуострова какъ бы для того, чтобы скорѣе увидѣть корабли, приходящіе отъ сѣвера и юга. Зара, говорятъ антикваріи, это — старая *Jadera Liburniae*, была, по свидѣтельству Плинія и Проломея, римской колоніей. По своему положенію на полуостровѣ, соединяющему его съ берегомъ узкой полосой земли, онъ долженствовалъ во всѣ времена быть приморской крѣпостью, удобною къ защитѣ и важною для сохраненія. Видя его, когда прѣѣзжаешь изъ Триеста, поднимающагося изъ нѣдра водъ, съ своими бѣлыми стѣнами и львомъ святаго Марка на воротахъ, можно принять за сына Венеціи, и честолюбивая Венеція дѣйствительно стремилась овладѣть имъ.

Въ десятомъ вѣкѣ, Зара, безпрестанно тревожимый Ускоками того времени, яростными толпами Нарентинцевъ, обратился за помощью къ Венеціанцамъ и объявилъ себя вассаломъ республики. Ловкое венеціанское правительство остереглось пренебречь такимъ прекраснымъ случаемъ увеличить свою власть; нападъ на корсаровъ, оно упрочивало право владычества надъ Адриатикой; покоривъ Зара своей власти, дѣлала себѣ первую ступень къ новымъ завоеваніямъ. Дождь Пьетро Оресоло Второй, самъ сталъ въ главѣ значительнаго флота, преслѣдовалъ Нарентинцевъ до самыхъ ихъ вертеповъ, овладѣлъ островами *Zesina*, *Meleda*, *Curzola*, куда они удалились и уничтожилъ разбойничество, три столѣтія опустошавшее страну. Послѣ этой побѣды онъ съ торжествомъ вошелъ въ Зара и присоединилъ къ титулу дожа титулъ князя далматскаго, который восемь столѣтій спустя долженъ былъ принадлежать французскому маршалу.

Если Зара, какъ покорный сынъ, просилъ въ своихъ бѣдѣти-

лхъ покровительства могущественной Венеціи, но не долго оставался вѣрнымъ чувству повиненія и признательности, которое обнаружилъ сначала. То предавался горделивой идеѣ независимости, то, чтобъ избавиться вліянія гордой владычицы, бросался на сторону венгерскихъ королей и греческихъ императоровъ. Венеціанская республика была не такого свойства, чтобъ терпѣливо переносить подобныя причуды и допустить похитить безъ сильной защиты частичку своего княжескаго плаща. Зара былъ покоренъ льву святаго Марка, и должепъ былъ оставаться ему покорнымъ; сколько разъ пытался разорвать узы, самимъ на себя наложенные, столько разъ Венеціанцы брались за оружіе и принуждали склонять непокорное чело. Различныя возмущенія Зара, борьбы, которыя онъ имѣлъ смѣлость затѣвать и мужество поддерживать противъ царицы Адриатики, занимають важное мѣсто въ исторіи Венеціи и оставили тамъ печальную страницу, страницу, гдѣ въ одно время проявляется все, что было коварнаго, эгоистическаго, остроумнаго, расчетливаго и жестокаго въ правленіи этой знаменитой республики.

Это было въ началѣ тринадцатаго столѣтія, когда христіанская Европа начинала четвертый крестовый походъ; между тѣмъ какъ благородные вельможи Франціи и Германіи продавали или закладывали свои имѣнія для исполненія обѣтовъ, Венеціанцы—эти Карфагеняне новѣйшихъ временъ, спекулировали, какъ хитрые торгаши этомъ въ религіозномъ рвеніи. Чтобы скорѣе достигнуть поля битвы, крестоносцамъ нужны были корабли; венеціанскій сенатъ, къ которому они обратились, рѣшилъ послѣ зрѣлыхъ разсужденій, снабдить ихъ; но этотъ сенатъ не могъ забыть, что присоединяясь къ долгу христіанства, онъ долженъ былъ также заботиться и объ интересахъ республики. Онъ обязался перевести на мѣсто, *куда потребуетъ служеніе Богу*, 900 рыцарей, 4,500 оруженосцевъ, 20,000 воиновъ и 4,500 лошадей; за это просилъ 85,000 марокъ серебра и половину завоеваній, которыя будутъ слѣданы союзниками на морѣ и на землѣ. Крестоносцы, въ своей беззаботности не остановились передъ условіями подобнаго договора; весело его приняли и, просили папу подтвердить его. Папа Иннокентій-Третій прибавилъ только статью, по которой строго запрещалъ апостоль-

скому войству нападать на христіанскую землю; словно онъ предвидѣлъ планы Венеціанъ.

Не смотря на всѣ усилія, крестоносцы не успѣли собрать суммы, которую должны были заплатить Венеціи при отъѣздѣ. Недоставало тридцати-четыре-тысячъ марокъ. Добрый советъ, тронутый ихъ стѣсненнымъ положеніемъ и не желая изъ вошлаго денежнаго дѣла остановить стремленіе ихъ усердія, сдѣлалъ имъ тогда великодушное предложеніе: помогите намъ, сказалъ онъ, привести въ повиновеніе городъ Зара, который не смотря на всѣ торжественныя обѣщанія, возмутился противъ нашей законной власти и за эту честную услугу вы будете съ нами въ уплатѣ за недоплаченны тридцать-четыре-тысячи марокъ. Подобное предпріятіе было явнымъ нарушеніемъ папскаго постановленія; но дожъ привелъ столько краснорѣчивыхъ причинъ и крестоносцы желавшіе пуститься въ путь, наконецъ приняли сдѣланное предложеніе, говоря, что дѣйствительно Зара былъ виновенъ и что если они послушались папскаго приказанія, то проступокъ долженъ быть совершенно заглаженъ завоеваніемъ Святой Земли.

Октября девятаго 1202 г., флотъ отправился; онъ состоялъ почти изъ пяти-сотъ судовъ, изъ которыхъ было пятьдесятъ галеръ, двѣсти-сорокъ кораблей съ сорока-тысячами воиновъ; сеидесять другихъ были нагружены провіантомъ и аммуниціей. Не смотря на эти страшные снаряды, жители Зара рѣшились защищаться; исправили укрѣпленія и протянули огромную цѣпь черезъ всю гавань. При первомъ приступѣ цѣпь была сломана, укрѣпленія взяты; Зара, поколебленный въ своей рѣшимости съ такимъ быстрымъ урономъ, помышлялъ уже вступить въ переговоры, когда многіе знатные крестоносцы почувствовали угрызеніе совѣсти, что употребляли противъ христіанскаго народа оружіе, долженствовавшее служить къ пораженію невѣрныхъ. Графъ Монфоръ живо представлялъ своимъ товарищамъ важность такого проступка и аббатъ де Во даже сталъ угрожать отлученіемъ отъ Церкви флоту, если онъ будетъ упорствовать въ такой нечестивой осадѣ. Зара тогда приободрился, вмѣсто того, чтобы просить мира принялъ болѣе воинственное положеніе. Онъ не зналъ упрамаго дожа Даволо, который, не заботясь объ увѣщаніи нѣсколькихъ рыцарей и объ

угрожалъ аббата, продолжалъ осаду съ помощію менѣе совѣст-
ливыхъ Французовъ и перешелъ за внутреннія укрѣпленія.
Городъ былъ занятъ необузданнымъ воиствомъ и въ продол-
женіи пяти дней преданъ всѣмъ ужасамъ взятаго приступомъ
мѣста; укрѣпленія были срыты, дома разграблены и даже цер-
кви осквернены.

Прежде чѣмъ враги удалились отъ стѣнъ Зара, онъ долженъ
былъ небеснымъ правосудіемъ получить отмщеніе за ихъ же-
стокость. Распредѣленіе квартиръ, раздача денегъ, возбудили
ссору, которая для людей такого рода не могла усмириться
разсудкомъ. Венеціанцы и Французы раздѣлились на два лаге-
ря; венеціанцы, какъ слабѣйшіе, были страшно разбиты и гра-
ждане Зара присутствовали при избіеніи тѣхъ, которые внесли
въ ихъ стѣны разрушеніе и отчаяніе. Напрасно дожъ и глав-
ные вельможи французской арміи пытались прекратить эту
ужасную распрю; потребовалась цѣлая недѣля переговоровъ,
чтобъ примирить обѣ партіи. Тогда крестоносцы, вдругъ пора-
женные чувствомъ своей безпорядочности, сказали сами себѣ,
что Богъ наказывалъ ихъ за неповиновеніе и эти самые люди,
недавно еще воспламеняемые неумолимою яростью, на колѣняхъ
молились смиренно у алтарей. Венеціанцы, чтобы загладить свое
святотатство, выбрали пространное мѣсто возлѣ разграблен-
ныхъ ими капеллъ и выстроили соборъ.

Сорокъ лѣтъ спустя Зара опять возмущился противъ власти
такъ недостойно съ нимъ поступившей, выгналъ венеціанска-
го губернатора и соединился съ венгерскимъ королемъ. Снова
покоренный, онъ уступалъ съ содраганіемъ налагаемому на не-
го игу и до пятнадцатаго вѣка мы видимъ, что онъ при вся-
комъ удобномъ случаѣ брался за оружіе. Въ 1346 г. Венеціанцы
покорили его послѣ долгой осады, послѣ войны противъ коро-
ля венгерскаго, стоившей имъ, какъ говорить исторія, три
милліона дукатовъ.

Съ присоединеніемъ Далмаціи къ Австрійской имперіи, Зара
сдѣлался главнымъ политическимъ и гражданскимъ городомъ
провинціи.

Провинція эта раздѣлена на четыре департамента, называе-
мыхъ округами: Зара, Спалатто, Рагуза, Каттаро; каждый ок-

ругъ подраздѣляется на нѣсколько уѣздовъ: въ Зара считается восемь, въ Спалатто десять, въ Рагузѣ пять, въ Каттаро три.

Первый гражданскій чиновникъ департамента носить титулъ *capitano del circolo*; послѣ него *pretor*, особенно занимающійся городомъ, потомъ *podesta* или *capo communal*, которому вѣрено, какъ показываетъ его титулъ, управление нѣкоторыхъ числомъ деревень; у него помощниками четыре совѣтника, которые должны вмѣстѣ съ нимъ принимать необходимыя мѣры для поддержанія порядка. *Podesta* и *pretor* назначаются и утверждаетъ губернаторомъ Далмаціи. Въ каждомъ округѣ живетъ также военный сановникъ, полковникъ или генералъ.

Эта далматская земля, раздѣленная на двадцать шесть уѣздовъ, заключаетъ четыреста съ чѣмъ-то тысячъ жителей, изъ которыхъ 365,000 Славянъ, 30,000 Итальянцевъ, 1,200 Албанцевъ, и 1000 Жидовъ.

Въ этомъ народонаселеніи считается около 325,000 Католиковъ, 660 Уніатовъ, 77,000 жителей греческаго исповѣданія, 480 Жидовъ и только 27 протестантовъ.

Зара католическая метрополія этого маленькаго края, въ которомъ не менѣе шести епископовъ — архіепископство въ Зара, епископства въ Спалатто, въ Рагузѣ, въ Себенико, въ Дезина, въ Каттаро. Сверхъ того греческое епископство въ Себенико; — Зара резиденція генераль-губернатора, начальниковъ различныхъ администрацій и засѣданіе апелляціоннаго суда.

Это собраніе сановниковъ даетъ городу особенное одушевленіе и представляетъ иностранцу привлекательность общества, котораго только нѣкоторыя частички встрѣтитъ онъ въ другихъ далматскихъ городахъ. Это колонія любезныхъ переселенцевъ, образованныхъ людей среди невѣжественнаго народа; это переселеніе вкуса и привычекъ образованности на почву, куда досихъ-поръ цивилизація проникла не много. Въ домѣ губернатора я могъ вообразить себя на нѣсколько часовъ въ умной и граціозной гостиной большаго города; а въ полмили отсюда находится деревня Ерицца, вся населенная албанской колоніей и въ нѣсколькихъ миляхъ горное уѣжище Морлаховъ.

Зара красивѣйшій городъ, открывающійся съ разныхъ сторонъ прекрасныя виды на море, на цѣпь холмовъ, надъ

которыя возвышаются, какъ голова гиганта, утесистыя вершины Велебичъ. Улицы узки, но правильно расположены и окружены красивыми домами. Торговля не значительна, но у ней есть мараскинъ. Странное дѣло какъ причудлива фортуна въ распредѣленіи славы человѣческой! Вотъ городъ, котораго лѣтописи заключаютъ славныя страницы, рассказы о мужественныхъ битвахъ, о драматическихъ сценахъ, а не черезъ эти благородныя эпопеи имя его распространилось по свѣту, а посредствомъ бутылокъ сладкаго ликера! Сколько людей, которые никогда не узнаютъ мужественныя борьбы, выдержанныя Зара для защиты или для возвращенія своей независимости и которымъ не безызвѣстно, что изъ этого города получается самый лучшій мараскинъ!

Принимая честь, доставляемую ему мараскиномъ, Зага ищетъ однако менѣе матеріальныхъ удовольствій. Онъ печатаетъ два журнала: одинъ на славянскомъ, другой на итальянскомъ языкахъ. Въ немъ есть хорошіе книгопродавцы, между прочимъ Баттара, которому обязаны изданіемъ сочиненія Каррары о Далмаціи; есть казино, получающій съ главными нѣмецкими журналами многіе французскіе и англійскіе. Наконецъ есть театръ, включающій въ свой репертуаръ съ рѣдкимъ усердіемъ оперу и комедію, драму и водевилъ.

Два добрые гражданина, которые по рекомендаціи своего триестскаго пріятеля были такъ обязательны, что показавъ мнѣ утромъ различные городскіе кварталы, вечеромъ сводили меня въ театръ. Это именно былъ день торжественнаго представленія, бенефисъ примадонны. Я видѣлъ какъ разыгрывали, весьма похвальнымъ образомъ, итальянскую комедію и трагедію, которой авторъ еще неизвѣстный могъ бы сдѣлаться знаменитымъ, своимъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Пять актовъ и пятьдесятъ стиховъ! По десяти стиховъ въ каждомъ актѣ, не болѣе. Какая образцовая трагедія!

Для такого экстраординарнаго спектакля цѣны были назначены по сорока сантимовъ билетъ. Благодаря прибытію парохода, который привезъ много неожиданныхъ зрителей, примадонна получила, какъ мнѣ сказали, сто пятьдесятъ флориновъ — около четырехъ сотъ франковъ. — Рѣдко, чтобы въ Зара былъ подобный сборъ.

Въ пяти миляхъ отсюда находится Zaga-Veschia, бывший некогда довольно важнымъ городомъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Венеціанцы, въ одномъ изъ припадковъ своего патріотическаго гнѣва, опустошили его. Онъ не могъ оправиться отъ своихъ развалинъ. Теперь это не что иное, какъ деревня въ четыре до пяти сотъ душъ. Подлѣ есть другая деревня, имѣвшая также свои дни славы. Это Врана, гдѣ возвышался укрѣпленный монастырь, въ продолженіи трехъ столѣтій принадлежавшій рыцарямъ Храма. Онъ былъ взятъ Турками, срытъ и никогда не возобновленъ.

Очень счастливо для путешественника, что онъ можетъ пробѣгая эти мѣста, занять свою мысль историческими воспоминаніями, потому что оставляя Зара, видишь снова тотъ же однообразный пейзажъ, который передъ этимъ утомлялъ взоръ. Плывешь по каналу, закрытому съ одной стороны берегомъ, съ другой двумя островами, протянутыми въ море, какъ плотина. Въ самой серединѣ этого канала есть нѣсколько сколи. За ними еще другія группы острововъ маленькихъ и большихъ и почти всѣ печальной наружности. Однажды далматскій чиновникъ, въѣхавшій изъ Зара со мною и въ своей нѣжной привязанности къ родинѣ не пропускавшій случая похвалиться мнѣ чѣмъ нибудь, говорилъ мнѣ иногда: посмотрите, какая великолѣпная зелень! Я поспѣшно обращалъ мой взоръ къ указанному имъ мѣсту какъ въ Лондонѣ, когда слышалъ въ туманное утро восклицаніе восторженнаго Англичанина: *What a fine sun!* Такъ же какъ въ Лондонѣ я примѣчалъ нѣсколько желтыхъ лучей, проникающихъ сквозь дынные клубы, точно такъ и здѣсь я открывалъ плантаціи виноградныхъ лозъ и оливокъ, нѣсколько пастбищъ между массами голыхъ скалъ. Но чѣмъ болѣе эта суровая земля сопротивляется рукѣ старающейся оплодотворить ее, тѣмъ болѣе должно изумляться мужеству тѣхъ, которые продолжаютъ такой мучительный трудъ. Большая часть изъ этихъ острововъ принадлежитъ городской общинѣ и есть много такитъ, гдѣ никто не живетъ. Береговые жители привзаютъ, въ лодкахъ, обрабатывать ихъ и собирать томную жатву. Смотря на эти хребты скалъ, гдѣ жестокии трудомъ едва успѣваютъ добыть плохую жатву, я подумалъ о берегахъ Св. Лаврентія и Миссисипи, о неизмѣримыхъ долинахъ Пата,

гдѣ столько обширныхъ и плодovitыхъ мѣстъ еще не занятыхъ. Конечно, если эмиграція можетъ быть привлекательна, то по противоположности съ такимъ положеніемъ какъ это, гдѣ съ одной стороны видишь себя осужденнымъ на тягостное и пресѣрное существованіе; а съ другой блистаютъ такіе источники богатства? Но Альзасцы, Швабы легко разстаются съ своей прекрасной страной, чтобъ отправиться въ Америку. Далматы напротивъ остаются вѣрны своей суровой отчизнѣ. Сердце глубже заноскаетъ свои корни въ скорби, чѣмъ въ радости. Сынъ бѣдника сильнѣе привязанъ къ крову, гдѣ раздѣлялъ утомленія и безпокойства своей семьи, чѣмъ сынъ богача къ пылному жилищу, веселящему ему настоящее, разцвѣтывающее ему будущее.

Очень остроумный носитель, Гозланъ сказалъ: «прискорбна та страна, о которой жители хранятъ воспоминаніе, страна бѣдная, безлюдная, безъ солнца, но заставляющая любить другъ друга тѣхъ, которые родились въ ней.»

«Ахъ, эти милые сколи!» вскричалъ воалѣ меня пассажиръ въ грубой одеждѣ, который, чтобъ удобнѣе ими любоваться, оставилъ мѣсто, назначенное ему билетомъ и бросился на югъ. Эти сколи, на которые я смотрю такъ угрюмо и на которые онъ смотритъ съ такимъ удовольствіемъ, послѣ непродолжительнаго отсутствія, эта почва, гдѣ семейство сдѣлало ему гнѣдышище, гдѣ онъ выросъ, гдѣ, не думая, что повторять слова поэта, онъ можетъ сказать, собирая свои воспоминанія: *Ich habe gelebt und geliebt. Я жилъ и любилъ.*

Не всѣ далматскіе поселяне могутъ испытывать при видѣ родной земли такіа честныя мысли. Не говоря о Морлакахъ, которые не одинъ разъ заслужили своими набѣгами по большимъ дорогамъ, неприятныя впечатлѣнія, связывающіяся съ ихъ именемъ, на этомъ берегу и на этихъ островахъ есть люди, не всегда довольствовавшіеся рыбной ловлей или произведеніемъ полей. Мнѣ показываютъ на островъ Мотаръ, котораго жители приобрѣли навѣстностью, съ которой устремлялись ибкогда на суда, брошенныя грозою на берегъ не для того, чтобъ помочъ, но чтобъ разграбить. Не бодѣ десяти лѣтъ какъ они совершили одно изъ такихъ разбойничьихъ дѣлъ. Полиція пріѣхала на мѣсто, но не смотря на изслѣдованія, не

могла открыть виновных и рѣшилась посадить въ тюрьму всю деревню. Эта мѣра, заимствованная у законодательныхъ обычаевъ Японцевъ, имѣла, какъ кажется, прекрасный результатъ. Жители Мотаръ, испугавшись этого круговаго закона, сами теперь исполняютъ должность полицейскихъ на своихъ островахъ.

Мы выходимъ наконецъ изъ этой сѣтки сколи въ каналъ, очень величественнаго вида, каналъ Себенико. При входѣ въ этотъ проходъ, которому позавидовалъ бы не одинъ большой приморскій городъ, находится островъ, весь покрытый произведениями Сенмикеля—Вобана Венеціанской республики, знаменитаго архитектора, бросившаго на Адриатическіе берега столько трудовъ достопамятныхъ и полезныхъ, бастіоновъ и фортовъ, укрѣпленій и капеллъ. На одномъ изъ береговъ Себенико возвышается другая крѣпость, выстроенная Французами; на горѣ святой Анны, господствующей надъ островомъ, также есть крѣпость.

Эти бѣдныя далматскіе города, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, были подвержены набѣгамъ, грабительствамъ Турокъ; они должны были защищаться всѣми возможными способами противъ этихъ жестокихъ враговъ и, построивъ крѣпости, сохраняли ихъ, какъ старый солдатъ сохраняетъ въ мирное время кирасу, защищавшую его на полѣ битвы.

Въ глубинѣ этой бухты, такъ хорошо защищаемой, или скорѣе въ глубинѣ широкаго озера, въ которое впадаютъ съ соседнихъ горъ воды Кегка, возвышается городъ Себенико, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ городовъ Адриатическаго моря. Былъ ли онъ, какъ увѣряютъ историки, выстроенъ Кроатами, или, какъ говорятъ другіе, Ускоками, это трудно опредѣлить. Дѣло въ томъ, что, не смотря на свое превосходное положеніе, при устьѣ широкой рѣки, возлѣ славнаго рейда, онъ долго былъ не важнымъ селеніемъ, до тѣхъ поръ, пока жители горамъ Скардона, разграбленные свирѣпой ордой, не пришли искать имъ убѣжища. Народонаселеніе его возвысилось тогда, какъ говорятъ, до тридцати тысячъ душъ; торговля, промышленность быстро развились, искусства и литература тоже. Фортамъ дѣлаютъ длинное вчисленіе ученыхъ и писателей, жившихъ въ этомъ городѣ. Большая часть этихъ людей, имѣвшихъ

свою долю славы на этомъ свѣтѣ, погребены теперь подъ новыми знаменитостями, которыя въ пирамидѣ человѣчества скопляются одно надъ другимъ, какъ геологическія слои горъ невергаютъ въ состояніе ископаемаго угля могучимъ растеніемъ отдаленныхъ временъ. Мы не можемъ однако забыть, что здѣсь родился превосходный живописецъ Андрей Скиавоне и если, какъ говоритъ преданіе, Себенико также произвелъ на свѣтъ Марко Паоло; — имя сиблаго путешественника достаточно, чтобы прославить въ литературномъ отношеніи этотъ смиренный городокъ.

Чтобы проникнуть во внутренность Себенико, надо рѣшиться проходить ущелья, такія же грязныя, какъ въ турецкихъ городахъ, взбираться по нечистымъ, разломаннымъ, скользкимъ ступенямъ, по отвратительнымъ улицамъ; но улицы эти ведутъ на рынокъ, представляющій взорамъ иностранца интересное зрѣлище и на площадь dei Signori.

На площади находится одна изъ этихъ венеціанскихъ ложъ, галлерей съ колоннами, гдѣ судьи оказывали правосудіе и публично приказывали наказывать виновнаго. На этой самой площади есть соборъ, описанный съ восторгомъ многими путешественниками. Ложу съ изящной колоннадой занимаетъ нынѣ казино. Соборъ поколебленъ годами. Я могъ къ великому моему сожалѣнію любоваться имъ не иначе, какъ сквозь огромныя дѣла, поставленныя для его поправки. Одна изъ сторонъ была однако свободна и на этой сторонѣ я видѣлъ длинный рядъ изображеній, ваянныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Рынокъ наводненъ множествомъ людей, которыхъ костюмъ и фizioномія снабдили бы карандашъ художника рѣдкимъ разнообразіемъ рисунка. Боснійскіе мусульмане, съ густыми бородами, въ широкихъ кафтанахъ, приходятъ сюда развѣнчивать сельскія прозаведенія на продукты итальянской промышленности. Морлахи являются сюда изъ дѣсовъ съ своими длинными волосами, связанными снуркомъ и падающими косою на спину, съ блестящими пистолетами и кинжалами у пояса; Далматы разгуливаютъ тутъ въ платьѣ, подражающемъ частью нашему и частью турецкому; прелестныя дѣвушки съ глубокимъ станомъ, съ блестящимъ взоромъ, бѣгаютъ съ одной стороны на другую легко въ яркомъ наря-

дѣ, въ красной юбочкѣ, въ красномъ корсетѣ, а черные ихъ волосы округлены вѣнкомъ на лбу и переплетены красными лентами.

Различныя улицы, ведущія къ этому рынку, также имѣютъ особенный характеръ. Тутъ есть обширныя магазины, гдѣ нѣтъ ничего больше, какъ сандалинъ изъ красной кожи, лапки золотыхъ дѣлъ мастеровъ, выставлющія только тяжелыя ожерелья изъ серебряныхъ шариковъ и огромныя пуговицы, которыя здѣшніе поселяне принимаютъ съ гордостью къ жакету.

Хотя городъ Себенико мало по малу позволялъ другимъ городамъ похитить часть своего древняго богатства, онъ однако производитъ еще торговлю, опредѣляемую въ два милліона пятьсотъ тысячъ франковъ въ годъ. Въ немъ есть важное мѣсто для сбыта товаровъ:—сосѣдняя турецкая провинція; а вездѣ есть довольно прибыльныхъ ловли коралловъ и губки, а промышленный геній новѣйшихъ временъ открылъ ему новое поле труда. Въ десяти миляхъ отъ этого города находятся рудники каменнаго угля, которые снабжаютъ, по большей части, Далматскіе пароходы и которые перевозятъ тысячами бочекъ въ Триестъ; онъ не такъ хорошъ какъ англійскій, но продается по весьма низкой цѣнѣ.

Нагруженіе этаго угля на суда представляетъ зрителю, чудному обычаевъ Далмаціи, довольно изумительную черту нравовъ. Тяжелыя корзины угля несутъ на головѣ женщины, между тѣмъ какъ мужья и братья преспокойно сидятъ въ нѣсколькихъ шагахъ и разговариваютъ, скрестивъ руки и курятъ трубки. Далматы съ чувствомъ воинственной доблести, переходящей къ нимъ по преданію, показываютъ еще къ женщинамъ презрѣніе, какое дикіе американскіе Индѣйцы сохраняютъ еще къ своимъ squaws.

Тотъ же самый фактъ встрѣчается среди вѣкъ грубыхъ народовъ. Христіанство освободило, облагородило женщину. Христіанство, жизнью Святой Дѣвы, положило имъ на чело отблескъ божественнаго луча. Цивилизація дала имъ вѣнецъ граціи и прелести свѣтской. Тамъ, гдѣ мужчина еще гордится физической силою, женщина невольница. Тамъ, гдѣ онъ дорожитъ истинными волненіями сердца, нѣжными идеями ума, — у женщины есть свой вѣнецъ.

==

X.

Спалато. — Курцоя.

Жилъ былъ..... это старая исторія, которую я могу начать такимъ образомъ, до того она походитъ на волшебную сказку: Итакъ жилъ былъ въ небольшомъ даматскомъ селеніи бѣдный человѣкъ, сначала бывшій невольникомъ, потомъ отпущенный на вѣлю господиномъ, который, вѣроятно, не могъ ничего дать ему кромѣ свободы. Человѣкъ этотъ сдѣлался писцомъ, что въ тѣ отдаленныя времена было также, какъ и нынѣ, неважнымъ ремесломъ. У человѣка этого былъ сынъ, который, по вкусу или по смѣлѣе своего батюшки, выбралъ лучшую должность. Онъ сдѣлался солдатомъ.

Вотъ что извѣстно о происхожденіи этого юнаго Дамата, который былъ Діоклеціанъ. Точно такъ какъ большія рѣки, которыхъ начало трудно отыскать въ небольшомъ ручейкѣ, точно такъ какъ Ниль, котораго первоначальное теченіе съ трудомъ отыскивается въ Лунныхъ горахъ, первые годы знаменитаго императора исчезаютъ отъ взоровъ историка. Имя, нанесенное имъ на мраморѣ и мѣди, не было именемъ его отца: это было имя городка, въ которомъ онъ родился, городка Діосіа, на берегахъ озера Скутари, у подошвы Черногорія.

Итакъ солдатъ вступаетъ въ одинъ изъ тѣхъ легионовъ, которые то на одномъ мѣстѣ то на другомъ, должны были защищать неизмѣримость Римской имперіи отъ вторженій варварскихъ ордъ, какъ земляныя и гранитныя плотныя защищаютъ голландскую почву отъ морскихъ волнъ. Какимъ образомъ Діоклеціанъ заслужилъ первые чины, объ этомъ ни одинъ авторъ не уведомляетъ насъ. Кажется однако, что въ то время, когда онъ занималъ весьма незначительное мѣсто, онъ мечталъ уже объ ослѣпительной будущности. Рассказываютъ, что въ Гаалии онъ жилъ такъ бѣдно, что одинъ друидъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ жилъ, не могъ не изъявить ему удивленія.

— Я буду жить пышнѣе, отвѣчалъ молодой воинъ, когда сдѣлаюсь императоромъ.

Друидъ бросивъ тогда взоръ, въ которомъ блистала лучъ пророческой мысли, сказалъ:

— Вы сдѣлаетесь императоромъ когда убьете вепря (Ярег).
Т. СХХV. — Отд. III.

Убить вспрямъ дѣло не трудное, но во всѣ времена пророческія слова не должно было понимать буквально. Кельтскіе жрецы, какъ и дельфійскій оракулъ, позволяли себѣ часто тѣ двусмысленныя слова, которыя мы по просту называемъ каламбурами. Діоклеціанъ убилъ генерала Агера, обвиненнаго въ участіи въ смерти императора Нумеріана. Это случайное обстоятельство, осуществлявшее предсказаніе бывшаго товарища, было можетъ быть для Діоклеціана новымъ поводомъ къ надеждѣ. Какъ не смелъ человѣкъ, онъ всегда впадаетъ какой-нибудь стороной въ обыкновенныя людскія слабости и нѣтъ ни одной высоко строгой жизни, которая на своемъ величественномъ пути не выказала бы какого-нибудь ребячества.

Какъ бы то ни было, счастливый воинъ всходилъ со ступени на ступень по лѣстницѣ фортуны. Не смотря на древніе римскіе обычаи, не позволявшіе съмѣлять отпущенниковъ имѣть притязанія на гражданскія и воинскія почести и распространяшіе этотъ законъ до третьяго и четвертаго поколѣнія, сынъ дамматскаго отпущенника возвысился до самой высокой степени въ арміи. Отсюда до римскаго престола, такъ какъ престолъ былъ тогда оставленъ, оставался одинъ шагъ. Діоклеціанъ переступилъ его. Онъ сдѣлался императоромъ.

Всѣ римскіе императоры, были въ продолженіе своего величя, окружены олимпійскимъ вѣщомъ. Они сами воздвигали себѣ статуи, переходили въ состояніе боговъ. Діоклеціанъ также сдѣлался богомъ. На первый разъ онъ назывался именемъ того, который однимъ сжатіемъ бровей заставлялъ треметать землю и небо, именемъ Юпитера, а товарищъ его Максиміанъ назвался Геркулесомъ. Усердные ораторы, которыхъ реторика не оставалась безъ награды, поставили себѣ въ обязанность показать удачное примиреніе этихъ двухъ титуловъ. Между тѣмъ какъ Діоклеціанъ-Юпитеръ поддерживалъ, говорили они, своей высокой мудростью порядокъ въ имперіи, Максиміанъ-Геркулесъ очищалъ различныя области отъ чудовищъ и безпорядковъ.

Сынъ мушныи, Максиміанъ, не получилъ никакого воспитанія; это былъ смѣлый и отважный, суровый и жестокий воинъ. Что касается до Діоклеціана, знаменитый англійскій исто-

рикъ Гиббонъ въ нѣсколькихъ строкахъ нарисовалъ его портретъ:

«Онъ не обладалъ благородной и отважной натурой героя, отыскивающего опасости вмѣстѣ съ славой, презирающаго хитростью и гордо налагающему уваженіе себѣ равнымъ. Онъ обладалъ болѣе практическимъ чѣмъ блистательнымъ характеромъ. Въ немъ замѣчательнъ могучій умъ, развѣттый ученіемъ и приращеніемъ къ дѣламъ, разсудительная смѣсь щедрости и экономіи, кротости и строгости, глубокаго притворства подлѣ наружностью воинской откровенности, упорства къ преслѣдованію своихъ намѣреній, ловкость въ употребленіи орудій дѣйствія, и выше всего этого—великое искусство поработать своимъ собственнымъ страсти также какъ и страсти другихъ. Оному честолюбію, и прикрывать это честолюбіе самыми благовидными предлогами правосудія и общественной пользы».

Съ своими достоинствами и недостатками, Діоклеціанъ является на горизонтѣ величественной фигурой, между двумя историческими эрами, послѣдней эрой славы и эрой разрушенія. Предпринятыми имъ мѣрами, чтобы упрочить миръ въ римскихъ владѣніяхъ, присообщеніемъ Максиміана къ своей власти и соединеніемъ двухъ цесарей, онъ самъ приготовилъ распаденіе имперіи. Въ его царствованіе Римъ былъ оставленъ, Константицій стоялъ лагеремъ въ Галліи, Галерій на берегахъ Дуная; Максиміанъ основалъ свое жилище въ Миланѣ, а Діоклеціанъ выставлялъ въ Никомедіи пышный церемональ лютничьихъ дворовъ. Римъ терялъ отъ этого перемѣщенія власти, отъ удаленія своихъ государей, важность свою, если не названіе столицы. Народы привыкали обращать глаза въ другую сторону и сенатъ пользовался однимъ почетнымъ титуломъ.

Десять персидской кампаніи два императора показали въ Римѣ и дали ему армію триумфа. Это былъ послѣдній. Споры императоры перестали побѣждать и древній городъ пересталъ быть владыкою міра.

Діоклеціанъ увѣнчалъ этимъ празднествомъ прежнихъ дней свое главное двадцати лѣтнее царствованіе. Тогда онъ рѣшилъ отказаться отъ власти, или потому что сооталіе здоровья принуждало его искать покоя, или потому, что до благоразумію своему онъ предчувствовалъ бури, которымъ уже не могъ ма-

бѣдною сопротивляться, или наконецъ по новой горюсти самъ собирався сложить съ себя титулъ, котораго добился съ такой радостью. Можетъ быть также рѣшимость его произошла отъ другаго чувства. Путешественникъ, достигшій конца продолжительнаго пути съ любовью оборачивается къ домашнему крѣву. Въ суровомъ жизненномъ путешествіи, человекъ также оборачивается нѣсколько разъ по естественной наклонности къ своей колыбели. Тотъ, кто устремлялъ самый честолюбивый взглядъ на будущее, чаще всѣхъ и съ большимъ грустнымъ сожалѣніемъ отыскиваетъ смиренное счастье прошедшаго, ирринуу неизвѣстность роднаго дома, сладостныя и добродушныя привязанности семейныя.

Какимъ философомъ не является намъ Диоклеціанъ, когда онъ отличился этимъ отрѣченіемъ, котораго въ исторіи былъ извѣстенъ только одинъ примѣръ—Птоломей Кагъ, египетскій царь — онъ не на столько философъ, чтобы просто сложить съ себя званіе и безъ блеюка удалиться въ свое убѣжище. Онъ собралъ народъ и войско въ долинахъ Никомедіи, вошелъ на тронъ и величественной рѣчью объявилъ о своемъ наирѣшеніи. Потомъ сѣлъ въ закрытую повозку и тотчасъ же уѣхалъ въ Далмацію, не въ бѣдный домикъ отца, а въ огромный дворецъ.

Въ этомъ-то дворцѣ вся эта исторія пришла мнѣ на память въ продолженіе долгой мечтательности, какъ одинъ изъ чудныхъ разсказовъ тысячи и одной ночи. Тутъ государь величайшей имперіи когда-либо существовавшей, заключилъ свою жизнь въ такомъ возрастѣ, который могъ еще обидать ену наслажденія долгаго владычества; тутъ бывшій товарищъ его Максиміанъ пріѣхалъ спрашивать его принять снова власть и извѣстно какими простыми словами отвѣчалъ онъ на это предложеніе благоразумнѣе своего пылкаго товарища, бросившагося въ новую стабку, гдѣ онъ презрѣнно погибъ; тутъ онъ присутствовалъ только при буряхъ Адриатики, между тѣмъ какъ бура въ тысячу разъ страшнѣе воздымала народныя волны, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ земля нинеріи трещала подъ тяжестью варварскихъ легіоновъ, подъ ногами Гетовъ.

Тутъ наконецъ умеръ онъ шестидесятилетней смертію, какъ будто конецъ такъ же какъ и начало его страшной судьбыи должно

быть равнымъ предметомъ ипотезъ и споровъ для комментаторовъ.

На этомъ самомъ мѣстѣ я провелъ цѣлый вечеръ, котораго торжественное впечатлѣніе не могу забыть. Я находился въ самомъ центрѣ этого древняго дворца. Другія части зданія были совершенно разрушены. Эта часть, не смотря на преобразование сдѣланное ей является еще въ своемъ величественномъ цѣломъ.

Вотъ колоннады перистила, куда входили въ золотую дверь; вотъ храмъ Юпитера, патрона Діоклеціана, а напротивъ, небольшой храмъ, который называется храмомъ Эскулапа, хотя онъ можетъ быть имѣлъ другое назначеніе. Одна изъ этихъ колоннадъ составляетъ вынѣ фасадъ жилища католическаго епископа; подъ другою кофейная, которой кровля не достигаетъ даже до верха сводовъ. Храмъ Юпитера былъ посвященъ въ церковь, а изъ храма Эскулапа духовенство сдѣлало крестильный придѣлъ.

Храмъ Юпитера — родъ осмиугольной ротонды, построенной въ изящныхъ размѣрахъ. Снаружи онъ былъ окруженъ коринфскими колоннами, на которыхъ вѣроятно возвышались нѣкогда статуи. Большая часть колоннъ разбиты, статуй исчезли, но внутренность зданій еще превосходна съ своей кругообразной колоннадой и высокимъ куполомъ. Сдѣланныя тутъ работы, чтобы приспособить къ служенію христіанской религіи, придали новый живописный эффектъ, не измѣнивъ первоначальной красоты. Надъ портикомъ простой каменщикъ изъ Спалато по имени Toverde, выстроилъ вначалѣ пятнадцатаго вѣка изъ столбовъ, капителей и другихъ остатковъ древнихъ памятниковъ, колокольню въ сто семдесятъ три фута вышины, изумительно оригинальную и граціозную въ высшей степени.

«Изъ безчисленныхъ построекъ Римлянъ сколько, говоритъ Гиббонъ, исчезаютъ отъ исторіи и какъ мало устояли отъ разрушеній времени и опустошеній варваровъ!»

Тѣ, которыя лучше сохранились, сохранены христіанами. На первомъ мѣстѣ я поставлю римскій Пантеонъ, потомъ спалатскій соборъ.

Не большой храмъ, находящійся напротивъ этого, имѣетъ

болѣе строгую наружность. Археологи сдѣлали изъ него храмъ Эскулапа, особенно опираясь на ту причину, что Діоклеціанъ, въ состояніи болѣзненнаго изнеможенія, естественно долженъ былъ призывать на помощь бога здоровья. Смотри на это массивное зданіе, на его толстыя стѣны, мрачную внутренность, гораздо легче допустить, что это былъ не храмъ, но гробница, гробница того самаго, кто заключился въ этомъ дворцѣ какъ въ монастырь, кто умеръ тутъ послѣ долгихъ размышленій о смерти. Недавно открыли на одной изъ наружныхъ сторонъ этого зданія императорскую корону. Не знакъ ли это императорской могилы? Всего удостовѣрительнѣе саркофагъ каменный украшенный скульптурой, находящійся при входѣ въ это самое зданіе. Онъ представляетъ на своихъ четырехъ сторонахъ четыре сцены, которыя кажутся изображеніемъ различныхъ фазовъ діоклеціановой жизни. На первой молодой человекъ согбенный подъ ношей, слѣдовательно бѣдный и трудолюбивый, какимъ былъ Діоклеціанъ; на второй сильный молодой человекъ держитъ лошадь за узду; на третьей охотникъ, пронзающій дротикомъ вепря (Арг, предметъ друидическаго предсказанія); на четвертой мужчина въ плащѣ съ величественнымъ видомъ ласкаетъ рукою собаку. Не Діоклеціанъ ли это опять, убившій *Апера*, исполнившій предсказаніе и мечтающій о своемъ будущемъ величій?

Если Діоклеціанъ хотѣлъ, чтобъ его смертные останки были погребены во дворцѣ, въ который онъ удалился, онъ могъ, какъ другой Хеопсъ, тщеславиться великолѣпіемъ своей гробницы. Этотъ дворецъ, четверугольной формы, занималъ пространство девяти акровъ и могъ содержать, со свитой императора, цѣлый легіонъ преторіанцевъ. Четырьмя большими воротами открывался онъ на четыре strany свѣта, на море, на поля, и двѣ улицы, прорѣзанныя прямымъ угломъ проходили во всю длину и во всю ширину его.

Въ четвертомъ столѣтіи въ немъ жилъ еще одинъ государь Юлій Непосъ, который послѣ годоваго царствованія въ то время безпорядковъ, когда императоры царствовали такъ мало, убѣжалъ отъ варварскаго полководца, удалился въ жилище своего знаменитаго предшественника и былъ тамъ умерщвленъ.

Въ седьмомъ вѣкѣ зданіе Діоклеціана сдѣлалось городомъ, на-

столицимъ городомъ, котораго имя Palatium, превратилось въ Спалато; городъ Салонъ, возвышавшійся около миди оттуда, былъ взятъ Аварами, часть жителей удалилась на сосѣдніе острова; другіе, зная прочность императорскихъ стѣнъ укрѣдись въ нихъ какъ въ крѣпости и мало-по-малу число эмигрантовъ увеличилось. Одно семейство увлекало другое. Они слѣдовали другъ за другомъ какъ стада испуганныхъ ланей, которыя спасаясь отъ жестокой охоты, бросаются въ густые лѣса. Они заняли башни, галлерей, даже подземные своды обширнаго аданія. Какъ ансты въющіе гвѣзда на вершинѣхъ деревь, какъ виноградная лоза распространяющая вѣтви по стѣнамъ, служащимъ ей опорой, они пріютились во внутренности этого обширнаго параллелограма. Какъ туча саранчи распространяется вдругъ на цѣлой долиниѣ, испуганные Салонійцы распространились по акантовымъ листамъ, карнизамъ, капителямъ великолѣпнаго діоклеціанова жилища. Какъ лава Везувіа разлилась по Геркулануму и Помпеѣ, народонаселеніе цѣлаго города, выгнанное изъ домашняго крова набѣгомъ варваровъ, разлилось по коридорамъ этого дворца. Оно тутъ устроило множество узкихъ улицъ, лавокъ, мастерскихъ, свою торговлю и нищету.

Въ половинѣ послѣдняго столѣтія, одинъ изъ тѣхъ Англичанъ, которые если привязываются къ какому предпріятію, то продолжаютъ его съ рѣдкой настойчивостію, поселился въ Спалато и принялся воспроизводить своимъ карандашомъ первобытную форму Діоклеціанова жилища, подъ поврежденіями, дретерпѣнными имъ отъ времени и переворотовъ, подъ издѣлствомъ квартиръ работниковъ и гражданъ, обаображивающихъ со всѣхъ сторонъ грандіозную наружность. Адамсъ издалъ въ Лондонѣ въ 1763, сочиненіе, которое останется прекраснымъ произведеніемъ искусства, хотя во многихъ отношеніяхъ оно очевидно преувеличено или явно ошибочно. Нѣсколько позднеѣ Саззасъ издалъ въ Парижѣ другое сочиненіе, которое въ сущности заслуживаетъ большаго уваженія. *

Оба художника однако могли дать намъ только обломки архи-

* Живописное и историческое путешествіе по Истріи и Далмаціи. Парижъ, 1802.

тектуры; и какимъ же образомъ реставрировать черезъ пятнадцать вѣковъ цѣлый дворецъ, въ лабиринтѣ улицъ, переулковъ, перекрестковъ, наполняющихъ его пространство, послѣ того что столько поколѣній постепенно разрушали, разламывали въ этихъ стѣнахъ? Только одинъ соборъ сохранился и то еще хорошенько рассмотрѣвъ, нельзя быть увѣрену что составляешь себѣ точную идею о томъ, что онъ былъ прежде? На одномъ изъ угловъ его жилище аптекаря, на другомъ башмачника, въ среднѣйшихъ пирожника.

О суета притязаній и надеждъ человѣческихъ! Диоклеціанъ употребилъ двѣнадцать лѣтъ на постройку этого зданія, заставилъ вытесать колонны и капители лучшимъ скульпторамъ своего времени; истощилъ, чтобъ возвысить эти длинныя фасады, каменоломню камня, не уступающаго въ прочности мрамору; и колонны эти служатъ нынче подпорой ничтожнымъ лавчонкамъ, а подъ сводомъ великолѣпнаго перистилля городскіе праздноты собираются читать *Далматскую газету*, выпивая чашку дряннаго кофе!

Въ концѣ своего царствованія онъ повелѣлъ новое преслѣдованіе противъ христіанъ, а послѣднее жилище его послужило убѣжищемъ для христіанъ. Подъ толстыми стѣнами его они укрылись, какъ во время грозы укрываются подъ плащомъ, и храмы, выстроенные языческимъ императоромъ для своихъ идоловъ, сдѣлались христіанскими храмами и даже могилы его не осталась подъ сводомъ, гдѣ онъ думалъ успокоить ее на вѣки.

Наполнивъ дворецъ, спалатское населеніе все болѣе и болѣе возрастающее, перешло за ограду, выстроило другой городъ и окружилось другимъ укрѣпленіемъ. Но ни новыи ни старыи городъ не представляютъ пріятной наружности: улицы узки, мрачны, окружены по большей части дрянными домами. Въ этомъ главномъ городѣ далматскаго департамента иностранецъ не найдетъ даже гостиницы, гдѣ могъ бы прилично помѣститься, а любитель книгъ ни одной хорошей книжной лавки. Однако здѣсь есть музей древностей, устроенный учеными археологами и Спалато произвелъ въ различныя эпохи замѣчательныхъ людей, нѣсколькихъ прелатовъ, двухъ папъ, ученыхъ, писателей и важнѣе всѣхъ ихъ, блаженнаго Іеронима.

Спалато вмѣстѣ двѣ гавани. Когда вѣзжаешь въ ту, куда пристаютъ суда въ тихую погоду, въ ту которая касается однихъ воротъ города, видишь передъ собою только груды сѣрыхъ стѣнъ; за ними горы того же цвѣта и кажется, что этотъ городъ, какъ большая часть далматскихъ городовъ, основанъ на бесплодной почвѣ; но между новыми циркумвалляціонными линіями и другою гаванью разстлается зеленое и плодоносное поле, наполненное виноградными лозами, оливами и другими фруктовыми деревьями. Возлѣ находится Салонэ, нѣкогда столица страны, нынѣ ничтожная деревушка, которой зданія исчезли вмѣстѣ съ жителями, потому что камни укрѣпленія послужили къ увеличенію Спалато, и колокольня церкви почти вся была выстроена изъ обломковъ древняго города.

Во второе мое посѣщеніе Спалато, вѣтеръ принудилъ насъ зайти во второй рейдъ, называющійся рейдомъ degli Paludi, и я пріятно провелъ утро въ монастырѣ Францисканцевъ, этого ордена, которому я обязанъ былъ въ Штиріи такимъ радушиемъ гостепрѣимствомъ. Настоятель, узнавъ, что путешественникъ желаетъ видѣть его религіозную обитель, самъ встрѣтивъ меня, протянулъ руку. Онъ водилъ меня изъ коридора въ коридоръ по этому обширному дому, который могъ бы вмѣстить многочисленную общину, и въ которомъ живутъ только три монаха, существующіе добровольными приношеніями вѣрныхъ. Потомъ онъ повелъ меня въ свою бібліотеку, которой выборъ показываетъ просвѣщенный вкусъ; потомъ въ ризницу, гдѣ старательно сохраняются двѣ книги рѣдкой красоты. Это два огромные служебника in-folio, написанные буква за буквою съ такой ясностью, которую не превзойдетъ ни одна типографія и украшенные почти на каждой страницѣ гирляндами, вѣнками, изумительными, по граціи сочиненія и по блеску красокъ. Эти двѣ рукописи, которыя можно поставить въ параллель съ самыми прелестными произведеніями среднихъ вѣковъ, были сдѣланы въ осьмнадцатомъ столѣтіи однимъ изъ членовъ общины. За нѣсколько дней до смерти онъ еще трудился надъ ними. Это благородный и чистый памятникъ, свидѣтельствующій объ его благочестіи и заставляющій удивляться его терпѣнію.

Изъ гавани Paludi, мы пріѣхали черезъ три часа на ос-

тровъ *Jesina*. Фароскіе Греки основали тутъ колонію и назвали ее Фарія. Позднѣе, языческій островъ сдѣлался убѣжищемъ множеству христіанъ, преслѣдуемыхъ постановленіями императоровъ и былъ названъ *Rhagia* заста. Потомъ онъ былъ взятъ парентинскими пиратами, потомъ управленъ вельможами и въ 1431 уступленъ однимъ изъ нихъ *Aliota Carcesta*, венеціанскому правительству. Во время продолжительныхъ войнъ царьцы Адриатики съ Турками, она собирала здѣсь эскадры, а когда войны окончились, *Jesina* осталась ей главнымъ мѣстомъ для кораблей, употребляемыхъ для охраненія адриатической торговли.

Островъ имѣетъ около четырнадцати миль въ длину и только двѣ въ ширину. Онъ производитъ винныя ягоды, славящіяся своимъ вкусомъ; розмариновое масло, употребляемое для приготовленія хорошаго мыла и вино очень знаменитое въ Далмаціи, называющееся *vinò di Spiaggia*. Кромѣ того производитъ оливковое масло, медъ, шафранъ и пр.

Главный городокъ его окруженъ въ глубинѣ бухты скалами. Отъ венеціанскаго правленія сохранилось многіе слѣды: палатный портикъ, построенный Санмикелемъ для одной изъ тѣхъ ложъ, гдѣ собирався совѣтъ судей оказывать правосудіе, и левъ святаго Марка, этотъ знаменитый левъ съ распущенными крыльями, съ остроконечной мордой, съ сжатыми когтями, котораго находимъ въ Зара, въ Себенико, вездѣ, гдѣ владычествовала Венеція.

Не смотря на важность своего положенія, *Jesina* въ послѣднемъ столѣтіи защищался только одной цитаделью, выстроенною Испанцами, когда они присоединилась къ Венеціанцамъ противъ Турокъ и сохранившей названіе *Sragano*.

Французы выстроили на одномъ изъ холмовъ, господствующихъ надъ городомъ, крѣпость Санъ-Николо. Австрія вслѣдствіе Аустерлицкой битвы, предоставила намъ Далмацію и мы были принуждены оснаживать это новое завоеваніе у Русскихъ и Англичанъ.

Удаляясь отъ этихъ береговъ, я подъѣзжаю къ острову *Sarzola*, который въ своемъ сжатомъ пространствѣ напоминаетъ мнѣ вмѣстѣ морскую промышленность Лусино и растительность Спалато.

На оконечности мыса, окруженнаго холмами, гдѣ зеленѣютъ лѣса сосенъ, кипарисовъ, мастиковыхъ деревьевъ, возвышается городокъ, сдѣлавшій себѣ славу своими морскими постройками. Онъ принужденъ выписывать изъ Истріи и Албаніи строевой лѣсъ, но его мастеровые такъ искусны, что ни одинъ архитекторъ, желающій имѣть хорошее судно, не пожалѣетъ заплатить имъ дороже чѣмъ другимъ. Здѣсь дѣлаются воѣ лондонскія шлюбки и строятся также суда большаго размѣра; я видѣлъ на ихъ веряхъ судно въ четыреста пятьдесятъ боченковъ. Новый городъ дѣятельный, разумный, городъ инженеровъ, плотниковъ, и парусниковъ мало-по-малу образовался вокругъ рейда у подошвы первобытнаго города, сжатаго въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ ребенокъ въ пеленкахъ. Какъ большая часть далматскихъ городовъ, онъ долженъ былъ оберегать себя отъ набѣговъ, въ тѣ воинственныя времена, когда греческіе императоры, Венгерцы, Генуэзцы, Турки, Венеціанцы, оспаривали обладаніе Адриатикой, когда пираты разгуливали по ней съ своимъ жестокимъ флагомъ, а жадные вельможи присоединяли къ такому множеству распрей новый элементъ беспорядковъ ради своихъ честолюбивыхъ притязаній.

Съ десятаго столѣтія Венеціанцы овладѣли островомъ Сугзола, котораго колонизацію нѣкоторые историки возводятъ до Финикійянъ; но Венеція не всегда могла обезпечить дѣйствительное покровительство странамъ, которыя съ гордостью подчиняла своей власти. Въ 1298, подъ самыми стѣнами Сугзола, флотъ ея былъ разбитъ Генуэзцами, а провекторъ Андрей Дандоло взятъ въ плѣнъ. Генуэзцы заковали его въ цѣпи и съ радостью везли къ себѣ, чтобъ выставить на зрѣлище своимъ согражданамъ; гордый Венеціанецъ лишился ихъ этой радости, бросился на мачту и разбилъ себѣ голову.

Этому сраженію мы обязаны любопытными разсказами Марко Поло. Онъ былъ тутъ, отважный путешественникъ и какъ Дандоло сдѣланъ плѣнникомъ. Чтобъ забыть скуку плѣна онъ началъ писать разсказъ о своихъ далекихъ странствованіяхъ и этимъ сочиненіемъ такъ прельстилъ Генуэзцевъ, что они возвратили ему свободу.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія Сугзола, чуть было не сдѣлался добычею Турокъ; мужественная рѣшимость женщинъ сна-

сла его. При приближеніи алжирскаго корсара Улусъ-Али, хотѣвшаго завладѣть Антивари, Видна, военачальникъ, убѣждалъ съ солдатами в часть жителей. Корсары, не видя издали никакого признака защиты, приготовлялись сойти на землю, какъ вдругъ явились на укрѣпленіяхъ женщины, съ касками на головахъ, съ саблями въ рукахъ. Улусъ-Али подумалъ, что тутъ многочисленный гарнизонъ и удалился.

Теперь женщины этой приморской провинціи и сосѣднихъ береговъ были бы еще въ состояніи защитить свои жилища въ день опасности. Какъ большая часть мужчинъ почти постоянно удалены отъ нихъ по своему ремеслу, онѣ сами обрабатываютъ землю, исполняютъ самыя суровыя работы и этой трудолюбивой жизнью приобрѣтаютъ удивительную силу.

Женщины полуострова Oreliccio замѣчательны между всѣми своей энергической красотой, они часто приѣзжаютъ въ Курцолу, сами правятъ лодками, сами ставятъ паруса какъ записные лодочники. Не одна изъ нихъ могла бы сказать, повторяя строфу стариннаго испанскаго романа:

Irme quiero, madre,
 A aquella galera
 Con el marinero
 A ser marinera.

Нѣтъ ни одного иностранца, который, примѣтивъ ихъ, не остановился бы въ изумленіи отъ ихъ выразительной фациономіи и странности костюма. Такъ какъ рѣдко, чтобъ онѣ не облачивали какаго нибудь любезнаго моряка, какаго нибудь родственника, онѣ одѣты въ черное платье и въ то же время нѣсутъ на головѣ самый смѣшной, самый странный, самый карнавальскій уборъ, какой только можно вообразить: кучу букетовъ, лентъ, блестокъ, стеклышекъ, иностранныхъ монетъ, все что щедрый отецъ или угодливый женихъ привезли имъ изъ путешествія.

Странное соединеніе чернаго платья и такого забавнаго наряда, безпрестанной мысли о смерти и веселой надежды возвращенія! Но сколько женщинъ въ свѣтъ также носятъ цвѣты на головѣ и трауръ въ сердцахъ!

XI.

РАГУЗА.

Съ острова до острова, съ города до города, Венеція распро-
странила наконецъ свое владычество по всему далматскому бе-
регу. Отъ Курцолы до Каттаро, въ ея завоеваніяхъ остался
однако пропускъ, въ ея перспективѣ остановка, какъ мельница
въ Санъ-Суси въ паркѣ короля прусскаго. Среди ея владѣній
осталась земляца, городокъ, на которыя, не смотря на свои у-
силія, она не могла наложить свои львиные когти. Это Рагуза,
въ своихъ узкихъ границахъ сдѣлавшая себѣ нѣкогда важное
имя, а нынѣ печально упавшая съ своей прежней славы.

Если, какъ сказалъ одинъ писатель, эти утесистые берега,
эти далматскіе scogli, населенные особеннымъ народомъ, между
большими государствами походятъ на морскую Швейцарію,
Рагуза является мнѣ въ этой Швейцаріи какъ другая Женева,
важная, благоразумная, честная, ученая.

Провидѣніе, въ своихъ таинственныхъ намѣреніяхъ попере-
менно возвышающее и унижающее народы, бросило этотъ на-
родъ съ высоты его сильной независимости, въ самое унижен-
ное состояніе. Но если есть народы, которые своими заблуж-
деніями сами готовятъ свое раззореніе и оправдываютъ
бѣдствія, Рагузская республика составляетъ исключеніе. Она
не заслужила свое паденіе ни какимъ безуміемъ, она была жер-
твою двухъ катастрофъ, которыхъ ея прозорливость не могла
предвидѣть, отъ которыхъ ея благоразуміе не могло ее пре-
дохранить.

Ни одно государство не представляетъ въ продолженіе двѣ-
надцати вѣковъ исторію правильнѣе Рагузы, болѣе чистую отъ
всякаго безнорядка и возвышенную болѣе благородными дѣй-
ствіями. Попытаюсь выказать главные ея фазы и начинаю съ
начала.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мыса, гдѣ возвышаются укрѣ-
пленія Рагузы, греческая колонія основала въ 689 до Р. Х.
городъ, который назвала Эпидауръ, и который былъ какъ Пело-
понесъ посвященъ Эскулапу. Въ немъ былъ храмъ, приобрѣт-
шій нѣкоторую извѣстность и гавань довольно часто посѣщае-
мая. Римляне безъ труда овладѣли этимъ городомъ въ то вре-

мя, когда овладѣвали столькими областями. Во время войны Цезаря и Помпея, Эпидавуръ взялъ сторону Цезаря, былъ осажденъ Октавіемъ и освобожденъ Ватніусомъ. Позже онъ имѣлъ смѣлость возмутиться противъ римской власти и былъ цезаремъ проконсуломъ Полліо, получившимъ почести триумфа за побѣды въ Далмаціи и болѣе продолжительную почесть какъ упомянутый въ стихахъ Горація:

Pollio

Cui laurus aeternos honores

Dalmatiae peperit triumphos (Кн. 2, 6, 1.).

Съ этого времени Рагуза исчезаетъ какъ незамѣтный атомъ въ вихрѣ римской исторіи. Она была взята, разграблена варварами и нельзя сказать въ точности въ которомъ году. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей она была уничтожена Готами въ 565, по мнѣнію другихъ гораздо позже Славянами.

Со времени этого опустошенія начинается существованіе Рагузы. Жители Эпидавура, видя свои поля опустошенными, дома сажеными, убѣжали отъ жестокихъ ордъ, отъ которыхъ не могли ждать никакого состраданія и сдѣлали себѣ другое жилище. Послѣ испытаннаго ими несчастія и ужаса главное для нихъ состояло не въ томъ, чтобы сыскать плодородную почву, удобный рейдъ, а скорѣе помѣщеніе представлявшее средство защиты противъ новаго вторженія. Такимъ образомъ измѣняется положеніе Рагузы, помѣщенной какъ палисадъ между цѣпью скалъ, и ея маленькая гавань, между тѣмъ какъ на полмили далѣе жители могли занять положеніе прелестное между широкой бухтой Грабока и зеленой долиной Омбла.

Въ седьмомъ вѣкѣ, городъ, основанный эпидавурской колоніей увеличился черезъ опустошеніе Салонэ новой шайкой эмигрантовъ. И такъ Рагуза была основана какъ Венеція бѣглецами и какъ въ Венеціи, въ ней образовалась каста патрициевъ, олигархическое правленіе. Но тутъ останавливается сравненіе между двумя соперничающими городами. Сколько Венеція выказалась честолюбивою въ своихъ стремленіяхъ, жадною къ расчисткамъ, обладаемою желаніемъ распространить во всѣ стороны свои завоеванія, высокоумною и жестокою къ подвластнымъ странамъ, пронырливою и лукавою къ тѣмъ чьего могу-

щества страшилась, столько Рагуза становилась скромною въ своихъ притязаніяхъ, преданною благороднымъ чувствамъ справедливости и великодушія. Сила ея произошла отъ честности и возвышеніе отъ добродѣтели.

Слѣдуя отъ пункта до пункта за лѣтописями этого города, можно сказать, что бѣдные изгнанники, выстроившіе ее, прижили къ извѣсткѣ стѣнъ слезы своей скорби и влили въ душу дѣтей своихъ неутолимое чувство симпатіи ко всѣмъ злополучіямъ. Сколько изгнанниковъ приходило сюда и воѣ были приняты съ благосклоннымъ участіемъ и даже въ случаѣ нужды защищаемы съ энергической рѣшимостью!

Сначала Маргерита, вдова Стефана, короля далматскаго. Двоюродный братъ ея Богосларъ, вступившій на тронъ, повелительно требовалъ, чтобы ее выдала; Рагузцы отказали.

Потомъ вдова этого самаго Богослара, убѣжавшая съ сыномъ отъ народнаго мятежа, довѣрчиво пришла просить убѣжища у этого города, съ которымъ такъ жестоко обошелся ея мужъ.

Потомъ Радосларъ, король Сербіи, лишенный короны своимъ племянникомъ Бодино.

Цѣлый легіонъ боснійскихъ католиковъ, которые въ ту эпоху, когда нагометанство бросило роковой раздоръ въ землѣ ихъ, удалились въ маленькую республику, гдѣ могли мирно хранить свою вѣру.

Каждая междоусобная война, въ областяхъ сосѣднихъ съ Рагузою, давала ей случай утѣшать какое-нибудь несчастіе. Крепостные походы доставили кое-что другое.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ является здѣсь пылкій государь бретонской милиціи, соперникъ Филиппа-Августа, другъ вѣжнаго Блонделя, герой столькихъ поэтическихъ легендъ, Ричардъ Львиное-сердце. Застигнутый бурей при выѣздѣ изъ Корфу, онъ далъ обѣтъ выстроить церковь Пресвятой Дѣвѣ на первой землѣ, къ которой пристанетъ и присталъ къ рагузскимъ владѣніямъ, къ острову Ланрома. Тутъ находилась община Бенедиктенцевъ, принявшихъ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ доблестнаго воина. Ричардъ вспомнивъ о своемъ обѣтѣ, далъ имъ сто тысячъ марковъ на построеніе церкви. Щедрый король не думалъ, что нѣкогда подданные его принуждены будутъ сдѣлать складчину, чтобы освободить его изъ темницы,

куда врагъ Леопольдъ-Австрійскій постыдно заключилъ его. Рагузское начальство, узнавъ объ его прїѣздѣ явилось къ нему, приглашало посѣтить городъ и сдѣлало ему пышный прїемъ. По ихъ просьбѣ онъ намѣнилъ свои благочестивыя намѣренія, отдалъ сто тысячъ марковъ на построеніе собора въ изъ гостепрїимной столицѣ, но съ условіемъ, что аббать и монахи лакромскіе будутъ приходить каждый годъ въ день Срѣтенія Господня служить тамъ обѣдню *.

Послѣ пылкаго Ричарда явились другіе защитники христіанства, побѣжденные храбрецы Никополіса. Въ два столѣтія сколько успѣху сдѣлали сабельные раскольники, ученики Магомета! вмѣсто того, чтобъ защищать границы Аравіи противъ вторженія Христіанъ, они сами вступали въ христіанскія области, съ воинственнымъ фанатизмомъ Корана, съ мечемъ Азраила, ангела смерти. Они доходили до Константинополя, направлялись къ Германіи въ 1396, на берегахъ Дунай сто тысячъ человекъ возстали противъ волнъ магометанскихъ какъ неерландская плотина противъ морскихъ волнъ. Въ этихъ ста тысячахъ человекъ былъ избранный цвѣтъ дворянства французскаго и германскаго, графы: Неверскій, Эйскій (d'Eu), де Ла Мартской, адмиралъ Вѣвскій, маршалъ de Voussault, подъ начальствомъ Сигизмунда, короля венгерскаго, котораго владѣнія должны были наводниться опустошительнымъ потокомъ. Христіанская армія была побѣждена въ роковой никопольской долигѣ, побѣждена черезъ свою пылкость и горячность. Сигизмундъ нашелъ въ стѣнахъ Рагузы утѣшеніе своимъ горестягъ и благородные французскіе рыцари, освобожденные изъ рукъ Баязета, богатымъ выкупомъ ** нашли также въ этомъ городѣ дружескій прїемъ и сладостный покой.

* Простонародныя преданія опредѣляютъ въ Аквила всадку Ричарда. Однако это вѣрно, что онъ сначала останоился въ Рагузѣ. Соборъ выстроенный его иердотами, былъ разрушенъ землетрясеніемъ въ 1667 г.

* Тѣмъ, кто сколько-нибудь изучалъ исторію возвышенія и упадка исудманской имперіи, нѣтъ не нужно напоминать, что пораженіе, претерпѣнное христіанами подъ стѣнами Никополіса, было трижды отмщено: Влахами въ 1598; потомъ Русскими, въ 1811, уничтожившими подъ этими стѣнами турецкій флотъ, и другой арміей, которая въ 1839, взявъ приступомъ этотъ городъ съ танкии ромовыиъ военноплашениемъ.

Завоеваніи Турокъ на берегахъ Дуная привели еще въ Рагузу Георга, короля Сербіи, потомъ Анну, вдову Лазаря, послѣдняго государя этой области. Взятіе Константинополя бросило въ Рагузу многихъ потомковъ восточныхъ императорскихъ фамилій: Палеологовъ, Комненовъ, Ласкари.

Рагуза была награждена за нѣкоторыя изъ этихъ гостеприимныхъ дѣйствій щедрыми подарками. Далматскій король Стефанъ подарилъ ей землю около двѣнадцати миль длины. Сильвестръ другой далматскій государь отдалъ острова Каламатта, Меццо; Радосларъ увеличилъ владѣнія лакромскихъ монаховъ. Ричардъ, какъ мы сказали, содѣйствовалъ значительной суммой построению собора.

Но другіе бѣглецы подвергли великодушную Рагузу пылкимъ чувствамъ ненависти, большимъ опасностямъ, иногда увлекали въ опустошительныя войны.

Когда Рагуза отказала выдать Богослару вдову друга его Стефана, свирѣпый Далматъ собралъ войско въ десять тысячъ человекъ, осадилъ благородный городъ и не могши войти въ него, опустошилъ деревни и предместья.

Когда Рагуза приняла въ свои стѣны Радослара, короля Сербіи, племянникъ его Бодино, лишившій дядю престола самой гнусной измѣной, требовалъ, чтобы сенатъ рагузскій выдалъ ему Радослара. «Мы поставили себѣ закономъ, благородно отвѣчалъ сенатъ, не только не отказывать въ убѣжищѣ тому, кто приходитъ къ намъ въ несчастіи, но и покровительствовать ему противъ враговъ.»

Бодино въ бѣшенствѣ, поклялся уничтожить городъ и пошелъ на него съ грозной арміей. Въ продолженіи семи лѣтъ онъ упорно осаждалъ его и можетъ быть Рагуза наконецъ пала бы, если бы въ принадлежѣ бѣшенства, Бодино не приказалъ подлымъ образомъ зарѣзать одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Этотъ звѣрскій поступокъ возмутилъ его солдатъ. Онъ былъ принужденъ воротиться въ свое государство. Но онъ не хотѣлъ воротиться. Онъ выстроилъ возлѣ рагузенныхъ укрѣпленій цитадель, и уходя, оставилъ тамъ сильный гарнизонъ. Нѣсколько лѣтъ спустя смерть освободила Рагузцевъ отъ этого страшнаго врага. Въ распахъ завладѣли они его цитаделью, срыли и на развалинахъ выстроили церковь.

Великодушный городокъ! Въ этой войнѣ, почти столь же продолжительной и болѣе благородной, надо признаться, чѣмъ троянская, у Рагузы были свои доблестные Гекторы и свои горестныя Андромахи; къ несчастью у ней не было своего Гомера. Лѣтописцы просто отмѣтили въ неизвѣстныхъ лѣтописяхъ главныя происшествія этой осады, которой опасностямъ Рагузцы покорились съ такой благородной рѣшимостью и которой всѣ страданья переносили съ непоколебимой добродѣтелью. Одинъ изъ эпизодовъ этой семилѣтней войны заслуживаетъ быть приведеннымъ какъ примѣръ мужества, присоединенный къ такому множеству другихъ, которыми гордится христіанское духовенство, какъ свидѣтельство вліянія, какое имѣлъ въ то время голосъ священника на самыя дикія натуры. Между тѣмъ какъ Бодино, пылая яростью отъ сопротивленія Рагузцевъ, твердилъ только о томъ, какъ бы уничтожить ихъ, архіепископъ рагузскій, въ сопровожденіи лакромскаго настоятеля, отправился къ нему въ лагерь и тамъ, среди его воиновъ, громко упрекалъ въ насилие и въ преступленіи, въ нечестивыхъ желаніяхъ, въ смерти родныхъ и уговаривалъ его поникнуть главою передъ Богомъ и покаяться. Бодино былъ такъ растроганъ этой рѣчью, что велѣлъ воздвигнуть возлѣ лакромскаго монастыря монументъ въ память членовъ своего семейства, погибшихъ жертвами его кровожадныхъ занятій и отдалъ монахамъ этого острова долину Gionchetto.

Въ этомъ же вѣкѣ, Томасъ Бекетъ также противился честолюбивымъ намѣреніямъ Генриха-Второго и ревностный прелатъ заплатилъ жизнью за свою смѣлость. Свирѣпый король Сербіи былъ не такъ жестокъ какъ Плантагенетъ.

Чтобъ защитить боснійскихъ католиковъ, Рагузцы также должны были взяться за оружіе противъ могущественнаго челоуѣка, противъ Бариха (Barić), который требовалъ отъ нихъ выдачи своихъ бѣглыхъ подданныхъ. Барихъ пошелъ противъ благородныхъ защитниковъ и опустошилъ ихъ землю. На слѣдующій годъ онъ воротился съ болѣе значительными силами, но былъ пораженъ и принужденъ самъ просить мира. Чтобъ получить его, онъ обязался вознаградить Рагузу за убытки, претерпѣнные ею въ этихъ двухъ кампаніяхъ и присылать ежегодно въ знакъ дружбы двѣ собаки и двѣ лошади.

Упомянемъ еще между опасностями, которымъ подвергался такъ мужественно этотъ великодушный городъ, чтобы помочь несчастнымъ, той опасности, которой подвергался онъ отворивъ ворота Георгу Бранковичу, королю Сербіи, бѣжавшему отъ ордъ Амурата, завладѣвшихъ его государствомъ. Убѣжая, Георгъ постарался собрать свои сокровища и унести ихъ съ собою. Амуратъ велѣлъ сказать начальству, что если оно не выдастъ бѣглеца онъ разрушитъ городъ до основанія. На этотъ разъ положеніе было важное: дѣло шло уже не о сопротивленіи боснійскому государю, но побѣдоносному войску, подвигавшемуся какъ ураганъ къ Адриатическому морю. Сверхъ того, Рагуза около столѣтія была связана съ Турками договоромъ, обезпечивавшимъ ей покровительство ихъ. Она не могла раздражить ихъ не подвергшись смертельнымъ бѣдамъ, однако не хотѣла лишиться надеждъ того, кто довѣрчиво пришелъ просить у ней убѣжища. Въ этомъ горестномъ обстоятельствѣ начальство обратилось къ рѣшенію самого Георга. Представивъ ему жестокий выборъ, въ которомъ находилась республика, съ одной стороны боязнь лишиться обязанностей гостепріимства, съ другой опасеніе оскорбить страшнаго врага, оно внушало ему самому мысль удалиться, но не отпустило его на удачу, какъ будто бы онъ украдкой вырвался отъ нихъ, а дало конвой и перевезло на своей галерѣ до Скардоны, откуда онъ добрался до Буды; узнавъ, что онъ въ безопасности, Рагузцы написали на одной сторонѣ своихъ стѣнъ: Въ эти ворота вошелъ Георгъ со всѣми своими сокровищами, а на другой: въ эти ворота онъ вышелъ со всѣми своими сокровищами; потомъ послали Амурату подарки, чтобы усмирить гнѣвъ его, а самъ султанъ отдалъ справедливость этому благородному поведенію.

Въ гостепріимной добродѣтели и въ бѣдствіяхъ, которымъ добровольно подвергались, чтобы привести ее въ дѣйствіе, Рагузцы поддерживались не только чувствомъ человѣколюбія или состраданія, но благочестивой мыслью, благоговѣйной вѣрой въ правосудіе Бога, испытывающаго сердца и силы и подкрѣпляющаго угнетеннаго. Между всѣми Далматами, Рагузцы отличаются искренностью и постоянствомъ религіозныхъ идей. Они ставили на укрѣпленія какъ щитъ изображеніе святаго Власія

своего покровителя; оно возвышалось у воротъ ихъ города какъ знакъ спасенія для несчастныхъ, оно возвышалось на берегу ихъ рейда какъ знакъ благословенія для мореплавателей. Рагузскіе моряки поклонялись ему съ христіанской надеждой въ часъ отъѣзда, съ сладостною радостью сердца по возвращеніи, какъ канадскіе лодочники, эти добрые, честные лодочники, о которыхъ я не могу вспомнить безъ пріятнаго волненія еще поклоняются на рѣкѣ св. Лаврентія въ часовнѣ святой Анны.

Тоже самое изображеніе святаго Власія, Рагузцы помѣщали между двумя башнями на своемъ флагѣ, на печати и въ гербѣ республики, какъ изображеніе небеснаго могущества между двумя символами матеріальной силы. Они основывали монастыри и благотворительныя заведенія, строили церкви, и чтобы обогатить ихъ, собирали святыя мощи во всѣхъ странахъ, къ которымъ доступъ открывали нитъ торговыя сношенія. «Они отыскивали ихъ, не безъ опасности, говоритъ историкъ ихъ Аппендини, то на свой собственный счетъ, по естественному побужденію набожности и вѣры, то на счетъ государства.»

Бѣдственныя приключенія отняли у Рагузы земныя богатства, но она сохранила свое святое сокровище.

Всѣ острова, всѣ долины, покоренныя ея власти были обращены въ христіанство.

Теперь издають въ Рагузѣ біографіи знаменитыхъ людей республики. Не много европейскихъ городовъ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ замѣчательныхъ, которые могли бы найти въ исторіи своей литературы элементы такого обширнаго сборника. Тутъ есть историки, поэты, ученые и три человѣка, занимающіе въ этой длинной галлерей самое высокое мѣсто, получили образованіе въ духовномъ училищѣ. Это Гондола, славянскій Аріостъ, авторъ Османиды, поэмы въ двадцати пѣсняхъ, въ которой онъ описываетъ войны Поляковъ съ Турками; Гетильда, которому приписываютъ честь указанія прежде Декарта примѣненія алгебры къ геометріи. Онъ написалъ по-латински нѣсколько сочиненій, очень уважаемыхъ математиками, и по скромности принялъ девизомъ: *Malim scire quam nosci, discere quam docere.*

Іосифъ Босковичъ, очень уважаемый въ Англии, гдѣ былъ

избранъ въ члены королевскаго общества наукъ, весьма извѣстный во Франціи. Онъ оставилъ Францію въ слѣдствіе спора съ Буге и умеръ въ Миланѣ профессоромъ астрономіи.

Въ слѣдствіе двойнаго элемента народонаселенія, безирестан-ныхъ сношеній съ Италіей и съ славянскими областями, Рагуза занималась вмѣстѣ и итальянской и славянской литературой и въ то время какъ латинскій языкъ былъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, у ней также было множество латинскихъ писателей. Она хвалится, и по справедливости, что сохранила итальянскій языкъ во всей чистотѣ, а Славяне обязаны ей не однимъ важнымъ твореніемъ.

Здѣсь ученые не поддерживались однако въ трудахъ своихъ ни могущественными покровительствами, ни мечтами о значимости, ни перспективой выгодной должности или почести академической. Въ уединеніи своей не большой области, въ ограниченномъ кругу, въ которомъ заключалась жизнь ихъ, они научались, писали по естественной склонности ума, изъ любви къ литературѣ самой чистой, самой безкорыстной. Только не многіе пользовались славою за границей; большая часть смиренно оставалась въ рагузскомъ захолустѣ.

Таже скромность выказывается и въ общественномъ состояніи Рагузы. Сжатая въ узкихъ границахъ, на почвѣ мало удобной къ земледѣлію, она обогащалась торговлей, торговлей терпѣливой, разумной, честной, которая мало-по-малу развилась и распространялась съ одной и съ другой стороны даже до отдаленныхъ странъ, никогда не доводя рагузское правительство до высокоумія венеціанскаго сената, не вводя его въ заблужденіе оболъщеніями честолюбивыхъ мыслей о завоеваніи.

Въ девятомъ вѣкѣ, въ 868, Рагузцы имѣли уже корабли для перевозки славянскаго войска, отправлявшагося въ Италію сражаться съ Сарацинами.

Въ 980, на одномъ изъ судовъ ихъ ваятомъ въ плѣнъ Венеціанцами, находился грузъ въ двадцать пять тысячъ дукатовъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, они плавали близъ береговъ Средиземнаго моря, а въ пятнадцатомъ торговля ихъ приняла большіе размѣры по разрѣшеніи паны вести торгъ съ невѣрными.

Между тѣмъ какъ Турки устремлялись на берега Дуная и Адриатическаго моря, искоряли Албанію, Сербію, Герцегови-

ну, Боснію и вводили даже свои буйныя войска въ столицу Венгріи, Рагуза избавилась отъ этого вторженія, Рагуза сумѣла остаться въ сторонѣ въ ужасномъ развитіи магометанскаго могущества, поддержать свою независимость, конечно не безъ важныхъ и частыхъ опасеній. Съ 1368 она заключила договоръ съ эмиромъ Орканомъ, праѣдомъ Баязета. Возобновляя этотъ договоръ въ различныя эпохи, щадя гордость Турокъ, она находила въ ихъ подпорѣ защиту противъ честолюбія Венеціанъ, получила свободу вести торгъ съ сосѣдственными мусульманскими провинціями. Она завела конторы и факторіи въ Бѣлградѣ, въ Русукѣ, въ Силистріи, въ Адрианополѣ и во многихъ другихъ городахъ. Она сдѣлалась наконецъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ торговаго соединенія между Востокомъ и Западомъ. Но исторія ея подробно говоритъ, какими денежными пожертвованіями, какимъ униженіемъ платила она за эти выгоды. Въ договорѣ съ Орканомъ она обязалась уплачивать мусульманскому Марокійцу ежегодную дань въ пятьсотъ секиновъ. Тогда государь этотъ носилъ только титулъ эмира. Преемники его стали называться султанами. Съ увеличеніемъ достоинства, увеличились и притязанія, и мало-по-малу сумма, въ которую цѣнились привилегіи Рагузы дошла до значительной цифры.

Республика обязана была посылать ежегодно или по-крайней-мѣрѣ, каждые два года, съ посольствомъ въ Константинополь дань султану и подарки его министрамъ и любимцамъ. Посланники эти могли не иначе являться ко двору Порты какъ въ самомъ скромномъ видѣ. Свита ихъ была не многочисленна, пышности никакой, и изъ благоразумія, чтобы не возбудить жадности визирей, они говорили о бѣдности своей земли. Сообразно этому принимались они султаномъ, обходившимся съ гордымъ пренебреженіемъ съ представителями самыхъ могущественныхъ христіанскихъ государей. Они должны были подвергаться не только самому оскорбительному презрѣнію, но иногда обхожденію самому жестокому.

Между этими посланниками, которые должны были подвергаться тягостному и опасному переѣзду черезъ мусульманскія владѣнія, чтобы достигнуть города еще опаснѣйшаго, Рагуза могла отмѣтить въ своихъ лѣтописяхъ не одну жертву неустра-

шимаго патриотизма, не одного Регула. Одинъ изъ нихъ, по имени Бона, рѣшился скорѣе умереть въ темницѣ, чѣмъ подписать актъ, не выгодный для своей милой отчизны. Сенатъ почтилъ его самоотверженіе надписью на мраморной доскѣ, помѣщенной во дворцѣ ректора, а рагузскій сенатъ былъ не расщепителемъ на эти знаки отличія. Другой изъ этихъ пословъ ищлъ счастье найти въ этихъ опасныхъ порученіяхъ блестящія средства загладить мрачныя слѣды горестной жизни.

Онъ принадлежалъ къ семейству патриціевъ и назывался Марвио Кабога. Въ молодости онъ предавался пылкости своего характера и много разъ шумной жизнью оскорблялъ людей серьезныхъ. Однажды въ присутствіи сената онъ былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ родственниковъ и вдругъ вытащивъ шпагу поразилъ его въ грудь. Его тотчасъ арестовали и осудили кончить жизнь въ тюрьмѣ. Нѣсколько лѣтъ находился онъ въ заключеніи, когда землетрясеніе въ 1667 отворило ему дверь темницы. Теперь Кабога могъ легко убѣжать изъ города, гдѣ ему предстояла безконечная неволя. Великодушіе удержало его между согражданами. Онъ побѣждаетъ на помощь къ старикамъ, къ женщинамъ, которыя шатались на дрожащей землѣ. Потомъ схвативъ оружіе, началъ и разсѣять Морлаховъ, которые въ своей страшной алчности воспользовались бѣдствіемъ несчастнаго народа и грабили безнаказанно.

Когда возстановили, порядокъ сколько это было возможно послѣ такой катастрофы, Кабога съ чувствомъ услуги оказанной родному городу, явился въ совѣтъ дворянъ и сталъ просить возстановленія своей чести. Одинъ хотѣлъ его отвергнуть, но всѣ другіе единогласно объявили, что онъ самоотверженіемъ достаточно загладилъ свое преступленіе и пригласили занять между ними прежнее мѣсто. Раскаяніе просвѣтило его душу, несчастье привело въ зрѣлость разсудокъ. Съ живымъ разумомъ, направленнымъ священнымъ чтеніемъ въ темницѣ, съ мужественной энергіей, умѣряемой размышленіемъ, онъ сдѣлался однимъ изъ людей самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ полезныхъ рагузскому правительству и приобрѣлъ всеобщее уваженіе.

Въ 1677, Порта приготовлялась завладѣть Австріей и въ то же время помышляла присвокупить Рагузу къ своимъ владѣ-

нимъ. Кабога былъ посланъ въ Константинополь, чтобъ устранить переговорами угрожающую опасность. Когда визирь уговаривалъ его рѣшить съ ними присоединеніе Рагузы къ мусульманскимъ областямъ, онъ гордо отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ сюда служить, а не измѣнять моему отечеству.»

Онъ былъ брошенъ въ темницу. Не смотря на строгій надзоръ, онъ нашелъ средство послать черезъ одного жидка письмо въ сенатъ. Въ этомъ письмѣ, достойномъ древняго Римлянина, онъ уговаривалъ согражданъ неустрашимо защищать, не смотря на всѣ угрозы, свою независимость. Для чести отечества онъ рѣшился, еслибъ это было нужно, остаться на всегда въ цѣпяхъ и только просилъ въ случаѣ своей смерти, чтобы сенатъ позаботился о его дѣтяхъ и далъ имъ религиозное воспитаніе. Пока онъ томился въ своей башнѣ, надменный Кара Мустафа приближался съ тремястами тысячъ къ стѣнамъ Вѣны, а изъ Польши являлся герой христіанства. Безсмертная побѣда Собѣскаго, спасшая Австрію, спасла вмѣстѣ и Рагузу. Кара Мустафа былъ обезглавленъ и Кабога освобожденъ. Когда онъ воротился въ городъ, для котораго страдалъ такъ благородно, всѣ жители съ восторгомъ толпились на дорогѣ, колокола звонили, а ректоръ и сенатъ, въ церемоніальной одеждѣ вышли изъ воротъ къ нему на встрѣчу.

Не смотря на договоры, на денежныя пожертвованія, на челоуколюбивыя дѣйствія, Рагуза, какъ видите, не могла быть спокойна съ сухопутной стороны. Она также должна была вѣчно быть на сторожѣ противъ честолюбія Венеціанцевъ, съ девятаго вѣка надо было ей защищаться противъ ихъ намѣреній завладѣть ею. Флотъ, вышедшій изъ Лидо на Востокъ, приблизился къ Рагузѣ съ самыми миролюбивыми доказательствами и раздѣлился на двѣ эскадры, одна бросила якорь въ заливѣ Грабока, другая передъ островомъ Лакрома. Адмиралъ сдѣлалъ визитъ городскому начальству и сказалъ, что какъ только запасется водою и провіантомъ, то станетъ продолжать свой путь. Эта мнимая экспедиція въ восточныхъ областяхъ, эта случайная остановка близъ Рагузы, были довольно искусно придуманы, чтобы не возбудить ни какой недобѣрчивости. Но одинъ священникъ пришелъ объявить членамъ совета, что ночью святой Власій явился ему во снѣ и сказалъ,

что Венеціанцы скрывали враждебныя намѣренія. Набожные со-
дѣтники смотрѣли на откровеніе какъ на милость providѣ-
нія, вооружили народъ и хорошо сдѣлали. На другой день
загрозская эскадра подошла къ городу и войска высадились
на берегъ. При видѣ солдатъ, выстроившихся на укрѣпле-
ніяхъ вѣроломный адмиралъ угадалъ, что попытка не удалась
и разсудилъ заблаго удалиться.

Изъ признательности къ святому Власію, котораго чудесное
явленіе спаслъ ихъ отъ такой большой опасности, Рагузцы
избрали его покровителемъ, помѣстили его изображение на ме-
дальонѣ и на флагѣ.

Въ 1172 далматскіе города отдались подъ покровительство
Византійской имперіи; Венеція, недопуская, чтобы на Адри-
атикѣ было другое покровительство кромѣ ея, вооружила флотъ
въ двадцать кораблей и въ сто галеръ, чтобы возвратитъ къ дол-
гу невѣрные города.

Покоривъ этими силами города, пытавшіеся освободиться отъ
ея владычества, Венеціи трудно было оставить среди далмат-
скаго берега городъ Рагузу начавшій радоваться своей незави-
симости; венеціанскія суда осадили ее. Но все ихъ усилія про-
падали отъ прочности ея укрѣпленій и мужества гарнизона.

Наконецъ въ началѣ тринадцатаго вѣка по одному неожидан-
ному обстоятельству, къ несказанной радости Венеціанцевъ Ра-
гузцы сами отдались подъ власть ея и нѣкоторымъ образомъ
протянули ей руки, чтобы она связала ихъ своимъ гордіевымъ
узломъ.

Вотъ что произошло:

Начальникъ рагузскаго правительства, который по нѣкото-
рому предопредѣленію назывался Іудю, отказался сложить
должность черезъ годъ, какъ это предписывала конституція.
Онъ постарался за ранѣе приобрести вѣроломными щедрыми
милостями народа и также подкупилъ большое число солдатъ.
Поддерживаемый своими помощниками, онъ запретилъ собра-
ніе большаго совѣта и присовокупилъ себѣ диктаторскую
власть. Не смотря на внушаемый имъ ужасъ, фамилія Бодали
старалась однако бороться съ нимъ, она тотчасъ была изгнана,
и чтобъ набѣгнуть неумолимаго гнѣва, скрылась въ Боснію.
Ужасъ ея испугала тѣхъ, кто раздѣлялъ ея чувства. Все умолкло

и Даміано Іуда владычествовалъ безпренятственно два года, когда одинъ изъ тѣхъ, кто по своему положенію кажется долженъ-бы особенно быть ему преданъ, одинъ изъ его зятьевъ, Петръ Бенесса, приведенный въ негодованіе его тиранствомъ, собралъ тайно нѣкоторое число дворянъ и предположилъ просить у чужестраннаго могущества средство положить конецъ постыдному рабству Далмаціи. Въ этомъ важномъ и трудномъ намѣреніи, Венеція по сосѣдству и по силѣ представлялась первою въ мысли заговорщиковъ и результатомъ совѣта было просить венеціанскій сенатъ освободить Рагузу отъ самозванца и заставить его въ то же время поклясться не посягать на свободу республики. Напрасно два патриція, присутствовавшіе при этомъ таинственномъ совѣтѣ, пытались представить опасность предать такимъ образомъ отечество свое честолюбивой политикѣ Венеціанъ. Ихъ не послушали и рѣшили, что Бенесса поѣдетъ какъ можно скорѣе подъ благовиднымъ предлогомъ изъявить дожу желаніе рагузскаго дворянства.

Венеція, разумѣется, съ радостью приняла посланника, порученіе котораго открывало ей неожиданную перспективу. Но какъ благоразумный городъ, гдѣ Шекспиръ помѣстилъ своего жиду Шилока, любилъ брать залогъ вездѣ, гдѣ оказывалъ услугу; онъ потребовалъ въ награду своего вмѣшательства въ просьбу Рагузцевъ, чтобы вмѣсто гнуснаго Даміано она имѣла право сама выбирать правителя республики.

Бенесса не былъ уполномоченъ принимать такое предложеніе, но какъ Венеціанцы сдѣлали изъ этого условіе *sine qua* non своей помощи, онъ его принялъ. — Рѣшивъ дѣло такимъ образомъ, надо было подумать о болѣе вѣрномъ средствѣ, чтобы успѣшно его кончить и вознамѣрились употребить скорѣе хитрость чѣмъ силу.

Именно въ это время, венеціанское посольство готово было отправляться въ Константинополь. Сенатъ снарядилъ для этого двѣ галеры и приказалъ командиру слѣдовать наставленіямъ Бенессы.

Пріѣхавъ въ Рагузу, Бенесса объявилъ тестю, будто посланникъ своротилъ съ дороги, чтобы имѣть честь засвидѣтельствовать ему уваженіе. Приглашенные на обѣдъ къ снектатору они просили его пожаловать на корабль посмотреть подар-

ки, которые везли новому византийскому императору. Едва ступилъ онъ на корабль его объявили плѣннымъ. Въ ярости онъ бросился на корабельныя доски и упалъ мертвый.

Въ силу условія принятаго Бенессой, венеціанскій патрицій, Лоренцо Кириній поставленъ былъ правителемъ Рагузы и дворянство, хотѣвшее освободиться отъ Даміано скоро узнало, что для разрушенія возмущавшаго ея ига, оно само сковало себѣ цѣпь. Венеція принудила Рагузцевъ помогать ей во всѣхъ войнахъ на далматскомъ берегу, въ борьбахъ противъ Греческой имперіи, противъ Генуэзцевъ и противъ пиратовъ. Для неутомимой республики, Рагузцы должны были собирать толпы матросовъ, вооружать галеры; чтобы отмстить за ея оскорбленія или споспѣшествовать ея увеличенію должны были пускаться въ отважныя экспедиціи, въ кровавыя битвы, совершенно чуждыя ихъ собственнымъ интересамъ.

Наконецъ она нашли въ подпорѣ доблестнаго Людовика Венгерскаго средство избавиться отъ послѣдствій вѣроломной подпоры, испрошенной у Венеціи, и умѣли искусно освободиться отъ безпокойнаго правителя, не слишкомъ оскорбивъ гордый городъ, давшій его.

Принявъ договоръ Бенессы и дѣлая значительныя уступки требованіямъ Венеціи, Рагузцы умѣли сохранить свои уставы, свое знамя и въ сущности свою независимость. Правда, правитель ихъ былъ чужестранецъ, но никакой другой чужестранецъ не получалъ у нихъ должности и изъ опасенія, чтобы этотъ не пріобрѣлъ слишкомъ много важности, оставаясь долго въ должности, Рагузцы хотѣли, чтобы его смѣнили черезъ два года. Пока онъ засѣдалъ во дворцѣ, они составляли вокругъ него тѣснымъ союзомъ, силою старинныхъ обычаевъ и добродѣтелью патриотизма, преграду, не позволявшую ему ни малѣйшаго злоупотребленія.

Это странное положеніе дѣлъ продолжалось однако около полтора столѣтія, отъ 1226 до 1356 и когда наконецъ прекратилось, Венеція надѣилась возстановить его когда-нибудь и лучше имъ воспользоваться. Но Рагузцы, наученные опытомъ, не дали ей случая. Впрочемъ намѣна Даміано одна запятнала ихъ двѣнадцати-вѣковую исторію. Чтобы предупредить увлеченіе пагубныхъ честолюбій, Рагузцы еще ограни-

чили власть начальника государства, назначивъ ей только одинъ мѣсяцъ.

Въ эпоху, когда Рагузская республика разрушилась какъ венеціанская, подѣ французскимъ оружіемъ, она еще не была лишена своего древняго олигархическаго характера. Народъ раздѣлялся на два класса, съ одной стороны дворяне, располагавшіе исключительно всѣми должностями; съ другой плебей, подчиненные ихъ управленію. Дворяне, записанные какъ венеціанскіе въ свою Золотую книгу, составляли между собою двѣ отличительныя касты, носившія страннымъ образомъ два университетскіе титула. Древнее дворянство называлось саламанкскимъ, второе сорбонскимъ. Таково было у Рагузцевъ чувство гордости, связанное съ первенствомъ титула, что саламанкскіе дворяне, засѣдавшіе въ совѣтѣ съ сорбонскими, не могли рѣшиться вступать съ ними въ брачный союзъ. Что касается до супружества между семействомъ дворянина и семействомъ простолюдина, то это было такое ужасное дѣло, которое не могло притти въ голову ни одному патрицію и примѣра этому не встрѣчалось никогда.

Въ Рагузѣ существуетъ любопытный памятникъ, на pedestalъ котораго вырѣзана надпись:

MICHAELI PRAZZATO

BENE MERITO CIVI.

1638.

Этотъ Працатто былъ богатый купецъ, который умиралъ, завѣщавъ своему родному городу для благотворительныхъ заведеній двѣсти тысячъ секиновъ золота. Такое пожертвованіе заслуживало почетнаго воспоминанія.

Въ Рагузѣ патриціи однако жили ближе съ народомъ чѣмъ въ Римѣ и въ Венеціи. Какъ народъ, они обогащались только торговыми спекуляціями; какъ народъ, они оставались въ границахъ своей тѣсной республики, въ укрѣпленіяхъ своего города. У нихъ не было большихъ владѣній внѣ Рагузы; они не ѣздили выказывать свою тщеславную роскошь въ столицахъ Европы, оставляя какъ ирландскіе лорды свои владѣнія хищнымъ middlemen. Дома ихъ возвышались возлѣ домовъ простолюдиновъ. Народъ присутствовалъ всегда при всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ жи-

ни, и поэтому непосредственному сосѣдству необходимо устанавливалось между ними и народомъ ежедневныя сношенія, благосклонныя съ одной стороны и почтительныя съ другой. Сверхъ того въ официальныхъ должностяхъ, которыхъ монополию сохраняла рагузская аристократія, было нѣкоторое число мѣстъ, отдаваемыхъ плебеямъ. Черезъ это она прибрѣтала себѣ клиентов; одни связывались съ нею чувствомъ признательности, другіе надеждой.

Правительство состояло изъ трехъ главныхъ пружинъ, которыхъ движеніями управлялъ ректоръ или которыя по-крайней-мѣрѣ утверждалъ.

На первомъ мѣстѣ являлся большой совѣтъ; всѣ дворяне вступали туда по праву, какъ только достигали восемнадцати лѣтъ. Совѣтъ этотъ избиралъ ректора, назначалъ чиновниковъ города и провинцій, подтверждалъ законы, предложенные сема-томъ и изъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ составлялъ высшій трибуналъ въ случаѣ уголовныхъ преступленій.

Смертный приговоръ виновнаго произносился въ лаконическихъ выраженіяхъ: Пусть снимутъ съ него мѣрку! Тогда началъ подходилъ къ нему, измѣрялъ вышину роста, потомъ зашивали его въ мѣшокъ, какъ невѣрнаго мусульманина, и бросали въ морѣ съ высоты лакромскихъ скалъ. Но иногда судьи, чтобы испугать обвиненнаго и внушить ему этимъ испугомъ спасительное раскаяніе, или чтобъ побудить его къ признанію, произносили эти слова. Тогда снимали съ него мѣрку будто за тѣмъ, чтобъ запрятать въ роковой мѣшокъ, но казнь, которую ждалъ онъ, не кончилась.

Рядомъ съ этимъ совѣтомъ, обширнымъ законодательнымъ собраніемъ, правительственнымъ разсадникомъ и дворянской комиссіей присяжныхъ возвышалось собраніе Pregelati, сенатъ.

Сорокъ пять членовъ, составлявшіе его, должны были подавать совѣтъ во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, учреждать налоги, назначать посланниковъ, рѣшать миръ или войну, издавать законы, наконецъ опредѣлять все, что касалось политическихъ или финансовыхъ вопросовъ.

Потомъ слѣдовалъ небольшой совѣтъ, составленный изъ семи членовъ, который за-одно съ ректоромъ, обязанъ былъ приводить въ исполненіе рѣшенія большаго совѣта и сената

управлять чиновниками республики и сносятся съ иностранными землями. Въ этотъ совѣтъ Рагузцы подавали просьбы, онъ принималъ иностранныхъ посланниковъ и знатныхъ путешественниковъ, словомъ онъ былъ исполнительной властью, министерствомъ Рагузы.

Начальникъ республики, сначала носившій титулъ князя, потомъ графа, наконецъ ректора, выбирался, какъ мы сказали, на мѣсяць. У него хранились ключи города и архивы республики; ему было ввѣрено не только право, но обязанность созывать каждый разъ, когда это было нужно, большой совѣтъ и сенатъ.

Хотя власть его была ограничена и коротка, а все-таки на свое четырехъ-недѣльное управленіе помѣщался онъ во дворцѣ, окружался почестями и нельзя читать безъ чувства уваженія старинную молитву, читавшуюся при его избраніи. «Господи отче нашъ, Всемогущій Боже, Ты, который выбралъ эту республику для того, чтобы служить тебѣ, выбери также, мы Тебя молимъ, нашихъ правителей по Твоей волѣ и по нашимъ нуждамъ, выбери ихъ такимъ-образомъ, чтобы они боялись Тебя, наблюдали Твои святыя заповѣди, любили насъ и управляли нами съ добрымъ дружествомъ. Аминь.»

Съ этимъ правительствомъ, маленькая Рагуза благоденствовала и возвеличалась. Съ сосѣднихъ ей областей, она распространила торговлю свою въ Италію, въ Голландію, въ Англію*.

Она увеличивалась, честная Рагуза, и когда міръ былъ заключенъ между различными государствами, такъ долго старавшимися вовлечь ее въ свои распри, она думала что перелъ нею открывается эра спокойствія и полезныхъ трудовъ, какъ вдругъ разразилась катастрофа, въ которой она чуть совсѣмъ не погибла. Это было шестое апрѣля 1667. Утромъ небо было совершенно чисто, воздухъ тихъ, скоро начали чувствовать легкія потрясенія и знали, что городъ испыталъ уже очень сильное землетрясеніе въ 1580 и другое въ 1639. Испуганные жители собрались въ церквахъ. Въ два часа разразилась буря. Морскія волны поднимались съ землей; суда, стоявшія на якорѣ въ гавани, полетѣли одно на другое. За исключеніемъ крѣпости,

* Видно, говоритъ Вилькенсонъ, по письму Кроувела, что онъ давалъ большія преимущества Рагузданъ въ каждой англійской гавани.

лазарета и нѣкоторыхъ другихъ зданій прочной постройки, городъ былъ разрушенъ и пять тысячъ человекъ въ нѣсколько минутъ были погребены подъ развалинами. Девять десятыхъ изъ священниковъ остались задавленными подъ сводомъ святилища и дѣтская школа была уничтожена съ невинными созданиями, въ ней заключавшимися. Къ довершенію несчастья разрушенные очаги зажгли при сильномъ вѣтрѣ пожаръ и свирѣпыя Морлахи устремились какъ хищныя птицы въ несчастный городъ, чтобъ грабить его пользуясь безпорядкомъ.

Рагузцы, имѣвшіе счастье избѣгнуть отъ разрушенія жилищъ и опустошенія огня, убѣжали въ Грабока, и когда земля, которую они видѣли дрожащею какъ бы въ опьяненіи, приняла свое прежнее положеніе, когда они могли воротиться въ стѣны своего города, они приходили блуждающими взорами смотрѣть на свое бѣдствіе. Не столь счастливые какъ тѣ погорѣвшіе, которыхъ Шиллеръ въ своей поэмѣ *Колоколъ* описываетъ муки и утѣшеніе, они не находили всѣхъ существъ дорогихъ ихъ сердцу:

Ein süßer Trost ist ihm geblieben
Er zählt die Häupter seiner Lieben
Und seh't ihm fehlt kein theures Haupt:

Трауръ былъ во всѣхъ семействахъ, отчаяніе во всѣхъ душахъ, безпорядокъ въ дѣлахъ всѣхъ.

Нѣкоторые граждане предложили оставить эту страшную сцену опустошенія и выстроить другой городъ, на почвѣ болѣе прочной. Привязанность къ родной землѣ удержала народъ среди старыхъ укрѣпленій. Начали рыться въ обломкахъ, расчищать улицы, строить дома, но никогда бѣдная Рагуза не могла оправиться отъ этого страшнаго опустошенія. Съ этого времени она начала приходить въ упадокъ, а политическія происшествія первыхъ годовъ этого столѣтія довершили ея разореніе.

Я испыталъ грустное впечатлѣніе, пробѣгая, съ однимъ изъ моихъ друзей, улицы красивой Рагузы; она красива еще въ своемъ изнеможеніи, эта дочь древняго Эпидaura, прекрасна какъ греческая Ніобей въ выраженіи своей скорби, прекрасна какъ скандинавская Гунгильда въ своихъ глубокихъ сожалѣніяхъ.

Въ оградѣ горь укрѣпленія еще какъ-будто защищаютъ ее противъ честолюбія Турокъ и Венеціанъ. У подошвы кривости лазурное небо еще улыбается ей какъ бы призывая сюда, благословляемая ея святымъ покровителемъ. Близъ широкой бухты Грабока стелется подъ древними вѣтвями и цвѣточными гирляндами свѣжая долина Омбла, а во внутренности стѣны развивается до княжескаго дворца широкій Корсо съ прямыми линиями домовъ, однообразно выстроенныхъ въ суровомъ стилѣ.

Но эти гавани, гдѣ нѣкогда Рагуза собирала до трехъ сотъ судовъ, теперь безмолвны и пустычны. Долина Омбла не видитъ уже подъ своими зелеными деревьями богатыхъ патриціевъ, любившихъ строить тамъ веселыя жилища, на Корсо живутъ обѣднвшіи фамиліи и дворець, гдѣ засѣдалъ въ своемъ мѣсячномъ блескѣ начальникъ республики, занятъ нынѣ австрійскимъ чиновникомъ.

Своей энергіей и терпѣніемъ, Рагуза могла еще оправиться отъ бѣдствія 1667, но она не могла оправиться отъ военныхъ бѣдъ 1806. Въ этой войнѣ флотъ ея былъ уничтоженъ, другіе города овладѣли торговыми путями, гдѣ прежде находила она мало соперниковъ. Теперь она просто—главный городъ не большой провинціи съ пятьюдесятью тысячами жителей; резиденція бригаднаго генерала, епископа и суда первой инстанціи. Въ память прежнихъ школъ и прежнихъ литературныхъ знаменитостей, австрійское правительство можетъ быть вздумаетъ дать ей университетъ. Если оно рѣшится наградить однимъ изъ этихъ ученыхъ учрежденій Далмацію, весьма въ этомъ нуждающуюся, то оно должно быть основано въ Рагузѣ.

ХІІ.

Каттарскія устья.

Я думаю ни одинъ иностранецъ не вступитъ первый разъ въ Далмацію, не будучи мучительно пораженъ видомъ тощихъ горь, безплодныхъ береговъ этой scogli, гдѣ время отъ времени появляется нѣсколько виноградныхъ лозъ, нѣсколько блѣдныхъ оливокъ, разсыпанныхъ въ пустынь, какъ-тѣ о которыхъ говоритъ Библія. Тамъ-и-сямъ только взоръ проникаетъ въ

мнѣно-набуду узкую долину, зеленѣющуюю между двумя укрѣпленными горами. Въ Зурѣ — первое истоположеніе истинно приключенческое съ тѣмъ моремъ какъ выйдешь изъ Трѣста, въ Слагте, первымъ краснымъ долиною Олвонгъ, на просторѣхъ трехъ сотъ тысячъ итальянскихъ миль, монѣ poetical scenery, какъ говорятъ Англичане, монѣ живописныхъ эфемеровъ, чѣмъ встрѣташь на просторѣхъ невозможныхъ миль на берегу одной изъ многихъ рѣкъ въ Девинѣ или Францъ-Конгѣ.

Но на Ргусоѣ, за-плоскогъ, обозначающаго именемъ Punta del ostro, достигаешь до Каттарскихъ устьевъ. На этой границѣ фантазія рививается вдругъ такая величественная картина, что для насъ стоитъ предпринять длинный переходъ. Хотя бы не пришлось видѣть ничего другаго на дорогѣ, хотя бы пришлось поступить подобно датскому писателю Рабену, который предпринявъ путешествіе въ Германію, съ цѣлью изучать поморы, ѣздилъ отъ города до города запершись въ каретѣ, и не хотѣлъ ничего смотрѣть изъ опасенія возмутить докучливымъ пейзажемъ свои эстетическія размышленія.

То что называютъ Каттарскими устьями не есть, какъ можно дообразить изъ этому названію, устье рѣки. Это отверстіе въ море, во внутренности земли, однимъ изъ острововъ, — морская артезианской Норвегіи. Въ другихъ выраженіяхъ это названіе, которое происхожденіемъ обходитъ вершину горы и однимъ изъ своихъ звѣздовъ касается Каттаро — Ukima-Thule Англичанъ. Въ этомъ каналѣ насчитываютъ четыре большаго и двѣнадцать малыхъ бухтъ, или лучше сказать, всея каналъ составляетъ бухту, такъ превосходно укрѣпленную, что морскимъ дельцамъ тутъ опасенія никакого урагана, самую обширную, что она могла бы вмѣстить все европейскіе флоты, такъ равно упругую, что суда могутъ доводить даже до берега.

Мы предвзвѣли эту бухту во время грозы. Она напомнила мнѣ описаніе аристократическаго и богатою положеніемъ самая мрачная картина Байрона. Широко, противъ котораго мы мучительно боремся въ старомъ морѣ, проочно останавливаясь на вершинѣ скалы ущемясь, какъ близенный противникъ у воротъ крепости, изъ котораго не можетъ переступить. Но небо было мрачно, и если бы мы не были бы надъ нами и если бы мы не были бы, что лавочкіе деревья, у которыхъ мы находимся.

ношам давно имя: Черкесорья, мы не могли бы дать имъ себе оправедливаго названія. Скорѣе промежутки этихъ густыхъ тучъ, мы видѣли иногда острѣе инии, вершины скалъ, возвышавшіяся какъ башни и стѣны крѣпости среди океана паровъ. Иногда они простерались передъ нами, какъ плотный занавѣсъ, скрывали отъ насъ горизонта и всякій выходъ. Тогда казалась, не касаешься оконечности свѣта и спрашивалась себя какъ Геродотъ въ какой тройной мѣди были закованы люди, осмѣлившіеся первые съ своими жороблами проникнуть въ эти мрачныя гѣста и построить туль жилища.

Я преѣхалъ эту самую бухту въ резвое утро, и тогда не думалъ о страшныхъ описаніяхъ Байрона, но каждую минуту, при видѣ свѣтлыхъ пейзажей, освѣщенныхъ свѣтомъ чистаго неба, думалъ видѣть одно изъ этихъ сладостныхъ и спокойныхъ убѣжищъ, о которыхъ мечтала благочестивая душа Педція Месенскаго:

O campo, ó monte, o rio
O secreto seguro delectoso!

Пробѣгая отъ одного конца до другого Каттарскія устья, кажется, что скользяшь то по волнамъ тихой рѣчки, то по шарицарскому озеру. Вокругъ различныхъ бассейновъ возвышаются гигантскія горы, которыхъ лысую маюнку не украшаетъ никакое растеніе, но на бокахъ ихъ зелѣютъ беспрестанно: алычовыхъ, фиговыхъ, миндальныхъ деревьяхъ висуау или вѣдутъ сады и по всей длинѣ канала на двухъ берегахъ: тако, какъ на берегахъ Босфора, развивается озерелье всамакъ: арренень, хорошенъкъ доминовъ, окруженныхъ плодородными плантаціями.

При входѣ въ это обширное водное ущелье находится городъ Кайтальюво, выстроенный въ самомъ живописномъ мѣстѣ: расположеніи на склонѣ холма, скрываемаго зловоннымъ лесомъ и защищаемаго оградой стѣнъ, выдержавшихъ многочисленныя нападенія. Неколько дальше находится узкой проходъ, который никогда не закрывали, протягивая тяжелую кѣпъ: отъ одного берега до другого. Отъ этого древняго обыкновенія сохранилось названіе Саттене. Возлѣ стоитъ деревня, Регато съ своими обильными домами, вытанутыми вдоль берега: какъ суда.

райды. Среди обширнаго остроумства, отирающагося противъ стѣнъ деревни, видются два прелестные острова. Одинъ именованъ островъ Святыхъ Георгия, другой островъ Мадонны. На первомъ греческой мостовы; на другомъ католическая часовня; около устья реки во всемъ краю. Преданіе говоритъ, что въ шимидионѣ столѣтіи мѣрливъ увидѣли въ одинъ вечеръ на стѣнѣ островѣ, тогда шумномъ, необыкновенный свѣтъ. Сначала смѣлыя, желая узнать причину этого феномена, спустились въ воду и вѣшали на вершинѣ одной скалы образъ Вѣнчей Матери, малюканный туда неизвестно кѣмъ. Они отогнали отъ благотворенія отведенъ въ церковь въ Pegasio. На другой день образъ воротился на островъ: три раза за нимъ ходили; три раза онъ возвращался на то же мѣсто. Наконецъ благочестивые жители Pegasio выстроили ему часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ хотѣлъ оставаться. Какъ часовня Notre-Dame de la-Garde, съ высоты своего свѣтлнца благословляющая мѣрливый сельскій заливъ, какъ часовня Notre-Dame de Nonfleur, смотрящая въ далекій Океанъ, часовня эта полна приношеній, знаменъ милоугодной скорби, вѣнчающей подворы въ святомъ покровѣ темноты, простодушныхъ свидѣтельствъ благочестивой признательности.

Вотъ скоро Стефанъ съ своими величественными жилищами, расположенными амфитеатромъ по силосу холма и пирамидальный шпиль церкви, возвышающейся среди любви какъ таинственная молитва изъ среды благочестивой толпы, потому село Pegasio, укрывое у подошвы скалы съ своею Мадонной della Nativita, разбросанное домиками на берегу, какъ обсыпанныя чѣтки, потому три строения одинаковой вышины, одинаковой формы, соединенныя одно съ другимъ тѣсною мыслью любви, и которыя называются Tre sorelle, въ память трехъ сестеръ, въ сиротничьихъ ради ширей дружбы, это одинаковое жилище; потому деревня Доброта, которая для Далмачин то же, что Бродъ для Фаллиадіа—самая богатая деревня во всей странѣ; потому мѣстность Висшо, древняя римская колонія, и Мула и Каттерои. Я думаю вѣроятно эти главные центры народонаселенія. Въ нихъ космополитическія виды и какое разнообразіе картинъ: со стѣнъ отворенъ, между минутой въ серебряный шпиль, въ развѣтливую лѣтню, во мѣстности часовенъ какъ будто въ

вершинъ своихъ коллонтъ прерывающихся путешественниковъ, водворить душу въ Богу, въ перпендикуляръ деревень, то возмущающаго уступами надъ откосомъ горъ, то спирально лежащихъ въ узкой долины, то расположенныхъ на берегу надъ ками гираллы морскихъ чашекъ! Какая претворительность между общающимися вершинами горъ и обильной растительностью, покрывающей бока ихъ своими великолѣпными плащами! Какая претворительность на одномъ и томъ же пунти, на той же скалѣ печальной на вершинѣ, восточной у подошвы, а какою удивительной смотрѣть какъ аманя валаго рода, какъ эти скалы целыми огораживаются въ кристаллы глубокой воды, въ средѣ блистательнымъ цвѣтомъ, съ своимъ томнымъ колоромъ южнаго неба! Это гораздо грандиознѣе каменнаго Рейна, гораздо великолѣпнѣе величественнаго Дуная. Это въ дѣлѣ и въ подробностяхъ одна изъ тѣхъ неумителныхъ сценъ, въ торжестве любующаясь съ наслажденіемъ, и отъ которыхъ остаются въ умѣ глубоки впечатлѣнія.

Издъ этого торжественнаго Божьяго творенія, люди едвали какъ изъ такого множества другияхъ—арену своего чествованія, такъ своихъ братья. Исторія человечества востана на столѣтны, освѣщенные въ нѣкоторые часы блестящими лучами солнца, увеличивающіеся соразмѣрно отъ анимнаго колора и съ вылетомъ своихъ оболочекъ проливающіе слезы святы божественныя слезы.

Слезы скорби, слезы крови такъ также въ своемъ дѣлѣ, брошенномъ изъ створѣвъ отъ моря, какъ мости узрѣны отъ трагическаго, какъ убійства, оглашеннаго отъ бурннцѣ горалики волнений, какъ чистое зеркало, которое не должно отражать въ прозрачномъ своемъ кристаллѣ ничего промѣшанной слезы и цвѣтра.

Во время его пространныхъ житои дѣлннъ были праморо днѣ себя отъ опасности вторженія и дѣи его охранности укрывающа въ днѣ крѣпости: въ настольноуководно и въ кантаршунъ Я скоро дойду до Катларо, а дѣлннъ прежде своего чествованія на каналь, а потомъ дойти до своего любовнаго порамъ. Касередуоно было основанъ въ конкѣ чествованнаго дѣлннъ сербскнхъ королюи. Тверде и дѣлннъ чествованъ въ Туркнхъ. Въ 1538. Венеціанцы вѣдѣтъ въ Испаніи чествованнаго

городъ овладѣли нѣтъ и неострели крѣпость, еще существующую и носящую названіе Spagnolo. Едва была она окончена нѣтъ бытъ взята итсульманами и солдаты находившіеся въ ней, перебиты. На этотъ разъ дѣти Магомета окружили свое замѣчаніе Обѣе столѣтія. Въ 1687 Венеціанцы предприняли отнять Каестельнуво. Боснійскій паша выступилъ противъ нихъ съ четырьмя тысячами человекъ. Онъ былъ разбитъ, городъ сдѣлся одинокъ не безъ упорной обороны. Съ этого времени онъ оставался во власти Венеціанъ до паденія нѣтъ республики. Въ 1806 Русскіе, въсадившіеся у Каттарскихъ устьевъ, овладѣли крѣпостью и сохраняли ее до тильзитскаго трактата. Австрія теперь дѣлаетъ тамъ новыя фортификаціи. Городъ не значителенъ, но понятно, какъ важенъ онъ долженъ быть для далматскаго государя по своему положенію у входа въ каналъ и на границахъ турецкихъ провинцій.

Если вспомнить, что этотъ городъ столько разъ осаждали, брали, отнимали различныя власти, то легко понять, что деревни, которымъ онъ служить укрѣпленіемъ, не могли во всѣхъ этихъ борьбахъ наслаждаться большимъ спокойствіемъ. Еще теперь близость Албаніи, Черногорья, Герцеговины, весьма мало для нихъ успокоительна. Однако они развились, обогатились и храбро берегутъ значительныя суммы возлѣ своихъ жадныхъ и буйныхъ сосѣдей.

Жители этихъ деревень, называемыхъ нѣтъ родовымъ именемъ, Боккеацы, представляютъ путешественнику своимъ особеннымъ характеромъ, разнообразіемъ нравовъ и озаціоній, интереснѣйшій предметъ для наблюденія.

Славяне по происхожденію, они раздѣляются на двѣ религіозныя общины, католическую и греческую, одушевленные единъ противъ другой чувствомъ недовѣрія, такъ что есть греческія деревни, гдѣ католическое семейство не могло бы поселиться в католическіе дома, гдѣ не захотѣли бы держать греческаго слугу. Греческая община многочисленнѣе нѣтъ этой увидѣть.

Всѣ Боккеацы—жорьки и слѣдуютъ еще въ одинаковомъ званіи различныиъ направленіи. Есть деревни, связанныя торговлей съ Венеціей, есть другія, имѣющія сношенія только съ

Тристовъ, прелія, которая обитаетъ вблизи на Норману, море.

Къ этому разліію догматовъ, снахопій, чувствостей, присоединяется удивительное разнообразіе костюмовъ. У каждой деревни своя одежда и носітя такъ строго, что на каттарскомъ рынкѣ по одному виду платья можно сказать: этотъ чадриканецъ Кастельнуова, эта дѣвушка изъ Добровы, эта женщина изъ Перасто, какъ прежде до всеобщаго стѣсненія нашей одобреной одежды можно было сказать: вотъ французскій дворянинъ, германскій докторъ, московскій бояринъ.

Страшнѣе всего противоположность этикъ древняго костюмова на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Здѣсь вы видите на вѣтвяхъ доловахъ, на вѣтвяхъ платьяхъ блестящіе цвѣта Востока. Подите только на мило дѣлѣ и вы найдете вѣчный цвѣтъ траура.

Въ Бизано мужчины носятъ родъ широкаго сѣраго жилета и камзолъ, украшенный галунами и позолочеными пуговицами, бѣлые чулки, завязанные красными подвязками, а на головѣ красную феску съ золотой кисточкой.

Въ Добротѣ, камзолъ, штаны, чулки, галстукъ, шапка, все черно, только тонкая золотая вышивка обходитъ кругомъ фески и жилета.

Женщины, которыхъ въ нашей злой несправедливости мы обвиняемъ въ непостоянствѣ, женщины каттарскихъ окрестностей не менѣе вѣрны древнему костюму, тому, который назначенъ имъ до и послѣ замужства, въ радостныхъ порывахъ дѣвичьей жизни и въ суровости вдовства. Онѣ не менѣе вѣрны древнему покрою одежды, изобилію подвѣсокъ, ожерельевъ, толотыхъ булавокъ золотыхъ или серебряныхъ или мѣдныхъ, смотря по состоянію.

Большая часть Боккезцевъ, которыхъ встрѣчаемъ на роднѣйшій—одни въ красивыхъ штанахъ и въ вышитомъ жилетѣ или свитѣ Востока, другіе въ черныхъ штанахъ и въ черной шапочкѣ изъ саламаккскіе баккалары, однако долге сохраняютъ по Олениу въ полушубкахъ и тинѣй моряковъ. Но подобно тому царю древности, который сначала стерегъ скотъ и драгоцінныя сохранялъ свою пастушескую одежду, Боккезцы сохраняютъ на кораблѣ деревенскую одежду и едва входятъ въ каттарскій каналъ спѣшатъ надѣть ее, съ радостью присоединяя къ ней

необходимое доплатеніе: ишеветы, ятаганъ и длинный паробашъ. Они подобно Туркамъ пристрастны къ оружію и хвалятся, что имѣють дорогое и красивое, постоянно носить его у пояса, а дома дѣлаиваютъ стѣны саблями пашей, ивмецкими мизагами, ружьями, обложенными серебромъ и перламутромъ. Они гордятся, показывая эти коллекціи гостямъ, какъ въ другихъ земляхъ показывалъ мебели Буля, вазы Бернара де-Палиеси или картинныя галлерей. Но любовь къ оружію не есть для Боккеница тирелавшей прихотью. Она происходитъ отъ воспоминанія вродильцѣ вторичной Турокъ, и отъ чувства опасностей, которымъ они непрерывно подвержены по воинственному свойству своихъ соседей.

Жизнь Боккеница, который успѣлъ скопить нѣсколько денегъ, жизнь странная, трудно найти подобную въ другихъ странахъ. Беру въ примѣръ то, что всякій иностранецъ замѣтитъ въ Добротѣ.

Дорожна эта развѣвается какъ тесьма на длинной и узкой полосѣ земли между моремъ и скалами Черногорья. Море—элементъ ея богатства. Съ раннихъ лѣтъ жители Доброты обрекають себя мореходной жизни, поступаютъ на суда матросами, и если не увозятъ въ сумкѣ такъ какъ наши солдаты время имперіи, маршальскій жезлъ, то могутъ по крайней мѣрѣ надѣяться быть начальниками галеры, а потомъ достигнуть высокаго положенія арматора. Кто счастливо прошелъ эти различныя ступени, хочетъ отдохнуть на роднѣ и вернуться домой мѣшочъ оловяновъ, тотъ возвращается въ Доброту, употребляетъ часть богатства, чтобы расширить и улучшить домъ, завѣщанный ему отцемъ или строить новый. Тутъ онъ горделиво помѣщаетъ все, что собралъ въ своихъ походахъ: предметы роскоши, чужестранную мебель. Потомъ хочетъ имѣть свой садъ, свою ограду, платитъ огромныя деньги за частичку земли едва достаточную, чтобы посѣять нѣсколько цѣбувъ или насадить нѣсколько оливковыхъ деревьевъ. Онъ устраиваетъ свое убѣжище, какъ птица приготавливаетъ гнѣздо, съ мелочнымъ стараніемъ, съ любовью и радостью. Птица имѣть мало ли велико ли его жилище, это гнѣздо, самъ тое любовью на землѣ, гдѣ разцвѣло его дѣтство, гдѣ умерли его родители, гдѣ онъ самъ умретъ въ свою очередь. Прият-

нестью этого убійства ограничивалось его честолюбіе. Денги, которыя у него останутся, когда онъ устроится, онъ не подвергнетъ ни за что случайностямъ новой спекуляціи, онъ припрятаетъ ихъ въ сундукъ, какъ будто эти денга трудившіеся также долго какъ онъ, должны также отдыхать. Онъ продолжаетъ въ своемъ новомъ жилищѣ уединенную жизнь, которую велъ на кораблѣ. Онъ не помышляетъ, какъ парижскій купецъ, удалившійся отъ дѣлъ, вытаскивать себя кассетною своего прихода, пускать пыль въ глаза сосѣдямъ баскетъ увражи визитной, пирами, онъ сосредоточивается срамъ своей семьи и нѣсколькихъ друзей.

Однако со всѣми принятыми предосторожностями, чтобы обезпечить спокойствіе его убійца, оно не будетъ спокойно, потому что на скалахъ, господствующихъ надъ ними, живутъ Черногорцы, бѣдные мазль богатой деревни Доброта, чистые лишеныя предметовъ, самыхъ необходимыхъ, вождѣ домовъ, гдѣ царствуетъ изобиліе и сверхъ того размещеніе Гренибли въ этой общинѣ, составленной изъ каталковъ.

Иногда случайная встрѣча, ссора, въ которой пролито крови достаточны, чтобы возбуждать эту пероду людей, которые любятъ только войну, жаждутъ только битвы. Иногда, возвратясь изъ экспедиціи противъ враговъ своихъ Турокъ, они нападаютъ на австрійскія владѣнія, чтобы утѣшиться въ поусибѣ или дополнить баранту. Тогда роты солдатъ, которыя Австрія содержитъ на этой границѣ, артиллеріи, жандармы, фузальеры должны безпрерывно быть на ногахъ и жители каждой деревни раздѣляются на два отряда постоянно бодрствующіе съ оружіемъ въ рукахъ, одинъ днемъ другой ночью.

Въ обыкновенное время, когда на горѣ нѣтъ ни какого движенія, когда ничто не возбуждаетъ новыхъ стычекъ, Босненскіи особенно Добротскіе всетаки должны держать себя осороженно. Въ Штирїи всѣ монастыри и всѣ сколько набудь значительныя дома имѣютъ только одну низкую дверь прочно построенную и края террасы покрыты кучей огромныхъ камней, которые бросаютъ на тѣхъ, кто приблизится съ враждебными наміреніемъ. Здѣсь дома окружены укрѣпленіемъ или по крайней-мѣрѣ просверлены бойницами, въ которыя въ критическую минуту вкладываются ружья.

Дитя Боккесце удлился отъ шорскихъ бурь, а каждую минуту подверженъ бурн криваго вторженія. Отъ остатковъ свое нависшее судно, а жизнь его продолжится въ некоторомъ родѣ разрушеннаго судна.

Черезъ это безпрерывное употребленіе оружія, черезъ воспоминанія объ опасностяхъ, отъ которыхъ они устали и переопыта тѣхъ, которыя еще угрожаютъ, Боккесцы принимаютъ въ отношеніи своимъ жонъ надменный видъ. Нигъ честь сражаться за домашній кровъ, а жонамъ носить и грубыя работы.

Жона съ чувствомъ своего мужскаго достоинства Боккесцы небрежно сидятъ подъ виноградной бесѣдой, жона должна улаживать за скотомъ, обрабатывать поля, носить овно и молотъ куку. Если онъ отирается съ нею на рынокъ продавать ямку или пшенокъ овощей, то гордый мужъ пойдетъ впередъ, а смиренная жона за шить, таща за веревку не послушную слотину, или сгибал голову подъ ношей.

Дале любовь, предшествующая браку, пѣвняя и честная любовь обрученныхъ не довольно идеализируетъ женщину, чтобы во-вѣчной-вѣрѣ на одно мгновеніе она возвысилась въ уровень съ своимъ благороднымъ господиномъ. Пробыла Борога начала, можно встрѣтить не одного жениха, переѣзжающаго изъ деревни въ деревню верхомъ на хорошей лошади съ грубей въ рукѣ и молодую дѣвушку, его невѣсту, смиренно идущую пѣшкомъ. Ему не придетъ въ голову, гордому жонѣ, отдать свою лошадь этому слабому созданію или посадить его всадъ себя. Но время отъ времени онъ удостоитъ сдѣлать ей знакъ приблизиться и наклонившись къ ней дастъ поцѣлуй, который она принимаетъ съ признательностью.

Въ Каттаро можно видѣть каждый день сцену такого рода. Каттаро главная гавань, главное складочное мѣсто торговли канала вѣето собранія сообщенныхъ крестьянъ. Это пребываніе епископа, трибуналь первой инстанціи, резиденція высшаго военного саповника и главный городъ одного изъ четырехъ департаментовъ Далмаціи.

Со войнъ утѣхъ административнаго значеніемъ это простираемый городокъ. Въ немъ считается тысячу девять сотъ пятьдесятъ жителей. Больше онъ вместить не можетъ, это какъ будто перепрестокъ, прислоненный къ послѣдней бухтѣ канала,

къ крайней границѣ австрійскихъ владѣній, съ колонами, гуде-де-окаль, въ которыхъ находится племѣ Черногорцевъ. Надъ городомъ возвышается дикая гора, укрѣпленная, обнесена отъ своихъ недвижимымъ посягомъ и за эти укрѣпленія еще дѣлать не можетъ, не касаясь съ одной стороны моря съ другой безплатной горы.

Въ этия печальныя матеріальныя условія, города этия однако возбуждалъ честолюбіе многихъ завоевателей. Византия основала тутъ колонію, Сарацины въ девятомъ вѣкѣ опустошили его. Городъ былъ выстроенъ какъ многіе даматскіе города бѣглоцами изъ различныхъ провинцій и сталъ республикой подъ покровительствомъ сербскихъ королей.

Высари Храма имѣли тутъ въ тринадцатомъ вѣкѣ крѣпосты какъ въ Клеѣ, въ Краишъ, въ Вранѣ и во многія другія мѣста на Адриатическомъ морѣ. Поселившіеся тутъ, оцѣнивъ залошь, предвидѣли заранѣе какъ далеко пойдетъ мусульманское могущество въ своей жадѣ завоеванія: они устроили оградъ воинственности христіанъ противъ этого потока сабамъ. Филансы Красивый оироннулъ оградъ и извѣстно до какихъ моръ разлился потокъ.

Въ 1867, по смерти Стефана Уроша, сына Душана, маленькій городокъ Каттаро, не имѣя болѣе надежды на сильную защиту Сербовъ, вѣрнися покровительству Людовика Венгерскаго, который такъ мало ему покровительствовалъ, что въ 1378 онъ былъ покоренъ Венеціанцами. Три года жадная республика, такъ трудно отказывавшаяся отъ своихъ завоеваній, удостоившись, для заключенія мира, отказаться отъ Каттаро и представить его во власть мужественнаго государя, отъ котораго получила. Скоро Людовикъ умеръ и Каттаро покорилъ Твртко первый король боснійскій. Въ 1419 Венеціанцы снова завладѣли имъ и сохранили до конца своей республики, до 1796. Въ этомъ пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, бѣдливый Каттаро испытывалъ горестныя бѣдствія; былъ осаждаемъ въ 1538 и въ 1657 Турками, былъ разрушенъ въ 1572, поколебленъ, австрийцами въ 1563 и землетрясеніемъ 1667, разрушившимся Рагузу.

Въ 1797 перешелъ во владѣніе Австріи, у которой тогда было слишкомъ много дѣла, чтобъ серьезно заботилась объ

мелочливый народомъ, запертымъ въ глубинѣ одного изъ Адриатическихкихъ заливовъ. Въ 1805 онъ былъ безцеремонно брашеванъ на вѣны уполномоченныхъ Франціи и Австріи и составилъ депозитное пресбургскаго трактата. Но прежде чѣмъ вступить въ миръ на стѣнахъ его, онъ былъ взятъ Русскими и остался въ ихъ власти до тильзитскаго мира.

Послѣ 1814 онъ былъ снова отданъ Австріи, которая оставила его долго въ небреженіи, кажется теперь видѣнъ съ ней въ обязанность защищать его. Она поставила на укрѣпленіе нункам, послала къ великому ихъ сожалѣнію толпу артиллеристовъ. Дѣло въ томъ, что для людей славшихъ всѣмъ блескомъ молодости и мудрора въ главныхъ гарнизонахъ Германіи и Италіи, каттарскій гарнизонъ весьма не забавенъ. Ни театровъ, ни баловъ, ни собраній, улицы узкія, которыя можно пробрѣжать въ полчаса, жители все Славяне, которыхъ дѣла ка большая часть Австрійцевъ не понимаетъ, а волаъ Черногорцы, албанскіе и герцеговинскіе Турки. Это родъ изгнана на конецъ образованнаго міра.

Я нѣмъ удовольствіе найти въ этомъ городѣ любезнаго офицера, который нѣсколько лѣтъ находился въ качествѣ адъютанта у одного нѣмецкаго князя и посѣтилъ съ нимъ столицы и многіе европейскіе дворы. Изъ своихъ счастливыхъ странствованій онъ привезъ коллекцію гравюръ, пейзажей и портретовъ, которыми украсилъ стѣны своей комнаты, чтобы обмануть взоры и воображеніе, чтобы забыть въ этихъ слѣдахъ прошедшаго скуку настоящаго.

Этотъ городъ, имѣющій болѣе тридцати кораблей и довольно значительное дѣловое движеніе, не имѣетъ гостиницы. Приѣзжающіе моряки живутъ на своемъ суднѣ; негоціанты принимаются у своихъ корреспондентовъ. Иностранецъ, у котораго нѣтъ ни родственниковъ ни друзей, не знаетъ гдѣ пріютиться. Къ счастью у меня было рекомендательное письмо къ capitano del Circolo, и я пошелъ къ нему съ писмомъ какъ солдатъ съ квартирнымъ билетомъ.

— Нѣтъ, сказалъ мнѣ смѣясь господинъ Doimi, у насъ здѣсь нѣтъ ни гостиницы, ни трактира, однако надѣюсь достать вамъ комнату; но моя власть дальше не простирается и вы осуждены каждый день приходивъ ко мнѣ обѣдать.

Онъ тотчасъ послалъ за какой-то старукой, которая изъ уваженія къ господину капитану, а также, думаю, для флорантинъ, которые я долженъ былъ заплатить ей, согласилась уступить мнѣ самую лучшую половину своей квартиры. Я принялъ въ признательность то, что любезный капитанъ избавилъ меня отъ осужденіемъ и хотѣлъ бы въ путешествіи всегда подвергаться такимъ пріятнымъ приговорамъ.

Провинція, гдѣ Каттаро главный городъ, содержитъ около тридцати шести тысячъ душъ, изъ которыхъ болѣе двухъ третей принадлежатъ греческой религіи. Городское народонаселеніе по большей части католическое, оно почти все состоитъ изъ купцовъ и моряковъ; Каттаро получаетъ изъ Триеста большую часть товаровъ и распространяетъ ихъ по окрестностямъ. Двое городскихъ воротъ отворяются на два рынка, на рынкахъ Морской, посѣщаемый Боккезцами, и на базаръ, предоставляемый Черногорцамъ.

На оба любопытно посмотреть; любопытна скудость продаваемыхъ тамъ припасовъ. У морскихъ воротъ одинъ булочникъ; подъ его навѣсомъ черные хлѣбы, которые трудно рѣзать; продавецъ вина горделиво ставитъ на столѣ нѣсколько флажекъ съ ужасной водкой, и кучарка, присѣвши на земли, держитъ между колѣнъ корзинку, откуда выходитъ съ облакою дыма противный запахъ, тутъ лежатъ куча бычачьихъ ногъ, сваренныхъ съ рогами, которые она только-что сняла съ жаровни и которыхъ теплоту старается сохранить прикрывъ ихъ тряпкой; но женщина, которая станетъ долго торговаться за одинъ черныи хлѣбецъ, не посмѣетъ прийти на рынокъ не имѣя на головѣ, въ ухахъ, на шеѣ, кучу золотыхъ или вышолоченныхъ украшеній, а мужчина долго вертѣвшій въ рукахъ одну изъ бычачьихъ ногъ и не рѣшавшійся заплатить нѣсколько копѣекъ, чтобы доставить себѣ это гастрономическое наслажденіе, носить за поясомъ оружіе, которое не продаетъ за нѣсколько сотъ франковъ.

Въ одно утро я услышалъ ружейный выстрѣлъ у Морскихъ воротъ; увидѣвъ, что много направляются въ ту сторону, я пошелъ съ ними присутствовать на приближающемся истребленіи. Это молодая дѣвушка; прѣхавшая на лошади изъ Рима въначать въ городъ. Передъ нею выступили какъ два дѣла

дурна: два за родственника съ карабинчикъ на плечикъ, съ шпаломъ у пояса; человекъ еще лучше вооруженный, и символической должностъ маэора, шелъ воегъ. надъ ларина съ фруктъ: бѣлый платокъ, на другой конецъ котораго держится невѣста. И дурна, какъ этигъ и платокъ, которыми они соединяются, не вѣрнее другъ друга, есть символъ цѣломудренной связи, установленной этимъ обрядомъ между ними; за ними шлетъ маэора и озацанная юница. Невѣста была довольно молода, довольно недурна и нарядомъ своимъ ослѣпляла какъ нѣсколько солнце являть; воегъ ее нечаяли подъ лѣсомъ золотыхъ бумажекъ, подъ грудой блестящихъ и мишурныхъ пучковъ, на шеѣ у ней было множество золотыхъ цепей, на груди огромныя металлическія бляхи въ видѣ сердца или кососуглавыка, длинна озацанная дуга на рукавѣ, золотыя вышивки по ливнѣ, и тѣлесный озацанной юбка. Миръ показало, что я вижу одинъ изъ тѣхъ банкетныхъ нарядовъ яландскихъ дѣвушекъ, какіе мы прежде видѣли иногда какъ рѣдкость въ морской музѣ; адѣс: такіе какъ въ Малаккѣ; эти украшения составляютъ неотъемлемое владѣніе женщины, съ замальными сопряженіи, съ изобрѣтеніи: они передаются отъ одного поколѣнія другому, и часто, по преданію, обычно, молодая дѣвушка вѣнчается въ нарядѣ прѣдѣвшихъ.

Такимъ образомъ увѣшанная наследственными ожерельями, подвѣсками, галунами и можетъ быть даже нѣкоторыми вещами, взятыми взаймы, далматская невѣста подвигается раздѣренными шагами, покачиваясь какъ будто собирается танцевать. По дорогѣ знакомые купцы ждутъ ее у своихъ воротъ, чтобъ предложить стаканъ вина, до котораго она скромно дотрогивается губами, и который подаетъ потомъ шаферу, весьма довольному этой частью своей должности.

Послѣ этого обозначенъ, въ который раздѣляются съ той и съ другой стороны множества привѣтствій, свита движется къ концу греческой церкви. Бездна любопытныхъ украшеній: за ними и какъ не хотѣлось мнѣ присутствовать при изданіи, я подверглась непростительной быть озацанной тѣлесной. Къ озацанной. Купцы съ тѣми предѣльными. Одинъ изъ нихъ, воегъ, какъ и малаккѣ прогуливался съ замаль-

тѣмъ, почтительно попросилъ меня войти и принять участие
одному икѣстеству.

Тутъ я могъ наблюдать во всѣхъ символическихъ подробнос-
тяхъ за вѣнчаніемъ по греческому обряду. Но символическіе
наобороты удаляются предшествующей той же выходящей
свѣтой и садятся за обѣдъ, здѣсь какъ и вездѣ сестрицѣй
дополненіе каждой свадьбы.

— Кто такая эта величественная невеста? спросилъ я выхо-
дя изъ церкви у одного катарскаго гражданина.

— Это, отвѣтилъ онъ, дочь простого крестьянина, а женихъ
изъ ремесленникъ; завтра она опять надѣнетъ свое широкое
платье и поведетъ на рынокъ куръ и овецъ.

Властелиница на одинъ день, а потому невольница, сегодня
въ шелковой и бархатной одеждѣ какъ восточная принцесса,
а завтра пробужденіе отъ минутнаго сна, завтра заботы
трудолюбивой жизни, завтра нота скорби! О доля Византе, ка-
кія человѣчскія превратности которыми ты служишь, какъ
тогда не знала, осмыслить и живыми пережить!

При всѣхъ жадныхъ я не могъ насладиться каждымъ утромъ у
Маркиза вертеть, зрѣлищемъ свадьбы, но каждое утро я при-
нѣлъ тамъ какихъ-нибудь новыхъ посѣтителей, которымъ по
особенному характеру фюзіоніи или костюма, возбуждали въ
мнѣ живое участіе, матросы съ лицомъ засмугленнымъ поѣз-
ками на Востокъ, красивые и гордые крестьяне Перасто, бо-
гатые добротскіе граждане, и наконецъ я имѣлъ удовольствіе
увидѣть въ одинъ день группу Кривоши, съ голой грудью,
цвѣта флорентинской бронзы, съ лицомъ правильно очерчен-
нымъ, съ глазами свирѣпыми какъ у орла и съ желѣзными
мышцами.

Люди эти принадлежатъ къ немногочисленному племени слав-
янскаго происхожденія, обитающему на холмахъ не въ даль-
нейшей разстояніи отъ Византе, между границами Черногоріи, Пер-
асто и дальняго берега. Они обрабатываютъ землю,
разводятъ скотъ, но эти честныя занятія не вполнѣ имъ
удовлетворяютъ. Держатъ рукоятку кинжала для шикъ: пригнѣ,
сбѣвъ ручку плуга и ошившая экспедиція правится при верѣ
де болѣе чѣмъ продолжительностью правильной работы. Храбры
въ предѣлѣ и оставшіе, но правдыкъ они съ трудолюбивымъ

многочисленію выходить изъ границъ нѣд области, иди для того, чтобы воспользоваться лучшимъ пастбищемъ, или чтобы увести при случаѣ скотъ. Какъ земледѣльцы въдогорныхъ послѣднихъ провинцій, отираемась работать въ поле, они вичлуть ружье въ бороздѣ и какъ Бедуины стерекутъ стада съ оружіемъ у пояса.

.. Хотя цѣлѣ ихъ не составляетъ болѣе тысячи человекъ, они не боятся вступать въ смѣлыя боробы, возобновляющіяся сами собою черезъ кровь, которую заставляли проливать дожаунолимыхъ законамъ вендеты. Они сопротивляются Черногорцамъ и ведутъ жестокую войну съ герцеговинскимъ Турками. Австрійское правительство, осуждая ихъ зазорный нравъ и грабительство, однако щадить ихъ; они для него все равно, что батальонъ стрѣлковъ, они служатъ ему противъ Турокъ, или иногда Усклоки противъ Венеціанъ.

.. Въ главѣ этой воинственной общины пастуховъ находится греческій священникъ, пользующійся между ними той же властью, какъ младакка между Черногорцами. Онъ имѣетъ ихъ главныи и земной начальникъ, совѣтникъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, полководецъ въ битвахъ.

.. Они имѣли одного лѣтъ пятнадцать тому назадъ, къ которому чувствовали восторженную привязанность и о которомъ говорятъ и теперь съ глубокимъ уваженіемъ. Этотъ предатель, звать дореленскій князь, имѣлъ притязаніе быть потомкомъ императорской фамиліи Комнецовъ и назывался Марко Комнепанецъ. Видя ожесточеніе, съ какимъ онъ нападалъ на герцеговинскихъ Турокъ, можно было сказать, будто онъ хотѣлъ завладѣть ихъ вѣнчатитъ за ваятіе Константинополя. Турки рѣшились отъ него освободиться; но напрасно пыталась; захватить его. Кривоши хранили его какъ палладіумъ своего племени. Не могли устоять въ первыхъ покушеніяхъ они вознамѣрились устрогать дитрость. Начали показывать маленькому народу сильное желаніе жить съ ними въ дружествѣ; позволяли дружелюбно переступить границы пастбища, наконецъ даже хороща устроили, что Кривоши, бывшіе однако уже не однихъ разъ жертвами обмана своихъ враговъ, опять доволди обмануть себя. Имѣли была притворена такимъ образомъ личность. Наконецъ, пришли однажды, просить посредничества Марко

чи дѣлъ такомъ спорномъ, говорили они и въ такомъ запутанности, что только одна мудрость знаменитого Марко могла рѣшить его. Марко походилъ на старую крысу Лавонтепа, она сама свисала кошки и отказался исполнить эту просьбу. Турки не потеряли бодрости; черезъ нѣсколько времени она возобновила свою просьбу, въ выраженіяхъ болѣе настоятельной утѣри въ своемъ глубокомъ уваженіи къ особѣ старѣйшины и каллабѣ книгой Магомета, что его съ уваженіемъ проводить въ Наксичъ и отвѣдуть въ безопасности въ его общину. Намѣстникъ, что Турки довольно честные въ своихъ обьявленіяхъ одлажи, не считаютъ себя обязанными исполнять вѣщанья, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ христіанамъ. Марко это зналъ, однако уступилъ и отправился въ Наксичъ.

Едва вошелъ онъ въ жилище бѣа, какъ была барбазанъ. Нѣкоторые изъ его людей подверглись той же участи. Другіе, которыхъ солдаты бѣа не имѣли времени захватить, повалили шпоры въ бока лошадей и принесли въ плечи разсказъ объ ужасномъ происшествіи. Это извѣстіе разразилось какъ громовой ударъ между Кривошитами. Женщины рвали себѣ волосы и вопили о погибелѣ пастыря. Мужчины изъясняли свое горе простыми криками. Когда пылъ первого впечатлѣнія поутихъ, старѣйшины народа принялись разсуждать, что имъ должны сдѣлать, чтобы отомстить смерть своего князя. Целыя продолжительныхъ и бурныхъ разсужденій рѣшили большинствомъ голосовъ, что не согласятся ни на какое предложеніе примиренія; что голова Марка будетъ опѣнена въ двадцать четыре турецкія головы, и что пока не будутъ обладать имѣемъ двадцатью четырьмя головами, не съру соплеменниками. Вещанье Марка и герцеговинскими Турками не возможно никакимъ перекладомъ.

Съ этого дня Кривошита принялись за дѣло, подстергали добычу, какъ лисицы, бросаясь на нее какъ пастеры, жандура прѣва. Однажды двое изъ молодыхъ вступили въ прѣва главу одного изъ сыновей бѣа, котораго въ продолженіи шестидесяти часовъ подстергали терпѣливо, потому шарадеца за отыгли на оторѣ. Въ другой разъ они шарили на прѣва въ значительныхъ мѣстечкахъ провалтате города Наксичъ; но они не дожили еще нѣсколько головъ и покуда не будешь умильней

дешевы и еще нѣсколькихъ въ придачу, какъ процентовъ капитала, бѣда тому герцеговинскому Турку, который попадетъ имъ подъ саблю.

Я бы хотѣлъ остановиться здѣсь и описать правила вендеты, такъ глубоко укорененной въ этихъ жителяхъ горъ и даже у Бокнесцевъ; но отлагаю возвратиться къ этому въ большихъ подробностяхъ, когда попытаюсь описать нравы Черногорцевъ.

Этихъ гордыхъ Черногорцевъ особенно желалъ я видѣть, увѣзая въ Далмацію и прѣѣхавъ въ Каттаро, побѣждалъ на рынокъ, открытый имъ у подошвы ихъ горъ, шагахъ во сто отъ городскихъ укрѣпленій. Какъ не велико недовѣріе, внушаемое ихъ воинственнымъ характеромъ, между ними и каттарскимъ народонаселеніемъ существуютъ необходимыя сношенія. Каждый имѣютъ нужду другъ въ другѣ. Черногорцы приходятъ сюда покупать свинець, порохъ, домашнюю утварь, предметы роскоши. Они приносятъ сюда рѣчную рыбу, овощи, говядину, съѣстные припасы. Въ замѣнъ военныхъ припасовъ, они даютъ живянные. Три раза въ недѣлю ходятъ они съ горъ, одни съ ослами или лошадьми, другіе несутъ сами ношу на плечахъ, прыгая легкими шагами съ скалы на скалу. Я долженъ сказать, что въ этой категоріи Черногорцевъ, исправляющихъ должность вѣдочнаго скота очень мало мужчинъ и много женщинъ.

Съ идеею, которою я составилъ себѣ о Черногорцахъ, по различнымъ книгамъ, какъ составляешь себѣ идею о древнемъ монументѣ или пейзажѣ по гравюрамъ, я былъ очень разочарованъ въ первый разъ какъ началъ наблюдать ихъ на томъ мѣстѣ почвы, гдѣ они разставляютъ свои товары. Какія сухія и тощія лица! какія лахмотья! Великій Боже мало Каллата и Мурильо, чтобы нарисовать ихъ, и я никогда не видалъ ничего подобнаго на самыхъ оборванныхъ нищихъ самыхъ бѣдныхъ восточныхъ базаровъ.

Въ заблужденіи жестоко признаться. Но я долженъ въ немъ признаться: Черногорцы являлись мнѣ въ мечтахъ воображенія, подъ формой болѣе обольстительной, чѣмъ-то въ родѣ романтическихъ христіанскихъ рыцарей въ вѣчныхъ крестовыхъ походахъ противъ Турокъ, чѣмъ-то въ родѣ также, долженъ я сказать, грабителей, но грабителей красоты энергической, которыхъ я нарядилъ въ театральныи костюмъ. И вотъ съ перваго

иногда вступленія между нихъ, я падаю съ идеала воинственной жизни на рынокъ овощей, отъ Аріоста къ Валь, отъ благороднаго образа Ванъ-Дейка къ грубымъ фантазіямъ Теннера. Наденіе было жестоко; однако надѣюсь приподняться. Чтобашнотти въ городъ, Черногорцы обязаны оставлять въ караульнѣ вѣтѣрской свое мужское украшеніе, свой знакъ отличія: озеружіе, которому они приписываютъ столько цѣны, и которое придаетъ имъ столько увѣренности. Уступивъ такимъ образомъ требованіямъ австрійской предосторожности, они походятъ на льва въ баснѣ, который невольнѣ подпилитъ себя зубы, вырвать когти и въ своей грубой одеждѣ, истертой отъ долгого употребленія, лишенные очарованія, походятъ на нищія.

Что касается до женщинъ, то онѣ одѣты самымъ бѣднымъ образомъ. Вотъ въ точности одежда или въ нѣкоторомъ отношеніи отсутствіе одежды большей части изъ нихъ, безъ чулокъ и безъ башмаковъ, особенно въ дурную погоду, потому что, говорятъ онѣ въ своей благоразумной опытности, подошва ногъ укрѣпляется на жесткихъ дорогахъ, между тѣмъ какъ обувь трется о камни и портится отъ дождя. Эта обувь, которую они такъ жалуютъ состоитъ просто изъ грубаго шерстянаго виванья, потому что нѣкотораго рода сандалій, состоящихъ изъ длинной кошачей волосы, привязанной къ ногѣ ремешками. Народныя вѣснѣ изъ представляютъ часто сербскихъ князей, расчесывающихъ себя волосы золотымъ гребнемъ. Если бѣдныя Черногорки знаютъ это преданіе, то оно должно называться имѣ. страшною выдумкой. Молодыя дѣвушки наплавляютъ косы какъ на шпички волосъ красную шапочку, замужнія покрываютъ ихъ платкомъ. На тѣлѣ онѣ носятъ только холстинную рубашку и рюль шерстянаго халата, открытаго спереди и спускающагося ниже колѣнъ. Этотъ халатъ безъ крючковъ, безъ петель, стягивается огромнымъ кожанымъ поясомъ, широкимъ какъ дамскій хомутъ, выложенный грудой грубаго сѣрдагока, прикрѣпленный на спинѣ массивнымъ жѣднымъ графомъ. Поневъ Бриггильдъ, въ странѣ Нибелунговъ, не былъ, вѣроятно, такъ же. Здѣсь какъ въ сѣверныхъ сагахъ, это отличительный знакъ замужней женщины и ея главное украшеніе. Женщины бѣдная довольствуется тѣмъ, что этотъ тяжелый ремень украшенъ латуною; женщина богатая хочетъ чтобъ онъ былъ изъ

краснѣе серебряныи или не позолоченныи бляхами. Есть такіе мушкетеры, которыхъ одинъ видъ заставилъ бы задрожать ищущіи чужины Парижанцы, и которые здѣсь составляютъ предметъ жадности и стоятъ не менше двухъ или трехъ соти франковъ.

Возвращаюсь къ другимъ частямъ одежды не для удовольствія; я долженъ признаться, но чтобы окончить мой очеркъ. Хорошіи рубашка рѣдко мостятъ. Шерстяная рубашка, покрывающія ее, неблажена по той же экономной причинѣ отъ стирки, отъ которой она слишкомъ бы скоро изнашивается. Пусть вообразитъ какое впечатлѣніе долженъ испытать иностранецъ, въ первый разъ разсматривающій этихъ людей, преждевременно состарѣвшихся въ слѣдствіи своей суровой жизни и кромѣ того обезображенныхъ такой одеждой, у нныхъ уже дыривой, но большей части потерявшей свой первоначальный цвѣтъ.

Говорятъ, что Черногорцы очень ревнивы, и что нельзя не подвергаясь смертельной мести отважиться на любовное объясненіе съ этими дикими красавицами. Право должно быть ревность есть страсть врожденная человѣческому сердцу, потому что существуетъ при такихъ условіяхъ или должно быть человѣческое сердце во всѣхъ странахъ міра обладаетъ странной способностью къ обманчивости. Что на черногорскихъ скалахъ есть также любовныя бури какъ и громовые удары, я не могу сомнѣваться, узнавъ какимъ энергическимъ образомъ каждый Черногорецъ съ молодости принимаетъ твердое намѣреніе, какъ одинъ изъ героевъ Кальдерона, сдѣлаться врачомъ своей чести *el medico de su honor*. Что касается до иностранцевъ, то я охотно поручусь за добродѣтель ихъ въ Черногоріи. Не нужно угрозы кинжала, чтобы отдалить отъ нихъ всякую мысль оболъщенія.

Но если трудно создать себѣ между Черногорками, которыхъ видишь въ Каттаро, романтическую мечту или поэтическую идиллію, то есть другое душевное волненіе, которое весьма естественно сватываетъ насъ при видѣ ихъ, — это состраданіе. Бѣдныя женщины! Какому состоянію униженія присуждены онѣ! Мужчина, иногда дѣлающій имъ честь ревновать къ ихъ взорамъ такъ быстро помраченнымъ, къ ихъ молодости, такъ скоро поблекшей; мужчина есть ихъ самовластный и

гордый, презрительный и жестокий господинъ. Мужчина заста-
вляетъ ихъ носить какъ вьючный скотъ и еще съ меньшей
осторожностью самыя тяжелыя ноши; и когда дорогой онъ
встрѣчаютъ знакомаго, то не сибуютъ дружески ему поклонитъ-
ся. Онъ сдѣлаютъ ему почтительный поклонъ и поцѣлуютъ
ему руку. Я видѣлъ этихъ женщинъ, слускающихся изъ Цетиніе
въ Каттаро; восемь часовъ ходьбы босыми ногами по острымъ
камнямъ, чтобъ прійти сюда, восемь часовъ, чтобъ воротиться,
и онъ приносятъ на базаръ: на головѣ связку дровъ, которую
продавали за девять или десять quagani, около семи су.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛУРИСТАНЪ И ВЪ АРАВИСТАНЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Сборы въ дорогу. — Гроза и буря въ декабрѣ. — Неудобство ѣзды ночью.

Во все время пребыванія въ Персіи, я постоянно и пламенно желалъ повидать знаменитыя развалины Персеполиса; но обстоятельства долго мѣшали мнѣ исполнить желаніе. Наконецъ удалось устранить всѣ препятствія, и я собрался въ путь. Чтобы терять какъ можно менѣе времени, я предпочелъ ѣхать на почтовыхъ, хотя на своихъ было бы удобнѣе. Европейецъ, привыкшій въ путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ не только къ комфорту, но даже и къ роскоши, съ трудомъ пойметъ, что на Востокѣ, по-крайней-мѣрѣ въ Персіи, неизвѣстны вовсе ни почтовые кареты, ни пароходы, ни паровозы. Здѣсь, если вы хотите путешествовать, — не говорю роскошно, но маломальски удобно, то должны имѣть верховыхъ лошадей для себя и слугъ своихъ; кромѣ-того, вьючныхъ лошадей, или муловъ и верблюдовъ для постелей и поклажи своей и слугъ своихъ; для кухни, даже для провіанта себя и лошадей (не бездѣлица!) потому что на всей дорогѣ не встрѣтите ни гостинницы, ни постоялыхъ дворовъ, ни даже харчевенъ. По тѣмъ дорогамъ, гдѣ нѣтъ деревень, обыкновенно останавливаются въ караванъ-сараяхъ; это каменное строеніе съ огромными воротами, ведущими на пространный дворъ, вокругъ котораго находятся не большія клѣткшки съ отверстиями, но безъ дверей, безъ оконъ, и въ которыхъ рѣдко отъльбѣ на: мѣста; чтобы про-

вести безпокойную ночь. Внутренній дворъ отдѣляется отъ наружныхъ стѣнъ зданія темными стойлами для скота — самую комфортабельною частію всего заведенія. Вотъ все удобство, котоое вы можете требовать въ самомъ лучшемъ каравансераѣ; но не вездѣ встрѣтите ихъ, и часто должны считать себя счастливымъ, если найдете пріютъ гораздо менѣ покойный послѣ утомительнаго пути въ безлюдной пустынѣ. Неутѣшительная, но вѣрная картина путешествія въ Персію! — Если же ѣхать на своихъ лошадяхъ, то терлешь больше времени, а кто спѣшитъ, тому нельзя рекомендовать этого образа ѣзды. Мнѣ было бы это вовсе неудобно. Отъ Тегерана до Персеполиса считается около 120 фарсанговъ разстоянія (450 английскихъ миль); можно проѣхать 6 фарсанговъ въ день; и такъ я не могъ бы доѣхать до мѣста своего назначенія прежде 20 дней. Привыкну къ верховой ѣздѣ, я предпочелъ ѣхать на почтовыхъ. Прежде всего досталъ себѣ письменный приказъ отъ генералъ-почтмейстера, чтобы на каждой станціи было имѣ доставляемое потребное число лошадей. Шефи Ханъ (имя генералъ-почтмейстера) былъ мнѣ хорошо знакомъ, я отрядилъ даже одного изъ своихъ *чапаровъ* или почталымоновъ въ проводники, и наблюдать за тѣмъ, чтобы меня не задерживали доставкой лошадей на станціяхъ. По совѣту его, я выхлопоталъ у государственнаго министра, чтобы въ шахской фирмѣ, т. е. въ подорожную, включена была статья, обязывающая всѣхъ начальниковъ провинцій, округовъ, городовъ, деревень и проч., оказывать покровительство путешественнику, а именно, доставлять нужное число лошадей, въ случаѣ если ихъ неостанетъ на почтѣ. — Эта мѣра оказалась въ послѣдствіи весьма полезнаю. Я съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ начать свое путешествіе, что не смотря на грозныя облака, предвѣщавшія бурю, на неляку проводника съ почтовыми лошадьми до поздняго вечера, — выѣхалъ изъ Тегерана на закатѣ солнца 23 декабря 1840.

Поворачивая за юго восточный уголъ стѣны, я вѣхалъ на возвышенность, образующую гласисъ за контр-эскарпомъ геродскаго рва. Съ этимъ мѣстомъ связано воспоминаніе печальной катастрофы, приключившейся съ Россійской Императорской Миссіей въ Тегерахъ, въ 1829, когда посланникъ, со всею своєю

святою и служителями, былъ злодѣйски умерщвленъ дикими толпами народа.

Мы недалеко успѣли отлѣхать, какъ черныя тучи, сконлившіяся надъ нашею головою, разразились ужасною бурей и градомъ, сопровождаемыми громомъ и молніею, необыкновенными въ столь позднее время года. Дождь лилъ ручьями, и насъ скоро окружила совершенная тьма. Разумѣется, что мы при такихъ обстоятельствахъ не замедлили сбиться съ дороги, хотя проводникъ долго увѣрялъ насъ въ противномъ. Молнія яркимъ блескомъ своимъ озаряла по временамъ вокругъ насъ безлюдную пустыню, безъ малѣйшаго слѣда дороги, или какого нибудь жилища, въ которомъ бы можно было найти пріютъ. Наконецъ лай собаки оживилъ наши надежды, и направляясь въ ту сторону, откуда онъ слышался, мы пріѣхали въ деревушку, гдѣ послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, насъ наконецъ впустили на старое гумно.

Къ утру дождь пересталъ, мы сѣли на лошадей и поѣхали въ *Кемаредфирдъ*, гдѣ должны были переѣхать ихъ; но такъ какъ здѣсь не нашли мы свѣжихъ лошадей, то рѣшились дать отдохнуть своимъ, и на нихъ же отправились далѣе. Я не могъ пожаловаться на своего коня, который шелъ хорошо и вноходью: вноходцы особенно уважаются въ Персіи, и конь или мулъ, обладающій этимъ пріобрѣтеннымъ качествомъ, цѣнится гораздо дороже. Персіане обращаютъ такое же вниманіе на спокойный ходъ лошадей своихъ, какъ мы на удобство нашихъ экипажей.

Слѣдующій роздыхъ нашъ былъ въ Гаузъ-Султанъ-Каравансераѣ, на границѣ большой соляной пустыни, или *кабира*, разделяющей Тегеранъ отъ Кума и простирающейся далеко на востокъ, между Хорасаномъ и Ездомъ. Такъ какъ въ каравансераѣ нѣтъ почтовой станціи, то мы снова принуждены были дать отдыхъ своимъ лошадямъ и потому не могли достигнуть ближняго караванъ-серая Пули-Деллаукъ прежде глубокихъ сумерекъ, и сбившись снова въ темнотѣ съ дороги.

Я часто возставалъ противъ персидскаго обычая всегда оставаться на всю ночь; но извѣдалъ собственнымъ опытомъ, что чуждаго, влиграешь пустишься въ путь. Ночи на востокѣ очень темны, особенно если и осень и зимою; и такъ какъ нѣтъ

поворотныхъ египетскихъ и никакихъ знаковъ, означивающихъ дорогу, то ничего нѣтъ легче, какъ сбиться съ дороги въ однообразныхъ степяхъ или узкихъ ущельяхъ горъ. Мнѣ часто случалось вязнуть въ снѣгу, и вполѣтъ до разсвѣта не звать: двинуться ли впередъ или назадъ? Иногда, проспавши всю ночь дороги, я къ утру возвращался въ то же мѣсто, откуда выѣхалъ вечеромъ, и встрѣчалъ насмѣшливые улыбки тѣхъ, которые тщетно отговаривали меня отъ безполезнаго предпріятія.

Эти замѣчанія впрочемъ касаются только тѣхъ, которые путешествуютъ маленькими группами, потому что караваны, лѣтомъ, предпочитаютъ ѣхать ночью, чтобы избѣжать дневнаго зноя; но ихъ мулы и проводники, кажется, инстинктомъ понимаютъ дорогу.

II.

Таинственная деревня Кумъ-Рудъ. — Персидское суселіе о *гулахъ* или спростахъ Кабира или Великой Пустыни. — Разсказъ Морріера. — Разрушенію караванъ-серая Деиръ и Коджи въ той же степи. — Возвращенію Зузара изъ богемоды въ Мекку и Кербелай. Хаджи. — Значеніе этихъ именъ. — Прибытіе въ Кумъ. — Учрежденіе Чаниръ-хане или почтовыхъ станцій въ Персіи. — Развалины Сисина. — Дыни и пшеница на однихъ и тѣхъ же поляхъ въ Каматъ. — Извѣстная трусость жителей. — Хорошіе илдяки. — Бархатныя мануфактуры Кизиланскія. — Лѣтняя и зимняя дорога испаганская. — Кухрудъ. Сѣвныя дороги. — Буракъ. Караванъ серый Акъ-Кемель. — Деревня Со. — Ночное приключеніе на рѣкѣ. — Мурчегаръ. — Гельъ. — Прїездъ въ Исагандъ.

Рѣка, протекающая близъ того караванъ-серая въ которомъ мы ночевали, и черезъ которую переброшенъ Пули Делаякъ, т. е. *мостъ цирюльника*, течетъ къ сѣверо-востоку, и соединяется съ рѣкою Керси, которую мы переѣхали въ Кенаръ-джирдѣ, и нѣсколькими небольшими ручьями, текущими отъ Веромина, терлется въ Соляной степи, превращая въ болото обширное пространство земли. У слиянія этихъ двухъ рѣкъ лежитъ большая, укрѣпленная деревня Кумъ-рудъ, о которой ходятъ странные разсказы. Говорятъ, что жители ея принадлежатъ къ совершенно особому племени, и никогда не сообщаются съ другими. Нѣкоторые говорятъ, что они ревностные приверженцы ученія Али-алаховъ, признающихъ божество Али, родственника арабскаго пророка; другіе полагаютъ, что они потомки

древниа Персовъ или Гебровъ, учениковъ Зороастра, которые всегда усорно противились принатію магометанской вѣры. Никто изъ тѣхъ, кого я спрашивалъ, не бывалъ самъ въ Кумрудъ; всѣ говорили по наслышкѣ; потому и самыя рассказы ихъ были неудовѣрительны. Когда я посѣщалъ гору Ся-ку въ Большой Солнечной степи, мнѣ хотѣлось побывать въ Кумрудъ; но проѣхавъ этою дорогою и осмотрѣвъ разрушенное зданіе Деира, относящееся къ эпохѣ Сассанидовъ, я не могъ ѣхать далѣе по причинѣ чрезвычайнаго зноя и совершеннаго недостатка воды. Потомъ никогда не удалось нарочно предпринять эту поѣздку; но думаю, что Кумрудъ и лежащія по близости его развалины Кой доступны со стороны Пули Далаука, чѣмъ съ другихъ; рекомендую оба эти мѣста вниманію будущихъ путешественниковъ, которымъ предлежитъ трудъ опредѣлить, какого рода люди Кумрудцы, слѣдующіе китайской системѣ отчужденія отъ всего остальнаго міра.

Такъ какъ они живутъ въ пустынѣ, то простой народъ въ Персіи смѣшиваетъ ихъ со всѣми нелѣпыми сказками о *гулази* или другихъ злыхъ духахъ, которыми народныя повѣрья населяютъ эти безплодныя и безлюдныя степи.

Эти повѣрья весьма древнія и существовали въ самыхъ отдаленныхъ вѣкахъ у Зендовъ и другихъ азіатскихъ народовъ*.

* Въ *Путешествіи по Средней Азіи* Марка Поло, въ III вѣкѣ по Р. Х. находится слѣдующее любопытное описаніе этихъ духовъ пустыни:

„Рассказываютъ за вѣрое, говоритъ авторъ, что эта степь (*Коби*, по близости города Лена) служитъ жилищемъ множеству злыхъ духовъ, которые разными необыкновенными оборачиваніями влекутъ путниковъ къ гибели. Если въ продолженіе дня, кто нибудь изъ нихъ собьется съ дороги, или заснетъ, или какинъ нибудь образомъ потеряетъ караванъ изъ виду, то вдругъ неожиданно слышится, что знакомые голоса зовутъ его по имени. Полагая, что это голоса спутниковъ, онъ идетъ на нихъ, углубляется въ пустыню и погибаетъ.

Ночью оставшему путнику слышится топотъ съ той или другой стороны дороги; полагая, что это караванъ товарищей, онъ стрелится въ ту сторону, откуда слышится топотъ; только на разсвѣтѣ прихвачаетъ онъ свою ошибку и опасное положеніе. Иногда, среди дня, злые духи принимаютъ на себя образъ спутниковъ, заговариваютъ съ ними и стараются сбить съ настоящаго пути. Говорятъ, что некоторые путешественники встречали этихъ духовъ въ образѣ вооруженныхъ людей, которые нападали на нихъ и обращали въ бѣгство; такіе образы они сбрасывали съ дороги; и не зная, какъ снова вѣрнаться на нее, погибали отъ голода. Объ этихъ духахъ пустыни рассказываютъ много чудесныхъ и невѣроятныхъ

Чтобы дать понятие о гуляхъ, я выпишу шумливый рассказъ Морриера, путешествовавшего въ этихъ краяхъ:

«На слѣдующій день», говоритъ онъ, «мы пробѣжали эту часть Соляной стѣны безъ всякихъ приключеній, хотя Персіане и побавлялись гулей; это родъ степныхъ смрежъ, которыя, по словамъ ихъ, заманиваютъ путешественника своими криками, и потомъ терзаютъ ихъ когтями. Они говорятъ, что гуй имѣетъ способность принимать на себя разные цвѣта и виды; такъ иногда является она въ видѣ верблюда, коровы или лошади; и когда случилось вдругъ завидѣть на горизонтѣ пустыни что нибудь, чего нельзя различить — всѣ Персіане разомъ кричали что это гуй. Потомъ они очень важно рассказывали намъ, какими заклинаніями удержали ее въ почтительномъ разстояніи.» (Morrièr's Second Journey through Persia, p. 168).

Говоря о каравансерахъ, часто прибавляютъ къ нему имя *Коджъ*, отчего и выходитъ *Диръ Коджъ*. Мы находимъ это имя у арабскихъ писателей; вѣроятно онъ стоялъ на линіи сообщеній между южными частями имперіи, каспійскими провинціями и греческими городами въ Вероинѣ.

«Диръ Кардъ Ширъ, говоритъ Я-Кути, есть монастырь, лежащій посреди безплодной пустыни, между Ресмъ и Кумомъ. Онъ основанъ Ардаширомъ, сыномъ Бабековымъ, хорошо укрепленъ и обнесенъ высокими стѣнами. Въ немъ есть цитерра, върубленная въ скаль.» (См. Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, tom II).

На слѣдующее утро, 25 декабря, приближаясь къ Куму, я встрѣтилъ караванъ богомольцевъ, возвращающихся изъ Кербелая, гдѣ они приносили молитвы свои на гробъ *Гуссейна*, замученнаго сына Али, и куда отвезли тѣла умершихъ своихъ родственниковъ для погребенія ихъ въ этой святой землѣ мусульманъ—шиитовъ. Изъ за городскихъ стѣнъ высыпало множество народа. Это были друзья богомольцевъ, которые вышли поздравить ихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ и съ пріобрѣтеніемъ титула кербелаявъ.

исторій, говорятъ, что они вносятъ въ воздухъ, наполняя его звуками различныхъ инструментовъ, или стучатъ оружіемъ и принуждаютъ путешественниковъ снискать рдм свои и идти осторожно.» (См. Marco Polo's Travels, by Marsden, chap. XXXV, p. 159).

Есть три мѣста, куда Персіане—шіиты ѣздятъ на поклоненіе. Городъ Мешедъ считается послѣднимъ по степенн святости; бывшіе тамъ на могилахъ Имамъ Ризы, называются мешеды. Второе за тѣмъ Кербелай, которое уважается болѣе перваго; но тѣ поклонники, которые посѣщали Каабу, Медину и гробъ арабскаго пророка въ Меккѣ получаютъ титулъ хаджи.

Очень забавно иногда видѣть, какъ они важничаютъ этими титулами, особенно передъ низшими разрядами.

Персіанинъ обидится, если вы назовете его мешедомъ, когда онъ имѣетъ право на высшее названіе кербелая, или еще болѣе на высшее и великолѣпнѣйшее титло хаджи. Такимъ образомъ мешедъ, кербелай и хаджи дѣлаются титулами отличія, которыми обладатели не мало гордятся.

Въ Кумѣ, святомъ городѣ, хранящемъ гробъ Фатъмы, сестры одного изъ великихъ имамовъ, я остановился на короткое время, въ разрушенномъ караванъ-сераѣ, теперь обращенномъ въ *чапаръ-хане*, или почтовую станцію. Почта въ Персіи содержится правительствомъ, которое платитъ за содержаніе каждаго чапаръ-хане деньгами и натурою; администрація ихъ находится въ рукахъ генералъ-почтмейстера, который отдастъ на откупъ чапаръ-хане, порознь или гуртомъ, на всѣхъ извѣстныхъ линіяхъ сообщенія съ столицею.

На всѣхъ главныхъ дорогахъ, ведущихъ въ Тегеранъ, находятся чапаръ-хане; но внутренніе города не пользуются этимъ преимуществомъ. Здѣсь нѣтъ почтовыхъ учрежденій для правильной разсылки писемъ и посылокъ, какъ это бываетъ въ Европѣ. Почта развозитъ только приказанія правительства къ губернаторамъ провинцій и донесенія послѣднихъ высочайшему двору. Въ такомъ случаѣ отдаютъ пакеты *голаму*, или довѣренному рабу и отправляютъ его *чапаромъ* по почтѣ. Частныя лица, желающія переслать письма по той же дорогѣ, пользуются этимъ случаемъ и гонецъ, за небольшую плату, развозитъ ихъ порученія. Лошадей на каждой станціи полагается семь; но это число мѣняется, смотря по надобности или важности линіи сообщенія. Три главные пункта, съ которыми Тегеранъ находится въ постоянномъ сообщеніи: къ западу Тавризъ, къ югу: Мессаганъ и къ востоку Мешедъ.

За исключеніемъ двухъ или трехъ лошадей на каждой стан-

ціи, которыя иногда еще бывают сносны, всё прочіи видятся въ самомъ жалкомъ состояніи; и бѣдный путешественникъ утомляется болѣе возкою свой клячи, нежели всю усталостію труднаго пути. Если, не смотря на всё его усиліе, лошадь не хочетъ или не можетъ двинуться впередъ, онъ имѣетъ полное право обрубить ей хвостъ и бросить его зобету или содержателю слѣдующей станціи. Это вознагражденіе предоставляется ему за то, что онъ можетъ быть полдороги прешелъ пѣшкомъ, взваливъ сѣдло на одно плечо, а мѣшокъ съ поклажею на другое.

Дорога отъ Кума до Кашана представляетъ мало любопытныхъ предметовъ, за исключеніемъ развѣ развалинъ *Синсима*, которыя должны быть когда-то обширнымъ городомъ; но когда?... Этотъ вопросъ разрѣшить трудно. Такъ какъ я былъ странствующій *чапар*, (такъ называютъ Персіане блудящихъ по почтѣ)—то отъ меня нельзя ожидать подробнаго изслѣдованія этихъ развалинъ; но судя потому, что я узналъ отъ одного ученаго миссіонера Пропананды, который открылъ подземныя комбаты между грудями развалинъ въ городѣ Синсимѣ, весьма вѣроятно, что антикварій нашелъ бы здѣсь обширное поле для открытій. Беру смѣлость указать будущимъ путешественникамъ мѣста, въ которыхъ слѣдано было немного открытій, но которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что часто случается, что спѣша поклониться историческимъ и громкимъ памятникамъ минувшихъ вѣковъ, мы проходимъ безъ замѣчанія мимо не столь извѣстныхъ, но можетъ быть не менѣе любопытныхъ остатковъ древности. Это замѣчаніе особенно относится къ Персіи; потому что не смотря на то, что очень многіе путешественники посѣщаютъ эту древнѣйшую въ свѣтѣ монархію, Персія все еще извѣстна очень мало.

Приближаясь къ Кашану, мы проѣзжали обширными полями, засѣянными дынями. Чтобы не потерять ни клочка земли, ни капли воды, употребляемой для поливки, жители Кашана сѣютъ пшеницу на тѣхъ же поляхъ, которыя обыкновенно обнесены зеленою оградю. Пшеница, вырастая, даетъ тѣмъ дынямъ и поддерживаетъ свѣжесть; зеленъ ея очень

пріятна для глазъ. Я не помню, чтобы выдалъ эту особенность гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Персіи.

Жители Кашана весьма трудолюбивы; это качество частію искупаетъ ихъ недостатокъ мужества, потому что *Кашии* — снисходительны къ трусу, и болѣе храбрые сосѣди рассказываютъ множество исторій объ ихъ трусливомъ расположеніи духа. Эти обвиненія справедливы только сравнительно; потому что, въ строгомъ смыслѣ слова, Персіане воѣ болѣе или менѣе *Кашии*. Между прочими чертами трусости, которыя имъ приписываютъ, говорятъ, что *Кашии* всегда лучше всѣхъ вооружены съ головы до ногъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ на походъ въ Мешидъ или Мекку, и всегда громче всѣхъ кричатъ о своей непобѣдимой храбрости до тѣхъ поръ, пока не наступитъ опасность. Но едва лишь лягутся Туркоманы или Арабы — *Кашии* прежде всѣхъ обращаются въ бѣгство.

Сколько городъ Кумъ извѣстенъ гробницею Фатьмы и глиняными кувшинами, въ которыхъ вода сохраняется холодною среди лѣта, столько же Кашанъ славится своими мѣдниками, и шелковыми и бумажными бархатными мануфактурами.

Недалеко, вправо отъ Кашана, лежитъ красивое мѣстечко *Финизъ*, которое любилъ посѣщать покойный Фетъ-Али-Шахъ. Здѣсь находятся прекрасныя сады, наполненные красивыми тополями, кипарисами и величественными чинарами. Легкіе и фантастическіе павильоны гдѣ въ нижнихъ покоехъ бьютъ фонтаны тогда, какъ въ верхнихъ окна открыты со всѣхъ четырехъ сторонъ для свободнаго прохода воздуху, — это настоящая роскошь въ жаркихъ равнинахъ Кашанскихъ.

Но благопріятное впечатлѣніе Финна значительно уменьшается тѣмъ, что на дорогѣ къ нему, путешественникъ долженъ проѣхать мимо пирамиды, изъ бѣлаго известковаго камня, усаженой головами Бедучей. — Страшное зрѣлище!

Въ Кашанѣ мы перемѣнили лошадей. Моя лошадь, ввѣтая въ Кумъ, провезла меня двадцать фарсанговъ и была еще совершенно свѣжа; но за то люди мои были уже не такъ счастливы, хотя не разъ перемѣняли лошадей на прежнихъ станціяхъ.

Изъ Кашана въ Исфаганъ ведутъ двѣ дороги: одна горная.

шагами назадъ и впередъ. Подѣхавъ ближе, мы уловляли тихіе наѣвы и глухіе звуки. Это былъ мулла, читавшій Коранъ. Переѣзжие имѣютъ обычай нанимать муллу, чтобъ онъ вслѣдствіе число дней читалъ Коранъ и молитвы на могилахъ умершихъ родственниковъ за упокой души ихъ.

Округъ *Кухрудокій* имѣетъ съ *Наменсомъ*, отстоящимъ отъ деревни *Кухрудъ* фарсанговъ на десять къ востоку за горами, заключаетъ въ себѣ шестьдесятъ три деревни, которыя въ то время находились въ рукахъ одного изъ родственниковъ перваго министра, по имени *Абдуль-Хана*. Въ *Кухрудѣ* много фруктовыхъ садовъ, но вовсе нѣтъ хлѣба, который привозятъ изъ *Иомеана*, небольшого округа, лежащаго фарсанга на три къ Западу.

Дома здѣсь велики, большею частию выстроены въ два этажа и имѣютъ опрятную наружность, рѣдкую въ здѣшнихъ степныхъ деревняхъ. Мужчины и женщины очень красивы и здоровы; и составляютъ исключеніе между жителями низменныхъ земель. *Кухруды* говорятъ ломаннымъ персидскимъ языкомъ, собственно имъ однимъ свойственнымъ.

Прямая дорога до ближайшей станціи *Со*, была совершенно занесена глубокимъ снѣгомъ; потому намъ указали другую, удобнѣйшую, черезъ караванъ-серай *Ак-Кеманъ*, которая вѣдъ большимъ объѣздомъ, сначала на ю. ю. з., потомъ на ю., а отъ караванъ-серая на ю.-в., потомъ на в. ю. в.

Не знаю, въ какомъ положеніи находилась прямая дорога, но та, по которой мы ѣхали, была далеко не хороша. Во-первыхъ, дороги вовсе не было; караванъ, который отправился по ней, какъ намъ сказали, въ то же утро, вѣроятно многими часами опередилъ насъ; а вѣтеръ, чрезвычайпо сильный въ этихъ горахъ, замелъ слѣды каравана грудями снѣга, такъ точно, какъ онъ заметаетъ ихъ песками въ пустынѣ. Мы двигались на-удачу; бѣдные лошади ввали по-брюхо на каждомъ шагу; мы безпрестанно падали и выкарабкивались, пока наконецъ не попали на слѣды каравана, и наконецъ завидѣли его вдали; онъ двигался, какъ стая гусей по снѣжному океану. Пустившись впередъ такъ скоро, какъ только позволяла трудность пути, мы наконецъ догнали караванъ, состоящій изъ двѣнадцати *чальвадаровъ* или погонщиковъ муловъ, всащихъ товары въ

Исфагань. Мы еще не достигли высочайшей площади и безпрестанно поднимались съ горы на гору. Снѣгъ, хотя и глубокий на высотахъ, не могъ сравниться съ тѣмъ, который накопился въ узкихъ долинахъ, и бѣдныя животныя, шедшія въ головѣ колонны и служившіе піонерами, такъ увязли въ снѣгу, что не могли двинуться далѣе. Что было дѣлать? Весь караванъ принужденъ былъ остановиться. Люди собрались вмѣстѣ, чтобы извлечь бѣдныхъ животныхъ изъ неприятнаго положенія, и я подивился остроумному изобрѣтенію, къ которому они прибѣгли. Снявъ вьюки съ лошадей и муловъ, они сняли съ себя войлочные свои бурки и разославъ ихъ на землю, ставили сюда ноги лошадей своихъ. Хотя эта войлочная подстилка и подавалась подъ тяжестью бѣдныхъ животныхъ, но все-таки поддерживала ихъ. Такимъ образомъ проѣхали мы самую трудную часть дороги; можете вообразить, какъ медленно мы подвигались. Къ-счастію, погода прояснилась и вѣтеръ стихъ; буруны или мятели часто бываютъ гибельны въ этихъ дикихъ и безлюдныхъ краяхъ. Обыкновенно чальвадары, застигнутые буруномъ, бросаютъ все добро свое посреди дороги, а сами съ лошадьми и мулами ищутъ убѣжища въ ближней деревнѣ или караванъ-сераѣ; когда же прояснится погода, они возвращаются подобрать товары, которые обыкновенно остаются цѣлы въ ихъ отсутствіе, потому что никто не рискуетъ пуститься въ дорогу во время бурана, который продолжается иногда нѣсколько дней.

Утоливъ голодъ вареными яичами и холоднымъ супомъ въ углу Аккемальскаго караванъ-серая, мы снова сѣли на лошадей, и такъ-какъ на пути не встрѣчали болѣе препятствій, то на закатѣ солнца прибыли въ красивую деревеньку *Со*.

Въ этотъ день мы проѣхали очень мало; но на слѣдующій хотѣлось прибыть въ Исфагань, до котораго оставалось еще 18 или 19 фарсанговъ; потому мы позволили себѣ отдохнуть только нѣсколько часовъ, и взявъ свѣжихъ почтовыхъ лошадей, выѣхали ночью. Все шло хорошо, пока мы не достигли до горнаго потока, который должны были переѣзжать немного выше порога. Передъ нами открылось огромное пространство замерзшей воды; тамъ и сямъ видѣлись на льду трещины и проруби, которыя днемъ легко было миновать, но которыя, но-

чью едва можно было различать. Потому мы сошли съ коней и повели ихъ на поводьяхъ; но такъ какъ они были не на зимнихъ подковахъ, то скользили безпрестанно, и спотыкались, увлекая насъ за собою; мнѣ также довелось окунуться въ рѣку съ конемъ своимъ. Достигнувъ противоположнаго берега, я долженъ былъ переменить свое измокшее и перепачканное платье à la belle étoile, и выжавъ воду изъ своихъ шароваръ надѣть ихъ, какъ могъ. Вѣтеръ былъ холодный и ночь морозная; платье мое оледенѣло и примерзло къ тѣлу. Чтобы увѣнчать всѣ неприятели ночнаго путешествія, едва успѣвъ я занести ногу въ стремя, какъ лошадь моя покати-лась по свѣгу. Утромъ мы пріѣхали въ Мурчегаръ; тамъ меня ввели во внутренний дворъ одной Имамъ-заде, гдѣ я имѣлъ наслаждение переменить свое платье и отдохнуть.

Мурчегаръ — очень большая деревня, которую часто уже опи-сывали. Мурчегаръ знаменитъ битвою шаха Надира съ Афган-цами, которые были здѣсь разбиты, и послѣ пораженія, уда-лившись отъ Исфагана, очистили этотъ край. Изъ Мурче-гара мы пріѣхали въ Геазъ, также большую деревню, въ кото-рой находится тысяча домовъ и прекрасный караванъ - серай; наконецъ, по закатѣ солнца, приблизились къ воротамъ Исфа-гана, проѣхавъ отъ Тегерана, 58 или 60 фарсанговъ, т. е. 235 миль въ пять дней.

Мнѣ приходилось еще проѣхать весь городъ въ ширину отъ сѣвера къ югу, узкими переулками, между двухъ высо-кихъ стѣнъ, которыми обнесены сады предмѣстій; потому крытыми базарами, большею частію заброшенными и развали-вающимися; потомъ другими лавками, кое - гдѣ освѣщенными блѣдыми свѣтомъ одинокой лампы; пока наконецъ я не достигъ до *чепаръ-бага* Шаха-Аббаса, этой знаменитой аллеи, обсаженной восточными платанами, которая привела меня къ великолѣпному каменному мосту черезъ Зосендерудъ. Здѣсь я почувство-валъ себя, какъ дома; потому-что въ вышѣнномъ же году зимою и лѣтомъ часто переѣзжалъ этотъ мостъ. На той сторо-нѣ рѣки лежитъ предмѣстіе Джульфа, армянскій кварталъ Исфагана, и здѣсь я поспѣшилъ къ моему другу, Евгенію Боре, котораго засталъ еще не спящимъ, но очень удивившимся моему позднему пріѣзду. Онъ принялъ меня съ обыкновеннымъ

своими радушіемъ, и послѣ нѣсколькихъ чаши горячаго чаю, который также пріятель для желудка послѣ трудностей утомленнаго пути, какъ общество друга для сердца послѣ долгой разлуки, я съ особеннымъ наслажденіемъ расправилъ свои чашны, утомленные пятнадцатю верховою ѣздою и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

III.

Школа въ Джульѣ для армянскаго юношества. — Вѣротерпимость Исааганскаго мусульманскаго духовенства. — Причины ея. — Успѣхи Суфезизма. — Исааганскіе лютысы. — Бастъ или прибѣжища. — Провѣтъ посѣтить Шустуъ и Бахтіарскія горы. — Кале - Рустанъ. — Чешне - Мултанъ. — Майаръ. — Влестіи вѣчные лесеоры. — Куише. — Разсказъ о битвѣ при вступленіи на престола Могамедъ-Шаха. — Растеніе гулли-аммоніакъ. — Крѣпость и деревня Бадстага. — Лѣтняя и зимняя дорога въ Ширазъ. — Абаде. — Сурьме. — Караванъ - серай Дебидъ.

Окруженный дружескими попеченіями хозяина моего, Г. Е. Боре, я отдыхалъ нѣсколько дней подлѣ гостепріимнымъ кровомъ его, прежде чѣмъ обдумалъ маршрутъ свой до Персеполиса. Все время, свободное отъ посѣщенія особъ, съ которыми познакомился въ прежній пріѣздъ мой сюда, я посвящалъ исключительно бесѣдѣ этого достойнаго человѣка, который добровольно оставилъ всѣ мірскія выгоды, удобства и удовольствія своей родины, и съ крестомъ въ рукѣ, пошелъ трудиться о духовномъ возрожденіи во Христѣ братій своихъ, еще косящихъ во мракѣ невѣжества.

Въ его домѣ я познакомился съ ученымъ французскимъ путешественникомъ, графомъ де-Сивракъ, который объѣхалъ Турцію, Египетъ, Нубію, Абиссинію и Аравію, и теперь путешествовалъ по Персіи, чтобы обстоятельно узнать о положеніи магометанской религіи въ трехъ частяхъ Старо-Свѣта.

На другой день моего пріѣзда, Г. Боре показывалъ мнѣ школу, которую онъ учредилъ для армянскаго юношества въ Джульѣ. Хотя только пять мѣсяцевъ прошло со дня учрежденія, но въ школѣ считается уже тридцать-одинъ воспитанникъ, изъ которыхъ пятеро — мусульмане. Успѣли, которые они въ такое короткое время показали въ чтеніи, переводахъ съ французскаго на армянскій и персидскій языки, также какъ и въ

первыя свидѣнія о географіи, удивительны и показываютъ, что можетъ произести, съ Божіею помощію, усердіе къ добродѣлу. *Муним* (учитель) учитъ ихъ по-персидски, *Армандъ* по-армянски, оба подъ непосредственнымъ вліяніемъ самаго Г. Боре, ученаго ориенталиста, который самъ преподаетъ дѣтямъ французскій языкъ и географію, но всего болѣе внушаетъ христіанскимъ воспитанникамъ своимъ выюкія правила христіанской вѣры, между-тѣмъ, какъ мусульманскіе мальчики учатся закону у персидскаго муллы. Этотъ фактъ, что мусульмане посылаютъ дѣтей своихъ въ христіанскую школу, и еще къ Исфагани, столицѣ мусульманскаго правовѣрія, этотъ фактъ служитъ великимъ доказательствомъ персидской вѣротерпимости, къ которой даже глава духовенства подаетъ примѣръ. Недавно скончавшійся *Имамъ-Джума*, древняя фамилія котораго пользовалась большимъ уваженіемъ Персіянъ, особенно любилъ разговаривать съ католическими миссіонерами о религіозныхъ предметахъ. *Сандъ Могаммедъ-Багиръ*, первый муштендъ или распорядитель закона, къ которому вся Персія обращается для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ, также отличается духомъ вѣротерпимости, справедливости и безпристрастія, съ какими вступаетъ съ тѣми Христіанами *Джюльфы*, которые приближаются къ суду его.

Но есть и другія причины такого благосклоннаго расположенія мусульманскаго духовенства, кромѣ личнаго характера вышепомянутыхъ лицъ.

Первая изъ этихъ причинъ — распространеніе *Суффеизма* въ Персіи въ послѣдніе годы. Послѣдователи этой секты, прежде тщательно скрывавшіе свои убѣжденія, нынѣ открыто проповѣдуютъ свое ученіе. Даже многія духовныя лица, хотя и не открыто, принадлежатъ къ сектѣ *Суффи*.

Вторая причина — та, что въ послѣднее время свѣтская власть взяла большой перевѣсъ надъ духовною; потому — что при покойномъ *Шахѣ*, вліяніе духовенства на общее мнѣніе было очень, а иногда и слишкомъ велико. Напримѣръ, хотя *Фетъ-Али-Шахъ* былъ гораздо гордѣе, чѣмъ нынѣшній государь, и хотя въ Персіи все основано на этикетѣ, но *Фетъ-Али-Шахъ* всегда первый дѣлалъ визитъ *Муштенду*, приближая въ *Исфаганъ*. А въ 1841 г., когда *Могаммедъ-Шахъ*, подѣзжалъ

къ городу, тотъ же самый Муштендъ выѣхалъ за городскую заставу на встрѣчу его величества и поздравилъ его съ пріѣздомъ. Конечно, старый Шахъ обыкновенно говаривалъ, что ему случайно довелось ѣхать мимо дома Муштенда, и что, будучи такъ близко, нельзя было не навѣстить стараго пріятеля послѣ долгой разлуки; но эта случайность обратилась въ правило, отъ котораго государь никогда не отступалъ.

Уменьшенію власти исфаганскаго духовенства всего болѣе способствовалъ успѣшный ударъ, направленный противъ Лютисовъ.

Лютисы, — шайка самыхъ необузданныхъ негодяевъ, которые мѣшались во всѣ смуты, случающіяся въ персидскихъ городахъ, гдѣ полиція очень малосильна. Въ Исфагани они составляли особенное сословіе, которое разбойничало среди бѣлаго дня безнаказанно, потому-что находилось подъ покровительствомъ духовенства. Ихъ буйство и дерзость дошли до такой степени, что по смерти Фетъ-Али Шаха, одинъ изъ Лютисовъ, по имени Рамазанъ, былъ провозглашенъ своими сообщниками государемъ; онъ титуловался Рамазанъ-Шахомъ, чеканилъ золотую и серебряную монету съ своимъ именемъ, но былъ низверженъ соперникомъ, также Лютисомъ. Конечно, это была одна комедія; но народъ пострадалъ отъ нее, и городскія начальства впади въ презрѣніе. Хозревъ-Ханъ, одинъ изъ главныхъ енуховъ покойнаго Шаха, успѣлъ было возстановить порядокъ; по отозваніи же его, Лютисы снова взяли верхъ, при слабomъ управленіи Исфаганью Фазль - Уллахъ - Хана. Говорятъ, что когда онъ подѣзжалъ къ Исфагани, Лютисы, извѣстные своимъ дерзкимъ и смѣлымъ языкомъ, вышли всѣмъ сословіемъ ему на встрѣчу, и зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, привѣтствовали Фазль-Уллахъ-Хана и увѣряли, что золотой вѣкъ Исфагани возвратился, потому-что слышавъ только объ его приближеніи, всѣ Лютисы оставили городъ.

Со вступленіемъ въ должность Манучаръ-Хана, Мозтевида Дулета, Лютисы, также какъ и прочіе нарушители спокойствія, были переписаны и вытѣснены изъ послѣднихъ своихъ убѣжищъ.

Прежде весь *магалъ* или кварталъ Бибабадъ признанъ былъ *Бастомъ*, или священнымъ убѣжищемъ для всѣхъ преступ-

никовъ, болевшихся преслѣдованій закона, потому что домъ Великаго Муштеда находится въ этой части города. Мозтеמידъ, строгій блюститель правосудія, нарушилъ эту привилегію, оскверненную временемъ и общимъ мнѣніемъ; многіе преступники были отправлены въ Тегеранъ и казнены публично за свои злодѣянія.

Посѣтивъ Мозтемида, я узналъ, что онъ собирается въ путь, чтобы обозрѣть другія провинціи, находящіяся подъ его управленіемъ, а именно: Лурістанъ и Аравистанъ, или Хуамстанъ. Мозтеמידъ, зная мою страсть къ путешествіямъ (мы уже не разъ встрѣчались прежде, однажды въ Гилянской провинціи на турецкой границѣ, потомъ у туркоманскихъ предѣловъ), предложилъ мнѣ сопровождать его; или, если я не хочу отказаться отъ поѣздки въ Персеполисъ, то по крайней-мѣрѣ, при возвращеніи въ Тегеранъ, звалъ меня къ себѣ въ Шустеръ, обѣщая указать мнѣ потомъ короткую дорогу черезъ Бахтіарскія горы изъ Шустера въ Тегеранъ.

Мнѣ давно хотѣлось посѣтить страны Бахтіарскія, такъ мало извѣстныя, и столь любопытныя по экспедиціи Александра Великаго и его преемниковъ; южный же скатъ великой цѣпи есть вѣроятно мѣсто древняго *Элема*, упоминаемаго въ Св. Писаніи, могущественнѣйшаго народа временъ Авраамовыхъ, гораздо ранѣе чѣмъ ассирійская и вавилонская монархіи сдѣлались извѣстными на Востокѣ. Европейскіе ученые уже нѣсколько лѣтъ обратили вниманіе на этотъ край, и желали узнать находящіеся въ немъ древніе памятники. Но буйныя и безпокойныя племена, населяющія эти горы не допускаютъ къ себѣ никого, не только европейскихъ путешественниковъ, но и природныхъ Персіянъ.

Путешествіе исфаганскаго губернатора съ вооруженною силою, представляло такой благопріятный случай осмотрѣть эти дикія страны, что я поспѣшно принялъ предложеніе, и обѣщалъ пріѣхать къ нему въ Шустеръ, лишь только удовольствую своему любопытству въ Тахти-Джемшидѣ.

Этотъ новый планъ значительно измѣнилъ маршрутъ мой. Мнѣ нельзя уже было посвятить столько дней, какъ предполагалъ прежде, на осмотръ развалинъ Персеполиса и Мургаб-

ской долины, и долженъ былъ ускоренной ѣздой нагнать время, которое непременно потерю дѣлая большой кругъ на обратномъ пути въ Тегеранъ.

1 января 1841, въ полдень, я оставилъ Исфаганъ, направляясь къ югу по ширазской дорогѣ. Любезный хозяинъ мой, г. Боре, проводилъ меня до Гезардера, по персидскимъ преданіямъ, сцены рыцарскихъ подвиговъ ихъ героя, Рустама. Развалины его замка указываются и до-сихъ-поръ надъ обрывомъ одной скалы, лежащей къ востоку. Весною прошлаго года я съ другомъ моимъ посѣщалъ эти развалины, состоящія изъ нѣсколькихъ покоевъ; стѣны болѣею частью разрушены. Все строеніе во вкусѣ новѣйшей персидской архитектуры; окна и двери — остроконечная арка. Стѣны и потолокъ покрыты бѣлою штукатуркою (Stuc) и всѣ каменные работы сохранились такъ хорошо, что мы могли взобраться на самый верхъ зданія и наслаждаться самымъ лучшимъ видомъ Исфаганской равнины, растелившейся подъ нашими ногами. За исключеніемъ вида Гургинской и Туркоманской долины съ высотъ Альбургскихъ, я не помню чтобы когда нибудь видалъ болѣе великолѣпную панораму, какъ та, которою мы любовались съ Кале Рустама. Рѣка Засидерудъ, протекая съ востока, извивалась между зѣлочныхъ полей и многочисленныхъ деревень плодоносныхъ округовъ Линджанскаго и Марбинскаго; между тѣмъ какъ къ сѣверу и сѣверозападу, съ нашего возвышеннаго положенія, мы могли окинуть взоромъ всю окрестность Исфагани съ ея дворцами, садами, куполами, минаретами, голубятнями, рошианами, мостами и развалинами, разсѣянными въ живописномъ и иррациональномъ безпорядкѣ. Цѣни горъ составляютъ фантастическія группы, пересѣкая почву въ различныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ; разнообразныя вершины ихъ украшаютъ ландшафтъ. Если, въ угожденіе народной гордости, мы согласимся съ Персіянами, что это мѣсто принадлежало ихъ любимому герою, то я прибавлю отъ себя, что вкусъ его по-крайней-мѣрѣ равнялся съ храбростью, потому что нѣтъ ни одного мѣста въ окрестностяхъ Исфагани, откуда бы открывался лучший видъ, какъ изъ Кале-Рустама, не исключая даже и Куги-сефа.

На югозападной сторонѣ этой же горы находятся природныя

пещеры въ скалѣ, называемыя Чесме-Мултанъ, гдѣ, какъ говорятъ, древніе Гебры погребали своихъ усопшихъ. Здѣсь видны еще остатки невысокихъ стропилъ, очевидно заключающихъ въ себѣ мертвыя тѣла. Въ цементѣ, связывающемъ между собою камни, находятя лоскутья тканей,—чего я не замѣчалъ нигдѣ въ другихъ развалинахъ. Я нашелъ также въ этихъ стропилѣхъ обожженныя кости, что заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобъ эти катакомбы когда нибудь принадлежали Гебрамъ, которые никогда не сожигали своихъ мертвыхъ. Они считали за грѣхъ и святотатство осквернить ничтоже естество Ормузда, изображаемаго огнемъ, приводя его въ смиркосноевоніе съ нечистою вещію. Въ племени Зендъ съ усопшими поступали совершенно также, какъ древніе Іудеи по закону Моисееву. Любопытно замѣтить, что многія учрежденія Зороастровской вѣры совершенно согласны съ законами Бога-вдохновеннаго законодателя израильскаго *, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, заимствованы.

Нельзя ли предположить, что погребальныя пещеры Чесме или колодцы *Мултанъ*, принадлежали тѣмъ Индійцамъ, которые въ древности вели значительную торговлю между Индією и Персією, черезъ городъ Мултанъ на Индусъ, бывшій складнымъ мѣстомъ товаровъ **. Эти купцы жили въ Исфагани, и назывались мультаями. Известно что обычай сожигать мертвыхъ до сихъ поръ существуетъ въ Индіи.

Я пріѣхалъ въ Маяръ, первую станцію отъ Исфагани, въ шестъ часовъ вечера, прѣхавъ восемь фарсанговъ или тридцать миль большою рысью. Желая достигнуть на слѣдующій день Ездегаста, я оставилъ Маяръ ночью, и дорогою любовался великолѣпнымъ фейерверкомъ въ небесахъ. Небо было великолѣпно ясно; звѣзды блистали ярко; падающія звѣзды

* См. Rhode — Die Heilige Sage des Zend Volks, etc.

** Шарденъ въ описаніи Исфагани, говоритъ:

Le caravanserai des Multaniens est situé à côté d'un beau bazar, qui porte le même nom des Multaniens, qui sont les Indiens de Multan, — la première ville des Indes, du côté de la forterese de Candahar, qui est sur la frontière de la Perse, vers le nord. Tout le commerce des Indes en Perse se faisait communement par là, avant la navigation des Européens au sein Persique. (Voyages de Chardin en Perse. etc. Tome VII, p. 360, édition de Langlois).

катился безпрестанно оставляя за собою свѣтлую полосу на горизонтѣ, особенно одна, яркій блестящій метеоръ, разсыпалась блестящими искрами въ воздухѣ. Я не знаю, замѣченъ ли былъ на какой нибудь обсерваторіи этотъ пышный феноменъ. Онъ случился въ ночь съ 1 на 2 января 1841, часа въ два или три по полудни.

Разстоянія отъ Маара до Кумишэ — $5\frac{1}{2}$ или 6 фарсанговъ; дорога довольно ровная; съ западной стороны цѣнь горъ, съ восточной довольно открытая равнина, кое-гдѣ пересѣкаемая невысокими холмами.

Кумишэ лежитъ на южной оконечности равнины, ивѣющей нѣсколько фарсанговъ окружности, довольно обработанной; и пересѣченной *керизе* или каналами для орошенія полей; на ней находятся нѣсколько деревень. Городъ обращенъ къ небольшой крѣпости, обнесенную высокою стѣною съ бастіонами; но должно предполагать, что въ древности Кумишэ былъ значительнымъ городомъ, потому что окружающія развалины, его простираются на большое пространство. Слѣды многихъ водопроводовъ доказываютъ также, что окрестности эти были очень населены. Рѣчка, вытекающая изъ долины, къ югу, ниже Махсудъ-Бега, по направленію къ Исфеджану, протекаетъ подъ восточною стѣною города и потомъ орошаетъ водами своими поля. Неподалеку отъ Кумишэ мы проѣхали Именъ-Заде Шахъ-Риза, красивое мѣстечко, обнесенное прекрасными чинарами (восточными платанами).

Отъ Кумишэ до Езде-гаста путь нашъ лежалъ къ Ю-Ю. В., черезъ равнину отъ двухъ до трехъ фарсанговъ * въ ширину между двумя рядами низкихъ холмовъ, за которыми къ западу тянется высокая цѣнь горъ, покрытыхъ снѣгомъ или, какъ я буду позже называть ихъ, Ардеканская цѣнь.

Въ Махсудъ-бегѣ, чистенькой деревенькѣ за четыре фарсанга отъ Кумишэ, я перемѣнилъ лошадей, потому что мнѣ надобно было проѣхать еще полныхъ шесть фарсанговъ до Ездегаста.

* Въ одной изъ книгъ Зендавесты, находимъ слѣдующее опредѣленіе фарсанта: „Фарсангъ есть разстояніе, на которомъ дальзоркій человекъ можетъ разглядѣть верблюда или отличить черное отъ бѣлаго.“ Bundehesch, cap. XXVI.

На равнинѣ между Махсулъ-бегомъ и Кумишэ происходило, весною 1835 года, сраженіе между войсками царствующаго шаха, тогда только что вступившаго на престолъ, и дяди его Ферма Фермеша Фарскаго.

Принимавъ бразды правленія въ каджарской столицѣ, Тегеранѣ, Мухаммедъ Шахъ нашелъ необходимымъ усмирить южныя провинціи своего государства, въ которыхъ двое дядей его: Гуссейнъ Али Мирза, Ферманъ Ферма Фарскій, и Гассанъ Али Мирза, губернаторъ керманскій, не хотѣли признавать его правъ на персидскую корону и готовились противустать ему вооруженною силою. Шахъ назначилъ фарскимъ начальникомъ Фарузь Марзу, своего зятя; но истинная власть поручена была Минучаръ Хану Мозтемедъ Доулету.

Пока шахское войско двигалось къ югу, Гассанъ Али Мирза предводительствуя небольшою арміею, готовою поддерживать права на престолъ его старшаго брата, вышелъ изъ Шираза и сѣвши въ Исфагань. Такъ какъ жители Исфагана, наущаемые духовенствомъ и однимъ изъ старыхъ министровъ покойнаго шаха, были непріязненно расположены къ молодому государю, то нужно было какъ можно скорѣе воспрепятствовать ему занять это мѣсто.

Обѣ арміи вступили въ Кумишейскую равнину, не зная, что находятся такъ близко другъ отъ друга. Мятежники шли верхнею дорогою вдоль подошвы западной цѣпи, или Кухи Тангуна; между тѣмъ какъ войска шаха шли предѣлами Кухи Думбула или восточною цѣпью горъ. Хотя враждебные лагеря были не болѣе трехъ или четырехъ фарсанговъ одинъ отъ другаго, но туманъ былъ такъ густъ, что они не видали другъ друга. Гассанъ Али Мирза опередилъ шахское войско и былъ ближе ихъ къ Кумишэ. Неосторожный выстрѣлъ въ его лагерь возбудилъ подозрѣніе непріятелей. Нѣжный слухъ женщины первый разслушалъ этотъ звукъ, очень неясственный по причинѣ густоты воздуха; она водмила тревогу. Эта женщина была Армянка, жена англійскаго офицера, находившагося въ службѣ шаха; эта маленькая, нѣжнаго сложенія женщина * была очень мужественная и безстрашная наѣдница. Этотъ выстрѣлъ

* Вдова покойнаго капитана Ши.

былъ сдѣланъ по приказанію Гассана Али Мирзы, и служилъ сигналомъ, извѣщавшимъ жителей Кумишѣ о приближеніи Гассана, потому что они были его приверженцами и ждали только появленія, чтобы отворить ему ворота. Сэръ Генри Бетюнъ (генераль Линдсей, или *Линдсем*, какъ называли его Персіяне) командовавшій войсками шаха, немедленно принялъ мѣры, чтобы напасть нечаянно на непріятеля, и такъ удачно, что у мятежниковъ было настоящее *Salve qui prois* и Гассанъ Мирза, одинъ изъ первыхъ, бѣжалъ въ горы.

Въ Кумишейской долигѣ находится множество деревень, которыхъ скучно было бы называть по имени. По западному берегу вышеупомянутой рѣчки поля очень хорошо обработаны, но съ восточной стороны совершенно безплодная равнина. Я сорвалъ здѣсь смолистое растеніе; смола вытекаетъ изъ него въ видѣ остывшихъ капель. Это гумми аммоніакъ, который во множествѣ растетъ въ этой долигѣ. Собравши нѣсколько образчиковъ этого растенія, хотя и сухаго въ это время года, я послалъ ихъ моему почтенному другу, г. Фишеру, директору императорскаго ботаническаго сада въ С.-Петербургѣ *.

Оставивъ за собою *Аминабадъ* и развалины *Гудемильскія*, мы прибыли въ Ездегастъ на закатѣ солнца, и въѣхали въ ворота этой оригинальной крѣпости, черезъ подъемный мостъ, который для насъ опустили. Крѣпость Ездегастъ ставтъ на вершинѣ уединенной скалы, со всѣхъ сторонъ отаженной. Узкая тропинка ведетъ къ воротамъ, отдѣленнымъ ровомъ, черезъ который жители перебрасываютъ подъемный мостъ, когда кого нибудь хотятъ впустить въ укрѣпленіе. Крѣпость имѣетъ два ряда домовъ двухъ-этажныхъ и раздѣленныхъ узкою улицей. Жители повели меня къ древнему зданію,

* Авторъ „Исторіи обычаевъ древней Греціи“, исчисливъ разнообразныя предметы, введенныя въ Грецію посредствомъ торговли съ чужеземцами, упоминаетъ между прочимъ, о *гумми-аммоніакѣ*. Онъ говоритъ: „Онъ вытекаетъ въ видѣ клевоиднаго сока изъ зонтикообразнаго растенія, растущаго въ листьяхъ близъ Оракула Юпитера Аммона, также какъ и на предѣлахъ диренскихъ, откуда оно кажется наиболее всего и вывозилось.“ (Hr. st. John's History of the Manners and customs of Ancient Greece, vol. III, chap. XII, pag. 383.) Эта смола называется *аммоніакѣ*, или ammonium, вѣроятно потому, что растетъ по близости храма Юпитера Аммона.

гдѣ, какъ говорится преданіе, былъ храмъ; показали обломки колодець; но на дворѣ становилось темно, а я такъ утомленъ былъ труднымъ путешествіемъ до того, что не обратилъ большаго вниманія на эти развалины. Бадегастъ принадлежитъ конечно къ числу арабскихъ завоеваній; самое имя его доказываетъ, что онъ основанъ Гебрами; *Езде гастъ* на вендскомъ языкѣ значитъ *Богъ-такъ хотѣлъ*.

Жители показали мнѣ очень безстыдными и склонными къ грабежу; можетъ-быть потому, что они болѣе сосѣдей чувствуютъ себя безопасными въ своей крѣпости, и потому осмѣливаются не покоряться властямъ. Хотя я привыкъ къ скорой верховой ѣздѣ, и даже любилъ ее, но былъ совершенно какъ изломанный послѣ двухъ дневнаго путешествія отъ Маера. Хотя я и проѣхалъ въ эти два дни 16 фарсанговъ, т.-е. 60 миль; но утомленъ былъ не столько разстояніемъ, какъ тряскимъ ходомъ почтовыхъ лошадей.

Жители крѣпости показывали мнѣ мѣсто, гдѣ предки ихъ въ прошедшемъ вѣкѣ совершили жестокую мечь надъ Зели-Ханомъ, братомъ Керимъ-Ханъ-Зеида. Непохожій на брата своего, который по смерти Надиръ-Шаха, правилъ Персією въ качествѣ *Вакиля* и отличался человѣколюбіемъ и добротою, Зели-Ханъ былъ жестокъ и угнеталъ народъ. Жители Бадегаста отказались заплатить ему контрибуцію; раздраженный Ханъ, чтобы принудить ихъ къ повиновенію, приказалъ въ отсутствіи своемъ сбросить нѣсколькихъ старшинъ ихъ съ крутой скалы, на которой стоитъ крѣпость. Этотъ варварскій поступокъ такъ ожесточилъ прочихъ, что они схватили Зели-Хана, и осудивъ его на ту же казнь, которой онъ подвергнулъ согражданъ ихъ, выбросили его изъ окна комнаты, выходящаго въ пронасти; въ паденіи своемъ, онъ разбился на части.

Я провелъ безпокойную ночь; мнѣ чудились безпрестанно взрываніе и кровавые постуки, совершенныя въ этихъ снѣгахъ; и всталъ поутру не освѣженный сномъ. Пока приготовляла лошадей, я сошелъ внизъ по тропинкѣ, желая осмотрѣть у вешешныя горы многочисленныя пещеры, находящіяся въ той же скалѣ, на которой построенъ Бадегастъ. Пещеры

эти большею частью, природныя, пѣсково распротраненныя руками челоуѣческими; въ нихъ удобно могутъ укрываться толпы людей, а также лошади, мулы и верблюды; потому караваны пристають здѣсь на ночлегъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ обращены въ *духаны* или лавки, и снабжены всѣмъ необходимымъ для путешественниковъ.

Въ этотъ день, 3 января, я сдѣлалъ 15 фарсанговъ или 56 1/2 миль; проѣхалъ чрезъ *Шульгестанъ*, отстоящій на 6 фарсанговъ отъ Ездегаста; потомъ Абадѣ, въ пяти фарсангахъ отъ Шульгестана, и прбылъ въ Сурьмѣ, за 4 фарсанга отъ Абадѣ. Я ѣхалъ низменною или зимнею дорогою, которая восточнѣе гѣней, Ширазской. Страна была не такъ безплодна, какъ въ окрестностяхъ Ездегаста. Абадѣ, хотя и окруженный развалинами и запустѣлыми садами, имѣеть опрятную наружность. Это главный городъ округа того же имени, обнесень землянымъ валомъ, съ башнями и платить Дивану 6,000 томановъ ежегодной дани.

Общее направленіе этой дороги идетъ къ Юго Востоку; послѣдніе четыре фарсанга лежатъ болѣе къ В. Ю. В. Вокругъ Сурьмѣ земля хорошо обработана и заселена множествомъ деревень.

Въ девяти фарсангахъ отъ Сурьмѣ, прямо къ Востоку, лежитъ городъ *Аберу*, хорошо укрѣпленный; къ нему приписано много деревень. Онъ подлежить теперь управленію Исфагана, къ которой пролегаетъ отъ него степная дорога. Правителъ здѣшній — зять Иль-Хани Фарскаго, по имени Магомедъ Казимъ-Ханъ, лишenny зрѣнія покойнымъ Ферменъ Ферма Фарскимъ за то, что держалъ сторону покойнаго Наибъ Султана, Аббасъ Мирзы, отца нынѣшняго Шаха. 4 января прѣхалъ въ караванъ серай, стоящій подлѣ огромной земляной насыпи, которая когда нибудь должна быть значительнымъ зданіемъ. Туземцы называютъ ее Гумбедъ-и Беранъ, присовокупляя, что это былъ одинъ изъ восьми потѣшныхъ дворцовъ, построенныхъ знаменитымъ ихъ охотникомъ, Шахъ-Беранъ-Гуромъ. Ночью въ караванъ серай было ужасно холодно; чулачикъ мой былъ безъ дверей и произвольный вѣтеръ свободно гулялъ въ немъ цѣлую ночь.

IV.

Пріѣздъ въ деревню Мешеди Мургабъ. — Арабскіе поселенци. — Плодородіе Мургабской долины. — Граници. — Рѣка Мургабъ, древній *Модусъ*. — Видъ развалинъ съ возвышенія. — Георгъ Шахъ. — Тахти Мадре Солиманъ — Обычай восточныхъ государей давать аудіенціи на открытой воздухъ. — Знамя или Дустахъ Ханъ. — Посѣщеніе гробницы Мешеди Мадри Солимана. — Предполагаемая гробница Кира. — Сопротивленіе Иліатовъ. — Вечеръ, проведенный въ ихъ шатрахъ. — Караванъ Серай Мургабъ, предполагаемое жилище Маджи. — Забѣлительный Пиластръ. — Открытіе солнечныхъ часовъ на бѣлыхъ камешныхъ ступеняхъ Гробницы Кировой. — Иероглифъ. — Перевѣздъ черезъ Ак-Годузъ и долину Каминскую. — Прибытіе въ Сейданъ.

Послѣ утомительнаго пути, въ холодное утро, сначала вдоль долины Кункури, въ направленіи къ югу, потомъ гористою странною, мы наконецъ спустились въ прекрасную долину, обрамленную великолѣпными горами и примыкающую къ деревнѣ Мешеди Мургабъ, въ семи фарсангахъ отъ Дебида. Она обитаема племенемъ Арабовъ, поселившимся здѣсь со времени мусульманскаго завоеванія Персіи. Мужчины очень смуглы, но хорошо сложены, видны и статны. — Нѣкоторыя изъ женщинъ прекрасны собою, съ нѣжными чертами лица. — Погода была теплая и пріятная; всѣ онѣ сидѣли у входа жилищъ своихъ и ткали ковры. Я привыкъ видѣть, что Иліаты и вообще осѣдлыя племена очень грязны, и потому не мало удивился, вида вокругъ себя такую чистоту и опрятность. Единственное неудобство, которое я испыталъ здѣсь, было то, что обязательныя хозяйки, желая приготовить для меня комнату какъ можно лучше, подняли такую пыль, что я долго не могъ войти въ нее, болѣе задохнуться.

Почва земли здѣсь весьма плодородна, потому что хорошо поливается; но недостатку рукъ она мало обработана. Арабы убѣрили меня, что по малочисленности жителей, многія мѣста этой богатой и плодоносной земли уже лѣтъ пятьдесятъ лежатъ нетронутыя плугомъ. На нововспаханной землѣ, хорошо политой, ячмень и пшеница рождаются самъ-двадцать, или двадцать пять; при менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ бываетъ самъ-дѣвѣнадцать или самъ-пятнадцать. Земля Мургабская принадлежитъ Дивану, т. е. казнѣ и отдается, вмѣстѣ съ водою, въ аренду поселянамъ. Диванъ также доставляетъ имъ

сѣмена для посѣва. Изъ прибылаго зерна, земледѣлец платитъ двѣ части владѣльцу земли, а треть оставляетъ за труды, для прокармленія себя и скота своего.

Земля вообще глиниста и потому въ дождливую осеньнюю и зимнюю погоду дороги здѣсь непроходимы.

Мургабская долина простирается на 4 или 4½ фарсанга отъ востока къ западу, и фарсанга на три отъ сѣвера къ югу. На сѣверѣ она отдѣлена горами отъ пространной долины Кункура; цѣль горъ съ восточной стороны отдѣляетъ ее отъ Байцодской булука, или округа, богатаго плодородными оадами. Другой рядъ высокихъ горъ отрѣзываетъ ее отъ Кампической долины къ югу; Бульвердинскія горы запираютъ съ запада и юго-запада, а за ними возвышаются великолѣпныя горы Аркандскія, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Во всю длину Мургабской долины протекаетъ рѣка того же имени. * Она вытекаетъ изъ Бульвердинскихъ, а можетъ быть даже изъ Арденанскихъ горъ, орошаетъ южную часть Кункурійской долины отъ запада къ востоку и, протекая близъ караванъ-серая Кунэ Карсинъ подъ мостомъ, черезъ который я проѣзжалъ на пути изъ Дебида, поворачиваетъ къ югу, исчезаетъ въ горахъ и снова появляется въ Мургабской долинѣ, чрезъ которую течетъ вдоль восточной стѣны, отдѣляющей мѣстечко Мургабъ отъ Байцода. Здѣсь она сворачиваетъ къ западу, пересекая долину до Тенги Сивенда, или Сивендигаго ущелья. Прорывая себѣ путь между горъ, въ направленіи къ юго-западу, рѣка Мургабъ снова поднимается въ Гафрексонскій округъ, гдѣ уже получаетъ имя *Польваръ*. Протекая мимо разрушеннаго города Истахра, она входитъ въ долину Мердашъ; ширя съ праваго берега Гуссейнъ-Ку и скульптуры Накши Рустама, а съ лѣваго барельефы Накши Раджеба и развалины Тахти Джеминда. Польваръ течетъ черезъ долину къ юго-западу и впадаетъ въ Кумъ Фирузъ (древній Аркесосъ), близъ мѣста Нули Хана, служа границею округамъ Мердашъ съ лѣвой, и Гафрексъ съ правой стороны.

Кромѣ рѣки Мургабъ, орошающей долину, на большой пространствѣ, въ ней находится много ключей. Капалы также есть

* Та сазал, которую Серъ Робертъ Пергортъ, въ своихъ *Travels in Persia*, называетъ Кур-абъ, древній Медусъ. (Vid. 1, pp. 464 и 542).

объяснить этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, особенно съ западной стороны долины. По причинѣ такого изобилія водъ здѣсь находятъ превосходныя пастбища, на которыхъ пасутся конскіе табуны.

Сообразивъ всѣ эти природныя выгоды, нельзя удивляться тому, что Мургабская долина съ самыхъ древнѣйшихъ временъ привлекала на себя вниманіе народовъ; величественныя развалины, разсыпанныя по этой землѣ, свидѣлствуютъ о высокой степени образованности тѣхъ, которые воздвигали эти зданія, хотя мы и теряемся въ догадкахъ о томъ времени, когда процвѣтали они?...

Оставивъ одного изъ людей своихъ при выюкахъ въ Мургабской деревнѣ, я взялъ съ собою другаго и еще туземнаго проводника и отправился осматривать достопримѣчательности долины. Мы переѣхали черезъ нѣсколько каналовъ, въ направленіи къ юго западу и приблизились къ двумъ грудамъ камней, называющихся *Гоэръ Шахъ* и образовавшихся прежде, какъ мнѣ сказывали, Аташъ Кадэ (алтарь). Разсмотрѣвъ ихъ ближе помѣщалъ мнѣ быстрый ручей, который переѣхать было трудно, по причинѣ болотистаго свойства земли, поросшей тростникомъ. Потомъ мы поднялись на холмъ, который до сихъ поръ скрываетъ отъ насъ развалины. Арабскій чичероне приготовилъ для меня этотъ сюрпризъ потому, что съ этого возвышенія видъ на долину истинно прекрасенъ. Холмъ расположенъ весьма выгодно для того, чтобы снять виды съ различныхъ развалинъ и деревень, разсыпанныхъ по долинѣ. На вершинѣ его находится пространная площадка. Можетъ быть здѣсь были собраны и преданы огню эти огромныя груды дровъ, о которыхъ упоминаетъ Аппіанъ въ Исторіи Митридатovýchъ войнъ. Персидскіе Государя имѣли обычай приносить подобныя жертвы въ Назаргадѣ. Впрочемъ, я не замѣтилъ никакихъ признаковъ углей.

Противъ этого холма, на одной горѣ, лежащей къ Востоку, возвышается извѣстный Тахти Солиманъ, или Гробъ Соломона. Малпаше было бы распространять объ этомъ и въ прочіихъ памятникахъ Мургабской долины, уже столько разъ описанныхъ путешественниками. Ограничусь немногими замѣчательными. Я согласенъ съ мнѣніемъ С. Вильяма Юзле, что Тахти

ти Солиманъ есть тронъ древнихъ царей персидскихъ * или по крайней-мѣрѣ мѣсто, гдѣ они садились для публичныхъ приемовъ; этотъ обычай совершенно въ восточномъ вкусѣ и сохранился до сихъ поръ. Я часто видалъ, какъ нынѣшній Шахъ, вначалѣ своего царствованія, садился на возвышенномъ холмѣ въ Тегеранской долинѣ, раскинувъ только простое покрывало надъ головою, а иногда и безъ него, чтобы народъ могъ лучше видѣть его. Такъ давалъ онъ свой *селамъ*, или публичную аудиенцію, окруженный дворомъ своимъ, со всѣмъ парадомъ и роскошью восточнаго великолѣшя. Въ это время депутаты отдаленныхъ провинцій государства и начальники кочевыхъ племенъ съ многочисленными свитами собрались поздравить новаго государя со вступленіемъ на престолъ. — Такъ вѣроятно козѣдалъ и Киръ въ равнинахъ Пазаргадскихъ, принимая клятвы въ вѣрности и подданствѣ отъ различныхъ народовъ персидскаго племени, равно какъ и отъ представителей покоренныхъ земель.

Огромные камни, изъ которыхъ построены этотъ памятникъ частію бѣлы, частію желтоваты или ржаваго цвѣта; они очень мало или вовсе не полированы, и ни одинъ не имѣетъ прозрачности Ездскаго и Марагскаго (обыкновенно называемаго Тавризскаго) мрамора. Проводникъ мой говорилъ, что каменоломни этихъ камней найдены близъ Дебида, фарсанговъ за девять къ сѣверу отъ Мургаба, но не ближе. Срисовавъ этотъ величественный памятникъ прямо и съ боку, мы отправились къ ближайшему монументу, который туземцы называютъ Зинданъ или Дустагъ Ханэ (темница), но антикваріи предполагаютъ, что это жертвенникъ. Онъ походитъ на зданіе, находящееся вблизи Накши Рустама или Персеполиса, называемое Зердушть-Ханэ, или жилище Зороастра. Это любопытное четверугольное строеніе — изъ такого же камня, какъ и Тахти Солиманъ; впадины въ стѣнахъ, нѣсколько оправдываютъ слова одного стариннаго путешественника, который сравниваетъ это построеніе съ голубятнями близъ Исфагани, когда ихъ видишь издали; хотя послѣднія вообще круглы, между тѣмъ какъ Зинданъ Ханэ чет-

* См. Sir William Ouseley's Travels in Various Countries of the East. vol. II, page 435.

череугольный. Я такъ занялся разсматриваніемъ и рисованіемъ развалинъ, что позабылъ о времени; вдругъ хватился я, что уже поздно, что до деревни надобно проѣхать шесть миль, и что я не видалъ еще главной достопримѣчательности Мургаба—предполагаемой гробницы Кировой, бѣлаго памятника, видѣвшагося въ отдаленіи. — Я тотчасъ же рѣшился провести ночь подъ черными шатрами Иліатовъ, которые различалъ въ томъ же направленіи. Прежде чѣмъ отпустить на ночь проводника своего, я повезъ его къ ихъ кочевью, чтобы онъ сдалъ меня на руки шейху или старшинѣ племени, зная что не должно дозрять Иліатамъ этой долины. Потому онъ долженъ былъ возвратиться въ Мешеди Мургабъ и прислать ко мнѣ моего чапара и слугу, оставшихся при вьюкахъ. Прибывъ въ кочевье, мы были немедленно окружены Иліатами, привлеченными любопытствомъ; и пока они слушали рассказы моего проводника о странномъ френги, я бросилъ поводъ коня моего персидскому слушителю, и посѣдши къ близъ столбцу памятнику. — Изъ описаній путешественниковъ я зналъ, что никакому смертному не позволено проникать во внутренность маваоля, въ которомъ, какъ вѣрятъ туземцы, похоронена прахъ матери царя Соломона, что и означаетъ названіе его, Мешеди Мадре Солиманъ. Я боялся, что если меня будетъ провожать какойнибудь Иліатъ, то не допустить осмотрѣть внутренности этого любопытнаго зданія, чего мнѣ очень хотѣлось. Это четверугольное зданіе, съ покатою кровлей, стоитъ на пирамидальномъ базисѣ изъ бѣлаго мрамора. Чтобы достигнуть дверей гробницы, должно вскарабкаться на семь высокихъ ступеней. Я спѣшилъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, но такъ какъ это строеніе, стоящее на высотѣ, очень видно отвсюду, то едва я успѣлъ подняться, какъ громкіе крики поразили слухъ мой. Я счелъ бла оразумнымъ удалиться, окинувъ взглядомъ внутренній покой и утѣрившись, что онъ пустъ.* Женщины неистово вопили, мужчины съ грозными тѣлодвиженіями хотѣли сбросить меня со ступеней. Я объявилъ имъ, что не для чего такъ сѣдшить, что я сойду и безъ ихъ помощи; и что они такъ расхрабри-

* Я узналъ послѣ, что С. Робертъ Керръ Портеръ, посѣщая внутренность гробницы Кировой съ позволеніи двухъ старухъ, которыя были также хранительницами Тахти Мадре Солиманъ.

лись вѣроятно потому, что я одинъ. Если я, по словенію ихъ, осквернилъ святилище, то сами же они виноваты, зачѣмъ не оказали мнѣ равнѣе; а я, какъ чужестранецъ и ересьи, не обязанъ знать ихъ обычаевъ и обрядовъ вѣры; теперь же, узнавъ, что они особенно уважаютъ это мѣсто, не войду болѣе. Это объясненіе произвело свое дѣйствіе, и толпа стала менѣе горачиться; чтобы обратить ихъ вниманіе на другой предметъ, я прибавилъ, что вѣрно есть какой нибудь мулла для служенія храму; что его обязанность была бы не допускать чужестранцевъ въ гробницу; и замѣтилъ, что вѣрно мулла někгда не забываетъ требовать своего содержанія отъ общины; а когда исполнять долгъ свой, то его и нѣтъ на лицѣ. Это общеніе Мутавели (хранителя святыни) очень понравилось Иліатамъ; они признавали его совершенно справедливымъ и смѣлшешъ надъ своимъ муллою въ бѣлой чалмѣ, который сначала кричалъ громче всѣхъ, теперь же вдругъ присмирѣлъ. Обратясь тогда къ моему хозяину, старому шейху, который только что пришелъ, я сказалъ ему, что если онъ хочетъ явиться предо мною съ бѣлымъ лицомъ*, то покажалъ бы власть свою и разогналъ бундовъ, которые мѣшаютъ мнѣ срисовать прекрасный памятникъ. Старый Арабъ немнѣжно растолкалъ толпу, которая было раступилась, но скоро собралась снова, желая видѣть мой рисунокъ. Болѣе всего привлечь ихъ вниманіе карандашъ.**

Остатокъ вечера я провелъ довольно пріятно въ шатрѣ шейха. Иліаты приходили къ намъ одинъ за другимъ, и усаживались вокругъ наружныхъ стѣнъ шатра; женщины и дѣти толпились у входа или заглядывали въ отверстіе и скажины. Такъ какъ мы почти подружились у подножія мавзолея, то они сдѣлались очень сообщительны, и хотя обращеніе ихъ было грубо и умъ совершенно необразованъ, но въ рѣчахъ ихъ было много остроты и здраваго смысла. Они разказывали равныя анекдоты, разсуждали о татуированіи женъ своихъ, — обычай очень употребительный въ Персіи — громко смѣялись, спрашивали объ образѣ жизни Европейцевъ и пѣли дикіи пѣсни съ аком-

* Персидское выраженіе, означающее быть безукоризненнымъ; явиться не съ чернымъ лицомъ; значить заслужить похвалу начальника.

** Карандашъ, слово очевидно Турецкаго происхожденія: *Karav* — чернъ; *dash* — камень.

нашиятомъ флжолета. Пѣсни ихъ наиболѣе состояли въ томъ, что они славяли подвиги одного разбойника Мамасеюкаго, который приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность между Фарскими горами; напоследокъ былъ пойманъ и посаженъ въ тюрьму, въ Ташкентѣ, съ старшимъ сыномъ своимъ; тамъ они и донныиъ содержатся. Его зовутъ Вели Ханъ, а сына его Багеръ Ханъ. Мнѣ придется еще говорить объ этихъ разбойникахъ, потому что я объѣзжалъ края, бывшіе свидѣтелями грабежей ихъ, и посѣщалъ даже племя ихъ, Мамасени. Старый шейхъ, хозяинъ мой, правился мнѣ меньше всѣхъ; въ немъ не было этой грубой откровенности, которую мы такъ часто встрѣчаемъ въ дикихъ сынахъ природы. Онъ поглядывалъ какъ-то фальшиво и мрачно, завернувшись въ войлочную бурку; длинная борода его, окрашенная оранжевымъ цвѣтомъ, упала на грудь. Онъ со-ставлялъ рѣкую противоположность съ открытою наружностію сына своего, тридцати, или тридцати пяти лѣтняго мужчины, котораго я особенно полюбилъ за то, что онъ нѣжно ласкалъ свою двухлѣтнюю дочь; онъ ее няньчилъ и лелѣлъ на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока та незаснула.

Персіане вообще не любятъ дочерей и сочтутъ за обиду, если вы поздравите ихъ съ рожденіемъ дѣвочки.

Ночь уже давно наступила и я потерялъ надежду дожидаться слугъ своихъ изъ Мешеди-Мургабъ; а не желая валяться на грязныхъ подушкахъ своихъ пріятелей, Иліатовъ, я предпочелъ положить голову на сѣдло; тѣмъ болѣе, что въ чупкахъ сѣдла были у меня заряженные пистолеты; — предосторожность не излишняя въ здѣшнемъ краю. Когда гости разошлись, то единственнымъ товарищемъ моимъ въ палаткѣ остался старый оселъ, который пріютился въ уголку, за грудой мѣшковъ. Ночь была холодна и я порядочно продрогъ въ своемъ легкомъ сюртукѣ.

На разсвѣтъ сынъ шейха повелъ меня въ разрушенный на-раванъ-сарай, вокругъ котораго разбиты шатры Арабовъ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя семейства со скотомъ своимъ занимали чулалчани внутри стропія. Говорятъ, что это было жилище *мадлоевъ*, которые были приставлены на стражу къ гробницѣ Кировой; какъ бы то ни было, но остатки этого зданія гораздо высшей архитектуры, нежели прочія развалины

должны. Остатки воротъ совершенно въ сарацнскомъ стилѣ и на нихъ даже уцѣлѣла арабская надпись, которую я всматривалъ. Я поѣхалъ верхомъ осмотрѣть нѣкоторыя развалины, которыхъ не успѣлъ посѣтить вчера, между прочими пиластръ съ изображеніемъ четверокрылаго ангела, прекрасно срисованнаго С. Робертъ Керръ Портеромъ. Надобно впрочемъ разсматривать очень близко, чтобы различить черты ангела на мраморномъ пиластрѣ. Нѣкоторые Арабы Илиаты, смотрѣвшіе какъ я срисовывалъ это названіе, тогда только узнали о существованіи ее на камнѣ, когда увидѣли копію на бумагѣ. Они признались, что никогда прежде не замѣчали ее, хотя ежедневно всматриваются въ развалины.

Между тѣмъ мой слуга и чамаръ-шагиръ или почтальонъ прибыли съ лошадьми; однако прежде чѣмъ покинуть эти мѣста, я пошелъ еще разъ поклониться величественному бѣлому мавзолею.

На этотъ разъ Илиаты добровольно провожали меня. Взойдя на ступени, я обошелъ кругомъ верхнее зданіе, и вдругъ замѣтилъ на сторонѣ, обращенной къ югу, солнечные часы на камнѣ, съ арабскими буквами. Стрѣлки не доставало, но утвердивъ на мѣстѣ ея небольшой косячокъ, я объяснилъ удивленному Илиатамъ употребленіе часовъ и совѣтовалъ впередъ не враждовать противъ Френги, которые не только не желаютъ имъ зла, но всегда готовы научить ихъ чемунибудь полезному. Не знаю долго ли они помнили урокъ; но пріатели мои чрезвычайно радовались этому неожиданному открытію. Я долженъ упомянуть здѣсь объ открытіи гораздо важнѣйшемъ, сдѣланномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ католическимъ миссіонеромъ Пропаганды, отцемъ Джіованни; а именно объ открытіи іероглифовъ на мраморныхъ ступеняхъ гробницы Кировой.

Я узналъ объ этомъ только по возвращеніи въ Тегеранъ, и очень жалѣлъ, что пропустилъ случай хорошенько рассмотреть ихъ на мѣстѣ, потому что грубый и на память сдѣланный рисунокъ ихъ, который показывалъ мнѣ добрый мастеръ, могъ дать очень неясное понятіе объ ихъ смыслѣ. Желательно, чтобы какойнибудь европейскій путешественникъ, котораго случай или охота за древностями заведетъ въ Мур-

габъ, подарилъ друзей древней Персіи и Египта вѣрнымъ рисункомъ этихъ іероглифовъ.

Судя по рисунку и разсказамъ патера Джіованни, кажется, что на верхней части камня есть длинная фигура, въ наклонномъ положеніи, съ украшеніями на головѣ, между которыми находится птичья голова съ кривымъ носомъ. Внизу другая фигура, стоящая прямо съ распростертыми руками, длинными ногами и собачьей или свиной мордой, съ длиннымъ хоботомъ, простырающимся отъ ея рта до ногъ лежащей фигуры. Не представляетъ ли эта фигура *Гарамі*, или *Сиріоша*, злаго духа (дэва), который, по космогоніи древнихъ Персовъ, приходитъ мучить умершихъ? Позади ее находятся двѣ маленькія фигуры; одна вовсе непонятная, а другая изображаетъ маленькое четвероногое животное, прыгающее на воздухъ.

На другой сторонѣ того же камня есть группа, состоящая изъ шести фигуръ въ рядъ; первыя три, съ лѣвой стороны къ правой, — животныя четвероногія; но какой породы? — это угадать трудно. Первая представлена въ бѣгущемъ положеніи; вокругъ второй обвивается змѣя, голова которой приходится ровно надъ головою животного, изображенного только съ передними ногами; третья можетъ назваться лошадью, на которой сидитъ грубая, тяжелая фигура. Четвертая фигура нѣсколько походитъ на вышеописанную съ собачьей или свиной мордой и платьемъ, доходящимъ до ногъ. Она держитъ въ рукѣ длинную палку въ горизонтальномъ положеніи. У всѣхъ этихъ четырехъ фигуръ лице обращено въ правую сторону. Невозможно сказать, что изображаетъ пятая; можетъ быть человѣческой бюстъ до пояса. Шестая и послѣдняя фигура этой группы — опять четвероногое животное, обращающее голову къ прежде описанной; но головы и ноги у обѣихъ повреждены; хвостъ у послѣдней загнутъ къверху.

Я знаю, что такое несовершенное описаніе не можетъ дать удовлетворительнаго понятія; и что камень съ этими любопытными изображеніями требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія и точныхъ рисунковъ, прежде чѣмъ можно проманести о нихъ правильное сужденіе. Но, если нельзя составить рѣшительнаго мнѣнія, то можно дѣлать нѣкоторыя догадки; во всякомъ случаѣ, существованіе іероглифовъ въ мургабской долинѣ под-

тверждает мои замѣчанія касательно крылатого изображенія; и именно, что между Персїєю и Египтомъ существовала тѣсная связь въ самыя отдаленныя времена исторїи: по-крайней-мѣрѣ, со временъ Камбиза, сына Кирова, воевавшего въ Египетъ.*

Отъ гробницы Кировой мы ѣхали по долинѣ, около Фарсанга, по направленію къ югу; на половинѣ дороги переехали рѣку Мургабъ; потомъ начали подниматься въ гору, держась вдоль гребня горъ, отдѣляющаго Мургабъ отъ Юльге или долины Каминской. Они называются Ак-Гадунъ (бѣлыя горы), по причинѣ мѣловаго свойства горъ; простираются на разстояніи около Фарсанга въ ширину, и пересѣчены двумя ущельями: первое называется *Темн-Сивидъ*; черезъ него прорывается рѣка Мургабъ; второе, лѣвое, называется *Темн-Галилекъ*, очень узкое и почти непроходимое. Мы скоро спустились въ Каминскую долину по крутому скату, проѣхали деревню Гомлѣтъ, или Каминъ, — довольно значительное мѣсто и направили путь свой къ ю. ю. в.

Юльге Каминъ простирается на Фарсангъ въ ширину отъ сѣвера къ югу, и на три Фарсанга въ длину отъ запада къ востоку. Это прекрасно обработанная долина, съ хорошиими пастбищами; въ ней много деревень; значительнѣйшая изъ нихъ, послѣ Галилекса, есть Калъ Бегумъ, она обнесена кирпичнымъ землянымъ валомъ. Мы спустились съ другаго гребня горъ похожаго на прежній и ѣхали руслонъ потока, скользкаясь о неровныя камни, или скользя по нимъ и рискуя ежеминутно сломить себѣ шею. Полялъ дождь и мы промокли до пятки, прежде чѣмъ добрались до ночлега, въ деревнѣ Сѣданъ, лежащей у подошвы горы въ будущъ Гяфрекъ, проѣхавъ прежде деревню *Нору* при южномъ вѣздѣ въ ущелье. Яркій огонь, который я поддерживалъ во всю ночь, высушилъ мое мокрое платье; между-тѣмъ принесъ блюдо горячаго шавлу — очень кстати, потому что я позавтракалъ весьма несладко: одними гранатами!

Слѣдующее утро было прекрасно, и сердце мое сильно билось при мысли, что я наконецъ увижу развалины Персико-

* Героглифическія фигуры, здѣсь описанныя, сходны съ тѣми, которыя находятся въ дѣревняхъ, разрушенныхъ городахъ Америки.

дней. — Эти великодушные и таинственные остатки глубочайшей древности! Странная черта природы человека, что онъ всегда стремится впередъ — къ будущему, или оглядается на прошедшее. Вся поэзія сердець нашихъ посвящена этимъ двумъ точкамъ; настоящее — проза жизни.

Путь нашъ лежалъ въ западномъ направленіи, чрезъ долину Газарекъ, которая граничитъ къ сѣверу тою цѣпью горъ, которую мы переѣзжали наканунѣ, и служить продолженіемъ Гуссейнъ-Ру, гдѣ найдены скульптуры Накши Рустама; высоты Рама-Ку забираютъ ее съ юга. Долина не шире одного фарсана; орошена каналами, проведенными въ различныхъ направленіяхъ и обработана; деревни, большою частію, распространены по скатамъ горъ съ сѣвера и юга.

Проѣхавъ около полтора фарсана, мы перебрались черезъ рѣку Мурдубъ, которая здѣсь принимаетъ названіе Цольваръ, вытекающій изъ Сивендскаго ущелья и принимая въ себя ручей, текущій отъ Перу. На противоположномъ берегу рѣки находится Имамъ Заме Абдуллахъ. Еще фарсангъ — и мы въ деревнѣ Хаджи-Абадъ, резиденціи правителя округа Мердаштъ; здѣсь находилъ древній городъ Истахръ.

Отъ Хаджи Абада до барельефовъ Накши Рустама одинъ фарсангъ расстоянія; здѣсь я остановился, чтобъ срисовать наружный видъ и просѣтить внутренность царскихъ могилъ, находящихся высоко въ скалахъ; потомъ уже отиравился на ночлегъ въ деревню Гуссейнъ-Абадъ, за полфарсана далѣе къ востоку.

V.

Скала съ барельегами въ Накши-Рустама. — Четыре царскія гробницы. — Входъ въ первую и третью гробницу. — Описание ихъ. — Подземъ и сундукъ. — Родина Даря, погибшаго при пощитѣ гробницу. — Габрское изъясненіе круга, часто находимаго въ рукахъ саванидскихъ царей на персидскихъ барельегахъ. — Определеіе *Кости* баронамъ Сильвестромъ де Саси, сообразное вѣрѣ Зороастра. — Заключенія о золотой чашѣ съ олгурами, найденной въ курганѣ близъ Каспійскаго моря, въ отношеніи къ *Кости*. — Различіе между Ираномъ и Аппракомъ. — Ночное посѣщеніе скалы Истахра. — Илиатское кочевье. — Разсказъ о скалѣ и разрушенной крѣпости на ея вершинѣ. — Историческія воспоминанія. — Трѣтскіе ильняники, приведенные къ Александру черезъ Персеполитовъ. — Долина Мердаштъ. — Ея плодородіе. — Накши Каджебъ. — Скалы. — Первое впечатлѣніе разваливъ Тахти-Джемшида.

Скалы, на которыхъ высѣчены барельефы Накши-Рустама,

называются Куги-Гуссейнъ. Онѣ составляютъ продолженіе горъ, лежащихъ къ югу отъ Каминской долины и служащихъ сѣвѣрною границею булуку или округу гафрекокону.

Эти скалы бѣлаго и желтоватаго мрамора очень ровны, съ крутыми скалами къ сторонѣ долины. На этихъ скалахъ древнія поколѣнія передали потомству воспоминанія своихъ славныхъ подвиговъ и образцы познаній въ наукахъ и искусствахъ. Эти скульптурныя скалы составляютъ архивъ вѣкомъ. Сюда приходитъ любитель древности поклониться памятникамъ времени минувшихъ; филологъ — разбирать неизвѣстныя писмена и спасти отъ забвенія языкъ, можетъ-быть, первобытный; здѣсь художникъ возвращаетъ наукѣ правила архитектуры въ ихъ первоначальной простотѣ и величїи, между-тѣмъ какъ историкъ различаетъ различныя династїи въ послѣдствительномъ ихъ порядкѣ, — разбирая различныя стили въ скульптурныхъ остаткахъ.

Самыя древнія скульптуры извѣстны подѣ именемъ парскихъ гробницъ. Ихъ всего семь: четыре въ Накши — Рустамъ и три въ Такти-Джемшидѣ. Въ первыхъ, какъ полагаютъ, погребены были четыре первыхъ персидскихъ монарха послѣ Кира, а именно: Камбизъ, Дарій I, Ксерксъ и Артаксерксъ I. Три остальные царя племени Ахеменидовъ погребены были, какъ думаютъ, въ трехъ остальныхъ гробницахъ въ скалѣ Рамедъ, въ Такти-Джемшидѣ.

Первая изъ гробницъ накши рустамскихъ, начиная отъ сѣверо-западной стороны горы, была посѣщаема многими путешественниками, потому-что доступъ къ ней легче, чѣмъ къ прочимъ; С. Робертъ Керръ Портеръ подробно описалъ ея внутренность. Я также началъ свой обзоръ съ самой доступной изъ четырехъ гробницъ. Келхуда деревни—Гуссейнъ абаль, у котораго я остановился, предложилъ мнѣ свои услуги, которыя были очень полезны.

Вышеупомянутыя гробницы Накши Рустама имѣютъ форму греческаго креста; нижняя часть ихъ высѣчена въ скалѣ гораздо глубже, нежели верхняя. Изъ нижняго отдѣленія мой чичероне вскарабкался на каменную стѣну такъ проворно, что внушилъ мнѣ довѣренность. Съ платформы втораго отдѣленія, откуда поперечникъ креста простирается горизонтально, дѣра ве-

доть во внутрь горы. Когда Кедхуда достигъ этого пункта, ему бросили снизу веревку; онъ держалъ ее за одинъ конецъ, а другой я обмоталъ вокругъ пояса; такимъ образомъ и былъ поднятъ вверхъ. Путешествіе было не очень пріятно на такую значительную высоту; С. Р. К. Портеръ считаетъ ее около 60 футовъ.

Достигнувъ внутренности пещеры, я замѣтилъ въ глубинѣ ея три ниша со сводами; въ каждомъ изъ нихъ были углубленія, вѣроятно вмѣщавшія въ себя гробъ, закрытый каменною плитою. Въ этихъ плитахъ сдѣланы большія отверстія — изъ любопытства посмотрѣть, что находится внутри? Теперь они пусты, но было время, когда они были наполнены или смертными останками царей, или сокровищами ихъ — можетъ-быть тѣми и другими; потому что, по свидѣтельству древнихъ историковъ, всѣ богатства, накопленныя персидскими государями при жизни, погребались вмѣстѣ съ ними. — (См. Страбона XV. 3). Первый грабитель этихъ гробницъ вѣроятно сдвинулъ плиты, не повредивъ ихъ и взявъ то, что хранилось подъ ними, а ихъ самихъ положивъ опять на прежнее мѣсто. Конечно надо исполнить силу, чтобы сдвинуть плиту; но тѣ, которые шли съ способъ разбить стѣну и вломиться въ наглухо заколоченную пещеру, конечно могли еще легче сдвинуть съ гроба каменную плиту. Я останавливаюсь на этихъ замѣчаніяхъ, потому что очень ясно видно, что эти отверстія слишкомъ малы для того, чтобы сквозъ нихъ можно было просунуть тѣло; следовательно эти пустыя каменные углубленія не могли бы содержать въ себя ничего, когда были бы первоначально закрыты.

Не знаю, какъ велики были отверстія въ то время когда М. Геркулесъ, упоминаемый Нибуромъ, посѣщала это мѣсто, * но одно изъ нихъ показалось мнѣ довольно велико, чтобы пролѣзть человѣку. Я попробовалъ влѣзть въ средній саркофагъ противъ двери и улечься въ глубинѣ его. Легче вообразить, нежели описать то ощущеніе, когда лежишь въ чужомъ гробѣ! Въ гробѣ я не нашелъ ничего кромѣ бѣлой пыли, сыпавшейся со стѣнъ, при первомъ прикосновеніи. Это мѣсто очень благопріятно для серьезныхъ размышленій; гробни-

* См. Нибуръ: Voyage en Arabie et en d'autres pays circonvoisins, Tom. II.

на Накши-рустамская доставила бы Юнгу прекрасную главу Ночных размывлений о ничтожности земного владыка. В девять углублений въ третьей пещерѣ были незакрыты; каменные плиты разбиты и ваялись по бжзности.

Мнѣ хотѣлось посѣтить всѣ гробницы одну за другою; но проводникъ мой увѣрялъ, что я непременно сломаю себѣ ногу и вѣлчески отговаривалъ. Однако обѣщалъ попытаться довести меня еще до одной изъ остальныхъ трехъ, а именно, до третьей, считая съ сѣверо-запада, или до второй съ юго-восточной стороны горы, той самой, въ которой, какъ полагаютъ, погребенъ былъ Дарій Истаепъ и которая покрыта кувшитскими надписями.

Итакъ, мы отправились, и проводникъ мой снова выказал свое мужество и ловкость. Процессъ подъема по веревкѣ совершился; но я взялъ предосторожность, прежде чѣмъ подняться, приставить къ Кадхудъ помощника, чтобы держать веревку на случай; если я выскользну изъ рукъ его, или повлечу на воздухъ, какъ родители царя Дарія, которые, по словамъ Ктэвіа, намобопытствовали видѣть мѣсто погребенія, приготовленное сыну ихъ еще при жизни его и погибли на мѣстѣ.*

Внутренность этой пещеры не такъ пространна, какъ первая. Ни одинъ покой, ни одно углубленіе не выведено сводомъ, какъ въ вышепомянутой. Въмѣсто одной ниши, ихъ въ каждой пещерѣ по три, что составляетъ девять каменныхъ углублений въ одной пещерѣ. Такая ошутительная разница между двумя сличительными пещерами, десель извѣстными въ Накши-Рустамѣ, доказываетъ, что хотя наружный видъ ихъ одинаковъ, но внутренность всѣхъ четырехъ можетъ быть разнообразна; тѣмъ болѣе желательно бы осмотрѣть двѣ остальные гробницы, потому что теперь я личнымъ опытомъ удостоверилъ, что мѣ-

* Дарій, говоритъ онъ, велѣлъ приготовить себѣ гробницу на друхонной горѣ. Когда она была готова, онъ пожелалъ видѣть ее; но Каден, а также сынъ и мать его старались его отговаривать. Сія же послѣдняя оидъ захотѣла удовлетворить своему любопытству; оно стоило ей жизни. Жрецы, подвигшіе ихъ на веревкахъ на вершину горы, увидѣвъ зрѣль, такъ испугались, что вынули веревки. Родители царя упали и убились до смерти. Этотъ случай весьма описалъ Дарія. Онъ велѣлъ отрубить голову сорока жрецовъ, которые проважили на гору отидъ и мать его.

ше С. Р. К. Портера несправедливо, будто бы все эти гробницы совершенно сходны между собою, и будто описание одной даетъ совершенное понятіе о всѣхъ прочихъ.

Въ западномъ краю пещеры есть двѣ высокія ступени, высѣченныя въ скалѣ, а въ сторонѣ служащей продолженіемъ стѣны съ тремя впадинами, существуетъ небольшое углубленіе подъ самымъ потолкомъ. Между этимъ углубленіемъ и ступенями въ стѣнѣ находится трещина, отъ полу до потолка, представляющая отверстіе, сходящее въ самую глубь горы. Оно не искусственное и никогда не могло служить путемъ сообщенія. Проводникъ мой, который былъ не прочь отъ догадокъ, утверждалъ, что это былъ уголокъ, назначенный для жреца, приставленнаго читать молитвы за упокоеніе души погребенныхъ здѣсь покойниковъ. Ступени служили ему сѣдалищемъ, а лампада зажигалась въ ближнемъ нишѣ. Но тутъ дѣлается вопросъ: если гробницы были герметически закрыты, какъ можно заключить по всему, чтобъ живое существо могло быть оставлено въ этихъ жилищахъ смерти?

На этой значительной высотѣ вѣтеръ былъ чрезвычайно силенъ, и такъ какъ пространство между входомъ и площадкою, перпендикулярное отвѣсной скалѣ было чрезвычайно узко, то я долженъ былъ держаться близъ самой стѣны входа и выхода, пока дошелъ до маленькой платформы на восточной сторонѣ, составляющей одну изъ горизонтальныхъ частей креста.

Въ первой гробницѣ я нашелъ нѣкоторую пищу для души; здѣсь же потребовалъ пищи для тѣла, и позавтракалъ холоднымъ пилавомъ на платформѣ, пока мой обязательный Кедхуда показывалъ положеніе различныхъ булуковъ или округовъ въ долинѣ Персеполса.

У ногъ нашихъ тянулся отъ востока къ западу булукъ Гафрексій; къ югу булукъ Мердаштскій, дагѣ къ юго-востоку Курбальскій; къ ю. ю. в. по Ширазской дорогѣ булукъ Зарганскій; въ томъ же направленіи мостъ *Були Ханъ*, при слияніи рѣкъ Польвара и Кумъ Фирюза.

Выдающаяся впередъ возвышенность Накши Рустама препятствовала мнѣ видѣть два остальные округа, а именно: Рамжирдъ къ западу и Моинъ къ сѣверо западу.

Спускъ былъ труднѣе подъема. Меня и слугу моего Персиянина спустили на веревкахъ, обвязанныхъ вокругъ тѣла; конецъ же веревки держалъ оставшійся на площадкѣ Кедхуда; но ему держать веревку было неловко; утвердить ее въ камень не было никакой возможности; и онъ долженъ былъ спускаться самъ, скользя по вертикальной скалѣ, представлявшей очень мало такихъ уступовъ, за которые онъ бы могъ ухватиться руками, или на которыхъ могла бы утвердиться его нога. Страшно было осмотрѣть, какъ этотъ человѣкъ висѣлъ на воздухѣ, на сорокъ пять футовъ отъ земли, едва касаясь неровностей скалы концами пальцевъ, заботливо осматривая и ощущивая каждый выдающійся камень, будетъ ли онъ въ состоянн сдержать его?..... — Мускулы рукъ и ногъ его совершенно напряглись отъ усилн; малѣйшая судорога — и онъ полетѣлъ бы головою внизъ! — Мы стояли на нижней площадкѣ, все еще на значительномъ разстоянн отъ поверхности земли и осмотрѣли, едва переводя духъ горячо молясь Богу объ его спасенн. Я упрекалъ себя, что увлекъ его въ это опасное предприятие, и если бы съ нимъ случилось несчастн, оно во всю жизнь тяготило бы совѣсть. Я бы никогда не простилъ себя, что помертвовалъ жизнью человѣка, для чего?... Все такъ не богѣе, какъ для удовлетворенн пустаго любопытства. Но Богъ всегда милосердъ къ своимъ созданнмъ. Наконецъ слылъ чаше спустился къ намъ цѣль и невредимъ посреди громкихъ *Машаллахъ!* и *Бурикаллахъ!* (Слава Богу!) всего общества, которое во все время его спуска не переставало повторять: *Яхъ Алла!* *Яхъ Али!* (Помоги Боже! Помоги Али!)

Барельефы саваннанской эпохи были такъ часто описаны, что я сдѣлаю только одно замѣчанн, касательно рисунка, приложеннаго къ путешествнмъ С. Р. К. Портера, № XXIII.

На этомъ барельефѣ, замѣчаетъ авторъ, представлены два всадника, изъ которыхъ одинъ отдастъ, а другой приметъ кругъ или кольцо — знакъ владычества (См. Vol. I, p. 549).

Однажды я показывалъ знакомцу моему, ученому Гейбу изъ Езда, рисунокъ который я снялъ съ жертвенника, посвященнаго въ горнхъ близъ Бсбехана, въ Тенги Саулкѣ (я буду говорить о немъ ниже), вокругъ котораго обернуть былъ камень; два конца котораго связаны узломъ; онъ сказалъ мнѣ, что въ

Ездѣ подобныя храмы Парсовъ существуютъ еще и по сіе время. При этомъ случаѣ пріатель мой Парсъ передалъ вѣскольکو подробностей.

Всѣ Гебры обязаны носить родъ пояса или шнурка подѣ одеждою. Это составляетъ существенное отличіе послѣдователей Зороастрова ученія. Гебры отрекающіеся отъ вѣры своей и принимающіе магометанскую, разрываютъ священный подѣ,

Это и есть *Кости* или поясъ, о которомъ говоритъ Зендавеста, оканчивающійся двумя кисточками на каждомъ концѣ, означающими четыре времени года; три узелка, завязанные на каждой кисточкѣ, знаменуютъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Снурокъ свить изъ семи-десяти двухъ нитокъ, что, по толкованію Гебровъ, составляетъ счетъ государствъ, извѣстныхъ во время Гушенга, перваго ихъ законодателя. Геродотъ говоритъ, что подѣ властію персидскихъ монарховъ находилось 72 народа; любопытно замѣтить также, что 72 колоны поддерживали тронъ Джемшида въ Персеполисѣ и что священная книга Парсовъ, называемая *Изешне* или *Ясна* также раздѣляется на 72 главы.

Мобедъ, или верховный жрецъ, даетъ этотъ поясъ каждому Гебру по истеченіи семи дѣтъ; по словамъ же Саддера пятнадцати дѣтъ.

Два жреца, подходя къ жертвеннику, наблюдаютъ слѣдующій обрядъ: рука одного жреца связана съ рукою другаго этимъ поясомъ, въ знакъ того, что они дѣйствуютъ согласно, а ишаче и молитвы ихъ не будутъ услышаны.

Чтобы утвердить клятву между двумя договаривающимися сторонами, Гебры связываютъ кольцомъ этотъ поясъ, и каждый изъ договаривающихся держится за него рукою, стоя другъ противъ друга, между тѣмъ какъ концы *Кости* висятъ внизъ.

Нельзя ли объяснить этимъ обычаемъ, и донынѣ существующимъ у послѣдователей Зороастра, символическое изображеніе на барельефахъ Тахта Рустама, Накинъ Режебъ, и Накши Рустама, фигуръ, держащихъ кругъ или кольцо, котораго два конца мотаются на воздухъ? Можетъ быть оно означаетъ заключеніе мира между двумя независимыми владѣтелями, по обычаю Гебровъ?

Съ удовольствіемъ выписываю рассказъ о *Костяхъ* Зороастра

де Саси въ «Mémoires sur les antiquités de la Perse p. 164» — Авторъ говоритъ:

«Занимствую эти свѣдѣнія изъ сочиненія Садера, рекомендующаго ученикамъ Зороастра употребленіе *Кости*. Это поље, который долженъ носить каждый Парсъ, достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, и который онъ долженъ надѣвать каждое утро, вставая съ постели. Кости обращаетъ въ бѣгство демоновъ; онъ есть знаменіе соединенія вѣрныхъ. — Всѣ добрыя дѣла человѣка неопоясанаго Кости, ничтожны и не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ закона. Парсъ долженъ завязать четыре узла на Кости; первымъ онъ исповѣдуетъ единого Бога, вторымъ признаетъ истину вѣры Зороастровой; третьимъ свидѣтельствуется цѣль его посланія и призванія; наконецъ четвертымъ исповѣдуетъ твердую рѣшимость свою дѣлать добро, хотѣть добра, помышлять о добрѣ, и убѣгать зла. Самые ангелы являлись царю Меночеру и Зороастру, опоясанные Кости! — Послѣ этихъ подробностей, авторъ присовокупляетъ: «Если ты не знаешь *Ирана* и *Анирана*, я укажу тебѣ средство распознавать ихъ. Аниранъ не опоясалъ Кости какъ слѣдуетъ, Иранъ же опоясалъ его и снялъ съ чела своего какъ всѣ добрые люди, усовершенствовавшіеся въ вѣрѣ; онъ надѣлъ Кости, какъ предписано въ истинномъ ученіи.»

Изъ вышесказаннаго мы можемъ заключить, что если наружный отличительный знакъ *Ирана* былъ тотъ, что онъ снялъ *Кости* съ чела своего, значитъ, *Аниранъ* сохранилъ обычай обвивать имъ голову.

Разсматривая памятники древности, мы не должны упускать изъ вида это различіе, довольно важное, потому что, судя по тому, какъ надѣтъ *Кости* мы можемъ судить принадлежитъ ли разсматриваемая фигура къ числу послѣдователей Ормузда, или къ врагамъ Зороастрова ученія. Основываясь на этомъ правилѣ, говорю утвердительно, что человѣкъ, изображенный на кубкѣ, недавно найденномъ въ курганѣ на юго-востокъ отъ Каспійскаго моря и навивающій *Кости* на чело, принадлежитъ къ Анирану, а не къ Ирану.

Еще неизвѣстно, можно ли считать за *Кости* пращу, покрывавшую голову *Марди*, по словамъ К. Курція. Если мы захотимъ отвѣчать утвердительно, то должны предположить,

что эти дикіе горцы, живущіе, по описанію историковъ, въ пещерахъ и неприступныхъ горахъ, не хотѣли принять правящаго вѣры, проповѣдуемой Зердуштомъ, и потому удержали отличительный признакъ *Акирана*, именно, *Кости на лбу*.

Не смотря на нетерпѣніе видѣть развалины Персеполиса, я отложилъ поѣздку, до той поры пока осмотрю другія достопримѣчательности въ сосѣдствѣ; величественный же Джемшидъ оставилъ «на закуску.» Между прочимъ мнѣ очень хотѣлось взобраться на вершину Истахра, поднимающаго чело свое на с.-в. отъ Персеполиса, въ надеждѣ посмотрѣть съ этой высоты какъ лучи восходящаго солнца пробиваются сквозь сгроможденныя пиластры и разрушенныя колонны Тахти Джемшида. Кромѣ великолѣпнаго зрѣлища, которое я общалъ себѣ, мнѣ казалось, что высокая, уединенная скала Истахра есть именно одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда усердные ученики Зороастра любили ходить каждое утро, чтобы встрѣтить первые лучи свѣтила, которое они считали чистѣйшимъ, блистательнѣйшимъ символомъ Божества.

Такъ какъ надобно было проѣхать два фарсанга, я оставилъ Гуссейнъ Абадъ въ три часа утра; было еще совершенно темно; Кедхуда служилъ мнѣ проводникомъ. Мы проѣхали долину къ сѣверо-востоку; ночь была холодна; мы продрогли и захватили погрѣться въ кочевье Иліатовъ Амаля. Кромѣ одного или двухъ шатровъ, гдѣ бодрствовала пастухи, все кочевье было погружено въ глубокій сонъ; но громкій, неумолкаемый лай собакъ при нашемъ приближеніи скоро поднялъ на ноги весь народъ. Засвѣтились огни; дянныя тѣни зашевелились тамъ и тамъ, — мужчины, женщины и дѣти, всѣ равно любопытныя высунулись изъ отверстій шатровъ своихъ; нѣкоторые вышли вонъ, чтобы посмотрѣть, какая причина всей этой суматохи, и сочли насъ сумасшедшими, за то, что ѣдимъ по ночамъ и мѣшаемъ добрымъ людямъ спать.

Прошло много времени прежде чѣмъ мы могли увѣрить ихъ, что я въ самомъ дѣлѣ желаю взобраться на вершину горы; они никакъ не могли понять какая въ этомъ выгода? Наконецъ, какъ жасками и обѣщаніями награды мы склонили нѣкоторыхъ иліатовъ показать намъ дорогу на гору.

Это кочующее племя принадлежитъ къ роду Луръ, и было

переселено изъ Лурдистанъ Кучука въ Фарсъ, Агою Мухаммедъ Халомъ, дядю покойнаго Фетъ Али Шада. По смерти его, нѣкоторые возвратились въ Загросскія горы, въ прежнія свои кочевья, другіе остались здѣсь.

Подъемъ на гору былъ труденъ; половину дороги мы ѣхали верхомъ; наконецъ тропинка сдѣлалась такъ узка и крута, что мы принуждены были сойти съ лошадей, оставить ихъ и карабкаться на гору пѣшкомъ. Къ счастью разсвѣтало, и мы могли набѣгнуть многихъ пропастей, сіявшихъ подъ ногами нашими. Мы такъ долго вабирались по излучистой тропинкѣ, что солдаты азашю высоко, прежде чѣмъ мы добрались до вершинцы горы и мое желаніе видѣть, какъ оно всходитъ надъ развалинами Персеполиса не сбылось. Я даже не могъ хорошенько и различить ихъ вдали.

Исключая этой неудачи, я не жалѣю, что предпринялъ это путешествіе, потому что оно доставило мнѣ случай рассмотреть любопытную скалу и приобрѣсть правильное понятіе объ этой странѣ.

На Истахрѣ ведетъ только одна тропинка, подобно какъ на Калэ Сеендѣ, въ странѣ Мамасени, съ сѣверовосточной стороны; но она иногда такъ крута, и мѣстами такъ вертикальна, что невольный трепетъ проникаетъ путника, если онъ взглянетъ внизъ. Каменная стѣна, теперь частью поврежденная, прежде охраняла тропинку, и защищала входъ на вершину. На самой вершинѣ горы, я нашелъ изломанный рычагъ, черепки посуды, кирпичей, битое стекло, какъ бываетъ въ развалиннхъ жилищахъ; это показываетъ, что вершина горы была обитаема. Между горами обломковъ я нашелъ любопытный сосудъ изъ чернаго камня. Онъ имѣетъ овальную форму, съ одного конца остроколючень, съ другаго имѣетъ отверстіе, довольно поврежденное. Внутренность его выдолблена, снаружи же онъ покрытъ насѣченными въ немъ рельефными украшениями; вообще видомъ онъ похожъ на кокосовый орѣхъ такой же величины. Онъ также напоминаетъ на эти болыя овалыя украшенія, привѣшенныя на цѣпочкѣ и висящія на бокѣ

лошадей, въ скульптурныхъ изображеніяхъ всадниковъ въ Накши Рустамѣ; трудно угадать ихъ назначеніе. *

Далѣе внутрь горы, къ восточной покатости ея, я нашелъ огромный водоемъ, раздѣленный на три части; стѣны выложены камнемъ, полъ вымощенъ. Въ длину имѣеть 205 шаговъ, но ширина неравна. Тающій снѣгъ зимою, дожди въ другія времена года собираются въ этомъ и другомъ водоемѣ, на южной сторонѣ. Это были единственные средства добывать воду на такой значительной высотѣ, потому что въ горѣ нѣтъ ключей. Здѣсь видѣлъ я нѣсколько дубовъ; на высотахъ и въ пещерахъ много дикихъ барановъ и козъ.

Вблизи втораго водоема я нашелъ слѣдующую надпись, высѣченную въ скалѣ:

Въ древности крѣпость Истахръ служила иногда государственною темницею. Мы находимъ въ исторіи Персін С. Джомъ Малькольма, что Зенги, сынъ Саадъ Аттабеда, изъ Фарса, былъ посланъ плѣнникомъ въ горную крѣпость Истахръ, изъ которой былъ освобожденъ только по возвращеніи Султана Джелаледина (Султана Махмуда-Хауризмскаго) изъ Сцида въ Иракъ.

Въ послѣдствіи Уццунъ Гассанъ заточилъ въ ту же крѣпость Истахръ Султана Али Ибрагима Мирзу и Султана Шахъ Ишангла, сыновей Гейдера (Сефеви); они страдали въ ней четыре года.

Уединенная гора Истахръ есть ключъ къ проходу, открывающему долину Персеполиса со стороны гористой страны Ардеканской.

Я воспользовался возвышенностію этого мѣста, чтобы отнѣтити нѣкоторые направленія компаса, полагаясь на слова проводника и на свой глазомѣръ, чтобы опредѣлять разстояніе.

Съ южной стороны Кули Истахра.

Мѣсть Чулиханъ и протяженіе рѣки Кумъ Фирюза, прямо къ югу; разстояніе отъ перваго, отъ 3 до 4 фарсанговъ. На сѣвѣдъ отъ Кумъ Фирюза лежитъ округъ *Рамасирѣдъ*, граничащій къ западу гористою странною, составляющею булукъ *Вамза*.

* Сэръ Видманъ Юэлъ предполагаетъ, что эти украшенія представляютъ сосуды, содержащіе эссенцію, — С. Р. К. Портеръ; что это части или украшенія сѣдла; но сдѣлавъ нѣкіе изслѣдованія.

Къ востоку отъ этой рѣки лежитъ округъ *Гафрекъ*. Направленіе отъ горы къ Накши Рустаму отъ с. чрезъ с. ю. с. на разстояніи около двухъ фарсанговъ.

Съ Сѣверовосточной стороны горы Истахра.

Гора *Кумъ Шахрекъ* с. з. чрезъ з. с. з. за два фарсанта *Кумъ Фирузъ* течетъ въ этомъ же направленіи. Онъ вытекаетъ изъ сѣвѣжнаго хребта Ардеканскаго, близъ мѣста, называемаго *Рукосъ Гамбилъ*; это Араксесъ, или Киръ древнихъ; Александръ переходилъ его близъ Персеполиса. Въ долину онъ сливается съ рѣкою *Моннъ*, текущею отъ деревни того же имени, но направленію къ с. с. з. Лѣтная дорога изъ Исфагана въ Ширазъ идетъ чрезъ *Моннъ*.

Горная вершина *Гуссейнъ Ку*, продолженіе *Накши-Руотанскихъ* горъ лежитъ къ сѣверо-западу. Деревни *Гермъ абадъ*, на одинъ фарсангъ, и *Казимъ-абадъ*, на полтора фарсанта; вѣдуться къ с. с. с. чрезъ с.

Мостъ *Пули Но*, чрезъ *Кумъ-Фирузъ*, лежитъ къ юго-востоку, недалеко отъ *Куги Истахра*.

Мостъ, по которому Александръ Великій переходилъ чрезъ Араксесъ, передъ вступленіемъ въ долину Персеполиса, вѣроятно былъ здѣсь же, по близости.

Недалеко отъ *Куги Истахра*, къ юго-востоку, есть гора, совершенно неприступная по крутизнамъ своей; она имѣетъ весьма грозную наружность.

Фарсанта на два, къ западу, есть третья отдѣльная гора, на вершинѣ которой видны развалины древней крѣпости; время не позволяло мнѣ взобраться туда, къ крайнему моему сожалѣнію, потому что это мѣсто еще не было описано ни однимъ путешественникомъ. Оно называется *Куги Шахрекъ*.

Я стоялъ на классической землѣ. Рѣка *Кумъ Фирузъ*, омывающая подошву скалы есть древній Араксесъ; сѣвѣжныя горы Ардеканскія, изъ которыхъ она вытекаетъ, поставили некогда грозную преграду шестую Александра; по ней наконецъ онъ спустился въ Персію. По всей вѣроятности, въ *Моннской* долині онъ перешелъ мостъ, ведущій чрезъ Араксесъ, передъ входомъ въ долину Персеполиса; и въ этихъ же мѣстахъ происходила трогательная сцена между нимъ и греческими плѣн-

видами, которые выжили къ нему на встрѣчу, когда онъ приближался къ городу.

«Приближаясь къ городу», говоритъ историкъ его, «Александръ былъ пораженъ зрѣлищемъ, которому мало подобныхъ въ исторіи. Это была толпа греческихъ плѣнниковъ, числомъ около 4000, жестоко изуродованныхъ Персами. У нѣкоторыхъ были отрублены ноги, у другихъ руки, или уши; на всемъ тѣлѣ ихъ были выжжены варварскія буквы. Въ такомъ видѣ преданы они были на потѣху своихъ безчеловѣчныхъ враговъ, которые, вида уже и себя самихъ близкими къ покоренію, не смѣли противиться ихъ желанію идти на встрѣчу Александра. Они походили на какія то грубыя изображенія; только жалобы обличали людей. Они болѣе возбуждали слезы, нежели проливали ихъ сами. Казалось всѣ были равны въ этомъ несчастіи, прихотливо поражавшемъ каждаго въ особенности; но казня до того были разнообразны, что невозможно рѣшить, который изъ нихъ наиболѣе достоинъ сожалѣнія. Когда они вопіяли, что Юпитеръ, мститель Греціи, наконецъ пробудился, всѣ слушавшіе сочувствовали этимъ страданіямъ, какъ бы своими собственнымъ. Александръ отеръ слезы свои и сказалъ имъ: «Ободритесь, вы снова увидите родину, женъ и дѣтей своихъ»... Тогда Александръ разбилъ станъ свой въ двухъ стадіяхъ отъ города.»

На возвратномъ пути, мой умный и разговорчивый Кедхуда говорилъ мнѣ о земледѣліи вокругъ Персеполиса.

Пространныя и богатыя долины, очень неправильно называемыя Мердаштъ, раздѣлены на разныя булуки, изъ которыхъ собственно Мердаштъ, занимаетъ только нѣкоторую часть; а именно, булукъ близъ развалинъ Персеполиса, или Тахти Джемшида. Пространство между рѣками Польваромъ (Мургабъ) и Кумъ Фирузомъ, или по словамъ древнихъ географовъ, между Медусомъ и Араксесомъ, составляетъ булукъ Гафрекъ. Я упоминалъ выше, что на западъ отъ Кумъ Фируза, или на правомъ берегу ея, лежитъ булукъ Рамжирдъ, а вверхъ по теченію между лѣвымъ ея берегомъ и правымъ берегомъ Мошна, находится булукъ Мошнъ. Отъ развалинъ городка Истахра, (лежащаго между скульптурными скалами Накши Рустама, и котораго не должно смѣшивать съ скалой Истахромъ) начинается

булукъ Мердаштъ, простирающійся вдоль лѣваго берега рѣки Польшваръ до самаго соединенія ея съ Кумъ, Фирузюмъ въ Нула — Ханъ.

Къ югу Мердаштъ граничитъ этою рѣкою внизъ до Бендамира откуда проведенная черта, до развалинъ Тахти Джемшида или оконечности Ку-Раида, составляетъ ея восточную границу. Булукъ Курбалъ, или какъ простолюдины произносятъ, Кульбаръ, лежитъ между Куги Рамедомъ и нижнимъ теченіемъ Кумъ Фирюза, который, соединясь съ Польшваромъ, принимаетъ имя Бендамиръ.

Видя, что мой словоохотный пріятель лучше знаетъ булуки Гафрекъ и Мердаштъ, чѣмъ три прочіе, я его подробнѣе о нихъ и спрашивалъ.

Булукъ Гафрекъ имѣетъ 30 деревень, а Мердаштъ 20. Въ обѣихъ булукахъ вмѣстѣ засѣвается въ годъ хлѣба около двѣнадцати тысячъ *харваровъ*; харваръ равняется вѣсомъ тому количеству, какое осель можетъ снести на себѣ. Нѣкоторыя только поля поливаются искусственно, другія орошаются дождями. Произведенія поливныхъ полей дѣлятся на три доли: первая принадлежитъ казнѣ, вторая владѣльцу земли, третья наемщику. Отъ казенныхъ земель, называемыхъ *Шахи*, двѣ части взимаются въ пользу Дивана, а третья принадлежитъ наемщику. Съ полей, называемыхъ *Демми*, которыя не поливаются, и въ которыхъ урожай зависитъ отъ сухой или дождливой погоды, Диванъ получаетъ только пятую часть жатвы. Ячмень и пшеница даютъ обыкновенно самъ десять или самъ пятнадцать; во въ хорошо обработанныхъ и поливныхъ поляхъ самъ двадцать или двадцать пять.

Около Новруза, вначалѣ весны, крестьяне собираются и рачнищаютъ каналы, проводящіе воду изъ Польшвара въ поля ихъ. Потомъ они набираютъ Мираба, (утверждаемаго Диваномъ, потому что вода составляетъ собственность казны), должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы справедливо дѣлить воду, потребную для каждаго поля, судя по его пространству. Сначала весны до наступленія жатвы, поля поливаются каждую недѣлю. Тотъ же процессъ употребляется и для полей, жабанныхъ рисою; но ихъ не поливаютъ, а наводняютъ: они приносятъ

еще шестидеять или еще восемнадцать, тогда еще ячмень и пшеница произрастаютъ только еще двадцать.

Почва долины Гафрекской и Мердаштской болѣе глинистая и обильно снабжена водою. Крестьяне употребляютъ два или три рода пшеницы и ячмень черный и бѣлый. Пшеница лучше растетъ въ черноземѣ, а рисъ, горохъ и бобы въ глинистой почвѣ.

Послѣ полудня я отправилъ своего слугу впередъ съ багажемъ, чтобы приготовить ночлегъ въ Кенорѣ, ближнемъ къ Персеполису селеніи, а самъ, съ туземнымъ проводникомъ, отправился осматривать скульптуры Накши Кеджеба, въ горахъ Рамедскихъ. Берегомъ Польвара мы въѣхали въ булукъ Мердаштъ. Недалеко отъ лѣваго берега рѣки находится возвышенная каменная площадка, которая нѣкогда служила, вѣроятно, фундаментомъ большому четверугольному зданію. Камни были взяты изъ близъ лежащей скалы, около Накши Реджеба, представляющей странное образованіе камней. Я вообще замѣчалъ, что пласты гранита лежатъ одинъ другому параллельно и склонены къ землѣ подъ извѣстнымъ угломъ. Здѣсь скала представляетъ волнообразныя линіи, и изгибъ кажется произведенъ снизу какою то тайною силою, которая приподняла пласты съ центра, допуская ихъ спускаться по краямъ.

Будучи приподняты такимъ насильственнымъ образомъ, многіе пласты уступили и обвалились. Это обстоятельство вѣроятно весьма благопріятствовало работникамъ, употребленнымъ при постройкѣ Персеполиса, потому что они могли выбирать камни изъ этихъ природныхъ каменоломенъ, не вырубая въ скалѣ, а только полируя и обтесывая уже готовые.

Скульптуры Накши Кеджеба находятся въ ущельѣ, на пути между Накши Рустамомъ и Тахти Джемшидомъ. Они состоятъ изъ трехъ барельефовъ: одинъ прямо надъ входомъ въ ущелье, другіе два по правую и лѣвую сторону. Они принадлежатъ къ эпохѣ Сассанидовъ и часто были описываемы.

Неутомимый французскій писатель, г. Евгений Фландень, недавно посѣщавшій эти мѣста, открылъ длинную надпись на языкѣ *Пелески*, которая была скрыта отъ взоровъ вѣтвями и листьями дерева, выросшаго въ расщелинѣ скалы.

Уже смеркалось, когда мы отправились из деревни Кенуръ. Проѣзжая полемъ, я взглянулъ на колоннады и гранитныя пиластры высокой платформы Персеполиса къ востоку у подошвы Рамедской горы. Я долженъ признаться, что первое впечатлѣніе, которое они произвели на меня, хотя и пріятное, далеко не соответствовало моимъ ожиданіямъ. Я воображалъ, что буду пораженъ величіемъ этихъ громадныхъ аданій. Конечно, я видѣлъ ихъ теперь въ сумерки и издали. На слѣдующій день, подѣхавъ ближе, я вполне примирился съ первоначальною своею мыслію, и вознагражденъ былъ сверхъ всѣхъ, самыхъ пламенныхъ моихъ мечтаній. Чѣмъ больше я смотрѣлъ на эти развалины, тѣмъ больше приходилъ въ удивленіе!

=

М А Й, 1854.

НОВЫЯ КНИГИ:

1. **ИЗВРАЖЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ТУРЦІИ**, въ географическомъ, статистическомъ, религіозномъ и военномъ отношеніяхъ. Изъ сочиненія М. А. Убичини, 1853. Переводъ съ французскаго. (Спб. 1854.)

2. **РУССКІЕ НА ДУНАВЪ И НА-ЧЕРНОМЪ МОРЬ ВО ВРЪ(Ъ?)МЯ ВОЙНЫ РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1854 ГОДА.** (Москва, 1854.)

3. **СОБРАНІЕ СТИХОВЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ ПРО ТУРОКЪ, АНГЛИЧАНЪ И ФРАНЦУЗОВЪ.** (Москва, 1854.)

4. **СТИХИ ПО СЛУЧАЮ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВОЙНЫ РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ И ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ АНГЛІЕЮ И ФРАНЦІЕЙ.** Сочиненіе крестьянина Ивана Кругликова. (Спб., 1854.)

5. **О ЦѢННОСТЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.** Историческое изслѣдованіе Михайла Заблоцкаго. (Спб., 1854.)

6. **О ВЕНТОВЫХЪ ДВИГАТЕЛЯХЪ КОРАБЛЕЙ.** Составилъ Освальдъ Папенгудъ. (Спб., 1854.)

7. **НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ГЕОРГИНЦЪ.** Составлено В. Циммерманомъ. (Спб., 1854.)

8. **НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КОЗЪ.** Составлено В. Циммерманомъ. (Спб., 1854.)

9. **НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ГУСЕЙ.** Составлено В. Циммерманомъ. (Спб., 1854.)

Т. СХХV. — Отд. VI.

1/5

Извлечение изъ сочиненія господина Убичини, подъ заглавіемъ: *Изображеніе современнаго состоянія Турціи*, включаетъ въ себѣ любопытныя подробности о составѣ высшей турецкой арміи. Одна эта часть и заслуживаетъ въ немъ вниманіе. Прочее или слишкомъ поверхностно, или сильно пахнетъ заказнымъ французскимъ турколюбіемъ, и, слѣдовательно, лишено права на довѣріе. Авторъ утѣряетъ, будто *Коранъ объемлетъ всю отношенія жизни религіозной и гражданской*. Изъ чего я замѣчаю, что мосьѣ Убичини никогда не читалъ Корана: тамъ ничего нѣтъ, кромѣ восторженныхъ возгласовъ, общихъ мѣстъ о человѣкѣ, и полемики съ невѣрными жителями Аравіи. А всѣ отношенія жизни религіозной, гражданской, политической, военной, торговой, и прочая опредѣлены *улемами*, то есть «учеными», собственно богословами, частью по яснымъ намекамъ Корана, но наибольшую частью по преданіямъ объ изустномъ ученіи Магомета, сохраненномъ памятью ближайшихъ его учениковъ и сподвижниковъ, и по свидѣтельствамъ современниковъ о *практикѣ Пророка*, о томъ, какъ чтó при немъ было, какъ водилось въ его маленькомъ владѣніи, какъ поступалъ онъ въ извѣстныхъ случаяхъ, съ какими правилами самъ соображался. Эти два источника всего мусульманскаго права *улемы*, или ученые, изображаютъ *двумя морями* мудрости. Изъ нихъ-то выведены всѣ постановленія и предписанія систематическаго свода законовъ Оттоманской Имперіи, который водутъ *Мултека-уль-бахрейнъ*, «Слияніемъ двухъ морей». Улемъ, ученый, есть тотъ, кто знаетъ наперечетъ всѣ статьи «Слиянія двухъ морей» съ существующими на нихъ комментаріями и толкованіями. Коранъ читается лишь *набожными* съ чисто духовною цѣлью. Законъ же — только то, что сказано въ Двухъ Моряхъ. Господинъ Убичини плохо понимаетъ значеніе *улемовъ*, когда говоритъ объ *организаци* этого *сословія*. Ни *сословія*, ни *организаци* нѣтъ ни какихъ. Каждый «ученый» самъ по себѣ «ученый» и для правительства важенъ только въ той мѣрѣ, въ какой уважается народомъ за свои познанія богословія и юридическія. Ученые, зани-

маніе должности, разумѣется, сообразуются съ организациею того вѣдомства, къ которому должность ихъ относится. Ученые безъ мѣсть — просто частные люди съ познаниями. Они не составляютъ сословія, но, какъ всѣ ученые на свѣтѣ, образуютъ котерин, и главы этихъ котерій, опираясь на свою славу, перѣдкѣ оказываютъ большое вліаніе на правительственныя лица, на ученыхъ по должности, и на самыхъ султановъ. Въ важныхъ случаяхъ вся ученая стая мусульманская, у дѣлъ и не у дѣлъ, поднимается на ноги и кричить вмѣстѣ. Народъ вѣритъ ей болѣе, чѣмъ визирямъ, и вотъ такимъ образомъ *улемы* сильны и опасны. Покойнаго султана Махмуда, который ихъ не слушался и переималъ разныя учрежденія у христіанскихъ странъ, прозвали они *глуромъ*, и онъ нѣсколько разъ чуть не лишился престола и жизни. Неослѣпность Турціи, сообщаемая французскимъ авторомъ по послѣднему государственному календарю за достовѣрную, изображена также нечѣрно. Всенародно извѣстны въ Турціи страшныя подлоги и утайки переписи 1844 года, и извѣстно также, что Порта не имѣетъ обыкновенія печатать безъ произвольныхъ измѣненій даже того, что она свиходительно принимаетъ отъ пашей за достовѣрное. Въ Европѣ авторъ дѣлаетъ различіе между *мусульманами* и *Оттоманами*, показывая первыхъ 2,110,600, а вторыхъ 4,550,000, а въ Азіи всѣхъ мусульманъ называетъ *Оттоманами*. Что же это такое? Въ Оттоманской Имперіи или всѣ подданныя султана, какой бы вѣры и породы ни были, должны быть называемы Оттоманами, какъ въ Россіи всѣ называются Русскими и во Франціи всѣ Французами, и какъ въ самомъ дѣлѣ всѣ жители Турціи именуются официально, или, если *Оттоманы* значить господствующее, вправляющее сословіе, то его во всей имперіи нѣтъ и 400,000 человекъ, и оно всѣми ненавидимо, и Греками, и Аравитянами, и Курдами, и Албанцами, и Славянами, и Тюркменцами, какъ христіанами такъ и мусульманами. Въ улусѣ Османа было всего-на-все 400 семействъ, что представляетъ скромный итогъ 2000 душъ. Всѣ они давно погибли въ войнахъ. Ни кто въ Турціи, кромѣ одного сул-

тана, да еще кара-гисарскихъ барановъ, не можетъ вывести роду своего изъ этого улуса. Такъ кого же господить Убийчии величаетъ Оттоманами или Османцами, *Османлы*? Оттоманомъ въ Турціи именуется себя всякой, кто хочетъ или кому это нужно; но никто не спрашиваетъ: говорите ли *по-оттомански*? Спрашиваютъ просто: говорите ли вы *по-мусульмански*? Мусульмане и не-мусульмане: другой классификаціи тамъ не принимаютъ. Мусульмане же, говорящіе оттоманскимъ нарѣчіемъ турецкаго языка, изъ которыхъ преимущественно набирается господствующее сословіе, происходятъ всё или отъ обусурманевныхъ нѣкогда насильно Грековъ, Славянъ и другихъ бывшихъ христіанъ, или отъ купленныхъ у кавказскихъ горцевъ невольниковъ. Скорѣе могли бы быть приняты разряды по языкамъ. Но къ чему они послужатъ, когда въ иныхъ мѣстахъ христіане говорятъ по-турецки, а въ другихъ мусульмане говорятъ по-гречески, по-славянски, по-албански, и такъ далѣе? Населенность всей Оттоманской Имперіи безъ Египта и Туниса показана въ 27,000,000 душъ, изъ которыхъ ровно половина христіанъ; а съ Тунисомъ и Египтомъ 35,000,000. Населенность Константинополя вѣроятно вычислена нѣсколько ближе къ истинѣ. Въ 1844 году тамъ считали, съ гарнизономъ, 891,000 жителей: въ томъ числѣ 475,000 мусульманъ, 223,000 Армянъ, 132,000 Грековъ, 37,000 Евреевъ и 25,000 иностранцевъ.

Въ 1843 году, при сераскирѣ (*военный голова*) Риза-пашѣ, былъ изданъ фирманъ объ устройствѣ турецкой арміи. Этимъ указомъ измѣнилась прежде существовавшая система вербовки въ рекрутскій наборъ; во всё роды войскъ ввели европейская организація; пѣхотѣ, кавалеріи и инженерамъ дали французскій уставъ; въ артиллеріи введены правила прусскаго устава; подъ руководствомъ прусскихъ офицеровъ.

Новая система обнимаетъ службу въ дѣйствующихъ регулярныхъ войскахъ (*низамъ*) и службу въ резервѣ (*редифъ*).

Турецкія регулярныя войска раздѣляются теперь на шесть корпусовъ, называемыхъ станами, ордами, *орду*, и со-

стоящихъ подъ начальствомъ *мушира* (корпуснаго генерала).

Каждая орла или станъ раздѣляется на двѣ дивизіи, подъ начальствомъ *ферики* (дивизионнаго генерала).

Каждая дивизія составлена изъ трехъ бригадъ, ввѣренныхъ *лисамъ* (знаменнымъ пашамъ, бригаднымъ генераламъ).

Въ ордѣ считается 11 полковъ: 6 пѣхотныхъ, 4 кавалерійскихъ и 1 артиллерійскій.

Каждый пѣхотный полкъ дѣлится на 4 баталіона восьмьротнаго состава. По уставу, численность баталіона полагается въ 815 человекъ (офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ), а именно:

1	Командиръ баталіона	<i>Бинъ-башм.</i>
1	Старшій адъютантъ	<i>Коласе (?)</i> .
8	Капитановъ	<i>Юзъ-башм.</i>
16	Поручиковъ	<i>Мюлязимъ.</i>
8	Фельдфеблей	<i>Башъ-чаушъ.</i>
32	Сержанта	<i>Чаушъ.</i>
8	Фурьеровъ	<i>Бѣлюкъ-эмими.</i>
64	Капрала	<i>Онъ-башм.</i>
640	Рядовыхъ	<i>Неферъ.</i>
29	Музыкантовъ	<i>Мелтеръ.</i>
8	Водоносовъ	<i>Саккъ.</i>
2	Хирурга	<i>Джеррахъ.</i>
1	Аптекарь	<i>Эджзаджи.</i>
2	Имама	

815

Прибавляя же къ этому числу полковника (*миръ-алай*), подполковника (*каакамъ*) и маіора (*алай-эмими*), получимъ для каждаго полка четырехъ-баталіоннаго состава 3,263 человекъ. Однако на-дѣлѣ число это никакъ не превышаетъ 2,500 человекъ.

Десять рядовыхъ составляютъ капральство, подъ начальствомъ капрала (*онъ-башм*, десятникъ), два капральства

составляютъ отдѣленіе подъ начальствомъ чауша (сержанта); два отдѣленія образуютъ взводъ, подъ начальствомъ мюлязла (поручика); два взвода составляютъ роту (блукъ), подъ начальствомъ капитана (юзъ-баша, сотникъ); восемь ротъ или баталіонъ (таборъ) управляются командиромъ баталіона (бикъ-баша тысяцкой); полкъ состоитъ подъ начальствомъ полковника (миръ-алай) или подполковника. Завѣдываніе хозяйственною частію, въ каждомъ баталіонѣ, возлагается бикъ-башою на одного изъ офицеровъ.

Различіе въ чинахъ означается знаками ранга (кишакъ), носимыми на шеѣ, и саблею; какъ то, такъ и другое разнится по чинамъ, отъ простаго солдата до мушвра; при каждомъ новомъ назначеніи, правительство разсылаетъ, кому слѣдуетъ, новые знаки, на обійѣтъ прежде пожалованныхъ.

Каждый кавалерійскій полкъ состоитъ изъ 6 эскадроновъ, изъ которыхъ первый и шестой карабинерные, а четыре остальные пикенерные; каждый изъ нихъ имѣетъ слѣдующій составъ:

- 1 Капитанъ.
  - 1 Штабсъ-капитанъ.
  - 1 Поручикъ.
  - 1 Подпоручикъ.
  - 1 Кузнецъ.
  - 6 Квартирмейстеровъ.
  - 18 Бригадировъ.
  - 12 Трубачей.
  - 110 Конныхъ
  - 10 Пѣшихъ
- } рядовыхъ.

153.

А всего вмѣстѣ со штабомъ полка и нестроевыми, 934 человекъ; дѣйствительно же въ полку можно считать всего 700 человекъ, или по 120 человекъ въ эскадронѣ.

Въ артиллерійскихъ полкахъ состоитъ по 1,200 человекъ и по 12 батарей, изъ которыхъ 3 конныхъ и 9 пѣшихъ; въ нихъ считается 66 полевыхъ орудій и 4 горныя гаубицы.

Такимъ образомъ, дѣйствующихъ войскъ въ каждой ордѣ состоитъ:

Пѣхоты 6 полковъ по 2500 человекъ	15,000 человекъ.
Кавалеріи 4 полка — 700 — — —	2,800 — — —
Артиллеріи 1 полкъ — 1300 — — —	1,200 — — —

20,000 человекъ.

Первая орда, называемая *хасса*, или собственная, то есть, гвардія, имѣетъ главную свою квартиру, въ мирное время, въ *Скутари* и *Смирнѣ*.

Вторая орда называется ордою Дверей Счастія, *дери-сеа-детъ*. Это гарнизонъ столицы, состоящій подъ непосредственнымъ начальствомъ сераскира (военнаго министра). Главная квартира корпуса, въ мирное время, въ *Константинополь* и *Аригоръ* (въ Малой Азіи).

Третья орда — румелійская. Главная квартира въ *Монастырь*, въ Албаніи.

Четвертая орда, анатолійская, имѣетъ главную свою квартиру въ *Брусель*.

Пятая, или арабистанская орда, имѣетъ главную квартиру въ *Дамаскъ* и *Алепо*.

Шестая орда, или иракская, имѣетъ главную квартиру въ *Багдадъ* и *Хиджазъ*.

Сверхъ этихъ шести ордъ, существуютъ еще три отдѣльныя бригады: на островѣ *Критъ* 4,000 человекъ, да 3,500 иррегулярныхъ войскъ, и около 600 туземныхъ канонировъ, всего около 8,000 человекъ; въ *Триполѣ* 4,000 человекъ, изъ двухъ полковъ, одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго; наконецъ съ *Тунисъ* то же число; такъ, что во всѣхъ этихъ войскахъ считается до 16,000 человекъ пѣхоты и кавалеріи.

Спеціальныя войска, состоящія подъ начальствомъ *толчубаши*, главнаго пушкаря, *фельдцейхмейстера*, составлены

изъ артиллерійскаго корпуса, въ числѣ 4 полковъ: одного резервнаго и трехъ распределенныхъ по разнымъ крѣпостямъ, въ проливахъ Константинопольскомъ и Дарданельскомъ, по Дунаю, въ Сербіи, въ Архипелагѣ, и на малоазійскомъ и черноморскомъ берегахъ; и изъ инженерной бригады, состоящей изъ 2 полковъ, по 800 человекъ въ каждомъ.

Сведя всѣ части, получимъ:

	Полковъ.	Списочное число.	Строевые.
Пѣхоты.....	36	117,360 чел.	100,000 чел.
Кавалерія.....	24	2,2416	— 17,000 —
Артиллерія.....	6	7,800	— 7,000 —
— крѣпостной.....	4	5,200	— 5,000 —
Инженеровъ.....	2	1,600	— 1,000 —
Въ {	Въ Кавказѣ... ..	4	8,000 — 8,000 —
	Триполи	2	4,000 — 4,000 —
	Тунисъ.....	2	4,000 — 4,000 —
	80	170,376 чел.	146,600 чел.

Столько положено быть непременно, и на столько отпускается денегъ изъ казначейства. Но надо знать Турцію: утаить только треть казеннаго, тамъ почитается за рѣдкую умѣченность, почти за честность. На лицо, до войны, ни въ какомъ случаѣ немогло быть болѣе 100,000. Генералы, въ частныхъ бесѣдахъ, считали обыкновенно 80,000.

Фирманомъ 1843 года срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ положенъ въ пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ солдаты возвращаются на родину и зачисляются на семь лѣтъ въ *редифъ* или резервъ.

Редифъ имѣетъ прусскую организацію; число полковъ въ немъ равно числу полковъ въ дѣйствующей арміи. Эти полки раздѣлены на баталіоны или эскадроны и на роты, съ комплектомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые получаютъ отъ правительства опредѣленное жалованье; они обязаны жить въ городахъ и деревняхъ, посреди солдатъ, и производить имъ учетъ разъ въ недѣлю, чего одна-

ко они нигдѣ не исполняютъ. Ежегодно, на одинъ мѣсяцъ, редиѣ долженъ, по положенію, собираться въ главную квартиру своей орды для производства большихъ маневровъ. Въ продолженіе всего времени этихъ сборовъ, какъ равно на время пути и обратно, солдаты получаютъ жалованье и пайки.

Каждая орда имѣетъ свой редиѣ, состоящій въ мирное время подъ начальствомъ ливы, который живетъ въ главной квартирѣ орды. Редиѣ первыхъ четырехъ ордъ состоитъ изъ 11 полковъ, организованныхъ совершенно одинаково съ дѣйствующими полками; въ числѣ этихъ 11 полковъ находится 6 полковъ пѣхотныхъ, 4 кавалерійскихъ и 1 артиллерійскій.

Общая администрація арміи ввѣрена верховному военному совѣту (*дари шурам аскери*). Совѣтъ этотъ собирается въ военномъ министерствѣ (сераскерствѣ), подъ предѣтельствомъ мушира. Въ немъ присутствуетъ мулла военный судья, *казіаскеръ*, который, наблюдая за правильнымъ примѣненіемъ законовъ къ уголовнымъ дѣламъ, представленнымъ въ совѣтъ, имѣетъ право отвергать всѣ рѣшенія, несогласныя съ духомъ мусульманскаго законодательства. Въ составъ совѣта входятъ четыре ферики, четыре ливы и пять гражданскихъ чиновниковъ первыхъ двухъ классовъ. Совѣтъ ревизуетъ всѣ рѣшенія совѣтовъ ордъ, и долженъ заботиться о снабженіи всѣмъ необходимымъ войскъ, включая артиллерию и инженеровъ, состоящихъ въ вѣдѣніи особаго комитета, который въ свою очередь зависитъ отъ артиллерійскаго управленія. Вѣдѣнію совѣта подлежатъ вооруженіе, обмундированіе, выдача жалованья, пайковъ, и прочая. Онъ разсматриваетъ смѣты расходовъ, производитъ контроль, заготавливаетъ маршруты, назначаетъ передвиженія войскъ, изслѣдуетъ проекты организаціи и представляетъ на утвержденіе султана списокъ производимыхъ въ слѣдующіе чины генераловъ и штабъ-офицеровъ до адъютантъ-маіора исключительно.

При каждой ордѣ находится особое управленіе, или военное интендантство (*мухасебе*) и военный совѣтъ (*ордунуль*

меджлиси), имѣющей свои засѣданія въ главной квартирѣ орды, и состоящей изъ генераль-лейтенанта, начальника штаба, двухъ старшихъ генераль-маіоровъ, двухъ старшихъ полковниковъ, военного интенданта или казначея, и гражданскаго чиновника, отправляющаго должность секретаря (*кятибъ*), въ чинѣ маіора. Сверхъ того, въ совѣтахъ двухъ первыхъ ордъ присутствуютъ муфтіи, по одному въ каждомъ. Эти совѣты имѣютъ своимъ назначеніемъ: получаемыя отъ административныхъ полковыхъ совѣтовъ требованія представлять, съ своимъ мнѣніемъ, верховному совѣту. Они повѣряютъ отчеты своей орды, пекутся о госпиталяхъ, и, съ утвержденія министра, производятъ въ чины, до адъютантъ-маіора.

Наконецъ, для каждаго полка существуетъ такой же административный совѣтъ, составляемый изъ маіора, изъ одного офицера, завѣдывающаго обмундировкою полка, и по одному офицеру каждаго чина, подъ предсѣдательствомъ полковника. Полковой совѣтъ обязанъ вести вѣрные списки кандидатамъ въ унтеръ-офицеры, капралы или бригадиры, и представлять ихъ на утвержденіе начальства. Вѣдомству его подлежитъ также изслѣдованіе преступленій по олулжбѣ военной, но безъ произношенія приговора: право примѣненія закона предоставлено одному верховному совѣту. Онъ только выслушиваетъ свидѣтелей, излагаетъ свое мнѣніе о степени вины подсудимаго, и потомъ провождаетъ дѣло въ главную квартиру.

Бюджетъ арміи простирался до войны до 17,000 рублей, только на жалованье и на содержаніе войскъ; издержки на артиллерію, на крѣпости, и прочая, составляютъ особую статью общаго государственнаго бюджета. Турецкій солдатъ, кромѣ амуниціи, одежды и жалованья, получаетъ еще паекъ (*таинъ*).

Унтеръ-офицеры и офицеры, до чина поручика включительно, также имѣютъ право на паекъ; капитаны получаютъ двойной паекъ; адъютантъ-маіоры четверной, и такъ далѣе, возвышаясь по чинамъ до мушира, который полу-

часть 128 пайковъ. Только, офицерамъ паякъ выдается не натурою, а деньгами, по справочнымъ цѣнамъ, существующимъ въ мѣстахъ расположенія.

Офицеры до чина майора получаютъ отъ правительства также материалъ на бѣлье и одежду.

Одежда войскъ довольно хороша. Головной уборъ состоитъ изъ фески, или краснаго колпака, круглою, мѣдною блестящею украшеннаго, не совсѣмъ удобенъ. Вся пѣхота носить синій мундиръ съ красными отворотами. Мундиры кавалерій и артиллеріи различаются по ордамъ; вторая орда носить алые кафтаны, третья красные, четвертая коричневые, пятая сизые, шестая голубые. Панталоны у всего войска одинаковые.

Иррегулярныя турецкія войска, или Безалаберные (*башибозукъ*) остались на прежнемъ положеніи. Это—стадо звѣрей, которое грабитъ, рѣжетъ и разоряетъ все на своемъ проходѣ по-лымычарски и не способно ни къ правильной защитѣ, ни къ порядочному сопротивленію. При внезапныхъ нападеніяхъ оно можетъ быть полезно, какъ пугало. Турецкая публика и турколюбцы имѣли однако, до войны, страшное довѣріе къ непобѣдимости Безалаберныхъ.

Нѣтъ никакой нужды останавливаться и на *Собраніи стиховъ русскихъ поэтовъ про Турокъ, Англичанъ и Французовъ*, которые храбро продолжаютъ перепечатывать въ Москвѣ изъ «Сѣверной Пчелы» и другихъ газетъ, не спрашиваясь у сказанныхъ поэтовъ. Признательно сказать, я ничего не понялъ, несмотря на двукратное прочтеніе, въ рѣдкостномъ произведеніи литературы и типографскаго искусства, *Русскіе на Дунаѣ и начерномъ Морѣ во время войны съ предложеніемъ очень живописнаго Турка, разсѣвагеса на заглавной страницѣ съ длиннымъ чубукомъ и поджатыми ногами. Но Стихи послучаю войны съ Турцію*, крестьянина Ивана Кругликова, показали мнѣ достойными всего нашего уваженія, не только по теплотѣ похвальнаго чувства, которое послало вдохновеніе интересному сельскому поэту, но и по способу, какимъ это чувство выразилось. Разсужденіе господина Напенгуда о *Витовыхъ десятиляхъ кораблей* открыть нѣ-

роятно много занимательныхъ подробностейъ спеціальнымъ любителямъ предмета: но я начинаю не вѣрить въ пароходы, какіе бы то ни были, съ винтами и безъ винтовъ. Отъ нихъ ожидали чудесъ — въ первую морскую войну — а до-сихъ-поръ Англичане и Французы то-и-дѣло отгаскиваютъ съ попрѣща битвы свои отличные пароходы на буксирѣ попорченными отъ первыхъ русскихъ выстрѣловъ, которые, видно, понадають прямо въ двигательные приборы. Нѣтъ, пару не отнять хлѣба у паруса. Главная польза пароходовъ ограничивается, какъ кажется, ловкостью ихъ въ открытіи непріятельскихъ флотовъ и быстротою въ подачѣ вѣсти. Славное синопское сраженіе служить доказательствомъ этой неоспоримой пользы паровыхъ двигателей. Но машинѣ плохо тягаться съ ядромъ. Она занимаетъ въ суднѣ слишкомъ большое пространство. Ядру легко отъскатать ее; и довольно самаго слабого удара: одинъ вышибленный винтъ, одинъ согнутый пруть, останавливаютъ все дѣйствіе судна.

Историческое изслѣдованіе господина Заблоцкаго *О цѣлостяхъ въ древней Руси* значитъ просто — разсужденіе о старинныхъ Русскихъ монетахъ. Ученый изслѣдователь собралъ всѣ подробности, которыя открыли или указали другіе. Но такому *историческому* изслѣдованію, которое желаетъ имѣть видъ «научный» и знать все, что можно въ наше время знать о предметѣ, право не совсѣмъ прилично повторять старинныя добродушныя производства слова *рубль* отъ глагола *рубить*. Послѣ этого каждый въ правѣ ожидать, что *историческое* изслѣдованіе произведетъ тутъ же слово *курица* отъ глагола *курить*. Какъ *рубль*, такъ и *копѣйка*, и *деньга*, и *алтынь*, и *пулъ* или *муло* были слова татарскія. Настоящая первоначальная форма слова есть *рубъ* или *рубь*; чтобы, въ противность свойству русскаго выговора, не сказать въ косвенныхъ падежахъ *рубля*, *рубью*, говорится *рубля*, *рублю*, и отсюда именительный грамотный падежъ *рубль*. У простаго народа между-тѣмъ сохраняется ненарушимо первобытная татарская форма *рубъ* или *рубь*. Слитки, называвшіеся *рублями*, происходятъ отъ

китайских слитковъ, называемыхъ ламами. Монголы принесли къ намъ этотъ видъ монеты. Слово арабское *рубль*, принятое на всемъ магометанскомъ Востоку, значитъ «четверть», и въ самомъ дѣлѣ *рубль* значилъ у насъ двадцать четыре золотника или *четверть фунта* серебра.... Историческій изслѣдователь не подумаетъ, что гривны, или полуфунта серебра въ слиткѣ, нѣтъ никакой возможности *рубить* для полученія двухъ *рублей*, якобы *отрубковъ*. Какимъ на свѣтѣ инструментомъ можно, и какому волшебнику-мастеру два раза въ жизни удастся, разрубить кусокъ твердаго металла въ 48 золотниковъ такъ, чтобы въ каждомъ изъ двухъ отрубковъ было ровно по 24 золотника? Такіе отрубки нужно непременно отливать въ формы, и потомъ еще скоблить, опилывать, подчищать, покуда получится желаемый вѣсъ. Корнесловіе слишкомъ легко отдѣляется отъ металлической работы: *рубнуло* топоромъ, и вотъ вамъ два *рубля*, по 24 золотника въ каждомъ, аккуратно, безъ фальши и безъ обманства! Я хочу при этомъ удобномъ случаѣ представить корнесловію и историческимъ изслѣдованіямъ одно диковиное выраженіе стариннаго русскаго языка, которое, кажется, еще не дошло до ихъ свѣдѣнія. Въ «Статутѣ Литовскомъ», статьѣ о пеняхъ, почти на каждой страницѣ говорится: *рубль грошей литовскихъ*. Какъ объяснять эти слова посредствомъ своей порубки гривенъ? А это значитъ: четверть фунта грошей литовскихъ; и въ тѣхъ же законахъ можно найти доказательства, что подъ словомъ *рубль* разумѣли на Руси, такъ же какъ и на Востоку, просто: четверть фунта. Остъ-индская *рубид* (*roupie*) происходитъ изъ того же источника.

Сельскіе хозяева оцѣнятъ, безъ моего вмѣшательства, прекрасныя книжечки господина Циммермана о козахъ, гусяхъ и георгинахъ. Онъ такъ превосходно знаетъ козью физиологію, такъ краснорѣчиво излагаетъ козьи добродѣтели, ласковость, привязанность къ человѣку, которая затмѣваетъ даже собачью, тонкорунность, вкусность, что заставилъ меня душевно полюбить козловъ и козъ. Изъ уваженія къ предмету его страсти, я не хочу даже помнить

того, что слово *капризъ* происходитъ отъ латинской фами-
ли *козловъ*, *сарег*. Важность гусей въ чинѣ вселенной до-
казывается, во-первыхъ, спасеніемъ Камтомія отъ Гал-
ловъ, во-вторыхъ, страбургскимъ пирогомъ, *pâté de foie gras*.
Георгины же всё мы уважаемъ и любимъ.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

А П Р Ъ Л Ъ, 1854.

НОВЫЯ КНИГИ:

1. СОВРАНИЕ ПАТРІОТИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, НАПИСАННЫХЪ РАЗНЫМИ АВТОРАМИ, ПО СЛУЧАЮ ВОЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ И ПОБѢДЪ, ОДЕРЖАННЫХЪ РОССІЙСКИМЪ ПОБѢДОНОСНЫМЪ ВОИНСТВОМЪ. Собрано П. Клячковымъ (Москва, 1854).

2. ЛЮБОВЬ И ВѢРНОСТЬ, или Страшная минута. Романъ. Сочиненіе В. Васильева (Москва, 1854. Дѣль части).

3. ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ. Устройство женскаго организма; его свойства, особенности и потребности; развитіе, возрасты и физиологическія состоянія; сохраненіе здоровья и красоты; воспитаніе. Книга для матерей и воспитательницъ. Сочиненіе В. Дерякара (Сиб., 1854).

4. ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ АЛЕКСАНДРА ТОМШИНА (Сиб., 1854).

5. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. Издавъ Михайль Судіенко, предсѣдатель Временной Коммисіи, Высочайше учрежденной при кievскомъ военномъ, подольскомъ и армянскомъ генералъ-губернаторѣ (Кіевъ, 1853. Томъ первый).

6. ТРУДЫ КОММИССІИ, ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ ПРИ

Университетъ Святая Владиміра, для описанія губерній кievскаго учебнаго округа (Кіевъ, 1853. Томъ второй).

7. ДРЕВНІЕ АКТЫ И ГРАММАТЫ РЯЗАНСКАГО КРАЯ, собранные А. И. Пискаревымъ (Спб., 1854).

8. О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛАХЪ РОССІИ. Сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, Л. В. Тенгоборскаго. Переводъ съ французскаго, ординарнаго профессора политехнической экономіи и статистики И. Бернардакаго. Съ дополненіями и измѣненіями втораго французскаго изданія, вышедшаго въ нынѣшнемъ году въ Парижъ (Москва, 1854).

9. О СИСТЕМАХЪ ХЛѢБОПАШЕСТВА. Разсужденіе, С. М. Усова, профессора сельскаго хозяйства въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ (Спб., 1854).

10. УКАЗАТЕЛЬ ПРАКТИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ по русскому хозяйству. Составилъ и издалъ А. Ивановъ (Спб., 1854).

11. ОПИСАНІЕ ПРЯМОДВИГАТЕЛЯ, изобрѣтеннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Шенгелидзевымъ для прямолинейнаго возвратнаго движенія въ круговое возвратное, и наоборотъ (Москва, 1854).

12. КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ изобрѣтеннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Шенгелидзевымъ, способа предохранять суда отъ опасности попасть на мель и проводить ихъ черезъ мелъ легко и удобно (Москва, 1854).

13. КОМНАТНАЯ МАГІЯ, или увеселительные опыты и фокусы, основанные на физикѣ и химіи. Сочиненіе Г. Ф. Амарантова (С.-П.-бургъ).

14. ПОЛНЫЙ КАНДИТЕРЪ, составленный изъ двадцати-лѣтнихъ опытовъ въ кондитерскомъ искусствѣ подъ руководствомъ Ивана Ивановича Излера (Спб., 1854).

Нѣтъ ничего скучнѣе, тягостнѣе, даже опаснѣе уединенныхъ бесѣдъ, съ глазу на глазъ, съ незнакомыми или мало-знакомыми лицами. Разговоръ не вяжется. Большею частью, не объ чемъ говорить, и, обыкновенно, изъ немного сказаннаго въ такихъ случаяхъ, выходятъ сплетни, клеветы и огорченія. Иной человѣкъ, съ человѣкомъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, ужасно много думаетъ о себѣ. Онъ тотчасъ хвастается. Онъ хочетъ подать о себѣ высокое понятіе помощью самолюбивой довѣрчивости и коварнаго

чистосердечія. Ему кажется тогда, что онъ властелинъ міра, украшеніе природы, мудрецъ изъ мудрецовъ, и онъ желаетъ довести своего собесѣдника до восторга отъ себя, до преклоненія колѣнъ передъ собою съ безпредѣльнымъ удивленіемъ. Люди давно примѣтили это неудобство двуговорныхъ бесѣдъ, и изобрѣли ассамблеи, маскарады, вечера, балы, рауты, званые обѣды, завтраки à la fourchette, ужины à la Régence, гдѣ бы каждый могъ удобно представлять самого себя не обременяя ближнихъ, гдѣ одно самолюбіе не душило бы другихъ за горло, гдѣ различныя притязанія перемѣшивались бы и растворялись бы такъ благотворно, что ихъ злокачественныя свойства, ихъ ядъ и горечь, были бы почти не чувствительны. Доказано опытомъ, что въ собраніяхъ рождается у людей веселость, то есть, временное забвеніе эгоизма и притязаній, между тѣмъ какъ въ двуговорныхъ бесѣдахъ эти язвы развиваются съ страшною силою; веселость же очень близка къ добротѣ. Собранія выдуманы явственно для того, чтобы дѣлать людей лучшими, хоть на-время.

Я не вижу, почему бы этой прекрасной выдумки не примѣнить къ книгамъ, именно къ новымъ книгамъ. Развѣ книга не человѣкъ? не его дѣйствіе? не его мысль и рѣчь? Книга ни что иное какъ печатный человѣкъ, съ его образованностью, умомъ, склонностями, страстями, вкусами, предубѣжденіями, предрасудками, и если къ книгѣ приложенъ еще портретъ автора, тогда я не понимаю, чѣмъ печатный человѣкъ, оттиснутый на бумагѣ, отличается отъ человѣка непечатнаго, зашитаго въ суконный или шелковый мѣшокъ. А какъ скоро книга—человѣкъ, то съ нею опасно быть на-единѣ: борьба самолюбія человѣка съ самолюбіемъ новой книги, восторонѣ безъ свидѣтелей, должна имѣть очень непріятныя послѣдствія для него или для нея; такія схватки всегда влекутъ за собою злословіе и неудовольствія. Эгоизмъ книгъ такъ же исключителенъ и сердитъ какъ и эгоизмъ ихъ родителей, людей. Каждая новая книга, непременно, думаетъ о себѣ, что она первая книга въ мірѣ и что человѣкъ долженъ ею лишь заниматься, ей одной удивляться. Я давно думаю,

что очень полезно было бы составлять изъ книгъ ассамблеи, или общества, чтобы такимъ образомъ дѣлать ихъ лучшими.

Въ этихъ нестрѣхъ собраніяхъ, гдѣ по необходимости встрѣтятся книги разныхъ породъ, физиономій и шаржовъ, гдѣ спѣсь и хвастовство принуждены уняться по недостатку въ просторѣ, и книгамъ и людямъ будетъ весело.

Первый опытъ книжнаго вечера мы можемъ сдѣлать сейчасъ. Вы видите сколько назвалъ я гостей. Взглянувъ на эти лица, на эти костюмы — въ заглавіяхъ книгъ есть лицо, платье, и тонъ — не трудно угадать, сколько тутъ можетъ произойти любопытнаго и интереснаго. Вы уже прищѣпаете, какъ къ *Физиологической исторіи женщины* Василия Васильевича Дерякера, хотите подѣсть *Полный кандидатъ* Ивана Ивановича Иллера и завести съ ней разговоръ объ искусствѣ прятать вареники, безъ чего, по его мнѣнію, физиологическая исторія женщины не достигаетъ своей цѣли; какъ *Разсужденіе о системѣ шибоблажества* рекомендуется Картины *Производительныхъ силъ Россіи*, какъ проказавшая *Комнатная маія* посмаериваетъ на угрюмыя лица Историческихъ *Материаловъ* и *Трудовъ*, надѣясь доказать имъ необходимость пріятныхъ ученыхъ фокусовъ, и такъ далѣе. Очень занимательныя бесѣды, пренія и споры, могутъ возникнуть изъ подобныхъ сближеній. Сколько прелести, назиданія, пользы, въ этомъ энциклопедическомъ смѣшеніи разнородныхъ свѣдѣній! Если угодно, не трудно было бы сутронтъ и танцевальный книжный вечеръ: я увѣренъ, что *Описаніе прямодвиателя*, предлагаемое господиномъ Шенгелидзевиамъ не откажется прокатить польку съ *Любовью* и *Вѣрностью* господина Васильева и, послѣ польки, поговорить съ нею немножко о чувствахъ.

У нихъ есть столько вещей, которыя нужно было бы передать другъ другу! И онъ и она несчастны. Ни его ни ея люди не понимаютъ. Оно листъ печатной бумаги продѣтъ просто за безцѣнокъ, ни по чемъ, по 1 рублю 50 копѣекъ серебромъ: и никто не хочетъ дать такой бездѣлщины за такое важное изобрѣтеніе! Она просто скромно называется «рманою» и дѣлается на два крошечные то-

ника.... ей дано самое сладкое заглавіе.... талія у нея та-
кая тоненькая! платье на ней такое розовое!.... и никто
не беретъ ея! никто на нее не смотритъ! Между-тѣмъ она
также сдѣлала изобрѣтеніе, которое, право, стоитъ Прямо-
двигателя: изобрѣтеніе незабвенное!... изобрѣтеніе никому
доселѣ въ голову не приходившее!... несмотря что оно та-
кое простое. Пользы ея изобрѣтенія неисчислимы.

Это ужасно подстрекаетъ любопытство *Описанія* прямо-
двигателя.

Но *Любовь и Вѣрность* готова сейчасъ же рассказать-
ему свою невѣроятную исторію. Александръ Степановичъ
влюбился въ Аграфену Васильевну. Онъ былъ молодой,
бѣдный чиновникъ. Она была компаньонка у одной по-
чтенной дамы, которая просила Александра Степанови-
ча давать уроки сыну ея, Николенкѣ. Аграфена Василье-
вна и Александръ Степановичъ видѣлись безпрестанно,
обожали себя жестоко, но не знали какъ сообщить
другъ другу о своихъ чувствахъ. Александру Степановичу
нужно было рѣшиться на изъясненіе. Это такая мудреная
задача, что онъ и не смѣлъ подумать объ ней. Онъ идетъ
совѣтоваться съ другомъ своимъ, Мишелемъ, московскимъ
львомъ, отличнымъ молодымъ человѣкомъ, на опытность
котораго въ этого роду дѣлахъ можно положиться. Ми-
шель того мнѣнія, что нужно сказать: я васъ люблю! я
умираю отъ любви!.... Но Александръ Степановичъ нахо-
дитъ эту отчаянную мѣру неудобноисполнимую.

Здѣсь-то прелестная Аграфена Васильевна прибѣгаетъ къ
своему гению, и вотъ изобрѣтеніе, которое увѣковѣчитъ ея
имя на цвѣтистыхъ берегахъ хрустальной Яузы. Она беретъ
панцирску, засовываетъ въ нее, вмѣсто табаку, тоненькую
записочку съ очень четкими и ясными признаніемъ въ люб-
ви своей я, при первомъ свиданіи, подносить съ неска-
занною невинностью и граціей перѣшительному Алексан-
дру Степановичу. Какъ это просто!.... и вмѣстѣ съ тѣмъ
какъ быстро, вѣрно, безопасно въ своемъ неизбѣжномъ
дѣйствіи! Электрическіе телеграфы должны спрятаться
подъ столъ передъ этимъ удивительнымъ средствомъ сооб-
щенія.

Александръ Степановичъ , воротясь домой , развертываетъ папирску , полученную въ подарокъ отъ Аграфены Васильевны , читаетъ , приходитъ въ восторгъ , и пишетъ ей огненный отвѣтъ. Быстро учреждается между ними преинтересная корреспонденція ; изъ которой раждаются чудныя встрѣчи въ саду , при лунномъ свѣтѣ , изъ которыхъ возникаютъ страшныя тучи громовыхъ поцѣлуевъ. Таково могущественное дѣйствіе маленькой розовой папирски , изобрѣтенной остроумною Грушею!... Это продолжается нѣкоторое время съ вожделеннымъ успѣхомъ , какъ вдругъ одинъ старый и богатый господинъ , по древнему обычаю романовъ , предлагаетъ Аграфенѣ Васильевнѣ свою руку. Сердце говоритъ ей , что несравненный Александръ Степановичъ достоинъ всей возможной любви , но голъ какъ соколъ и въ мужа не годится , и она принимаетъ предложеніе. Самъ Александръ Степановичъ видитъ основательность этого голоса сердца , уступаетъ мѣсто свое богачу , но — подивитесь силѣ новоизобретенной папирски ! — остается вѣрнымъ измѣнницѣ. Мало того : отправляется на Кавказъ искать смерти.

Тамъ , онъ уже попалъ въ плѣнъ къ Черкесамъ — уже почти достигъ своей отчаянной цѣли — какъ судьбѣ благоугодно было придумать для него новое бѣдствіе и новое мученіе : она неожиданно послала ему наслѣдство , которое принудило его выкупиться изъ плѣна!... Вотъ онъ и не нашель , ни смерти , ни даруемаго ею утѣшенія нѣжнымъ и вѣрнымъ сердцамъ мужскимъ , которыя жесвокія дѣвицы вашего вѣка въ такомъ изобиліи отправляютъ ежегодно на Кавказъ. Александръ Степановичъ , какъ богатый человекъ , возвращается въ Москву , и какъ вѣрно-влюбленный имѣетъ полное право надѣяться , что мужъ геніальной Груши умеръ и скоро умретъ , и что онъ овладѣетъ ея рукою. Но въ Москвѣ узнаетъ онъ новую ужасъ : старый мужъ дѣйствительно померъ , по всѣмъ правиламъ романовъ , но Аграфена Васильевна выходитъ замужъ за другаго , за Александрова друга , Владиміра : что совершенно противно положенію. Александръ Степановичъ , по необходимости , остается влюбленнымъ , вѣрнымъ и несчастнымъ до скончанія вѣка. Онъ неутѣшимъ. Ничто въ свѣтѣ не мо-

жетъ изгладить въ его сердца образъ гениальной Груши.... Чѣмъ и доказывается, съ одной стороны, волшебное дѣйствіе ново-изобрѣтенныхъ въ Москвѣ чувствительныхъ напиросокъ, а съ другой тотъ несомнѣнный фактъ, что мужчины гораздо, несравненно, постояннѣе и вѣрнѣе женщинъ въ любви, въ противность знаменитой теоріи госпожи Туръ, которая коварство и измѣну помѣщаетъ въ мужскомъ полѣ. *Любовь и вѣрность* знаетъ кромѣ-того, множество прелестныхъ анекдотовъ о тротоарныхъ провожателяхъ красавицъ и очень искусно живописуетъ нравы пьяныхъ лакеевъ.

Въ воздаяніе за эту трогательную исторію, *Прямодвигатель* обязанъ *Любви и Вѣрности* рассказомъ о своихъ собственныхъ злоключеніяхъ. Господинъ титулярный совѣтникъ Иванъ Шенгелидзе въ сочинилъ описаніе прямодвигателя еще въ 1851 году. « Въ январѣ 1852, говоритъ онъ, это описаніе было пропущено Ценсурною и отдано мною, для напечатанія въ одну изъ конторъ агенства и комиссіонерства. Приѣхавъ въ Москву года черезъ два и найдя его « не напечатаннымъ, я, на основаніи существующихъ правъ, вторично представилъ въ Ценсурный Комитетъ, и « оно вновь имъ пропущено, въ октябрѣ сего года. Вотъ « какъ замедлилось напечатаніе! Адресъ мой: Его Благо- « родію, милостивому государю, Ивану Петровичу Шенгелидзе, въ заштатномъ городѣ богодуховскаго уѣзда, « харьковской губерніи, Краснокутскѣ. Когда я бываю въ « Санктпетербургѣ, я останавливаюсь въ квартирѣ № 10 « третьяго этажа, въ домѣ Артемьевыхъ, на углу Садовой, « Рождественской и Большой Болотной улицъ, Рождественской Части, втораго квартала. Въ Москвѣ о моемъ мѣ- « стопребываніи можно узнать у Петра Осиповича Хруста- « лева, въ книжной его лавкѣ, на Страстномъ Буль- « варѣ. Для превращенія прямолинейнаго возвратнаго дви- « женія въ круговое возвратное, и на оборотъ, до сего « времени употреблялись въ машинахъ параллелограммы « Уатта и Бетанкура. Два эти параллелограмма, при всемъ « остроуміи изобрѣтенія и славѣ ихъ изобрѣтателей, несо- « вершенно вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Я изобрѣлъ « способъ гораздо простѣйшій, который поставлю долгомъ

«представить на судъ читателей», и прочая. Словомъ Иванъ Петровичъ изобрѣлъ *Прямодвигатель*, который — хотя еще и не испытанъ — однако, по вѣрности и быстротѣ и могучаго дѣйствія, не уступить нисколько незабвенной папироскѣ прекраснѣйшей Аграфены Васильевны.

Кромѣ *Прямодвигателя*, Иванъ Петровичъ Шенгелидзе изобрѣлъ еще *Способъ предохранять судна* отъ опасности попасть на мель, съ которымъ случилась та же печальная исторія: пролежалъ, бѣдняжка, два года безъ напечатанія, по равнодушію людей къ остроумнымъ и полезнымъ изобрѣтеніямъ. Способъ состоитъ въ томъ, что впереди судна должноукрѣпить пустую лодку, а впереди пустой лодки шесть, а впереди шеста колесо, погруженное въ воду. Когда колесо упрется въ мель, шесть толкнетъ колокольчикъ, и лоцманъ долженъ остановить ходъ судна. Если же вздумается провести судно черезъ мель, то надо снабдить его двадцатью поперечными бревнами, торчащими по бокамъ, надъ водою, въ видѣ осей, и на суднѣ имѣть сорокъ большихъ колесъ, съ широкими ободами, въ видѣ барабановъ. Какъ-скоро раздастся предостерегательный звонъ колокольчика, колеса надѣваются на эти оси и судно проѣзжаетъ черезъ мель такъ же легко и быстро какъ паровозъ по рельсамъ: потому что мокрый песокъ, въ водѣ, твердъ какъ желѣзо. Папироска Груши какъ то ни было, немножко хитрѣ этого способа, несмотря на всю его замысловатость. Правда, что Иванъ Петровичъ и не домогается за него безсмертія: онъ будетъ доволенъ *единовременною платою нѣсколькихъ копеекъ съ пуда провозимой на суднѣ влады* за право пользоваться его изобрѣтеніемъ, которое, если оно удостоится одобренія читателей, напечатанъ онъ описать подробно, съ чертежами и вычисленіями толщины, крѣпости и силы бревенъ и колесъ.

«Собраніе патриотическихъ стихотвореній, собранное Иваномъ Клячковымъ, по случаю военныхъ дѣйствій, одержанныхъ побѣдоноснымъ русскимъ воинствомъ», это собраніе собранное перепечатываетъ себѣ въ Москвѣ сплошь да рядомъ — не знаю по какому праву — стихотворенія, помѣ-

ищенные разными сочинителями въ петербургской «Сѣверной Пчелѣ».

Физиологическая исторія женщины дѣйствительно и несомнѣнно — прекрасная книга, тѣмъ прекраснѣе, что не только дѣльно обдумана, но и отлично написана по-русски, чего съ физиологіями, обыкновенно рѣдко случается. Коротко сказать: она написана перомъ Василя Васильевича Дерикера. Я не зналъ, что Василій Васильевичъ — такой отличный женскій физиологъ, кромѣ другихъ своихъ преимуществъ, литературныхъ и поэтическихъ. Онъ знаетъ женщину, во всѣхъ ея подробностяхъ какъ мы съ вами знаемъ азбуку. Нѣтъ сомнѣній, что книга его будетъ читана матерями и воспитательницами съ несказаннымъ удовольствіемъ.

Историческіе труды господина Томила состоятъ изъ небольшихъ статей, въ которыхъ помѣстилъ онъ собранныя имъ подробности о разныхъ церквахъ и церковныхъ предметахъ въ Петербургѣ, Новгородѣ и Воровежѣ, и о нѣкоторыхъ частяхъ города Москвы и города Санктпетербурга, каковы Ямская слобода и Сѣнная площадь. Исторіи и трудовъ тутъ немного, но много добраго чувства и прекрасныхъ намѣреній.

Древніе грамматы и акты рязанскаго края заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и полезнаго въ археологическомъ отношеніи: это — превосходный матеріалъ для исторіи стариннаго русскаго права. Точно такимъ же достоинствомъ отличаются и кievскіе *Матеріалы для отечественной исторіи*, съ тою только разницею, что археологическій и юридическій интересъ ихъ ограничивается малороссійскою мѣстностью. *Труды Комиссіи*, Высочайше утвержденной для описанія губерній кievскаго учебнаго округа, принадлежатъ также къ разряду матеріаловъ, но являются высшее, болѣе общее, и нерѣдко непосредственное, учебное занятіе. Кромѣ приношеній въ пользу ботаники и зоологіи округа, приношеній предназначенныхъ къ будущему употребленію въ наукѣ, въ этотъ второй томъ вошли двѣ небольшія, но очень любопытныя статьи, кото-

рыя могуць доставить частыя и рѣшительныя примѣненія во многихъ изслѣдованіяхъ: одна, господина Тарновскаго, « О дѣлимости семействъ въ Малороссіи », а другая господина Волошинскаго, « О древнихъ русскихъ монетахъ, найденныхъ близъ Нѣжина ». Господинъ Тарновскій подвергнулъ строгому статистическому разбору народонаселеніе довольно значительной мѣстности, для которой имѣлъ онъ подъ рукою самыя вѣрныя численныя данныя, именно, селеніе Потокъ, отъ имени котораго происходитъ фамильное прозваніе графовъ Потоцкихъ. Въ этомъ селеніи 2,630 душъ обоего пола. Онъ раздѣляется на 510 семействъ; слѣдовательно по 5 съ небольшою дробью душъ на семейство. Въ этомъ итогѣ :

Мужчинъ	1,269 — (49%)
Женщинъ	1,362 — (51%)
Рабочихъ, отъ 16 до 60 лѣтъ возраста	1,401 — (53%)
Малолѣтнихъ, отъ 1 года до 16	1,137 — (47%)
Устарѣлыхъ, отъ 60 лѣтъ и далье	93 — (3%)
Способныхъ къ работѣ по возрасту, но неспособныхъ по недугамъ	34.
Въ томъ числѣ :	
— калекъ	24.
— эпилептиковъ	6.
— слѣпыхъ	3.
— съумасшедшихъ	1.

Какъ нерабочіе составляютъ почти половину всего народонаселенія, то послѣднія числа, для полученія среднихъ данныхъ, нужно удвоить. Такимъ образомъ на 2,360 душъ приходится одержимыхъ падуchoю болѣзнею 12, или 1 на 800 человекъ; слѣпыхъ 6, или 1 на 600; съумасшедшихъ 2, или 1 на 1,200, калекъ отъ природы и по частнымъ случаямъ 48, или 2 на 100.

Мужчинъ, способныхъ носить оружіе, отъ 18 до 48 лѣтъ, будетъ поэтому около 400, или шестая доля всего народонаселенія, и Россія въ нужномъ случаѣ могла бы найти у себя 10,200,000 дюжихъ и здоровыхъ защитниковъ.

Господинъ Волошинскій разбираетъ и описываетъ нѣжинскій кладъ, въ которомъ найдены древнѣйшія русскія монеты, Владиміра Великаго, Ярослава, Святополка, Юрія, положительно русскихъ и кievскихъ государей. Для подтвержденія показаній лѣтописей памятниками это — очень важное приобрѣтеніе. Серебряная монета Владиміра Великаго представляетъ изображеніе особы, сидящей на престолѣ, лицомъ прямо, въ широкой мантии, застегнутой на правомъ плечѣ; голова окружена круглымъ сiяніемъ, на головѣ діадема, украшенная жемчугомъ, съ крестикомъ наверху; въ правой рукѣ длинный крестъ; лѣвая покоится на груди. На оборотѣ какой-то штемпель—родъ тамги—фигура съ тремя концами выходящими изъ разныхъ сплетеній. Монеты другихъ трехъ князей—въ томъ же родѣ. Обыкновенная надпись: съ правой стороны, возлѣ изображенія князя—Володиміръ, Ярославъ, Святополкъ или Юрій на столъ (на престолѣ)—*A se ego серебро*, на оборотѣ, вокругъ штемполя. Ободокъ «серебреника» состоитъ изъ круга точекъ. Во всемъ этомъ чеканѣ видно подражаніе кумизмамъ восточно-римскимъ, или такъ называемымъ византійскимъ.

Сочиненіе Л. В. Тенгоборскаго, *О производительныхъ силахъ Россіи*, такъ знаменито и за границею и въ отечествѣ, что нельзя ограничиться простымъ лѣтописнымъ донесеніемъ о переводѣ его въ Москвѣ. Мы должны въ слѣдующемъ мѣсяцѣ заняться «Производительными силами Россіи» въ особенной статьѣ.

Изъ *Указателя практическихъ наблюдений* по сельскому хозяйству вы научитесь удивительнымъ вещамъ. Если, во время посѣва, у жуковъ подъ брюшкомъ много яичекъ, то будетъ урожай на хлѣбъ. Если на Рождество, въ ночь, много звѣздъ на небѣ, то слѣдующимъ лѣтомъ будетъ много гороху на землѣ. Если кошка спитъ подвернувъ голову подъ брюхо, то ожидай зимою морозовъ, а лѣтомъ ненастья. Какъ же это? морозъ — слѣдствіе сухости воздуха, а ненастье предшествуетъ сырости: какъ же кошки-то не сообразятъ того, что или въ томъ или въ другомъ случаѣ онѣ врутъ по-напрасну подвертываютъ голову подъ брюхо. Въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, «Указатель» указываетъ, что

передъ ненастиемъ кошки, не спать, а чистятся. Вся нижня состоитъ изъ такихъ наблюдений.

Комнатная маія своей стороны знаетъ истинно изумительные фокусы. Напримѣръ способъ зажечь свѣчу волшебствомъ, безъ огня: приготовьте сосудъ кислороднаго газа; это можно сдѣлать въ два дня, не болѣе, съ пустою издержкою, на приборы и на матеріалы, какихъ нибудь сорока или пятидесяти рублей; когда все готово, задуньте горящую свѣчу и тотчасъ же, пока еще свѣтильня не остыла, погрузите свѣчу въ сосудъ съ кислороднымъ газомъ: свѣчка мгновенно воспламенится, къ великому удивленію зрителей. Другой способъ, несколько по-дешевле и по-удобнѣе, но не менѣе волшебный: возьмите сѣрную фосфорную спичку — сотни такихъ спичекъ стоить пять копѣекъ — потрите ее и придвиньте къ свѣтильнѣ: свѣча мгновенно воспламенится, къ великому удивленію вашего кармана.

Сумароковъ и современная ему критика. *Сочиненіе Н. Булича. Сиб., 1854. Въ 8-ю д. л. XIV и 288 стр.*

Исторія русской литературы еще не достигла полноты. Какъ много остается еще сдѣлать по этой части, видно изъ того, что даже писателю съ такимъ громкимъ и популярнымъ въ свое время именемъ какъ Сумароковъ, не отведено еще приличнаго мѣста въ ряду явленій нашего литературнаго развитія. Слабое благоговѣніе современниковъ смѣнилось сначала хохотомъ, которая выказывалась робко и нерѣшительно, потому что имя писателя читалось еще по преданію; потомъ гениальность творца *Семиры* была подвергнута сомнѣнію, — и наконецъ, на основаніи новыхъ эстетическихъ понятій, Сумароковъ, какъ неудовлетворяющій имъ, былъ безапелляционно осужденъ: за нимъ оставили только его беззащитное самолюбіе и самохвалство, его дерзость — качества, издающія никакого права на дипломъ замѣчательнаго писателя. Какъ первое безусловное поклоненіе, такъ и судъ новой критики, будучи крайностями, не могли уяснить настоящаго значенія Сумарокова и опредѣлить ему ту ступень въ исторіи нашей словесности, которая принадлежитъ ему по-праву. Опредѣленіе это зависитъ отъ критики исторической, которая некаждо

умственное явленіе разсматриваетъ какъ плодъ извѣстнаго времени, развившійся на извѣстной почвѣ; разсматриваетъ съ точки зрѣнія не нашихъ, а тогдашнихъ требованій, и произноситъ судъ свой по изслѣдованію взаимныхъ отношеній между писателемъ и обществомъ, въ которомъ онъ жилъ. Историческая критика, еще такъ недавно пустившая корни въ нашей литературѣ, успѣла уже внести нѣкоторый свѣтъ въ область русской словесности прошлаго вѣка, и отъ нея-то ждемъ мы современемъ полной и стройной картины послѣдовательнаго развитія нашей умственной жизни. Критика отрицательная, отвергавшая всякое достоинство въ явленіяхъ, не подходившихъ подъ ея современную мѣрку, имѣла у насъ свое историческое значеніе, какъ реакція безразборчиваго преклоненія передъ старыми авторитетами. Сдѣлавъ свое дѣло, она должна была уступить мѣсто новому, болѣе-спокойному, примиряющему направленію. Къ-несчастію, во время рьянаго господства ея, одна изъ самыхъ существенныхъ сторонъ изученія литературы была выпущена изъ виду: это — собраніе и изслѣдованіе фактовъ, безъ которыхъ всѣ критическія умозрѣнія шатки и бесполезны. Такимъ образомъ критикамъ новаго, историческаго направленія выпала на долю двойной трудъ: имъ приходится въ одно и тоже время быть и каменотесцами, и архитекторами. Такая задача не всякому по силамъ, и потому — признаемся — мы съ болѣе-большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ въ настоящее время опыты простой обработки матеріаловъ, нежели окончательные-произносимые приговоры и опредѣленія. Подобныя приговоры возможны теперь только надъ писателями второстепенными — имѣвшими узкій кругъ дѣйствія и ограниченное вліяніе, или представляющими исключительнымъ и однимъ явленіемъ въ области литературы. Возсоздать исторически во всей полнотѣ личности писателей, у которыхъ была широкая сфера дѣятельности, тѣсная связь съ обществомъ своего времени, и обильное вліяніе на литературу, писателей; стоявшихъ въ главѣ извѣстнаго направленія, извѣстнаго литературнаго періода — это, по нашему мнѣнію, пока еще невозможно. Возьмемъ для примѣра Ломоносова, для оцѣнки котораго сдѣлано больше, чѣмъ для кого-либо изъ писателей прошедшаго столѣтія. Величественная фигура его рисуется

передъ нами довольно ясно, и довольно хорошо знаемъ мы его какъ человека и какъ писателя; но опредѣлено ли вполнѣ вліяніе его на ходъ нашей литературы? Есть только попытки опредѣлять его; но попытки эти всё болѣе или менѣе похожи на гулянье по общимъ мѣстамъ... И это не можетъ быть иначе, пока всё мелкія явленія, составляющія самое такъ сказать тѣло литературы, не будутъ приведены въ ясность, и въ каждомъ изъ нихъ не будетъ опредѣлена степень его зависимости отъ болѣе сильнаго и крупнаго явленія. Г. Буличъ совершенно правъ, говоря въ предисловіи къ своей книгѣ, что въ русской литературѣ, между немногими громкими именами, какъ между свѣтлыми звѣздами, лежатъ еще «по-видимому темныя, непроглядныя пространства». — «Но въ мірѣ нравственныхъ явленій (продолжаетъ онъ), къ числу которыхъ принадлежитъ и литература, такихъ темныхъ и нутныхъ пространствъ нѣтъ. Они полны въ свою очередь разнообразіемъ, хотя съ перваго взгляда и мелкими, прежде ускользавшими отъ исследователей, фактами. Сознаніе о наукѣ исторіи литературы выросло до того въ настоящее время, что она перестала уже пренебрегать мелочами, которыя живутъ право на ея вниманіе, потому что родились на живой почвѣ, въ слѣдствіе извѣстныхъ условій, и пронизаны живымъ содержаниемъ. Такъ, придетъ время, когда мы сознательно познакомимся со всею нашею переводною литературою, со всею огромною массою теперь забытыхъ старыхъ и новыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ театральныхъ произведеній, съ журналами прошлаго и нынѣшняго вѣка. Эти дѣйствительныя и живыя стороны литературы познакомятъ насъ съ общественными развитіемъ эпохъ, ими выражаемыхъ. Какъ въ журналахъ, такъ и въ театрѣ и въ переводахъ открываются извѣстныя направленія общества, требованія современности, вкусъ общества; исторія такой литературы получаетъ болѣе и болѣе полное значеніе, принимая въ себя содержаніе духовныхъ потребностей общества и придвигаясь ближе и ближе къ нему. Библиографіе, своего рода литературная статистика, представитъ несомнѣтельно огромный запасъ матеріаловъ и соображеній для обратенія.»

Сумароковъ принадлежитъ къ числу писателей, принадлежавшихъ

самобольшій кругъ мнѣнія въ нашей литературѣ; странно, что несмотря на обширную популярность его въ свое время и на сильное уваженіе слѣдующаго поколѣнія, о немъ было писано очень мало. Свѣдѣнія, дошедшія до насъ о жизни его и личныхъ отношеніяхъ къ современникамъ, большою частію отрывочны, и біографу, желающему составить изъ нихъ нѣчто по возможности цѣлое, предстоитъ много труда. Такой трудъ задалъ себѣ г. Буличъ въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія, справедливо говоря, что «самая жизнь такихъ людей, какъ Сумароковъ, представляетъ особенный интересъ, переноситъ насъ въ совершенно иную эпоху и показывая, какъ въ извѣстное время общество смотритъ на писателя». Нѣсколько далѣе біографъ жалуется на бѣдность постороннихъ свѣдѣній о жизни Сумарокова и называетъ «существеннымъ и почти единственнымъ матеріаломъ» собственныя его сочиненія. Мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что г. Буличъ воспользовался и этими немногими свѣдѣніями далеко не въ той мѣрѣ, въ какой должно было того ожидать, и написанная имъ біографія Сумарокова требуетъ многихъ поправокъ.

Подтвердимъ наши слова доказательствами.

О родѣ Сумароковѣвъ говорится слишкомъ мало, а это замѣтный недостатокъ въ біографіи писателя, который преподаденію своему обязанъ и образованіемъ, и карьерою. Сочиненія Сумарокова, на которыя г. Буличъ указываетъ, какъ на одинъ изъ главныхъ источниковъ, могли бы доставить ему живую картину объ одномъ изъ ближайшихъ предковъ Сумарокова, и она была бы, по нашему мнѣнію, гораздо любопытнѣе гадательныхъ соображеній о домашнемъ воспитаніи стараго вѣка, которое, какъ говоритъ и самъ авторъ, вовсе не отражалось въ произведеніяхъ писателя. Нѣсколько далѣе г. Буличъ говоритъ, что «изъ корпуса Сумароковъ вынесъ первое впечатлѣніе, сила котораго не изгладилась во время его дѣятельной жизни. Это тяжелое впечатлѣніе было вызвано отношеніями его къ полячанамъ, представителямъ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ русскаго общества прошлаго вѣка, исчезнувшей при паденіи Свода Законовъ». Разсказъ самого Сумарокова: *О дум-*

ломъ ѳляжъ, который отъ меня взялъ пятьдесятъ рублей, повелъ г. Булича на мысль, что въ этомъ случаѣ, относящемся къ тому времени, какъ Сумароковъ былъ еще ребенкомъ, лежитъ зародышъ жестокихъ нападеній сатирична на современныхъ крочкотворцевъ. Если биографъ считаетъ рассказъ этотъ достовѣрнымъ (сомнѣваться въ томъ нѣтъ никакого повода), онъ не долженъ былъ говорить о немъ въ двухъ трехъ строкахъ: тѣмъ болѣе, приписывая рассказанному случаю такое глубокое впечатлѣнiе на Сумарокова, что онъ хранилъ его во всю жизнь. При скудости биографическихъ источниковъ, ими нельзя пользоваться такъ поверхностно. Неужели г. Буличъ считалъ болѣе умѣстнымъ повторить въ биографiи Сумарокова всѣмъ извѣстныя свѣдѣнiя о началѣ русскаго театра, къ которымъ не прибавилъ ничего новаго? неужели рассказъ Сумарокова, полный такихъ характеристическихъ чертъ, рпеующихъ современные нравы, занялъ бы слишкомъ много мѣста въ его книгѣ? Г. Буличъ не жалѣеть мѣста въ другихъ случаяхъ: такъ представляетъ онъ на одной страницѣ вовсе ненужное и нелюбопытное исчисленiе переводныхъ статей Козицкаго въ *Трудолюбивой Пчелѣ*, на другой говоритъ о какомъ-то историкѣ Никитѣ Исаковѣ (Ивановѣ?)... Мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать г. Буличу упрекъ за упоминанiе такихъ лицъ, какъ этотъ историкъ, неимѣющихъ никакого отношенiя къ Сумарокову: мы не встрѣчаемъ въ монографiи ни полслова о матери Сумарокова, хотя, наприимѣръ, даже просто сказать, что она была урожденная Привлонская, важнѣе, чѣмъ сообщать свѣдѣнiя о Никитѣ Ивановѣ.

Жаль, что г. Буличъ, сознающій, какъ мы видѣли изъ предисловія къ его книгѣ, важность библиографическихъ изысканiй, ограничился краткимъ и необстоятельнымъ описанiемъ поэтическихъ поздравленiй отъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса (1735, 1736, 1737 и 1738). Если и нельзя опредѣлить, что именно принадлежитъ въ нихъ Сумарокову, то во-всякомъ случаѣ они любопытны, какъ библиографическая рѣдкость. Найденныя г. Буличемъ двѣ оды Сумарокова (1740), которыя слѣдуетъ считать первыми напечатанными произведенiями его, также описаны недовольно полно (не указано даже числа стра-

никъ), что необходимо было сдѣлать тѣмъ болѣе, что нѣтъ описанія нѣтъ ни въ одномъ библиографическомъ указателѣ.

Эти двѣ оды дали автору возможность сдѣлать слѣдующія замѣчанія о началѣ у насъ метрическаго стихосложенія: «Разснотривая эти первыя произведенія Сумарокова съ вѣднѣйшей стороны, мы легко увидимъ доказательство того, что до появленія первой оды Ломоносова, Сумароковъ писалъ по стариннѣ литературнымъ преданіямъ и не былъ вводителемъ у насъ метрическаго стихосложенія. Конечно въ стихотворныхъ произведеніяхъ Тредьяковскаго можно болѣе или менѣе видѣть уже чисто метрическія строфы, но дѣло въ томъ, что неостычивость личной природы стихотворца и тяжелый складъ стиховъ, мѣшали вліянію его произведеній, и отнимали у нихъ то значеніе, котораго они заслуживали». Странно, что вслѣдъ за этими дѣльными строками авторъ говоритъ: «Какъ бы то ни было, однакожь, Ломоносовъ могъ быть и былъ его (Тредьяковскаго) ученикомъ (конечно, въ стихотворствѣ). *Взда съ Острова Любен* вышла въ 1730 году». Да чему же могъ учиться Ломоносовъ въ *Вздѣ съ Острова Любен*? Ужъ разумѣется не метрическому стихосложенію, потому что стихи въ романѣ Тредьяковскаго syllabические:

«Въ семь нѣстъ море не льхо,
 Какъ бы самой малой потокъ.
 А преслэдній зефиръ тихо,
 Дыша отъ воды невысокъ,
 Чивить шумъ пріатной весна
 Во играни съ волнами», и проч.

Говоря о пѣсняхъ Сумарокова, сочиненныхъ имъ еще въ юрнусѣ, г. Буличъ даже не поименовываетъ ихъ, вѣроятно на томъ основаніи, что мы знаемъ изъ нихъ только первыя строки; но намъ кажется, что такое поименованіе, лишнее въ справочномъ словарѣ, необходимо въ полной монографіи. Авторъ какъ-будто постоянно опасается обременить книгу свою излишними фактами, чтобы не сдѣлать ея сухою; но такія опасенія ввели его въ другую крайность: біографія Сумарокова представляется рядомъ какихъ то бѣглыхъ указаній, связанныхъ болѣе или менѣе удачными разсужденіями, и личностію

нашего трагика и сатирика остается не вполне объясненною. Любопытнѣйшія страницы — тѣ, на которыхъ мы находимъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Сумарокова къ академіи наукъ; за эти свѣдѣнія, въ первые появляющіяся въ печати, г. Буличъ заслуживаетъ глубокой благодарности.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ жизни російскаго Россіи, жалоба его Императрицѣ Екатерины II на претерѣваемыя имъ обвиненія и гоненія, и отвѣтъ государыни, рассказъ такъ коротко, что его и понять нельзя. Можно ли въ подробной монографіи ограничиться словами: «Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающей вполне прекраснѣйшій умъ ея», и не привести самаго отвѣта, который былъ уже напечатанъ? Вслѣдствіе этого остается неземнымъ для читателя и происхожденіе басни *Кукушки*. — Странно слышать отъ біографа слова: «Мы не знаемъ содержанія жалобы Сумарокова Императрицѣ, но судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться, въ чемъ онѣ состояли. До насъ дошли отрывки изъ прошенія его, поданнаго Государынѣ.» Г. Буличъ говоритъ объ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ альманахъ на 1827 годъ: *Памятникъ отечественныхъ музъ*; но ему невѣстно, что прошеніе было цѣлкомъ напечатано, съ современной копіи, доставленной А. О. Малиновскимъ, въ *Москвитинѣ* 1842 года (№ 3). Прошеніе это есть одинъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для біографіи Сумарокова, особенно для опредѣленія его семейныхъ отношеній, играющихъ конечно немаловажную роль въ жизни каждаго. Въ этомъ документѣ любопытно слѣдующее мѣсто: «Сіе мое самохвальство всѣ въ Европѣ ученые утверждаютъ, всѣ академіи и университеты, судя и по самымъ худымъ переводамъ нѣкоторыхъ малочисленныхъ сочиненій, Германія, Франція, Парижъ, и самъ *Вольтеръ*, одинный съ *Метастазіемъ* изъ современниковъ моихъ достойный мнѣ *оосельстникъ*.» Невѣстно также г. Буличу письмо Сумарокова къ Миллеру о Дмитрѣй-Самозванцѣ (напечатано тамъ же), о которомъ слѣдовало упомянуть.

Такъ же неполно и неясно, какъ и упомянутый эпизодъ, рассказанъ случай съ Державиннымъ, написавшимъ на Сумарокова басню *Сорока*. Извѣстіе А. Р. въ *Труды Вольнаго Общества Любителей Словесности* слѣдовало слышать съ ра-

сповсю о тій-же проишествіи въ *Замискахъ* Н. Н. Дмитріева, гдѣ осьт нѣкоторыя противорѣчія. Дмитріевъ подтврждаетъ слова Пушкина, что «Державинъ нѣз подумалъ швалъ сатиры на Сумарокова и пріязновалъ, какъ ни съ чѣмъ не бжало, наклонившись во бжмствомъ» (*Соч. XI, стр. 68*):

Перехода къ описанію отношеній Сумарокова къ его современникамъ-литераторамъ, г. Буличъ говоритъ, что «на этихъ отношеніяхъ лежитъ печать смѣшнаго, передаваемая по преданію», и что «существуетъ довольно анекдотовъ, гдѣ Сумароковъ является въ невыгодномъ свѣтѣ». Къ сожалѣнію, біографъ не приводитъ этихъ анекдотовъ, и не разбираетъ, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ достоинъ вѣроятія. Намъ кажется очень желанною манера безпрестанно отсылать читателя къ самимъ источникамъ, указывая на нихъ нѣсколькими нѣзбымноходомъ сказанными словами (например, на стр. 60): Нельзя не обратить вниманія на нѣсколько прекрасныхъ стрейзъ, связанныхъ по этому поводу біографомъ о значеніи русскаго писателя въ нашомъ обществѣ прошлаго вѣка. Вотъ они: «Нисатель прошлаго вѣка у насъ былъ существо еще непонятное. Общество смотрѣло на него безъ сочувствія, а иногда съ насмѣшкою. Оно терпѣло его болѣе для забавы своей и не давало ему почетнаго мѣста. Поэтъ, для того, чтобы не попасть въ окончательный загоны, изъ тѣхъ прекрасныхъ соборъ, куда увнесла его творческая фантазія, гдѣ онъ видѣлъ одинъ мысленно, благородные идеалы, долженъ былъ спускаться на землю, писать стихи на сѣверверочные огни торжествъ, на дачи великихъ, вытросенія въ окрестностяхъ сѣверной Пальмиры, на всадермеліе мечената, и проч. Между поэзією и дѣйствительною жизнью не было союза. Еще одна причина раздѣляла писателя и общество. Это была, странно сказать, наука, одна выдвигавшая впередъ писателя. Въ неарьныхъ обществахъ на науку смотрѣтъ съ какой-то враждебной стороны; нѣкой ли упрямъ пустотѣ жизни видать въ ней, или пугаются ея, какъ неяснотной, таинственной и непонятной силы. Общество тогда упрямаетъ науку въ податство, забывши, что и у него есть своего рода податство, которому трудно подчиняться: это тѣ молкія условія првлчій, основывающіяся нѣ на притворенной и тонкомъ чувствѣ, а на обычаѣ, исчезающія въ развитомъ

обществѣ. Отчего не примириться съ тѣми особенными формами, въ которыхъ по необходимости должна облечься наука и которыхъ укорително называются педагогическими. Великое проявленіе жизни не похоже на другое, каждое выдѣтъ свою форму, ему свойственную. Развѣ можно называть Домошова педантомъ, когда онъ приносить къ намъ лучи міровой науки, славу и гордость тогдашней Европы, и является пылкимъ и увлекающимся рыцаремъ этой молодой, невиданной еще у насъ гостини? Живя въ отчужденіи отъ общества, писатели необходимо должны были подчиниться всѣмъ невыгоднымъ условіямъ этого уединенія. Въ уединеніи развиваются многіе пороки, исключительно ему соответственные и исчезающіе при жизни въ обществѣ, при соприкосновеніи съ людьми. Повѣстія о нравственности въ обоихъ случаяхъ бываютъ различны: притомъ же вообще въ половинѣ XVIII вѣка въ Россіи они не походятъ на наши. Обвинять ли нашихъ писателей за грустныя слѣдствія уединенія? Но, подчиняясь формѣ жизни, необходимо подчиниться и слѣдствіямъ ея. Немуудрено, такимъ образомъ, было появиться въ этомъ отдѣльномъ, уединенномъ кружкѣ литераторовъ нашихъ прошлаго вѣка сперамъ и враждамъ, возникавшимъ въ слѣдствіе литературныхъ отношеній.

Въ исторіи ссоръ между тогдашними писателями, мы находимъ много новаго или, по-крайней-мѣрѣ, такого, что является впервые въ совокупномъ и болѣе строгомъ видѣ. Такковы замеченія изъ рукописи, принадлежащей библіотекѣ Казанскаго университета, хотя въ нихъ желательна было бы видѣть поболѣе лютости. Только напрасно говорить г. Буличъ, что «мы не знаемъ ни одного современнаго литератора, съ которымъ бы онъ (Сумароковъ) не побранился». Достаточно вспомнить объ авторѣ *Елиса*, Васильѣ Майковѣ, объ Александрѣ Аблесимовѣ, о друзьяхъ Сумарокова, о которыхъ онъ нѣсколько разъ съ большимъ уваженіемъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ — Григорѣ Козинкомъ и Николаѣ Мотомъ, объ Иванѣ Перфильевичѣ Елагинѣ, подвергнутомъ даже насмѣлкамъ современныкъ писателей за недавнее почтеніе на гению «напереставка Буалова», наконецъ объ акторма-писателяхъ: Волковѣ и Дмитриевскомъ.

Упомяну еще нѣсколько мѣстъ въ первомъ отдѣлѣ монографіи, съ которыми нельзя согласиться.

Сказать, что произведенія тогдашнихъ поэтовъ «страшно бѣдны содержаніемъ, вѣлтытъ не изъ окружающей поэта дѣятельности, а Богъ знаетъ откуда» г. Буличъ упоминаетъ для примѣра о Майковѣ. Упреки, справедливыя вообще, теряетъ много правды, будучи приложенъ къ Майкову, потому-что въ сочиненіяхъ этого поэта болѣе, чѣмъ у многихъ изъ его современниковъ, отношенія къ современной дѣятельности.

Въ нѣсколькихъ строкахъ объ Аблесимовѣ много невѣрнаго: во-первыхъ, онъ названъ писателемъ *quasi* ординальнымъ, что справедливо только съ точки зрѣнія нашего времени, а не исторической критики; во-вторыхъ, всѣ свѣденія объ авторѣ Мельника, заимствованы изъ статьи М. Н. Маарова (въ «Репертуарѣ русскаго театра» 1840 года), которая исполнена несообразностями и ошибками всякаго рода. Не знаемъ, на основаніи чего г. Буличъ говорить, что «въ современной журналистикѣ Аблесимовъ былъ цѣлю нападеній тогдашнихъ полемистовъ»; Аблесимовъ, напротивъ, нападалъ самъ.

Существенною принадлежностью біографіи писателя мы считаемъ послѣдовательное упоминаніе о появленіи его сочиненій. Въ хронологическомъ повѣствованіи о жизни автора — сочиненія его должны играть роль событій, и упоминаться на ряду съ фактами чисто-біографическими. Этого нѣтъ въ книгѣ г. Булича. Прочитавъ біографію, вы не будете знать даже о времени изданія Сумароковымъ журнала. Исторія *Трудолюбивой пчелы* отнесена ко второму отдѣлу; но въ первомъ она была бы гораздо умѣстнѣе, показывая нѣкоторыя новыя черты характера Сумарокова.

Второй отдѣлъ сочиненія, посвященный разсмотрѣнію литературной дѣятельности Сумарокова, составляетъ, по нашему мнѣнію лучшую часть монографіи, и общаетъ въ г. Буличѣ полезнаго и умнаго дѣятеля для исторіи нашей словесности. Взгляды на Сумарокова, какъ на публициста, обладавшаго горючею любовью къ правдѣ и желаніемъ блага родины, какъ на сатирика, черпающаго содержаніе для своихъ произведеній

прямо изъ жизни современнаго общества, столько же важнѣе въ нашей литературѣ, сколько и справедливей. До сихъ поръ: знаніе Сумарокова только смутно чувствовалось; теперь оно высказано довольно ясно и доказательно, хотя и съ недолжнымъ часто увлеченіемъ. Если мы и не можемъ еще сказать, что литературная личность Сумарокова вполне опредѣлена исторіею нашего просвѣщенія, то все же г. Буличу принадлежитъ важная заслуга первой попытки уясненія намъ этой личности: вспомнимъ, что изъ современныхъ писателей, идущихъ по слѣдамъ Сумарокова, какъ писателя съ французскимъ литературнымъ образованіемъ и въ тоже время какъ національнаго сатирика, только два-три рассмотрены и научены какъ слѣдуетъ. Не прежде (хотѣли уже единожды высказанную нами мысль), не прежде, какъ когда большая часть аменей русской словесности второй половины прошлаго вѣка заслуживаетъ библиографически и критически, маже будетъ высказать вполнѣ образъ Сумарокова. Вліяніе его было широко; на словахъ было оно благотворно, видно изъ сатирической журналистики, вышедшей непосредственно изъ сумароковской сатиры и приготовившей явленіе комедій Фонвизина. «Этому особенному сумароковскому направленію (говоритъ г. Буличъ въ предисловіи) мы даемъ названіе критики, на томъ основаніи, что критическою лѣткою можетъ быть названо то сатирическое направленіе, котораго представителями были Сумароковъ и журналы. Это начало нашей критики. Оно было не опредѣлено еще и не закончено, а примѣнялось не всему, и сами современники называли сатиру — критикою».

Вотъ краткій взглядъ г. Булича на литературное значеніе Сумарокова (мы будемъ говорить большею частью его собственными словами).

Въ своей многолѣтней и разнообразной дѣятельности, посреди своихъ увлеченій и самолюбивыхъ стремленій — овладѣвъ всѣ литературныя формы у насъ, Сумароковъ представляется намъ очень живую личность, и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ русскимъ критикомъ. Критическія попытки его любопытны и достойны изученія, какъ фактъ созданія. Ни чуждъ-то слѣдуетъ вкратчѣ правъ Сумарокова на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. И критика его не

оставался одинокимъ явлениемъ. Вліяніе ея выразилось въ обширныхъ журналахъ. Все то, что у Сумарокова было обрисовано общими чертами, журналы развили среднѣе и подробно. Какъ этотъ дѣятельный писатель, такъ и сатирическіе журналисты были дѣтьми реформы Петра Великаго. Преобразование, перевернувши нашъ бытъ, вызвало ихъ къ дѣятельности, и воѣни силами, всѣмъ талантомъ, который дала имъ судьба, они помогали этому преобразованію.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ отдѣлѣ сочиненія г. Булича, въ которомъ онъ представляетъ обзорнѣе сатирическихъ журналовъ, современныхъ Сумарокову (1769—1774). Это: *Велкая вслячина, Трутень, Смась, Адекал пестра, Полезное съ пріятнымъ, И то и сію, Ни то ни сію, Подознати, Шарнаскій Щетильникъ, Трудолюбивый муравей, Жизнописецъ, Вечера и Качалекъ*. Хотя обзорнѣе это и недовольно подробно, однако за него можно быть благодарнымъ автору, потому что для старой журналистики у насъ почти ничего еще не сдѣлано.

Вотъ поправка нѣкоторыхъ неточностей и пополненіе пропусковъ.

Приписывая изданіе *Всякой Вслячины* Козицкому, слѣдовало сослаться не на митрополита Евгенія и Макарова, а на Новикова, какъ на современника, который говоритъ про Козицкаго, что «слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ», и что «по сему то нѣкоторые и заключаютъ, что *Всякая Вслячина*, еженедѣльное сочиненіе 1769 года, пріобрѣтшее толкую похвалу, есть произведеніе его пера». Какъ журналистъ самъ, Новиковъ долженъ былъ знать навѣрное, кто издатель *Всякой Вслячины*; можетъ-быть только литературная деликатность не позволила ему назвать прямо Козицкаго. Едва ли не Козицкому принадлежитъ письмо въ *Трудолюбивой Пчелѣ* съ подписью К. Въ числѣ сотрудниковъ журнала Козицкаго упомянуты: Аблесимовъ и Жуковъ.

Молодой авторъ комедіи, упоминаемый въ *Трутнѣ* (1769, стр. 138) есть не кто иной, какъ Аблесимовъ, написавшій въ то время *Подьяческую пирушку*. Въ числѣ сотрудниковъ *Трутнѣ* пропущенъ М. Поповъ.

Странно, говоря о Сѣчкаревѣ и Пермскомъ, сослаться на ливорискій *Essai sur la litterature Russe*, тогда какъ у Новикова

о томъ и другомъ говорится полнѣе; вообще г. Буличъ очень рѣдко указываетъ Новикова, котораго вовсе не исключаютъ другіе словари нашихъ писателей.

Издатель *Поденъщины*, В. Тузовъ, былъ маіоръ, а не капитанъ, какъ говоритъ г. Буличъ, вѣря его собственному разсказу. Мало ли что говорили про себя наши сатирическіе журналисты! Надо различать въ ихъ словахъ шутку отъ правды.

Надгробная надпись историку Никитѣ Иваневу (а не Исакову) принадлежитъ Рубану, какъ говоритъ Новиковъ.

Однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала *Вечера* былъ нѣкто Василій Протопоповъ. Статьи его оттуда перепечатаны въ 1789 г. въ книжкѣ: *Къ чему можете служить досужное время?* Пересмотръ сборниковъ, подобныхъ этому, могъ бы способствовать уясненію многихъ вопросовъ, возникающихъ при обзорѣи нашей журналистики прошлаго вѣка и теперь остающихся безъ разрѣшенія.

=

•СТАРЫЯ КНИГИ.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СТАРОЙ РУССКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

Après le plaisir de posséder des livres, il n'y en a guère de plus doux que celui d'en parler, et de communiquer au public ces innocentes richesses de la pensée, qu'on acquiert dans la culture des lettres.

CHARLES NODIER.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Начатки типографическаго искусства. — Исторіи въ лицахъ и допаты. — Книгопечатаніе подвижными литерами. — Повесть о изобрѣтателѣ книгопечатанія — Лаврентіи Костеръ. — Правдоподобіе этой повѣсти. — Успѣхи книгопечатанія въ Европѣ въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія. — Книгопечатаніе въ Россіи. — Неисправность текста рукописей. — Опредѣленіе Стоглаваго Собора. — Учрежденіе типографіи въ Москвѣ. — Первые русскіе печатники. — Ихъ образованіе. — Первая книга, напечатанная въ Москвѣ. — Незнакомыя типографовъ.

Іоаннъ Гуттенбергъ, изобрѣта книгопечатаніе передвижными литерами, сдѣлалъ только послѣдній шагъ въ искусствѣ, которое давно уже существовало, и даже развивалось, хотя и очень туго. Д'Израэли говорятъ въ своихъ *Curiosities of literature*. СХХІV. — Отд. VI.

изъ его книги: *О существъ боловъ (De Natura Beorum)*. Отры-
векъ этотъ могъ бы очень легко подать мысль о печатаніи
книжъ посредствомъ подвижныхъ литыхъ буквъ. Опровергая
атомистическую теорію міроздавія, знаменитый ораторъ гово-
рить: «Тотъ, кто вѣритъ въ возможность подобнаго строенія
вселенной, долженъ повѣрить и тому, что сдѣланныя изъ зо-
лота, или изъ другаго какого либо вещества, формы двадцати
одной буквы алфавита, будучи въ безчисленномъ множествѣ
разбросаны гдѣ-нибудь по полу, могутъ сами собою сложиться
въ *Летопись Эннія*.»

Ксилографическое искусство, то-есть печатаніе посредствомъ
рѣзныхъ деревянныхъ досокъ, начало довольно бойко развиваться
въ Германіи въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія: по нѣ-
скольку изданій разныхъ исторій въ лицахъ, заимствованныхъ
большою частью изъ священнаго писанія, печаталось такимъ
способомъ. Образцы этого младенческаго искусства хранятся
во многихъ библіотекахъ. На книгахъ такого рода не находимъ
обыкновенно ни означенія времени и мѣста изданія, ни име-
ни автора; текстъ оттиснуть или около картинъ, или всереди-
нѣ ихъ, или внизу; иногда же онъ какъ бы выходитъ изъ
устъ изображенныхъ лицъ, объясняя ихъ взаимныя отношенія.
Эти книги печатались на одной сторонѣ бумаги, сѣрыми ве-
дяными чернилами. Нѣкоторыя изъ нихъ изготовлены до изве-
брѣтенія настоящаго книгопечатанія, нѣкоторыя въ первыхъ
годахъ этого искусства; но всѣ очень похожи между собой.
Фигуры сдѣланы грубо, простою чертой, въ готическомъ вку-
сѣ, такъ же, какъ и латинскія объясненія въ римованной
прозѣ, сопровождающія каждую фигуру. Кромѣ этихъ исторій
въ лицахъ, вздумали потомъ печатать, тоже посредствомъ
сплошныхъ деревянныхъ досокъ, грамматику для школьнаго
употребленія, извѣстную подъ названіемъ *Донатъ* *. Положи-
тельно неизвѣстно, гдѣ были сдѣланы эти новые опыты кни-
гопечатанія: вѣроятно одновременно въ Голландіи, въ Германіи
и въ Бельгіи. Первой странѣ приписываетъ ихъ кельнская
хроника. «Хотя искусство книгопечатанія (говорится въ ней),

* Отъ имени знаменитаго латинскаго грамматика IV-го вѣка — Элія До-
ната; упомянутое руководство къ грамматикѣ считалось сокращеніемъ его
трактата объ этой наукѣ.

въ томъ смыслѣ, какъ мы разумѣемъ его теперь, изобрѣтено въ Майнцѣ; однако первая мысль его принадлежитъ Голландіи. Съ *донатовъ*, и именно *донатовъ*, напечатанныхъ въ этой странѣ до майнцаго изобрѣтенія, началось книгопечатаніе.»

Послѣ всѣхъ этихъ попытокъ нетрудно уже было перейти къ способу печатанія подвижными литерами — такъ нетрудно, что когда Гуттенбергъ изобрѣлъ этотъ способъ, многія страны и города принялись, въ лицѣ своихъ ученыхъ, пресерьёзно доказывать, что простая штука, придуманная въ Страсбургѣ, гораздо прежде придумана у нихъ; если же не была пущена въ ходъ, то на это были такія-то и такія-то причины... Въдѣ причинъ можно выдумать, сколько душѣ угодно: прежде всего, разумѣется, виноваты люди и ихъ интриги, потомъ зависть, и такъ далѣе и такъ далѣе. Споръ семи городовъ о чести считаться родиною Гомера, отнесенный къ числу басень, подтвердился споромъ о родинѣ великаго открытія. Отчего же было Смирнѣ не оспаривать у Родоса или Саламина право называться мѣстороженіемъ пѣвца троянской войны, если Италия и Голландія спорятъ другъ съ другомъ и съ Германіей о томъ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Разница этихъ споровъ только въ томъ, что о Гомерѣ спорили города, а о книгопечатаніи цѣлыя страны. Но въдѣ и въ предметахъ спора есть разница: Гомеръ принадлежалъ Греціи, книгопечатаніе всему міру.

Особенно рьяно присвоивали себѣ первенство въ изобрѣтеніи книгопечатанія Голландцы. Не могу утерпѣть, чтобы не представить здѣсь въ переводѣ истинно-комическую исторію о мнимомъ изобрѣтателѣ книгопечатанія, сочиненную нѣкимъ Адрианомъ Юніемъ, въ его описаніи Голландіи, которое было изда-но (подъ заглавіемъ: *Batavia*) въ 1588 году, черезъ тринадцать лѣтъ послѣ смерти автора.

«Я утверждаю (говорить онъ), что по справедливости слава изобрѣтенія типографическаго искусства должна быть приписана нашему городу Гарлему. Нѣкоторые головы коснѣютъ въ заблужденіи, приписывая изобрѣтеніе это Майнцу; это мнѣніе, въѣвшееся какъ ржавчина въ ихъ мозгъ, мѣшаетъ мнѣ видѣть мою правоту. Да поможетъ мнѣ Господь искоренить это заблужденіе.

«Расскажу, что слышалъ отъ людей, достойныхъ уваженія и

по преклоннимъ ихъ лѣтамъ, и по общественному положенію, и по всеобщему довѣрію, коимъ пользовались они и пользуются; а то, что они сообщили мнѣ, было имъ въ свою очередь сообщено ихъ предками. Слишкомъ сто тридцать два года тому назадъ существовала въ Гарлемѣ фабрика, помѣщавшаяся въ просторномъ зданіи, которое и донинѣ сохранилось въ цѣлости. Іоаннъ Лаврентій, прозваніемъ Костеръ, занимавшій почетную и доходную, наслѣдственную въ его фамиліи, должность при дворѣ, былъ владѣльцемъ и основателемъ этой фабрики. Вотъ этотъ-то самый Лаврентій требуетъ теперь, справедливо негодуя, чтобы ему возвратили лавръ типографическаго искусства, всегда ему принадлежавшій, но нынѣ отнимаемый у него руками дерзновенными.

«Однажды, бродя за городомъ, въ рощѣ, обыкновенномъ мѣстѣ послѣ-обѣденнаго гулянья всѣхъ праздныхъ людей, Лаврентій принялся сдирать кожу съ бука и дѣлать на ней буквы въ обратномъ положеніи. Потомъ вздумалъ онъ отпечатывать ихъ отдѣльно одну за другой на бумагѣ, и такимъ образомъ составить, бывало, цѣлую строчку, а тамъ и другую, что ему весьма нравилось. Окрыленный этими успѣхами, гений его принялъ новое направленіе.» (Хороши успѣхи! Не правда ли, было чѣмъ окрылиться?) «Вмѣстѣ съ вѣтемъ своимъ, Томою Петромъ (человѣкъ, вѣроятно, тоже очень тонкаго ума), составилъ онъ чернила, болѣе густыя и клейкія, чѣмъ тѣ, что употребляются для обыкновеннаго письма. Потомъ оттиснулъ онъ пробныя листы соединенныхъ литеръ.» (Экой молодець!) «Я видѣлъ ихъ нѣсколько: они были напечатаны на одной сторонѣ листа; это было такъ-сказать первое начинаніе искусства. Книга эта (ба, ужъ и книга! скоренько, скоренько!) заключала въ себѣ *Зерцало спасенія (Speculum Salutis)*, въ переводѣ неизвѣстнаго автора на простонародный фламандскій языкъ. Страницы чистыя, то-есть тѣ, на которыхъ не было ничего напечатано, Лаврентій склеивалъ одну съ другой, дабы пробѣлы не безобразили книги; это, сколько помню, не наблюдалось въ первопечатныхъ книгахъ.

«Вскорѣ потомъ, Лаврентій замѣнилъ буквые типы свинцовыми, а потомъ и оловянными, для большей прочности и твердости. И теперь еще можно видѣть множество остатковъ этихъ

типовъ въ кладовой на фабрикѣ безсмертнаго мужа, принадлежащей нынѣ достойному правнуку его.

«Изобрѣтеніе Лаврентія обогатило и его самого, и семейство его, и сдѣлалось отраслью несмысленной дотогѣ торговли. Фабрика была запружена покупателями. Такъ какъ съ развитіемъ искусства расширилось и самое производство, то Лаврентій взялъ нѣсколькихъ работниковъ, которыхъ допустилъ къ участию въ своихъ великихъ трудахъ. Увы между ними находился одинъ, по имени Іоаннъ... можно подозревать что это былъ Іоаннъ Фаустъ... лукавый и недостойный ученикъ, онъ измѣнилъ своему учителю и хозяину *.

«Этотъ Іоаннъ, поступаая въ работники къ Лаврентію, прона несъ клятву хранить въ тайнѣ его изобрѣтеніе; но научившись дѣлать и отливать литеры, а такъ же набирать строки и приготавливать всѣ необходимыя для типографіи инструменты, рѣшился похитить у хозяина своего весь запасъ типовъ и орудія, и избралъ для этого самое удобное время—ночь наканунѣ Рождества. Онъ тайно бѣжалъ; чрезъ Амстердамъ и Кельнъ добрался до Майнца; пріютился тутъ, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, и собралъ обильную жатву своею краденою типографіей; ибо положительно навѣстно, что въ теченіе 1442 года онъ воспользовался изобрѣтенными Лаврентіемъ литерами для напечатанія очень употребительной въ то время грамматики, нождъ заглавіемъ: *Alexandri Galli doctrinales, cum Petri Hispani tractatibus.*»

Сказку свою Адрианъ Юній заключаетъ слѣдующими чувствительными строками:

«Вотъ что узналъ я отъ старцевъ, согбенныхъ подъ бременемъ лѣтъ, отъ достойныхъ вѣры людей, которые приняли это преданіе, какъ свѣтильникъ зажженный, переходящій неугасая изъ рукъ въ руки, отъ своихъ предшественниковъ. Я помню также—наставникъ мой Николай Галлій, человекъ съ жѣлзною памятью и плѣшивой головой, говорилъ мнѣ, что слыхалъ не однажды, какъ нѣкто Корнелій, старикъ осьмидесяти-лѣтній, переплетчикъ, служившій Лаврентію въ одно время съ Іоанномъ, какъ этотъ Корнелій обливался, словно ребенокъ, слезами всл-

* Тутъ въ подлинникѣ вѣчно въ родѣ игры словъ: *Faustus, homo suo infustus.*

кій разъ, когда вспомнить, бывадо, о томъ, какъ обокрали его хозяина.»

Какая милая наивность во всемъ этомъ разсказѣ, и какъ ловко умѣлъ сочинять авторъ *Batavia*! Какой умница былъ этотъ шестидесяти-лѣтній старикъ, изобрѣтшій вдругъ, безъ всякой посторонней помощи, типографическое искусство со всѣми его тонкостями! Зато какъ должна была радоваться и ликовать душа этого умнаго старичка, когда на фабрику его (вѣдь у него была не типографія, не лавка книжная, а фабрика) не было отбоя отъ покупателей! И должно-быть усердно читались печатаемыя имъ книги — такъ усердно, что онѣ всѣ въ свое время окончательно зачитаны, и съ-тѣхъ-поръ уже никому, никогда и нигдѣ, не случилось видѣть и единый ихъ листочекъ; вѣроятно читатели ихъ просто поглощали — то-есть, въ буквальный смыслъ поглощали. А этотъ Іоаннъ, такъ дерзко похитившій все типографическое богатство Лаврентія, обманщикъ Іоаннъ, который могъ, конечно, быть Фаустомъ, но пожалуй — чего добраго! — могъ быть и самимъ Гуттенбергомъ... Какъ это такой умный старичокъ, какъ Лаврентій, не видѣлъ, держа у себя коварнаго работника, какой онъ Геркулесъ по силѣ: если ужъ съумѣлъ старичокъ безъ излэшнихъ хлопотъ изобрѣсть книгопечатаніе, то, разумѣется, еще легче могъ открыть, что его Іоанну ничего не стоить взвалить себѣ на плечи всю его фабрику и унести ее въ Майнцъ.

И вѣдь находились же ученые, которые, по поводу этой нелѣпой сказки, предавались самымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ! Глубокомысліе этихъ господъ не помогло лжи сдѣлаться правдою, и съ памятью объ изобрѣтеніи книгопечатанія навсегда осталась слитою память Гуттенберга*.

Этому великому изобрѣтенію, совершившему переворотъ въ жизни всего человѣчества, суждено было не раньше, какъ черезъ сто лѣтъ, пустить корни въ Россіи.

Первымъ городомъ, куда двинулось книгопечатаніе изъ Майнца, былъ Бамбергъ (1461).

* Въ семнадцатомъ столѣтіи сенатъ и жители Гарлема воздвигли памятники, вышарили медали и устраивали праздники въ честь Лаврентія Костера, котораго именовали *прототипографомъ*; но все это могло дѣйствовать лишь на однихъ голландцевъ.

Года черезъ четыре заведена была Ульрихомъ Цель, изъ Ганау, каллиграфомъ, рисовальщикомъ и писателемъ, который именовалъ себя *artis impressoriae magister*, типографія въ Кёльнѣ, и Иоанномъ Ментелемъ или Ментелиномъ, котораго императоръ Францискъ III въ пожалованномъ ему дворянскомъ дипломѣ называетъ *primus Argentorati chalcographus*, устроена типографія въ Страсбургѣ.

Около этого же времени три Нѣмца, вышедшіе изъ майнцской мастерской, а именно: Коврадъ Швейнгеймъ, Арнольдъ Панарцъ и Ульрихъ Ганъ принесли искусство книгопечатанія въ Италію: сначала основали они типографію въ монастырѣ Суббіако, близъ Рима, но вскорѣ потомъ были одинъ за другимъ вызваны въ Римъ.

По преданію, допускаемому учеными, французскій король Лудовикъ XI отправилъ въ Майнцъ (въ концѣ 1461 или въ началѣ 1462 года) директора турскаго монетнаго двора, Николая Ленсона, съ порученіемъ научиться секретно вырѣзыванію пунсоновъ и литеръ, посредствомъ отпечатыванія конхъ могутъ быть размножены самыя рѣдкія рукописи, и искуснымъ образомъ овладѣть тайною изобрѣтенія. Но посольство Ленсона не принесло пользы Франціи, потому что онъ, по неизвѣстной причинѣ, уже не возвращался туда, а отправился въ Венецію, гдѣ около 1469 года основалъ типографію.

Впрочемъ во Франціи первая типографія основана въ этомъ же году тремя выписанными изъ Майнца въ Парижъ печатниками: Ульрихомъ Герингомъ, Михаиломъ Фрибургеромъ и Мартиномъ Кранцемъ. Подъ покровительствомъ Лудовика XI, книгопечатаніе быстро распространилось во Франціи. Въ семидесятихъ годахъ XV столѣтія были заведены типографіи: въ Мецѣ, Лионѣ, Анжѣ, Шаблі, Вьеннѣ, Пуатье и Канѣ; въ восьмидесятихъ: въ Труа, Реннѣ, Аббевилѣ, Безансонѣ, Тулузѣ, Орлеанѣ и Долѣ, и наконецъ въ девяностыхъ: въ Дижонѣ, Ангулемѣ, Нантѣ, Клуни, Лиможѣ, Турѣ, Авиньонѣ и Перпиньянѣ.

Несмотря на огромную книжную фабрику, заведенную Лаврентіемъ Костеромъ въ Гарлемѣ гораздо прежде майнцской типографіи, первая книга, напечатанная въ этомъ городѣ, относится только къ 1484 году.

Первая книга на англійскомъ языкѣ напечатана въ 1471 го-

ду, частію въ Брюгге, частію въ Кёльнѣ, Англичаниномъ Вильямомъ Какстономъ. Какстону стоило, какъ самъ онъ говоритъ, большихъ трудовъ и издержекъ изученіе типографическаго искусства, которымъ онъ занимался въ Голландіи; возвратясь въ Лондонъ, Какстонъ основалъ около 1473 года типографію свою въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. Этотъ искусный типографъ самъ переводилъ издаваемыя имъ книги, самъ печаталъ ихъ, самъ раскрашивалъ и переплеталъ. Онъ исправлялъ отъ руки, красными чернилами, встрѣчавшіяся въ его книгахъ опечатки.

Въ 1522 году устроена типографія въ Кембриджѣ Дж. Сиберомъ (Sibergh), который учился этому дѣлу въ Ліонѣ и нѣкоторыми считается даже Французомъ.

Король Яковъ IV далъ въ 1507 году привилегію эдинбургскому купцу Вальтеру Чапману и Андрею Моллару на заведеніе въ Эдинбургѣ типографіи, и первая книга напечатана была тамъ въ слѣдующемъ году.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, начало книгопечатанія въ Барселонѣ и Сарагоссѣ относится къ 1475 году; другіе считаютъ Валенсію первымъ городомъ въ Испаніи, въ которомъ стали печатать книги.

Въ Швецію искусство книгопечатанія было принесено нѣмецкимъ мастеромъ Іоанномъ Снеллемъ, и первая книга напечатана имъ въ Стокгольмѣ, въ 1483 году. Снелль былъ, кажется, долгое время единственнымъ типографщикомъ во всемъ государствѣ и, вѣроятно, не могъ удовлетворять всѣхъ требованій, потому-что духовенство шведское, въ продолженіе многихъ лѣтъ, печатало молитвенники и требники въ Нюренбергѣ и въ Базелѣ.

Основаніе первой типографіи въ Дублинѣ относятъ къ 1551 году.

Вотъ бѣглый очеркъ успѣховъ книгопечатанія въ Европѣ до появленія первыхъ начатковъ его у насъ.

Главнымъ и чуть ли не единственнымъ поводомъ ко введенію типографическаго искусства въ Россію была крайняя неисправность нашихъ рукописныхъ книгъ, преимущественно церковныхъ. Царь Иванъ Васильевичъ сильно жаловался на это зло на Стоглавомъ Соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ 1551

году. «Божественныя книги (говорилъ онъ) писцы пишутъ съ несправныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ же, одисъ къ описи прибываетъ, и недописи и точки не прямыя, и во тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся и пишутъ съ нихъ.»

Эта справедливая жалоба навела впрочемъ не прямо на мысль о книгопечатаніи. Сначала соборъ произнесъ слѣдующее опредѣленіе, которымъ установленъ посильный надзоръ за исправностью рукописей: «Протопопомъ же и старѣйшимъ священникомъ дозирати священныхъ книгъ, и Святыхъ Евангелій и Апостоль, и Псалтыри и проч. книги, въ коеждо суть церкви обращете неправлены и описавшы, и вы бы тѣ всѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправили соборне, занеже священныя правила о томъ запрещаютъ, и не повелѣваютъ несправныхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нихъ пѣти. Тако жъ, которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бы велѣли имъ писать съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правила, а не правя книгъ непродавали. А которой писецъ, написавъ книгу, продастъ, возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ впредь такъ не творили, и аще впредь таковимъ обличены будутъ продавцы и купцы, и вы у нихъ тѣ книги имайте даромъ безъ всякаго зазора, да исправивъ отдавайте въ церкви, которыя будутъ книгами скудны, да выдачи таковая рашимъ бжеженіемъ и прочія страхъ примуть.»

Само собою разумѣется, что эти мѣры, при множествѣ церквей и безпрестанной потребности въ богослужебныхъ книгахъ, должны были вскорѣ оказаться одишкомъ недостаточными. Изъ огромнаго количества книгъ, обращающихся въ торговлѣ «наши (какъ говоритъ послѣсловіе къ первой напечатанной у насъ книгѣ) обрѣтошася потребни, прочія же вси растлѣни отъ переписующихъ ненаученыхъ сущихъ и нескусныхъ вразумѣ, оуже же и несправленіемъ пишущихъ».

Видя это, царь «начать (какъ выражается то же послѣсловіе) помышляти, како бы вложити печатныя книги, да не въ Гречахъ и въ Венеціи, и во Фригійи и прочихъ мѣстехъ. Дабы впредь святыя книги изложидься праведнѣ. И тако возвѣщааетъ мысль свою просвѣщенному Макарію митрополиту послѣ Русіи. Святитель же слышавъ абло возрадосавъ, и Богомъ

благодареніе воздавъ царю, глаголаше, яко отъ Бога извѣщеніе приѣмшу, и свѣше даръ сходящъ. И тако повелѣніемъ благочестнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, и благоволеніемъ преосвященнаго Макарія митрополита начаша завѣскивати мастерства печатныхъ книгъ, въ лѣто отъ созданія міра 7061 (1553), въ 30 лѣто государства его. Благовѣрный же царь повелѣ устроити домъ отъ своеса царскія казны и маже печатному дѣлу строитися. И не щадя даише отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателямъ, на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ упокоенію, дондеже и на совершеніе дѣло ихъ шведе.»

Дѣлатели эти были—дьяконъ московскаго собора Николая Чудотворца Гостунскаго Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславцевъ, или Мстиславецъ. Вѣроятно многихъ трудовъ и усилій стоило заведеніе первой въ Москвѣ типографіи, потому что не раньше, какъ черезъ десять лѣто послѣ заведенія ея (именно 19 апрѣля 1563 года) начали Ѳедоровъ и Мстиславцевъ * печатать книгу *Апостолъ* (т. е. дѣянія и посланія апостольскія). Надзоръ за печатаніемъ—конечно, за матеріальною только частью этого дѣла—былъ порученъ иностранному мастеру, Датчанину Гансу, копенгагенскому уроженцу. Черезъ годъ (именно 1 марта 1564 года) книга была отпечатана. Митрополитъ Макарій, такъ радовавшійся мысли царя завести типографію и съ любовью слѣдившій за ея медленными успѣхами, не видѣлъ выхода въ свѣтъ первой отпечатанной въ Москвѣ книги. Онъ

* Вотъ что говорится о нихъ типографскомъ воспитаніи въ отрывкѣ изъ *Сказаніи о ообразженіи книгъ печатнаго дѣла*, помѣщенномъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ:

«И обрѣтесе вѣкто смыслевъ и хитръ къ таковому орудію (то-есть къ типографическому дѣлу), Николы Чудотворца Гостунскаго (иже и нынѣ зрится той храмъ близъ дворца царева, внутри самого Кремля града), и у тоя убо церкви дьяконъ былъ званіемъ Іоаннъ Ѳедоровъ сынъ, да другой клереть его Петръ Тимоѳеевъ сынъ Мстиславецъ, испусти блиху и смыслени къ таковому хитрому дѣлу; глаголють же вѣцми о нихъ, яко отъ самѣхъ Фрагъ то ученіе пріеста; повѣствуетъ же отъ вѣцмихъ, яко преже ихъ вѣцми, или будетъ и они сами, малыи вѣцми и неискусными начертаніи печатываху книги, послѣди же совершенѣи той Іоаннъ да Петръ покусъ пріеста отъ тѣхъ прежерѣченныхъ Фрагъ, сего ради повелѣнио быти имъ отъ царя таковое дѣло составлять...»

скончался въ 1563 году и его мѣсто заступилъ Аванасій, котораго имя помянуто въ концѣ послѣсловія къ *Апостолу*.

Первымъ мастерамъ книжнаго дѣла въ Россіи, по напечатаніи ими первой книги, не посчастливилось. Вотъ какъ рассказываетъ о своихъ бѣдствіяхъ Иванъ Федоровъ въ послѣсловіи къ *Апостолу*, напечатанному имъ въ Львовѣ черезъ десять лѣтъ послѣ напечатанія перваго *Апостола* (1573):

«Сіе же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣльнаго ради озлобленія, случающагося намъ, не отъ самого того Государя, но отъ многихъ начальникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити, и Божіе дѣло вконецъ погубити, якоже обычай есть злонаправныхъ, и ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ челоуѣкъ, ниже граматыскія хитрости навикше, ниже духовнаго разума исполненіи бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, неразумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утверждается. Сіа убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо (то-есть въ Польшу) преїдохомъ, и по благости Богоначальнаго Іисуса Христа Бога нашего, хотящаго судити вселеннѣй въ правду, воспріаша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ (то-есть Сигизмундъ) Августъ, король Польскій и великій князь Литовскій, Прусскій, Жемонтскій, Мазоветскій, и иныхъ, со всѣми паны рады своея. Въ тоже время со тцаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, панъ виленскій, гетманъ наивысшій великаго князства Литовскаго, староста городенскій, и могилевскій, прія насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребамы тѣлесными одушевляше насъ, и весь немалу дарова ми на успокоеніе мое. Намъ же работающимъ по воли Господа нашего Іисуса Христа, и слово его по вселеннѣй разсѣвающе; егда же пріяи ему въ глубу старость, и начастѣ главѣ его болѣзною одержити быти, повелѣ намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни вочто же положить, и въ веси земледѣланіемъ житіе мира сего препривождати, еже неубо ми бѣ разумъ ниже сѣмянъ сѣяніемъ время живота своего сокращати, но имамъ

убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вмѣсто же житныхъ сѣмень духовная сѣмена по вселеннѣй рассѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно вопіюща ко мнѣ: лукавый рабе и лѣнниве, почто не вла сребра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою. И когда убо на удивленіи въ себе прихождахъ и множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердци своемъ, да быхъ не скрылъ въ земли таланта, отъ Бога дарованнаго ми. И тужашу ми духомъ, сія глаголахъ, еда во вѣка отринеть Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ, по притчи смоковничнаго неплодствія, яко всуе землю упражняющу. И сего ради повудихся ити оттуду, и въ путь шествующу ми, мнози скорби и бѣды обрѣтоша мя, неточію долготы ради путнаго шествія, но и презрѣльному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу, и просто рѣщи вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысловъ Божіа человекѡлюбія до богоспасаемаго града, нарицаемаго Львова пріидохъ, и вся яже на пути случающаиися ми во что же вмѣняхъ, да Христа моего пріобрязу. Вся яже здѣ сну подобна и сѣни, преходитъ бо, якоже бо дымъ на воздухѣ, благая и злая расходятся; яко Апостолъ хвалится въ скорбѣхъ, занеже скорбь терпѣніе съдѣваетъ, терпѣніе же упованіе, упованіе жъ непосрамить. Почто, занеже любовь Божія възгорѣся въ сердци моемъ, Духомъ Святымъ даннымъ ми, и разсудившу ми се, и когда вселшумися въ преименитомъ градѣ Львовѣ, яко по стопамъ ходяще топтанымъ нѣкоего богонзбраннаго мужа начахъ глаголати въ себѣ молитву сію: «Господи Вседержителю, Боже вѣчный и безначальный, иже благодсти ради единыя привелый отъ небытія въ бытіе всяческая, словомъ своимъ видѣтельнымъ, духомъ устъ своихъ срасленнымъ иже промысляя присно, и съдержа, и знося по числу тварь свою и по имени възывая; иже въ послѣдняя лѣта, неизреченныя ради милости твоея, падшее наше естество възвелъ еси, сложеніемъ едиnorodнаго Сына Твоего, Господа нашего Ісуса Христа, иже и предасться за прегрѣшенія наша, и възкресъ оправданія ради нашего, его же язвою изцѣлѣхомъ: по благоволенію хотѣнія твоего и въ похвалу славы благодати твоея, и прежде нарече

насъ въ усьненіи Іс. Христомъ въ тебѣ, въ еже быти намъ святомъ и непорочномъ предъ тобою въ любви, повѣдая намъ тайну воля своєю, еже быти намъ исверха вѣкае отъ създаній твоихъ, христіаномъ датаю истинныя премудрости: вразуми мя, и испытаю законъ твой, и не отъыми отъ устъ моихъ словесе истинна дозѣла, ради братій моихъ и ближнихъ моихъ. Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши: слезъ моихъ не премолчи, яко преемникъ азъ отъ тебѣ и пришлецъ, яко же вси отцы мои. Ослаби ми отъ страстей моихъ, да пощю дѣланіемъ и почію видѣніемъ и смиреніемъ: ты убо, Ѳ Владыко, и прежде множицею отнуотилъ еси нечестіе сердца моего, молитвами святыхъ твоихъ, отъ вѣка угодившихъ ти, и нынѣ служащихъ ти, преподобіемъ и правдою, аминь.» И помолившумися, начахъ богоизбранное сіе дѣло къ устроенію завершати, якобы богодохновенныя догматы распространявати, и обтѣцахъ многаци богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, пощости прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя, колѣномъ касался и припадая на лицы земномъ, сердечно капающими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни драши, но и многаци сътворяхъ, и въ церкви священнику всѣмъ въ службу повѣдати повелѣхъ; не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, неисходатайствовахъ ни коея же милости іерейскими чинми, и плакахся прегоркыми слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, наже помогающаго, не точію же въ русскомъ народѣ, но ниже въ Грекахъ милости обрѣтохъ; но мали вѣщия въ іерейскомъ чину, ниіи же не славніи въ мірѣ, обрѣгося, помощь подающе. Не мню бо отъ избытка имъ сіе творити, но яко же оная убогая вдовица отъ лишенія своего двѣ лѣпты въверышїа: вѣмъ убо, яко въ нынѣшнемъ мірѣ должная ихъ къ нимъ възвратится, въ будущемъ же вѣцѣ отъ богатодавца Бога стократницею въздастся. Молю убо васъ, не прогнѣвайтесь на мя грѣшнаго, пишущу ми сіа: не мните убо, яко отъ чрева глаголати или писати. Вѣсть бо волякъ, отъ начала прочитаѣи вкратцѣ описавшую свою исторію, како отъ его милости пана Григорія Ходковича всякими потребами тѣлесными, пищею и одеждою, удоволенъ быхъ, но воля сіа ни во что же вмѣнялъ: не уювахъ на неправду и на доосхищеніе не желалъ, богатства аще и много стекалося, не прилагахъ тамо сердца; но паче изволихъ всякіа

вредуєшніа екерби и бѣды претерпѣвати, да множае умножу слово Божіе и свидѣтельство Іс. Христово. Намъ убо есть, еже съ смиренномудріемъ просити и начинати, Божіе же еже силевати и совершати; того бо и царствію наслѣваннѣ быти надѣюся, его же буди всѣмъ намъ получить, благодѣтію и челоуволюбіемъ господа нашего Іс. Христа, ему же подобаетъ слава, честь и покланіе, съ Отцемъ и съ Святимъ Духомъ, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь.

«А начаса сіа книга друковати, рекомый *Апостолъ*, въ бо-гопосаеменѣ градѣ Львовѣ, въ ней же Дѣянїя апостольская и Посланїя съборная и посланїе Св. Апостола Павла, по воплощенїи Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, давшана се-бе о грѣсѣхъ нашихъ, вси раби благословеннаго Бога нашего: да еще когда прилучитя кому вникнути въ сію душеполезную Апостольскую книгу и разумѣти, что потребно и душеполезно, той прежде всѣхъ виновнику всѣмъ благимъ и судѣт-мо жизни нашея Богу благодать да воздасть; а его милости пану Григорію Александровичу Ходкевиче вѣчныя памяти и съ святыми равнопрестольными, отъ вѣка Богу угодившими, заслуженїя и съквѣтельства получить да просятъ. Потому же съмыкомъ его милости, пану Андрею Григорьевичу Ходкевиче, пану подстолюму великаго князства литовскаго, старостѣ моголевскому; и его милости Александру Григорьевичу Ходкевиче, старостѣ городеньскому, державцу анноному, да просятъ душавнаго спасенїя и многолѣтнаго здравїя, понеже бо еди виденїи суть таковыя пользы. Намъ же непотребнымъ, начинанїя дерзнутымъ, прощенїе и грѣхомъ простыню да просятъ, да и сами того же благословенїя и простыни грѣхомъ еядобитеса: и аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте, благословите, а не клеветѣ; понеже не писа Духъ Святый, да ангель, но рука грѣшна и брена, яко же и прочїи нецелаваннїи.»

Этотъ разсказъ, написанный такъ просто, безъ всякихъ прикрасенїй (что было довольно рѣдко въ тѣ времена), кажется вышедшимъ прямо изъ сердца; онъ лучше подробной біографїи дышетъ передъ нами симпатическую личность нашего дѣр-ваго типографа. Какъ кротко отзывается Иванъ Федоровъ о разсказѣ и ослеловѣтѣ. Вызначитъ единственною дру-чагардею за
Т. СХХV. — Отд. VI. 1/2

его великую заслугу, лишивших его любимой родиной и переселивших далеко от нея—«въ иные страны незнаемы»; съ какою глубокою благодарностью припоминаетъ онъ всѣхъ, кто пріютилъ странника на чужбинѣ, дарилъ радушныя пріѣтѣмъ и одобрѣніемъ и помогалъ его нелегкимъ трудомъ; какою благородною гордостью, какиимъ сознаниемъ своего достоинства дышуть его слова, когда, отказываясь отъ плуга и лани, онъ говоритъ, что его призваніе явное, высшее,—сѣсть въ сердцахъ слово Божіе! Элегическое настроеніе, въ которомъ написано все повѣствованіе Федорова, придаетъ ему какую-то особенную прелесть; вѣдѣ не говоритъ онъ о тоскѣ своей по утраченной родинѣ, но тоска эта сама неволью сказалась въ его словахъ.

Напечатавъ *Апостола*, Федоровъ оставилъ Львовъ и пріѣхалъ въ Острогъ. Причина этого переезда осталась неизвѣстною; но съ достовѣрностью можно предположить, что Федорова вызвалъ туда, какъ искуснаго мастера типографическаго дѣла, острожскій князь Константинъ Константиновичъ для работы въ тѣло что заведенной имъ типографіи. Какъ и въ Москвѣ, побудительнымъ поводомъ къ этому заведенію была несправность рукописныхъ книгъ и раздоры, которые начались въ это время между православными, жившими въ Польшѣ. Князь острожскій, непоколебимый поборникъ православія, рѣшился издать *Библию*, и собралъ изъ разныхъ мѣстъ много древнихъ и полныхъ переводовъ, но не удовольствовавшись собранными рукописями, обратился къ царю Ивану Васильевичу съ просьбою помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Царь исполнилъ просьбу и прислалъ Константину, чрезъ литовскаго государственнаго секретаря Мизанла Гарабурда полный списокъ славянскаго перевода всей *Библии*, сдѣланнаго еще при великомъ князѣ Владимірѣ. Переводъ этотъ былъ, по порученію князя, свѣренъ съ греческою *Библиею*, которую доставлялъ ему константинопольскій патріархъ Іеремія, и тщательно исправленъ.

«Первымъ оwoщемъ (по выраженію самого Федорова) отъ дому печатнаго острожскаго» былъ оконченный въ 1580 году *Новый Заветъ*. Въ слѣдующемъ 1581 году явилась и полная *Библия* во упомянутому списку.

Въ Москвѣ Ивана Федорова и Петра Мстиславца сличилъ

ученикъ ихъ, Андроникъ Тимоеевъ, прозвищемъ Невѣжа, съ товарищи, «и царскимъ гѣмъ же повелѣніемъ (какъ повѣствуетъ старинное *Сказаніе*, изъ котораго выше я привелъ нѣскольکو строкъ) повелѣно ему книги печатати печатнымъ воображеніемъ, и раздавати по всѣмъ градовомъ во всей Россіи *Часовники* и *Псалтыри*, *Апостолы* и *Евангелія*, *Трїоди* и *Октами*, и прочія божественныя книги, ими же церкви Божія красуются. — И по гѣхъ мастеровъ (продолжаетъ *Сказаніе*) иные мастера быша, и отъ того убо времени иде таковое дѣло твердо и непретяновенно и паки крѣпцѣ, аки вервь непреторжена, и влечашеся даже до лѣта осмыа тысящи втораго ста девятаго-ядесять года: аще и въ вѣчныя обители блаженныя памяти царю Іоанну Васильевичу всея Русіи отпешу, но благое то дѣло его и начатіе и по немъ довольно время влечашеся, при сынѣ его царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Русіи, и при царѣ Борисѣ (аще прежде и рабъ бѣ, послѣждеже царь бысть, и также благочестивъ бывъ и разуменъ сынъ), и при царѣ Василіи, иже по царѣ Іоаннѣ царствоваху.»

Далѣе слѣдуетъ исторія бѣдствій, претерпѣнныхъ Москвою въ смутныя времена начала XVII вѣка, и говорится, что тогда «сіе доброе дѣло (т. е. книгопечатаніе) изгубло и порушилося.» Последнее не совсѣмъ справедливо: намъ извѣстны книги, вышедшія изъ московской типографіи не только при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ *, но и при Дмитріи Самозванцѣ.

* Изъ послѣсловія къ *Евангелію*, изданному при Шуйскомъ, видно, что типографія находилась тогда въ царскихъ палатахъ. — Изъ временъ междоцарствія сохранился любопытный актъ о заведеніи типографическихъ снарядовъ («сѣмъта: во что стануть дѣлѣ штабныя печатныя, слѣзати два стана изъ ериское дѣло, совсѣмъ сполна, какъ въ нихъ печатати всякія книги»). Приведемъ здѣсь изъ этого документа строки о мастеровыхъ людяхъ при тогдашней типографіи.

Росписъ книжнаго печатнаго дѣла всякими мастеровыми людьми:

Мастеръ Иванъ Власовъ.
Словолитоецъ Оеонка Ивановъ.
Взвешеникъ Ѳеодоръ Сергѣевъ.
Рѣзецъ Оеонасіи Никоновъ.
Столяръ Нятой Тарасовъ.
Кузнецъ Кузма Тимоеевъ.

*

Существует *Апостолъ*, напечатанный Андроникомъ Тихоше-вынъ, въ 1666 году «повелѣніемъ (какъ сказано въ послѣсловіи) благочестія поборника и божественныхъ величій веради ревнителя, благовѣрнаго и христоролюбиваго, вскопнаго государя всея великія Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Дмитрія Іоанновича, всея Россіи самодержца».

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, восшествіе котораго на престолъ, положило конецъ темнымъ внутреннимъ смутамъ в государствѣ, сильно способствовалъ развитію книжнаго дѣла въ Москвѣ: при немъ былъ увеличенъ книгопечатный дворъ и свозились въ Москву рукописи для печатанія. Царю много помогали въ этомъ дѣлѣ и родители его, патріархъ Филаретъ¹. Замѣчательнѣйшими печатниками этого времени были патріаршій дьякъ Василій Ѳеодоровъ Бурцовъ, авторъ *Букваря азки славянскаго, сиречь Начала ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію Божественныхъ писаній*^{**}, и Никита Ѳеодоровъ Фоановъ, псковскій уроженецъ, про котораго есть преданіе, нѣтъмъ впрочемъ не подтверждаемое, что во время московскихъ

А оклады денежныя:

Мастеру Ивану Власову 15 рублей; а хлѣба, ржи 15 четей, овса тома Словоаницу Осонасю Иванову 10 руб.; а хлѣба, ржи 14 четей, овса тома. Вваменщику Ѳеодору Сергѣеву 10 руб.; а хлѣба, ржи 14 четей, овса тома. Рѣзцу Осонасю Никоневу 10 руб.; а хлѣба, ржи 15 четей, овса тома. Столяру Пятому Тарасову 8 руб.; а хлѣба, ржи 13 четей, овса тома. Кузнецу Кузмѣ Тимоѣеву 7 рублей; а хлѣба, ржи 12 четей, овса тома.

А оклады тѣмъ величъ мастеровымъ людямъ окладомъ.

* ... И благослови и дохвали сына своего за такое дѣло, за кудряго исправленіе и за печатное сіе воображеніе, вкупѣ же и за раденіе, что усердіе къ дѣлу прилежаша. и вкупѣ нади чаша съ нимъ строити духовнаго и земнаго: и тотъ и самъ зѣлою ревностію одерживъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, купилъ же мнози своиъ повелѣ таковому дѣлу строитися безпрестани, самъ же много свидѣтельствовалъ божественныхъ книгъ, надзирати и надзирати, много добаетъ, и такоже печатнымъ воображеніемъ начертovati и предавати во всему во царствующему граду Москвѣ и по всей своей Руской земли салити божиимъ церквамъ, на прославленіе же Божественнаго имени, и пречистаго Его Богоматери и всѣхъ святыхъ, на спасеніе душамъ всего православнаго христіанства.

** Книга эта была въ свое время въ большемъ ходу и до 1781 года вышла шесть изданій. Въ первый разъ напечатана она въ Москвѣ, въ 1634 году.

онъ ѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ будто бы завелъ типографію «и начать книги печатати, *Псалтыри*, *Часовники* и прочая, иуду убо смышленну и разуму бывшу къ такому хитрому дѣлу». Произведенія московской типографіи временъ царя Михаила Феодоровича ставились иностранцами, но налицо-отъзу, наравнѣ съ произведеніями современныхъ иностранныхъ типографій.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича московское печатное заведеніе считало въ числѣ вышедшихъ изъ-подъ станковъ его изданій, книги всего почти церковнаго круга. Къ этой порѣ относится совершенное исчезновеніе изъ употребленія въ церквахъ рукописей, которыя вообще начали терять прежнюю цѣну, и заведеніе второй типографіи въ Москвѣ (1680), іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ, воспитателемъ царевича Феодора Алексѣевича. Она находилась при дворѣ и именовалась *верхнею*, то-есть придворною. Первыми книгами, вышедшими изъ нея были: *Тестаментъ Василія Царя Греческаго* и сдѣланный Симеономъ стихотворный переводъ *Псалтыри*.

При основаніи славяно-греко-латинской академіи, были здѣсь заведены въ духовной московской типографіи греческіе и латинскіе шрифты, и въ 1701 и 1704 годахъ Феодоръ Подликарповъ, бывшій въ то время справщикомъ (корректоромъ) этой типографіи, а потомъ и директоромъ ея, издалъ сочиненный имъ *Славяно-Греко-Латинскій Букаварь* и *Славяно-Греко-Латинскій Лексиконъ*. Подликарповъ обучался печатному дѣлу въ типографической школѣ, основанной въ Москвѣ въ семи-десятъ годахъ XVII столѣтія и окончилъ образованіе свое подъ руководствомъ братьевъ Духодовъ.

Такъ развивалось у насъ искусство книгопечатанія до Петра Великаго. Въ кругъ заботъ этого государя о просвѣщеніи Русскаго народа, конечно, должны были входить и старанія о еще болѣе широкомъ распространеніи книгопечатанія, получившемъ уже особую и право гражданства въ его государствѣ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о привилегіи, данной Петромъ (1698), во время пребыванія его въ Голландіи, амстердамскому типографу Іоанну Тесингу, вслѣдствіе прошенія самого Тесинга завести въ Амстердамъ русскую типографію.

Эною привиллегіей Петръ дозволилъ Тессингу «печатать карты, всего свѣта, какъ сухопутныя, такъ и морскія, изображенія всѣхъ славныхъ особъ, и всѣ книги, до сухопутной и морской войны относящіяся, а равно и до архитектуры, математики, отроенія крѣпостей, и касающіяся названныхъ искусствъ и художествъ, выключая тѣхъ, кои содержаниемъ имѣть будутъ догматы православныя вѣры греко-латинскія и христіанскія вообще, на нѣмецкомъ и руссійскомъ языкахъ, свойственными каждому изъ нихъ буквами, предоставляя ему Тессингу издавать оныя хотя въ одной книгѣ, хотя каждое порознь, и всѣ сіи книги, карты и изображенія всѣхъ главныхъ особъ пересылать изъ Амстердама въ Россію чрезъ Архангельскъ въ прочіе города Россійскаго государства, дабы симъ средствомъ подданные его царскаго величества, бывъ просвѣщены и познавъ свои обязанности, могли изъ того почерпнуть важныя выгоды»^{*}.

Завестъ типографію было дѣло не очень трудное; но чтó печатать въ ней?... Большая часть книгъ, выходявшихъ до тѣхъ поръ у насъ, относилась къ отдѣлу богословіи, до котораго Тессингъ не имѣлъ права касаться; готовыхъ же сочиненій по части другихъ наукъ было очень немного. И такъ нужно было изготавлять новыя книги; но кому? гдѣ могъ найтись русскій писатель въ Амстердамѣ?—Эти препятствія, конечно, помѣшали бы Тессингу приняться за дѣло, еслибъ онъ не имѣлъ въ виду (вѣроятно и тогда уже, какъ подавалъ свое прошеніе государю) нѣкоего Копіевскаго или Копіевича **, Илью Федорова сына, бѣлорусса. Этотъ Копіевскій учился въ Голландіи и, принявъ реформатское исповѣданіе, былъ сдѣланъ тамъ кандидатъ-пасторомъ. Если русская грамотность его и не отличалась особенною чистотой и правильностью, зато усердія и трудолюбія было у него вдоволь. Съ неутомимомъ ревностью принялся онъ за сочиненія и переводы, и уже въ 1699 году Тессингъ напечаталъ его *Введеніе краткое во всякую исторію, по чину историческому, отъ созданія міра, ясно и совершенно списанное, и Руководство въ ариѳметику*.

Въ слѣдующемъ году Копіевскій, помогавшій Тессингу при заведеніи русской типографіи, отошелъ отъ него, и основалъ

* Привиллегія была выдана Тессингу на пятнадцать лѣтъ.

** По русскимъ онъ поддживался Копіевскимъ, а по латинскимъ Копіевичемъ.

вою соборвенную. Поводомъ къ этому были, вѣроятно, всѣли-нибудь неприятели между авторомъ и издателемъ, какъ это можно заключать и изъ слѣдующихъ словъ Коіевскаго въ предисловіи къ изданной имъ (1700) *Латинской грамматикѣ*: «Умалчи же вѣнѣ о неразумныхъ тупоградахъ, которыхъ учить нужда бысть мнѣ самому и, ихъ ради неумѣлости, по шлюзѣ предорчихъ душу мою и во мнозѣ отщетахю.»

Въ этомъ же году издалъ Коіевскій панегирикъ Петру Великому подъ такимъ заглавіемъ: *Gloria triumphatum et trophaeorum. Слава торжествъ и знаменъ побѣдъ, пресвятѣйшаго и августѣйшаго державнѣйшаго и наобѣдимѣйшаго, седящаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ кратце списана стихами поэтыцкими.*

Кромѣ непомернаго усердія и неутомимѣйшаго трудолюбія, Коіевскій обладалъ также порядочнымъ запасомъ самонадѣянности: онъ брался за самые разнообразныя предметы, какъ можно видѣть изъ перечисленія трудовъ его, приложеннаго къ *Латинской грамматикѣ*.

Вотъ это перечисленіе:

«Рядовый чинъ, имже книги именуются, писаны и изданы авторомъ, Елія Федоровымъ Коіевскимъ; имже, по указу Великаго Государя, въ Амстердамъ, писалъ и въ печать издавалъ:

- 1) Введеніе во всякую Историю.
- 2) Руководеніе въ Арифметику, сврѣчь во всякой счетъ.
- 3) Поверстаніе круговъ небесныхъ съ толкованіемъ.
- 4) О дѣлѣ воинственномъ.*
- 5) Номенкляторъ, на рускомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.
- 6) Словабулы стидами, латинскіе и русскіе.
- 7) Притчи Есеповы, на латинскомъ и русскомъ языкѣ.**
- 8) Грамматика латинская и русская.

* Напечатана у Теснига подъ заглавіемъ: *Краткое собраніе Дѣл Миротворца, августѣйшаго Греческаго Кесаря, показующее дѣла воинскихъ обученія.*

** Напечатаны у Теснига; въ этой же книгѣ: *Померова бража или бой особъ а.и. латинскъ и русскъ.*

Отъ тѣхъ Иванъ Андреевъ Тесницъ шесть изданныхъ; сѣ-
дѣ.

Подмудуютъ съ печать угодившихъ:

- 9) Шиллерская книга морскаго плаванія.
- 10) Книжкусъ Курцдунтъ о великомъ Александрѣ Македонскомъ.
- 11) Лѣтоисаніе, отъ созданія міра, на асіаке языкѣ что я-
зюба.
- 12) Синописѣ Киевская, на латинской языкѣ переведена.
- 13) Образъ повору политическаго, политикъ.
- 14) Парадыжмата склоненія и спряженія, на нѣмецкомъ,
русскомъ и латинскомъ языкѣ.
- 15) Ораторыя латинская.
- 16) Риторика латинская.
- 17) Разговоръ, въ 40 главкахъ, на итальянскомъ, русскомъ и
нѣмецкомъ языкѣ.

Они все одобряются:

- 18) Декламаторъ, на русскомъ и итальянскомъ языкѣ.
- 19) Описаніе четырехъ монархій.
- 20) Конкорданцыя, на русскомъ языкѣ, на нѣмъ Висію
московскую.
- 21) Горацій Флаккусъ, о добродѣтели, стихами латинскими,
русскими.»

Смерть Копіевскаго, послѣдовавшая въ 1704 году, не позво-
лила ему кончить всѣ численные труды. Вскорѣ умеръ и
Тесницъ, и намъ не извѣстно положительно, въ чьи руки пе-
решли ихъ типографіи.

Впрочемъ со смертью ихъ не прекратилось печатаніе въ Ак-
стердамѣ русскихъ книгъ. Въ 1705 году, Авраамъ Бренанъ пе-
далъ оставшіяся послѣ Копіевскаго окончательно пригото-
ванный имъ къ печати переводы: *Истинъ, умилостъ морскаго плаванія,
материю мададе Остиндскія компаніи солтера и пруден-
тнѣйшій со всея Европы математикъ, шиллерскій мастеръ и учи-
тель, Абраамъ Деграфъ;* потомъ, именно черезъ годъ, напеча-
тана у Генриха Ветстенія книга: *Символы и Емблемата, съ пор-
третомъ Петра Великаго и восемьюстами - тридцатью - девятью
гравированными картинками.*

См. см. см. см.

V.

КРИТИКА.

=

Дѣйствія Суворова въ Турціи, въ тысяча-семь-сотъ-семьдесятъ-третьемъ году. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ Саковичъ. Санктпетербургъ, 1853.

Перепечатки журнальныхъ сочиненій вообще пользуются у потребителей книгъ очень ограничевною милостію. Не-льзя имъ однако не сдѣлать изъятія для нѣкоторыхъ слу-чаевъ. Все что относится къ знаменитѣйшему изъ нашихъ полководцевъ такъ любопытно и дорого для каждаго изъ Русскихъ, и все касающееся до Турціи до того заслуживаетъ общаго вниманія при настоящихъ обстоятельствахъ, что хорошо читающіе люди не должны упустить случая къ знакомству съ прекраснымъ трудомъ господина подполков-ника Саковича, когда этотъ трудъ, первоначально назна-ченный для спеціальнаго повременнаго изданія*, явил-ся въ видѣ отдѣльной книги. Сочиненіе не пространно, но существенно по содержанію, и обильно новыми, до-стоверными свѣдѣніями въ историческомъ отношеніи. Кіев-ская археологическая комиссія, которой исторія уже обя-зана многими полезными изданіями, открыла при черни-говскомъ губернскомъ архивѣ забытыя «дѣла» поход-

* Для Восточнаго Журнала, 1853 г.
Т. СХХV. — Стл. V.

ной канцеляріи графа Румянцова-Задунайскаго. Эти бумаги были перевезены въ Кіевъ въ концѣ 1851 года и подвергнуты разбору. Многія изъ нихъ относятся къ Суворову и подлинными актами опредѣляютъ или разъясняютъ дѣйствія его въ Турціи, донинѣ извѣстныя изъ однихъ лишь преданій его біографовъ. Въ настоящемъ сочиненіи господинъ подполковникъ Саковичъ желалъ употребить въ дѣло новообрѣтенные документы, главнѣйше, для приведенія въ ясность туртукайской экспедиціи Суворова, совершенной въ 1773 году, о которой въ его біографіяхъ и въ публикѣ господствуютъ весьма сбивчивыя понятія. Какъ тщательный и искусный изслѣдователь, онъ не преминулъ извлечь изъ официальныхъ подробностей всѣ доказательства и доводы, раскрывающіе суворовскую теорію и практику, и въ распоряженіяхъ тогдашняго начальника отряда показать понятія и образъ дѣйствія будущаго великаго полководца.

Здѣсь не можетъ быть рѣчи о техническихъ, собственно военныхъ расчетахъ, особенностяхъ и случаяхъ, рассмотрѣніемъ которыхъ преимущественно занимается авторъ, по своей принадлежности: одна только личная, историческая сторона экспедиціи, какъ часть біографіи Суворова, должна составить предметъ обзорѣнія. « Долгъ исторіи — « оцѣнить сторону государственной дѣятельности каждаго изъ « сотрудниковъ великой эпохи », замѣчаетъ господинъ Саковичъ: « Личность, образъ жизни, характеръ, самыя странности Суворова, болѣе или менѣе извѣстны изъ жизне- « описаній: но многое ли мы знаемъ объ отношеніяхъ « Суворова къ лицамъ и къ обществу, объ его вліяніи на « современниковъ, объ идеяхъ, занятыхъ имъ у своего « времени, развитыхъ силами собственнаго ума и перешедшихъ отъ него къ потомству? Изслѣдованъ ли и пред- « ставленъ ли въ настоящемъ свѣтѣ этотъ геній, по вліянію « его на окружавшихъ, на войска, на народъ, отъ которыхъ онъ не отрывалъ себя ни на мигъ во всю жизнь « свою? Изчислены ли заслуги Суворова какъ стража національности, бросившаго обильныя сѣмена для послѣдующей « реакціи въ идеяхъ и нравахъ нашего общества? Мы « знаемъ, какъ высказывалъ онъ въ-лицо горькія истины,

« Видимъ его мистификаціи въ обращеніи: то разискивали
 « намъ хоть одинъ біографъ, отъ какихъ причинъ и обсто-
 « ятельствъ характеръ и личность Суворова вылились въ
 « эту, особенную форму, казавшуюся комическою для
 « однихъ, назидательною для другихъ, загадочною для
 « всѣхъ? »

Этотъ послѣдній вопросъ, собственно, могъ бы принадле-
 жать къ вѣдомству біографовъ. Каждый въ состояніи раз-
 рѣшить его у себя по законамъ физиологіи, при небольшомъ
 пособіи со стороны самой простой нравственной философіи.
 Все необычайно-огромное, по уму или по тѣлу, имѣетъ видъ
 странный, загадочный, иногда и комическій, для насъ; су-
 щество средней мѣры: въ томъ или другомъ отношеніи, су-
 щество нормально-маленькихъ, обыкновенныхъ, болѣе или
 менѣе равныхъ между собою умственно и вещественно.
 Необычайно-огромное не можетъ ни двигаться, ни поворачи-
 ваться, ни думать, ни говорить, ни дѣйствовать, подобно
 среднему созданію, то есть, сообразно съ тѣмъ что у ма-
 ленькихъ существъ почитается ловкостью и приличіемъ. Ма-
 монты, мегатеріоны, киты, конечно, не странны въ лицѣ
 природы, но все посредственное и крошечное твореніе смот-
 ритъ на нихъ съ недоумѣніемъ, не понимаетъ ихъ дѣйствій;
 принимаетъ самыя естественныя поступки ихъ за мисти-
 фикаціи, то ужасается ихъ громадности, то смѣется объ ихъ
 недоворотливости и безтолковщинѣ. Если бы все твореніе
 было мамонтами или китами, оно бы не смѣялось. И на-
 оборотъ, этимъ исполнамъ маленькое твореніе должно пред-
 ставляться нецостижимымъ и смѣшнымъ. Геніальные люди
 принадлежать къ категоріи такихъ великановъ: всѣ они бо-
 лѣе или менѣе кажутся намъ загадочными, странными, не
 потому, чтобы они были таковы на самомъ дѣлѣ, а по той
 досадной причинѣ, что мы, къ сожалѣнію, не геніи.

Точно такими же кажемся мы геніамъ и даже полу-ге-
 ніамъ. Очень часто сердятся они на насъ, зачѣмъ мы —
 маленькіе, зачѣмъ у насъ идеи, дѣйствія, вкусы, при-
 вычки — крошечныя, мелкія, карманныя. Но когда намъ
 съ отикъ хорошо! когда онѣ для насъ очень уютны и спод-
 ружны!... Съ опрошными идеями, съ необорванными дѣй-

ствіями и вкусами, мы не могли бы свободно поворачиваться. Они по-напрасну сердятся на насъ, мы неуистно возстаемъ противъ нихъ. Гении не понимаютъ насъ; мы не понимаемъ гениевъ. И этотъ несчастный антагонизмъ, существующій отъ начала обществъ и донынѣ, причиняетъ много страданій и бѣдствій человечеству. Разсердившись на нашу мелкость, гении часто доходятъ до неуваженія къ нашей удобной и изящной мелочности, до презрѣнія нашихъ крошечныхъ, микроскопическихъ понятій; становятся странными и, на наши глаза, являютъ себя еще болѣе странными.

Если подвести психологическій казусъ Александра Васильевича Суворова подъ эту статью соевѣмъ нектрою нравственной философіи, то, я думаю, справка будетъ довольно правильная и вѣрная. Нужно только пополнить ее однимъ дознаннымъ фактомъ физиологій. Многія организмы уже въ зародышѣ получаютъ отъ природы сверхъ-умѣренное количество жизни или, какъ говорилось прежде въ латинѣ, жизненной силы, то есть, избыточную дѣятельность фибръ, мускуловъ и нервовъ, которая въ дѣтствѣ и юности проявляется, у самыхъ грубыхъ организмовъ, мѣченіемъ къ шалостямъ и буйству, у организмовъ же болѣе тонкихъ и чище отдѣланныхъ—сильною веселостью, стропуномъ и забавною проказливостью, охлещенностью къ шаловливому подражанію и къ передразниванію. Оноло этотъ совершеннолѣтія, когда человекъ становится болѣе или менѣе угрюмымъ, важнымъ, страстнымъ, эта избыточная жизненная дѣятельность обыкновенно ослабѣваетъ, уменьшается и утрачивается. Но не у всѣхъ. Нѣкоторыя организмы, особенно изъ лучшихъ, удерживаютъ ее очень долго; иногда еще и въ сановитой старости не могутъ она устоять противъ внутренняго ея напора, противъ неодолимаго влеченія къ проказливости, и несколько переизмѣняютъ ею самыя важныя и мудрыя мысли, разсужденія и дѣйствія свои. Этому преимуществу или неудобству подвержены и гении и не-гении. Оно составляетъ себѣ нравственную idiosyncrasy — особенный душевный температурный элементъ—оно, всегда, любознательное, но не болѣе странное

чьмъ идіосинкразіи тѣлесныя, подѣ вліяніемъ которыхъ такія явленія образуются. Точно такимъ образомъ произошло и то, что господинъ подполковникъ Саковичъ предлагаетъ въ видѣ задачи, требующей разъясненія: въ вопросѣ о причинахъ вылитія характера и личности Суворова въ ту форму, которая до того поражала современниковъ, что многіе, какъ говоритъ авторъ, считали его за сумасшедшаго.

Онъ былъ очень страненъ для людей своего времени, уже потому, что былъ ужасно великъ умомъ. Онъ сердился на нихъ—совершенно понапрасну—за то, что они не были такъ же велики какъ онъ. Онъ совершенно негодовалъ на ихъ общество, которое между-тѣмъ было право, дѣлало свое дѣло, усердно исполняло назначеніе, предназначенное ему Промысломъ, насмѣшливо ставилъ быть солдатскій и быть старинный русскій въ противоположность тому, что въ изыщномъ быту тогдашняго общества считалъ смѣшнымъ, но что въ свое время нисколько не было смѣшно, напротивъ, было натурально, логически-правильно, неизбѣжно; и онъ сталъ еще болѣе страненъ для атихъ людей. Избытокъ нервной дѣятельности, то есть, юность и ея проказливость, продолжались въ немъ до глубокой старости на основаніи законовъ фізіологіи: онъ не хотѣлъ, да собственно и не могъ, превозмочь и потушить его, и это довершило тотъ видъ страчности, который, изъ человѣка простаго, аснаго и свѣдлага какъ солнце, сдѣлалъ существо загадочное.

Что касается до вліянія Суворова на современниковъ, которые не узнавали его, до идей, имъ непримѣтно привитыхъ, удачно принявшихся и невольно собранныхъ въ видѣ полезныхъ плодовъ ближайшимъ поколѣніемъ, то это въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. Гемія всегда оставляютъ слѣдъ своего лучезарнаго прохода въ человѣчествѣ, какъ бы оно ни было имъ испугано или предубѣждено противъ него. Можно сколько угодно не понимать или не признавать геміи: но у него тоже есть свое назначеніе въ чинѣ вселенной, и онъ исполнить его на зло своему времени и на пользу всѣхъ временъ. Авторъ съ прекрасною проникающею указывающею на нѣкоторыя черты этого вліянія, нѣкоторые плоды идей этого великаго

разума, нераскусимые для современных посредственностей, завѣщанные ихъ дѣтищамъ, и потомъ пайденные превосходными до того, что другіе выдали ихъ за своя изобрѣтенія, какъ это почти всегда случается. Юный Наполеонъ Бонапарте, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за всѣми военными движеніями въ Европѣ, попялъ образъ дѣйствія Суворова еще прежде чѣмъ Бонапарте и Суворовъ увидали Италію. И взаимно, едва Бонапарте явился на сценѣ, какъ Суворовъ угадалъ въ немъ опаснаго врага для противниковъ Революціи, и неразъ упрашивалъ Государыню: «*Матушка! пусти меня противъ Французовъ!...*» Изъ той части корреспонденціи Суворова, которая донынѣ обнародована, видно положительно, что онъ, уже будучи въ Италіи, на мѣстѣ подвиговъ юнаго героя Франціи, во время его египто-сирійской экспедиціи, не очень высоко ставилъ воинскій гений Бонапарте, въ которомъ не могъ не различать и чувствовать своего подражателя. Успѣхи его приписывалъ онъ, какъ кажется, болѣе всего отчаянной бездарности тѣхъ, которые, по его выраженію, *привыкли быть битыми*. Между-тѣмъ во время италіанской кампаніи Бонапарте, Суворовъ-Римникскій былъ такъ же мало извѣстенъ образованному русскому обществу какъ и тотъ, который у «привыкшихъ быть битыми» отнималъ тогда Ломбардію. Сергѣй Глинка, адъютантъ князя Н. В. Долгорукова, говоритъ, что въ домѣ своего генерала, въ Москвѣ, онъ никогда не слыхалъ имени Бонапарте, и, когда, по увольненіи князя Долгорукова отъ службы, онъ пріѣхалъ къ своему батальону въ лагерь, стоявшій подъ Петербургомъ, офицеры, люди образованные и умные, едва знали имя Суворова. Образъ его военныхъ дѣйствій такъ сильно противился тогдашнимъ теоріямъ военнаго дѣла, что поносятъ его, безъ разбора, эпитетами — невѣжда — счастливый сумасбродъ — Атила — значило быть ученымъ и тонкимъ. Общество было все противъ него. Поклонники тактики и стратегіи Фридриха Великаго краснѣли за его побѣды, одержанныя вопреки всѣмъ правиламъ ихъ науки и тому что у нихъ, по этимъ правиламъ, называлось здравымъ смысломъ; и въ его успѣхахъ они должны были по-необходимости видѣть, про-

сто, удачные случаи, а въ немъ самомъ—человѣка сумасшедшаго и опаснаго, который можетъ каждую минуту погубить армию и отечество. Когда Суворовъ въ нѣсколько недѣль овладѣвалъ Италіей для Австрійцевъ, ихъ Придворный Военный Совѣтъ, Hoffkriegsrath, былъ въ отчаяніи, что это дѣлается такъ скоро, быстро, безъ ученыхъ движеній и передвиженій, безъ соблюденія тонкихъ и медленныхъ стратегическихкихъ церемоній славнаго восемнадцатаго вѣка; что русскій полководецъ уничтожаетъ французскія армии не взявъ сперва Мантуи, признанной въ ихъ наукѣ точкою опоры и ключомъ страны; что онъ беретъ все силою и быстротою удара, а не мудростью расчета и послѣдовательностью дѣйствій по данному плану, который для него приняли трудъ составить въ Вѣнѣ, за-глаза, издали, безъ знанія обстоятельствъ, но съ великимъ знаніемъ теоріи войны. Его убѣждали — умоляли — писали ему колкости и грубости — окружали его присмотрами, препятствіями, интригами, недоброжелательствами — послѣ каждой побѣды изъ Вѣны посылали въ благодарственной депешѣ учтивый намекъ на то, что онъ не въ своемъ умѣ и успѣхахъ только умножаетъ опасность — послѣ каждаго неожиданнаго подвига, и передъ каждымъ непредвидѣннымъ дѣйствіемъ, жаловались на него Русскому Государю, какъ на ослушника, почти какъ на мятежника, непризнающаго мудрости вѣнскихъ придворныхъ геніевъ, и дрожали за цѣлость своего государства, когда онъ дарилъ ему обширныя страны, добытыя своимъ непослушнымъ мечомъ. Враги также не любятъ быть битыми въ противность правиламъ, которымъ сами они поклоняются. Они бѣснуются еще хуже въ подобныхъ случаяхъ—называютъ бьющаго невѣждою и варваромъ—и никогда не согласятся, что они низложены, не случаемъ, а искусствомъ и геніемъ. Въ званіи самостоятельнаго начальника Суворовъ явился на военномъ поприщѣ въ первые противъ польскихъ Конфедератовъ, и господинъ Саковичъ говорить самъ объ ихъ негодованіи на невѣжество своего побѣдителя. Они упрямо утверждали, что Суворовъ не имѣетъ понятія о войнѣ — что ему только-бы драгаться съ медвѣдями, а не съ образованными и учеными воинами. Образъ

его дѣйствій оскорблялъ ихъ самолюбіе. Имъ казалось, что онъ изъ презрѣнія къ ихъ познаніямъ, храбрости и силамъ, не слѣдуетъ правиламъ тактики, одобренной опытомъ и утвержденной наукою. Разсѣвать непріятеля нечаянною нападеніемъ, а не пораженіемъ, не значило, по ихъ мнѣнію, побѣждать. Тогда какъ въ Австріи боялись, что убитые въ противность правиламъ, непременно встанутъ, придутъ и возьмутъ Вѣну, въ Польшѣ неубитые въ противность тѣмъ же правиламъ не могли постигнуть, какимъ образомъ взята Варшава, когда они живы и только бѣжали въ разныя стороны отъ внезапнаго ужаса.

Миѣ кажется, что это ясно. Но чтобы еще яснѣе понять страшную силу ученыхъ суевѣрій и ихъ прямыя послѣдствія, можно предположительно представить себѣ какой-нибудь простой маленькій случай, выходящій изъ правилъ самой ничтожной и всякому извѣстной науки. Положимъ, что вдругъ явился бы между нами Гомеръ, который бы написалъ на нашемъ языкѣ Иліяду, во сто разъ удивительнѣе греческой, но вопреки всѣмъ правиламъ принятой орфографіи, напиримѣръ, строго придерживаясь общаго выговору и всенароднаго употребленія. Что сказали бы объ немъ грамматикъ и всѣ тѣ, которые выучились писать вѣрно по правиламъ ихъ науки? Нѣтъ нималѣйшаго сомнѣнія, что его прокричали бы невѣждою, варваромъ, безграмотнымъ стиходѣемъ или сумасшедшимъ и вреднымъ человѣкомъ. Его не стали бы читать, его запретили бы въ классахъ, его поправляли бы и учили бы насмѣшливо азбукѣ. Онъ былъ бы совершенно правъ — изобрѣлъ бы самый короткій, вѣрный, и чудесный способъ изображать слова письмевами — явился бы факеломъ языка, рычагомъ мысли, настоящимъ благодѣтелемъ пишущихъ и читающихъ — слѣдующія поколѣнія признали бы его гениемъ и воздвигли бы ему монументы: тѣмъ не менѣе, напротивъ, еще тѣмъ болѣе, современники поносили бы и ругали бы его. Что тогда остается дѣлать гению, котораго со всѣхъ сторонъ огорчаютъ, унижаютъ, преслѣдуютъ? Если онъ дѣйствительно великъ, если онъ твердъ волею, непоколебимъ въ намѣреніяхъ, и непременно желаетъ достигнуть высоко задуманной цѣли,

онъ долженъ заширать мысли свои въ самомъ себѣ и мистифицировать. Безъ алаго умысла, добровольно, неизбежно, съ непонимающими его по предубѣжденію или по своимъ суевѣріямъ онъ будетъ обращаться какъ съ дѣтьми, которыхъ надо убѣждать шутками или игрушками, или какъ со слѣпцами, которымъ красный цвѣтъ пужно толковать горячую печкою, а желтый щелчкомъ въ носъ. Если онъ кромѣ-того надѣленъ избыткомъ жизненности, если не вся юность испарилась изъ старыхъ жилъ его, если въ немъ все-еще клокочетъ нервная и мускульная дѣятельность, источникъ геніальности, онъ естественно будетъ даже проказникомъ и станетъ утѣшать себя фарсами своего былаго дѣтства. Въ характерѣ всѣхъ геніальныхъ людей давно замѣчено продолженіе дѣтскихъ чертъ, привычекъ, забавъ, до конца ихъ жизни. Одинъ изъ важныхъ посѣтителей Суворова рассказываетъ, что, бывъ у него въ деревнѣ, съ восторгомъ слушалъ онъ глубокомысленное и краснорѣчивое разсужденіе стараго героя о тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы, какъ вдругъ великій человекъ зацѣлъ ему пѣтухомъ надъ самымъ ухомъ. Гость не могъ воздержаться отъ замѣчанія о странномъ удовольствіи, которое столь знаменитый и такой разумный мужъ находить въ подобномъ шутовствѣ. — «Какой вы, фанатикъ, почтеннѣйшій графъ Александръ Васильевичъ! вскричалъ удивленный и негодующій посѣтитель: ну; какъ можно такіе умныя вещи перебивать такими пустяками? Я не вѣрилъ разсказамъ: но теперь самъ вижу, что вы любите проказничать.... зацѣлъ пѣтухомъ среди самыхъ серіозныхъ предметовъ.» — «Зацѣлъ бы ты, братецъ, не пѣтухомъ, а курицей, отвѣчалъ ему Суворовъ, если бы на своемъ вѣку видѣлъ и испыталъ то, что мнѣ привелось видѣть и испытать.» Послѣ этого отвѣта, психологія біографовъ можетъ укалить себя отъ бесполезныхъ разъясненій. Характеръ Суворова и причины этого характера совершенно понятны.

Цѣльскіе Конфедераты были сильны и храбры, имѣли предводителей, хорошо знающихъ теорію военнаго искусства того времени, но не составляли собою благоустроенной и правильной арміи. Суворовъ понялъ мгновенно, что

нравственная сила дисциплинированного войска опасѣе для нихъ числительнаго превосходства, что внезапное, непредвидѣнное нападеніе должно необходимо производить между ними замѣшательства, трудныя къ скорому исправленію, и что отступленіе губительно для этихъ отрядовъ, непривычныхъ къ стройнымъ движеніямъ и неуклонному повиновенію. Перейдя съ театра войны въ Польшу на берега Дуная, онъ нашелъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, большое сходство между оттоманскими массами и конфедератскими отрядами: противъ нихъ тоже лучшими и вѣрнѣйшими средствами были внезапный ударъ—испугъ ихъ—отступленіе—и турецкая армія разсѣяна и уничтожена: потому-что въ отступленіи она потеряетъ все отъ безпорядка, а послѣ отступленія не соберется по недостатку въ дисциплинѣ.

И съ перваго шагу своего на Туртукай, въ общіе турецкія войны, Суворовъ дѣйствовалъ внезапными наступленіями, въ которыхъ штыкъ и сабля — главные оружія успѣха. Въ Италіи примѣнилъ онъ тѣ же самыя начала къ борьбѣ съ французскими арміями, до извѣстной степени нуждавшимся также въ благоустройствѣ и строгой дисциплинѣ. Основаніемъ всѣхъ правилъ и соображеній его было возможное сбереженіе людей, избѣжаніе бесполезныхъ кровопролитій и необходимая для этого быстрота движеній, на которую хуже всего негодовали австрійскіе генералы и войска, привыкшіе къ медленности, флегмѣ и размышленію. Какъ система Суворова, такъ и характеръ его, и та гениальная проницательность ума, которая заранѣе видитъ и мгновенно устраняетъ всѣ случайности и нужды предпріятія, и могучая послѣдовательность его предначертаній, не предоставлявшая ничего слѣпому счастью, вполнѣ ясны изъ собственноручныхъ его писемъ и донесеній, изъ диктованныхъ имъ плановъ, и изъ дневныхъ приказовъ его во арміямъ. Множество безцѣнныхъ этого роду документовъ обогащаютъ собою превосходное твореніе господина полковника Милютина, «Исторія войны Россіи съ Франціей въ 1799 году». Нужно прочесть нѣкоторые изъ нихъ по случаю вопросовъ, предложенныхъ нашимъ авторомъ.

Во время движенія на встрѣчу Магдональду, Суворовъ издалъ слѣдующее наставленіе войскамъ :

« 1) Непрiятеля поражать холоднымъ ружьемъ, штыками, саблями и пиками. Артиллерія стрѣляетъ по непрiятелю по своему разсмотрѣнію, почему она и по линіи не расписывается. Кавалеріи и казакамъ стараться непрiятелю во флангъ ворваться.

« 2) Въ атакѣ не задерживать. Когда непрiятель сколочь, срубленъ — то тотчасъ его преслѣдовать, и не давать ему времени ни собираться, ни стрѣловаться. Если непрiятель будетъ сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непрiятель сдавался, о чемъ и Русскія войска извѣстить. Ничего не щадить; не взирать на труды; преслѣдовать непрiятеля дено и ночью до-тѣхъ-поръ, пока истребленъ не будетъ.

« 3) Котлы и прочіе легкіе обозы, чтобы были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непрiятелю, но разбитіи жъ его, чтобы можно было кашу варить; а впрочемъ побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ маперкахъ водою.

« Кавалерія должна о фуражѣ сама пецись.»

Суворовъ.

Когда генералъ Розенбергъ, увлеченный личною храбростію, вопреки положительному предписанію Суворова переправился черезъ По, чтобы постращать непрiятеля, или чтобы отвлечь его вниманіе, Суворовъ отдалъ по арміи очень замѣчательный приказъ, въ которомъ, для урока всѣмъ, изъявлялъ свое неудовольствіе на подобныя движенія и сдѣлалъ косвенный выговоръ Розенбергу.

« Приказъ по соединенной арміи.

« Мѣстный въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ нежели отдаленный; онъ проникать въ сжегшія перемѣны теченія ихъ и потому направляетъ свои поступки по воинскимъ правиламъ. По слуху Валенца опорожнена; наря-

женъ для занятія ея только несильный отрядъ. Тотъ слухъ явился ложной; сіе отмінено; и вскорѣ повелѣно всѣмъ къ тамошней странѣ бывшимъ Россійскимъ войскамъ, соединиться къ арміи для большихъ операцій. Повелѣніе сіе получено, когда уже нѣкоторая часть передовыхъ отъ Борго-Франко переправилась чрезъ По на первой островъ: не токмо чтобы той части переправиться обратно, но въ послушаніе повелѣнія, весь сей корпусъ продолжалъ переправу на противный берегъ на одномъ паромѣ съ лодками, и безъ малѣйшаго разсмотрѣнія, оставя все благоразуміе, первопереправившимися баталіонами пошелъ быстро сбивать непріятельскіе пикеты, не рассчитывая, что слѣдующихъ войскъ назадъ, черезъ переправу, едва одинъ баталіонъ часа черезъ полтора переправиться могъ. Малое число баталіоновъ обрѣли себя вдругъ противъ непріятельскаго несравненно превосходнѣе ихъ корпуса, умножающагося непрестанно отъ Александріи, гдѣ его всѣ силы были. Россіане едва 5 баталіоновъ имѣли и до 200 казаковъ, — какъ мужественный генералъ-маіоръ Милорадовичъ, отличившійся уже при Декко, видя стремленіе опасности, взявши въ руки знамя, ударилъ на штыкахъ, поразилъ и покололъ противустоящую непріятельскую пѣхоту и конницу, и рубя самъ сломалъ саблю; двѣ лошади подъ нимъ ранены. Ему многіе послѣдовали и наконецъ всѣ. Между тѣмъ разныя баталіоны переправившись сзади соединились; сраженіе получало иной видъ; уже непріятель отступалъ; Россіане его храбро гнали и поражали; побѣда блистала... какъ сзади себя слышать въ барабанъ отбой и сборъ, якобы въ какой экзерциціи, что послѣднее и тамъ не нужно по исправности войска. Сии герои отступаютъ, преслѣдуемые непріятелемъ гораздо превосходнѣе ихъ, и строятся у сигнала: начинается пальба, съ прибавленіемъ изъ-за рѣки войскъ, — на которой множество гибнетъ людей. Ночь раздѣлила сражающихся: непріятель, потерявшій взвое, отступилъ къ Александріи. Россіане переправились обратно черезъ рѣку По.

« Императорско-Королевскій корпусъ, стоявшій противъ Казале, для демонстрацій, переправилъ на противный берегъ, въ близости непріятеля, нѣсколько пѣхотныхъ ротъ, яко на жертву: по крайней осторожности, суда расплылись: ту пѣ-

хоту неприятель окружилъ большими силами и едва треть оной считался.

« Демонстраціи — игра юно-военныхъ; обыкновенно онѣ или пустыя, утруждающія войска, или наносящія имъ вредъ. Занятіе многихъ постовъ ихъ раздѣляетъ и даетъ способъ неприятелю имѣть надъ ними поверхность по подробности. Пужны разѣзды и общительные посты отъ конницы; развѣ въ ущельяхъ горъ пѣхота употреблена быть можетъ, и то съ великою осторожностію, чтобъ отрѣзана не была.

« Иначе, военный судъ разбирать будеть!

« Мая 3 дня, 1799.

« М. Кастельново-ди-Скривіа. »

Какъ жестоко преслѣдовали и огорчали Суворова повсюду тогдашніе теоретики, даже и въ эпоху самаго полнаго развитія его славы, это доказываютъ усердныя и повторительныя просьбы его объ увольненіи отъ главнаго начальства надъ италіанскою арміею, гдѣ ему рѣшительно не давали ни власти ни средствъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Съ душевнымъ прискорбіемъ подозрѣвая въ немъ невѣжательство, они не довѣряли ни правиламъ ни уму ни же избраннаго героя, и требовали, чтобы онъ непремѣнно дѣйствовалъ по ихъ указкѣ и подъ ихъ руководствомъ. «Его римско-императорское величество», писалъ Суворовъ къ графу Разумовскому, послу нашему въ Вѣнѣ и другу перваго министра, барона Тугута, «желаетъ, чтобы, когда жь завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. «Насему для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана. Я не считалъ, ни быть на Тидонѣ и Требіи по слѣдамъ Анни-сбала, одинъ случай далъ намъ воспользоваться тамошними сокровищами, ни въ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кастельново ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя висячіе власы. Летъ ея молніи. Не схвати за власы — уже она не возвратится.» Нетолько Придворный Военный Совѣтъ давалъ отъ себя, изъ Вѣны, нѣмъ главно-командующаго, тайныя приказанія и наставленія австрійскимъ генераламъ, подвластнымъ Суворову,

но даже и самъ графъ Разузовскій, какъ другъ Тугута, имъ очарованный, волилъ ему предавший, посылалъ русскимъ начальникамъ предостереженія, между-тѣмъ какъ въ письмахъ своихъ къ нему старался всячески льстить его самолюбію. Нельзя кромѣ, благородіе и умѣе выразить справедливое негодованіе свое на такой непростительный поступокъ, какъ выразилъ его Суворовъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Разузовскому. «Совѣтую и вамъ, почтенный другъ, если случится вашему сіятельству въ чемъ ни есть къ войскамъ отпестись, чтобъ мнѣ о томъ, для «соображенія, какъ ихъ начальнику, сообщить изволили. «Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ «я, свѣдуща быть. Не заводите другихъ гофкригсратовъ; и «одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушить. Простите мнѣ «чистосердечіе.» Къ своему Государю угнетенный геній обращалъ въ то же время слѣдующія горестныя слова:

«Робость Вѣнскаго Кабинета, зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, отнесшихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, — принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отъѣздѣ моемъ, ежели сіе не переменится. Я хочу мои кости положить въ своемъ отечествѣ и молить Бога за моего Государя.»

Вѣнскіе теоретики никакъ не хотѣли позволить Суворову довершить покореніе Италіи и препятствовали ему всѣми мѣрами уничтожить остатки французскихъ силъ въ пуэзской Ривіерѣ, надѣясь сами управиться съ ними, какъ скоро успѣютъ удалить опаснаго героя съ цоприца побѣды его. Новыя распоряженія, сдѣланныя мимо его Придворнымъ Военнымъ Совѣтомъ, болѣе всѣхъ прежнихъ огорчили бѣднаго великаго человѣка. Открыто, за подписью императора Франца, присланы были ему, на другой день послѣ побѣды при Нови, самыя странныя возраженія на планъ его дѣйствій и на его дальнѣйшія предложенія. Суворовъ почтительно изложивъ австрійскому монарху свои причи-

ны и уваженія, прибавилъ къ донесенію юному императору Францу:

«Весьма неудобно ослаблять армию нѣсколькими тысячами войска въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда намъ предстоитъ еще *упрочить за собою плоды вчерашней побѣды*, то-есть овладѣть Ривіерою Генуэзскою и прикрыть границы Пиемонта покореніемъ Ницы, Кони и Фенестреллы. Для подобнаго предпріятія потребны немалыя силы, по обширности берега морскаго и по свойству горной страны. Я самъ, какъ вѣрный слуга, конечно желаю приобрѣсти Ривіеру Генуэзскую съ крайнѣйшю, по возможности, сбереженіемъ людей. Важнѣйшею выгодою вчерашней побѣды считаю именно то, что она облегчитъ трудности предстоящаго намъ предпріятія и сохранитъ много крови. Равно и всѣ, доселѣ одержанныя мною побѣды и завоеваніе столь обширной страны, тѣмъ въ особенности меня радуютъ, что не стоили арміи значительныхъ потерь.»

Но къ графу Ростопчину, въ Петербургъ писалъ онъ откровенно и рѣзко о своемъ горѣ, о своемъ печальномъ положеніи среди этихъ происковъ, вспыхнувшихъ съ новою силою въ то самое время, когда непріятельская армія, совершенно разбитая, уходила передъ нимъ за Апеннины:

«Все мнѣ не мило. Присылаемые ежeminутно изъ геновскихъ рата повелѣнія ослабѣваютъ мое здоровье и я здѣсь не могу продолжать службу. Хотятъ операціями править за тыючи версты; не знаютъ, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ меня переминыть. Меня дѣлаютъ эзекуторомъ какаго-нибудь Амариштейна и Тюрлина. Вотъ новое Вѣнскаго Кабинета распоряженіе, которое я ввѣрилъ оригиналомъ отправленному съ донесеніемъ къ Гоеударю Императору, подполковнику Кушникову, изъ котораго вы усмотрите, могу ли я болѣе быть здѣсь.. Прошу ваше сіятельство доложить о семъ Его Императорскому Величеству, какъ равно и о томъ, что послѣ Генуэзской операціи буду просить объ отзавѣ формально, и уѣду отсюда. Болѣе писать слабость не дозволяетъ.»

Наконецъ теоретики выжили героя, побѣждающаго безъ

правиль, изъ Италіи. Они не могли простить ему фантастическихъ насмѣшекъ и порой рѣзкихъ отзывовъ объ изъ прославленной мудрости. «Помилуй Богъ, говорилъ однажды Суворовъ: я не спорю; они умны, учены, храбры; однако жъ, безъ меня, ихъ бьютъ повсюду.» Онъ сталъ имъ рѣшительно ненавистенъ. Побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Суворову вѣдено, въ позднюю осень отправиться въ заваленную снѣгами Швейцарію, откуда между-тѣмъ тайно вывели войска эрцъ-герцога Карла, и дѣйствовать тамъ согласно съ ихъ предназначеніями. Не скрывая отъ Государа прошедшихъ скорбей ни опасеній за будущее, фельдмаршалъ чистосердечно высказалъ свое мнѣніе о планѣ будущей войны:

«Начало моихъ операцій будетъ и должно зависѣть единственно отъ обстоятельствъ времени, назначеніе которому Вишій Гокригсратъ дѣлаетъ по старинному наряду къ такому идеальнымъ политическимъ выметкамъ. Безпрерывныи, отъ того послѣдовавшія военныя неудачи, помрачавшія славу Австрійскаго оружія, не научили его еще понинѣ той неоспоримой истины, что отъ одного иногда мгновенія разрѣшается жребій сраженія. Столь же мало послужило ему полезнымъ урокомъ и то, что быстрое, неослабленное и безъостановочное нанесеніе непріятелю удара за ударомъ, приводитъ его въ замѣшательство, лишаетъ его всѣхъ способовъ оправиться.... На случай предбудущихъ операцій, гдѣ потребно будетъ единственное содѣйствіе всѣхъ союзныхъ войскъ, не могу я сказать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ того опасенія, чтобы Эрцгерцога Карла и генерала Меласа, порекомендовавъ Гокригсрату, не отозвались неизмѣнимъ особеннаго отъ него ни то повелѣнія. Столь же малого успѣха предвѣщаю я пользѣ общаго дѣла отъ упоминаемыхъ въ томъ планѣ лекціонстрацій, когда Эрцгерцогъ своимъ безплоднымъ демонстраціямъ обратитъ лишь всю непріятельскую силу на насъ. Наконецъ осмѣливаюсь я довести, что для вашего успѣха сего знаменитаго дѣла, лучше содержать соединенныя войска, а не побѣтныя какія либо операція, и что экспедиція моремъ на берега

Ироническая угодливается Английской неуспѣшной водѣ Тудомъ.»

Ободренный живѣйшимъ участіемъ Монарха, воплѣтившаго его великія заслуги и справедливыя жалобы, Суворовъ въ избыткѣ признательности писалъ вторично Государю:

«Престите мнѣ всеялостивѣйше, что въ скорби сердца своего дерзнулъ я просить объ увольненіи меня отсюда въ благополосенное отечество мое. Я пріобыкъ переносить съ прерѣніемъ обиды, лично мнѣ наносимыя; но когда наглостію и дерзновенностію союзнаго, облагодѣтельствованнаго Кабинета, оскорблялась нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство Монарха моего и небѣдоноснаго, мнѣ звереннаго Его оружія, — тогда долгомъ поставлялъ я уклониться въ мирное жилище. Нынѣ же повсюду, гдѣ угодно будетъ Всевышнему преемъчъ мнѣ мое, посвящаю ее достославному служенію Вашему Императорскому Величеству. .. Ощущая всю цѣну величія Монаршихъ милостей, поведу я теперь храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая Ваша воля путь мнѣ указываетъ, и тамо, на новомъ полѣ срашенія, поражу врага или умру со славою за отечество и Государя!...»

Необходимое дополненіе этой подлинной и вѣрной картины характера Суворова, его правилъ, и его положенія между завистливыми и раздраженными современниками составляетъ письмо его къ эрцъ-герцогу Карлу, въ высшей степени оригинальное и любопытное. Оно вышло изъ гордаго и смѣлаго пера уже въ то время, когда обманъ сдѣлался явнымъ; когда, по тайнымъ предисказаніямъ изъ Вѣны, эрцъ-герцогъ совершенно уклонился съ своими силами изъ Швейцаріи, подѣ предлогомъ защиты послѣдственныхъ австрійскихъ владѣній, чтобы не поддѣвать помощи Суворову и всю тяжесть борьбы въ горахъ и сѣнкахъ взвалить на одни русскіе страды. Оно внушено благороднымъ негодованіемъ челоѣка прямодушнаго, чест-

наго и увѣреннаго въ своемъ достоинствѣ, и писано на французскомъ языкѣ:

«Завтра двинусь я на зимнія квартиры между Иллеромъ и Лехомъ!! Наслѣдственныя владѣнія должны быть защищаемы завоеваніями безкорыстными; для этого нужно привлечь любовь народовъ справедливою; а не покидать Нидерландовъ, не жертвовать двумя прекрасными арміями и Италією. Вамъ говоритъ это старшій солдатъ, который почти 60 лѣтъ несетъ уже лямку, который водилъ къ побѣдамъ войска Іосифа II и Франца II; который утверждалъ въ Галиціи владычество знаменитаго Дома Австрійскаго, который не любилъ болтовни Демосееновой, ни академиковъ, только путающихъ здравый смыслъ, ни Сената Аннибалова. Я не знаю зависти, демострацій, контрмаршей; вмѣсто этихъ ребячествъ — глазефиръ, быстрота, натискъ: вотъ мои руководители!

«Если потеряно драгоценное время для освобожденія Швейцаріи, то можно скоро это вознаградить. Готовьтесь Ваше Высочество со всѣми своими силами (за исключеніемъ развѣ въкоторыхъ отрядахъ) къ зимней кампаніи, краткой, но крѣпкой и упорной (*solide et perveuse*); тогда увѣдомьте меня о своемъ планѣ, чтобы согласовать его съ моимъ; лишь только откроется первый удобный путь, я готовъ буду со всею своею армією дѣйствовать заодно съ Вашимъ Королевскимъ Высочествомъ, какъ единая душа и единое тѣло.

«Въ Италіи оставилъ я непріятельскихъ силъ не свыше 20,000; остальные теперь просто мужики; но къ будущей веснѣ также превратятся въ солдатъ. Теперь же, пока, можно навѣрное разбить какого нибудь Шампіона или Бонапарте.

«Пусть обѣ арміи служатъ обомъ Императорамъ, коалиціи и цѣлой Европѣ, какъ доблестные герои! пусть готовятся къ будущей весенней кампаніи. Иначе — будетъ опять Кампозормію. Уже видите новый Римъ, слѣдующій по стопамъ дравяго: приобретая друзей, онъ вскорѣ удостоитъ и Германію титуломъ союзницы, также какъ Испанію, Голландію, и нѣсколько прежде Италію, съ тѣмъ чтобы въ свое время, при первомъ поводѣ, обратить ихъ въ подвластныхъ, а дѣйствующихъ государства — въ свои провинціи.

«Остаюсь на всю жизнь съ откровенностію, искренностію, преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ,

Вашего Королевскаго Высочества,

покорѣннѣйшій и послушнѣйшій слуга:

Князь Италійскій графъ Александръ Суворовъ-Ремникскій.»

Весь Суворовъ — тутъ! И его нельзя не полюбить душевно послѣ этихъ немногихъ отрывковъ его подлинной рѣчи, которою онъ такъ чисто и живописно высказываетъ себя. Обширная корреспонденція его до-сихъ-поръ не собрана и не издана, но, изъ того что уже напечатано, можно было бы привести сотни мѣстъ, столь же характеристическихъ и полезныхъ для его личной исторіи. Любопытнѣе всего то, что человекъ, котораго современные судьи единогласно прокричали «невѣждой», является нерѣдко въ письмахъ своихъ, не только благовоспитаннымъ и образованнымъ, но даже въ примѣчательной степени ученымъ, знающимъ навѣрное столько же, если не болѣе, сколько они могли знать въ наукахъ, къ которымъ относились ихъ притязанія.

Что касается собственно до туртукайской экспедиціи Суворова, которая подала поводъ къ этому разсужденію, и до другихъ дѣйствій Суворова въ 1773 году на берегахъ Дуная, то мы боимся встрѣтиться съ слишкомъ большимъ числомъ чисто-военныхъ подробностей, которыми обилуетъ интересный трудъ господина Саковича, если послѣдуемъ за его изложеніемъ. Въ историческомъ отношеніи, туртукайская диспозиція замѣчательна тѣмъ, что тактика Суворова совершенно сходна съ тою, которую теперь приписываютъ повсюду Наполеону Бонапарте. По этой же тактикѣ дѣйствовалъ онъ и въ Италіи, и русскія войска не имѣли нужды учиться ей передъ сраженіемъ: они уже были совершенно знакомы съ нею. Въ народномъ преданіи туртукайская экспедиція особенно знаменита страннѣмъ донесеніемъ Суворова главнокомандующему графу Румянцову:

«Слава Богу! слава вамъ!

Туртукай взятъ, и я — тамъ.»

Любители анекдотовъ и біографы Суворова не сомнѣваются нисколько въ подлинности этого стихотворнаго рапорта. Увѣряютъ, притомъ, будто Суворовъ былъ преданъ за это суду, но графъ Румянцевъ, замѣтивъ необыкновеннаго человѣка въ генералѣ, который такъ быстро овладѣваетъ непріятельскими позиціями и такъ коротко отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, рекомендовалъ его милосердію и вниманію Государыни. Господинъ подполковникъ Саковичъ имѣетъ основательныя причины считать всѣ эти данныя за подложныя. Генералъ-маіоръ Суворовъ состоялъ тогда подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Салтыкова и не могъ имѣть прямыхъ письменныхъ сношеній съ главнокомандующимъ. Подлинный рапортъ Суворова не былъ представленъ Румянцову: князь Салтыковъ донесъ ему отъ себя объ успѣхѣ экспедиціи. Слѣдовательно, Румянцевъ, не имѣвшій другихъ причинъ къ неудовольствію на Суворова, не могъ ни отдавать его подъ судъ ни ходатайствовать въ его пользу у Императрицы. Въ дѣлахъ походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго нѣтъ никакого слѣда о преданіи суду туртукайскаго побѣдителя. Знаменитое двустихіе — плодъ фантазіи анекдотщиковъ. Однако же оно не лишено нѣкотораго основанія. Подлинное донесеніе генералъ-маіора Суворова князю Салтыкову о туртукайскомъ дѣлѣ, найденное въ бумагахъ походной канцеляріи, сочинено и написано въ чистой прозѣ, но содержаніемъ и краткостью очень сходно съ двустихіемъ. Вотъ оно: «Ваше сіятельство, мы побѣдили! Слава Богу, слава вамъ!»

о. с.

VII.

С М Ъ С Ъ.

В О С П О М И Н А Н И Я

СТРАНСТВУЮЩАГО ВРАЧА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

По возвращеніи въ С.-Крусь мы были свидѣтелями сильнаго политическаго шума. Канарійское начальство получило официальное увѣдомленіе о совершенномъѣти королевы Изабеллы и губернаторъ объявилъ народу и войску о востшествіи на престолъ юной повелительницы. Поденіе регента Эспартеро довершало важность этого радостнаго событія.

Въ это время года въ европейскія городахъ была зима, т. е. отсутствіе солнца, холодъ и мракъ; почернѣлыя и сушія вѣтви деревъ покрыты инеемъ; на улицахъ тѣснились торжественныя толпы народа, дрожавшаго отъ мороза; кареты со скрипомъ катились по оледнѣлой мостовой; модныя красавицы скрывали подъ складками теплой одежды изящество фигуръ и прелесть гибкаго стана; однимъ словомъ, все носило отпечатокъ грусти и скуки; все гармонировало съ трупомъ природы, съ состояніемъ оцепѣвѣнія и безчувственности, которое такъ похоже на смерть! Въ С.-Крусь, напротивъ, солнце сіяло въ безоблачномъ небѣ, и отражалось въ лазурномъ спектеиномъ морѣ.

Тувальды, оригинально драпированные въ легкія тманы, медленно проламывались по улицамъ, побрякивая оушками на звонъ.

теръ ароматный дымъ сигаретки. Подъ этимъ благословеннымъ небомъ, всё жили и двигались свободно, не испытывая, не чувствуя ни хандры ни грусти, которыми мы обязаны жестокимъ зимамъ. Надъ разрушенными стѣнами нѣкоторыхъ садовъ внутри города, высокія алоэ сплетались остроконечными листьями съ золотыми плодами померанца, и изъ средины острыхъ листьевъ съ металлическимъ отблескомъ, возвышались смѣлые побѣги съ шаровидными плодами похожими на колокольчики китайскаго павильона.

Пріятное вліяніе теплаго климата, видъ народа, счастливаго даже въ бѣдности, обиліе тропическихъ растений, украшенныхъ цвѣтами и плодами, навели мою мысль на размышленія: я удивлялся тому, что политическія идеи могутъ находить отголосокъ въ странѣ, гдѣ образъ жизни развиваетъ лѣнь и чувственность. Мнѣ казалось, что обитатели привилегированныхъ странъ, гдѣ трудъ не изнурителенъ, человѣку суждено жить сердцемъ и чувствомъ, а не головою; а честолюбивыя побужденія свойственны только суровымъ странамъ, гдѣ трудъ есть страданіе. Къ несчастію дѣйствительность опровергала мои умозаключенія; народъ былъ весьма озабоченъ послѣдними политическими происшествіями.

Толковали только объ нихъ, во снѣ даже грезили о томъ, что дѣлалось въ заморской столицѣ; это было впрочемъ очень естественно; всякій хотѣлъ знать, — отмѣнить ли новое правительство постановленіе Эспартеро, клонившееся къ разоренію богатыхъ и бѣдныхъ владѣльцевъ на Канарскихъ островахъ.

Это обстоятельство объясняетъ тревожное состояніе народа въ настоящемъ положеніи дѣлъ, и радость его при извѣстіи объ удаленіи регента, котораго отъ души ненавидѣли и старшій и малшій въ Санта-Крусѣ.

Торговля Teneriffa, какъ и прочихъ Канарскихъ острововъ, далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Съ нѣкотораго времени мореплаватели обходятъ берега, нѣкогда охотно посѣщаемые, и снабжаются въ другихъ мѣстахъ тѣми же самыми продуктами, которыми изобилуетъ архипелагъ.

Крѣпкія вина покупаются не въ большомъ количествѣ; ртуть, добываемый посредствомъ сжиганія прекрасныхъ породъ

вѣхъ листьевъ и сода изъ припирскихъ травъ продаются за безцѣнокъ.

Большіе вулканическіе пласты почти совершенно покрыты желтою и бѣлою мохообразною настилкой, рѣзко отдѣляющей-ся отъ чернаго грунта скалы. Эти микроскопическіе наросты, выглядящіе голый камень, на которомъ рождаются, обратились въ рукахъ промышленниковъ въ драгоцѣнное красильное вещество. Въ двадцатыхъ годахъ, Англичане и Французы пріѣзжали въ Тенерифъ за этимъ каменояднымъ мохомъ и платили за него очень дорого; теперь же Англія получаетъ красильный лакмусъ, съ Ангольскаго берега, а во Франціи доказано, что всѣ альпійскія, пиренейскія и севернскія скалы источены этимъ продуктомъ органической природы.

Трудно опредѣлять съ которыхъ поръ стали употреблять въ краску эти тайнобразныя растенія. Вѣроятно ихъ красильныя свойства были извѣстны въ древности. Можетъ быть этимъ самымъ мохомъ окрашивали на Канарскихъ островахъ, во времена царя Юбы, гетульскія порфиры, которыя также высоко цѣнились Римлянами какъ и тирскія; самое названіе *Purpurariae*, данное небольшой группѣ острововъ произошло отъ имени этихъ растеній. Миѣніе это подтверждается тѣмъ, что красильныя раковины рѣже встрѣчаются здѣсь нежели въ странахъ, гдѣ Римляне пріобрѣтали любимыя яркія ткани; и слѣдовательно, очень вѣроятно, что на заводахъ острововъ *Purpurariae*, употребляли въ дѣло другое вещество чѣмъ въ Тирѣ и Сидонѣ.

Когда канарскіе владѣльцы убѣдились въ томъ, что красильный мохъ не приноситъ имъ никакихъ выгодъ, они попытались замѣнить его чужеземнымъ продуктомъ и именно — кошенилью.

Какъ бы ни была дѣятельна и настойчива человѣческая промышленность, она никогда не сравнится съ могуществомъ производительныхъ силъ природы. Не смотря на всѣ усилія сздать новый источникъ обогащенія, владѣльцы до-сихъ-поръ не получили еще переломныхъ результатовъ; доходы острова отъ кошенили до-сихъ-поръ весьма незначительны, тогда какъ микроскопическая растительность обильно покрываю-

нѣя скалы, безъ помощи человѣка, заключаетъ въ себѣ ка
изобиліи многоцѣнный продуктъ.

Бѣдность и нужда внушаютъ иногда канарскимъ жителямъ
далеко не человѣколюбивыя чувства, я часто слыхалъ отъ лю-
дей, здѣшнихъ знатныхъ старожилонъ, что они сожалѣли о
смутныхъ и кровавыхъ временахъ европейскихъ войнъ. Тогда
Канарскіе острова были чѣмъ-то въ родѣ вольныхъ портовъ,
куда приставали морскіе разбойники и корсары воюющихъ на-
цій; экипажи судовъ, составленные изъ людей безнравствен-
ныхъ, получали хорошую плату, сорили деньги щедрою рукой
во время пребыванія на островахъ и прекрасная страна была
ежедневно свидѣтельницею увеселеній, которыя можетъ изоб-
рѣсти только воображеніе паратовъ. Чтоже осталось одна-
кожь послѣ этихъ мимолетныхъ дней изобилія, о кото-
рыхъ такъ сожалѣютъ островитяне? — Ничего, кромѣ бѣд-
ности. Нѣкоторые алчные спекуляторы могли, конечно, прі-
обрѣсти большія суммы при такомъ удобномъ случаѣ, но об-
щее благосостояніе оттого не увеличилось; а высшій классъ на-
рода усвоилъ только самыя безнравственныя привычки; жен-
щины стали пренебрегать трудомъ и прибѣгать къ помощи
кокетства; онѣ безстыдно просятъ милостыню въ полномъ цѣлѣ-
тѣ силъ и красоты. Нищенство — язва и бичъ Канарскихъ
острововъ; можно сказать безъ преувеличенія, что двѣ трети
нароdonаселенія жвуютъ подавленіемъ.

Однажды вечеромъ, гуляя по верхнимъ улицамъ Санта-Кру-
са, я вышелъ изъ города и побрелъ по узкой тропинкѣ, изви-
вающейся вдоль Лагунской дороги. Солнце скрывалось за гори-
зонтомъ и обливало пурпуровымъ блескомъ большую канарскій
островъ, подобныйъ золотому кораблю на темносинемъ морѣ.
Въ воздухѣ было такъ тихо, что ни одна треска не возмуща-
лась; эвфорбія, листья которой, расположенные вѣтвобразно
вокругъ одного стебля, имѣютъ видъ большаго чашелиста; ка-
лтусы, вооруженныя иглами, остролиственныя дракены, все
было безмолвно и неподвижно. Даже померанцевая ягода, про-
буждающаяся съ шумомъ при малѣйшемъ движеніи вѣтра, мол-
ча сидѣла надъ жалкими камнями, послѣ разбрасыванія
между смѣль. Ни одна птичка не пѣла, ни одно насекомое не
кричало на травѣ, лишь нѣрѣдка одна слышалось трещаніе

прылавъ кузнечика или полетъ шелковой бабочки; потому что, не смотря на 20 градусовъ жару, въ это время была зима; насѣкомыи была еще рѣдки и хотя въ воздухѣ было тепло, но очень не многія осмѣливались вылетать изъ своихъ жилищъ ири послѣднемъ мерцавшемъ дни.

- Вдругъ, на поворотѣ тропинки, я услышалъ смѣшанные голоса десятка женщинъ, возвращавшихся въ городъ. Онѣ шли одна за другой. Нѣкоторыя изъ нихъ несли на головахъ корзины и кушныи, размахивая съ каждымъ шагомъ рукою, для сохраненія равновѣсія. Я восторжился, чтобы дать дорогу этому маленькому каравану и старался припомнить слова едва знакомаго мнѣ языка, желая отвѣчать какъ можно любезнѣе на дружескiй поклонъ, котораго ожидалъ отъ этихъ женщинъ. Каково же было мое разочарованiе когда, вмѣсто привѣтствiя, каждая изъ нихъ, проходя мимо меня, провѣнесла, свѣжнмъ, звучнымъ голосомъ, обыкновенную докучливую просьбу городеиикъ ивщихъ: «Un quartillo seňor!» Это унижательное ищелство внушило мнѣ такое отвращенiе, что я отвернулся не удостоивъ даже взглядомъ безстыдныхъ попрошайекъ, но послѣдняя изъ нихъ стала просить меня съ такою настойчивостью, что я невольно поднялъ глаза и былъ удивленъ стройностью ея стана и красотой лица. Это была высокая, граціозная дѣвушка съ легкимъ бронзовымъ оттѣнкомъ въ лицѣ и черными блестящими глазами. На плечахъ просто и благородно была накинута мяткалевая мантилья неукоривленной бѣлизны. Высокій лобъ доказывалъ присутствiе ума, а слегка сгорбленный носъ и тонкiя губы обнаруживали рѣшительность характера.

Вмѣсто того, чтобы слѣдовать за своими подругами, послѣ обращенiя ко мнѣ за милостыней, она остановилась и осматривала меня почти съ насмѣшливымъ выраженiемъ; озадаченный этой дерзостью, я сказалъ довольно колко:

— Развѣ ты Цыганка, что не стыдишься просить подавнiя у всякаго прохожаго?

— Я не Цыганка, отвѣчала она, а просила у васъ карталью не имѣя въ немъ ни малѣйшей нужды; положивъ нѣсколько монетъ въ руку молодой дѣвушки, которая охотно приняла ихъ, я поспѣшно возвратилась въ С.-Крусъ.

Канарскiе острова были извѣстны древнимъ, какъ мы ска-

зали о томъ; открытіе ихъ приписывали королю Юбѣ. Когда онъ въ первый разъ высадился на берега Архипелага, онъ нашелъ его необитаемымъ; кое-гдѣ только слѣды памятниковъ, мѣстами остатки развалинъ, доказывали, что нѣкогда здѣсь жили люди. Онъ назвалъ эту группу острововъ *счастливыми островами* и каждому изъ нихъ далъ особое наименованіе, сообразное съ физическими особенностями или обстоятельствами, предшествовавшими ихъ открытію. Самый большой островъ получилъ названіе *Канарія*, происходящее отъ слова *самъ, собачій*, на томъ основаніи, что собачья порода, за отсутствіемъ людей чрезвычайно тамъ расплодилось. Эти обитатели острова отличались высокимъ ростомъ, тонкимъ складомъ, заостренною мордою, краснобурою шерстью, сверкающими глазами и превосходили всѣхъ прочихъ животныхъ силою и понятливостью. Нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы схватить двухъ изъ нихъ, которыя и были отвезены въ Римъ, подобно тому какъ полководцы Римской республики, въ доказательство побѣдъ, одержанныхъ ими въ дальнихъ краяхъ, привозили въ столицу плѣнныхъ рабовъ. Новѣйшіе мореплаватели вновь отыскали эти острова, существованіе которыхъ открывали ученые среднихъ вѣковъ, въ 1334 году. Открытіе это сдѣлано однимъ французскимъ кораблемъ, разбитымъ бурей близъ береговъ; искатели приключеній, выброшенные на одинъ изъ острововъ, нашли возможность возвратиться въ Европу и дали объ нихъ первое достовѣрное извѣстіе. Но острова эти, бывшіе необитаемыми въ то время когда ихъ посетилъ король Юба, оказались населенными при появленіи новѣйшихъ мореплавателей. Невозможно опредѣлить съ точностью эпоху эмиграціи, которая дала начало этому народонаселенію и отъ какаго племени оно происходило.

Древніе антропологи, занимаясь распредѣленіемъ человѣческихъ породъ по категоріямъ, принимали въ основаніе только ихъ физическія особенности, часто весьма неопредѣлительныя, и потому не рѣдко впадали въ грубыя ошибки. Новѣйшая же наука, болѣе проникательная, изучая нѣкоторыя слова, бывшія въ употребленіи у коренныхъ жителей К. острововъ, доказала, что она принадлежатъ языку берберскому, и теперь не пол-

вержеше сомнѣнію, что Гуанчи происходятъ отъ племенъ, которые населяютъ сѣверный Атласъ.

Гуанчи мужественно сопротивлялись Испанцамъ, и хотя остались побѣжденными въ неравной борьбѣ съ воинственными Европейцами, но выказали столько душевной энергіи, что были настоящіе герои этой войны. Испанское оружіе уничтожило храброе племя; отъ него остались только муміи, обернутыя въ козью кожи и благочестиво сохраняемыя въ неприступныхъ пещерахъ. Весьма немногіе изъ Гуанчей избавившись отъ убійства, постигшаго цѣлый народъ, скоро слились съ испанскимъ населеніемъ, и потому было бы бесполезно отыскивать какія измѣненія произошли отъ этого смѣшенія въ наружности побѣдителей. Я видѣлъ въ Оротавѣ семейства, которые увѣрили, что предки ихъ были Гуанчи; ихъ доказательства довольно вѣроятны, но по наружному виду, они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ канарскихъ обитателей. Такимъ образомъ, это умное, храброе и сильное племя подверглось одинаковой участи съ слабымъ и жалкимъ населеніемъ острова Кубы: и тѣ и другіе погибли отъ оружія испанскихъ завоевателей.

Подобно всѣмъ народамъ, павшимъ при защитѣ своей независимости, Гуанчи оставили по себѣ прекрасное воспоминаніе на Канарскихъ островахъ, въ особенности между народомъ, который во всѣхъ странахъ, инстинктивно расположенъ удивляться всякому геройскому сопротивленію. Вслѣдствіе этого, на Тенерифѣ происхождение отъ Гуанчей считается за большую честь.

Въ одну изъ прогулокъ по острову, я остановился однажды передъ большимъ пластомъ базальта, возвышавшагося надъ равниною какъ цвѣтоская стѣна. Масса этого камня, отъ дѣйствія подземной теплоты истрескалась правильными фигурами и образовала такое множество щелей, что мрачная и обнаженная скала напоминала, громадностью разнѣровъ и странностью формъ, гигантскія произведенія Титановъ.

Перико, одинъ изъ нашихъ проводниковъ, красивый малый съ хватками гидальго, замѣтивъ, что я съ большимъ вниманіемъ рассматривалъ этотъ монументальный камень, подошелъ и вскричалъ съ энтузіазмомъ, не ожидая распросовъ: «споръ,

это остатокъ плетены, воздвигнутой Гуанчами. Потомъ, ударя себя въ грудь, онъ прибавилъ удаляясь: «я одинъ изъ потомковъ Гуанчей!»

Случается иногда, что острие плуга отрываетъ въ землѣ колоссальный остовъ какого-нибудь неизвестнаго животного, напримеръ морской коровы или кашалота, и пассажиры тотчасъ принимаютъ его за скелетъ одного изъ Гуанчей. Еще болѣе замѣчательно то, что во многихъ народныхъ пѣсняхъ воспѣвается ихъ баснословная храбрость, такъ что, по истеченіи 300 лѣтъ, они остались въ памяти народной героини Энеиды, которая должна бы была рассказывать потомкамъ только о ихъ пораженіи.

Однажды, о удивленіе! — я встрѣтился лицомъ къ лицу съ однимъ изъ школьныхъ товарищей, съ которымъ вмѣстѣ учился медицинѣ и въ одно время вышелъ изъ университета.

— Ты здѣсь, любезный П... воскликнулъ я.

— И очень радъ, что здѣсь, потому что тебя вижу, отглагольнулъ мнѣ товарищъ, протягивая руку.

— Чтожъ, развѣ ты прежде былъ не совсѣмъ доволенъ этимъ краемъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Хорошъ край, особенно для медика! Вообрази, другъ мой, что въ Испаніи мнѣ сказали: ступайте на Канарскіе острова, тамъ всего одинъ только докторъ и вы навѣрно найдете состояніе.

— Чтожъ, совѣтъ кажется былъ дѣльный.

— Удивительно дѣльный! Да на весь этотъ архипелагъ довольно одной четверти доктора! При средней годичной температурѣ въ 20 градусовъ тепла, при чистомъ воздухѣ и прекрасной почвѣ, съ здоровою водою, какъ могутъ обогатиться здѣсь два доктора, какъ могутъ они добывать себѣ пропитаніе? По-крайней-мѣрѣ еслибъ я здѣсь былъ единственный медикъ, можно бы было еще изъ года въ годъ получить хоть нѣсколько тысячъ франковъ, увѣривъ какихъ-нибудь старыхъ бабъ въ необходимости полочиться; но мой старый товарищъ схоронить самый tenerifскій пикъ, это вѣрно...

Гнѣвъ моего друга разсмѣшилъ меня; но такъ какъ въ его жалобахъ была серьезная сторона, то я продолжалъ этотъ странный разговоръ.

— Ты же во всемъ признаешься, продолжалъ я; есть же тутъ у насъ кое-какія мѣстные лихорадки, воспалительныя болѣзни, сыпи...

— Еслибъ эти болѣзни явились сюда, я и не думалъ бы рожать, отвѣчалъ онъ съ комическою грустью; но у насъ нѣтъ никакихъ мѣстныхъ болѣзней, а отъ постоянной ровной температуры нѣтъ почти воспаленій... Чтоже касается до дѣтскихъ болѣзней, то — обернись и посмотри на этихъ дѣтей, валяющихся на пескѣ, старшему изъ нихъ не болѣе осьми мѣсяцевъ! въ этомъ возрастѣ, въ это время года, въ Европѣ ихъ корчили бы въ пеленкахъ судороги, или по-крайней-мѣрѣ она бы страшно кашляла... Признаюсь тебѣ съ истиннымъ прискорбіемъ, здѣсь рожатся много дѣтей... но, вообрази, двое изъ 20 не умираютъ со дня рожденія до прорѣзыванія зубовъ...

— Скажи, однакожъ, отчего при такихъ благопріятныхъ условіяхъ для направленія здоровья, такъ мало людей съ разстроенными нервами пріѣзжаютъ сюда искать выздоровленія?

— Оттого что не знаютъ благодатныхъ свойствъ здѣшняго климата. Нежалуйста, по возвращенія въ Европу, расскажи о немъ по больше чудесъ знатымъ людямъ... Обрати ихъ вниманіе особенно на то, что здѣсь долго не умираютъ... Если же они, умрутъ то мы набальзамуемъ ихъ съ какими-нибудь искусствомъ, что они сами не повѣрятъ своей смерти... потому-что мы отъяскали секретъ Гуанчей.

— Развѣ Гуанчи знали секретъ?

— Настоящій секретъ; самый простой, натуральныи способъ, который пристыдитъ вашихъ химиковъ. Я подозреваю, что онъ изобрѣтенъ какимъ-нибудь превансальскимъ поварникомъ, выброшеннымъ послѣ кораблекрушенія на здѣшніе берега. Когда одинъ изъ гуанчскихъ предводителей умиралъ, они раскрывали ему животъ, набивали его тмьяномъ (*Chenopodium umbrosoides*), потомъ, наливали на вертѣль и поддерживали надъ раскаленными углями до-тѣхъ-поръ пока онъ не иссушился совершенно; тогда его покрывали козьею шкурой, и поживляли въ сухой гротъ. Я видѣлъ до сорока мумій важныхъ особъ, выстроенныхъ въ рядъ въ одной подземной залѣ; президентъ держалъ въ рукѣ что-то въ родѣ жезла.

Было уже поздно и я раскланялся съ докторомъ П..., прося у него порученій во всѣ четыре части сѣбѣ, такъ какъ на Канарскихъ островахъ намъ, медикамъ, нечего было дѣлать.

— Я бы попросилъ тебя прислать манильскихъ сигаръ, если бы контрабанда не доставляла ихъ сюда въ изобиліи. Могу дать одно только порученіе — если встрѣтишь холеру въ Индіи, злокачественныя лихорадки на Явѣ, то пришли ихъ сюда, если Китайцы не подарятъ чего-нибудь лучше...

— Мы обнялись и расстались, я сѣлъ въ лодку, которая унесла меня далеко отъ страны, гдѣ климатъ чрезвычайно пріятенъ и полезенъ для здоровья, почва плодородна, а нищета чрезвычайна... даже во врачующемъ классѣ!

Дѣлать нечего, надо ѣхать далѣе!

Нѣсколько словъ о музыкальности.

Какъ много существуетъ на свѣтѣ такихъ общихъ мѣстъ и выраженій, которые, отъ частаго употребленія, сдѣлались приторно, глупыми и досадными, каковы напр. жады на погоду, на колотье въ боку и головную боль и проч. и проч. Непослѣдную роль въ ряду этихъ общихъ мѣстъ играетъ, конечно, и выписанное въ началѣ статьи заглавіе. Сколько на разные лады и мотивы разлилось по бѣлому свѣту толковъ болѣе или менѣе разнообразныхъ, болѣе и менѣе объясняющихъ дѣло и все о той же истинѣ — музыкальности Петербурга, истинѣ, требующей впрочемъ нѣкотораго оправданія и кое-какихъ доказательствъ. Всѣ окончательно согласились въ томъ, что Петербургъ музыкаленъ не по частямъ, не въ представительствѣ одного какого-либо сословія и именно того, который слушаетъ оперу, а въ цѣломъ своемъ составѣ, въ мельчайшихъ частяхъ и подраздѣленіяхъ. За доказательствами ходить недалеко.

Сколько десятковъ шарманокъ шатается по городу на услужденіе музыкальнаго настроенія извѣстнаго класса любителей? Сколько странствующихъ, по дворамъ, музыкантовъ и сколько оркестровъ на городскихъ и загородныхъ лѣтнихъ гуляньяхъ? А блистательный, единственный въ мірѣ успѣхъ на здѣшней сценѣ итальянской оперы!.. Не разительное ли это доказатель-

ство того, что музыкальность или, лучше, страсть послушать музыки и насладиться ею до-сыта и даже, пожалуй, эстетически составляет исключительную принадлежность столицы, сравнительно съ остальными городами имперіи. Это ея живой интересъ, самое пылкое вождѣніе.

Сядьте, напримѣръ весною, къ окну вашей квартиры (конечно если у васъ есть достаточно времени и окошко это выходитъ на мало-мальски чистый и нетѣсный дворъ большаго дома) и наблюдайте,—наблюдайте до-тѣхъ-поръ, пока хватить у васъ на это терпѣнья и силъ. Боже мой, сколько перебивать въ теченіи дня на вашемъ дворѣ различнаго родамузыки!...

Вотъ съ громомъ и свистомъ заиграла шарманка, сначала гдѣ-то вдали, потомъ ближе и ближе и наконецъ передъ вашими глазами — уже на дворѣ. Впередъ плетется подъ тяжестью огромной шарманки небритый и оборванный человѣкъ, въ сопровожденіи также небритаго и оборваннаго старика, несущаго сложенный ширмы и красненькій ящикъ. Начинается представленіе съ того, какъ Петрушка ѣздитъ на лошади и лечитъ своего пациента палкой и за такую услужливость похищается и жалобно пищитъ въ рукахъ какаго-то фрака съ огромными рогами на головѣ. Эта первая шарманка (въ итальянско-русскомъ вкусѣ) для стекающей публики занимательнѣе всѣхъ остальныхъ, даже можетъ-быть, и той, съ которою ходятъ два мальчика въ коротенькихъ пальто. Оба они несутъ какія-то палки, связанные длинной веревкой, а подъ мышками красную или зеленую связку.

Эта послѣдняя шарманка не много поиграетъ и смотрите!.. Мальчики скинули съ себя пальто и очутились въ блѣднорозовомъ и грязномъ трико, вѣроятно, съ цѣлю приблизиться къ природному цвѣту тѣла. Одинъ разостлалъ на землѣ коврикъ и со всего разбѣга дѣлаетъ различные *salta mortale*. Двое мужиковъ раздвинули палки, натянули канатъ и другой мальчикъ пошелъ по немъ, конечно не много фальшиво, не много съ перекачиваніями, но все таки посреди густой толпы зрителей, состоящихъ изъ дворянъ, кучеровъ, лакеевъ, нѣсколькихъ мужиковъ, зашедшихъ съ улицы и двухъ-трехъ имсарей, удостоившихъ своимъ ученымъ вниманіемъ это дешовое представленіе. Изъ трехъ оконъ полетѣло что-то бѣленькое и упавши

на мостовую даю звать своихъ стрывистыхъ звѣнцыхъ о въ вернутыхъ въ нихъ мѣдныхъ пятакахъ и десятикопѣечникъ; мальчишка помоложе пошелъ съ жестянымъ блюдечкомъ, ближайшіе зрители ретируются, одинъ только дворникъ остава на прежнемъ мѣстѣ, важно подбоченясь, засунувъ обѣ руки за поясъ рубашки. Но мальчикъ прошелъ мимо и повелъ блюдечкомъ надъ своею головою, приглашая верхнихъ зрителей къ добродетному поощренію. Еще двѣ-три бумажки съ мѣдными деньгами — и дворъ опустѣлъ, но ненадолго.

Заслышалась еще шарманка, но уже въ нѣмецкомъ вкусѣ явился тщательно выбритый и прилично одѣтый старикъ, съ полисономъ, который поставилъ шарманку на раскрытыя косяки, вытащилъ изъ кармана какую-то бумагу и положилъ на крышку своего инструмента. Шарманка заиграла, и артистъ, высморкавшись, запѣлъ родную свою вѣсню, отчетливо, аккуратно, по надобности, перевертывая листочки крошечной тетрадки. Долго бы онъ еще услаждалъ себя (его почти никто не слушаетъ) любимыми мотивами, если бы не былъ прерванъ негармонизирующимъ пѣніемъ соперниковъ — двухъ оборванныхъ старухъ или ребятшекъ. Артистъ, камется, крѣпко осерчалъ: быстро свернулъ партитуру, еще быстро спряталъ ее за пазуху и какимъ-то неровнымъ, прерывистымъ шагомъ удалился со сцены, оставивъ ее новымъ дѣтелямъ. Эти, безъ церемоній, подобрали всѣ выброшенные деньги, изъ которыхъ, можетъ быть, половина по всѣмъ правамъ брошена была музыкѣ.

Является шарманка въ парижскомъ вкусѣ, хотя двѣ зеленныя жевщины, сопровождающія ее и одѣты Тирольками. Они поютъ подъ звуки довольно-сноснаго инструмента, ломаннымъ языкомъ, русскую пѣсню, какую-нибудь: я цыганъ молодецъ, ванька-танька и проч.; шарманщикъ поддѣваетъ въ рѣзкимъ теноромъ, и то только въ патетическихъ мѣстахъ пѣсан или, лучше, гдѣ ему самому заблагоразсудится. Пѣсан сѣвнилась полькой или вальсомъ, зеленыя пѣвицы замолчали; только одна мѣрно ударяетъ металлической палочкой въ тарковей же треугольникъ. За полькой и вальсомъ русская пѣсан, а за ней опять летятъ мѣдные гроши.... Тирольки уходятъ плавнымъ шагомъ; за ними плетется, переваливаясь съ боку

на бокъ, шарманщикъ. И во время ушла она, потому-что на селѣномъ дворѣ слышались звуки многочисленнаго оркестра.

Не пройдетъ пяти-шести минутъ, какъ вдругъ раздастся въ ушѣ ужасный громъ десяти, двѣнадцати инструментовъ, между которыми есть пять-шесть скрипокъ, два-три кларнета, флейта, мѣдные трубы и вѣчный спутникъ всякаго оркестра — солидный котрабасъ, помѣщающійся всегда нѣсколько поодаль. Во всѣхъ окнахъ высунулись слушатели, и начинаются разн-го странныя отношенія между ними и музыкантами, рожь какого-то завгриванья или лучше поддразниванья: странствующій оркестръ сыгралъ уже польку, вальсъ — и хоть бы одна бумажка вылетѣла имъ на *спасибо*. Играется кадрилъ и одна третья фигура изъ трехъ оконъ полетѣла награда и послышалось кое-гдѣ въ квартирахъ шарканье ногами. Кадрилъ кончилась; музыканты перегламулись; скрипачъ, поднимавшій дельги показавъ ладонь, флейтистъ посмотрѣлъ на окна и увидѣвъ въ одномъ руку, державшую бумажку, а въ другомъ одобрительное киванье женской головы, — заигралъ вѣнскую-таньку; его подхватили и всѣ остальные; опять полетѣла бумажка и довольный оркестръ заигралъ-было любимую польку, но крайній скрипачъ показавъ имъ только-что выброшенный двугривенный..... Флейта замолкла, двѣ скрипки также, котрабасъ всарабался на плеча, скрипки приоткрылись, вѣсь мышки и вѣсь оркестръ, въ-разсыпную, пошелся со двора на улицу.

Всюръ, одна за другою заиграли двѣ шарманки; одна безъ пѣсенъ и маленькая, другая тоже маленькая, но съ пѣснями или вѣрнѣе съ легонькимъ пращивомъ. Эта послѣдняя рѣзко отдѣлялась отъ предъидущихъ тѣмъ, что владѣтель ея открылъ крышку и его обступила толпа ребятишекъ, смотрѣть такъ-называемое *поребеніе Наполеона*. Представлена зеркальная комната, и посрединѣ ея стоитъ ящикъ, изъ котораго время отъ времени выглядываетъ чья-то голова, лишь только приподнимается крышка. Вокругъ гроба стоятъ нѣсколько фигуръ; одна изъ нихъ вертится то въ право, то въ лѣво, другая подноситъ къ глазамъ, императорѣнно, каждую руку; третья раздвѣляетъ ротъ, поднимаетъ и опускаетъ голову, сидитъ на стулѣ;

и наконецъ четвертая съ страшно бѣгающими глазами, снимаетъ и надѣваетъ шляпу. За дѣтскою шарманною явилась большая, но безъ пѣсенъ и представленій, но за то со свистомъ, имѣющимъ сильную претензію на подражаніе соловью. Свистъ этотъ производитъ шарманщикъ дудочкой особаго устройства, приготовленной изъ пырея, которую онъ держитъ въ зубахъ и потомъ секретно прячетъ отъ зрителя за щекон, въ такомъ случаѣ значительно отдувающейся.

Вслѣдъ за соловьемъ раздаются на дворѣ тихіе и скромныя звуки гитары. Посмотрите внизъ: тамъ въ артистической позѣ, съ выдвинутой впередъ правой ногою и небрежно держа гитару стоитъ человекъ въ пальто, на распахку. Длинные, какъ смоль, волоса, такіе же бакенбарды и усы отъвѣняютъ смуглое, открытое лицо, дышащее отвагою и самопадѣянностію: судя по Калабріецъ въ лицѣ мирнаго пѣвца усладителя. Итальянецъ успѣлъ Segreto изъ *Ворджисъ*, со всѣми приемами опытнаго пѣвца выполняя бравурныя ноты. Финалъ вышелъ впрочемъ нѣсколько фальшивѣе и быстро смѣненъ серенадою изъ *Дон-Жуана*. Голова пѣвца завигалась, затряслась, борода его то поднимется далеко вверхъ, выше линіи лба, то едва не ложится на правое и лѣвое плечо восторженнаго Итальянца. Хотя голосъ его и звенитъ фальцетомъ, но въ воображеніи многаго слушателя нарисовалась, можетъ-быть, картина многолюдной залы какаго-нибудь европейскаго театра; первый теноръ покрытъ громомъ рукоплесканій и едва не засыпавъ вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ, дамскими платками и перчатками. Эта великолѣпная картина быстро смѣнилась новою, менѣе утѣшительною и богатою: явилась въ разъигравшемся воображеніи грязная таверна бѣднаго городка; кругомъ стоятъ столы и пивныя бочки; багровыя лица окружили не менѣе багроваго пѣвца, поющаго какую-то чудную но нестройную арію. Слушатели плачутъ; онъ кончаетъ финалъ и, хвативъ залпомъ одну за другою три, поднесенныя ему почтателями, кружки, шатнулся къ пивной бочкѣ. Пока вы мечтаете такимъ образомъ, Итальянецъ уже успѣлъ пропѣть двѣ аріи и картинно спустилъ внизъ голову. Окружавшіе его мальчишки закрыли разинутые рты; изъ оконъ полетѣло пять, шесть бумажекъ, одна изъ нихъ развернулась и между каминами блес-

нула серебряная монета. Мальчишки бросились полбирать и, толкая другъ друга, поднесли деньги пѣвцу, который положилъ ихъ небрежно въ карманъ и отправился вонъ, со двора.

На сценѣ не замедлила явиться толпа пріѣзжихъ мальчиковъ, въ сѣреныхъ пальто, со скрипками и флейтами и начала вальсовый вальсикъ. Размечтавшійся слушатель представилъ себѣ, какъ эти же самые малютки, которые въ школѣ отдають заработанныя такимъ-образомъ деньги своему серьезному учителю, съ сигарой и буттербродами, вкушающему утренній кофе. И благотворительный мечтатель завернулъ въ бумажку гривенникъ и бросилъ на дворъ.

— Маленькій лошадка, сколько тебѣ лѣтъ? говорить уже новый артистъ, когда проиграла шарманка вступительную увертюру — какой-то вальсъ или мазурку.

И вы дѣйствительно видите на дворѣ маленькую лошадку; на лбу у ней торчитъ что-то длинное, не то кисть, не то букетъ; спина покрыта лоскуткомъ краснаго сукна, завязаннымъ подъ брюхомъ; грива переплетена въ маленькія косички, связанные красными и синими лентами. Лошадка эта выдвигаетъ впередъ ногу и три раза ударяетъ копытомъ въ землю.

— Тры?.. тры?.. спрашиваетъ хозяинъ.

Лошадка три раза киваетъ головой. Обступившіе зрители переглянулись между собою и улыбнулись, даже флегматическій дворникъ перевалился съ ноги на ногу и почесалъ затылокъ.

— Такъ! маленькій лошадка; умній лошадка... Ну скажи день, скажи! ну!.. Овторникъ?..

Лошадка опустила-было голову, но артистъ дернулъ за поводья и животное отрицательно качнуло головой.

— Середа? допытывается онъ: нѣтъ, не середа!.. Ну чтожь? Четвергъ, пятницу?

Лошадка отрицаетъ.

— Зуббода? съ какимъ-то свистомъ и сильнымъ удареніемъ на это слово спросилъ артистъ. Лошадка опустила голову и готова была, какъ кажется, подтвердить.

— Какъ, зуббода? *ткнуло* спрашиваетъ хозяинъ.

У зрителей что слышется и ушки наклаушѣ.

— Воскресенье! громко воскликнул вопрошавшій и лошада три или четыре раза утвердительно качнула головой.

— Ну, такъ, умненькій маленькій лошада, умнѣй ты лошада. А свижи... ти... кто плянца здѣсь... кто больше вода вышлѣ?... Ну, гѣ гѣ, ну!...

Лошадка пошла кругомъ телны, быстро отшатнувшись назадъ; одиень тиковый халатъ, стоявшій впереди, даже спрячався за толпу и только один мальчишка остался на первомъ планѣ. Лошадка остановилась.

— Это? тико спросилъ хозяинъ.

Она проходитъ мимо и, остановившись снова, начала кланяться мальчишкѣ. Зрители тихо засмѣялись; во всѣхъ глазахъ засіяли также веселыя улыбки.

— Ну, глупій маленькій лошада... ну, гѣ гѣ!.. продолжалъ нѣмецъ, и ученица его опять вошла впередъ и какъ-разъ остановилась противъ мастераго въ синей сибиркѣ, котораго изъ крайней досадѣ товарища, ушедшаго за толпу, остался впереди и, покачиваясь всѣмъ туловищемъ впередъ, что называется *удилъ рыбу*. Лошадка начала ему кланяться, при громкомъ всеобщемъ смѣхѣ ближайшихъ зрителей; изъ многихъ овецъ раздавался дѣтскій смѣхъ, нѣсколько похожій на раскаты грома, прерываемый какими то особымъ звукомъ въ родѣ то... аи отъ, гѣ, го, го, го...

Артистъ, довольный собою, поглядывалъ лошаду и, собравъ порядочный кушъ, повелъ ее со двора въ сопровожденіи всѣхъ удивленныхъ мальчишекъ и взрослыхъ зрителей. Одинъ изъ послѣднихъ замѣтилъ даже кое-что и о представленіи.

— Ишь, провалъ бы те вздѣлъ, какую знатную штуку наделалъ.

— Нѣмецъ!... рѣшилъ шедшій съ нимъ рядомъ, какъ-то особенно понизивъ голосъ и съ нѣкоторымъ видомъ опытности.

— Разумѣется. Нашинской не возьмется за эту науку; по нашему медвѣдя на заднія лапы поставить; а то вишь еще обезьянъ, да собакъ учать плясать.

Лишь только проговорилъ онъ эти слова, какъ и дѣйствительно вышла изъ подъ воротъ новая шарманка, на крышкѣ которой сидѣла обезьяна въ треугольной шляпѣ, розовой курточкѣ и зеленыхъ панталонахъ. Шарманчикъ поставилъ до-

вольно высокой складной стуль и посадил обезьяну. Сыгравъ подьку и «вспомни любезная», онъ собралъ выброшенные деньги, обратился къ мартышкаѣ и поставилъ ее на заднія лапы. Животное страшно трясется а все-таки обязано взять поданную хозяйномъ сначала маленькую скрипку, потомъ два стаканчика, мѣдныя тарелки, дудочку, наконецъ двѣ палочки. Обезьяна поблизилась смычкомъ на скрипкѣ, постучала стаканчиками, тарелками и наконецъ бросила, вмѣсто одной, обѣ палки. Одна изъ нихъ была поймана, за то другая упала на землю; животное страшно качалось всѣмъ туловищемъ; хозяинъ далъ ей щелчка и посадивъ къ себѣ на плечи, пошелъ со двора.

Въ это время изъ-подъ воротъ явился новый шарманщикъ, вода подъ руку слѣпотаго старика въ бскепѣ. Старикъ несетъ подъ мышкой кларнетъ, который в началѣ вторитъ русской пѣснѣ съ какими-то жалобными и прерывающимися взвизгиваніями. Дворовыя собаки громко завили, и дворникъ, желавшій насладиться родными напѣвами пѣсни: «вспомни моя любезная», отгонялъ собакъ. Наконецъ побѣжалъ на улицу, и только одна, его любимица — *шарикъ*, забилась подъ калку и взрѣдка ворчала. Но лишь только патронъ ея, сложивъ на груди руки, началъ слушать «лучинушку» и покачивать головою, собака не вытерпѣла: выскочила изъ засады и поднявъ голову и вытатуивъ шею, завывла еще громче и жалобнѣе прежняго..

Вслѣдъ за этою парюю музыкантовъ, явилась новая: пальто съ шарманкой въ бурнусѣ и соломенной шляпкѣ съ розанамъ и астрами. Вуаль закрываетъ половину лица женщины; остальная половина, т.-е. ротъ и кончикъ носа открыты и успѣли уже возбудить любопытство въ завитомъ подмастерьѣ, съ коленкоровымъ узелкомъ подъ мышкою. Слушатель не обращаетъ вниманія на французскіе романы, и только разсматриваетъ лицо пѣвицы, особенно верхнюю половину. Долго бы, можетъ быть, онъ смотрѣлъ на нее и не удовлетворилъ бы своему любопытству: — пальто очень хорошо рассчитало на эффектъ притаканности и потому купило дочкѣ очень плотную и густую вуаль, и притомъ зеленого цвѣта. Но сильное движеніе лица отъ продолжительнаго и залушевнаго пѣнія; а можетъ-быть, итеръ, вѣчаянно ворвавшійся съ улицы; — поддели коротенькую вуаль и обнажила лицо пѣвицы, которая

быстро поправила неосторожную и неумѣстную шутку обстоятельствомъ. Но завитой фронтъ уже повернулся на одной ножкѣ, прищелкнувъ языкомъ и, картинно перегибаясь, пошелъ подъ ворота.

— Эхъ, матушка!.. говорилъ онъ себѣ подъ носъ: да кака же ты.... рожа!...

И запѣлъ себѣ подъ носъ знакомую пѣсню: а ль пойду пойду косить, во зеленый лугъ.

Расчитанный шарманщикомъ эффектъ не удался; изъ оконъ выброшено только двѣ бумажки, да еще какой-то жилецъ плюнулъ и по неосторожности, прямо въ кадку съ дождевой водой.

Пока на дворѣ пѣла компанія Чухонцевъ, явилась шарманка съ собаками, которыхъ привела на веревочкѣ какая-то женщина. Собаки эти одѣты были въ разноцвѣтныя тряпки, между которыми съ трудомъ можно различить фракъ и сюртукъ и два женскихъ платья; собачки стали въ позицію и съ отрывистыми взвизгиваніями пляшутъ подъ звуки шарманки польку, вальсъ, ежеминутно толкая другъ друга. Дворовыя собаки уже здѣсь не были, но съ лаемъ бросались на танцующихъ, какъ бы завидуя странному искусству своихъ ученыхъ собратьевъ.

Но вотъ вѣхала на дворъ тощая кляча, влекущая на телегѣ какую-то громаду, покрытую зеленымъ сукномъ и привязанную къ экипажу толстыми ремнями. Громада эта качается изъ стороны въ сторону и какъ-будто готова свалиться; но дѣло кончается благополучнымъ исходомъ. Толстая баба (и непременно баба) остановила лошадь, схватила правою рукою за что-то, на боку зеленой громады, завертѣла и раздались звуки, но только, какъ хотите, не шарманки. Что-то ужасающее, что-то дико-негармоническое, что вотъ такъ и щелкаетъ и свиститъ въ вашемъ ухѣ. Посмотрите на окна: вѣдь только закоренѣлые любители всякой музыки, не претекдущіе, умѣренные, въ числѣ двухъ, трехъ-головъ слушаютъ, даже дворникъ продолжаетъ мести и хоть бы косымъ взглядомъ удостоилъ шарманку....

Еще нѣсколько сносите этого инструмента другая шарманка, похожая нѣсколько на стеклянный посудный шкафъ, только

съ тѣмъ различіемъ, что въ ней вмѣсто полочекъ для чашекъ и сливочника, видна высокая доска съ краснымъ сукномъ и какимъ-то арабескомъ. Принесла его загорѣлая дѣва, и также вертитъ на боку рукояткой; но звуки этого инструмента уже чрезвычайно тихи, хотя и не мелодическіе, похожіе не то на арфу, не то на балалайку, которую дѣлаетъ себѣ мастеровой мальчикъ изъ проволоки старыхъ подтяжекъ.

Пока эта дѣва играла, на дворѣ появился уже хиленькій, оборванный старичекъ со скрипкой, и дѣйствуетъ не столько смычкомъ, сколько руками, постоянно отнимающими несчастный инструментъ отъ небритаго подбородка. Старичекъ страшно кривляется и подплясываетъ; то присядетъ онъ къ землѣ и снова подскочитъ, то затанетъ и не кончитъ какую-то (впрочемъ веселую) пѣсню, то дико взвизгнетъ и засеменитъ ногами, одѣтыми въ узенькіе панталоны. Звякнула одна только бумажка, старичекъ сгорбился, въ прискокку подбѣжалъ къ ней и поднялъ. Долго бы еще раздавались отрывистые звуки инструмента и продолжались судорожныя приплясыванья, еслибъ не пошелъ дождь и старичекъ не скрылся бы отъ него подъ воротами. Здѣсь что-то долго толковали съ нимъ деньщикъ и дворникъ, а какой-то черномазый мальчишка разглядывалъ попеременно и самодѣльную скрипку, и изорванный кое-гдѣ заплатанный сюртукъ старика.

Незамѣтно наступаетъ вечеръ, предшествуемый вѣрѣдка крикомъ разнощика съ яблоками. Вдругъ неожиданно раздаются какіе-то нелѣпыя, непонятные крики... Крики эти или, пожалуй, пѣніе производитъ мальчишка, который выпустилъ изъ лукошка, накрытаго грязною тряпкою, мохнатого барсука, плашмя повалившагося на землю, рѣзваго плясуна-медвѣженка, лису, которая бросается на собакъ, или просто ежа и даже тюленя. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда поетъ слѣдующее:

Посмотрите господа!
 Поглядите на звѣря!
 На звѣря морскова
 Тюленя живова.
 Тюлька по морю ходилъ,
 Рыбку корюшку удилъ.

— Пожалуйте господа на посмотришь-то!... добавитъ еще уже совершенно другимъ голосомъ; и снова начинаетъ свою пѣсню, крѣпко держа на веревочкѣ своего зѣбра.

На дворѣ становится свѣжо, сыро и холодно: пора уже притворить окна, но подождите! — Сейчасъ явится поздній и послѣдній оркестръ изъ 3, 4 музыкантовъ-мальчишекъ, подъ руководствомъ и предводительствомъ пожилаго капелмейстера, изогнувшася подъ тяжестію неуклюжаго контрабаса.

И вотъ весною предметы для удовлетворенія музыкальной страсти! Тоже, но только въ гораздо большихъ размѣрахъ продолжается и лѣтомъ: на дачахъ и гуляньяхъ. Даже въ значительно опустѣвшемъ городѣ все еще ходятъ по дворамъ страстующіе музыканты и безчисленнаго рода и вида шарманки.

Дождливая, сырая осень и суровая зима нисколько не охлаждаетъ музыкальнаго настроенія жителей и ода съ нетерпѣніемъ поджидаютъ появленія какого-нибудь оркестра, который не боится ни мороза, ни дождя; вѣдь бываетъ же иногда оттепель и ясный денекъ, не постоянно и дождикъ идетъ осенью; случается и благоприятная перемяжка; въ противномъ случаѣ уютными шарманки, какъ-то особенно любящія дурную погоду, за неимѣніемъ оркестра исполняютъ ихъ обязанность и кое-какъ удовлетворяютъ невыскательнымъ меломанамъ.

Но припомните еще и то обстоятельство, что конецъ осени и зима — время опернаго сезона. Быва ли даже и въ это время онъ могъ бы удовлетворить вполне любителей! Но вотъ здѣсь-то окончательная поѣрка высказанныхъ доказательствъ, походный пунктъ, дальше котораго, вѣдетъ, и ходить не зачѣмъ: ничего разительнѣе и яснѣе не приберешь!

Провинціалъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ столицу, между дѣломъ осмотрѣлъ всѣ ея достопримѣчательности, былъ даже въ пассажѣ. Явившись къ знакомымъ, онъ объявляетъ имъ самоувѣренно, что осмотрѣлъ въ городѣ все замѣчательное и теперь съ спокойною совѣстію и вполне удовлетвореннымъ любопытствомъ ѣдетъ домой.

— Помилуйте, Степанъ Царамодичъ, говорить въ одинъ

голосъ всѣмъ знакомымъ: вамъ осталось послушать здѣшнюю итальянскую оперу.

И начинаются возгласы: «Да это чудо!... прелесть!... нужно слышать самому, а пересказать словами невозможно!... Возьмите, непременно возьмите билетъ, — иначе вамъ будетъ и стыдно и грѣшно!...»

Бѣдный совершенно сбился съ толку и — во что бы ни стало — рѣшился взять билетъ. Но, какъ дорого достанется ему это удовольствіе, если онъ самъ собою и собственными средствами намѣревается привести желаніе знакомыхъ своихъ въ исполненіе! Если онъ хочетъ занять мѣсто подешевле и получше, то непременно долженъ встать какъ можно раньше, въпримѣръ часовъ въ 7 утра, и быть свидѣтелемъ и непосредственнымъ участникомъ слѣдующей сцены, которая разыгрывается постоянно въ пятницу, между 9 и 10 часами утра, въ коридорѣ Большаго-Театра.

Еще за часъ до раздачи билетовъ, — у известной зеленой двери театра непременно стоитъ уже нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ за билетами. Одинъ прижался къ самой двери, въ уголь; другой рядомъ съ нимъ, къ косяку; кругомъ ихъ стоятъ или прохаживаются еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ двери театра заперты и нѣтъ никакой возможности пробраться внутрь; а всего только 8 часовъ. Морозъ ермачкомъ щиплетъ уши и мелкою дробью пробѣгаетъ по кожѣ; къ тому же какъ на вѣдущъ со всѣхъ сторонъ обширной театральной площади, свирѣлый и морозный вѣтеръ. Народу постепенно становится все болѣе и болѣе, такъ-что около половины девятаго составила на площадкѣ сплошная тѣсная масса людей. Вся эта масса тѣснится въ плотную, ѣжится и все это въ глубокомъ и серьезно-торжественномъ молчаніи, развѣ только нарушенномъ замѣчаніемъ остроносаго мелодца въ бараньемъ тулупѣ.

— Однако теплѣе стало, а то давѣча, хоть и домой бытъ отогрѣваться! И сказавъ это онъ немножко похлопалъ сапогами и сжалъ свои плечи.

Замѣчаніе нисколько не нарушило тишины и не нашло себѣ сочувствія, конечно высказаннаго, потому-что всѣмъ соглашался, что морозу было градусовъ двадцать, если не больше. Всѣ стоящіе здѣсь какъ-то сурово и молчаливо смотрятъ

другъ на друга, словно враги, готовые при первомъ же случаѣ вредить одинъ другому. Какой-то, конечно уже неопытный и небывалой господинъ, занявшій-было выгодную позицію у самыхъ дверей, повернулся бокомъ, чтобъ посмотреть афишку, только-что сейчасъ выставленную за рамакой. Сосѣд его обрадовался такому благопріятному случаю: протиснулъ лѣвое плечо и сдвинулъ новичка съ мѣста.

— Какъ это, однакожъ глупо! — замѣтилъ обиженный, и вызвалъ на устахъ и лицѣ противника легкую торжественную улыбку.

Какой-то господинъ въ бекешѣ нетерпѣливо высказалъ желаніе узнать—много ли осталось времени и скоро ли отпереть дверь. Рядомъ стоявшій толстякъ въ снотовой шубѣ полезъ въ карманъ, вытащилъ часы и къ крайней досадѣ, насторожившихъ уши сосѣдей объявилъ хриплымъ голосомъ, что еще только сорокъ минутъ девятаго. Бекеша воспѣшиво выбралась изъ толпы и пошла за уголъ къ подъѣзду съ колоннами. Кучеръ и здѣсь не упустилъ случая сдѣлать замѣчаніе.

— Никакъ въ обходъ пошелъ? Съ подходцомъ знать дѣло то повести хочегъ, да нѣтъ, ошибется.

— Кругомъ заперто! вѣдь только впускаютъ въ эту одну дверь, подтверждалъ слова кучера разговоришійся денщикъ.

— А мѣсто-то потерялъ!... пропивчалъ мальчишка, бойко и невидимо протискавшійся почти къ самой двери, и робкими глазами повелъ вокругъ, какъ-будто боясь, чтобъ вотъ не вытолкали *взашей*.

Кучеръ презрительно оглянулъ его съ ногъ до головы, прикащикъ улыбнулся, денщикъ хотѣлъ что-то сказать, но по невольной причинѣ не рѣшился и только сильно покачалъ головой и погрозилъ смѣльчаку пальцомъ. Мальчишка уже давно сунулъ носъ въ рукавъ шубенки и прижался къ теплой снотовой шубѣ близъ-стоящаго барина.

— Однако народу-то набралось таки на порядкахъ; на прошлой недѣлѣ какъ-то поменьше было... Али теперь представленіе то интереснѣе?

— Ужъ право рѣшительно не могу объяснить!... замѣтилъ прикащикъ.

Это замѣчаніе послужило поводомъ къ разговору епотовой шубы и двухъ трехъ-шинелей; перебросено было нѣсколько рѣзкихъ и чрезвычайно оригинальныхъ замѣчаній — объ омерѣ вообще и о пѣвцахъ въ особенности. Остальная публика только слушала и, конечно, не принимала участія въ разговорѣ, который дѣлался все болѣе дружескимъ и искреннимъ... Но будьте покойны, не надолго. Вотъ уже провезъ извозчикъ роковое давно ожидаемое лицо, появленіе котораго произвело новую суматоху, и прекратило дружескій разговоръ. Одинъ хотѣлъ было возобновить его вопросомъ, но двое другихъ не отвѣтили и между-тѣмъ продолжали жаться и отъяснять одинъ другаго, по возможности дальше назадъ или вправо.

Снова наступило молчаніе, уже послѣднее, гробовое молчаніе, — ясный признакъ надвигающейся роковой бури. Вотъ уже щолкнулъ замокъ въ двери; чья-то нога изнутри толкнула ее на сторону площади. Одинъ изъ стоявшихъ поближе ухватился за ручку и немного пріотворилъ дверь: — мальчишка и прикащикъ быстро проскочили во внутрь корридора. Въ это время сильный напоръ заднихъ рядовъ захопнулъ дверь предъ самымъ носомъ епотовой шубы. Представьте же его положеніе!... Въ эту-то критическую, жаркую минуту пара ветерпѣливыхъ и сильныхъ рукъ отхватила дверь — и вотъ теперь открылось торжественное зрѣлище... Двое разомъ грянули въ дверь — и завязли; одинъ изъ нихъ рванулся впередъ, зацѣпился капшономъ за ручку, толпа прижала послѣдній и онъ разорвался на три части. Несчастный недогадался прибѣгнуть къ извѣстному, общепринятому обычаю всѣхъ носящихъ шинели и являющихся въ нихъ за билетами: обернуть капшонъ около шеи, а самую шинель надѣть непременно въ рукава. Наконецъ изорванному удалось пробраться впередъ и скрыться даже за второю дверью; за нимъ проскочилъ другой, третій; двое остальныхъ снова завязли и снова едва-едва распутались. Назали же просто, что называется *съ ступу толкутъ*; нѣсколько человекъ хохочутъ, другіе охаютъ, иной съ трудомъ отдувается и все-таки напираетъ.

Внутри коридора из огромной толпы, обступившей окошко, вырываются тихие, отрывистые звуки и, по временамъ, слышатся крики: одному наступили на носовъ — и онъ громко вскричалъ; другому сдвинули съ обѣихъ сторонъ грудь, которая съ трудомъ облегчилась болѣзненнымъ стономъ; третій былъ уже впереди и вотъ-вотъ готовъ ухватиться за мѣдный залуцургъ около окошка, чтобы такимъ-образомъ ближе подвинуться къ вожделенной цѣли, но вдругъ сильный напоръ спины и всего туловища того, который взялъ уже билетъ и пробирался назадъ, разрушилъ всѣ надежды, близкія уже къ благотельному концу. Съ ужасомъ увидѣлъ себя несчастный нечаянно всѣхъ, нежданно — негаданно; судорожно и сильно схватилъ охъ рукой, горько улыбнулся, плюнулъ и пошелъ вонъ изъ коридора на платформу. Потъ градомъ льется съ его раскраснѣвшагося лица и съ лица виновника его бѣдствій, безсмысленно пробѣгающаго глазами лавшку.

Между-тѣмъ изъ толпы все еще вырываются новые крики. Одинъ удашливимъ голосомъ кричитъ далеко сзади:

— Позвольте, почтеннѣйшій, ... послушайте! ... будьте такъ добры, позвольте кресло... кресло въ десятомъ ряду.... потрудитесь передать: сдѣлайте милость!...

Никто его не слышитъ, никто не обращаетъ вниманія на его убѣдительную просьбу, и тщетно протягивая онъ надъ головами передними свою дрожащую руку съ трехъ-рублевою бумажкою. Другой пустился было на певинную хитрость и тоже безуспѣшно.

На лѣстницѣ въ ложн стоитъ, какъ кажется, толпа наблюдателей, судя по ихъ спокойнымъ и насмѣшливымъ улыбкамъ. Да и есть же, впрочемъ, чему посмѣяться: у одного получающаго билетъ оборваны всѣ до одной пуговцы; другой въ суматохѣ забылъ захватить съ собой сдачу и, вспомнивъ объ ней на полпути, старается снова продаться впередъ.

Цѣлые полчаса продолжается эта баталія, но къ десяти часамъ ряды искателей билетовъ становятся гораздо рѣже и нѣтъ уже сильныхъ прогискиваний. За то посмотрите, сколько явилось сердитыхъ и недовольныхъ фнзіономій по поводу весьма простаго обстоятельства, что уже не оставалось въ кас-

съ билетомъ. Инойъ раза два или три подойдетъ къ окну, чтобы пересиресить съезнова и какъ бы угнѣриться, но ошиблись ли, можетъ быть, его уши или не вслушался хорошенько. Кассиръ въ его просьбу, убѣдительную, поморнѣйшую.

Нѣтъ! ужъ что не говори, а здѣсь руководитъ не мода и не ослѣнное подражаніе, а высшее чувство, которое называется просто — любовью къ изящному, и которое такъ рѣзко и рельефно выражается въ тысячѣ петербургскихъ жителей, слушающихъ оперу и концерты.

С. МАКСИМОВЪ.

СМИТНСОНСКОЕ УЧРЕЖДЕНІЕ ВЪ ВАШИНГТОНѢ. — Въ собраніи американскихъ бібліотекарей, происходившемъ въ Нью-Йоркѣ 15, 16 и 17 сентября 1853 года, участвовало около восьмидесяти челоѣкъ, изъ тринадцати штатовъ Союза. Различныя бібліотеки, имѣвшія въ нихъ своихъ представителей, заключаютъ всѣ вмѣстѣ болѣе 800,000 томовъ *. Должность предсѣдателя занималъ профессоръ Джюэтъ, бібліотекарь смитсонскаго учрежденія въ Вашингтонѣ, которое, независимо отъ бібліотеки конгресса, есть единственное книгохранилище, находящееся въ непосредственномъ распоряженіи центрального правительства Штатовъ. Такъ какъ это учрежденіе, неоднократно присылавшее такіе богатые литературные подарки бібліотекамъ и ученымъ обществамъ Европы и Америки, до сихъ поръ мало извѣстно внѣ предѣловъ Сѣвероамериканскихъ штатовъ, то мы надѣемся доставить нѣкоторое удовольствіе своимъ читателямъ слѣдующимъ краткимъ очеркомъ его происхожденія, назначенія и дѣятельности.

Прежде всего, укажемъ на любопытный фактъ, что челоѣкъ, которому это учрежденіе обязано именемъ и средствами къ существованію, былъ не Американецъ, а Англичанинъ, и притомъ изъ самыхъ искреннихъ аристократовъ; мало того,

* По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ Гейвардовомъ Gazetteer of the United States, въ началѣ 1853 года было въ Соединенныхъ-Штатахъ 10,199 публичныхъ бібліотекъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ штатамъ, университетамъ, коллегіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, ученымъ обществамъ, общинамъ, и прочимъ; — во всѣхъ этихъ бібліотекахъ считалось 3,753,004 тома.

говорятъ и кажется основательно, что онъ никогда не бывалъ въ Америкѣ и питалъ глубокую ненависть къ республиканскому устройству Соединенныхъ Штатовъ. Джемсъ Смитсонъ былъ родственникъ герцога Нортумберлендскаго, и въ концѣ прошлаго столѣтія учился въ Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ обратилъ на себя общее вниманіе своею пламенною любовью къ наукамъ. Потомъ, въ путешествіяхъ своихъ онъ сошелся со многими европейскими учеными и до самой смерти продолжалъ съ ними переписываться. Постояннаго мѣстопребыванія онъ не имѣлъ, ни въ Англии, ни на материкѣ; никогда не былъ женатъ и никогда даже не заводился домомъ; а всѣ доходы съ матерьяскаго имѣнія и хорошее содержаніе, которое получалъ отъ отца, посвящалъ на ученія цѣли и путешествія, или копилъ для образованія капитала. Онъ умеръ въ Генуѣ, 27 іюня 1829 года, оставивъ чистый капиталъ въ 120,000 фунтовъ стерлинговъ (750,000 руб. сер.). Пользованіе процентами съ этого капитала онъ, духовнымъ завѣщаніемъ, предоставилъ племяннику, съ тѣмъ, чтобы по смерти его, капиталъ перешелъ въ собственность его дѣтей, если онѣ будутъ. Въ случаѣ же, продолжалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, если сказанный племянникъ мой умретъ бездѣтенъ, или дѣти его умрутъ не достигши двадцати одного года, я отказываю все свое состояніе Сѣвероамериканскимъ-Соединеннымъ-Штатамъ, съ тѣмъ, чтобы въ Вашингтонѣ было основано учрежденіе подъ именемъ Смитсонова (Smithsonian institution), для содѣйствія успѣхамъ науки и распространенію ея между людьми.

Болѣе подробныхъ распоряженій завѣщателя на счетъ этого страннаго отказа Американцы не получали; имъ была только прислана изъ Европы, въ выпискѣ, эта статья завѣщанія. Однако въ 1836 году, когда племянникъ Смитсона умеръ бездѣтенъ, обѣ палаты Конгресса уполномочили президента Соединенныхъ-Штатовъ послать уполномоченнаго въ Англію, для предъявленія правъ республики въ Канцлерскомъ Судѣ, и для подписанія отъ ея имени обязательства въ томъ, что она распорядится наслѣдствомъ Смитсона согласно волѣ завѣщателя.

* Замѣчательно, что въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ есть еще два столько же обширныхъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденія, основанныя иностранцами; одно Нанкетъ Асторомъ, другое Французомъ Жир-

Въ сентябрѣ 1838 года Казначейство Соединенныхъ-Штатовъ получило наследство Смитсона, все въ англійскихъ серебрахъ, въ суммѣ 515,169 долларовъ (684,375 руб. сер.). Но только восемь лѣтъ спустя, 10 августа 1846, утвержденьемъ наконецъ въ Американскомъ Конгрессѣ билль объ образованіи Смитсоновскаго учрежденія. Въ этомъ актѣ было постановлено, между прочимъ, что верховный попечительный комитетъ учрежденія долженъ состоять изъ президента и вице-президента Штатовъ, государственныхъ секретарей, военнаго, морскаго и финансовъ, генераль-почтмейстера, государственнаго генераль-прокурора и вашингтонскаго мера, которые должны сами избрать еще известное число почетныхъ членовъ. Самое управленіе учрежденія возложено, подъ надзоромъ комитета, на дирекцію состоящую изъ пятнадцати членовъ, между которыми находятся, по должности, вице-президентъ Штатовъ, председательствующій судья верховнаго суда и вашингтонскій меръ. Остальные члены избираются частью изъ Сената, частью изъ палаты представителей.

Далѣе постановлено въ томъ же родѣ, чтобы государственное казначейство на полученные 515,169 долларовъ платило проценты, по шести на сто; накопившіеся же къ тому времени проценты, 242,159 долларовъ (321,562 рубля 50 коп. серебромъ) опредѣлено употребить на сооруженіе зданія, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ недостаточности этой суммы прибавить сколько потребуется изъ будущихъ процентовъ. Ежегодные проценты съ основнаго капитала и доходы изъ разныхъ другихъ источниковъ положено дѣлить на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна назначена на содержаніе библіотеки и музеевъ, а другая на изданіе книгъ, содѣйствіе ученымъ изслѣдованіямъ и вознагражденіе профессорамъ, приглашаемымъ читать публичныя лекціи.

Что касается изданія книгъ, Смитсоновское учрежденіе до сихъ поръ издавало уже шесть томовъ своего весьма любопытнаго сборника «*Smithsonian contributions to Knowledge*». Каждый томъ этого сборника содержитъ отъ 4 до 500 страницъ, въ ромъ. Они, впрочемъ, въ Америкѣ нашли свои громадные состоянія, между тѣмъ какъ Смитсонъ не имѣлъ въ Америкѣ ни одного личнаго знакомаго ни даже корреспондента.

челювѣтъ, и украшенъ множествомъ гравюръ и другихъ иллюстрацій. Въ первомъ томѣ помѣщено сочиненіе Скайлера и Девиса о древнихъ памятникахъ въ долинѣ Миссиссиппи, въ четвертомъ составленные миссіонеромъ Риггомъ грамматика и словарь Дакотскаго языка; остальные четыре тома заключаютъ тридцать четыре статьи извѣстнѣйшихъ американскихъ ученыхъ, по части астрономіи, физики и естественныхъ наукъ. Кромѣ этихъ «Contributions», Смитсонское учрежденіе печатало и издавало до двѣнадцати отдѣльныхъ ученыхъ сочиненій, болѣе или менѣ замѣчательныхъ; въ томъ числѣ: профессора Дьюота «отчетъ о публичныхъ библіотекахъ въ Соединенныхъ Штатахъ», Берда «руководство къ собранію и препарированію предметовъ относящихся къ естественнымъ наукамъ»; Словарь очень страннаго и любопытнаго нарѣчія, употребляемаго Орегонскими кучами; «Обозрѣніе успѣховъ каменъ» составленное, по англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ соображеніямъ, профессоромъ Бутомъ.

Большая часть изслѣдованій, содержащихся въ этихъ сочиненіяхъ, произведены по порученію или при содѣйствіи Смитсонскаго учрежденія, которое снабжало авторовъ средствами для путешествій и изысканій. Оно также много способствовало успѣхамъ метеорологин, производя метеорологическія наблюденія по всему американскому материку, слѣшкомъ на его станціяхъ, которыя оно отчасти снабжало для того инструментами. Оно же щедрыми денежными пособіями поддерживаетъ морскія наблюденія, произвольныя лейтенантомъ Морі подъ руководствомъ Вашингтонской Обсерваторіи, и имъ же издаваемые «Sailing directions», также ежегодные отчеты, со множествомъ отличныхъ морскихъ картъ, издаваемые профессоромъ Александромъ Бетемъ, начальникомъ комиссіи изысканія сѣвероамериканскихъ береговъ.

Всѣ сочиненія, издаваемые Смитсонскимъ учрежденіемъ или чрезъ его содѣйствіе, — къ послѣдному разряду принадлежатъ великолѣпное изданіе Генри Скульдрата «Исторія, нынѣшнее состояніе и будущность Индѣйскихъ племенъ» печатаемое и издаваемое американскаго правительства, — посылаются этимъ учрежденіемъ бесплатно публичнымъ библіотекамъ, академіямъ и ученымъ обществамъ Америки и Европы, и въ некоторомъ

законодѣтнѣмъ лицамъ, напримѣръ Гумбольдту, Фарелю, Либиху, и другимъ. Въ 1853 году получена въ Европѣ четвертая присылка этого роду; по показанію американскаго консула въ Лондонѣ, партія состояла изъ 48 ящиковъ, заключавшихъ 1664 посылки, вѣсомъ всего 12,220 фунтовъ. Германія, со включеніемъ Австріи, получила 85 посылокъ, Бельгія 9, Голландія 12, Швеція 7, Норвегія и Исландія 5, Данія 7, Россія 15, Швейцарія 13, Великобританія, и Ирландія 99; Франція 55, Италия 36, Испанія 4, Португалія 1, Греція, Турція, Африка, Азія и Австралія, вмѣстѣ, 18, Южная Америка 16.

Перейдемъ къ коллекціямъ, находящимся въ зданіи Смитсоновскаго учрежденія въ Вашингтонѣ. Зданіе построено въ старомъ нормандскомъ стилѣ, изъ красноватаго песчанику, выѣтъ 447 футовъ въ длину и 132 въ ширину, и украшено десятью башнями, изъ которыхъ одна выѣтъ 145, другія 100 футовъ въ длину. Маружность его довольно величественна. Въ главной части его, въ нижнемъ этажѣ помѣщаются библіотеки и зала для аппаратовъ къ опытамъ по части естественныхъ наукъ. Въ восточномъ флангѣ находится зала для чтенія, которая можетъ вмѣстятъ до тысячи человекъ, а въ западномъ залы для публичныхъ лекцій, лабораторіи, и прочая.

Во второмъ этажѣ помѣщаются музеи. Въ нихъ находится въ настоящее время до 2500 экземпляровъ по части зоологін. Профессоръ Бердъ, завѣдующій этимъ отдѣленіемъ, дѣятельно занимается пополненіемъ этого собранія и составленіемъ другихъ коллекцій, которымъ должны въ скоромъ времени поступить въ музей естественныхъ наукъ. Въ аудиторіяхъ смитсоновскаго учрежденія были уже читаны лекціи по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, нѣкоторыми изъ извѣстнѣйшихъ американскихъ ученыхъ: докторомъ Коксомъ, изъ Нью-Йорка (о физикѣ), докторомъ Бѣдлеу, изъ Пенсильваніи (о логикѣ), докторомъ Моррисомъ, изъ Мериленда (объ энтомологіи), профессоромъ Фулеромъ, (изъ Массачюетса) объ исторіи англійскаго языка, профессоромъ Вилтономъ, изъ Массачюетса (о средневѣковой архитектурѣ), профессоромъ Гальдиэномъ, изъ Пенсильваніи (о механикѣ языка), профессоромъ Силиваномъ старшимъ, изъ Коннектикута (о геологіи).

За исключеніемъ библіотеки и музея естественныхъ наукъ, всѣ остальные отдѣленія Смитсонскаго учрежденія находятся въ вѣдѣніи Вашингтонскаго профессора Генри, который заслуживаетъ благодарность соотечественниковъ и всѣхъ вообще ревнителей науки своими неутомимыми стараніями осуществлять двойственную цѣль завѣщателя, распространеніе знанія и содѣйствіе успѣхамъ наукъ. Дѣйствительно, должно удивляться всему, что уже совершено этимъ учрежденіемъ при ограниченнхъ средствахъ, которыми оно располагаетъ, потому что всѣ доходы его составляютъ немного больше 25,000 долларовъ (33,750 рублей серебромъ).

Библіотека и другія собранія по предметамъ наукъ и искусствъ, вѣрены главному управленію профессора Джюэта. По постановленію, изданному за нѣсколько лѣтъ назадъ Конгрессомъ, издатель каждой новой книги, желающій пользоваться издательскимъ правомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, обязанъ представить по экземпляру ея въ Смитсонское учрежденіе, въ Вашингтонскую Государственному канцелярію и въ библіотеку Конгресса. Однако, изъ свѣдѣній, представленныхъ г. Джюэтомъ въ собраніи библіотечарей, видно, что такихъ экземпляровъ представляется ежегодно около 450, между тѣмъ какъ, печатается въ Сѣверной Америкѣ книгъ на издательскихъ правахъ по-крайней-мѣрѣ втрое больше. Кромѣ сочиненій поступившихъ на основаніи этого закона, библіотека Смитсонскаго учрежденія приобрѣла въ 1852 году, пожертвованіями, отъ разныхъ лицъ 1481 книгу и 1935 брошюрь, покупила 641 книгу и 918 брошюрь. Всего умножилась она въ 1852 году 9800 нумерами, включая гравюры, географическія карты и музыкальныя произведенія; такъ что къ началу 1853 года состояло въ библіотекѣ 21,701 нумеръ. Въ этомъ отношеніи, только еще положено начало.

Г. Джюэтъ, въ рѣчи произнесенной имъ въ собраніи библіотечарей, изъявлялъ свое прискорбіе о томъ, что де-сихъ-поръ нельзя было съ точностью сообразоваться съ уставомъ учрежденія и употреблять половину доходовъ на пополненіе библіотеки. Въ 1852 году на покупку книгъ осталось только 1000 долларовъ, а въ 1853 еще меньше. Несмотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, управленіе библіотеки не перестаетъ

усердно заниматься задачею, которую оно себѣ предложило, и которая заключается въ собираніи и обнародованіи статистическихъ свѣдѣній о библіотекахъ, въ распространеніи библіографическихъ познаній и въ развитіи и введеніи новой системы каталоговъ. Въ заключеніе своей рѣчи, г. Джюэть выразилъ надежду, что скоро откроются новыя средства для умноженія Смитсонской библіотеки, потому что всѣ чувствуютъ потребность образованія большой центральной библіотеки.

При этомъ случаѣ, г. Джюэть сообщилъ еще нѣсколько свѣдѣній о придуманной имъ новой системѣ веденія каталоговъ. Всѣмъ извѣстно, какъ скоро старѣетъ и становится неудобнымъ къ употребленію печатный каталогъ большой библіотеки, постоянно обогащаемой новыми приобретеніями. Дополненія къ каталогу скоро сами разрастаются въ огромные томы, и не успѣешь окончить одного, какъ уже накопятся матеріалы для новаго дополненія. Наконецъ сводъ этихъ дополненій для изданія новаго каталога обходится тѣмъ дороже, чѣмъ богаче библіотека. Для устраненія этихъ затрудненій, траты времени и расходовъ, г. Джюэть предлагаетъ стереотипировать отдѣльно заглавіе каждой книги, и затѣмъ всѣ эти доски или клише хранить въ алфавитномъ порядкѣ, такъ чтобы ихъ легко было пересматривать и вставлять между ними дополнительные доски; такимъ образомъ передѣлка каталоговъ не будетъ требовать огромныхъ издержекъ, и новыя изданія ихъ можно будетъ печатать почти такъ же часто, какъ теперь печатаютъ дополненія. Выстѣ съ тѣмъ эти же стереотипные клише могутъ служить для каталоговъ всѣхъ библіотекъ въ государствѣ. Стоить только всѣмъ библіотекамъ согласиться насчетъ веденія своихъ каталоговъ по одной системѣ, и затѣмъ составится одинъ общій каталогъ, въ которомъ заглавія книгъ, находящихся въ нѣсколькихъ библіотекахъ, разумѣется, будутъ стереотипироваться одинъ только разъ, и изъ котораго каждой библіотекѣ легко будетъ составлять свой частный каталогъ. Смитсонское учрежденіе вызвалось принять на себя расходы на стереотипированіе, по Варренскому способу и изъ вновь изобрѣтенной стереотипной массы, которая гораздо удобнѣе прежней; прочимъ библіотекамъ будутъ предстоять только издержка на бумагу и отпечатаніе. Конгрессъ Соединен-

ныхъ Штатовъ уже изъявилъ готовность стереотипировать такимъ образомъ каталогъ своей богатой библіотеки и отдать доски для основанія общаго каталога, предполагаемаго г. Давэтомъ. Собраніе американскихъ библіотечарей приняло съ высшею благодарностью это предложеніе Конгресса и единогласно приступило къ проекту своего почтеннаго президента.

ЗАМѢТКИ ПУТНИЧЕСТВУЮЩАГО ВОКРУГЪ СВѢТА.

Японія и Китай во французской литературѣ. — Золотистый коверъ въосточныхъ зданій. — Еще хрустальный дворецъ. — Угнетательныя облавыскія. — Живъ безъ желудка. — Астронанія въ гастрономію. — Думь на булавкахъ и разоборство на моряхъ. — Теорія приливовъ. — Бародагнэ и безбородно. — Читальная зала Британскаго Музея. — Населеніе Лондона. — Признательность географин къ великимъ людямъ. — Музыкальная отрада Американцевъ. — Словечко Россіи. — Искатели академическихъ креселъ. — Забытая знаменитость. — Тринадцать за столомъ. — Искусственное разведеніе рыбы. — О средоточіяхъ изъ извѣстнаго нервозитнаго состояніа американскихъ народовъ. — Оманитальный змѣй. — Вновь открытыя памятники на Аннэвой дорогѣ. — Предохраненіе дерева отъ гнилости. — Искусственная слововая кость. — Метеорное желѣзо. — Добываніе цвѣтнаго шелку изъ червей. — Сбереженіе овощей. — Открытія въ вавилонской исторіи. — Новости англійской и американской литературы.

Между новостями французской литературы, я нашелъ двѣ книги, которыя дали мнѣ возможность, не выходя изъ комнаты, взглянуть на жизнь двухъ народовъ, до-сихъ-поръ остающихся загадками для Европейцевъ. Книжки эти — *Le Japon. Histoire et description; rapport avec les Européens, etc.*, par Edouard Fraissinet (Парижъ, 2 тома) и *Voyage en Chine, par le capitaine Monfort* (Парижъ, 1 часть).

Тайнственная Японія, на которую съ сѣвера смотритъ Камчатка, а съ юга Китай, изолировала себя, законами и обычаями, отъ всего міра, живетъ эгоистическою жизнью, и изъ всѣхъ націй Земнаго Шара знаетъ только тотъ маленький, суровый, скупой, молчаливый народъ, который превращаетъ боченки сыру въ боченки золота». Только однимъ Голландцамъ позволено владѣть на берегахъ Японіи маленькою конторою, но и за нею надсматриваютъ — какъ за неприятельскою крѣпостью». Нынѣшняя резиденція, отведенная Голландцамъ, говорятъ г. Фрессинне: суцая тюрьма; да какъ и называть иначе жилище, если они не могутъ перешагнуть узкихъ его предѣловъ, назначенныхъ посреди моря?»

Рассмотрѣвъ критически, была ли Японія извѣстна древнимъ, авторъ упоминаетъ о путешествіяхъ Марко-Поло, долго возбуждавшихъ сомнѣнія, и доказываетъ, что *Ципангу*, о которомъ говорятъ этотъ Венеціанецъ, есть ни что другое, какъ нынѣшняя Японія.

«Но немногимъ извѣстно, замѣчаетъ г. Фрессине: что письма Марко-Поло и, въ особенности, его донесеніе съ острова *Ципангу*, прежде всего возбудили предположенія и надежды Христофора Колумба. Онъ предполагалъ, хотя ошибочно — какъ узнали впоследствии — что Китайская Имперія лежала въ *пятнадцати часахъ* — по тогдашнему выраженію, или въ 225 градусахъ по-нашему — отъ генуэзскаго меридіана. Но какъ поверхность Земаго Шара составляетъ 360 градусовъ, или, выражаясь языкомъ Колумба — *двадцать четыре часа*, то казалось, что путь въ Китай можно сократить, если отправиться къ западу вмѣсто того, чтобъ идти на востокъ и огибать Африку. Если предположить, что и по этому новому пути надо было дѣлать лишніе обходы какъ и вокругъ Мыса Доброй Надежды, то разница все-таки оказывалась очень значительная: принимая окружность земли къ 9,000 франц. миль (около 36,000 верстъ), мореплаватель и при этомъ вычисленіи дошелъ бы до мѣста, сдѣлавъ 3,375 миль, тогда какъ иначе ему предстояло сдѣлать ихъ 5,625.»

Дѣйствительно, приставъ къ острову Гиспанольѣ (нынѣшней Кубѣ), Колумбъ подумалъ, что это *Ципангу* Марко-Поло. Такимъ-образомъ, отыскивая Японію нашли Америку.

Въ 1543 году, Португальцы отправились изъ королевства Сіамъ въ Китай; буря забросила ихъ на островъ Танегасима — и они открыли Японію.

«Въ двѣнадцатый годъ *Тенбуна*, сказано въ японскихъ лѣтописяхъ: въ двадцатый день восьмага мѣсяца, въ царствованіе Микадо-Ковора и Сіюгуна Іозихара (въ октябрѣ 1543), иностраннѣй корабль остановился близъ города Когура, въ округѣ Назимура, на островѣ Танегасима. Экипажъ состоялъ изъ сотни человекъ, съ странными лицами. Языкъ ихъ непонятенъ и родина неизвѣстна. На кораблѣ есть Китаецъ, умѣющій писать. Въ двадцать-шестой день того же мѣсяца, корабль отвели на сѣверо-западную сторону острова, въ гавань

Акаоки. Танегасимскій губернаторъ собралъ подробныя справки о чужестранцахъ, при посредствѣ японскаго бонзы, который умѣетъ писать по-китайски. У двухъ начальниковъ корабля есть огнестрѣльное оружіе, и они первые научили Японцевъ стрѣлять, и также дѣлать пороохъ и пушки.»

Съ этого дня, Португальцы стараются утвердиться въ Японіи, основываютъ конторы, свободно путешествуютъ, и можетъ быть, до-сихъ-поръ владѣли бы важною колоніей, если бы вслѣдъ за ними не явились миссіонеры, посѣявшіе раздоръ между туземцами.... За португальскими мореплавателями и купцами потянулись монахи.... Въ 1559 году Японія заперла свои гавани, и теперь слово Португалецъ значить для Японца тоже, что ужасъ и кровавое преслѣдованіе.

Съ 1597 года, указомъ японскаго императора запрещено распространять *ученіе отцовъ* (то-есть іезуитовъ), которые разрушали храмы, оскорбляли бонзъ и открыто составляли заговоры противъ страны, принявшей ихъ такъ дружелюбно. Въ 1637, открыто покушеніе на жизнь императора, и въ этомъ гнусномъ замыслѣ замѣшаны были Португальцы, подстрекнутые іезуитами. Тогда новый указъ заперъ Японію для всѣхъ иностранцевъ, кромѣ Китайцевъ и Голландцевъ, и запретилъ Японцамъ выѣзжать изъ имперіи.

Въ 1640 году Португальцы еще разъ отправили посольство къ японскому императору; но при входѣ въ гавань Нангассаки, послы были задержаны и обезглавлены.

Испанцы, напрасно пытавшіеся заключить торговый трактатъ съ Японіей, завладѣли близъ Манильи японскою джонкой и потопили ее, въ отмщеніе за португальскихъ пословъ. Черезъ годъ, когда дѣло это повиданному уже было забыто, испанскій корабль «Madre de Dios» присталъ къ Нангассаки. Японскій императоръ приказалъ истребить его. Повелѣніе было исполнено — но стоило жизни тремъ тысячамъ Японцевъ.

Съ-этихъ-поръ одни Голландцы получили позволеніе оставаться въ Японіи. Ихъ поселили на островѣ Детсма, лежащемъ у входа въ гавань Нангассаки, и здѣсь-то возвышается ихъ контора, снабжаемая съѣстными припасами разъ въ годъ и защищаемая императорскимъ указомъ въ продолженіе двухъ вѣковъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англичане пытались схватить Детсему, но всѣ ихъ старанія остались безплодны, а Голландцы удвоили свои предосторожности.

«Голландскія суда, назначаемыя въ факторію, отправляются обыкновенно изъ Батавіи. Каждый годъ, въ іюнь мѣсяцѣ, посылаются два корабля — императоръ не позволяеть болѣе — идти проливомъ Банка, Китайскимъ Моремъ, Формозскимъ Проливомъ, такимъ-образомъ проникають въ Желтое Море, и, остановившись на островахъ Меаксима, направляются къ рейду Нангассаки.

«На высотѣ мыса Номо, экспедиція извѣщаетъ о себѣ японскую стражу, прибавивъ къ нидерландскому флагу секретное и условное знамя. Потомъ навстрѣчу ей посылають лодку съ дѣсколькими офицерами, которые должны узнать имя каждаго корабля и капитана, и главные обстоятельства путешествія. Досмотрщикамъ дается подробная инструкция, составленная начальникомъ факторіи и подписанная губернаторомъ, въ которой сказано, какъ должны вновь-прибывшіе вести себя при выходѣ на берегъ и во время пребыванія въ странѣ.

«Другая инструкция, на французскомъ языкѣ, назначена для могущихъ прійти кораблей иностранныхъ націй, и сообщаетъ имъ приказаніе бросить якорь на нѣкоторомъ разстояніи отъ рейда.

«Послѣ этихъ первыхъ формальностей, множество лодокъ окружають суда: на одной ѣдутъ переводчики, на другой депутаты факторіи, которые, однакожъ, всходятъ на палубу не прежде, какъ капитанъ вручитъ свои письма и бумаги, и пошлетъ въ лодки обемпчивающій залогъ. Всѣ эти предосторожности приняты послѣ попытки лорда Пеллю, которая оставила кровавое впечатлѣніе въ Японцахъ,

«Какъ только голландскіе моряки вошли въ городъ, отъ нихъ отбирають мушкетеры, ружья, пистолеты, бѣлое оружіе, военные ошарялы, паруса и снасти, даже руль. Всѣ эти вещи хранятся подъ сѣквестромъ до отхода корабля. Потомъ агенты, хорошо владѣющіе голландскимъ языкомъ, лечьши учтено разспрашиваютъ экипажъ и пассажировъ, и предлагаютъ имъ тысячу смѣшныхъ вопросовъ, чтобы разспрашивать, да

вырался ли между ними какой-нибудь иностранец — и не легко обмануть бдительность этихъ агентовъ.

«Докторъ Зибольдъ, мюнхенскій уроженецъ, посѣщавшій въ 1823 году японскій архипелагъ по порученію генераль-губернатора Ванъ-деръ-Капеллена, говорилъ по-голландски съ нѣмецкимъ акцентомъ, который вскорѣ замѣтили Японцы. Но докторъ выпутался изъ затрудненія, объяснивъ имъ, что *Hoogduitscher* (Нѣмецъ) значитъ Германецъ Оберландовъ, а *Nederduitscher* (Голландецъ) — Германецъ Нидерландовъ; что тутъ разница только въ мѣстѣ жительства — на горахъ и въ равнинахъ, но что въ сущности это — одно и тоже племя. Объясненіе это, вынужденное обстоятельствами, успокоило переводчиковъ.

«Покойный король нидерландскій великодушно хотѣлъ отказаться отъ торговой монополіи Голландцевъ въ Японіи, и подѣлиться своими правами съ другими націями. Въ 1844, онъ, въ собственноручномъ письмѣ, предложилъ японскому императору отворить гавани для кораблей всѣхъ государствъ; но благородное предложеніе Вильгельма II осталось безъ успѣха. Дворъ Еёдо отвѣчалъ, что онъ оставитъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они были прежде, и такимъ-образомъ Голландія поневолѣ остается привилегированною страной тамъ, куда ей хотѣлось бы созвать промышленность и торговлю всего свѣта».

Во второй части, г. Фрессинё распространяется о нравахъ и обычаяхъ этой таинственной земли; словомъ, книга его можетъ быть весьма полезна для тѣхъ, которые захотѣли бы поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ отдаленныя страны Азіи.

Что Фрессинё сдѣлалъ для Японіи, то Жоржъ Белль сдѣлалъ для Китая, который издали кажется націей фарфоровыхъ вагоговъ, симметрически разставленныхъ на этажеркѣ изъ корней мандрагоры. Г. Белль привелъ въ порядокъ и рассказалъ частымъ французскимъ языкомъ то, что капитанъ Монфоръ, пять разъ ходившій на кораблѣ въ Китай, вносилъ въ свой дневникъ на грубомъ марсельскомъ нарѣчій. Съ такимъ проводникомъ какъ Монфоръ, мы можемъ осмотрѣть много куріозовъ, и на первый разъ зайдешъ въ мастерскую его пріятеля, Дикона, перваго въ Кантонѣ артиста миниатюрной живописи.

«Для китайскихъ живописцевъ, говоритъ Монферъ: составлены классическія руководства, въ которыхъ они почерпаютъ эскизы, сдѣланные просто перомъ, а иногда и раскрашенные, представляющіе людей, животныхъ, деревья, растенія, горы и зданія, въ различныхъ видахъ и положеніяхъ, разной величины, уменьшенные сообразно съ перспективой, въ которой хотятъ ихъ поставить,—и посредствомъ этихъ предметовъ, изображенныхъ въ учебникахъ, живописцы сочиняютъ картины. Такъ напримѣръ, чтобы нарисовать пейзажъ, они берутъ изъ образцовой книги горы, выбираютъ приличныя мѣсту деревья, прибавляютъ къ этому нѣсколько человѣческихъ лицъ и животныхъ, и по этому рецепту скорехонько получаютъ разнообразныя картины, изъ различнаго сочетанія однихъ и тѣхъ же предметовъ. Вотъ отчего на всѣхъ китайскихъ картинахъ, какой бы ни былъ ихъ сюжетъ, отдѣльныя фигуры—деревья, горы, люди — не представляютъ ничего новаго: вы уже видѣли ихъ тысячу разъ. У Лам-кон, какъ и въ другихъ мастерскихъ, есть мандарины, птички и образцовыя растенія, которыя онъ калькируетъ на прозрачной рисовой бумагѣ, такъ-что на всѣхъ рисункахъ, выставленныхъ въ его лавочкѣ, какъ и въ лавочкахъ достойныхъ его собратій, въ Кантонѣ и въ другихъ городахъ Средней Имперіи, видишь почти одни и тѣже предметы. Заслуга китайскаго живописца заключается въ большемъ или меньшемъ совершенствѣ калорита, которымъ онъ освѣщаетъ свои пошлыя сочиненія».

Теперь не угодно ли зайти въ китайскій театръ.

«На углу одной изъ улицъ, ведущихъ къ гавани, труппа странствующихъ комедіантовъ разбила подвижной театръ, и возвѣстила, что будетъ играть драму — *Несчастія Кіу-линя*, которая имѣла тогда современный интересъ и пользовалась большимъ уваженіемъ въ Китаѣ. Я много слышалъ о ней въ Кантонѣ, и очень желалъ посмотрѣть. Благодаря моему пріятелю Китайцу, который въ нѣсколько дней показалъ мнѣ всѣ удовольствія Средней Имперіи, я успѣлъ добыть въ театрѣ удобное мѣстечко, откуда могъ вполне наслаждаться вѣсей. Ротъ ея содержаніе: Кіу-линь, молодой офицеръ изъ полка *шировъ* (императорской стражи), влюбленъ безъ памяти въ дочь мандарина Сина и уже получилъ обѣщаніе, что она вый-

дѣтъ за него замужъ; но въ это время вспыхиваетъ война съ Англичанами, и увлекаетъ его на поле сраженія. Въ продолженіе войны онъ дѣлаетъ чудеса храбрости, мечтая о невѣстѣ, которая будетъ гордиться его подвигами; но въ жаркой схваткѣ, Кіу-линь раненъ, да такъ опасно, что ему даютъ отставку. Онъ возвращается домой, пишетъ отцу своей возлюбленной, чтобы онъ поскорѣе устроилъ сговоръ, но ему не отвѣчаютъ на письмо. Тогда геройемъ овладѣваетъ безпокойство, и онъ, едва передвигая ноги, тащется къ дому Сина. Въ залахъ мандарина пиръ, музыка. Кіу-линь спрашиваетъ у прислуги, что бы это значило; ему говорятъ, что хозяйская дочь выходитъ замужъ. — Кто же этотъ счастливецъ? спрашиваетъ Кіу-линь. — Богачъ Трапки. — И затѣмъ перечисляютъ недарки, которые онъ привозитъ невѣстѣ, ей отцу и братьямъ. Кіу-линь не можетъ перенести рековой вѣсти, падаетъ безъ чувствъ — и умираетъ.

«Драма эта, выкроенная по европейскому фасону, была развѣтрена прекрасно. Китайскіе комики превосходны по естественности и краснорѣчію жестовъ и игрѣ физиономіи. Публика, собравшаяся въ театръ, очень хорошо знала пьесу, и однакожъ драма возбуждала неистощимыя рукоплесканія. Признаюсь, не краснѣя, я вполне раздѣлялъ ощущеніе моихъ сосѣдей, хотя не совсѣмъ понималъ пьесу».

Капитанъ Менфоръ проникаетъ всюду и изучаетъ народныя нравы. «Нигдѣ не потребляется столько алкоголя, говорить онъ: какъ въ Китаѣ. Жители его извлекаютъ водку изъ всего, кромѣ винограда, который здѣсь почти неизвѣстенъ. Плоды, огородные овощи, хлѣбъ, дикія ягоды, корни — все приносятъ дань его спортуозной жаднѣ, и не можетъ ее утолить. Приборы для дистиллированія, придуманные въ Китаѣ, очень заманчивы, и могли бы, при случаѣ, пригодиться для нашей промышленности. Кантонъ главный центръ фабрикаціи и сбыта этихъ огненныхъ навитковъ.

«Нѣкоторыя изъ заведеній, въ которыхъ Китаецъ украдкою удовлетворяетъ своей страсти къ водкѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія путешественника. Если въ грязныхъ закоулкахъ города гнѣздятся отвратительныя ливки, за то есть и роскошныя магазины, ни въ чемъ не уступающіе знаменитымъ

лondonскимъ *Gin's-Palace*, въ которыхъ Джонъ-Буль упивается по теоріи воздержанія. Въ китайскомъ городѣ на всякомъ шагѣ встрѣчаются кухни подъ открытымъ небомъ и ходячіе продавцы съѣстныхъ припасовъ. Простонародье не пренебрегаетъ никакимъ изъ домашнихъ животныхъ для утоленія голода, и жаритъ на вертелѣ даже тѣ, на которыя мы не можемъ смотрѣть безъ отвращенія. Гавядина запрещена Китайцамъ религіей, потому-что быки назначены для земледѣльческихъ работъ. Однакожь законъ этотъ не слишкомъ строго соблюдается въ Кантонѣ. Послѣ мяса домашнихъ животныхъ, фундаментальная пища — рыба, которую Китайцы ѣдятъ во всѣхъ видахъ — живую и соленую, свѣжую и гнилую. Китаецъ падохъ на все, только бы наполнить эластическій желудокъ, и не взыскателевъ въ выборѣ. Такимъ-образомъ онъ пожираетъ множество *спондилей*, китайскихъ устрицъ, даже на другой или на третій день послѣ ловли, когда кадки, въ которыхъ онѣ хранятся, распространяють запахъ, невыносимый для европейскаго носа. «Желудокъ глупъ», гласитъ китайская мудрость — и Китаецъ ѣстъ что ни пошло.

«На столахъ мандариновъ и богатыхъ негоціантовъ является тоже правило, по нѣсколько изысканнѣе. Здѣсь подаютъ супъ изъ птичьихъ гнѣздъ, салатъ изъ ясныхъ почечекъ, рѣчную и озерную рыбу, корни водорослей, огурцы и нѣжные плоды. Для этихъ столовъ, торговцы постоянно держатъ въ садкахъ живую рыбу Ту-Кіанга, которая почитается самою вкусною въ Китаѣ; разводятъ въ садахъ капусту *не-тсам*, ямовый корень, который жарятъ подъ пепломъ баніановой смоквы, бермудскій картофель, мандаринскіе апельсинны, доведенные въ Кантонѣ до невѣроятной сладости; выписываетъ изъ Чангъ-Тонга грушу, изъ Пе-че-ли ююбу, персики, абрикосы и тысячу другихъ плодовъ. Для этихъ же богатыхъ обѣдовъ разводятъ рѣдкіе, яркіе и душистые цвѣты; но вездѣ европейскій желудокъ приходитъ въ ужасъ, потому-что всѣ кушанья приготавливаются на рѣцновомъ маслѣ».

И какъ мы заведи рѣчь о Востокѣ, то вотъ нѣсколько словъ о причинѣ желтоватаго колорита восточныхъ зданій, какъ объясняетъ ее аббатъ Мпшонъ, недавно воротившійся изъ пу-

тешествія въ Сирію и Палестину, гдѣ онъ, между прочимъ, занимался ботаникой и минералогіей.

«Изучая великолѣпныя аттическія барельефы, говоритъ аббатъ: я открылъ микроскопическое растеніе, и ему-то Пареенонъ и всѣ восточныя зданія обязаны своимъ превосходнымъ золотистымъ оттѣнкомъ. Извѣстно, сколько было предположеній объ этомъ колоритѣ мраморовъ Пареенона. Одни говорили, что храмъ первоначально былъ покрытъ живописью, отъ которой и осталась эта блѣдно-желтая краска: дѣйствительно, на стѣнахъ, и особенно въ ящикахъ плафона, еще видны слѣды живописи. Другіе думали, что само солнце лучами своими окрашивало мраморъ. Ни чуть не бывало: по всѣмъ греческимъ мраморамъ, какъ обдѣланнымъ рѣзцомъ и сложеннымъ въ зданіе, такъ и не оторваннымъ еще отъ горъ, тлется огромными полосами мохъ, съ недоступными зрѣнію органами, досихъ-поръ не описанный ботанистами. Многочисленные образчики этого мха, взятыя мною съ Пареенона, древней ограды Соломонова храма и развалинъ Бальбека, уничтожаютъ всякое сомнѣніе, и вотъ наблюденія, которыя привели меня къ этому любопытному открытію.

«Барельефы Фидіаса особенно отличаются этимъ прекраснымъ золотистымъ оттѣнкомъ, придающимъ мрамору какую-то бархатность и мягкость, которую трудно изобразить. Но выдающіяся части фигуръ — носъ, пальцы на рукахъ, и проч., отломившись въ эпохи болѣе или менѣе отдаленныя отъ насъ, а между-тѣмъ на мѣстахъ перелома я замѣтилъ тотъ же желтый колоритъ, и они нисколько не отличались цвѣтомъ отъ не поврежденныхъ углубленій барельефовъ. Изъ этого я долженъ былъ заключить, что краска происходила не отъ живописи, потому что части мрамора, ослѣпляющія бѣлизною, когда ихъ переломить, отъ времени желтѣютъ, какъ и все остальное. Я замѣтилъ также, что, по свойству всѣхъ мховъ, окрашиваніе проникало въ щели мрамора всякій разъ, какъ въ немъ показывалась гдѣ-нибудь трещина, такимъ-образомъ, что при поднятіи скорлупы мрамора, на двухъ внутреннихъ стѣнкахъ его оказывался одинъ и тотъ же цвѣтъ, и густота его уменьшалась соразмѣрно ширинѣ щели. Слѣдовательно, окрашиваніе это за-

вѣтло отъ развѣтїа мховъ, которые обыкновенно стелются во утесамъ и проникаютъ въ самыя незамѣтныя ихъ трещины.

«Послѣ того я началъ наблюдать дѣйствіе солнца на колонны зданїа, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Колонны, обращенныя къ югу, совершенно бѣлы съ той стороны, которая всего болѣе подвержена жгучимъ лучамъ солнца; потомъ отъ мало-по-малу желтѣютъ на сторонахъ, освѣщаемыхъ не столь палящимъ солнцемъ, и наконецъ, на той сторонѣ, которая почти не видитъ солнца, желтый оттѣнокъ уже является коричневымъ, и часто встрѣчаются длинныя полосы черного мха, какой растетъ, обыкновенно, на сырыхъ стѣнахъ.

«Обстоятельства эти привели меня къ слѣдующимъ заключенїямъ: такъ-какъ мраморъ, на сторонѣ почти не подверженной дѣйствию солнца, чернѣетъ, а извѣстно, что это окрашиваніе происходитъ отъ мховъ, называемыхъ *lepraria*; такъ-какъ мраморъ остается бѣлымъ тамъ, гдѣ его всего болѣе печетъ солнце, и желтизна его замѣтна только въ посредствующихъ частяхъ; то значитъ, что тутъ есть мохъ, который, при недостаткѣ сырости, не можетъ прозябать подъ палящимъ дѣйствіемъ солнца на передней сторонѣ колонны, и тѣмъ сильнѣе растетъ на частяхъ мрамора, защищенныхъ отъ солнца.

«Загадка моя была разрѣшена. Впослѣдствїи, я взялъ съ сѣверной стороны іерусалимской ограды нѣсколько кусковъ известки, и началъ скоблить ихъ лопаткой. Известковой мохъ прїсталъ къ ней, и сообщилъ ей тотъ же золотистый оттѣнокъ, который былъ на камнѣ. Слѣдовательно, мраморъ желтѣетъ не отъ дѣйствїа жара, потому-что на колоннахъ Партеона, сторона, подверженная самымъ жаркимъ лучамъ солнца, остается бѣлою, а на іерусалимскихъ стѣнахъ я нашелъ тѣже цвѣта на сѣверной сторонѣ, никогда не согрѣваемой солнцемъ.»

Аббатъ Мишонъ далъ этому мху названїе *lepraria parthenotica*, и это-то маленькое, чрезвычайно тонкое растенїе покрываетъ мраморъ, обработанный человѣческою рукою, и сообщаетъ восточнымъ памятникамъ тотъ теплый колоритъ, котораго никогда не представляютъ наши европейскїя монументы.

Но довольно о восточныхъ памятникахъ, сооруженныхъ изъ мрамора. Нашъ вѣкъ изобрѣлъ стеклянные, и одно изъ такихъ, зданїй, назначенное для парижской всемірной выставки, уже

переросло деревня Елисейских-Полей. Аркады его видны далеко; скоро начнутъ настлать стеклянную арку. Впрочемъ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, Парижане какъ-то недовѣрчиво смотрятъ на это подражаніе первому хрустальному дворцу, и сомнѣваются, чтобы въ 1855 году состоялась турниръ промышленности, которая приуныла во Франціи. Впрочемъ *Moniteur universel*, въ видахъ успокоенія умовъ, уже обнародовалъ программу и главные правила выставки. Она будетъ открыта 1 мая и закроется 31 октября 1855. Списки экспонентовъ должны быть представлены комиссіи не позже 30 ноября текущаго года. На выставку допускаются всѣ произведенія земледѣлія, промышленности и искусства, кромѣ животныхъ и растений въ живомъ состояніи, матерій гремучихъ и легко воспламеняющихся и, наконецъ, предметовъ, которые количествомъ своимъ перешли бы далѣе цѣли выставки. Предметы выставки составятъ два отдѣла: произведенія промышленности и произведенія искусства, и будутъ распределены по государствамъ, въ восемь группъ, подраздѣленныхъ на тридцать классовъ. Къ программѣ выставки прибавленъ документъ подъ названіемъ *Система классификаціи*, въ которомъ пояснено, чѣмъ отличается промышленность отъ искусства, и показаны границы между различными классами произведеній.

Покажѣтъ, вѣрно только то, что выставка эта еще болѣе разовѣетъ шарлатанизмъ индустріальныхъ объявленій, которые прогуливаются по улицамъ Парижа въ видѣ ходячихъ афеншъ, и занимаютъ цѣлыя страницы большихъ политическихъ журналовъ.

Объявленія эти — сущее наслажденіе: сквозь розовый колеръ ихъ, будущность человечества, въ отношеніи разныхъ недуговъ, представляется въ самомъ утѣшительномъ свѣтѣ.

Нить болѣе мизрени!... читаете вы въ газетахъ — и однакожь сколько слабыхъ женщинъ, и даже широкоплечихъ мужчинъ, страдаетъ этою несовсѣмъ пріятною болѣзью.

Нить болѣе зубной боли!... восклицаютъ двадцать знаменитыхъ дантистовъ, — хотя, болѣею частью, они вырываютъ больной зубъ — выдергивая его изъ челюсти.

Нить болѣе мозолей!... возвѣщаютъ операторы — и приглашаютъ танцорамъ и нетанцорамъ абонироваться по-недѣль-

въ, по-нѣбачно, или даже на годъ... Жюль Жансонъ повѣрялъ одному такому объявленію — и теперь прихрамываетъ.

Никто больше мыслитъ головь!... уже давно объявлялъ одинъ парижскій врачъ, и изобрѣлъ удивительную воду, по милости которой еще болѣе расплодилось шаржи.... Но всѣ эти объявленія, и тысяча подобныхъ, должны преклониться передъ открытіемъ, о которомъ недавно сообщено въ англійской *Morning-Chronicle*.

Докторъ Уильямъ нашель, что человекъ можетъ жить безъ внутренностей, и доказалъ это въ ученой запискѣ, разосланной къ лондонскимъ авторитетамъ по части медицины. Опытъ былъ сдѣланъ надъ больнымъ; операція совершенно удалась, но только больной — умеръ! Впрочемъ докторъ Уильямъ, чтобы оправдать свою систему, напечаталъ письмо, въ которомъ утверждаетъ, что покойный умеръ бы гораздо скорѣе безъ операціи.

Въ ожиданіи, пока люди будутъ жить безъ желудка, одинъ парижскій пирожникъ изобрѣлъ, на случай пріѣзда англійскихъ желудковъ, новое печенье, подъ названіемъ *полумъслыцъ*, который затиналъ на-время всѣ возможные *саварены*, *ришлэ*, *мазарены*, и тому подобное. За-Ламаншскіе друзья Османовъ въ восторгѣ и пожираютъ луну съ чисто-британскимъ аппетитомъ.

Я узналъ объ этомъ изобрѣтеніи изъ *Journal roué rigé*, который зорко слѣдитъ за современностью, и не упускаетъ изъ виду ни одного примѣчательнаго событія, будетъ ли это паронъ на лицахъ и ромѣ, или вѣжная корреспонденція, основанная на женской ревности и расчетѣ.

Недавно мадамъ Дошъ и мамзель Пажъ поссорились за какую-то роль—впрочемъ это было только предлогомъ—и завели въ журналахъ переписку, въ которой напоминали одна другой вещь самую непріятную — безжалостные годы.

Проза двухъ современныхъ Севинье наполнила столбцы журналовъ. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ бюджетъ этой чернильной битвы.

Мамзель Пажъ изъясняла въ кисло-сладкихъ жалобахъ досаду на тяжёлую роль, и говорила, что она соперницѣ отдастъ пре-

имущество развѣ только за опытность, которую она приобрѣла по праву старшинства лѣтъ.

Нападеніе было очень мѣтко. Мадамъ Дошъ слѣдовало бы отвѣтить, что для таланта нѣтъ возраста; но какая же женщина, задѣтая за чувствительную струну хронологіи, ограничится оборонительнымъ отраженіемъ удара?

Мадамъ Дошъ отразила булавку желѣзнымъ копьемъ.

— Если вы до-сихъ-поръ еще не приобрѣли опытности, мой другъ, то, значить, никогда не приобретете: на это нѣтъ у васъ средствъ! Драматическая наивность ваша уже насчитала двѣнадцать зимъ въ Парижѣ, кромѣ тѣхъ, которыя вы провели въ провинціи. Въ тысяча-восемьсотъ-сорокъ-второмъ году, васъ поощрили на путь парижскіе клакёры. Въ ваши годы уже не прорѣзывается зубъ мудрости.

И проч. и проч., въ томъ же тонѣ. Но газета Figaro сосчитала, что соперницамъ обѣимъ вмѣстѣ *шестьдесятъ-семь лямъ*, и предложила имъ раздѣлить эту сумму.

— Какъ! вскричала мамзель Пажъ, взглянувъ на цифру: ужели Дошъ тридцать-девятый годъ?

Для предупрежденія подобныхъ недоразумѣній на будущее время, газета обѣщаетъ сдѣлать выписку изъ метрическихъ книгъ всѣхъ артистокъ, начиная съ мадамъ Тенаръ, которая признана всѣми за самую старую, до Селвины Монталанъ, которая еще подростаетъ.

Между-тѣмъ какъ во французскихъ газетахъ изливали желчь двѣ театральныя амазонки, въ англійскихъ явилась довольно скандалѣзная полемика между лордомъ Дж. Росселемъ, биографомъ Томаса Мура, и Джемсомъ Крокеромъ. Поводомъ къ ней послужили нѣсколько отрывковъ изъ дневника поэта, изданныхъ парламентскимъ воеводой. Извѣстно, что Муръ не могъ существовать скудными доходами съ своихъ прелестныхъ стихотвореній, и что протекція доставила ему мѣсто чиновника на Бермудскихъ Островахъ. Но какъ служба эта нисколько не улучшила положенія Мура, то онъ и обратился къ своему лондонскому другу Крокеру, директору колоніального департамента, съ просьбою, не прищеть ли онъ охотника, который бы купилъ у него эту должность за тысячу фунтовъ стерлинговъ. Россель собралъ всевозможные ключи Муровой корреспонден-

ціи, напечаталъ ихъ безъ всякой критики и осторожности, и такимъ-образомъ нѣсколько окомпрометировалъ Крокера, которому хотѣлось скрыть несовѣтъ хорошую черту въ характерѣ поэта. Изъ этого возникла между Росселемъ и Крокеромъ переписка, гдѣ первый, съ свойственною ему запальчивостью, утверждаетъ, что не станетъ жертвовать истинной для пустыхъ приличій. Однакожъ истина требуетъ сказать, что вѣдь въ Англіи многія публичныя должности продаются, какъ призовыя лошади. Полемика эта надѣлала много толковъ въ англійскомъ обществѣ.

Впрочемъ понятія Англичанъ о приличіяхъ очень переменчивы. Недавно требовалось, чтобы мужчины брились, чтобы лицо ихъ было глаже фаянсовой тарелки; но теперь произошла сильная реакція, подъ названіемъ *moustache-movement*, которая вовсе горло требуетъ эманципаціи бородъ. Для рабочихъ и полисменовъ, борода можетъ служить предохранительнымъ средствомъ противъ холода, пыли, дыму, фабричныхъ испареній, и т. п., и въ этомъ смыслѣ, четыреста дублинскихъ полисменовъ просили позволенія отпустить бороду. Очень можетъ-статься, что борода сдѣлается въ парламентѣ эмблемою различныхъ партій, какъ нѣкогда алая и бѣлая роза. Однѣ газеты говорятъ: «Въ каждомъ, у котораго гладко-выбритый подбородокъ выглядываетъ изъ густыхъ бакенбардовъ, мы будемъ видѣть лѣнтяя, трутня; въ каждомъ длиннобородомъ — поленичаго, производительнаго человѣка, которому некогда безобразить бритвою свое лицо, достойное уваженія. Джентльменъ, брѣющійся каждое утро и дѣлающій проборъ на затылкѣ, теряетъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, почти три года своей жизни, назначенной для болѣе-полезныхъ обязанностей.» Высшее общество, напротивъ, отвѣчаетъ, что борода между стоячими воротничками означаетъ вандала, визигота. Но какъ артисты всѣхъ родовъ, особенно послѣ путешествія на материкъ, присоединились къ породѣ бородатыхъ — по разнымъ эстетическимъ причинамъ, въ видахъ пользы искусства, то и многія дамы начали смотрѣть на бороду съ художественной точки зрѣнія. Однѣ нѣмецкіи артисты, котораго еще въ прошломъ году закидали на лондонскихъ улицахъ грязью, потому-что онъ ходилъ съ бородою, недавно женился на хоро-

шенькой миссѣ. Молодая супруга даже упросила его пожертвовать несессеръ съ бритвами, кисточкой и мыломъ, для лотереи съ пользу какого-то женскаго пансіона. Фортепяиистъ №, съ окладистой бородою, сдѣлался любимымъ дамскимъ учителемъ, и въ залу его собираются миленькія головки, на той самой улицѣ, гдѣ нарѣдко цѣлыя толпы ребятишекъ и даже взрослыхъ бѣгали за каждымъ, у кого не лоснился подбородокъ.

Безъ сомнѣнія, это moustache-movement вскорѣ разразится брошюрами, запестритъ въ газеткахъ, и прибавитъ еще сотни названій къ каталогу новѣйшей литературы, и лишній пудъ тяжести на полки Британскаго Музея. Кстати о музеѣ.

Многочисленные посѣтителы библіотеки его давно жаловались, что въ этомъ хранилищѣ просвѣщенія очень мало свѣту. Жалобы ихъ приняты къ свѣдѣнію. Сначала предположено было покрыть внутренній квадратный дворъ музея стекленною крышею, чтобы такимъ-образомъ выиграть мѣсто. Но такое устройство повредило бы освѣженію воздуха и освѣщенію комнатъ, выходящихъ окнами на дворъ. Поэтому, теперь назначено выстроить на серединѣ просторнаго внутренняго двора зданіе, которое было бы ниже самаго музея, и не отнимало у него ни воздуха, ни свѣта. Залы этой довольно для трехъ или четырехъ сотъ читателей, и она будетъ сообщаться съ четырьмя окружающими ее сторонами главнаго зданія посредствомъ галлерей, такъ, что читателямъ будетъ очень удобно приходить и относить книги. Зала будетъ выстроена изъ желѣза, кирпича и стекла, и по вечерамъ освѣщаться газомъ, но снаружи зданія, для предупрежденія всякой опасности отъ огня. Просторную залу эту надѣются построить въ два года.

И какъ мы заговорили о книгахъ, то считаемъ долгомъ указать на «Types of Mankind and Ethnological Researches», Мертона, президента Филадельфійской академіи наукъ, собранныя Петерсономъ, профессоромъ Агассизомъ и Учеромъ, и введенныя въ систему Поттомъ и Глэддономъ. Книга эта, описывающая всѣ племена Земнаго Шара, украшена тремястами пятидесятью гравюрами на деревѣ, кромѣ того къ ней приложено множество литографированныхъ рисунковъ, картъ, генеалогическихъ, хронологическихъ и статистическихъ таблицъ и проч. Тутъ вы увидите древніе памятники, карты, статуи

ити и вѣдѣніе древнихъ и новѣйшихъ народовъ и племенъ; найдете древнюю и новую географію, естественную исторію, филологію, — словомъ науку о природѣ и человѣкѣ, съ новѣйшей точки зрѣнія.

Послѣ этого огромнаго труда, занявшаго толстый томъ, явилась брошюрка въ нѣсколько страничекъ—«Cheshire's Results of the Census», матеріалы для которой собирало множество головъ. Это — результаты народной переписи въ Англіи. Поверхность Лондона, какъ видно изъ этой брошюры, занимаетъ 78,029 акровъ или 122 англ. кв. миля. Жителей, при послѣдней ревизіи, было 2,362,236 душъ. Если собственно столицу, не считая предмѣстій, окружить стѣною, въ которой было бы четверо воротъ — одни ворота съ каждой стороны — и если бы понадобилось всему народонаселенію Лондона разомъ выйти изъ города; то жители, выбираясь въ каждыя изъ четырехъ ворота — на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ — по четыре человѣка въ рядъ, составили бы четыре вереницы, каждую длиною въ семьдесятъ-пять англ. миль (около 110 верстъ), и на выходъ изъ города имъ надо было бы полтора дня! А если бы весь этотъ люлъ пошелъ гуськомъ, по одному человѣку?... Предлагаю вставить эту задачу въ арифметическіе примѣры. Можно вообразить, какимъ цѣлующимъ здоровьемъ должно наслаждаться это народонаселеніе, въ тѣсныхъ улицѣхъ и закоулкахъ, въ дыму и копоти, которые поднимаются изъ тысячи горновъ и садятся въ горло!

Какая разниа между столицею Англіи и чистыми, просторными городами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ! Все здѣсь размѣрено циркулемъ, правильно, и путешественнику не надо компаса, чтобы добираться въ городъ до своего жилища. А между-тѣмъ для городовъ Союза еще порядочно не придумано и названій.

Граждане Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ очень затрудняются выборомъ названій для своихъ городовъ, и чѣмъ больше возрастаетъ число послѣднихъ, тѣмъ труднѣе становится прибрать для нихъ имена. Со времени войны за независимость, вошло въ употребленіе называть ихъ въ честь знаменитыхъ Американцевъ; но какъ великихъ мужей было немного, то патріотическое соревнованіе произвело въ геогра-

фин Союза настоящій хаосъ. По словамъ *American Gazetteer*, кромѣ главнаго города республики, двадцать-семь графствъ и по-крайней-мѣрѣ полтораста городовъ, мѣстечекъ и селъ носятъ имя Вашингтона; къ этому надо прибавить еще одинъ Вашингтонъ-Голлау, Вашингтонъ-Гэйсъ, Вашингтонъ-Дэкъ, и поддужины Вашингтонсвиллей. Въ память Франклина названо девятнадцать графствъ и сто-шестнадцать городовъ, не считая еще тридцати Франклинстоуновъ, Франклинсвиллей, и т. п. За этими двумя именами слѣдуютъ Джефферсонъ, котораго имя носятъ восемнадцать графствъ и тридцать-девять городовъ и проч., и Мадисонъ, доставившій названіе шестнадцати графствамъ и двадцати-шести, болѣе или менѣе значительнымъ, мѣстечкамъ. Сверхъ того есть множество Джексоновъ, Монро, Гаррисоновъ, Гамилтоновъ, Клинтоновъ, и проч. и проч. Замятости Стараго Свѣта также не забыты: въ Союзѣ насчитываютъ не менѣе тридцати-семи Мильтоновъ, три Мальтоновилля и одинъ Мильтонбургъ, семь Гемленовъ и столько же Сидисевъ. Храбрый адмиралъ Блекъ сохранится въ память по милости Блексбурга и Блексвилля. Герой голландскаго флота Рейтеръ также получилъ дань уваженія. Рядомъ съ семью Нельсонами красуется такое число Наполеоновъ, между-тѣмъ какъ о Веллингтонѣ подумали только шесть-разъ. Послѣ Мильтона, наибольшою популярностью между поэтами пользуется Байронъ, въ честь котораго названо десять городовъ и мѣстечекъ. Замѣчательно, что въ Америкѣ нѣтъ ни одного Шекспира, хотя встрѣчаются три Ромео и два Гамлета. Вообще, каждое достопамятное событіе, происходящее въ нашей части Свѣта, каждая любопытная личность, выплывающая на европейскую поверхность, привѣствуются по-ту-сторону Атлантическаго Океана сооруженіемъ какого-нибудь города. Тамъ уже есть почтовая станція Жениа Ляндъ. Названія городовъ Стараго Свѣта тоже изобилуютъ въ Америкѣ; такъ встрѣтите вы двадцать-два Парижа, двадцать-одинъ Римъ, двадцать Вѣнъ, семнадцать Лиссабоновъ, восемь Берлиновъ, семь Капровъ, пять Кадиксовъ, четыре Мемфиса, Трои, Уттику, Иерусалимъ, Иерихонъ, Сиракузы, Пальмиру, Калькутту, Москву, Петербургъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Франкфуртъ, и проч. и проч.; недостаетъ только Константинополя.

Вѣроятно, въ скоромъ времени явится еще городъ — *Жюльенъ*, въ честь знаменитаго капельмейстера, который теперь путешествуетъ съ своимъ оркестромъ по Соединеннымъ-Штатамъ, и даже затмилъ тамъ звѣзду госпожи Зонтагъ-Росси. Американцы встрѣчаютъ его съ восторгомъ, пишутъ стихи въ честь его фрака, галстука, и поднесли ему титулъ *великому лорда адмиралтейства на океанъ мелодіи*. Какая сатира на европейскую холодность этотъ за-атлантическій энтузіазмъ!

Европейская музыкальность обращаетъ взоры только на Италію, на городокъ Пезаро, ожидая, не споетъ ли чего тамъ мощный лебедь. Но — увы! — Россіи молчатъ, даже не хотятъ ѣхать за Альпы.

Недавно, одинъ туристъ-меломанъ посѣтилъ Россіи, причемъ, разумѣется, не преминулъ сказать, что Франція тоскуетъ объ его отсутствіи, и спросилъ, не пріѣдетъ ли маэстро въ Парижъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ маэстро.

— Когда же, можемъ надѣяться?

— А когда Жиды кончатъ шабашъ.

Такъ Россіи называетъ музыку Галеви, Мейербера, и другихъ Израильтянъ-музыкантовъ.

Говоря о гениі, отдыхающемъ на лаврахъ, невольно вспоминаешь о Французской Академіи, которой члены засыпаютъ тотчасъ по производствѣ ихъ въ *безсмертные* (это ихъ титулъ). Теперь въ этомъ ученомъ сословіи стоятъ вакантными два кресла, послѣ недавней смерти Жё и Тиссо, засѣдавшихъ скорѣе по праву рожденія, нежели по праву таланта. Тиссо, говорятъ, перевелъ когда-то *Энеиду*, а Жё написалъ нѣсколько похвальныхъ словъ; достовѣрно только то, что оба они трудились для журналовъ *Minerve* и *Constitutionnel* (прежній, до-вероновскій). Говорятъ, будто въ кандидаты метить Жюль Жаненъ, имѣющій тысячу причинъ считаться представителемъ современной французской словесности; Понсаръ — украшеніе новѣйшей сцены; Жерюзэ — ученый и остроумный историкъ французской литературы, и Маньенъ — тоже очень уважаемый писатель. Рассказываютъ, что когда Мишо объяснялъ Мегмету-Али, что значить Французская-Академія,::
ваша перебилъ его рѣчь, и сказалъ:

— Такъ васъ только сорокъ? А я думалъ, что Франція гораздо богаче отличными сочинителями.

Да, такъ богата, что даже не помѣстилась въ двухъ-стахъ сорока-девяти лицахъ *Литературнаго пантеона*, составленнаго изъ однихъ великановъ, включая сюда и.... карликовъ.

Господинъ Z...., считающій себя въ числѣ литераторовъ, остановилъ на улицѣ автора *Литературнаго пантеона*.

— Хорошо, любезный Надаръ, очень хорошо!

— А что?

— Помѣстили портреты рѣшительно всѣхъ литераторовъ, кромѣ моего.

— Ошибаетесь, любезный: вы-то и заключаете шестіе.

— Будто?

— Право. Посмотрите.... Видите-ли этого литератора... вонъ тамъ... въ самомъ концѣ процессіи?

— Вижу даже двухъ или трехъ.

— Вы одинъ изъ трехъ.

— Но вѣдь это чуть замѣтныя человѣческія формы, затаннныя туманомъ....

— Конечно!

— Тѣни, образы безъ лицъ, которые ничего не означаютъ.

— Сюда-то вы и понали. Неблагодарный!

Литературный-пантеонъ этотъ рисуется теперь за стеклами эстампныхъ и книжныхъ магазиновъ Парижа, особенно на бульварахъ, и толпа хохочетъ во весь ротъ на эту процессію знатенностей.

И такъ-какъ мы на бульварѣ, то вотъ маленькій случай изъ парижской жизни.

Двое молодыхъ людей завтракали въ ресторанѣ. Одинъ изъ нихъ былъ влюбленъ, но несчастливо, потому-что преимущество отдавалъ другому. Черезъ нѣсколько минутъ, входитъ въ ресторанъ пожилой господинъ съ бакенбардами, соперникъ несчастнаго влюбленнаго, садится за особый столъ, и велитъ подать дюжину устриць.

— Плохо! замѣтилъ молодой девъ: тринадцать за столомъ!

1871 г. — 1871 г.

Господинъ въ бабенбардахъ услышалъ это замѣчаніе; бавлязавезъ скоро, и дѣло чуть не дошло до дуэли.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, я нашелъ въ ученыхъ журналахъ много примѣчательныхъ открытій.

— Въ послѣднемъ засѣданіи конгресса ученыхъ обществъ, на который собралось въ Парижѣ болѣе сотни депутатовъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ изъ департаментовъ, была читана, между прочимъ, любопытные мемуары объ искусственномъ разведеніи рыбы во Франціи. Маркизъ де-Вибрѣ, имѣющій помѣстье въ Солени, послѣ многочисленныхъ опытовъ надъ количествомъ и температурой воды, отъ которыхъ зависитъ оплодотвореніе икры, и надъ кормленіемъ и воспитаніемъ молодыхъ рыбокъ, успѣлъ въ два года выростить лососей, длиною въ четырнадцать, и форелей — отъ двадцати до двадцатилуку сантиметровъ. Послѣднія особенно удались, такъ-что г. Вибрѣ уже могъ спустить порядочное число ихъ въ рѣки, для возобновленія исчезнувшей породы. — Виконтъ де-Романѣ, также савонскій помѣщикъ, дѣлалъ опыты надъ разведеніемъ угрей, и въ два года они выросли такъ, что ихъ уже можно было подавать къ столу. Г. Катрѣажъ замѣтилъ, что оплодотвореніе икры зависитъ отъ температуры воды, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опыты не удавались именно потому, что вода была нѣсколькими градусами теплѣе или холоднѣе. — По мнѣнію г. Пенжибе, всего лучше для молодыхъ рыбокъ пища изъ животнаго царства и кровь, собираемая на бойняхъ.

— На юговосточной оконечности Калгуажунти, къ сѣверу отъ С.-Юста, воздвигнуто укрѣпленіе въ видѣ полуокруга въ двѣсти футовъ въпоперечникѣ, противъ котораго на югозападъ лежитъ фортъ такой же вышины. Въ Странгвельсѣ (County Wayne von Michigan) у сѣвернаго берега рѣки Детруа, построены также фортъ эллипческаго вида, обнесенный на пространствѣ полудесятины валомъ въ три фута высоты; этотъ фортъ водвигнутъ искусственнымъ образомъ посреди обширныхъ топей, по которымъ, по направленію къ форту, проведены двѣ правильныя плотины, поднятыя на 4 или 5 футовъ. Судя по мѣстнымъ устройствамъ, этотъ пунктъ служилъ совѣщательнымъ собраніемъ первоначальнымъ Индейцамъ; что же касается до мѣста обороны, то нельзя предположить, чтобы этотъ фортъ былъ настроенъ съ такой дѣлью,

по той причинѣ, что не видно и слѣдовъ тѣхъ деревянныхъ укрѣпленій, которыя обыкновенно встрѣчаются въ старинныхъ крѣпостяхъ. Вдоль теченія сѣвернаго рукава р. Клинтона, въ двухъ миляхъ отъ деревни Маршалъ, въ Прери-Рондъ у Колоснацо, въ Бруссе и Мазамбикути, находится тоже нѣсколько четверугольныхъ и продолговатыхъ укрѣпленій, большею частью обнесенныхъ неправильными валами, имѣющими въ окружности отъ 1 до 5 десятинъ (2—10 акровъ); въ этихъ фортахъ остались еще нѣкоторые слѣды крѣпостныхъ воротъ, изъ числа которыхъ многія были открыты на одномъ крутомъ холмѣ подлѣ р. Клинтона, въ 8 миляхъ отъ озера Сентъ-Клера. Между прочимъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, копали здѣсь могилу для какого-то миссіонера, вырыто было много человѣческихъ остововъ необыкновенной величины; но не возбудивъ ни въ комъ ученаго интереса, они снова переданы были землѣ. При устьѣ рѣки Детруа открыто также нѣсколько старинныхъ укрѣпленій, и въ одномъ изъ нихъ близъ Бельфонтена, найдено нѣсколько кургановъ, по разрытіи которыхъ найдено было много человѣческихъ остововъ, обломковъ стрѣлъ, каменныхъ топоровъ и т. под., что побудило г. Блоа, редактора журнала *Michigan Gazetteer*, съ помощью ученаго друга предпринять подробное изслѣдованіе одного пирамидальнаго кургана, открытаго ими на уединенномъ холмѣ, окруженномъ въ пространствѣ семи миль песчаною пустынею. Въ верхней части этого кургана открыто было ими множество черепицъ, глиняной посуды, частей человѣческихъ скелетовъ, въ томъ числѣ нѣсколько коренныхъ зубовъ, истлѣвшихъ до наружной скорлупы. Они разрыли курганъ этотъ на 4 фута отъ уровня земли, находя въ разныхъ частяхъ слоя много примѣси истлѣвшихъ человѣческихъ труповъ и, судя по скелетамъ, они насчитали шесть отдѣльныхъ тѣлъ, погребенныхъ здѣсь рядомъ или одно надъ другимъ. При этомъ у каждаго скелета найдены были куски стрѣлъ, копій, топоровъ и различныхъ другихъ каменныхъ издѣлій, которыя въ такой степени предалися уже гнинію, что съ трудомъ возможно было вообразить себѣ первоначальную форму; сверхъ того найдено было у каждаго остово по нѣсколько фунтовъ красной матеріи, вполне сохранившей еще свою яркость. На футъ отъ основанія кургана встрѣтимъ

они слой угля въ три дюйма, подъ которымъ открыто еще шесть скелетовъ, сидящихъ въ одинъ рядъ, въ такомъ положеніи, что голени ихъ отстояли отъ таза на 4 дюйма, верхнія же части туловищъ опрокинуты были назадъ, головы ихъ обращены были къ сѣверу, а въ рукахъ держали они глиняные сосуды, такъ что въ этомъ видѣ они показались пьющими. Многія части скелетовъ предались уже глѣнію, но скулы и зубы были еще цѣлы и казались какъ-бы полированными; но оставы и формы череповъ не имѣютъ сходства съ устройствомъ головъ нынѣшнихъ Индійцевъ. Повидимому, предки ихъ имѣли большой и широкій ротъ, плоское и круглое лицо, глаза впалые, лобъ весьма низкій, расширяющійся къ затылку, что доказываетъ слабое уміе (такъ что по всему вѣроятію среди ихъ не было ни Минервы ни Венеры), черепъ ихъ необыкновенно толстъ. Вслѣдствіе этихъ признаковъ, изслѣдователи причислили открытыя ими скелеты къ африканскому племени. Самый большой изъ скелетовъ былъ величиною въ 5 футовъ и два дюйма; также и здѣсь кругомъ скелетовъ лежало много роговыхъ копій, стрѣлъ, кремней и кусковъ кварца въ видѣ ножей, которые были большею частію еще до такой степени остры, что ими можно было рѣзать фланель. Кромѣ открытаго въ землѣ одного сосуда, величиною съ небольшимъ въ ведро изъ перержавленнаго желѣза, ничего металлическаго не было болѣе открыто. Между различными вещами найденъ былъ также кусокъ огромной морской раковины, нѣсколько жемчужинъ и маленькихъ камешковъ, выточенныхъ изъ раковинъ; жемчужины эти были цилиндрическаго вида, длиною въ $\frac{3}{4}$, а толщиной въ $\frac{1}{2}$ дюйма, просверленныя въ длину. Шесть такихъ жемчужинъ нашли во рту одного скелета; вѣроятно, ихъ считали талисманами для душъ усопшихъ. Остальные сосуды были до такой степени перебиты, раздавлены, подвержены глѣнію, что трудно было даже узнать ихъ форму; однако можно было заключить, что большая часть ихъ была величиною въ ведро, въ видѣ полуяйца, съ узкимъ отверстіемъ безъ ручекъ и съ зазубренными краями, внутри гладкіе, а снаружи украшенные различными фантастическими фигурами; масса ихъ состояла изъ глины съ примѣсю кварцоваго и другихъ сортовъ песку. Г. Блау полагаетъ, что эти сосуды

закачивались въ огонь и служили для приготоленія пищи. Подобные сосуды были также во множествѣ открыты и въ Техинскомъ оверѣ, въ Озіо и Новей-Англии. Шолкрафтъ упоминаетъ въ сочиненіи своемъ «Travels» о многихъ сосудахъ гораздо большаго объема, найденныхъ въ солончакахъ, близъ Илланода въ глубинѣ 80 футовъ; они были сдѣланы изъ такой массы, которая весьма способна вынести самый сильный жаръ.

Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вырыли въ глубинѣ 80 футовъ подобный же сосудъ, величиною въ 3 ведра. Итакъ изъ открытыхъ адѣосъ средствъ г. Блуа заключилъ слѣдующее:

1) Всѣ открытыя въ Америкѣ tumuli, воздвигнутыя искусствомъ рукъ человѣческихъ, представляютъ собою могилы древнихъ туземцевъ.

2) Въ бельфонтоискихъ же курганахъ покоятся прахъ двухъ совершенно различныхъ племенъ, въ такомъ порядкѣ, что въ верхнихъ слояхъ земли погребены трупы Индійцевъ, а въ нижнихъ — первоначальныхъ племенъ прямыхъ основателей этихъ могилъ, которые, по особенному устройству ихъ черепа и малорослости, должны быть другаго происхожденія.

3) Степень образованія первоначальныхъ поселенцевъ Америки, превосходящая въ этомъ Индійцевъ, мы можемъ заключить изъ бывшихъ у нихъ въ употребленіи каменныхъ ножей, топоровъ, оконечностей копій и стрѣлъ. Судя по прочности ихъ зубовъ, они вели жизнь животныхъ, потому-что по словамъ Плетена «по мѣрѣ порчи зубовъ и количеству употребляемаго мыла въ народѣ можно судить о степени его образованности». Употребляемые ими металлическіе и глиняные сосуды доказываютъ намъ техническія познанія этого народа, который умѣлъ изъ мѣди и цинка выдѣлывать жести и вообще произведенія роскоши. Къ сожалѣнію, этотъ образованный народъ встрѣтилъ въ Индійцахъ — своихъ Гунновъ, Монголовъ, которые, прійдя изъ дальнихъ странъ, варварски погребли здѣсь все просвѣщеніе и накрыли прахъ несчастныхъ туземцевъ цѣлыми слоями земли.

4) Мексиканскія древности имѣютъ одинаковое происхожденіе съ открытыми въ долинѣ Миссисипи, такъ-какъ макамбкунтскій фортъ и курганы имѣютъ большое сходство съ укрѣпленіями, открытыми въ Маріетѣ, Панткретѣ и другихъ частяхъ Озіо. — Точно также найденныя въ Бельфонтовѣ зем-

чуждым равновіемъ, по описанію Атветера, имѣютъ большое сходство съ открытыми въ одномъ курганѣ близъ Цинцинати.

5) Во времена этикъ неизвѣстныхъ намъ народовъ, Америка неизвѣстному была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; однако на пути образованія своего, это племя не успѣло достигнуть совершенства и могущества древнихъ Римлянъ и Ассиріянъ. — Заключение это покажется, можетъ-быть, оскорбительнымъ гордымъ философамъ, которые изъ историческаго развитія умственныхъ способностей человѣка, заключаютъ объ его успѣхахъ на поприщѣ литературы; но такое философское предположеніе не можетъ имѣть достаточнаго основанія, не должно быть оставлено въ забвеніи. Настоящіе жители Америки не достигли еще той степени просвѣщенія, чтобы съ пользою заниматься изслѣдованіемъ древностей нумизматики, которой предстоить еще, какъ и самой странѣ, блестящая будущность, и хотя здѣсь еще не найдено до-сихъ-поръ ни одного нолпейскаго, ниневійскаго и греческаго идола, тѣмъ не менѣе страна эта хранитъ въ нѣдрахъ своихъ богатѣйшее сокровище для любознательности человѣчества.

— Помархъ Фтіотиды и Фекиды А. Зигомала, донесъ греческому министерству внутреннихъ дѣлъ, что, посѣтивъ циклопическую крѣпость Кремасты-Лариссы, которая, по мнѣнію древнихъ поэтовъ и историковъ, была столицею Ахиллеова владѣнія, онъ открылъ между упавшими камнями крѣпостной башни окаменѣлаго дракона, или змѣя, изъ рода европейскихъ.

«Змѣй этотъ, говоритъ г. Зигомала: окаменѣлъ, сколько могу догадываться, въ потопъ позднѣйшаго времени, нежели потопъ Палесоврій: такъ-какъ кромѣ головы и двухъ третей длины тѣла его, сохранилась цѣлѣвдрическая его фигура.

«Внутри первой полости желудка этого чудовищнаго змѣя существуютъ нѣкоторые органы, сросшіеся въ длину и улиткообразные, которые — или часть пищеварительнаго канала, или кровеносныя сосуды змѣя. Последнее заключеніе мнѣ кажется вѣроятнѣйшимъ, какъ по анатомической мѣстности органовъ, такъ и по сохраненію ихъ.

«Я сказалъ выше, что змѣй этотъ окаменѣлъ въ потопъ позднѣйшій потопъ Палесоврій. Мнѣніе это подтверждается

тѣмъ, что вся внѣшняя поверхность змѣя покрыта сталактитами, показывающими, что въ то время, какъ воды покрыли горы и поля Фессалии, змѣй находился внутри пещеры, бывшей убѣжищемъ его, гдѣ, задохшись отъ наводненія, накрылся сталактитами пещеры по спаденію воды. Это доказываетъ и поднятая голова змѣя, искавшаго спасенія этимъ способомъ.

«Любопытно, что, въ-самомъ-дѣлѣ, какъ я узналъ отъ капитана Курумбы, стоявшаго съ войскомъ въ отдалѣ дима Кремасты-Лариссы, вблизи этой крѣпости есть пещера, весьма любопытная по своимъ сталактитамъ и по разительнымъ ихъ фигурамъ. Многіе изъ жителей этого дима, услышавъ о сдѣланномъ мною объясненіи окаменѣлаго дракона, увѣрили меня, что въ этихъ мѣстахъ горы водятся много змѣй, тѣщиною въ руку. А что чудовищные змѣи гнѣздились въ пещерахъ нашихъ, доказательствомъ тому служитъ драконова пещера Иты, которая поэтому, безъ сомнѣнія, получила в свое названіе.

«Итакъ, вѣроятно, открытій на вершинѣ циклонической крѣпости Кремасты-Лариссы змѣй окаменѣлъ въ потокъ Демкаліоновъ, который, если смѣю высказать свою мысль, произошелъ спокойно, безъ вулканическихъ внезапныхъ порывовъ. Предлагаю эту мысль на обсужденіе геологовъ Европы, которые, если рѣшатся посѣтить эти мѣста Греческаго Королевства, послѣ открытія Палеоэврий монастыря Антипиды и окаменѣлости дракона Кремасты-Лариссы, могутъ надѣяться совершить великія геологическія открытія».

— Древній міръ безпрестанно воскресаетъ подъ заступою нашего пытливаго вѣка. Недавно между Римомъ и Неаполемъ проведенъ электрической телеграфъ, который идетъ вдоль Аппіевой дороги, проложенной еще во время древнихъ Римлянъ, такимъ-образомъ, что шести, служащіе опорой проводнику, возвышаются во многихъ мѣстахъ среди развалинъ старинныхъ памятниковъ. Вдоль этой безконечной дороги, чуждымъ образомъ сохранившейся до нашихъ временъ, по правую сторону разстилаются зеленѣющіе луга, принадлежащіе къ древнимъ загороднымъ домамъ, которые пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ знаменитыми водопроводами съ полуразвалившимися сводами. Далѣе, когда вы подниметесь на возвышеніе къ

подножію славнаго памятника *Cecilia Metella*, взорамъ нашимъ представится вновь-открытая часть этой дороги, идущая по прямому направленію къ Альпійскому хребту. По обѣимъ сторонамъ ея, немного выше, проложены двѣ тропинки, вдоль которыхъ разбросано безчисленное множество древнихъ надгробныхъ памятниковъ, и среди ихъ особенно отличается *Casale rotundo*, неуступающій въ архитектурѣ *Cecilia Metella*, но даже превосходящій его величиною. Здѣсь, въ развалинахъ лабиринта, подъ сводами древнихъ катакомбъ, простирающихся на 120 футовъ въ окружности, имѣеть помѣщеніе довольно большаго зала, обсаженнаго нѣсколькими масличными деревьями. Кругомъ этой хижины видны еще остатки карнизовъ богатой архитектуры на полуразрушенныхъ колоннахъ и аркахъ, подъ которыми когда-то развѣшены были превосходныя люстры; вокругъ же всего строенія, у подножія большей части надгробныхъ памятниковъ, сохранились еще обычныя древнимъ скамьи. Изъ числа неизгладившихся еще старинныхъ эпитафій, нѣкоторыя гласятъ о погребенныхъ здѣсь служителяхъ; мастеровыхъ, вольноотпущенникахъ, и вообще о лицахъ низкаго происхожденія, но притомъ магометанскаго и еврейскаго исповѣданія, что видно изъ самыхъ именъ, какъ напримѣръ: *Achiba*, *Baricha* и другихъ. Въ углубленіяхъ стѣнъ стоятъ еще кое-гдѣ древніе бюсты, изъ числа которыхъ лучшіе перевезены уже въ римскій музей; также сохранилось здѣсь еще нѣсколько старинныхъ мужскихъ и женскихъ статуй, въ тогахъ и пенлумахъ, но всѣ онѣ почти обезображены, съ отбитыми членами стоятъ прислонившись къ развалинамъ. Однимъ словомъ, вѣка привели здѣсь все въ опустошеніе, и уцѣлѣли одніи груды обломанныхъ колоннъ, карнизовъ и фундаментовъ, среди которыхъ нрѣдка мелькаютъ жертвенники съ воздвигнутыми на нихъ идолами, по которымъ живописно вьются цвѣтушія растенія.

— Долго ли будутъ жить современныя намъ зданія — неизвѣстно. Вѣрно только то, что камень переживетъ доски и бревна, подверженныя тысячѣ атмосферическихъ вліаній. Впрочемъ, недавно придумли средство, для предохраненія дерева отъ гнилости. По увѣренію англійскихъ инженеровъ и архитекторовъ, продуктъ сухой перегонки каменноугольнаго дегтя,

изысканной нафталиновъ, оказывается отличнымъ для этого средствомъ. Но едва-ли еще не лучше действуетъ смесь нафталина и смолянаго масла, получаемаго также при упомянутой перегонкѣ.

Инженеръ Бителъ предлагаетъ, для пропитыванія дерева смѣсью изъ нафталина и смолянаго масла, дерево предварительно высушивать въ особенно устроенной для того комнатѣ, куда проникаетъ токъ горячаго дыма. При этомъ дерево не только просушивается, но еще проникается продуктами горѣнія, содержащимися въ дымѣ и обладающими противогнилостнымъ свойствомъ. Затѣмъ оно погружается въ чаны, наполненные смѣсью изъ нафталина и смолянаго масла. Замѣчательно, что сосновые брусья усыхаютъ въ 10 — 12 дней по 8 фунтовъ на кубической футѣ дерева; но послѣ погруженія въ жидкость, вновь приобретаютъ прежній вѣсъ отъ пропитыванья. Бревна и пластинки для подрельсниковъ, приготовленные по способу Битела, выдержали 12 лѣтъ безъ всякаго поврежденія.

— На дублинской выставкѣ обратила на себя вниманіе зна токовъ композиція особаго рода, весьма близко подходившая видою и полнатурою къ лучшей слоновой кости. Въ отчетѣ присяжныхъ выставки этотъ составъ названъ *protean stone*.

Извѣстно, что смѣсь обожженнаго гипса съ водою твердѣетъ, потому-что безводная сѣрнокислая известь стремится переходить въ водную и поглощать количество воды, улетѣвшее изъ нея во время обжиганія. Если къ безводной извести примѣшано воды болѣе того количества, которое можетъ соединиться съ нею химически, то остатокъ воды, находясь въ молекулярной смѣси съ сѣрнокислою солью, дѣлаетъ ее непрозрачною, и масса, высыхая, дѣлается свѣжистогою. Эта отвердѣвшая масса имѣетъ совершенно одинаковый составъ, съ естественнымъ гипсомъ, хотя отличается отъ него видою и физическими свойствами. Нѣкто Чевертонъ, обративъ вниманіе на упомянутыя обстоятельства, вздумалъ медленно соединять воду съ обожженнымъ гипсомъ, подвергая послѣдній извѣстному давленію: при этомъ получалась плотная, просвѣтляющаяся масса, съ кристаллическимъ сложеніемъ. Изобрѣтатель послѣдовалъ взять привилегію на свое открытіе.

Для приготовления *protean stone*, медленно насыщают обожженный гипс водою, при чемъ, если былъ взятъ плотный алебастръ, то даютъ ему форму вещи, которую желаютъ изготовить, а если взятъ намельченный гипсъ — то прессуютъ его въ формѣ. Во всякомъ случаѣ, приготовляемая вещь подвергается въ теченіе сутокъ нагрѣванію отъ 100° до 140° по Реомюру, при чемъ изъ гипса отдѣляется вода, а масса, сохраняя данную ей форму, дѣлается хрупкою.

Если поверхность приготовляемой вещи должна просвѣчивать, то, прежде насыщенія гипса водою, она погружается въ деревянное масло или въ бѣлый густой лакъ, пока эти жидкости проникнутъ въ поверхностный слой гипса. Для сообщенія же предмету твердости, его погружаютъ на нѣсколько секундъ въ воду, нагрѣтую отъ 30° до 50° Реомюра, и повторяютъ это погруженіе чрезъ каждую четверть, часа до-тѣх-поръ, пока сѣрнислая известь насытится водою. Тогда масса получаетъ кристаллическій видъ и становится тверже алебастра. Окраска производится до погруженія вещи въ лакъ или смолу. Растворъ краски дѣлается въ водѣ, и въ нее опускаютъ вещь, которую желаютъ окрасить. Если же желаютъ получить вещь пеструю, особенно при подражаніи мрамору и другимъ камнямъ, то краска наводится или набрызгивается кистью.

— Въ помѣсть Вольфсмиоль, отстоящемъ на одну милю отъ Торна, начали разрабатывать желѣзную руду, которою земля была покрыта такъ, что земледѣльческія орудія не могли проникнуть въ нее глубже, чѣмъ на 4 дюйма. Образцы этой руды попали въ руки извѣстнаго металлурга Карстена, который призналъ ихъ за метеорное желѣзо, т.-е. за вещество, упавшее на землю изъ воздуха.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что это вещество покрываетъ все пространство владѣнія Вольфсмиоля и лежитъ отдѣльными массами, отъ 2 до 3 футовъ длиною, отъ 3 до 6 дюймовъ шириною и отъ 2 до 3 дюймовъ толщиною. Этимъ же веществомъ покрыты оба берега ручья, вдоль котораго оно лежитъ длиною полоскою въ 160 футовъ шириной. Можно положить, что все количество метеорнаго желѣза, находящагося въ этой мѣстности, простирается до 5 тысячъ кубическихкихъ футовъ и вѣситъ около 60 тысячъ пудовъ.

Судя по химическому составу, надо допустить, что вся эта масса желѣза упала изъ воздуха въ видѣ воздушныхъ камней или аэролитовъ. Но когда совершилось такое явленіе?

Рѣшеніе такого вопроса чрезвычайно затруднительно, хотя и находится въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера свидѣтельство, что 9 января 1572 года, въ 9 часовъ вечера, разразилась надъ Торномъ страшная буря съ землетрясеніемъ, и что въ это время падали съ неба камни, вѣсомъ фунтовъ по десяти, убившіе множество людей.

Химическое разложеніе показало, что этотъ метеорный продуктъ состоитъ изъ 55 процентовъ желѣза и 45 процентовъ землястой примѣси. Первоначально онъ былъ въ плотномъ состояніи; время и атмосферныя вліянія превратили его въ рыхлую массу.

— Нѣкто Рупель во Франціи, занимающійся воспитаніемъ шелковичныхъ червей, вздумалъ кормить ихъ покрашенною пищею, въ то самое время, когда они начинаютъ свивать коконъ или куколку. Первый опытъ сдѣлалъ онъ съ индигомъ, посыпая этою красною листья шелковицы, которыми питались черви. Животныя эти дали шелкъ довольно чистаго сиваго цвѣта.

Первая удача ободрила Рупеля къ дальнѣйшимъ опытамъ: онъ сталъ искать вещество, которое заставило бы червей доставлять красный шелкъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ открылось, что растеніе *bigonia chica* даетъ вполне удовлетворительный результатъ. Искрошивъ это растеніе на мелкіе кусочки, Рупель перемѣшалъ ихъ съ шелковичными листьями—и черви, кормленные этой смѣсью, дали шелкъ превосходнаго краснаго цвѣта. Теперь Рупель продолжаетъ свои опыты, съ цѣлью получить шелкъ другихъ цвѣтовъ.

— Изобрѣтенный г. Массономъ способъ сберечь овощи болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, и даже Петербургъ, зимою, на многихъ столахъ супъ и соусы благоухали свѣжестью лѣтнихъ овощей, по милости этого французскаго гастронома-филантропа. Зелень сохраняется, по его системѣ, не теряя ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса. Но выгода новаго изобрѣтенія Массона имѣетъ еще то достоинство, что даетъ возможность имѣть очень большое количество овощей въ самомъ не-

значительномъ объемѣ, такъ-что весьма легко можно уложить въ боковой карманъ жилета запасъ турецкихъ бобовъ, брюссельской капусты и шпината для обѣда на полдюжины персонъ. Чтобы достигнуть до приготовленныхъ въ подобномъ видѣ овощей, Массонъ нашелъ средство сохранять всю питательную сочность растительныхъ веществъ, которую они теряютъ при обыкновенной ихъ сушкѣ, и для того онъ прибѣгнулъ къ особеннаго рода сушильнымъ печамъ, посредствомъ которыхъ совершается осушиваніе растительныхъ веществъ при постепенно увеличивающейся температурѣ, непревышающей однако 38° и 40° стоградуснаго термометра. Для уменьшенія же объема растительныхъ веществъ, изобрѣтатель употребилъ въ дѣло гидравлическій прессъ, который сдавливаетъ до невѣроятности подверженные его дѣйствию овощи. Изобрѣтеніе Массона въ особенности полезно для моряковъ. До-сихъ-поръ, на корабляхъ, отправлявшихся въ дальнія путешествія, употребляли въ пищу, кромѣ мяса, большею частью соленаго, одни только сухеные бобы и чечевицу. Такаго рода пища способствуетъ къ развитію нѣкоторыхъ болѣзней у моряковъ, а новый способъ сбереженія овощей можетъ и помочь горю, и вмѣстѣ доставить гастрономическое удовольствіе мореплавателямъ.

—Изъ ученыхъ извѣстій мы считаемъ приличнымъ сообщить еще письмо мистера Раулинсона, изъ Багдада, къ издателю Athenaeum. Въ этомъ письмѣ мистеръ Раулинсонъ приводитъ въ систему всѣ историческія открытія, сдѣланныя въ развалинахъ Вавилона, и показываетъ, что вавилонская исторія мало-по-малу перестаетъ быть миеомъ и начинаетъ занимать ту страницу въ исторіи западной Азіи, которая до-сихъ-поръ была ощутительнымъ пробѣломъ.

«Я спѣшу сообщить вамъ — пишетъ мистеръ Раулинсонъ — открытія, сдѣланныя мною недавно въ вавилонской исторіи.

«Мистеръ Тэйлоръ, который въ продолженіе зимы занимался отправленіемъ въ Британскій Музей находокъ, вырытыхъ въ южной Халдѣи подъ моимъ надзоромъ, выкопалъ недавно нѣсколько глиняныхъ цилиндровъ въ развалинахъ Умъ-Кира (древній Уръ Халдеевъ, лежащій на Евфратѣ, неподалеку отъ современнай арабской столицы Сукъ-ессъ-Шукъ). Два явъ

этихъ цилиндровъ были доставлены ко мнѣ, и я нашелъ, что на нихъ содержится записка всѣхъ работъ, исполненныхъ при *Набонидѣ* (последнемъ вавилонскомъ царѣ) въ южной Халдее. Между прочимъ, въ этихъ надписяхъ говорится о возстановленіи храмовъ, выстроенныхъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ халдейскими монархами, и упоминается также объ открытіи вновь канала, выкопаннаго при *Набопалассарѣ* и *Небухаднетцарѣ* (Навуходоносорѣ). Самый важный фактъ, впрочемъ, открытый мною, состоитъ въ томъ, что старшій сынъ *Набонида* навывался *Бельшарезаромъ* *, и что онъ былъ допущенъ своимъ родителемъ къ участию въ управленіи. Это, безъ сомнѣнія— *Бельшатцаръ* (Валтазаръ). Такимъ-образомъ, мы находимъ ключъ къ разъясненію той важной исторической задачи, которая до-сихъ-поръ не могла быть рѣшена. Мы теперь понимаемъ, какъ *Бельшатцаръ*, соправитель своего отца, могъ быть правителемъ Вавилона въ то время, когда на этотъ городъ напали соединенныя силы *Мидянъ* и *Персовъ*, и какъ могъ *Бельшатцаръ* погибнуть при этой осадѣ. *Набонидъ*, спѣшившій съ войскомъ на освобожденіе города, былъ разбитъ и принужденъ искать убѣжища въ соседнемъ городѣ *Борсиани* (или *Борси-Намрудѣ*), гдѣ онъ скоро сдался на капитуляцію, которая, слѣдя Берозу, была довольно почетна и состояла въ томъ, что *Набонидъ* долженъ былъ удалиться въ *Карамидъ*.

«Такимъ-образомъ открытіе имени *Бельшарезара*, принадлежащаго сыну *Набонида*, дало намъ возможность повѣрить показанія достоверныхъ историковъ, *Геродота* и *Бероза*.

«Я думаю, что не будетъ бесполезно, если я приложу здѣсь записку о послѣднихъ вавилонскихъ монархахъ (слѣдующихъ за взятіемъ *Ниневіи*), открывающую для насъ эту часть исторіи. Изъ временъ *Набопалассара* есть нѣсколько надписей въ *Британскомъ Музеѣ*, найденныхъ при *Варкѣ*; но въ нихъ нѣтъ исто-

* Имя изображено тремя монограммами, — первая означаетъ бога *Белл* (*Ваал*), вторая *Шаръ*, царь, и третья представляетъ тотъ же знакъ, которымъ оканчиваются имена *Набопалассара*, *Небухаднетцара*, *Нергалъ-Шарезера*, и проч. Если мы видимъ, что имя *Нергалъ-Шарезера* сокращается въ *Нериллассара*, то на долгие удалится прозваніе *Бельшарезера* въ *Бельшатцара* (*Валтазара*).

рическихъ годовъ. Памятники сына его *Небуходнетцара* (или *Набукудуруссура*, какъ его имя написано въ Вавилоніи) весьма многочисленны. Плита, находящаяся въ Ост-индскомъ Музеѣ, даетъ подробное описаніе различныхъ работъ, произведенныхъ этимъ царемъ въ Вавилонѣ и Бирсиппѣ. Дальнѣйшія подробности, относящіяся къ другимъ частямъ Вавилоніи, доставлены другимъ цилиндромъ, принадлежащимъ теперь сару Томасу Филипу. Матеріалы, существующіе въ музеяхъ Англии, Франціи и Германіи, даютъ полное понятіе о домашней жизни *Небуходнетцара*, хотя, къ несчастію, еще ничего до-сихъ-поръ не открыто относительно его вѣдѣнныхъ войнъ. Можно впрочемъ надѣяться, что и этотъ недостатокъ скорѣ пополнился, Ассирійскимъ Обществомъ Отрывателей. Отъ сына *Небуходнетцара*, *Евиль-Меродоха*, мы имѣемъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ только памятникъ — вѣсы въ видѣ утки, доставленные въ Британскій Музей изъ Ницеви мистеромъ Лейардомъ. Множество кирпичей, носящихъ имя *Нерилмиссара*, зятя и наследника *Евиль-Меродоха*, найдены въ Вавилоніи французскимъ комитетомъ. Генеалогія его неизвѣстна; но онъ носитъ въ этихъ надписяхъ тотъ же титулъ *Рабъ-маи* (вѣроятно, главы маговъ), какой прилагается ему и въ книгѣ Іереміи. Сынъ *Нерилмиссара*, *Лаборосорходъ*, царствовавшій только девять мѣсяцевъ, не оставилъ по себѣ никакихъ памятниковъ; но за то *Набонидъ*, послѣдній царь, который, по Берозу, завладѣлъ трономъ вслѣдствіе революціи въ Вавилонѣ, оставилъ по себѣ много памятниковъ. Стѣны Вавилона, находящіяся на берегу рѣки и выстроенныя этимъ царемъ, были совершенно открыты въ послѣднее время рѣкою, и на всѣхъ кирпичахъ, ихъ составлявшихъ, находится его имя и его титулъ. Плиты, относящіяся къ различнымъ періодамъ его царствованія и заключающія въ себѣ двѣнадцать лѣтъ, найдены въ Бирсиппѣ и Вавкѣ, а цилиндры и глиняныя боченки, найденныя недавно мистеромъ Тэйлоромъ среди развалинъ Ура, даютъ надежду доподлинно его домашнюю истерію. Старшій сынъ *Набонида* назывался, какъ я уже сказалъ, *Бельшарезаромъ* (*Бельшатцаромъ*); а что этотъ государь точно убитъ при паденіи Вавилона *Киромъ*, мы можемъ это подтвердить над-

писью Бизнгуна, въ которой говорится, что самозванецъ, произведшій возстаніе въ Вавилонѣ противъ Дарія Гистаспа, принялъ на себя имя, не *Бельшарезара*, но втораго сына *Набонда*, *Набукудуруссура*. Замѣчательно однакожь, что, тогда какъ ассирійскіе цилндры и надписи исключительно посвящены вѣншимъ войнамъ и побѣдамъ монарховъ, въ вавилонскихъ излагается только домашняя ихъ жизнь. Генеалогическихъ и историческихъ документовъ не было найдено ни въ Вавилонѣ, ни въ Халдеѣ, тогда какъ географическихъ, статистическихъ, жреческихъ и архитектурныхъ надписей весьма много.

Мы не будемъ далѣе слѣдовать за г. Раулинсономъ въ его длинномъ письмѣ, боясь утомить нашихъ читателей длинными и странновозвучащими именами царей, подающихъ теперь вервые признаки своего существованія изъ-за нѣсколькихъ тысячелѣтій. Мы привели этотъ отрывокъ только для того, чтобы показать, съ какими трудностями и изъ какихъ элементовъ возсоздается исторія государствъ, нѣкогда столь славныхъ и могущественныхъ, и въ которыхъ, можетъ-быть, совершался тотъ органическій процессъ передачи восточнаго образованія западу, который въ настоящее время составляетъ еще темны, хотя и важный вопросъ въ исторіи.

Въ заключеніе скажемъ, что розысканія, объясняющія исторію Вавилона и Ассиріи, дѣятельно производятся въ настоящее время въ Халдеѣ, на обонхъ берегахъ Евфрата, мистеромъ Лостусомъ, въ Сенкерехъ и Варгъ, на счетъ Ассирійскаго Общества Отрывателей, и мистеромъ Тэйлоромъ, при Уль-Киръ, Абу-Шагрейнъ и Нававезъ, на счетъ Британскаго Музея. Мистеръ Раулинсонъ надѣется, что къ концу текущаго года соберется достаточное число матеріаловъ для классификаціи монарховъ халдейской династіи, отъ 1976 до 1518 г. до Р. Х., съ такою же достовѣрностію, съ какою уже классифицированы монархи ассирійской династіи, отъ 1273 до 625; что въ скоромъ времени мы будемъ въ состояніи представить новые очерки западной Азіи за 20 столѣтій до Р. Х., или прежде исхода Авраама изъ Халдеи, и что эти очерки будутъ гораздо опредѣленнѣе и полнѣе тѣхъ, которые мы имѣемъ о древней Египтѣ. Мистеръ Раулинсонъ ожидаетъ только послѣднихъ результатовъ трудовъ мистера Лостуса и Тэйлора, чтобы воз-

вернуться въ Англію съ плодами двухлѣтнихъ розысканій въ Ассиріи и Вавилоніи.

Въ англійской и американской литературѣ критическіе журналы указываютъ на одинъ порадочный романъ, двѣ-три хорошія біографіи и нѣсколько прекрасныхъ путешествій. Мы перечислимъ здѣсь только тѣ изъ этихъ явленій, которыя показались намъ болѣе замѣчательными. Начнемъ съ романа

Модъ Тальботъ, Гольма Ли въ 3 томахъ (Moude Talbot. By Holme Lee. 3 vols).

Имя Гольма Ли въ первый разъ является въ англійской литературѣ, говоритъ Athenaeum: и, по всей вѣроятности, псевдонимъ. Но дѣло не въ имени, а въ самомъ романѣ. Онъ обработанъ старательно, одна и та же мысль проведена въ немъ съ начала до конца, всѣ характеры романа развиваютъ одну идею. Сцена разсказа происходитъ по большей части въ окрестностяхъ какого-то мнѣшческаго, огромнаго мануфактурнаго города. Авторъ прочелъ *голубую книгу*, хорошо знакомъ съ статистикою, безъ сомнѣнія, посѣщалъ мануфактурныя мѣста; но, кажется, не имѣлъ случая жить долго посреди ихъ промышленнаго населенія; въ его книгѣ нѣтъ того мѣстнаго колорита, который бы обличалъ въ авторѣ близкое и долгое знакомство съ предметами, о которыхъ онъ пишетъ. Но тѣмъ не менѣе замѣчательно глубокое чувство автора, его умѣнье разсказывать величественныя или трогательныя сцены, познаніе человѣческаго сердца.

Характеръ героини романа, *Модъ Тальботъ*, обработанъ авторомъ съ большею тщательностью и съ большимъ умѣньемъ, и совершенно закрываетъ собою всѣ второстепенные характеры, изъ которыхъ многіе только набросаны, не исключая и самаго характера Филиппа Варбуртона который можетъ быть названъ героемъ романа только потому, что на любви къ нему героиня построена интрига всего разсказа.

Модъ Тальботъ принадлежитъ къ тѣмъ сильнымъ женскимъ характерамъ, отиѣченнымъ печатью строгой красоты, которые чувствуютъ глубоко, но всегда готовы скрыть свои чувства, если только они противорѣчатъ съ ихъ понятіемъ объ обязанностяхъ. Модъ Тальботъ прежде всего старается слѣлаться

достойною того знаменитаго имени Тальботовъ, которое она носить. Она весьма скромнаго мнѣнія о своихъ личныхъ достоинствахъ, но эта скромность еще рѣзче выдается, отгнѣная тѣмъ безграничнымъ удивленіемъ, которое она питаетъ къ длинному ряду своихъ предковъ. Этому удивленію она приносить въ жертву сильную привязанность, которая зажглась къ ея чистомъ, дѣвическомъ сердцѣ къ Филиппу Варбуртону, чловѣку болѣе нежели достойному ея руки по своимъ личнымъ качествамъ, но фамилія котораго ведетъ свою родословную только со вчерашняго дня. Женская, чисто-женская страсть къ жертвамъ завладѣваетъ душою героини, и, подавляя глубокое и сильное чувство, Модъ Тальботъ открываетъ для себя въ жизни такой источникъ горестей, тяжелой борьбы и безрестанннхъ испытаній, въ который она никогда могла бы не заглядывать, еслибы не имѣла несчастья принадлежать къ роду Тальботовъ. Эта глубокая страсть чловѣческаго сердца казаться дѣвушкою съ спартанскимъ мужествомъ, но которая горитъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше исходу находитъ ея пламя, — эта тяжелая и горькая побѣда надъ собственнымъ сердцемъ, вознаграждающая рѣдкими минутами мечтательнаго восторга за цѣлые дни и ночи нестерпимыхъ страданій, гдѣ любовь и ревность, соперничая между собою, разрываетъ сердце бланной дѣвушки, — придаетъ какую-то особенную поззію ея чистой личности, являющей безплодно въ мечтательной борьбѣ, и пріобрѣтающей мало-по-малу тотъ повелительный и рѣзкій характеръ, который такъ былъ несвойственъ ея душѣ.

Создавъ такой характеръ для Модъ Тальботъ, авторъ поступилъ очень умно, что одарилъ ее долгою жизнью. Подобно всѣмъ сильнымъ натурамъ, Модъ долго не можетъ убѣдиться въ своемъ заблужденіи, долго не можетъ понять, что приносить въ жертву свое собственное счастье и счастье чловѣка, горячо ее любившаго, призракамъ, потерявшимъ въ отношеніи къ ней всякое значеніе. Душа дѣвушки сильна, и нужны десятки лѣтъ самыхъ горькихъ опытовъ, чтобы мало-по-малу, ударъ за ударомъ, выгнать изъ нея убѣжденіе, запавшее туда въ первые годы дѣтства. Вотъ сцена перваго свиданія Модъ Тальботъ съ Филиппомъ Варбуртономъ, послѣ десятилѣтней разлуки, когда онъ оставилъ ее, по-

лучше отказъ на свое пламенное предложеніе. Сердце Модъ во многомъ измѣнилось, много вынесло; но Филиппъ Варбуртонъ, преодолевъ свою страсть, не знаетъ ничего ни объ этихъ страданіяхъ, ни объ этихъ перемѣнахъ. Онъ думаетъ, что дѣвушка никогда его не любила, и поведеніе его въ отношеніи къ ней просто и благородно.

«За обѣдомъ, Модъ и Варбуртонъ сидѣли другъ противъ друга, и во временахъ спокойно, но съ любопытствомъ глядѣли одинъ на другаго. Если Модъ часто обвиняла себя въ томъ, что нанесла такой сильный ударъ всему существованію своего отверженнаго обожателя, то въ эти минуты она могла освободить свою совѣсть отъ такого упрека. Варбуртонъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, достигшій важнаго значенія въ государствѣ, спокойный и самоувѣренный, не зналъ ничего о тѣхъ печаляхъ и сожалѣніяхъ, которыя пробуждены были его появленіемъ. Достигнувъ теперь счастливыхъ дней славы и успѣха, Варбуртонъ сохранилъ все благородство своей физиономіи, которая такъ привлекала дѣвушку; но онъ не былъ уже тѣмъ жаркимъ обожателемъ, который, десять лѣтъ тому назадъ, въ такихъ пламенныхъ выраженіяхъ изливалъ свою страсть передъ нею. Присутствіе Модъ очевидно не возбуждало въ душѣ Варбуртона ни безпокойства, ни пламенныхъ ожиданій: онъ шутилъ и смѣялся съ младшей сестрою героини, какъ-будто разстался съ ними только вчера, и обѣдалъ съ тою свободою и съ тѣмъ удовольствіемъ, съ которыми обѣдаетъ сорокалѣтній человѣкъ. Показывая полную внимательность къ своей хорошенькой сосѣдкѣ, Варбуртонъ не пропускалъ въ тоже время ни одного движенія, ни одного взгляда Модъ. Онъ былъ удивленъ, что красота ея такъ скоро поблекла и, казалось, отыскивалъ причину блѣдности ея губъ и ледяной холодности ея глазъ. Ея роскошныя волосы все еще были хороши, хотя ужъ сдѣлались тѣнше; контуръ лица ея приобрѣлъ величественное выраженіе; Модъ все еще была прекрасна, но она утратила ту иѣжную и волнистую грацію, которыя очаровывали Филиппа назадъ тому десять лѣтъ. Онъ смотрѣлъ и удивлялся. Послѣ обѣда, Варбуртонъ уприсилъ младшую сестру пѣть и играть, а самъ, усѣвшись въ уголъ, упорно смотрѣлъ на Модъ, и на ея лицѣ во времяныя проглядывали чувства тоски и живого сожалѣнія.

— «Я могъ бы сдѣлать ее счастливою, еслибы она сама этого захотѣла, сказалъ наконецъ Варбуртонъ самъ себѣ, послѣ долгаго анализа лица блѣдой дѣвушки.

..... «Возвратившись въ свою комнату, Модъ Тальботъ не могла уже болѣе сохранять то самообладаніе, которое подвергнулось такой длинной и мучительной пыткой. Она бросилась на постель и, склонивъ голову на плечо своей сестры, проговорила, рыдая, что она будетъ не въ силахъ вынести еще разъ такую пытку, — и ни одного слова болѣе, которое могло бы высказать причину ея страданій, не вырвалось изъ ея слѣпыхъ и блѣдныхъ губъ.

«Младшая сестра, полагая, что Модъ овладѣла опять странная головная боль, которую она испытывала уже нѣскольکو времени, мочила ей виски одеколономъ и сидѣла возлѣ нея печальная и молчаливая.»

По мнѣнію англійскихъ критиковъ, этотъ романъ возбуждаетъ общее вниманіе.

Теперь примемъ за біографію. Вотъ одна изъ нихъ—этой біографіи шотландскаго писателя, Гюга Мюллера:

Моя школа и мои школьные учителя, или исторія моего воспитанія. Эдинбургъ (My schools and my schoolmasters; or, the Story of my Educations. By Hugh Miller. Edinburgh).

Гюгъ Мюллеръ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые сами образовали себя и сами проложили себѣ дорогу въ свѣтъ, не измѣнивъ въ продолженіе всего этого пути ни чести, ни своему благородному призванію. Дѣдушка мистера Мюллера былъ *буканьеромъ* или, попросту, морскимъ разбойникомъ, отецъ—матросомъ, а Гюгъ Мюллеръ, родившійся въ отдаленномъ шотландскомъ графствѣ *Кромарти*, въ 1802 году, назначенъ былъ тоже сдѣлаться морякомъ. Въ мальчикѣ проявились съ первыхъ лѣтъ нѣсколько разбойничьихъ наклонностей дѣда, и онъ не задумался употребить силу своихъ мускуловъ для отраженія нападеній своего школьнаго учителя, но въ это же время онъ сдѣлался пожирателемъ книгъ, и таскалъ ихъ откуда пошло.

«Арабскія сказки», «Гулливерова путешествіе», «Путешествіе капитана Кука», «Удольскія таинства»—скоро перочитались

въ его головѣ съ уроками учителей; кромѣ того душа его одарена была тонкимъ чутьемъ къ красотамъ природы. Онъ началъ подмѣчать привычки птицъ, оттѣнки цвѣтовъ и разбираться мало-по-малу таинственный языкъ, которымъ говоритъ природа человѣческому сердцу. Родственники его, изъ которыхъ нѣкоторые сохраняли еще вполне обычай горцевъ, были люди съ замѣчательными характерами. При такой обстановкѣ, мальчику съ характеромъ и наблюдательностью Гюга Мюллера трудно было не встрѣчать на каждомъ шагу уроковъ, которые могли бы замѣнить съ избыткомъ школьныя тетради. Вотъ одинъ изъ этихъ уроковъ, полученный Мюллеромъ, когда онъ забрался въ *Дукотову пещеру*, которая во всемъ скалистомъ Кромартскомъ Графствѣ, гдѣ много такихъ пещеръ, славилась обиліемъ своихъ таинствъ и чудесъ.

«Въ одно прекрасное весеннее утро, я, вмѣстѣ съ моимъ не слишкомъ-то любопытнымъ другомъ, стоялъ на берегу, противоположномъ восточному мысу, который съ своимъ суровымъ гранитнымъ валомъ защищаетъ доступъ къ чудесамъ *Дукота*, а передъ нами, заманчиво завлекая насъ къ себѣ, растлилась зеленоватая влага моря. Намъ казалось слишкомъ странно быть такъ близко отъ пещеры и не видать ея. Море было въ самомъ большомъ отливѣ, и еслибы мы знали сущность приливовъ и отливовъ, то должны были бы отложить наши предпріятія до слѣдующей недѣли; но я зналъ только то, что мы съ лядей проходили здѣсь въ бродъ, и думалъ, что усилю съ своимъ товарищемъ побывать въ пещерѣ и воротиться домой до начала прилива.

«Узкая и неровная отмель шла вокругъ скалистаго мыса, на который можно было взобраться только съ помощью рукъ и ногтей. Мы добрали до мыса и стали ползти на скалы; но чѣмъ далѣе мы пробирались, тѣмъ грознѣе открывались передъ нами пропасти, а вода подъ нами казалась синѣе и глубже. Мы достигли другаго конца мыса и стали обходить его по тропинкѣ, которая все становилась уже, а вода все синѣе, и остановились наконецъ на закраинѣ скалы, висѣвшей надъ моремъ на десять футовъ....

«Первыя минуты мы провели въ самомъ истинномъ восторгѣ

широкая пещера казалась намъ немотошнымъ источникомъ чудесъ, и мы, кромѣ того, находили на каждомъ шагѣ предметы достойные удивленія на откосахъ спускающихся пропастей и во впадинахъ прибрежныхъ скалъ. Въ поручихъ низкихъ кустарникахъ мы видѣли сандѣтельство вліянія брызгъ моря на растенія; тутъ росла блѣдножелтая жимолость, которую мы видали прежде только въ садахъ. Въ глубокихъ впадинахъ отвѣсныхъ скалъ было много душистыхъ цвѣтовъ и травъ, съ которыми мы не были знакомы. При самомъ впадѣ въ пещеру, гдѣ маленькій ручеекъ, едва вбродряясь по мышкамъ, ниспадалъ каплями по обрывамъ скалы, мы открыли острую и горькую цынготную траву съ миниатюрными крестообразными цвѣтами, которыми капитанъ Кукъ пользовался въ своемъ путешествіи; но больше всего занимали насъ сами пещеры, откуда вылетали разноцвѣтные голуби и куда маяла насъ таинственная глубина, гдѣ растенія превращаются въ камни и вода становится мраморомъ. Въ весьма короткое время мы успѣли наломать нашими молотками множество сталактитовъ и окаменѣлаго моху, и набрали этими драгоценностями наши карманы.»

Все казалось очаровательнымъ и волшебнымъ для смѣлыхъ дѣтей, забравшихся въ пещеру, гдѣ на каждомъ шагѣ представлялись имъ чудеса кристаллизаціи; самые обыкновенные предметы пріобрѣтали новый, странный оттѣнокъ въ этомъ нововѣ для дѣтей, очарованномъ мірѣ.

«Видъ блестящей поверхности моря, распростертаго въ безконечность, казался намъ необыкновеннымъ, потому-что мы смотрѣли на него изъ глубины пещеры, гдѣ насъ окружалъ полный мракъ; — внезапно пронесшіяся передъ нами норскія чайки, сверкашія своими бѣлыми крыльями въ солнечномъ сіяніи, — дельфины, плескавшіеся ввиду, — даже голуби, появлявшіеся изъ мрака, когда попадали подъ солнечный лучъ, — все пріобрѣтало новый интересъ въ нашихъ глазахъ отъ особенности положенія, въ которомъ мы ихъ видѣли. Это были виньетки, повлоченныя лучами солнца, овраженныя въ черныя рамки. Долго мы не могли опомниться отъ удивленія, глядя на все, что окружало насъ.»

Мальчики такъ были отуманены обнаружившимъ ихъ стран-

постями природы, что, когда, спустя часъ послѣ полудня, море перестало уже падать и начало снова подыматься на скалы,— явленіе это показалось имъ только одною изъ странностей волшебнаго мѣста, и они продолжали забавляться.

«Часы уходили за часами, тѣни вытягивались, а приливъ все росъ, да росъ. Солнце спустилось за скалы, въ пропастяхъ стало темно, мракъ въ пещерахъ удвоился; но на верхушкахъ скалъ еще горѣлъ красній лучъ вечера. Отблескъ зарн, гонимый мракомъ и освѣтившій еще на-минуту кусты жимолости и можжевельника, росшіе на самыхъ верхушкахъ скалъ, исчезъ совершенно. Все утонуло во мракѣ. Дельфины, плеснувшись еще разъ, ушли въ свои подводныя убѣжища; темный бакланъ, тяжело взмахивая крылами, пронесся въ свое гнѣздо; голуби, слетаясь со всѣхъ сторонъ, скоро исчезли въ своихъ пещерахъ, — все, что имѣло крылья, спѣшило домой; но ни у меня, ни у моего товарища не было крыльевъ. Мы дѣлали отчаянныя усилія, чтобы взобраться выше на скалы, но, достигнувъ мѣстъ, гдѣ только птицы вили свои гнѣзда, куда еще, вѣроятно, никто и никогда не взлѣзалъ, и откуда наше возвращеніе дѣлалось почти невозможнымъ—должны были остановиться. А такъ-какъ темнота все увеличивалась и каждый неосторожный шагъ могъ намъ стоить жизни, то мы впали въ совершенное отчаяніе.

— «Я бы не заботился о себѣ, сказалъ мой молоденькій товарищъ, заливаясь слезами: еслибъ только не моя бѣдная матушка; но что скажетъ матушка?»

— «Не заботься ни о чемъ, сказалъ я, самъ задыхаясь отъ тоски: вода спадетъ, и мы воротимся назадъ.

«Мы забрались вмѣстѣ въ неглубокую и сухую пещеру и, очистивъ небольшое мѣсто отъ большихъ камней, набрали сухой травы и устроили себѣ кое-какъ весьма беспокойную постель, на которой улеглись, прижавшись другъ къ другу. Облака, подобныя горамъ, темныя и грозившія бурей, поднялись надъ моремъ; края ихъ еще были окрашены уже скрывшимся солнцемъ, и въ нихъ видны были всѣ степени собирающагося гнѣва, — начиная отъ огненнокраснаго цвѣта до темнаго, и отъ темнаго до зловѣщаго чернаго. А когда мы не могли уже болѣе ихъ видѣть, то ихъ грозный говоръ долеталъ до ва-

шихъ ушей. Свирѣпый вѣтеръ печально завывалъ и засвистѣлъ между скалами, и море, до-сихъ-поръ молчаливое, заревѣло и начало тяжело плескаться о скалы. Мы слышали, какъ лодъ то усиливался то стихалъ, смотря по тому, подымался ли упдалъ порывъ вѣтра, и какъ стучалъ онъ на поверхности нашей пещеры.

«Мой товарищъ, впрочемъ, имѣлъ дѣло только съ дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, и, если пріять въ соображеніе жестость нашего ложа и холодъ ночи, спалъ довольно покойно; но я былъ несчастнѣе его, потому-что долженъ былъ бороться еще и съ воображаемыми ужасами.

«За мѣсяць передъ тѣмъ, тѣло утонувшаго матроса найдено было на берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы теперь лежали. Руки и ноги трупа были скорчены судорогами, обвислая кожа бѣгла какъ намоченная кожа барана; всѣ члены распухли, а вмѣсто головы была какая-то безобразная куча тряпокъ. Я смотрѣлъ на трупъ съ дѣтскимъ любопытствомъ, и слишкомъ пристально для моего спокойствія; и теперь, хотя я не сдѣлалъ ни малѣйшаго вреда бѣдному матросу, онъ мучилъ меня въ эту ночь такъ, что если бы я былъ его убійцею, то онъ не могъ бы мучиться болѣе. Спалъ ли я или бодрствовалъ — онъ постоянно стоялъ передъ моими глазами. Если я дремалъ, то онъ подымался на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его нашли, протягивалъ ко мнѣ послѣдніе пальцы и кивалъ мнѣ страшною головою. Я вздрагивалъ, просыпался и хватался за своего товарища, и напоминалъ, что утопленникъ лежалъ въ точно такой травѣ и точно такихъ же прибрежныхъ кустарникахъ, какіе росли теперь въ двухъ шагахъ отъ насъ. Сосѣдство цѣлой шайки живыхъ разбойниковъ не могло внушить мнѣ столько ужаса, сколько я чувствовалъ отъ одного воспоминанія о мертвомъ матросѣ. Къ полуночи небо очистилось, вѣтеръ упалъ и мѣсяць, въ первой четверти, какъ глыба раскаленного желѣза, поднялся изъ моря.

«Мы опять принялись, пользуясь невѣрнымъ свѣтомъ, позвать по утесу, желая убѣдиться не спала ли вода и не открыла ли она намъ дороги домой; но нашли, что вода стояла на той же самой линіи, откуда заставила насъ убѣжать, и что

море во всей своей грозной полнотѣ обливало мысль, на которой мы забрались. Мысль объ опасности нашего положенія наконецъ промелькнула въ моей головѣ. Мы были заключены не на одинъ приливъ, какъ мы думали сначала, но на цѣлую недѣлю. Мало было утѣшительнаго въ этой мысли, особенно когда она пришла намъ въ голову во время ужасовъ полночи. Я тоскливо глядѣлъ на море: оттуда только мы могли ожидать спасенія. Вдали, въ полумилѣ отъ берега, показался корабль. Я и мой товарищъ принялись прыгать, надѣясь, что матросы насъ услышатъ. Мы видѣли сѣроватую массу судна, когда оно проходило въ мѣсячныхъ лучахъ, но скоро оно снова скрылось въ мракъ, и въ ту самую минуту, какъ мы потеряли его изъ виду, до насъ долетѣлъ крикъ рулевого, мѣшавшійся съ плескомъ волнъ. Судно то, какъ мы послѣ узнали, было нагружено камнями, и не имѣло при себѣ лодки, а потому и не могло подать намъ помощи, есльбы матросы слышали нашъ голосъ и захотѣли въ полночь плыть къ этой скалѣ. Мы принялись снова кричать, то порознь, то вмѣстѣ, но втораго отвѣта не было и, потерявъ всякую надежду, мы возвратились снова въ нашу пещеру и на нашу беспокойную постель... а приливъ росъ, да росъ и волны заплескивали все выше и выше.»

«Но такъ-какъ въ мѣсячномъ сіяніи утонувшій матросъ меня не такъ уже тревожилъ, то и я, въ свою очередь, уснулъ глубокимъ сномъ, и проснулся вмѣстѣ съ товарищемъ только отъ громкаго крика. Это, казалось, былъ сильный крикъ дюжины голосовъ, соединившихся вмѣстѣ. Потомъ послѣдовало молчаніе, за которымъ снова раздался крикъ и мы увидѣли наконецъ двѣ лодки, наполненныя людьми, пристально глядѣвшими на скалы. Весь городокъ всполошился, узнавъ, что два мальчика убѣжали еще утромъ къ южнымъ скаламъ, и не воротились къ ночи.»

Нельзя не согласиться, что въ одинъ такой день человѣкъ приобрѣтаетъ много опытности. Но къ природѣ присоединился и другой учитель, менѣе краснорѣчивый и блестящій, но менѣе понятный для души, одаренной поэзіей: этотъ учитель былъ для Мюллера—преданіе, которое такъ свято сохраняютъ и съ такимъ уваженіемъ передаютъ своимъ потомкамъ

всѣ жители горъ. Поэзія преданій, сохраняемая въ изустности, безъискусственнымъ разсказъ, гораздо полнѣе нежели въ самыхъ звучныхъ стихахъ, привлекала къ себѣ душу мальчика. Вотъ что говорятъ самъ Гюгъ Мюллеръ объ этихъ преданіяхъ:

«Я видѣлъ, между прочимъ, двухъ человѣкъ, которые были при Келлоденѣ (Culloden) — одинъ на сторонѣ короля, другой на сторонѣ принца, и кромѣ того многихъ другихъ, бывшихъ издали свидѣтелями этой битвы. Я говорилъ съ одною старухой, которая, въ свою очередь, говорила со старикомъ, помнившимъ хорошо времена Карла и Иакова. Старшая тетка моей матери, мать моего двоюроднаго брата Жоржа, припоминала стараго *Джона Фидди*, девяностолѣтняго старика, а Джоновы буканьерскіе подвиги совершались ни какъ не позже 1687 года.

«Я зналъ многихъ людей, помпившихъ уничтоженіе наследственности судейской власти, и выслушалъ множество исторій о различныхъ повѣшеніяхъ, совершившихся на окрестныхъ холмахъ, и даже о нѣсколькихъ казняхъ вѣдъмъ и колуновъ, сожженныхъ на кострѣ. Я чувствовалъ странное наслаженіе, дляя эти отрывки прошлаго, такъ непохожаго на настоящее, и особенно потому, что они передавались какъ личныя воспоминанія, засвидѣтельствованныя тѣми самыми лицами, которые о нихъ говорили. Такіе разсказы имѣютъ необыкновенную, имъ только однимъ свойственную силу. Такъ, напримѣръ, все, что я читалъ въ множествѣ книгъ о сожженіи на кострахъ мнимыхъ чародѣевъ, не произвело на мою душу такого глубокаго впечатлѣнія, какъ разсказъ одной старой леди, которую въ 1722 году, когда она была еще ребенкомъ, нянька вынесла смотрѣть на страшную церемонію, совершавшуюся въ окрестностяхъ Дорноха, и которая, къ счастью, была уже послѣднею въ Шотландіи. Старая леди хорошо помнила молчаливую толпу, стоявшую въ нетерпѣливомъ ожиданіи, блескъ огня и несчастное существо, которое должно было играть главную роль въ этомъ зрѣлищѣ: это была какая-то полуумная женщина, которая понимала такъ мало, что хотѣтъ съ нею дѣлать, что, стоя у огня, преспокойно грѣла руки...

«Воспоминанія моего дѣда о келлоденской битвѣ были воспоминаніями четырнадцатилѣтняго мальчика, смотрѣвшаго на

битву въ нѣкоторомъ разстояніи. День, въ который должна была совершиться эта битва, былъ туманенъ и холоденъ, и взобравшись на холмъ *Кромарти*, гдѣ уже собралось нѣсколько человекъ горожанъ, дѣлъ мой увидѣлъ большую равнину, совершенно закрытую туманомъ. Туманъ мало-по-малу разсѣялся; сначала показался одинъ холмъ, потомъ другой, а наконецъ и вся долина начала впроглядывать оквозь дымъ тумана. Скоро бѣлое облако вылетѣло со стороны Келлодена и другое полетѣло ему навстрѣчу. Облака смѣшались и вѣтеръ понесъ ихъ на западъ; до слуха зрителей долетала стрѣльба изъ ружей, прерываемая грохотомъ артиллеріи. Скоро облака разсѣялись и улетѣли, улары изъ тяжелыхъ орудій прекратились, и жаркая ружейная перепадка раздавалась по направлению къ Инвернесу. Но мое воображеніе, прислушиваясь къ этому простому и немногосложному разсказу очевидца, видѣло битву во множествѣ самыхъ разнообразныхъ формъ.

Дѣтство мнѣ вало и преданія должны были уступить мѣсто практической дѣятельности. Родственники и знакомые молодого человека не могли доставить ему другаго пути въ жизни, кромѣ того, который она сама избрали: Гюгъ поступаетъ въ ученіе къ своему дядѣ и дѣлается каменотесомъ. Но и здѣсь природная наблюдательность не оставляетъ его, и странное наслоеніе камней обращаетъ на себя вниманіе самоучки-геолога.

«Огромная александрійская библіотека, со всѣми ея старыми томами древней литературы, со всѣмъ запасомъ учености, накопленной вѣками, была бѣднымъ собраніемъ въ сравненіи съ дивною книгой, которую раскрывала передо мною природа въ чудныхъ наслажденіяхъ шотландскихъ горъ. Кто, пробывъ хотя одинъ часъ въ этой школѣ, могъ бы не выйти еще изъ рядовъ геологовъ?»

Но тѣлесныя труды были несообразны съ организмомъ молодого человека, похожаго болѣе на мать, нежели на отца, «котораго никто и никогда не могъ свалить на землю». Болѣзненные признаки истощенія развились въ Мюллерѣ быстро и выразились, прежде всего, въ какомъ-то тупоуміи, равнодушіи къ жизни и къ опасностямъ, въ какомъ-то непрерывающемся полудремотномъ состояніи. Гюгъ долженъ былъ оставить себѣ другія занятія ..

Книга мистера Мюллера вся написана очень живо и интересно, и простота разсказа, иногда даже довольно грубая, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ глубину и истинность мыслей.

Но вотъ еще біографія, разсказанная американскою писательницей Маріей Чильдъ, — біографія квакера *Исаака Гонпера*, списавшаго себѣ извѣстность во всей Америкѣ и скончавшагося только въ 1852 году (Isaak T. Horner: A. True Life. By L. Maria Child. Boston). — Писательница принадлежала къ донь Гонпера.

Исаакъ Гонперъ родился въ 1771 году, отъ весьма вѣстныхъ родителей, въ городкѣ Дентфордѣ. Отецъ Гонпера кѣмъ трудами рукъ своихъ, и расчистилъ 500 или 600 американскихъ акровъ дикой лѣсной земли. Кромѣ этой земли онъ еще владѣлъ небольшимъ домикомъ, гдѣ жена его занималась разведеніемъ куръ и гдѣ родился Исаакъ. Въ Исаакѣ рано развились способности, и въ самой первой юности онъ показывалъ глубокое чувство честности. Онъ былъ весьма насмѣшливъ, потому-что быстро угадывалъ смѣшную сторону предметовъ, но въ его шуткахъ не было злости. На девятомъ году жизни онъ началъ ѣздить въ Филадельфію, куда возилъ на продажу хлѣбъ, овощи и другія произведенія отцовской фермы. Онъ былъ большой франтъ и съ удовольствіемъ поглядывалъ на свои сапоги, блестящіе какъ зеркало, и гордился тѣмъ, что на его платьѣ не было ни одного пятнышка. Онъ промывъ кроликовъ на свой собственный счетъ, и на деньги, вырученныя за нихъ, купилъ себѣ мѣдныя пряжки къ чулкамъ и башмакамъ.

На шестнадцатомъ году онъ былъ отданъ въ ученіе къ дядѣ, который былъ портнымъ въ Филадельфіи. Здѣсь Исаакъ обнаружилъ ту смѣлость, которою впоследствии всегда отличался. Дядя его отлучился какъ-то изъ дому и поручилъ своимъ работникамъ храбро защищать домъ, если на него нападутъ разбойники. Не надо забывать, что это происходило въ 1771 году, когда Сѣверо-Американскіе Штаты только-что начали выходить изъ дѣтства. Желая испытать вѣрность своихъ рабочихъ, дядя воротился ночью и попробовалъ сломать окно. Какъ только Исаакъ услышалъ шумъ, то тотчасъ-же схватилъ багоръ и приказалъ своимъ товарищамъ

отворить окно, какъ только онъ подастъ сигналъ. Приказаніе его было исполнено, и Исаакъ ударилъ багромъ съ такою силою, что пробилъ насквозь лядинъ кафтанъ и пригвоздилъ его къ забору. Въ другой разъ онъ показалъ свое сострадательное сердце и мужество. Старшій изъ работниковъ, гордась своею физическою силою, часто поколачивалъ своихъ младшихъ и слабѣйшихъ товарищей, и однажды, совершенно безъ умысла, толкнулъ Гопвера. Исаакъ, давно искавшій случая придраться къ нему, сказалъ ему грозно:

«Если ты когда-нибудь еще это сдѣлаешь, то знай, что я тебя убью!»

Работникъ, надѣясь на свои силы, отвѣчалъ на оскорбленіе оскорбленіемъ, и Гопперъ, вооружившись тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ, такъ ударилъ своего противника, что тотъ упалъ безъ чувствъ, не испустивъ ни малѣйшаго крика. Всѣ думали, что онъ умеръ, и только, спустя нѣсколько часовъ, онъ очнулся.

«Когда Исаакъ увидѣлъ своего противника на землѣ, блѣднаго и безжизненнаго, то глубокая тоска наполнила его душу. Онъ и впослѣдствіи содрогался всякій разъ отъ одной мысли, что могъ сдѣлаться убійцею въ минуту необузданнаго гнѣва. Это несчастное происшествіе сдѣлало на Исаака такое глубокое и торжественное впечатлѣніе, что съ-этихъ-поръ онъ принялся серьезно и самыми сильными средствами укрощать свой необузданный характеръ, и наконецъ такъ успѣлъ въ этомъ, что векоръ достигъ замѣчательной степени самообладанія.»

На двадцать-четвертомъ году своей жизни, онъ женился и съ-этихъ-поръ начинается длинный рядъ его дѣяній на пользу ближняго. Онъ поселился въ Филадельфію, такъ-какъ Пенсильванія лежитъ на границѣ невольничьихъ штатовъ, и цѣлыя толпы несчастныхъ уроженцевъ Африки проводились торговцами черезъ Филадельфію. Въ это время въ Америкѣ существовалъ странный законъ, состоявшій въ томъ, что если въ судъ являлись невольникъ и торговецъ—одинъ, доказывая свои права на свободу, а другой — права на невольника, то судья, присудившій невольнику свободу, не получалъ ничего въ вознагражденіе за свои труды, а присудившій невольника торговцу получалъ отъ пяти до десяти долеровъ, — вслѣдствіе

чего, конечно, происходило много несправедливостей. Гопперъ сдѣлался членомъ общества уничтоженія торговли и постояннымъ адвокатомъ всѣхъ негровъ передъ судомъ.

Въ біографіи Гоппера болѣе 500 страницъ посвящено разсказу различныхъ случаевъ, въ которыхъ Гопперъ является безстрашнымъ защитникомъ негровъ. Не разъ подвергалъ онъ жизнь свою опасности въ этихъ случаяхъ и не разъ наводились на него ружья и пистолеты. На рѣкахъ и въ лѣсахъ, на улицахъ и на поляхъ — онъ вездѣ являлся на своемъ посту. Онъ бралъ негровъ на поруки изъ тюрьмы, часто вѣривалъ имъ изъ рукъ торговцевъ и ни одинъ негръ не обманулъ его довѣренности. Негры сами выходили изъ своихъ тайныхъ убѣжищъ и сдавались въ руки своимъ преслѣдователямъ, когда Гопперъ объявилъ, что законная защита дѣлалась невозможною. Негры, которыхъ онъ выкупалъ на свои деньги или на деньги своихъ друзей, всегда старались заработать и возмѣнить эти деньги. Онъ отдавалъ женъ мужьямъ, дѣтей родителямъ и, посвятивъ всю свою жизнь другимъ, самъ остался бѣднякомъ.

Въ 1819 году въ обществѣ квакеровъ начались раздоры, которые впоследствии такъ усилились, что въ 1827 и 1828 годахъ въ этомъ обществѣ послѣдовало раздѣленіе. Искать Гопперъ пристрасть къ той половинѣ, которая приняла названіе Гикситовъ, отъ имени своего предводителя.

Гопперъ посѣщалъ Англію и Ирландію и обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ обладалъ большою физическою силой и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Онъ такъ походилъ на Наполеона, что Іосифъ Бонапартъ, увидѣвъ Гоппера, сказалъ, что если бы Гопперъ явился въ Парижъ, одѣтый въ историческое платье Наполеона, то былъ бы причиною волненія. У него не было другихъ враговъ, кромя торговцевъ и обладателей негровъ. Мистеръ Гаррисонъ, произнося надгробную рѣчь Гопперу, сказалъ, что онъ былъ глазами для слѣпыхъ, ногами для хромихъ, одѣвался въ платье справедливости, и т. п.»

Мы привели этотъ отрывокъ, заимствованный нами изъ *The illustrated London News*, желая познакомить нашихъ читателей съ характеромъ огромнаго отдѣла американской литературы Біографій въ Сѣверной-Америкѣ выходить болѣе, чѣмъ полде-

вишей и романовъ во Франціи — и, конечно, біографія самаго незначительнаго чловѣка, написанная просто и вѣрно, поучительнѣе цѣлаго десятка водевилей.

Изъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ путешествій мы, на этотъ разъ, должны удовольствоваться только однимъ — Путешествіемъ *Гюга Бонелли* въ Боливію и по американскимъ пампасамъ.

Путешествіе въ Боливію и поѣздка черезъ пампасы въ Буэносъ — Адресъ и пр., Гюга де Бенелли (Travels in Bolivia; with a Taug across the Pampas to Buenos-Ayres, etc. By L. Hudh de Bonelli, 2 vol).

Вестъ-индскіе острова, со всѣми странностями негрской цивилизаціи, были описаны нѣсколько разъ и гораздо полнѣе, нежели въ книгѣ мистера Бонелли; но мистеръ Бонелли обладаетъ талантомъ рассказывать живо и увлекательно. Не наскучая читателю жалобами на трудность путешествія, но рассказывая интересно всѣ эти трудности, авторъ невольно располагаетъ читателя въ свою пользу. Съ острововъ онъ перѣхалъ прямо на Панамскій Перешеекъ и, путешествуя верхомъ, то по лѣсамъ, то по болотамъ, наткнулся, наконецъ, на Тихій Океанъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Пезарре такъ неожиданно былъ вознагражденъ за всѣ трудности своего предпріятія. Побывавъ въ маленькомъ городкѣ Панамѣ, завернувъ въ Главквилъ и другія мѣста, Бонелли прибылъ наконецъ въ Лиму, а оттуда проѣхалъ въ Ла-Пазъ.

Въ народонаселеніи Ла-Паза высказывается нѣсколько католическихъ и индѣйскихъ оттѣнковъ. Праздники этого населенія описаны весьма живо мистеромъ Бонелли.

Мистеръ Бонелли обладаетъ даромъ рассказывать незначительныя происшествія живо и съ юморомъ. Вотъ, наиримѣръ, разговоръ доктора съ почтмейстеромъ, полу-индѣйцемъ, полу-чилиіцемъ.

«Докторъ. Гмъ! судя по вашей комплекціи, вамъ должно быть некуда дѣваться отъ здоровья? (Физиономія больнаго походила больше всего на мѣдный котелъ).

«Почтмейстеръ (отвѣчаетъ дрожащимъ голосомъ). Я чувствую себя нехорошо, сеноръ.

«Докторъ. А! засореніе печени! Нѣтъ аппетита? — жажда?...

«Почтмейстеръ. Да, сеноръ.

«Докторъ. Гмъ! должно быть....»

Здѣсь докторъ былъ прерванъ звонкимъ голосомъ жены почтмейстера, которая громко протестовала противъ симптомовъ болѣзни, объявленныхъ ея супругомъ, и сказала, что мужъ ея, напротивъ, «ѣстъ все, что попадаетъ ему подъ руку, а что касается до питья, то онъ, конечно, готовъ пить безъ просыну цѣлый мѣсяцъ».

Докторъ, озадаченный такимъ вмѣшательствомъ, скоро, однакожъ, оправился и строго прикрикнулъ на задорную даму: — Молчать, женщина!

Почтмейстеръ (которому очень понравились слова доктора). Молчать, женщина!

Докторъ. Гмъ! вы спите безпокойно?

Почтмейстеръ. Нѣтъ — да, севоръ.

Жена почтмейстера. Да онъ никогда не успѣетъ пожелать мнѣ доброй ночи и захрапѣть какъ кабанъ.

Докторъ. Молчать, женщина!

Почтмейстеръ. Молчать женщина!

При этихъ словахъ я вышелъ изъ комнаты и не могъ слышать окончанія занимательной сцены.

Мистеръ Бонелли путешествуетъ по маленькимъ городкамъ Боливии и описываетъ весьма интересно ихъ микроскопическую жизнь. Но вотъ онъ, наконецъ, и въ Хуквизаки, столицѣ Боливии.

«Первый замѣчательный предметъ, бросающійся въ глаза при входѣ въ городъ, есть *аламеда* или публичное гульбище. Оно окружено со всѣхъ сторонъ валомъ и содержитъ зоологическій садъ, состоящій не изъ живыхъ образчиковъ животныхъ и птицъ, но изъ такихъ, которые преспокойно стоятъ рядомъ на пьедесталахъ. Эти группы животныхъ забавляютъ иностранцевъ, не только странностью своего назначенія, но и тѣмъ невниманіемъ къ соразмѣрности, съ которою здѣсь сдѣланы разныя животныя: слонъ, кошка, попугай ли — одного и того же роста, да и сдѣланы такъ, что весьма похожи другъ на друга».

Но мы не имѣемъ времени слѣдить за мистеромъ Бонелли въ его интересномъ путешествіи черезъ пампасы до Буэнос-

дѣрева и до провинціи Тукумана, о жемчужинахъ которой дѣлаютъ онѣ весьма характеристическое замѣчаніе:

Жемчужины Тукумана необыкновенно благосклонны къ иностранцамъ. Едва только онѣ услышатъ о невопробывшемъ, какъ тотчасъ же посылаютъ къ нему слугъ съ фруктами, цвѣтами, лакомствами и съ предложеніемъ дружескихъ извѣщеній и приглашеній. Если же прѣвзять иностранца, то тукуманскія дамы свѣдаютъ сами свѣдать ей визитъ. Въ самый вечеръ моего прѣзда было дано въ честь мою (?) нѣсколько серенадъ. Я началъ домъ въ предмѣстьи, съ прекраснымъ апельсиновымъ садомъ. Этотъ домъ стоялъ очень уединенно и многіе мои жугали, разсказывая безпрестанно о разбойникахъ и убійствахъ. Но это не помѣшало мнѣ наслаждаться въ моемъ уединеніи, цѣль и жизнь, проводя счастливые дни, вдали отъ городского шума).

Мнѣ Монтесквео мистеръ Боделли возвратился домой. Нутанствіе его читается легко и свободно.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Чѣмъ занять Петербургъ. — Увеселительный городокъ. — Благотворительность. — Нѣмецкіе спектакли. — Русскіе спектакли. — Французскіе спектакли. — Некрологъ. — Публикація лекціи М. С. Хитинскаго. — Новости въ будущемъ.

Чѣмъ занять ПЕТЕРБУРГЪ.

Но мнѣ, крошечному летописцу Петербургской жизни и общественныихъ удовольствій, говорить о великихъ событіяхъ, потрясающихъ въ настоящее время Европу и Азію и чуть не весь міръ. Недостаточно возвышенный строй фельетонной лари моей не позволяютъ мнѣ передавать вамъ, читатель, приличнымъ образомъ великія доблести великихъ героевъ. Я могу только благоговѣнно смотрѣть на общее движеніе, и могу удивляться тому прекрасному чувству, которое воздвигаетъ въ настоящую минуту дорогое мнѣ отечество, могу, наконецъ, и долженъ, съ гордостью сказать, что героевъ и общее олушешеніе соотечественниковъ немалъ отражаетъ на всенѣ, отъ ривніа тысячъ воетъ въ ряды воиновъ до удивлительной общественныихъ. Современный вопросъ—это олице, прекрасное оубо дивотворный дуть безразлично на все и

сообщающее всему особый колоритъ и теплоту. Взгляните на литературу — тамъ являются новые дѣтели, которые исключительно посвящаютъ себя возвеличенію настоящихъ событій и героевъ; поэты и писатели, занимавшіеся доселѣ восре-изведеніемъ жизни обыденной, измѣняютъ характеръ своей дѣятельности. Взгляните на искусства — и тамъ увидите вы новый, затрогивающій элементъ. Прислушайтесь къ разговорамъ — толкуютъ объ одномъ... объ этомъ одномъ говорятъ въ салонахъ, на улицѣ, въ театрѣ — словомъ весь Петербургъ занятъ теперь однимъ общимъ дѣломъ, которымъ занята и цѣлая Россія.

Читая мои настоящія замѣтки, вы убѣдитесь въ томъ, что я сказалъ выше; начну со Святой недѣли. Что дѣлалъ въ это время Петербургъ? Помолвившись и разговѣвшись, Петербургъ сталъ ходить и ѣздить, гнуть углы карточекъ (визитицъ), расписываться, кланяться и поздравлять, принимать поклоны и поздравленія, желать, надѣяться, платить деньги... На этомъ нельзя не остановиться. Кто, скажите, не платитъ денегъ? Тотъ развѣ, кто не имѣетъ ихъ. Какъ интересно было бы прослѣдить исторію, напримѣръ, какого нибудь серебрянаго рубля. Вышелъ онъ, положимъ, на свѣтъ въ первый день праздника изъ портмоне нѣкотораго прекраснаго джентельмена... Куда попалъ этотъ серебряный рубль? Перешелъ ли онъ непосредственно изъ великолѣпнаго портмоне въ большую кожаную кошну извозчика или побывалъ еще мимоходомъ въ чьемъ нибудь скромномъ кошелькѣ? Не лежалъ ли онъ просто въ карманѣ? Одинокъ ли онъ былъ въ этомъ карманѣ или окружали его мелочь, о которую стучался онъ съ негодованіемъ? Не завязывали ли его въ уголокъ носоваго платка? Не пришлось ли ему полежать въ ридикюль подлѣ обрызганнаго куска сахару и выращеннаго лица? Не дрожала ли чья нибудь рука, передавая его другой рукѣ? Не довелось ли ему, бы-видѣ, стукнуться со всего размаха о грязный трактирный прилавокъ и попасть потомъ въ душный и темный ящикъ? Какъ понравилось ему новое общество въ этомъ мрачномъ ящикѣ? Радъ ли онъ былъ переселиться оттуда съ новымъ товарищемъ въ какой-то глубокой, глубокой карманъ, гдѣ пришлось ему полежать долго? Гдѣ побывалъ онъ, избравшись изъ са-

дошлой пронасти? Не подѣловалъ ли его кто нибудь? Не капула ли на него чья нибудь слеза? Не попалъ ли онъ потомъ въ мелочную лавочку, гдѣ окружили его незнакомымъ мѣднымъ существомъ? Не тяжело ли было ему промучиться тутъ до вечера? Лучше ли было потомъ ему прыгать и толкаться съ товарищами въ карманѣ молодого чело-вѣка? Куда перемѣстили его изъ кармана? Не шлепнулся ли онъ просто въ грязь, откуда вытащила его сухая и желтая рука старухи? Долго ли прогостилъ онъ у старухи? Какимъ образомъ очутился онъ у краснощекой Охтенки? Хорошо ли ему было вертѣться на качеляхъ? Радужно ли принялъ его продавецъ прапиковъ и ореховъ? Кому отдалъ его этотъ продавецъ? Какимъ путемъ добрался онъ съ Адмиралтейской площади до станціи желѣзной дороги? Съ кѣмъ онъ поѣхалъ въ Москву? Воротился ли оттуда? Нашелъ ли онъ, наконецъ, теплое и покойное мѣстечко, подъ покровительствомъ скряги, и увелся ли въ его сундукъ до тѣхъ поръ, пока умретъ набивавшій сундукъ и налетятъ хищными птицами торопатые на-сѣдники... или суждено этому серебряному рублю никогда не испытать осязности?... Какую бы разнообразную, правдивую, безконечную и интересную исторію могъ рассказать вамъ серебряный рубль, еслибъ онъ говорилъ! Я—то какъ бы радъ былъ этому! Я бы сидѣлъ покойно дома да курилъ бы сигару, а онъ, серебрянный рубль, гулялъ бы по Петербургу и рассказы-валъ бы о томъ, что въ немъ дѣлается интереснаго. Прекрасная, но несбыточная мечта!... Продолжаю рассказъ свой; но, прошу замѣтить, сколько перенесъ я мученій для того, чтобы доставить, преимущественно вамъ, многогородный чита-тель, болѣе или менѣе удовольствіе видѣть и знать Петер-бургъ издавна, видѣть его, какъ у себя на ладони .. Не слыш-ножъ ли много сказалъ я? увидите ли вы, въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ такъ ясно, какъ будто бы онъ стоялъ у васъ на ладоши?... Сознаю, прибавилъ немножко; во всякомъ слу-чѣ, постараюсь быть подробнымъ и яснымъ сколько сумѣю. Читайте послушать.

Увеселительный городокъ.

Изъ старыхъ досокъ, брезента, гвоздей, холста и веревокъ,

съ помощію здоровыхъ рукъ и нѣкотораго искроуца, вѣнчается дважды въ годъ на Адмиралтейской площади узамантанный городокъ, висящій на балаганинѣ или подкачалѣ. Выросъ этотъ городокъ, по обыкновенію, и цѣпъ на Свѣтѣ недѣля, изукрашенъ болѣе или менѣе живописными вывесками, пестрыми флагами, афишами, и сталъ нестройнѣе паржаніемъ музыкѣ зазывать охотниковъ повеселиться, погрызть орѣхи, покупать мороженого, покружить до тѣноты на вѣчалыхъ головы, послушать барабаннаго боса, выстрѣловъ и грому, посмотреть пантомимы, рѣшительно ничего не извѣщающія, полюбоваться гибкостью и ломкостью человѣческихъ вѣстей, и проч., и проч. Посмотрите, какъ заманчивы вывески, какъ много обѣщаютъ прибытія у входа объявленія. Возьмите любое объявленіе и повѣрьте тому, что сулитъ оно — ни непремѣнно купите билетъ, вы непремѣнно зайдете въ бантъ... Долго ли вы тамъ просидите, что будете думать при выходѣ, повѣрьте ли другому объявленію — это вопросы второстепенныя. Дѣло въ томъ, что объявленія заманчивы въ высшей степени и легковѣрныхъ много. Ну какъ, напримеръ, и соблазнить объявленіемъ балагана № 2: *Однѣйскій циркъ подъ дирекцію г. В. Спозы. Въ продолженіи всей Свѣтой недѣли, на Адмиралтейской площади, съ балаганъ № 2, даны будутъ большія представленія, состоящія изъ козіиыхъ ристалищъ и большой военной пантомимы, подъ названіемъ: Переходъ Русскаго войска черезъ Дунай и взятіе крепости. Какъ не увлечься желаніемъ заглянуть въ балаганъ № 2, когда прочтешь Программу переменнаго ласныхъ номеровъ въ продолженіи всей Свѣтой недѣли, что г. Гейришъ исполнитъ гротесковыя имитации! Что это за гротесковыя имитации? — должно быть что нибудь очень хорошее! Дѣвица Паулина исполнитъ мазъ съ двумя шарфами в *Ras de guillemotte* — это вѣроятно что нибудь еще лучшее! А взгляните дальше: № 11 *Англійскій Sharp stage, волтужированіе въ стремонахъ* — Дѣвица Августина — что же это? — что нибудь безподобное!... № 13 *Встрѣча съ Кеталаки и человекъ ея съ г. Паганини на помидоръ Парижскій станции въ новозобрѣтенныхъ диллюжансахъ*, — это должно полагать, что нибудь неподражаемое!.. Конечно, не могу сопротивляться искушенію, иду въ Однѣйскій циркъ...*

Девально пусто, девально грязно и девально темно. Оквальной вихорь подымаетъ легкую пыль на аренѣ и кружить ее. Музыка печально востъ на устремленныхъ съ боку хоркахъ. Сидяще зрителя наполняется тоскливымъ ожиданіемъ, въ промежуткахъ слышенъ небольшой топотъ ногамъ, на сценѣ раздается эхонопъ. Черезъ нѣсколько минутъ на арену вытаскиваютъ лошадиннй скелетъ, на который набирается какъ-то женщина съ бумажными цвѣтами на голови, въ сѣровато-розовомъ трико и голубой таятной юбкѣ, обшитой желтыми лентами и мишурною бахрамою. Машина, устроенная такимъ образомъ изъ лошадинаго скелета и вообравшійся на него женщины, пускается посредствомъ бича въ ходъ... Неужели въ одной части этой машины зритель долженъ признать Дѣвицу Паулину или Августину, исполняющихъ *pas de manteaux*, *pas de guirlande* и т. п. Или не представляетъ ли эта машина тотъ неизобразимый дилжансъ, въ которомъ *острѣталаго г-на Каталани съ г. Паганини на послѣдней Парижской станціи?*

Недоумѣніе зрителя остается неразрѣшеннымъ навсегда! Ему никакъ не удастся различать Дѣвицу Паулину отъ Дѣвицы Августины, а Дѣвицу Августину отъ г. Бомбова, а г. Бомбова отъ дилжанса, и т. д. Да въ этомъ видѣ и нѣтъ надобности: деньги платятся при входѣ. Плохо только содержателю другаго цирка. г. Абенду. потому что къ нему уже никакъ не пойдетъ бывавшій въ Олимпійскомъ циркѣ; на г. Абенду утѣшаетъ себя мыслью, что онъ, въ свою очередь, залучитъ къ себѣ зрителей, выпуститъ ихъ достаточно опытными, и они не пойдутъ къ г. Спозан — расчесть вѣрный.

Если цирка несовсѣмъ понравится посѣтившему ихъ, то изъ этого не должно заключать, что ему точно такъ же не понравится Американскій театръ Эд. Размиса. Американскій театръ!... Названіе пробуждаетъ въ человѣкѣ страшное количество любопытства, и рѣдко кто не поглядитъ на мимико-пластическо-воздушныя представленія Эд. Размиса. Представленія эти впрочемъ уже знакомы петербургской публикѣ, и о нихъ, какъ о старомъ, говорить нечего.

Гораздо лучше заглянуть въ балаганъ № 14; тамъ *компанія артистовъ, подъ управленіемъ Жана Флери*, представляетъ *Взятіе штурмомъ турецкой крепости*, большую пантому въ

4-хъ дѣйствіяхъ, съ разговорами, пѣніемъ, плясками и проч. и проч. Дѣйствіе 1-е—*Дисска*; дѣйствіе 2-е—*Посланики*; дѣйствіе 3-е—*Вель за родину*; дѣйствіе 4-е—*Взлѣтіе крѣпости*. Всѣ дѣйствующія лица страдаютъ простудою и кривятъ самыя нестойкія образомъ. *Салима*, дочь турецкаго пашы, и подруга ея, *мелодая Турчанка*, не говорятъ, и потому нельзя утвердительно сказать страдаютъ ли онѣ простудою. Нѣскольکو чловѣкъ таскають другъ друга за волосы, что, при бенгальскомъ освѣщеніи, должно изображать *Взлѣтіе крѣпости* и завершить блистательное представленіе. Основыиамъ на нѣкоторыхъ данныхъ, я полагаю, что литературная часть этого представленія принадлежитъ Жану Флеръ. Онъ занимаетъ эффективнѣйшую роль, на немъ испанскій костюмъ, вообще онъ *милый злодѣй* и, нѣтъ сомнѣнія, *Салима* и други молодая Турчанка только передъ зрителями являются такими искренними подругами — за кулисами онѣ непримиримыя соперницы!

По чистотѣ, приличію и нѣкоторому смыслу въ представленіяхъ, балаганы гг. Раппо и Легата принадлежать къ числу лучшихъ.

Раппо давалъ большую военную пантомиму, въ которой есть хоть какаѣ нибудь мысли. Костюмы очень опрятны. Есть очень ловкіе акробаты... Короче, тутъ видны нѣкоторая добросовѣстность и стараніе антрепренера, и зритель не испытываетъ крайней-мѣрѣ непріятнаго чувства разочарованія.

Почти то же самое можно сказать и о Легатѣ, у котораго, впрочемъ, составъ представленія разнообразнѣе. Сначала идетъ арлекинада съ нѣкоторыми *добавленіями*, потомъ представляется *Синопскій бой* и, наконецъ, большая аллегорическая живая картина съ фейерверкомъ, бенгальскимъ огнемъ и съ живою гирляндю изъ безчисленнаго множества Аниетъ, Катеринъ, Акулинь и т. д. Арлекинъ въ балаганѣ Легата довольно ловокъ и танцуетъ очень порядочно. Танцовщицы... но я слишкомъ уже пользуюсь терпѣніемъ снисходительнаго читателя, слишкомъ много говорю о балаганахъ. Правда, есть ослѣпники до уведеній этого рода; есть такъ-называемые *балаганисты*, да читатель-то мой не принадлежитъ къ нимъ и можетъ быть не знаетъ даже, что такое *балаганнство*. А нек-

ду тѣмъ это одинъ изъ петербургскихъ тишювъ. Это тѣмъ довольно интересный, который, къ сожалѣнiю, мало по малу исчезаетъ въ настоящее время. Недавно еще балаганиство было много въ Петербургѣ. Къ Масляницѣ и Святой недѣлѣ они вырастали какъ грибы на Адмиралтейской площади и толпами перекочевывали изъ одного балагана въ другой. Каждая Коломбина, каждый Пьеро, Арлекинъ, Каландръ... были вѣстны въ то время балаганисту и пользовались его покровительствомъ. За кулисами балаганисть былъ какъ у себя дома: плотникъ и бутафоръ кланялись ему; Коломбина встрѣчала его съ уваженiемъ; антрепренеръ спрашивалъ его мнѣнiя насчетъ каждой новости; Арлекинъ приглашалъ въ свою уборную выкурить сигару... Но теперь балаганисты стираются съ лица Адмиралтейской площади. Ни что не прочно подъ луной! Сибяются времена — смѣняются и обычаи; а жаль... Почему бы, напримѣръ, не существовать въ Петербургѣ постоянно арлекинадѣ, русской народной арлекинадѣ?

Оставляю однакожъ предположенiя, арлекинаду, Коломбинъ и весь увеселительный городокъ, и скажу нѣсколько словъ о предметѣ далеко интереснѣйшемъ. Такимъ считаю я каждое, доброе дѣло Петербуржцевъ, и, надѣюсь, вы не станете сѣтовать, встрѣчая въ Забѣткахъ почти всегда слѣдующую рубрику.

Благотворительность.

Кромѣ тысячи пожертвованiй, о которыхъ уже сообщали вамъ газеты — и которыми по справедливости можетъ гордиться Россiя, въ Петербургѣ 16-го апрѣля устроенъ былъ благотворительнымъ обществомъ въ залѣ Дворянскаго собранiя *Таксиральный вечеръ съ лотереєю аллегри, въ пользу вдовъ и сиротъ военныхъ, умершихъ въ нынѣшнюю войну.*

Мысль обезпечить вдовъ, по крайней-мѣрѣ, облегчить участь вдовъ и дѣтей война, положившаго животъ свой за отчизну — мысль прекрасная, и встрѣтила, весьма натурально, общее сочувствiе. Посѣтителей собралось много, и особенно прiятно было увидѣть въ числѣ ихъ многое множество малютокъ, которые открывали балъ. Какая мать отказалась бы доставить своему дитяти случай повеселиться съ сознаниемъ, что и онъ, маленькiй человечекъ, дѣлаетъ при этомъ добро другому тако-

му же прощечному созданию? Развѣ не съ этихъ лѣтъ должна показывать ребенку, какъ весело помогать ближнему?.. После дѣтей танцовали взрослые. Кто выигралъ дачу въ Павловскѣ, кто выигралъ домъ въ Итальянской улицѣ—не знаю; увѣренъ, однакожъ, что и тѣ, которые ничего не выиграла, были тоже такъ же довольны и веселы, ибо помогали бѣднымъ сиротамъ. Очевидно, не выигрывшъ манилъ каждая, а мысль спесобствовать прекрасному намѣренью благотворителей. Нѣтъ сомнѣнн, въ настоящее время общее вниманіе преимущественно должно обратиться на семейства нашихъ храбрыхъ воиновъ, и помннутый балъ да послужитъ благимъ примѣромъ. Истинная заслуга, истинно доброе дѣло не нуждаются въ похвалѣхъ, и потому мнѣ не слѣдуетъ распространяться здѣсь о томъ, къ какой мѣрѣ лица, некушіяся постоянно о своихъ нечастныхъ братьяхъ, заслуживаютъ общее уваженіе и признательность. Дай имъ Богъ силы и твердости продолжать прекрасный путь, по которому идутъ они на утѣшеніе страждущимъ. Дай имъ Богъ побольше послѣдователей. Пусть каждый изъ насъ помогаетъ имъ и словомъ и дѣломъ.

Въ субботу, 24 апрѣля, въ залѣ придворной нѣвеческой капеллы, гдѣ придворные пѣвчіе давали, танъже съ благотворительною цѣлью, духовный концертъ,—въ пользу пріюта арестантскихъ дѣтей. Говорить о достоинствѣ этого концерта—значило бы повторять давно извѣстное. Хоръ придворныхъ пѣвчихъ приводилъ неравъ въ изумленіе европейскихъ артистовъ. Знатки говорятъ, что пѣнье придворной нѣвеческой капеллы верхъ совершенства. Если къ музыкальному достоинству концерта прибавить филантропическую цѣль его, то нельзя не порадоваться за тѣхъ, которымъ довелось насладиться звукомъ.

Было еще нѣсколько частныхъ концертовъ; а замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ скажется (если не оказалось уже) въ особенномъ отдѣлѣ этого журнала, а незамѣчательные, къ вашему удовольствію, останутся незамѣчательными.

Такъ какъ на Святой недѣлѣ открылись опять спектакли (Большой театръ составляетъ, по обыкновенію, исключеніе изъ общаго правила), — то вамъ безъ сомнѣння любезнѣе будетъ знать, что новенькаго увидалъ Петербургъ въ теченіе послѣдней половины апрѣля мѣсяца. Радуюсь, что могу удовлетво-

рѣтъ ваше любопытство, и началу съ того именно, о чемъ не говорилъ въ прошлый разъ и о чемъ вообще говорить у насъ очень рѣдко.

НѢМЕЦКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Въ нихъ столько особеннаго, столько непохожаго на спектакли русскіе и французскіе, что, нѣтъ сомнѣнія, читателю не безъинтересно будетъ познакомиться съ ними. Выборъ пьесъ, ихъ литературное достоинство, исполненіе, публика... все, все носитъ на себѣ особый отпечатокъ.

Взглянемъ, напримѣръ, на бенефисъ г. Рейхардта. Спектакль состоялъ изъ новой драмы: *Künstlerleben, oder Ideal und Wirklichkeit*, г. Арнольда, небольшого водевиля: *Das Versprechen hinterm Heerd*, игры г. Лешетацкаго на фортепьяно и г. Франкенштейна на скрипкѣ, и танцевъ маленькой Аманды Беркольдъ, ученицы г. Пинно.

Драма въ трехъ актахъ и пяти картинахъ — произведеніе неорѣлое. Должно полагать, что автору не болѣе семнадцати лѣтъ; только при такомъ предположеніи становится понятно появленіе подобной драмы.

Стремленіе бѣднаго и, къ сожалѣнію, женатаго артиста къ славѣ; борьба его съ нуждою, неудачами, несправедливостью людей... и лавровый вѣнокъ не смерти — вотъ содержаніе драмы, содержаніе, какъ изволите сами усмотрѣть, очень, очень неновое. Характеры дѣйствующихъ лицъ... я рѣшительно затрудняюсь, что сказать о характерахъ, когда ихъ вовсе нѣтъ. Какіе то блѣдныя призраки двигаются взадъ и впередъ, говорятъ всѣ однимъ языкомъ, и языкомъ, надо замѣтить, весьма ненатуральнымъ; графъ, князь, инягина, бѣдный фортепьянный учитель, бѣдная жена его, пертной, профессоръ эстетики, журналистъ и еще нѣсколько лицъ являются на сценѣ и убѣждаютъ зрителя, что написать драму, даже стихами, не мудро; но написать ее такъ, чтобы она имѣла какое-нибудь значеніе и возбуждала бы въ зрителѣ не одну вѣвоту — дѣло не легкое и удастся не всякому.

Объ искусствѣ артистовъ нѣмецкой труппы нельзя рѣшительно судить по исполненію плохой драмы; но можно однакожъ замѣтить слѣдующее: всѣ вообще нѣмецкіе артисты и артистки,

за исключеніемъ весьма немногихъ, подвержены нагубной слабости *рисоваться* на сценѣ, и больше другихъ страдаютъ этою слабостью г. Орловскій. Въ г. Орловскомъ есть дарованіе, и тѣмъ непростительнѣе ему до такой степени постоянно заботиться о болѣе или менѣе картинныхъ позахъ, что зрителю становится смѣшно и странно. Что это такое? Есть ли въ дѣйствительной жизни такіе джентльмены, какихъ представляетъ г. Орловскій? Хорошія манеры конечно необходимы артисту; но это не значитъ, что онъ долженъ *рисоваться* каждое мнѣвенье. Всѣ искусства идутъ впередъ и стараются какъ можно болѣе приблизиться къ природѣ, которая безъ сомнѣнія представляетъ намъ совершеннѣйшій образецъ прекраснаго. Почему же артистъ всѣми силами старается отдалиться отъ этого образца? Было время, когда на сценѣ и въ литературѣ являлись только герои, въ которыхъ, отъ языка до походки, ничего не было сходнаго съ обыкновенными смертными; но время это прошло давно, давно! Неужели остались еще въ Петербургѣ поборники напыщенныхъ фразъ, не естественности, словомъ того ложнаго направленія, какимъ восхищались, наши протцы? Если и найдутся такіе, то неужели артисты должны угождать ихъ вкусу, а не совершенствоваться? Смѣю увѣрить г. Орловскаго, что очень большая часть публики достаточно образована и не глядитъ на драматическое искусство глазами прошлаго столѣтія, слѣдовательно не удовлетворится позамъ и декламаціею. Въ доказательство этому я могу указать на любовь публики къ гг. Мору, Брюнингу, г-жѣ Лизѣ Гоферъ, и другимъ; игра этихъ артистовъ весьма проста и естественна, они говорятъ и ходятъ, какъ обыкновенные люди, и, между тѣмъ, игра ихъ нравится публикѣ.

Еслибъ я сталъ говорить о бенефисѣ г-жи Орловской, т.-е. о произведеніи нестоимой г-жи Бирхъ-Нессеферъ: *Kofe und Pfeffer*, о передѣланномъ съ французскаго водевилѣ: *Die Schiffe*, еслибъ я сталъ говорить о *Фаустѣ*... то, нѣтъ сомнѣнія, свазалъ бы тоже самое, съ прибавленіемъ развѣ того, что слишкомъ уже отчаянные фарсы, какъ напримѣръ кувырканье со стуломъ черезъ голову, производятъ на зрителя весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе... Прибавилъ бы къ этому еще то,

что г-жа Луиза Эллерсъ очень мило танцуетъ качучу... больше бы ничего не прибавилъ.

Русскіе спектакли.

Здѣсь три капитальныя новости. Во первыхъ: новая опера; во вторыхъ: новая драма, и въ третьихъ: новый артистъ.

Русскій мужичекъ и Французскіе мародеры, эпизодъ изъ войны 1812 года — такъ называется новая большая комическая опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, текстъ г. Куликова, музыка г. Львова.

Либретто написано, какъ кажется, безъ особеннаго труда. Авторъ создалъ его по образу и подобию несмѣтнаго количества пьесъ, отливъ его въ извѣстную форму, употребивъ въ дѣло новыя имена дѣйствующихъ лицъ; но за всѣмъ тѣмъ пьеса имѣла успѣхъ, чему способствовали, конечно, направленіе ея, музыка и исполненіе.

Дѣйствіе первое: *Наканунъ вступленія въ Москву Наполеона*. Алексѣй Дмитріевичъ Матвѣевъ, жена его Анна Васильевна, дѣти Митя и Варя, и дворян, собираются уѣхать изъ Москвы, во избѣжаніе непріятнаго столкновенія съ Французами, и дѣйствительно всѣ уѣзжаютъ, за исключеніемъ Алексѣя Дмитріевича Матвѣева. Онъ остается подъ выдуманнѣмъ предлогомъ въ Москвѣ и поступаетъ въ военную службу. Русскій мужичекъ Петровъ поетъ:

Минетъ грозное ненастье,
Красно солнышко взойдетъ!

Во второмъ дѣйствіи: *Встрѣча въ лѣсу съ врагами*, семейство Матвѣева окружено мародерами; но русскій мужичекъ собѣ на умъ, онъ обманываетъ враговъ, даетъ знать отряду русскихъ партизановъ, въ числѣ которыхъ находится, какъ вы догадываетесь, самъ г. Матвѣевъ, и—мародеры разбиты, семейство спасено. Русскій мужичекъ поетъ:

Минетъ грозное ненастье,
Красно солнышко взойдетъ!

Дѣйствіе третье: *Русская хлѣбъ-соль*. Все кончилось благо-

получно, великодушные Русскіе не понимаютъ зла и радушно угощаютъ побѣжденныхъ враговъ. Русскій мужичекъ поетъ:

Красно солнышко взошло!

Музыка новой оперы очень понравилась, и замѣчательна, между прочимъ, отсутствіемъ треска и шума мѣдныхъ инструментовъ. Слава Богу! Съ легкой руки г. Верди уши меломановъ страдаютъ сильно и часто. Въ музыкѣ г. Львова нѣтъ этого недостатка. Арія Петрова очень хороша... но я не беру на себя произнести рѣшительный приговоръ произведенію нашего извѣстнаго композитора. Опера имѣла успѣхъ—вотъ все, что я могу сказать.

Г. Петровъ (въ роли Петрова), по обыкновенію, очень хорошъ. Сожалѣю искренно, что не могу сказать того же о г-жѣ Самойдовой. Разумѣется, водевильной пѣвицѣ немного трудно исполнять роли оперныя, и талантливая артистка наша вѣроятно чувствуетъ, въ какой степени совершенства она исполняетъ роль Анны Васильевны Матвѣевой. Вообще артисты четырехъ труппъ нашихъ совокупными силами старались показать публикѣ все, по возможности, прекрасныя стороны новой оперы.

Оставляя музыку, я спѣшу сообщить вамъ нѣкоторыя сужденія о такъ давно жданной народной драмѣ г-на Потѣхина *Судъ людской — не Божій*.

Г. Потѣхинъ, авторъ очень хорошей повѣсти: *Тить Софроновъ Козонокъ*, пользуется нѣкоторою извѣстностью, какъ хорошо изучившій народный бытъ нашъ. Очень естественно, что появленіе его драмы съ такимъ заманчивымъ названіемъ, драмы, содержаніе которой взято изъ народнаго быта — возбудило общее любопытство.

Не знаю однакожъ почему, на первомъ представленіи этой пьесы (29 апрѣля, въ вечеръ г. М. Максимова) публика была немногочисленна.

Я вижу нетерпѣніе читателя; вижу, какъ читательница немножко нахмурилась и нѣсколько сурово требуетъ отъ меня отчета о новой драмѣ г. Потѣхина.

— Рассказывайте скорѣй содержаніе пьесы, а не толкуйте о томъ, сколько было публики въ театрѣ, съ какими нетерпѣ-

...иногда елидаи всѣ новленія новой драмы. Это скучно, это глупо...

Виновать, тысячу разъ виновать, если я не угождѣю вамъ; но я бы хотѣлъ быть въ вашихъ глазахъ обстоятельнымъ фельетонистомъ, и смѣю предполагать, что ожиданіе и предубѣжденіе что-нибудь да означать. Еслибы г. Потѣкинъ не написалъ такой, напимѣръ, вещи, какъ *Титъ Софроносъ Козомокъ*, то отъ новой драмы нельзя было бы требовать того, чего въ правѣ мы требовать отъ нѣскольکو уже извѣстнаго автора. Г. Потѣкинъ доказалъ, что у него есть талантъ, и это крошечное обстоятельство даетъ намъ право быть взыскательнѣе.

Николай Спиридонычъ, зажиточный крестьянинъ, старикъ строгихъ нравовъ, немножко суровый, горячо любитъ единственную дочь свою Матрону и старается беречь ее пуще своего глаза. Но, поговорка не мимо молвится, поговорка говоритъ: Шила въ мѣшкѣ не утаишь, а дѣдушки подъ замкомъ не удержишь. Въ деревнѣ есть развѣжой парень Иванъ, и этотъ-то молодецъ колонила сердце Матроны до такой степени, что Матронѣ бѣда отъ отца, если онъ узнаетъ. Иванъ бы не прочь жениться на Матронѣ, да Николай Спиридонычъ ни за что не выдаетъ своей дочери за сорванца и отчаяннаго гуляку, — нечего и думать. Признаться во всемъ — страхъ беретъ. Впрочемъ есть благодѣтельница Акулина Ивановна, баба бывалая, дѣй дворовыхъ; она беретъ удавить дѣла.

Поехалъ и Иванъ съ Акулиною Ивановною къ Николаю Спиридонычу, и объявили ему сущность дѣла. Николай Спиридонычъ на нейтралъ штъ:

— Врете, вороги... обмануть вы меня хотѣли...

Позвалъ Матрону:

...Сказывай всю правду...

Матрона бросилась въ ноги отцу и повинилась. Николай Спиридонычъ съ-сердцемъ, не подумавъ, проклялъ дочь и тогда только свезаетея, какъ уже поздно было, т. е., когда Матрона, отъ природы робкая, сошла съ ума и убѣжала. Иванъ съ гора котѣлъ утѣниться. Николай Спиридонычъ тронутъ любовью сына и увидѣлъ, что заблуждался до-сихъ-поръ. Сталъ его негоднымъ парнемъ. Потомъ и старикъ, отецъ, и наконецъ старанился на богомолье въ Виетъ. Матрона, между

тѣмъ отбѣжала отъ деревни на пятьдесятъ верстъ по дорогѣ къ Кіеву и поселилась у крестьянки Дарьи. Богомольщи на возвратномъ пути встрѣтилась съ Матрѣною, и эта встрѣча возвратила несчастной дѣвушкѣ рассудокъ. Отецъ прощаетъ дочь и соглашается выдать ее за Ивана. Иванъ съ восторгомъ кидается къ своей нарѣченной; но она останавливаетъ его...

— Не подходн... не трогай, не твоя я!... Обѣтъ я положила на себя служить батюшкѣ до гробовой доски, коли простишь онъ меня, помилуетъ...

Иванъ, сначала, можетъ быть, подумалъ про себя: «Когда же это Матрена наложила на себя такой обѣтъ? Видѣ какъ проклялъ ее отецъ, такъ она въ ту же минуту сошла съ ума. Потомъ хоть и бывала она временемъ покойна; но малѣйшій намекъ на случившееся повергалъ ее снова въ безуміе. Какъ же это она успѣла наложить на себя такой обѣтъ?» Такъ можетъ быть подумалъ про себя Иванъ; но дѣлать нечего, отъ жены надо отказаться. Онъ и говоритъ:

— На самого врага хочу идти я, своей мочью хочу вѣряться... Не надо мнѣ теперь ни жены, голубки... Ухъ, престошно мнѣ одному, разгуляется моя душа, взыграетъ ревво сердце... Прощайте, люди добрые... Прощай, Матрешенья, прощай, Николай Спиридонычъ.

Сказалъ такъ Иванъ и хотеть уйти. Матрена говоритъ:

— Иванушка, голубчикъ, стой... Какъ батюшка родней... на его волю отдала я свой зарокъ...

Иванъ спрашиваетъ:

— Такъ моя ты будешь... а я все Царевъ слуга... Какъ ли идти за солдата?...

— Все едино, сердечной мой... отвѣчаетъ Матрена.

— Такъ поди ко мнѣ, моя лебедь бѣлая, моя солдатка конглядная... Батюшка, благослови!

Николай Спиридонычъ благословляетъ ихъ.

Вотъ содержаніе четырех-актной драмы г. Потѣхина. Выны, познакомившись съ содержаніемъ, найдете, что названіе пьесы, при всей его заманчивости, несомнѣнно неясно, самъ вамъ покажется, что драма сама по себѣ, а названіе само по себѣ, то считайте меня виновникомъ вашего недоразумѣнія. Произведеніе г. Потѣхина далеко выше божественнаго произ-

ства французскихъ мелодрамъ, пересаживаемыхъ на нашу почву. Въ немъ русскій духъ, въ немъ Русью пахнетъ, и развѣ только очень придирчивый критикъ скажетъ, что г. Потѣхинъ развилъ слишкомъ идеальную любовь, или что Николай Спирidonъичъ по всей вѣроятности употребилъ бы въ дѣло другое оружіе, а врядъ ли бы проклялъ дочь. Найдутся и такіе, что станутъ увѣрять, будто Акулина Ивановна лицо неестественное, будто Матрена такъ много хнычетъ, что зрителю становится тяжело, словно онъ полтора часа пробылъ въ больницѣ. Нѣкоторые скажутъ можетъ быть, что Матрена въ продолженіе всей драмы страдаетъ преимущественно физически: болью подъ ложечкою и стѣсненіемъ въ груди. *Ахъ, тошно, тошношенько!* твердятъ она. Конечно жалко человѣка, если у него и зубы болятъ, но долженъ ли интересъ драмы опираться на физическое страданіе героя?... Я ничего не скажу подобнаго; драма г. Потѣхина очень хорошая драма, особенно въ чтеніи. И если молодой, какъ должно полагать, авторъ станетъ писать и писать, то безъ сомнѣнія напишетъ современемъ что нибудь замѣчательное. Во всякомъ случаѣ, появленіе такой драмы, какъ *Судъ людской — не Божій*, должно радовать. Намъ надо любить свое и изучать его, если, къ сожалѣнію, оно до сихъ поръ было намъ незнакомо. Мнѣ гораздо пріятнѣе сочувствовать простому горю или радости удалаго парня Ивана, чѣмъ неестественнымъ страданіямъ какого нибудь маркиза Люшевалы или слабопервой виконтессы Фу.

Разыграна драма была хорошо; но да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько крошечныхъ замѣчаній.

Г-жа Читау занимала роль Матрены. Въ первомъ актѣ ничего особеннаго не представлялось ея дарованію; во второмъ она была очень хороша; въ четвертомъ же плаксивость, истерика и стenanія перешли границы благоразумной умѣренности, а это, впервыхъ, мѣшало г-ну Мартынову (въ роли откупщика), чѣмъ болѣе что прекрасный артистъ этотъ нуждался иногда въ помощи суфлера, а во вторыхъ, зрителю становилось невыразимо тяжело. Прекрасная и талантливая артистка, конечно, не разсердится за правду, замѣчаніе наше относится къ другимъ ролямъ, въ которыхъ мы восхищались бы вполнѣ

нѣ г-жею Читау, если бы она не знавала порою въ монотонную плаксивость или плаксивую монотонность.

Г. Сафойловъ, этотъ прекрасный артистъ на сценѣ Александринскаго театра, въ удивленію былъ въ роли Ивана не гнѣвъ, что можно и должно было ожидать отъ него. Въ немъ не доставало русской размашистой удалы; Иванъ представился болѣе проворнымъ половымъ, а не удалымъ парнемъ, въ котораго молодая кровь гуллетъ.

Г. Григорьевъ былъ очень хорошъ въ роли Егора Сергѣича; но разсказъ его о томъ, какъ онъ ностройей взялъ въ пленъ трехъ Французовъ, потерялъ комизмъ... Егоръ Сергѣичъ въ образѣ г. Григорьева вышелъ не хвастуномъ-поваромъ, а лямъ хотѣлъ представить его авторъ, а настоящимъ героемъ комикомъ, который захватилъ бы пожалуй и десятокъ Французовъ.

Г-жа Липская въ роли Акулины Ивановны была, какъ и всегда, неподражаемо хороша. Жаль только, что разсказъ ея о томъ, какъ Егоръ добылъ карты, нѣсколько длиненъ и въ которыхъ словъ нельзя было разслушать, потому, вѣроятно, что г-жа Липская сидѣла очень далеко отъ авансены.

Г-жа Орлова (въ роли Дарьи) была немножко вала и тупила свои монологи.

Г. Бурдинъ, въ крошечной роли Павла, былъ очень хорошъ.

Г-жи Гранева и Подобѣдова, въ роляхъ крестьянскихъ дворянскъ, явились барышнями.

Г-жа Рамазанова, въ роли знахарки Дементьевны, была г-жею Рамазановою.

Послѣ всѣхъ обращаюсь къ артисту, съ котораго должно было бы начать. Роль Николая Спиридоныча занималъ г. Леонидовъ. Артистъ этотъ недавно прѣхалъ къ намъ изъ Москвы и дебютировалъ въ «Бенвенуто Челлини», «Смерть Лягунова» и «Судъ людской — не Божій».

Въ первый дебютъ «Бенвенуто Челлини» г. Леонидовъ принялъ публикою весьма радушно, — аплодисментовъ и вызововъ было безчисленное множество. Въ первомъ актѣ г. Леонидовъ, повидному, робѣлъ нѣсколько, за что конечно на въ канонъ судачъ не должно упрекать его: упреченіе къ публикѣ, рожденіе къ искусству — качества похвальныя. Въ третьемъ и четвертомъ актѣ г. Леонидовъ былъ очень хорошъ. Но, к сожалению

торопиться судить и потому пока довольно о г. Леонидовѣ. Нельзя не замѣтить, однакожъ, весьма важнаго достоинства въ г. Леонидовѣ—обдуманности въ игрѣ.

Если я скажу, что на Александринскомъ театрѣ давали *Смерть Ляпунова*, драму г. Геденова, въ которой роль Марини исполнила въ первый разъ г-жа Орлова; если я скажу, что въ комедіи: *Домашняя лъва*, была безукоризненно хороша г-жа Ливская, несомнѣнъ ловокъ г. Степановъ, которому вообще мало удаются такъ называемыя *фрачные* роли, если я скажу, что въ этой комедіи г-жа Сосницкая играла какъ-то неохотно, словно изъ милости, а г. Мартыновъ былъ очень хорошъ — то о русскихъ спектакляхъ вы будете знать почти все, что можно было сказать о нихъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Извѣстная пѣсня извѣстнаго Беранже, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, превратилась въ довольно забавную пьеску, подъ названіемъ: *Le troisième Mari*. Благодаря искусству г. Верне и г-жи Миллэ, пьеска прошла очень живо и понравилась; не смотря на весьма избитое содержаніе. Если вы узнаете, что въ пьесѣ есть мужъ, есть жена, горничная и нѣкій молодой человекъ, попадающій въ каминъ; если вы узнаете, что мужу кажется холодно и онъ приказываетъ затопить каминъ а жевѣ жарко и она всѣми силами противится желанію своего супруга касательно топки каминна; если вы узнаете, что горничная является здѣсь въ томъ выгодномъ свѣтѣ, въ какомъ являются горничныя въ тысячахъ водевиляхъ, то, не прочитывая даже извѣстной пѣсенки, легко и вѣрно можете составить идею о незамысловатомъ содержаніи пьесы.

Marie et Rose, произведеніе неутомимыхъ и неистощимыхъ водевильныхъ фабрикантовъ Анисэ-Буржуа и Мишеля-Массона, отличается обыкновенными качествами пьесъ, приготовляемыхъ для парижскихъ бульварныхъ театровъ. При составленіи такихъ пьесъ предполагается, что на свѣтѣ все возможно, и на этомъ основаніи нѣтъ такой нелѣпости, которую нельзя было бы допустить въ изготавливающеся произведеніе. Дѣйствующими лицами набираются люди, какихъ вы не видите и никогда не увидите. Содержаніе путается самымъ оглу-

ливнымъ образомъ и потомъ разрѣшается весьма смѣло и безцеремонно. Послѣ всего этого вы, конечно, не пожелаете знать, какимъ образомъ въ *Magie et Rose* собраны фокусы-покусы и въ какой мѣрѣ они правдоподобны. Въ этой пьесѣ играла московская артистка г-жа Амн.

Доложивъ вамъ о появленіи на сценѣ Михайловскаго театра коммюна изъ Москвы, г. Верне, брата извѣстнаго нашего артиста, я могу увѣрить васъ, что сколько-нибудь интересныя театральныя новости сообщены вамъ всѣ сполна. Миѣ остается только передать вамъ о событіи печальномъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Умеръ молодой и весьма полезный артистъ, Смирновъ 2-й. Онъ былъ воспитанникомъ Императорскаго театральнаго училища, въ 1842 году выпущенъ въ балетную труппу, считался очень хорошимъ танцоромъ и занималъ не разъ первыя роли въ балетахъ. Въ послѣдствіи онъ перешелъ въ число драматическихъ артистовъ и сдѣлался весьма хорошимъ и полезнымъ актеромъ на роли вторыхъ любовниковъ. Артисты наши потеряли въ немъ умнаго и благороднаго товарища.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ М. С. ХОТИНСКАГО.

Въ концѣ минувшаго января мы прочли въ здѣшнихъ газетахъ объявленіе о томъ, что по предложенію совѣта Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, извѣстный знатокъ физическихъ наукъ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ, М. С. Хотинскій будетъ читать въ залѣ экономическаго общества публичныя популярныя лекціи: «Объ устройствѣ вселенной и о явленіяхъ въ ней происходящихъ», руководствуясь знаменитымъ твореніемъ Гумбольдта о Космосѣ. Чтеніе лекцій предполагалось еженедѣльно по средамъ и первая назначена 27 января: всего же предполагалось прочесть въ нынѣшнюю зиму до 10 лекцій.

Въ среду 27 января публичнаго начала собираться въ залу Императорскаго В. Э. О. съ шести часовъ вечера, не смотря на то, что чтеніе было назначено въ восемь. Въ половинѣ восьмага обширная зала была такъ полна слушателями, что не только всѣ стулья (числомъ до 600) были заняты, но даже во всемъ про-

странствѣ за стульями не оставалось ни одного свободнаго мѣста. Слушатели толпились и за дверями залы, въ сосѣднихъ комнатахъ и весьма многіе, прибывшіе къ назначенному сроку начала лекціи, должны были вернуться назадъ за недостаткомъ мѣста. Подобное стеченіе публики мы замѣтили только лѣтъ десять тому назадъ на публичныхъ лекціяхъ знаменитаго астронома Струве, читанныхъ въ залѣ Академіи Наукъ и на лекціяхъ профессора Куторги, бывшихъ въ прошломъ году также въ домѣ экономическаго общества. Въ числѣ слушателей мы замѣтили множество дамъ, а также, съ особеннымъ удовольствіемъ, нѣсколько лицъ изъ купческаго сословія, въ которомъ нынѣ замѣтно развивается любовь къ наукѣ и сознаніе въ пользу просвѣщенія.

Ровно въ восемь часовъ лекторъ взошелъ на кафедру и былъ пріѣтствованъ громкими и единодушными рукоплесканіями, вызванными какъ интересомъ предмета предстоящихъ лекцій, такъ и извѣстностью лектора, обогатившаго русскую литературу многими дѣльными трудами и распространившаго по всѣмъ краямъ обширной Россіи нѣсколько тысячъ экземпляровъ своихъ общепонятныхъ ученыхъ изданій. Вслѣдъ за рукоплесканіями настала глубокая тишина, среди которой лекторъ началъ свое чтеніе или, правильнѣе сказать, живой импровизированный рассказъ, потому что у него не было не только тетрадки или записной книжки, но даже и памятной записки. Предваривъ слушателей, что лекціи его будутъ имѣть характеръ по преимуществу популярный и далеки отъ претензіи на ученое значеніе, лекторъ въ бѣглыхъ очеркахъ представилъ картину природы, которой обладаніе и наслажденіе суждено человѣку Творцемъ всего созданнаго. Показавъ смыслъ и значеніе науки, онъ доказалъ что исходная точка и конечная дѣль всякаго знанія есть—Высшая сила, Премудрость и Благодѣтельность. Эта религіозная идея, выраженная въ простыхъ словахъ, но строгологически и съ вдохновеннымъ жаромъ, заслужила громкій взрывъ рукоплесканій. Затѣмъ лекторъ познакомилъ своихъ слушателей съ порядкомъ, въ которомъ онъ будетъ излагать устройство мірозданія и при этомъ начерталъ великолѣпную картину звѣзднаго неба и его колоссальныхъ размѣровъ, возбуждавшую также общій восторгъ и рукоплесканія. Лекція бы-

ла заключена изложеніемъ понятія о душѣ человеческомъ, исчадіи Божественнаго дуновенія, содѣлывающемъ человека, по сказанію библейскаго лѣтописца, подобнымъ своему Создателю. — Лекторъ сошелъ съ кафедры среди новыхъ рукоплесканій и былъ окруженъ толпою, стремившеюся высказать ему свой восторгъ и благодарность.

Первая лекція господина Хотинскаго такъ заинтересовала всѣхъ, что навѣрное на вторую собралось бы еще болѣе публики, если бы то было возможно; но къ сожалѣнію ученый и краснорѣчивый лекторъ захворалъ черезъ два или три дня опасною болѣзнію, такъ, что вторая лекція прочтена только 2 апрѣля. Зала опять была переполнена слушателями, опять встрѣтившими и провожавшими лектора рукоплесканіями. На этотъ разъ рѣчь шла объ актѣ мірозданія. Затѣмъ онъ говорилъ о матеріи и силахъ существующихъ въ мировомъ пространствѣ и заключилъ лекцію прекраснымъ рассказомъ о вѣчно продолжающейся дѣятельности Всомогущаго Творческаго Духа Божія.

Третья и четвертая лекціи (23 и 26 апрѣля) посвящены были разсмотрѣнію космической матеріи наполняющей мировое пространство и скопленіямъ ея, составляющимъ звѣзды или солнце, причемъ ученый лекторъ сообщилъ свѣдѣнія о числѣ и распредѣленіи этихъ свѣтилъ въ пространствѣ, присовокупивъ результатъ собственныхъ изслѣдованій надъ числомъ и блескомъ звѣздъ видимыхъ въ С.-Петербургѣ. И эти двѣ лекціи одинаково интересныи имѣли успѣхъ подобно двумъ первымъ.

Вообще должно сказать, что господинъ Хотинскій, при обширной своей начтатности и разнообразныхъ познаніяхъ, обладаетъ даромъ выражать свои мысли краснорѣчиво и увлекательно, а въ иные моменты сходить на него истинное вдохновеніе. Этимъ объясняется огромный успѣхъ его лекцій, которыя безъ сомнѣнія прольютъ въ массу его слушателей много благотворнаго свѣта. Нельзя также не порадоваться истинно религиозному духу, которымъ проникнуты эти чтенія и который находитъ въ массѣ слушателей такое живое сочувствіе. — Мы слышали, что господинъ Хотинскій будетъ продолжать свои интересныя чтенія и будущей зимою.

Новости въ будущемъ.

У каждаго человѣка есть слабости; фельетонистъ человѣкъ;

слѣдовательно; и у него должны быть слабости. Какъ не быть! Разсказъ о погодѣ, о вскрытіи Невы, о веснѣ, о близости лѣта, о предстоящемъ удовольствіи дачной жизни, о самыхъ дачникахъ, насмѣшки надъ петербургскимъ лѣтомъ... Нѣтъ, страшно высчитывать всѣ собственныя слабости и особенно страшно потому, что исправить какъ-то трудно. Такъ кажется ясно видишь свои недостатки, такъ твердо общаешь самому себѣ исправить, такъ сильно пристыдишь себя, и что же?... При первомъ случаѣ, при первомъ недостаткѣ новостей, являются: странички о погодѣ, Невѣ, дачахъ, веснѣ и другіе крошечные фельетонные пороки. Это ужасно, а между тѣмъ справедливо, и вы не можете себѣ представить, какаxъ страшныхъ усилій стоило мнѣ удержаться отъ желанія поговорить съ вами о томъ, какъ хороша у насъ нынче весна, какъ Нева, *разломаетъ свои ледныя окопы, замрала подъ яркими* или, пожалуй, *золотыми лучами весенняго солнца*; о томъ, что приближается время, когда въ городѣ будетъ жарко и душно, а по улицамъ потянутся возы съ мебелью, которая украситъ тысячу большихъ и маленькихъ дачъ; о томъ, наконецъ, какъ пріятно дышать свѣжимъ загороднымъ воздухомъ, какъ хорошо гулять по густымъ аллеямъ сада и слушать болѣе или менѣе восхитительныя звуки музыки... Не говорить обо всемъ такъ трудно, такъ трудно... что я удивляюсь своему подвигу, и надѣюсь, что и вы удивляетесь этому не меньше моего. Впрочемъ новости есть.... Вотъ на примѣръ я могу предувѣдомить васъ, что на сценѣ Александринскаго театра появится скоро новая драма г. Григорьева 1-го: *За Вѣру, Царя и Отчизну*—содержаніе которой почерпнуто изъ современныхъ событій.

Потомъ могу сказать вамъ еще то, что Петербургская публика на дняхъ видѣла новаго артиста г. Рыбакова; объ искусствѣ и талантѣ его вы услышите въ будущей разѣ. Въ будущемъ же номерѣ нашего журнала вы прочтете и о бенефисѣ г. Леонова. Думаю, что сказаннаго довольно, и я непремѣнно остановился бы на этомъ, если бы передо мною не лежало двухъ новыхъ и весьма полезныхъ изданій. Во-первыхъ: *Библиотека Путешествій*, восемь томиковъ въ восемнадцатую долю листа, изданіе А. Плюшара, съ гравированными на стали рисунками и красивою оберткою.

Первые три тома содержатъ въ себѣ *Путешествіе по Японіи* извѣстнаго Ф. Зибольда, дополненное свидѣніями и извѣстіями изъ Кемфера, Фишера, Дѣфа, Шарльвуа, графа Гогендорна, Крузенштерна, Тунберга, Титсенга, Варениуса и другихъ, въ очень хорошемъ переводѣ В. М. Строева.

Четвертый и пятый томы составляютъ сочиненіе г. К. Бюка: *Два года изъ жизни Русскаго моряка, описаніе кругосветнаго плаванія, совершеннаго въ 1840—1842 годахъ, на Россійскомъ транспортѣ «Або»*.

Въ шестомъ и седьмомъ томахъ заключаются *Разказы о кораблекрушеніяхъ* — переводъ В. М. Строева. Въ двухъ этихъ томкахъ двадцать шесть весьма интересныхъ разказовъ.

Восьмой томъ составляютъ *Эпизоды путешествія Бурчелла во внутренность Африки* — переводъ тоже В. М. Строева.

Всѣ восемь томиковъ, изданные въ нынѣшнемъ году, чрезвычайно интересны, написаны живымъ и легкимъ слономъ, и читаются съ большимъ удовольствіемъ. Польза этого изданія очевидна, и нельзя не порадоваться прекрасной мысли издателя. Нѣтъ сомнѣнія, что «Библиотека путешествій» разойдется въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ, тѣмъ болѣе что цѣна назначена довольно умеренная; первые восемь томиковъ стоятъ 12 р., съ пересылкою 14 р. сер. Такому сочиненію смѣло можно и должно пророчить успѣхъ.

Какъ мнѣ ни жаль прекратить пріятную бесѣду съ читателемъ; но я долженъ сдѣлать это. До слѣдующаго мѣсяца.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Неслыханная, невѣроятная, совершенно баснословная новость музыкальная есть нижеслѣдующая: нынѣшнюю зимою и весною въ Петербургѣ не было ровно ничего новаго по части музыки. Были концерты, и прекрасные, премногочисленные, но сраженные на домашнія музыкальныя средства и, болѣею частію, на благотворительныя предметы. На одно великое музыкальное имя не раздалось на благозвучныхъ берегахъ Невы, на источеніи всего Великаго Поста, ни голоса. Ни одна diva, ни одинъ го-

нѣй; не прилетѣла изъ-за моря на Невскій-Проектъ. Мадмоазель Клаусъ ѣхала — ѣхала — и не доѣхала. Женни Линдъ, выѣзжавшая мадамъ Гольдшмитъ, была уже въ Берлинѣ, смотрѣла очень вѣжливо на петербургскую дорогу, и не рѣшилась: говорятъ, Англичане, чтобы нанести всевозможный вредъ Россіи, переманили ее въ лондонскую итальянскую оперу за страшную сумму. Враги наши готовы разориться, лишь бы сдѣлать намъ досаду. Ничего! когда она разорится, Женни Линдъ силою проберется къ намъ сивозъ эскадры лорда Непвра. Аполлинарій Контскій, правда, воротился въ Петербургъ во второй половинѣ Великаго-Поста, игралъ двѣ пѣснь въ одномъ благотворительномъ концертѣ, былъ встрѣченъ публикою съ живѣйшимъ энтузіазмомъ, но самъ не давалъ ни одного концерта. Мадамъ де-Лаграпжъ, по приѣздѣ изъ Москвы, объявила о своемъ «прощальномъ» концертѣ, но этотъ не состоялся; по причинѣ ея болѣзни. Уже на Оминной дала она этотъ прощальный концертъ, который былъ сухъ и холоденъ въ сравненіи съ прежними ея представленіями. Словомъ, тѣмъ такая, что Мендельсонъ-Бартольди непремѣнно положили бы ее на музыку, если бы дожидъ до такого беззвучнаго времени.

Извѣстный и любимый нашъ віолончелистъ Шубертъ далъ на Святой прекрасный концертъ въ Большомъ-Театрѣ виѣтѣ съ Аполлинаріемъ Контскимъ. Публика была многочисленна и встрѣтила обоихъ артистовъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ. Мы даже не слышали Шуберта: талантъ его не только не понизился втѣченіе времени, но, кажется, еще выигралъ многое въ силѣ, звучности и ловкости. Онъ игралъ чудесно. Удачный выборъ пѣснь сообщилъ этому концерту особенную занимательность и сильное одушевленіе. Одною изъ занимательнѣйшихъ пѣснь была живая, умная, поющая фантазія на тему изъ «Гельговъ и Гибельновъ», написанная господиномъ Шубертомъ для шести віолончелей. Эта фантазія произвела большой эффектъ: о Контскомъ говорить нечего. Онъ игралъ, между прочимъ, среди безконечныхъ рукоплесканій и вивозовъ, одну новую пѣсню свою, *Les souvenirs de St.-Petersbourg*, которая безспорно займетъ мѣсто въ ряду прекраснѣйшихъ произведеній его богатой, оригинальной фантазіи. Это совершенно — музыка нашего времени, страстная, огненная,

своей правнѣ, невѣроятнѣ. Публика приняла ее превосходно. Исключительная съ тѣмъ могуществомъ игры и звука, съ тѣмъ глубокимъ выраженіемъ прекраснымъ вкусомъ, съ той баснословною чистотою, вѣрностью, ловкостью, которыя составляютъ отличительныя черты этого чуднаго скрипача, новая пьеса Ковтскаго возбудила сильнѣйшій восторгъ въ слушателяхъ. Нельзя также забыть русскія пѣсни госпожи Леоновой, особенно «Лихорадушку», А. С. Даргомыжскаго, которую эта артистка поетъ неподражаемо, съ подлинно русскою хваткою: недоставало только сарафана и кокошника до полноты эффекта, которому много мѣшало парижское бархатное платье послѣдняго фасона. Успѣхъ госпожи Леоновой былъ самый блестящій, но, съ этимъ малевымъ усовершенствованіемъ наружнаго вида, она произвела бы въ горячихъ сердцахъ русскихъ настоящій фуроръ.

О Женнѣ Ландъ, герцъ Релльштабъ, страшный музыкальный критикъ берлинскій, пишетъ, что голосъ ея потерялъ значительно свою соловьишую свѣжесть; но что, зато, въ умѣншѣ пѣть, въ вокальномъ искусствѣ, она сдѣлала невѣроятную успѣхи.

О Листѣ писали во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, что онъ отправляется въ Калифорнію — въ Австралію — въ Китай — въ Камчатку — навѣсть куда. Только недавно обнаружено опроверженіе этихъ странныхъ слуховъ, заимствованное изъ письма къ другу. Листъ пишетъ, что онъ и не думалъ о странствованіяхъ, живетъ преспокойно въ Веймарѣ, и, покажеться, не предвидитъ никакихъ поводовъ къ перемѣнѣ своего положенія, которымъ совершенно доволенъ.

Композиторъ Шуманъ очень болѣвъ и нѣтъ надежды на его выздоровленіе.

Въ Парижѣ и Лондонѣ врутъ и бѣсуются отлично, но поютъ и играютъ плохо. Время совсѣмъ не удобно для музыки. Промышленность въ застоѣ. Торговля потрясена банкротствами. Денегъ нѣтъ. А нѣтъ денегъ, такъ нѣтъ и музыки. Почти всѣ артисты, наши знакомцы, нахоятся теперь въ Лондонѣ: Эрнстъ, Вістанъ, Меррай, Ниссъ, Нюмелло, Тамберликъ, Маріо, Гриси, e tutti quanti. Италійская опера отыралась только въ однець въ Ковентъ-гарденѣ. О Театрѣ Коро-

левы ничего не пишутъ: видно, для другой итальянской труппы нѣтъ ни слушателей, ни подрачковъ. Синьора Медори занимаетъ мѣсто примадонны въ Вѣнѣ, гдѣ она имѣла въ «Норвѣ» колоссальный успѣхъ.

Въ началѣ апрѣля Сервѣ былъ въ Парижѣ; Віѣтанъ давалъ концерты въ Берлинѣ, гдѣ, если вѣрить французскимъ фельетонамъ, «публика несчетною толпою тѣснилась чтобы его слушать», а Женни Линдъ—въ Вѣнѣ. Нѣмецкія газеты увѣряютъ, что она не поѣдетъ въ Лондонъ; что, напротивъ, приняла предложеніе совершить вокальное путешествіе по Венгріи. Турколюбцы уговариваютъ ее отправиться оттуда въ Шумлу, гдѣ Омеръ-паша будетъ чрезвычайно радъ услышать шведскаго соловья. Блестящее общество пашей, эфендіевъ, лордовъ, маркизовъ, маршаловъ, адмираловъ и бозукъ-башевъ, готово встрѣтить и провожать ее со всѣми почестями франко-англо-магометанскаго дипломатизма.

М. М.

=

МОДЫ.

Женскія. — Весенняя мода въ Петербургѣ дебютируетъ на живописныхъ аллеяхъ Лѣтняго Сада, пока листья еще не совсѣмъ развернулись. Здѣсь-то, между блѣдно-зеленыхъ акацій и мраморныхъ статуй, вы увидите, отъ двухъ до четырехъ часовъ, всѣ эти блестящія матеріи, блонды и солону, которая цѣлые три мѣсяца будетъ нарядомъ темныхъ и бѣлокурыхъ головокъ.

Изъ множества разныхъ матерій, я замѣтила платье изъ клѣтчатаго античнаго моаре, синяго съ чернымъ, съ полосками шириною въ двѣ ладони (вообще, нынѣшнія матеріи отличаются чрезвычайно широкими полосами); другое — изъ жаконѣ, съ продольными клѣтчатыми полосками; третье — изъ лиловаго glасé, и проч. и проч. Но это—для прогулокъ, болѣе или менѣе нарядныхъ, гдѣ костюмъ подвергается строгой критикѣ. На дачѣ же, куда сквозь рѣшетчатую ограду, обвитую плющомъ, не проникаютъ ни пыль, ни взыскательность, вы, безъ сомнѣнія, будете носить платье изъ fil de chèvre: ничего

Т. СХХV. — Отд. VII.

1/8

не можетъ быть легче, красивѣе и — дешевле! Шведъ вашъ, конечно, знаетъ, что для волаговъ нѣтъ установленной ширины, и что они должны соображаться съ таліей.

Шляпки малы попрежнему. Положимъ, что лѣтомъ не бываетъ вьюги, а солнце-то, а загаръ, отъ котораго не спасаетъ ни огуречное молоко, ни гигиеническій укусъ!

Шляпки изъ однихъ лентъ въ большомъ употребленіи. Для соломенныхъ изобрѣтены прехорошенькія кружева изъ соломы и волосу.

Модный Нострадамусъ предсказываетъ, что вышедшимъ лѣтомъ будетъ множество цвѣтовъ на поляхъ.... шляпокъ,

Fleurs de l'art que la nature envie.

Если у васъ есть шляпка, которую бы вы хотѣли возобновить, хоть для дачи (вѣдь мы живемъ въ экономическій вѣкъ) то совѣтую вамъ обратиться въ магазинъ *Am petit bonheur*, на Владимірской улицѣ (домъ Исаковой, № 46). Два-три дня — и вы не узнаете соломки, которая возродится съ новыми лентами, свѣжимъ тюлемъ или крепомъ.

Такъ-какъ ножка была вознѣта не въ одномъ стихотвореніи, и поэтъ, можетъ-быть, самъ не подозрѣвалъ, что отдаетъ порошнику справедливости *Покровскому*, то уведомляю моихъ знакомыхъ, и знакомыхъ моихъ знакомыхъ, что этотъ покорвѣйшій слуга ногъ и ножекъ переѣхалъ навремя въ Караванную улицу (домъ Меншикова), гдѣ и продолжаетъ обувать ихъ въ прюнель и атласъ, отъ котораго не отказалась бы Сандрильона.

Мужскія. На приложенномъ политиважѣ, граверъ соединилъ, правда, несовсѣмъ гармонически относительно теоріи цвѣтовъ, черныя пиджакъ и клѣтчатыя брюки съ свѣтлымъ гладкимъ жилетомъ, — но это для того, чтобы не дѣлать цѣсколькихъ рисунковъ порознь. Впрочемъ, дѣло не въ цвѣтѣ, а въ нзясномъ, фасонѣ какой представленъ на гравюрѣ, и какой даютъ сукну и шелку опытыя ножницы Шевара (на Невскомъ-проспектѣ, домъ Глазунова). Мы уже говорили о немъ въ мартовской книжкѣ, и остаемся при убѣжденіи, что этотъ портной — находка для людей со вкусомъ.

=

ОЛИВЬЕ.

=

Разсказъ Жюль Бандо.

=

I.

Мы сѣли на опушкѣ аллея, подъ дубомъ, и Маріо, помолчавъ нѣсколько минутъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Графъ Гастонъ де Вальгранъ — мнѣ другъ; дружба наша медъ ровесница и она до-сихъ-поръ не устарѣла ни на одинъ день. Мы родились почти въ одно время, выросли вмѣстѣ. Помѣстья наши рядомъ; отсюда видны башни егѣ замка и деревья его парка. Если ты, какъ я надѣюсь, проживешь у меня нѣсколько дней, то, навѣрное, познакомишься съ графомъ. Если бы ты зналъ его за десять лѣтъ, то убѣдился бы, что счастье существуетъ на землѣ. Молодой, прекрасной наружности, владѣлецъ независимаго состоянія, онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею де С., которая также была въ полномъ блескѣ молодости и красоты. Это было одно изъ самыхъ счастливыхъ супружествъ. Они жили въ своемъ помѣстьѣ, благотворили своимъ крестьянамъ, и, казалось, не воображали, чтобы могли существовать медъ солнцемъ другія радости, кромѣ тѣхъ, которыя они вкушали подъ сѣнію своихъ рощей. Они какъ-будто были созданы другъ для друга... Это выраженіе вполне выражаетъ сходство ихъ наклонностей, согласіе ихъ чувствъ. Увѣряю, будто прелесть дружбы зависитъ отъ противоположности характеровъ:

не думаю, развѣ допустить, что прелесть дружбы состоитъ въ ссорѣ съ утра до вечера. Какъ бы-то ни было, но графъ и графиня, хотя и во всемъ соглашавшіеся между собою, никогда не надѣдали другъ другу. Только въ одномъ не сходились супруги: Гастонъ, подобно тебѣ, увлекался скептицизмомъ; графиня, напротивъ, была столько же набожна; она огорчалась образомъ мыслей своего мужа, но надѣялась обратить его, со временемъ, на истинный путь. Впрочемъ, ихъ разномысліе, проявившееся лишь изрѣдка, нисколько не возмущало спокойствія и счастья, которыми она наслаждалась. Все способствовало блаженству супруговъ: черезъ полтора года послѣ брака, у нихъ родился сынъ. Не могу описать ихъ восторга: надобно было видѣть, какъ супруги стояли надъ колыбелью, въ которой уже лепеталъ младенецъ.

Въ одинъ осенній вечеръ, я сидѣлъ возлѣ графини, на крыльцѣ ихъ замка. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, на лужайкѣ, Гастонъ игралъ съ своимъ сыномъ. Маленькому Оливье минуло три года; прекрасный ребенокъ, расцвѣталъ какъ цвѣтокъ, общалъ походить на отца, какъ дѣй капли воды. Это сходство, уже разительное, воспламеняло въ молодой графинѣ и любовь матери и нѣжность супруги. Улыбаясь и зачумывалась, она безмолвно смотрѣла на милую картину, которая была передъ ея глазами. Вдругъ, ясное лицо ея помрачилось, и я увидѣлъ слезу, блиставшую на рѣсницахъ.

— Вы плачете? воскликнулъ я, схвативъ ее за руку: что съ вами?

— Я слишкомъ счастлива, сказала она: бываютъ минуты, когда мое счастье гнететъ, пугаетъ меня. Если справедливо; какъ говорятъ, что на землѣ нѣтъ прочаго счастья, то какия испытанія ожидаютъ меня?

Я старался успокоить графиню, и перечислялъ все, что должно было подкрѣпить ея упованіе: здоровье малютки, молодость мужа, независимость состоянія.

— Чего же вамъ опасаться? приближалъ я; громъ не раздается на безоблачномъ небѣ.

— Правда, я безразсудна, возразила графиня разсѣянно: но что же мнѣ дѣлать? иногда и не въ силахъ одолѣть чувства страха.

Въ этотъ вечеръ, она была, противъ обыкновенія, встревожена, раздражена, взволнована. Она встала, подбѣжала къ сыну и принялась его цѣловать, спрашивая лихорадочнымъ голосомъ: — Ты не боленъ? ты ничего не чувствуешь? — Робертъ былъ румяный и свѣжій, какъ букетъ цвѣтовъ, охлажденный майскою росой. Погода хирилась; яркая молнія боредала небо. Я приписалъ раздраженіе графини вліянію агнессы, и усномовался тѣмъ. Когда я напомнилъ Гастону, что завтра мы должны отправиться на охоту со многими нашими общими пріятелями, графиня поблѣднѣла и умоляла мужа остаться дома. Такая просьба не была для меня новостью. Огнестрѣльное оружіе всегда внушало этой молодой женщинѣ невыносимый трепетъ, в сердце ея сжималось всякій разъ, когда мужъ бралъ ружье. Теперь она уговаривала его съ особенною настоятельностью. Существо вѣжное, слабое, она содрогалась отъ предчувствія ужаснаго несчастія. Гастонъ посмѣялся сначала страху жены, но потомъ уступилъ, а для совершеннаго ея усномовенія далъ слово, что отнынѣ не будетъ болѣе охотиться. Графиня бросилась къ нему на шею, поблагодарила его съ чувствомъ, и была весела во весь остальной вечеръ.

II.

Дѣйствительно, на другой день, Гастонъ не явился въ условленное мѣсто. Охота была удачна и кончилась благополучно. Мы уговорились отблѣдать у меня. Въ то время, когда мы сидѣли за столомъ, вошелъ графъ, держа за руку своего маленькаго сына, котораго любилъ вездѣ водить съ собою. Оливье пришелъ со всѣми почестями, подобающими его возрасту, его милосердності и потинно-поразительной красотѣ. Съ граціей, съ изяществомъ аристократическихъ манеръ, онъ соединялъ силу и прѣкость здоровыхъ дѣтей, растущихъ на деревенскомъ воздухѣ. Всѣ на-перерывъ ласкали его, осмаривали другъ у друга его щеки. Молодая графиня нарядила своего малютку съ такою коммеморативною, тайна которой извѣстна однимъ матерямъ. Я и теперь вижу его блондинскіе волосы, обнаженными частіи его ножекъ, его блондинскую шейку, и его большіе глаза, какъ-будто вырѣзанные изъ яркой лазури весенняго

неба. Оливье усѣлся между нами, и одушевлялъ своимъ присутствіемъ нашу пирь.

Послѣ обѣда, мы вышли на террасу, и, для забавы, стали стрѣлать стрижей, кружившихся въ синемъ вечернемъ воздухѣ. Оливье молодецки хлопалъ въ ладоши при каждомъ выстрѣлѣ, и тотчасъ же бросался за птицею, которая, впрочемъ, никогда не падала. Стыдился нашей неловкости, Гастонъ юншихъ поръ бывшій зрителемъ, подошелъ ко мнѣ, и попросилъ у меня ружье. Я напомнилъ ему, шутя, обѣщаніе, данное маханунѣ графинѣ; онъ отвѣчалъ, что ему позволено стрѣлать стрижей. — «Папа хочетъ стрѣлать! вскричалъ мамочкѣ, гордый и радостный; папа убьетъ всѣхъ птичекъ». — Наступило глубокое молчаніе. Гастонъ, наклонивъ ружье и приложивъ валецъ къ крючку ружейнаго замка, слѣдилъ за полетомъ стрижей и караулилъ удобной минуты. Мы съ своей стороны, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ, будто отдохавшіе зрители, смиренно ожидали урока. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графа, стоялъ Оливье, неподвижный, блѣдный отъ волненія. Испуганные стрижи разлетѣлись. Наконецъ появилась одна изъ нихъ, и, описавъ нѣсколько ловкихъ кружковъ, опустилась на мгновеніе надъ нашими головами. Гастонъ слѣдившій за нимъ, внезапно поднялъ ружье: раздастся выстрѣлъ, Оливье упалъ.

Что произошло въ первую минуту ужаса, не могу выразить тебѣ. Для такихъ ужасныхъ сценъ нѣтъ словъ. Младенецъ лежалъ на травѣ, съ прострѣленною и окровавленною грудью. Весь зарядъ попалъ ему въ сердце; мольба не могла разрешить его скорѣе и страшнѣе. Гастонъ, съ поднявшимся дѣломъ волосами, съ безсмысленнымъ, блуждающимъ взглядомъ, блѣдный какъ смерть, между тѣмъ какъ по лицу его катился потъ, вырвался, словно дикій звѣрь, изъ рукъ своихъ друзей; которые бросились къ нему, чтобы удержать его отъ самоубійства. То было не отчаяніе, но бѣшенство, безуміе. Я самъ потеръ голову: нидался то въ одну, то въ другую сторону и чувствовалъ, какъ помрачался мой разумъ. Наконецъ я поднялъ бездыханное тѣло младенца, который, всталось, схватилъ головку ко мнѣ на грудь; отнесъ его въ свою комнату и тихонько положилъ на кровать, какъ будто боясь разбудить за-

лютку. Когда я верогнада къ Гастону, онъ уже лишился чувствъ, и мы, воспользовавшись обморокомъ, несчастлива уда-
лить несчастнаго отца отъ мѣста ужаснаго событія. Одинъ изъ нашихъ друзей увезъ его въ своей каретѣ за нѣсколько миль, и вмѣстѣ съ другими товарищами обѣщаль блюсти эле-
молучнаго. На мою долю выпала обязанность самая тяжелая. Графиня, не видя возвращенія сына, могла прійти сама. Я призвала на помощь всѣ свои силы и весь разумокъ, воору-
жилась мужествомъ и отправилась въ замокъ Вальгранъ.

Я вошла черезъ садовую калитку, и только въ концѣ аллея, передъ безмолвнымъ жилищемъ, гдѣ все еще дышало миромъ и счастьемъ, поняла, зачѣмъ пришла. Я остановилась; ноги мои подгибались; я чувствовала замрзаніе въ груди и сердцѣ. Вечеръ былъ прелестный. Тихій, свѣжій вѣтеръ колебалъ верхушки деревь. Графиня, спокойная и веселая, прогуливалась по дорожкѣ передъ крыльцомъ. Проходя мимо одного окна, она взглянула на часы въ гостиной, и, обращаясь къ одному изъ шумителей, сказала:

— Жерменъ, графъ забылъ вѣротно: уже поздно, ступай въ Ольгу; боюсь, чтобы онъ не простудился.

Въ эту минуту я желалъ, чтобы земля разверзлась подъ моими ногами, или небо обрушилось на мою голову. Я хотѣлъ бѣжать, бѣжать на-край свѣта. Обернувшись, графиня увидѣла меня и подошла ко мнѣ, улыбаясь. Она не замѣтила моего искаженнаго лица и думала, конечно, что Ольга и Гастонъ лезтъ въ погѣдъ за мною. Я прямо подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Я молчалъ. Она взглянула на меня, выдрогнула и поблѣдѣла, какъ саванъ.

— Мой мужъ?... мой сынъ?... спросила графиня.

— Графиня, сказалъ я наконецъ, вчера вы были правы. Вы были счастливѣйшею изъ женщинъ... теперь вы самая несчастная.

Она повторила: — Мой мужъ?... мой сынъ?...

— Вашъ мужъ живъ, отвѣчалъ я.

— Сынъ мой умеръ! проговорила она.

Я не отвѣчалъ. Она вскрикнула и схватила меня за руку:

— Не правда!.. Вы меня обманываете, вы лжете.... Этого

быть не может! Онъ ушибся, играл, пелъ и все... но онъ живъ.... Вы лжете!...

Я плакалъ безмолвно; наконецъ не выдержалъ и зарыдалъ.

— Такъ это правда! правда! закричала графиня, ударя ея въ лице и въ грудь... сыночекъ мой умеръ! у меня убили сына!... Ведите же меня къ нему, прибавила она рѣшительно, я хочу его видѣть.

Этого-то я и страшился; пытался удержать ее, но она удержала меня съ сверхъестественною силою.

— Я хочу видѣть моего сына!... Кто запретилъ мнѣ видѣть его, сказала она повелительнымъ голосомъ.

— Графиня, возразилъ я съ настоячивостію, неужели въ настоящую минуту, возлѣ вашего супруга; къ нему должны вы идти прежде всего. Когда я оставилъ Гастона, онъ былъ уже болѣзнь. Если вы не вооружитесь мужествомъ—онъ умретъ. Вы одинъ можете спасти его. Если хотите, чтобы онъ жаль, не медлите. Вамъ нельзя терять ни минуты.

Графиня, какъ я предвидѣлъ, съ живостію ухватилась за мою руку, которая представилась ей отчаянію.

— Да, сказала она, да, вы правы... Но, Господи, что же случилось?

И, не спрашивая, отъ чего Гастонъ не при сыночекъ, продолжала увлекать меня къ садовой калиткѣ. Прейдя нѣсколько шаговъ, она зашаталась; я отнесъ ее въ карету, ожидавшую меня у въѣзда въ паркъ.

Было уже за полночь, когда мы пріѣхали въ замокъ В..., гдѣ находился Гастонъ. Графиня знала лишь часть истины: она думала, что сынъ ея убитъ, упавъ съ террасы, я воспламенялъ его мужество, говоря ей о мужѣ.

— Вы набожны, сказалъ я ей; вы тверже его. Васъ подкрѣпитъ Богъ.

Я былъ убѣжденъ, что несчастные супруги могли быть спасены только однимъ другимъ; я надѣялся, что ихъ отчаяніе утихнетъ во взаимномъ сокрушеніи, въ обоюдномъ умиленіи; но ошибался. Когда карета остановилась, я бросился въ комнату, окна которой блестяли во мракѣ ночи. Я хотѣлъ приготовить Гастона къ пріятію жены: отворилъ дверь и вошелъ. Но графиня, оставшаяся въ экстазѣ, незытерѣла; она

досидела за мною, и вошла почти въ одно время. Гастонъ сѣлъ на диванъ, мрачный, съ открытымъ ртомъ, съ бессмысленными глазами. Онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на жену, отступилъ на два шага, страшно закричалъ и повалился на полъ. Спустя нѣсколько часовъ, на солнечномъ восходѣ, карета привезла въ замокъ Вальгранъ Гастона, безъ чувствъ лежашаго возлѣ меня, и тѣло младенца, которое мать, полупомѣшанная, укачивала на своихъ колѣнахъ.

III.

Довольно ли ужасовъ, мой другъ? А я сказалъ еще не все. Гастонъ очнулся, но не пробудился его разумъ. Помѣшательство его было тѣмъ ужаснѣе, что присутствіе жены не только не успокоивало его, но приводило въ бѣшенство, что оно не разрушило въ немъ сознанія дѣйствительности, и что память перешла въ распоряженіе умственныхъ способностей. Онъ воображалъ, что, за убійство сына, приговоренъ къ смерти, что усаждать бѣжалъ въ ту минуту, когда его вѣли на казнь, и что жена хотѣтъ отдать его въ руки правосудія. Довольно спокойный при мнѣ, онъ тихо вскрикивалъ, лишь только показывалась графиня. Тщетно приходила она къ нему, заливаясь слезами, умоляла его; тщетно старалась успокоить его нѣжными словами: пераженный ужасомъ, онъ крѣпился за мебель, или, вырвавшись изъ рукъ, которыя его удерживали, убѣгалъ, блѣдный, трепещущій, на чердакъ, откуда я съ трудомъ сводилъ его въ ленивату. Сначала я думалъ, что помѣшательство графа временное; но оно усиливалось съ каждымъ днемъ. Кромѣ меня, Гастонъ никого не допускалъ къ себѣ; только мое лице не возбуждало въ немъ недоувѣрчивости. Графиня должна была рѣшиться встравить большаго своимъ присутствіемъ; она вдругъ потеряла и мужа и сына. Если бы не было Бога, Утѣшителя урученныхъ, несчастныхъ, Бога Малосердаго, осушающаго наши слезы, спрашиваю, что осталось бы алонолучной супругѣ и матери?

Тутъ я убѣдился, что могутъ сдѣлать вѣра и христіанское смиреніе. Въ жестокихъ переворотахъ жизни, умствованіе непомогаетъ насколько; одна религія научаетъ насъ страдать. Да и что значить свѣдѣніе и мужество, не писанные на насъ свыше? Дѣло

темперамента: дубъ противится, а деревцо ломается. Графиня смирилась и подкрѣпляла себя молитвою на обломкахъ своего счастья. Въ минуты сильнѣйшаго отчаянiя, она непронизсила ни одного слова, похожего на ропоть. Она узнала, пошла истинную причину смерти Оливье, но затаяла ужасную тайну въ душѣ своей, и никогда не упоминала о томъ. Только по чувству безпредѣльнаго состраданiя къ мужу, по ея усугубленной нѣжности къ нему, по трогательному униженiю ея, если можно такъ выразиться, передъ несчастiемъ бѣднаго безумца, я видѣлъ, что все ей было извѣстно. Когда Гастонъ, подавленный усталостiю, засыпалъ, — она прокрадывалась въ его комнату, становилась на коѣвнѣ у изголовья и начинала тихо говорить съ нимъ. Такъ въ безмолвiи ночи, она размышляла сопряженiя любви и грусти, которыми была переполнена душа ея: ей казалось, что Гастонъ, пробудясь и возвративъ утраченный разумъ, заключить ее въ свои объятiя, умихнетъ и будетъ плакать вѣстѣ съ нею. Тщетная надежда! Неизбѣжность вступало въ свои права, лишь только больной просыпался, и несчастная, будучи принуждена бѣжать, исчезала какъ скорбящая тѣнь.

Надлежало принять рѣшительныя мѣры. Я пригласилъ доктора Фура, изъ Нанта. Ты знаешь его; знаешь, что самыя любезныя качества ума и сердца соединяются въ этомъ претномъ старцѣ, съ основательнѣйшими познанiями. Онъ умѣетъ лечить не только недуги тѣлесные; но также и врачъ души, и я знаю не одну душу, обязанную ему своимъ здоровьемъ. Графиня Вальгранъ питала къ нему безусловную довѣренность, чего онъ вполне заслуживалъ. Послѣ нѣсколькихъ дней наблюденiй и размышленiй, докторъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Недумаю, чтобы мозгъ несчастнаго молодого человека оправился когда-нибудь отъ жестокаго удара. Одинъ Богъ можетъ воскресить больнаго: наука бессильна: Безумiе, которое опирается на разумъ, почти всегда неизлечимо. Такое помѣшательство можно сравнить съ заблужденiемъ, истекшимъ изъ истины; что за дѣло до нелѣпости заключенiя, если первыя побужденiя вѣрны: онѣ поддерживаютъ его и служатъ ему какъ бы неодолимымъ оплотомъ. Однако мы все должны испытать для излеченiя, хотя бы и невозможнаго: Графиня велела

оставаться здѣсь. Присутствіе супруги, зрѣлище мѣсть, которыя такъ долго были свидѣтелями его счастья, дають пищу помѣшательству, раздражаютъ его. Его надобно удалить отсюда. Какъ скоро онъ почувствуетъ, что находится въ безопасности отъ мнимыхъ преслѣдованій, умственное раздраженіе его утихнетъ. Я ручаюсь, что, по выѣздѣ больного изъ Франціи, помѣшательство его, теперь изступленное, приметъ характеръ совершенно спокойный, съ тѣмъ условіемъ впрочемъ; чтобы его не растревали. Остальное предоставимъ времени; подобное лекарство прописываемъ мы за неизмѣннѣй другахъ.

Таково было мнѣніе доктора; такъ думалъ и я. Графиня согласилась съ нами.

— Но, прибавила она со слезами, если больной страшится меня, то я не могу сопровождать его ... Кто же приметъ на себя эту обязанность?

— Я, графиня, — былъ мой отвѣтъ.

На другой день, въ ночь безлунную и беззвѣздную, почтовая карета стояла у вѣзда въ паркъ. Я увелъ Гастона; онъ безъ сопротивленія слѣдовалъ за мною. Все благопріятствовало таинственному удаленію больного: ночь была темная; слуги спали; графиня, по видимому, ничего не знала о нашемъ отъѣздѣ. Добравшись до выхода, Гастонъ бросился въ карету. Я хотѣлъ поспѣшить за нимъ, когда увидѣлъ въ темнотѣ его несчастную супругу. Она схватила у меня руку, и, несмотря на мое сопротивленіе, поцѣловала ее. Спустя минуту, лошади мчались насъ.

IV.

Какое путешествіе, мой другъ! Постарайся составить себѣ о немъ понятіе. Путь нашъ лежалъ въ Италію. Слова доктора сбылись: едва мы переѣхали за границу, какъ изступленное помѣшательство Гастона утихло. Сказать правду, онъ былъ помѣшанъ на одномъ предметѣ, а обо всемъ другомъ разсуждалъ здраво; но стоило мнѣ произнести имя его жены, и разсудокъ его помрачался. Мы перекочевывали изъ города въ городъ; я, въ належахъ разсѣять больного; онъ, повсюду неразлучный со своею душевною скорбію потому, что если иногда безуміе его и засыпало, то неумолимая память не давала ему покою. Такихъ

образомъ, куда бы ни обращался несчастный, взглядъ не находилъ оны утѣшенія. Между тѣмъ, я свято исполнялъ обязанности, дѣлаю мнѣ, передъ отъѣздомъ, графинѣ и доктору. Я писалъ имъ, извѣщалъ обо всемъ. И они отвѣчали мнѣ достойно. Черезъ два мѣсяца послѣ нашего отъѣзда, я получилъ, въ Генуѣ, письмо отъ графини. Повѣривъ ли? письмо одаривалось воплемъ надежды. Для меня, это извѣстiе было то же, что для цогеритѣвшаго кораблекрушеніе неожиданнаго парусъ, заблѣвшійся на горизонтѣ. Докторъ прибавилъ отъ себя нѣсколько строкъ, въ подтвержденіе благодатной вѣсти, и предѣлъ тщательно скрывать ее отъ Гастона. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я получилъ, во Флоренціи, вдругъ два письма, одно отъ графини, другое отъ доктора. Первое письмо было гимнъ благоговѣйной признательности; я прочиталъ его на колѣняхъ и оросилъ слезами. Второе заключало въ себѣ наставленіе мнѣ на будущее время. «Отчаяннаго нѣтъ ничего, все можетъ уладиться, прибавлялъ старыи врачъ, показавъ мнѣ цѣль, къ которой надлежало стремиться; не забывайте только, что графъ не долженъ знать ничего, и что усцѣхъ дѣла зависитъ отъ вашей скромности.»

Прошли мѣсяцы, годы, безъ малѣйшей переменъ въ сготовленіи нашего бѣднаго друга. Мы объѣхали почти всю Европу, побывали на Востокѣ; безуміе повсюду слѣдовало за Гастономъ, до подошвы горы Олимпа, до береговъ Мертваго-Моря; онъ вездѣ видѣлъ тайныхъ друзей своей жены. Лишь только раскидывали палатку, какъ надо было снова сниматься.

— Помилуй, спрашивалъ я иногда у Гастона, какъ можешь ты воображать, чтобы твоя жена, кроткая, нѣжная, преданная до самоотверженія, желала твоей смерти, и преслѣдовала тебя съ такимъ ожесточеніемъ?

«Какъ я могу воображать! восклицалъ онъ; но въ своемъ ли ты умѣ, Маріо? Развѣ мать прощаетъ убійцу своего сына? Развѣ не я убилъ ся сына?...»

И онъ разражался порывами гнѣва, отчаянія, бѣшенства...

Я бы солгалъ, выставилъ бы себя лучше, нежели каковъ я на самомъ дѣлѣ, если бы сказалъ тебѣ, мой другъ, что никогда не взнемогалъ подъ бременемъ обязанности, которую возложилъ на себя. Бремя, повѣрь мнѣ, было тяжелое, и не разъ

я думалъ, что оно подавить меня. Самоотверженіе тѣхъ, которые ухаживали за прокаженными, кажется легкимъ и приятнымъ тому, кто жилъ въ сообществѣ помѣшаннаго. Бывали минуты, когда я спрашивалъ себя съ мучительнымъ безпокойствомъ, не помѣшался ли я самъ, какъ то утверждалъ Гастонъ. Даже теперь я еще не вполне убѣжденъ, чтобы безуміе не превращалось, съ теченіемъ времени, въ болѣзнь заразительную.

Письма, получаемыя мною изъ отечества, поддерживали мои силы, возбуждали мое мужество. Письма добраго доктора дышали довѣренностію. Письма молодой графини, хотя все еще съ отбѣнкомъ грусти, уподоблялись тому грозовому небу, на которомъ солнце блеститъ сквозь облака: улыбка смѣшивалась въ нихъ со слезами, и простодушная радость высказывалась тамъ и здѣсь, подъ тоскою сожалѣнія. Прошло три года со времени нашего отбѣда; еще годъ, и мы достигали предѣла наследнаго издѣянія; еще годъ, и, быть можетъ, Гастонъ осласеть!

Последній годъ, хотя и не столь тревожный, какъ предшествующіе, былъ однако труденъ. Мы поселились въ одной небольшой деревнѣ, въ Германіи. Съ нѣкотораго времени, Гастонъ впалъ въ разслабленіе, не менѣе опасное припадкомъ бѣшенства. По цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ, онъ не произнесетъ ни слова. Когда я пытался исторгнуть его изъ оцѣмѣннѣнія, онъ смотрѣлъ на меня потухшими глазами и улыбался безсмысленно. На всѣ мои слова, отвѣчалъ цинично: «Оливье умеръ, я убилъ его». Имя жены еще приводило его въ трепетъ, но какъ помѣшательство дѣйствовало теперь на изчуренныя способности, то больной почти тотчасъ же впадалъ въ мрачную неподвижность. Ко всему равнодушный, онъ не зналъ и не старался узнать, куда я возилъ его: ему было вездѣ хорошо, лишь бы не быть во Франціи. Опасаясь дальнейшихъ послѣдствій, я умолялъ доктора сократить столь продолжительное мученье; но неумолимый докторъ отвѣчалъ мнѣ: подождите!

V.

Наконецъ приближался великій день. Минуло четыре года,

какъ мы поиннули Францію. Однажды вечеромъ я сказалъ Гастону, что намъ надобно ѣхать.

— Зачѣмъ ѣхать? спросилъ онъ; намъ хорошо здѣсь, — оста-
немся.

— Нельзя, отвѣчалъ я: наше убѣжище открыто; я видѣлъ въ деревнѣ подозрительныхъ людей. Дѣло идетъ о твоей жи-
внѣ.

Удивительно! — несчастный дорожилъ жизнью. Богъ сіиному
безумію даруетъ вистягтъ самосохраненія. Гастонъ всталъ и
послѣдовалъ за мною.

— Куда же ны теперь? спросилъ онъ меня, когда мы сѣли
въ карету.

— Въ Россію, отвѣчалъ я смѣло.

Онъ вздохнулъ, приложился головою къ подушкамъ и пе-
грузился въ обычное состояніе.

Почтовая карета мчалась, безъ остановки, три ночи и три
дня. Я запасся счастными припасами, чтобы не входить въ
гостиницы. Мы летѣли, какъ буря. Во весь путь Гастонъ не
предлагалъ мнѣ ни одного вопроса, даже не глядѣлъ на мѣ-
ста, черезъ которыя мы проѣзжали. Только одинъ разъ ска-
залъ онъ мнѣ: «холодно» и завернулся въ свой плащъ.

На четвертую ночь, въ сумрачную погоду, карета остано-
вилась передъ домомъ, въ которомъ нигдѣ не было видно свѣ-
та. Я пригласилъ Гастона выйти и повелъ его ощупью по
длиннымъ корридорамъ. Когда я отворилъ дверь въ темную
комнату, онъ спросилъ:

— Гдѣ ны?

— Въ деревнѣ, подлѣ Москвою.

На вопросъ его, почему въ домѣ нѣтъ свѣта, я отвѣчалъ,
что, опасаясь преслѣдователей, я боялся возбудить подозрѣніе.
Довольный шепотомъ и изнемогая отъ усталости, Гас-
тонъ легъ и вскорѣ заснулъ глубокимъ сномъ.

VI.

Давно уже разсвѣло, когда Гастонъ проснулся. Веселое осеннее
солнце врывалось въ его комнату полными лучами. Вѣтерокъ, на-
питанный запахомъ лѣсовъ, прокрадывался въ открытое окно,
и доносилъ до больного благоуханныя испаренія, приятному и та-

несподобному вліянню которыя подчинился онъ по какому-то безотчетному чувству. Глаза его, ослабленные дряхлѣмъ свѣтомъ, снова закрылись почти въ тоже мгновеніе; нѣсколько минутъ находился онъ въ томъ состояніи, которое нельзя назвать ни сномъ ни бдѣніемъ, ублаживаемымъ нѣкогда привычными отголосками жизни. То были пѣсни мастуховъ, верхованье дворянъ голубей, отдаленный шумъ рѣчной плетины, стукъ мельничца, и, гораздо ближе, веселые дѣтскіе крики, которые, будто радеть, взвивались въ звонкомъ и свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Весь этотъ шумъ, всѣ эти сельскія мелодіи смутно напоминали Гастону счастливіе дни молодости. Едва внятнымъ голодомъ произнесъ онъ имя сына и супруги, изъ глазъ его, наполнившихся слезами, выкатились, по спущеннымъ ресницамъ, слезы. Между тѣмъ тревожныя мысли, на минуту утихшія, снова забушевали въ его груди. Онъ вдругъ приподнялся на постели, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на окружавшую картину. Онъ былъ у себя дома, подъ кровлею предковъ, подъ тою кровлею, которая такъ долго пріосѣняла его счастье. Онъ узнавалъ послѣдовательно всѣ предметы: свои книги, свои картины, свою мебель, свои обои, всѣ милыя бездѣлки, придающія жизнь мѣстамъ, нами населенымъ. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ человекъ, который спрашиваетъ себя, не игрушка ли бнѣ мечты: или она; но, обернувшись, увидѣлъ, у нягочелы, свою жену и доктора, которые посматривали на него, улыбаясь.

— Ну, любезный мой графъ, сказала весело старикъ, оградя ны, намется, исправляется. А дѣло шло не на шутку, и ны, какъ Тезей, можемъ похвастаться, что видѣли вражьи берега.

— Ахъ, воскликнула графиня, вы, докторъ, спасли его!

— Я, графиня!... Извините, графъ самъ спасъ себя. Онъ не хотѣлъ умереть, и когда я подумаю обо всѣхъ уважительныхъ причинахъ, по которымъ графъ долженъ любить жизнь, не нахожу, что мой большой поступилъ благоразумно.

— «Милый Гастонъ», продолжала графиня съ безпримѣрнымъ любовіемъ, какъ ты перепугалъ насъ, мой другъ! Въ бреду, ты ны не узнавалъ меня... А теперь узнаешь, не правда ли? Ты боишься не боишься меня? Это я, твоя жена, которая тебя любитъ, которая воскресла вмѣстѣ съ тобою....

VII.

Когда Гастонъ пришелъ въ чувство, графиня и докторъ сидѣли у его изголовья; Оливье игралъ на постели, у ногъ его.

— О друзья мои, сказали наконецъ больные, что было со мной? что происходитъ вокругъ меня?

«Что было, мой любезный графъ? отвѣчалъ престарѣлый докторъ. Вы были очень больны. Болѣнь ваша называется у нашей братии—врачей, воспаленіемъ мозговой оболочки, и больше, и меньше. Что происходитъ, сами видите. Съ адорацией возвратился къ вамъ разумокъ, а съ разумкомъ вы снова счастливы. Вотъ и все.

— Нина выздоровѣла, папа болше не боленъ... Какъ я радъ, говорилъ Оливье, разсматривая книжку съ картинками, которую Гастонъ привезъ некогда изъ Нанта своему сестру.

«Воспаленіе мозговой оболочки!... повторилъ Гастонъ, какъ будто про себя.... Но, докторъ, стало я былъ помѣшанъ? прибавилъ онъ, устремивъ на старика тревожный взглядъ.

— Да, любезный графъ, говоря между нами, голова была у васъ не въ порядкѣ. Въ продолженіе шести недѣль вы, не оставляя постели, довольно пострапанствовали съ вашимъ другомъ, Маріо.

«Шести недѣль! воскликнулъ Гастонъ. Мнѣ кажется, будто вѣки протекали съ того дня....

— Съ того дня, какъ ты заболѣлъ, докончила графиня. О, другъ мой, и для насъ эти шесть недѣль были вѣками тревогъ и печали.

«Шесть недѣль! повторилъ Гастонъ.

— Полтора мѣсяца горячка съ бредомъ!.... Развѣ вы, графъ, недовольны? вскричалъ докторъ, смѣясь.

«Но какъ случилось все это? спросилъ Гастонъ съ первичнѣйшимъ любопытствомъ.

— Я припомню тебѣ, мой другъ, сказала молодая графиня, продолжая вышивать узоръ, начатый за четыре года, и настоятельный Гастону. Ты пошелъ обѣдать съ Оливье къ нашему любимому охотнику. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, погода предвѣщала грозу; ты уже страдалъ головою. После обѣда, который, говорятъ, былъ очень веселъ,...

«Черезъ-чуръ весель, замѣтилъ докторъ.

— Послѣ обѣда ты вышелъ на террасу, и тамъ твои друзья забавлялись стрѣльбою въ птичекъ небесныхъ, Марію удивляетъ, что лице уже разгорѣлось у тебя.

«Графъ, прибавлялъ докторъ, вынулъ, за десертомъ, лишнюю рюмку вуврейскаго.

— Не смотря на обѣщаніе, данное мнѣ наканунѣ, ты пилъ ружье.... ружье Марію....

«Да, да, помню!... воскликнулъ Гастонъ, чувствующій пробужденіе въ себѣ и разсудка и помѣнательства.... Я пилъ ружье Марію.... Оливье былъ въ двадцати шагахъ отъ меня, Я прицѣлился... раздался выстрѣлъ....

— И графъ упалъ, сказалъ докторъ хладнокровно; да, упалъ, будто пораженный ударомъ. И вотъ что значитъ выпить лишнюю рюмку вуврейскаго за десертомъ.

«И не послушаться жены, прибавила графиня. Вѣгъ указалъ тебя, мой другъ.

— А потомъ что случилось? спросилъ Гастонъ, отирая потъ, струившійся съ лица его.

«Что должно было случиться, замѣтилъ старый врачъ. Васъ принесли домой на носилкахъ. Посудите, каково было бѣдной графинѣ, которая опустила васъ здоровымъ и веселымъ. Спусти два часа, я сидѣлъ, какъ теперь, у вашего изголовья. Сказать откровенно, я не надѣялся спасти васъ. Развѣ вы не знаете, мой молодой другъ, что значить вуврейское? Это воспаление мозговой оболочки въ бутылкѣ. На другой день, у васъ открылась горячка, обнаружилось самое страшное помѣшательство, какое когда либо помрачало мозгъ любезнаго человека. Что за воображеніе! Что за необузданные порывы въ области фантазіи? Помните ли тѣ грезы, которыми вы подчивали насъ?

— О, ужасныя грезы, докторъ! вскричалъ Гастонъ, закрывъ лице руками.

«Да, другъ, сказалъ докторъ; да, грезы ужасны.... Но взгляните на этого молодца, прибавилъ онъ, указывая на Оливье; похоже ли, чтобы весь ружейный зарядъ попалъ ему въ грудь? А ваша добрая, милая супруга!... молчалъ онъ, качая

нибудь примѣта, что она хотѣла передать васъ въ руки правосудія?

Лицо Гастона прояснилось мгновенно. Призраки, мучившіе его четыре года, разбѣлились, унеси съ собою и кровавое предвидѣніе дѣлительности. Онъ заключилъ въ свои объятія жону и сына, орошалъ ихъ слезами, осыпалъ поцѣлуями.

Я вошелъ въ эту минуу. Передъ тѣмъ я только что скопалъ свою густую бороду, которую отпустилъ во время путешествія, и которая, еще наканунѣ, придавала мнѣ видъ итальянскаго бандита. Нѣсколько взмаховъ бритвы помолодили меня четырьмя годами. Я былъ одѣтъ такъ же, какъ и въ тотъ день, когда Гастонъ обѣдалъ у меня. Увидѣвъ меня, онъ смутился, но я притворился, что ничего не замѣчаю, поздравилъ его съ выздоровленіемъ, и посмѣялся надъ нашими странствованіями, которыя такъ дешево стоили намъ.

— Присяжись, прибавилъ я, — я полагаю, что голова у тебя крѣпче. Когда ты будешь обѣдать у меня, клянусь, крошѣ воды, ничего не дамъ тебѣ.

Отвѣтъ я расцѣловалъ Ольгье, съ которымъ подружился еще утромъ.

— Ты знаешь его? спросилъ Гастонъ у своего сына.

— Это добрый другъ напѣвныи, отвѣчалъ смѣло милый ребенокъ, не забывшій своего урока.

Такъ называлъ меня нѣкогда Ольгье. Мать, которую въпрямую Гастонъ заставилъ выдрогнуть, едва могла скрыть свои радости: она подбѣжала къ Ольгье и поцѣловала его.

— Ну, возгласилъ докторъ, довольно ощущеній въ одинъ день! Графу нужно отдохнуть. Прошу покорно отретироваться и оставить моего больного въ покоѣ....

Мы вышли вмѣстѣ съ докторомъ.

— Спасенъ! онъ спасенъ!....

И мой обнялся со слезами.

— Маленька, спросила Ольгье, дергая графиню за платье, такъ ли я говорю какъ надо?

— Такъ, такъ, мое милое, потерянное и найденное сокровище; такъ, ангелъ отлетѣвшій и возвращенный мнѣ Богомъ? воскликнула графиня, приподнимъ малютку на руки.

VIII.

Гастонъ былъ дѣйствительно спасенъ. Спусти мѣсяцъ, онъ вступилъ въ колею счастливой жизни. Всѣ, его окружавшіе, друзья, знакомые, слуги, участвовали въ немалой хитрости, которая возвратила разсудокъ несчастному. Поддерживая, продолжать его заблужденіе, было нашимъ востановленнымъ стараніемъ, нашимъ единственнымъ помышленіемъ. Даже Оливье, благодаря бдительности матери, благодаря какому-то удивительному инстинкту, старался всѣми движеніями, всѣми мѣнненіями голоса, всѣми словами усыплять нѣжность мѣлководящаго. Четыре года сѣтованія и вдовство оставили глубокіе слѣды на лицѣ графини; но самъ Гастонъ намѣнился до такой степени, что и не думалъ удивляться этому; при томъ, блѣдность молодой женщины, ея неблескія черты, ея глаза, спаленныя слезами, объяснялись безсонными ночами, которыя она должна была проводить у изголовья своего мужа.

Но по мѣрѣ того, какъ въ Гастонѣ воскресали силы и: зловредное чувство дѣйствительности, преслѣдующее мѣрзость грезъ, уже начинало прокрадываться подъ обаяніе, которому онъ предавался. Не смотря на нашу заботливость, внезапный проблескъ озарялъ мракъ пропасти, въ которой улегался четыре года ужаса и отчаянія: склонясь надъ бездною, Гастонъ устремлялъ туда устрешенный взглядъ, и спрашивалъ себя, точно ли горячка и бредъ породили тѣ чудовища, которыя гнѣздились тамъ.

Давно изъявлялъ Гастонъ желаніе навѣстить меня. Мы, подъ разными предлогами, удерживали его. Однажды утромъ, онъ вышелъ одинъ и направился къ моему небольшому помѣстью. Взойдя на террасу, онъ остановился на роковомъ мѣстѣ и не пошелъ далѣе.

Съ этого дня его расположеніе духа, недавно спокойное и веселое, стало неровнымъ и почти порывистымъ. Съ нимъ случались припадки мрачной меланхоли, которой ничто не могло разсѣять, и въ эти минуты его раздражало присутствіе Оливье. Иногда онъ недовѣрчиво поглядывалъ на ребенка; иногда любовался имъ въ упоеніи счастья; но, въ этотъ мѣ-

меньше счастья, проявлялась для тѣхъ, которые были его свидѣтелями, грустная сторона, почти столько же тяжкая, какъ и безуміе. Мы страшились ясновидѣнія Гастона и страдали отъ его заблужденія. Мы чувствовали, что исцѣленіе его только тогда будетъ совершеннымъ, когда онъ выдержитъ роковой проблескъ истины; но докторъ полагалъ, что надобно подождать. Да и какая рука дерзнула бы сорвать повязку съ глазъ несчастнаго отца?

Наконецъ Гастонъ замѣтилъ, что жена его уходила всякій вечеръ, иногда одна, чаще съ Оливье, не сказавъ куда.

Однажды вечеромъ, лишь только мать и сынъ вышли, Гастонъ рѣшился слѣдовать за ними издали. Послѣ часа ходьбы, на окраинѣ холма, онъ потерялъ ихъ изъ виду на поворотѣ тропинки, и, даже взойдя на пригорокъ, тщетно искалъ ихъ глазами. Рѣшившись ждать, онъ сѣлъ у невысокой стѣны, увитой плющемъ и поросшей мохомъ; но черезъ нѣсколько минутъ замѣтилъ, что эта стѣна служила оградой сельскому кладбищу. Онъ вошелъ за ограду, и, подвигаясь медленно, разсматривалъ скромныя могилы, почти всѣ утопавшія въ зелени и цвѣтахъ. Онъ уже хотѣлъ вернуться, какъ вдругъ, на углу кладбища, увидѣлъ, полузакрытую кустами козьею шпалости и розъ, мраморную доску, осѣненную крестомъ, на которомъ, въ эту минуту, играли послѣдніе лучи солнца. Онъ приблизился и прочелъ слѣдующую надпись:

Оливье де Вальгранъ,
скончавшійся
2 сентября 1840 года,
трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ
отъ рожденія.

Милые за твоего родителя, о мое милые дитя!

IX.

- Гастонъ понялъ все.

Онъ упалъ на колѣни и долго лежалъ, припавъ головою къ могилѣ.

Когда онъ поднялъ голову, жена и сынъ стояли передъ нимъ, будто два ангела-хранителя.

— Богъ возвратилъ намъ его, мой другъ, сказалъ прозви, устремляя Оливье въ объятія отца.

— Богъ милосердъ, оплѣчалъ Гастонъ и прижалъ сына къ своему сердцу.

Теперь, прибавилъ Маріо, окончивая своей престою рѣчь, Гастонъ питаетъ непоколебимую вѣру въ безиррадіальную истинность Провидѣнія.

ШВЕЦЫ.

Отчеркъ.

Къ числу необходимыхъ промышленниковъ, составляющихъ насущную потребность въ крестьянской жизни, принадлежатъ едвали не болѣе всѣхъ *швцы*, которыхъ можно также обозначать именемъ *деревенскихъ* или, даже лучше, *русскихъ* *портняжъ*. Не вдаваясь слишкомъ далеко въ объясненіе причинъ, по которымъ бы можно было узнать всю степень важности и значенія этого ремесла, мы хотимъ представить простую и интересную картину его проявленія и предварять тѣмъ, кто не знаетъ подробностей быта простолюдина, что пріямъ и необходимѣйшимъ слѣдствіемъ появленія швцовъ* бываютъ слѣдующія обстоятельства:

Рѣдкій мужичекъ не имѣетъ на дворѣ у себя пары двѣ и даже три барановъ и овецъ, составляющихъ предметъ предъпочтительной любви и благорасположенія хозяекъ—бабъ, которыя называютъ этихъ животныхъ многими ласкательными именами, каковы напр. *бляска*, *яловыцка* и даже *ляска*. Въ продолженіе долгаго дѣла, эти бляски до того *закумслѣются*, что къ осени потребуютъ новой *спражки*, какъ бы въ заглавіи

* Въ большей части Костромской губерніи, обязанность швцовъ исполняютъ жители одного изъ самыхъ промышленныхъ и многолюдныхъ ея уѣздовъ — Галицкаго, который сотнями высылаетъ плотниковъ, пильщиковъ, каменщиковъ и печниковъ въ Петербургъ и Москву и столько же разбрасываетъ промышленниковъ по своей губерніи въ видѣ *портняжковъ*, *швцовъ*, *фалящихъ съ мерзлаго и сухаромъ рѣбю*. — Надъ этимъ уѣздомъ къ концу осени, небольшія кучки швцовъ плетутся по проселкамъ и большимъ почтовымъ дорогамъ, иногда чрезвычайно отдаленныхъ уѣздовъ, къ югу, напр. сѣверный край Кологривскаго, по рѣкѣ Межѣ и Унжѣ, Вяткинской, Макарьевской, иногда Солигаличской, Вурьянской и Чулымской.

шерстей, которая производится въ Великому-лесту. Въ дробѣ крестьянской избы, въ началѣ ноября или въ концѣ октября, непременно уже оканчивается слѣдующая семейная картина; всѣ бабы, начиная съ *большуки* и оканчивая десятилѣтней *досонькой*, сидятъ въ куту или задномъ углѣ избы, подъ податками и дергаютъ на колѣннхъ мохнатого барана или овцу-*леску*. Блжна поминутно вздрагивать и жалобно кричать подъ быльницами, особаго устройства, ножницами и кепъ бы ждуть не дождется, когда кончатся эти невыносимыя пытки, хотя и приправляемая ласкательствами мучительницъ. А между-тѣмъ огромный фрезомъ постепенно наполняется этою пустою валяною, которая наконецъ кладется и въ лукошки, за шпиль-нѣмъ другой подобной посуды. Одновременно окончанію подобной операціи, являюся въ деревняхъ мѣстные *шерстобитыи* или *солмоетѣи*. Эти промышленники сортируютъ шерсть на два отдѣла: та, которая по-длиниѣе и по-мягче назначается для каштановъ и струною *солмоетѣи* превращается въ мочьяи. Остаточная шерсть — густая и жесткая, преимущественно со спинны и боковъ животноаго, пойдетъ въ продажу и въ рукахъ ма-карельскаго и вологровскаго *саллыщима* превратится въ сапоги, которые нѣкогда бережливый хозяинъ четыре зимы носить и не износить, особенно, если догадается *подсоездить* ихъ кожей. Первый, лучший сортъ шерсти, превращенной въ мочьяи, тотчасъ по уходѣ шерстобитовъ, яредется бабами и приготовленныя нити употребляются или для бабынхъ чулковъ, или для *варякогъ* или же наконецъ на ткацкомъ станкѣ является *сукноиъ-сѣрмагой* для *помесъ* и каштановъ. Можетъ-быть, въ то-же самое время, какъ бабы исполняютъ свои обязанности, мужикъ-большакъ съ сыновьями творить распорядокъ въ подолнцѣ или гдѣ-нибудь на дворѣ и рѣжетъ яленницъ и барановъ, чтобы послѣ, снявши съ нихъ шкуру, имѣть овчины для подубуба или даже, пожалуй, и для тулуна. Устроивши такимъ образомъ дѣло, мужичиу оетается поджидать прихода шведовъ, которые не замедлятъ явиться въ деревнѣ, въ середнѣ или концѣ ноября.

Не трудно узнать догадливому взгляду то ремесло, которымъ занимается эти мужички-путники, только-что сейчасъ вы-шедши съ проселка на большую дорогу и потянувшіеся къ

видящейся вдали черной массой деревни. Почти-что всеякія очитыя шубы туго на-туго подпоясаны крестинами или санями кушаками и надѣты на коротенькій полушубокъ. На спинѣ каждаго изъ нихъ крѣпко привязанъ небольшой кожаный мѣшокъ, укрѣпленный на груди крестъ на-крестъ выжженными ремнями. Выше ремней, изъ-за кушака, торчатъ огромныя ножницы; по нимъ-то и не мѣшку навели идею то, что путники идутъ совсѣмъ не въ Соловки или Питеръ: иначе мѣшокъ былъ бы побольше и не кожаный, да и вышю его непременно были бы привязаны пары дѣв или три копытъ лаптей и, по-крайней-мѣрѣ, хоть одна пара сапогъ. У этихъ, напротивъ, даже вмѣсто толстой и суковатой мехжевелой палки видны въ рукахъ палочки дубовыя, коротенькія, но широкія и четырехугольной формѣ которыхъ не трудно различить самодѣльный аршинъ. Почти всѣ они немного сутулы и ступаютъ неровнымъ шагомъ, а не съ переваломъ, какъ дѣлуютъ это плотники. Изъ-подъ теплой шапки, опушенной у шнуръ баранкомъ, а у другихъ и просто коначнымъ мѣшкомъ, смотрятъ насмѣшливыя глаза и открытая физиономія, не сощмы, какъ у каменщика и печника, а такая же смѣлая, какъ и у знаго ярославца — итербургскаго лавочника. Впереди этой толпы идетъ парнишко-ученикъ, который отъ скуки гоняетъ носкомъ лаптишекъ валяшіеся на дорогѣ комки.

Въ полуверстѣ отъ путниковъ показались черныя кѣтухи-бани, предвозвѣстницы начинающагося жилья. Всѣ они, по обыкновенію, обсыпаны большими кучами лыжныхъ снѣжковъ, — слѣдовъ недавней бабьей работы. Утро только-что началось: въ деревнѣ все тихо, и только скрипъ колодца, да далекое мычанье коровы попеременно нарушаютъ тишину. Изъ деревенныхъ трубъ показался черный дымъ и прямыми столбонами тянулся къ далекому небу.

— Вонъ онъ, — Почивокъ-то!.. Давно ужъ мы тутъ ищемъ, а все тебя, молодца, ищемъ; принимай добрыхъ людей, да давай имъ работу—во льготу!... заговорилъ одинъ изъ шенцовъ, слегка улыбувшись и переглянувшись съ товарищами.

— Тереха не утерпѣлъ; съ позаранку началъ белендрѣсы подводить. Что-то будетъ, какъ на работу-то нарвется? — всѣхъ напопѣшитъ; — замѣтилъ другой швецъ остряку, всматриваясь въ него.

разсказывающему лицу по всякой шведской компании. — Говорилъ бы ты дѣло-то: путнее что-нибудь, — какъ дѣла поведетъ, вотъ теперь въ чемъ главная причина.

— Какъ поведетъ? вѣстимо, какъ поведетъ; нечего тутъ и раздумь моторить, коли въ деревнѣ весь народъ, нечитай, на званьи. И то молвить не одни, чай, лаптишки, ходючи сюда-квашиную зиму, поизмызгали. Вонъ дядя Степанъ съдѣсны перенабралъ, а все, смотри, сюда же лезетъ. Такъ ли, дядя Степанъ, а баю?

— Такъ, такъ Тереха; нѣча грѣха тавтъ: скоро двадцать змигъ минетъ, какъ въ Починкѣ работу беру.

— Да что тутъ толковать, толкнемся къ сощкому Минитѣ и дѣло въ шляпѣ, поди всѣхъ барановъ перерѣзалъ, да и ошачь-то ужъ давно востригъ. Эй, вы, люди добрые, нѣтъ ли шмиго? выходи сюда, кто тамъ шмигъ-то остался, не всѣ, чай, кошерли, — говорилъ Тереха, уже подъ волоховымъ ономъ избы сощкаго, раза три постукавъ своимъ деревяннымъ аршиномъ въ доску-подокошину.

Черезъ четверть часа высунулось бабье лице, запачканное мукою и, всмотрѣвшись въ путниковъ, улыбнулось.

— Ай, редивые: Тереха, Степанъ, Петруха, Ванюшка!.. войдите ребята въ избу, на дворѣ студено что-то стало. Какъ жалете-можете? — спросила хозяйка, когда швецы, помелившись образамъ, сѣли на лавку.

— Твоими молитвами, ничего... живемъ по-маленьку: ни шатко, ни валко, ни на сторону. Гдѣ-жъ у тебя большакъ-то?

— Да еще третѣводни уѣхалъ къ бариву въ городъ, осю-морю, еще не бывалъ, балалъ, что долго не будетъ мѣшкать. А мезодяцы-то въ баню ушли — денъ треплютъ. Большакевъ-ребятъ въ Штеръ опустели. Гршшу въ плотники, а Иванъ, знамо, въ печники спарядился.

— Нѣшто ты, тетя Матрена, Ванюху-то оженила? Кажись у тебя только одна невѣстка и была Аграфена.

— Какъ же, кормилецъ, и Иванушку женили, около Лукѣри женили. Хорошая дѣвка попалась и къ работѣ пріобычна и дѣла сполняетъ куды баско. Да и то молвить, изъ хорошаго дому вѣдь пошла: — потрусовскаго старосты Деметья дочка.

— А принесла ты вещь работы, тетка Матрона? — это шва, ноги, теперь и молодцамъ полушубки шале сшардани. А ны, признаться, на васъ только и надежду полагаю.

Пока тетка Матрона ходила въ голбець*, швыцы успы разболочены и развязать свои мѣшки. Весоръ потесенно оне за другимъ показавось изъ этихъ мѣшковъ: утюги, наперстки, кусочки синяго воску, обглоданный мѣлъ, накопецъ сушеный цилиндрикъ самодѣльной работы, назначенный для будащаго, а игольникъ съ большими и маленькими иглами. Осталось за мѣшки, можетъ-быть, только нижнее бѣлье, правдичный чистый платокъ на шею, да новыя шерстяныя оныя перчатки. Хозяйка принесла сырыя овчины, извиняясь, что не успы просушить ихъ за отсутствіемъ большама.

— Чего-жь у тебя молодуха-то смотреть? знамо, гдѣ теплѣ старымъ костюмъ съ этимъ дѣломъ возжаться, поди ужъ ледышны поклають. Ну да ладно, — печь топлева, а дѣла не кутрое, — сшардани самі...

И Тереха съ ученикомъ-парнишкой злилася просушкою овчины: оне развѣсилъ ихъ на шестѣ передъ печкой, ифельмо разъ снималъ, чтобы вытягивать руками, а въ некоторыхъ мѣстахъ, для сравниванія морщинъ, ухватывался даже зубами; потомъ опять вѣшалъ и пребывалъ иглой въ тѣхъ мѣстахъ, которымъ казался ему просокнувшими. Кончивши это дѣло, оне наматалъ, намеленной ниткой, крошмелъ и началъ кроить, увѣренный, что просушенная овчина уже свободно будетъ пропускать толстую иглу и самыя руки его не будутъ потѣть, а следовательно и затруднять работу. Въ то же самое время и остальные швецы Степанъ и Петруха кроили сермягу, принесенную хозяйкою съ подволоки, гдѣ висѣла она для просушкисама. Обрѣзки отъ овчинъ и армяка, мальчишка-ученикъ не бралъ въ то время съ полу и клалъ въ хозяйскія сумы. Это поступало уже, по общепринятому обычаю, въ собственность

* Голбець называютъ въ казѣ небольшой чуланъ, съ земнымъ поломъ, строящійся обыкновенно около печи, подъ полатями, сейчасъ вѣдьво при входѣ. Отсюда ведетъ ходъ и въ подполицу. Въ голбцѣ ставится домашняя провизія, принесенная изъ погреба и назначаемая на завтрашнее потребленіе, и кладутся такія вещи, которыя должны быть всегда подъ рукой: топоръ, лапти, косарь, свѣтець, талки и проч. и проч.

шведовъ, вонъ между этими обрубками попадались и такіе куски, изъ которыхъ, шуля, можно составить шубную спинку, а чего добраго и придѣлать рукава на руки любого шершня.

Принесенныя молодцами принесены всѣ какія принесены были вещи: ниши; оставалось только начинать шить; но дѣле это не совпало, потому-что подошла пора обѣда. Шведы нечего брали все, что было на столѣ, на которомъ вскорѣ очутилась огромная чашка со щами. Старшая невѣстка пополнила мѣль, не ушла за хлѣбомъ за переборку; молодуха, не замѣтивъ стола, пополнила въ другой разъ. Шутникъ Тереха, слѣдившій за ними, не утерпѣлъ и тутъ, чтобы не отсутствовать своему завѣтному шутку: пусть-де шескуются ребята. Онъ взял изъ соломинки шубную лажу, сшил и развѣшалъ ее въ чашкѣ уже въ то время, когда всѣ ушли за столъ.

— Что-то, молодецъ, шшто ты не видалъ, что я пополнилъ завѣтвела молодуха.

— А я, признаться думалъ, что ужъ тутъ такой обычай завелся въ новомъ хозяйствѣ, чтобы всѣ сшили, отшнелъ Тереха и самодовольно улыбнулся, замѣтивъ, что обѣ пополнили хосини переглянулись.

— Всѣ то вы, кажись, ребята такіе сорванцы, впрости мени Господи; вонъ хоть-бы зинусь и въ нашей деревнѣ: ниши не галлицкіе ребята были и Калиной еще и парня-то звали. Шилъ онъ у дяди Егора тулупъ, да и заставилъ его раздѣться всего. Ишь такъ-то, баесть, и мѣрку неловко снимать. Тотъ и легъ на столъ: больно, вишь, онъ простъ у насъ куды, простъ, Матвѣй-отъ, — и не въ-догадку ему, что Калина шутки шутить. Эвотъ и мурвизни его вдоль спинны-то, да такъ вило больно, что Матвѣевы ребята *пешелъ* Калину, да и вонъ нечъ збы.

— И не зато бываетъ, кормилка, коли хочешь знать; вѣдь поваровъ и поговорка про нашего брата ходить: шведцы-портнеры...

— Ну, ну, Тереха — видно мели Емела — твоя недѣля; чѣ ужъ, братецъ ты мой, не всяко слово въ строку мети, лужно и разумъ знать, перебилъ остряка Стопанъ, все время наблюдавшій молчаніе. Видно, что онъ давно уже оставилъ шутки и идетъ дѣло серьезно.

— И, — дядя Петръ! — смалкивай, знай, небуфта, — за-

разогнать кулю! — видишь видъ молодница не знаетъ, вотъ еже-часовъ-то нашихъ. Вотъ хоть бы, приидишь, терехича, слы-хала про Власа да Протаса? а нѣтъ, — такъ нишкитя: Жили были ты, кормилка моя, два брата подгородные, твое имяны, какъ бы и мы со Степаномъ; да и ввали-то нѣтъ по-прощенью: сивой Власъ, да гнѣдой Протасъ. Наклевалось имъ дѣланье, куды хорошо: у мужика богатаго, что денъги помолкомъ мететь и лонатою въ кувовья загребаетъ. И все бы хорошо, да пале-ничка махонькая состояла, — голова-то видишь была словно жбанъ нишней, — званъ большой, а брэгъ нѣту, — тоже, какъ бы вотъ и ты не рассказала, тоже смѣтка-то къ каблучкамъ, видишь, принята была. Принажалъ онъ этихъ молодцовъ шубу сивую себѣ, а овчинъ-то далъ чуть ли не на двѣ, Власъ и Протасъ, надо вамъ молвить, знали хорошо, на какую онъ ногу хромасть и всю его придурь словно по писаному читали. Сговорились промежъ себя, да и задумали, въ доброй часъ сказать, въ худой промолчать, но путное дѣло. Э! думаютъ про себя, куда кривая не выведетъ, сегодня-де ухну, хоть упрѣ и будутъ бока пухнуть.

— Слушай, хозяйничъ, молвилъ Протасъ, какъ ты смѣлаешь, догонитъ Власъ, коли завернусь въ эту шубу, да вбѣжишь по-бѣгу, аль не догонитъ?

— Нѣтъ, догонитъ! — басть тотъ, а самъ ухильнется, любя видишь на петѣху на такую.

— Аль не догонитъ, хозяйничъ; на что хощь на-споръ пойдю, не догонитъ.

— Попроубуй, брякнулъ тотъ о-дуру, что съ дубу.

Завернулоя Протасъ, да дѣру задалъ такую, что любо, да два, — видно патки засверкали. А мужикъ-то стоитъ, равниа ротъ, да лобуется: видишь потѣха-то больно разбираетъ:

— Гляди-жо, гляди, ребята, чуть-чуть не догонитъ; вотъ какъ за лѣсъ забѣжитъ, — поравняются... и поймаетъ, безар-мѣнно поймаетъ.

— Ишь тебѣ ласбо, Тереха, — замѣтила большуха: нѣшто христіанское дѣло затѣвали, — своего брата обижать?

— Да и то молвить, тетунка Матрена, былъ молодцу — не укора, а мало-ли непутныхъ-то дѣловъ на бѣломъ свѣтѣ; от-вѣтилъ Степанъ.

— У васиныхъ ребятъ руки не болятъ!... Спасибо хозяйкамъ за хлѣбъ, за соль, да за щи съ квасомъ, а за кану-те вѣсенку свою, говорилъ Терехъ, молясь образамъ.

Когда убрано было все со стола, швецъ снова сѣлъ за работу; бабы тоже поразобрали съ полокъ свои коньки и савишко было въ избѣ, какъ зашумѣли на полу веретена, обливаясь новыми нитками.

— Ты все какой деревни, молодецъ? начала мелодуха.

— Да ты у кого спрашиваешь-то? сказалъ Степанъ.

— Вѣстимо кто по-шустрѣй, да и по-зубастѣй всѣхъ?... объявила тетка Матрена.

— Я-то, откуда? да все откуда-жъ. Больно мелода, — много будешь знать, мало станешь спать. Скажи-ко мнѣ лучше: за чѣмъ мука-то въ Питеръ пустила? Неладное дѣло въ вашей сторонѣ ведется: дуракъ вашъ мужикъ, не тѣмъ будь помануть. Женится, да и лезетъ въ Питеръ, словно угорѣлый, какъ-будто мало народу-то тамъ и безъ нашего брата-шаланан; сидѣлъ бы дома да журилъ жену.

— Ишь ты, какой сытъ, прости меня Господи, замѣтила мелодуха, видимо сочувствуя шутнику Терехъ. Я бы тебѣ космы-то помытревала, коли - бъ была ожной у тебя; сталъ бы ты у меня по жердочкѣ ходить... Да молвышь ли ты, какъ зовутъ-то тебя?

— Меня-то? Терешой, Терешой, голубка востроглазая, и паронь-те я галицкой ѣршъ, вонъ и Петруха тоже ѣршъ, да и мы все тутъ, почитай, ѣрши.

— А родня вы промежъ собой?

— Да какъ родня? — когда моя бабушка родилась, вонъ Петрушкинъ дѣдушко онучки сушилъ. Кто у насъ не родня? Коли въ поѣзжанахъ былъ, такъ и свой, — вотъ какъ въ нашей сторонѣ ведется, да поди и въ вашей также?

— А ты нѣшто женатъ? продолжала востыгивавая допрошница.

— Нѣтъ, еще. Вотъ ужъ коли домокъ путемъ заведу: а вѣдь въ нашемъ ремеслѣ изъ-за хлѣба на квасъ не заработаешь; а теперь все и хозяйство, что вотъ есть на себѣ; во дворѣ скотины — тараканъ да жуковница, а и мѣдной-то посуды всего одна гововица.

— Въ такіе-то бесѣды пролетѣло время до сумерекъ. Шведы оставили работу; двое изъ нихъ Степанъ и Петруха лежатъ на лавкѣ, подложивъ полушубки подъ голову; старшая повѣстка зашла съ головою теще, которая сначала, садясь ночь противъ сивальника, шуршала глаза, а вскорѣ и сама съ нѣмъ вытаращи Терени, въ это время, подобравъ къ младшей повѣсткѣ, которая вытирала горшокъ, и стала балагурить.

Изба приняла тетя тихій и спонейный видъ, который бываетъ въ самую золотую пору крестьянской жизни и который обозначается мѣстнымъ названіемъ — *сумеркишная*. Тышина въ избѣ дошла до такой степени, что не только слышно шуршанье кота въ печуркѣ*, но даже какъ баранъ и овца жевали свою жвачку въ подполнѣ. Это затѣнье внезапно нарушалось ни храпѣніемъ большака, который былъ въ отсутствіи, ни визгомъ *мешаника* — неугомоннаго ребенка, который еще не былъ въ дѣтѣ.

Когда уже довольно смеркло, — омонялся отъ забытыя Степанъ, растолкавъ Петруху, толкнувъ въ бокъ ученика и переспросилъ *селету*. Старшая повѣстка принесла изъ голуба трепотій *оскмица*, значительно потерпѣвшій отъ частаго употребленія и близости искръ и поставила его подлѣ лавки, изъ ядъ которой тотчасъ же вытащила лаканъ, калитую до половины водою. Ученикъ-парнишка изщепалъ цѣлое полѣно для лучины и выскѣкъ огня.

Снова началась работа, приправляемая разсказами Терени. Началъ онъ съ шутокъ и долго болталъ мелодухѣ сказку: *оублаво быка*, да о томъ, что ночь *оскми да были баранъ да овца; поставили они отосъ сѣнца, — не лачемъ ли де сказку влать се конца*. Но, видно, не найдя сочувствія къ нолобѣннгу разсказамъ, онъ началъ загадывать бабамъ загадки.

— Ну, Марья Семеновна, отгони загадку и не хитрю, *владаръ Тереха*, обратившись къ младшей повѣсткѣ, слушай! Ни

* Не лишнее припомнить то, что на печь водить съ полу лѣсника, называемая обшникъ именовъ *преступковъ*; между этии-то преступники и находятса *печурки*, небольшія, въ видѣ окошекъ, углубленія, куда кладутся варяжки для просушки, оушки и проч. Здесь же обыкновенно *битіи* и *кошки*. Верхняя доска преступковъ, за которую шумно дергаются рудники, чтобы забраться на печь, называется *примелка*.

кого не тановъ, какъ Иванъ Ермаковъ; съѣли да поѣхали, съѣли, пришесть къ есони.

.. Задумавшись бабы всё до одной; молодуха-баба сунулась съ судачкою, да не туда повела. Тереха улыбулся и посоветалъ голдовой; что ни говорили бабы, все не то, даже Степанъ преле-дочка было епомаръ, да и онъ не пострашилъ. Перобрали наконецъ все, что попалось на глаза, но къ несчастію забыли да горшокъ и испортили все дѣло.

— Ну еще, продолжалъ разговорившійся загадчикъ, две слопы, два лежать, одинъ ходитъ, другой водить.

— Дверь! съ радости закричала большуха.

Тереха, между тѣмъ, подѣхала съ новыми загадками: она сама немало прежде переглядываніе бабъ, пока наконецъ, чтобы, что называется поважить ихъ, не повелъ семью къ *Дштора*, аси истыкану. Хозяйки въ одинъ гласъ закричали: «запертокъ» и даже дошло до того, что старшая невѣстка вынула изъ кармана, который привязанъ былъ у ней на поясѣ, съ подлѣ лѣваго боку, это орудіе и пошла за него Терехѣ.

.. Непомонный мушкетъ рассказалъ уже настоящую сказку: предсказать бабъ, что это бывальщина и случилась она: была по: несчастію. Какъ бы то ни было, но разсказанная сказка воодушевила не только бабъ, но даже и остальныхъ женщинъ, кѣмъ которыхъ каждый сказалъ бабамъ также по бывальщинѣ. Невѣстки только слушали, дивились диковинкамъ и искренно дѣлили разсказы: одну только вещь — замѣтила: что неба — то былъ, а сказка — то лѣтъ; но тотчасъ же разсказала про лѣшку, которую сама видѣла, когда, еще бывшая молодой хѣй мьяа была на рѣкѣ.

— Сидитъ водяница на колодѣ и такая-то большущая, да ражад. а волосицы, нечугай, что на до пять стелится, а вода въ, чернилицы въ мои, такъ и льетъ, такъ и льетъ съ молоденького, Водилула а. родители въ мои, и — обманѣла, да поджилки затряслись. Слышу, вотъ какъ хотъ я васъ теперь слышу: захопала водяница въ ладоши, да совой и заухала. Какъ добѣжала до дому, кормилицы мои? — и не помню, словно кто пришибъ мнѣ память-то. Ужъ опосля мнѣ, какъ, опомнилась, разсказывали, что сядицица да призываетъ, такъ инда перепуталась я водяницы-то....

— Быласть, Матрона Селивановна, бывають; вотъ видъ и недалеко ходишь: бродишь ину пору по лѣсу за грабани, али что.... ходишь, ходишь, а все въ одной березѣ приходишь. Придешь: ну вотъ какъ вотъ я видишь и береза та и мур-войнакъ тутъ, около.... вотъ я валку еще бросилъ на мур-войнакъ—то, ну и та.... тово.... тутъ, поддержалъ старуку Степанъ. Да чево бабушка, вотъ у меня пара *домовинокъ* на дворѣ стоятъ; пришелъ разъ, коло Покрова, свико стоять, хотъ бы што.... а саврасая кобыла, что у благочиннико купилъ, въ мылѣ. Въ мылѣ, слышь, Матрона Селивановна, словно кто на ней цѣлую ночь ѣздилъ. Что не говори, а *домовикъ* это ѣздитъ, *домовникъ* это и въ лѣсу тебя обходилъ...

— Охъ! что и баать, кормилецъ, кому какъ не сну, *домовнику* зетому.... Я ужъ какъ изъ старате дому перебиралъ, кирпичикъ изъ чепа въ печи выломилъ, да въ *конникъ** и положила, вотъ тебѣ грѣхъ молвить, — а не хочу и таить, — положила. Ну.... и ничего, коровушка, благодаря Бога, живутъ, овечки тоже; вотъ и гайдуку, почитай, что какинуѣ нечъ гриву заплетають. Подбереть зѣдакъ знаешь *кошчи* и *репейничкомъ* помезукраститъ; таково-то надо любѣ, да *приски*.

Между-тѣмъ время, незаметно, подошло къ ужину и молодая хозяйка, вставши на столъ, пригласила швецовъ.

— Садись и ты, Терентій Ивановичъ, поужинай чѣмъ Богъ послалъ, чай ужъ води попреглодался маленько.

— Да у насъ Марья Семёновна, коли приежиться слышь, такъ не ужинають, отвѣчалъ Тереха, потягивался, а насильная улыбка такъ и прыгаетъ по его рябому лицу.

— Чтой-то ты баешь, не ужинають? да какъ же *ложисы-то*?

— Какъ? а поѣдятъ маленько, — да *шакъ* и *ломатся*!...

Поработали швцы и послѣ ужина, вплоть до того времени, какъ завѣян вторые пѣтухи. Одинъ только Тереха, *кошчи*

* *Конникъ* называется родъ ящика, устроеннаго подъ лавкой, къ *шакъ* заднемъ углу. Ящикъ этотъ закрывается задвижкой, свободно двигающейся въ обѣ стороны. Въ *конникъ*, обыкновенно забирають, куръ *шкво*; лѣтомъ сидятъ онѣ на дворѣ на *насыдалѣ*, устроенномъ изъ жердеи гдѣ нибудь въ углу. Въ *конникъ* кладутъ также лентки, *тошоры*, се *тошоры* въ другое отдѣленіе, отгороженное, отъ *мурнаго*, *домовинокъ*.

незамѣтно полушубокъ и наметавши еще рукава на хлястикъ, зашмыгалъ шагѣть съ прочими на полати.

На другой день прѣбралъ и самъ хозяинъ — сощій, въ то время, когда шведы спали ему два полушубка, два армяка, теплую шапку и цѣлую овчинную шубу. Хозяинъ прѣбралъ цѣлѣдиною, прошелся раза два по избѣ, заставивъ бабъ пошептѣть ладно ли спитъ, не малъ ли воротничкъ и не имютъ ли ему подъ мышками. Оставшись довольнымъ, онъ рассчиталъ шведовъ по введеннымъ цѣнамъ: отсчиталъ два рубля за два полушубка, рубль двадцать копѣекъ за два армяка; семидесять копѣекъ за шубу и пятьдесятъ копѣекъ за новую теплую шапку.

— Слушай-но, Степанъ Михѣичъ, заговорилъ сощій, доставивъ изъ *стасецъ*,** бутылъ водки и угощая шведовъ; давно меня задоръ пробиралъ спросить тебя: куда подѣвалъ шаринскій-то Матюха? еще такой цѣсни гораздѣй былъ пѣть, что твой яну пору Терентій.

— Экъ! загубилъ онъ свою душу, какъ естъ загубилъ не за дѣлажку. И нѣтъ, чтобы завязать что-ли *хрушке* сталъ; еще это куда бы ни шло, а то какъ бы тебѣ *мопань*?... Задурилъ....

— Да чего задурилъ? перебилъ Терентій. Баквальство вини въ немъ завелось, хозяинъ; форсъ—отъ этотъ проклятый его и подгуливалъ. На руку не чистъ больно сталъ!.... вотъ оно что!.... такъ мы его и не беремъ по этой причинѣ. Вини онъ какую *едноса* штуку удралъ у Игнатовскихъ. Надѣлъ тебѣ *мопань*, онъ шубею тогда понюхался, а у армячишко, презматься, съ плечъ ужъ полезъ; а все чик-ремъ—то вотъ этимъ не въ нѣру потѣшался. Пошалъ онъ,

* Разумѣется ассигнаціями. За починку платятъ по 50 коп., за вставку двухъ новыхъ рукавовъ 10 коп., за шаровары 10 коп., за шубу маленькому *шѣмъ*, съ мучеромъ, за баквальство, берутъ, за шаровары, рубль.

** *Стасецъ* или *шосудный ящикъ*, небольшой, съ двумя полочками, употребляется только у замѣточныхъ, которые держатъ и водку постоянно, и самоваръ и другую необходимую для чая принадлежность: чайникъ и чашки. Тутъ же лежатъ и ключи отъ амбаровъ и погреба. У бѣдныхъ крестьянъ ставецъ этотъ замѣняется простымъ *заласкомъ*, устраиваемымъ за переборкою, около печи; тогда здѣсь уже ставится какой-нибудь кисель, колбаски, *сулой* (аппетитная жидкость для приправы къ оваренному киселю), и проч.

внѣхъ, къ Мигнетовскимъ, думаетъ: наши ребята туда нѣтъ по-
дѣтъ, коли что и сдѣлаю, — не услышатъ. Подвѣдомое; думаетъ,
ему, примѣрно, работу; свалить себя нѣтъ ночью, да и сдѣлъ
показалъ. Самъ еще намъ и дѣломъ-то этимъ похвалялся; и
снова было съ рукъ. А вотъ на другомъ, такъ споро на нѣду
обломился. И случилось-то это дѣло испутое тоже коло за-
шей деревни: купилъ, внѣхъ, лопковскій мельникъ Дементій
ячменю хорошаго, а Матюха на ту пору работалъ у него, да
в даючевалъ, примѣрно. Встаетъ Дементій мельникъ по утру,
да и спохватился ячменю-то; совалел мужицъ туда и сюда: всѣ
заеулки пенсинарилъ. Нѣтъ ячменю, словно помоловъ не
вымѣлъ; пропалъ совсѣмъ и съ мѣшкомъ и съ веревочкой.

— Не видалъ, басть, Матюха, куда ячмень подвѣвался?

А тетъ, словно правый, за работой сидѣтъ и нѣтъ еще въ
ту пору ввергивалъ.

— Нѣтъ, Дементій Амдренчъ, не видалъ; слышалъ, при-
знаться, въ просонкахъ, словно твой Жучко на него лалъ,
а не видалъ и грѣха да на душу брать не хоту, не видалъ.
Ну ваперомъ, слышь, ваперомъ, слышно.... и ни вѣсть что! Да
ужъ по веснѣ узнали кто грѣху былъ причастенъ: самъ же
Матюха и привезъ къ Дементію. А ячмень-отъ былъ не ва-
ннискской, а ваперской, еще и у барина-то, у безнискскаго ку-
пилъ. Пошла про Саву худая слава: нѣе его не беремъ, един-
му жолтъ — не повадно, да всѣ ужъ и знаютъ; а нѣтъ, такъ
и ны прдукывшимъ. Посебался Матюха туды да суды: видѣлъ
дѣло — драшь, не выгораетъ; такъ онъ по веснѣ и спохватъ,
споро теюря по дну. Бають ребята, что въ Рыбное погалу-
ся въ бурлачину; ну ужъ тамъ, знамо, уловить — парятъ, въ
кладъ валаца зъ рать, заразъ тлннутъ.

Только что вышли шведы отъ соцкаго и показались, въ
полущублахъ на распяцку, среди улицы, почти надъ всѣмъ
окопъ дослыщались приглашенія. Между громкими бабыни
криками, особенно рѣче вабѣтъ раздалася одной.

— Нишни-ко те, ребята, что и то солдатка-то больно въ-
васть? спросилъ Степанъ. Нѣшто много работы у тебя?

— Цоцька * есть, полущубокъ, кормилицы....

* Женское верхнее платье въ видѣ полу-армяки; безъ рукавовъ, которое
шлется всегда самими бабыни, потому что работа чрезвычайнаго прома.

— Ишь вѣдь горлодериха эдакая! Бабыю работу называетъ— поньку шить; вѣшто у самой-то руки отвалились? Поди-ко, Терентій; учи ее, глупую, уму-разуму, да втемяжь ей хорошенько, чтобъ вдругорядь не навазывала бы чего не слѣдуетъ; спей ей полушубокъ-то да и приходи къ намъ, — распорядился старикъ Степанъ, видимо обиженный и привашии предложеніе шить поньку за насмѣшку.

Компанія швецовъ раздѣлилась; всѣ они разбрелись по разнымъ избамъ и въ одиночку; одинъ Степанъ вдвоемъ, съ ученикомъ. Тереха, между тѣмъ, явился къ солдаткѣ.

— Кошку бьютъ, невѣстивъ намѣки даютъ; поньку-то ты шей сама: ваше это дѣло, бабье, а вотъ, коли полушубокъ есть, такъ стачаемъ. Давай, гдѣ онъ у тебя тутъ?

— Ишь вѣдь какъ ты разчуфырился, словно и невѣсть что обидное молвила; я и сама, коли хошь, такъ слачи дамъ.

— Слачи мнѣ твоей не надо, береги про себя; а мы не то, что съ бабой, и съ волкомъ справлялись! говорил Терентій уже не тѣмъ шутивымъ голосомъ, а такимъ, какой былъ бы даже въ-пору и самому старiku Степану.

— Знаешь ли ты, тетка, какъ я волка надулъ? продолжалъ онъ, садясь за работу. Шелъ, вишь, я по полю, отсѣда не видать, бѣжитъ сѣрый по лѣсу, да ухмыляется.

— Здравствуй, швецъ-молодецъ! дай я тебя съѣмъ!

— Дай, говорю, запрежь хвостъ тебѣ аршиномъ смѣряю. Взялъ я его хвостиче кужлавый, намоталъ крѣпко на руку, да и лудилъ я его аршиномъ по спицѣ, инда самому больно стало.

— А все мнѣ тебя, швецъ-молодецъ, съѣсть хочется. Цѣлый день, баеъ, рышу, животь подвело!

— Нѣтъ, говорю, моя кости неломки: зубы не возьмутъ. Поди, волъ баранъ ходитъ по горамъ, авось можетъ послаще будеть.

— Просто вѣдь сѣрый-то, хоть бы вотъ и ты, тетка Лукерья. Такъ что ли тебя величаютъ? Да ты, смотри, не обидься!

— Меня-то? Офросинья меня зовутъ.

— Ну, вотъ, тетка Офросинья, у меня тоже бабушку звали Офросиньей, и сестра была Офросинья. Такъ объ чемъ, бншь, я тебѣ молвилъ?

— Баранъ тамъ, что ли по горамъ.

— Тамъ вотъ, видишь, пришелъ онъ къ барану и тоже исподпрашилъ, сѣрый шутъ. — «Вставай, баетъ, баранъ, подь гору, а я какъ-разъ тебѣ въ глотку вскочу.» Распятилъ сѣрый пасть, а баранъ какъ мурызнеть его въ лобъ рогамъ, такъ что мой волкъ *смеремёкошки*. * Всѣ, слышь, зубы во рту вышибъ и ѣсть ужъ нечѣмъ стало. Опомнился сѣрый, да взопоздалъ маленько: швецъ-то, поджавши ноги, стрелу строчилъ, а баранъ сѣно жевалъ въ подполщѣ.

— А вдругорядъ ты понекъ не сули!... эодакъ и сарааны нашему брату шить доведется, заключилъ свою рѣчь Терентій у новой хозяйки.

Такимъ образомъ, переходя изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню; сообщая, въ компаніи и въ одиночку, собесѣдникомъ, смотря по количеству наличной работы, швецы проходили на чужой сторонѣ далеко за змиваго Николу. Осталось всего недѣля до Рождества Христова; мное дѣло, нужно провести этотъ праздникъ въ кругу домашнихъ, по обычаю и по завѣтной мысли.

И вотъ швецы уговорились сойтись въ первомъ питейномъ ближайшаго села, чтобы раздѣлить съобща и поровну свои заработанныя деньги и опять вмѣстѣ держать путь на родину. Степанъ, какъ предводитель и самый старшій между товарищами, производилъ дѣлежъ; досталось каждому, вмѣстѣ съ заработанными имъ самимъ деньгами, около пятнадцати рублей серебромъ: Степану немного побольше, потому, что онъ ходилъ съ ученикомъ.

Немедленно совершены были слитки или такъ-называемыя замой; товарищи поздравили другъ-друга съ прибылью. Ученику-парнишкѣ куплены были двѣ бутылки меду и вина. Тѣмъ бы дѣло и кончалось, еслибъ Тереха не ухватился къ нимъ похмѣльемъ и не спросилъ себѣ кое-чего покрѣче, и не въ посудинѣ-то побольше. Петруха въ отставалъ и только спасибо угостилъ товарища. Черезъ полчаса Тереха уже стался въ преследку по уродливому попу Кабака и змивалъ

* Въ старомъ выраженіи, означившемъ: *смеремёкошки*; *смеремёкошки*, — дѣло было.

пьяныя и нескладныя пѣсни. Собралось народу много, желая посмотреть, какъ-де шведы запоёй творять, пляшуть и пѣсни галицкія поють. Петруха досталъ у цѣловальника балалайку и тринкаль на ней для большаго задору Тереха. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужики-зрители предъстались удальствомъ галицкаго ерша и начали его подчивать. Богъ вѣсть, чтобы дальше было, еслибъ не стояла на сторожѣ бравская дружба и опытная старость въ лицѣ старика Степана. Онъ кое-какъ уговорилъ товарищей идти, послѣ многихъ ругательствъ Тереха и ушарательствъ въ рукахъ и ногахъ Петрухи. Степанъ хладнокровно перенесъ всѣ обиды, держась пословицы: пьяному морю по колѣна; не самъ говорить, а хмѣль за него распорядкъ творить.

— Что жъ ты не пилъ, дядя Степанъ? а вѣдь знатную дитку удради! иида мужики тутошныя потчивать начали,—говорилъ очнувшійся на другой день Тереха.

— Куды ужъ мнѣ съ своєю старостью, да съ немоготою тагадѣя за вами? Бывало, братъ, время, тягивалъ я куды *дѣско*; такъ что не то, чтобы тебя, а вотъ и Петруху бы *заидки* ^{дздія}: штофъ *ошарашивъ*,—словно ни въ чѣмъ не бывалъ; еще *досуху* въ придачу попросишь.... только ухмыляешься, да пѣсенки попѣваешь. Нонѣ не то стало: кватишь стадашка три для куражу, да отъ холоду, ну.... и удовлетворенъ съ почтеніемъ. Вамъ, ребята, хорошо, пока вотъ молодухъ-то де заведи; тогда, вѣстимо, другую пѣсню затынешь.

Такъ совершаетъ шведъ свою нехитрую работу, перемѣжая ее прибаутками и присказками. Мужикъ любить его за такія олоуженія и не прочь, въ длинный и скучный зимній вечеръ, послушать его веселыхъ разсказовъ: на то и сказка придумана, чтобы добрыхъ людей потѣшать. Иной разъ и страшно дѣлается, и чуется привычному уху, какъ

По селамъ ткутъ,
По деревнямъ ткутъ.
Одна баба-яга
Костяная нога
Помеломъ иѣтеть

* Сущность. имя отъ глагола завидовать,—иѣстное выраженіе.

Вдоль по улицѣ.
 Захотѣлось ей
 Все бѣ по Ванькинымъ
 Да по Машиннымъ,
 Все бѣ по косточкамъ
 По ребяческимъ
 Покататися
 Повалятися.

И вспомнить, можетъ быть, мужичекъ то благодатное время, когда бабушка напѣвала ему своимъ дрожащимъ, старушечьимъ голосомъ ту же присказку. И головой она качаетъ и голосъ ея какъ-то страшень сталъ. Страшно сдѣлалось и ребенку: завернулся онъ въ бабушкину плахту, только видя его головѣнка: крѣпко бонится ребенокъ буки. Смотрятъ его испуганные глазки на старуху; слезинки такъ и прыгаютъ по разгорѣвшимся щекамъ; долго глядѣлъ онъ на морщинистое лицо расквашенны и вдругъ заплакалъ, да такъ громко заплакалъ, что самой бабушкой страшно стало.

Мало этихъ рассказовъ, — швецъ, за отсутствіемъ большака, наколетъ, пожалуй, и дровъ и воды натаскаетъ въ избу; самъ и лучины нащиплетъ. Хоть и поведетъ онъ на будущую зиму тѣ же обычныя прибаутки, какими тѣшилъ и за прошлый годъ, но вѣдь и то сказать, ну пору и старое годится, коли хорошо, да потѣшно. Такъ разсуждая, мужичекъ любитъ своихъ швецовъ-прибаутчиковъ и всегда принимаетъ ихъ радушно и для угощенья ихъ ничѣмъ не скупится. Въ свою очередь, и деревенскіе ребята любятъ швецовъ и ни въ чемъ не отстаютъ отъ старшихъ: поить ихъ виномъ, уступаютъ первое мѣсто на *супрядкахъ**, подводи лишь только беледьясы, чтобы и имъ было любо, да и дѣвкамъ потѣшно.

Вотъ почему швецъ, хотя и шабашитъ въ субботу и ничего не работаетъ въ праздникъ, но за то всегда найдетъ въ праздникъ теплый уголь и горячіе щи въ любой деревенской избѣ. Впрочемъ, это и не такъ необходимо, потому-что холостые ребята утромъ добываютъ въ селѣ, а вечеромъ уже непременно до вторыхъ пѣтуховъ, сидятъ на *посѣдкахъ*. У же-

* Собранія дѣвушекъ осенью съ 1 ноября до 23 декабря, для пригото-
 ленія пряжи.

матого швецъ своя компанія; онъ или въ избѣ на полатахъ или на крыльцѣ кабака *судачитъ* съ словоохотливыми мужичками о хозяйственныхъ дѣлахъ; каково-то Богъ дастъ на будущій годъ лѣто; будетъ ли урожай, да мало что-то снѣгу вышло: не померзала бы овцы.

Праздникъ Рождества швецъ уже непременно встрѣчаетъ за затрешней въ сельской церкви своего прихода. И если нѣтъ, послѣ праздникова, работъ по сосѣдству, онъ, смотришь, кончается около дѣму: новыя дражки на крышу положить; дворъ швомъ выстелеть, если есть запасная солома; лаптишки точать, веревки вѣсть; себя и своихъ обшиваетъ, бабъ умурзуму учить, однимъ словомъ исполняетъ все, что требуется по хозяйству. Тамъ посмотришь весной: — онъ обновляетъ телегу, снаряжаетъ соху или косулю, *клететь* косы, закупаетъ серпы и незамѣтно входитъ въ сферу жизни семьянина-вакаря. Чарикаетъ его лопатка по косѣ, гдѣ-нибудь на лугахъ; изогнулъ онъ свою спину на пашнѣ и подрѣзаетъ серпомъ высокую рожь и пшеницу. Наступитъ осень, — и повезъ швецъ-прибауточникъ дѣлѣй ворохъ *сноповъ* на сно, онъ скрипячемъ *андрець* * въ овинѣ. На другой день онъ или стоитъ на *запашниках* ** и, высунувъ изъ *садила* *** голову, кладетъ снопы на *колосницы* ****, для просушки, или хлопаетъ

* *Андрецомъ*, въ некоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи, называется такая телега, которая устривается во-первыхъ отлого назадъ, такъ что боконъяшки, правая и лѣвая, лежатъ на землѣ; а во-вторыхъ она бываетъ двухъ-колесная (часто впрочемъ и четырехъ-колесная, но тогда она совершенно похеза на телегу). Все различіе въ томъ, что напередѣ и назадъ андрецъ ставится родъ лѣсенкой, для удобнаго и большаго помѣщенія сноповъ; а потому и бона андрецъ гораздо выше тележки.

** *Запашники* называются, въ овинѣ, доски или лавочки около стѣны, устриваемыя для предосторожности отъ искръ, могущихъ залетѣть въ снопы. На запашникахъ обыкновенно остается много зерна, который и очищаются метелкой въ лукошки.

*** *Садило* — окно овина, въ которое принимаются снопы.

**** *Колосницами* называютъ бревна, не плотно положенныя вѣсть, такъ что остаются свободныя промежутки для прохода живаго жару. На нихъ то и кладутъ снопы для просушки. Колосницы эти раздѣляютъ овинѣ на двѣ части: для нижней или для дѣмы они служатъ какъ бы потолкомъ, а для верхней, гдѣ лежатъ снопы, — поломъ.

молотиломъ *, по высушеннымъ и разбрасываемъ по полю ** колосьямъ. А можетъ быть всѣтъ онъ, на своемъ любимомъ гнѣдкѣ, въ палоски *** уже обыкновенную и готовую пердлинку. ****

Однимъ словомъ, весною, лѣтомъ и въ началѣ осени, швецъ ни въ чемъ не отстаётъ отъ любого своего соседа мужика — не швеца. Но лишь только прооблетятъ весь листъ съ чернухи, что растетъ подъ самыми окнами его избы и опустѣтъ скворечнякъ, что придѣлала бабуны — ребятишки, на зимномъ шестѣ, подлѣ амбара, онъ уже чувствуетъ близость любимой работы. Кончится въ хозяйствѣ капустаница ***** , перемятса собранный хлѣбъ, смотришь на дворъ подоснѣла уже и сосны Казанская: заволокло внесишь всю улицу; валить вѣрь въ избу, лишь только отворитъ баба дверь или волоковое окно; а грачи и вороны такъ и гоншатъ, чтобы съѣсть поближе къ трубамъ, на крышѣ. Пришло время ребятамъ обновы шить въ праздникку, шубенку какую или врячтышко, — чтобы и на зиму заручка была. И вотъ дня три или четыре ходитъ швецъ по сѣвдѣмъ до самой Казанской; а тамъ, смотришь, шедли чѣ

* Молотило — вѣснмъ извѣстное орудіе для молотбы хлѣба, состоитъ изъ длинной палки или ручки, и собственно колотила или палки небольшой въ аршинъ длиною палки, которая прикрѣпляется къ ручкѣ ремнемъ и гвоздями.

** Токъ или ладохъ — гладкое мѣсто, на которомъ разбрасываютъ уже высушенные и освобожденные отъ земли снопы. Токъ вѣснмъ притопывается сѣдл. образомъ: намечаютъ прямоугольный участокъ земли, который проходить косулей или сохой; дертъ, оставшіеся снопы вѣснмъ соридиш, уносятъ; оставшіеся коренья вырываютъ старой косою; котель, изъ готовленное тѣмъ же образомъ мѣсто, будущую ладохъ, обокламлиютъ, т. е. убиваютъ огромной колотушкой, или, чаще всего, проѣзжаютъ, на лошади, огромнымъ цилиндромъ, камешнымъ и окованнымъ желѣзнымъ листомъ. За тѣмъ вѣснмъ разъ подмываютъ и дѣло кончается: — остается обработать топоромъ края ладохи, называемые берегами.

*** Палосня — амбаръ, около овина, устраиваемый для выхлѣотъ соломы.

**** Выхлѣотая пакина называется пердлинкой. Она чаще вѣснмъ выдмывается въ стога, которые служатъ притомъ для совъ и пугачей, а также и для мышей или полевоекъ.

***** Капустницюо называется, какъ всякому извѣстно, время рубки капусты, бывающее обыкновенно не позже 1-го октября.

рѣвъ дѣй или три онъ началъ приготовляться и къ дальней дороге.

Для за два хозяйки подговорить промѣнникъ товарищей и означать имъ время зайти за нимъ. Съ вечера, накануне, хозяйки хозяйки приготовить пухляку; одешенку, какая понаберется по скорости, лепешку маюю—нибудь съ тверогомъ, ящичь въ крутую. Сдѣлается, на другой дець, замою съ ребятчицъ спутниками и снова поплелась швецъ, но ухабистой дорогѣ, на знакомыя одешеніа: — шутки творить, работу спорить.

Вотъ вся не хитрая жизнь и работа галичницъ шведовъ! Не прежде, чѣмъ сдѣлается онъ независимымъ кошикомъ, ему предстоитъ еще много испытаній, начиная съ той поры, какъ онъ, парнишкой, разстанется съ родной избой и тѣй, когда кончить учеенье, т. е. сдѣлается рабочникомъ, — подмастерьемъ. Вотъ какъ обыкновенно дѣлается: это дѣло не въ силахъ отцу прокормить большую семью, или проще, — зашавлялся у галичскаго мужичка варнишко, ладу съ вишь не стало, — а вишь надо сдѣлать изъ него путной дѣло. Выдрстетъ балбасемъ, ни сомъ въ прокъ, да и себѣ только масть. Думаетъ, думаетъ отецъ и ума не прибавитъ, — кады бы извернутъ съ блаженнымъ дѣтящемъ? Дажетъ на дадети: — сонъ не беретъ! — то и дѣло перевертывается съ боку на бокъ: — только дадети скрипятъ. На давку ди слаетъ, закусила ключокъ бороды и голову повѣсилъ, а самъ искоса поглядываетъ и на жену — большуху и на баловника — парнишку, который вотъ только-что сейчасъ всѣхъ куръ, буракомъ съ бабками, перешугалъ изъ коника. Выбѣжали куры посередь избы и закудахтали, — такъ что насилу сама увила. Съли за ужинъ; ничего большакъ не ѣсть и, словно, не глядѣлъ бы ни на что. Легъ онъ спать, — опять таже дума лезетъ въ голову: въ Питеръ, въ Нижное, въ Москву пустить: — баловаться еще лучше станеть безъ родительскаго смотрѣнья; наконецъ кое-какъ рѣшилъ помѣстать балуна около своей деревни, держась по словицъ: дальше моря, — шенше горя.

Всталъ большакъ цоутру, — укмылдется, тамъ что и бабьинъ либо стало. Домало, домало вчера, — думаетъ она, — словно и ни ѣсть что приключилось. Бурей гадой смотреть, — вида и словечка болалась промолвить: задѣлать туза, другой

рассъ по сунушол. А самъ дѣшно сѣдѣлъ, да распрямилъ мужа: надѣлъ онъ полшубокъ, платкомъ и кушакомъ туга-да-туго-подавался; надѣлъ да уже шапку-треуху, а самъ укидается и хотъ бы словечко промолвилъ. Береть нетерпежь бабу, и толькы бы толькы спросить, куда де собрался, — а बोже, лажеть старый, ни за что лажеть. Пошелъ большакъ къ двори и толькы за скобку:...

— Облать ждите! таково-то громко промолвилъ, вѣда думи въ пятки залѣзла и повернулъ назада. Обогнулъ вомъ и бурмистринъ овинъ и земскаго клѣтъ назади оставилъ, и свою баню проселъ. Ну, знамо, куда какъ не въ Дѣмино!... рѣшилъ большуха, слѣдившая за путешествіемъ мужа.

И дѣйствительно, — вотъ что случилось: пришелъ большакъ прямо въ шнецову избу, что хозяиномъ всегда ходитъ и учениковъ беретъ на выучку.

— А я къ тебѣ, дядя Степанъ.

— Милости просимъ! что тебѣ надѣть, дядя Митяй?

— Не возмешь ли парнишку на выучку? Я бѣ Ванюшку своею: — во бы какъ радъ отпустить, — и дядя Митяй показавъ рукою на сердце.

— Да ты какъ его хочешь пустить? — работника, самъ знаешь, я не держу: одинъ за всѣмъ смотрю; а въ ученье, я ужъ взялъ, признательно, одного молодца. Самъ и упросилъ, самъ и выбралъ изъ всей деревни, — что ни на есть смирену. Вишь новъ я не пойду далеко-то, — хочу коло своихъ походить.

— Яви милость, дядя Степанъ, — не откажи! уважь просьбу-то! Заставь со старухой вѣчно Бога молить. А ужъ въ другомъ-чомъ мы не постоимъ: что хошь возьми, толькы научи парнишку уму-разуму. Вѣстимо, какъ у васъ тамъ ведется, — по томъ и дадимъ.

— Да какъ у насъ ведется?... на сколько зимъ-то ты хочешь отдать?

— Твое дѣло, дядя Степанъ, твое дѣло; на сколько зимъ отдадимъ! во-какъ!... говоримъ обрадованный отецъ, а самъ-то ухмыляется. Подефилъ къ Степану и пока гладитъ, что у него нодъ бокомъ мурлыкалъ и шапку съ мѣста на мѣсто перекладывалъ; словомъ, додурьилъ на радость Митяй. Объ одномъ

только и толкъ, всѣмъ — новымъ царичку, а о зимѣхъ не толкъ.

— Беремъ валютнаго на три зимы, заговорилъ Степанъ, — да коли тупъ молодецъ, да нескоро толку-то набирается, ну, — и цѣлу зимъ живеть, Дольше и не держимъ, да и въ заводѣ нѣту этакго. Одѣвать-то его, — самъ чтоли ставешь?

— Гдѣ самому? ты ужъ одѣны!

— Ну, а заручку? дашь что ли какую!

— Знаю дѣло, дядя Степанъ, масла дамъ, яицъ... коли да-дытъ, суненой черники, — всего, чего хошь, дамъ.

— Яицъ-то не надобе, — своихъ много, а вотъ кабы меду прислалъ, — важно бы было!

— Ладно, ладно, — меду большущій буракъ... нитокъ... холста, води, хочешь?

— Не мѣшаешь и это. Ну, а какъ науку кончатъ, — мнѣ зиму долженъ олужить, безъ платежа, — на спасибо. Одеженьку всею зимъ есть сошью, а ученье кончатъ: тулупъ бараній, шапку даю отъ себя дамъ. Ладно ли? а ладно, — такъ приводи утрѣ Ванюшку и дѣло шито!

На томъ и порѣшили!

Привелъ Митяй домой, на радостяхъ, — словно сейчасъ явилася: в вѣсело таково смотреть и за обѣдомъ съ ливкой заверстала вчерашній ужинъ. Потомъ немного повожился на дверь; разболоса, легъ на палаги, свѣспал съ бруса гелеву и повелъ такія рѣчи:

— Спишь, Офимья, аль нѣту? да гдѣ Ванюшка-то?

— Нѣтъ, не силю, пахтанье пахтаю!

— *Иллки* * считаю! вонъ вечеръ Грившка Базжикнъ всего облущилъ: два десятка *иллэдъ* ** выигралъ.

Отвѣчала два голоса на хозяйскій позывъ.

— Утрѣ въ ученье идешь! рѣшительнымъ голосомъ продолжалъ отецъ. Съ дѣмнскимъ Степаномъ сговорился на три, либо на пять зимъ. Обѣщаль шубу сшить... только меду буракъ попросилъ, да холста, да нитокъ пять *пасмъ*. Шабангъ,

* Мѣстное названіе *бабокъ*, у которыхъ есть и другое имя *козонки*.

** Такъ называются три бабки *иллэдъ*; — изъ трехъ гивадъ составляется конъ; цѣна гиваду $\frac{1}{3}$ коп. ассигн.

Ванюшка, баловствамъ твоимъ непутнымъ: садись за иглу, авось толку-то побольше будетъ. Приготовь ему, matka, полушубокъ, портянки; лаптишки-то самъ посебери, кація тѣкъ есть у тебя, да еще что придется... Шляповъ, мотри, не бери, путеглавый, нѣвогда будетъ баловствомъ заниматься. Слыши...

На другой день мальчишка, со всѣми прибавленіями, былъ уже въ шведской избѣ, хоть и не дальше пяти, семи верст отъ своей деревни. Вечеромъ, при огнѣ, онъ уже получилъ работу — задачу: наложить заплатку на старій кожаной армякъ. Учитель усадилъ его на лавку, научилъ власть ноги и швецки—калачникомъ, держать иглу и вошить нитку. Деломъ занялся парнишка съ непривычной работой, наконецъ одолелъ и отдалъ хозяину.

— Ишь ты какихъ косуль накропалъ!... сказалъ тотъ отобрительный видошъ и насмѣшливою улыбкою, рассмотрѣвъ куда какъ плохо заштокованную прорѣху. Ну да ладно, — в первыхъ порахъ и то печено, — коли есть нѣчево; опосля свѣдѣешь, коли въ толкъ будешь брать, да слушаться. Боятъ тѣ старики: тупо сковано, — не паточаешь, глупо рождено, — не учишь, а коли смѣтка есть — пойдеть дѣло въ конь: иная работа не хитрая, — мало-мало всякая баба не умѣеть. Главы причина, — не балуйся, да не повѣсничай: запрешь говоритъ Дешную работу сполнай безурѣчно, какъ по писанину; а и шибайтъ, что хошь дѣлай: только чтобъ мнѣ не было тошно. Вотъ какъ по нашему! Ужъ я человекъ вотъ каковъ уродился нѣтъ ко мнѣ лажъ обычай, да почрафлай, — въ чемъ тебѣ потрафлять надѣтъ, — и жить въ миру будемъ; не обижду тебя и отцу твоему угодимъ. А коли супротивность какая выдѣтъ, да дѣло волкомъ въ лѣсъ глядѣтъ стаеть, ну, оуамо, пѣй и себя, да на свою спину; я тебѣ толкомъ запрешь говорю. Въ у щещи яре вашего брата штука, не одного тебя въ люди выведла, — заключилъ наставникъ и показалъ ремennую платку. Платка эта составляетъ также необходимую принадлежность всякаго швеца, который имѣеть учениковъ. Онъ и носитъ ее всегда съ собою, въ завѣтной кожаной сумѣ. Устройство

* Или въ лодкѣ; шведское обычаеице удобобавлять удеду старца работъ въ конь.

этого труда чрезвычайно оригинально: это длинный, тонкий ий комочек мѣшочекъ, туго набитый кудомомъ и залитый, на конецъ, довольно большимъ кускомъ вара. Очевидную пользу онъ швецъ понимаетъ еще по тому обстоятельству, что иногда приходится ему сидѣть далеко за полночь, при сибирской работѣ. Ясно, что непривычный ученикъ задремлетъ или даже просто прикурветъ подъ гябломъ. Иглою въ бокъ или кудомомъ онъ достанешь иной разъ, а пѣткой этой какъ разъ пробудишь.—Да и те сказать: влетѣ—не муна, впередъ муна.

Сначала трудно бываетъ привыкать парнички къ новому житю въ чужомъ домѣ, да еще и въ ученикѣ. Это не то, что дома: здѣсь встанешь утромъ спозаранку въ такую пору, что дома и бабушка-то только-только встанетъ; умоешься, ноги дрозъ намоли, патаской нить въ избу, если не успѣлъ сдѣлать съ вечера. Тамъ, немного погоди, за водой ступай на колодець, что посередѣ улицы, да такой крутой, наслау раскочерши; воду-то принеси въ вебу; глядишь баба заломается и вебу велеть вытнести, печку выгрести, овецъ загнать въ *кмародь**, чтобы не бѣгали по двору; а *гамы*-отъ коней велеть напоить: усидѣй, знай, пошевелеваться. Трудно парнички на нервныхъ ногахъ, если нить заручнаго: и радъ онъ, крѣпко радъ, когда подойдетъ суббота и побѣжить онъ въ свою деревню, чтобы «за всю прошлую недѣлю выспаться, въ бабки поиграть, да и колубушки домашнія какъ-то повкусить и слобить *Средомозьки*; а кажишь мѣзъ такой бы и муки-то сдѣланы, и ошара не дрожжать, и масла нашего клани!»—Разумѣется, если у швеца дуняшниковъ двое живутъ:—нить и работа не дѣ работу.—За водой пошметъ, — въ сибѣжи прежде поиграють; овецъ загнать велеть: попробуютъ—не свезетъ ли какал; а лошадей пентъ и ждуть не дождутся. Прежде чѣмъ доведутъ ихъ до колоды, смотрящи — скачутъ два базовивка рылкомъ на *сыномъ*; а сами смотреть не увидалъ бы хозяинъ. Замѣтилъ онъ,—на допросъ позоветъ, кто дѣлу зачинщикъ? поклепятъ ребята одинъ на другаго. Не удастся штука:—вздереть хозяинъ обонхъ, и тутъ

* *Ипородю* называютъ ту часть двора, которую отдѣляютъ деревянной рѣшеткой, а иногда и перегородкой нить досокъ. Сюда *засаживать*, т. е. запереть овецъ, коровъ, телатъ; *сыныи* иной разъ *вылѣзаетъ*, потому что двери не сложены, а рѣшетчаты.

ничего,—на людяхъ и смерть красна. Нейдуть въ сѣдлы, обшьются оба, да еще и споръ заводутъ о томъ, кого больше выскѣть, кому больше розогъ дать; а цѣлый вѣшникъ поспрашалъ, что лежалъ въ углу подлѣ кристуяковъ.

Кончится зима, а съ нею и шведовы работы,—ученики уходить домой на цѣлую весну и лѣто. Глядишь, а парнишко уже и *рубецъ** выкладываетъ прямо; такъ приладитъ заплату, что и бабѣ *завидки* возьмутъ. Пошелъ парнишко, въ кучѣ особъскихъ ребятъ и дѣвокъ, за грибами и ягодами лѣтомъ, играть къ городку посередь деревенской улицы, или въ лавку, гдѣ-нибудь на дугу. Осень придетъ:—топить онъ отцовскій овинъ и печеть въ *ямь*** картофелшны; капусту рубить дома—ѣтъ же набѣтся сладкихъ кочерыжекъ, — живетъ даже всучить. Да и то сказать, скоро опять въ чужіе люди придется мнѣ запасъ нехудое дѣло.

Черезъ три, четыре зимы ученикъ уже дѣлается настоящимъ шведомъ—работникомъ. Ничто уже не отобьется отъ его привычныхъ рукъ,—никая тамъ хитрая выкройка, хоть бы даже придумалъ ее и самъ заказчикъ. Иной задаетъ такую задачу, что и самъ—отъ въ толкъ не возьметъ: хочется вотъ ему положить на карманъ красную кожу съ зубчиками, да такъ, чтобы было красиво и всякая бѣ дѣвка замѣтила. Разомъ смениетъ молодець—работникъ: и тюленьимъ ремешкомъ обложить и пуговицы красивенькія подберетъ и петельки ровненькія сдѣлаетъ, — уголитъ во всемъ пріятелю; поневолѣ тотъ уститъ догадливаго мастера въ потейномъ. Иному барскому учеру захочется, къ новой красной рубахѣ, сдѣлать широкія шаровары изъ пилсу, да такія широкія, что вотъ шелъ бы онъ, словно барка по Волгѣ на всѣхъ парусахъ. И тутъ швецъ не ударитъ въ грязь лицомъ и подведетъ такую штуку, что дѣвую недѣлю барской кучеръ будетъ ходить по двору, да ухмы-

* На языкѣ шведовъ *рубецъ* означаетъ *шовъ*, равно какъ *прошвомъ* значить зашитыя вѣломъ: *оторочить* — обшить; *подкодычатъ* — подшить что-нибудь жесткое и плотное, и проч.

** *Ямя*, или *квадратъ*, называется углубленіе, сдѣланное въ нижней части финна и достаточно широкое для того, чтобы разложить меланжъ и просушить снопы.

латься: — пусть-де дѣвки страдаютъ не его удалству, да *малыкамъ* *.

Первою мыслью молодого швеца, по окончаніи условнаго срока ученія, — учредить свое мастерство и ходить особнякомъ отъ хозяйна; конечно, въ такомъ только случаѣ, если онъ не обязанъ отслужить учителю *на спасибо*. Но вѣдь и этотъ же срокъ имѣетъ конецъ. Какъ бы то ни было, задуманное предпріятіе на слѣдующую же осень приводится въ исполненіе; но почти всегда кончается неудачно. Поговорка ли, какую сами же шведцы про себя сочинили, да еще и хвастаются: что мы-де шведцы — *портные*, воры *клятвые*, день съ иглой, а ночь съ *обротью* **, ищемъ поймать лошадь о трехъ ногахъ, а можетъ быть и такое разсужденіе хозлевъ: «что поди-де еще къ новому-то молодцу привыкай, да на какого нарвешся, иной только взбудоражить все въ домѣ: и невѣстокъ перессорить, коли добро это заведется въ хозяйствѣ; а чего добраго и штуку какую станеть: вѣдь есть же сорванцовъ-то на бѣломъ свѣтѣ, въ душу не влѣзешь, чужая душа — потемки, а грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ». Вслѣдствіе такого разсужденія, мужичекъ какъ-то тугъ и неповѣдливъ на пріемъ незнакомаго швеца и любить держаться, *по знати*, за старыкъ:

Попробуетъ новичекъ, да на томъ и порѣшится, чтобъ ир-кать на будущую зиму товарищей, — не возьмутъ ли съ собою. Куда ближе обратиться, какъ не къ учителю: онъ познако-मितъ, мужички попривгладятся, — а ужъ тамъ, коли Богъ по-можеть, можно и самому учениковъ понабрать и хозяйствѣ по путному обставить.

И нигдѣ, можно положительно сказать, нѣтъ такого единя, душія и товарищества, какъ въ шведовскихъ компаніяхъ; нигдѣ такъ не оправдывается и не приводится въ исполненіе завѣ-рная поговорка: одинъ и въ домѣ бѣдуетъ, а семеро и въ пелѣ воюютъ, какъ въ этомъ небольшемъ классѣ промышленниковъ. Ходить они вѣстѣ; деньги дѣлать поровну, безобидно, такъ

* Престеперодное названіе *узватки*, по такой, которая исключительно задумана съ цѣлю *побавалить* — покрасоваться.

** Или лучше *уздой*. Все ихъ различіе состоитъ въ томъ, что *узда* ре-пенная, а *обротъ* — конопляная или веревочная; по большей части онъ служить *недоудкомъ*, т. е. *уздой безъ удилъ*.

что въ зиму достанется каждому иногда свыше пятидесяти руб. асс.; никогда не пользуются заслуженною славою хороших людей и мастеровъ, чтобы отбить у другой компаніи изъ работу: только выѣхавъ въ окно пары двѣ овчинныхъ ремешковъ,—и пройдутъ ребята мимо этой деревни въ свою, знаменную. Не спорить и о томъ, если перебить какой швецъ работу по сосѣдству, и засидеть тамъ, гдѣ другой сидѣлъ въ прошлую зиму: тутъ весь народъ знаетъ другъ друга и самъ вмешивать, если запоздалъ, прозвѣвалъ урочное время, да и куда слава на твою честь легла. Въ этомъ обоюдномъ братствѣ могутъ спорить со швецами одни, можетъ быть, земляки—пловники питерскіе; но объ этихъ рѣчь неслѣдъ.

С. МАКСИМОВЪ.

КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА НОВОГО ПРІЯТЕЛЯ.

(ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ).

Анна Ивановна была вдова, но вдова такая, что заткнула-бы за поясъ любую красавицу. Въ настоящую минуту, больше чѣмъ когда-нибудь, я завидую тѣмъ даровитымъ писателямъ, которые съ такими увлекательнымъ краснорѣчіемъ умѣютъ описать созданный ими идеалъ красоты. Это тысячъ разъ ропщу на тебя, о, моя скромная и нововоротливая муза! Зачѣмъ не могу я съ достопамятною храбростью представить здѣсь наружность прекрасной Анны Ивановны! Зачѣмъ нѣтъ въ перѣ моемъ достаточной бодрости для обстоятельнаго и вѣрнаго описанія глазъ, волосъ, рта и носа, похвощи, тѣлеса и проч., всего, что было пафоснѣе въ Аннѣ Ивановнѣ! Зачѣмъ не могу я чернила превратить въ аркіа краски!... Но, къ чему послужать всѣмъ мѣмъ сѣтованія—невозможное всегда останется невозможнымъ. Единственное средство помочь бѣдѣ—сгнѣдующее: Снисходительный читатель! старъ ты или молодъ—все равно—замшируйся и вообрази себѣ красавицу по своему вкусу; когда мысленному взору твоему представится прелестная женщина, то знай, что именно такова была Анна Ивановна. Очень хорошо. Теперь, безъ сомнѣнія, весьма естественнымъ покажется то обстоятельство, что у Анны Ивановны было много поклонниковъ. Анна Ивановна, надо отдать ей справед-

недобрость, мастарски дѣйствовала своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ. Никто, казалось, не сумѣлъ бы удачнѣе ея выбрать себѣ дѣтъ платья, шляпку, галстучекъ и другія вспомога-тельные средства, болѣе или менѣе увеличивающія природныя достоинства. Всякая квартирная хозяйка, конечно, старается употребить въ дѣло все, что только можетъ возвысить цѣну отдаваемой ею квартиры. Такъ: если судьба дала одной, на-примеръ, очень хорошіе глаза, то ужъ она такъ щедро стрѣ-даетъ ими въ нанимающаго, что онъ поневолѣ прикинетъ лиш-нихъ рубля два, три серебромъ въ мѣсяцъ. Анну Ивановну, судьба наградила красотой, и, слѣдовательно, дѣла ея шли хо-рошо. Цѣны на ея комнаты стояли постоянно довольно высо-кія. Придетъ, бывало, нанимать квартиру какой-нибудь госпо-динъ (женщинъ сначала Анна Ивановна не пускала къ себѣ — почему: это объяснится ниже), ну, такъ придетъ какой-ни-будь господинъ...

— Здѣсь отдается комната съ мебелью и прислугою?

— Здѣсь — говоритъ Анна Ивановна, выставляя свое очаровательное личико изъ-за плеча кухарки Дарьи, и ужъ при-шедшій нанимать квартиру, будь онъ величайшій изъ филосо-фовъ, часто перемѣняющихъ свое жительство, начинаетъ гаять въ ущербъ своимъ собственнымъ выгодамъ. Если, положимъ, онъ до того благоразуменъ, что устоитъ противу искушенія и тутъ же не найметъ комнаты по-весьма дорогой цѣнѣ, то по-крайней-мѣрѣ, это ужъ непременно, онъ проговоритъ очень долго съ прекрасною хозяйкою и черезъ нѣсколько дней все-таки явится къ ней и останется побѣжденнымъ. Да иначе и быть не можетъ. Анна Ивановна очаруетъ хоть кого.

— Какую вамъ угодно комнату, большую или маленькую? спрашиваетъ она у вошедшаго, выстрѣливъ въ него нѣсколь-кими всеобъѣдающими взглядами. Нанимающій, застигнутый върасплохъ, растеряется, и не знаетъ, что ему отвѣчать этой удивительной квартирной хозяйкѣ. Онъ стоитъ, одурѣвъ, подъ выстрѣлами и не замѣчаетъ, что съ каждою минутою цѣна на квартиру подымается.

— Впрочемъ большую, — говоритъ Анна Ивановна: — по-жалуйте, я вамъ покажу!

Будущій жилецъ идетъ за хозяйкою; красота Анны Иванов-

ны сдѣлала на него впечатлѣніе. Смущеніе нанимающаго и цѣна на комнату увеличиваются.

— Вотъ для васъ очень хорошенькая комната, здѣсь два года жилъ у меня князь... прекрасный молодой человѣкъ. Ты привыкъ къ квартирѣ, что просто плакалъ, когда пришлось ему ѣхать отсюда — онъ получилъ наслѣдство. Да привыкнись, и мнѣ очень, очень жаль.

— Невинная, простая душа! думаетъ нанимающій, воспринимая на Анну Ивановну: — она не подозреваетъ, что этотъ князь не о квартирѣ плакалъ. О, скромность! ты всегдашняя скитница истинной красоты!...

— Нравится ли вамъ эта комната?... рядомъ, вотъ на-право, живетъ чиновникъ, а эта дверь ко мнѣ, т. е. запертая дверь, — прибавляетъ Анна Ивановна, потупля свои бойкіе глаза.

— У меня всегда тихо: дѣвушка вычиститъ утромъ сапоги и платье, самоваръ подастъ, ну, тамъ, въ булочную можеть сходить... или, когда нужно, въ лавочку... лестница по вечерамъ освѣщена, квартира суха и тепла: я даже зимой отворлю форточку...

Не скоро соберется плѣненный наниматель съ силами и спросить: а какъ цѣна?

— Эта комната ходила у меня всегда за двадцать — пять рублей, но вамъ я готова уступить за двадцать, если только вы намѣрены быть моимъ постояннымъ жильцомъ, я очень дорожу хорошими жильцами.

Не беспокойтесь: Анна Ивановна знаетъ, что въ каждомъ человѣкѣ гнѣздится большій или меньшій червячекъ сомнобія, котораго пошевелить ни въ какомъ случаѣ не лишнее. Если случалось, что нанимающій квартиру, не смотря на неотразимую прелесть хозяйки, не могъ заплатить двадцати рублей за большую комнату, въ которой жилъ князь, Анна Ивановна также любезно показывала ему крошечную комнату, въ которой жилъ три года одинъ небогатый, но преиный молодой человѣкъ — художникъ, женившійся въ послѣдствіи на дочери богатаго генерала.

— Вотъ вамъ маленькій покойчикъ; я отдамъ его за двадцать рублей и дѣлаю это только для васъ: — художникъ и жилъ мнѣ пятнадцать.

Если нанимающий рѣшился сказать: нельзя-ли десять рублей? то Анна Ивановна закрывала на мгновение свои глаза, можила руками плечиками и, устремивъ потомъ на вопрошающаго глубоке пронзительный взглядъ, полный очарованія, говорила:

— Право, не могу... У меня вчера смотрѣли эту комнату и давали мнѣ двѣнадцать рублей; но я поупрямилась, откровенно сказать, не понравилось мнѣ лицо... Я готова потерять, лишь бы жилецъ былъ хорошій. Уступаю вамъ и впередъ ручаюсь, что вы будете довольны своей квартирой...

— Да я бы радъ, — отвѣчаетъ нанимающій: — только цѣна-то немного высока, я плачу десять рублей, у меня вдвое почти больше этой комната... правда, холодна немного..

— Ну, вотъ видите! Дешевле, конечно, можно найти, такъ не будутъ тѣхъ удобствъ, а здѣсь все, что вамъ угодно: и тепло, и чисто, и ходъ... все, все... Не скупитесь!

О, боги! Она будетъ думать, что я скупъ, что я подверженъ такой гнусной слабости — помилуйте, на что это похоже.

— Извольте задатокъ!

Анна Ивановна беретъ деньги; протягиваетъ свою хорошенькую ручку новому жильцу, и говоритъ:

— Надѣюсь, мы не будемъ съ вами ссориться.

Да возможно ли ссориться съ тобою, прекрасная женщина? думаетъ новый жилецъ. Да какой же это варваръ могъ бы поссориться съ тобою? У кого языкъ повернется сказать тебѣ что-нибудь непріятное?!

— У меня жильцовъ немного, — говоритъ Анна Ивановна: И я съ вами право какъ съ родными... Я ужъ иначе не могу...

— Это и прекрасно! замѣчаетъ новый жилецъ: — я самъ не люблю шуму и ссоръ, и мнѣ очень пріятно, что попалъ къ такой милой хозяйшкѣ...

— Благодарю васъ...

— Право такъ!

— А когда вамъ угодно будетъ переѣхать? спрашиваетъ Анна Ивановна.

— Завтра, — отвѣчаетъ жилецъ.

— Очень рада, милости просимъ, все будетъ готово; до свиданія.

И когда выйдетъ жилецъ изъ своей будущей квартиры, голова его наполнится такимъ множествомъ прекрасныхъ картинъ, что о непомерно-дорогой цѣнѣ и помнуну нѣтъ. И старикъ новый жилецъ удивляется, что это за олухи жили до-сихъ-поръ у Анны Ивановны! Вотъ хоть бы этотъ жилецъ, расставившись нею для какого-то наследства, или художникъ, женившись и генеральской дочери. Экъ чему обрадовались! Могиламы Богъ знаетъ зачѣмъ, а, такъ сказать, подъ носомъ у себя не замѣтили драгоценный перлъ. О, слѣпцы!... Такъ ли бы сдѣлали имъ поступить? Такъ ли распорядился бы я на ихъ мѣстѣ? Конечно не такъ! И тутъ жилецъ начнетъ заниматься построениемъ воздушныхъ замковъ, до которыхъ, впрочемъ, ни нѣтъ, ни читателю нѣтъ никакого дѣла, о которыхъ не думала ни и Анна Ивановна. Получивъ задатокъ отъ новаго жильца, онъ говорила Дарья:

— Ну, что-то будетъ! кажется глупъ, какъ дерево, а, можетъ быть, и добрый человекъ; или же:

— Нечего сказать, сквалыга порядочный, а туда же хлѣбъ-глаза щурить и флинтать. Цѣну, впрочемъ, хорошую далъ; будетъ ли исправно платить?...

— Да какъ же не платить! замѣчаетъ Дарья:—не заматить, такъ и дверь указать можно.

— Что? спрашивала потомъ Анна Ивановна, обращаясь къ обычнымъ своимъ занятіямъ: — Пльшивый ушелъ?

— Ушелъ, ну его...

— А что?

— Да надоѣлъ такъ, что мочи нѣтъ.

— Хи, хи, хи! прошу покорно... ну, а тотъ, цѣдушекъ-то, рыженькій, ушелъ?

— Куда ему уйти... подсвѣчникъ свой чистить, да ваннныя жуть... Вотъ скаредъ-то, Анна Ивановна, не прииди Богъ... вотъ ужъ, можно сказать, въ крещенскій морозъ ему напросишься. Вчера понадобилась мнѣ спичка, ему же самоваръ ставила... вотъ, прихожу я къ нему—пожалуйте, молъ, спичку мнѣ.—Какую тебѣ спичку? говоритъ: магазинъ, говоритъ, али лавочка что ли у меня для васъ?—Да это, говорю, вамъ не само-

ишь хочу поставить, да спички, молъ, всё вышли: старуха обѣщалась принести, да вотъ что-то нейдетъ.—То-то нейдетъ, говоритъ, на! — и кинулъ мнѣ одну спичку. Ахъ ты, думаю-себѣ, и спички-то вышь жаль стало ему, жиждомуру.

— Экой противный!

— Ужъ нечего сказать! я, говорить, не смотрю ни на что; я, говорить, объ моей старости думаю... другой, говорить, разматаетъ свои денежки, а тамъ, какъ старость-то скрючить его, такъ онъ, говорить, и сѣлъ на бобахъ... А надо, говорить, дѣлать какъ муравей дѣлаетъ, запасать, говорить, себѣ на зиму...

— Да что Дарья, никакъ онъ никогда и не обѣдаетъ...

— Почитай что никогда, все цеклеванный жуегъ... Вотъ только развѣ, какъ пойдетъ изъ дому да въ гостяхъ гдѣ нибудь... А то завсегда, около трехъ часовъ то, завалится спать да и проснитъ до шести или до семи... Встанетъ да и говоритъ: ахъ, говорить, какъ я проспалъ; поставь, говорить, мнѣ самоварчикъ. Я ужъ, говорить, не пойду обѣдать, лѣнь одолѣла, да и позавтракалъ, говорить, я давеча плотно... А какое позавтракалъ, булки вчерашней кусокъ сгрызъ... Эдакой скаредъ, просто отродясь такого не видывала!

— А говорила ты бѣлому-то о деньгахъ?

— Говорила, Анна Ивановна.

— Что жъ онъ?

— Да, говорить, попроси обождать маменьку. Вотъ, говорить, на дняхъ получу жалованье, такъ заплачу.

— Обождать!... все обождать, а хозяинъ-то небось не ждетъ за мной... ну, онъ жилецъ-то впрочемъ хорошій.

— Очень хорошій, Анна Ивановна, вѣрный, постоянный жилецъ, да и не прихотливый.

— Ну, ты ему сказала бы, что хозяйка за вами молъ ждетъ, она знаетъ молъ, что отдадите...

— Слушаю-съ, скажу... А вчера, умора да и только, спрашивалъ меня... нѣтъ, ужъ не скажу.

— О чемъ, о чемъ, Дарьюшка, говори?

— Да такъ, шутками-съ.

— О чемъ жъ, говори?

— Спрашиваетъ меня, что, говорить, Даша, барыня твоя и въ кого не влюблена? — Не знаю, говорю...

— Ну?..

— Ну, потомъ говорить: твоя, говорить, барыня — красвица...

— Ну, ты врешь, Даша...

— Вотъ съ мѣста не сойти, сказалъ такъ.

— Что же ты?

— Чтожъ я?.. Я говорю — это правда... и, окромѣ того, говорю, добрая... Я вотъ, говорю, шестой годъ у нихъ служу.

— Неужь-то сказала: шестой годъ?

— Вотъ съ мѣста не сойти, такъ сказала.

— Ну молодецъ! Не даромъ же я тебѣ платье кисейное приготовила подарить, щеголай да служи мнѣ вѣрно.

— Ужъ будете довольны, покорно благодарю.

— Вотъ бы намъ теперь большую то комнату отдать поскарфа... ты дворнику-то посулила на водку?

— Посулила, Анна Ивановна.

— Что же онъ?

— Да ужъ будьте, говорить, покойны, я постараюсь.

— Ну хорошо.

— Дворникъ-то сказывалъ еще, что у нихъ во второмъ этажѣ опорожнилась квартира... вотъ бы, говорить, твоей барыни взять, не застоялись бы комнаты безъ жильцовъ, шесть оконъ на лицо, и хозяинъ-то, говорить, уступилъ бы для нашей милости.

— Ну тамъ посмотримъ послѣ... сбѣгай-ка въ лавку, и возьми сливockъ, кофею захотѣлось...

— Сію минутоу...

— Да постой, пройди за одно къ прачкѣ: что она мантильто не несетъ мнѣ...

— Слушаю-съ.

Дарья уходитъ, а Анна Ивановна отправляется въ комнаты *плывиваго* и *благаго*, съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, чисто ли выметены онѣ, вездѣ ли Дарья вытерла пыль, и проч. и проч. вѣдь:

Глазъ хозяйки всюду нуженъ!

— Все чисто — говорить самой себѣ Анна Ивановна, осма-

тривая комнату *пльшиваю* — все въ порядкѣ, продолжаетъ заботливая хозяйка — на столахъ (ихъ два: письменный и передиванный) пыль вытерта... вытерта пыль и на комодѣ... что это у него на комодѣ?... Зеркало очень хорошо... А вѣдь прическа эта идетъ мнѣ, право идетъ... гмъ! Лизавета Федоровна скоро ловиеть отъ зависти... какъ ей досадно, я думаю, что Богъ далъ мнѣ такую счастливую наружность... это что?.. Какое? Пльшивъ какъ ладонь, а туда же помаду покупаетъ... да и какая прекрасная помада.. что-то по французски навясано... какъ у меня сухи волосы... попробуемъ... пльшивому на цѣлую жизнь хватить и половины... пусть думаетъ на Дарью; да она, я полагаю, не упустила случая... Сахарница жестиная, и не заперта... Отличный сахаръ, синеватый и крѣпокъ какъ камень... рифинать... самый лучший рифинать.. Ба!.. Духи! Ахъ какъ люблю духи! Какъ пріятно, когда хорошо пахнетъ...

Но не станемъ подсматривать долбе. Анна Ивановна осмотрѣла очень внимательно комнату *пльшиваю*, смѣялась много надъ какими-то картинками. Осмотрѣла комнату *бѣлаю*, пила кофе и кушала пеперменты, подвернушіеся ей подъ руку во время осмотра

Въ хлопотахъ по хозяйству время проходило скоро, и не успѣла Анна Ивановна оглянуться, какъ наступилъ обѣденный часъ, а тамъ, вотъ ужъ и жильцы стали собираться.

— Здравствуйте, Захаръ Васильевичъ, какъ поживаете? сказала квартирная хозяйка, *случайно* встрѣчая одного изъ своихъ жильцовъ, того самаго, что назывался *бѣлымъ*.

— Слава Богу! какъ ваше здоровье? отвѣчалъ Захаръ Васильевичъ и немного сконфузился, такъ какъ за нимъ состояла шленская недомына.

— Сдѣлайте милость, повремените нѣсколько—прибавилъ онъ—мнѣ такъ совѣстно. Сегодня просилъ визектора, да говорить: *въ* казначейства еще не привезли денегъ. Будьте увѣрены, Анна Ивановна, что какъ только получу...

— Э! позвольте, Захаръ Васильичъ. Ничего! подожду.. Я вѣдь васъ знаю.

— Благодарю васъ покорно!

— Я сердита на васъ совѣмъ за другое...

— За что же, Анна Ивановна?

— Отгадайте!

— Не могу придумать... за что же?

— А за то, что вы никогда не заглянете ко мнѣ.

— Ахъ, помилуйте, вы такъ добры... я право.

— Нечего отговариваться—виноваты, вы не добрый жилецъ, хозяйки своей и знать не хотите.. впрочемъ, я можетъ быть дурно дѣлаю, что говорю вамъ такъ... можетъ быть, у васъ есть какой-нибудь предметъ сердца, къ которому вы и снѣжитесь всегда...

— У меня? Предметъ сердца?.. Помилуйте, Анна Ивановна! Вы, можно сказать, страшно заблуждаетесь...

— Да, вы всё мужчины таковы, вы всегда обманываете насъ, бѣдныхъ женщинъ... Вамъ ничего не значитъ увлечь опытное сердце, поиграть имъ и потомъ бросить какъ негодную вещь или какъ цвѣтокъ, который бросаетъ человекъ въ какую-нибудь страшную пучину...

Элегія квартирной хозяйки поставила въ тупакъ Захара Васильевича, и онъ въ замѣнательствѣ предложилъ ей заглянуть въ его *убогое* жилище.

— Неудобно ли вамъ сюда, на диванчикъ... Скажите ради Бога, Анна Ивановна, за что вы считаете меня способнымъ обманывать?

— Я считаю васъ мужчиною!

— Но, Боже мой, отчего вы такъ дурно глядите на мужчинъ?

— Чѣмъ же дурно? Развѣ не видимъ мы на каждомъ шагѣ ужасные примѣры тому, какъ жестоко и безжалостно поступаете вы, мужчины, съ нами, бѣдными женщинами.

— Смѣю васъ увѣрить, Анна Ивановна, я неспособенъ поступать безжалостно съ женщинами.. напротивъ даже—я готовъ скорѣе самъ страдать и... и... если признаться откровенно...

— Какъ?... стало быть, я не ошиблась?..

— Да.. быть можетъ; но зачѣмъ я буду говорить... вы не любите мужчинъ... вы готовы можетъ быть осмѣять чувство...

— Нѣтъ, позвольте, Захаръ Васильичъ... Вы жестоко ошибаетесь, будьте откровенны со мною, — я всегда пойму васъ и готова даже посоветовать... впрочемъ, это можетъ быть секретъ...

— Ахъ!...

Анна Ивановна опустила глаза и перестала дышать, отчего на лицѣ появилась краска.

— Ахъ!... повторилъ Захаръ Васильевичъ. Анна Ивановна стрѣльнула въ него самымъ убійственнымъ взглядомъ.

— Я васъ не понимаю, Захаръ Васильичъ — я, можетъ быть, и не должна васъ понимать.

— Нѣтъ, Анна Ивановна, вы должны меня понять. . это необходимо для моего счастья.

— Не я право.. не знаю, что вы хотите сказать этимъ?...

— Что я хочу сказать этимъ .. О, Господи!... Какое ужасное положеніе!... Анна Ивановна! Вы не станете сердиться на меня?...

— Почему же сердиться?... нѣтъ.. но я не понимаю...

— Я люблю...

— Ахъ!

— Анна Ивановна!...

— Ахъ! Мнѣ дурно... Ахъ! свѣтъ помутился въ глазахъ моихъ... ахъ!

— Анна Ивановна!....

— Захаръ Васильичъ... милый Захаръ Васильичъ!... шептала квартирная хозяйка — сердце мое давно принадлежитъ вамъ....

— Позвольте, Анна Ивановна, позвольте, ради Бога, выслушайте меня...

— Тсъ! молчите пожалуйста, молчите... насъ могутъ услышать... О! какъ сладко быть любимой!..

— Не, умоляю васъ, Анна Ивановна, выслушайте меня...

— Тсъ, молчите; приходите ко мнѣ. пить чай... Я жду васъ!

И Анна Ивановна порхнула изъ комнаты какъ птичка, оставивъ Захара Васильевича въ совершенномъ недоумѣніи. Кто бы подумалъ, что повидимому совершенно невинная ложъ Дарья могла породить такое ужасное quiproquo! Захаръ Васильевичъ спрашивалъ у Дарьи, скоро ли придетъ къ ея хозяйкѣ Лизавета Федоровна, отчего она такъ рѣдко бываетъ у ней; говорилъ: какая красавица эта Лизавета Федоровна, и тому подобное. Сверхъ всего этого, Захаръ Васильевичъ далъ Дарьѣ двугривенникъ, и это то послѣднее обстоятельство и подвигло признательную ку-

харку къ извѣстной уже читателю лжи. Анна Ивановна была женщина пылкого и рѣшительнаго нрава. Захаръ Васильевичъ былъ мягокъ и доверчивъ... Ну, вотъ и все; такитъ-то образомъ завязался узелъ, по выраженію Захара Васильевича, который нелегко теперь развязать. Плохое дѣло. Можно бы конечно поступить такъ, какъ поступилъ Александръ Великій; но будетъ ли это слишкомъ круто? Анна Ивановна женщина смѣшленная. Какъ быть? Приходится развязывать узелъ осторожно, исподволь, а иначе только запутаешь его больше! До чѣмъ оставалось довольно времени, и Захаръ Васильевичъ посвятилъ его на обстоятельное обсужденіе замѣчательнаго казуса. Захаръ Васильевичъ наскоро одѣлся и, написавъ крошечную записочку, робко кликнулъ Дарью.

— Что прикажете?

— Даша! сдѣлай мнѣ милость, отдай эту записочку Аннѣ Ивановнѣ.

— Для васъ, извольте, Захаръ Васильичъ — отвѣчала Дарья, улыбаясь многозначительно — я ужъ сегодня брякнула словечко... писулька-то ваша пройдетъ какъ по маслу...

— Что ты говоришь?.. я тебя рѣшительно не понимаю...

— Да что и понимать?.. дѣло ясное, сказано: сдѣлаю все для васъ, будьте спокойны... А вы куда же сами?

— Такъ, пройдуся... къ знакомому надо зайти... Я приду не позже...

— Ну, ладно, ладно... ужъ мы смѣкаемъ.

— Ну, прощай, Даша, сдѣлай же милость, сейчасъ отдай записку своей барынѣ...

— Ужъ не беспокойтесь... сказано: все сдѣлаю!... Гуляйте себѣ, а мы вамъ тѣмъ временемъ и отвѣтъ приготовимъ хорошенькій.

— Прощай.

— Благополучнаго пути.

— Помни же!

— Будьте спокойны... Захаръ Васильевичъ ушелъ, а Даша явилась къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Вотъ записка къ вамъ...

— Отъ кого? спросила Анна Ивановна.

— Отъ того... отъ блага! отвѣчала Дарья.

— Хорошо... ступай себѣ... ступай, я говорю, омылись?

— Слышу, слышу... Дарья вышла: проворчавъ сквозь зубы: — слышу... ты врозьтай-ка нисульку, да тогда и гѣм... вышь больно прутка...

Анна Ивановна не смыхала назидательнаго ворчанья своей кухарки, руки ея дрожали, раскрывая записочку, сердце хотѣло выпрыгнуть изъ шель корсета... Ахъ этотъ Захаръ Васильевичъ! какой оазь, право! Вѣдь ужъ все навѣстно ему, нѣтъ, мале, записочку еще написалъ. И о чемъ, кажется, висать? Какой плутишка! — Такъ думала квартирная хозяйка и, наконецъ, прелестные глазки ея устремились на посланіе любимаго жальца, и увидѣли слѣдующее:

Милостивая государыня,

Анна Ивановна.

Какъ благородный человѣкъ, считаю долгомъ объяснить вамъ заблужденіе, въ которое вы впали, и которое, такъ сказать, вышло въ слѣдствіе недоразумѣнія. Прекрасное сердце ваше не должно принадлежать мнѣ, такъ какъ мое сердце, нѣкоторымъ образомъ, несвободно, а почему оно несвободно — это моя тайна. Началъ я говорить вамъ съ тѣмъ, чтобы вы, по добротѣ своей, помогли мнѣ, и объяснили Лизаветѣ Федоровнѣ мое ужасное положеніе. Прошу въ заключеніе сего не сердиться на меня, потому что человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ. За снѣжью чести пребыть всегда покорнѣйшій вамъ и къ услугамъ готовый

Захаръ Вертильняковъ.

Если вода прососетъ въ плотинѣ дырку, то плотина, безъ сомнѣнія, потеряетъ свое значеніе; вода размоетъ маленькую дырку въ огромное отверстіе и надѣлаетъ бѣды не мало.— Письмо Захара Васильевича представляло, повидимому, очень хорошую плотину, но упоминаніе о Лизаветѣ Федоровнѣ оказалось дыроу, черезъ которую преимущественно суждено было прорваться гнѣву Анны Ивановны, и бурнымъ потокомъ ударить въ зломполучнаго Вертильнякова. Сравненіе весьма удачное!

— А! сказала поблѣднѣвъ Анна Ивановна — сердце твое, извергъ, не свободно!... Передать Лизаветѣ Федоровнѣ твое умас

ное позволеніе?.. Какъ?.. Кто же я такой? За кого же ты принимаешь меня, злодѣй!.. Благородный человѣкъ?.. Хорошъ благородный человѣкъ!.. Ты думаешь, что за квартиру платишь мнѣ по пятнадцати рублей, такъ тебѣ все можно?.. Денегъ обождать?.. Какъ же, стану я ждать! Этакимъ профессоромъ много наберется!.. Каждый вадумасть обижать бѣдную женщину, потому что она беззащитная вдова?!.. О! не на такую, братъ, веназь, я сама къ частному пойду, онъ меня знаетъ. Я должна платить хозяину, а за жильцами стану ждать?.. Какъ бы не такъ... Дарья! Дарья!

— Что прикажете?

— Поди къ этому голышу да скажи: барыня моя денегъ за квартиру просить...

— Да онъ, Анна Ивановна, вѣдь ужъ заплатилъ...

— Кто заплатилъ?

— Да вѣтушокъ-то...

— Развѣ я тебѣ о немъ говорю? Ты ступай къ твоему вѣтовому-то и постоянному жильцу, къ этому бѣлому, скажи ему, чтобъ сію же минуту деньги прислалъ, а нѣтъ, такъ съ квартиры долой, и къ частному пойду жаловаться... Ну, чего стоимъ, ступай, тебѣ я говорю или нѣтъ?

— Да я все въ толкъ не возьму, о комъ вы говорите-то... У меня ннда голова закружилась.... Я ужъ, съ перенелуху-то, подумала, что вы о Захарѣ Васильчѣ...

— Да объ немъ же тебѣ и говорятъ.... иди сейчасъ къ нему...

— Да ихъ-съ нѣтъ дома, сейчасъ вышли...

— Вышелъ?... А! вышелъ! Видно чуяло сердце недоброе.. Видишь... вышелъ!... блудливъ, какъ кошка, а трусоватъ, какъ заяцъ... Ступай... когда придетъ домой — скажи мнѣ...

— Слушаю-съ...

— Ступай вонъ... или ты грубить мнѣ хочешь... ступай вонъ...

— Я, помилуйте, Анна Ивановна... я, кажется, никогда слова не сказала дурного... Опрочь своего усердія...

— Ступай вонъ... знать ничего не хочу... вонъ...

Дарья, озадаченная гнѣвомъ своей хозяйки, пошла къ куклю, раздумывая: чтобы это значило? Съ чего такъ разо-

дѣлаетъ Анна Ивановна? Звала къ себѣ чай пить, а тутъ, вдругъ, жаловаться къ частному и деть и на меня кричить!... Что онъ ей написалъ?... Что за притча такая?... И, размышляя такимъ образомъ, старательная кушарка стала добросовѣстно чистить кесеры.

Анна Ивановна, между тѣмъ, въ сильномъ волненіи вертѣлась на диванѣ и говорила:

— Вотъ оно, положенье-то вдовье... каждый можетъ обидѣть!.. и эта противная, Лизавета Федоровна кака-нибудь, шпирала къ нему... и онъ пишетъ мнѣ, когда я... О, Боже мой, Боже!... до какого униженія дошла я!... И что я ждала корыстного въ этомъ бѣлобрысомъ?... Да съ чего онъ взялъ написать такое письмо?... Развѣ я сказала ему что-нибудь?..

И дѣлая подобныя вопросы Анна Ивановна всѣми силами старалась увѣрить себя, что она рѣшительно не подавала даже никакого повода къ такому объясненію, что она вообще мало говорила съ Вертильниковымъ, а сегодня такъ и не видѣла его вовсе.

— Съ какой же стати онъ пишетъ мнѣ такой вадоръ?... Что онъ, съ ума сошелъ, что ли? Я его проучу, я ему покажу, что значитъ оскорблять бѣдную женщину. . Нѣтъ, я не была у него, я ему ничего не говорила, рѣшительно ничего... это ему пришло въ голову... по-крайней-мѣрѣ, я должна такъ говорить... Да и дѣло тутъ не въ письмѣ... письмо въ сторону... Главное: зачѣмъ онъ денегъ не платитъ, вотъ о чемъ рѣчь... Я не могу ждать сто лѣтъ!... Мнѣ такого жильца не надо!... Я найду и получше!... Можетъ отправляться къ своей возлюбленной Лизаветѣ Федоровнѣ... Сердце не свободно! скажите пожалуйста, какъ это трогательно!... Сердце не свободно! Объясните Лизаветѣ Федоровнѣ! Прошу покорно! Написать это жениху, котораго... Ахъ, стыдно вспомнить... Я не могу его видѣть... Пусть очисти квартиру... Правда, пятнадцать рублей не великій даръ за эту комнату... Сердце не свободно! это ужасно!..

Читатель легко пойметъ затруднительное положеніе прекрасной квартирной хозяйки, и, вѣроятно, не осудитъ ее строго за небольшое количество желчи, которое стало называться теперь ежесекундно на поверга Захара Васильевича. Но осудить никто пошлѣе и Вертильникова за то, что недостало у него терпѣнія

выносить болѣе или менѣе злобныя выходы квартирной хозяйки, и онъ переѣхалъ къ Лизаветѣ Федоровнѣ. Вѣдѣвши мы права порицать Лизавету Федоровну за тѣ отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, какія услыхалъ Захаръ Васильевичъ, да и не одинъ онъ, а многіе. И очень естественно, въ слѣдствіе воиѣхъ этихъ обстоятельствъ, между двумя квартирными хозяйками загорѣлась неугасимая вражда. Анна Ивановна была право несправедлива Лизавету Федоровну, потерявши поражение какъ въ денежномъ отношеніи, такъ и въ сердечномъ. Лизавета Федоровна торжествовала. Захаръ Васильевичъ отдамалъ. Бѣдная, бѣдная Анна Ивановна, не кому было за себя заступиться!... Пѣтушокъ чистилъ свой подсвѣчникъ и наиввалъ: *Матушка голубушка*, а плѣшивый, но все-таки, надобно гордой Дирь, и оба они не знали горькаго положенія своей хозяйки. Правда, они были свидѣтелями неудержимой злобы, съ какою Анна Ивановна требовала съ Захара Васильевича какія-то пять рублей серебромъ, которыя тотъ ни подъ какиимъ видомъ не хотѣлъ платить ей.. Но, вѣдѣ такія сцены повторялись съ каждымъ жильцомъ, оставляющимъ квартиру. Такъ поступаютъ очень многія квартирныя хозяйки. Жильцы несколько не удивились, когда услышали въ коридорѣ звонкій и дрожащій отъ гнѣва голосъ Анны Ивановны. Пѣтушокъ, правда, приотворилъ нѣсколько свою дверь и, уткнувъ носъ, однимъ глазомъ подсматривалъ.. Но онъ все-таки не помялъ сущности дѣла. Онъ видѣлъ, какъ извозчикъ потащилъ чемоданъ Вертильникова, бритвенную шкатулку, самоваръ, кѣжку съ чашечкомъ, и шляпную картонку. Онъ видѣлъ, какъ самъ Вертильниковъ вышелъ изъ комнаты и какъ Анна Ивановна задрала на него козыремъ въ коридорѣ. Рыженскій только улыбнулся, подумавъ: пойдетъ потѣха! И пошла потѣха дѣйствительно.

— Позвольте, милостивый государь! сказала квартирная хозяйка покидающему ее жильцу:—Такъ не дѣлаютъ порядочныя люди! Да-съ! такъ не поступаютъ! Вы должны были предупредить меня заблаговременно, а не уѣзжать въ тихомолку, какъ какой-нибудь....

— Какъ кто? спросилъ грозно Вертильниковъ: — Какъ кто? Ну, позвольте сказать.. Что? прикусили язычокъ.... Развѣ я

не властежь переѣхать съ вашей дражной квартирницей, когда мнѣ надумается? Развѣ я не заплачу вамъ всѣхъ денегъ сполна? Чего жъ вамъ еще отъ меня?

Анна Ивановна поблѣднѣла и задрожала. Губы ея посинѣли нѣсколько, а въ глазахъ выступили слезы.

— Вы пользуетесь моимъ беззащитнымъ положеніемъ—сказала она, задыхаясь отъ злобы. Вы полагаете, что бѣдную женщину можно обидѣть всякому... Нѣтъ, сударь, не на такую попали. Извольте заплатить, за недѣлю слишкомъ придется съ васъ пять рублей серебромъ...

— За какую недѣлю? что вы? помилуйте... съ чего вы это выдумали, чтобъ я сталъ платить, Богъ знаетъ, за что, пять рублей серебромъ... или вы считать неумѣете? я прожилъ у васъ три дня, по молотничнику въ день, выходитъ полтора рубля.

— А! вы такъ считали? такъ возвольте вамъ замѣтить, что вы сломали стулъ, прожгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ бархатъ на диванѣ, разбили...

— Что я разбилъ?

— Да вы сами знаете, что разбили...

— Ничего не знаю, вы сочиняете.

— Я сочиняю?.. извините... это вы сочинитель... вы сочиняете письма... самыя отвратительныя, самыя глупыя...

— Если пошло на правду, то замѣчу вамъ, что вы поступали гораздо хуже, вы вѣшаетесь на шею къ жильцамъ, да дерете съ нихъ въ три дорога.

— Какъ вы смѣете?.. Дарья! Дарья!.. Сходи за управляющимъ, сходи въ кварталъ... Ахъ, я умру!.. Подавитесь вы съ вашими деньгами... не надо мнѣ ихъ... не разбогатѣете, не бойсь, сиротскимъ добромъ... Дарю вамъ на свѣчку. Идите къ своей милой Лизаветѣ Федоровнѣ—она вамъ протретъ глаза...

— Вы свои-то протрите, да не забываетесь... помните, что вы смѣете дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ....

— Извольте вѣдать, извольте... проваливайтесь..

— Ъду, ѡду, не беспокойтесь, цалуйте съ своей пустою квартирною...

Вертильниковъ ушелъ, хлопнувъ дверью. Пѣтушокъ улыбающа, поглядывая однимъ глазомъ, а Анна Ивановна гордо запла-

нала въ корнѣхъ безопальной злобы... Въ эту минуту, пол-только что захлопнувшейся за Вергальниковыя двери, выставлялся высокая и блѣдная фигура съ большими черными усами.

— Здѣсь отдаются комнаты? спросила фигура. Анна Ивановна, въ некоторомъ смущеніи и отирая слезы, отвѣчала:

— Здѣсь.

— Вы сами хозяйка?

— Да-съ.

— Никакъ я заглянулъ къ вамъ не во время?..

— Нѣтъ-съ, ничего... я немножко расстроилась...

— Вы кажется плакали?..

— Да-съ... у меня съѣхалъ сейчасъ одинъ жилецъ...

— Какъ, вы плакали о жильцѣ?..

— Да-съ... немножко... онъ такъ долго проживалъ у меня... да и такой прекрасный жилецъ... можно сказать, какъ къ родному привыкла... Вотъ вамъ комната, если понравится... Онъ здѣсь и жилъ... такъ право жаль... онъ былъ недорогой... родныхъ никого нѣтъ... ну, что же дѣлать? не отходимъ отъ постели...

— Да вы, значить, предобренькая хозяйка...

— Помилуйте, да какая же порядочная женщина не останется заботиться о своихъ жильцахъ?

— А мужъ то вашъ гдѣ? Какъ цѣна?..

— Я вдова... Восемнадцать рублей...

— Ого! дороговъко!..

— Ходила по двадцати, уступаю вамъ, для того только, чтобъ пустою не осталась... мебель очень хорошая, прислуга... ходъ, сами видѣли, чистенькій... у меня всегда тихо, покойно...

— Гмъ, что же это вы замужъ не выходите? а?

— Гдѣ ужъ мнѣ!.. Я старушка.

— Э! что вы, что вы?.. Ну-съ, какъ же?.. пятнадцать дамъ...

— Право нельзя... И что вамъ значить три рубля серебра въ мѣсяцъ? за то ужъ будете покойны... и, надѣюсь, довольны...

— Да ужъ при такой милой хозяйкѣ какъ не быть довольными?

— Помилуйте!.. когда же вамъ угодно будетъ переѣхать?..

— Да по мнѣ догъ сайнась! Только ужъ уступите по пятнадцати... деньги вѣршишь... и жалець я постояндый... я же люблю мѣнать квартиру. Мнѣ коли понравилось гдѣ, тамъ ужъ ничѣмъ не выживеть...

— Мнѣ очень пріятно...

— Ну, такъ по рукамъ, что ли?

— Дѣлать нечего, навольте!

— Вотъ и прекрасно... навольте впередъ за мѣсяць.

— Благодарю васъ покорно.

— Какая у васъ хорошенькая ручка!..

— Помилуйте...

— Я человекъ откровенный... старый солдатъ... скажу вамъ напрямикъ... вы чудно хороши... ну вотъ вы ужъ и наморщились... не хорошо, не хорошо... вамъ не пріежало сердиться, да вы, я думаю, и во всю жизнь-то вашу ни на кого не сердились...

— Не знаю-съ.

— Да ужъ это видно по вашимъ глазкамъ... я вѣдь старый воробей, меня на мяншѣ не проведешь... Ну-съ, промну любить да жаловать... Андрей Ивановъ Кадусевъ... въ отставку... арешникомъ кой-какими доводчиками... холоствъ... весь тутъ, какъ видите, безъ всякихъ хитростей... до свиданія, моя прелестьная козяшюшка... до свиданія!.. до вечера!

— До пріятнаго свиданія.

— У! душка, душка! твердилъ господиновъ съ черными усами, спускаясь съ лѣстницы — это просто ананасищъ, а не козяшка, такъ бы и съѣлъ... глазенки то, глазенки такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ во всѣ стороны... чудо какая хорошенькая!.. Мракъ грусти и досады, начинавшій одолживать Анну Ивановну, разсѣялся, она почувствовала себя очень хорошо, словно гора съ плечъ свалилась. Въ пріятномъ расположеніи духа, она ласково улыбнулась и кивнула головкою на незнакомца, выходящаго изъ двери пѣтушка.

— И горе и радости! оказались рыженькій человечекъ и большого роста, веселый названіе пѣтушка. Одною оправданья.. а тутъ, глядь, судьба другого послала на утѣшеніе... А вѣдь тотъ-то, что убивалъ, рассердилъ васъ? а?

— Да, ужъ не говорите, такой дружокъ... и любезноромный...

и такъ страшно, — вся претензія вышла за то, что я немножко рѣзко отвѣтила на его глупое призываніе... эхъ, не стоить и говорить.

— Какъ? Такъ онъ вамъ въ любви призывался?..

— Да... Ну, Богъ съ нимъ, не хочу и вспоминать... такой дерзкій... видно, что никогда въ порядочномъ обществѣ не жилъ...

— Богъ то-то, Анна Ивановна! я вамъ говорилъ, что онъ фанфаронъ, такъ вы со мною спорили...

— Да помиуйте, кто бы могъ подумать?..

— Какъ не подумать.... Ужъ я, повѣрьте, не ошибусь, нѣтъ, никакъ не ошибусь!....

— Что же это вы все дома сидите?—спросила Анна Ивановна, желая переменить предметъ непріятнаго ей разговора — и ужто вамъ не случно?

— Нисколько.... копаюсь себѣ, а не то сплю.... иногда и гитарѣ побранчишь.... только я всегда боюсь — не безпокою ли васъ....

— Напротивъ, мнѣ очень пріятно; я такъ люблю музыку... Я вообще люблю веселиться..

— А! Вы меня обижаете, я ниѣю претензію заставить васъ плакать подъ звуки моей гитары....

— Эхъ куда хватилъ! подумала Анна Ивановна и вслухъ сказала: — До пріятнаго свиданія. Пѣтушокъ произнесъ: Мос нечтеніе. Скрылся въ свою каморку и, мурлыкая, принялся обнять за подовѣчникъ. Анна Ивановна повилаась и съ другимъ жильцомъ, поболтала съ нимъ весьма любезно и вошла въ свою комнату, уже совершенно покойная и довольная.

На другой день прибылъ новый постоялецъ. Положеніе этого жильца вообще очень хорошо. Новый жилецъ вселяется особеннаго расположенія квартирной хозяйки до-тѣхъ-поръ, пока его узнаютъ вдоль и поперекъ; тогда онъ получаетъ известное прозвище и уже пользуется расположеніемъ или равнодушіемъ хозяйки наравнѣ съ другими. Бываютъ и такіе жильцы—это случается конечно не часто, это исключеніе—бываютъ и такіе жильцы, что съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ большія права и сильнѣйшее расположеніе квартирной хозяйки. Такъ: они пьютъ чай у хозяйки утромъ и

вечеромъ, обѣдаютъ у нея, ходять почти всегда въ negligé, слегка покрѣкиваютъ на кухарку, пишутъ отиѣтки вновь прибывшимъ и выбывшимъ и, словомъ, мало-по-малу хозяйничаютъ. Андрей Ивановичъ Кадуевъ попалъ именно въ разрядъ этихъ счастливицевъ. Какъ онъ достигъ этого — мнѣ неизвѣстно; но только положительно могу увѣрить васъ, онъ скоро, очень скоро, приобрѣлъ значеніе. Если Аннѣ Ивановнѣ случалось отлучиться куда-нибудь, Кадуевъ имѣлъ право отдать въ наемъ комнату, и взять даже задатокъ съ жильца. Андрей Ивановичъ выѣзжалъ съ своей хозяйкой за городъ, ходилъ съ нею въ гостинный дворъ и къ кое-кому изъ знакомыхъ. По всей вѣроятности, этими мелкими услугами и угодливіостью онъ и заслужилъ особенную довѣренность и расположеніе квартирной хозяйки.

Однажды, когда Кадуевъ уѣхалъ куда-то на цѣлый день, Анна Ивановна сильно задумалась надъ верхнимъ ящичкомъ своего комода. Тутъ хранилась длинная исторія прошлаго времени. Вотъ, напримѣръ, эту чашку подарилъ Аннѣ Ивановнѣ первый ея жилецъ, это случилось давно — въ первый годъ вдовства, и какъ живо помнитъ Анна Ивановна этотъ пріятный день: точно онъ былъ вчера! Вотъ браслетъ — подарокъ одного почтеннаго старичка; воспоминанія о немъ вызываютъ улыбку на губы Анны Ивановны, она словно видитъ передъ собою уморительное лицо стараго жильца!... Вотъ лорнетъ — его подарилъ Аннѣ Ивановнѣ одинъ пренесносный господинъ, воображавшій, что всѣ женщины въ мірѣ должны преклоняться передъ его великолѣпною особою. Анна Ивановна постаралась доказать ему противное.... Впрочемъ, онъ былъ очень хорошій жилецъ — платилъ исправно и былъ рѣдко дома. Миленькое колечко съ незабудкою — колечко само по себѣ дрянн, ничего не стоитъ, но какъ дорого оно Аннѣ Ивановнѣ! какъ сладко самое воспоминаніе о подарившемъ его!... Гдѣ-то онъ теперь? Куда теперь закинула его судьба? Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ уже женатъ; можетъ-быть, любитъся дорогою подругою жизни, давнымъ-давно забылъ о петербургской квартирной хозяйкѣ!.... Вотъ куча серебряныхъ и золотыхъ ложекъ и ложечекъ, чашекъ, красивыхъ флакончиковъ

и множество разныхъ бездѣлокъ.... все это подарки жильцовъ, но всё они безъ особеннаго значенія и не имѣютъ цѣны въ глазахъ замѣтавшейся Анны Ивановны; между ними видятся великолѣпныя серьги — подарокъ Андрея Ивановича.... Эхъ, прошлое, прошлое, не вернешь тебя!.... Впрочемъ что жѣ, грѣхъ пожаловаться, Анна Ивановна не страдаетъ особенно и въ настоящее время. Она еще очень хороша, она попрежнему получаетъ подарки отъ жильцовъ; но.... зачѣмъ же это ко втирается тутъ? зачѣмъ нельзя обойтись безъ него? зачѣмъ должно сказать непременно?... но Анна Ивановна вспоминаетъ о прошломъ, вспоминаетъ часто? Правда, человѣкъ вообще очень любить свое прошлое: — дурное представляется ему лучшимъ, потому-что оно прошло, хорошее — потому-что оно было. Однакожъ чаще обращается къ воспоминаніямъ тотъ, у кого немного порядочнаго въ настоящемъ и кто не смѣло заглядываетъ въ будущее. Правда еще и то, что мы весьма мало цѣнимъ настоящее. Андрей Ивановичъ Кадуевъ, наирѣдѣе, получилъ особенную цѣну въ глазахъ Анны Ивановны тогда уже, когда уѣхалъ навсегда изъ Петербурга. Я не рассказываю подробно объ этомъ происшествіи, потому-что оно не представляетъ ничего особеннаго и касается болѣе Кадуева, чѣмъ Анны Ивановны. Кадуевъ ли, или кто другой, на Кавказъ ли поѣхалъ онъ, или въ Царевкокшайскъ, или куда въ другое мѣсто — это вѣдь въ сущности рѣшительно все равно; дѣло въ томъ, что Анна Ивановна осталась опять одна и что она постарѣла немножко.

Время летитъ чудовищно-быстро и женщины никакъ не могутъ привыкнуть къ его полету: онѣ всегда опаздываютъ—отъ этого-то и встрѣчаемъ мы у нихъ постоянную ошибку въ счетѣ годовъ: ничего нѣтъ удивительнаго! Анна Ивановна, къ немалому огорченію, стала замѣчать, что румянецъ покинулъ ея щеки, что волосы стали какъ-то тоньше и рѣже, старыя платья дѣлались узки.... плохо, ахъ, какъ плохо! Квартиры и вадорожали, жильцовъ ли стало меньше.... только доходы замѣчительно уменьшились.

— Надо попробовать со столомъ — рѣшила Анна Ивановна: это говорятъ прибыльно. Конечно, неприятно возиться цѣлый день на кухнѣ, кухарку одну нельзя оставить — кругомъ обо-

руки — неприятно, говорю, целый день на кухне возиться, руки покраснѣютъ и потеряютъ нѣжность отъ жару; некрашено вымачиваться въ мукѣ и маслѣ; отвратительно возиться съ сырою говядиною; но какъ быть?... Живи такъ, какъ живется, а не такъ, какъ хочется.

Анна Ивановна попробовала — было сначала стряпать въ перчаткахъ — оказалось невозможно. Что дѣлать? Прощай красивыя ручки! Кожа стала лупиться на лицѣ, глаза и голова заболѣли.... Эхъ, куда трудно начинать непривычное дѣло! Не разъ заплакала тихонько Анна Ивановна, прежде чѣмъ свѣклась съ своимъ новымъ положеніемъ. Немного досталось ей и барыша, покуда не познакомилась она поближе съ дѣломъ. Сначала надо было оградить себя отъ воровства кухарки, потомъ уже пошла Анна Ивановна и дальше, то-есть начала готовить обѣдъ изъ ничего. Правда, жильцы стали роптать, да на нихъ нечего обращать вниманія: они всегда и всѣмъ не довольны. Они нарываютъ, небойсь, заплатитъ хозяйкѣ дешевле — почему же хозяйкѣ самой не позаботиться, такъ или иначе, о своихъ выгодахъ? Да и что за жильцы стали вдругъ — смѣшно посравнить ихъ съ прежними: подарковъ нѣтъ и въ поминѣ, а если и случаются, то такіе, что, право, совѣстно показать кому-нибудь. Вотъ какъ, на примѣръ, одинъ подарилъ Аннѣ Ивановнѣ старый подносъ, или вонъ другой оставилъ ей на память сломанный шандаль, въ который нѣтъ никакой возможности поставить свѣчу — срамъ да и только! Что это за времена настаютъ?!.. Анна Ивановна рѣшительно не понимаетъ — отчего это все такъ перемѣнилось.... Кажется ей, что не только люди, но и зеркала-то стали не тѣ, какія были — удивительная вещь!.... Анна Ивановна ломаетъ себѣ голову надъ разгадкою всѣхъ этихъ странныхъ обстоятельствъ и ни разу не подумаетъ, что сама-то она больно измѣнилась. Какъ можно подумать объ этомъ!...

Бопрежнему, Анна Ивановна, съ пріятною улыбкою, показываетъ занимающему комнату, и комната эта, надо замѣтить, дѣлается чище и лучше прежнихъ; бопрежнему, Анна Ивановна говоритъ, что тутъ жилъ три года одинъ князь, который плакалъ при выѣздѣ; но, странное дѣло, занимающій улыбается,

коварѣйшимъ образомъ и прямо приступаетъ къ вопросу о цѣнѣ.

— Ходила по двадцати-пяти, для васъ могу уступить и пятнадцать, отвѣчаетъ Анна Ивановна (замѣтите: съ двадцати-пяти прямо на пятнадцать), только потому уступаю, что дерожу хорошимъ жильцомъ.

— Ого! говорите нанимающій: экъ вы дернули! За такую маленькую комнату пятнадцать рублей? Нѣтъ, больно дорого платите, матушка.

Какъ это слово *матушка* деретъ ухо Анны Ивановны! но она, скрѣпя сердце, продолжаетъ улыбаться.

— Какъ же ваша цѣна?

— Да рубликовъ восемь дамъ....

— Но, помилуйте, вѣдь посмотрите—мебель какая, ходъ въ парадной лѣстницѣ....

— Вижу, вижу, матушка.... потому-то я и даю хорошую цѣну.

— За эту цѣну я не могу отдать квартиры! Двѣнадцать... углоно?...

— Десять! ни гроша больше!

— Сами посудите....

— Ну, какъ хотите.... прощайте.... пустая простоять....

— Дѣлать нечего, извольте.

— Вотъ вамъ задатокъ.

И ужъ ручки не пожметъ новый жилецъ: онъ бонится замарать перчатку. О, какъ грустно!

Прежде Анна Ивановна пускала къ себѣ только жильцовъ, жилищъ — никогда, и имѣла на это свои причины.

— Женщины, думала она (замѣтите: такъ думала Анна Ивановна, а не я), женщины, во-первыхъ, сидятъ больше дома, что для квартирной хозяйки, какъ извѣстно каждому, весьма непріятно; во-вторыхъ, женщины любятъ подмѣтнуть за тѣмъ, что дѣлается около нихъ и потолковать объ этомъ, слѣдовательно—заведутся сплетни; наконецъ, съ женщинами можно столкнуться на весьма щекотливомъ предметѣ (на какомъ, напримеръ, столкнулась Анна Ивановна съ Лизаветою Федоровной); во всѣмъ этомъ и во многихъ другихъ причинахъ, лучше не пускать къ себѣ женщинъ!

Такъ Анна Ивановна прежде и распоряжалась; но теперь, когда дѣла приняли другой оборотъ, когда комнаты за-частую оставались пусты, надо было измѣнить прекрасное правило. Крайность можетъ принудить человѣка ко многому. Впрочемъ, умная квартирная хозяйка, какова была Анна Ивановна, и въ такомъ крайнемъ положеніи выберетъ изъ худшаго лучшее, то-есть отдастъ комнату, если уже непременно надо отдать, жилищъ хорошенькой: хорошенькія всегда добрѣе. Голосъ собственнаго самолюбія квартирной хозяйки, безъ сомнѣнія, нѣсколько вооружался сначала противъ такого нововведенія; но мало-по-малу онъ смирался и уступалъ необходимости.

Тяжело бывало Аннѣ Ивановнѣ иногда. Вотъ хоть бы на гуляньѣ, молодые жильцы и жилицы разбѣжались—Богъ знаетъ куда, а съ Анною Ивановною остался этотъ противный старичишка, да еще посмѣивается.

— Вотъ, говорить, разлетѣлась наша молодежь и мы старики одни остались, плетемся себѣ помаленьку.... Давайте-ка мнѣ руку, Анна Ивановна, чай ногъ-то у васъ приустила, да и побаливаютъ. Я по себѣ сушу, ужъ и не говорите мнѣ, самъ знаю, что значитъ—какъ за четвертый десятокъ перевалится...

И съ ужасомъ вспоминаетъ Анна Ивановна, что ей дѣйствительно пятый десятокъ пошелъ. Съ ужасомъ вспоминаетъ она, что уже никогда не будетъ у ней больше колючка съ незабудкой. Ахъ, какъ скоро прошла эта чудная молодость. И что же осталось отъ ней у Анны Ивановны?... Воспоминанія!... Да какъ же случилось, что Анна Ивановна не успѣла выйдти второй разъ замужъ? Вѣдь она все говорила: «успѣю еще!» Какъ же это такъ?... Отчегожъ не успѣла она нажить себѣ копѣйку на черныи день? Что будетъ съ нею, какъ застигнетъ ее вдругъ болѣзнь? Кто станетъ ухаживать за больною и бѣдною старухой? Кто подастъ ей пить въ минуту томительной жажды? Кто поправитъ подушку подъ горячую голову бѣдной старушки?... Да будетъ ли еще у ней подушка? Будетъ ли у ней теплый уголь, будетъ ли у нея кусокъ хлѣба?.....

Я ставлю много точекъ, потому-что много страшныхъ вопросовъ подіялось передъ испуганнымъ воображеніемъ когда-то прекрасной, бойкой и беззаботной Анны Ивановны. Долго не спала она, воротаясь съ гулянья, долго раздумывала о своемъ

положеніи. И осмѣянный когда-то рыженькій пѣтушокъ, что толковалъ о запасѣ на зиму и берегъ копѣечку, предсказавъ теперь Аннѣ Ивановнѣ благоразумнымъ старичкомъ... Какъ ни коротко было повидямому будущее Анны Ивановны, но оно пугало ее теперь сильно. И ночь эта, весьма не покойная, была первымъ звѣномъ длинной цѣпи мучительныхъ безсонныхъ ночей, которыя окончательно измѣнили Анну Ивановну, физически и морально. Здоровье ея стало очень плохо; заботы и старость навели много морщинъ, сильно подогнули ноги и превратили густую и длинную косу въ мышинный хвостикъ. Стала старушка копить и беречь копѣичку, трястись надъ кускомъ сахару и вселать къ себѣ отвращеніе въ каждомъ, кто почему-либо сталъ близокъ къ ней. Не давала уже Анна Ивановна дворникамъ на водку, а только бранилась съ ними, не дарила она кухаркѣ кисейнаго платка за радостную вѣсточку и вѣрную службу. Не было у нея ни пѣтушковъ, ни плѣшивыхъ, ни бѣлыхъ. Носила она сама некрасивое прозвище: скареда... Читатель припоминаетъ, конечно, что и прежде Анна Ивановна не отказывалась отъ денегъ; но тогда каждый добытый грошъ тратился на наряды и удовольствія. И какъ это несправедливо: я увѣренъ, что много найдется охотниковъ осудить скупую и жадную старуху и оправдать поступки Анны Ивановны въ молодости. Правда: пріятно видѣть хорошенькую и молодую женщину, которая любезничаетъ съ вами, протягиваетъ вамъ мидеяскую ручку и заставляетъ васъ такимъ-образомъ заплатить лишнее, съ тѣмъ, чтобы купить на ваши деньги шляпку, увеличивающую еще болѣе ея красоту — ни слова противъ этого! Нехорошо смотрѣть на исхудалое и желтое лицо старухи, покрытое морщинами, испрѣятно слышать, какъ она торгуется съ вами за каждую копѣичку, которую она сирячетъ дрожащими руками въ свой звѣтный зарецъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды и несчастья не умереть съ голоду — дѣйствительно непріятно, я не спорю и противъ этого. Но кто же изъ двухъ, по справедливости, заслуживаетъ вашего участія и снисхожденія къ своимъ слабостямъ?... Признаюсь откровенно, еслибъ мнѣ задали такой вопросъ, я бы затруднился отвѣтомъ. Жалко и бѣдной старушки... жалко и молоденькой... И случись у меня много денегъ, я бы не сталъ торговаться ни съ той, ни съ другой.

Дѣло, впрочемъ, идетъ не обо мнѣ, а объ Аннѣ Ивановнѣ. Что съ нею? спросить любопытный читатель: нажилъ ли она себя довольно денегъ? Успоковалась ли бѣдняжка наконецъ?... Гдѣ успокоится!... Смерть пришла прежде. Этимъ и оканчивается моя скучная исторія.

Для чего написана она? могутъ спросить меня. Какое намъ дѣло до того, какъ жила какая-то Анна Ивановна, какъ влюблялась и торговалась, сираничила и ворчала, какъ любезничала съ новыми жильцами и обманывала ихъ, какъ обманывала убажанныхъ и гивдалась на нихъ?... Кчему все это? Кому интересно знать мелкую жизнь какой-нибудь квартирной хозяйки, со всеми ея дразгами? Зачѣмъ писать объ этомъ?

Затѣмъ, отвѣчу я, что жизнь каждого человѣка, какъ бы она ни была мелка и ничтожна, представляетъ намъ всегда хоть небольшую частичку поученія.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

ЗАМѢТКИ ПУТЕШЕСТВУЮЩАГО ВОКРУГЪ СВѢТА.

Почтовое устройство въ Турціи. Почтовая контора и почтмейстеръ; приходъ почты и сортировка писемъ; вещи непонятны для Европейца. — Альпійскіе ледники и восхожденіе на Галенштокъ. — Китайскіе агробаты. — Итальянская и Большая Опера въ Парижѣ. — Образцовая гостиница въ американской вузѣ. — Восточный рынокъ въ столицѣ мекки. — Охота на льва. — Будущія выставки въ Мюнхенѣ. — Каталогъ Бодленовой бібліотеки. — Академія наукъ въ Санъ-Франциско.

Почтовое управленіе въ Турціи очень просто. Корреспонденція и путешественники отправляются не иначе, какъ на маленькихъ вьючныхъ лошадяхъ, которыя смѣняются по главнымъ дорогамъ на станціяхъ. Письма перекидываются въ тучкахъ черезъ лошадь, и вочту провожаетъ Татаринъ, или нѣсколько вооруженныхъ кавассовъ. Лошади идутъ, обыкновенно, шагомъ или маленькой рысцой, такъ что въ корреспонденціи между различными частями Имперіи нельзя и ожидать скорости. Письма изъ Константинополя въ большіе придунайскіе города доходятъ обыкновенно въ восемь дней, а въ Боснію и сѣверозападную Румлію—особенно зимомъ, когда дороги превращаются въ болото—корреспонденція приходитъ не рѣдше какъ на двадцатью сутки. Если же принять въ рас-

счесть, что въ Турціи еще не имѣютъ понятія о правильной раздачѣ писемъ, и что письмо зачастую валяется по нѣсколькимъ дней въ почтамтѣ, прежде чѣмъ дойдетъ по адресу; можно сказать безъ преувеличенія, что посланный письмо изъ Вадьяна, Систовы, Никополя, Рушука или Шумы, долженъ ждать по-крайней-мѣрѣ три недѣли, пока получитъ отвѣтъ отъ своего константинопольскаго пріятеля. Первый изъ этихъ городовъ лежитъ въ четырехъстахъ шестидесяти, а послѣдній — въ двухъстахъ пятидесяти англ. миляхъ отъ столицы, и странно, что такая разница въ разстояніи не дѣлаетъ почти никакой разницы во времени, употребленномъ на пересылку. Притомъ же турецкій почтамтъ беретъ на себя отправку корреспонденціи только внутри владѣній султана; поэтому, если пишутъ въ другія государства, то должны имѣть въ Константинополѣ или на границѣ агента, который бы принималъ письма и отправлялъ ихъ далѣе. Почтмейстеръ въ каждомъ городѣ наблюдаетъ не только за почтамтомъ, но и за верховными лошалями, необходимыми для курьеровъ и путешественниковъ; въ лошаляхъ, правда, нѣтъ недостатка, также какъ въ почтальонахъ, которые провожаютъ лошадей до слѣдующей стціи и приводятъ ее обратно.

Какъ ни далеко отъ совершенства такое устройство для Европейца, привыкшаго ежедневно получать письма изъ всѣхъ частей свѣта, однакожъ удовлетворяетъ потребностямъ страны, въ которой нѣтъ общахъ интересовъ, торговля почти не существуетъ и только горсть всего народонаселенія умѣетъ читать или писать. Почтамтъ помѣщается въ маленькомъ деревянномъ строеніи, одноэтажномъ или двухъэтажномъ; въ послѣднемъ случаѣ, нижній этажъ служитъ конюшней, а верхній жильемъ. Передъ дверью, ведущею въ покой, виситъ заставка, — что соблюдается въ каждомъ турецкомъ домѣ, котораго хозяинъ имѣетъ претензію на титулъ чиновнаго или богатаго человѣка. Вы отдергиваете портьеру и входите въ просторную комнату, съ стереотипнымъ вдоль всей стѣны диваномъ, на которомъ сидятъ дородный, старый, бородатый Турокъ, съ заспанными глазами, поджавъ ноги, какъ портной, и потягивая дымокъ изъ длиннаго чубука. Возлѣ дивана стоитъ нѣсколько коробочекъ, въ каждой по одному или

по два письма; посерединѣ комнаты — *монюль* (жаровня); а въ дальнемъ углу трещить камелекъ, впрочемъ это бы-
ваетъ не всегда. Отъ времени до времени въ комнату вхо-
дятъ пріятель или знакомый хозяина, снимаютъ туфли, са-
дятся по извѣстной модѣ, беретъ трубку и, пустивъ сквозь
кольца дыбку двѣ-три фразы, убирается во-своиса. По закатѣ
солнца, присутствіе кончается, камелекъ и жаровня гаснутъ,
и почтмейстеръ торопится — сколько позволяетъ ему долгопо-
лый халатъ и туфли — въ другую часть города, гдѣ его Фа-
тима процѣтаетъ въ тиши затворничества, или къ друзьямъ, у
которыхъ онъ будетъ курить до-тѣхъ-поръ, пока сонъ не про-
гонитъ его домой. Такова всегдашняя рутинна турецкаго почтамта
и обычная жизнь турецкаго почтмейстера. Наконецъ наступаетъ
день прихода почты изъ Константинополя. Лица, ожидающіа
оттуда писемъ, начинаютъ являться въ почтамтъ; чиновникъ
отвѣчаетъ, съ невозмутимымъ удовольствіемъ, что почта еще
не приходила: дороги плохи; кавассы и суруджи замѣшкались
на станціяхъ за трубкою... да развѣ не все равно, прочесть ли
письмо сегодня или завтра? Наконецъ, вдали показались поч-
товые лошади, и шагкомъ тянутся къ почтовому дому. Меж-
ду-тѣмъ молва о приходѣ почты ужъ распространилась по го-
роду. Солдаты уѣдомляютъ офицеровъ, офицеры — нашей,
наши посылаютъ нарочныхъ, френги отправляются лично, и
весь этотъ потокъ наводняетъ единственную комнату почтмей-
стера. Чиновникъ видя, что ретироваться нѣтъ никакой воз-
можности, предается своей судьбѣ, вытаскиваетъ на сцену пач-
ки писемъ, завернутыхъ въ толстѣйшую бумагу, и вскрываетъ
ихъ въ присутствіи густой толпы.

Начинается сортировка. Въ числѣ приведшихъ за письмами
по-крайней-мѣрѣ десятокъ Ахметовъ, столько же Мегметовъ,
столько же Алиевъ, и у каждаго изъ нихъ есть по дюжину
родственниковъ-тесокъ въ Имперіи. Ни у одного изъ этихъ
господъ нѣтъ фамиліи, и они различаются только цвѣтомъ
бороды, длиною носа, или какою-нибудь другою особенностью
физиономіи — косыми глазами, бородавкой, и т. п. Очень по-
вѣрно, что если два, три или четыре Ахмета и Мустафы схо-
жи какъ капли воды, то почтмейстеру очень трудно разла-
зать письма по назначенію, потому-что въ околodкѣ можетъ

оказаться сотня людей съ этими же именами, не отличающими друга от друга ни бородами, ни бровями. Прибавьте къ этому, что каждый Али, Ахметъ или Мустафа требуетъ, чтобы ему перемѣнно выдавали всѣ письма съ этими громкими адресами, и не хочется слышать, что, можетъ-быть, они принадлежатъ другому Али, Ахмету, и т. п.; даѣе, что часто приходится по дюжины связокъ, въ каждой по триста писемъ, и что ихъ не кому ни вскрывать, ни раздавать, кромѣ несчастнаго почтмейстера — и вы не удивитесь, что въ эту минуту бритая голова его идетъ кругомъ. При входѣ въ комнату, когда уже началась раздача корреспонденціи, сначала вы не замѣтите его, но продеритесь сквозь толпу и вы увидите, какъ проворно этотъ господинъ развязываетъ пакки, свалится разбирать адреса въ огромныя очки и, послѣ тщательныхъ стараній привести письма въ порядокъ, нѣмля прячетъ себя въ жалеть, другія подъ подушку дивана, и отъ безпрестаннаго шума и прилива окружающихъ, смущается до того, что уже не въ состояніи разсортировать письма по алфавитному, эвизеоническому или другому какому-нибудь тувемскому порядку. Многія письма падаютъ на полъ, и лежатъ тамъ до-тѣхъ-поръ, пока ихъ не подниметъ кто-нибудь и не доставитъ по адресу. Наконецъ, изъ густой толпы отдѣляется какой-нибудь Мустафа Алиевичъ или Мегметъ Ахметовичъ, который уже десять минутъ увѣрялъ во все горло, что письмо по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ ему, хватаетъ со стола коробку писемъ, при громкихъ одобреніяхъ присутствующихъ, и уноситъ въ уголъ комнаты, сопровождаемый толпою, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики почтмейстера, который грозитъ жаловаться на такое самовольство и самоуправство. Такъ проходятъ еще нѣсколько минутъ въ брани и сортировкѣ; наконецъ почтмейстеръ вскакиваетъ съ дивана, бросаетъ въ сторону чубукъ и, не теряя времени на то, чтобы надѣть туфли, бѣжитъ въ комнату, съ твердымъ намѣреніемъ схватить вѣднанаго за воротъ и отнять коробку. Счастливаго мгновенія для присутствующихъ! Они бросаются на письма, завладѣваютъ пакками, и уносятъ по разнымъ направленіямъ — кто на дѣйствицу, кто на дворъ, чтобы тамъ отъ чего-дѣлать разбирать и пересчитывать письма. Потомъ, когда каждый выбралъ то, что ему

дѣйствительно слѣдовало или только, просто, понравилось, лишнее бросаютъ въ корзину, для тѣхъ, которые придутъ послѣ, чтобы начать тотъ же дѣлежъ, пока почтмейстеръ не приберетъ остатки въ вѣрное мѣстечко. Иные письма, можетъ-быть, точно достались по праву собственности, но большая часть загуляла, а нѣкоторыя провалились въ половныя щели, или долго еще будутъ лежать за подушками дивана.

Между-тѣмъ суматоха утихла, и почтмейстеръ весело возвращается на цѣлую недѣлю къ любимому чубуку, и будетъ сидѣть за нимъ, смотря на кончикъ носа. Отъ времени до времени кейфъ этотъ прерывается приходомъ кого-нибудь съ письмомъ для отправки. Если это иностранецъ, не знающій турецки, то съ него требуютъ по-крайней-мѣрѣ треть лишнихъ вѣсовыхъ противу установленной таксы; разумѣется, что иностранецъ расплачивается безъ всякаго возраженія, а почтмейстеръ самодовольно улыбается себѣ въ бороду, и еще проситъ *бакшишъ*, такъ сказать «на водну». Если у путешественника есть за границею друзья, которые, можетъ-быть, нѣсколько мѣсяцевъ не слыхали о немъ и готовы заплатить какія угодно деньги за пару строчекъ, и если путешественникъ знаетъ, что судьба письма зависитъ отъ прихоти почтмейстера, то вручаетъ ему деньги, не только безпрекословно, но еще съ величайшимъ удовольствіемъ.

Разумѣется, что въ главномъ почтамтѣ, въ Константинополѣ, больше порядка, однакожъ и тамъ встрѣчаются вещи, удивительныя для Европейца; такъ напримѣръ, всѣ почтовые чиновники работаютъ на диванѣ, съ неразлучною трубкой. Причина дурнаго устройства почтъ въ Турціи заключается преимущественно въ томъ, что правительство отдаетъ письменныя почты на откупъ съ аукціона, и откупщикъ обязывается отправлять корреспонденцію. Прогоняныя деньги, правда, невелики—копѣекъ по тринадцать серебромъ съ лошади за часъ или за двѣнадцать верстъ, но вѣсовымъ за письма очень можно было бы убавить, безъ ущерба откупщикамъ. Но турецкое правительство, стараясь чтобы спекулянты охотнѣе снимали откупъ, ласкаетъ ихъ высокою цѣной за пересылку, и какъ контрактъ заключается на извѣстный срокъ, то откупщикъ, раз-

умѣется, куетъ желѣзо пока оно горячо, и для сокращенія расходовъ, исполняетъ свою обязанность съ крайнею небрежностью. Послѣдній контрактъ заключенъ на три года, изъ которыхъ два уже кончились.

— Восхожденія на альпійскіе ледники, почти всегда сопряжены съ опасностями, постоянно возбуждали вниманіе въ читателяхъ путешествій. Поэтому считаемъ не лишнимъ представить здѣсь разсказъ г. Эд. Десора, взошедшаго на вершину Галенштока, одного изъ самыхъ живописныхъ пунктовъ гористой Швейцаріи.

«Альпы бернского Оберланда, говоритъ г. Десоръ: отличаются отъ всѣхъ горъ земнаго шара особенными, только въ одномъ свойственными формами: остроугольными очертаніями и часто разорванными, угловатыми образами ихъ свидѣтельствуютъ, что горы эти возникли вслѣдствіе сильныхъ потрясеній. Напрасно искать здѣсь ровную вершину Юры или скругленные верхи Вогезскихъ Горъ, или гигантскій и, однакожь, правильный куполъ Оверна. Характеръ бернскихъ высотъ не имѣетъ подобнаго себѣ, но въ тоже время онѣ чрезвычайно живописны.

«Посѣщавшіе Оберландъ и наблюдавшіе сколько-нибудь со вниманіемъ форму его горъ, безъ сомнѣнія, замѣтили между безчисленными, смѣло брошенными вершинами гору, отличающуюся отъ всѣхъ прочихъ своею круглою формою, и похожую на великолѣпный снѣговой куполъ. Гора эта — *Галенштокъ*, которую хорошо видно съ Майенванда, и еще лучше съ вершины Зейдельгорна. Она господствуетъ надъ прекраснымъ ледникомъ Роны, на высшемъ пунктѣ цѣпи, отдѣляющей Галенъ отъ кантона Ури. Мнѣ уже давно приходило на умъ, что бы могло быть причиною такой необыкновенной формы горы, — форчы, которая нигдѣ не повторяется на протяженіи всей цѣпи; но какъ я не могъ добраться ни до какого результата, то и обратился къ опытнымъ проводникамъ съ предложеніемъ, не отважатся ли кто-нибудь изъ нихъ взойти на Галенштокъ, страшный не столько по высотѣ своей, или крутизнѣ, сколько по необыкновенной формѣ.

«Извѣстный проводникъ Яковъ Лентольдъ обратилъ мое вниманіе въ особенности на ледной скатъ, длиною тысячи въ

три фута, по которому можно взбираться по ямаче, какъ пробывая на каждомъ шагу ступени желѣзомъ. Но къ несчастію, говорилъ Лейтольдъ, въ первый теплый день вся эта лѣстница могла растаять, прежде чѣмъ мы успѣли бы воротиться, и въ такомъ случаѣ не легко было бы, спускаясь, прорубить новые уступы. Впрочемъ, смѣлый проводникъ надѣялся, что въ августѣ, когда снѣгъ окрѣпнетъ, восхожденіе на гору — еще вещь возможная. Но Лейтольдъ не могъ принять участія въ этомъ предпріятіи: онъ умеръ вскорѣ послѣ нашего совѣщанія, и исполненіе плана пріостановилось до-тѣхъ-поръ, пока нѣвѣстныя наблюденія Агассиса надъ ледниками не представили случая осуществить это почти забытое намѣреніе.

«Мы уже съ мѣсяцъ прожили на ледникѣ Аара, и бивачили въ хижинѣ, построенной Дольфусомъ-Оссé на лѣвомъ краю ледника и нѣвѣстной всѣмъ туристамъ подъ названіемъ *Дольфусова навильона*. Во все это время мы постоянно занимались наблюденіями надъ распространеніемъ ледника, надъ всѣми измѣненіями его, происходившими отъ вліянія атмосферы. На горѣ были высѣчены въ нѣсколько рядовъ ступени, по которымъ можно было ежедневно судить о перемѣнѣ мѣста; кромѣ того, на краю и концѣ ледника разставлено множество разныхъ сигналей, которые бы дополнили собою наблюденія, незадолго передъ тѣмъ сдѣланныя Агассисомъ. Работы эти возбуждали наше усердіе, и были такъ занимательны, что намъ и въ голову не приходило жаловаться на труды. Мы отложили экскурсію и восхожденіе на вершину горы до другаго времени и не думали оставлять свое мѣсто; но внезапная и сильная буря, какія иногда бываютъ въ высоко-лежащихъ долинахъ, вдругъ снесла крышу съ нашей хижины, и мы проснулись утромъ, полусхороненные подъ снѣгомъ. Оставалось ретироваться, и не безъ труда мы добрались до гримзельской гостиницы; но едва пришли туда, какъ погода опять сдѣлалась прекрасная, и за бурей, которая бушевала цѣлый день, наступилъ очаровательный тихій вечеръ. Впрочемъ, снѣгу напало столько, что мы не могли тотчасъ же опять приняться за прерванные наблюденія, и воспользовались этимъ временемъ чтобы взойти на Галенштокъ. Дольфусы, отецъ и сынъ, приняли мое предложеніе; инструменты, взятые нами, были упакованы;

хозяйникъ снабдилъ насъ пищею на дорогу, а Дольфусъ шлъ съ собою кусокъ цѣвтной матеріи, чтобы сдѣлать шль наа шль и водрузить на вершинѣ Галенштока.

«На слѣдующее утро, въ 3 часа (18 августа), мы тронулись въ путь. Общество наше состояло изъ восьми человекъ: другъ Дольфусовъ, мена и пяти проводниковъ. Оставшіеся путешественники провожали насъ изъ гостиницы съ самыми приятными напутствіями; двое изъ нихъ съ удовольствіемъ пошли бы съ нами, еслибъ ихъ не удержали молодые еувруты; впрочемъ они обѣщали остаться еще на день въ гостиницѣ, чтобы встрѣтить насъ, когда мы воротимся, и пожелааи изъ счастливаго пути.

«Въ 4 часа мы взошли на вершину Гримсела, гдѣ лежитъ Мертвое озеро. Небо было безоблачно, крии горы Розы казались будто пылали отъ сильной утренней зари, между тѣмъ какъ внутри цѣпи поднимался прозрачный паръ, который такъ прекрасно изобразила несравненная кисть Калама на картѣ «гора Роза», восхищающей посѣтителемъ нештательскаго музея.

«Вскорѣ передъ нами сталъ Галенштокъ, съ отроками и поломъ и длинными навѣсами снѣгу, болѣе чѣмъ когда-либо подстрекнувшій наше любопытство и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣніе въ успѣхѣ нашего предпріятіи. На краю одного такого навѣса мы остановились, чтобы условиться, какой выбрать путь, и, согласившись въ мнѣніяхъ, пошли лѣзть по легкому талу, который однакожъ на верхней сторонѣ роискаго ледника отъ крутъ; намъ должно было идти держась одному за друга, съ величайшею осторожностью, потому что недавно-заманшіи снѣгъ легко могъ увлечь насъ въ пропасть. Достигнувъ ледника, мы ступили на Галенштокъ, и пошли зикзакомъ къ самой низкой сторонѣ окраины. Снѣгъ до того замерзъ, что едва поддавался подъ нашими шагами. Къ 10 часамъ мы уже дошли до углубленія, которое назвали Галензаттелемъ. Высота здѣсь составляла около десяти тысячъ футовъ. Видъ съ этого пункта поразительный: съ одной стороны — массивъ цѣпи Финстераагорна съ глубокими долинами, съ другой — верхняя часть долины Реальпа, ведущая черезъ Андореттъ къ Фураѣ. У нашихъ ногъ простирались величественныя снѣжные поля, примыкающія къ роискаму леднику. Не въ состоя-

ности поразилъ наше вниманіе самъ Галенштокъ, котораго профиль мы увидѣли теперь. Трудно найти что-нибудь противуположиѣ двухъ сторонъ этой горы, которая къ ронской долинѣ представляется умѣренною отлогостью, а на востокъ, къ Реальшу, образуетъ почти вертикальную стѣну, до того скалистую и червую, что люди, не одаренные топографическимъ тактомъ, никакъ не узнали бы тутъ Галенштока. Этотъ контрастъ и объяснилъ намъ загадку. Очевидно, что окраина, на которой мы находились, непрерывно продолжалась вплоть до купола Галенштока, между-тѣмъ какъ другая, параллельная ей, но невысокая и видная только на нѣкоторыхъ пунктахъ, простиралась подъ снѣговой кровлей. Пространство между обѣими окраинами составляетъ, такъ сказать, хранилище для снѣгу, который накаплиется здѣсь въ огромной массѣ и, совершенно наполнивъ собою вмѣстилище и покрывъ скалы, придаетъ горѣ, если смотрѣть на нее издали, видъ купола. Говоря орографически, въ строеніи Галенштока нѣтъ ничего необыкновеннаго; массы, какъ и окружающая его вершина, состоятъ изъ выдающихся окраинъ, и правильные и округленные очерки его съ ронской стороны суть только результатъ этого огромнаго накопленія снѣгу.

«Достигнувъ такимъ-образомъ главной цѣли нашей экскурсіи, мы, кажется, могли бы остановиться. На день былъ прекрасный, вершина горы смотрѣла на насъ такъ близко! Намъ хотѣлось измѣрить ея высоту по состоянію барометра и водрузить на ней знамя....

«Въ 11 часовъ мы пошли къ высочайшему пункту, и достигли отлогатаго ската, которой велъ вдоль покатости; при этомъ мы постоянно шли въ извѣстномъ отдаленіи отъ края, потому что замѣтили еще прежде, что на главной окраинѣ снѣгъ во многихъ мѣстахъ казался повисшимъ черезъ гору. Восхожденіе на вершину было очень легко, и веселое общество наше походило скорѣе на школьниконъ, нежели на естествоиспытателей, поднявшихъ еще на дѣвственную гору, покрытую снѣгомъ.

«Я далъ Дольфусу младшему ступить первому на вершину и водрузить знамя тамъ, гдѣ еще на разу не оставяла слѣда человѣческая нога. Это было торжественное мгновеніе, и для

него, и для всѣхъ насъ, не только потому, что мы взошли на гору, доселѣ считавшуюся неприступною — съ нашей стороны тутъ еще не было особенной заслуги — но скорѣе оттого, что передъ нашими глазами развернулась великолѣпная панорама. Стоя на такомъ высокомъ пунктѣ, чувствуешь себя какъ-будто ослѣпленнымъ и не ищешь никакой другой награды за труды и опасности, которымъ подвергалъ себя. Впечатлѣніе, производимое цѣлью Альповъ, разсматриваемыхъ съ этой высоты — неизобразимо.

«Впрочемъ, съ художнической точки зрѣнія, должно замѣтить, что прелесть этихъ горъ заключается скорѣе въ деталяхъ ландшафта, столь близкихъ глазамъ; нежели въ протяженіи панорамы. Видъ величаваго хаоса остроугольных очертаній вершинъ рядомъ съ обрывами, глубокими долинами, разорванными цѣпями горъ, потомъ утесами, которымъ встаютъ въ вѣнѣ облаковъ изъ безпредѣльныхъ сѣтловыхъ равнинъ, и проч. — чисто волшебный! Самый опытный глазъ напрасно сталъ бы искать здѣсь первобытнаго сцѣпленія предметовъ. Противуположности свѣта и тѣней еще болѣе усмиваютъ впечатлѣніе. Глубокія разсѣлины долины Аара и другихъ, не столь печальныхъ, гдѣ рѣка Рона вытекаетъ изъ ледниковъ; нѣсколько далѣе — гигантскіе Альпы съ крутыми боками и треснувшими вершинами — все это напоминало намъ прекраснѣйшія минуты нашей альпійской жизни; между прочимъ, Штрекгорнъ, на вершинѣ котораго мы еще замѣтили шесты, служившіе въ 1842 году древками флагамъ, которые повѣсилъ я съ моимъ другомъ Эшеромъ; и еще подальше, вправо, три верхушки Веттергорна, гдѣ мы были за годъ вѣрелъ тѣмъ и гдѣ на одной — названной Розенгорномъ — еще были видны слѣды нашего восхожденія. Впрочемъ, мы постоянно брали съ собой однихъ и тѣхъ же проводниковъ, и легко могли перечислить всѣ приключенія своей скитальческой жизни — отъ восхожденія на Юнгфрау до восхожденія на Галенштокъ. Оградилъ воспоминанія!

Мы пробывши съ часъ времени на вершинѣ и сдѣлавъ нѣсколько наблюденій. Состояніе барометра было 0m, 488. Термометръ колебался между 0 и — 2° C. Въ тихую погоду температура эта была бы очень спосна, но при сильномъ вѣтрѣ и

порядкомъ прозябли, такъ что рѣшительно не могли рисовать, и напрасно старались зажечь лампу, которою должны были пользоваться при дальнѣйшихъ своихъ наблюденіяхъ. Поэтому, разсудили мы воротиться и поспѣшили въ гостиницу, доказать ожидавшимъ насъ, что взобраться на такую неприступную гору, какою считали они Голенштокъ — еще далеко не геройскій подвигъ.

«Было около часу, когда мы пустились въ обратный путь. Снѣгъ на солнечной сторонѣ покатостей слѣдался такъ мягокъ, что мы вязнули въ немъ по лодыжку. На другой сторонѣ дорога была не довольно поката, чтобы скатиться по ней, и намъ оставалось — по словамъ проводниковъ — «взять лошадей вмѣсто саней»: такъ выражаются проводники, когда берутъ они туристовъ за ноги и сбѣгаютъ съ ними съ горъ.

«Достигнувъ того мѣста, гдѣ, казалось намъ, снѣгъ ровно перевисъ черезъ скалы, мы старались идти по своимъ слѣдамъ, и держаться того самаго пути, по которому поднимались утромъ. Общество наше слѣдовало гуськомъ, и проводникъ Жанъ былъ колонновожатымъ. Мы уже радовались счастливому концу своей экскурсіи и удивленію, которое возбуждитъ въ туристахъ и оберландскихъ проводникахъ знамя, водруженное нами на вершинѣ неприступнаго Галенштока, какъ вдругъ, вижу, передо мной образовалась въ горѣ трещина и раздвинулась въ длину съ быстротою молніи. Гора разверзлась, и вся верхняя поверхность снѣга рухнула съ ужаснымъ шумомъ въ бездну.... Никогда не забуду этой драмы, хоть она продолжалась всего нѣсколько мгновеній! Трещина, задѣвшая мою лѣвую ногу, скользнула подъ ноги проводнику; онъ тотчасъ бросился въ сторону, чтобы устоять тверже. Ни малѣйшаго крику, ни одного слова не раздалось во время этой сцены.. Но когда я обернулся, чтобы спросить своихъ спутниковъ, то увидѣлъ только испуганныя лица... Одного изъ насъ неоставало; въ двухъ шагахъ отъ меня висѣла черезъ обрывъ палка; тотъ, кому она принадлежала, обрушился вмѣстѣ съ горою. Дольфусъ отецъ, немного отставшій отъ насъ, сначала не понялъ причины общаго безпокойства, уговаривалъ насъ идти осторожнѣе, и только теперь замѣтилъ, что изъ нашего общества убылъ одинъ товарищъ: его сынъ! Но въ минуту этого от-

крыла, цѣсь схватилъ густой снѣжной вихрь, облако изъ мельчайшей снѣжной пыли. Трудно сказать, что чувствовали мы въ такомъ положеніи. Каждую секунду мы ждали, что, послѣ первой трещины, образуются въ горѣ другія и увлекутъ насъ въ пропасть... Мало-по-малу, однакожъ, снѣжный вихрь прорднилъ, такъ что мы начали различать смутные очерки. Трещинъ болѣе не показывалось, и въ насъ блеснула лучъ надежды. Я воротился къ краю пропасти, легъ на снѣгъ, впереди обвязавъ себя, для предосторожности, поясомъ, чтобы проводникъ могъ удержать меня въ случаѣ, если и эти глыба снѣгу обрушится. Невозможно изобразить, съ какимъ печальнымъ страхомъ старикъ Дольфусъ смотрѣлъ на всѣ мои движенія и спрашивалъ, не вижу ли я какихъ-нибудь слѣдовъ его сына. Сначала я видѣлъ только огромную массу снѣга, которая двигалась подо мной въ глубинѣ болѣе тысячи футовъ. Глыба эта оборвалась, и каталась въ долину Горшена, по-ту сторону Реальпа. Черезъ нѣсколько секундъ, однакожъ, между обдаками снѣжной пыли, почти вертикально подо мной, показался мнѣ какой-то черный предметъ, лежавшій на пути, по которому падала лавина. Не Дольфусъ ли это? Но я не могъ вѣрить своимъ глазамъ и опредѣлительно отвѣчать на вопросы проводника. Вскорѣ, однакожъ, сомнѣніе разсѣялось: я узналъ шляпу своего друга. Теперь представился другой вопросъ: умеръ онъ или живъ? — и какъ ни хотѣлось мнѣ успокоить родительское сердце отрадною вѣстью, я не рѣшился думать, чтобы эта масса снѣгу не раздавила несчастнаго, если онъ еще не убитъ во время паденья. Но неспостижимо было, какимъ-образомъ, вмѣстѣ того чтобы улетѣть вмѣстѣ съ лавиной, онъ остался такъ близко отъ края — всего въ какихъ-нибудь семидесяти футахъ подъ нами. Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно что-то зашевелилось...

«Онъ не умеръ!»

«Можно повяте впечатлѣніе, произведенное этимъ открытіемъ. Едва вскричалъ я: «онъ живъ!» — какъ Веренъ, любимый проводникъ Дольфуса, бросился съ вершины ската. Мы закричали отъ ужаса, но къ счастью смѣльчакъ упалъ на снѣговую лавину въ тридцати футахъ отъ вершины, и какъ снѣгъ былъ рыхлый, то онъ завая въ немъ, такъ-что только съ трудомъ

и послѣ долгаго времени могъ выбраться изъ сугроба. Между тѣмъ и молодой Дольфусъ началъ мало-по-малу приходить въ себя послѣ оцѣпенѣнія, причиненнаго паденіемъ, осматривался во всѣ стороны, и когда замѣтилъ меня, то естественно, прежде всего подумалъ объ отцѣ. Увѣреніе, что отецъ живъ и что ни съ кѣмъ изъ насъ не случилось несчастія, ободрило молодаго Дольфуса. Онъ попытался встать, и тутъ-то замѣтилъ, что повредилъ себѣ правое плечо и не можетъ имъ владѣть. Переломилъ онъ руку или только вывихнулъ — онъ и самъ не зналъ хорошенько, но кричалъ намъ, что это не бѣда, если только всѣ цѣлы. Но какъ Дольфусъ удержался въ своемъ паденіи? Вмѣсто того, чтобъ отыскивать причины, скажемъ лучше, что его спасла благодать Провидѣнія.

«Теперь оставалось важная задача: придумать, какимъ бы средствомъ вывести Дольфуса изъ безпомощнаго положенія. Во всякомъ случаѣ мы рѣшились не сходить съ мѣста, пока не спасемъ товарища. Къ сожалѣнію, проводники наши, привыкшіе къ опасностямъ, теперь совершенно сбились съ толку. Спускаться по слѣдамъ лавины не было возможности. Дольфусъ былъ непремѣнно унесенъ этою глыбой, но между нимъ и нами стояла вертикальная стѣна, вышиною въ тридцать футовъ, а потомъ шла крутая покатость, футовъ около сорока — всего семьдесятъ футовъ разстоянія.

«Тогда одинъ изъ проводниковъ былъ спущенъ по канату на тридцать футовъ, до того мѣста, гдѣ находился его товарищъ Верепъ, помогъ ему выкоробаться изъ снѣгу, и они начали спускаться вавосемъ еще на сорокъ футовъ: фокусъ этотъ, на который способны и рѣшаются только самые ловкіе охотники на сернь, состоитъ въ томъ, чтобы попадать ногою именно на то мѣсто, гдѣ снѣгъ можетъ выдержать тяжесть человѣческаго тѣла.

«Такъ добрались они наконецъ до Дольфуса, отрыли его изъ лавины, и тутъ съ сожалѣніемъ увидѣли, что онъ не могъ владѣть не только плечомъ, но и ногою. Могъ ли человѣкъ въ такомъ состояніи взбираться по скату, который въ иныхъ мѣстахъ возвышался на семьдесятъ футовъ? Идти назадъ было невозможно, идти наверхъ нѣсколько легче. Но два молодца работали такъ искусно, что имъ удалось донести Дольфуса на

вершину противоположной покатости. Здѣсь они обвязали его веревкой, и мы встали на него наверхъ, стараясь, чтобы она скользила, какъ по блоку, по палкѣ, которую парочно для этого положили на краю обрыва. Тѣмъ же порядкомъ были вытасканы и оба проводника.

«Много прошло длинныхъ и печальныхъ часовъ, пока наконецъ мы отыскали того, кого считали погибшимъ. Между-тѣмъ солнце уже замѣтно закатилось за Ааргорнъ. Старикъ Дольеуст освидѣтельствовалъ сына, и нашелъ, что онъ не только не переломилъ руки, но и ногу свихнулъ очень легко. Хотѣли было послать за ближайшимъ лекаремъ, но больной просилъ чтобы не беспокоились, и проводники посадили его на носилки и повесили на плечахъ до Галлензаттеля. Здѣсь мы подкрѣплялись пищею, и только теперь совершенно увѣрились въ своей безопасности.

«Многимъ читателямъ покажется, можетъ-быть, странно и даже смѣшно, если я скажу, что, по минованіи опасности, мы, твердые мужчины плакали какъ дѣти....»

— Послѣдніе смуты въ Китаѣ, кажется, поселяли въ дѣтихъ Средней Имперіи страсть къ путешествіямъ. Говорятъ, что многочисленное семейство Китайцевъ собирается пріѣхать въ Парижъ на постоянное жительство и, вѣроятно, послужить зерномъ китайской колоніи. Такимъ-образомъ, въ Парижѣ прибавится къ англійскому, итальянскому, испанскому, нѣмецкому и другимъ кварталамъ, новый—китайскій. Но въ ожиданіи, пока столица Франціи дойдетъ до этого совершенства, сюда прибыли, на первый разъ, двѣ труппы китайскихъ фигларовъ, которые превзошли своимъ искусствомъ все, что было видано доселѣ. Труппы эти играютъ поочередно каждый вечеръ на театрѣ Сен-мартенскихъ Воротахъ. Въ главѣ ихъ стоитъ карликъ, ростомъ въ аршинъ, двадцати-девяти лѣтъ отъ роду. Онъ носитъ жиденькія бакенбарды, подстриженныя по-китайски; голова у него, разумѣется, выбрита какъ зеркало, и аффиша гласитъ, что родители держали его двѣнадцать лѣтъ въ горшкѣ, пока естественное растяженіе тѣла не разбило глиняную или фарфоровую оболочку. Этотъ маленькій мандаринъ, называемый *карликомъ съ береговъ Жемчужной рѣки*, управляетъ труппою изъ девяти фигларовъ, изъ которыхъ большія

часть народъ рослый и сильный. Послѣ поднятія занавѣса, малевскій дѣрижеръ выступаетъ съ девятью подчиненными ему артистами, дѣлаетъ поклонъ публикѣ, и начинается комическая сцена. Карликъ садится на высокій стулъ посреди сцены; соотечественники начинаютъ раскланиваться ему, работая руками и ногами, то становятся на колѣни, то падаютъ ничкомъ, и произносятъ при этомъ какіе-то отрывистые звуки, — вѣроятно, на-китайскомъ языкѣ. Церемонія эта продолжается минутъ пять; потомъ общество удаляется, и артисты выступаютъ на сцену по-одиначкѣ. Увы! европейскіе наши фокусники не изобрѣли ничего новаго! У Китайцевъ тоже есть свой клоунъ, мальчикъ лѣтъ дѣвятинадцати, съ быстрыми, живыми глазами — на сколько могутъ быть быстры узбекскіе китайскіе глазки — который не только пріятный острякъ, хоть зрителя не совсемъ-то понимаютъ его китайскихъ каламбуровъ, но и чрезвычайно ловкій гаеръ. Непостижимо, съ какою ловкостью онъ перекидываетъ по два и по три шара: это не руки, а магниты, за которыми шары слѣдятъ по всѣмъ направленіямъ, и падаютъ сверху на раскрытую ладонь, какъ пуля въ песокъ. Также ловко артистъ этотъ кувыркается съ дюжиной тарелокъ въ рукахъ, подъ мышками, во рту, между колѣнъ — и потомъ показываетъ зрителямъ всѣ тарелки совершенно цѣлыя, безъ малѣйшей трещинки. Товарищъ его, Ар-Коу, здоровый мужчина, съ огромной косою, перекидываетъ ее черезъ шесть, горизонтально поддерживаемый съ обѣихъ концовъ двумя Китайцами, и потомъ поднимается и опускается по собственной косѣ, какъ водяная ищерица въ фонтанѣ. Конгъ - Монгъ прикрѣпляетъ нѣсколько просверленныхъ китайскихъ и вѣтъ къ концу соломинки, которая, разумѣется, при этомъ не можетъ держаться вертикально, и гнется; однакожъ Китаецъ умѣетъ придать соломинкѣ твердость, и сдѣлавъ свой фокусъ - покусъ, ставитъ соломинку себѣ на носъ, потомъ разрываетъ ее вдоль въ присутствіи зрителей, чтобы показать, что въ стеблѣ не продѣто цѣлковой проволоки, и опять ставитъ ее на носъ, и держитъ разорванную въ вертикальномъ положеніи. Но прыжки и кувырканья этого Китайца превосходятъ всякое вѣроятіе. Въ Наполеоновомъ циркѣ также есть искусные акробаты, изъ которыхъ одинъ, хоть не Китаецъ, становится го-

ловомъ на шесть, и въ этомъ положеніи вертится около своей оси, безъ всякой помощи рукъ; другой берется руками за шесть и нѣсколько разъ перекидывается черезъ него всѣмъ тѣломъ, такъ что оно описываетъ кругъ, центръ котораго палка. Но Китайцы еще ловче. Одинъ скачетъ на плечи другому — разумѣется, безъ помощи рукъ — и этого толчка довольно, чтобы они перекувырнулись назадъ и покатались колесомъ. Но всѣ эти фокусы блѣднѣютъ передъ англійскимъ Вильгельмомъ Теллемъ. На сцену вертикально ставятъ доску, длинной, ширинной и формой похожую на тѣ, какія употребляются для глаженья бѣлья; одинъ изъ артистовъ прислоняется къ ней спиною, и Гонгъ-Монгъ, на разстояніи восьми или десяти шаговъ отъ доски, бросаетъ въ нее столовые ножи, которые всѣ пролетаютъ какъ разъ возлѣ колѣнъ, шеи, плечъ и головы живой мишени и попадаютъ доску, не задѣвъ за тѣло; потомъ Китаецъ протягиваетъ по доскѣ руку, и пять ножей пролетаютъ между пальцами. Все это дѣлается такъ спокойно и съ такою увѣренностью съ обѣихъ сторонъ, что публикѣ вовсе не страшно за актеровъ. Вѣроятно, вскорѣ найдется какой-нибудь праздный искатель сильныхъ ощущеній, въ родѣ Англичанина, который путешествовалъ за звѣрищемъ Амбурга, и будетъ присутствовать при всѣхъ представленіяхъ китайской труппы, въ надеждѣ, что когда-нибудь Гонгъ-Монгъ промахнется и ранитъ ножемъ своего товарища.

Въ Гипподромѣ выдѣлываетъ такія же штуки другое общество Китайцевъ; но съ прошлаго года, когда Гипподромъ вздумалъ мистифировать публику бумажными львами вмѣсто живыхъ, публикѣ кажется, что нынѣшніе Китайцы сдѣлавы изъ папье-маше, и оттого она неохотно посѣщаетъ здѣшнія представленія. Въ Наполеоновомъ циркѣ тоже есть экзотическіе артисты — два молодые слона, которые ходятъ на заднихъ лапахъ, какъ ученые собаки, кувыркаются, танцуютъ, словомъ, продолжаютъ восхищать своею эластическою ловкостью, о которой, если вспомните, уже говорено въ «Замѣткахъ путешественнаго вокругъ свѣта», въ апрѣльской книжкѣ.

На прочихъ парижскихъ театрахъ нѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго въ настоящую минуту. Итальянская опера опустила занавѣсъ 13 мая. Говорятъ, что директоръ нажилъ въ

ныѣшній сезонъ сто-тысячь франковъ, хотя въ театрѣ зачастую было много пустыхъ мѣстъ. Впрочемъ, пока директоръ итальянской оперы въ Парижѣ принужденъ будетъ платить артистамъ огромныя суммы, напримѣръ по двѣ тысячи фр: за вечеръ госпожѣ Альбони, шестдесятъ-тысячь за сезонъ Фреэццоллини, по-крайней-мѣрѣ по столько же Маріо и Гордони; — ни одна дирекція не удержится. Тѣмъ не менѣе, однакожъ; уже заключено нѣсколько ангажментовъ на слѣдующій сезонъ: Фреэццоллини, забывшая свой голосъ въ Италіи, остается и на будущую зиму; еще ангажированы Бозіо, пѣвица Большой-Оперы, и Испанка Гассье, которая очень нравилась у себя на родинѣ и въ Марсели; о пѣвцахъ еще ничего неизвѣстно. Финансы Большой-Оперы идутъ все хуже и хуже; недочетъ — въ восемьсотъ-тысячь франковъ! Не смотря на то, что дирекція ежегодно получаетъ въ пособіе отъ правительства шестьсотъ-тысячь франковъ, въ прошломъ мѣсяцѣ не могла выдать жалованья восьми артистамъ; по этой причинѣ, мадамъ Бозіо-оставила сцену, а Крувелли не соглашась пѣть до тѣхъ-поръ, пока правительство не обязалось выплатить ей пятьдесятъ-тысячь франковъ будущей зимою. Нынѣшнему директору охотнѣе дали бы отставку, но едва ли кто хочетъ замѣнить его, а потому онъ оставленъ на прежнемъ основаніи. Рассказываютъ, что предполагаемая выставка и новая опера Мейербергера *Африканка* поправятъ дѣла театра въ будущемъ году; но еще воупросъ, поставитъ ли Мейербергъ свое произведеніе. Говорятъ, что на слѣдующій сезонъ будетъ ангажированъ первый современннй нѣмецкій бассъ, Форшесъ, который, недавно проѣзжая черезъ Лондонъ, пѣлъ съ блистательнымъ успѣхомъ на одномъ вечерѣ.

— Мѣсяца три тому, въ Парижѣ заговорили объ американскихъ гостинницахъ, которыя, по своему устройству и порядку, представляютъ всѣ удобства для путешественниковъ, и уже хотѣли основать общество на акціяхъ, чтобы доставить пріѣзжающимъ въ столицу Франціи возможность жить со всѣми удобствами, не бросая огромныхъ денегъ. Но проектъ этотъ не состоялся по неимѣнію капиталовъ. Теперь, кажется, явились охотники учредить гостинницу въ американскомъ вкусѣ, и газета *Illustration*, принимающая въ этомъ дѣлѣ ревностное

участіе, представляетъ описаніе гостиницы, которая послужитъ образцомъ для парижскаго каравансарая.

Гостиница эта находится посреди великой артеріи Нью-Йорка, называемой Бредвай, на углу улицъ Мерсеръ и Сприагъ, въ самой многолюдной части главнаго города Союза, и занимаетъ поверхность въ *шесть тысячъ квадр. метровъ*.

Архитекторъ построилъ три фасада, въ благородномъ и строгомъ стилѣ, подходящемъ къ коринтскому ордену. Главный фасадъ по улицѣ Бредвай, длиною въ двѣсти семьдесятъ пять футовъ, высѣченъ изъ бѣлаго мрамора, который иссѣтися, какъ-будто насыпанный драгоценными камнями: это уже свойство американскаго мрамора, и если онъ негодится для скульптора, то какъ нельзя лучше можетъ быть употребленъ для архитектурныхъ потребностей. Эта поразительная масса мрамора представляетъ великолѣпный видъ, на которомъ пріятно отдыхаютъ глаза послѣ однообразнаго колорита домовъ, построенныхъ во вкусѣ Людовика XIII, изъ порфироваго камня и краснаго кирпича, каковы почти всѣ частныя дома въ Нью-Йоркѣ. Два другіе фасада — изъ плитняка, и длиннѣйшій изъ нихъ, по улицѣ Мерсеръ, имѣетъ двѣсти семьдесятъ пять футовъ.

Главный входъ въ гостиницу находится по серединѣ фасада съ улицы Бредвай; кромѣ того есть еще четыре подъѣзды, и два изъ изъ нихъ назначены исключительно для дамъ, живущихъ въ гостиницѣ, для ихъ семействъ и посѣтителей. Другія двое дверей отворяются только для прислуги и торговцевъ; во въ случаѣ пожара, онѣ могутъ служить выходомъ для служащихъ при гостиницѣ.

Зданіе въ пять этажей, не считая подвального. Средняя вышина каждаго этажа отъ пяти до трехъ метровъ.

Войдемъ въ гостиницу главною дверью, съ улицы Бредвай, и послѣдуемъ за проводникомъ.

Сначала — стѣны, въ двѣсти футовъ длиною: стѣны оштукатурены въ итальянскомъ вкусѣ; полъ выложенъ мозаикой изъ разноцвѣтнаго мрамора. Направо — зала, назначенная исключительно для мужчинъ, и возлѣ нея кабинетъ для чтенія, въ которомъ разложены на столахъ и купитрахъ всѣ журналы Соединенныхъ-Штатовъ и европейскіе; потомъ — по-

чтовая контора, при которой состоитъ особое служащее лицо; далѣе — контора гостинницы, то-есть комната ея хозяевъ: въ этомъ центральномъ пунктѣ сходятся всѣ приказанія путешественниковъ, остановившихся въ гостинницѣ, и здѣсь распределяются различныя обязанности прислуги. Здѣсь, по обѣимъ стѣнамъ комнаты сидятъ на скамейкахъ лакеи, готовые, при малѣйшемъ звукѣ колокольчика, бѣжать къ каждому изъ гостей (*boarders*), кому они нужны. Здѣсь также находится лѣстъ, на которомъ каждый изъ прїѣзжающихъ записываетъ свое имя. Здѣсь также вы увидите замысловато-придуманную доску, на которой написаны, на мѣдномъ подвижномъ кружкѣ, номера всѣхъ комнатъ гостинницы, соединенные желѣзною проволокой съ ручкой, которая виситъ у камня въ каждой комнатѣ и, будучи тронута постояльцемъ, передаетъ посредствомъ электричества, въ контору извѣстїа, что гостю нуженъ слуга — и требованіе это исполняется въ ту же минуту. На стѣнахъ конторы развѣшены безчисленные адреса, аффиши, необходимыя для каждого путешественника свѣдѣнія — объ отправленїи пароходовъ, желѣзныхъ дорогахъ, diligencсахъ, и другихъ способахъ локомоціи.

Теперь войдемъ въ большую залу, назначенную исключительно для прїѣзжихъ мужчинъ и ихъ посѣтителей. Возлѣ нея комната для куренья; стѣны расписаны фресковою живописью и украшены огромными зеркалами въ золотыхъ рамахъ. Вдоль одной изъ стѣнъ тавится громадный буфетъ изъ рѣзнаго дерева, выложенный бѣлымъ мраморомъ, гдѣ вы можете получить все, что вамъ угодно — шері, клереть (бургонское), портвейнъ, шампанское, ковьакъ, пиво, эль, портеръ, всевозможные ликеры, и знаменитые американскіе напитки — *sher-gu-cobblers*, *mint juleps*, *brandy cock-tails*, и проч.

Въ одномъ углу этой комнаты, хозяева гостинницы учредили электрическій телеграфъ, имѣющій сообщеніе со всѣми городами Соединенныхъ-Штатовъ, такъ-что путешественникъ можетъ въ самое короткое время послать депешу и получить отвѣтъ. Такъ напримѣръ негодіантъ изъ Нового-Орлеана можетъ отдать приказъ своему корреспонденту закупить нѣсколько тысячъ тюковъ хлопчатой бумаги, по такой-то

нѣ — и черезъ двадцать минутъ получить отвѣтъ, исполнено ли сего приказаніе.

Полы во всѣхъ покояхъ подвального этажа выложены мраморомъ, и зимою нагрѣваются множествомъ теплопроводныхъ трубъ.

Поднимаемся въ первый этажъ.

У площадки великолѣпной гѣстивницы начинаются корридоры; главный изъ нихъ имѣетъ въ длину полтораста футовъ. Направо — двѣ столовыя; въ каждой можетъ помѣститься до трехъ сотъ человѣкъ. Все здѣсь исполняется съ удивительнымъ порядкомъ. Столъ накрытъ, кувертъ подается въ одно мгновеніе, и, вмѣсто блюдъ и канфорокъ, на скатерти видны только цвѣты, плоды и свѣчи. Прислуживаютъ совершенно по-русски: передъ каждымъ гостемъ лежитъ обѣденная картя; напечатанная на веленовой бумагѣ, остается только выбрать любимыя блюда — и они являются по первому требованію, безъ малѣйшаго шума, и разговоръ обѣдающихъ не прерывается топотомъ бѣгающей прислуги, потому-что вся комната устлана коврами. Чтобы показать разнообразіе блюдъ, возьмемъ, въ выдержку, карту 27 апрѣля — и читатели будутъ въ состояніи судить по ней о богатствѣ американской кухни.

Супы. — Зеленая черпаха, тапиока, вермишель.

Рыба. — Лососина съ каперсами, осетрина съ голландскимъ соусомъ.

Первыя кушанья. — Филей изъ дичи съ соусомъ Robert, пирожки съ бульономъ, воль-о-ванъ изъ телятины съ рисомъ, итальянскія макароны, свиныя ноги, начиненныя фисташками, медвѣжій филей жареный на вертелѣ, цыплята à la маренго.

Жаркое. — Ростбифъ, баранина, каплуны, филадельфійская пулярда, фазаны, дикія утки.

Зелень. — Картофель вареный и тертый, сахарный горохъ, брюссельская капуста à la geine, бѣлые бобы сое, картошки съ бульономъ.

Салатъ. — Селлерей и свекла, латукъ и яйца.

Пирожное. — Шарлоттъ по-русски, кайпотъ изъ грушъ, кампотъ изъ абанасовъ, яичница суфлѣ.

Десертъ. — Груши, яблоки, миндаль; орѣхи, вишныя ягоды, наломъ, честеръ, гриеръ.

Мороженое лимонное и ванильное.

Кромѣ того, на столѣ разставлены огурчики, зеленыя оливки, анчоусовое масло, красная капуста въ укусѣ, и проч. и проч.

Прислуга одѣта однообразно, но не въ ливреѣ: фракъ, жилетъ и панталоны чернаго цвѣта, и бѣлыя бумажныя перчатки, перемѣняемыя по нѣскольку разъ въ день.

Надѣво отъ столовыхъ—двѣ залы, гдѣ пьютъ чай, и потомъ четыре большія гостинныя для дамъ, и другіе покои, расположенные такъ, чтобы въ нихъ могли помѣщаться цѣлыя семейства. Всѣ покои меблированы изящно и богато, мебель обита лѣонскимъ шелкомъ, на полу пушистыя ковры, бархатныя и штофныя диваны и стулья, и позолота, сверкающая при газовомъ освѣщеніи. Есть покои, въ которыхъ берется за сутки только *десяти долларовъ* (около 250 р. сер.) Легко сказать!

Второй и третій этажи расположены также для семействъ, то-есть что около гостиной и столовой группируются комнаты для мужа, жены и дѣтей. Въ четвертомъ и пятомъ этажахъ помѣщается общая спальня для мужчинъ, то-есть рядъ номеровъ, состоящихъ изъ алькова и маленькой гостиной. Корридоры, покои и комнаты освѣжаются вентиляторами и освѣщены газомъ.

Всѣхъ спаленъ до *восемисотъ*, но можно дать ночлегъ и *тысячь* человѣкъ.

При каждой отдѣльной квартирѣ есть особая ванна и прочія принадлежности, устроенныя по-англійски. Кромѣ того, въ каждомъ этажѣ есть общая ванна. Возлѣ каждого туалетнаго стола находятса два крана, одинъ для горячей воды, другой для холодной, которая поднимается въ верхній этажъ посредствомъ трехъ паровыхъ машинъ, безпрестанно дѣйствующихъ въ подвальномъ этажѣ. Свинцовыя трубы этихъ проводниковъ вѣсятъ сто-двадцать-пять тысячъ фунтовъ!

Вся гостинница освѣщена газомъ, приготовляемымъ рядомъ съ нею въ особомъ заведеніи, устроенномъ собственно для нея. Всѣхъ рожковъ до трехъ тысячъ.

Въ зимнее время, гостинница нагрѣвается паромъ, который расходуется посредствомъ чугуновыхъ проводниковъ.

Теперь зайдѣмъ въ прачешную, главнѣйшую примѣчательность гостиницы. Все бѣлье этого огромнаго каравансера мостя и гладится дома, но первый процессъ исполняется не женщинами, а паровою машиной, которая, подъ надзоромъ двохъ мужчинъ, стираетъ и полощетъ до шести тысячъ штукъ въ сутки. Грязное бѣлье приѣзжаго, сданное въ прачешную, возвращается къ нему черезъ полчаса бѣлымъ какъ снѣгъ, и при такомъ быстромъ превращеніи оно нисколько не страдаетъ отъ вальковъ, которыми разбивали бы его во Франціи.

Кухня раздѣляется на нѣсколько частей: одна для — завтраковъ — находится возлѣ самой столовой, то-есть въ первомъ этажѣ. Большая кухня устроена въ подвальномъ этажѣ. Варятъ, обыкновенно, паромъ; но рагу и жаркое приготавлиются на угольяхъ. Хлѣбъ, пирожное и всѣ роды печеній дѣлаются дома.

Мы уже сказали о богатствѣ меблировки; прибавимъ только, что во всемъ домѣ, отъ перваго этажа до пятаго, ноги ходятъ по коврамъ. Даже корридоры устланы коврами.

На меблировку гостиницы истрачено полтора миліона франковъ.

Цѣна за полныя квартиры измѣняется, смотря по этажамъ и расположенію комнатъ, отъ десяти до пятидесяти франковъ въ сутки, считая въ этой суммѣ за ванну, освѣщеніе и прислугу. За кушанье берется по 7 фр. 50 сант. съ человѣка.

Если путешественникъ занимаетъ только одну комнату, въ какомъ бы этажѣ ни была она (приѣхавшіе ранѣе, разумѣется, получаютъ лучшіе нумера), то платитъ за квартиру, кушанье, отопленіе и газовое освѣщеніе только двѣнадцать съ половиною франковъ въ сутки.

При гостиницѣ состоятъ двѣсти тридцать человѣкъ прислуги, по лѣтомъ къ нимъ прибавляется еще сто человѣкъ. Ежедневный расходъ на содержаніе гостиницы простирается до шести тысячъ франковъ въ сутки. Въ ней живутъ, среднимъ числомъ, отъ пяти до шестисотъ человѣкъ; лѣтомъ же число доходитъ до восьмисотъ.

По фасладу улицы Мерсеръ находятся конюшни, въ которыхъ могутъ помѣститься полтора ста лошадей в сорокъ экипажей.

Земля, на которой построена эта огромная гостиница, стоила два миллиона долларовъ; постройка дома обошлась во столько же, такъ-что на это образцовое помѣщеніе для путешественниковъ четыре владѣльца его издержали около двадцати, а съ внутреннею отдѣлкой — до двадцати-двухъ миллионовъ франковъ.

— Тампль, какъ Биржа, совершенно особый міръ въ парижскомъ мірѣ — съ своими нравами, языкомъ, постоянными посѣтителями, съ своею исторіей, своими почитателями и врагами. Рынокъ этотъ — послѣднее прибрѣжище бѣдняка, утѣшеніе нуждающихся. Знаменитость его — европейская, которой завидуютъ Ліонъ, Марсель, Руанъ и другіе большіе города Франціи. Спросите у кого угодно, гдѣ Тампль — у лавочника, у прохожаго, у перваго уличнаго мальчишки — и вамъ каждый укажетъ путь къ этому базару лохмотьевъ, каравансараю стоптанныхъ сапоговъ, старыхъ шляпъ и свѣжихъ лентъ, жилищу хитрости, честности, богатства, обмана, нищеты, ловкости, скопившихся подъ почернѣвшимъ сараемъ, котораго четыре фасада смотрятъ на ротонду и улицу Тампль, и улицы Персе и Дюпти-Туаръ.

Различныя отдѣленія Тампля, прорѣзанныя множествомъ переулковъ для проходящихъ, содержатъ въ себѣ тысячу восемьсотъ восемьдесятъ восемь мѣстъ, между которыми девятьсотъ — большихъ. *Черный лѣсъ* (La forêt Noire) — одно изъ четырехъ главныхъ отдѣленій рынка.

Въ прежнее время, торговецъ могъ забирать сколько угодно мѣстъ, но теперь дается не болѣе двухъ. Участки эти отдаются въ наемъ по тридцати-три су за недѣлю (около 45 к. сер.), изъ которыхъ двадцать восемь поступаютъ въ доходъ города, а пять раздаются двѣнадцати сторожамъ, которые день и ночь дежурятъ на рынкѣ. Тампль доставляетъ ежегодно городу сто тридцать тысячъ франковъ дохода.

Не всѣ мѣста одинаково хороши для торговли. Лавочки, выходящія на улицу, счастливѣе тѣхъ, которыя внутри Тампля. Двѣ площадки по правую сторону центрального пассажа называются *красною линіей*, а по лѣвую — *черною*.

Первая площадка, самая знаменитая, потому-что тутъ продаются предметы роскоши, известна подъ громкимъ именемъ

Пале-Ройялль. Здѣсь вы увидите молоденькихъ, милонидныхъ торговкохъ, и — что очень замѣчательно — учтивыхъ даже съ тѣми, которые торгуются, ничего не покупая. Товары здѣшніе извѣстны по ихъ названіемъ *пустяковъ*: моды, мытья перчатки, цѣфты, ленты, бархатъ, платья, поддѣльные ювелирные вещи, костюмы и разныя театральныя принадлежности. Здѣсь закупаютъ актрисы, которымъ надо играть новыя роли, и первые любовники бульварныхъ театровъ запасаются мытьями перчатками, по десяти су за пару, и по пятнадцать — за первый сортъ, *pas plus ultra* изящества. Новыя дамскія шляпки по шести, пяти — даже по три франка; подержаную можно купить за десять су; но цѣны на чепцы держатся еще довольно высоко: около франка. Въ Пале-Ройялль запасается гризетка, скопившая нѣсколько франковъ, чтобы придѣться въ Пасху или Троицынъ-день; сюла же пріѣзжаютъ, иногда, и знатныя, но бережливыя дамы, одѣваться хорошо, не бросая денегъ.

Далѣе, площадка называемая *навиллономъ Флоры*. Здѣсь уже нѣтъ блестящихъ *пустяковъ*; пріятное смѣняется полезнымъ: вы видите груды матрацовъ, одеялъ, подушекъ, бѣлья, занавѣсокъ и скромныхъ кисейныхъ платьевъ.

На третьей площадкѣ пріютились старая мебель, лохмотья, ржавыя таганы, ключи безъ замковъ и замки безъ ключей, гвозди, беззубыя пилы, скобки — словомъ все, что крѣтитъ трапичника вытащилъ изъ мусору безчисленныхъ закоулковъ столицы.

Но гораздо замѣчательнѣе этой площадки четвертая, прозванная *чернымъ льсомъ*, отъ мрачнаго ли виду черной обуви, которая составляетъ здѣсь главную статью торговли, или, можетъ-быть, оттого, что здѣсь за-частую обкрадываютъ, какъ въ лѣсу.

Опушка *чернаго льса*, по улицѣ Дюнти-Туаръ, представляетъ огромную линію лоскутныхъ лавокъ, пересѣкаемую въ двухъ-трехъ мѣстахъ ларями, на нѣкоторыхъ продаютъ челоданы и разныя вещи для дороги.

Въ Тамплъ — какъ на Биржѣ, въ театрѣ, въ каждомъ ремесленномъ цехѣ — есть свой особый языкъ; такъ напримѣръ,

пистоль значить десять франковъ, *полупистоль* — пять фр., *точка* — франкъ, *полточка* — полфранка, *кружокъ* — су.

Есть разные способы скрывать отъ профановъ крайнюю цѣну, ниже которой не можетъ продать торговка или прикащикъ. Самый употребительный способъ — слѣдующій: берутъ какое-нибудь слово, въ которомъ десять различныхъ буквъ соотвѣтствовали бы десяти цифрамъ, напримѣръ слово *comptagne*. Буква *C* представляетъ цифру 1, и т. д.

с о т р а г н і е — w.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 — 0.

Если на вещи написано *c. o. a. W*, это значить, что крайняя цѣна 12 фр. 50 сент.

На рынкѣ Тампля употребляется дюжина такихъ словъ.

Иногда обозначаетъ цѣну цифрами, и въ такомъ случаѣ считаются среднія цифры; напримѣръ, 8132 значить 13 фр.

Площадка между Тамплемъ и Ротондой называется *плитою* (*Carreau*): эта Биржа ветшаго рынка, съ своими патронами и маклерами, и своимъ итальянскимъ рестораномъ подъ вивѣскою «Слова».

Искусство покупать въ Тамплѣ дешево требуетъ особаго такта, который приобрѣтается только опытомъ. Знающій человекъ можетъ одѣться здѣсь съ головы до ногъ — за два франка. Вотъ и расчетъ: лѣтнія панталоны — 50 сент.; блуза — 55 сент.; подержанные башмаки — 25 сент.; фуражка — 20; рубашка на обмѣнъ — 50, — и того 2 франка.

Люди съ претензіями на чистые воротнички найдутъ ихъ всѣхъ сортовъ — острые, тупые, круглые, четырехугольные, грандіозные, скромныя. За обмѣнъ грязнаго воротничка на мытый взимается 1 су. Трое воротничковъ, безъ обмѣну — 2 су.

Справочныя цѣны эти не фантазія, но приведены съ строжайшею истиной. Не думайте, впрочемъ, что въ Тамплѣ приходятъ какъ въ магазинъ, подъ вивѣскою *prix fixe*; нѣтъ, здѣсь должно торговаться, торговаться до поту лица, и искусство покупать здѣсь, какъ мы уже сказали, требуетъ большой опытности. Торговецъ запрашиваетъ за вещь сорокъ франковъ — и уступаетъ ее за пять. Онъ основываетъ заирость не

на качества товара, но на потребности, которую повидимому чувствуетъ въ немъ покупатель. Если вы входите въ лавочку тампльскаго торговца безъ приглашенія, по собственной охотѣ, — «хорошо!» думаетъ онъ: «или ему понравился товаръ, или онъ боится, чтобъ его не примѣтили. Притомъ, если онъ входитъ такъ бойко — значитъ, у него есть деньги». И за такимъ соображеніемъ слѣдуетъ немнѣвѣрный запросъ.

Если же, напротивъ, прохожій проникаетъ въ лавочку, чтобы только отвязаться отъ закликателя, лавочникъ старается прельстить дешезвиной, и охотно сбавляетъ цѣну, особенно въ глухое время.

Каждый опытный покупатель долженъ играть роль равнодушнаго: аксіома Тампля.

Непостижимо, съ какою вѣрностью глазъ торговли въ одну секунду угадываетъ слабую сторону одежды прохожаго. Какая тонкость и, часто, сколько колкости въ шуткахъ, жестакъ, приѣмахъ торговки! Въ искусствѣ закликать покупателей, мужчины далеко отстали отъ женщинъ.

Если которая-нибудь изъ нихъ кричитъ прохожему: «У насъ, сударь, прекрасныя пальто! самыя модныя! Купите!» — будьте увѣрены, что пальто прохожаго на три вершка выше или ниже, шире или уже моды.

Если она прибавитъ: «новыя, сударь! *теплыя*», знакъ, что пальто прохожаго обносились, или что бѣдняжка дрогнетъ зимою въ бумажной матеріи.

Но прохожій не останавливается передъ лавочкой, и тутъ-то начинается ищеніе. Лучше всего терпѣть и не возражать, а не то его заглушатъ насмѣшками. Жаловаться мирному судѣ злѣшняго квартала, то-есть смотрителю рынка, напрасно, потому-что слѣдъ преступленія скоро простываетъ, и челобитчикъ же оказывается виноватымъ. Смотритель рынка живетъ въ центральномъ пунктѣ четырехъ площадокъ; оттуда глазъ его наблюдаетъ за всѣмъ, и если отъ него ускользнутъ импровизованныя дерзости, за то большія ссоры всегда получаютъ справедливое воздаяніе.

Нѣкоторые предметы туалета въ Тамплѣ не имѣютъ никакой цѣны, напримѣръ черный фракъ, потому-что рабочій классъ спрашиваетъ его очень рѣдко. Здѣсь можно купитъ

очень периодичный черный фракъ за четыре, или за пять франковъ. Бѣлые жилеты продаются не дороже десяти су. Въ одной лавочкѣ свалены горами исключительно парики, всѣхъ возможныхъ формъ, цѣною отъ полутора франка до ста франковъ. Лавочка эта очень хорошо знакома актерамъ. Тамнльскія цвѣточницы продаютъ самую свѣжую гирлянду за полфранка. Цѣна новому корсету измѣняется отъ полутора франка до двухъ франковъ. Женскіе чулки продаются по 12, 10 и даже 6 су за пару.

Цѣны эти, взятые на выдержку, могутъ дать понятіе о дешевизнѣ нѣкоторыхъ предметовъ на этомъ огромномъ парижскомъ базарѣ.

Но рядомъ съ холстинковымъ платьемъ въ 15 су, вы увидите шелковое въ 200 фр., кружева въ 600 фр., и настоящій кашмиръ, за который надо заплатить не одинъ билетъ въ 1,000 франковъ, потому—что у Тампля есть свои богатые покупатели, какъ есть и покупатели—нищіе. Войдите въ лавочку Вель, купите занавѣски за десять франковъ, и, если угодно, онъ поведетъ васъ въ свои обширныя магазины улицы Дюпти—Туаръ, гдѣ можно истратить 50,000 фр. Здѣсь вы увидите все, что только можетъ выдумать роскошь: великолѣбныя ковры, роскошныя столовыя часы, огромныя зеркала, грандіозную мебель. Говорятъ, что Вель купилъ большую часть мебели при аукціонной продажѣ замковъ орлеанской фамиліи. Да, въ Тамплѣ есть свои бабы, и первые между нами — обойщикъ Вель, и портней ноль вывѣской *Золотая яблока*. Онъ держитъ сотню работниковъ, занимаетъ шесть участковъ на площади, закупаетъ сукна разомъ на 40,000 франковъ, и снабжаетъ готовымъ платьемъ почти всѣхъ мелкихъ торговцевъ. Есть также продавецъ лентъ, занимающій семнадцать мѣстъ на рынкѣ.

Самое главное мѣсто въ Тамплѣ — *Ретонда*.

Торгъ начинается съ шести часовъ, лѣтомъ, и въ сорокъ минутъ съ самаго — зимою; кончается, лѣтомъ, въ восемь часовъ, и зимою въ шесть. Открытіе биржи возвѣщается звономъ колокольнича въ одиннадцать часовъ; закрывается онъ въ два часа.

Роконда Тампля — большой дамъ, овальной формы, съ ко-

лоннами, составляющими перистиль. Снаружи ротонда замта разными лавочками; внутри живут портные, сапожники, шляпники, занимающіеся передѣлкою старья, скупщики, барышники, и тому подобный людъ — болѣе тысячи душъ, между которыми по-крайней-мѣрѣ двадцать процентовъ принадлежатъ Нормандіи.

Почти надъ каждой лавочкой красуется надпись: *Открылаетъ въ провинцію и за-границу*—и выѣска иногда говоритъ правду; такъ напримѣръ, одинъ торговецъ условился съ мэрами всѣхъ общинъ Франціи одѣвать, по сходной цѣнѣ, національную гвардію — солдатъ, офицеровъ, барабанщиковъ и пожарныхъ. Онъ ведетъ огромныя дѣла, дѣлаетъ огромный кредитъ — и оттого ему нѣтъ соперниковъ.

Другой торговецъ долго снабжалъ аммуниціей армію Сулука, и — если вѣрить сплетнѣ — лишился этой привилегіи по слѣдующему случаю.

Сулукъ заказалъ ему обмундировать съ ногъ до головы свой батальонъ, по образцу линейныхъ полковъ времени имперіи. Подрядчикъ доставилъ свіе мундиры, бѣлые брюки, черныя штиблеты и кивера съ маленькою четырехъугольною арматурой изъ желтой жести. Обмундировка чрезвычайно понравилась Фаустиву, и разъ, когда его владѣнія посѣтилъ какой-то французскій путешественникъ, онъ вздумалъ показать ему свое войско. Начался смотръ. Но едва выступилъ на сцену образцовый батальонъ, Французъ покотился со смѣху. Въмѣсто арматуры, онъ увидѣлъ на киверахъ жестяныя пластинки съ надписью: *Sardines à l'huile, à la Rochelle*. Ловкій поставщикъ украсилъ кивера Сулуковыхъ воиновъ остатками коробочекъ, въ которыхъ привозятся сардинки. Сулукъ пришегъ въ негодованіе, и съ-тѣхъ-поръ прекратилъ всякія сношенія съ Тамплемъ.

Въ Ротондѣ и окружающихъ ее погребяхъ гнѣзятся мелкіе ростовщики, ссужающіе деньгами на короткій срокъ. Невозможно вообразить, какіе огромные проценты берутъ они съ бѣдныхъ торговцевъ! Обыкновенный курсъ здѣшнихъ займовъ—400 процентовъ. Иные ростовщики ссужаютъ деньгами на недѣлю, но большая часть — на сутки. 5 франковъ, занятые по утру, приносятъ къ вечеру 10 су прибыли, или въ недѣлю — 3 фр.

50 сант. Но тяжесть этихъ процентовъ, падающая повидимому на торговку, обрушивается косвенно на публику.

Вотъ отчего въ матрацѣ, проданномъ за 10 или 12 франковъ, гораздо болѣе кроличьей и собачьей шерсти, или даже крошенной бахромы старыхъ шалей, нежели настоящаго волосу. Порядочно набиты только два угла, обращенные къ публикѣ: это казовый конецъ. Одинъ изъ этихъ угловъ распарываютъ, и вмѣсто привлекаютъ покупателя.

Вотъ отчего красивый синій сюртукъ, купленный за шесть франковъ, побывъ разъ подъ дождемъ, дѣлается похожъ на пестрое платье арлекина. Щетка, помоченная въ краску, дала одинъ общій цвѣтъ разнымъ частямъ одежды.

Когда опытный человекъ покупаетъ фракъ или сюртукъ, то считаетъ первымъ дѣломъ разсмотрѣть воротникъ, обшлага, отвороты, локти, — словомъ, всѣ мѣста, которыя скоро протираются и по которымъ онъ можетъ судить о возрастѣ и условіяхъ долговѣчности своего предполагаемаго приобрѣтенія. Но если торговецъ знаетъ свое дѣло *ex professo*, то онъ уже навелъ, въ ущербъ матеріи, искусственный ворсъ на рукавахъ, воротникѣ, и прочемъ, и покупатель не увидитъ ни зги. Мѣста очень выношенные смачиваютъ растворомъ гуммиарабика и посыпаютъ потомъ суконнымъ порошкомъ. Остается только, для полноты очарованія, показать *звонъ сукна*, по которому судятъ объ его достоинствѣ: звонъ этотъ — верхъ искусства опытнаго торговца.

Общее правило для покупателей Тампля: остерегаться въ особенности новыхъ вещей. Истина эта такъ хорошо извѣстна торговкамъ, что онѣ, сдѣлавъ новое платье изъ легонькой шелковой матеріи, нарочно надѣваютъ его два-три раза и потомъ продаютъ за подержанное — дороже нежели продали бы новое. Почему? Потому-что никто не купитъ новаго шелковаго платья за тридцать франковъ.

И какъ часто глупость покупателя заставляетъ хатрить парижскаго торговца!

Но нигдѣ такъ не обманываютъ, какъ *черномъ льсу*. Здѣсь продаютъ за три съ половиною франка превосходные лакированные башмаки... съ приклееными подошвами; здѣсь же дѣлаютъ подошву изъ картузной бумаги, оклеенной только ву-

три и снаружи кожей. Если надо, чтобы башмаки имели вид подержанных, то соскабливают нутро старых башмаков, мѣшают пыль съ водою, и этою смѣсью покрывают наружную сторону подошвы. Здѣсь также можно купить башмаки за пять су, но не бывало примѣровъ, чтобы подошва этого рода выдержала болѣе пятнадцати шаговъ на мостовой. Слово же, обувь — самая плачевная статья тамбильскаго рынка, и въ черномъ лѣсу хорошее существуетъ въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Тамбиль беретъ дань отсюда: у богача, и нищаго, въ канавкахъ и знатныхъ домахъ, у банкировъ и въ больницахъ. Старое пальто, которое господинъ отдаетъ лакею, перейдетъ, черезъ руки торговца ветошью, въ Тамбиль и оттуда явится на спинѣ разнощика аффишъ, пріодѣтаго поправдничному.

Крошечный башмачокъ знатной дамы будетъ пріобрѣтенъ фигуранткой бульварной сцены. Ничѣмъ не спасла его отъ Тамбиль; бросьте обувь на улицу — отсюда она еще скорѣе явится въ Тамбиль; потеряйте ботинки въ Перпиньянѣ или Марсели — вы почувтаете на рынокѣ, отъ котораго возмущается сердце: у Тамбиль вездѣ есть свои коммиссіонеры.

Назадъ тому шесть мѣсяцевъ, хорошенькая гризетка бросила за окно розовую ленточку — и, не подозрѣвая того, она купила ее вчера. Правда, что розовая ленточка окрашена теперь въ черный цвѣтъ: прежде — она слышала веселый смѣхъ подъ наметомъ рощи, теперь — видитъ слезы надъ свѣжею могилой.

Если только доскутокъ не преданъ огню, онъ непремѣнно слѣзается добычей Тамбиль. Какая бы ни была продажа съ аукціона — послѣ смерти, банкротства, просрочки — Тамбиль всюду протягиваетъ свои когти, и захватываетъ собственность. Обшоски пробираются на этотъ рынокъ сѣтнею извѣстныхъ путей: горничная, придверникъ, трапичникъ, трактирный слуга, страпцій, воръ, наследникъ, бѣднякъ, мѣняющій старую шляпу на корку хлѣба или стаканъ водки — всѣ эти люди снабжаютъ биржу лохмотьевъ.

Около Тамбиль, какъ около планеты, тлнутъ мириады мелкихъ спутниковъ.

Прежде всего, торговка огнемъ, которая каждое утро шаркаетъ, са однихъ су, камфорку.

Потомъ, дѣятельную роль играютъ бродячіе трактирщики. Голодъ и жажда находятъ здѣсь утромъ чашку кофе съ молокомъ и сахарнымъ пескомъ — за 1 су; въ два часа, тарелку супу и кусокъ рисоваго пирога съ сахаромъ — за 2 или за 3 су.

Часть Парижа и его окрестностей, въ районѣ тридцати лье, запасается товарами въ Тамплѣ, или постоянно, или въ экстренныхъ случаяхъ. Торговля Тампля производится на чистыя деньги, и, съ этой стороны, ему завидуютъ многіе магазины.

— Знаменитый охотникъ на львовъ, Жюль Жераръ, который одинъ-одинехонекъ выходилъ на поединокъ съ грознымъ животнымъ — и оставался побѣдителемъ, нынче издавалъ интересныя записки о своихъ подвигахъ, подъ названіемъ *La Chasse au lion*. Жераръ, молодой человекъ, маленькаго роста, худенькій, съ пріятнымъ лицомъ, извѣстный во всей Европѣ и особенно въ Африкѣ подъ названіемъ «убивателя львовъ», совершилъ подвигъ, на который никто не рѣшался, ни до ни послѣ него: онъ нападалъ одинъ, лицомъ къ лицу, на ужасное животное, которое часто выходило побѣдителемъ изъ битвы съ четырьмя или пятью стами человекъ, унося въ себѣ пули, нисколько не вредившія его здоровью. Вотъ съ какимъ непріятелемъ схватывался Жераръ, и не одинъ разъ, не два, не десять, не двѣнадцать: онъ насчитываетъ до тридцати львиныхъ кожъ, сдѣлавшихся его трофеями.

Убить льва въ десяти шагахъ — дѣло, повидимому, очень простое, если судить о породѣ по животнымъ, которыя выросли, облѣнились и оглупѣли въ звѣринцахъ: съ хладнокровіемъ хорошимъ карабиномъ и вѣрнымъ глазомъ это, кажется, не удивительный подвигъ — и, въ десять лѣтъ, Жераръ доказалъ по-крайней-мѣрѣ двадцатью пятью примѣрами, что и льва можно убить, какъ зайца или бекаса. Но знаете ли, какая дилемма этой битвы? «Одно изъ двухъ — говоритъ Жераръ — или мгновенно убить левъ, или же, прежде чѣмъ вы прицѣлились, вы уже лежите на спинѣ, подъ животомъ льва, который держитъ васъ въ могучихъ когтяхъ.» У льва есть только два мѣста, въ которыя можно мѣтить съ увѣренностью: голова и сердце. Попадая въ другія части тѣла, пули только увеличиваютъ его ярость и чудовищную силу. Лобъ возмужалого льва шири-

ною въ футъ, но цѣлить отъ этого не легче, потому-что левъ, если только онъ бѣжитъ прямо на человѣка, — очень хорошо видитъ оружіе и замѣчаетъ всѣ движенія. Онъ ждетъ перваго выстрѣла, и когда прицѣлится, садится на заднія лапы и потомъ ложится по-кошачьи, такъ-что пуля можетъ попасть только въ верхнюю часть головы. Если же охотникъ обходитъ льва — разумѣется, съ наведеннымъ карабиномъ — левъ тоже поворачивается, не перемѣняя своего положенія. Значитъ надо подойти къ нему на два или на три шага, найти високъ, прицѣлиться вѣрно и быстро, выстрѣлить и убить — иначе вы уже не существуете, прежде нежели успѣли вскрикнуть.

Но такъ охотятся на льва только ночью; впрочемъ, до Жерара никто не рѣшался въ Африкѣ на подобную охоту, и даже не считали ее возможною. И то сказать, Арабы — большіе трусы. Левъ лѣнивъ, любитъ поспать, и обращаетъ ночь въ день. При восходѣ солнца онъ удаляется въ свое логовище, между ребрами горъ, переваривать свою пищу; ночью, аппетитъ его пробуждается, и онъ идетъ въ сосѣднія деревни, чтобы захватить тамъ на ужинъ барана, быка или даже лошадь, которую онъ уноситъ бѣгомъ въ пасты, и часто очень далеко. Иные львы — гастрономы, и убиваютъ по нѣскольку быковъ, чтобы только напиться ихъ крови. Поэтому, охотнику на льва, надо сперва изучить нравъ и привычки животнаго, узнать гдѣ его логовище, и къ ночи забраться гдѣ-нибудь около него въ засаду. Часто проходитъ по нѣскольку ночей въ напрасныхъ ожиданіяхъ, посреди ущелій, населенныхъ разбойниками; но потомъ, въ одну прекрасную ночь, когда охотникъ уже утомился, — ему слышится скрипъ сломанныхъ вѣтвей въ чащѣ: шумъ приближается, потомъ въ чащѣ сверкаютъ два блестящіе глаза — и является левъ. Прежде всего левъ удивляется, что такое слабое существо осмѣливается загоразживать ему дорогу, потомъ — становится въ оборонительное положеніе. Тогда-то охотнику надо имѣть вѣрные глаза, стальные нервы и твердое сердце.

Если человѣкъ встрѣтится со львомъ ночью, внезапно и безъ оружія, или не успѣлъ оборониться — онъ погибъ неминуемо. Особенно смѣлъ и силенъ *черный левъ* — одна изъ трехъ пародъ, водящихся въ Алжирѣ: отъ него уже не

жда помилованія. Замѣчаніе это, повѣренное множествомъ трагическихъ случаевъ, опровергаетъ общее мнѣніе, будто левъ не нападаетъ на человѣка. Страхъ, неизбѣжный при такой встрѣчѣ, увеличиваетъ грозящую опасность. Охотнику остается только одно средство — бѣжать. Абдъ-эль-Кадеръ, въ интересной статьѣ о нравахъ льва, помѣщенной при второмъ изданіи книги генерала Домэ *Сагарскія лошади*, живописно представляетъ циркумвалационныя линіи, которыя описываетъ ужасное животное, безпрестанно приближаясь къ человѣку, пока схватить и пожреть добычу. Эмиръ рассказываетъ также, что ночнымъ мародерамъ удавалось иногда спастись помощью дерзости и присутствія духа, если только они кричали льву: «Кто ты? Чего хочешь? Иди своей дорогой: я такой же воръ, какъ ты!» — и тому подобныя восклицанія. Но сомнительно, чтобы это краснорѣчіе могло дѣйствовать на чернаго льва. Нѣкоторые путешественники, ѣхавшіе на ослѣ или лошади, встрѣчаясь со львомъ, отдѣлывались тѣмъ, что предоставляли ему своего бѣгуна. Левъ, довольный этимъ знакомъ уваженія, принималъ дань и не трогалъ человѣка. Но, еще разъ, опасно подвергнуться такой встрѣчѣ, все равно — верхомъ или пѣшкомъ, и Арабъ, знающій эту истину, ни за что не пустится одинъ въ ночное путешествіе.

Но все сказанное здѣсь можетъ дать очень недостаточное понятіе объ опасностяхъ, которымъ добровольно подвергалъ себя Жераръ, изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ, находившей поэзію и наслажденіе въ долгихъ, безмолвныхъ ночахъ, посреди такихъ пустынь, куда и самый смѣлый человѣкъ не рѣшился бы ступить при дневномъ свѣтѣ. Охотясь для собственнаго удовольствія, Жераръ оказалъ въ тоже время большую услугу арабскому племени, освободивъ его отъ разорительнаго гостя. Левъ живетъ не мало — отъ тридцати до сорока лѣтъ; притомъ же у него славный аппетитъ, онъ рѣдко ѣстъ початый кусокъ, и предоставляетъ остатки своего обѣда шакаламъ и другимъ животнымъ низшаго разбору, которые слѣдятъ за нимъ въ его экспедиціяхъ, какъ акула за кораблемъ или коршунъ за караваномъ. Левъ убиваетъ или истребляетъ ежегодно лошадей, муловъ, быковъ, верблюдовъ и барановъ *тысячъ на шесть франковъ*. Если положить, что онъ живетъ, среднимъ

числомъ, тридцать-пять лѣтъ, то каждый левъ стоитъ Арабамъ *двѣсти-десять тысячъ франковъ*. Слѣдовательно, содержаніе тридцати лвовъ, которые водятся теперь въ Константинской провинціи, обходится Арабамъ ежегодно во сто-восемьдесятъ тысячъ франковъ. Дорогонько! Правительство беретъ только по пяти франковъ подати, а лву надо платить пятьдесятъ.

Жераръ — охотникъ благородный: онъ никогда не убивалъ льва, загнавъ его въ глубокую яму, и не стрѣлялъ съ вершины дерева, какъ боязливые Арабы. Онъ даже не позволяетъ себѣ охотиться въ засадѣ и заманивать львадохлымъ или живымъ бараномъ, чтобы лучше цѣлять. Жераръ слишкомъ уважаетъ свое геройское занятіе, чтобы унижаться до такихъ средствъ: онъ хочетъ бороться, но не умерщвлять — и въ подобной-то дуэли двадцать-пять разъ выходилъ побѣдителемъ. Всегда ли будетъ ему удаваться, и не пора ли положить карабинъ на мягкіе и пышные трофеи? Но Жераръ слишкомъ честолюбивъ и хочетъ умереть подъ когтями и въ пасти льва.

Если туристы въ палевыхъ перчаткахъ печатаютъ свои путевыя впечатанія, гдѣ только говорится о дымѣ паровозовъ, тракахъ, шляпкахъ, концертахъ, то Жераръ имѣлъ полное право издать *Охоту на льва*, которую написалъ онъ карабиномъ, прежде нежели взялся за перо, и похождения этого новаго Геркулеса читаются охотнѣе моднаго французскаго романа.

— Въ нынѣшнемъ году въ Мюнхенѣ будутъ открыты двѣ выставки — всеобщая вѣнецкая выставка живописи и промышленная, въ родѣ всемірной лондонской, но только въ меньшихъ размѣрахъ. Приготовленія къ первой подвигаются впередъ, тихонько, но твердымъ шагомъ. Предпріятіе это имѣетъ самую радужную опору въ Вѣнѣ, гдѣ, также какъ въ Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Мюнхенѣ и Дюссельдорфѣ уже созываются коммисіи для разбора произведеній, назначаемыхъ для выставки. Баварское правительство разрѣшило на баварскихъ желѣзныхъ дорогахъ безденежный провозъ предметовъ, посылаемыхъ на выставку; есть надежда, что и другія вѣнецкія государства сдѣлаютъ тоже. Мюнхенская коммисія пріясныхъ художниковъ рѣшила передать главный надзоръ за дѣлами выставки, то-есть вскрытіе, размѣщеніе, улакомку и продажу произведеній — особымъ комитетамъ. Впрочемъ,

для извѣжанія недоразумѣній, всѣ нѣмецкіе художники будутъ приглашены въ августѣ мѣсяцѣ въ Мюнхенъ, для обсужденія всѣхъ предметовъ, которые могутъ касаться ихъ и выставки. Органомъ картинной выставки будетъ *Нѣмецкій художественный листокъ*, издаваемый въ Берлинѣ. — Число экспонентовъ промышленной выставки возрастаетъ съ каждымъ днемъ: къ 1-му мая уже записались 6,000 человекъ, такъ что мюнхенская выставка явится самою большою изъ всѣхъ, бывшихъ послѣ лондонской. Изъ одной Австріи уже обѣщано 1,400 предметовъ. Квартыры въ окрестностяхъ хрустальнаго дворца невѣроятно вздорожали, особенно меблированныя комнаты для холостыхъ. Самое зданіе выставки уже возвышается во всемъ великолѣпнѣ. Видѣвшіе лондонскій хрустальный дворецъ утверждаютъ, что мюнхенскій гораздо выше — въ эстетическомъ отношеніи. Машины, которыя обѣщано послать на выставку, займутъ поверхность въ двадцать тысячъ квадрат. футовъ, такъ что для нихъ оказалось необходимымъ построить добавочное зданіе. Предметы будутъ размѣщены двѣнадцатью параллельными колоннами, по государствамъ, откуда они доставлены. Внутри хрустальнаго дворца хотятъ поставить три великолѣпные фонтана — одинъ надъ трансептомъ и два въ главномъ корпусѣ. Скульпторъ Лебъ уже приготоовилъ модель фонтана Давандъ. По доставленіи всѣхъ предметовъ, будетъ напечатанъ каталогъ выставки.

— Бодлеянова библіотека (Bodleian Library), при Оксфордскомъ университетѣ, есть одна изъ богатѣйшихъ коллекцій, не только въ Англіи, но и во всей Европѣ. Основателемъ этой библіотеки былъ сэръ Томасъ Бодлей, посланникъ королевы Елисаветы въ Голландію и Данію, который истратилъ все свое состояніе на покупку рѣдкихъ книгъ и рукописей, и, подаривъ свое пріобрѣтеніе университету, до самой смерти своей имѣлъ непосредственное наблюденіе надъ этимъ книгохранилищемъ и внесъ значительныя суммы на содержаніе библіотекарей. По Эдвардсову «Statistical View of the principal Libraries of Europe and America», въ Бодлеяновой библіотекѣ находится 218,300 печатныхъ сочиненій, въ томъ числѣ много весьма рѣдкихъ, и единственное собраніе рукописей, которымъ собственно и обязана она своею знаменитостію. Безспорно, что изданіе ка-

талого такой библиотеки — заслуга для науки, и составилъ его, г. Коксъ заслуживаетъ благодарности ученаго міра. Въ прошломъ году вышла въ Оксфордѣ первая часть этого каталога подъ заглавіемъ «*Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae Bodleianae*». Въ ней содержатся: 1) Описание рукописей, числомъ 244, которыя Вильямъ Гербертъ, графъ Пемброкъ, купилъ въ 1629 у знаменитаго Венеціанца Баррокіуса и подарилъ университету; и извѣстія 2) о 29 рукописяхъ, также изъ библиотеки Баррокіуса, подаренныхъ Оливеромъ Кромвелемъ; 3) о 29 рукописяхъ, сперва принадлежавшихъ сэру Томасу Ре; 4) о 93 рукописяхъ, пожертвованныхъ кентербрійскимъ епископомъ Ладомъ; 5) о 54 рукописяхъ, изъ библиотеки ученаго изслѣдователя древностей Зельдена; 6) о 200 рукописей, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ; 7) о бумагахъ, оставшихся послѣ Исаака Казабона; 8) о бумагахъ Иоганна-Эриста Грабе; 9) о бумагахъ Жерарда Ленгбѣна; 10) о бумагахъ Жака Сентъ-Амана, и наконецъ 11) извѣстіе о двухъ рукописяхъ, подаренныхъ университету оксфордскимъ епископомъ Джономъ Феллемъ. Каталогъ не ограничивается, какъ многія изданія этого рода, одною переченью заглавій: ученый издатель большею частью показавъ содержаніе рукописей, напечатанныхъ вполнѣдствіи, а въ тѣхъ, которыя существуютъ во многихъ спискахъ, рачительно привелъ варианты текстовъ. Кромѣ греческихъ рукописей, занимающихъ болѣе половины перваго тома, при бумагахъ Казабона, Грабе, Ленгбѣна и Сентъ-Амана приведено нѣсколько важныхъ документовъ, въ томъ числѣ тринадцать собственноручныхъ писемъ французскаго короля Генриха IV къ сэру Джону Норрею, главнокомандующему англійскими вспомогательными войсками съ 1592 по 1594 годъ; два письма Вильгельма Нассаусскаго, принца оранскаго, съ іюня по августъ 1571, и письмо испанскаго посланника въ Лондонъ къ Маріи Стюартъ, отъ 23 ноября 1570.

— Въ городѣ Санъ-Франциско, которому нѣтъ и пяти лѣтъ отъ роду, основана въ прошломъ году академія наукъ, подъ названіемъ «*Colifornia Academy of Natural Sciences*», и недавно явился ежемѣсячный учено-литературный журналъ «*The Pioneer, or California Montly-Magazine*». Кромѣ этого журнала, въ Санъ-Франциско выходятъ тринадцать ежедневныхъ и нѣ-

сколько еженедѣльныхъ газетъ. Новая академія уже успѣла отличиться любопытнымъ открытіемъ: одинъ изъ ея членовъ, докторъ Гиббонсъ, прочелъ въ засѣданіи 13 іюня 1853, что онъ нашелъ рыбу, которая мечетъ не икру, но живыхъ дѣтенышей, и указалъ на пять различныхъ видовъ этой новой рыбы. Что донесеніе это — не пuffedъ, подтверждается статьею профессора Агассиза, помѣщенной въ ноябрьскомъ номерѣ «Sullinan's journal», гдѣ онъ упоминаетъ о двухъ такихъ породахъ рыбы, и называетъ ее *Embrioticus*. Но докторъ Гиббонсъ, справедливо приписывающій себѣ честь открытія, протестуетъ противъ этого названія, и живорожденную рыбу просто причисляетъ къ разряду *Labroides*.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Петербургъ лѣтомъ. — Мелкіе промышленники. — Находчивость русскаго мужика. — Лѣтній садъ. — Перемѣщеніе Исакіевскаго моста. — Освященіе новой часовни. — Колпачио. — Равнодушіе къ великимъ людямъ. — Какъ должно полагаться на нянюшекъ. — Дебютъ Рыбакова. — Нѣсколько словъ о Максимовѣ и Самойловой. — Леонидовъ въ новой роли. — О Жулевой и Самойловѣ. — Дебютъ Клиновскаго. — Возобновленная опера Обера. — Новая опера Адама. — Исполненіе ея на нашей сценѣ. — О суфлерской будкѣ и Марковецкомъ. — Бенефисъ Стеналовой. — Бенефисы Тетара и Невилл. — Новые французскія пьесы. — Поездка въ Павловскъ. — Путешествіе къ Излеру. — Прогулка по морю. — Екатеринбургъ и проч.

Послѣдняя барка, безтолково, но усердно нагруженная диванами, креслами, столами, стульями, цвѣточными горшками и, присматривающею за всѣмъ этимъ, ключницею или кухаркою, отвалила. Послѣдній возъ и мужичекъ съ рогожею на плечахъ миновали заставу. Все, чему суждено наслаждаться въ этомъ году загородною жизнью и, можетъ-быть, познакомиться съ ревматизмомъ, флюсомъ и тому подобными простудными неприятностями, размѣстилось уже по болѣе или менѣ живописнымъ окрестностямъ Петербурга. Все, что должно пропитаться запахомъ клея и масляной краски, продолжаетъ двигаться по городскимъ улицамъ, прикрываясь зонтиками и злобно подтрунивая надъ дачниками. Наступаетъ лѣто,—это ясно, не смотря на пасмурное небо (извинитѣ за крошечную остроту) и дождь

обильно и непрерывно обливающій Петербургцевъ. Наступленіе лѣта доказывается и тѣмъ еще, что театры почти пусты, Невскій проспектъ принялъ довольно улыльый видъ, а г. Ислеръ то и дѣло рассылаетъ краснорѣчивыя объявленія, въ которыхъ, увы! почти всегда есть *съ слухать неблагоприятной погоды* и т. д.

Въ то время, какъ обитатели Павловска подъ прикрытіемъ зонтиковъ пробираются въ вокзалъ полушать Гунгля, а Парголовцы, Полуостровцы и проч. сидятъ у оконъ и ждутъ хорошей погоды; въ то время, какъ дачники у Лѣснаго Института и на Каменномъ Острову пьютъ кофе и морщатся передъ каминомъ; въ то время, какъ оркестръ подъ управленіемъ какого-то г. Лунда разыгрываетъ увертюры и польки въ пустой залѣ заведенія Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ; въ то время, однимъ словомъ, дакъ все стараются по возможности отататься у домашнего очага, — одинъ безсемейный странствователь, непостоянный житель города и дачъ, носѣтитель афиш гуляній, театровъ и любитель природы — добровольно отказывается отъ удобства и покоя и съ самоотверженіемъ кочуетъ для васъ, милостивые государи и милостивыя государыни!... Кто этотъ необыкновенный смертный?... Кто это съ такимъ удивительнымъ великодушіемъ готовъ побывать вездѣ, послушать и посмотреть все, даже прочитать все и рассказать потомъ всѣмъ? Кто онъ, достойный по-крайней-мѣрѣ громкой извѣстности?.. Скромность не позволяетъ мнѣ сказать вамъ, что удивительный смертный этотъ никто иной, какъ фельетонистъ... И вѣдь, надо замѣтить, ничего не хочетъ фельетонистъ, кромѣ вашего вниманія: сидите себѣ покойно передъ каминомъ или у окна, продолжайте курить сигару или папиросу и слушайте.

Что дѣлается въ городѣ?

Въ городѣ, по обыкновенію, строятъ, перестраиваютъ, чистятъ и красятъ. Набережныя и Невскій проспектъ опустѣли. Экипажи показываются рѣже. Ворота и окна пестрѣютъ билетами объ отдачѣ квартиръ. Утромъ на улицахъ раздается пастушескій рожокъ (городская идиалія) и мычатъ коровы. Въ полдень дворы наполняются мелкими промышленника-

ми: то слухъ вашъ поразится звуками не въ ладъ нангрывающаго оркестра странствующихъ музыкантовъ, то завоетъ печальная шарманка съ пискливымъ кларнетомъ, то отставной служивый оцарывисто и глухо, оловно въ пустую бочку, крикнетъ — башмаковъ не надо-ль, башмаковъ!

За нимъ баба, пискливымъ голосомъ, прокричитъ — свѣжи яйца, свѣжи яйца! Тамъ точильщикъ затаиветъ — ножи, ножницы точить! За тѣмъ вы услышите странные, носовые звуки: гребни, гребенки! Потомъ: окуни, ерши, сига живые! Сахарна морожено! Цвѣты-цвѣточки... и разнохарактернымъ предложеніямъ нѣтъ конца. Половина ихъ — гласъ вопіющаго въ пустынь. Какъ ни громко кричитъ иной разнощикъ—нѣтъ ему удачи. Что дѣлать—товаръ такой!... Тогда бѣднякъ подымается на выдумки. Хитеръ Нѣмецъ — да и русскій мужичекъ себѣ на умъ. Вотъ хоть бы Дмитрій Филимоновъ, Тверитянинъ,—давно уже продаетъ онъ въ Питерѣ клюкву. Плохо шла торговля, а капиталу нѣтъ другимъ товаромъ завестись. Какъ быть? Раскинулъ Филимоновъ умомъ-разумомъ и говоритъ: — Нѣтъ, братъ, врешь—это не рука — надать такъ умудриться, чтобъ и клюкву у тебя-агъ покупали. Стану-ко я шутки шутить да припѣвать—авось и клюковка моя пойдетъ. Такъ Филимоновъ и сдѣлалъ. Тотъ же товаръ остался у него, да не по-прежнему продаетъ его.

По ягуду по клюкву,
 По Владимірску по крупну;
 А вотъ отборнаю, холоднаю,
 Студѣнаю, ядренаю.
 Вотъ двѣушки брали,
 Молодушки вабирали,
 Башмачки растеряли;
 Съ кочки на кочку скакали —
 Всѣ подолики перервали.
 По ягуду по клюкву,
 По Владимірску по крупну!
 А кто моей клюковки пожуетъ,
 Тотъ лишній годикъ проживетъ.
 А кто моей клюковки хватить,
 Тотъ денежки платитъ.
 По ягуду по клюкву.

По Владимірску по крушу!
 Вотъ прѣехала клюква изъ городу Можай.
 Всѣхъ господъ, господа, уважаю!...

Эдакія да бабашки,—брали красныя дѣвѹшки Наташки. Вотъ такъ клюква!... Самая Владимірская крушина, господа!...

Чѣмъ плоха выдумка Филимонова? Чѣмъ плоха его поэтическая способность? Будто не случилось вамъ читать (въ печати) многое далеко хуже этого? Мнѣ случилось не разъ... во, чтобъ гусей не раздражить!... Пусть себѣ на здоровье сочиняютъ и печатаютъ. Пусть Филимоновъ разбогатѣетъ отъ своего сочиненія и клюквы!

Какъ хорошо распустились деревья въ Лѣтнемъ саду. Да и не въ одномъ Лѣтнемъ саду они распустились, — маленькій садикъ передъ Александринскимъ театромъ также позеленѣлъ, позеленѣлъ Адмиралтейскій бульваръ, Таврическій садъ, Петровскій паркъ, Александровскій.... Трава поднялась высоко, сирени разцвѣли, вообще очень хорошо и очень пріятно!

Въ Лѣтнемъ саду публика нѣсколько неизмѣнилась, наряды гуляющихъ дамъ не такъ свѣжи, не такъ изящны; джентльмены менѣе ловки, дѣти грязнѣе: но это нисколько не отнимаетъ у Лѣтняго сада его собственной красоты и достоинства.

Года проходятъ за годами, деревья разрастаются и становятся красивѣе. Статуи съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, а нѣкоторые съ сарказмомъ, глядятъ на гуляющія мимо нихъ поколѣнія и, еслибъ могли, стали бы качать головою и говорить:

— Охъ, какъ измѣнилось все—и люди и наряды, и нравы... вотъ и послѣдній обычай исчезъ: не стоятъ въ Духовъ день красавицы вдоль широкихъ аллей живыми шпалерами, не приходятъ молодые женихи выбрать себѣ подругу по сердцу... т.-е. коли хотите, женихи приходятъ и теперь, да не такъ они приходятъ, какъ прежде; выбираютъ они подруги по сердцу—тоже иначе... О! гдѣ вы прекрасныя, потому что давно прошедшія, времена?... Гдѣ вы красавицы съ лазоревыми очами, съ русою косою чуть не до пятъ и съ алымъ румянцемъ во всю щеку? Чай и косточекъ вашихъ не осталось! Чай съ землею смѣшались!...

Но, виноватъ, опять виноватъ! Сохрани Богъ, если прекрас-

ная читательница призадумается, сохрани Богъ, если глаза ея отуманятся хоть на мгновение: я тогда просто заплачу.

Дальше отъ воспоминаній, дальше отъ Лѣтняго сада. Пойдемте по набережной, станемъ глядѣть на Неву... Посмотрите какъ хороша она, посмотрите какъ красиво подымается и растетъ Александровскій паркъ—и вѣдь онъ, говорятъ, потянется дальше и дальше, туда къ Петровскому, онъ соединится съ нимъ... Взгляните на Биржу — не новый, но чудный видъ!.. неужели только то и хорошо, что ново?... Впрочемъ если хотите новости — такъ вотъ вамъ: Новый мостъ, на новомъ мѣстѣ. Отъ Адмиралтейскаго бульвара онъ ведетъ прямо на Биржу — за такое сообщеніе поблагодарятъ какъ нельзя искреннѣе торговые люди: польза очевидна.

Пойдемте далѣе. Бульваръ пусть, — правда, попадается кой-кто, но мы съ вами поспѣшимъ на Благовѣщенскую набережную и, безъ сомнѣнія, очень скоро достигнемъ Благовѣщенскаго моста. Здѣсь мы остановимся, здѣсь есть на что взглянуть. Не говоря уже о великолѣпномъ мостѣ, съ которымъ вы конечно очень хорошо знакомы, приглашаю васъ полюбоваться прелестною новою часовнею.

9-го мая, часовня эта, ровно черезъ годъ по заложениі ея, явилась новымъ украшеніемъ и безъ того уже великолѣпной нашей столицы и была освящена. Нельзя не удивляться изящности и гармоніи рисунка, по которому построена эта часовня; нельзя не отдать справедливоста рукамъ, воздвигнувшимъ ее такъ скоро и такъ искусно. Внутри часовни поставленъ мозаичный образъ св. Николая Чудотворца, произведеніе русскихъ художниковъ, какъ видно изъ надписи: *Русская мозаическая студія въ Римѣ, въ 1854 году*. Входъ въ часовню — арка съ рѣзною вызолоченною рѣшеткою; боковыя арки закрыты цѣльными зеркальными стеклами. На наружной сторонѣ, обращенной къ Васильевскому Острову — образъ св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, писанный академикомъ Завьяловымъ. Надъ входомъ надпись: *Благословенъ грядый во имя Господне*.

Въ воскресенье, въ день освященія новой часовни, погода стояла превосходная и охотниковъ полюбоваться замѣчательнымъ произведеніемъ русской архитектуры — нашлось много,

не смотря на то, что въ то же время много народу ушло и въ Колпино. Тамъ, какъ вамъ извѣстно, 9-го мая ежегодно совершается религиозное торжество, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ. Желѣзная дорога, значительно облегчая сообщеніе, позволяетъ въ настоящее время большому числу петербургскихъ жителей побывать въ Колпинѣ — и Петербуржцы какъ нельзя лучше пользуются такимъ удобствомъ.

Но, возвращаясь въ Петербургъ и, какъ ни душно въ негъ какъ ни пусто, — постараюсь отыскать тамъ какія-нибудь новости... Охъ, какъ тяжело это, еслибъ вы знали, какъ тяжело! О чемъ рассказывать вамъ? Вездѣ пусто. На Невскомъ проспектѣ, и тамъ даже, почти, пусто. Пассажъ, вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени поростетъ высокой травой, подъ которою заглохнутъ всѣ его магазины и кофейни... впрочемъ, можетъ-быть, этого и не случится. Случается иногда то, чего никто не ожидаетъ... Напримеръ: кто бы могъ ожидать, что какой-нибудь Балазетъ Эсенди станетъ рядомъ съ графиней Люціею де-Ламермуръ, и эта послѣдняя не отскочитъ въ ужасъ отъ своего сесѣда, не упадетъ въ обморокъ, даже не отвернется съ презрѣніемъ отъ кровожаднаго мусульманина, а добѣрчиво и совершенно спокойно будетъ глядѣть ему въ глаза?... Quelle horreur!... Страшно подумать! — Кто могъ бы предположить, что потомство поставитъ на одніи доски—французскаго поэта и Кузьму Рощина?... Кто могъ бы предугадать, что Беатриче ди-Тенда съ своею дочерью будутъ терпѣливо выносить нескромныя взгляды, Колфуція съ одной стороны и Абакалана—съ другой?... Кто бы могъ предвидѣть, что великаго адмирала Макабеля — съѣсть моль?... Само собою разумѣется, никто не подѣрнитъ въ возможность подобныхъ нелѣпостей. А между-тѣмъ, угадалю васъ, все сказанное мною совершается въ настоящее время, не возбуждая ни въ комъ ни удивленія ни, даже, любопытства.

— Да, другъ Гераціо, говоритъ Гамлетъ: есть на свѣтѣ многое, о чемъ не снилось самимъ мудрецамъ!...

Вы повторили бы, нѣтъ сомнѣній, слова Гамлета, еслибъ завернули когда-нибудь въ кабинетъ восковыхъ фигуръ Дриачини. Чего, чего нѣтъ въ этомъ кабинетѣ! Увидите тамъ и Христофора Колумба, набитаго сѣномъ, и человѣческой черепъ и... и..

дачу герцога Веллингтона... и... все увидите, кромѣ посѣтителей!... Удивительное дѣло: никто не хочетъ смотрѣть на великихъ людей. Кабинетъ продается, это извѣстно мнѣ; но купить ли его кто-нибудь — этого не рѣшилъ бы, я думаю, и самъ Конфуцій.

Отъ великихъ людей обратимся къ маленькимъ, къ тѣмъ, которые весело рѣзвятся и бѣгаютъ по крошечному садикъ передъ Александринскимъ театромъ. Садикъ этотъ замѣчательнъ особенно въ томъ отношеніи, что сюда стекается безчиленное множество дѣтей, а слѣдовательно, немало и нянюшекъ. Дѣти играютъ и бѣгаютъ, а нянюшки, не бѣгать же имъ, садятся и толкують себѣ, на свободѣ, о томъ о семъ, а больше о господахъ, — неистощимый и весьма интересный разговор!

— Что васъ давненько невидать было? — спрашиваетъ пожилая няня молодую.

— Да мы — отвѣчаетъ молодая — на новую фатеру переѣзжали.

— На новую фатеру?.. а въ какія страны?

— Ко Владимірской... большущую таперича наняли...

— Что же такъ?.. Аль самъ-агъ расторговался?

— Да-съ, таперича, слава Богу, другое заведеніе пойдетъ... только вотъ развѣ сама-то станетъ трястись... онъ-то добрый...

— А она лиха?

— Скуповата.

— Ишь ты, прости Господи, а еще барыня называется!... а жалованье какое получаете?....

— Что наше жалованье!.. обнаковенно, самое пустое жалованье — пять въ мѣсяць да отсыпной кофій и сахаръ.. перебиваемся изо дня въ день...

— Черезъ пень да въ колоду... Плохое ноничъ житье, нѣтъ ужъ этого стариннаго приволья. Я вотъ, какъ молодая-то была, жила у своихъ, у епарала-то Поджилова, помарши, — что эта за мистъ была!.. А теперь вотъ мотасяся, на гробъ себѣ не сколотишь... Ну да я что, я, положимъ, ужъ свой вѣкъ кончаю, а вѣдь вамъ, слава те Господи, можно бы найтить мѣсто почище святаго...

— Да гдѣ его найдешь? Трудно нониче..

Т. СХХV. — Отд. VII.

— Чго труднаго!.. вы бы мнѣ только адресу оставили свою... да я вамъ такое мѣстечко нашла бы, что и умирать не наде...

— Съ моимъ бы удовольствіемъ... признаться, очень мало получаю, да и дѣтокъ-то трое: просто голову снали, набалова- ны, — слово скажи, сейчасъ матери перенесутъ.

— Эка штука!.. Да вамъ бы въ магазеею идтить.. шить чай умѣете?...

— Такъ, т. е. изъ простаго руководѣля — умѣю.

— Такъ чего жъ лучше... недѣлю отработай, а съ субботы по крайности человекъ слободень... а тутъ вѣдь, небось, и праздниковъ не знаете?

— Какія ужъ намъ праздники!

— Вотъ поди же! что же вамъ убиваться-то естакимъ мане- ромъ — вѣдь по-ту-пору то и жисть, пока молодость есть да здорovie... нѣтъ, вы плюньте, да бросьте, ну его, что вамъ манураться ни за грошъ.

— Я бы хотѣла.

— Гдѣжъ вы живете-то, у Владимірской, въ чьемъ домѣ?...

— Противъ самой-то церкви, большой домъ съ балкономъ, булочная внизу...

— А! знаю, знаю... ну а тамъ въ какомъ номерѣ спросить?

— Въ пятомъ... нянюшку Лизавету спросите...

— Будьте спокойны... Эва! никакъ вашъ пострѣленокъ-то шлепнулся...

— Ахъ, Господи! И въ правду, мой... ну, будетъ таперъ шуму, вишь все лицо ободралъ о песокъ... экъ его угораздило... прощайте, матушка, будьте здоровы...

— Прощайте, на-дняхъ заверну къ вамъ...

— Милости просимъ.

Пожилая няня скоро находитъ другую знакомку и говорить ей:

— Ну что? какъ поживаете?

— Благодаримъ покорно-съ, по немножку...

— А у меня радостная вѣсточка есть для васъ.

— Какая?

— Мѣсто открывается... и какое мѣсто, т. е. просто, вѣкъ станете жить и поминать меня... Вотъ сейчасъ, видѣли, гово- рила я съ дѣвушкой... такая дурища, отходитъ, а что за го-

спода, такъ лучше отца и матери... у Владивѣрской жить... трое дѣтей, — умницы и строго содержатся, нанькѣ-то почитай и дѣлать нечего...

— Очень бы рада была и, даже, повѣрите, на счетъ благодарности могла бы...

— Устроимъ все, адресу свою только оставьте... а не тутъ, такъ въ одной магазинѣ мѣсто открывается... у самой-то мадамы дочь, — жалованье тоже очень хорошее...

— Я очень благодарна буду...

— Извольте, извольте... просили меня...

И нѣтъ конца этимъ разговорамъ, не видать какъ и время проходить, не замѣтишь какъ ребенокъ себѣ носъ раскваситъ; гдѣ усмотрѣть за дитятею, до того ли! о! маменьки, маменьки!.. Впрочемъ, это совершенно не мое дѣло, — пусть садикъ остается биржею нянюшекъ, пусть дѣти рѣзвятся себѣ на здоровье.

РУССКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Я расскажу вамъ, и это будетъ вчетверо интереснѣе, о дебютѣ г. Рыбакова. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, — и г. Рыбаковъ доказалъ, что сдѣлать этотъ шагъ весьма не трудно. Онъ въ роли Гамлета, выбранной имъ для перваго дебюта на сценѣ Александринскаго театра, отличился такъ, что каждому зрителю, если онъ только не досадовалъ, была возможность пахотаться до слезъ. Пересказывать подробно, до какой степени г. Рыбаковъ искажалъ свою роль — у меня, право, нѣтъ охоты. Довольно будетъ, если я скажу вамъ, что дебютантъ не заботился о самомъ простомъ смыслѣ своихъ монологовъ и не только не понялъ, но, увы! и не выучилъ своей роли. Зачѣмъ г. Рыбаковъ игралъ здѣсь — это остается для меня совершенно непонятною загадкою. Надо предполагать, онъ побился съ кѣмъ-нибудь о закладъ, что и въ Петербургѣ найдется очень много охотниковъ аплодировать самому нелѣпому исполненію роли Гамлета. Если предположеніе такое справедливо, то, поздравляю г. Рыбакова: онъ выигралъ закладъ.... Фактъ весьма печальный! Если вызывзютъ по нѣскольку разъ актера очевидно бездарнаго и аплодируютъ ему самымъ оглушительнымъ образомъ — чего долженъ ожидать артистъ

•

хорошій? Если аплодируютъ неистовому и бессмысленному крику и исковерканнымъ стихамъ — какая мысль должна придти въ голову молодого, только-что начинающаго артиста?...

Не стану больше говорить и о г. Рыбаковѣ, онъ, кажется, уѣхалъ, — счастливой дороги.

Говоря объ исполненіи Гамлета, трудно не упомянуть объ артистѣ, который въ настоящее время неподражаемъ въ этой роли. Вы, безъ сомнѣнія, уже слышали о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на публику г. Максимовъ 1-й въ роли Гамлета; но о добросовѣстномъ трудѣ даровитаго артиста, объ истинной заслугѣ, можно и должно говорить не одинъ разъ. Недавно, и именно во вторникъ 25 мая, давали Гамлета и, увѣряю васъ, г. Максимовъ былъ до того хорошъ, что едва ли возможно что-нибудь лучшее. Въ игрѣ г. Максимова, я говорю о роли Гамлета, такъ много глубокой обдуманности, такъ много ума и таланта, чувства и простоты, что ее нельзя смѣть безъ увлеченія. До-сихъ-поръ Гамлетъ являлся постоянно какимъ-то страннымъ героемъ и драма Шекспира сильно смахивала на пресловутыя произведенія Расина и Корнея, которыя, право, далеко ниже своей извѣстности. Г. Максимовъ смѣло снялъ Гамлета съ героическихъ ходуль и представилъ его тѣмъ смертнымъ, какимъ понималъ его и самъ Шекспиръ: шагъ въ драматическомъ искусствѣ, за который нельзя не поблагодарить прекраснаго артиста.

Быть или не быть, сцена съ Офеліей, сцена съ матерью, слова: *Когда и старость падаетъ такъ страшно, что-жъ юности осталось?*... сцена съ Полоніемъ.... переданы г. Максимовымъ въ совершенствѣ. Короче: всю роль свою, отъ начала до конца, онъ ведетъ безукоризненно хорошо, и если найдется кто-нибудь съ непремѣннымъ желаніемъ отыскать пятнышко и въ солнцѣ, то онъ можетъ сказать развѣ то только, что въ игрѣ г. Максимова видѣнъ мѣстами недостатокъ силы — воцъ, кажется, единственный недостатокъ — да еще какъ-то не удалась сцена, въ которой Гамлетъ дерется на рапирахъ съ Лаэртомъ. Жаль также, это впрочемъ не относится уже къ г. Максиму, жаль, говорю я, что не всѣ остальные дѣйствующія лица пьесы соотвѣтствуютъ, хоть немного, прекрасному исполненію главной роли. Самая Офелія (г-жи Самойлова и Жуле-

ва) улы! далека, очень далека отъ совершенства. Въ игрѣ г-жи Жулевой еще проглядываетъ хоть немного чувства.... Г-жа Самойлова же, напротивъ, старается, повидимому, отличиться только пѣніемъ и платьями, оказывая, въ тоже время къ каждому слову сэра Шекспира и его переводчика несовершеннѣйшее равнодушіе. Этимъ простымъ способомъ возбуждается въ зрителѣ зѣвота.... и только! Еще одно слово г. Максимоу — и о Гамлетѣ довольно: въ сценѣ Гамлета съ матерью является тѣнь отца, — такъ дѣлалось при Шекспирѣ, это правда; но тогда, должно замѣтить, была другая публика, которая болѣе нашей вѣрила въ чудесность и на которую, слѣдовательно, появленіе тѣни дѣйствовало особеннымъ образомъ. Въ наше время чуть ли это не лишнее. Все фантастическое потеряло кредитъ и каждый видитъ г. Брянцова, а не страдающую тѣнь Гамлетова отца. Зритель въ странномъ положеніи: онъ видитъ то, что представляется разстроенному воображенію Гамлета и чего не видитъ Гертруда, которая, слава Богу, здорова. Съ другой стороны, Гамлетъ слышитъ слова тѣни, которыхъ не слышатъ ни зритель, ни Гертруда: нѣсколько запутанно. Почему же зритель *видитъ* вмѣстѣ съ Гамлетомъ тѣнь его отца, а не *слышитъ*, вмѣстѣ съ нимъ, словъ ея? Въ первомъ дѣйствіи элементъ фантастическій допущенъ какъ явленіе возможное, и тамъ сверхъестественное очевидно всѣмъ — тутъ дѣло просто; но тѣнь, являясь одному Гамлету и оставаясь незримою для Гертруды, не должна ли остаться незримою и для публики?

Изъ новостей Александринскаго театра, которыхъ было, какъ водится лѣтомъ, немного, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о г. Леонидовѣ, о молодомъ дебютантѣ г. Климовскомъ и о бенефисѣ г. Леонова.

Кромѣ упомянутыхъ мною ролей *Бенвенуто Челлини*, въ переводной драмѣ того же названія, *Ляпунова*, въ драмѣ «Смерть Ляпунова» и *Николая Спиридоныча*, въ драмѣ «Судъ людской не Божій»—г. Леонидовъ сыгралъ еще роль *Графа*, въ переводной драмѣ «Окно во второмъ этажѣ». Новая роль эта, роль, такъ-называемая, *фрачная*, исполнена г. Леонидовымъ очень удачно. Жаль только, что движенія и манера говорить нѣсколько были у г. Леонидова рѣзки и отрывисты, что не-

совѣтъшло къ характеру графа, чловѣка спокойнаго и хорошо обдумывающаго каждый свой шагъ. Г. Леонидову слѣдуетъ обратить побольше вниманія на свою манеру говорить: она вредитъ тому впечатлѣнію, какое производитъ вообще его обдуманная и талантливая игра. Рѣзкій тонъ, словно г. Леонидовъ сердится, и излишнее выколачиванье словъ, какъ-будто онъ боится, что его не услышатъ и не поймутъ, неприятно дѣйствуютъ на зрителя. Замѣчанія мои, надѣюсь, ни сколько не оскорбятъ г. Леонидова, ибо — повторяю при этомъ — въ немъ есть дарованіе, горячая любовь къ искусству и пониманье дѣла: ему слѣдовательно легко набѣжать замѣчаній.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о г-жѣ Жулевой, занимавшей роль Анжелики, и г. Самойловъ, въ роли полѣсовщика. Первая была довольно слаба; борьба чувства съ долгомъ, чувства матери и раскаяніе въ своемъ проступкѣ — передавы г жею Жулевой очень вяло, не смотря на очевидное стремленіе ея къ афектаціи. Г. Самойловъ, по обыкновенію, мастерски исполнилъ небольшую роль полѣсовщика. Роль эта въ составѣ драмы совершенно лишняя, Богъ знаетъ зачѣмъ приклеенная; но, благодаря превосходной игрѣ г. Самойлова, зритель снисходительно смотритъ на авторскій промахъ и съ удовольствіемъ выслушиваетъ *тайну полѣсовщика*. Досадно только становится на ту часть публки, которая привыкла сочувствовать исключительно громкому вою и раздрающему слухъ крику. Публика эта, преимущественно наполняющая раекъ и мѣста за креслами, привыкла къ сильнымъ ощущеніямъ и на нее простой и истинный драматизмъ дѣйствуетъ какъ-то странно — она смѣется. Легко понять какъ артисту должно быть неприятно такое сочувствіе, какъ оно мѣшаетъ игрѣ, какъ расхолаживаетъ его увлеченіе. Впрочемъ, долженъ ли артистъ думать о райкѣ?... Есть, можетъ быть, такіе, что и думаютъ; но ужъ конечно г. Самойловъ не принадлежитъ къ числу ихъ — въ этомъ можно поручиться.

О дебютѣ г. Климовскаго сказать можно немногое: это молодой, очень молодой артистъ на маленькія роли. Голосъ у него небольшой, но довольно пріятный. Для перваго дебюта онъ сыгралъ, очень удовлетворительно, роль *Василія Горюна въ водевилѣ «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семень Ивановичъ»*. По-

томъ, онъ явился въ роли начальника чондаровъ въ оперѣ Обера «Влюбленная Баадерка». Опера эта, уже знакомая петербургской публикѣ, была дана, въ первый разъ по возобновленіи, въ бенефисъ г. Леонова. О достоинствахъ оперы говорить нечего, такъ какъ они давно уже оцѣнены. Роль Олифура исполнилъ очень хорошо г. Петровъ, неизвѣстнаго — довольно слабо г. Булоховъ, Нинки — весьма слабо г-жа Лаврова; г-жа Ршардъ, въ роли Золос, и Суровщикова, въ роли Фатьмы, танцовали прекрасно, особенно первая. Танцовщица эта имѣетъ полное право стать на ряду съ европейскими знаменитостями и даже многихъ оставить позади себя. Дай Богъ успѣха! Дай Богъ чтобы похвалы не вскружили прежде времени голову молодой танцовщицы и придали ей охоту къ труду, а не къ опочиванью на раннихъ лаврахъ — какъ это случилось со многими.

Въ бенефисъ г. Леонова шла еще новая французская комическая оперетка Адольфа Адана: — *Нюрнбергская кукла*. Музыка очень легка и граціозна. Содержаніе — произведеніе гг. Лавана и Артура Боплана въ переводѣ г. Куликова — нелѣпо до крайности. Вотъ оно, судите сами:

Корнеліусъ, игрушечный мастеръ (г. Петровъ) *повинулся* — это ясно доказывается тѣмъ, что онъ, Корнеліусъ, возмиѣлъ непремѣнное желаніе и надежду оживить, посредствомъ магіи, одну изъ своихъ куколъ и женить на ней своего сына Донотана (г. Марковецкій), малаго съ *придурью*. Кукла готова и диво свершится въ первое ненастье — такъ повелѣваетъ магія: прекрасно, подождемъ! У Корнеліуса въ домѣ живетъ племянникъ, онъ же и подмастерье, Миллеръ (г. Леоновъ), молодой человекъ, который никогда не прочь отъ стакана добраго вина, хорошаго обѣда или ужина, и не откажется поволочиться за хорошенькой дѣвочкой, какова, на примѣръ, Берта, цвѣточница (г-жа Самойлова). Миллеръ готовъ даже жениться на Бертѣ. Но это еще впереди, а покуда онъ собирается отправиться съ нею въ маскарадъ и потанцовать на славу. Надо вамъ замѣтить, что почтенный Корнеліусъ не совсѣмъ справедливо воспользовался правами дядюшки и, прибавъ къ рукавъ иѣкоторое достояніе Миллера, держитъ въ рукахъ и его

собственную особу. Но какъ ни строгъ дялюшка, племянничекъ находить случай повнѣть и повеселиться. И вотъ, однажды, въ отсутствіе своего патрона, Миллеръ нарядился чертомъ — такъ ему вздумалось — и поджидаетъ Берту. Берта пришла, но каково положеніе! она употребила свои деньги на доброе дѣло и лишилась, такимъ-образомъ, костюма, а слѣдовательно и возможности ѣхать на балъ.... Бѣда да и только! По счастью, Миллеру приходитъ прекрасная мысль — нарядить свою возлюбленную въ платье дялюшкной куклы. Великолѣпная мысль въ одну минуту исполнена и молодые люди могли бы теперь спокойно отправиться на балъ, еслибъ въ эту минуту, къ нему огорченію ихъ и ужасу, не воротилась дялюшка. Берта бѣжитъ въ мастерскую, а племянникъ въ попыткахъ гнѣзеть въ камень. Одна бѣда другую накликаетъ: на дворѣ подулалась непогода и Корнелиусъ рѣшается приступить немедленно къ исполненію давно задуманнаго плана. Донотанъ затапливаетъ камень, а Корнелиусъ начинаетъ заклинанія. Вслѣдствіе того и другаго, изъ камня появляется очень скоро дьяволъ и съ удовольствіемъ соглашается исполнить желаніе игрушечнаго мастера. Кукла принесена и по волѣ дьявола начинаетъ шевелить руками, ходить, танцуетъ и обнаруживаетъ даже аппетитъ. Да здравствуетъ магія! Дьяволъ исчезаетъ на минуту для хозяйственныхъ распоряженій касательно ужина. Въ его отсутствіе прекрасная кукла начинаетъ курлесить, весьма сильно доказывая, что она чертова кукла и что, слѣдовательно, Донотану жениться на ней — не рука. Самъ паненъка убѣжденъ въ этомъ и рѣшается уничтожить свое произведеніе. Явившійся дьяволъ узнаетъ отъ Корнелиуса, что кукла разбита въ дребезги. Въ ужасѣ, племянникъ сбрасываетъ маску и укоряетъ дялюшку въ убійствѣ Берты, прекрасной цвѣточницы. Какъ быть? Корнелиусъ долженъ возвратитъ племяннику его богатство или, въ противномъ случаѣ, отвѣчать за преступленіе. Само-собою разумѣется, онъ выбираетъ первое, а Миллеръ, и это также очень естественно, женится на Бертѣ, которая успѣла переодѣться и, слава Богу, не погибла... Честь и слава гг. Левану, Артуру Воплану и ихъ достойному переводчику — Куликову!..

Г-жа Самойлова и пѣла и играла очень хорошо. На ея мѣстѣ,

я; право, навсегда бы отказался отъ драмы — Богъ съ ней! Лучше съ успѣхомъ занимать роли по средствамъ, чѣмъ.... *какія-нибудь драматическія*. Гг. Петровъ и Леоновъ исполнили также свое дѣло очень хорошо. Г. Марковецкій... Г-ну Марковецкому слѣдовало бы кстатѣ шепнуть нѣсколько словъ по секрету. Крошечное замѣчанье, которое послужить, можетъ-быть, въ пользу и другимъ, не касается собственно исполненной имъ роли въ опереткѣ, нѣтъ—оно вызвано общимъ и постояннымъ недостаткомъ г-на Марковецкаго.

Дѣло въ томъ, что вообще всѣ артисты и артистки (артисты въ особенности) преимущественно держатся середины сцены. Такъ, положимъ, и должно быть по самому устройству театра — если артистъ не въ серединѣ, то изъ боковыхъ ложъ не видно его — противъ этого я и не спорю. Но, къ сожалѣнію, непремѣнное условіе быть на серединѣ сцены очевидно употребляется многими во зло и скромная будка суфлера играть, явнымъ образомъ, роль сильнѣйшаго магнита. Къ ней, къ этой будочкѣ, стремятся перѣдко многіе изъ артистовъ, на нее, на эту будочку, возлагаютъ всю свою надежду многіе изъ артистовъ и особенно часто г. Марковецкій (о другихъ когда-нибудь послѣ). Такая склонность къ суфлерской будкѣ влечетъ за собою тысячу самыхъ несприятныхъ послѣдствій. Во-первыхъ: публикѣ приходится, невольно прослушивать два раза одну и ту же роль — разъ отъ суфлера, другой отъ г. Марковецкаго; во-вторыхъ: г. Марковецкому очень трудно обдумать исполненіе роли, если онъ ея не знаетъ — что и замѣтно; въ-третьихъ: это доказываетъ, въ-какомъ-то образомъ, небрежность артиста, нелюбовь его къ искусству и неуваженіе къ публикѣ — качества не совсѣмъ-то похвальныхъ являющія и, особенно, въ молодомъ артистѣ, которому должно еще трудиться и долго и много; въ-четвертыхъ: это связываетъ всѣ движенія артиста и г. Марковецкій, конечно, чувствуетъ самъ, какъ онъ неловокъ, потому именно, что ухо его вѣчно приковано къ суфлерской будкѣ; въ-пятыхъ... но будетъ и этого. Г. Марковецкій, вѣроятно, не станетъ сердиться за правду и постарается поддержать достойнымъ образомъ хощее мнѣніе и постоянное вниманіе къ нему здѣшней публики. Грѣшно было бы ему поступить иначе !..

Чуть-было не забыть сказать, что въ бенефисъ г-жи Степановой давали всѣмъ хорошо знакомую оперу М. И. Глики «Жизнь за Царя» и дивертисементъ, составленный изъ танцевъ и пѣнья. Я, къ сожалѣнiю, не могу ничего сказать объ этомъ спектаклѣ по той простой причинѣ, что мнѣ не удалось его видѣть. Я былъ въ этотъ вечеръ въ Михайловскомъ театрѣ, о которомъ и пойдетъ теперь рѣчь. Не пугайтесь: она не будетъ длиною, не смотря на то, что новыхъ пьесъ на французской сценѣ поставлено довольно много.

ФРАНЦУЗСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Публики въ Михайловскомъ театрѣ, какъ и въ другихъ, бываетъ лѣтомъ весьма мало—и этому, конечно, никто не удивится. Даже новыя пьесы не производятъ желаемого дѣйствiя и развигрываются передъ малочисленнымъ собранiемъ отъявленныхъ театраловъ. Тѣмъ, распустившимся уже въ настоящее время, деревья, благоуханiе цвѣтовъ, свѣжій воздухъ, красивая мѣстность, рѣка, озеро, даже прудъ.— все это, воля ваша, нищетъ свои достоинства и привлекательность, а потому пустота театровъ лѣтомъ понятна.

Какъ бы то ни было, спектакли идутъ своимъ чередомъ и вы, если угодно, можете, оставаясь на дачѣ, познакомиться съ ними.

Во-первыхъ: бенефисъ г. Тетара. Давали: *Romulus* — комедию Александра Дюма сына. Двое ученыхъ: одинъ философъ Вольфъ (г. Тетаръ), а другой астрономъ Целестусъ (г. Варлэ) живутъ вмѣстѣ. У одного изъ нихъ, а именно Целестуса, есть прехорошенькая сестра Марта (г-жа Мальвина), которую Вольфъ любить давно, самъ того не сознавая. Можетъ-быть, онъ никогда бы не призналъ въ себѣ нефилософскаго чувства и ужъ, разумѣется, никакъ не открылъ бы его Мартѣ, еслибъ совершенно случайное обстоятельство не явилось на помощь его ученой застѣнчивости. Дѣло вышло, извольте видѣть, такое: однажды въ квартирѣ ученыхъ оказывается, Богъ вѣсть откуда, корзина, а въ корзинѣ—наврожденное дитя. Очень хорошо. Теперь вопросъ—чье это дитя? Бургомистръ сваливаетъ весь грѣхъ на Марту, хотя ему не слѣдовало бы заблуждаться, ибо дитя это ему съ родни по дочери, вступившей тайно въ бракъ съ какимъ-то изгнанникомъ. Истинный другъ познается въ несча-

сти. Чтобъ спасти честь молодой дѣвушки, Вольфъ предлагаетъ ей свою руку. Такое самопожертвованіе, ясно, можетъ быть только вълѣдствіе любви. Марта понимаетъ это очень хорошо, понимаетъ это и самъ почтенный философъ. Подъ конецъ пьесы открывается невинность Марты и, стало быть, Вольфъ можетъ отказаться отъ женитьбы, на которую рѣшился онъ только изъ великодушія. Но вотъ въ томъ-то и штука, что тутъ очевидно замѣшалась любовь — и философъ не отказывается.

Г-жа Мальвина и гг. Тетаръ и Варлэ — превосходно исполнили свои роли; что же касается до г. Невилля, занимавшаго роль бургомистра Бабенгаузена, то ему не мѣшало бы воздержаться нѣсколько отъ излишнихъ фарсовъ: способность карикатурить не доказываетъ еще дарованья, а скорѣе отсутствіе его.

Для начала спектакля шель довольно забавный фарсъ: *Le télégraphe électrique*, разыгранный очень живо гг. Верлэ, Пешена, г-жею Лемониль и др. У нѣкоего Бигорно, живущаго въ Парижѣ, есть племянница Клара, рука которъ давно обѣщана директору лонскаго телеграфа Канетту. Молодой человѣкъ Тиволи, влюбленный въ Клару, служитъ чиновникомъ при парижскомъ телеграфѣ и рѣшается воспользоваться своимъ положеніемъ. Всѣ любезныя посланія отъ г. Бигорно къ Канетту и обратно, передѣлываетъ Тиволи по своему усмотрѣнію и, благодаря его стараніямъ, друзья ссорятся, а самъ онъ, какъ это водится обыкновенно, къ концу пьесы женится на Кларѣ. Въ пьесѣ многое множество хитросплетеній, но они не составляютъ сущности содержанія и потому я пропускаю ихъ. Публика смѣется и, стало быть, довольна.

Въ *Colombine-Somnambule* г-жа Мила и г. Тетаръ танцуютъ премило польку, которая очень понравилась публикѣ.

Въ водевилѣ *Adrien le souverain* отличался бенефициантъ. Крошечника Адриена принимаютъ за сына герцога де-Бюфора, — на этомъ *quiproquo* основана вся пьеса. Г. Тетаръ игралъ хорошо и потому незамысловатый водевилъ этотъ кажется понравился зрителямъ. О вкусахъ не спорятъ и слѣдовательно положимъ, что водевилъ хорошъ.

Бенефисъ г. Невилля состоялъ изъ четырехъ новыхъ пьесъ и одной старой. Старая пьеса *Le troisième mari* дана была въ началѣ спектакля и разыграна прекрасно г-жами Мила и Маль-

вила и гг. Тетаръ и Верне. — Les erreurs du bel-âge — водевилъ гг. Ксаэе, Варела и Дюмутъ—очень забавенъ и производитъ въ публикѣ неудержимый смѣхъ. *Jacquot ou dix têtes dans un bonnet*, водевилъ, написанный собственно для г. Невилля, который передразниваетъ парижскихъ комиковъ — не имѣеть, по моему мнѣнію, на нашей сценѣ особеннаго значенія, такъ какъ весьма немногіе изъ зрителей могутъ судить о сходствѣ подражанія съ оригиналами. Въ Парижѣ, говорятъ, г. Невилль имѣлъ большой успѣхъ въ этой пьесѣ на сценѣ театра *Variétés*, — очень вѣроятно.

Чтобы кончить о бенефисѣ г. Невилля, скажу что комедія-водевилъ *Une soubrette de qualité* неправдоподобна въ высшей степени и одолжена нѣкоторымъ успѣхомъ только игрѣ г. Невилля и Дѣшана и г-жи Мила. О фарсъ «*M-e Gibou et m-e Pochet ou le thé chez la gavadeuse*», гдѣ гг. Тетаръ и Невилль занимаютъ женскія роли и танцуютъ съ половыми щетками польку-фротска (отъ глагола: *frotter* — *натирають*) — говорить не считаю нужнымъ. Такихъ пьесъ можно бы и не давать — никто ратно, я полагаю, не потерялъ бы отъ этого.

Изъ новыхъ пьесъ слѣдуетъ упомянуть объ очень недурной комедіи-водевилѣ въ 2-хъ дѣйствіяхъ: *L'impertinent*, wprowadzenіи гг. Баара и Делада. Роландъ де-Фижакъ (г. Мондидь), отчаянный шалунъ, волокита и дуэлянтъ, дорого платится за похождения своей бурной молодости: ему выкололи глазъ, ранили руку и ногу. Это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ Генриеттѣ де-Комонъ (г-жа Вольнисъ) любить отчаяннаго кутилу. На ея бѣду Роландъ собирается жениться на Алинѣ (г-жа Мальвина), внучкѣ г-на де-Людимара (г. Невилль). Между-тѣмъ у Алины есть уже избранный — племянникъ г-жи де-Комонъ, Гекторъ (г. Дюшанъ), молодой человекъ весьма пылкаго нрава, который во что бы ни стало хочетъ убить своего соперника, убить, конечно, на дуэли. Роландъ рассказываетъ, въ поученіе молодому забіякѣ, свои собственные похождения и дѣло кончается тѣмъ, что Гекторъ женится на Алинѣ, а Роландъ на Генриеттѣ. Пьеса нѣсколько растянута, но небольшой недостатокъ этотъ, при увлекательной игрѣ г. Мондидье и г-жи Вольнисъ, почти не замѣчается. Пьеса эта шла превосходно и очень понравилась публикѣ.

Еслибъ я не боялся заскучать читателю, я бы могъ разсказать еще о нѣкоторыхъ новыхъ французскихъ пьесахъ, такъ напримѣръ: о комедіи-водевилѣ: *Les malheurs heurieux*, о комедіи: *Chasse au lion* и др... но на этотъ разъ довольно; не скажу даже ничего о Нѣмцахъ — о нихъ при слѣдующемъ свиданіи (загородныя гулянья.)

Теперь оставляю Петербургъ и приглашаю васъ за городъ. Вообразите, что погода очень хороша, что на небѣ нѣтъ ни одного сѣраго облачка, что солнце во всей своей красотѣ освѣщаетъ и грѣетъ міръ Божій. Вообразите, что вы сѣли въ вагонъ и, окруженные самымъ отборнымъ и пріятнымъ обществомъ прекрасныхъ дамъ и остроумныхъ джентльменовъ, отправляетесь въ Павловскъ. Короткое время, нужное для переѣзда туда изъ Петербурга, проходитъ, виновать, пролетаетъ незаметно. Почтенная дама, искусно прикрывая свой, единственный впрочемъ, недостатокъ—глухоту, жалуется на непріятный шумъ отъ поѣзда, который мѣшаетъ ей слышать интересный разсказъ господина благородной наружности о занимательномъ путешествіи его на Востокъ. Молодой джентльменъ съ блѣдыми лицомъ и большими черными глазами, живописно завернувшись въ плащъ, подбитый бархатомъ, бомбардируетъ взглядомъ неопытное сердечко прелестной блондинки. Блондинка эта ѣдетъ, съ своею маменькой, посмотрѣть въ первый разъ павловскій вокзалъ и послушать Гунгля и, нѣтъ сомнѣнія, ей будетъ тамъ очень весело. Вопросъ: успеетъ ли молодой джентльменъ съ черными глазами завоевать крѣпость въ короткое время переѣзда? Вотъ интересная дама въ траурѣ: это неутѣшная вдова и если она не сожгла себя тотчасъ по кончинѣ своего супруга, то потому только, что это не принято у насъ. Но, все равно: вдова считаетъ себя умершею, всѣ удовольствія ей опостыли; для нея собственно не существуетъ никакой разницы между сидѣніемъ въ одиночествѣ и посѣщеніемъ публичныхъ гульбищъ. Она могла бы остаться дома, но, такъ ужъ и быть, поѣхала въ Павловскъ. Худенькій господинъ пріютился за полною сосѣдкою — это мужъ и жена. Трогательная картина: жена обмахивается носовымъ платочкомъ, а мужъ за нею, какъ за каменною стѣною, безвечно дремлетъ, подъ шумокъ поѣзда и разговора, вадрагивая только при гром-

комъ чиханіи своего vis-à-vis. Разговоръ завязался очень интересный:

— Милостивый государь! — говоритъ одинъ господинъ въ соломенной фуражкѣ — позвольте еще вашего табачку.

— Милостивый государь! — отвѣчаетъ ему господинъ въ сѣрой шляпѣ. — Вы мнѣ надоѣли, не прошло десяти минутъ, а вы ужъ десятый разъ нюхаете мой табакъ.

— Помилуйте-съ, извините что обезумѣю.

Окружающее общество улыбается. Какой-то дамѣ сдѣлалось дурно.

— Что съ нею? отчего? — спрашиваютъ многіе съ участіемъ.

— Любимая собачка задохлась въ сакъ-воляжѣ — это ужасно! Вотъ что значить не исполнять предписанныхъ правилъ!

— Ахъ! вскрикиваетъ въ испугъ молодая особа въ лиловой шляпкѣ — мертвое тѣло! Выкиньте, выкиньте его!...

Общая суматоха, во время которой поѣздъ прибываетъ на станцію Царскаго-Села. Нѣсколько новыхъ пассажировъ увеличиваютъ разнообразіе общества и вносятъ новый элементъ разговора. Дѣло идетъ о будущихъ скачкахъ вообще и объ англійскихъ скакунахъ въ особенности. Говорятъ и о погодѣ—и это очень естественно, потому-что накрапываетъ дождь. Какъ жаль, придется сидѣть въ воксалѣ! Народу ѣдетъ много, будетъ душно въ залахъ. Вотъ и Павловскъ, какъ скоро пройдетъ время въ пріятномъ обществѣ и интересныхъ разговорахъ. Вотъ и Гунгль: послушайте какую прелестную польку играетъ онъ — какъ весело въ Павловскѣ! Пусть дождь льетъ себѣ какъ изъ ведра, пусть черныя тучи заволокли небо, пусть деревья гнутся и трещать отъ сильнаго вѣтра. Это не помѣшаетъ никому толкаться въ залахъ воксала и слушать Гунгля. Молодой джентельменъ съ черными глазами станетъ продолжать начатое имъ дѣло. Неутѣнная вдова встрѣтитъ, можетъ-быть, кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Всѣмъ будетъ хорошо и весело—это непремѣнное условіе всѣхъ петербургскихъ загородныхъ гуляній.

У Иалера, напримѣръ, на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ, надѣюсь, никто не пожалуется на скуку. Самыя афони уже располагаютъ человѣка къ удовольствію. Потомъ оркестръ подъ управленіемъ Луида, — развѣ не пометь г. Луидъ дари-

жировать такъ же искусно, какъ дѣлалъ это прежде г. Гунгль! Представленія г. Рапо, въ случаѣ хорошей погоды. Воздушное путешествіе г. Регенти... Положимъ даже, что онъ никогда не полетитъ, но самые сборы весьма интересны!.. Еще оркестръ!.. Да помилуйте, неужели всего этого мало, неужели для такихъ наслажденій не стоитъ проѣхать въ Новую Деревню? Если у васъ нѣтъ своего экипажа, — къ услугамъ вашимъ общественная карета. Удобная машина, я говорю о каретѣ, перевезетъ васъ, въ многочисленномъ обществѣ, въ какія-нибудь полтора часа и стоить это: пятнадцать копѣекъ! — Необыкновенно дешево, если принять въ расчетъ предстоящія удовольствія и удовольствія самаго путешествія.

А поѣздка по морю, т.-е. по заливу на восточный кронштадтскій рейдъ! А Екатерингофъ, гдѣ за входъ, кажется, ничего не платится! А Петровскій паркъ, съ вновь устроенною палаткою! А курсъ леченія минеральными водами въ Александровскомъ паркѣ, съ прогулкою утромъ отъ 6½ до 10 часовъ и съ оркестромъ музыки!..

Если вы, читатель мой, проводите лѣто гдѣ нибудь далеко отъ Петербурга, въ своей деревнѣ, то, я увѣренъ, при чтеніи моихъ замѣтокъ о здѣшнихъ загородныхъ гуляньяхъ, вамъ загруснется. Рыбная ловля подъ зеленымъ кустикомъ, преслѣдованіе кулика по болотамъ или зайца по широкимъ полямъ, сѣнокосъ, прогулки и собираніе грибовъ въ темномъ бору, чудное раннее утро, великолѣпный закатъ солнца, ароматы сѣна и цвѣтовъ и даже поучительная бесѣда съ сосѣдомъ объ англійскихъ плугахъ... все это покажется вамъ ничтожнымъ и скучнымъ. Вы захотите въ Петербургъ, въ Павловскъ, въ Новую Деревню... непременно! Если же этого не случится, если вы только улыбнетесь на мое тщетное усиліе плѣнить васъ, я дѣйствительно стараюсь объ этомъ, если вы найдете, что въ вашей деревнѣ лучше чѣмъ въ Новой Деревнѣ... то вина моя — и пусть всѣ петербургскія окрестности называютъ меня плохимъ фельетонистомъ. Пусть дождь льетъ каждый разъ, какъ только я вадумаю выѣхать за городскую черту. Пусть недостойная лира моя разобьется въ дребезги! Я виноватъ кругомъ!!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

МОДЫ.

При нынѣшней погодѣ, когда ртуть поднимается въ тѣни до двадцати-семи градусовъ, когда ни маркизы на окнахъ, ни даже близость рѣки не спасаютъ отъ жара, — мода одѣлась въ ткани, самыя свѣтлыя, прозрачныя, легкія — я сказала бы, какъ воздухъ, если бѣ онѣ не были легче теперешняго воздуха, не освѣженнаго ни одной грозью.

Въ такую пору господствуютъ только барезжъ, фуляръ, кисей и прелестный жаконъ съ широкими полосами, какъ на шелковыхъ платьяхъ, напримѣръ лиловый съ бѣлымъ, и друг.

Волапы болѣе и болѣе входятъ въ милость: ихъ бываетъ по три, четыре, даже по пяти на платьѣ. Грустно сознаться, но женщина въ такомъ платьѣ очень похожа на колокольчикъ.

Форма мантилій очень разнообразна: *жипси*, *шеврѣзъ*, *фонтанжъ*, и проч.: прелестныя созданія Демилла изъ кружевъ, блондъ и рюшу.

Фасонъ шляпокъ не измѣнился: это я повторила уже восемь мѣсяцевъ сряду — въ морозномъ декабрѣ и знойномъ июлѣ; но теперь я даже готова заключить съ ними перемиріе — на лѣто, во-первыхъ потому, что уборка изъ блондъ и цвѣтовъ чрезвычайно мила; во-вторыхъ, что шляпки сдѣлались гораздо легче — то-есть не имѣютъ рѣшительно никакого вѣсу, невѣсомыя — съ-тѣхъ-поръ какъ каркасъ дѣлаютъ изъ тюля, а не изъ соломки, какъ бывало прежде; въ-третьихъ, что рюшъ, которымъ обшиваются поля сверху и снизу, чудесно идетъ къ лицу, въ то же время какъ цвѣтъ его много выигрываетъ отъ блондъ и цвѣтовъ.... Кажется, достоинствъ этихъ очень довольно, чтобы простить важный недостатокъ. Пусть только модистки прибавятъ поля на одинъ палецъ, даже на два — и тогда шляпки эти будутъ совершенствомъ. Впрочемъ, кто же изъ насъ рѣшится произвести эту реформу, не боясь прослыть антикомъ, нинсвійской древностью?

La Mode assujettit le sage à sa formule;

La suivre est un devoir, la fuir un ridicule.

Это — самое утѣшительное правило.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	стр.	
Мечты и действительность. Соч. автора «Наслѣдства»	.	✓
Часть вторая.....	1	✓
Тоже. Часть третья.....	105	✓
Записки купца Жаркова. Статья вторая.....	82	✓
Тоже. Статья третья.....	184	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Записки мистра Желтопюна. Романъ Теккерея. Часть первая.....	4	✓
Тоже. Часть вторая и послѣдняя.....	59	✓
Сусанна Дюшмэнь. Романъ Людвига Ульбаха. Часть первая.....	112	✓

III. — IV.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Воспоминанія о ловлѣ звѣрей въ Сибирь. Статья третья и послѣдняя. С. Череманова.....	1	✓
Изъ Парижа въ Черногорье. Путевыя замѣтки К. Мармье. Статья третья и послѣдняя.....	33	✓
Путешествіе въ Луристанъ и въ Аравистанъ. Статья первая.....	117	

V.

КРИТИКА.

✓ Дѣйствія Суворова въ Турціи, въ тысяча семь-сотъ-семь-десять третьемъ году. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ <i>Саковичъ</i> . Спб., 1853 года. <i>О. Секковскаго</i>	1
---	---

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1854. Новыя книги.....	1
Старыя книги.....	1
Май, 1854. Новыя книги.....	1

VII.

СМѢСЬ.

М а й.

✓ Воспоминанія странствующаго врача. <i>С. Максимова</i>	1
Смитсонское учрежденіе въ Вашингтонѣ.....	25
Замѣтки путешественника вокругъ свѣта: — Японія и Китай во французской литературѣ. — Золотистый колоритъ восточныхъ зданій. — Еще хрустальный дворець. — Утѣшительныя объявленія. — Жизнь ратоборство на перьяхъ. — Теорія приличій. — Бородатые и безбородые. — Читальная зала Британскаго Музея. — Населеніе Лондона. — Признательность географіи къ великимъ людямъ. — Музыкальная отрада Американцевъ. — Словечко Россіи. — Искатели академическихъ кресель. — Забытая знаменитость. — Тринадцать за столомъ. — Искусственное разведеніе рыбы. —	

О средствахъ къ познанію первобытнаго состоянія американскихъ народовъ. — Окаменѣлый змѣй. — Вновь открытые памятники на Аппіевой дорогѣ. — Предохраненіе дерева отъ гнилости. — Искусственная словяная кость. — Метеорное желѣзо. — Добываніе цвѣтнаго шелку изъ червей. — Сбереженіе овощей. — Открытія въ вавилонской исторіи. — Новости англійской и американской литературы..... 32

Замѣтки петербургскаго жителя: — Чѣмъ занять Петербургъ. — Увеселительный городокъ — Благотворительность. — Нѣмецкіе спектакли. — Русскіе спектакли. — Французскіе спектакли. — Некрологъ. — Публичныя лекціи М. С. Хотинскаго. — Новости въ будущемъ..... 81

Музыкальныя новости. *М. М.*..... 102

Моды..... 105

І ю н ъ .

Оливье. Разсказъ *Жюль Сандо*..... 107 ✓

Швеиц. Очеркъ *С. Максимова*..... 126 ✓

Квартирная хозяйка моего пріятеля (Очеркъ первый). *Петербургскаго жителя*..... 152 ✓

Замѣтки путешественнаго вокругъ свѣта: — Почтовое устройство въ Турціи. — Почтовая контора и почмейстеръ; приходъ почты и сортировка писемъ; вещи непопатыя для Европейца. — Альпійскіе ледники и восхожденіе на Галенштокъ. — Китайскіе акробаты. — Итальянская и Большая Опера въ Парижѣ. — Образцова гостиница въ американскомъ вкусѣ. — Ветшный рынокъ въ столицѣ моды. — Охота на льва. — Будущія выставки въ Минхенѣ. — Каталогъ Бодленовой библіотеки. — Академія наукъ въ Санъ-Франсиско. 177

Замѣтки петербургскаго жителя: — Петербургъ лѣтомъ. — Мелкіе промышленники. — Находчивость русскаго мужика. — Лѣтній садъ. — Перемѣщеніе Исакіевскаго моста. — Освященіе новой часовни. — Колпино. — Равнодушіе къ великимъ людямъ. — Какъ должно по-

лагаться на нянюшекъ. — Дебютъ Рыбакова. — Не-
сколько словъ о Максимовъ и Самойловъ. — Леони-
довъ въ новой роли. — О Жулевой и Самойловъ. —
Дебюты Климовскаго. — Возобновленная опера Обе-
ра. — Новая опера Адана. — Исполненіе ея на нашей
сценѣ. — О суфлерской будкѣ и Марковецкомъ. —
Бенефисъ Степановой. — Бенефисы: Тетара и Невк-
ля. — Новыя французскія пьесы. — Повѣдка въ Пав-
ловскъ. — Путешествіе къ Излеру. — Прогулка по
морю. — Екатеринбургъ..... 213
Моды..... 234

cb

APR 2 1937

